И. С. АКСАКОВ

СЛАВЯНОФИЛЬСТВО
И ЗАПАДНИЧЕСТВО

И. С. АКСАКОВ

СЛАВЯНОФИЛЬСТВО
И ЗАПАДНИЧЕСТВО

Иван Сергеевич Аксаков
Фотография. Конец января 1869 г. Российская национальная библиотека

Институт русской литературы
Пушкинский Дом
Российской академии наук

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук
Центр по изучению традиционалистских направлений
в русской литературе Нового времени

И. С. АКСАКОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ДВЕНАДЦАТИ ТОМАХ

Редакционная коллегия:
Е. И. Анненкова, Д. П. Бак, А. Г. Гачева,
А. П. Дмитриев (*главный редактор*), Б. Ф. Егоров,
С. В. Мотин, Д. А. Федоров

Росток
2022
Санкт-Петербург

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук
Центр по изучению традиционалистских направлений
в русской литературе Нового времени

И. С. АКСАКОВ

СЛАВЯНОФИЛЬСТВО И ЗАПАДНИЧЕСТВО

Издание подготовили
А. П. Дмитриев и *Д. А. Федоров*

Росток
2022
Санкт-Петербург

ББК 83.3(2Рос=Рус)1
УДК 821.161.1-4
А41

Ответственный редактор
доктор филологических наук *А. П. Дмитриев*

Рецензенты
доктор филологических наук *В. Е. Ветловская* (ИРЛИ РАН)
доктор филологических наук, профессор *О. В. Евдокимова*
(РГПУ им. А. И. Герцена)

Составление
А. П. Дмитриева

Подготовка текста, комментарии
А. П. Дмитриева и *Д. А. Федорова*

А41 Аксаков И. С.
Собрание сочинений: в 12 т. Т. 2: Славянофильство и западничество / издание подготовили А. П. Дмитриев и Д. А. Федоров; Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. — СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2022. — 896 с., ил.

Впервые в наши дни издается Собрание сочинений Ивана Сергеевича Аксакова (1823—1886), выдающегося русского мыслителя, общественного деятеля, публициста, поэта, литературного критика, одного из вождей славянофильства и основоположников национально ориентированной идеологии.

Во второй том вошли произведения, посвященные взаимоотношениям русско-православной, национально ориентированной идеологии — с либерально-западнической, опирающейся на ценности и достижения католическо-протестантской цивилизации. Центральное место среди них занимают передовые статьи о русском мировоззрении, о месте России в европейском сообществе, о самобытном пути ее исторического развития. Ряд материалов — не пропущенные цензурой статьи, заготовки для передовиц, неизвестные редакции статей — извлечен из архивов и публикуется впервые.

Издание адресовано читателям, интересующимся историей русской консервативной и религиозной мысли и литературно-общественного движения 1840—1880-х гг.

ISBN 978-5-94668-145-2
ISBN 978-5-94668-244-2 (т. 2)

© Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Собрание сочинений И. С. Аксакова, 2022
© А. П. Дмитриев, составление, подготовка текста, комментарии, указатель имен, 2022
© Д. А. Федоров, подготовка текста, комментарии, 2022
© ООО «Издательство “Росток”», 2022

<Н. П. Гиляров-Платонов>

ПРЕДИСЛОВИЕ <К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ>

В этом томе, под общим заглавием «Славянофильство и западничество», помещаются те статьи И. С. Аксакова, в которых по преимуществу раскрывались самые основы славянофильского учения о русской народности, о русской самобытности, о развитии народного самосознания, об отношениях России к западноевропейскому миру, о различии начал и задач русской и западноевропейской жизни, о различии древнерусского допетровского и нового послепетровского строя и развития русской жизни, о жалких последствиях отступления от народных начал, искажениях народности, подделке под народность и т. под. Об этих предметах всего больше любил говорить И<ван> С<ергеевич>, находя разъяснение их в высшей степени необходимым для развития общественного самосознания. Мысли, раскрываемые в этих статьях, в основе нельзя назвать принадлежащими исключительно И. С.: они, как уже сказано, составляют выражение целого учения, совместно выработанного незабвенными деятелями самобытной русской мысли — Хомяковым, братьями Киреевскими, Ю. Самариным, К. С. и И. С. Аксаковыми при участии некоторых других близких друзей славянофильского кружка. Но поистине никто более И. С. Аксакова не сделал для развития основ славянофильского учения и распространения их в общественном сознании, для применения их к самым разнообразным сферам и вопросам общественной и политической жизни. Этим по преимуществу отличается публицистическая деятельность И. С. По поводу каждого сколько-нибудь значительного общественного события, по поводу каждого частного вопроса он, не ограничиваясь ближайшими частными разъяснениями общественных явлений, старался приводить читателей к самым корням — самым основам народного самосознания, на которых он сам неуклонно держался. В этом его нередко и упрекали такие из читателей, которых более занимает случайное чтение, интерес частных явлений общественной жизни. Но публицист-мыслитель, горячий пропагатор[1] известного учения имел в этом случае более серьезные цели, чем простое возбуждение и удовлетворение случайных общественных вкусов; и если при этом нередко приходилось ему в своих статьях возвращаться к одним и тем же темам, повторять и повторять развитие одних и тех же идей, это, конечно, вызывалось известным состоянием общественного сознания, которое хорошо было ведомо автору. От этого-то в полном собрании и отдельном издании публицистические статьи И. С. Аксакова получают особенный характер, какой едва ли могли бы иметь собранные вместе статьи какого-нибудь другого публициста. Писанные по разным случаям, на разные темы, статьи И. С. являются при этом все проникнутыми одною общею мыслию, одним неизменно верным себе и горячим убеждением, являются раскрытием одного и того же учения в разных его сторонах и применениях, и притом учения в высшей степени самобытного и народно-русского. И в этом-то заключается причина, почему публицистические статьи И. С. не только могли иметь значение для современных ему читателей, но, может быть, еще более будут иметь для поколений позднейших, воспитывая их в духе самобытного, народного русского воззрения. Другая черта, по которой статьи И. С. могут представлять

не временный только публицистический, но более прочный, художественно-литературный интерес, заключается в самой их внешней форме — в изложении. Наследник лучших литературных традиций, человек с высокоразвитым эстетическим вкусом и природным, можно сказать, наследственным литературным талантом, строгий чтитель и блюститель достоинства литературной формы, чистоты и изящества языка, И. С. в своих статьях, даже писанных и наскоро, и под особенным влиянием каких-либо возбуждавших и волновавших его настроений и чувств, никогда не допускал неряшливости, небрежности, необработанности и тем более чего-либо нравственно-нечистого и недостойного. В полном собрании сочинений эти черты литературной деятельности И. С. выдаются еще цельнее и выпуклее, чем в отдельных публицистических статьях. Не говорим о других, чисто нравственных свойствах литературной деятельности И. С., так отличавших ее в ряду других произведений публицистической литературы: о постоянно возвышенном духовном настроении, с каким он писал свои статьи, о серьезнейшем, можно сказать — благоговейном отношении к служению *публициста*, непреклонной честности, гражданском мужестве, свободе, искренности, независимости убеждений, горячности и одушевлении, с какими он раскрывал свои задушевные идеи и отстаивал дорогие народные интересы. По всем этим свойствам статьи И. С. всегда и, независимо от их содержания и тех частных поводов, по которым они писаны, навсегда останутся образцовыми произведениями, имеющими не временный только публицистический, но и общий литературный интерес. Поэтому есть основание думать, что изданием собранных статей И. С. не только удовлетворяется желание ближайших к нему, любивших и любящих его людей, но и выполняется серьезный литературный и общественный долг.

Статьи и в этом томе, как и в прежде вышедшем («Славянский вопрос»), располагаются в хронологическом порядке, как они печатались в газетах «День», «Москва» и «Русь». В издаваемом томе, по заявлению некоторых из читателей, над каждою статьею сделано краткое заглавие. Этими заглавиями, конечно, не обнимается вполне содержание статей, но они все-таки могут служить некоторым пособием для читателей, которые затрудняются разбираться в большой книге с предметами разнообразного содержания.

<Р. С. Россоловский>

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ПО ПОВОДУ ВТОРОГО ИЗДАНИЯ

В предисловии к первому изданию II-го тома Полного собрания сочинений И. С. Аксакова, перепечатанному ниже, сообщено в кратких и сжатых чертах существо содержания и общий характер статей И. С. Аксакова, включенных в этот II-й том. Представляя изложение основ славянофильского учения в применении и пояснении к отдельным случаям нашей прошлой и современной общественной и государственной жизни, этот II-й том сочинений Ивана Сергеевича Аксакова под общим заглавием «Славянофильство и западничество» был встречен русскими читателями с особым интересом. Уже давно первое издание II-го тома вполне разошлось. Этим обстоятельством вызвано появление ныне II-го тома *вторым* изданием — которое является дословной перепечаткой первого издания, без каких либо изменений и дополнений.

СТАТЬИ ИЗ ГАЗЕТЫ «ДЕНЬ»

(1861—1865)

1861

<ВОЗВРАТ К НАРОДНОЙ ЖИЗНИ ПУТЕМ САМОСОЗНАНИЯ>

Мелкий дождь моросит не переставая; сыро, мокро, скользко, серый туман, как войлок, облегает небо; воздух тяжел и удушлив; холодно, жутко, кругом грязь и слякоть, земля как болото, все рыхло, все лезет врозь. Осень.

Безотрадно путнику. Но что же внезапно, сквозь туманную пелену воздуха, поражает, и приковывает, и радует его взор, и как-то свежит и молодит душу?.. Это озими, это изумруды полей в черной раме осенней грязи, это зеленые всходы будущей жатвы, молодые ростки добрых хлебных зерен!

И мы всей душой, всем сердцем — душой, наболевшей от долгого тщетного ожидания, сердцем, не устававшим любить и верить, — с радостным упованием приветствуем молодые, зеленые всходы русской земли, первые шаги пробуждающейся народной жизни! Для нас, в современной действительности, действительно только одно — подъем народного духа, проснувшийся, оживший, повеселевший народ. 19-м февраля 1861 года[1] начинается новое летосчисление русской истории...

Вне народной почвы нет основы, вне народного нет ничего реального, жизненного, и всякая мысль благая, всякое учреждение, не связавшееся корнями с исторической почвой народной или не выросшее из нее органически, не дает плода и обращается в ветошь. Все, что́ не зачерпывает жизни, — скользит по ее поверхности и тем самым уже осуждено на бессилие и становится ложью. И сколько накопили мы лжи в течение нашего полуторастолетнего разрыва с народом!.. Это не значит, чтобы до разрыва не было у нас ни зла, ни мерзостей: их было много, но то были пороки, порождения грубости и невежества. Только после разрыва заводится у нас *ложь*: жизнь теряет цельность, ее органическая сила убегает внутрь, в глубокий подземный слой народа и вся поверхность земли населяется призраками и живет призрачною жизнью!

И на каком же широком просторе разгулялась, да еще и разгуливает эта ложь! Все внутреннее развитие, вся жизнь общества, как проказой, поражены и растлены ею. Ложь! Ложь в просвещении, чисто внешнем, лишенном всякой самодеятельности и творчества. Ложь в вдохновениях искусства, силящегося воплотить чуждые, случайные идеалы. Ложь в литературе, с надменною важностью разрабатывающей задачи, созданные историческими условиями, чуждыми нашей народной, исторической жизни; в литературе, болеющей чужими болезнями и равнодушной к скорбям народным. Ложь в порицании нашей народности не в силу негодующей, пылкой любви, но в силу внутреннего нече-

стия, инстинктивно враждебного всякой святыне чести и долга [2]. Ложь в самовосхвалении, сопряженном с упадком духа и с неверием в свои собственные силы. Ложь в поклонении свободе, уживающемся рядом с побуждениями самого утонченного деспотизма. Ложь в религиозности, преданности вере, прикрывающей грубое безверие. Ложь в торжестве диких учений, созданных бесстыдным невежеством, безбоязненно оскорбляющим общественную совесть и не смиряющимся пред очевидною несокрушимою крепостью коренных основ народной жизни. Ложь в легкомысленной гоньбе за новизною под чужестранною фирмою прогресса и цивилизации. Ложь в гуманности и образованности, которыми, в своей систематической непоследовательности, щеголяет наше общество, допускающее без разбора самые несовместимые начала, закрывающее глаза от выводов, обходящее сознательно все основные вопросы, раболепствующее всем модным кумирам современности и выдающее за подвиг высокого благородства и терпимости — дешевое уменье замазывать, не разрешая, самые непримиримые противоречия!.. Страшное, невиданное сочетание ребяческой незрелости со всеми недугами дряблой старости, — и при всем том — исцеление возможно и даже несомненно! Мы это все чувствуем, мы даже не можем усомниться в том искренно, и заря нашего спасения уже брезжит! [3]

Недуг громаден, но соразмерна ему и громадная крепость организма. Русь сладит с болезнью. Народ сохранил в себе запас силы не потраченной, уберег свои коренные начала, не поддался никаким опасным искушениям и соблазнам, не освятил добровольным участием и согласием никакого существенного нарушения своего внутреннего строя, не уложился ни в одну заготовленную форму заграничного изделия, — и этим своим безучастием, бездействием, этою благодетельною неподвижностью, так часто осмеянною и непонятою, спас себя и нас и воздействовал на оторванных своих членов... В нас пробудилось сознание.

Да, изо всех испытаний, пережитых и переживаемых Россией, мы вынесли, теперь драгоценнейшее благо, залог нашего будущего выздоровления: понимание нашей болезни, способность глядеть ей прямо в лицо, не отворачивая смущенного взора; сознание лжи, заедающей наши силы, и в то же время сознание нашей народной сущности, сознание начал, развитие которых составляет условие нашего спасения и наше призвание в истории человечества. Поблагодарим Провидение! В мудром строении Божием, в общей экономии истории — пережитые нами испытания должны занять свое законное место, принести благие плоды, и кто знает, может быть, этот самый мучительный разрыв был нам спасителен и нужен.

Почему?

Слаба, ненадежна народность, не вооруженная сознанием, опирающаяся на одну непосредственность быта. Чем шире и свободнее от односторонности народные начала, тем труднее вполне соответственное их выражение на земле, тем необходимее полнота сознания для правильного и стройного их проявления в жизни. — Кажется, Провидению угодно вести Россию, и не только Россию, но и все славянские народы, этим особенным, строгим путем развития, путем, на котором, говоря языком философским, анализ возвращает народы к синтезу жизни снова, не разрушая его силы, но утверждая его и сливаясь с ним в цельном явлении духа. Ни одно славянское племя не было освобождено от этого испытания: каждое из них, как известно, подвергалось и подверга-

ется опасности утратить свою народность; многие племена не выдержали и погибли, но бóльшая часть из них возродилась или возрождается вновь трудным *подвигом самосознания.*

Удивительное дело! Казалось, исчез народ, сам забыл о своем существовании, — и вот — кафедра ученого исследователя возвращает его к жизни[5], и полумертвый труп оживает, согретый солнцем мысли! Мы думаем, что племена славянские не успокоятся, и хаос славянского мира останется хаосом до тех пор, пока сила пробужденного самосознания не выработает формы жизни, более или менее соответственные особенным, внутренним требованиям славянской народности.

К такому же жизненному испытанию, к такому же духовному подвигу призвана и Россия. Мучительным, медленным процессом добывалось и у нас наше самосознание, и не напрасно жили и потрудились для него подвижники русской мысли: Киреевские, Хомяков и Константин Аксаков. Точка зрения, добытая, постановленная и выраженная ими, составляет, по нашему убеждению, поворотную точку в истории русского просвещения и, как маяк, озаряет дальнейший, предлежащий нам путь развития. Не пускаясь здесь в пространные рассуждения, скажем кстати, что знамя нашей газеты есть знамя «Русской Беседы» [5], знамя русской народности, понятой и определенной Киреевскими, Хомяковым, Аксаковым Константином и всей так называемою славянофильскою школой. Каждому беспристрастному читателю известно теперь, что это учение, независимо от личных уклонений последователей, чуждо односторонности и исключительности относительно Запада и что все обвинения подобного рода были изобретены во время оно недобросовестностью или непонятливостью, а всего чаще увлечением противных направлений. Впрочем, кажется, эти обвинения в настоящее время едва ли уже не рассеялись сами собою. По крайней мере, мы с радостью видим, что многие из выработанных славянофильскою школою положений — уже обратились теперь в общее достояние и нашли себе защитников и в других органах нашей печати[6].

Но возвратимся к предмету нашей беседы.

Итак, мы имеем теперь перед собою два явления, составляющие существеннейшие условия нашего будущего развития: с одной стороны — плод полуторастолетнего периода, выработанное сознание наших народных начал, пребывающее, однако, еще в области отвлеченной, отрешенной от жизни; с другой, как бы в соответствие этому движению мысли, — движение и пробуждение самой жизни народной, вызванное великим делом 19-го февраля.

Обе стороны, обе разорванные половины подвигаются друг к другу, и только слияние их может восстановить ту цельность общественного организма, без которой невозможны никакие правильные отправления жизни общенародной.

Но это сближение не должно быть понимаемо одним внешним образом.

Сколько ни приписывайся к волостям, сближения не достигнешь, пока не соединишься с народом в области духа, пока не проникнешься его основными, духовными и историческими, началами. *Вне этого условия, вне исторического камертона, какую бы ни взяли ноту, она будет фальшива и только усилит всеобщий диссонанс,* от которого и без того уже так давно страждет слух и не слыхать голоса истины.

Обличение этой лжи в явлениях, доступных критике, будет постоянною задачею нашей газеты.

<ОТЧУЖДЕННОСТЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ОТ НАРОДНОЙ СТИХИИ>

«На неподвижном голубом просторе Средиземного моря, в темную безветренную ночь, откуда взялись — показались с двух краев небосклона крылатые могучие корабли. Нарушая безмолвие ночи и сон почившей стихии, они несутся стремительно и гневно, они близятся, сблизились, схватились железными лапами, и закипел во мраке ожесточенный, губительный бой. Не слышны и не видны бойцы: только звучит и сверкает оружие, и, не донесшись к далеким берегам, замирают в пространстве глухие стенания раненых. И заколыхалось море: пробудились, всплыли и стали кругом подводные боги: смотрит во гневе Нептун, опершись на свой трезубец, и облокотясь на волны и с волнами качаясь, глядят в грозном недоумении прочие властители моря. "Чего хотят эти незваные гости? Что́ значит бой, кто правый, кто виновный? Не знаем мы их, они чужды нам оба, они в безумном ослеплении осмелились презреть, они не уважили могущества державного бога..." И вдруг, рассвирепев, вздрогнуло, взбушевало море, встали синие горы волн, разверзлись пучины, — нет ни кораблей, ни борцов, и, поглотив добычу, долго, долго еще потом колыхалось сердитое море».

Так гласит стихотворение какого-то старого немецкого поэта [1].

Мы невольно припомнили это стихотворение, углубляясь в смысл современных явлений нашей общественной... преимущественно литературной жизни. Поверх нашей исторической н а р о д н о й почвы, при полном безучастии н а р о д н о й духовной силы, также совершается борьба, но не двух, а многих враждующих сил. Разные партии, направления, школы, доктрины ссорятся и воюют друг с другом, разные течения мыслей встречаются и пересекаются взаимно, много шуму и блеску, много и действительных битв, и борцов молодых, неразумно-благородных, — и все они, эти борцы, одинаково чужды тому, кому единственно принадлежит держава народного духа; также презирают они, не знают и знать не хотят его прав, его сокровенной тихой силы, тайны его жизни, могущества его обычая, веры и закона. Как пигмеи, снуют они около спящего великана [2] и в ослеплении предписывают ему уставы, рядятся в его доспехи, самозванничают его именем и лгут его именем! Что́ видим мы... хоть в нашей литературе? Какие *теории*? С одной стороны пустое, голое отрицание, волнение без содержания и без цели, какой-то призрак жизни и движения, — а в сущности нет ни жизни, ни движения, все полумертво и гнило и заимствует силу только от силы враждебного напора; с другой — грубая, тупая, бессмысленная *сила*, только в насилии и бездушном механизме полагающая спасение! С одной стороны ложь разрушения, с другой — ложь созидания: с одной стороны, неверие, поклоняющееся, как богам, людским, временным кумирам; с другой — мнимая вера, поклоняющаяся и Богу, как кумиру, и силою Божьего имени служащая своим корыстным целям и выгодам! Тут раболепство пред каждым последним словом науки; там грубое презрение к науке, к мысли, к подвигам разума и духа! тут злоупотребление, нечестное обращение со сло-

вом; там преследование слова, любовь немоты и мрака, тайное сочувствие с бессловесными! И тут и там одинаковое умерщвление духа: там через внешнее насилие, а тут — через оскудение и огрубление духа. И тут и там одинаковое подобострастное рабское отношение к иноземному, бессмысленная покорность подражания, измена народному духу, при наружной грубой подделке под русскую народность. В безысходный мрак погружены обе враждующие стороны, во мраке терзают и истребляют друг друга! — И если народ наконец подымет усталые от долгой дремоты очи и взглянет — на наших литераторов и всякого рода художников (кроме некоторых исключений), взглянет на этих незваных гостей, устроивших свой буйный пир у его ложа, прислушается к их оглушительным кликам, к треску и грому их велений и вещаний, — что скажет он? «Куда девали вы порученные вам дары нашей родной, богатой земли? Куда расточили ее духовные сокровища? Что́ сталось с моим обычаем, верою, преданием, моею прожитою жизнью, моим долгим и горьким опытом? Что́ совершили вы на досуге? Где цельность и единство жизни и духа? Где наука, вами взращенная? Где мое живое, изобразительное, свободное слово? Какого хламу нанесли вы на мою почву?.. Нет, вы не мои, вы безобразные снимки с чужих народов, подите к ним, если они вас примут, — я не знаю вас[3], вы мне не нужны, вы ч у ж д ы мне...» — скажет н а р о д, пробуждаясь к сознанию, — и сметет их, как сор, свежая струя воскресшего народного духа!

Но еще не наступила пора. И хотя мы почти уверены, что голос наш раздается напрасно, но, применяясь к предмету настоящей речи нашей, скажем и мы: Г л а с в о п и ю щ е г о в п у с т ы н е, у г о т о в а й т е п у т ь Г о с п о д е н ь... П о к а й т е с я!..[4]

<НАРОДНЫЙ ОТПОР ЧУЖЕСТРАННЫМ УЧРЕЖДЕНИЯМ>

Отчего, по-видимому, ты так б е з о б р а з н а, наша святая, великая Русь? Отчего все, что́ ни посеешь в тебе доброго, всходит негодной травой, вырастает бурьяном да репейником? Отчего в тебе, — как лицо красавицы в кривом зеркале, — всякая несомненная, прекрасная истина отражается кривым, косым, неслыханно уродливым дивом?.. Тебя ли не наряжали, не румянили, не белили? за тобой ли не было уходу и призору? Тысяча прислужников холит тебя и денно и нощно, выписаны из-за моря дорогие учители; есть у тебя и немцы-дядьки, и французы-гувернеры, — а все-таки не впрок идет тебе ученье, и смотришь ты неряхой, грязным неучем, вся в заплатах и пятнах и, как дурень в сказке, ни шагу ступить, ни слова молвить кстати не умеешь!.. [1]

Оттого я так безобразна, отвечает святая Русь, что набелили вы, нарумянили мою красу самородную, что связали вы по рукам и по ногам мою волю-волюшку, что стянули вы могучие плечи во немецкий тесный... кафтан!... И связали и стянули, да и нудите: ходить по полю да не по паханому, работать сохой не прилаженной, похмеляться во чужом пиру [2], жить чужим умом, чужим обычаем, чужой верою, чужой совестью! О, не хольте меня, вы, отцы, вы, благодетели! Не лелейте меня, вы, незваные и непрошеные, вы, дозорщики, вы, надсмотрщики, попечители, строители да учители! Мне невмочь терпеть вашу выправку! Меня давит, томит ваш тесный кафтан, меня душат ваши путы чужеземные! — Как не откормить коня сухопарого [3], не утешить дитя без матери, так не быть мне пригожей на заморской лад, не щеголять мне красою немецкою, не заслужить у Бога милости не своей душой!

И действительно, слова «безобразный» и «безобразие» часто слышатся теперь в нашем обществе, когда речь идет о России. И кажется, трудно сыскать выражение более меткое и в такой степени идущее к делу. Болезненно гнетет душу вид этого безобразия; многих точит, как червь, тайное, глухое уныние; но многие же, и едва ли не бо́льшая часть, утешают себя соображениями о незрелости и невежестве народа, которому «стоит только просветиться, чтобы сделаться совершенно приличным народом, способным стать наравне с народами чужими».

Безобразие! Да знаем ли мы, в чем его смысл и сущность? Понимаем ли мы, как много обязаны мы этому спасительному безобразию? В нем, в этом безобразии, выражается протест живой и живучей, непокорившейся силы народной; в нем отрицательный подвиг самобытного народного духа, еще хранящего веру в свое историческое призвание; в нем таится великая историческая заслуга, которую со временем оценят благодарные потомки!

Многим покажутся наши слова парадоксом, но мы просим их возобновить в своей памяти историю последних полутораста лет. С тех пор как расстроились отправления цельного организма, нарушилось единство в Русской земле, отшиблась память и взаимное недоверие и непонимание разделило простой на-

род от служилой и образованной части общества, — Русская земля подвергалась всякого рода пробам и испытаниям. Как китайские тени в фонаре [4], сменялись в нашем обществе реформы, преобразовательные и созидательные доктрины и разные модели, по которыми отливались формы для русского народа. Общество снисходительно смотрело на народ как послушное и годное тесто, из которого легко вылепить потребную на всякое время фигуру. Но формы были не по народу, все лопались и разбивались, оставляя, однако же, на нем свои обломки. Вид, конечно, неблагообразный, но, чтоб порадовать наши взоры своим благообразием, народу следовало бы поприжаться, съежиться, пожертвовать некоторыми необходимыми для своего существования органами и услужливо уложиться в форму нынче голландскую, завтра шведскую, нынче стать совершенным немцем, а завтра еще более совершенным французом. Он не стал ни тем, ни другим, он сохранил свою русскую душу, не польстился ни на какие блага, не изменил своей русской природе — и, покрытый лохмотьями иноземных одежд, утомленный борьбою, но не уступивший в борьбе, предстоит перед нами в своем многовещем, громадном, величавом безобразии!

Поясним нашу мысль примером. Было время, и еще недавнее, когда в ходу и в чести были в Европе ремесленные цехи и корпорации — законный продукт западной истории, спасший автономию и независимость городских общин. Совершив свое историческое призвание, цеховое устройство обратилось в тягость самим общинам, стало быстро клониться к разложению, наконец, при первом удобном случае в большей части местностей было вышвырнуто за окно как ненужная ветошь. Тем не менее самое начало корпораций глубоко засело в плоть и кровь немцев. — Мы находились в совершенно иных исторических условиях; цеховое ремесленное и всякое подобное устройство, основанное на формальном, условном, внешнем, принудительном элементе, противно самой сущности духа славянских племен вообще и русского народа в особенности, противно их стремлениям к внутренней свободе жизни, их коренному общинному началу. В наше время защитников средневековой цеховой организации уже не является [5], но в XVIII веке русское общество, точно так же, как и в XIX-м, увлекалось внешним благообразием Запада, так же жило чужим умом и верило чужой верой — и стало вводить в России цеховое ремесленное устройство. Дико звучали русскому рабочему люду все эти иностранные названия и слова: «альдерманы» [6], «экзамены», «мейстеры» [7], «бюргеры» [8], «магистраты» [9] и «ратуши» [10]; непонятны были ему эти, теснившие его жизнь, «привилегии», это право собираться в «гербергах» [11], которое и поныне читаем в Ремесленном Уставе [12], эти значки, трости и печати с гербами и всевозможные деления и подразделения, всякие администрации и регламентации. Но требование общества не было какими-нибудь pia desideria*, или платоническою мечтою: оно было приведено в исполнение. Молодые доктринеры, передовые люди и прогрессисты того времени, глумясь и потешаясь над упрямством и невежеством русского народа, усердствовали на просторе со всею искренностью непонимания, со всем жаром близорукого убеждения, со всей дерзостью тупоумной благонамеренности. Стоном стонала[a] Русская земля, упорно сопротивляясь, — кряхтел русский быт в объятиях прогрессистов, трещал и ломался древний обычай...

* благие пожелания (*лат.*).

[a] *В первой публикации и в Соч. здесь очевидная опечатка*: Стоном стояла.

Что же, читатель, вы, который теперь, вместе с современной Европой, обличаете и на кафедре, и в обществе ложь цехов и корпораций, — были бы вы рады, если б русский человек принял эту ложь в свою душу, если б это немецкое начало пришлось ему по сердцу, если б посеянное расцвело в нем так же, как на германской почве, розаном немецкого благоустройства? Скажите, читатель, жалуясь на безобразие Руси, хотели бы вы разве, чтоб русский человек приобрел благообразие немца и для этого, — как необходимое условие, условие sine qua non*, — стал бы немцем, сузился бы в немца, взял бы себе идеалом немецкую добродетель и благонравность? Ответ ваш несомненен: вы не желаете такого превращения ни за что́ в мире, и не потому не желаете, чтоб вы не уважали всею душою глубины германского духа и его исполинских заслуг человечеству, но потому, что вы чувствуете, что русскому человеку в немце было бы душно и тесно, и что в нем живут стремления к иному, может быть, даже высшему идеалу. Но если вы так отвечаете на вопрос, когда он так просто поставлен, в примере цехового устройства, зачем же вы продолжаете с прежнею неразборчивостью навязывать Русской земле новейшие изобретения выписанных вами из-за границы доктрин и теорий, о которых европейская критика еще не успела произнести своего последнего слова и которые потому принимаются вами на веру, с слепым благоговением? Или вы думаете, что не порастут они на русской почве тем же безобразием, каким поросли пересадки XVIII века? Зачем продолжаете вы не знать или, выражаясь пестрым языком нашего общества, «игнорировать» [13] ту органическую силу, которая проявляет себя в современном безобразии нашей родной земли и громко вопиет о нашем невежестве и отчуждении от народа?

Возвращаясь к приведенному нами примеру, скажем, что нам случилось обозревать ремесленное устройство во многих городах России[14], что ничего отвратительнее быть не может и что мы сердечно порадовались этому безобразию, — не тому, что было тут грязного и порочного, но тому внутреннему сопротивлению жизни, которое сказалось в этом отрицательном, печальном и в то же время радостном явлении. Предоставляем теперь читателю самому — проверить в своей памяти, со времени Петра, во всех отраслях нашего общественного быта, весь этот ряд устройств, регламентов и учреждений, вводившихся и изменявшихся не вследствие потребностей жизни, но вследствие подчиненного духовного отношения к Западу и не подчиненного и уж нисколько не духовного отношения к русской жизни.

Что же говорите вы нам нового? — скажут многие из читателей. Дело известное, что в каждой земле следует применяться к ее нраву. Дело известное, ответим мы, а все-таки наше общество продолжает держаться той же дороги! Дело известное, мы и не думали сказать что-либо новое, а все же нам кажется, что поставленная нами точка зрения на безобразие как на протест самой жизни народной против посягательств образованной и влиятельной части общества, как на историческую заслугу, в большей части случаев, нашего народа — представляет многое в народном невежестве и в нашей цивилизации в ином свете, изменяет оценку некоторых явлений и переносит в некоторых отношениях обвинение — с обвиняемых на обвинителей...

Пусть же воздержатся молодые доктринеры от всякого нового насильственного искажения Русской земли, пусть не накладывают они ни белил, ни румян,

* обязательное (*лат.*).

Ноября 4. ДЕНЬ 1861 года.

Подписка принимается: въ Москвѣ въ конторѣ редакціи на Спиридоновкѣ, въ домѣ Вечеслова; въ С.-Петербургѣ въ книжномъ магазинѣ Кожанчикова; на Невскомъ проспектѣ, и у всѣхъ книгопродавцевъ и въ Газетныхъ Экспедиціяхъ обѣихъ столицъ.

№ 4.

Выходитъ еженедѣльно. Цѣна въ Москвѣ, безъ доставки на домъ, 5 руб. 50 к., въ С.-Петербургѣ 6 р., съ доставкою на домъ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ и съ пересылкою во всѣ города 7 руб.

СОДЕРЖАНІЕ: Москва, 4-го Ноября. — ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ: Стихотвореніе К. К. Павловой. — Кирила Петровъ и Настасья Дмитрова (продолженіе), повѣсть Кохановской. — ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ: Отъ Редакціи. — Крестьянскіе выборы. П. Бланка. — Изъ Каширы, письмо 3-е. И. К. — Изъ Прилукскаго уѣзда. А. Стровина. — Изъ Перекотскаго уѣзда, мироваго посредника А. Ѳ. Васькова. — По возвращеніи изъ Тульской и Калужской Губерній N. — Изъ Каменецъ-Подольской губерніи, Бидермана. — СЛАВЯНСКІЙ ОТДѢЛЪ: Съ береговъ Дуная. — Изъ Верхней Венгріи. — Русскіе въ Галиціи (продолженіе), Н. А. Лавровскаго. — О полученіи Славянскихъ газетъ и журналовъ. Ор-ъ.

МОСКВА 4-го ноября.

Отчего, по видимому, ты такъ безобразна, наша святая, великая Русь? Отчего все, что ни посѣешь въ тебѣ добраго, всходитъ негодной травой, выростаетъ бурьяномъ да репейникомъ? Отчего въ тебѣ,—какъ лицо красавицы въ кривомъ зеркалѣ, — всякая несомнѣнная, прекрасная истина отражается кривымъ, косымъ, неслыханно-уродливымъ дивомъ?... Тебя ли не наряжали, не румянили, не бѣлили? за тобой ли не было уходу и призору? Тысячи прислужниковъ холятъ тебя и денно и нощно, выписаны изъ-за моря дорогіе учители; есть у тебя и Нѣмцы-дядьки, и Французы-гувернеры, — а все таки не въ прокъ идетъ тебѣ ученье, и смотришь ты неряхой, грязнымъ неучемъ, вся въ заплатахъ и пятнахъ, и какъ дурень въ сказкѣ, ни шагу ступить, вашу выправку! Меня давитъ, томитъ вашъ тѣсный кафтанъ, меня душатъ ваши путы чужеземныя! — Какъ и не откормить коня сухопараго, не утѣшити дитя безъ матери», такъ не быть мнѣ пригожей на заморской ладъ, не щеголять мнѣ красою Нѣмецкою, не заслужить у Бога милости не своей душой!

—

И дѣйствительно, слова «безобразный» и «безобразіе» часто слышатся теперь въ нашемъ обществѣ, когда рѣчь идетъ о Россіи. И кажется, трудно сыскать выраженіе болѣе мѣткое и въ такой степени идущее къ дѣлу. Болѣзненно гнететъ душу видъ этого безобразія; многихъ точитъ, какъ червь, тайное, глухое уныніе; но многіе же, и едва ли не большая часть, утѣшаютъ себя соображеніями о незрѣлости и невѣжествѣ народа, которому «стоитъ только просвѣтиться, чтобы сдѣлаться совершенно приличнымъ народомъ, способнымъ стать

лись отправленія цѣльнаго организма, нарушилось единство въ Русской землѣ, отшиблась память, и взаимное недовѣріе и непониманіе раздѣлило простой народъ отъ служилой и образованной части общества, — Русская земля подвергалась всякого рода пробамъ и испытаніямъ. Какъ Китайскія тѣни въ фонарѣ, смѣнялись въ нашемъ обществѣ реформы, преобразовательныя и созидательныя доктрины, и разныя модели, по которымъ отливались формы для Русскаго народа. Общество снисходительно смотрѣло на народъ, какъ на послушное и годное тѣсто, изъ котораго легко вылѣпить потребную на всякое время фигуру. Но формы были не по народу, всѣ лопались и разбивались, оставляя однако же на немъ свои обломки. Видъ, конечно, не благообразный, но чтобъ порадовать наши взоры своимъ благообразіемъ, народу слѣдовало бы поприжаться, съежиться, пожертвовать нѣкоторыми необходимыми для своего суще-

Начало первой публикации статьи И. С. Аксакова «<Народный отпор чужестранным учреждениям>» (День. 1861. 4 нояб. № 4. С. 1)

чтобы сделать ее европейскою красавицей: она ответит еще пущим безобразием! Пусть не заботятся они и об излечении безобразия внешними способами, а пусть сами отстранят себя, дав простор внутренним силам народного организма. Пусть, вместо заносчивой благонамеренности и самонадеянности стремления образовывать русский народ, проникнутся они некоторым смирением пред явлениями его жизни, уважением к фактам истории, пусть задумаются, наконец, над несокрушимою твердостью коренных основ и духовных начал народного быта.

Почтим же подвиг народа, который, не имев иных средств протеста (ибо органы, необходимые для полноты и стройности жизненных отправлений, были у него оторваны), — тем не менее сохранил и уберег себя для нас от всяких предлагавшихся ему разношерстных благообразий! Ему, при его положении, оставалось одно: п е р е б ы т ь и п е р е м о ч ь, и он перебыл и перемог не одно злое или лживое начало и, Бог даст, п е р е б у д е т и п е р е м о ж е т!

<ДОКТРИНА И ОРГАНИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ>

Что́ бы ни говорили о современном состоянии нашего общества, сколько бы сходства ни представляло оно с гниением разлагающегося трупа, но при всем том везде и отовсюду чутко чувствуется и слышно слышится животворное веяние свежего вольного воздуха[1]. Новая жизненная сила отовсюду подступает и обдает нас своими волнами. Да, повеяло, потянуло новым, еще не передышанным воздухом! — Но по закону, общему для мира физического и для мира нравственного, движение свежей воздушной струи *ускоряет* самое разложение, а потому и понятно, что в то же время сильнее распространяется зловоние газов и атмосфера наполняется вредными, удушливыми миазмами[2]. Действительно, нравственная среда нашего общества исполнена заразительных и мертвящих испарений, но против них нет д р у г о г о ц е л е н и я, как преизбыток того же воздуха, усилившего и ускорившего тление. Он очистит, он разредит нашу душную атмосферу, он оживит и обновит нашу смрадную и спертую храмину... Настежь же двери и окна, — пусть без помех и затворов льется он к нам свободно вольными, свежими, целебными струями!

Но многие и даже очень многие, в болезненном расстройстве своего организма, утратив правду ощущений и чувств, принимают за свежие воздушные струи смрадные газы разлагающегося тела. Движение, проявляющееся в процессе гниения, признается ими за движение самой жизни! Таких немало в нашем обществе, и в особенности на нашей литературной арене... Другие же — наболевшие сердцем и душою от тяжелых, чудовищных нравственных миазмов — в каждой чистой волне воздуха видят злокачественное испарение и в испуге, в понятном, но слепом негодовании отворачиваются сами от благотворной врачующей силы! Третьи по природе или потому, что уже давно обжились, стерпелись и слюбились с зловонием и смрадом не замечаемого ими гниения, или же, наконец, потому, что свежий воздух составлен не по их ученому и выписанному от иноземных докторов рецепту, в который они безусловно верят, — относятся враждебно ко всякому, даже самому легкому веянию этого свежего воздуха. И таких немало! К ним, между прочим, принадлежат люди солидные и высокочиновные, разумеется, не в буквальном смысле, — люди, *причисляющие* себя самодовольно к сословию ж р е ч е с к о м у, к высшей иерархии ума и знания. Им вольный воздух противен.

Впрочем, нельзя не признать: свежий воздух редок и резок, и как бы мы ни желали его отрадного веяния, едва ли кто из нас может самонадеянно похвалиться такою здоровою грудью, что не почувствует он ни раздражения, ни перхоты, не закашляет, вдохнув в себя его первую, новую струю. Такое болезненное состояние бывает, впрочем, вообще непродолжительно. Но продолжительнее будет оно, и едва ли не суждено ему обратиться в состояние хроническое — у большей части наших утопистов и доктринеров. Не тем сказывается им наша русская жизнь, — которой пробуждения они ждали и чаяли, — чем являлась им она в области их отвлеченных дум и мечтаний, не по той дороге идет, которую они ей услужливо предлагали, растет не в меру заранее измеренного

ими роста, сильна такой силой, с которой им и не сладить, ставит вопросы, которых и не предполагала их теория. И неловко, и странно их отношение к новому движению жизни, к действительному подъему народного духа.

Но что́ будет с теми из нашего общества, которым свежий воздух враждебен, что́ должны испытать они, когда пахнёт на них своими широкими крыльями пробудившаяся могучая жизнь? О, сколько острой простуды, сколько нравственных опухолей, флюсов и ревматизмов, — не говоря уже о головоломных мигренях, — угрожает этим важным преждевременным старцам! В самом деле: они привыкли видеть стройность и красоту только в прямых и однообразных линиях и в механическом, рассчитанном сцеплении колес и пружин; они не способны понять красоты и смысла волнующихся линий, и сама жизнь с ее ускользающими от всякого расчета, неведомыми силами, — жизнь и все живое понимается ими как беспорядок! И вдруг — весь строй их умственной деятельности нарушен и потревожен. Смеясь над теми, кто в движении атмосферы с радостью отыскивает свежие струи целебного воздуха, бранясь и негодуя, они стараются уйти от опасной для них силы, взбираются на чиновничьи кресла, на высокие подмостки кафедр, укутываются плотнее в старые изношенные и полинявшие шубы, герметически закупориваются в «храме наук» или в стенах какого-нибудь казенного здания!

Да, в наше время проявляется воочию ход истории[3], слышится трепет новых пробудившихся жизненных сил! Эти силы, еще нестройные, не сложившиеся, нередко безобразные, волнуются и мятутся, требуют и не находят ни правильного исхода, ни нормы для своего проявления. Как река в своем стремлении, обогащенная притоком новых вод, сворачивает со дна неподвижные камни, несет с чистой влагой песок и мусор, рвет плотины, ищет себе нового вместилища и русла, — так пытливая и кипучая эта жизнь инстинктивно чует ложь во многом, что́ выдавалось ей доселе за непреложную истину, и с дерзкой самонадеянной безразборчивостью отрицая сплошь все принятые, установившиеся определения, разбивает шаткие подножия старых кумиров и смутно ищет Истины, пред которою могла бы и должна была бы смириться. Ей нужно бы услышать путеводное слово, нужно бы принять в себя благотворную, зиждительную силу сознательной мысли, прогреться лучами истинного знания и живой науки, которые бы отделили в ней ложь от правды и добро от зла и дали бы ответ на ее новые, жизненные, исторические запросы.... А между тем с холодных высот ученых кафедр раздается отрицание самой жизни, ее смысла, значения и прав! Наука, или та совершенная и замкнутая, со всех сторон отшлифованная и отделанная теория, которая выдает себя за науку, возвещает нам, что в мире нет ничего, кроме мертвого государственного механизма, что все совершается и должно совершаться от власти и посредством власти, — в какой бы форме она ни проявилась, лишь бы носила она на себе печать внешней законности, — что, наконец, сама жизнь, следовательно, и жизнь духа, есть одно из отправлений или функций государственного организма. С точки зрения такой несчастной доктрины нет места, вне порядка государственности, никакому свободному творчеству народного духа. Начало внешнее, начало *принудительное* (в монархической ли или республиканской форме, для нас это все равно: оно остается тем же принудительным внешним началом), начало правды формальной и условной ставится выше начала внутренней свободы, правды и совести. Все живет и движется и *обязано* двигаться по однажды заведенному и математически

рассчитанному механизму. Самонадеянно и близоруко пытается эта доктрина определить вес, плотность и емкость человеческого духа и органической силы жизни и отмерить только такое количество, какое, по ее неизбежно ограниченным соображениям, нужно для правильного хода государственной машины.

Мы остановились на этом учении потому, что вопрос об отношении государства к народу и к обществу есть один из самых серьезных вопросов нашего времени, и потому еще, что слово этой доктрины раздается вновь между нами.

Эта доктрина, мешая и путая все понятия, сама в себе носит, по нашему мнению, признаки бесплодия и смерти. Проповедники смешивают внешнее с внутренним, форму с содержанием, норму с живою самостоятельною силою, к о р у с с е р д ц е в и н о й. Мы считаем не лишним привести здесь кстати найденную нами в бумагах К. С. Аксакова следующую заметку по поводу вопроса о государственности[4]: «Беда, если дерево обратится в кору, если кора, увеличивая объем ствола, станет беспрестанно поглощать жизненные соки дерева и мертвить сердцевину. Петр обратил преимущественное внимание на кору, на наружность, но не в том сила, крепка ли кора, а в том сила, здорова ли сердцевина». — В самом деле, там, где начало государственности вышло бы за свои пределы, мало-помалу иссякла бы всякая животворная сила. Государство, конечно, необходимо, но не следует верить в него как в единственную цель и полнейшую норму человечества. Общественный и личный идеал человечества стоит выше всякого совершеннейшего государства, точно так, как совесть и внутренняя правда стоят выше закона и правды внешней. Идеал может быть и недостижим, как и вообще недостижимо человеческое совершенство, но он должен постоянно предноситься пред человеком и побуждать его вперед, к достижению и осуществлению. Но то, что́ является как несовершенство, как неизбежное зло, хотя бы и предложенное в наименее тягостной внешней форме, «наука» с кафедры выдает нам за высшую степень человеческого развития, возводит в апофеоз вечной, безусловной истины!..

Нам говорят, что для юриста повиновение закону (безразлично, хорошему и дурному) есть такая же аксиома, как дважды два четыре для математика. Но повиновение закону как житейская аксиома, по нашему мнению, вовсе не входит в круг ученых соображений юриста, ни в круг «истин науки — права». Для юриста, напротив того, важно свободное отношение жизни к закону, его исполнимость или неисполнимость, его соответствие или несоответствие с временным уровнем общественной нравственности, его содержание, а не сигнатура[5]. Закон не есть непреложная истина, не есть какое-то непогрешимое изречение оракула, не подверженное изменениям: он имеет значение ограниченное и временное, и бессмыслен закон, носящий в себе притязание уловить в свои тесные рамки свободную силу постоянно творящей и разрушающей жизни! Самое «право» не есть ничто само для себя и по себе существующее: неспособное выразить полноты жизни и правды, оно должно видеть свои пределы и находиться, так сказать, в подчиненном отношении к жизни и к идее высшей нравственной справедливости. — Читатели, конечно, не выведут из наших слов заключения, что мы проповедуем неуважение к закону или «анархию». Повиновение законам, без сомнения, желательно, но юрист не есть официальный блюститель благочиния, надзирающий за непременным практическим исполнением законов со стороны общества; он относится к ним критически, он не проповедует неповиновения, но отмечает его и принимает в соображение как поучительный

совершившийся факт. Впрочем, мы должны признаться, надо было бы иметь много отвлеченности в своем развитии, чтобы и на практике, в жизни приводить в исполнение или требовать безусловного исполнения всякого закона, противоречащего совести и нравственным человеческим требованиям... если бы можно предположить существование такого закона.

Вообще чрезвычайно опасно регламентировать извне какое бы то ни было живое начало. Есть явления, которые стоит только подчинить «уставу», чтоб подорвать в них всякую жизнь и силу. Так, например, мы слышали, что даже и для наших артелей, этих самородных, подвижных, свободных промышленных общин, кто-то сочинил регламент и представил его правительству[6]. Эта попытка, вероятно, останется без исполнения; ибо несомненно, что вмешательство государственного начала в настоящем случае убило бы нравственное значение и силу наших артелей.

Но довольно. Многое можно было бы сказать здесь о «чувстве легальности», в недостатке которого упрекают наш русский народ, об отношениях науки права в русской народной жизни и т. д., но мы отлагаем это до другого раза. Мы хотели только, с одной стороны, заявить здесь наше несогласие с провозглашенной теорией, безразлично требующей духовного поклонения всякой сигнатуре закона, без внимания к его содержанию, и духовно рабствующей пред внешним условным, принудительным началом; а с другой — указать на это мертвенное отношение так называемой науки к пробуждающимся требованиям современной, не только русской, но даже и европейской жизни, этот ответ ее, х о л о д н ы й и г о р д ы й, на ее тревожные запросы. Разумеется, эта печальная доктрина выросла не на нашей почве, она заемная; но тем не менее достойны сожаления те, которые приняли ее в душу и принесли ей в жертву свое трудолюбие и таланты.

Но как бы ни продолжали закупориваться от свежего воздуха, веющего от жизни, пробудившейся в русском народе, свежий воздух возьмет свое и выветрит залежалые, затхлые, отвлеченные доктрины. Остается надеяться, что те из наших «жрецов науки», которые уже умиротворились и успокоились в своем жреческом звании, высвободят наконец сами науку на вольный Божий свет, пустят свежий, вольный воздух в свой душный и тесный храм, растворят настежь окна и двери, раздвинут, если нужно, и самые стены храма и поймут, что только освободясь от всякого духовного и умственного рабства пред последним словом науки вообще и западной науки в особенности, только признав за русской народностью право на самостоятельную духовную и умственную деятельность, только проповедью духовной свободы, живого знания и любвеобильной мысли — будут они в состоянии направить к плодотворной работе молодые русские силы.

<ЧЕСТНОЕ ПЕЧАТНОЕ СЛОВО И ИЗВОРОТЛИВАЯ РЕЧЬ>

В странном положении почувствует себя будущий историк русской словесности, разбирая и перечитывая произведения нашей литературной эпохи, и в особенности нашей периодической современной литературы. Если он будет судить о ней по внешнему смыслу слов и речений, то придет к выводу не только ошибочному, но, в большей части случаев, диаметрально противоположному исторической истине; он не в состоянии будет понять ни отношения нашей журналистики к жизни, ни ее значения в истории общественного умственного развития, ни ее борьбы, ни ее победы, ни ее заслуг, ни ее вреда, ни доброго, ни злого ее действия на современное русское общество. Нужен особый ключ для уразумения этой литературы намеков и недомеков, обиняков и недоумений, двусмысленных терминов, иносказаний, междустрочного смысла, точек, курсивов, расставленных букв [1] и всех тех условных знаков и выражений, прибегать к которым литература, к несчастию, вынуждена [2], которые понятны только современному читателю и образуют особый язык, особый вид разговора между автором и публикою. Не[a] говорим про других, но мы — признаемся в том откровенно — в беседах наших с читателями всегда более рассчитываем на их догадливость, на силу их соображения, чем на простое и прямое понимание того, что выражено внешнею формою речи [3]. Нам тяжело сознаться в этом, но еще тягостнее для нас самое употребление такого рода приемов в литературе, недостойных литературы. Вынуждаемое печальною необходимостью [4], такое постоянное противоречие требованиям безусловной честности отравляет трудовую жизнь честного писателя самыми мучительными ощущениями. Оно разъедает его нравственные силы, разлаживает душевный строй, нарушает цельность художественного представления, истощает талант и, против воли, обливает его слова горечью и желчью [5] внутренней досады[b]. В душе накипает раздражение, чувство любви пересиливается[c] чувством сдержанного негодования, в особенности тогда, когда приходится ему сменять словом бледным и вялым слово, полное жизни, сочности и энергии, добытое[d] жизнью и страстно-добросовестным[e] напряжением мысли и чувства [6]. Не тем занят писатель, как облечь ему мысль в достойную одежду слова, а тем, как бы приискать оборот половчее да иносказание поискуснее! Таково положение у нас всякого честного[f] писателя, но еще невыносимее положение того,[g] кто на поприще журнальной[h] или газет-

[a] *Далее зачеркнуто*: знае<м>.
[b] *Слова*: внутренней досады — *написаны над зачеркнутыми*: сдержанного негодования.
[c] *Далее зачеркнуто*: подчас.
[d] *Далее зачеркнуто*: им.
[e] *Это слово вписано над зачеркнутым*: тяжелым.
[f] *Это слово вписано над строкой.*
[g] *Далее зачеркнуто*: кому.
[h] *Слова*: того, кто на поприще журнальной — *вписаны над зачеркнутыми*: всякого честного публициста или писателя действующего на.

ной деятельности, приходит в постоянное соприкосновение с современными общественными вопросами[7].

Да, говоря вообще, в нашем литературном слове нет ни правды, ни искренности, ни благородной прямоты, ни откровенности мужественной и бесстрашной. Слово у нас не честно, смысл у него двойной, и как бы ни был сам по себе[a] истинен смысл подразумеваемый, — слово изворотливое и двусмысленное не доброе слово! Может ли такая литература действовать благотворно на ум и душу читателя? Нет, ее[b] действие вредно и[c] гибельно и для[d] писателя, и для читателя, и для всего нашего, на литературе воспитывающегося, общества.

Оно вредно потому, что в умственный капитал общества, в кровообращение его духовного организма поступают недосказанные мысли, недоговоренные учения, неуясненные сведения, какие-то намеки, отрывки, лоскутья и клочья знаний, полуистины и трети истины, порождающие ложь, — наконец[e], и самая ложь является не в той полноте и определенности, которые необходимы для победы над нею, для ее поражения[f] и обличения. Недосказанное, оставшись в тени, получает фантастические размеры,[g] прелесть тайны и запрещенного; угадываемое — угадывается не верно,[h] целые поколения живут и пробавляются такою незрелою, не переваренною умственною пищей и безвозвратно гибнут для общества!

Оно вредно потому, что развращает вкус,[i] приучает его к раздражительным и возбудительным пряностям в слове[j], заставляет общество доискиваться тайного смысла в каждом искреннем обороте речи или[k] отвращаться от него с обидным презрением.

В нашей общественной среде, исполненной и переполненной всякой житейской практической неправды,[l] возникает таким образом целая атмосфера духовной отвлеченной лжи и кривды, изгоняя истину из ее последнего убежища[8]. Как излечиться от недуга, когда самое лекарство прогнило или отравлено ядом![m]

Повторяем: если истина не шествует тем широким прямым путем, который ей приличен, но крадется как тать в нощи[9] робко и боязливо, сторонясь от людей и света, если она не высказывается или не досказывается, то она порождает ложь. Точно так и недосказанная ложь самозванно венчается венцом истины, а развенчать ее — нет возможности, да и некому.

Почему же некому? Разве нет людей, у которых достало бы мужества[n] для обличения, и страшна ли ложь для мысли, просвещенной истиною?

---

[a] *Слова*: сам по себе — *вписаны над строкой.*
[b] *Далее зачеркнуто*: развращающее.
[c] *Слова*: вредно и — *вписаны над строкой.*
[d] *Далее зачеркнуто*: самого.
[e] *Это слово вписано над строкой.*
[f] *Это слово вписано над зачеркнутым*: успешного.
[g] *Далее зачеркнуто*: и.
[h] *Далее зачеркнуто*: и.
[i] *Далее зачеркнуто*: и.
[j] *Слова*: в слове — *вписаны над зачеркнутыми*: литературного слова.
[k] *Это слово вписано над зачеркнутым*: и.
[l] *Далее зачеркнуто*: образуется.
[m] *Далее зачеркнуто*: Достоинство истины унижается.
[n] *Далее зачеркнуто*: обличения.

Люди бы, вероятно, нашлись, но слово обличения или преграждено, или же [10] само безмолвствует, чтоб «не мешаться, как говорит Хомяков, в отвратительный хор льстецов и лицемеров, или не сделаться предметом подозрения по своей прямодушной резкости» [11]. Объясним это примером. Предположим, что писатель, искренно преданный Истине Христианской, возмущаясь скрытыми и ожесточенными на нее нападениями, желал[a] бы отразить их и обличить вред, наносимый обществу таким невежественным и бесплодным отрицанием. Предположим даже, что такая его защита могла бы выразиться без посторонней помехи, но он сам[b] останавливает свой честный порыв и не дает воли обличительному слову. Нападая на ложь противника, он хотел[c] бы[d] отделиться прежде всего от тех духовных Ноздревых, Маниловых и Хлестаковых [12], к которым могло бы[e] причислить его неразумие и недобросовестность[f] многих;[g] он не желал бы односторонностью своей критики поддержать ложь другую, ложь, гнездящуюся около самой истины, которую он взялся защищать, ложь,[h] более опасную истине,[i] чем ее[j] отрицание,[k] потому что она искажает ее внешнее проявление и заслоняет самую истину. Другая причина есть неравенство боя. Противник не всегда властен[l] бороться с ним равным оружием и на честную критику отвечать такою же честною антикритикой. Обличаемый, например, в неверии, он может подвергнуться преследованиям не литературным; литературный спор может вызвать вмешательство внешнее, — и защитник истины[m], не желая служить духовным оружием слова началу грубой силы и принуждения [13], устраняется от[n] критики и обличения. — То же самое видим мы и по отношению ко многим другим задачам и вопросам. Если писателю не дозволено порицание, а разрешена исключительно одна похвала, то и достойное похвалы не получит ее, потому что похвала без свободы порицания теряет значение независимого свободного мнения и становится как бы лестью.

Наконец, в тех случаях, где зло и ложь достигают крайних пределов наглости, а между тем обличение их не ведет ни к какой опасности, в особенности обличение, <направленное>[o] на принцип, а не на лица, — бой все же неровен и невыгода положения вся на стороне честного, искреннего[p] слова. Чувствуя свою слабость, противник прикидывается лежачим, обвиняет писателя в доносе и клевещет на его честное имя. Такого рода низкое средство защиты в боль-

---

[a] *Это слово вписано над зачеркнутым*: захотел.
[b] *Слова*: он сам — *вписаны над зачеркнутым*: писатель.
[c] *Это слово вписано над зачеркнутыми*: желает / не желал.
[d] *Далее зачеркнуто*: подкреп<ить>.
[e] *Слова*: могло бы — *вписаны над зачеркнутым*: может.
[f] *Было*: неразумная и недобросовестная.
[g] *Далее зачеркнуто*: ему.
[h] *Далее зачеркнуто*: тем.
[i] *Далее зачеркнуто*: что она.
[j] *Это слово вписано над зачеркнутым*: самое.
[k] *Далее зачеркнуто*: ибо.
[l] *Это слово вписано над зачеркнутым*: может.
[m] *Слова*: защитник истины — *вписаны над зачеркнутым*: писатель-обличитель.
[n] *Это слово вписано над зачеркнутыми*: поневоле от.
[o] *Слово (видимо, случайно пропущенное) вставлено из первоначального чернового наброска статьи* (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 55. Л. 34).
[p] *Это слово вписано над зачеркнутым*: писателя.

шом ходу в нашей литературе, и как ни безобразна, как ни очевидна всем ложь обвинения, тем не менее самая *возможность* прибегать к подобной презренной защите есть уже печальное явление и останавливает обличение лжи, хотя и безопасное для ее последователей со стороны искреннего писателя.

Итак, что же выходит? Честное слово молчит, истина оставляется без защиты, а ложь бодрствует и прокрадывается всеми тайными и нечестивыми путями, без помехи и без отпора: ибо пред силой духовной зла ничтожны всякие материальные преграды, ибо зло не излечивается злом, — а единое могущественное оружие — слово — бездействует при вмешательстве материальной силы в область мысли и слова!

Неужели такое положение может быть терпимо? Неужели можно оставаться равнодушным при виде такого бессилия истины, такого торжества лжи, такого разврата в слове?

Нет, нам нет другого целения, кроме честного, вполне и безгранично-откровенного слова, кроме полнейшей свободы всякому искреннему убеждению, — как бы ни было оно ошибочно, — всем ищущим и алчущим истины, — как бы розно они ее ни понимали, всем *честным* ошибкам и заблуждениям! Искренний голос — есть честный голос, а таких голосов и недостает нашей литературе! Только откровенность слова может внести в нее ту стихию нравственности, без которой литература губит и развращает и самая истина в ней становится бессильной.

Во имя истины и правды, мы просим и молим снять с честных людей бесчестие молчания и изворотливой речи; просим и молим полнейшей свободы для нас и для наших противников, для всех тех, с которыми мы бы хотели состязаться в литературном бою, померяться равным[a] оружием мысли и слова! Мы уверены, что и все серьезные деятели в нашей литературе присоединятся к этому воплю, да, воплю, без риторического преувеличения, всякого прямого сердца, всякого искреннего убеждения... Неужели же слову на Руси так и не суждено никогда быть откровенным и честным?..

[a] *Это слово вписано над строкой.*

1862

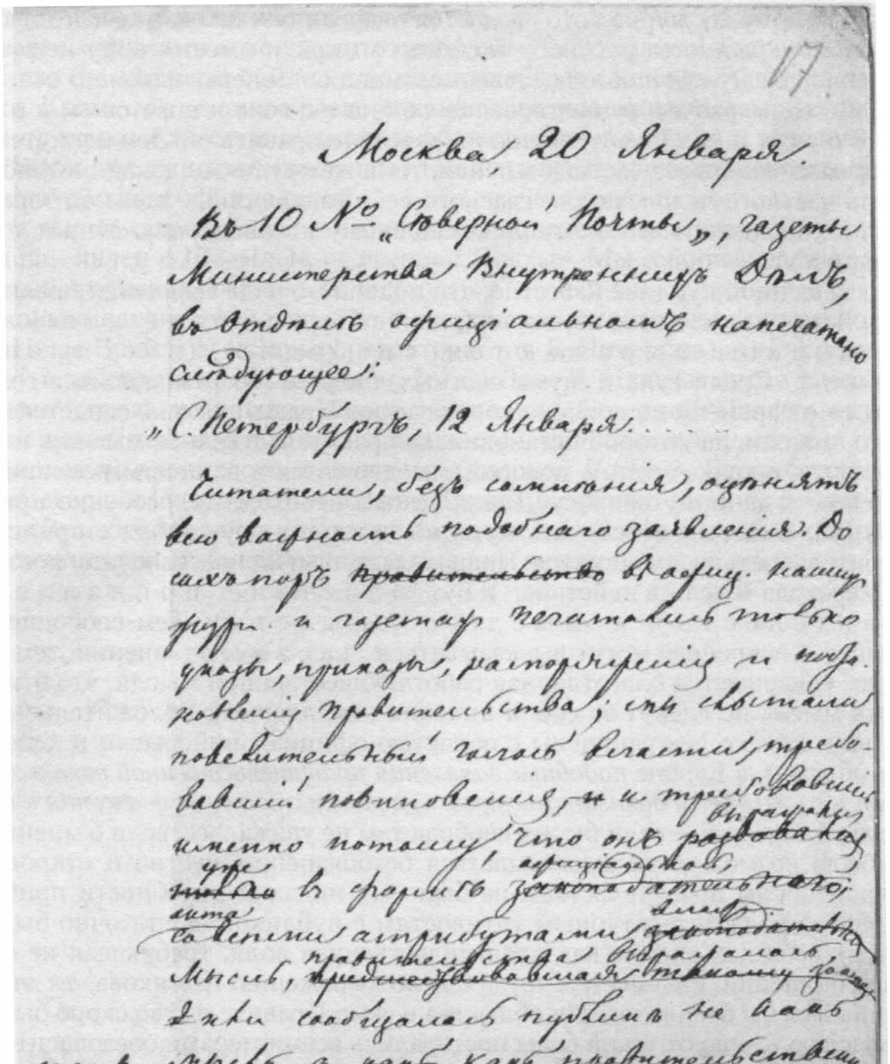
<ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ВОЛЯ И СВОБОДА ЧАСТНОГО МНЕНИЯ>

В 10<-м> № «Северной Почты» [1], газеты Министерства внутренних дел, в отделе официальном, напечатано следующее:

С.-Петербург, 12 января.

По случаю происходящих в разных губерниях дворянских губернских выборов в некоторых газетах напечатаны статьи, в которых обсуживаются вопросы о значении дворянства после издания Положения 19 февраля и о тех предположениях, которые по сему поводу могли бы быть представлены губернскими дворянскими собраниями на усмотрение Правительства. *В некоторых статьях развивается мысль, что с отменою крепостного права русское дворянство утратило отдельное значение в ряду государственных сословий и само должно заявить об этой утрате.* Подобные статьи не выражают мысли Правительства, не согласны с точным смыслом новых узаконений и не соответствуют правильному развитию проистекающих от них последствий. Высочайше утвержденными Положениями 19-го февраля только отменено, согласно с желанием самого дворянства и при его содействии, крепостное право на дворовых людей и на крестьян, водворенных в помещичьих имениях. Русское дворянство, сохраняя преемственную память о своих подвигах на поле войны и на поприще гражданских заслуг, не могло и не может признавать крепостного права коренным условием своего существования. Оно приняло, согласно с указаниями Высочайшей воли Государя Императора, ревностное участие в деле отмены этого права и ныне, конечно, не забудет, что оно призвано *не к самоуничтожению*, но к дальнейшему непосредственному участию при введении в действие тех законоположений, которыми означенное право навсегда отменено [2].

Читатели, без сомнения, оценят всю важность подобного заявления. До сих пор в официальных наших журналах и газетах печатались только указы, приказы, распоряжения и постановления Правительства. Мы слышали его голос, требовавший исполнения и повиновения, и требовавший именно потому, что он предъявлялся в форме законодательного или административного акта, в виде окончательного выражения правительственной мысли, созревшей до степени решения и облекшейся во все атрибуты власти. Вернее сказать: мысль правительственная сообщалась обществу не как *мысль,* а как *воля* Правительства, не нуждавшаяся ни в объяснении причин, ни в доводах, ни в выводах, ни в посылках, ни в заключениях, ни во всех тех приемах, которые составляют необходимое условие всякого выражения мысли как мысли. — Исключение составлял только один «Journal de St. Pétersbourg» [3], — но заявления в нем правительственной мысли относились и относятся только к области дипломатических


17

Москва, 20 Января.

Въ 10 № „Сѣверной Почты", газеты Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, въ отдѣлѣ офиціальномъ напечатано слѣдующее:

„С. Петербургъ, 12 Января.....

Читатели, безъ сомнѣнія, оцѣнятъ всю важность подобнаго заявленія. До сихъ поръ ~~правительство~~ въ офиц. нашихъ журн. и газетахъ печаталось только указы, приказы, распоряженія и постановленія правительства; имъ слышался повелительный голосъ власти, требовавшій повиновенія

Черновой автограф статьи И. С. Аксакова
«<Правительственная воля и свобода частного мнения>»
(ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 55. Л. 17)

вопросов; к тому же журнал этот издается на французском языке, следовательно, не для большинства русского читающего мира, и имеет в виду не русское собственно, а заграничное общественное мнение. Теперь, наконец, в первый раз принято в расчет существование общественного мнения и в России, и Правительство старается направить его тем же путем, каким высказываются все частные мнения, теми же орудиями, к каким прибегает и мысль частного человека для гласного себя заявления, — т. е. к литературе. Нельзя не порадоваться такому просвещенному нововведению Министерства внутренних дел.

Просвещенной публике известно, что подобного рода заявления правительственной мысли уже давно вошли в обычай в Европе, везде, где частные мнения выражаются свободно и беспрепятственно. Среди гула и шума частных, откровенно раздающихся голосов слышится от времени до времени голос самого Правительства, свидетельствующий о степени, на которой остановилась правительственная мысль в известную минуту; о точке зрения, которой оно держится в данное мгновение и по отношению к данному вопросу. Для общества необходимо, особенно при всеобщей распутице, ясно отличать путь, по которому неуклонно, с приличною осмотрительностью подвигается Правительство, и ясно сознавать постепенность перехода мысли в действие, ибо действие принадлежит Правительству, а мысль — обществу. Тем свободнее, откровеннее и искреннее могут высказываться частные мнения, тем шире и полнее совершается благотворная работа общественной мысли, что эти мнения, эта мысль не влекут за собой никаких немедленных положительных последствий и резко разграничены с областью официальной мысли и действия. Таким образом, в Европе *подобные заявления правительственной точки зрения служат* в то же время *доказательством правительственного уважения к свободе частного мнения:* — если бы эта свобода там не уважалась, если б мнение лишено было возможности высказываться безбоязненно, честно и откровенно, так европейским правительствам не было бы никакой надобности прибегать к подобного рода литературным учтивостям с публикой: достаточно было бы выражать себя как власть, как правительственная воля, требующая не согласия, а исполнения. Разумеется, тогда бы, по выражению Хомякова, *ум миллионов* оставался бы бесплоден для общества и само Правительство скоро бы оскудело мыслью[4], — но от такой беды постарались всеми мерами обезопасить себя европейские государства!

Итак, мы не можем не выразить нашей благодарности «Северной Почте» за то, что она вносит новое начало в область нашей журналистики и, сопоставлением мнения Правительства с мнениями частными, подтверждает, таким образом, право существования и выражения себя — за последними. Такой образ действия должен непременно способствовать к успокоению общественному. Если бы, например, дворянство раздражалось или взволновалось статьями некоторых публицистов, то, при уверении Правительства, что оно с этими статьями нисколько не согласно, эти статьи, как выражение личных воззрений, должны уже потерять в глазах раздраженных членов российского благородного дворянства всякую важность. Мы сказали: *например*, и привели это только ради примера: мы не можем и предположить, чтобы сословие, которому г. Чичерин желает придать такое высокое политическое значение и за ко-

торым признает политические способности[5], способно было раздражаться частными мнениями и не уважать свободы чужого голоса! Такое предположение было бы слишком обидно для политического сословия и далеко от нашей мысли. Кроме того — такое распоряжение дает возможность самой публике судить о степени близости личного и общественного мнения к мнению правительственному, а писатели получают тем большее право быть искренними даже и в защите мысли официальной...

Вот выводы, логически истекающие из нововведения, которого первый образец нам явлен в 10<-м> № «Северной Почты». Мы говорим: *логически*... Желательно, чтобы они осуществились...

Сколько нам известно, вопрос о дворянстве рассматривался только в газетах: «Наше Время»[6] (в статьях редактора[7] и г. Б. Чичерина), в «Русском Инвалиде»[8], в «Современной Летописи»[9] и в «Дне»[10]. Напечатанные прописными буквами[11] слова из официального заявления «Северной Почты» выражают мнение *нашей* газеты, а потому и оказывается, что *наши статьи* в газете «День» *положительно не согласны с мнением «Северной Почты»*. Всего ближе к мнению «Северной Почты» стоит «Наше Время» с г. редактором и с г. Чичериным, затем «Русский Инвалид». Что же касается до «Современной Летописи», то в ее мнении существенной разницы с нашим мнением мы не видим...

<РУССКИЙ ПРОГРЕСС И РУССКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ>

Представьте себе, читатель, громадную, тяжело нагруженную колымагу, медленно движимую по грязной, топкой дороге шестериком здоровых, крепких, но несколько ленивых коней и тройкою выносных [1], или передовых, на одной из которых усердно беспокоится бойкий форейтор. Колымага то и дело вязнет в глубоких колеях, колеса упираются в рытвины или наворачивают на шины целые пуды грязи; лошади, ощупью отыскивая твердой опоры для копыта, беспрестанно оступаются и проваливаются. Пришлось наконец подниматься на гору, за которою, по рассказам, дорога становится лучше. Чтобы одолеть этот подъем, нужно бы дружным усилием всех девяти коней подхватить и вывезти колымагу, но не тут-то было! Беспокойный форейтор, приударив своих лошадей не вовремя, так натянул постромки, что они лопнули; колымага с шестериком засела в трясине, на самом взлобе [2] дороги, а форейтор с своими выносными конями ускакал вперед! И скачет форейтор, не оглядываясь, все вперед да вперед; скачет, не слыша отчаянных криков кучера увязнувшей колымаги, не разбирая дороги, — цéликом [3], по полям и нивам, чрез ручьи и овраги, — не заботясь об экипаже, да и не соображая, что во всяком случае грузный экипаж так скоро мчаться не может; скачет, предовольный собой и своей быстрой ездою, и в пылу погони за блудящими огоньками воображает, что везет колымагу к настоящему путеводному свету!..

Мы только подробнее и пространнее начертили образ, на который еще покойный П. В. Киреевский указывал для характеристики просвещения Польши в XVI и XVII веке [4]; но едва ли еще не с большею верностью может он послужить, как сравнение, для самой России. Эта тяжело нагруженная колымага с шестерней добрых коней — не наша ли земля с ее материальными и духовными богатствами, не народ ли, оставшийся позади, без средств к просвещению и внешнему преуспеянию, народ, от которого оторвались верхние слои общества?.. Этот форейтор, так шибко скачущий, потому что не тащит за собою никакого груза, — не мы ли, так называемое образованное общество, мчащееся во весь опор верхом на цивилизации, подгоняющее ее татарскою нагайкою работы немецкого мастера, скачущее к прогрессу не столбовой дорогой, а какими-то особыми кривыми путями, вне всяких исторических, жизненных условий? Эти блудящие огоньки не те ли «идеи века», за которыми так безразборчиво гоняются наши прогрессисты?.. Кстати об «идеях века»: мы взяли это выражение[а] из одной газеты [5] и находим, что оно очень удачно высказывает точку зрения и характер стремления форейторов-прогрессистов известного сорта! Им нет дела до содержания идеи! Им достаточно того, что, по справке, она оказывается европейскою, современною, и в названии «идеи века» они видят высшую, безусловную похвалу! Они забывают, что не одни идеи Гизо, но и идеи Прудона [6] также идеи века, что такое качество ничего не определяет, а потому

[а] *Было*: эту фразу.

и такое выражение — не что более, как пустая бессмысленная фраза! Но фраза-то нас и губит!

В самом деле, покуда форейторский конь, подгоняемый нагайкою, скачет по пути прогресса за идеями века, — что́ делается нами для народа, для его нравственного подъема? Положим, мы и поймали идею века, но что́ же в том толку, когда за нами и с нами нет народа, когда наши связи порваны, когда мы с ним на разных путях, когда мы лишены его опоры и сочувствия, и сами, с своей стороны, дорожа только мнением Европы, ставя ни в грош *его* мнение и одобрение, лишаем его нашей, необходимой ему и возможной для нас, подмоги, т. е. не заботимся нисколько о том, чтобы угладить ему дорогу, исправить мосты, устранить все, что́ препятствует народу в его развитии? Все наше просвещение, все наше материальное могущество, наше благоустройство, администрация, блеск, слава — все это лишено той живительной плодотворной силы, которую дает только союз с народом и цельность всего народного организма. За доказательствами идти не далеко. Возьмите, например, Петербург, который есть, по преимуществу, носитель исторической идеи всего периода времени после Петра. Не есть ли это великолепная столица образованного мира, с его библиотеками, театрами, музеями, торговлею, роскошью и развратом? В нем совершаются явления, свидетельствующие не только о зрелости, но даже о старости общества, много и долго жившего полною жизнью европейских цивилизованных обществ, — и рядом с ним возьмите для сравнения Олонецкую губернию, где народ еще поет песни про князя Владимира. Не целая ли тысяча лет лежит между этими двумя фазами развития? Не два ли это мира? не разделяются ли они, как целою бездной, преданиями, воззрениями, стремлениями, началами, не говоря уже о внешних отличиях?.. А между тем Олонецкая губерния носит на себе общий тип Русской земли, и как Олонецкая губерния к Петербургу — так сорок или пятьдесят миллионов русского народа относятся к миллиону людей, представителю нашего образования и движения.

Наше образование, наше движение! Движение без ясно обозначенной цели, ничего не влекущее и не ведущее за собою! Образование, соединенное с полнейшим неведением своей страны и народа, а нередко и с презрением к нему! Справедливо сказал один путешественник, что Россия есть царство фасадов[7]. Каких у нас нет великолепных зданий для училищ, с содержанием почти роскошным, и как плохо идет учение! Мы обзавелись даже железными дорогами, — но всего менее там, где этого требовали нужды народа! Мы в столицах живем ускоренною жизнью, а вне столиц прозябаем, и время, видно, нам дешево, судя по тому, что мы целые недели бездействуем на переправах и целые месяцы теряем на преодоление наших путей сообщения, именно тех, на которые редко попадают иностранцы. Мы устроили и Академию художеств, — но там, где две трети года нельзя заниматься живописью по причини туманов и серого неба![8] Мы имеем такую цифру газет и журналов, которая любого статистика могла бы привести к заключению о необыкновенной развитости просвещения в нашей стране и о многочисленности грамотных, — но вся эта кипучая литературная деятельность не проникает в народ, за пределы небольшого круга читающей публики! Есть у нас институты, университеты, всевозможные училища и учебные заведения, — и почти нет вовсе народных школ, мы ничего не устроили для народного образования! Мы заводим вверху либеральные учреждения, а в н и з у частехонько расправляемся по-татарски!.. Мы хотим современных

свободных уставов, — и в то же время боимся расстаться с сословными перегородками! Мы готовы потчевать народ деликатесами европейской кухни, когда у него нет даже и щей! Мы, форейторы, более ста лет мчась во весь опор то в ту, то в другую сторону, побывали и голландцами, и французами, и немцами, и даже англичанами, только — не были русскими!.. Мы только загнали коней, мы ни до чего не доскакались, — не доскакались даже и до сознания, что мы скачем по-пустому, без груза, без экипажа и главного возницы (т. е. народа), и что мы давно сбились с пути, — а без этого сознания нет для нас и спасения!

А колымага стоит, засевшая в грязь, и кони поотдохнули, но дорога попрежнему тяжела, если не пуще расселась[9]. Ускакавшему форейтору время было бы теперь воротиться, принести повинную главному вознице, снова связать постромки, — и как ни устали передовые кони, авось либо подсобят они вывезти в гору грузный экипаж и выбраться на добрую дорогу, — но форейтору надобно зарубить крепко себе на память: не рваться нетерпеливо вперед, прилаживать свою тягу к ходу шестерика, — и с л у ш а т ь к у ч е р а!..

Вот в чем должна состоять наша преимущественная забота. Поработали мы довольно. Чего не завели! чего не устроили! и все это, большею частью, бесплодно, внешне, безжизненно, по крайней мере, не дает жизни народу, живет и совершается вне его участия. Немало у нас хороших законов и учреждений, но недостает одного, чтоб и законы были действительны, и учреждения плодотворны — недостает духа жизни, цельности организма, правильного, равномерного кровообращения, недостает общественной силы и ее производительности! Но этой силе нельзя велеть быть по указу, как бы ни было деятельно и благонамеренно правительство: она создается только теми органическими условиями, которые нельзя предписать, равно как нельзя предписать (но можно расстроить) тот или другой порядок органических отправлений. Однако ж правительство может, оно властно отстранить те препятствия, которые мешают ее проявлению, своротить камни, придавившие богато засеянную ниву, и таким образом вызвать на свет Божий те стебли, которые потом дадут хлеб, одним словом — дать простор тем условиям, при которых только и может развиться нравственная общественная сила. Ибо вне общественной силы все «идеи века» останутся бесплодными, а правительство только истощится в благородных напрасных усилиях... Какие же это условия?

В статье на Новый Год[10] мы поставили, между прочим, в числе очередных вопросов: в о п р о с о с в о б о д е с о в е с т и, м ы с л и, м н е н и я и и х в ы р а ж е н и я в с л о в е...

<О ДИСЦИПЛИНЕ И СВОБОДЕ>

«Слушай команду — воль-но!» — и по данной команде солдаты оживлялись, начинали чихать, сморкаться и отплевываться: в этом собственно и заключался смысл магического слова: вольно. Пишущий эти строки хотя принадлежит к числу мирных граждан, однако же отчасти ознакомился с военным бытом, послужив целый год в ополчении 1855—1856 года. Эта команда (которую мы всего легче заучили и всего чаще повторяли) нередко вспоминается нам теперь, при либеральных тенденциях нашего времени. В самом деле как было бы хорошо и удобно, если бы можно было так командовать целой стране или целому народу и довести его до такой благовоспитанности: командуешь *вольно*! — и он держит себя вольно, <т. е.>[а] и чихнет и сморкнется, но в меру, но в известных границах; скомандуешь: *смирно*! — и он опять как вкопанный! — Это должно придтись особенно по вкусу г. Чичерину [1]; по крайней мере, читая его сочинения, можно подумать, что писал их не ученый профессор, а батальонный командир. В самом деле — военный мир представляет уже готовые образцы того благоустроенного либерализма, к которому сознательно и несознательно стремятся наши либералы всякого ранга и звания. Видали ли вы, читатель, как фельдфебель [2] учит солдат *развязным* движениям, как заставляет он их махать свободно руками, но так, чтобы рука не выходила более чем на четверть аршина [3] вперед и на столько же назад? Слыхали ли вы — мы, по крайней мере присутствовали при преподавании таких уроков опытными офицерами крестьянам-ратникам, — слыхали ли вы, как перед смотром начальника, желая придать солдатам марсовский вид, офицер *внушает* им: «Смотри чертом! гляди зверем, скотина, когда тебе говорят!», а потом, при прохождении начальника по линии, раздаются грозные шептания в таком роде: «Провожай глазами начальника, смотри веселее, вот я тебя!..»

Может быть, в военном ведомстве оно так и нужно; так ему и быть следует. Ведь недаром же говорится, что дисциплина — *душа* армии! [4] И хотя г. Чичерин хотел бы обзавестись такою *душою* и в гражданском мире, однако ж мы позволим себе не только не желать этого, но всеми мерами восставать против такой душной души, против такого дисциплинарного отношения к жизни! Даже и в военной службе, и там начинают приходить к сознанию, что автоматического повиновения недостаточно, что необходима была бы в некоторых случаях собственная инициатива солдата, — но, странным образом, это сознание в отношении к народу и к жизни еще не вполне овладело заведывающими дисциплиною гражданского ведомства.

Замечательные господа эти заведывающие. Все они одушевлены прекрасными замыслами, все они люди благонамеренные, но (странное это слово: *благонамеренный*: никогда, нигде в частном разговоре не произносится оно без частички *но,* иногда высказываемой, иногда только подразумеваемой), — но не

[а] Вставлено по публ.: *Сборник статей.* 1862. Т. 2. С. 443.

понимают только одного, что никакие их проекты и регламенты, никакие усердные предписания не в силах создать самодеятельность общественную или вызвать жизнь к творчеству в чуждом ей духе, по указанному образцу и мерке. Мы отчасти коснулись этой мысли в передовой статье 16-го №[5], но считаем полезным развить ее еще более и напоминать об ней почаще, потому что правильное понимание пределов дисциплинарного отношения к обществу и к народу — есть существеннейшее условие нашего успешного развития, немертвенности нашего бытия. Вследствие разных исторических причин, о которых распространяться здесь неуместно, общество до такой степени отвыкло или отучено от собственных возбуждений, от самостоятельной деятельности или инициативы, что во всяком общественном деле — ждет или ждало если не приказаний, то указаний начальства. Начальство с своей стороны, «слыша всеобщее молчание» (по известному выражению полицеймейстера)[6] и уступая призыву, а отчасти и увлекаясь пассивностью общества, налагало на себя бремена неудобоносимые[7] и старалось со всем усердием заменить деятельность жизни, заступить роль самого организма. Оттого и выходило, что начальство делало себя солидарным, или, иначе сказать, ответственным за каждое проявление жизни, за каждое движение и слово каждой единицы шестидесятимиллионного населения Российской империи. Задача нелегкая!

В настоящее время хотя и скомандовано: вольно! — но ведь это вольно только чиханьем и сморканьем и ограничивается.

Мы сами, или, лучше сказать, общество до того прониклось этим принципом дисциплинарности, что даже в тех случаях, где правительство предоставило ему свободу действия, общество, по старой привычке, точно так же, по-начальнически готово отнестись к жизни остального народа или даже к собственной своей жизни и — в конце концов — все-таки прибегает к содействию власти! Другой силы мы еще не знаем, а между тем с нетерпеливостью благонамеренного деспотизма рвемся устроить то или другое, — и, согласно идеям века, преимущественно в либеральном духе!

В либеральном духе! Конечно, отпущенная по казенной мерке, сочиненная нами и заштемпелеванная свобода может быть очень хорошею вещью, которою почему же и не щегольнуть пред Европою, но она, по всем вероятностям, имела бы тот же недостаток, который имел проект религии для инородцев, сочиненный когда-то одним начальником отделенного края и представленный им на утверждение власти! Недоставало безделицы: веры, убеждения, действия и воздействия самобытного духа, одним словом — тех условий жизненности, вне которых, что ни сочиняй, что ни придумывай, что ни пиши, — останется словобряцанием, мертвою буквой или бумагой. Мы забываем те примеры, которые до сих пор живут пред нашими глазами. Императрица Екатерина допустила, например, выборное начало в весьма широком размере[8] (между тем, это требование предъявляется теперь как что-то новое) и даже посадила представителей от «мужиков», мужиков же — наряду и вместе с дворянами в уездный суд, под именем сельских заседателей. Что же вышло? Кому неизвестно, что крестьяне смотрят на эту привилегию как на повинность, что пользоваться этим преимуществом заставляют их силою и под страхом наказания и что сельские заседатели, обязанные заседать нередко вместе с потомками Рюрика и принимать участие в суде, совершающемся по «установленному» властию им чуждому порядку, по *Регламенту* Петра I-го[9], вдохновленному немецкими, шведскими

и голландскими законами, — ограничивают свое участие подметением комнат, исправлением должности сторожей и рассыльных!

А между тем, что может быть либеральнее этой меры! Укажите нам страну, где бы либерализм достигал таких размеров. Даже в Англии, в этой свободной Англии, даже и там крестьянин-мужик не восседает вместе за судейским столом с лордами, князьями и графами, потомками аристократических фамилий! Казалось бы, и умно придумано, и благонамеренно приказано, — а на деле выходит все ложь да ложь! В том-то и дело, что все это извне придумано и извне приказано; приказание может быть исполнено «аккуратно», но исполнение <будет>[a] только наружное, внешнее; оно будет лишено того духа жизни, без которого все будет мертво и бесплодно, как без тепла, влаги и света — вянет и блекнет всякое растение.

Что может быть, например, естественнее и разумнее убеждения, что обращение раскольников к истинной церкви требует деятельности миссионерской? Но когда для осуществления вашей мысли ее необходимо провести по всем мытарствам и заключить в одежду канцелярского слова, занумеровать нумером[b] входящей и исходящей бумаги; когда миссионеры будут причисляться к известному классу для чина, к известному разряду для пенсии, одним словом, будет создан штат апостолов, состоящих по особым поручениям при начальстве, — вы убедитесь в том, что все живое улетучилось в учреждение и остался только регламент, ненужный и бесполезный. Святое дело — образование! Кому, как не сельским пастырям, заниматься воспитанием народным. Но предпишите о том указом и для контроля потребуйте ежемесячных донесений о ходе образования и о числе грамотных, — и вы получите школы только на бумаге и в числе вновь обученных учеников — всех грамотных стариков округа, включенных туда же в список: что же делать? — средств не дают, священник в иных местах помещается вместе с лошадьми и коровами, ему некогда, — но велено донести об исполнении, о заведении школы, о числе грамотных!

Таким образом, всякая ваша благонамеренность разбивается, как о камень, об инерцию, бездеятельность самой жизни народной, но мы еще не угомонились. Вместо того чтоб подумать, каким образом вызвать эту жизнь к самостоятельной деятельности, или дождаться, чтобы она пробудилась сама благодаря тому делу, которое, при всех своих важных недостатках, явилось величайшим двигателем народного духа (т. е. освобождение крестьян), — мы продолжаем мечтать о деспотически-благонамеренных предприятиях в разных отраслях нашего общественного быта! Неужели мы еще не изверились!

Направлению, которого «День» служит органом, нередко ставят в упрек, что оно, относясь критически к существующему, не предлагает никаких определительных практических разрешений и в отношении к жизни положительной держится более в сфере отвлеченных начал. То ли дело другие школы! Только попроси: сейчас и проектец готов! По части ли судопроизводства, администрации, торговли, просвещения или какого там ни на есть духовного развития, в какую угодно сторону; по части ли либеральной, что угодно! — только стоит подписать и предписать указом, и дело в шляпе!

---

[a] *В писарской копии здесь*: может быть (РНБ. Ф. 208. Ед. хр. 98. Л. 54 об.). *Заменяем на вариант* Сборника статей. 1862 (Т. 2. С. 445), *который стилистически лучше.*

[b] В *Сборнике статей. 1862* (Т. 2. С. 446): нумерами.

Действительно, мы в этом отношении не можем удовлетворять нетерпение нашей публики. Мы убеждены, что главная задача нашего поколения есть возведение в предмет сознания (критика)[а] существующей деятельности и положительных духовных и нравственных начал нашей народности: сознание само переведет их в жизнь и воплотит в дело, но как именно, этого формулировать мы не умеем, и за то, что принадлежит или самому народу в его цельности, еще до сих пор нами не обретенной, или самой жизни в ее органической производительности, за такое дело мы не беремся.

Мы думаем, что в настоящую эпоху следует как можно более воздержаться от всяких положительных созиданий даже и тем, кто имеет на то возможность и право. С одной стороны, почва, поколебленная освобождением крестьян, еще до сих пор волнуется и трясется, так что построенное теперь пришлось бы перестраивать через три или четыре года; с другой стороны, такие положительные созидания, при отсутствии внутренней деятельности и цельности общественного организма, потребовали бы дисциплины, вред и бесплодность которой мы уже достаточно доказали.

Нам нужно прежде и больше всего устранение тех препятствий, которые мешают развитию нашей внутренней неполитической (в тесном смысле этого слова) свободы, свободы бытовой, свободы жизни и духа, — и в этом отношении предстоит обширная деятельность нашему Правительству, деятельность мер облегчающих, отрицательных, паллиативных, деятельность великая и благая. Между этими мерами, разумеется, первое место принадлежит уничтожению всяких стеснений человеческой мысли и слова. Мы уже говорили об этом не раз, но заявляем снова; мы считаем это такою настоятельною необходимостью, что неудовлетворению этой общественной потребности, по нашему убеждению, — суждено парализировать всякую благую меру, всякое полезное начинание.

[а] В *Сборнике статей. 1862* (Т. 2. С. 447): (критики).

<О БЮДЖЕТЕ>

Важнейшая новость последней недели есть, конечно, *бюджет*, или «табель доходов и расходов Государственного казначейства», напечатанная сперва в 19-м № официальной газеты «Северная Почта» [1] и перепечатанная потом во всех газетах, в том числе и в нашей [2]. Это, бесспорно важное, событие подало повод нашей публицистике к многообразным и очень характеристичным выражениям радости, а Редактору «Нашего Времени» внушило даже [3] *хвалебный дифирамб*. Восторженность не знает пределов, и потому понятно, что г. Павлов обнародование бюджета признал одинаковой важности с освобождением 20-ти миллионов крестьян [4]. Но причина его радости заключается преимущественно в том, что это «идея века» [5], что об этом дадут знать по телеграфу в чужие краи и что Европа, благосклонно и милостиво улыбаясь, погладит нас по головке и выдаст нам патент на звание прогрессистов и даже «в некотором роде» [6] либералов! Какая-то петербургская газета пошла дальше и назвала публикацию бюджета делом *земским*. Нельзя не задуматься над злоупотреблением этого слова. Пущенное в ход славянофильскою историческою школой и долго не признаваемое публикой, оно наконец попало в такую моду и до такой степени истаскано и истрепано, что мы невольно затрудняемся всякий раз, когда приходится к нему прибегнуть. В самом деле, куда его не суют, к чему не приставляют! Это слово — некогда столь общепонятное и известное, полное живого, реального значения, выражавшее собою целый принцип, целое созерцание народное, — неужели и этому слову грозит участь такого опошления, как словам: гласность, прогресс, либерал? Нам было бы жаль этого, жаль именно потому, что это слово не отвлеченное понятие, а взято из действительного мира русской народной истории, — и мы убеждены, что только тогда это слово получит жизненное, не отвлеченное содержание, когда оно вновь воскреснет в памяти и сознании народа и станет произноситься не нашими, а народными устами. В настоящее время, впрочем, нередко случается видеть, как западный либерализм рядится в русскую *одёжу* [7]; такова сила моды и вещей. Но этот либерализм à la moujick еще не есть настоящая русская свобода, и внешнее переряженье не поможет делу нашего сближения с настоящим мужиком, с народом, пока не совершится это сближение в области духа и пока не устранятся последние материальные и нравственные узы, еще опутывающие Русскую землю!

Но мы увлеклись в сторону; вероятно, потому, что нам об этом предмете говорится охотнее, чем о бюджете, о котором мы обязаны говорить в качестве журналиста и о котором, покуда, сказать много нечего. К тому же и выразить всего, что бы мы желали, мы не можем. Мы, впрочем, очень искренно приветствуем обнародование государственной сметы как явление новое и важное в нашей административной и общественной жизни [8]; но, чтобы эта мера была вполне плодотворна, необходимо, во-1-х, чтоб бюджет был публикован вместе с объяснительной[a] запиской и всеми документами, к нему относящимися (ина-

[a] В писарской копии явная описка: «обязательной» (Там же. Л. 61). Исправлено по изд.: *Сборник статей. 1862.* Т. 1. С. 383.

че многое остается[a] в нем непонятным); во-2-х, чтоб была допущена полная свобода критики.

Бюджет на первый взгляд не представляет дефицита: 310 миллионов дохода и 310 миллионов расхода. Но при внимательном рассмотрении оказывается, что к числу доходов[9] отнесен заем[10], составляющий ровно то количество (так ровно, что копейка в копейку приходится), какое в сумме доходов оказывается в недостатке против сумм расходов.

Именно: всего доходов .....295.861.839 р. $27^1/_4$ к.
расходов.....310.619.739 р.
разница .....14.757.899 р. $72^3/_4$ к.

Эта разница покрывается причисленными к доходам, под рубрикою «чрезвычайных сумм» и под названием «из поступивших по последнему $4^1/_2$% займу»: 14.757.899 р. семьюдесятью двумя копейками и тремя четвертями копейки[11]. Это очень счастливо, что сумма займа пришлась так кстати и так ровно: не убавила и не прибавила ни копейки против того, что́ нужно для округления и балансирования бюджета. Мы полагали бы, впрочем, что было бы правильнее показать дефицит, а потом и источник для покрытия дефицита.

Точность бюджета необыкновенная. Не только в окладных, в определенных доходах, но и в неокладных будущего года обозначаются и копейки: например, от выделки металлов для вольной продажи: 181.346 р. восемь копеек; от выплавки на частных горных заводах металлов 835.512 р. тридцать копеек. Вероятно, составитель бюджета принимал в соображение общую сложность прежних лет, но, во-1-х, это не объяснено, а во-2-х, там, где доход подвержен случайностям и может быть обозначен только приблизительно и по соображению, достаточно было бы употреблять одни круглые цифры.

Из доходов Николаевской железной дороги[12] поступает в Казначейство только два миллиона? Куда же поступают остальные миллионы? Нам случалось читать, что эта дорога приносит доходу не менее 8-ми миллионов. Вероятно, впрочем, наши специальные журналы по части промышленности и политической экономии не замедлят разъяснить нам это недоумение. Неужели расходы по управлению, по содержанию, по починкам и пр. стоят 75%? [13]

Расходы по Министерству Императорского двора (кроме содержания разных отдельных учреждений, состоящих в ведении Министерства) — 5.203.148 р. 44 к. Сюда не причисляются суммы, получаемые и расходуемые из *Удельного* ведомства[14]. Желательно было бы знать: сколько последних? На Министерство юстиции и на всю юстицию — 5.502.896 р. 2 к. Почти *миллион* расходуется на Государственный совет, комитеты: министров, Сибирский и Кавказский, три Отделения Собственной Его Величества Канцелярии и на Комиссию прошений. Интересно было бы знать некоторые подробности: между прочим, что стоит содержание III-го Отделения.

На военно-учебные заведения расходуется 3 мил. 535 тыс., а на Министерство народного просвещения — с университетами, гимназиями, школами, с учащими и учащимися во всей России — 4 мил. 156 т. Следовательно, только на 621 т. руб. больше, чем на военно-учебные заведения.

[a] Исправлено по изд.: *Сборник статей. 1862.* Т. 1. С. 383. В писарской копии: «останется» (Там же. Л. 61).

На Министерство государственных имуществ выдается 2.360.891 р. 39$^{1}/_{2}$ к. Судя по обширности этого Министерства и по разным его учреждениям, этот расход не так еще велик; но, вероятно, бóльшая часть расходов по Министерству производится из особых земских или даже сельских, мирских сборов. Нам известно, напр<имер>, что Министерство государственных имуществ назначило на учреждение Агрономической академии близ Москвы (в знаменитом приобретенном Министерством имении Петровско-Разумовском) [15] до 500.000 р. сер<ебром>.

Из каких же источников произведен этот расход? Нельзя не выразить желание, чтобы вместе с табелью государственных доходов и расходов были печатаемы и бюджеты каждого министерства.

Вот почти все, что мы могли заметить при первом поверхностном обзоре. Со временем мы надеемся сами или через одного из наших сотрудников представить читателям более подробное исследование числовых данных государственного бюджета.

В заключение скажем, что табель доходов и расходов Государственного казначейства не дает полного понятия о действительной цифре доходов и расходов — собираемых и производимых административным порядком: для этого надобно было бы, кроме бюджета Удельного ведомства [16], принять в соображение и смету общих земских по государству сборов, а также и расходов, падающих на земские суммы. Так как оклады этих сборов, размер и предмет расходов определяются Правительством, то в сущности, при теперешнем порядке распоряжения ими, эти суммы служат только дополнением к смете государственных расходов. Вспомним, напр<имер>, что содержание всей полиции, острогов, этапов, помещения войск — следовательно, значительная часть административных расходов падает всею своею тяжестью не на Казначейство, а на Земство: сличить эти расходы обоих ведомств было бы в высшей степени важно и интересно.

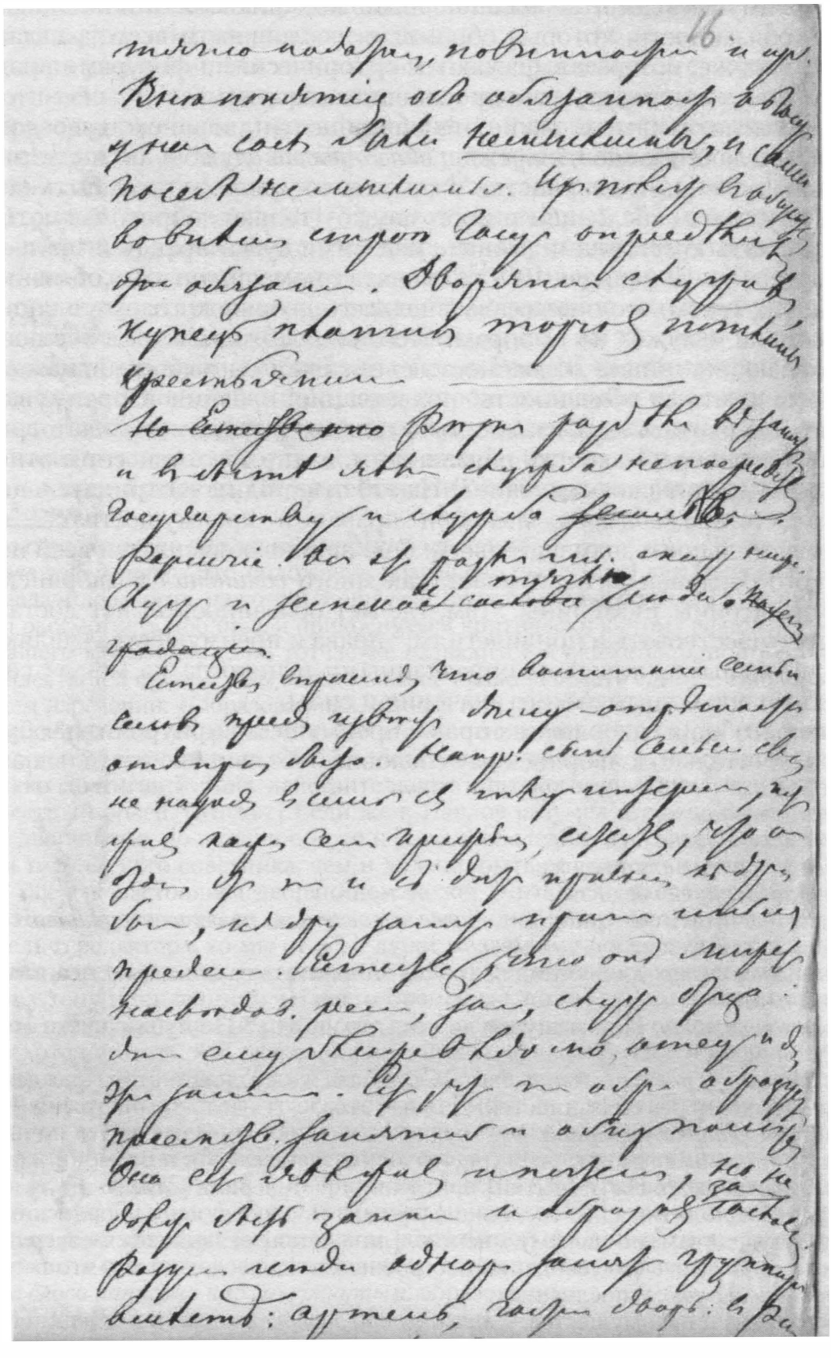
<ДВОРЯНСТВО КАК СОСЛОВИЕ С ПРАВАМИ, НО БЕЗ ОБЯЗАННОСТЕЙ>

Наступил Великий Пост [1], и зимний *сезон* нашей общественной жизни можно считать почти оконченным. Много надежд, много чаяний вызвал он в начале: надежды не сбылись, чаяния не исполнились. Все это в порядке вещей, и к[a] таким периодическим обманам и разочарованиям, кажется, давно пора бы привыкнуть и впредь не чаять и не надеяться, — но трудно отучить себя от такой естественной человеческой слабости. Впрочем, сумма опытов увеличивается, и уроки нынешней зимы авось-либо не пропадут даром: они многозначительны тем, что убедили нас в нашем собственном общественном бессилии и показали нам ясно, как мало мы сами можем на себя надеяться. Читатели поймут нас, если мы скажем, что имеем в виду, между прочим, благородное дворянство Российской империи.

В самом деле, в начале зимы возбуждены были многие вопросы — не отвлеченные, не праздные, не преждевременные, а вопросы насущные, действительные, неотложные. Казалось, разрешение их было необходимо, неминуемо, — и однако же разрешения не последовало ни в жизни, ни вне литературы, ни даже в литературе. — О том, как разрешен, или,[b] вернее, как остался неразрешенным вопрос о дворянстве и о сословиях вне литературы, читателям нашим достаточно уже известно, и[c] рассуждать об этом мы считаем, по некоторым причинам,[d] излишним. На литературной же арене готова была завязаться по этому же вопросу интересная и горячая борьба, но благочиние было тотчас же восстановлено «Северною Почтою» и «героями Нашего Времени» [2]. Г. Борис Чичерин, сделав дворянам одной из губерний строгий выговор за «разгульный либерализм», в то же время внушительно напомнил дворянству об его *обязанностях* [3].

Обязанностях![e] Действительно, во всех наших статьях до сих пор мы ни слова не говорили об этой стороне прав и преимуществ дворянских. Поговорим же об обязанностях. Мы благодарны г. Чичерину за напоминание об[f] них. Под впечатлением его слов мы бросились отыскивать в Своде законов определение наших дворянских обязанностей, искали, искали — и не нашли *ни одной* статьи,[g] *ни одного* параграфа, который бы гласил об обязанностях, а только главы, отделения, разряды, книги и статьи законов «о правах и преимуществах дворянского состояния». Мы должны были придти к заключению, что г. Чичерин, говоря об обязанностях, или[h] имеет в виду обязанность пользоваться пра-

[a] *Далее зачеркнуто*: этому.
[b] *Далее зачеркнуто*: как.
[c] *Далее зачеркнуто*: мы.
[d] *Далее зачеркнуто*: совершенно.
[e] *Далее зачеркнуто*: С первого раза слова [госп<одина>] г. Чичерина могут показаться очень основательными и убедительными, и под влиянием.
[f] *Далее зачеркнуто*: этом.
[g] *Далее зачеркнуто*: и.
[h] *Далее зачеркнуто*: разумеет.



Черновой автограф статьи И. С. Аксакова
«<Дворянство как сословие с правами, но без обязанностей>»
(ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 55. Л. 16)

вами и преимуществами, не налагающими никаких обязанностей, — или же разумеет[a] обязанности, которые общи всем сословиям и всем гражданам без различия, и такие, которые выражаются риторическими фигурами вроде: «сыны, опора отечества, оплот, гранитное подножие» и т. п.

В самом деле, читатель, какие это обязанности дворянского сословия как сословия? Была обязанность прежде, *обязанность* службы, но после знаменитого указа о вольности дворянства[4],[b] последнее уже перестало быть исключительным служилым сословием и несет службу только добровольную. Обязанность управлять крестьянами, чинить над ними суд и правду и пр. и пр.? Но после Манифеста 19 февраля 1861 года снята с помещиков и эта обязанность, — не говоря уже о том, что она касалась не всего дворянского, а только помещичьего сословия. Служба по выборам? Но она не обязательна, в нее поступают только желающие[c]. Разве обязанность съезжаться на выборы однажды в три года? Но[d] считать за обязанность[e] пользование[f] правами и преимуществами все равно, что считать за обязанность[g] утоление жажды и голода в организме отдельного человека. Какие же обязанности, какие тяготы несет в отношении к государству дворянское сословие?[h] На это ответ один — отрицательный.

Это отсутствие *обязанностей* при правах и преимуществах[i] — явление очень замечательное и знаменательное. Оно вполне объясняется всей историей дворянского сословия и[j] показывает, как много *сочинения* в дворянской грамоте[k] императрицы Екатерины.[l] Там, где нет обязанностей, нет достаточного основания существовать и привилегиям;[m] права и преимущества[n] являются[o] не производительными, ничем не оправданными и никогда не могут[p] сообщить такому сословию политического значения и силы.

Другие ратоборцы дворянских прав и преимуществ приурочили[q] образованность исключительно к дворянскому сословию, объявив[r] во всеуслышание, что

---

[a] *Далее зачеркнуто*: те.
[b] *Далее зачеркнуто*: она.
[c] *Далее зачеркнуто*: к тому же.
[d] *Далее зачеркнуто*: ведь эта.
[e] *Было*: Но считать обязанностью. *Далее вставлено на полях и зачеркнуто*: сословия.
[f] *Было*: пользоваться.
[g] *Далее зачеркнуто*: для сословия то же, что считать за обязанностью питье и еду отд<ельного>.
[h] *Далее зачеркнуто*: Не отыщутся ли они где-нибудь? Не публиковать ли о том в газетах?
[i] *Вместо этого начала абзаца было*: Странное же сословие это учреждение прав и преимуществ без обязанностей! Для нас это.
[j] *Далее зачеркнуто*: историей.
[k] *Было*: *сочинения* грамоты.
[l] *Далее зачеркнуто*: На [попытки] притязания г. Чичерина [отыск<ать>] видеть во дворянстве политическое сословие и придавать особую цену дворянским правам и преимуществам, по нашему мнению, [лишаются] оказываются совершенно неосновательными, а его созидания построенными на песке, потому что т<ам>.
[m] *Далее зачеркнуто*: и последние.
[n] *Слова*: права и преимущества — *вписаны над зачеркнутыми*: и последние.
[o] *Далее зачеркнуто*: бессильными.
[p] *Далее зачеркнуто*: придать.
[q] *Было*: Другой ратоборец дворянских прав и преимуществ, г. Павлов, приурочил.
[r] *Далее зачеркнуто*: в своей газете.

«образованный человек или родится дворянином, или *делается им*» [5]. Несправедливость такого объявления[a] очевидна.[b]

Не говоря уже о том, что такою фразою все просвещенные[c] люди духовного звания отнесены к числу необразованных, у нас есть художники, писатели и вообще образованные люди, принадлежащие к недворянским сословиям и остающиеся всю жизнь в своем звании. С распространением образования число их возрастет и теперь с каждым днем возрастает все более и более. Но конечно, нельзя отрицать того явления, что у нас образованный человек становится *как бы* дворянином, приравнивается[d] к[e] дворянскому сословию. Что же это означает? Вовсе не то, что думают видеть защитники и дворянской сословности.[f] Напротив, оно служит лучшим опровержением[g] теорий о создании у нас особого политического дворянского сословия. Посмотрим на это дело поближе. Действительно, в образованное общество у нас, в России, принимаются[h] образованные люди всех сословий, без внимания к происхождению и состоянию. Диплом университетский заменяет у нас всевозможные родословные и патенты, — и будет заменять даже и тогда, когда с ним не будет связано никаких особенных прав и преимуществ. Нашу действительную аристократию, нашу силу об-

[a] *Это слово вписано над зачеркнутым*: положения.

[b] *Далее зачеркнуто*: Это положение возвещено было [так] как безусловная истина и озадачило многих, на которых еще действует блестящая фраза. Но если [эту фразу его] рассмотреть поближе и прикоснуться критически к этому афоризму редактора «Нашего Времени», то он тотчас же развалится и окажется одной пустой и даже не блестящей фразой. Мы имеем полное право передать слова г. Павлова в следующем изречении: «Образованный человек или родится дворянином или [жалуется] производится в генералы, потому что на основании 19 ст<атьи> IX тома Зак<онов> о состоян<иях> изд. 1857 г., *делается дворянином* [в невоенном ведомстве], только достигший чина действительного статского советника или получивший известный орден. [Может] Если же г. Павлов разумел здесь не одно потомственное дворянство, но и личное, — то и [тогда] последнее по закону дается только чином титулярного советника, чем и должно быть пополнено изречение г. Павлова. Но так как настоящим дворянином может считаться только потомственный, то и «Наше Время» имело, вероятно, в виду одно генеральство. Если такова была мысль г. редактора, то мы от всей души желаем ему поскорее получить патент на образованность — чин генеральский (что будет вполне соответствовать генеральскому тону и тенденциям «Нашего Времени»), но мы скорее готовы подумать, что автор этой фразы сам не отдал себе в ней ясного отчета. В самом деле, если г. Павлов хотел сказать, что *всякой* образованный человек делается дворянином, — это несправедливо потому, что у нас есть образованные люди — не дворяне: [почетные] писатели, почетные граждане, [даже] мещане, наконец духовные лица и проч. Если он думал выразить такую мысль, что только образованный может сделаться дворянином, то и это несправедливо: солдат, прослуживший известный срок, получает офицерский чин и дворянство, вовсе не заслуживая название образованного. / Мы бы и не упомянули об этой [ничтожной] фразе, если б она не выставлялась как аргумент защитником дворянской сословности и [не служила б] указывала нам на новое доказательство в пользу нашего мнения.

[c] *Это слово написано над зачеркнутым*: образованные.

[d] *Было*: равняется.

[e] *Далее зачеркнуто*: ним.

[f] *Далее зачеркнуто*: Оно.

[g] *Далее зачеркнуто*: всяких.

[h] *Далее зачеркнуто*: все.

щественную и политическую составляют и будут составлять не порода и не богатство, а ум, талант, способность, образование. Большинство образованных людей принадлежит, конечно, к дворянскому сословию, потому что оно было до сих пор обеспеченнее в средствах жизни и ему открыты были все пути к образованию[a], — но общественная сила принадлежит им *не как дворянам*, а как образованным людям, принадлежит *образованному обществу*, а не дворянскому сословию. Напротив того, дворянство[b] как сословие лишено всякой политической и общественной силы, чему доказательством служит хоть история Крестьянского вопроса в России. Знамя освобождения крестьян поднято было не дворянством собственно, а образованным *обществом*, состоявшим из образованных людей всякого происхождения, и освобождение совершилось *вопреки* необразованному большинству дворянского сословия. Что ж это за сословие, имеющее только такие права и преимущества,[c] которые справедливо[d] было бы распространить и на всех, не имеющее никаких обязанностей и сильное, как говорят, только образованием, т. е. силою, не составляющею его исключительной привилегии, а принадлежащею *всему* образованному обществу? Нет, не аристократию, не отдельное политическое сословие должны мы создавать и выдумывать, а усиливать *общество* и развивать силу *общественную*. Поэтому попытки тех, которые[e 6] хотели бы навязать дворянству привилегированное[f] значение западной аристократии,[g] могли бы только обессилить[h], раздробить сплошную массу образованного общества,[i] уединив дворянство[j] от прочих[k] образованных людей — не аристократов разными юридическими перегородками, а самому дворянству никогда бы не сообщили никакой силы и лишили бы его сочувствия остальных сословий. Точно так же становятся забавными и попытки г. Чичерина, старающегося из всех сил обольстить дворянство[l] и уверить его, что оно[m] действительно существует как сословие прочно и крепко, что оно есть сословие политическое, будущность имеет блистательную, и должно первенствовать, и[n] увидит у своего подножия tiers-état * и проч., и пр. — Но дворянство разумно не поддается такому самообольщению, плохо верует[o] в себя[p], в свою сословную силу и в свои политические прерогативы, а если бы и захотело поверить, так не замедлило бы разочароваться.

---

[a] *Было*: пути образования.
[b] *Это слово вписано над зачеркнутым*: последнее.
[c] *Далее зачеркнуто*: всякий к.
[d] *Было*: справедливость требует.
[e] *Далее зачеркнуто*: как граф Орлов-Давыдов.
[f] *Было*: привилегии.
[g] *Далее зачеркнуто*: такие попытки, более комические, чем серьезные, никогда не встретят сочувствия в русском дворянстве, чуждом аристократической стихии, и.
[h] *Далее зачеркнуто*: дворянство.
[i] *Далее зачеркнуто*: и.
[j] *Это слово вписано над зачеркнутым*: его.
[k] *Далее зачеркнуто*: сословий и.
[l] *Было*: дворян.
[m] *Далее зачеркнуто*: есть поли<тическое>.
[n] *Далее зачеркнуто*: будет иметь.
* третье сословие (*фр.*).
[o] *Было*: верит.
[p] *Далее зачеркнуто*: и.

Действительно, никогда внутренняя слабость этой искусственной организации не обличалась так ярко, как в настоящую минуту, после попыток проявить свою силу и значение. Этот урок должен послужить в пользу и вполне подтверждает нашу всегдашнюю проповедь[a] о том,[b] что нет силы *вне* сочувствия народного, а народное сочувствие и восстановление цельности нашей общественной возможно только при общем единстве у нас с народом исторических, духовных и нравственных начал, — а такое единство требует всего нашего перевоспитания в духе народности, а перевоспитание это может достигнуться только тогда, когда будет положительно[c] разрешен вопрос, поставленный нами в 12 и 16<-м> №№ нашей газеты[7], вопрос о свободе мысли, мнения и их выражения в слове.[d]

Просим позволения напомнить читателям сущность нашей статьи в 13<-м> №[8]. В проэкте дворянского постановления, мы предлагали дворянству «*выразить правительству желание* со стороны дворянства, об *уничтожении себя как сословия* (немедленного самоуничтожения собственною властью мы никогда и не требовали) и о видоизменении и распространении дворянских привилегий на все сословия. В этом проэкте дворянство должно было только постановить эти *общие начала* и положить их в основание всем будущим изменениям в своем существовании. «Для точнейшего же определения как самих начал, так и подробностей их применения к практике, равно и для изготовления обстоятельных предположений и проэктов признавалось необходимым учредить Комитет, вроде бывших губернских комитетов по крестьянскому делу.

Это требование многим показалось слишком узким, особенно после широкой постановки вопроса, и вообще неудовлетворительным. А между тем мы были правы, и, при[e] нашем требовании, инициатива преобразования дворянского сословия могла бы[f] принадлежать[g] дворянству, тогда как теперь, к сожалению, она едва ли не уступлена дворянством другой власти. Комитеты нисколько бы не решали дела окончательно,[h] а только бы подготовляли решение для законодательной власти, — поэтому нечего было и опасаться, что[i] они[j] станут обсуждать вопрос в духе исключительно сословном, особенно если б допу-

[a] *Было*: наше всегдашнее желание.

[b] *Далее зачеркнуто*: проповедь, которую на сей раз мы отложим, до [более обстоят<ельного>] времени более благоприятного.

[c] *Это слово вписано над зачеркнутым*: благоприятно.

[d] *Далее зачеркнуто — сначала чернилами, а от слов:* свободно и гласно — *красным карандашом*: откуда происходят бессилие и сила. Теперь же, мы считаем [не лишним] себя вправе выразить наше искреннее сожаление, что дворянство в тех собраниях, которые происходили нынешнею зимою, не последовало *в точности* нашим советам. Оказывается на деле, что советы наши были самые *практические*, и если бы они были исполнены, дворянство имело бы, по крайней мере в настоящее время, комитеты, где бы обсуждался свободно и гласно вопрос об изменении IX тома Законов о состояниях и подготовлялись бы материалы для его окончательного общего разрешения [путем] тем или иным другим путем законодательным.

[e] *Это слово вписано над зачеркнутыми*: если б.

[f] *Слова*: могла бы — *вписаны над зачеркнутым*: оставала<сь>.

[g] *Было*: принадлежала.

[h] *Далее зачеркнуто*: поэ<тому>.

[i] *Было*: чтоб.

[j] *Далее зачеркнуто*: не.

щено было обсуждение самого вопроса в литературе. Что же касается до того, что в нашем предположении не назначено было в Комитет членов от других сословий, в чем нас обвинял один из журналов, то такое соединение в Комитете представителей всех сословий мы считали преждевременным, неуместным[a] до окончательной развязки отношений между помещиками и крепостными и совершенно бесполезным при том резком[b] различии, какое еще существует, независимо от юридических делений, в быте и образовании сословий. Безграмотные крестьяне, сильные и разумные у себя на мирской сходке, были бы совершенно затерты[c] европейски-искусными ораторами Комитета. Это было бы вроде[d] несчастных, безгласных заседателей от крестьян в уездных судах, исправляющих обязанности истопников и рассыльных. Это было бы новою ложью, — а лгали мы уже довольно! Зачем же еще лгать во имя либерализма и[e] равенства? — Мы бы желали лучше дать крестьянам возможность выразить отдельно и свободно[f] свое мнение, и подать свой голос, и вообще говорить здесь о комитетах, а не о других каких-либо более широких установлениях.

Мы сочли необходимым написать эту статью в объяснение наших прежних статей против нападок, опровержений и сомнений, возбужденных ими в некоторых наших газетах и журналах. Вместе с тем,[g] отдавая должную[h] справедливость[i] благородству побуждений, увлекших[j] дворянство в некоторых местностях за пределы практически возможного, а потому и полезного в настоящую минуту, и искренно сожалея, что советы наши не были вполне приняты, мы предлагаем их вновь[k] дворянству тех губерний, где еще не открывались[l], но скоро будут открыты Чрезвычайные собрания дворян для решения некоторых вопросов, предложенных Министерством[m].

---

[a] *Далее зачеркнуто*: и бесполезным.
[b] *Далее зачеркнуто*: бытовом.
[c] *Далее зачеркнуто*: краснобаями.
[d] *Далее зачеркнуто*: наших.
[e] *Слова*: либерализма и — *вписаны над зачеркнутыми*: свободы и.
[f] *Было*: свой свободный голос.
[g] *Далее зачеркнуто*: искренно сожалея, что советы наши не были в точности приняты, и.
[h] *Далее зачеркнуто*: дань.
[i] *Далее зачеркнуто*: мужеству тем.
[j] *Это слово вписано над зачеркнутым*: заставивших.
[k] *Слова*: предлагаем их вновь — *вписаны над зачеркнутыми*: полагаем, что те губернии.
[l] *Было*: открыты.
[m] *Слова*: некоторых вопросов, предложенных Министерством — *были зачеркнуты, потом подчеркнуты, т. е. восстановлены.*

<О ВЗАИМНОМ ОТНОШЕНИИ НАРОДА, ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА>

<Статья 1. Нам недостает силы общественной>

Либерал и кавалер[1] — назовем его хоть Семен Иваныч — один из наших старых знакомых, говаривал обыкновенно: «Дали бы мне *власть*, я создал бы тотчас общественное мнение!» А его превосходительство либерал Иван Семеныч, также наш старинный приятель, постоянно возмущавшийся «косностью, смирением и раболепством» русского народа, о котором вообще изволил отзываться с просвещенным негодованием, — его превосходительство либерал разрешал обыкновенно всякий гордиев узел общественных и административных недоумений и затруднений — проектами разных законодательных мер и строгих либеральных указов. — К счастию, ни тот ни другой не достигли столь желанной ими, для пользы отечества, власти. Мы сказали: к счастию. И действительно, будь у Ивана Семеныча и Семена Иваныча право и возможность распоряжаться отечеством по своему вольнодумному благоусмотрению, они бы предписали указом либеральничать в известном, *опробованном*, а не в другом каком-либо направлении; они бы заставили умолкнуть всякий голос, противоречащий их «благонамеренным либеральным видам»; они бы проповедовали в *официальных* газетах необходимость, важность и прелесть свободы и свободного общественного мнения, а литературу пригласили бы разыгрывать мелодии в «мажорном или минорном тоне», согласно *их собственному* камертону; они бы принудили общество с покорностью идти к *той* свободе, которую они для него и за него придумали, или безмолвно и послушно выжидать, пока изготовятся ими, на их кухне, разные благополезные, благопригодные и благовременные либеральные гостинцы и сюрпризы!

Таких людей много, и очень много, в нашем обществе, — но не спешите осуждать их, читатель! Если мы все, без исключения, беспристрастно и пристально вникнем в самих себя, подсмотрим наши внутренние движения, подслушаем наши собственные, невольно вырывающиеся первые, необдуманные восклицания и речи, мы должны будем сознаться, что *в каждом* из нас, более или менее, обитает такой же Иван Семеныч или Семен Иваныч. «Я бы *указом*», «будь я министр, я бы дал *предписание*», «надо бы издать *закон, распорядиться, принять энергические меры, приказать*», «чего смотрит правительство или начальство!» и пр., и пр. в таком же роде: все эти выражения каждый из нас может частехонько подловить на собственных устах, и все эти выражения свидетельствуют только о том, что мы привыкли всего ожидать сверху, всякое спасение полагать в законодательной мере или учреждении, в форме внешнего принуждения, — а не во внутреннем побуждении, не в собственном начинании или инициативе, не в самостоятельной деятельности личной или общественной.

Справедливо заметил в этой же газете г. Елагин, что «недобросовестно слагать вину на правительство в таком деле, в котором могут действовать только такие усилия общественные, на которые недостанет средств ни у какого правительства»[2]. В самом деле, есть целые области общественных отношений и общественной деятельности, куда не в силах достать сверху, распоряжением, никакая самая отважная благонамеренность начальства; есть многочисленные явления духа, которые не могут быть вызваны на свет Божий указом и которые не терпят никакой извне налагаемой формулы. Наконец, мы знаем и по теории, и уже достаточно научены опытом, что всякие внешние, принудительного характера, попытки: создать духовную жизнь, деятельность, нравственную силу — производят только одно подобие жизни, деятельности и силы, лишенное, разумеется, всякой внутренней энергии, и не только не плодотворное, но и положительно вредное, как всякая ложь, внесенная в нравственную жизнь общества. Мы убеждены, что органические силы человеческого общества не могут быть заменены никаким искусственно придуманным механическим снарядом, что правительство не может брать на себя или «исправлять должность» организма и жизни, — и тем не менее мы сами, собственным бездействием, собственной слабостью хотенья и убежденья, собственною леностью мысли и воли, постоянно обращаясь к верху, вызываем правительство на ненужное и бесплодное вмешательство, часто вопреки его собственному желанию и воле!

За примерами ходить недалеко. В 1861 году *двенадцать* губернских присутствий по крестьянскому делу[3] «входили куда следует» с представлением о том, чтобы дозволено было стеснить, — допущенный Положением 19 февраля, — свободный самосуд волостных судов — разными формальностями и введением Сельского судебного устава, сочиненного для крестьян государственных имуществ. Такое административное усердие со стороны лиц, составляющих присутствия и приглашенных большею частью к «почетно-либеральной» деятельности из среды самого образованного общества, усердие, к тому же и не согласное с духом либерализма, вмещенным в параграфы и статьи Положения, — вынудило правительство к ответу, распубликованному во всех газетах, что, предоставив волостным судам свободу руководствоваться совестью и местными обычаями, оно находит такое требование присутствий преждевременным и для крестьян стеснительным. — Конечно, такой пример составляет редкое исключение, но в большей части случаев мы только не додумываем или не договариваем последнего слова или же вносим то же административное, государственное, внешне-принудительное начало в собственную деятельность. Проникнуты ли мы чувствами сострадания и желания помощи ближнему — и у нас как раз заведется чуть-чуть не целое министерство благотворительности, со всеми бюрократическими порядками! Честным человеком когда-то было высказано, негодование на то, что ради доброго дела употребляется нередко соблазнительный способ собирания денег посредством лотерей и маскарадов[4], более или менее вредных для общественной нравственности, — и тотчас же многие пожелали и добились-таки з а п р е щ е н и я этих увеселений — впоследствии отмененного! Путем разных умозаключений доходим мы, например, до сознания необходимости живой миссионерской проповеди между раскольниками или иноверцами, — но, не обретая внимательного слуха в сонном обществе, — делать нечего — пишем проект, который и представляем по порядку службы. Живая мысль, которой бы следовало тотчас же, свободно перейти в живое де-

ло, — проходит, зашнурованная, занумерованная, чрез всевозможные канцелярские мытарства и, утратив все живое и животворящее, становится бумагой, требующей очистки, и, наконец, преобразуется в какой-нибудь *штат* апостолов или миссионеров. И — скажем откровенно — было бы недобросовестно и несправедливо обвинять правительство в неуспехе такого миссионерства. Государство, какое бы оно ни было, самодержавное, конституционное или республиканское, не может по самому существу своему действовать и совершать свои отправления иначе, как посредством разных бюрократических форм и порядков, захватывая область в н е ш н е й правды, в н е ш н е г о действования и в н е ш н и х отношений, и никакой указ — императорский, конституционного короля, парламента или законодательного собрания республики — не в силах создать апостола или проповедника! — Мы сильно хлопочем в настоящее время о народном и общественном образовании, придумываем тот или другой способ устройства народных школ и высших учебных учреждений, — и не находим других средств осуществить наше предположение, как чрез принудительное распоряжение правительства, — тогда как сами убеждены, что принудительное распоряжение не дает жизни и легко порождает официальную ложь!.. Но как иначе достигнуть нашей цели, мы не знаем, не умеем, не видим ни путей, ни способов, ни средств! Мы так вжились в официальные привычки и приемы, что почти всякое наше предположение и рассуждение ложится в форму проекта законодательной меры, просит параграфов и пунктов удобоутверждаемых и редко походит на живое слово убеждения, обращенное к живым силам самого общества.

Какое печальное и, по-видимому, безвыходное положение! С одной стороны, жизнь дает смутно чувствовать потребности каких-то улучшений и преобразований, непрерывно встают вопросы, вызываемые или действительною надобностью, или отвлеченными соображениями, — но сама жизнь упорно, безответно молчит, не дает разрешения, не облегчает труда положительным указанием! С другой — постоянное, искусственное разрешение, налагаемое извне, — искажение, часто невольное, государственным началом свободных отправлений этой безмолвной общественной жизни, постоянные противоречия, разлад с жизнью и болезненное чувство всеобщей неудовлетворенности! С одной стороны — бездействие или испорченность, инерция организма, с другой — невозможность его исправления и оживления — мерами принудительными, силою официальною, единою, действующею неослабно и на просторе! С одной стороны, бессилие, умеющее только раздражаться, — отрицательно, пассивно противодействовать или же проявлять свое противодействие в бесплодности, непроизводительности и безобразии жизни; с другой — сила, сила положительная, но не способная по существу своему творить и созидать в области духа, осужденная на производительность чисто внешнюю и на невольное искажение — внутреннего и живого!

Мы полагаем, что в *более* ясном истолковании — слова наши не нуждаются и что читатели сами могут дополнить картину нашего современного положения...

Нам недостает внутренней, общественной жизни, недостает глубоких убеждений, недостает самодеятельности, недостает силы, с и л ы о б щ е с т в е н н о й, той силы, которая есть единственная могучая, нравственная человеческая сила, достойная человеческого общества, животворящая, всепо-

беждающая, ведущая народы к совершению предназначенного им подвига в истории человечества! Проснуться, ее, эту силу, вызвать, ей поработать, ее созидать — вот к чему мы должны стремиться, все, всем обществом, от мала до велика, — вот в чем наше спасение и охрана, вот единственное условие нашего развития и преуспеяния!..

Но каким образом? и почему недостает нашему обществу этой силы? и что́ такое общество? и какое его значение у нас в России, между Землею и Государством?.. На все эти вопросы мы попытаемся дать ответ в следующей статье.

<Статья 2. Общество есть народ самосознающий>

В последний раз, заканчивая статью[a], мы поставили вопросы: что́ такое общество и какое его значение у нас в России, между Землею и Государством? Не знаем, насколько ответ наш покажется удовлетворительным, но во всяком случае предлагаем его читателям. Чтобы яснее выразить нашу мысль, нам придется повести речь издалека, обратиться к свидетельству истории и к отвлеченным, теоретическим построениям.

Было ли у нас общество до Петра? Не было, отвечаем мы, точно так же, как не было и литературы, без которой, в позднейшие времена[b], немыслимо никакое общество, — а почему так — вот наши доводы.

Говоря *общество*, мы разумеем здесь не то юридическое определение, которое прилагается ко всякому соединению людей: случайному ли, для какой-либо цели, как, напр<имер>, торговые компании; по образу ли жизни или занятиям, как, напр<имер>, цехи, гильдии; или в самом широком смысле, в смысле *народа*, противополагаемого государству. В последнем случае нередко вместо *общества* употребляется слово *народ* и вместо *народа — общество*. Впрочем, все эти определения читатели найдут в замечательных статьях г. Лешкова, помещенных в нашей газете [1]. Г. Лешков первый сделал у нас опыт создать науку «общественного права», до сих пор отвергаемую юристами, — но не об этом обществе и не об этом праве хотим мы говорить. То общество, или, вернее, то, что́ мы разумеем под словом *общество*, ускользает от всякого юридического определения, не укладывается ни в какую юридическую рамку, не наделимо и не ограничимо или — другими словами — не способно быть наделяемо или ограничиваемо никакими юридическими «правами, преимуществами и обязанностями» [2]. А между тем оно имеет жизнь, и жизнь действительную; оно не фикция, не мечта, а реальность, явление положительное; оно наделено страшною силою, существующею в н е в с я к о г о ф о р м а л ь н о г о з а к о н а, — силою общественного мнения. Но эта сила есть сила нравственная, это положительное явление есть явление нравственного мира.

В этом смысле слово *общество* часто употребляется и в нашем разговорном языке, но большею частью безотчетно и, по недостатку строгого определения, беспрестанно смешивается с другими, часто противоречащими понятиями. Французское слово *société* и английское *society*, хотя и соответствуют нашему *обществу*, но в смысле более узком или, по крайней мере, не столь ши-

[a] *Было*: Мы говорили в последний раз об обществе и об.
[b] *Было*: без которой, в наше время.

роком.[a] Замечательно, что у немцев нет слова для идеи общества: Gesellschaft — значит собственно *товарищество*, — и для выражения понятий об обществе в широком смысле вы должны прибегнуть к не-немецкому слову, напр<имер>, общественный вопрос, une question sociale, eine *sociale* Frage, и проч. Любопытно видеть, как выражается идея *общественного* мнения на трех главных языках Европы[b]: l'opinion *publique*, *public opinion*, *öffentliche* Meinung. Нельзя не сказать, что русское слово всего вернее и точнее соответствует этому явлению общественной жизни и передает идею общественности, — и это недаром, точно так же как и не случайно отсутствие у немцев слова *общество*. Мы поговорим о том подробнее в своем месте.

Ознакомив, некоторым образом, читателей с самою областью вопроса, попытаемся теперь определить и самое понятие: *общество*. Общество, по нашему мнению, есть та среда, в которой совершается сознательная умственная деятельность известного народа; которая создается всеми духовными силами народными, разрабатывающими народное самосознание. Другими словами: общество *есть* народ во втором моменте, на второй ступени своего развития, народ самосознающий. Постараемся[c] разъяснить читателям это определение.

Что́ же такое *народ*?

Всё в каждой стране, граждански живущей, существует *из* народа, народом, *ради* народа, — и *вне* народа[d], вне его участия, прямого или косвенного, положительного или отрицательного, не могло бы и существовать то, что́ существует. В обширном смысле народом называется все население известной страны, представляющее цельность нравственную и физическую, единство происхождения и предания, единый общий тип физический и духовный. Такое определение объемлет все сословия, все ступени общественные, от царя до последнего крестьянина: все равно как, говоря: *дерево*, мы разумеем и корень, и семя, и ствол, и ветви, и листья. Но в тесном смысле, и более строгом, народом называется *простой* народ, то народное множество, которое живет жизнию непосредственной и, как зерно, сосредоточивает в себе всю органическую силу, все развитие организма. В самом деле, как семя хранит в себе всю будущность дерева, с красотой, шумом и зеленью листьев, — и дерева именно этого, а не какого-либо другого, так что семя дуба родит дуб, а не березу,[e] — так и народ, в тесном смысле, хранит в себе всю будущность предстоящего ему подвига, развития своей духовной особенности, своего типа. Но этот тип, эта особенность являются в нем на степени и с характером силы стихийной[f], — разумеется, не в физическом, а в духовном смысле, силы духовной, но еще не покоренной личному сознанию, не ставшей предметом сознания. — Народ состоит из отдельных единиц, имеющих каждая свою личную разумную жизнь, деятельность и свободу; каждая из них, отдельно взятая, не есть народ, но все вместе составляют

---

[a] *Далее зачеркнуто слово-предложение*: Замечательно.

[b] *Было — сначала*: иностранных языках; *затем*: европейских языках.

[c] *Было*: Но мы надеемся.

[d] *Было*: и без народа.

[e] *Далее первоначально было*: [как смотанный клуб<ок>] так и народ, в тесном смысле, хранит в себе всю [свою духовную особенность, свое духовное призвание и подвиг на земле], будущность предстоящего ему подвига, развития [своих сил] своей духовной особенности.

[f] *Было*: силы [не слепой, а] разумно-стихийной.

то цельное явление, то н о в о е лицо, которое называется народом и в котором исчезают все отдельные личности[a]. Поэтому народ не есть агрегация или совокупность лиц с их совокупною деятельностью, а живой, цельный, духовный организм, живущий и действующий самостоятельно и независимо от лиц, составляющих народное множество. Процесс мысли, сознания, творчества в *этом организме*, его физиологические и психические законы составляют такую же тайну, как и самая тайна жизни. Возьмите, например, язык в народе, хоть наш русский. По свидетельству филологов, он поражает мудростью, стройностью, логичною последовательностью своих законов[b]; он являет как бы работу мысли, раскрытие которой и составляет задачу филологии, почти неисчерпаемую. Между тем *ни одна* отдельная личность в народе не мыслила, не работала над языком. Предположить, что — вот люди подумали-подумали, да и решились принять тот или другой закон в языке, сочинили такой-то суффикс, условились в какой-то флексии, — разумеется, невозможно. Каким же образом, когда ни одно отдельное лицо не обдумывало системы языка и все вместе не условливались о ее строении, создается, однако, язык, весь как бы проникнутый сознанием? Очевидно, что те же самые лица, как *народ*, составляют особый цельный организм, в котором духовные отправления и процесс сознания совершаются иным путем и иным порядком, нежели в отдельном человеке.

Собственно говоря — это и не есть сознание в обыкновенном смысле: здесь совершается бессознательное *творчество* народного разума и воли[c]. Народные единицы не *замечают* здесь участия своей личной мысли, участия, однако, несомненного; здесь нет *посредствующего* действия мысли между отдельною личностью в народе и народом. Как самое народное творчество принадлежит в с е м у народу, а не отдельным лицам, так в с е м у же народу принадлежит пока и сознание этого творчества. Отдельные лица уже особым, новым действием пересознания постигают мысль, вырабатываемую народным творчеством. Это постижение народной мысли личным сознанием есть уже новая ступень в жизни народной — народное *самосознание*. Это самосознание совершается в *обществе*.

Итак, народ не есть *сосуд*, как думали некоторые, ибо сосуд безучастен к своему содержанию; не есть *масса*, как выражаются другие, ибо масса бессознательна и не имеет в себе ничего органического; не есть и *материал*, потому что этому материалу нельзя давать произвольного назначения извне и подчинять его своей личной воле, а напротив — он подчиняет себе чужую волю, развиваясь извнутри себя, по своим внутренним органическим законам.

Народное самосознание есть новое движение в бытии народном, новая ступень народной жизни; но не следует думать, чтобы чрез это непосредственная народная жизнь или тот особенный процесс народной мысли, о котором мы выше говорили, становились излишними. Как семени для исполнения своего назначения необходимо проявить свою жизнь в корнях, стебле, стволе, ветвях и листьях, так и народ не может оставаться при одном непосредственном творчестве в жизни духовной, — при первоначальном виде внешнего бытия —

[a] *Далее первоначально следовало*: представляет совершенно особенный, живой, цельный организм.

[b] *Было*: своего развития.

[c] *Далее первоначально следовало*: [являющих] [представляющих] имеющих характер какой-то духовной стихии.

в жизни вещественной. Но как внутренняя жизнь корней не прекращается оттого, что выросло, цветет и зеленеет дерево, так и акт непосредственного творчества не может быть однажды завершен и покончен оттого, что он сознается. Напротив, точно так, как сохнет дерево вместе с прекращением деятельности корней, — как скоро исчезла деятельность непосредственной силы, — гибнут и исчезают народы.

Обращаясь к истории, мы видим, что, как птица прежде всего свивает себе гнездо, — так и первым действием всех народов было: создать себе внешнюю государственную форму, форму, в которой бы они могли свободно совершать свое развитие и таким образом исполнить свое назначение в человечестве. *Общества* еще нет, а уже возникает *государство* над народом, — продолжающим жить жизнию непосредственной. Но не выражает ли государство народного самосознания? Нет, оно есть только внешнее определение, данное себе народом; деятельность его, т. е. государства, и сфера его деятельности — чисто внешние. Государство является как органический покров, или, по сравнению К. С. Аксакова, как кора на дереве, которая должна подаваться, растягиваться, видоизменяться согласно с внутренним развитием и деятельностью сердцевины. «Беда, — говорит К. С. Аксаков, — если вся сила дерева пойдет в кору: растет и толстеет кора — сжимается и слабеет сердцевина, а чем слабее сердцевина, тем ближе и гибель дерева, которую никакая толщина коры отвратить не может: не в том дело — крепка ли кора, а в том, здорова ли сердцевина»[3]. В человеческом организме есть также болезнь: о т о л щ е н и е к о ж и[4]. Кожа, разумеется, есть часть того же организма, — к а к и г о с у д а р с т в о по отношению к народу, — но при слабой деятельности организма или при неправильности его отправлений все обращается в кожу, которая, распространяясь на счет прочих органов, становится как бы во враждебное отношение к организму, будучи сама его частью. В этой болезни нет другого лекарства, как противодействовать уродливому развитию, такому мятежническому поведению кожи — возбуждением жизни и деятельности в прочих органах.

Эта деятельность в народном организме выражается деятельностью общества, или, лучше сказать: общество есть не что иное, как народный организм в деятельном развитии; не что иное, как *сам народ* в его поступательном движении. Здесь уже не бессознательный процесс народного сознания и творчества, которого пример мы видели на народном языке, не непосредственное бытие и пребывание в нем, а деятельность самого народа на второй ступени своего бытия, деятельность самосознания. Личность, поглощаемая *в народе*, существующая и действующая в нем не сама по себе, а как часть, атом народного организма, получает вновь свое значение *в обществе*, но с тем, чтобы путем личного подвига и личного сознания утвердить свою связь с народом и воссоздать новую высшую, духовную цельность народного организма.

Если читатели припомнят или перечтут сказанное нами выше определение общества, то оно, вероятно, не покажется им теперь непонятным. Просим извинения у читателей, если утомили их внимание, и продолжаем.

Итак, мы имеем: с одной стороны — народ в его непосредственном бытии, с другой — государство — как внешнее определение народа, заимствующее свою силу от народа — и усиливающееся на его счет при бездействии его внутренней жизни, при долговременном его пребывании в непосредственном бытии; наконец, между государством и народом — *общество*, т. е. тот же народ, но

в высшем своем человеческом значении, не пребывающий только в известных началах своей народности, но сознающий их, сознательно развивающий и обособляющий их в явлениях, постоянно действующий и совершающий свой земной исторически подвиг. Государство есть начало внешней деятельности внутренней, нравственной, умеряющей деятельность внешнюю, полагающей ей нравственные пределы. При отсутствии общества, при бездействии его государственное начало, захватывая все шире и шире круг своей деятельности внутри государства, может, наконец, как кора — сердцевину, сдавить и почти заглушить жизнь народа, находящегося на степени непосредственного бытия; народность, не вооруженная сознанием, не всегда надежный оплот против врагов внутренних и внешних. Только *сознание* народных начал, только общество, служащее истинным выражением народности, являющее высшую сознательную деятельность народного духа, может спасти народ и остановить — растущее внутрь государство.

Теперь посмотрим поближе, что́ такое общество.

Во-1-х, имеет ли оно какую-либо политическую, внешнюю организацию? Никакой. Это не есть ни сословие, ни цех, ни корпорация, ни кружок, ни какое-либо иное условленное соединение людей. Это даже не собрание, а совокупная деятельность живых сил, выделяемых из себя народом, деятельность людей, которые вышли *из народа*, но не состоят уже под законом непосредственного быта, не поглощаются в народе, а — напротив, делают непосредственное творчество народное и самый народ предметом своего сознания и деятельности, получая в то же время от народа — жизнь, питание и силу. Разумеется, мы говорим не про то, что́ есть, а что́ должно быть. Выделяться из народа в нравственном смысле дает право только образование, и притом не в значении известного количества познаний и даже не в значении одного умственного образования, а в значении личного духовного развития вообще, такого развития, которым нарушается однообразие и безличность непосредственного народного бытия, но нарушается именно тем, что дух народа сознается и самое единство народное ощущается — яснее и живее. Такое развитие есть расширение умственного взора, а по тому самому — и усиление нравственного сочувствия к народу. Тут не может быть ни определенного числа лиц, ни патентов, ни других примет на принадлежность к обществу; оно образуется из людей всех сословий и состояний, — аристократов самых кровных и крестьян самой обыкновенной породы, — соединенных известным общим уровнем образования. Чем выше умственный и нравственный уровень, тем сильнее и общество.

Во-2-х, общество, как само собою разумеется, не должно кристаллизироваться, костенеть, мертветь, а должно постоянно освежаться, обновляться новым притоком сил из народа — одним словом, состоять к нему в таком же отношении, как дерево к корню. Впрочем, — об аномалиях в этом отношении, об уродливом развитии общества, которое уже, в таком случае, есть какое-то не настоящее, а самозванное общество, мы будем говорить подробнее, когда коснемся русского общества.

В-3-х, общество, разумеется, существует только там, где есть цельное народное тело, цельный организм с соответствующим ему цельным органическим покровом, т. е. внешней, государственной формой. Встречая общество во Франции и Англии, мы его не видим в Германии; т. е. оно существует как *германское*, но лишено живой, реальной действительности, потому что германского цель-

ного народа не существует, Германии нет как целого тела, а есть Бавария, Гессен-Гомбург[5], Гессен-Кассель[6], Рейс-Шлейс-Крейц-Лобенштейн[7] и проч. Немец может обрести единство германского организма только в области *отвлеченной*, в Шиллере, Канте, Гёте, Гегеле. Вот почему у немцев нет в языке и выражения, соответствующего нашим словам: *общество, общественность, общественный*; вот почему в немецкой литературе нет даже общественного романа, вроде сочинений Диккенса, Гоголя или Бальзака, потому что в области действительности германец превращается в гессенца, мекленбургца, баварца и проч. Вот почему также такое стремление в немцах, подобно Италии[8], сплотиться в единую сильную Германию, чтобы создать себе внешнюю форму, которая бы вполне соответствовала цельности народного германского организма, — вопреки всяким учениям о преимуществе федерации и о вреде крупных государств...

В-4-х, сила общества как явления не политического есть сила н р а в с т в е н н а я, сила «общественного мнения». Орудие деятельности общества — есть с л о в о, и по преимуществу печатное слово, разумеется, с в о б о д н о е. Напрасно воображают некоторые, что свобода слова, устного или печатного, есть *политическая* свобода. После этого и свобода есть, пить, спать, дышать воздухом, двигать руками и ногами есть также политическая «прерогатива»! Между тем свобода слова, свободный обмен мыслей, чувств, мнений, необходимый для нравственной деятельности, относится точно так же к стороне нравственной человека, как свобода спать, есть — к стороне физической. Злоупотребление слова так же возможно, как и злоупотребление рук, но если бы в предупреждение зол, которые можно учинить руками, связать всем людям руки за спину, то уничтожилась бы всякая возможность деятельности, следовательно, и существования как связываемых, так и вяжущих.

Впрочем, как об этом орудии общественной деятельности, так и вообще о силе общественной мы желаем поговорить пространнее, — а так как статья наша вышла и без того чересчур длинна, то мы отложим рассуждение об этом предмете до следующего №, равно как и соображения наши о русском обществе в особенности.

<Статья 3. Орудие общества — свободное слово>

Мы просим читателей припомнить все, что́ было нами сказано в статье 10 марта об обществе, его значении, его месте между народом и государством. Мы говорили, что общество *не есть явление политическое*, что сила его есть *сила нравственная*, сила общественного мнения и что орудие деятельности общества — есть *слово*, по преимуществу печатное и, разумеется, свободное.

Мы идем далее. Мы решаемся даже утверждать, что где нет деятельности слова, там нет и общества (разумеется, если отсутствие таковой деятельности происходит не от внешних, случайных причин) — или иначе: в истории позднейших времен *без литературы* немыслимо никакое общество. Постараемся доказать это. Дело в том, что общество есть та среда, в которой совершается сознательная, умственная деятельность народа, которая создается всеми духовными силами народными, разрабатывающими народное самосознание. Другими словами: общество есть народ на второй ступени своего развития, на-

род самосознающий. Но для того чтоб стать на эту ступень, чтоб от непосредственности двинуться к самосознанию, от безличности народного бытия перейти к совокупной деятельности лиц, воссоздающих новую высшую духовную цельность народного организма, — необходимо *образование*. Мы уже объяснили прежде, *что́* мы разумеем под образованием. Оно принимается нами не в смысле известного количества познаний, не в смысле одного умственного образования, а в значении личного духовного развития, такого развитая, при котором личность, поглощаемая до сих пор в народе и не существующая в нем *сама по себе*, — обретает себя вновь, ощущает себя как *единицу* народную, разрешает плен непосредственного бытия (подобно тому как пускаемый зерном росток пробивает поверхность зерна) и получает возможность постижения мысли народной — личным сознанием. Это постижение народной мысли, народного непосредственного творчества личным сознанием единиц, народ составляющих, есть уже народное самосознание, которое и совершается в *обществе*. Следовательно, только образование, в том значении, как мы его объяснили, полагает начало народному самосознанию, или, другими словами: только образование дает бытие обществу. Поэтому-то общество необходимо предполагает известный общий уровень образования, и чем выше уровень, тем сильнее и общество.

Но как определить этот уровень образования? Как обозначить границу, где кончается непосредственность бытия и начинается деятельность народного самосознания в единицах? Как указать ту ступень личного развития, на которой действие личного сознания получает значение народного самосознания? Как определить — когда личная деятельность единиц имеет право назваться *общественною*, когда именно народные единицы являются обществом? Как провести в истории черту, откуда деятелем (фактором) истории становится общество?

Определить этот уровень и обозначить его пределы — нет никак возможности, да нет в том и надобности. Область нравственного мира не терпит никаких внешних рубрик и формул, никаких сигнатур и штемпелей, не поддается ни весам, ни мерам, ни горнилу, и все подобные попытки были бы не только тщетны, но и положительно вредны для свободного проявления его внутренней деятельности. Общество дает знать о своем существовании т е м, что оно существует и действует; — деятельность общественная — есть, сказали мы, деятельность народного самосознания; деятельность народного самосознания — выражает себя в *слове*, которое есть п л о т ь сознания, плоть человеческой мысли; — стало быть, выражение общественного сознания есть общественное слово: следовательно — только там, где есть *общественное слово,* — есть и общество, и наоборот — нет и общества там, где нет общественного слова. Постоянная деятельность общественного слова есть то, что́ называется словесностью, или литературою.

Мы можем предположить себе весь народ умеющим читать и писать. Будет ли это общество? Нет; грамота есть только орудие слова, но самой деятельности личной мысли — может еще и не быть. Предположим, наоборот, простой народ погруженным в невежество, — а над ним другие верхние классы, досужие, отличающиеся от народа бытом, образом жизни и даже более развитые. Составляют ли эти верхние классы общество? Опять нет, если им недостает деятельности мысли, если они заключены в тесных границах сословного быта,

если они только *чувствуют* себя как народ, в силу своего естественного сродства с остальными народными классами, а не *сознают* себя как народ, не разрабатывают народного самосознания. — Ни рыцари Средних веков, ни купцы в России, в нашем XIX веке (мы говорим про большинство, а не про частные явления) не составляли и не составляют общества. В том-то и дело, в том-то и сила, что общество создается не верхним и не средним сословием, не мужиками и не дворянами, а создают его только *образованные* люди, или, вернее, люди *всех* сословий и состояний *безразлично*, — связанные между собою т е м уровнем образования, при котором становится возможною деятельность общественная, выражающаяся в наше время в литературе.

Само собою разумеется, что чем больше живых сил, выделяемых из себя народом, тем сильнее и деятельность общества, которая — идеально понимаемая — должна обхватить всю совокупность единиц, народ составляющих, не уничтожая через это нисколько ни непосредственной силы народного творчества, ни цельности народного организма, — но воссоздавая (как мы уже сказали) его новую высшую, духовную цельность. Чем больше образованных людей в какой-либо стране, тем скорее возникает в ней общество, — но определить потребное для того *число* образованных людей так же невозможно, как невозможно при учислении долей веса указать, где начинается тяжесть и кончается легковесность. Как скоро раздается общественное слово, как скоро оно является как *власть имеющее*, — мы познаем существование общества.

Не забудем также, что общество ни в какой данный момент не может назваться полным выражением народного самосознания. Оно есть *деятельность* народного самосознания, оно есть само*сознавание*, которое, постоянно возрастая и усиливаясь, приближает народ к его конечной цели, к самосознанию.

Чтобы еще яснее выразить нашу мысль о значении *слова* вообще и *печатного слова* как общественной силы, обратимся к истории. В Риме и Греции было общественное слово, было и общество, которое и дало человечеству все, что́ мог дать ему мир языческий; но Рим и Греция находились в других условиях, не существующих для мира новейшей эры. Возьмем Западную Европу, Германию, Францию, Англию. Можем ли мы признать в них существование общества в первые тринадцать, или четырнадцать, или даже пятнадцать веков по Рождестве Христовом? Мы видим власть королевскую, правителей — даже мудрых, деятельность правительственную... Но это не общество. Деятельность государственная есть деятельность внешнего строения, это не есть деятельность общественная, сознательная деятельность духа и мысли народной. Вообще можно сказать, что деятельность народов в первые четырнадцать или даже пятнадцать веков истории Европы поглощается работою над внешнею формою, над внешним определением, которое давал себе каждый народ. Тогда только и начинается возможность общественной деятельности, когда сложилась уже сколько-нибудь внешняя форма, — что́, конечно, еще не значит, чтобы эта форма не могла впоследствии видоизменяться. — Итак, с одной стороны, мы видим в Средние века в Европе — королей, герцогов, всяких властителей с их дружинами военными и гражданскими; мы видим начало государственное и его деятельность заменяющими всякую другую жизнь в общем организме страны, — вне среды непосредственной жизни самого народа. Это не общество. — С другой стороны, представляется нам сословие рыцарей, аристократических владельцев, которых вся жизнь и деятельность были чисто внешние. Их, конечно, никто не на-

зовет *обществом*; никто не скажет, что они составляли тогда *общественное мнение!* — с этим едва ли кто станет спорить. Простой народ, порабощенный и угнетенный, находился на самой низшей ступени безличного бытия; следовательно, об нем не может быть и речи. — Городские общины жили жизнью замкнутою, поглощенною интересами преимущественно вещественными и заботами об ограждении себя от всяких грубых сил, бродивших и еще не перебродивших тогда — в организующихся государствах. Они еще не составляли тогда общества, не предъявляли своего мнения как мнения общественного. Заметим, кстати, что при существовании резкого разделения сословий, бытового и юридического, с великим трудом вырабатывается среда для совокупной умственной деятельности народных единиц как общества. — Кроме названных сословий, существовало в Средние века единственное *образованное сословие* — духовенство. Оно сберегало, без сомнения, умственное наследие мира древнего для мира нового; оно было хранителем того просветительного начала, которое дало смысл, направление и характер всему просвещению, всему духовному развитию — следовательно, всей последующей деятельности общества на Западе, но это просветительное начало являлось как данное извне, усвоенное бытом, но не усвоенное народным самосознанием; оно, конечно, способно было возбудить и возбуждало деятельность народного духа, но еще не как *народное* сознание, а как деятельность человеческого духа вообще. Одним словом — ученые монахи и схоластики Средних веков не были обществом. Была ли Сорбонна выражением общества? Нисколько. Даже университеты того времени устремляли всю свою деятельность на внешнее одоление того готового материала просвещения, который завещан был Римом и Грецией христианскому миру, и были отрешены от действительной жизни. Без всякого сомнения, на Западе в течение этого времени подготовлялись все материалы для будущего здания, все внешние орудия деятельности, расширялся круг познаний, личная мысль не дремала, но она являлась о д и н о к о-личною, не общественною, и резкая, неприязненная разделенность сословий, как мы сказали, еще препятствовала сложиться той *среде*, которая потом явилась как общество, тому простору, в котором бы оно могло действовать. Мы не пишем истории западного общества. Мы предоставляем нашим читателям поверить нашу мысль и наш вывод более подробным сопоставлением фактов, но едва ли они не согласятся с нами, что общества на Западе не было до того времени, как изобретение книгопечатания дало возможность возникнуть деятельности *общественного слова*. Это не значит, что случайное изобретение Гуттенберга, или кто бы ни был настоящий изобретатель [1], породило общественную деятельность: наоборот, необходимость общественной деятельности, необходимость, — сознание которой было подготовлено одиноко-личною деятельностью ученых, еще не составлявших общества, но выражавших собою стремление и требование народного духа, — вызвала изобретение печати. Только с того времени и возникает литература в собственном смысле слова, литература как выражение общественной жизни.

П е ч а т ь есть единственная арена, где при современном внешнем устройстве народного организма может раздаваться общественное слово. На площадях Рима оно не нуждалось в печати, ибо исчерпывалось вполне в совещаниях, на форуме, в речах, в публичных преподаваниях, в письменной литературе, — ибо для Рима не было римского народа вне Рима; — но история нашей

эры создала иную формацию государств и призвала к жизни самые *народы*. Никакие парламенты, генеральные штаты[2], собрания государственных чинов не выскажут настоящей мысли всенародной; они составляют меньшинство по отношению к тому множеству, которого думают быть представителями и которого мысль, со всем разнообразием личной деятельности единиц, составляющих это множество, никогда не может быть вполне передана необходимо-ограниченным числом народных представителей. Английский парламент[3] не был бы тем, что́ он есть, без английской прессы. При всем том, часто случается, что решение народных представительных собраний на Западе не выражает мнения народа, находится в противоречии с ним. — В ы ш е народных, ограниченных в числе и во времени и в пространстве представительных собраний — стоит сам народ, — или общество, как тот же народ, но самосознающий и развивающийся; верховный контроль над всеми этими собраниями принадлежит обществу, общественному мнению; — для него узка арена законодательных или каких бы то ни было представительных собраний; ему надо поле пошире, и таким вполне соответственным полем для общественного слова — есть п е ч а т ь.

Поэтому стеснение печатного слова, когда явилась в нем потребность, когда, стало быть, в народе возникло общество, — есть нарушение правильных отправлений общественного организма, есть умерщвление жизни общества и, следовательно, — опасно для самого государства, допускающего такое стеснение. Как дерево может существовать только до тех пор, пока в нем есть жизнь сердцевины; как с прекращением этой жизни сохнет и каменеет кора, — так и государство — когда уже раз возникло общество, когда уже раз совершилось это новое движение в бытии народном, — может существовать только до тех пор, пока живет общество. Зерно способно долго сохраняться как зерно, но если оно раз начало жить как дерево, в корнях, стволе и листьях, — дерево уже не может быть лишено воздуха, света, тепла, — иначе оно погибнет. Никакие в мире либеральные учреждения не заменят с в о б о д ы о б щ е с т в е н н о г о слова, никакие консервативные охраны не заменят охранительной силы свободного слова (если только есть что́ достойное охранения), никакие законы не имеют прочности и живительного действия без помощи общественного сознания, следовательно, без его деятельности и жизни в свободном слове. Как против отолщения кожи нет другого лекарства, кроме возбуждения деятельности прочих органов, — так и государство, против его болезненного роста внутрь, может спасти только общество с своею свободою деятельности, свободою критики, свободою слова.

Общество не есть явление политическое, говорили мы не раз, и деятельность его не должна быть политическою в смысле деятельной, политически организованной власти. В противном случае оно перестает быть обществом, — и жизнь или находит себе другой, часто неправильный исход, или же уходит в корни, или же совсем замирает. Воспользуемся приведенным выше примером, чтобы пояснить нашу мысль. Вообразим себе, конечно не без усилия для воображения, что, желая остановить возрастающую толщину коры на дереве, желая спасти сердцевину, мы наставим перегородки внутри, между корой и сердцевиной. Что́ выйдет? Сердцевина еще более стеснится, объем ее простора уменьшится, ее будет давить перегородка, вгоняемая внутрь внешним напором коры. Делать нечего — вы подпираете перегородку какой-нибудь новою подпоркою и еще более сжали сердцевину! Но и это не помогает: новая под-

порка не может устоять против общего давления коры и перегородки; вам приходится утверждать подпорку новою подставкой, но опять бесполезно, — и т. д. до бесконечности, т. е. до того, что вы сами этими же ограждениями от болезненного роста коры — убьёте сердцевину. Так и общество, ставя себе ограждения от болезненного роста государства — во в н е ш н и х учреждениях, основанных на начале *государственном*, т. е. политическом, — изменяет характеру своей деятельности, стесняет само свою свободу, вносит начало п р и н у ж д е н и я в свою собственную жизнь. Это начало будет тем тяжелее и болезненнее для общества, что оно не налагается извне, внешнею, чужеродною силою, а исходит от самого общества. Общество в таком случае заражается болезнью государственности, убивающею его внутреннюю свободу, его общественную жизнь. Нет ничего опаснее и вреднее политического элемента, к которому так влекутся наши публицисты. Мы говорим здесь не о критике явлений политического мира, которая есть неотъемлемое право общества, но о политическом элементе как начале внешнего принуждения, внешней условной правды, внешней *организации*, какой бы формы последняя ни была. Так, например, Америка, по замечанию К. С. Аксакова, можно сказать, отравилась духом государственности[4], который, внедрившись там в душу и плоть человека, обратил каждого человека в квартального[5] самого себя, заглушая полицейским принципом принцип совести. — Государство и государственное начало должны быть отвлечены от жизни народа и общества на поверхность и оставаться в тех скромных пределах, какие полагает им духовная и нравственная деятельность самого общества.

Впрочем, более подробное рассмотрение отношения общества к государству и государства к обществу, а равно и того, что́ должно разуметь под самоуправлением общественным, что́ такое партии, охранительные и прогрессивные начала, в каких отношениях находится начало сословности к обществу и к а к все это отражалось в русской истории и отражается в современной нашей общественной жизни, — мы отлагаем до следующего раза...

<Статья 4. Без общества бессилен народ и несостоятельно государство>

Мы обещали в последний раз рассмотреть подробнее взаимные отношения о б щ е с т в а и г о с у д а р с т в а. Просим читателей не забывать, что, по нашему определению, ни простой народ, ни верхние сословия, ни государство с своими чиновниками, отдельно взятые, не составляют о б щ е с т в а, и наоборот — о б щ е с т в о не есть ни сословие, ни цех, ни корпорации, ни *государственный политический орган*. Напротив, всякая попытка организовать *общество* политически противоречила бы самому существу общества, убила бы внутреннюю свободу его развития, внесла бы в стихию его духовной деятельности начало *внешнего принуждения*. При всем том общество такое имеет значение в организме народа, граждански живущего, что б е з н е г о бессилен народ и несостоятельно государство. Сословия могут меняться и исчезать, дворянство может быть и *не быть*, — общество само от того нисколько не уничтожается, ибо его сила не в том или другом *сословии*, а в сумме образования всех сословий. Но там, где *нет* общества, там народ лишен возможности деятельно-

го поступательного движения, деятельной, активной силы; он беззащитен против государства и может противопоставить ему только силу пассивную, силу в охранении, в сбережении своих начал, существенных элементов своей народности. Если, при отсутствии или бездействии о б щ е с т в а, эта пассивная непосредственная сила переходит в активную, как это случалось в истории, то она является всегда внешнею силою, иногда благодетельною, иногда гибельною, но никогда ничего прочно не созидающею. Такого рода разлив народной силы, такая внешняя деятельность народа есть явление само по себе анормальное. Оно никогда не бывает продолжительным, и только крайняя историческая необходимость, после долгого сопротивления со стороны самого народа, способна вызвать его к такой несвойственной ему деятельности. Но если в обеспечение народу не возникает деятельность о б щ е с т в е н н а я как деятельность народного самосознания, то такой разлив силы нисколько не уберегает народ от новых посягательств государства на его жизнь и самостоятельное развитие. Даже наше разумное народное движение в 1612 году не только не ослабило значения государственной стихии в России, но, напротив, — после того как народ, посадив на престол Михаила [1], удалился, вошел в берега, — государство стало расти и выросло до ужасающих размеров...

В Англии с XIII века была и конституция [2], и парламент, и независимое *политическое* сословие (в которое некоторым нашим публицистам [3] так хочется пожаловать российское дворянство!), — была и революция 1649 года [4]: однако начало английской свободы считается с революции 1688 года [5], с той революции, которая не пролила почти ни капли крови и которая была скорее о б щ е с т в е н н ы м движением, чем народною революциею в обыкновенном смысле этого слова. В самом деле, не перемена династии Стюартов на Оранскую [6], не перемена законов (никакие органические законы не были изменены), не создание аристократии (она была и прежде) дали силу парламенту, конституции и всем прежним формам и положили начало истинной свободе, — а нравственное усиление *общества*, общественное *самосознание*, выразившееся в знаменитом акте «декларации прав» (Declaration of Right) [7], как о том свидетельствует и Маколей [8], и потом издание закона о с в о б о д е п е ч а т и.

С другой стороны, там, где нет общества, государство рано или поздно оказывается несостоятельным. Оно ощущает для своих действий потребность в *сознательной* опоре народной, которой не может дать народ, находящийся на ступени непосредственного бытия; — потребность в поверке и критике, в том разуме народном, который выражается в постоянной деятельности общественной, а не в одном представительном собрании. Поясним это тем же вышеприведенным примером. Состав парламента внешний — был в Англии, с немногими изменениями, тот же в XIV веке, что́ и в XVII, — но деятельность государственной власти вследствие слабости, вследствие неприготовленности общества была несравненно сильнее, почти захватила среду, теперь предоставленную деятельности общественной, и, оказавшись несостоятельною, вызвала переворот 1688 года. Стало быть — представительное собрание само по себе еще не заменяет общества ни для народа, ни для государства, еще неспособно, *само по себе*, сдержать разлив государственной стихии: была даже опасность в английской истории, по замечанию Маколея, чтобы сам парламент не обратился в деспотическое правительство. Истинные пределы государственной власти положены были в Англии не парламентом, а обществом.

Далее: есть целая область отношений, на которую не может простираться чисто внешняя, формулированная, ограниченная в своих средствах деятельность государственная, — такая область, куда, как мы сказали однажды, не в силах достать сверху, распоряжением, никакая самая отважная благонамеренность начальства: есть многочисленные явления духа, которая не могут быть вызваны на свет Божий указом и которые не терпят никакой извне налагаемой формулы. Между тем участие таких явлений, жизненная деятельность таких отношений необходимы в общей государственной жизни, и если общества нет, если оно бездействует, если оно задавлено, — правительству приходится разыгрывать роль самой жизни, исправлять должность самой органической силы. Мы уже достаточно показали в статье 21 №[9], что все подобные попытки со стороны правительства производят только одно *подобие* жизни, деятельности, силы, обременяя действительную жизнь новыми оковами и тяжеловесною ложью; мы объяснили это примером казенных миссионеров и многими другими. Мало этого, — там, где само общество бессильно или его нет вовсе, правительство нередко создает *подобие самого общества*, точно так же как и *подобие свободы, подобие независимости от правительства*, подобие вольной общественной деятельности, одним словом — старается обзавестись обществом. Разумеется, все такие старания тщетны, потому что правительство в таких случаях пытается в то же время дать *направление* общественному развитию, создать общество в *известном* духе и на *известных* началах согласно с *своими* целями. Большею частью выходит так, что создаваемое правительством общество, лишенное внутренних залогов самостоятельной жизни и положительной деятельности, обретает себе жизнь и деятельность в *отрицании* себя самого и создавшего его правительства, — но об этом мы поговорим подробнее в своем месте. Мы хотели здесь только заявить, что там, где общества нет или где оно подавлено, правительство ожидает неминуемая несостоятельность, хотя бы оно было окружено всевозможными политическими сословиями и учреждениями. Как мало значат последние, видим мы примеры в нашей собственной истории. Так, назначив в уездные суды представителей от крестьян (сельских заседателей), заставивши их восседать рядом с представителями аристократии, — простых мужиков с потомками Рюрика, — Екатерина II могла, пожалуй, пред всей Европой похвастаться такой либеральной мерой[10], которой ничего подобного не представляет сама свободная Англия, — но этот либерализм не прибавил ни на волос ни свободы народной, ни правды в судах, — и служит только ярким доказательством — что сила и свобода даются не одними учреждениями!

Итак, все сказанное нами приводит нас к следующим выводам:

Никакие учреждения, как бы свободны они ни были, никакие представительства, никакие *политические сословия*, никакие аристократии и демократии — не могут заменить *общества* и своею деятельностью восполнить недостаток деятельности *общественной*; отсутствие общественной деятельности или бездействие общественной жизни как жизни народного самосознания — делает народ бессильным и беззащитным, а государство — несостоятельным, — хотя бы и существовали политические сословия и даже представительные учреждения. Следовательно, б е з о б щ е с т в а — все эти политические обеспечения силы и свободы служат ненадежною опорою государства и слабой гарантией для народа: следовательно — истинное обеспечение силы и свободы лежит

в существовании о б щ е с т в а в общественной силе и в общественной деятельности. Другими словами: *вне* нравственной, неполитической силы того неполитического явления, которое мы называем обществом — бессильна сила политических учреждений; *вне* свободы нравственной, неполитической, вне свободы духовной общественной жизни — нет истинной свободы, ничтожна всякая политическая свобода. — И так как государство, государственные формы создаются народом ранее общества, ранее, чем начинается деятельность народного самосознания, — то подтверждение наших слов читатели могут найти в истории любого из западных государств и даже нашего Русского.

Теперь же мы попросим читателей припомнить статью одного из наших публицистов, который полагает спасение России в заведении сословий, — *политического дворянства* и *среднего сословия*, а также — в организации *партий*[11]. Очевидно, что он сам не отдавал себе ясного отчета в том, что́ такое общество и откуда берется эта сила, которую нельзя ни осязать, ни уловить в юридическую формулу; очевидно, что он искал ее в сословиях и партиях и, спутывая все понятия, хотел — между народом и государством — создать г о с у д а р с т в е н н ы м ж е з л о м жизнь общественную и политическое сословие *с обязанностью жизни и творчества*! В этом сказалось, между прочим, не только раболепное умственное отношение к историческому ходу европейского развития, но — чисто внешнее знакомство с этой историей или просто — неразумение внутренней органической жизни европейских государств. Впрочем, чего же можно и требовать от того наивного публициста, который явления нашей русской истории понимает только сквозь призму не понимаемых им явлений западной истории и помирился с нашею табелью о рангах[12] не прежде, как назвавши прапорщика noblesse d'épée*, а коллежского асессора — noblesse de robe! **[13]

Все эти сословные деления, все эти силы: аристократия и демократия, теряют значительную долю своей важности, как скоро взглянем на них с точки зрения, предлагаемой нами читателям. Мы поймем необходимость иной опоры и найдем ее — не в политической только деятельности, не в том или другом сословии, а в обществе с его общественною деятельностью и силою общественного мнения, — обществе, образующемся независимо от всяких сословий. Напротив того, резко разделенное существование сословий только препятствует свободному образованию той среды, в которой совершается общественная деятельность; мы видим из истории, что общество везде возникает и развивается, так сказать, *вопреки* сословности, *несмотря* на нее, поборая постепенно препятствия, полагаемые его деятельности всякими юридическими перегородками, сглаживая и уравнивая сословие своею победоносною силой! Чем меньше сословий, чем меньше перегородок, разделяющих людей между собою, тем легче их соединение, тем возможнее дружная деятельность единиц. Следовательно, не создавать вновь, а уничтожать по возможности всё разъединяющее — вот к чему мы должны стремиться, чтобы усилить общество, его значение, его силу — единую, могучую, нравственную человеческую силу, вполне достойную человеческих обществ, силу, без которой ничтожна сила политических учреждений и не свободна политическая свобода.

* дворянство шпаги (*фр.*).
** дворянство мантии (*фр.*).

Общество по существу своему имеет всегда характер п р о г р е с с и в н ы й; мы сказали, определяя общество, что оно есть народ в его поступательном, т. е. прогрессивном движении. Просим, однако же, читателей не понимать этого выражения в том пошлом смысле, который прилагается у нас словам: прогресс, прогрессивность, консерватизм, прогрессивные и охранительные начала. Все эти понятия, заимствованные целиком из области условной политической деятельности Запада и без толку применяемые к нашей общественной жизни, ровно ничего у нас не выражают, хотя и пользуются большим почетом со стороны некоторых наших публицистов. Чтó такое прогрессивное, чтó такое консервативное начала, разграничить которые так хочется одному русскому писателю [14], — разграничить, а вместе с тем и рассортировать людей на две половины, повесив над каждой вывеску: партия прогрессивная, партия охранительная? По крайней мере в отношении к обществу и к деятельности чисто общественной, — подобный полицейский распорядок решительно неуместен.

Зерно пускает стебель, стебель пробивает землю, превращается в ствол, в дерево с ветвями и листьями. Как назвать это развитие зерна, этот рост стебля? Прогрессом? Но вы чувствуете, что это название не соответствует делу. Смотанный клубок разматывается длинною нитью... Эта разматываемая нить прогресс или нет? Где искать тут охранительного начала? Точно то же и в обществе. Развитие народных начал, деятельность народного самосознания — это жизнь зерна, это разматываемая нить клубка народной непосредственной силы. Нельзя назвать это консерватизмом, потому что тут есть поступательное движение; нельзя назвать и прогрессом, потому что у нас под «прогрессом» разумеется не сама жизнь, не развитие свободное и естественное, не логический вывод из последующего, — а неизвестно чтó, какая-то гоньба за всякою новизною, известие о которой привезено с последнею заграничною почтой.

Нельзя сказать: я состою по части охранительных начал, а я по части прогресса, — потому нельзя, что вся задача общества есть именно жизнь, движение, сознание *основных* народных начал, следовательно, *прогресс* так называемых «охранительных» начал. Таких штемпелеванных основных начал, которые бы не способны были к *жизни*, к развитию, не допускали бы *прогресса* в своем практическом осуществлении, не имеется; точно так же, как и прогресс, как скоро он является извне, не в виде органического продукта или развития, а готового результата чужой жизни и истории — безобразен и не живуч. Это все равно что назвать позолоченные деревянные яблоки, подвязанные к ветвям ели [15], — прогрессом ели! Мы хотели бы спросить наших публицистов, которые заботятся об образовании этих двух партий и заранее тешатся их взаимной игрой, чтó собственно они разумеют под охранительными началами? Если они скажут: начала народности, то тут и представляется вопрос: какие именно начала признают они народными? Например, начало общинное, которое всегда отвергалось одним из поклонников мнимого консерватизма [16], народное или нет? Таким образом, возникает спор о самих началах. Но положим, что он решен; тогда придется спросить: в каких отношениях состоит *существующий порядок* к народным началам? Если бы по поверке оказалось, что существующий порядок противоречит народным началам, так защитники существующего порядка, везде и всегда именуемые *консерваторами*, явились бы врагами «охранительных», т. е. консервативных, начал, т. е. «прогрессистами», а защитники консервативных начал — врагами, разрушителями существующего порядка.

Но тогда роли партий до такой степени перемешаются, что и сами публицисты не доберутся в них никакого толка. Очевидно, что все эти слова лишены у нас всякого значения и, перенесенные на русскую почву, способствуют только к затемнению, к большей путанице понятий, которою и без того страждет наше общество.

По нашему мнению, консервативно только то, что́ народно, т. е. что́ действительно живет и способно к жизни, и только то, что́ народно (и потому консервативно), — только то и прогрессивно. Следовательно, вопрос не в том, что́ принадлежит к ведомству охранительному, что́ — к прогрессивному, а в том, что́ народно и что́ не народно. Не потому должен являться человек последователем известного начала, что оно охранительно или прогрессивно, а потому единственно, что признает его за единое истинное и живое. Если же оно истинно, то оно и охранительно, и способно к прогрессу, и противоречия между этими словами нет. Повторяем: нельзя не пожелать, чтоб эта рутина, — чтоб эти пошлые понятия — охранительные начала, консерватизм и прогресс, — в том смысле, как они употребляются у нас в России, были изгнаны из нашей литературы как решительно ничего не выражающие и только сбивающие с толку призраком какого-то смысла нашу читающую публику.

Итак, общество, правильно организовавшееся, есть среда, в которой совершается деятельность народного самосознания, развитие и жизнь народных начал. О консерватизме и прогрессе не может быть тут и речи, потому что развитие, чуждое основным началам народности, не есть прогресс, а искажение общественной деятельности, расстройство органических отправлений, уродство, болезненное состояние, которое излечивается только возвращением к народным началам. Это возвращение разумеется не в смысле консерватизма, а в смысле восстановления правильного кровообращения, правильного развития, в смысле возвращения к живой истине, — хотя бы это возвращение и разрушило дорогой для «консерваторов» существующий порядок!

Конечно, такова деятельность общества, рассматриваемого как целое; но, состоя из единиц, оно представляет такое же разнообразие частной деятельности, какое существует и между единицами. Естественно, что образуются группы единиц, сходных в стремлениях и воззрениях, образуются свободно и свободно же уничтожаются, сливаются с другими или разбиваются на мельчайшие группы. Но эти группы нисколько не *партии*, как ошибочно думают некоторые, перенося готовое определенное понятие из западной политической жизни на нашу общественную почву. Мы сейчас объясним это примером.

«Combien êtes-vous? сколько вас?» — спросил однажды — давно уже тому назад — член бывшей французской Палаты депутатов [17] одного из так называемых славянофилов, с таинственным видом наклонившись к нему на ухо. Дело было в Москве, на каком-то рауте. Француз-депутат вздумал посетить Москву и, познакомившись с теми, кого литература только что окрестила прозванием славянофилов, был озадачен оригинальностью и дерзостью их воззрений. Впрочем, дерзкими они казались гораздо более тогдашнему русскому обществу, чем иностранцу, искавшему в России самобытных проявлений русской мысли и русского духа. «Combien nous sommes, сколько нас?» — отвечал славянофил и рассмеялся. Он живо вообразил себе, как должно было сложиться и сложилось в голове француза представление о славянофилах. Француз не мог их понять иначе, как *партией*, а партию измерял, разумеется, числом лиц,

партию составляющих. — «Нас три, четыре, пять человек, да и то не во всем согласных: вы были свидетелями наших споров», — продолжал славянофил и попробовал было объяснить изумленному французу, что *партии* славянофильской нет и быть не должно (никогда и не было — прибавим мы), попробовал, да и оставил. Это было выше французского понимания.

В самом деле, что́ такое *партия*? Партия в том смысле, как она понимается на Западе, есть союз людей, не просто *согласных* между собою в своих убеждениях, но *согласивших*, сладивших, «скомпоновавших» свои действия для достижения известной определенной цели. Партия предполагает непременно вождя и условный план действий; в искреннем внутреннем согласии членов партии, даже ратующей за какой-либо принцип, вовсе нет надобности: нужно только одно *внешнее* согласие, признание всеми — общего способа действования; достаточно условиться чисто внешним образом — как поступать, как достигать предположенной цели. Очень может случиться, что все члены партии одушевлены одним убеждением, но самое *понятие* о партии не предъявляет такого нравственного требования. Она полагает свою силу, как партия, не во внутреннем содержании своего лозунга, а в его *соединительном внешнем* значении, не в истине своего принципа, а в своей числительности. На Западе это вполне объясняется характером политических учреждений, где истина познается по чисто внешнему признаку, т. е. по большинству шаров при баллотировке: следовательно, количество голосов, которыми располагает партия, и их дружное действие при парламентских маневрах — обусловливают успех и торжество партии. Так и у нас, например, на дворянских выборах ищущий звания предводителя набираете себе *партию*, потчуя дворян шампанским и кулебякою [18].

Одним словом, партия есть явление западной политической жизни и предполагает или чисто внешнюю цель — например, успех лица в достижении известного звания, — или же, имея своим знаменем какой-либо нравственный или политический принцип, — способ действия условленный и внешний. Очевидно, что нельзя применить название партии, например, к миссионерству, к вере; никто не скажет: «партия христиан», если дело идет о внутреннем отношении христиан к их вере, и т. п.

Условность, неразрывно связанная с идеею партии, конечно, стесняет внутреннюю личную свободу лиц, к партии принадлежащих, и несколько оскорбительна для самого убеждения, делая его искренность как бы ненужною, относясь к нему со стороны внешней. Таких партий не должно существовать *вне* сферы политической, в обществе, да и не существует, по крайней мере у нас, в России. Не посредством партий и их столкновения совершается деятельность народного самосознания. То, что́ у нас называется ложно *партиями*, может называться *направлениями* или даже школами, учениями, но никак не партиями. Направление, свободно разрабатываясь, может видоизменяться в бесчисленных оттенках, жить своею внутреннею жизнью, приниматься другими не вполне, а отчасти; оно не предполагает никакой условности, не обязательно ни для кого, а требует только искренности от человека, становится его самостоятельным убеждением, его личною жизнью. Поэтому на вопрос, недавно возбужденный в нашей литературе, — к какой кто принадлежит *партии*, мы отвечали бы, что к партии мы не принадлежим никакой, но принадлежим к известному *направлению*.

Таким образом, мы, кажется, довольно полно и обстоятельно определили: что́ такое народ, государство и общество, какое значение имеет последнее в общей деятельности народного организма, в каких отношениях состоит оно к народу, к государству, к сословиям, в чем заключается общественная деятельность, в чем ее выражение, что́ такое общественная сила и какое ее орудие; мы объяснили, что общество не есть явление политическое и чуждо всякого политического элемента, всякого начала условности, внешнего принуждения и внешней организации; мы указали на некоторые понятия, которые многими из наших публицистов ошибочно прилагаются к обществу, и старались, по возможности, очертить как характер, так и самый путь общественного развития. Не знаем, решили ли мы эту задачу удовлетворительно для читателя, но мы, во всяком случае, обязаны выполнить дальнейшую нашу программу.

Говоря об обществе, об отношении его к сословиям, об его чисто нравственной деятельности, — мы предполагали, стало быть, существование сословий, целый ряд особенных отношений между ними и государством, целую область деятельности, не подходящей под наше определение деятельности общественной, и которую, однако же, мы не называем и государственною? Действительно, мы это предполагали: сюда относится самоуправление, местная жизнь, участие в политических делах государства и своей местности и т. п. Какое имя всей области этих отношений? Мы не вправе назвать ее *государством*, потому что она может быть и чужда элемента государственности, например, жизнь общин; не можем назвать ее только *народною*, потому что этому слову придается смысл совершенно особый: или смысл простонародности, или же такое широкое значение, которое объемлет собою и государство, и простой народ, и сословия; мы не назовем ее *общественною*, потому что дали этому слову особое определение. На русском языке существует слово: *земля, земство, земщина, земский*, которым может назваться вся внешняя гражданская жизнь народа, без различия сословий, в противоположность правительству и правительственной среде. Мы не употребим, например, выражения: общественная дружина, общественная рать, но скажем: *земская* дружина, *земская* рать, *земская* повинность, *земская* полиция, *земское* управление.

Об этой-то земщине, или земской стихии, представляющей обратную сторону общества, как мы его понимаем, поговорим мы в следующий раз и для большей ясности обратимся прямо к русской истории.

<Статья 5. Исторические судьбы земства на Руси>

Мы сказали в последний раз, что независимо от сферы государственной, от бытовой жизни народной, от деятельности народного самосознания в *обществе* есть целая область внешней гражданской жизни и деятельности народа, область, противополагаемая правительственной среде и чуждая государственного элемента, которую мы назвали *земством, земщиною, землею, земскою жизнью.*

Читатели знают наше мнение, что в России не было *общества* до Петра в том смысле, какой мы даем этому слову, — зато *Земля*, особенно в первые века русской истории, жила полною своею *земскою* жизнию, и *земское* начало являлось деятельною, основною стихиею нашего народного гражданского су-

ществования. Участие Земли в делах государственных, во сколько эти дела касались прямых интересов народных, участие — не враждебное власти и не ограничивавшее формально власти, обусловленное живым обычаем и тесным духовным союзом Земли и Государства, — это участие, продолжавшееся, почти непрерывно, до самого Петра, — не только прекращается, но почти забывается и становится почти невозможным после революции, произведенной Петром во внешней и внутренней жизни России. Невольно возникает вопрос — каким же образом могла так легко и скоро прекратиться деятельность той стихии, которая является движущею силою всей истории допетровской Руси; куда же исчезла сила, способность, привычка той земской жизни, которая почти восемь веков сряду выражала себя на вечах и земских соборах?

Если мы сличим нашу историю с историей западных государств, то ход нашего исторического развития представится нам в совершенно обратном направлении. Везде народы идут от стеснения, рабства и неволи к свободе; везде история являет поступательное движение от умственной и духовной косности к деятельности мысли и духа, от зверской жестокости законов к законам кротким и человеколюбивым. Путь нашего развития иной. От денежных пеней и отсутствия телесных наказаний в Русской Правде[1] мы приходим к страшным уголовным казням Соборного уложения[2] при царе Алексее Михайловиче; от свободы крестьян к крепостному праву; от вольного и шумного голоса народа на вечах, от степенного голоса Земли на земских соборах к мрачной тишине и безгласности русского народа в XVIII и в первой половине XIX века; от земской жизни, от земского участия в делах государственных — к мертвому бездействию.

Какая же причина такого странного обратного прогресса?

Та, между прочим, что между Государством и Землею не было той среды, которую мы называем *обществом* и которая — независимою духовною деятельностью народного самосознания — могла бы придать силу земской стихии и сдержать напор государственного начала: в течение восьми веков не создалось у нас ни училищ, ни литературы, и грех нашего всенародного невежества, нашего нравственного и умственного бездействия дал временную победу стихии деятельной, но чуждой нашей народности... Мы знаем, что такой ответ еще не объясняет дела и вызывает новый вопрос: почему же не возникло самобытной духовной деятельности в народе, почему же раньше не совершилось того движения в бытии народном, того перехода от безличности непосредственного народного бытия к сознательной, личной деятельности единиц, народ составляющих, — почему не образовалось общества в допетровской Руси?

Мы, конечно, не имеем притязания излагать здесь историю земства в России, предоставляя разработать эту богатую тему нашим молодым будущим деятелям на поприще исторической науки (хотя вполне признаем, что только эта история, в совокупности с историей государственной жизни России, может дать вполне удовлетворительный ответ на вопрос, нами поставленный). Тем не менее мы укажем на главные черты нашего исторического не внешнего развития, заявляя притом, что высказанное нами замечание об обратном поступательном движении в нашей истории нисколько нас не смущает. Россия носит в себе, может быть, не вполне ясное для мысли, но несомненное для внутреннего чувства убеждение, что она еще далеко не свершила своего исторического

поприща. Не только окончательный вывод еще не подведен историей, но, прожив тысячу лет, мы не слышим в себе ни старости, ни дряхлости, ни утомления, а напротив — почти непочатой запас свежей жизни; мы слышим в себе силу великую, силу для совершения нашего исторического подвига, нашего призвания в человечестве. Может быть — мы окажемся недостойными ниспосланного нам дара, употребим во зло нашу силу и зароем в землю наши таланты, может быть — мы будем казнены за излишество нашего долготерпения, смежного с равнодушием к истине и к общественному благу, — все это может быть и не быть: это зависит от нас самих, — но по крайней мере мы призваны к великому подвигу и нам даны силы для подвига. Какой же это подвиг?

Мы сказали однажды, что чем выше нравственный идеал народа, чем шире и свободнее от односторонности, от узкой определенности народные начала, тем труднее вполне соответственное их выражение на земле, тем необходимее, хотя и труднее, полнота сознания для правильного и стройного их проявления в жизни. В таком именно положении находится Россия и все племена славянские[3]. Призванные именно к подвигу самосознания, славяне, преимущественно пред всеми народами, казнятся за всякое уклонение от своего духовного призвания и осуждены обретать спасение *только* и единственно в деятельности самосознания. *Вне* этой деятельности, *вне* нравственной опоры сознательного духа нет для них спасения и исхода, и потому-то мы видим, что никакая внешняя, государственная крепость *сама по себе* не в силах была спасти, не спасает (и не спасет) славянские народы от внешнего падения и от утраты своей народности. Ни одно славянское племя не было освобождено от этого испытания, то есть от опасности утратить свою народность, — но испытание, выпавшее на долю России, тяжелее всех, потому что опасность для нее явилась не извне, а извнутри, не в виде чужеземного ига, а в виде соблазна не во внешних, а во внутренних врагах...

Мы, по-видимому, увлеклись в сторону, но в сущности мы нисколько не уклонились от нашей задачи. Мы поставили только ту точку зрения, с которой смотрим сами на события нашей древней истории и с которой единственно становится возможным полное надежд примирение с постепенным, замечаемым в ней упадком народной жизни...

Познакомимся же с главными чертами этой картины, но предварительно изложим в немногих словах общий взгляд на значение государственного и земского начала К. С. Аксакова, которому собственно и обязана наша историческая наука плодотворною мыслью о Земле и Государстве как о двух основных началах и двигателях русской истории.

«В самых первых временах, — говорит он[4], — в славянских народах мы встречаем жизнь общинную с ее необходимым проявлением — *совещанием*, носившим в древности название *вечa*. Живя под условиями этого быта, под условиями правды внутренней, славяне являются племенем не государственным, не ищущим внешнего принудительного устройства, основанного на начале внешней формальной правды. Отсюда отсутствие форм и регламента в их общественном быте, отсюда единогласие как необходимое средство общинных решений. Но удержать этот высокий строй было трудно, и славяне вынуждены были постановить у себя государство. Признавая государство как необходимость, смотря на него как на средство, а не как на конечную цель или идеал

своего внутреннего развития, — северные славяне (в России) не обратили сами себя в государство, не из себя создали его устройство, не исказили своей общинной жизни, не изменили началу своей внутренней свободы, — а призвали государство из-за моря[5] как явление чуждое, для внешнего наряда земли, для военного и судного дела, для ограждения свободы общинной или земской жизни. Все европейские государства основаны завоеванием; власть явилась там неприязненною, и во взаимных отношениях народа и власти с самого начала легла вражда, не покидающая их во все течение истории. Русское государство, напротив, основывается не завоеванием, а *добровольным призванием* власти. Поэтому не вражда, а мир и согласие — его начало. Власть явилась у нас званною, не враждебною и утвердилась с согласия народа, на начале взаимной доверенности, которой народ *с своей стороны* никогда не изменял. Это различие в основании государства в России и Европе — определяет историю и той, и другой.

Первоначально, покуда Россия представляла множество княжеств, соединенных между собою общею земскою связью и сознанием единства Русской Земли, народ везде сохранял свое вече. Но общинам грозила другая опасность: обратиться из отдельной общины в отдельное государство, что нарушало связь между общинами и единство Русской Земли. Когда же Москва переломала государственные перегородки, мешавшие цельной жизни народа, — образуется единое Русское государство и единая русская община, или Земля. В России являются два дела: дело земское и дело государево, два главных разряда людей: люди государевы, люди служилые, и люди земские. Государство обращается к Земле за советом, и первый русский царь созывает первый Земский Собор. Ряд соборов продолжается до самого Петра. Совещательный, земский элемент проявляется постоянно и всюду, но не переступает свои пределы. В Земском Соборе не было никогда ничего принудительного и насильственного; он был только голосом, думой, мнением Земли и собирался лишь по призыву государственной власти, которая никогда не видела в нем никакой для себя опасности, никакого ущерба для своего достоинства...»

К этим словам К. С. Аксакова, извлеченным нами из многих его исторических сочинений, мы считаем не лишним прибавить с своей стороны следующие замечания.

История земства в России до Петра представляет две резко отличающиеся одна от другой эпохи: жизнь областную и *вечевую* до единодержавия Москвы, — и жизнь Земли и ее участие в делах государственных по уничтожении уделов. Собственно в эту эпоху и являются в истории, противополагаясь друг другу, как самые начала, так и самые выражения: Земля и Государство, земское и государево дело. Вольно и шумно раздавался голос народа на бесчисленных вечах Русской Земли в первые века ее исторического существования: везде кипела местная самостоятельная жизнь, бесконечное дробление уделов, создавая бесконечное множество местных центров, разносило деятельность по всем углам и захолустьям тогдашней Руси. Участие общины в делах местного правительства обеспечивалось обычаем, внешнею близостью общинного населения к правительственному центру и немногосложностью гражданских отношений. Князь и его дружина были постоянно на виду у всего народа, и вече было неизбежным условием их общей совместной жизни. Но такое состояние, естественно, должно было прекратиться. Если бы Русь раздробилась на бесчислен-

ное множество микроскопических государств, то или общины заразились бы государственным элементом, все до последнего человека, в противность природе славянской, — или же были бы подавлены и отягощены присутствием несоразмерной с их объемом и населением государственной власти в лице удельного князя. В самом деле, если представить себе теперь в маленькой деревне, на месте выбранного из деревенских же жителей старосты, какого-нибудь владетельного князя, с значением и характером государственным, — мы поймем, что такое неравновесие отношений было бы невыносимо. — Как бы то ни было, но распри и войны удельных князей, соперничество общин, преграды свободному передвижению, промышленности и торговле, при постоянном сознании племенного и духовного единства Русской Земли, — все это приготовило наступление другой эпохи, эпохи московского единодержавия. Общины, повинуясь историческому инстинкту, пожертвовали волей и неволей своею отдельною, почти государственною самостоятельностью для совместного и дружного развития, для единства жизни всего русского народа, всей Русской Земли. Но по уничтожении уделов города тотчас же приходят в упадок, прежняя деятельность прекращается, и народная жизнь не представляет с тех пор никакого поступательного движения. Веча умолкли, самое название исчезает, и сохраняется только *мир, мирская* сходка в посадах и селах. Этот *мир*, это совещание на сходке есть то же самое начало, которое выражалось и на вечах, но содержание было иное и предметом совещания были не интересы всей Земли или всей области, как прежде, а мелкие и мирные интересы села или посада.

В эпоху междуцарствия[6] исторические события дали снова многозначительное земское содержание народным сельским и городовым мирам, и они напомнили прежние веча, как будто и не изведал народ целых веков угнетения и безмолвия! Это вечевое начало, выражающееся теперь в *мире*, и *эту способность расширить его пределы, возвысить его на степень великого земского и государственного дела* — уберег русский народ и д о н а ш и х времен, храня в нем для России залог обновления и возрождения...

Итак, с единодержавием Москвы является Земля с тихою земскою жизнью, с мирскими скромными сходками, вместо шумных и буйных веч. Народ, как мы сказали, уберег вечевое начало, но умерил его проявление и, сосредоточив его в себе, как в зерне, не дал ему погибнуть; — однако ж, тем не менее, невольно возникает вопрос: что же внесло это сильное развитие местной жизни и деятельность народной стихии в первые века нашей истории в общую жизнь Земли, при образовании единого Государства? Какие следы оставила эта первая эпоха, какие задатки для духовного сознательного развития, для просвещения, для дальнейшего движения народной жизни? Очень слабые, — кроме того, что она подготовила духовное единство Русской Земли, подняла общий уровень народного образования сравнительно с веками язычества, разлила свет христианства по всей Русской Земле. Но земская жизнь первой эпохи не успела выработать прочных залогов жизни умственной и деятельности духовной, — хотя, впрочем, эта эпоха сравнительно богаче памятниками письменности, нежели непосредственно за ней следовавшие. Если бы каждый удельный князь в своем уделе действовал по примеру Владимира и Ярослава, если б во всех удельных центрах завелись училища; если б распри и усобицы не препятствовали мирному развитию внутренней местной жизни; если бы татарские нашествия не разорили множества городов и не отрезали бы Русь Северную от Руси

Южной, от моря, от Греции и от Европы, — может быть, единство Руси воплотилось бы в единой русской общине и в едином государстве при других, более благоприятных данных для нашего исторического развития. Так, например, если б мы могли вообразить себе теперь воссоединение всех отдельных областных центров Германии в единое политическое тело, то каждый центр принес бы как дань богатые плоды умственного и духовного самостоятельного развития. Но ничего подобного не случилось с древнею удельною Русью и, может быть, не должно было случиться, ибо задачею Русской Земли было выработать, единовременно и цельно, самосознание *всего* русского народа, а не той или другой местности, которая, развиваясь самостоятельно, развилась бы непременно в направлении одностороннем. Для достижения высокой цели всенародного цельного самосознания необходимо было такое внешнее и внутреннее единство Земли, которое бы поглотило узкий эгоизм племен, областей и общин.

Таким образом, с единодержавием Москвы начинается вторая эпоха в истории земства. С одной стороны, является Земля, сплоченная воедино, без веч и самостоятельной жизни общин; с другой — Государство. Идея царя была чужда эпохе областной и вечевой жизни, и насколько *царь* был могущественнее и полновластнее удельного князя, настолько *земские соборы* были слабее и малозначительнее прежних веч. Конечно, справедливо замечено, что соборы заменили веча, но настолько, насколько и царь заменил собою прежних удельных князей. Здесь сходство только в том, что и собор и вече выражали собою начало совещательное, земское, так же как и царь и удельный князь были представителями власти. Но разница между вечем и земским собором состояла уже в том, что вече в отдельной общине было почти всегда поголовное, то есть состоявшее из всего наличного народа местности, тогда как земский собор не мог иначе составиться, как посредством *представительства*, посредством собрания выборных от Земли, что́ делало собор всегда ограниченным в его внешнем составе, особенно при отсутствии всякой формы и регламентации. Вече было всегда близко к правительственному центру, было всегда присуще, могло быть немедленно, во всякое время созвано, без всякого неудобства для жизни общины или города. Земский собор не был обыкновенным, нормальным, но всегда чрезвычайным явлением, тягостным и неудобным напряжением для жизни земской. Созвание собора требовало много времени и соединено было со множеством лишений и неудобств для представителей из отдаленных концов России. Наконец — вече собиралось всегда само, по своему усмотрению; земский собор созывался не иначе, как по распоряжению верховной власти. Поэтому земский собор сам по себе не представлял никакого обеспечения для земской жизни ввиду нового, небывалого на Руси учреждения царской самодержавной, вполне самосознательной власти.

Все обеспечение было в обычае, в единстве духовном и нравственном, связывавшем власть и народ, в общем или почти общем уровне умственного развития и образования, наконец, в той доверенности, которая легла в основу отношений Земли к Государству с самого начала ее истории вследствие добровольного призвания власти. Это обеспечение, разумеется, было и оказалось ненадежным и должно было исчезнуть при первом нарушении внутреннего духовного единства со стороны власти, — потому что единственное обеспечение земской силы и свободы, как мы уже сказали, лежит в существовании общества, в общественной силе, в деятельности народного самосознания, а этой-то

деятельности и не существовало в России в эпоху соборов. Нам заметят, может быть, что, если бы земские соборы имели регламентацию и из сферы обычая перешли в положительное учреждение, в непременный закон, — тогда они бы явились достаточно сильной гарантией против непомерного разлива государственной стихии. Хотя в наших статьях об обществе и находится ответ на этот вопрос, но мы не отказываемся рассмотреть его и подробнее. Впрочем — наша статья вышла и без того длинна, и мы должны отложить это до другого раза. Нам предстоит, сверх того, упомянуть об отношениях Государства к Земле и значении земского элемента в XVI и XVII веках, а затем перейти к перевороту Петра, к русскому обществу[a] и к русскому земству в нашей современной действительности.

<Статья 6. История земства от эпохи единодержавия Москвы до правления Петра I>

Мы говорили в последний раз, что история земства России разделяется на две эпохи: на эпоху уделов до единодержавия Москвы — эпоху городских и областных *веч* и деятельной местной самостоятельной жизни областей и общин; и на эпоху единодержавия Москвы вплоть до самого Петра — эпоху *Земских соборов*. Мы довели свою речь до этой последней эпохи, — и продолжаем.

Насилие и кривда московских князей не в состоянии были бы никогда, одни, сами по себе, создать единое Русское государство, если б на то не было произволения русского народа, если б сами отдельные общины не стремились тайно и явно, невольно и сознательно — стать единою русскою общиною и воплотить идею — единства Русской Земли в <единстве внешней органической формы,>[b] едином цельном государственном и земском организме. Были, конечно, случаи сильных, упорных сопротивлений, но, говоря вообще, борьба за самостоятельность областную была ничтожна, была изумительно слаба в сравнении с тою жизненностью, которую <еще незадолго перед тем> проявили области <, и с теми средствами, которыми многие из них располагали: вспомним, что дружины некоторых князей были гораздо многочисленнее дружины Московской. Следовательно, неправильно мнение, будто только преимущество материальной силы дало победу Москве> в цветущую эпоху своего существования [1]. Очевидно, что выше местного и племенного эгоизма стояло для русского народа возможно широкое общение племен и общин, «имущих един закон христианский», по выражению Нестора[2], всенародное братство, общий совместный труд борьбы, терпения, развития и совершенствования. Но для достижения этой высокой цели, для того, чтобы можно было осуществить на земле социальное[3] начало общины и духовное начало братства в таких громадных, не виданных миром размерах; для того, чтобы во всей полноте и широте могло вы-

[a] *Было первоначально*: к русскому современному обществу (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 55. Л. 12 об.).

[b] Здесь и далее в угловые скобки заключены словосочетания и фразы, отсутствующие в писарской копии и восстановленные по верхнему слою правки чернового автографа статьи, содержащего пометы министра А. В. Головнина (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 55. Л. 28—33 об.). Предполагается, что эти фрагменты текста могли быть случайно пропущены копиистом.

рабатываться общерусское всенародное самосознание, — для этого необходимо было, прежде всего, отречься от себялюбивых притязаний на политическую отдельность и самостоятельность, создать внешнюю форму гражданского существования уже не областями, а *всею* Землею, устремить все усилия на строение единого Государства и, олицетворяя единство в единовластии царя, неустрашимо взвалить себе на плечи громадную тягость самодержавия[4], не убояться ни жертв, ни испытаний, вынести Иоанна, Петра, город Санктпетербург. — Крепкая духовною силой, Русь не испугалась подвига и, несмотря на неправды и коварство московских князей, явные и ведомые, присущие общей памяти и сознанию и проклинаемые летописцами, она собралась под московским стягом, знаменовавшим единство, несмотря на преимущество материальной силы многих отдельных областей перед областью Московскою. Так, в позднейшую эпоху, поступила и Малороссия: ничто не влекло ее к Московскому государству, не заманчива была Московская администрация, не надежны ее обещания, не сочувствен быт, не одинаков уровень образования, но ничто не остановило присоединения: так произволил сам малороссийский народ ради духовного и внешнего единства всей православной Русской Земли, ради совместного нравственного исторического подвига. Никакие силы в мире не в состоянии нарушить это единство, скованное и закаленное тысячью лет терпения и страдания.

Итак, настало единодержавие Москвы. Умолкли веча; затихла шумная и буйная разноголосица отдельных общин, уступая место чаемому, *будущему*, но вполне еще не сложившемуся и доселе хору Русской Земли. Земля была по-старому велика и обильна, но недоставало ей ни государственного, ни земского *общего* наряда[5]. Прежний наряд, узкий и тесный, оказался несостоятельным; прежний областной порядок сменился беспорядком — на пути к новому, высшему, труднейшему порядку. Земская стихия, с обломками вечевого быта, представлялась в это время действительно *стихией*, без формы и организации. Как ни сильно было сознание единства Русской Земли, — но вследствие ее неустройства внешнего и внутреннего, вследствие преград, полагаемых деятельному кровообращению организма — пространствам, ею занимаемым, отсутствием всяких путей сообщения и другими историческими явлениями, — это сознание обретало покуда свою реальность, свою живую действительность — только в лице единодержавного царя, на которого Земля и возложила всю работу своего строения.

Силы были несоразмерные. С одной стороны, самодержавная власть, крепкая полномочием народным и потому неограниченная, власть, сознающая свою силу и призвание, новая, соблазняемая преданиями Татарской Орды и Византии[6]; с другой — Земля неустроенная и еще слабая, сознающая необходимость внешней власти для внешней организации себя самой как единой Русской Земли, для воспитания и укрепления своих собственных земских сил. Но не только облекла она царя всею своею собственною властью и возложила на него весь труд своего устроения, — она предоставила царю — больше, чем власть, — *инициативу*, начальное передовое движение во всяком общем деле внутренней жизни.

Отсюда с той поры начинается та самодержавная инициатива, которая, продолжавшись три века, завершила наконец свою деятельность освобождением двадцати миллионов крестьян в 1861 году...

Это явление слишком важно; мы не можем на нем не остановиться.

С точки зрения теоретической, кажется, и доказывать не следует, что инициатива власти вообще не в состоянии заменить живой инициативы народной или общественной. — Мы уже повторяли не раз, что правительство не может брать на себя обязанности самой жизни, исправлять должность самого организма. Излишняя, переливающаяся чрез край деятельность правительства, захватывая область деятельности частной и общественной, мертвит жизнь, парализует народный организм, заглушает в самом основании духовные силы народа. Это то, что мы называли, в одной из передовых статей[7], ростом государства внутрь, усилением коры за счет сердцевины, отолщением коры на счет прочих органов при неправильном кровообращении, при вялости других членов тела, при устремлении всех сил организма на питание внешнего покрова. Если деятельность жизни не может быть заменена деятельностию правительства, если бездействие или — употребляя технический термин — инерция народного организма постоянно вызывает инициативу власти, и постоянная инициатива власти, в свою очередь, приучает организм к недеятельности, — то очевидно, что такое непомерное усиление государственного начала, не встречая никаких преград для своего свободного развития и заглушая жизнь корней, которыми само живится и существует, — должно неминуемо, логически довести государственный элемент до полнейшего самоотрицания, т. е.: до несостоятельности правительственной, до разрушения всего организма. Порядок внешний, имеющий притязание заменить собою мнимый беспорядок жизни, — силою той же логики развития — приводит непреложно к анархии, к совершенному расстройству.

Такое болезненное и опасное для самого государства развитие государственного принципа и государственной инициативы может быть остановлено и удержано в пределах благой деятельности только возбуждением духовной и нравственной жизни самого народа. Если организм народный уже не способен к такому обратному воздействию, то он гибнет, как тому и есть примеры в истории, но в организмах могучих, как Россия, болезнь, доходя до крайних своих пределов, взыскивает ту спасительную реакцию народного духа, которая одна, единою своею духовною силою, способна возвратить жизнь и Земле, и Государству[8].

Итак, Русская Земля, признав и установив неограниченную Царскую власть, предоставила ей полную самодержавную инициативу. Но что было и делать Земле? Мы уже сказали, что она была страшно не устроена, что земская стихия представлялась хаотическою, что прежний наряд областной лопнул, а новый, государственный, не сложился, что для создания этого государственного наряда, той громадной внешней формы, в которой могло бы беспрепятственно совершаться все народное развитие, необходимо было преодолевать исполинские материальные преграды, победить врагов — внешних и внутренних, победить пространство, осадить бродячее население, ввести в действие все праздные и рассеянные силы; одним словом, по счастливому выражению одного из наших сотрудников, это была та страдная пора, когда потребовались все средства Земли на строение государства, своего рода *сгон* или усиленная *помочь* на языке сельского населения. Крепкая, могучая, самодержавная власть была необходима. Народ, однажды сознав ее необходимость, решился на всякие жертвы и испытания, способные упрочить силу строительного снаряда.

Народ не обманывал себя никакими призрачными обольщениями и с самого же начала мог предвидеть, какой тяжкий предстоит ему подвиг. Постановив самодержавие, он узнал его, он на первых же порах изведал его в лице мучителя Иоанна, — и не поколебался, а возвратил этого мучителя вновь на престол, когда он временно удалился[9], — потому что тиран и деспот был в то же время мудрым строителем.

Но разве не могла Русская Земля, давая полный простор власти в области внешней, государственной, положить пределы ее вторжению в область внутренней жизни, разграничить сферы инициативы правительственной и общественной, оградить свою свободу политическим учреждением, правильною организациею своего земского участия и вмешательства в дело правления. И не могла и не хотела. Главною *злобою дня* было строение государственной формы; разделение среды правительственной и земской было ясно народному разуму, но не было среды общественной, не было общества как выражения народного, не было деятельности народного самосознания, не было личного просвещения единиц, народ составляющих. Власть была необходима, но Земля могла противопоставить ей только силу непосредственного бытия народного, а не силу народного самосознания. Власть была необходима, власть могучая и беспредельная, — но если бы сама Земля посредством какого-либо политического учреждения, облекшись <(по выражению К. С. Аксакова)> в венец и багряницу Царской власти, приняла на себя дело строения[10], то она погубила бы в себе навек стихию земской, не государственной жизни, она перестала бы быть Землею, она отравила бы весь организм народный началом внешней формальной правды, внесла бы полицейский элемент в самую совесть народную, убила бы навсегда внутреннюю свободу духа. Никогда самое необузданное самодержавие не может совершать такого нравственного зла, какое неминуемо совершает самодержавие <народное, т. е.> народ, являющийся уже не как живой организм, источник всякой власти и силы, не как народ, а как царь и самодержец, — не как сама жизнь, а как регламентатор, не как сама свобода, а как тиран.

Русская Земля, совлекши с себя всякую власть государственную и передавши ее царю, имела в виду противопоставить ее напору, со временем, ту нравственную деятельность народного духа, для которой в эпоху Иоанна еще не наступила пора и которая едва ли и была возможна в настоящей своей полноте до окончания внешнего строения государственного[11]. Целая тысяча лет потребовалась на это строение! В самом деле, образовательный процесс Русского государства окончился (если уже можно считать его оконченным) только недавно, очень недавно — в 1861 году! Только в 61 году введены были в действие, вошли в состав общего организма духовные и материальные силы *двадцати миллионов русских людей*! Разве мыслимо было настоящее развитие и деятельное прогрессивное движение народа при таком громадном ущербе жизненной силе, вне участия этих двадцати миллионов? Разумеется, нет. Но если освобождение крестьян завершило внешнее сложение народного и государственного организма, то освобождение уже крестьян полагает начало новому периоду народной жизни, периоду и деятельности общественной, периоду возрождения земской просветленной стихии во всеоружии народного самосознания.

Понятно теперь, почему, создавая самодержавную власть, Земля не хотела полагать ей *вещественные* и не могла, в XVI веке, противопоставить ей — духовные преграды. Понятно, почему самодержавная инициатива, крепкая дове-

рием народным, встретила полный простор для своего разгула и скоро, смешав все области государственной, частной, земской и общественной деятельности [12], достигла своей апогеи в лице Петра, перед которым бледнеет деспотизм и тиранство царя Ивана [13], достигла апогеи, а вместе с тем и вызвала реакцию народного духа, пробудив деятельность самосознания. Но возвратимся к Иоанну. Его эпоха объясняет весь дальнейший ход русской истории.

Уполномочив самодержавие на дело строения Русского государства, Земля не приняла никаких мер к своему обеспечению. Все обеспечение, как мы уже сказали, было в обычаях, в единстве духовном и нравственном, связывавшем власть и народ, в той взаимности доверенности, которая легла в основу отношений Земли и Государства с самого начала истории. В самом деле, так свежа была память прежней вечевой жизни, так силен обычай, так присуще было сознанию значение Земства, что — при всей необузданности личного произвола — Иоанн постоянно помнил свое отношение к Земле и уважал ее больше, чем кто-либо из его преемников <до Петра>. Никто так живо не сознавал всей власти, всей важности и всего достоинства народного полномочия, никто не относился так сознательно к царскому сану, как Иоанн Грозный. Он понимал, что кроме народа — ему бояться некого и что кроме его, московского прирожденного Князя, Царем быть некому, — и празднуя разгульным неистовым пиром праздник Самодержавия — новой, неслыханной, небывалой [14] на Руси силы, — он дает в то же время организацию нестройной земской стихии, созывает Земский собор и вводит новый вид участия Земли в делах государственных и земского самоуправления. От него начинается в России деление служб и повинностей на земские и государевы (т. е. коронные) и широкое приложение выборного начала к местному управлению в сочетании с государственной централизацией. Когда просматриваешь указы и распоряжения Иоанна, невольно задаешься вопросом: каким же образом принимала тогда земская жизнь такую регламентацию извне, которую она не снесла бы в настоящее время, которая встретила бы в ней отпор, если не положительный, то пассивный, страдательный; породила бы новое безобразие и возбудила бы искреннее негодование всех нас, защитников русской народности и свободы народного развития? Это объясняется для нас, во-1-х, тем духовным и нравственным единством, которое связывало народ и власть и которое в первое время не могло внушить власти никакой меры в духе противонародном. Царь был лично человеком вполне народным; во-2-х, действительною простотою и немногосложностью регламентации, дававшей полный простор совести и внутренней правде. Впрочем, мы не намерены нисколько защищать здесь безусловно ту организацию, которую давал Иоанн земской стихии. Позднее, при дальнейшем развитии Московского административного порядка и Московской централизации, — когда на участие земских сил стали смотреть как на вещественный материал, годный для замены средств правительственных, мы нередко встречаем, по-видимому, странное явление: Земля отказывается от своих прав, просит назначения воевод вместо выборных губных старост или тяготится службами, так называемыми теперь «общественными», и ищет от них избавления; это <последнее> требование было выражено, между прочим, при царе Михаиле Федоровиче, на Земском соборе.

Видно, что Иоанна неотступно преследовал образ, в то время еще новый, единой Русской Земли и что пред ним постоянно носилась идея Земства. Это

доказывается самим учреждением, хотя и временным, *Земщины* и *Опричнины*. Ставя Земщину с земскими делами, земским управлением и земским царем — *вне* своего личного Царского произвола, для деятельности которого отводил он известное число городов под именем *Опричнины*, — Иоанн этим самым как бы ограждал свободу Земли, как бы заявлял о неприкосновенности цельной земской жизни, резко отделял правление Землею от случайностей лично царского права, ограничивая личные прихоти и произвол самодержца тесною областью Опричнины. Разумеется, такое дикое учреждение было новым явлением деспотизма [15], не могло продолжаться и действительно продолжалось не более 7 лет [16], — но самая возможность подобной мысли свидетельствует о том, как живо было в общем сознании значение Земли и Земства. При всем сходстве между Петром I и Иоанном IV нельзя не заметить того различия, что Иоанн по крайней мере отделял Земщину от Опричнины, а Петр I обратил всю Землю в Опричнину.

Самодержавная инициатива Иоанна была только началом или образцом той силы, которая в своем неудержимом стремлении привела Россию к катастрофе Петра и заглушила постепенно деятельность земской стихии. Но уже и при Иоанне, еще в малых размерах, она являет в себе все задатки своего будущего развития [17]. Так, царская власть учреждает типографию и распоряжается печатанием церковных книг, царская власть творит то, что было везде предметом деятельности общественной. Но заведенная типография не вызвала к жизни ничего даже сколько-нибудь похожего на тот стремительный поток деятельности, который брызнул ключом везде в Европе при открытии книгопечатания. Первая *вольная* типография является в России уже при Екатерине II [18], и таким образом 200 лет пробавлялась Россия сначала одной, потом несколькими казенными типографиями, в то время как соседняя Литва была усеяна печатными станками.

Одним словом, везде и всюду начинает проникать царское веление и царская опека, — и скоро на бездейственном просторе Земли, наполняя собою пустоту, образуемую отсутствием всякой общественной среды и общественной деятельности, — остается одна — и только одна — самодержавная инициатива. Деятельность принадлежит только правительству, оно одно дает жизнь и движение, творит и созидает <; все остальное погружается в бездействие и малопомалу в летаргический сон>. — Разумеется — жизнь и движение, нисходящие сверху от правительства, не возжигают настоящего пламени жизни и сами действуют только до тех пор, пока не отнимется от них крепкая рука власти. Так мастера, дохтура и другие ученые иностранцы, — которых во множестве выписывало Русское правительство при Иоанне, Борисе, Михаиле и Алексее, не прививали к Русской Земле никакой науки, никакого мастерства и художества. Если бы первой заботой Иоанна и его преемников было водворение науки в России, если бы они основали в России хоть одно училище, то, может быть, при существовавшей еще тогда свежести земского начала, при духовной цельности народного организма, — возникла бы в России деятельность самобытного просвещения, — но училища-то и не заводила инициатива царей допетровской Руси, кроме неудачной попытки, выразившейся в создании Заиконоспасской академии в конце XVII века [19].

Мы не входим здесь в подробное разбирательство причин, почему именно просвещение так туго давалось России; нам пришлось бы говорить тогда о ре-

лигиозном элементе и о духовенстве в России. Может быть, мы бы и нашли историческое оправдание нашей духовной инерции, но все это не входит в нашу задачу. — Мы хотели только указать на ту эпоху в нашей истории, откуда пошла есть[20] та государственная деятельность, тот государственный рост внутрь Русской Земли, который шел, не останавливаясь, триста лет сряду, но, кажется, уже дошел до своего предела. Мы объяснили, что, уполномочив самодержавную власть на строение внешней государственной стороны, Русская Земля не положила ей никаких границ и препятствий и благоразумно воздержалась от вторжения в область государственную, ревниво оберегая свою духовную свободу, свою земскую жизнь и область внутренней правды от государственного элемента для лучших времен[21]; мы объяснили, что пределы государственной стихии могут быть обозначены только развитием народного самосознания в обществе, силы которого не заменяют никакие политические учреждения, и что положительная деятельность народного самосознания являлась невозможною при внешнем неустройстве народного и государственного организма; что сложение Русского государства окончилось или еще только кончается с освобождением 20 миллионов крестьян; что все эти причины вместе дали безграничный простор не только самодержавной правительственной власти, но и самодержавной инициативе; что, связанная вначале единством нравственным и духовным с русским народом, власть уважала Землю и действовала не противно духу русской народности, но с ослаблением связи явилась враждебною народным началам, что, наконец, такое ее непомерное и уродливое развитие подействовало, наконец, спасительно на почву народного духа, вызвав его к отпору в области самосознания[22].

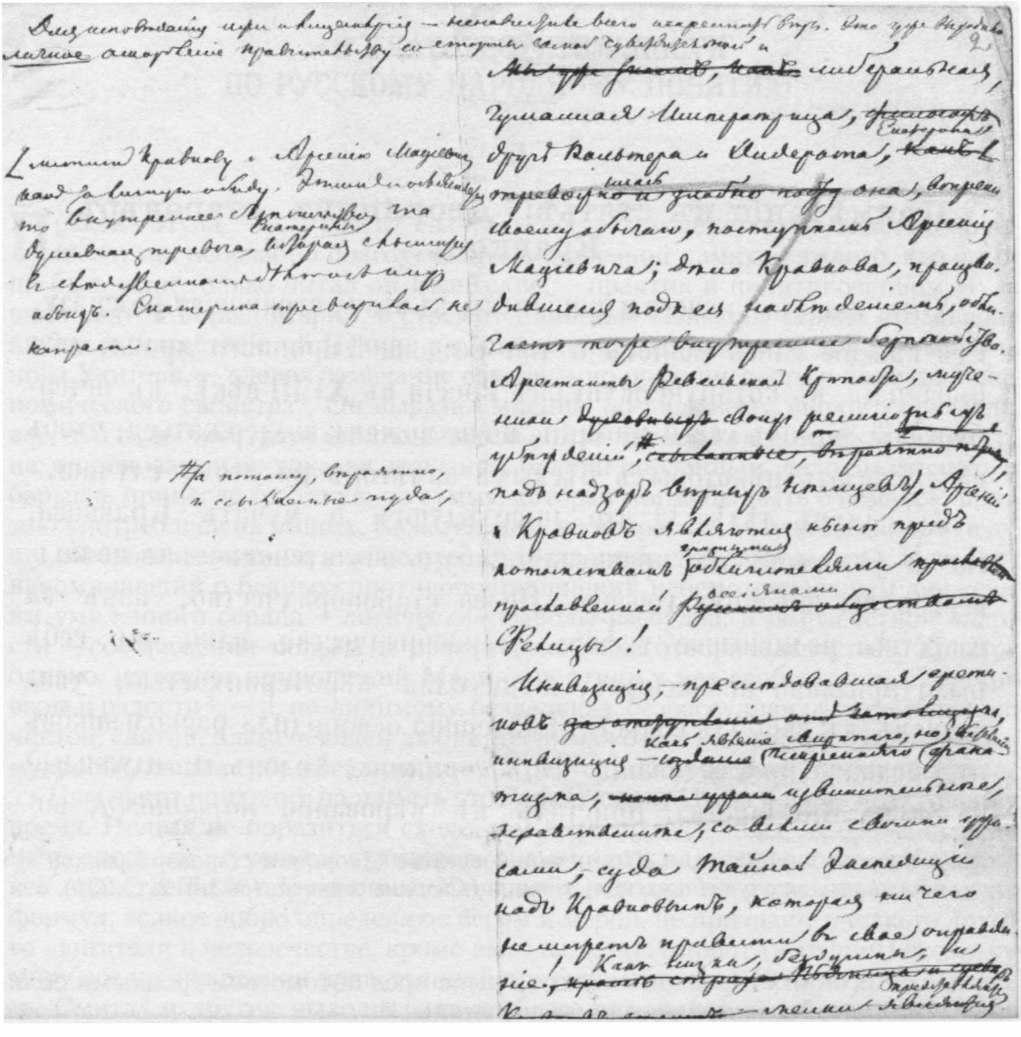
Нам остается сказать еще о деятельности и значении дворянства, или, вернее, служилого класса в России до Петра, о постепенном наступлении эпохи Петровского переворота и об общественном русском развитии от Петра до нашего времени[23].

ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ «ДВОРЯНИН-СТАРОВЕР КРАВКОВ»

Хотя, кажется, нечего и прибавлять к этому страшному рассказу, где каждое слово вопиет о той бездонной пропасти мрака, лжи и насилия, в которую окунулась Россия в XVIII веке, в Петербургский период своей истории, но не можем воздержаться, чтоб не высказать некоторых беглых заметок по этому случаю.

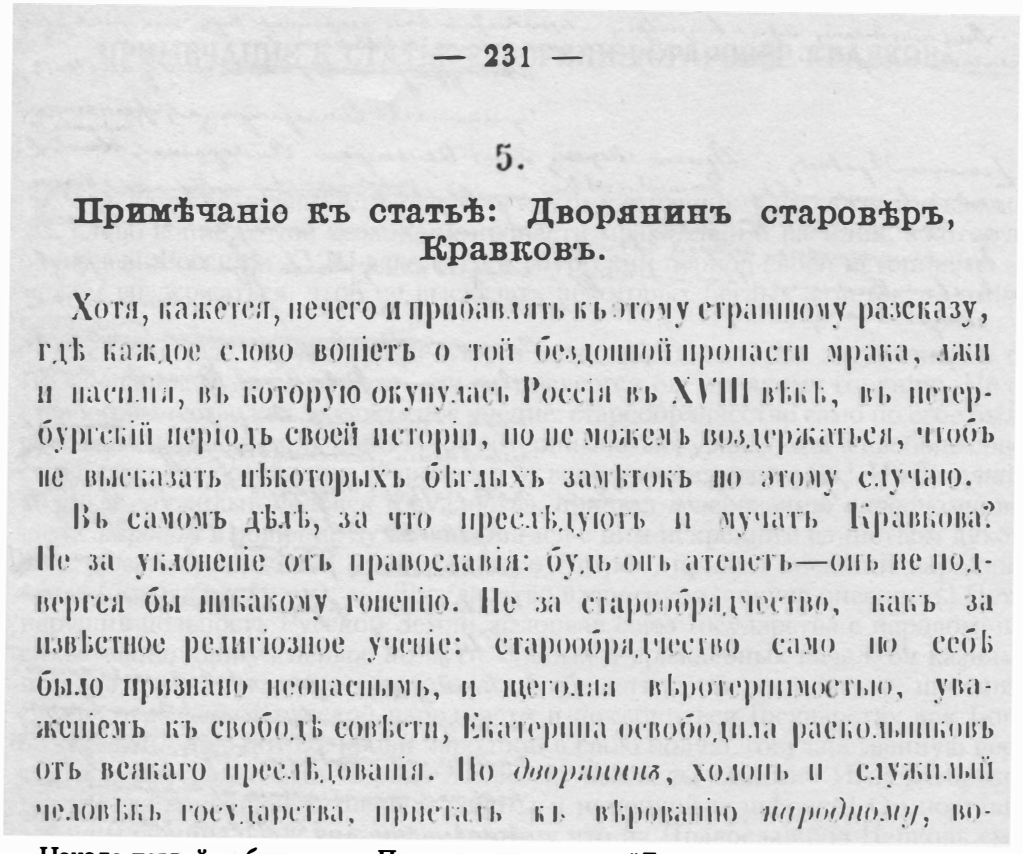
В самом деле, за что преследуют и мучат Кравкова? Не за уклонение от Православия: будь он атеист — он не подвергся бы никакому гонению. Не за старообрядчество как за известное учение: старообрядчество само по себе было признано неопасным, и, щеголяя веротерпимостью, уважением к свободе совести, Екатерина освободила староверов от всякого преследования [1]. Но *дворянин*, холоп и служилый человек государства, пристал к верованию *народному*, вошел с *народом* в общение духа, соединился с ним искренним единством духовным, восстановил связь, уничтоженную Петром, принял внешний народный образ (борода и кафтан), — и Государство вздрогнуло, почуяв опасность! Петр, нарушив цельность Русской Земли, разорвав союз Государства с народом, насильственно двинул первое по пути чуждых и враждебных начал; он казнями и соблазнами заставил верхние классы общества, или дворянство, изменить Земле, отречься от русской народности и поклониться Государству как Богу; он окрестил их в потоке крови народной в свою новую, государственную веру, т. е. в исповедание всем сердцем и всеми помыслы своими [2] Императорской власти его новейшей кузнечной работы и немецкой шлифовки! Он поставил законом официальное лицемерие, потому что на Православную Церковь смотрел как на один из органов немецкой государственной администрации, а на веру народа — как на средство к его духовному порабощению. Он собрал вокруг своего, на головах стрелецких [3] воздвигнутого, трона многочисленную пеструю шайку слуг наемных и *крепостных*, иностранцев и русских ренегатов. Дворянство — как служилое сословие — волею-неволею всем составом своим поступило все в *опричнину* [4], передалось вражескому Петербургскому стану и приняло деятельное участие в государственной оргии XVIII века! Дворянин был *свой* Государству, свой брат-изменник относительно народа, свой брат — кромешник [5] и *опричник* и опора престола. Только служилым дворянством, лейб-кампанцами [6] да лейб-гвардейцами воцарялись правительства в XVIII веке, только ими и держались они на скользких от крови ступенях трона. Екатерина II не забывала ни на минуту, кому и чем обязана она была Русскою державой... [7] И вдруг один из опричников изменяет опричнине и переходит к народу, в стан, наиболее ненавистный и страшный преступному правительству.

Если бы Кравков изменил ради *выгод*, если б поступил на службу в неприятельскую армию и даже к Пугачеву, он был бы менее виновен, менее опасен в ее глазах. Корыстолюбие, грубый обман, зверство — с такими врагами справиться было нетрудно. Но в поступке Кравкова восставал для нее грозный призрак могущественной силы духовной. Для нечистой правительственной совести страшнее всего были нравственная чистота и мужество убеждения; для



Черновой автограф Примечания И. С. Аксакова к статье «Дворянин-старовер Кравков» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 74. Л. 2)

исповедания лжи и лицемерия — ненавистнее всего искренность веры![8] Это уже выходило личное оскорбление Правительству со стороны самой чувствительной, и либеральная и гуманная Императрица, друг Вольтера и Дидерота[9], Екатерина — мстит Кравкову и Арсению Мациевичу[10] как за *личную обиду*. Этим и объясняется то внутреннее беспокойство, та душевная тревога Екатерины, которая слышится в следственном деле об них обоих...[11] Екатерина тревожилась не напрасно: арестанты Ревельской крепости, мученики своих религиозных убеждений (а потому, вероятно, и ссылаемые туда, под надзор верных



— 231 —

5.

Примѣчаніе къ статьѣ: Дворянинъ старовѣръ, Кравковъ.

Хотя, кажется, нечего и прибавлять къ этому страшному разсказу, гдѣ каждое слово вопіетъ о той бездонной пропасти мрака, лжи и насилія, въ которую окунулась Россія въ XVIII вѣкѣ, въ петербургскій періодъ своей исторіи, но не можемъ воздержаться, чтобъ не высказать нѣкоторыхъ бѣглыхъ замѣтокъ по этому случаю.

Въ самомъ дѣлѣ, за что преслѣдуютъ и мучатъ Кравкова? Не за уклоненіе отъ православія: будь онъ атеистъ—онъ не подвергся бы никакому гоненію. Не за старообрядчество, какъ за извѣстное религіозное ученіе: старообрядчество само по себѣ было признано неопаснымъ, и щеголяя вѣротерпимостью, уваженіемъ къ свободѣ совѣсти, Екатерина освободила раскольниковъ отъ всякаго преслѣдованія. Но *дворянинъ*, холопъ и служилый человѣкъ государства, пристать къ вѣрованію *народному*, во-

Начало первой публикации «Примечания к статье "Дворянин-старовер Кравков"» в издании для служебного пользования (*Сборник статей. 1862.* Т. 2. С. 231)

немцев), Арсений и Кравков являются ныне пред потомством грозными обличителями прославленной россиянами Фелицы! [12]

Инквизиция, преследовавшая еретиков, инквизиция как явление свирепого, но искреннего католического фанатизма извинительнее и нравственнее, со всеми своими ужасами, суда Тайной экспедиции [13], которая ничего не может привести в свое оправдание! Как низки, бездушны и мелки представляются Шишковский, Вяземский [14] и Екатерина пред скромным и грустным образом дворянина Кравкова в *неподобной одежде* и с иконою на груди? Как свят является он в своем религиозном суеверии пред своими преступными и развратными судьями... [15]

Но не одни судьи виноваты. Виноваты все, всё русское общество, виноваты предки наши, допускавшие такой неправде сквернить Русскую Землю и прославлявшие героев беззакония, в стихах и в прозе, и всячески; виноваты мы, что не тяготимся грехами предков, не смыли пятен крови, лежащих на нас, не принесли и до сих пор повинной за себя и за отцов наших долготерпеливой Русской Земле.

<О БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ ПО РУССКОМУ НАРОДНОМУ ПОНЯТИЮ>

Практик Иуда, — как гласит евангельское сказание, с такою властью живущее и так неослабно благоухающее в душевной памяти каждого, кто бы он ни был, если только читал он Евангелие, — практик и политикоэконом Иуда, видя святой порыв Марии, с стремительностью женского сердца отдавшейся любви к Божественной Истине и расточительно изливавшей дорогое миро на ноги Учителя, — сделал замечание совершенно практического и политико-экономического свойства [1]. Он выразил мнение, по-видимому, вполне справедливое, что подобная трата многозначительной ценности вовсе не производительна; он основательно доказал, что миро, будучи проданным, дало бы столько-то барыша, принесло бы такую-то сумму, которая могла бы быть с немалою пользою употреблена на нищих. Кажется, чем же неправ был Иуда Искариот (в душу которого, вспомним, еще не входил тогда умысел предательства), Искариот, напоминавший о бедных, противопоставлявший неосмотрительным движениям умиленного сердца — логические выводы рассудка, и безрасчетной благости — соображения пользы и практической благотворительности?.. Христос, однако, не отверг приношений Марии, не отнял у нее свободы в выражениях веры и радости [2], — и, по-видимому, бездельная, безрассудная расточительность чистой, святой, пламенеющей любви, теснимая отовсюду расчетами житейской мудрости, нашла себе убежище у ног Христа, под покровом Его милосердия...

Нам часто приходит на память этот практицизм Иуды в наше практическое время. Нельзя не поразиться сходством вышеприведенных соображений павшего апостола с учением некоторых знаменитых политикоэкономов, которые все нравственные побуждения человека переводят на язык математических формул, всякое добро определяют весом и мерой, не признают никакого другого двигателя в человечестве, кроме выгоды, и подчиняют (в теории) этому кумиру все произволения нравственной природы человека. По доктрине Мальтуса, Смита [3] и других выходит, что не благоустроенное хозяйство существует ради человека, а наоборот: человек, со всеми своими нравственными запросами, приносится в жертву отвлеченному принципу и имеет значение только как рабочая сила, как часть благоустроенного механизма. Так, они постоянно глумятся над гостеприимством, считая его принадлежностью необразованных обществ (поэтому, логически, высший цвет образования будет состоять в том, чтобы не дать голодному даром ни куска хлеба); так, они не в состоянии понять начала братства, выражающиеся в русской поземельной общине; так, они — в заботах об улучшении материальных благ человеческих — предлагают меры, которые низводят людей на степень животных пород и попирают все требования, враждебные человеческой совести. Оговоримся кстати, что мы допускаем вполне значение политической экономии как науки о законах хозяйства общественного, но мы отвергаем ее гордые притязания подчинить себе нравственное начало в человечестве и полагаем, что, напротив, политическая экономия должна находиться к нему в подчиненном отношении.

Возвратимся к Иуде. Не правда ли, читатель, что самые слова его будто слышаны вами вчера или сегодня: до такой степени они напоминают те рассуждения, те доводы дешевой мудрости, которыми так любят щеголять наши борзые прогрессисты. Мы бы не обратили никакого внимания на их праздные толки, если бы только эти господа более уважали свободу жизни и не оказывали слишком сильного сочувствия к теории просвещенного деспотизма. Так, например, мы еще недавно читали в «Московских Ведомостях» жестокие осуждения народному московскому обычаю подавать обильную милостыню арестантам, пересылаемым посредством этапа по Владимирской дороге, или, как выражается народ, по *Сибирке*[4]. Автор статьи, с благородным негодованием раскрывая совершающиеся злоупотребления и доказывая, что благодушием народа пользуются иногда люди недостойные, придумывает разные меры, которые, как ему кажется, должны были бы дать общественной благотворительности правильное движение. По его мнению, если нельзя вовсе прекратить этот способ благотворения, так мало согласный — негодует он — с здравыми требованиями науки политической экономии, — то следует, по крайней мере, разделить арестантов на разряды и уже решительно воспретить народу подавать милостыню одному из разрядов. Точно такие же поползновения пополицействовать в народном сердце и внести регламентации в живое дело благотворения обнаруживаются нашими либералами по отношению к нищим и ко многим другим явлениям нравственной жизни народа.

Конечно, не всегда подобные рассуждения свидетельствуют об установившемся положительном воззрении на право частного человека располагать своими деньгами и своим сочувствием... Очень часто происходят они от преобладающей у нас спутанности понятий, от привычки к бесцеремонному обращению с народным убеждением и обычаем, а всего чаще от невольного подчинения многим мнимым нравственно-политическим, обиходным аксиомам, господствующим в обществе с авторитетом современной модной идеи.

Этим последним обстоятельством объясняется для нас, почему в статье г. М. С. «Об устройстве ссыльных в Тобольской губернии»[5], помещаемой вслед за сим, ниже, и во всех отношениях, как нам кажется, чрезвычайно дельной, благонамеренной, исполненной истинного сочувствия к страждущим, — почему в этой статье мы встречаемся также с началом административного вмешательства в область народного благотворения. Многоуважаемый автор статьи, предлагая учреждение поселенческих банков и изыскивая источники для составления банкового капитала, указывает, как на главный источник, на милостыню, подаваемую арестантам во время пути. Цифра общей суммы трудовых копеек, жертвуемых народным состраданием в пользу *несчастных*, заслуживших справедливый гнев правительства и общества, простирается от 30 до 40 руб. на человека. Размеры истинно громадные, если сообразить огромное число ссыльных, ежегодно препровождаемых в Сибирь из России. Г<-н> М. С. полагает полезным снабдить каждого арестанта книжечкой, в которую бы записывалась каждая поступающая к нему милостыня, — деньги же немедленно отбирать, выдавать частями уже по приходе на место поселения или же вносить их в поселенческий банк.

Мы не можем согласиться с г. М. С. насчет пригодности этой меры. Можно, положим, вовсе не допускать никакого, помощию подаяний, облегчения участи наказываемых преступников; но, давши однажды полный простор частной бла-

готворительности, едва ли справедливо было бы на нее *спекулировать* и принимать в расчет средства, которые вам не принадлежат и которыми мы, как чужими, распоряжаться не можем. Кроме того, есть полное основание думать, что всякая попытка внести регламентацию в область народного благотворения может охладить порыв благотворительности в народе. С нравственными явлениями, с движениями чувства следует обходиться осторожно: сердце как народа, так и отдельного человека не терпит грубого прикосновения; стремление внести извне в эти движения порядок и благоустройство — способно привести к совершенно противоположным последствиям, а если иссякнет милостыня, то все расчеты почтенных регламентаторов падут сами собою.

Впрочем, мы не имеем намерения входить в разбирательство всех подробностей мысли г. М. С.; мы коснулись ее здесь настолько, насколько нам нужно было, чтобы частный вопрос возвести на степень общего вопроса и чтобы показать, до какой степени модные нравственные понятия, господствующие в нашем так называемом образованном обществе, проникают в мысли самых благонамеренных, искренних и независимых деятелей. Обратимся же снова к общему вопросу.

Если говорится, что не все то золото, что́ блестит, то с неменьшим основанием можно сказать, что не все то пользует, что́ принадлежит к категории пользы. Во всяком факте добра, во всяком поступке есть две стороны: сторона материальная и сторона нравственная. К первой относится — вещественное удовлетворение нужд; ко второй — процесс нравственных ощущений, переживаемый — как дающим, так и принимающим даяние, — ощущений благотворных для обоих, очищающих душу, хотя бы и на время, вводящих ее в общение с Вечною Благостью, зиждущею мир. Разумеется, в этой нравственной стороне данного факта и заключается существенная, истинная польза: сумма такого рода фактов, таких явлений, где вещественное добро сопровождается добром нравственным, создает в обществе нравственную атмосферу, возвышает дух, поддерживает в народе начало любви и правды.

Если же, напротив того, в обществе преобладают явления пользы без нравственного содержания — такого рода, где, при материальной пользе, улетучивается самый аромат добра, — где добро, состоящее в удовлетворении вещественных нужд человека, не сопровождается процессом нравственных ощущений или нравственным актом личности благотворящей и облаготворяемой, то общество скоро оскудевает духовно; в нем, по выражению Дж. Ст. Милля, *убывает* душа [6], несмотря на богатство всякого рода полезных учреждений. А где душа пошла *на убыль*, там не заменят ее нравственно-органических сил, ее производительности, ее живительной теплоты — никакие искусно придуманные механические снаряды; где душа наша пошла на убыль — там грозит холод и смерть. Тоска знаменитого английского писателя при созерцании современного западного общества как бы повторяет слова Писания: «Не о хлебе едином жив будет человек» [7]. Милль пользуется большим уважением у нас в России [8], но странное дело: каким образом умеют у нас прогрессисты согласовать поклонение авторитету Милля с слепым подражанием тому именно стремлению, на которое с ужасом указывает Милль?!

Общественная благотворительность на Западе развилась бесспорно в громадных размерах, но под господством того особенного воззрения, при котором добрый поступок имеет значение не по действию любви (что́ только и дает ему

цену), а по результатам одной вещественной выгоды для бедного; добро, как мы сказали, ценится на вес и меру пользы. Благотворительность перестает быть личным нравственным актом и низводится на степень каких-то общественных отправлений, подчиненных бездушному механизму.

Если бы, например, вместо подаяния нищим (которое в большей части наших санкт-петербургских публицистов возбуждает такое негодование, а вместе и презрение к Москве, отличающейся такою благотворительностью), вместо милостыни арестантам (что, по мнению некоторых, следовало бы строжайше запретить!) был определен, положим, с каждого домовладельца сбор в известном размере, — то, конечно, на эти деньги можно было бы, пожалуй, обеспечить участь нищих и арестантов, следовательно, сделать много пользы; но мы решаемся смело выразить наше сомнение в *пользе* такой *пользы*. Читатели наши, разумеется, понимают, что мы нисколько не против самого результата, т. е. улучшения участи несчастных, но против того пути, которым достигнут подобный результат; наконец, мы думаем, что материальная польза, доставленная в настоящем случае бедным с ущербом нравственной стороне дела, не вознаграждает *вреда*, наносимого обществу ослаблением в нем личных благотворительных движений и личных нравственных ощущений.

Мы хорошо знаем, что во многих случаях частная благотворительность, оказываясь несостоятельною, по необходимости уступает место благотворительности общественной; — что, наконец, мудрено противиться требованиям времени и тем соблазнам, которые представляет удобство: устроить участь людей дешево, без хлопот и скоро, — но мы не считаем невозможным совместить общественную благотворительность с личною без ущерба для нравственной стороны дела (как это и бывает, например, при складчине, при добровольных подписках). Нам прежде всего представляется необходимым, во-1-х, чтобы вся эта борьба двух начал, любви и пользы, практицизма Иуды с мнимою безрасчетностью Марии — предоставлена была самому обществу, самой жизни, без всякого официального вмешательства; во-2-х, чтобы во всяком случае эти понятия предстояли сознанию общественному в ясном, а не в спутанном виде. Каким образом примирить их жизнь, какой средний исход примет она из двух крайних противоположностей, — это уже не наше дело: как бы ни противоречил иногда нравственный идеал современному положению общества, как бы ни мешал он спокойному течению жизни, какая бы необходимость ни заставляла от него уклоняться, важно уже то, что он не теряется из виду, что порою блестит его свет и слышится его зов, что не умирает он вовсе в общественном сознании!

Итак, мы вовсе не против общественной благотворительности, как скоро она является подсобием благотворительности частной, но мы должны заметить, что есть много общественных или правительственных действий, носящих название благотворительных, которые, совершаясь вполне механически по однажды заведенному порядку, будучи весьма полезными для благосостояния граждан, вовсе не принадлежат к области благотворения. Так, устройство, например, мостов, переправ и самых больниц со стороны администрации правительственной, или муниципальной, или земской — может быть справедливо названо делом благоразумной, попечительной администрации и составляет явление вполне законное и нормальное, но не должно предъявлять притязаний на значение благотворительное, — и еще менее величаться такого рода назва-

нием, которое само в себе заключает оценку и похвалу. Хотя нам могут возразить, что дело не в названии, а в деле, — однако смешение названий невольно влечет за собою и смешение понятий, — что́ уже положительно вредно.

Но из всех видов современной благотворительности самый лживый, по нашему мнению, — это благотворительность веселая, *соблазняющая* на доброе дело. Здесь именем доброго дела прикрывается вполне своекорыстное побуждение к забаве — а в результате получается одна вещественная выгода, уже совершенно обнаженная от всякой нравственной идеи, являющаяся со всею черствостью неуважения к несчастию, с неприличною нескромностью сострадания![9]

Мы, конечно, не могли обнять весь этот важный для общественной нравственности вопрос в тесных пределах передовой статьи; мы надеемся еще не однажды вернуться к нему, но в заключение выразим еще раз желание, чтобы наши деятели во всех сферах и положениях, во всех градусах либерализма не торопились вносить в русскую жизнь красивой правильности, механизма, не мертвили, не убивали души, не заковывали развития в неподвижные рамки, не порабощали свободу жизни отвлеченным доктринам, созданным болезненным духовным состоянием западных обществ, и — главное — чтоб бережно и со всяким благочестием относились они к нравственным требованиям русского народа, который несравненно более сочувствует Марии, нежели практику Иуде, и вне которого не найти им у нас никакой другой органической силы!

<ПЕТЕРБУРГ И МОСКВА>

Sanktpetersburg, столица Российской империи со времен того царя, который сам большею частью подписывался под указами «Piter», — Sanktpetersburg...[a] Мы с намерением употребляем латинские литеры, чтобы не опустить ни одного звука в этом иностранном имени, в котором при русском правописании и произношении «Санктпетербург» недостает одной буквы; и хотя всего приличнее облекать эти немецкие звуки в вполне соответственную им одежду готических письмен: **Sanktpetersburg**, однако же мы предпочитаем в настоящем случае латинский шрифт как более у нас известный... Итак, Sanktpetersburg или **Sanktpetersburg** с некоторого времени стал сильнее чем когда-либо прежде издеваться над древнею русскою столицей — Москвою, по крайней мере в произведениях своей периодической *прессы.* Особенно смелым наездником в этом отношении выступает Sanktpetersburg'ская газета «Современное Слово»[1]: она не пропускает случая, чтобы не поглумиться над известным выражением, что Москва есть сердце России[2], над московскою неповоротливостью в деле того прогресса, которого die Hauptstadt Sanktpetersburg* считает себя, и конечно справедливо, достойным представителем; над московскою своеобычностью, стариною, над верностью старине, над всем тем, наконец, что́ дорого в Москве стольким миллионам русского народа, что́ связывает ее с остальною Русью. Все это совершенно в порядке вещей: не можем же мы, в самом деле, требовать сочувствия к Москве, к Руси, к русскому народу от Rigascher[3] или Sanktpetersburger-Zeitung** [4]. Нет ничего удивительного и в том, что «Современное Слово» встретило грубыми насмешками известие о проявившемся будто бы у русских купцов стремлении освободиться из-под школьной ферулы современного официального просвещения и добыть своим детям такого образования, которое, даруя им высшее знание, в то же время не отрывало бы их от коренных начал народной жизни. Нам нисколько также не показалось странным, что публицист, воспитанный и взлелеянный Sanktpetersburg'ом и сроднившийся, слюбившийся с ним до степени сердечного трепета всякой раз, когда о нем говорит, — что этот публицист клеймит названием «византийства» не только направление «Дня», не только основную стихию русской народности, но даже — как бы вы думали, читатель? — даже отвращение христиан к магометанскому игу. Наше выражение о тяжести для славянских христиан *магометанского* ига подало повод редакции «Современного Слова» к негодованию — очень забавному[5]. «Византийство!» — восклицает она, давая разуметь, что подобное отвращение христиан от магометанства есть признак невежества, остаток грубых времен, наследие Византии, след той тьмы, которую напустила на нас Византия. «Не на этом основании следует сочувствовать славянам, — толкует

[a] *Начальное предложение в первой публикации*: Санкт-Петербург с некоторого времени стал сильнее, чем когда-либо прежде, издеваться над древнею русской столицей — Москвою, в произведениях своей периодической *прессы.*

* столица Санктпетербург (*нем.*).

** «Рижской» и «Санктпетербургской Газеты» (*нем.*).

санктпетербургский прогрессист, — а на основании *расового* сходства или единства *пород*: *расы* мы одной, вот в чем дело!» Мы бы дорого дали, чтоб видеть, как редактор «Современного Слова» обратился бы с такою речью о расе и о византийстве к мужественному населению Сербии, Черногории, Герцеговины, Болгарии, которое только верности вере отцов обязано сохранением своей народности и которое давным бы давно купило себе спокойствие и благоденствие, если бы питало менее отвращения к мусульманскому вероучению, если бы признало Коран за истину, как это и сделали боснийские землевладельцы... Этого не разобрал, конечно, г. редактор!! Повторяем, мы не ожидали никогда сочувствия от Санктпетербурга, точно так же как не ожидаем сочувствия ни от Митау, Либау, Пернау, Виндау[6]; — мы бы даже не обратили внимания на разновременные набеги «Современного Слова» на Москву, если б все эти частные явления не примыкали к явлению общему и общественной важности, если б они, взятые вместе, не составляли симптомов того недуга, которым уже полтораста лет болеет Русь.

Антагонизм Москвы и Петербурга не нов в русской литературе: иногда потухая, иногда вспыхивая с новою силою и потом опять ослабевая, он не прекращался с самой той поры, как возникла у нас литературная деятельность: здесь не место говорить о проявлении этого антагонизма в других сферах жизни. Вполне же разумную основу в области сознания дало ему то направление в науке и литературе, которое твердо стало за духовные права русской народности, за свободу и самостоятельность русской мысли и которое, по свидетельству даже врагов своих, немало потрудилось для русского самосознания. Дело в том, что это постоянное состязание вовсе не походило на борьбу или соперничество двух равноправных больших городов, как это встречается иногда в Европе, ни на отношения, полные презрения с одной стороны и зависти с другой — провинциализма к столичной цивилизации. Нет: Москва и Санктпетербург выражают собою *два розных начала*, исторических и жизненных, находящихся в постоянном противоречии, и это-то противоречие перенесено было мыслящею частью общества в область литературы.

С Петра начинается Санктпетербургский период русской истории, в котором застает нас тысячелетие Русского государства и о котором еще в 1846 году в первый раз пространно было разъяснено читающей публике К. С. Аксаковым в его диссертации о Ломоносове[7], а затем и во всех последующих его трудах. Мы не станем входить в подробное определение всего того смысла, какой заключается в явлении Санктпетербурга, во-первых, потому, что об этом было говорено достаточно и публике более или менее известно; во-вторых, потому, что распространяться об этом значении С.-Петербурга крайне неудобно: С.-Петербург прикрыт такою защитой, какой Москва не имеет (к счастию) и которая затрудняет всякое прямое на него нападение. Разрыв с народом, движение России по пути западной цивилизации, под воздействием иного просветительного начала, измена прежним основам жизни, поклонение внешней силе, внешней правде; одним словом — вся ложь, все насилие дела Петрова — вот чем окрещен был городок Питербурх при своем основании, вот что́ легло во главу угла при созидании новой столицы. В деле Петровом, независимо от его всемирно-исторического содержания, независимо от того, что́ не преходит, что́ остается от той доли, которая выделяется и должна выделяться в кровообращение народного организма, — есть настолько же, если не более, элементов случайности,

временности, зла, насилия, лжи, запечатленных его необыкновенною личностью. Дело Петра имеет значение и как переворот, как революция, и как исторический момент в ходе нашего общественного развития. Но для того, чтобы оно получило значение момента, чтоб оно поступило в общий запас исторической жизни народа или того исторического материала, который разрабатывается, претворяется, переживается народным организмом, необходимо, чтоб оно прекратилось как переворот.

Переворот еще не *кончился*, еще длится: мы еще не *изжили* элементов личных и случайных, внесенных страстною, могучею личностью Петра в его дело, элементов лжи и насилия. Это-то и есть собственно, что́ мы называем Петербургским периодом (разумей все по отношению к литературе и просвещению). Действительно, внешняя история совершается теперь вся в Петербурге: это *его* время; он действительно носитель исторической идеи Петра *как* переворота во всем случайном, временном характере этого явления; он действительно стоит впереди, он, так сказать, передовой человек внешнего движения, данного Петром России, передовой человек лжи, сопровождающей наше духовное и умственное развитие.

Таково значение Санктпетербурга. Он не живет одною жизнью с Москвою и со всею Русью, не составляет части организма, по крайней мере, еще не вошел в состав организма. Он совершенно извне относится к России. Подтверждение этому вы найдете во всей петербургской литературе. (Предваряем читателей, что мы говорим о господствующем типе той и другой литературы, а не об отдельных явлениях.) Санктпетербургские газеты толкуют много о либерализме и демократизме, но, как мы уже имели случай заметить, они, со всею запальчивостью того деспотизма, который внесен Петербургом в дело нашего просвещения и развития, угнетают насмешками, ругательствами, постоянными оскорблениями самые святые чувства русского народа, свободу его верования, обычая, жизни. Их либерализм является насилием и тиранией в отношении к русскому народу. Для них, как воплощающих собою идею Санктпетербурга, нет ничего заветного в русской истории до Петра, в этой «дикой Азии нашего прошедшего», как выражается «Современное Слово»[8]. Все это очень естественно и понятно, иначе Санктпетербург и думать не может: в противном случае он бы противоречил своему призванию, отрицал бы свой собственный принцип, которому санктпетербургская пресса, надобно отдать ей справедливость, так вполне верна, так храбро служит.

Страдания, боль, внутренняя работа земских сил, стремление к самобытности просвещения — все это возбуждает в петербургских газетах одно презрение (очень похожее, между прочим, на презрение цивилизованного дворового или лакея к простому крестьянину). «Москва хворает, в Москве весьма неладно, — восклицает очень наивно то же “Современное Слово”, — там, ни много ни мало, купечество, говорят, недовольно воспитанием своих детей в гимназиях!»[9] И какому ливню ругательств и насмешек подверглось купечество за то, что смеет быть недовольно тем направлением воспитания, которым доволен Санктпетербург!

Мы не станем теперь говорить о значении Москвы и о том благодеянии, которое оказал ей Петербург, оттянув к себе, на поверхность, всю внешнюю нашу историю за последние полтораста лет. Тем свободнее могла производиться в Москве работа народного самосознания и очищаться от всех исторических

случайностей и всякой исключительности — русская мысль. Москве предстоит подвиг завоевать путем мысли и сознания — утраченное жизнью и возродить русскую народность в обществе, оторванном от народа. Довольно сказать, что Москва и Русь — одно и то же, живут одною жизнью, одним биением сердца, — и этими словами само собою определяется значение Москвы и отношение ее к Петербургу. Они же объясняют и тот антагонизм, который существует в литературе обоих городов и на который мы указали в начале нашей статьи.

Из всего сказанного ясно, что истинный либерализм и русское народное чувство невозможны для санктпетербуржца, если он санктпетербуржец не по одному месту жительства, а по принципу, ясно им сознаваемому.

Это было бы contradictio in adjecto*, одно исключает другое. Нельзя в одно и то же время служит Богу и мамоне [10], нельзя в одно и то же время быть русским и петербуржцем, либералом и адептом или орудием Петровского переворота; поклоняющийся Петру поклоняется петровской палке. Поэтому мы, с своей стороны, не только не даем никакой цены либерализму санктпетербургской прессы, но положительно ему не верим, точно так же как и санктпетербургскому благоволению к русской народности.

В последнее время санктпетербургская литература стала очень много толковать о национальном принципе, о народности; некоторые ее органы славянофильничают напропалую [11], а молодые санктпетербуржцы щеголяют в красных рубашках и поддевках. Вы бы очень ошиблись, читатель, если б вывели из того заключение, что Санктпетербург протестует сам против себя, против своего принципа, который один и дает ему историческое значение и известную силу жизни; вы были бы не правы, если б вообразили, что вся эта санктпетербургская руссомания есть действительное искреннее пробуждение в жителях Санктпетербурга народного русского чувства. Повторяем, мы еще не изжили всей той исторической лжи, которой носителем является для нас Петрова столица. Мы должны будем пройти сквозь новый вид, новый фазис лжи, и если в прежнее время русские, обезьянничая, передразнивали немцев и рядились в немецкие кафтаны, то теперь — немцы или санктпетербуржцы обезьянничают, передразнивают русских и рядятся в русские зипуны [12] и охобни [13]. Последняя ложь горше первой... [14]

Об этом мы поговорим как-нибудь в другой раз, в особой статье... [15]

---

* внутреннее противоречие (*лат.*).

<ПЕТЕРБУРГ ИЛИ КИЕВ?>

«Петербург или Киев?» «Будет ли когда исправлена ошибка, сделанная Петром? Будет ли когда средоточие правительственной деятельности перенесено с ингерманландских болот в страны более плодородные, например Киев?» Вот вопросы чрезвычайной важности, выдвинутые вперед неизвестным автором статьи, помещенной в сентябрьской книжке «Русского Вестника» под скромным заглавием «Заметки о хозяйственном положении России».

Господин Y (под этою буквою скрыл автор свое имя) рассматривает вопрос о столице с точки зрения чисто экономической. Признавая главною виною настоящего безденежья «бедность России», — в том смысле, что производительность страны не удовлетворяет ее потребностям, развилась несоответственно с ними и вообще получила ложное, искусственное направление, — автор видит причину такого явления в искусственном сосредоточении русской жизни на северных оконечностях государства: «От среды, в которой находится столица, едва ли не зависит характер всего государства», — говорит г. Y; «будь столица России, — продолжает он, — не на тундрах ингерманландских, но в Киеве, Харькове, Таганроге, Россия в глазах европейцев не была бы страною бесприютною, холодною и, гордясь первопрестольным городом, всякий русский *любил* бы его и чрез него чувствовал бы *более* привязанность к своей родине».

Далее автор помощью положительных статистических данных и теоретических доводов старается доказать, «что необходимость искусственного созидания на болотах ингерманландских целого многообразного мира извратила наши понятия о естественных условиях жизни» и поглощает силы России самым непроизводительным образом; что «пятьсот верст отличного шоссе связывают С.-Петербург с *увеселительными* местами в его окрестностях, в то время как в Южной России, богатой произведениями, требующими сбыта, нет не только шоссе, но и сколько-нибудь проездных дорог весною, осенью и во время ненастья»; что «под влиянием самых невыгодных климатических и почвенных условий в С.-Петербурге все обходится дороже, чем где-либо, и требует неизвестных в других местах расходов, например для укрепления строений на болотном грунте, для снабжения столицы жизненными припасами» и проч.; что, наконец, «юноши, отлученные от природы, выращенные узниками в стенах громадных зданий, под свинцовым небом Петербурга, не могут быть здоровы ни телом, ни душою».

«Все приняло бы другой вид, — утверждает автор, — если бы столица была на Юге; вся русская жизнь сложилась бы иначе»; «неисчислимы были бы выгоды сосредоточения русской жизни около бассейна Черного моря» и «не подлежит сомнению, что экономическая будущность России зависит от той степени развития, которая впредь будет дана южным губерниям, хотя бы в ущерб северным». Предположив, что столицею России был бы, например, Киев вместо С.-Петербурга, автор исчисляет изменения, которые должны от того произойти, именно: 1) «Западные, возвращенные от Польши губернии скрепились

бы неразрывными узами с остальными частями государства»; 2) «Россия сблизилась бы с южнославянскими племенами»; 3) «Южная полоса империи воскресла бы к новой жизни»; новороссийские степи заселились бы и усилили бы свои посевы, — и 4) «От перенесения тяжести империи на юг Россия сделалась бы богаче и самостоятельнее». Для оправдания своих выводов г. Y входит в подробное рассмотрение хозяйственного, финансового, промышленного и торгового положения России.

Таков вопрос, поставленный автором статьи «Русского Вестника». Вполне соглашаясь с его мнением о достоинствах ингерманландской трясины, мы, разумеется, вполне расходимся с его мыслью о необходимости перенести столицу России в *Киев*[1]. Вообще нам кажется странным рассматривать значение столицы с точки зрения чисто экономической — как будто одни хозяйственные выгоды руководят народом в создании народного и правительственного центра, — но еще страннее представляется самая возможность вопроса о том — где быть средоточию русской жизни? Неужели после тысячи лет исторического гражданского существования Россия может еще спрашивать себя: где ее столица, куда ее поставить? не то в Киев, нé то в Харьков или Таганрог? — Жалкая та земля, которая в течение целых десяти веков не обрела своего центра тяготения и способна еще и теперь *влаяться*[2] то в ту, то в другую сторону, по ветру, смотря по тому, откуда и какой теорией дует! Но дело в том, что Россия вовсе и не задается такою задачею, что этот вопрос давно порешен русским народом, порешен и в исторической его жизни, и в сознании: только для нас, для отвлеченной мысли нашего образованного общества, потерявшего живую историческую память и непосредственное чувство своей истории, может существовать какое-либо сомнение в этом отношении! Мы до такой степени утратили всякой смысл живого дела, всякое понимание естественного органического процесса в истории, — что, толкуя о либерализме, мы и не замечаем, сколько страшного деспотизма, — и чтó еще хуже — сколько бессознательной деспотической привычки — в самых благонамеренных наших соображениях, в самом складе нашего мышления, даже в ученых наших приемах в той области наук, которые имеют прямую связь с гражданским, экономическим и нравственным бытом нашего народа. Конечно, только такая школа, в какой с лишком полтораста лет вышколивалось русское общество, способна была приучить нас к такому полному забвению о правах народа в истории и породить притязания — заменить органическую работу распоряжением внешним, взять на себя простодушно обязанности народного творчества, переделывать историю, навязывать народу в столицы — город по нашему усмотрению!.. Господин Y во всей своей статье даже и не упоминает о Москве, как будто она совершенно ни при чем в русской истории и жизни, как будто она не есть единственная столица Русской земли!

Мы сказали: *единственная*, — хотя у нас и считаются две столицы, т. е. кроме Москвы — Санкт-Петербург. Две столицы! Это странное явление лучше всего свидетельствует о внутреннем разрыве, внесенном в русскую историческую жизнь переворотом Петра, и представляет такую же аномалию, как в мире физическом — две головы на одном̀ туловище, два сердца в одном теле. Чтó такое столица? Столица есть средоточие жизни народа как цельного политического организма, — другими словами — средоточие, которое творит сам народ, слагаясь в цельное гражданское тело. Все равно как сердце, как узел нерв в человеческом организме, так и столица есть сердце, узел нерв всей обществен-

ной, гражданской, земской и государственной жизни народа. Очевидно, что двух столиц в одной земле быть не может, — это нелепость, бессмыслица, в которой одно понятие исключает другое. Точно так же бессмысленно предполагать, что столицу можно *сделать* там или здесь по произволу, когда столица дается самою жизнью народа, всем долгим органическим процессом истории. Это так же невозможно, как невозможно учинить[3] язык французский — *природным* языком русского народа, изменить цвет кожи, волос и другие свойства его физической природы. Конечно, при расстройстве организма отправления его могут совершаться неправильно и обязанности одного органа переноситься частию на другой, — но это есть признак ненормального, болезненного состояния, которое может держаться до тех пор, пока не нарушает главных условий жизни, основных законов органического существования. Организму, пораженному такой болезнию, предстоит — или восстановить правильность своих отправлений, или же, расстраиваясь все более и более, наконец погибнуть.

Повторяем: у России одна-единственная столица — Москва; Sanktpetersburg не может быть столицею Русской земли и никогда ею не был, как бы ни величали его в календарях[4] и официальных бумагах. Санктпетербург не столица, созданная историческою жизнью русского народа, а местопребывание правительства со времен царя, подписывавшегося на указах, обращенных к русскому народу, по-голландски — Piter. Без всякого сомнения, правильность отправлений народного политического организма предполагает единое средоточие правительственное и народное; этого требует союз власти с народом, органический элемент, присущий самой власти. Только с нарушением цельности организма и по мере того как стало убывать этого органического элемента в правительстве и естественная его связь с землею стала заменяться искусственными привязями, — утвердился обычай пребывания власти в Санктпетербурге. Известно, что после смерти Петра мысль о возвращении правительства на родину, в Россию, из Ингерманландии — возникала с новою силою при Петре II[5] и при Елисавете[6], — и только Екатерина II, не встретившая в Москве сочувствия (одушевлявшего С.-Петербург) в минуту ее воцарения[7], упрочила за С.-Петербургом то значение, которым, «к несчастию для России», по замечанию г. Y, он пользуется и доныне. Но, когда теперь русское общество все более и более проникается сознанием своей народности, когда все поддержки и подпорки, весь фундамент, нагроможденный с Петра, пошатнулись и оказываются ненадежными и политическое наше здание, поколебленное историческими событиями, осело, — к нашему общему спасению, на материк народной почвы, — теперь, мы уверены, близится время, когда, с одной стороны, чувство самосохранения, с другой — естественное влечение к восстановлению цельности общественного организма и союза власти с народом — возвратят столице народной значение средоточия правительственного. Весь этот вопрос о столице исследован и обсужден шире и глубже, с полнотою исторических доказательств, в статье К. С. Аксакова, писанной еще в 1856 году, которую мы предлагаем вниманию наших читателей[8].

Мы считаем, однако же, нелишним предпослать этой статье несколько слов во избежание могущих возникнуть недоразумений. Мы предвидим два возражения: во-1-х, что Россия, достаточно окрепнув, не перестанет быть Россией, хотя бы столица ее была и в Киеве, и в Таганроге; во-2-х, что, вступив в новый период своей истории после Петра, ставши империей, а не Московским госу-

дарством, она должна была создать для империи новую столицу, новый центр тяготения, каковым не могла уже быть Москва, создание допетровской Руси. Ответим на это вкратце.

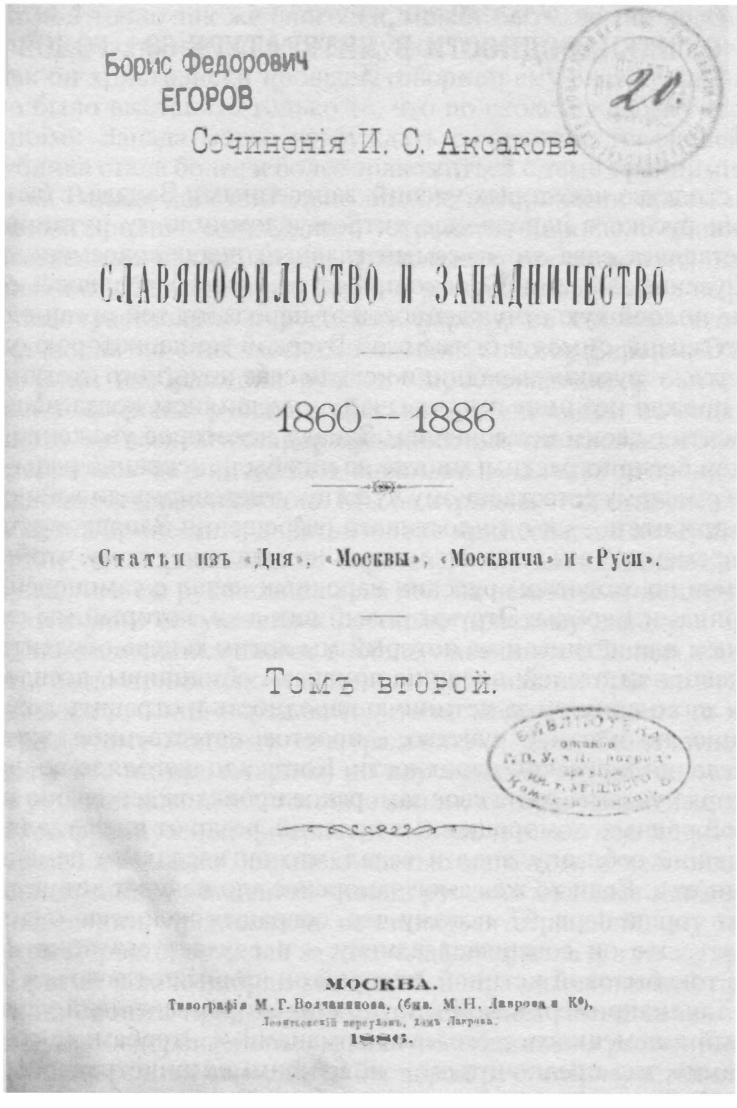
Не слепое чувство привязанности к Москве (мы ясно видим недостатки и даже пороки, принадлежащие ей, во сколько она уклоняется от своего призвания), не местный патриотизм заставляет нас отстаивать права Москвы, но глубокое внутреннее убеждение, опирающееся на свидетельство русской истории и русской народной жизни. В каждом историческом явлении есть внутренняя сила, которая дала ему бытие; в каждом политическом организме есть основная стихия, которым он — есть, живет и движется. Таковою основною стихией в создании России явилось великорусское племя. Его характером, его типом запечатлены все исторические судьбы России, его духовною и нравственною силою закалено наше исполинское государство. Россия не есть совокупность или искусственное сочленение разнородных тел (не агломерат и не агрегат на техническом языке ученых), — но — повторяем — цельный организм, развившийся извнутри, сложившийся собственной силой. Жизнь этому организму дало, дает и может давать только великорусское племя. Будь это не великорусское племя — Россия не была бы Россией, имела бы другую судьбу и другую будущность — лучшую или худшую, мы не знаем, это вопрос другой; — но почва, на которой зиждется основание нашего здания — есть племя великорусское — и выражением его жизни и силы является Москва. Как великорусское племя стало средоточием для прочих русских племен, так и Москва стала притягательным государственным центром для прочих русских земель. Если б средоточие России было в Киеве или теперь насильственно перенесено в Киев, — степи бы, конечно, оживились и пшеницы бы прибавилось, — но старый русский материк подвергся бы запустению, основная стихия, которая одна дает жизнь всему организму России, иссякла бы, перестала бы действовать, и тогда никакая пшеница, никакое процветание новороссийских степей не спасло бы *Русского* государства: могло бы возникнуть иное, но не то, которое заявило себя в истории, которого судьбы так кровно и духовно близки нашему сердцу, преуспеяния которого мы все так горячо желаем. Этой-то основной органической стихии и не хотят признавать ни г. Y, ни другие наши публицисты и деятели, ни санктпетербуржцы, нападающие на Москву, ни вообще русские немцы. Москва, — по выражению К. С. Аксакова, с самого своего начала подняла знамя единства Русской земли и государства и сама явилась выражением и средоточием этого единства[9]. Но это единство не должно быть смешиваемо с централизацию и значит — духовная и внешняя цельность политического и земского организма, а вовсе не сглажение всякой личности и, так сказать, самости областей, городов, сел и населений, и вовсе не насильственное притяжение всякой местной административной жизни к центру. На все это имеются положительные доказательства в истории. Централизация есть явление позднейшее, принадлежащее империи. Мы всегда стояли против централизации и в пользу единства, с полным простором для местного самоуправления, разумея последнее вовсе не в смысле, нарушающем политическое единство и государственную цельность нашей Русской земли и вовсе не в смысле каких-нибудь политических федераций. (Вопрос о федерации есть вопрос праздный, мертворожденный плод досужей отвлеченности нашего оторванного от народа общества.) Чем более народных начал ляжет в основание нашего управления,

тем крепче и сильнее будет единение великорусского *народа* с народами Малой, Белой, Червонной Руси [10] и со всеми другими народами, — а преобладание народной мысли и духа в управлении неразрывно с преобладающим значением Москвы как столицы. Итак, самый интерес областей, входящих в состав России, связан с восстановлением в Москве правительственного средоточия. — Многие ставят в достоинство Петербургу именно то, что он чужд всякой национальности и выражает собою отвлеченную идею государства, свободную от всякой исключительности. Действительно, как выразился Хомяков, Петербург есть город *иностранный* в том смысле, что, куда его ни поставь, он везде и для всякой земли будет иностранным: в России, Германии, Франции, где бы то ни было; он воплощает собою самую идею *иностранности* [11]; но нужно ли говорить, что подобное государство, выражающее собою одну отвлеченную идею государственности, никакой внутренней жизни и силы иметь не может, напротив, мертвит всякую жизнь и силу и само становится трупом? Это та Петровия с петровцами — немецкая государственная мечта о России, на которую мы уже однажды указывали [12]; это та самонадеянность, тот деспотизм отвлеченной бездушной мысли, которая думает заменить механическим снарядом свободную силу творчества и могущество жизненных отправлений. Заметим кстати одно: все приращения Русского государства, совершенные Москвою, крепки и связаны с нею органическими нитями, например: Поволжье, Сибирь, Астрахань и проч. Казань через шестьдесят лет после завоевания [13] является в первом ряду городов, отстаивающих Москву и независимость России во время междуцарствия [14], уже живет одною жизнью со всею Русью; земли колонизуются сами собою, без помощи ангальт-кёттенских [15] и швабских колонистов [16]. Вспомним, что приобрели мы после Петра и в каком отношении находятся теперь эти приобретения к России, — и много ли успели мы с новым способом колонизации.

Мы не отрицаем того спасительного действия, которое имел и имеет Петербургский период нашей истории на внутреннее развитие России. Самое отвлечение внешней деятельности на оконечность империи дало возможность созреть и выработаться нашему народному самосознанию. Путем отрицания той национальной исключительности, которой не лишено было отчасти наше историческое развитие, пришли мы к сознательной оценке наших народных начал и их общечеловеческого значения; — но как скоро это сознание перейдет в жизнь, — историческая роль Петербурга сама собою оканчивается.

Мы сказали однажды, что Петербург есть передовой человек лжи, присущей нашему общественному развитию [17]. Всякая ложь имеет два исхода: или, развиваясь логически до нелепости, — самоубийство; или же, при нравственной реакции, — с а м о о т р е ч е н и е. Русская история богата нравственными явлениями, и мы убеждены, что Петербургу в награду за неутомимую искреннюю благонамеренность многих его деятелей предстоит именно этот последний нравственный путь, что он примирит с собою Русь и окажет ей последнюю, но высшую услугу собственным отрицанием самого себя как правительственного средоточия Русского государства.

Настало ли это время — судить трудно. Может быть, и Москва, после столь долгого запустения, еще не довольно сама очистилась от той порчи, которая отчасти проникла и в ее жизнь, не довольно окрепла народным самосознанием, чтобы безопасно соединить с средоточием народным средоточие власти; может



Титульный лист 2-го тома Сочинений И. С. Аксакова (М., 1886) из библиотеки Б. Ф. Егорова

быть, и Петербург еще не совершил полного круга своей исторической лжи (которой, Бог даст, мы будем обязаны своей правдой), — все это может быть, без сомнения. Мы, во всяком случае, не желали бы нисколько, чтобы Санктпетербург переселился в Москву, — но желаем видеть в Москве правительственное средоточие, свободное, чистое от начал, воплощаемых Санктпетербургом, — и убеждены, что рано или поздно столица Русской земли как прежде была столицею Русского государства, так и снова будет!.. [18]

<О ЛЖЕНАРОДНОСТИ В ЛИТЕРАТУРЕ 60-х ГОДОВ>

Внешнее сходство некоторых учений, занесенных с Запада, с бытовыми воззрениями русского народа еще хитрее усложнило ту путаницу понятий, которая составляет едва ли не самый главный недуг современного русского общества. Русские западники, давно приметив несостоятельность своего положения, свою полнейшую отчужденность от народа, от той органической силы, которая дает жизнь, смысл и бытие всей Русской земле, которою она есть, живет и движется, — русские западники искали себе почетного отступления от занятой ими прежде позиции и чрезвычайно утешились, когда нашли возможность согласить с своим поклонением Западу некоторое уважение к русскому народу. Будем беспристрастны: многие из них были искренно рады — дать простор своему русскому естественному чувству, угнетенному до той поры страхом западного авторитета, — и с милостивого разрешения Запада явились русскими. С того времени — вся их деятельность направлена к тому, чтобы оправдать свою руссоманию сходством русских народных начал с самоновейшими, модными доктринами Европы. Это тот новый вид лжи, который мы считаем наиболее опасным для истины и на который мы хотим теперь обратить особенное внимание наших читателей: внешние признаки обманчивы, псевдонародность может быть легко принята за истинную народность и отравить ложью не только понимание, но и самое чувство, — простое, естественное, живое чувство любви и влечения к русской народности. Когда зло щеголяло во французском кафтане и гордо указывало на свое заморское происхождение, оно не смешивалось с толпой родных, доморощенных явлений, резко от них отделялось, и всякий, уступавший соблазну, знал и ведал, что он настолько изменил началам своей народности. Если то же самое заморское зло наденет зипун и кафтан, то выйдет ложь горше первой [1], потому что, совращая человека, она не даст ему почувствовать, что он совершает измену, — и спутает его понятия внешним сходством с тою бытовой истиной, которой он привык отдаваться без критики и поверки. Так, например, какой-нибудь старый ремесленный устав, целиком переведенный с немецкого, с его «альдерманами» [2], «гербами», «гербергами» [3] и «экзаменами», мы предпочитаем — новейшим административным учреждениям *артелей*. Так, например, мы лучше бы желали, чтоб *мир*, для которого обязательно решение баллотировкою и счетом голосов, был уже назван вместе с тем и *ассамблеей*, а не древним русским именем *мир*, предполагавшим до сих пор чисто народное устройство.

Нам грозит лженародность во всех отношениях, во всех видах: в администрации, обществе, науки, литературе. Оставляя администрацию в стороне, — укажем в немногих словах на наших западников-народолюбцев. Сначала — это сочувственное отношение к русскому народу выражалось довольно робко и довольно забавно, преимущественно в произведениях изящной словесности. Мы помним, как однажды молодой романист, дерзнувший с любовью воспроизвести в своих романах картины народного быта, с увлечением обещался нам — доказать всему свету, что «у русского человека страсти не уступают страстям ита-

лианским, что он точно так же способен, может быть, не так красиво, зато не менее яростно, зарезать изменившую ему возлюбленную»[4], и т. д. — Вы лучше покажите, как он христиански прощает, говорили ему славянофилы, но романисту нужно было выставить только то, что́ по сходству своему с общественными явлениями Запада могло возбуждать сочувствие тогдашней публики. Когда эта публика стала более и более знакомиться с теми крайними доктринами, которые на Западе действительно вполне исторически правы в своем отрицании, в своей критике социального устройства Европы, и обнажили перед миром общественные язвы Запада, сокрытые в пролетариате, пауперизме[5] и других явлениях общественного быта, — российская публика выразила расположение посочувствовать и русскому народу, во сколько его несчастия представляли аналогию с несчастиями низших классов Европы. В литературе явились в обилии изображения русского простонародного быта, но только с отрицательной стороны; русского крестьянина ни видом не видать, ни слухом не слыхать во всех этих произведениях расчувствовавшейся литературы, — а выставлялась на вид только внешняя печальная сторона его жизни: бедность, зависимость, притеснения. Мы не отрицаем той относительной пользы, которую могла принесть, и действительно принесла, эта литература (все же это было лучше, чем прославление барства), — но мы обличаем только внутреннее побуждение, ею руководившее: в ней, за немногими исключениями, не было действительного сочувствия к *русскому* простому народу, а было сочувствие к страданиям низших классов вообще, навеянное с Запада, которое, кстати и некстати, было применено и к домашним «низшим братиям». Некоторые даже сердились на русский народ за то, что он мало «страдает» (а в особенности мало верит этому модному «состраданию»), даже безотчетно пожалели о том, что нет у нас ни пролетариев, ни пауперизма, что нет возможности пустить в ход в русской жизни все готовые вопли, которых запас имелся у каждого под рукою во французской литературе... Было и есть о чем плакать и стенать русскому народу, да только большею частью не о том, о чем плакали за него — в искреннем самообольщении — наши русские молодые западники!.. Они, в забавном неведении, продолжали поклоняться страшнейшему из насилий, насилию Петра Первого, осуждая за него славянофилов и в то же время яростно негодуя против какой-нибудь мелочной неправды станового пристава[6]; — они оскорбляли своими проповедями и поведением самые святые верования народа и находили оскорбительным, что с «господином» крестьянином употреблялось в разговоре слово «ты». Если бы народ русский перестал страдать тем «страданием», которое одно было им понятно, то они бы перестали ему и сочувствовать, потому что он потерял бы право на звание «страждущей меньшей братии»: положительной стороны его жизни, его внутренней сущности, основных начал его народности, а также и истинных духовных его страданий они не понимали, да и до сих пор не понимают... В санктпетербургской литературе заметно уже и теперь крайнее оскудение пищи для сочувствия русскому простому народу со стороны западников-демократов!..

Да, *демократизм* и *народность* — вот два понятия, которые постоянно смешиваются в умах публики и непублики. Между тем можно утвердительно сказать, что кто сочувствует русскому народу во имя «демократизма», тот был, есть и остается чистейшим западником, в действительности нисколько не сочувствующим русскому простому народу; кто старается объяснять явления

русской жизни с точки зрения «демократической», тот только окрашивает их ложным колоритом, замазывает истину или при самых добросовестных усилиях успевает раскрыть одну внешнюю сторону явлений. Мы постараемся доказать это ниже, а теперь окончим наш краткий очерк.

Когда некоторые из славянофилов надели русское платье[7], публика, и во главе ее Белинский (доказывавший в то время преимущество Петербурга пред Москвою тем, что в Петербурге есть лакейские балы, которых нет в Москве, — см. «Петербургский сборник» Некрасова[8]), осыпала их насмешками. Когда потом демократизм вошел в моду, а путешественники, возвратясь из-за границы, рассказали об употреблении в Европе национальных костюмов, — смеявшиеся над славянофилами облеклись сами в русское народное платье, но не по сочувствию с русским народом, а потому только, что это мундир «демократизма» и что нельзя же было им в самом деле нарядиться французскими блузниками[9] и пейзанами[10], — хотя, в сущности, они и в русском зипуне оставались блузниками и пейзанами. Долго и неутомимо толковали славянофилы о русском мире, мировом управлении, общинном поземельном владении: они вызвали против себя громы журналистов и публицистов. Впоследствии, справившись с новейшими западными учениями и смекнув, что русская община представляет сходство (совершенно внешнее) с *коммуной*, чаемой передовыми людьми Запада, гг. публицисты отнеслись с благоволением и к русской общине, заявивши, впрочем, на первых же порах свое полнейшее неуважение к правам живого русского обычая и обличивши полное свое незнакомство с жизнию русского простонародья. Они принялись (и к счастию, только в теории и в своих статьях) кроить русскую поземельную общину на фасон коммуны, фаланстера[11], русскую артель на фасон *ассоциации*, — забывая, что всем этим коммунам, искусственно сочиненным, недостает именно того, что́ составляет органический элемент, *душу живу* русской общины и чего наши демократы-западники хотели ее лишить, — нравственного зиждительного начала *любви* и *братства*! Одним словом, нисколько не уважая русского простого народа, они всеми силами старались создать образ народный по своему демократическому образу и подобию.

Но все эти попытки были довольно невинны, потому что были совершенно бессильны и ограничивались большею частью пустою журнальною болтовней; «демократам» не удалось оказать никакой существенной услуги русскому простонародью в деле освобождения крестьян, — и они скоро бы выболтались совсем, — если б этот новый вид западничества не был перенесен в науку, преимущественно в науку русской истории.

Было время, когда под влиянием господствовавших научных теорий Запада русские историки ограничивались историей одного Русского *государства*[12], не принимая в соображение жизни, развития, деятельности русского *народа*; когда хотели видеть в наших уделах феодальное устройство, в боярах — такую же аристократию, как и на Западе, Новгород называли республикой, Бориса — Кромвелем[13] — одним словом, старались отыскать какое-нибудь сходство с теорией западных народов, чтобы дать русской истории право гражданства в «науке». Опять же славянофилы указали на место русского народа в истории, обратили внимание на значение Земли и Государства, соборов, земства и земщины, заявили о богатстве ее внутреннего содержания и о мысли, лежащей в ее развитии; к сожалению, труды главных деятелей были прерваны смертию[14]. —

Но под влиянием западно-демократического воззрения началась новая переработка русской истории, — в которой западники нового вида стали вновь всеми силами отыскивать сходство с западной историей, но уже не с аристократической, а демократической ее стороной. Как прежде выдумывали феодализм, так теперь навязали русской исторической жизни «федерацию», «демократическую оппозицию», «стремление к народовластию», «политическое народное честолюбие» [15] и пр., и пр., и исказили, опошлили до невероятности величавый и важный смысл слов: Земли, земщины, Земского собора, веча!.. Как прежде считали очень лестным для русского самолюбия назвать Бориса похожим на Кромвеля, или иного русского «героя» на героя Греции или Рима, так и теперь наши западники не без гордости стараются найти родственные черты между иными русскими деятелями, с одной стороны, и — чуть-чуть не философами и французскими деятелями второй половины XVIII столетия! Читая их исследования, при всей внешней верности последних, вы никак не поймете, например: отчего Русь называется Святою Русью, — название, которого народности не могут же ведь отрицать и самые ярые демократы? Им и дела нет до того, какую нравственную задачу пытается разрешить этот народ, которому они так пылко и отчасти хвастливо сочувствуют, какой нравственно-общественный идеал предносится перед ним? Зато, как фейерверк, затрещат пред вами слова и фразы вроде: «демократически-отрицательная оппозиция», «социальное народоправное самоустройство», «общинно-демократическое или демократически-общинное развитие» (sic). Особенно поразительны этою примесью лжи к истине — труды, впрочем, достойные всякого уважения, одного новейшего исследователя в области раскола [16]. Мы вполне ценим горячее сочувствие автора к бедствиям русского простонародья в XVII и XVIII веках [17], но не можем не пожалеть, что столько работы и таланта потрачено в направлении, так сказать, совершенно отрицательном, при очевидном непонимании положительных сторон русской народности. Вся беда в том, что он смотрит на русскую историю и на раскол с западно-демократической точки зрения и усердно наводит западно-демократическую краску на события русской народной жизни. Понимая раскол *только и единственно* как протест политический (значение протеста он бесспорно имел), автор совершенно упускает из виду его религиозную сторону, ход и развитие религиозной мысли народа, нравственную внутреннюю историю раскола, — не видит, не понимает того значения, которое имели и имеют в жизни русского народа вопросы веры и церкви. Его сочувствие к русскому народу разведено таким простодушно-прямым западно-демократическим соусом, его воззрение на русского мужика, его восторги и поклонение крестьянству так ниже истинного нравственного достоинства русского крестьянина, — наконец, во всех его произведениях звучат такие невыносимо-фальшивые ноты, — что исследования его, сами по себе очень полезные, теряют на половину своего значения. Вот, например, наудачу следующее место: говоря о христовщине [18] (которую некоторые называют хлыстовщиною), автор прибавляет: «религиозное самозванство Христами-искупителями, так называемые христовщины выражали не что́ иное, как мифическую, религиозно-антропоморфическую персонификацию *крестьянского народовластия*, мифическое возвышение нравственно человеческого достоинства *крестьянской* личности, мифическое возведение *крестьянской* личности до апотеозы». (Заметим при этом, что это просто неверно: всякий, будь он князь, поступая в христовщину, мог быть произведен

в Христа вовсе не потому, чтоб он обращался в крестьянина, а по своей преданности учению и по другим достоинствам; вспомним также, что и Петр III, по смерти своей, считался одною сектою той же категории — Христом и императором[19].) Для нас, собственно, важно самое выражение *крестьянское народовластие*, а также и этот постоянный эпитет «демократический», придаваемый автором словам «раскольничьи общины» и «раскольничья отрицательная оппозиция».

Демократизм и *народность*! Чтó такое демократия, демократизм? Эти слова понятны и имеют жизненный смысл там, где им противополагается аристократизм, аристократия, — но в нашей жизни и в нашей истории им места нет. На Западе демократизм есть возведение бытовой идеи низших классов общества в политический принцип, другими словами: стремление передать политическую власть простому народу, материальное уравнение всех слоев общества с низшим его слоем. Так в теории; на практике — демократизм оказывался просто притязанием демократов занять место аристократов. В сущности, демократизм есть самое грубое, ослепленное честолюбием поклонение государственному принципу, началу внешней, материальной, принудительной, условной правды и стремление внести это начало во внутрь народной жизни. У нас же, в российской литературе, это слово не имеет никакого жизненного политического смысла и употребляется ни к селу ни к городу, как простое выражение сочувствия к народу. Странно было бы назвать русского мужика демократом и зараженным духом *народовластия*, когда он всячески избегает политической власти, стараясь сохранить от вторжения государственности — свободу земского быта! Кажется — теперь уже достаточно разъяснено, что ничто так не враждебно народной свободе, как политическое народовластие: если весь народ превращается в правительство, то нет уже народа: правда внешняя вытесняет правду внутреннюю, закон внешний отменяет совесть, одним словом — изгоняется та свобода быта, которую так тщательно оберегал русский народ от начала государственности, отделяя от себя политическую власть и отвлекая ее на поверхность. Демократизм на Западе имеет законное историческое значение как выражение вражды и борьбы между угнетенным завоеванным народом и аристократами-завоевателями. На завоевании основаны все европейские государства, и весь их гражданский строй, все политически теории выражают одну-единственную заботу: привести в механическое равновесие эти две борющиеся стихии. Везде натиск и отпор, нападение и отражение, обвинение и защита, — везде одно и то же начало проведено и в учреждении конституционных палат, и в устройстве суда — во всех государственных институтах. Равенство! Но западное равенство есть чисто внешнее равенство гражданских прав, полное внутренней вражды и разделения. Запад понимает равенство единственно материальным, грубым, формальным образом, определяя его весами и мерой, добывая топором и всяческим насилием. Равенство, о котором мечтают социалисты, есть что-то вроде казарменного равенства и того солдатского единообразия, за которым наблюдает начальство, а не живое, свободное единство. Не так понимает равенство русский и вообще все славянские народы (преимущественно православные, у которых это начало сохраняется чище, чем, к сожалению, в России). У них есть нечто высшее, чем то демократическое равенство, о котором грезят западные утописты, у них есть *братство*, то начало духовного христианского равенства, при котором могут законно и свободно существо-

1 Декабря. ДЕНЬ 1862 года.

Подписка принимается: въ Москвѣ въ конторѣ редакціи на Спиридоновкѣ въ домѣ Макаровича; въ С.-Петербургѣ въ книжномъ магазинѣ Кожанчикова, на Невскомъ проспектѣ, и у всѣхъ книгопродавцевъ, и въ Газетныхъ Экспедиціяхъ обѣихъ столицъ.

№ 48.

Выходитъ еженедѣльно. Цѣна въ Москвѣ, безъ доставки на домъ, 5 руб. 50 к., въ С.-Петербургѣ 6 р., съ доставкою на домъ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ и съ пересылкою во всѣ города 7 руб.

СОДЕРЖАНІЕ: Москва. 1 Декабря. И. С. Аксакова. — ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ: [illegible] — СЛАВЯНСКІЙ ОТДѢЛЪ: [illegible] — КРИТИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: [illegible] — СМѢСЬ: Письмо въ Редакцію [illegible] — Объ изданіи Дня въ 1863 году. — Стороннія объявленія.

МОСКВА 1 Декабря.

Внѣшнее сходство нѣкоторыхъ ученій, занесенныхъ съ Запада, съ бытовыми воззрѣніями Русскаго народа, еще хитрѣе усложняло ту путаницу понятій, которая составляетъ едва ли не самый главный недугъ современнаго Русскаго общества. Русскіе западники, давно примѣтивъ несостоятельность своего положенія, свою полнѣйшую отчужденность отъ народа, отъ той органической силы, которая даетъ жизнь, смыслъ и бытіе всей Русской землѣ, которою она есть, живетъ и движется. — Русскіе западники искали себѣ почетнаго отступленія отъ занятой ими прежде позиціи, и чрезвычайно утѣшились, когда нашли возможность согласить съ сво- любви и влеченія къ Русской народности. Когда зло щеголяло во Французскомъ кафтанѣ и гордо указывало на свое заморское происхожденіе, оно не смѣшивалось съ толпой родныхъ, доморощенныхъ явленій, рѣзко отъ нихъ отдѣлялось, и всякій, уступавшій соблазну, зналъ и вѣдалъ, что онъ на столько измѣнялъ началамъ своей народности. Если то же самое заморское зло надѣнетъ зипунъ и кафтанъ, то выйдетъ ложь горше первой, потому что, совращая человѣка, она не дастъ ему почувствовать, что онъ совершаетъ измѣну, — и спутаетъ его понятія внѣшнимъ сходствомъ съ тою бытовой истиной, которой онъ привыкъ отдаваться безъ критики и повѣрки. Такъ, напримѣръ, какой-нибудь старый ремесленный уставъ, цѣликомъ переведенный съ Нѣмецкаго, съ нимъ, какъ однажды молодой романистъ, дерзнувшій съ любовью воспроизвести въ своихъ романахъ картины народнаго быта, съ увлеченіемъ обѣщался намъ — доказать всему свѣту, что «у Русскаго человѣка страсти не уступаютъ страстямъ Италіанскимъ, что онъ точно также способенъ, можетъ быть не такъ красиво, за то не менѣе яростно, зарѣзать измѣнившую ему возлюбленную», и т. д. — Вы лучше покажите, какъ онъ христіански прощаетъ, говорили ему Славянофилы, но романисту нужно было выставить только то, что, по сходству своему съ общественными явленіями Запада, могло возбуждать сочувствіе тогдашней публики. Когда эта публика стала болѣе и болѣе знакомиться съ тѣми крайними доктринами, которыя, на Западѣ, дѣйствительно вполнѣ исторически-правы въ

Начало первой публикации статьи И. С. Аксакова «<О лженародности в литературе 60-х годов>» (День. 1862. 1 дек. № 48. С. 1)

вать различия в звании, положении и состоянии, предоставленные естественной переработке истории и жизни. Разумеется, мы против всякого неравенства *гражданских* прав, но мы хотим сказать, что никакое гражданское равенство (égalité), не дает еще ни fraternité, ни liberté, ни братства, ни свободы, — начал нравственно духовных, не добываемых никакою внешнею силою, никакими государственными законами и постановлениями.

Мы желали в этой статье только предварить наших читателей о новом замаскированном костюме, в котором является к нам западная ложь, наряжаясь теперь уже в русский зипун, онучи и лапти и кипятясь фразистым восторженным сочувствием к русскому народу в явлениях его исторической жизни. Об отношении идеи демократизма к идее русской народности мы, разумеется, не один еще раз будем беседовать с читателями, а теперь напоминаем им статьи К. С. Аксакова, помещенные в 1 томе Полного собрания его сочинений (о Земских Соборах, Русская Земля и Государство [20] и пр.). Мы надеемся также в скором времени представить в «Дне» подробный отчет о последних сочинениях о расколе, а также и разбор некоторых новейших западных государственных теорий.

1863

<В ЧЕМ СИЛА НАРОДНОСТИ?>

У нас нередко ставят в упрек Пруссии онемечение ее польских владений; «германизм», или «тевтонизм», является в глазах русских и польских патриотов — «яко лев рыкаяй, иский кого поглотити» [1]. Соприкосновение с немцами, допущение немцев селиться в Польше и России представляют такие опасности для нашей славянской народности, против которых, по мнению автора «писем поляка из Познани» [2], необходимо принять быстрые и энергические меры. Прибавим к тому, что точно таким же злым врагом, готовым поглотить нашу русскую народность, мерещится нам (и не без основания) полонизм — в Литве и Западном крае России...

Германизм, тевтонизм... В самом деле, что́ это за страшный зверь, перед которым не стыдятся обнаружить свою трусость самые отчаянные польские смельчаки?... Полонизм... Какое же это могущество, которое, по-видимому, так смущает могущественное Русское государство? Какая сила в этих *измах*? Что́ это — армия, что ли? Нет, не армия, да у нас есть и свои армии, получше немецких и польских... Уж не новое ли нашествие полчищ вроде полчищ Батыя, или Магомета II, или Солимана? [3] Нисколько, — да и по отзыву всех польских и русских писателей, тевтонизм всего опаснее для Польши, а полонизм для Западнорусского края — во времена мира: вся сила этой враждебной силы именно в *мире*. Что же это? Государство ли, стремящееся поработить чужую народность?.. Но цельной государственной Германии мы не видим, да и нет такого немецкого штата, который был бы один выражением германизма; а Польское государство уже лет семьдесят как вовсе не существует [4]. Что́ ж это наконец? Учреждение ли, крепкая ли организация какого-нибудь института, стройная ли система, всеми принятая, всеми послушно приводимая в исполнение, тайное ли общество, заговор, в котором участвующие дружно повинуются условленному плану действий?.. Нет ли, в самом деле, возможности осязать, ощупать этого могучего врага, наступить на хвост грозному чудовищу, отрубить ему голову или хоть запереть в железную клетку?

Разумеется, нет, ответят наши читатели. Если же эти *измы* не материальная сила, то в этом страхе, напр<имер> германизма, у поляков не выражается ли в то же время довольно унизительное признание своей собственной нравственной слабости? И сами мы разве не стыдимся говорить во всеуслышание, что боимся *ополячения* наших западных областей, точно так же как поляки — *онемечения* Познани? Поляки приходят даже к заключению, что гнет и притеснение несравненно выгоднее для здравия и долгоденствия польской народности, возбуждая ее противодействие, — чем немецкое деликатное обращение, усып-

ляющее польское народное чувство... Впрочем, оставим полонизм в стороне: для нас достаточно определить значение этой силы на примере германизма, или тевтонизма. В этом страхе, повторяем, выражается у поляков признание за немцами такого могущества нравственного влияния, перед которым ничтожна польская храбрость. Дерзкие, почти непобедимые в бою на ратном поле, в борьбе грубых вещественных сил, они почти без сопротивления сдаются в мирном бою, пред натиском мирной, невещественной, *умной*, духовной силы! — Мы уже выше, одною постановкою вопроса, кажется, ясно для читателей показали, что это влияние есть чисто нравственная сила, которою никто не управляет, не распоряжается, которую никто не организировал и не организует; что это не государство и не институт; что она, как тонкий воздух, проникающий в самые сокровенные волосяные сосуды человеческого тела, обхватывает собою целые страны, проникая в ум, душу и сердце человека, окрашивая своим неуловимым для определения колоритом все его представление, видоизменяя по-своему его убеждения, вторгаясь в самую речь, в самый быт народный. — Нам скажут, что в этом нет ничего нового, что «высшая культура всегда подчиняет, ассимилирует себе культуру слабейшую». Это, конечно, справедливо, но не следует забывать одного, что эта культура не есть что-то общее и отвлеченное, а реальное, жизненное явление, органически возникшее на *известной* почве, под определенными условиями места и времени. Если бы дело шло вообще о преимуществе культуры или образования, то необразованный поляк стал бы европейски образованным поляком, — и только, но он перерождается в *немца*, усваивает себе не одну так называемую культуру, но и *национальность*, резко определенную и обособленную в семье разных национальностей человечества. — Дело в том, что самая эта культура есть произведение *национального* германского духа, самостоятельный вклад германского племени в общую сокровищницу всемирно-человеческого просвещения. Для того, чтобы творить и создавать, надобно носить в себе *самобытную* творческую и зиждительную силу, — чтобы подчинить себе чужую личность, надо самому быть не безличным, а обладать личностью самостоятельною и развитою, — одним словом, чтобы *онемечить*, — *надо быть немцем*.

Так; но разве поляки менее поляки, чем немцы — немцы? Бесспорно, что польская национальность одна из самых упругих, упорных национальностей, — однако ж она слабее германской, и слабее именно потому, что польская самостоятельность более внешняя, чем внутренняя, более материальная, чем духовная; что *самостоятельной* польской культуры у поляков почти нет, что просветительное начало цивилизации в Польше, принесенное из Рима [5], было чуждо ее славянской стихии и дало только искусственные, по внешнему виду блестящие, но внутри гнилые плоды; одним словом, что цивилизация польская менее *народна*, чем германская, что образованный поляк *безличнее* образованного немца.

Посмотрите вообще на это грустно-поучительное зрелище — духовных завоеваний германизма как в польских, так и в других славянских землях. Не вещественное могущество дает ему победу, не угнетательные системы правительств: напротив, едва ли не бóльшая опасность стала грозить славянским племенам Австрийской империи с тех пор, как материальный гнет сделался менее чувствителен и национальному развитию предоставлено больше свободы. Немцы разных племен, разных местностей — без всякой даже стачки между собою — онемечивают славянство только потому, что они — немцы (подобно тому как

французы офранцуживают потому, что они — французы), потому еще, что национальность свою внесли они в высшую область духа, что она не зависит ни от материальных удобств жизни, ни от политических условий, что она не осталась достоянием лишь одной необразованной массы простого народа...

Почти в таком же отношении находится полонизм к Западной России, в каком германизм к самой Польше, — с тою разницей, что у нас действие этой нравственной силы еще поразительнее. Польская культура сама по себе, как мы уже показали, не в состоянии выдерживать напора германизма по недостатку национальной в ней самобытности, — но тем не менее не обрусение видим мы в областях, бывших долго частью Польского королевства, а *ополячение*. Любопытен и достоин тщательного исследования вопрос: отчего же, при этих условиях, мы не *обрусили* Западный край, — владея всеми нужными для того материальными способами и даже внешними соблазнами государственной силы, могущества, славы? Отчего мы не обрусили Остзейских провинций? Правда, последние пользуются особенными преимуществами[6], — но ведь губернии Западного края не ограждены никакими привилегиями в пользу польской стихии: напротив, русский элемент поддерживается там всеми средствами русского могущества.

Ответ наш очень прост. Чтобы *обрусить* — надо быть *русским*, а русских-то между нами и нет. Поляки более поляки, чем мы — русские. Прежде чем *обрусивать* (если можно так выразиться) поляков, русским следует *обруситься* самим. Конечно, русский простой народ несомненно и непоколебимо русский, — но, как мы уже не раз говорили, одна непосредственная бытовая сила народности, без народного самосознания, без деятельности народного духа в высшей области мысли и знания, — есть сила пассивная, не только не способная подчинять себе чужие, сколько-нибудь развитые народности, но сама легко, незаметно им подчиняющаяся. Повторяем, без высшей сознательной деятельности народного духа — народность масс ненадежна. Область же этой деятельности есть именно то, что́ называется обществом, т. е. среда, где личное просвещение народных единиц, переставших быть однородною массою, образует новое сознательное народное единство, новую силу общественности. А есть ли у нас эта сила? Есть ли у нас — русские, кроме простого народа, лишенного всяких средств к образованию? Есть ли у нас это русское общество?

Разрешению этого вопроса может нам отчасти пособить помещаемое нами ниже письмо из Парижа[7]. Что делает русское общество в то самое время, когда мы так бедны и слабы общественною силою, когда нам так настоятельно нужно общество как необходимый орган народного развития? 275 000 русских, уехавших в 1860 г. за границу, — эта цифра служит самым красноречивым ответом: 275 000! Это значит по крайней мере 70 000 семейств; это почти целая четверть русского дворянства, — но, разумеется, не одно дворянство участвовало, в этой эмиграции. Разумеется также, что значительная часть уехавших возвратилась — да мы и не против путешествия по чужим землям и считаем его даже очень полезным, — а наша речь направлена против той огромной массы русских, которые из путешественников обратились в оседлых заграничных жителей, и в особенности против тех, которые воспитывают своих детей за границей. Хороши выйдут русские — эти несчастные дети, так деспотически лишаемые родителями всего, что́ может дать только отчизна: общего единства жизни с русским народом, родного быта, связывающего дитя неуловимыми нитями

с его землею, воспитывающего и укрепляющего человека в духе его народности сильнее и прочнее всяких уроков и наставлений, — впечатлений родной природы, непосредственного действия на ум и душу — народного ума, народной речи... Такое варварское посягательство на детские души приняло у нас в последнее время громадные размеры. Нежные родители без церемоний *крадут* у русского ребенка его народность и уверяют себя и других, что готовят самостоятельных деятелей, полезных граждан и гражданок, воображают, что исполняют свой долг, приносят жертву, пребывая за границей. И все это ложь! Они даже и жертвы никакой не приносят, а живут за границей потому, что им там приятнее, чем дома, где они, в душевной своей пустоте, не находят для себя дела или где, напротив, есть дело, трудное, некрасивое, но тем не менее полезное дело, которого они бегут, предпочитая быть праздными, чуждыми гостями на чуждом пиру; они готовят не самостоятельных деятелей, о чем они вовсе и не заботятся, а космополитов с общеевропейскою казенною физиономиею и душою, без национальности, без отечества, без церкви, — людей, которым подобных не представляет Европа, где нет безличных физиономий, где немыслимо человеческое развитие вне народности. Недавно в «Московских Ведомостях» напечатано воззвание русских дам и кавалеров, пребывающих в Дрездене, к благотворительности русских, живущих в России, для довершения в Дрездене православной церкви [8]. Особы, подписавшие это приглашение, умилительно описывают удобство и прелесть дрезденского житья и наивно говорят о выгодах воспитания русских детей среди немцев [9]. Известно, что Дрезден сделался теперь чуть-чуть не русскою колонией, так что число детей, воспитываемых в Дрездене, представляет очень почтенную цифру. Для того же, чтоб это отступничество от своей народности совершилось с бóльшим комфортом, без упрека для робкой совести, и главное — служило приманкой для прочих русских семейств, еще коснеющих в России, построена там русская церковь [10]. Если бы в Дрездене жили только бедные русские, лишенные средств воспитывать детей дома, мы бы не сказали ни слова, но, судя по подписям [11], мы вправе утверждать, что эти семейства имеют полную возможность дать прекрасное воспитание своим детям и в России. К чему же совершать, повторяем, это воровство-кражу у русских детей — их русской народности? Точно с тою же целью предполагается постройка церкви и в Женеве [12], где в настоящее время до 200 русских семейств воспитывается в разных швейцарских пансионах...

И это наши будущие вожди народа! Это будущий состав русского народного общества!

Ни презрение иностранцев, так громогласно высказавшееся недавно во Французском сенате и Английском парламенте устами принца Наполеона, Бонжана, Генесси и других, — ни оскорбления, наносимые ежедневно и ежечасно русской не только государственной, но и народной чести всеми органами европейской публичности, — ни положение самой России — трудное, исполненное опасностей, России, вступившей в критически период существования, России, богатой делом всякого рода, не правительственным только, но и общественным, — ничто не вразумляет, ничто не возмущает наших заграничных русских, продолжающих тратить в пользу иноземцев наши русские деньги!

Спрашиваем опять читателя: в состоянии ли *эти* русские, изготовляемые нам слабоумием попечительных русских родителей за границей, в состоянии ли они будут *обрусить* ополяченных туземцев Западного края, сладить с напо-

ром германизма, возродить к самостоятельной нравственной деятельности русское общество, восстановить союз общества с народом, стать представителями русского народа и оживить Россию новыми духовными силами, силами просвещенной русской народности, — без которых все ее материальное могущество мертво и бесплодно!

С подобным обществом мы не в состоянии дать никакого отпора Европе... Оставляя в стороне заботу о заграничных русских, подумаем о том, как бы освежить, обновить силою русской народности остатки русского общества у нас дома... Начало тому мы видели недавно на новых городских выборах, в зале Благородного собрания в Москве [13], 16 марта, где *пятьсот* представителей разных сословий собрались в первый раз вместе для общественного дела... Благое начало!

ПИСЬМА КАСЬЯНОВА В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «ДЕНЬ»

Из Парижа (письмо в редакцию)

Изо всех животных, способных к акклиматизации, человек, как известно, есть самое удобное животное и акклиматизируется всего послушнее и легче; но из различных экземпляров человеческой породы, бесспорно — самое видное, почетное и первое место в этом отношении принадлежит российским людям, — т. е. российской публике, российским образованным классам, но, конечно, не русскому простому народу. Это исключение просим подразумевать везде, где в нашем письме говорится о России и русских. Поселится ли русский человек, например, в Англии, — не только делается он тотчас англоманом по убеждениям, образу мыслей и складу ума (это уж чисто дело головы), но и начинает чувствовать как англичанин, — и желудок у него становится английский, и передние зубы как-то вырастают и стискиваются совершенно по-английски. Зато лучшей для него награды и быть не может, как услышать отзыв, что «он — англичанин, совсем как есть англичанин!» — Поселите русского во Франции, в Париже, — и откуда ни возьмись, даже у воспитанника духовной семинарии являются и быстрота говора, и парижское произношение буквы *р* как *рр*, и парижская певучесть речи, и французская вертлявость, и французская любезность, и мастерство французских фраз: француз, совершенный француз! Если в конце прошлого века Фон-Визин серьезно обижался дерзостью комплимента, которым французы обыкновенно приветствовали русского путешественника: mais, monsieur, vous n'avez pas l'air russe du tout* [1], — то русские путешественники XIX века уже совершенно не похожи на чудака Фон-Визина, и то, что́ поражало тогда француза, теперь уже сделалось чем-то совершенно нормальным и законным. Un Russe ne doit pas avoir l'air russe du tout — русский не должен смотреть русским даже и по виду, — и русская колония в Париже была бы в высшей степени скандализована, если б кто-либо действительно внешним своим видом отличался от француза и давал знать, что он — русский. Впрочем, кому неизвестно, что русское высшее светское общество в Санкт-Петербурге имеет серьезную претензию — на что́ бы вы думали? на то, что в нем

* О, мсье, да вы совсем не похожи на русского (*фр.*).

сохранился французский язык во всей своей старинной, дореволюционной, элегантной, салонной чистоте и красивости, — что русские в этом отношении лучшие французы, чем сами французы, что только в Петербурге или в русской аристократической колонии в Париже могут и должны французы отыскивать — и le bon vieux français, и le bon gout* старинного французского общества времен г-ж Помпадур и Дюбарри[2], или даже — времен Реставрации[3] и господства du noble faubourg St. Germain**![4] — Истинно, «полна чудес»[5] Русская земля! Чего не найдешь на Руси, на нашей, по выражению «Дня», — «святой, великой — нашей безобразной Руси!»[6]

Но возвратимся к русским за границею. Перечислять вам подробности, как русский барин охотно и легко голландится, швейцарится, итальянится — и даже немечится (последний процесс, впрочем, совершается труднее, потому что тут требуется уже некоторое немецкое добросовестное отношение к науке), мы не станем: это известно каждому, это каждый русский может поверить на себе, по собственному опыту; это можно видеть в особенности на русских духовных миссиях, пребывающих за границей. Между тем как служители всех прочих вероисповеданий не изменяют установленного обрядом своего костюма нигде, ни даже в Париже, — только русское духовенство старается изо всех сил, чтоб его не признали за духовенство! Разумеется, нет никакой важности в том, ходит ли духовенство во фраке или рясе, — но важность великая в тех побуждениях, которые заставили его сбросить рясу для фрака. Надобности в том нет никакой. Ведь священники римско-католические, протестантские, православные — молдавские, валашские, армянские свободно разгуливают по парижским улицам, нисколько не боясь и не возбуждая насмешек: одни русские стыдятся пред иностранцами своей одежды, своего обычая, своей народности, себя самих! Неудивительно после этого, что русское духовенство за границей не делает прозелитов[7]. Европа мало знала русских до последней Восточной войны[8]; она их боялась и ненавидела[9]. С того же времени как русские нахлынули на Европу и наводнили ее собою, Европа узнала их покороче, и результатом этого близкого знакомства — вышло глубочайшее и всесовершеннейшее презрение. Это презрение вполне заслужено русскими путешественниками, — и Европу нечего винить за то, что она считает их представителями всей русской нации, — *интеллигенциею* русского народа! Европе неведомо, в каком обратном отношении находится русское «образованное» общество к русскому народу, она не исследовала всей нашей внутренней, домашней истории и потому имеет полное право заключать по нашим путешественникам и о всей нашей стране, — а эти последние, как уже было сказано, способны были до сих пор возбуждать только презрение. И это презрение вызывается не варварством, не невежеством (путешественники не уступают своим образованием большинству французов), — не внешним неряшеством одежды и уклонением от моды (русские одеваются лучше всех за границей и отступать от моды не смеют), — не какими-либо особенными темными действиями, — а именно безличностью, безнародностью или, вернее: с одной стороны — душевным холопством, трусостью пред чужим мнением, ложным стыдом, вечною заботою походить во всем на иностранцев, низким искательством у иностранцев похвалы и милостивой улыбки, угодни-

* старый добрый французский язык... хороший вкус (*фр.*).
** благородного Сен-Жерменского предместья (*фр.*).

чеством, отсутствием всякой самостоятельности в мнениях и убеждениях, с другой стороны — чванством, хвастовством самым суетным, самого низкого качества, тщеславною расточительностью и — барством, нисколько не величественным, а пошлым, пошлым до невыразимости! Разумеется, мы говорим про большинство; есть и тут почтенные исключения. — Впрочем, говоря вообще, что́ же и явили мы Европе, за что́ бы ей следовало уважать нас? Какую мысль, какое знание, какое открытие? Чем дарит Европу Россия? Да только балетными танцовщицами! Если не головою, так ногами мы действительно взяли! Зато, как и услаждается национальное самолюбие русских патриотов при виде восторга, в который впадают иностранцы от искусства российских танцовщиц. Поблагодарим этих единственных представительниц русского народа, вызывающих сочувствие Европы! Quels jarrets, quels mollets*, — восклицают французы, и с какою гордостию слышит эти возгласы русское ухо!

Русские за границей — это мольеровский bourgeois gentilhomme[10], мещане во дворянстве. Подобно тому как последние стыдятся своей родни и отрекаются от своего происхождения, так и русские спешат осудить вслух иностранцам все русское, унижаясь, просят извинения для грубой народности русской и восхваляют все заграничное! Где нет русских путешественников! По официальным данным, приведенным в одной из статей октябрьской книжки «Русского Вестника», оказывается, что в 1860 году отправилось за границу 275 582 человека[11]. Страшная цифра! Какая местность необъятной России не выслала сюда своих представителей! Уржум, Белебей, Стерлитамак, все уезды Оренбургской, Казанской, Вятской губернии потянулись в Париж, в Дрезден, в Баден! Помещики и помещицы, до старости лет дожившие в своих деревнях, на сытном хлебе, в барском неглиже, халатах, капотах и беличьих тулупах, потревоженные — как стая диких уток выстрелом охотника — отменою крепостного права, поднялись стаей и опустились на Европу. Можно было думать, что вот они-то, по крайней мере, явят иностранцам что-нибудь свое, оригинальное, — хотя бы и уродливое, — ничуть не бывало! Они действительно очень оригинальны за границей, — но не самостоятельностью, а преизбытком душевного раболепства пред иностранцами вообще, пред французами в особенности. Смотришь и не веришь: какая-нибудь мамадышская[12] барыня, весь свой век солившая грибы и расправлявшаяся по-барски с мужиками, побывав в Париже, уж и жить-то не может без Парижа, — и замечательно, что чем отдаленнее край России от Москвы или Петербурга, тем сильнее тянет помещика оттуда — именно в Париж.

275 000 русских! Что́ внесли они нового в Европу? Какой новый элемент общественной жизни? Познакомили ли хоть с Россией? Познакомили действительно — с ее недугом, с полною деморализацией русского общества в смысле политическом и общественном, с его отчуждением от русской народности, с его духовною зависимостью от европейского общественного мнения. Вспомним слова Генесси и других ораторов в Английском парламенте о трусости русской в этом отношении и о том, что русские всего пуще боятся невыгодной для себя огласки в Европе! Мы хотели бы забыть, да к несчастию помним, — еще слишком недавно раздавшиеся на сенатской трибуне слова двоюродного брата императора Наполеона, во всеуслышание всего мира. Конечно, — этот принц

* Какие ляжки, какие икры (*фр.*).

Plon-Plon [13], состоящий при Людовике-Наполеоне в качестве демократа и революционера, которого французское правительство спускает с цепи полаять, когда признаёт это нужным, — конечно, принц Наполеон не пользуется ничьим уважением в Европе, — но тем не менее слова эти были произнесены публично с трибуны, несмотря на присутствие нескольких тысяч русских в Париже. Он сказал, что «русские после Восточной войны явились целовать руку, которая их била». И он — прав, вот что́ и ужасно! Он прав, потому что действительно таково было поведение русских путешественников в Париже...

«Поучите нас, мы невежды, простите нам наши вины, — снизойдите к нашей неопытности, наставьте нас, глупых»... Вот что́ слышится в словах и, так сказать, между слов, у русских за границей. «Вы больно деретесь, но мы вам благодарны, нам благодетельны были эти побои... мы в русской литературе хором прославляем благодеяние Парижского мира [14]!..»

Да, принц Наполеон, повторяем, имел право нанести нам такое оскорбление, которого бы не вынесла равнодушно ничья чужая национальность... А мы... Посмотрите: русское общество в Париже даже не поморщилось, — и продолжает по-прежнему являться на праздниках...

275 000 человек, из которых, конечно, половина поселилась за границей на долгое житье, с целью воспитания детей. Хороши будут дети! Есть чему радоваться!

Я удивляюсь, как ваша газета так легко относится к этому печальному факту, пагубному для России во всех смыслах — и в экономическом, и в нравственном, и в социальном. Или вы глядите на эту дворянскую эмиграцию из России как на явление вполне законное и даже желанное? Вы, вероятно, думаете, что лучше для России избавиться этого населения Русской земли, — что Бог с ними, с такими русскими, что Русь в них не нуждается, и они ей только мешают; наконец, что все эти путешественники — *лишние люди*... [15] Может быть — вы и правы!

Париж, 24/12 марта.

Из Парижа (письмо II)

Представьте себе — какая странность! *Лишние* в своем отечестве люди — оказываются лишними всюду! Так мудрено устроен этот мир, что, куда ни сунешься, желая высвободиться из душной атмосферы народности, национальных и отечественных интересов, везде наткнешься на какое-нибудь «отечество» или «национальность». Пренеудобно, особенно для наших русских космополитов! Известное дело, что русскому, влекомому широким сочувствием собственно ко *всему* человечеству, с сердцем, бьющимся единственно для *обще*человеческого, почему-то представляется, что все *сие* обретается только за границей, и велико бывает его разочарование, когда нигде не удается ему поймать, увидеть, обнять человечество *вообще*, а в разверстые объятия космополита попадает на первом же шагу — немец! да и то не просто немец als solcher*, а немец известного сорта и вида, определенный in genere и in specie**: — сначала пруссак, который скажет вам с гордостью, ткнув себя пальцем в грудь: hier pocht ein

* как таковой (*нем.*).

** в целом... в частности (*лат.*).

preussisches Herz*, потом саксонец, потом гессен-касселец, гессен-дармштадтец, гессен-гомбургец, гессен-филиппсталец, гессен-филиппсталь-баркфельдец (у которого тоже pocht ein hessen-philippstahl-barkfeldsches Herz), и чуть ли не гессен-гессенец!.. Везде за границей люди живут у себя *дома*, а изо всего этого выходит как-то человечество вообще и вырабатывается общечеловеческое! Странно! Русский же нарочно дома не живет, рыщет по всему свету, отрешился от узких оков, налагаемых понятиями о семье, национальности, родной стране, — а все-таки — и сам себя не смеет причислить к «человечеству», и «общечеловеческого» ничего у него не вырабатывается! Странно! Больше чем странно: несправедливо! Латинское изречение гласит: homo sum, и проч., т. е.: я человек, и ничто человеческое мне не чуждо; русский говорит: «я человек, и потому все русское мне чуждо; мне подавай — общечеловеческого», — а оно-то и не дается! Мало того: путешествуешь по Европе, живешь, кажется, со всем человечеством одною жизнию, а все-таки туземцы Европы смотрят на тебя как на праздношатающегося, как на лишнего и незваного гостя!

Но никогда наши *лишние* не оказывались до такой степени лишними за границей, как теперь, при современных событиях в Польше [1]. Даже в Париже, в этом притоне лишних людей всего мира, наши русские *гулящие* люди (употребляя юридический термин допетровской Руси) [2], вправе запеть песенку:

Мне моркотно молодому,
Нигде места не найду! [3]

Нигде, — даже в Прадо [4], даже в Баль-Мабиле [5], этом заветном русском *dahin*** [6], куда так ревностно стремятся помыслы русских из России, этом гостеприимном приюте, где им привольнее и теплее, чем дома, где они, казалось, уже получили права некоего гражданства, и вдруг...

Баль-Мабиль очень сочувствует полякам, — очень; все гризетки преклоняются пред общественным мнением, вся канканирующая и не канканирующая публика повторяет как истину, о которой уже и не спорят, что Франция, toujours si libérale, si généreuse[c]***, должна помочь «народу-мученику» и освободить его от *варваров*... Варвар! Чего не делали мы, чтоб попасть в другой чин, сколько поклонов и миллионов потрачено, чтобы заслужить повышения в европейцы, чтобы *своими* сочла нас Европа, — ничто не берет! Чуть что́ заденет ее за живое, все старое выплывает вновь, и опять — «казак», «кнут», «варвар» на языке у каждого француза, от пляшущего на балах Тюильери [7] до пляшущего в Баль-Мабиле. Недавно, говорят, на бале в этом знаменитом заведении толпа окружила одного господина, который почему-то подал ей повод думать, что он русский [8]. «Вон его, вон, — заревела публика, — мы не хотим видеть здесь русских, пусть убирается он к своим казакам, на родные снега», и пр., и пр. Господину этому грозила серьезная опасность: шляпу с него сбили, пинки посыпались на него со всех сторон. «Я не русский, я не русский», — завопил он жалостливым голосом... «Не русский, так кричите: да здравствует Польша!» — Господин прокричал, но как-то нерешительно. «Громче, громче!» — повелела

* Здесь бьется прусское сердце (*нем.*).
** туда (*нем.*).
*** всегда такая великодушная, такая щедрая (*фр.*).

толпа. Господин повиновался. «Кто же вы?» — продолжали подозрительно допрашивать его баль-мабильские гости. — «Я... поляк»... «Поляк? Зачем же вы здесь, отчего вы не уехали драться с русскими»?.. «Я пойду, непременно пойду». — «Вон его, вон, вон поляка, который пляшет в Париже в то время, как в Польше дерутся, вон!»... И господина выгнали.

После этого изгнания русских из Баль-Мабиля постиг, как слышно, русских таковой же остракизм и в Прадо, и в Шато-де-Флер[9], и в некоторых театрах. Бедные! Пришлось-таки страдать за национальность, от которой всю жизнь отрекались и которой пуще греха стыдились!.. С мальчишками, с воспитанниками Политехнической школы[10] — не советую теперь встречаться на улице ни одному русскому. И не только в Париже, даже в Германии — немцы, как картофель на сковороде, горячатся и шипят «симпатиями» к Польше; за табль-д'отами[11] в отелях происходят иногда очень и очень неприятные сцены. Рассказывают, что в Дрездене дети одного русского поселившегося там помещика — были вываляны в грязи мальчишками по наущению какой-то польской патриотки. Одним словом, дело дошло до того, что русским, пребывающим за границею и вращающимся не в самом высшем кругу, приходится на каждом шагу испытывать всевозможные унижения и оскорбления. Конечно, русский человек на обиду сноснив, да и брань на вороту не виснет, — но всему есть пределы. Остается или бежать домой, в Россию, или же отрекаться, стократ отрекаться от своей народности — от всякой солидарности с своим народом и своим отечеством!

Не могу ручаться за достоверность слуха, но в Париже рассказывали, что после речей о России и Польше, произнесенных в Сенате, некоторые русские, сделав визит всем ораторам, нарочно обошли (и дали это заметить) кого бы вы думали?.. Именно Ларошжакелена, произнесшего речь в защиту России[12] или, вернее, в опровержение бессмысленных речей Бонжана и К°!!!

Впрочем, у нас в Париже есть русские de la haute volée*, которые поняли, что в настоящую минуту — самое лучшее положение, которое они могут принять в обществе, это все же навести на себя слегка — лак патриотизма, — обзавестись несколько отечеством, хоть для вида. Быть человеком лишним, без отечества, без национальности — ce n'est pas aristocratique, ça sent le démocratisme à cent lieues**, ну а с некоторым оттенком национальности и патриотизма — c'est très distingué, ça pose***! Присоедините к ним людей, принадлежащих, уже по самому чину и званию, к «непременным» патриотам, и вы поймете — каким образом могла составиться и составилась в Париже — une collecte, подписка «в пользу раненых и семейств убитых русских воинов в царстве Польском». — Когда это мое письмо придет в Москву, список парижских жертвователей будет уже, вероятно, распубликован в газетах****. Он невольно бросается в глаза самыми знатными по происхождению, положению и богатству именами, — но все же оказывается, что наш посланник[14] пожертвовал *вдвое* более самого крупного жертвователя изо всех остальных, например г. Демидова[15]. И на какую значительную сумму расщедрились наши «русские путешественники» — на 6410 франков, или 1680 р. 84 коп.! Шесть тысяч четыреста франков,

* высокого полета (*фр.*).

** это не аристократично, от этого за сто верст отдает демократией (*фр.*).

*** это весьма изысканно, это производит впечатление (*фр.*).

**** Он уж напечатан в 80<-м> № «Мос<ковских> Вед<омостей>»[13]. — *Ред. <И. С. Аксаков>.*

и на такой предмет! Чего же больше?.. Ведь это для *русских* солдат, — не для какого-нибудь monsieur Londinsky...

Вот m-r Londinsky, — так тот успел вытянуть у двух русских княгинь несколько поболее 6000 франков, — так, безделицу — *миллион семьсот сорок пять* тысяч франков... Не верите? Да на днях, 17 марта (нов. стиля), дело это рассматривалось в исправительном трибунале Сенского департамента. Лондинский — уроженец Царства Польского, выдававший себя в Париже за иностранного доктора, — открыл у себя «кабинет сомнамбулизма». Какая западня для русской дамы! И точно, в эту западню попалась русская княгиня Волконская, а потом и сестра ее, княгиня Лобанова, и обе, почувствовав благодаря сомнамбулизму неограниченную доверенность к своему ловкому доктору (которого принимали за иностранца: будь он господин Л о н д и н с к о й, а не m-r le docteur *Londinsky*, он не внушил бы веры!) — вручили ему на разные предприятия и спекуляции свои капиталы [16]. Эта слепая доверенность продолжалась шесть лет, с 1856 по 62 год, когда наконец доктор, забрав капиталы, исчез, обман обнаружился и начался иск. Суд решил дело в пользу княгинь, — но из 1 745 000 франков присудил возвратить им всего 150 т., а об остальных предоставил искать, как выражаются в России, «от сего дела особо, гражданским порядком»*.

Вот куда деваются русские капиталы! Вот превратности судеб, испытываемые русскими богатыми барынями в Париже! Этот процесс самым красноречивым образом, как нельзя более кстати подтверждает справедливость моего отзыва в 1 письме о русских путешественниках [18].

Да-с, наши соотечественники за границей, эмигранты и простые путешественники, немало содействовали образованию в Европе того лестного общественная мнения о России, какое теперь существует, — и их влияние отразилось даже на понятиях самих западных правительств. Император Наполеон говорил, как уверяют, барону Б<удбергу>, что — «заключая по речам представителей русского общества, являющихся в Париже, и по голосу русской журналистики, что русские сочувствуют идее восстановления Польши *в ее исторических границах*, — он думает, что это восстановление не могло бы встретить серьезного сопротивления и что вообще польское дело пользуется в России общею популярностью». В этих речах Наполеона (если только они действительно были произнесены) что́ ни слово, то ошибка. Начать с того, что он основывает свое заключение на «*голосе* русской журналистики»?? Разве на безгласности? Это было бы вернее. Конечно, в настоящем случае молчание журналов вовсе не то означало, что́ видели в нем европейские политики, — тем не менее — не могу скрыть от вас — что это молчание, в котором журналистика вовсе не виновата, было здесь растолковано в невыгодную для России сторону и показалось красноречивее всяких слов, — самым убедительным *голосом* русского общественного мнения в защиту Польши! Особенно же произвело здесь видимый эффект ваше объявление в 5 № «Дня», переведенное и напечатанное «Нордом» [19], о том, что вы пишете, но не можете почему-то помещать ваши статьи о Польше [20]. Эта заметка перепечатана была во многих газетах, — и хотя патриотизм вашего направления каждому ведом, — особенно же полякам (это не-

* Об этом процессе уже напечатано подробно в № 12 «Совр<еменной> Летописи» [17]. — *Ред. <И. С. Аксаков>.*

сомненно), однако же ваше объявление дало некоторым повод думать, будто искреннему выражению общественного мнения в России положены преграды, и что оно может высказываться только в известном направлении... Подите же, растолкуйте глупым иностранцам, что это неправда, что это не так: не верят!!

В последнее время статьи «Московских Ведомостей», отчасти переведенные в «Le Nord», отчасти прочитанные официальными знатоками русского языка при французском министерстве иностранных дел, несколько ослабили впечатление, произведенное всеобщей немотою русской прессы, — но все же и до сих пор голос этой газеты звучит слишком одиноко, не находя поддержки в прочих органах журналистики, и потому еще не признается здесь за выражение общественного мнения. Если б все прочие органы русской публицистики высказывались вполне свободно, тогда бы иностранцы видели, что, несмотря на различие мыслей в разрешении вопроса в самом Царстве Польском, в России действительно существует единодушное всенародное мнение о невозможности *восстановления исторических границ* Польши, о том, что ни одного фута земли в Западной Руси не должны и не можем уступить мы Польше и что вмешательство западных держав встретило бы в нас самый отчаянный, самый могучий отпор. Тогда бы иностранцы лишены были всякой возможности предполагать, будто за высказывающимся так несвободно или же так официально общественным мнением есть еще другое, таящееся во тьме, настоящее общественное мнение!

Надобно признаться, впрочем, что адресы петербургского дворянства и думы произвели сильное ощущение (sensation) в здешнем обществе. «Le muet a parlé!» Немой заговорил! — пронеслось по Парижу. Но, к сожалению, это адресы только Петербурга и его губернии, это еще не коренная Россия. Может быть, и, вероятно, теперь последуют один за другим адресы от всей России, — но, к сожалению, они до сих пор не оглашены, и первое впечатление, произведенное петербургскими адресами, начинает несколько ослабевать* [21]. К тому же нашлись некоторые поляки, живавшие долго в России во время оно и, как нарочно, хранящее об оном времени самую свежую память. Они порассказали кое-что о том, как бывало составлялись подобные адресы в прежние годы, — и хотя это время perfectum, plusquamperfectum**, однако они постарались набросить тень сомнения в действительном значении адресов. Между тем — достаточно быть русским, чтобы верить и ведать несомненно, что в настоящую минуту эти адресы вполне искренни, а потому и вполне действительны.

Примите к сведению и — во сколько это зависит от вас и ваших приятелей — к непременному исполнению, чтобы адресы настоящей минуты не походили ни по содержанию, ни по внешней форме на адресы прежних лет, чтобы в них не было того, что́ по-русски так метко называется «казенщиной», этих пошлых условных фраз «патриотизма» минувшей эпохи. Другие струны должны слышаться в вашем голосе, другие!..

Но и этого мало. Ведь и это может быть заподозрено в искренности, особенно если русская журналистика будет по-прежнему — несмелостью своего тона или своим молчанием — объявлять европейцам, что она не высказывает вполь-

* Адресы Московской думы и московского дворянства [21] еще не известны были в Париже, когда г. Касьянов писал свое письмо. — *Ред.<И. С. Аксаков>.*

** прошедшее, давнопрошедшее (*лат.*).

не своих мнений; особенно же если будут повторяться случаи вроде того, какого я — к моему истинному прискорбию — был на днях свидетелем. Кто-то из ваших москвичей (и надо признаться — он поступил дурно, очень дурно) прислал сюда в Париж из Москвы два нумера «Courrier du Dimanche»[22], один № «Le Nord» и еще какую-то немецкую газету. Эти все листы, или, вернее сказать, лоскутья листов, походившие на какие-то выкройки, попались в руки поляку Р.***, который и отправился с ними в путешествие по бульварам. Он заходил в каждый Café, не пропустив ни одного, и в каждом возвещал присутствовавшей публике вслух: «Messieurs, connaissez-vous ça? ce sont nos journaux comme on les lit en Russie, messieurs, dans ce pays, qui se pique de libéralisme», etc. etc.* Можете сами себе представить подробности этой сцены. Этот господин застал меня в Café Anglais[23], но я, заметив в руке его столь знакомые мне лоскутья, тотчас убежал к себе домой... Чтó бы мог я ему ответить?!

Апреля 10
1863 г. Париж.

Из Парижа (письмо III)

Если бы вы знали, какое негодование возбудили против меня, со стороны большинства здешних русских, мои письма из Парижа, вы бы, конечно, не требовали от меня с такою настойчивостью продолжения моей корреспонденции или не воспроизводили бы ее с такою точностию на листах вашей газеты. А догадываетесь ли вы, какая главная, настоящая причина этого негодования? Да та, что нас потревожили, что нам стало как-то неловко, нарушено мирное и безмятежное состояние нашей русской ленивой совести. Вот мы и сердимся! — Теперь все наши заграничные россияне волей-неволей принялись оправдывать, или *мотивировать*, как выражаются они, свое пребывание за границей, а при случае давать даже свидетельства своего «патриотизма». Но сколько я мог заметить, в Париже до сих пор этот патриотизм заявляется больше по части — русской юфти[1]. Вы ведь знаете, что cuir de Russie** в большом почете у иностранцев, и похвалы, которые французы в магазинах расточают изделиям из русской кожи, требуя за них непомерно высокие цены, очень приятно щекочут наше национальное самолюбие. Одна русская дама из парижских львиц (и какая красавица, если б вы знали!), взволнованная современными политическими событиями и увлеченная духом народности, явилась недавно на гулянье в Булонском лесу[2] с русскою юфтью на экипаже, на сбруе, на ливреях, на собственном головном уборе, на груди, около талии — одним словом: cuirassée de cuir! du cuir partout!*** — восклицали парижские хроникеры мод, изумленные такими дорогими и прочными доказательствами русского дамского патриотизма!.. Впрочем, русские теперь толпами переселяются в Баден-Баден, где уже давно возникло соперничество между *нашими* и англичанами, — соперничество в том, кто кого пересилит в расточительности: «наши» ли англичан или англичане «наших», кто кого дороже заплатит в отелях, кто ловчее задаст тону,

* «Господа, вы знаете, что это? Это ведь наши газеты — те самые, что читают в России, господа, — в стране, которая хвастается либерализмом», и т. д. и т. д. (*фр.*)
** юфть (буквально: русская кожа) (*фр.*).
*** в доспехах из кожи! вся в коже! (*фр.*)

пустит пыли в глаза и скорее добьется внимания к себе, к своей нации, от кельнеров, слуг, служанок, актрис, танцовщиц и всяких заезжих красавиц. «Il y va de l'honneur national*, не уступим британцам, не посрамим земли Русския[3]», — говорил мне в прошлом году, совершенно серьезно, граф Г.[4], проматываясь в пух на подарки французской водевильной актрисе! И честь русской нации, вероятно, поддержится и в нынешнем году. Баденский сезон блистательно открылся, — писали в газетах, — салонным французским спектаклем, в котором русская княжна разыгрывала какую-то Лизбету, а русские господа Т. и Щ. тоже представляли родные им — французские типы... Ну, вот видите: можно ли упрекать меня в несправедливости? Разве я не воздаю должной похвалы патриотизму русских путешественников?

А вот еще новая черта русского патриотизма. Скоро на сцене одного из парижских театров дадут пиесу, на французском языке написанную князем Н. Долгоруким[5]. Пиеса, вероятно, не упадет и автор будет награжден снисходительно милостивым вниманием публики. Парижане хотя и найдут непременно, что французский язык автора обличает в нем не природного француза (такие эти парижане! чересчур уж взыскательны, никак на них не угодишь!), однако сочтут нужным поощрить нового французского литератора — из русских. Мне неизвестны побуждения, заставившие кн. Долгорукова променять русский язык на чужой, но полагаю, что это сделано — из патриотизма, ради возвеличения русского имени... И в самом деле, эти аплодисменты и одобрительные фразы парижских фельетонов, разве это не торжество? Разве чье русское сердце может остаться равнодушным к подобной чести? Конечно, нет, и, вероятно, русские газеты поспешат перепечатать у себя, как они это обыкновенно делают, с важным видом, худо скрывающим улыбку национального самодовольства, — будущие «лестные отзывы иностранных газет о нашем соотечественнике, подвизающемся на поприще французской литературы». Как не вспомнить при сей верной оказии слова Александра Дюма, сказанные им Ивану Сергеевичу Тургеневу? Дюма говорил ему (я это слышал от самого Тургенева), что он считает себя русским писателем, так как французская литература есть по преимуществу достояние русской образованной публики и так как через пятьдесят лет по-русски уже писать больше не станут, а писать будут все по-французски, — et alors lui, Dumas, comptera parmi les auteurs russes!**»...

Не смейтесь над словами Дюма, не пожимайте презрительно плечами! Ведь откуда-нибудь да взялось подобное соображение у француза, что-нибудь да дало этому повод!.. Этот разговор пришел мне на память вчера, когда, прогуливаясь в Елисейских Полях[6], встретился я с одной моею соотечественницей, Б***. Русская девица, дочь заволжских степей, с луговой стороны матушки-Волги, говорила eh ben вместо eh bien***[7] и грассировала[8] не хуже парижской гризетки, — что́, по ее собственному сознанию, далось ей не вдруг, а после долгой науки!

Так вот каковы мы, какими мы являемся за границей! Вот материал, из которого образуется об нас общественное мнение Европы. За что́ же сердиться нам на Европу, гневаться на ее к нам презрение, издеваться над ее невеже-

* Речь идет о национальной чести (*фр.*).

** и тогда он, Дюма, будет считаться одним из русских писателей! (*фр.*)

*** так-с (*фр.*).

ством? Чтó посеешь, то и сожнешь! Поговоримте серьезно. Взойдите в положение иностранца, которому хотелось бы познакомиться поближе с русскою народностью, с русским характером, с Россиею, одним словом, — не ездя в Россию. Вы предупреждаете его, что 275 000 русских путешествующих за границей — не могут считаться представителями Русской земли. Дико это кажется иностранцу, но он вам верит. Ищет он другие экземпляры русских и находит — кого же?.. «Фамилии знатные, аристократические, древние, следовательно, естественные представительницы народа», — соображает основательно мой иностранец. И вот знакомится он с отцом-иезуитом Гагариным, отцом Шуваловым, отцом Мартыновым[9], со всеми стрижеными[10] и нестрижеными русскими католиками!.. Вот еще материал для суждения о нас, русских, — и какой материал! ведь это люди не ветреные, большею частью богатые, имевшие независимое положение у себя дома... И однако же эти люди — добровольные отщепенцы своей народности и своей веры!.. Чтó, красивы мы показываемся Европе, спрашиваю я опять господ читателей «Дня»?!..

Но вы опять уверяете этого иностранца, уже измучившегося в тщетных поисках за русским человеком между заграничными русскими, как Jérôme Paturot à la recherche d'une république sociale*[11], — вы уверяете, что носители древних русских исторических имен у нас теперь всего менее помнят русскую историю, всего менее выражают русскую народность... И вот узнает иностранец, что есть за границей русские еще третьего сорта, которые возглашают о своей любви к Русской земле, которые нарочно эмигрировали из отечества, чтобы служить ему вольным словом...[12] Но эти люди... разве могут они внушить уважение европейцу? Эти люди накликают на Россию бедствия войны и раздора, эти люди подводят врагов на Русскую землю, созывают полчища со всей Европы, обагряют свои руки в крови русского народа... И это русские? Они, конечно, полезны Европе, полезны Наполеону[13], полезны Англии, полезны полякам, полезны всем ненавидящим русский народ и желающим гибели; но если Европа и пользуется их услугами, то с таким же чувством, с каким военачальник пользуется услугами предателя-шпиона или перебежчика из враждебного лагеря!

Спрашиваю я вас: есть за чтó уважать нас Европе? Имеем мы право сердиться на европейское общественное мнение? Чем, какими сторонами, какими качествами и делами выказались до сих пор европейцам мы, русские, за границей, — конечно, не все, однако же и не со многими исключениями?..

Пустотой, отступничеством, изменой.

Да, изменой. Никакими нравственными побуждениями не может быть оправдан союз с врагами родной страны, ничто в мире не может извинить призыв иноземной рати на родную землю! Разве не изменником русскому народу является теперь Бакунин, предводительствующей польским отрядом[14], или шайкою всякого сброда мастеров, подмастерьев и работников революции, охотников до крови и до разрешения всяких задач грубою силою вооруженного кулака? Вы, конечно, знаете, что эта экспедиция не достигла своего назначения[15] и вместо Либавы[16] попала в Швецию. Там теперь и князь Константин Чарторыжский[17]. Бакунин и Чарторыжский сделались предметом бесчисленных оваций, предлогом обедов и сборищ, поводом речей, спичей, тостов и то-

* Жером Патюро в поисках общественной республики (*фр.*).

стов... Словом — вина и лжи разливанное море! Пей — не хочу! Вам, может быть, кажется странным, как это шведские *демократы* чествуют Чарторыжского, — Чарторыжского, представителя не только *аристократии* польской, но и польского аристократизма; как это шведы, негодуя на отнятие независимости у польской народности, совмещают вместе с этим негодованием пламенное желание подчинить финскую народность зависимости от шведской? Стоит ли обращать внимание на такие противоречия!.. Положительно известно, что Бакунин в Швеции торжественно обещает шведам, от имени России (!!), Финляндию и Остзейские провинции, а Польше прибавку нескольких русских губерний. Москву, кажется, не отдает, — ну и за это спасибо!

Что́ это такое? разве не измена?[18] Вы скажете — сумасшествие. Но если и так, то это сумасшествие такого злого качества, что человек, нравственно способный впасть в подобное сумасшествие, уже тем самым преступен, преступен этою своею способностью! Верьте мне, — лжет он, — ни любви, ни уважения к народу нет в том человеке, который вносит меч и огонь к народу в дом и, самозванно величаясь представителем народа, навязывает ему силою, втесняет в него своими и чужими кулаками — благо свободы своей личной выдумки и приготовления! А то, что́ затеяно Бакуниным — разве это не та же вбиваемая, всаживаемая пулями, *всекаемая* свобода?!..

Неужели в самом деле, как мне рассказывали, не только в Петербурге, но даже в Москве есть молодые люди, которые и после этих поступков Бакунина продолжают еще благоговеть пред его авторитетом и считать его дело честным и благородным? Не верю. Для этого были бы нужны два условия: или прогнить нравственно насквозь, или иметь в голове вместо человеческого мозг цыплячий, — а всего этого в нашей молодежи я предполагать не хочу и не смею.

Но кого мне искренно жаль, — так это Герцена. Вы знаете резкую противоположность наших основных воззрений, вы знаете, как я смотрю на «Колокол»[19], — но тем не менее я многое прощал этому человеку ради высокой искренности его убеждений и всегдашней готовности отречься от своего взгляда, если он убеждался в его ошибочности. Мне случилось его видеть вскоре после Восточной войны[20], и он рассказывал мне, какой мучительный год он прожил один в Англии, вдали от России — осажденной со всех сторон сильнейшим неприятелем, с каким лихорадочным трепетом брался он каждое утро за газеты, боясь прочесть в них известие о взятии Севастополя, как гордился его мужественной обороной[21]. Когда я упрекал его за вредное влияние на русскую молодежь, в которой его сочинения развивают кровожадные революционные инстинкты, и указал ему на одну фразу его статьи в «Полярной Звезде»[22], Герцен оправдывался с жаром, отклонял от себя упрек в кровожадности, старался дать иное толкование своей фразе и положительно уверял, что не принимал ни малейшего участия в воззваниях к раскольникам, незадолго пред тем перехваченных в России.

И теперь этот человек — *в союзе* с деспотической Францией, с противным ему Бонапартом, с аристократической Англией, с политическими изгнанниками всех стран (о которых — собственно о французах — он отзывался с глубочайшим презрением, понятным только русской душе, ненавистнице лжи и фразы), *в союзе* с поляками — проповедующими не восстановление Польши, а порабощение русской народности в Западном крае и уничтожение русского народа, — с поляками, не признающими за нами никаких прав на политическое бытие

и провозгласившими (в прокламации, изданной там, у Бакунина, в Швеции[23]), что Польша должна быть восстановлена в пределах 1772 года?[24] И Герцен в союзе с ними! И не только он в союзе с врагами Русской земли, — он содействует им советом и указанием, он, как сторонник их, радуется успехам польских шаек, т. е. побиению русских, празднует вместе с ними Варфоломеевскую ночь Польши[25], где несколько тысяч русских людей были умерщвлены самым предательским образом... Конечно, Герцен не действует заодно с Бакуниным и, вероятно, не решится, как он, навести ружейное дуло на русского солдата, но он солидарен с Бакуниным, он не отрекся от него, и русская кровь, которою вскоре обагрится, а может быть, уже и обагрился Бакунин, забрызжет и Герцена! От Бакунина мы ничего другого и не ждали, и не уважали его никогда нисколько, — но от Герцена мы не могли этого ожидать и — ждем... Да, ждем раскаяния. Не может же быть, чтобы Герцен не понимал социальных и исторических требований русского народа. Он не так уже ослеп, чтоб не видеть, что русский народ не потерпит ничьего чужого вмешательства, а тем менее вооруженного, что русский народ встанет весь как один человек за Русское государство, за того, кого считает своим представителем, кому вручил оберегательство чести народной и государственной... Стало быть, и Бакунину и Герцену пришлось бы иметь дело не с правительством и не с войском только, а со всею Русскою землею, со всем русским народом. Народ не поддастся ласкательствам непрошенных и неуполномоченных попечителей о его благе, которые захотят отделить народное дело от государственного и предложат ему чужестранную помощь против русского же правительства! Если и имеются у народа какие-нибудь свои непорядки, то не путем крови, не насилием желает народ отстранить их... Неужели Герцен забыл русскую пословицу: свои собаки грызутся, чужая не приставай?[26] Неужели Герцен сумел заглушить в себе то русское народное чувство, которое заставляет забыть все раздоры, все неудовольствия, все споры — ввиду внешней опасности, грозящей всему государству?

Не только бездну роет Герцен между собой и русским народом, не только отлучает он себя навеки от родной земли, но если он не прекратит своего образа действий, если его возбуждениями прольется хоть одна лишняя капля русской крови, — кровь русского народа, вместе с народным проклятием, падет ему на голову. И одна ли лишняя капля! Целые реки крови могут потечь — благодаря воззваниям, фальшивым манифестам[27] и всяким соблазнам, расставленным совести безбородых увлекающихся юношей! Руки ли по локоть в русской крови, в крови русского народа протянет он братски к русскому народу?!

Но знаете? Вы назовете меня сумасбродом, поэтом, но мне все сдается, что Герцен не вынесет этого противоречия, что ему не удастся заглушить свою русскую совесть и что когда-нибудь, в одно прекрасное утро, он поступит совершенно по-русски. Кто знаком с психологической стороной русской уголовщины, читал уголовные дела и изучал русских преступников из народа, тот хранит в памяти своей множество случаев, — как иной преступник-бродяга, в самом раздолье грабежа и разбоя, вдруг, ни с того ни с сего, вместо того чтоб идти направо, по проторенной дорожке в кабак, берет налево — в земский суд[28], объявляет о себе и своем преступлении, отдается суду и несет наказание!.. Стоскуется русский человек по правде, надоест ему ложь, опротивеет зло, — и восстановляет он правду — наказанием и искуплением! Что-нибудь подобное, верьте мне, случится и с Герценом[29]. Теперь, может быть, он еще будет потешаться над

моими словами (а еще более станут глумиться над ними ваши петербургские весельчаки), — но как бы ни смеялся Герцен, а слова мои врежутся в его память... Пусть бы только перестал он губить нашу несчастную русскую молодежь, пусть бы внушал он ей истинное уважение к народу, а не деспотизм демократов, считающих себя вправе издеваться над невежеством народа обманами и подлогами! Фальшивые манифесты... Какая подлость, какое ругательство над народом! Этот обман, этот подлог, разве это не то же насилие, разве это не такой же деспотизм, не эксплуатация грамотного над неграмотным, зрячего над слепым, образованного над необразованным?!

Здесь получены положительные известия о сопротивлении народа польским панам в Западных губерниях. Разумеется, поляки стараются уверить, что это или неправда, или же возбуждение, сделанное самим правительством, — но нет такого русского, кто бы мог усомниться в правде этого. Я вчера видел несколько юных русских демократов из Гейдельберга: они очень смущены и не знают, как отнестись к событию. Ждут приказаний из Лондона. По званию «демократов» они обязаны сочувствовать простонародному восстанию везде и всюду, особенно же когда народ восстает за свою народность и против шляхты, — но так как эта шляхта — поляки, а народ-то ведь русский, то русские гуманисты и не смеют стать прямо на сторону *своего* народа... Думаю, что они после глубокомысленных соображений решат так: будь на месте русского народа польский, итальянский, французский, за дело его стоять было бы можно, а теперь — пусть поляки-шляхта бьют русских мужиков! Принять сторону русских мужиков нельзя никак: поляки сейчас назовут варваром, козаком, поборником деспотизма, да и у русских иных газет прослывешь, пожалуй, кровожадным и нелибералом!

Вот каковы мы, русские! В утешение говоришь и себе, и иностранцам, что не мы составляем русский народ, что вся сила, вся тяга земли нашей в простом народе, что это такое крепкое, неразрывное ядро, в котором всецело хранится вся органическая мощь нашей России... Но европейцы вправе нам и не верить. Она молчит, она безгласна, эта земля, — а всё, что́ говорит и действует — всё это еще не выражает земли...

Она только сказала *несколько* слов в адресах Государю[30], и, как отдаленный раскат грома, слова эти раздались и здесь и смутили Европу... Европа прислушивается...

Из Баден-Бадена (письмо IV)

Съездить из Парижа в Баден — это что-то вроде загородной прогулки[1], и я воспользовался первым выпавшим мне на долю досугом, чтоб повидать в Бадене русских — новых, свежих, последнего привоза. С радостью могу вам объявить, что в нынешнем году привоз из России довольно скуден: вообще больше доставлено дам, чем мужчин. Тем не менее, между последними нашлись преинтересные личности. Интересны они были для меня не как те русские, обжившиеся и акклиматизировавшиеся за границей, о которых я говорил в первых трех письмах, а как люди, только что прибывшие из России, следовательно, отражавшие в себе общественное настроение той русской среды, в которой они вращались. Можете себе представить, с какою жадностью слушал

я их рассказы, как дорога мне была каждая весточка из России, как старался я подметить и собрать воедино черты современной физиономии русского общества.

Мне особенно часто приходилось беседовать с одним моим давнишним знакомым еще со школьной скамьи, ныне петербургским тайным советником «из молодых», господином Ж***. Мы лет 20 с ним не видались. Вам, вероятно, знаком этот особенный тип маленьких государственных мужей, которых довольно много развелось в последнее время — в северной нашей столице. Сравнивая их с старыми тайными советниками и вообще с генералами прежних годов, я — не столько, может быть, по рассудку, сколько по сердцу — отдаю невольно предпочтение «старым», хотя не могу не видеть, что от этих «старых» непременно должны были родиться «молодые», — именно этого, а не другого сорта. Конечно, я говорю здесь не о той или другой личности, — исключения есть, и их даже немало, а об общем типе — старых и молодых тайных советников Русской империи. Разница между ними та, что у «старых» из-под мундира виден — *халат*, и хотя халат вещь вовсе некрасивая и в некотором роде даже неприличная, но, право, глаз, утомленный блеском шитья и пуговиц или однообразным цветом мундирного платья, не без удовольствия отдыхает на пестрой ткани халата! Халат — это ведь эмблема лени, бесцеремонности, простоты, — это все же, сравнительно с форменными чувствами, нечто сердечное и человечное. У «молодых» нет ничего, кроме вицмундира — сшитого, конечно, у лучшего французского портного: вицмундир такой изящный, пуговицы такие элегантные, звезда на груди не аляповатая, как у «старых», а такая хорошенькая, маленькая, миленькая; одним словом, не только не видать халата, но, кажется, сама голландская рубашка глядит вицмундиром, кажется — вицмундир вогнан внутрь, ловко, как лайковая перчатка, обтянул маленькую-маленькую душу и даже украсил ее гербовыми пуговицами. «Старые», сравнительно с «молодыми», смотрят большею частью какими-то неряхами, как и вообще чиновничество прежних времен; «молодые» не только опрятны, но сумели и мундиру, и воротнику, и обшлагам придать что-то такое благородное! «Старые» все горячие *патриоты*, хотя, разумеется, патриотизм понимался ими по-своему; «молодые» подсмеиваются над увлечением «старых», как и вообще над всяким увлечением, — однако же считают патриотизм весьма полезным, даже нужным качеством *для низших сословий*, — и важным рычагом в общем государственном механизме, — рычагом, которым нужно уметь управлять (qu'il faut savoir manoeuvrer — «молодые» еще охотнее «старых» говорят по-французски): «нельзя же в самом деле давать полный ход патриотизму, — рассуждают они, — c'est quelque chose de roturier*, правительство не должно поддаваться патриотическим увлечениям!» — «Старый» был и остался открытым врагом всякого либерализма; «молодой» напротив: о! сохрани Бог, он великий либерал, но либерал приличный, comme il faut, в меру, выкроенный по новейшему французскому фасону. «Вы знаете, что я либерал, — говорит он, рекомендуя меры строгости против не согласных с ним мнений, — но истинный либерализм достигает цели не иначе как путем просвещенного деспотизма[2], un despotisme éclairè». «Старый» терпеть не может журналистики и морщится, когда ему говорят об общественном мнении: «И помину об этом в наше время не бывало», — говорит он.

* это отдает чем-то плебейским (*фр.*).

«Молодой» признает вполне значение *прессы* и общественного мнения, — так водится во всех цивилизованных странах, но эту прессу, по его убеждению, нужно направлять, руководить, а то, пожалуй, она занесет Бог знает чтó, — нужно, чтоб в Европе думали, что у нас есть свободная пресса — можно этой прессе допустить некоторые либеральные приемы, но пусть она не выходит из тайной зависимости. «Старые» держались и держатся старых политических взглядов и преданий; «молодые» по своим политическим убеждениям конституционисты, но еще более старых терпеть не могут славянофильства и славянофильских теорий о русской народности, земстве и Земских соборах. «Старые» были довольно грубы в формах, но вообще правдивы. «Молодые» стелют мягко, мягко, но спать — жестко, жестко!.. «Старые» были, надобно признаться, не совсем искусны в администрации и охотники до мер крутых, резких, большею частью неуклюжих; «молодые» всё на *компромиссах* да на тонкой деликатности, любят стушевывать, сглаживать и, так сказать, вспрыскивать всё самыми благовонными духами. «Старые» были больше немцы, но под халатом природа их сохраняла что-то и русское; «молодые» — французы, а природы у них никакой не имеется. «Старые» верили в несокрушимое могущество России: «шапками закидаем» было их любимое выражение в ответ на угрозы врага, и они были очень озадачены результатом Восточной войны. Тем не менее, при теперешних грозных обстоятельствах они возмущаются всею душой оскорблениями, наносимыми извне русской национальной чести, и готовы «грудью постоять» за Империю, которую обожают. «Молодые» ничего и никого не обожают, кроме себя самих, в могущество России не верят, но верят в искусство своего управления и необидчивы насчет русской чести... «Старые»... но довольно: целого № вашей газеты было бы недостаточно для проведения полной и точной параллели между старыми и молодыми тайными советниками в Санктпетербурге... Скажу только, что адресы, которые шлются теперь от всех городов, сословий и корпораций к Государю, «старые» читают с умилением, «а молодые»...

«Les adresses nous pleuvent*, — говорил мне вчера за обедом в Hôtel d'Angleterre господин Ж. — Дождем льются! правительство очень умно распорядилось, открыв клапан для выхода этого пара. К тому же это дает нам хорошую позицию перед Европой: ça nous pose! Пар невинный, а в сущности очень полезный. Quand nous en aurons trop, когда найдем, что довольно, мы запрем клапан и все придет в прежний порядок». — Должно заметить, что г. Ж. всегда, говоря о правительстве, употреблял *мы*, хотя вовсе и не принадлежал к правительству и не занимал важного государственного поста, но эта замашка в большом ходу у людей известного чина, проживающих в С.-Петербурге.

— Но, говорят, в России очень много недовольных, — спросил я. — Правда ли это?

— Недовольных, конечно, много, но ведь вы знаете наше русское общество: в распоряжении правительства имеются два колокола, в которые оно всегда может ударить такой патриотический благовест, что недовольные попрячутся или и сами увлекутся. Эти колокола — 1612 и 1812 год. Между литераторами, особенно в Москве, есть многие мастера звонить в эти колокола, а главное, звонят от души, искренно, — ну мы им и не препятствуем, — сказал он, улыбаясь и стараясь придать своему лицу тонкое, махиавелическое[3] выражение!

* Адреса сыплются на нас дождем (*фр.*).

— А сами остаетесь прежними, — заметил я, начиная сердиться.

— Остаемся прежними, — отвечал он, глубокомысленно осклабляясь и оправляя воротничок своей рубашки...

— Прежними! То есть русляндцами, как вас называет «День»...[4] Не чувствуете вы разве, сколько глубокого презрения к народу, к обществу скрывается в ваших словах, сколько нравственного бессилия вы обнаруживаете!.. Бедная Русская земля! Она напрягает все свои силы, ей предстоят тяжелые кровавые жертвы, — столько любви, столько искренности в этом всенародном движении, обхватившем Россию, — и все это святое движение русского народного духа встречает... не то что холодность, но какую-то, простите меня, нравственную импотенцию, дряблость, какое-то высокомерное презрение, прикрытое оскорбительно-ласковой улыбкой...

— Я решительно вас не понимаю... Какая тут земля, какой тут народ! Все дело в интеллигенции, управляющей народом или тою слепою, невежественною массою, которую вы называете народом. Мудрый правитель обязан знать все пружины, которыми движется управляемая им машина, пускает ее в ход — она идет; скажет ей: stop, машина! — она останавливается...

— Ну, а если вместо машины окажется живое тело, живой организм?..

— Положим, и организм, но — не развитой. Люди более развитые повелевают ему, и он обязан им повиноваться...

— Если же не повинуется...

— Если не повинуется, его заставят повиноваться. С вашим уважением к народу мы давно бы отошли назад в Азию. И я вам скажу по секрету: при каждом взрыве патриотизма в России *нам* делается неловко... Неловко потому именно, что в этом патриотизме слышатся такие варварские ноты, от которых становится совестно пред Европою и даже страшно. Да, страшно за цивилизацию, которую мы с таким трудом насадили в России. Le patriotisme russe avec ses attributs* — le православие, le земство, да ведь это хуже войны, хуже позорного мира для России!.. Faisons les concessions voulues, уступим немножко западным державам, но останемся в союзе с ними, останемся членами европейской семьи, — прибавил мой тайный советник даже с некоторым жаром.

— И перестанем быть Россией...

— Останемся и Россией, но Россией благовоспитанной, Россией — побывавшей в руках у хорошего гувернера... Ce que je déteste, moi, c'est quand vous me parlez de... chose... ** Православие... Ну, там в Москве еще можно толковать о православии, на то она и Москва, — но, к счастию России, Россия управляется не Москвою, а Петербургом. Однако же православие служит большой помехой нашему развитию, задерживает, да — задерживает цивилизацию. Ну, скажите сами: просвещенное правительство или некоторые просвещенные люди хотели ввести гражданский брак... Нельзя, говорят, il y a ce damné*** православие, которое мешает. Подготовлен проект о смешанных браках, который бы очень понравился Европе, очень[5]. Нас бы и варварами перестали называть... Ну, не решаются пустить в ход проект, говорят, что теперь не время, надо, напротив,

* Русский патриотизм со всеми его атрибутами (*фр.*).

** Что я терпеть не могу, так это когда вы говорите мне об... этом... (*фр.*).

*** тут это проклятое (*фр.*).

ласкать все народные привязанности, toutes ces prédilections barbares de peuple russe* [6].

Я решился не возражать... Пусть себе высказывается, думал я... Что́ же, по вашему мнению, России следовало бы принять латинство?..

— Я этого не говорю. Можно иметь свою национальную церковь вроде high church** [7], как в Англии, управляемую государством. Без церкви нельзя. Натурально, у нас есть свои национальные особенности, которые надо менажировать [8]. Латинство принимать незачем, но почему же не жить в мире, в некоторого рода союзе? Латинская церковь — мать европейской цивилизации, я так понимаю.

— Так не защитник ли вы унии?.. [9]

— О нет, формальная уния к чему же? Но это должно сделаться само собою, мудрыми мерами правительства и успехами цивилизации. Нам еще много дела. Надо довести русский народ до того, чтобы крестьянин с одинаковым чувством посещал немецкую кирку, католический костел, православную церковь, чтобы мой сельский капеллан мог быть допущен к моему обеду, т. е. был бы для этого достаточно приличен, ходил бы, например, во фраке и после обеда без жеманства мог бы сыграть со мной партию виста, — чтоб наши архиереи, наконец, были похожи на прелатов и не чуждались католического и протестантского общества, — чтобы воспитание народа было вырвано из рук духовенства, — чтоб могли существовать рядом и танцкласс, и канкан, и молитва, comme ça se pratique à Paris...***

— И много, Петр Петрович, таких, думающих одинаково с вами, в Петербурге?

— К сожалению, еще немного. Mais ça viendra...****

— Скажите, — да какая же разница, например, между вами и «Современником»? [10] Ведь вы — извините за выражение — одного поля ягоды...

— Ну, вот вы какие! Я принадлежу к партии порядка, к партии правительственной, и, не будучи безусловным приверженцем аристократизма, однако же вовсе не разделяю демократических мнений этого журнала...

— Ну да, вы в перчатках, а он без перчаток, — вы относитесь к духовным началам русской народности как к средству, а он пренебрегает этим средством, но и вы и он одинаково презираете эти духовные начала русской жизни...

— Нет, «Современник» слишком грязен, c'est trop mauvais genre... Но что́ же, я и не отрекаюсь; «Современник» все же стоит на почве европейской цивилизации; его мнения уродливы, mais ce sont les excès et les abus de la grande civilisation européenne, крайности и злоупотребления цивилизации. Его мнения уродливы, но это уродство патентованное Европой, оно имеется и во Франции, и в Германии. Отчего же и нам его не иметь? Я вас спрашиваю — отчего? Все же это не азиятщина, не русское мужицкое изобретение... С точки зрения правительственной, как я ее разумею, «Современник» гораздо менее вреден, чем ваши московские славянофильские журналы. Вот кого следовало бы преследовать, так это их...

---

* все эти варварские пристрастия русского народа (*фр.*).

** высокая церковь (*англ.*).

*** как это делается в Париже... (*фр.*)

**** Но все еще будет... (*фр.*).

— Почему же?

— Потому что они стоят на почве русской народности, а по моему убеждению, для нас, для петербургской цивилизации, для принципов, воплощаемых Санктпетербургом, нет врага злее, нет судьи неумолимее, как принцип народности; оттого, что, восторжествуй начало народности, — мы должны будем сказать: пасс! оттого, что это начало идет наперекор всем преданиям Руси преобразованной, Руси Петровской; оттого, что оно потребует от нас, чтоб и мы стали русскими в грубом смысле, а мы этого не хотим, да и не можем; оттого, наконец, что нам пришлось бы отречься от нашей системы... Нет, что́ хотите, демократизм, социализм, коммунизм, атеизм, материализм — все это выгоднее для нас, tout cela est plus gouvernemental, pour ainsi dire, cela s'accorde mieux avec le système du gouvernement *, чем ваша народность, ваше православие и вся эта отвратительная славянофильщина.

— Однако ж, ввиду угроз европейских, ввиду войны вы не прочь прибегнуть и к народности, и к православию...

— Nous faisons jouer tous ces resorts, это правда, мы приводим в движение эти пружины, но не упускаем их из рук, — по крайней мере, не следовало бы их упускать, — я такого мнения. Не надобно позволять всему этому движению принима́ть слишком широкие размеры. Например — ваши славянофилы (у! какой отвратительный народ!) нет-нет да и ввернут словцо о Земских соборах... [11] Земские соборы! Нет уж, покорно благодарим! Ни за что́ не прибегнем мы к этой мере, мы с ней не сладим...

— Напрасно вы это думаете. Вам все мерещится какой-то антагонизм между народом и властью, какой-то напор и отпор и взаимное надувательство, как это мы видим на Западе. Но на Западе это объясняется его историей, отношением завоевателей к завоеванным. У нас же ничего подобного нет: русский народ добровольно признал необходимость власти и добровольно призвал ее. Помните, сам Мицкевич говорит, что отношение славянских народов к власти представляет нечто особенное, недоступное пониманию иностранцев... [12]

— Знаю, знаю, но позвольте вам заметить: все это касается идеи царя и отношений народа к царю, но не к правительству, не к системе, не к нам-с! Да, не к нам-с. Non, mille fois non! pas de** Земский собор! Не нужно никакой этой — запутывающей понятия дряни! Позволили подавать адресы, нашли средство узнать мнение России без Земского собора, — ну и будет!.. Вот теперь крестьяне в Западных губерниях сами организуются, прогоняют польские шайки, бьют и ловят повстанцев... Утилизируйте эту силу, извлеките из нее всю возможную пользу для правительства, для вашей системы, для вашей политики, для поправки ваших обстоятельств; но как скоро опасность пройдет, заберите, как можно туже, ваши вожжи, взнуздайте опять, да и поскорее, этот народ до совершеннейшего повиновения... Я вам больше скажу. Я лично вовсе недоволен тем, что́ делается, например, в Москве. Вы слышали? Это самая свежая новость. Затевают учредить местную стражу для охранения города, с тем чтобы войска, стоящие в Москве, могли присоединиться к действующей армии [13]. Понимаете ли, чем это пахнет?

---

* это все более правительственно, так сказать, это лучше согласуется с системой правительства (*фр.*).

** Нет, тысячу раз нет, никакого (*фр.*).

— Чем? Патриотизмом...

— Патриотизмом! Пожалуй, да нам такой патриотизм не нужен. Он уже слишком могуществен. Он уже пахнет силой. Il ne se laisse pas facilement gouverner, ce patriotisme-là!* Нам других сил не нужно: сила должна быть в России только одна — правительственная.

— Да Бог с вами, Петр Петрович, что́ за странная теория о правительстве! Какому же правительству, сколько-нибудь народному, не чужестранному, может быть опасен патриотизм? Зачем вы везде становите правительство в какую-то оборонительную позицию, en garde. Это прием чисто западный...

— Вы человек непрактический, да к тому же вы тянете к «Дню», и поэтому, извините меня, мы стоим на совершенно противоположных полюсах зрения, — и сколько бы ни говорили, не столкуемся...

— Да что́ тут толковать, — сказал я. — Россия в опасности, и спасти ее могут только народные силы, именно те, которые вы презираете, к которым вы так нечестиво относитесь...

— России грозит опасность, это правда, но я держусь такого мнения, скажу вам откровенно, что лучше согласиться на конгресс [14] или даже на требуемые уступки [15], лучше перенести оскорбления, чем подвергнуть разорению Петербург или вызвать к жизни, привести в действие русские народные силы и дать торжество началам русской народности. Наша победа над Западом, право, была бы для *нас* хуже поражения, — если бы мы ее должны были купить *такою* ценою!.. Лучше уступить Западу, чем мужицко-русской стихии или созывать какой-нибудь Земский собор. — Fi, quelle horreur...** Но этого никогда и не будет, — обойдемся-с без того и без другого... Прощайте, мне пора в театр...

Он ушел. Признаюсь, я долго, долго не мог опомниться от его слов. Неужели, скажите ради Бога, все там у вас *так* думают? или, по крайней мере, многие *так же* думают? Хорошо еще, что этот человек не занимает важного государственного поста, — а ведь со временем, может быть, и займет. Он молод, красив, элегантен, с именем, у него есть определенные мысли, — des idées arrêtées — редкость в Петербурге... Я смеялся над русскими, проживающими за границей, но что́ они все — в сравнении с этим русским, проживающим в Петербурге? — Я уже мысленно обращался к ним с извинением, они становились мне милее и любезнее, мне хотелось отдохнуть в их обществе от этого молодого тайного советника... Я понимал Герцена и даже Бакунина!

И потом невольно, задумавшись, перенесся я воображением от этого изящного петербургского господина, далеко-далеко, к родным необозримым полям, нашим черноземным равнинам: потянулись предо мною еловые леса, показалась околица, избы; субботний вечер, — крестьяне, наработавшись целых шесть дней, отдыхают, сидя на завалинах. Был сход у них месяца три тому назад. Начальство требует от них чего-то им непонятного, грозит экзекуцией. Решились послать от мира ходока в Питер с просьбой... Пойдет он в Петербург, — нечеса, бородатый, степной лапотник-мужик, с приговором мира за пазухой, крепко помолившись Спасу, — пойдет, и приведет судьба — его, серого, к щеголеватому тайному советнику из «молодых», Ж***, и станут они друг перед другом... Что́ это? Одного ли это народа люди? Сжалось сердце у мужика, не втолковать

* Им не получается легко управлять, таким-то патриотизмом! (*фр.*)

** Фу, какой ужас... (*фр.*)

ему своей нужды его превосходительству... Мужика высекли и воротили... Но вот скачет становой...[16] Деревня встрепенулась, сбегаются старый и малый... Зовут священника... Манифест... Война... Рекрутский набор... Польша и семь королей идут на государя, хотят воевать Россию... Нужны люди, нужна помощь. Худо приходится Русской земле. «Коли худо, так толковать нечего, — говорят старики, — всех молодых отдадим царю на службу, а коли нужно будет, так и сами станем головами за матушку Святорусь-землю»... «Толковать нечего, — говорит мир, — так тому и быть»... «Эх, кабы только правду молвить можно было, кабы не глох мужик безответно тут от начальства, совсем бы легким сердцем пошли», — шепчет дядя Антип. «Ну, дядя Антип, что́ делать, авось Бог смилуется, а теперь-то, вот поди ты: семь королей да Литва!... Ах они, нехристи!..»

И идут мужики, молятся, подвизаются, рекой льется кровь русского народа, и фимиам священнодействия русского народного духа доносится до Санктпетербурга, — и чихает от него и морщится тайный советник Ж***. «Sacristie*, — восклицает он, — опять мужичьем запахло... Arrière, coquins, назад, негодяи!... Господин Клагенфурт фон Фуртклаген, посмотрите, чтоб мужики не очень-то восторгались, да от времени задавайте им острастку, чтоб не забывались, morbleu!..**»

Скажите, ведь господин Ж*** *единственный* в своем роде? ведь других подобных ему экземпляров не водится? ведь Ж*** не имеет никакой власти, ровнехонько никакой, и иметь ее никогда не будет? Не правда ли? Скажите же, что правда...

P. S. Говорят, что к числу адресов Весьегонска, Боровска, Ельца, Данкова[17] скоро присоединится адрес от русского города Дрездена, — начинающийся так: «Граждане города Дрездена» и оканчивающийся словами: «ляжем костьми *ту*»[18], и проч. В самом деле, рассказывают, будто русские дрезденцы или дрезденские русские тоже послали от себя в Петербург какой-то адрес[19], свидетельствующий об их неудержимом влечении к России?.. Вот он, патриотизм-то!

Из Парижа (письмо V)

«С а м о ж и с и!»[1] — вот что́ приходится теперь слышать нередко на улицах и перекрестках, в кофейных и ресторанах; «С а м о ж и с и» — говорят с необыкновенным самодовольством французы, будто озаренные новым светом географических познаний. «Ah bah! nous jetons vingt mille hommes dans la Samogitie, — мы кинем тысяч двадцать людей в Самогитию, прибавим тысяч тридцать шведов — и делу конец», — повторял нынче в моем присутствии куаффёр[2], проводя английский пробор на затылке какого-то француза, важного чиновника, с розеткой (признак ордена) в петлице и также с физиономией куаффёра... «Саможиси» — это слово придает теперь много *шику* политическим разговорам, является необходимой приправой всяких французских рассуждений о «польском вопросе». В самом деле, французы верят, что сто́ит только пробраться в Самогитскую часть Ковенской губернии, доходящую почти вплоть до моря и отделяемую от него только небольшой полоской Курляндской зем-

* Проклятье (*фр.*).
** Черт возьми!.. (*фр.*)

ли, — и они порешат с польским вопросом по своему усмотрению. Но они пренаивно убеждены, что дело даже и не дойдет до такой чрезвычайной меры, что Россия уступит, непременно уступит пред тройною волею могущественнейших западных держав Европы, пред общественным мнением Европы, — понимаете ли вы? — *Европы, l'Europe*... «Да нет, не уступит», — говорите вы... «Mais si l'Europe l'exige? если Европа потребует??» — «И Европе не уступит»... — «Et la Samogitie?» Да что́ Саможиси, знаете вы разве, что такое Саможиси?..» — «Monsieur, quand l'Europe entière... когда вся Европа...» — «Да нам не в первый раз тягаться с Европой; ну сообразите: во-первых...» — «Mais, monsieur, la Samogitie?!!» Что́ тут прикажете делать! Всякие доводы тут бесполезны. Так затвердил он из газет, вместе с другими фразами о Польше: «героическая нация», «нация-мученица, nation-martyre», «русское варварство», «московитский деспотизм», так надолбили ему журналы и утренние и вечерние, за чашкой кофе в начале дня, за чашкой кофе после обеда, в антракте между двух пиес в театре, — и, кажется, никакой бомбой не высадишь теперь из француза этих так называемых глубоких его *убеждений*!!

Надобно жить во Франции, чтобы получить ненависть к журнальной прессе, к той цивилизации, которая есть ее порождение. Масса французов избавлена от необходимости сама думать, исследовать и мыслить; за пять су на всех лотках, на каждом шагу, во всяких лавчонках вместе с порцией дешевого мяса покупает он дешевый готовый ум и знание, и человечество пошлеет до невыразимости! У каждого француза есть наготове целый короб выхваченных из газет изречений по части негодований, по части сочувствий, по части стратегической прозорливости, по части политического глубокомыслия! Я уже давно ищу и все не могу сыскать здесь человека, у которого был бы ум свой, не журнальный. Только что вы коснетесь клапана умственной машины француза, она придет в действие и, как шарманщик, завертит пред вами свой органный валик с знакомою программою пиес, дальше которой, — больше того, что натыкано в этот валик — ничего уже и не ждите. И этот оглушительный концерт шарманок, проигрывающих с утра до вечера одни и те же пиесы, он-то и называется здесь «общественным мнением»! — «Печать» в Европе есть действительно страшная сила. Штыкам мы можем противопоставить штыки, пушкам — пушки, панцирным фрегатам, пожалуй, такие же панцирные фрегаты, деньгам — деньги (это дело наживное), — но против *прессы*, этой новой европейской державы, мы не можем выставить никакой равнозначительной силы. И не тоскуйте об этом. Пусть их! Мы — по крайней мере этою надеждою я себя утешаю — никогда не дойдем до такой степени хлесткости, ловкости, — до этой пошлой «смазливости» речи (в смысле «смазливых физиономий»), которая составляет удел здешней журналистики. Вчера мы вместе с одним русским читали выписки и переводы из русских газет, помещенные в «Le Nord» [3] и в некоторых других журналах. Так и видно людей, более или менее добросовестно вдумывающихся в предмет своего изложения, более или менее взвешивающих слово, без дерзкой самоуверенности, хотя и не без твердости в убеждениях; но надо признаться, что эта ваша русская рассудительная речь является совершенно бессильною, даже комическою пред щеголеватым нахальством здешней газетной речи. Вы все, какие б вы там ни были в России, все без исключения слишком честны, чтоб с успехом состязаться с польскими и европейскими публицистами. Вы все стараетесь *убедить* иностранцев, разъяснить, растолковать

им, — вы все обольщаетесь честною мечтою, что если вы представите должные резоны и доводы, противник ваш непременно согласится, отступит от своего мнения... Какою наивностью кажется это отсюда! Конечно, в Петербурге развелся было настоящий фабричный люд литературы, с ремесленною бойкостью речи, — но они бойки только тогда, когда дело идет об анонимном письме, прочитанном на лекции г. Юркевича[4], об увеселениях у Излера[5] и т. п. Когда же выступают вперед серьезные исторические вопросы, они большею частью молчат — не потому, чтобы не могли говорить (к несчастию, эта отговорка имеет наружную основательность, и чтоб уничтожить ее, следовало бы устроить так, чтоб этого «не могли» вовсе для них не существовало), не потому, чтоб не хотели говорить, а потому, что им нечего сказать: не имея твердой почвы под ногами, они должны ограничиться какою-то канатною пляской. Это понятно: суровая действительность, выдвигая вперед — народ, оттесняет на задний план ту публику, которою обзавелся преимущественно Петербург, как продуктом настоящей «старой» цивилизации... Но и этим борзописцам пришлось бы отступить пред бесстыдством французской прессы. Мой приятель, русский, доказывал, однако, необходимость для России обеспечить себя органом *нарочитым*, кроме газеты «Le Nord», не пользующейся большим кредитом, органом, который бы вразумлял Европу насчет России. Статьи о России в прочих французских журналах не принимаются: почти все закуплены Польским национальным комитетом в пользу польского дела. Это я знаю положительно; один из редакторов прямо объявил на предложение помещать у него статьи из России, — что ему платит Польский комитет вдвое больше... Тем не менее я считаю, что из учреждения особого органа не вышло бы никакого толку. Тягаться в наглости, соперничать в клевете и лжи мы бы не сумели и всегда оставались бы позади: словами правды не победить ложь — там, где вовсе и нет искания истины. Вразумить Европу мог бы только *голос русского народа*, если б он по какому-нибудь случаю раздался так громко, что не было бы ни малейшего сомнения в его подлинности. Для нас, русских, довольно и адресов; мы знаем, как много тут сердечной правды, несмотря иногда на неуклюжую официальность слога; но действие адресов на европейскую публику было только мгновенно. Адрес старообрядцев произвел более сильное впечатление[6], и тот № «Норда», где он был помещен, был раскуплен в значительном, по крайней мере в значительнейшем против прежних №№, количестве экземпляров, но Польский комитет, — аристократический или демократический, не умею вам сказать, — тот, что́ заседает и действует Faubourg St.-Honoré rue de Colisée, № 30, дал и этому адресу свое истолкование, — и впечатление исчезло. Впрочем — о сочувствии польскому делу «раскольников», des sectaires (а французов уверили, что в России il n'y a que des sectaires*), теперь уже не твердят ни поляки, ни русские эмигранты.

Итак, если вы хотите вразумить Европу, так изыщите другой способ, кроме газет и адресов: или — военною победой, или же, что́ было бы еще действительнее, — доказательствами *несомненного присутствия в* России — *настоящей народной Руси.*

Это приводит меня к началу моего письма. Вы не можете себе и представить, какое странное понятие имеют в Европе о нашей силе, нашем могуще-

* одни только сектанты (*фр.*).

стве. То есть, сказать прямо: они там, в Европе, считают нас не только не могущественными, но совершенно бессильными. Если вы бывали в Париже во время Людовика Филиппа[7], вы помните, что тогда, наоборот, говорили о нашей силе такую галиматью, что русский, хотя и был польщен столь лестною репутацией, однако сам про себя говорил: «Слава Богу, что они не всё знают!» Даже и в карикатурных журналах Россия являлась всегда таким могучим богатырем, который держал пушку с лафетом в руке, как револьвер. Репутацию эту мы совсем потеряли, и как ни обидно это для нашего самолюбия, а приходится сознаться, что *реноме* у нас прескверный. Прежде нас ненавидели и боялись. Теперь нас ненавидят и презирают. Это презрение послужит нам в пользу, в этом нет сомнения, и я, признаюсь, предпочитаю это презрение к нам Европы — тому ложному страху, который для наших *патриотов* был «слаще мирра и вина»[8]. Это презрение заставит нас, я уверен, опереться на чувство собственного достоинства и оградит нас от излишнего благодушия в отношении к Западу; оно не даст нам забываться в самообольщении насчет своей силы, как это было в то время, когда нас ни с того ни с сего все боялись. Но на чем же основывается это презрение, спросите вы? Лучше спросите: на чем основывалось прежнее уважение? То обаяние военной силы, которое так долго тяготело над Европой, исчезло после Восточной войны, и затем, в глазах Европы, никаких поводов к уважению и не оставалось. Россия, вдвинутая всею могучею пятерицею Петра I в семью европейских держав, отрекомендовывалась им тем, что всякая война оканчивалась для нее каким-либо новым успехом и даже приобретением. Так было до самой Восточной войны. Мы в России думаем, что неуспех этой войны был для нас благодетелен, ускорил освобождение крестьян и надоумил нас насчет источника нашей истинной силы. Но этого еще не понимают на Западе. Западу вообще трудно уразуметь внутреннюю сущность русской духовной силы, но он к тому же еще и не видит результатов того нашего движения, которое, по его мнению, есть хаотическое разложение, а по нашему — возрождение и воссозидание. Да и один ли Запад не разумеет нашей духовной народной силы?!.. Нам надобно только не останавливаться на полпути и твердо помнить, что *прежними* элементами могущества — нам нельзя уже будет ни пробавиться самим, ни состязаться с Европой. Россия, со времени Петра imposèe à l'Europe*, насильно ей навязанная, так сказать, представлялась ей *государственною машиною*, не больше. О народе и народности не было и речи до такой степени, что, как я вам писал, Александра Дюма мог считать себя русским литератором *потому*, что писал по-французски[9]. Теперь, после Парижского мира[10], после освобождения крестьян и проч., и проч., французы вообразили, что машина *дала трещину*, — ну и действительно, треснувшая машина на что́ годна? Европейцы только того не знают, что в России есть Русь, и потому Россия не машина, а живое, цельное народное тело, не механизм, который может лопаться, а могучий организм, который только теперь, благодаря *именно тому*, что́ им мерещится трещиной, начинает совершать свои отправления и наделяет государство такой новой духовной силой, пред которой ничтожна сила прежнего глянцевитого механизма. — Но так как этого не понимают в Европе, то она и трактует Россию как треснувшую машину!!! В самом деле, русского народа здесь не слыхать, — о нашем храбром войске — даже в русской, един-

* навязанная Европе (*фр.*).

ственной *вольной* русской газете («Колоколе») преусердно печатаются самые злые небылицы: на ноты, даже на дерзкие ноты иностранных держав отвечают из России очень и очень благодушно, представляют резоны, стараются убедить, стараются оправдываться в клеветах, сочиняемых краковским «Часом» [11] и повторяемых теми, кто сам им не верит... Скажите, как же не сделать изо всего этого заключения о нашей слабости?! Попробуйте забраться в голову к Наполеону III (что, по известному выражению Шмидтова «Русско-немецкого словаря» [12], «для россиян немножко мудрено»), попробуйте сообразить, как должно ему представляться наше Варшавское управление? Ему, который так хладнокровно совершил переворот 2-го декабря [13] и столько тысячей перевез в Кайенну [14] (чтó, мимоходом сказать, было нисколько не гуманнее знаменитого рекрутского набора)? Как, думаете, поступил бы Наполеон, если б был в Варшаве? Мы с вами можем еще понять психологические причины такого странного явления, какое представляет теперь Варшава, но Наполеону, и даже англичанину, и даже соседу нашему пруссаку все это кажется чем-то совершенно иным, *оправдывающим* всякое вмешательство и разрешающим даже джонросселевский дипломатический язык!.. [15]

Сообразите все это, и вы тогда поймете, каким образом западные державы решились на такой шаг, как последние ноты, — решились, я в том убежден, даже без заранее принятого решения, — вынудить Россию к войне: думают, что до войны не дойдет, что Россия непременно уступит...

Наше единственное средство восстановить к себе уважение в Европе — не уступать и не уступать, и выдвигать вперед — безделицу, забытую Западом — наш русский *народ*, действовать во имя русской народности. Я уверен, что один облик русского народа, хотя бы и не совсем прилизанного, приглаженного и причесанного, появившийся на горизонте, смутил бы Европу больше, чем целый миллион штуцеров [16], против которых они выставят, пожалуй, штуцера и не хуже, если не получше наших...

Мы казнимся теперь за свои грехи, но, к счастию, мы их сознаем и способны исправиться. Отрадно читать в вашей газете возбужденное сочувствие России к Белоруссии [17], но, право, трудно винить *Европу* в том, что она продолжает считать Белоруссию и Украину не русскою, а польскою землею! Кажется, ведь это простой этнографический факт, тут не должно бы и быть сомнений? Но если *мы сами* сомневались, да еще так долго, в этом факте??.. Теперь готовится к печати переписка императора Александра I-го с князем Чарторыжским [18] как самый сильный довод *в пользу* польских притязаний. Можно ли будет подвергнуть эту книгу у вас *беспристрастному* разбору? Это было бы полезно для них... ну да и для нас поучительно... *

* Едва ли можно! — *Ред. <И. С. Аксаков>.*

НОВЫЕ ДИКОВИНКИ ПЕТЕРБУРГСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОГРЕССА

«Современное Слово» в своей беготне за самою новейшею современностью далеко опережает самых быстроногих петербургских прогрессистов. Вероятно, никто из них не доходил еще до того рвения к материализму, до которого доболталось «Современное Слово», — никто из них еще не решался *рекомендовать* недобросовестность — особенно в деле литературном, как делает это какой-то борзописец вышеупомянутой газеты в «Прибавлении к № 42-му "Современного Слова"», 2 марта 1863 года.

В статье «Общественное мнение Англии и Бокль» неизвестный автор, выражая свое негодование на силу общественного мнения в Англии, говорит, что в этой стране «как только вы коснулись какой-нибудь религии с целью опровергнуть ее, — вас тотчас же заклеймят атеистом, и тогда вы погибли в общественном мнении...». Автору, вероятно, хотелось бы, чтобы можно было отрицать веру и считаться верующим, отвергать бытие Бога и избегнуть названия атеиста! Это можно только в России, а Англии еще далеко до нас! «Коснитесь философски религиозных вопросов, — продолжает "Современное Слово", — и решите их так, как того требует господствующее мнение (?) — вы уже атеист!» Поэтому, уверяет автор, естествоиспытатель в Англии (который почти всегда «материалист или философ») на публичных чтениях или в сочинении высказывает свое мнение хотя и вполне, но — или «в двусмысленных оборотах», или «с прибавлением, что суждение его не разнится с общепринятым», или — «прибавляя к своей речи какую-нибудь мораль или религиозное вдохновение».

«*Не дурно бы было,* — говорит наконец автор, — если бы *наши переводчики обращали внимание на подобные замаскирования английских писателей и без дальних церемоний выбрасывали такие места*».

И поступок рекомендуется бесцеремонный, да и самый совет своего рода поступок — бесцеремонного качества! Мы надеемся, что наши переводчики Бокля не последуют совету «Современного Слова», не возьмут на себя обязанности *фильтрировать* английского писателя сквозь критическую гущу петербургских философов и не предложат публике Бокля в *очищенном,* по мнению почтенной газеты, виде. Распространение образования возможно только при полном доверии к добросовестности посредствующих орудий. Если же русские переводчики вздумают руководствоваться принципом «Современного Слова», то они подорвут всякое доверие к русским переводам и, следовательно, затруднят только ход просвещения, а не облегчат его. Не худо было бы, если б издатели Бокля на русском языке гласно объявили — поступают ли они по мнению автора вышеупомянутой статьи или же передают Бокля в его натуральном, не шлифованном виде?

ИЗ ФИНЛЯНДИИ

(письмо к редактору)

Хотя ваше, господин редактор, знамя есть русская народность [1], хотя направление, которому «День» служит верным органом, прозывается в российской литературе славянофильским, — весьма, однако же, ошиблись бы те, милостивый государь, которые бы подумали, что ваша газета не может найти у нас в Финляндии никакого сочувствия. Я, конечно, имею в виду только тех, которые знают русский язык и следят за русскою журналистикой. Таковых, конечно, не много, а все же есть. Само собою разумеется, что здесь дело идет не о шведах, в разное время в сей край выселившихся [2], не о финнах, кои ошведились душою и помышлениями своими, — а о настоящих коренных финляндцах, дорожащих своею финскою народностью, — столь долго незнаемою, презираемою и духовно угнетаемою.

Наше национальное стремление может быть оценено только теми, кому дорога своя собственная национальность, кто сам слышит в себе присутствие органической силы, называемой народностью; кто носит на себе печать народной индивидуальности и сознает себя частью того духовного организма, который представляет собою каждая нация, народ, каждая народная личность. Только крайне тупоумным космополитам может казаться, что ваше знамя, знамя русской народности, есть знамя неволи и преследования чужих народностей [3]; они не хотят, а может быть, и не способны понять, что вы, стоя под этим знаменем, стоите за принцип национальности вообще, т. е. за свободу и самостоятельность всякого национального развития. Только тот и может стоять разумно и с полным правом за этот принцип, кто отдался всецело на служение своей собственной народности; только тот и способен уважать чужую народную личность, кто сам, в этом смысле, не безличен. Финнофил, милостивый государь, может смело протянуть руку славянофилу, уверенный, что она встретит радушное пожатие его русской руки.

Другая точка соприкосновения между вами и нами следующая: вы, говоря о народности, разумеете постоянно не внешнюю только ее сторону, не политическую, внешнюю ее независимость, а внутреннюю сущность народного духа, духовно-органические начала его бытия, обусловливающие значение и призвание известного народа в истории человечества. Вы не однажды указывали разным славянским племенам, подвластным Турции и Австрии, — на опасность такого чисто внешнего понимания народности, при котором народ незаметно изменяет своим основным элементам. Например: можно писать, говорили вы, чешскими буквами книги совершенно немецкие по приему, содержанию, духу; можно добиться политической независимости, как этого желают (и совершенно законно) сербы, и в то же время подпасть порабощению немецкой культуры и лишить самих себя производительной народной силы.

Финнофилы смотрят на дело иначе, чем эти племена. Они совершенно равнодушны к вопросу чисто политическому, т. е. к вопросу о политической независимости; финны — народ вовсе не политический, а социальный, — им всего

важнее независимость быта, свобода их бытового существования и развития. Быть «государством самостоятельным» — вовсе не льстит Финляндии, и подобная мечта не входит в голову нашему серьезному племени. Поэтому и финнофилы, подобно вам, славянофилам, устремляют свое внимание на изучение старины исторической, старины житейской, памятников творчества народного[4]; они разрабатывают рудник народного духа...[5] Пусть, говорят они, изнесет наш финский рудник из своих глубоких недр всё, что дала ему мать-природа! Какие Бог дал финскому народу таланты, пусть он их и явит наружу — себе, а может, и всем людям на пользу. Зарывать в землю свои таланты[6] не приходится ни одному племени, и горе тем народам, которые, оставляя без возделывания свою почву родную, стремятся украсить себя произведениями чужой почвы, или же впадают в апатию, или же, не довольствуясь скромным уделом, мучимые честолюбием, как поляки, истрачиваются на внешний блеск и внешнее ложное могущество. Не говоря уже о том, что эти народы-честолюбцы сами лопают от натуги, — много неправды, много злого должны они совершить над другими племенами и народами, чтоб достичь своей корыстной цели.

Как вы в своей газете проповедуете о народном русском самосознании, так, господин редактор, в более скромных размерах делаем и мы, финнофилы. Еще раз, подадим же друг другу руки.

Но не ради одного сходства направлений можем мы приветствовать друг друга братски. Как я вам сказал, вопрос о государственной автономии, о независимом политическом бытии, вроде, напр<имер>, Мекленбург-Шверинского Великого Герцогства[7], не тревожит нас нисколько. Покровительство, сопряженное с верховною властью хотя бы и чуждой державы, гарантирующее нам нашу внутреннюю свободу, нашу духовную и социальную самостоятельность, не только не обидно для нашего народного самолюбия, но в мудрой и честной нашей чухне возбуждает чувство искренней и глубокой признательности. Из двух испытанных нами систем покровительства мы, без сомнения, предпочитаем шведскому русское, и вот почему.

Мы стали внутренне независимее, мы стали *народнее* с тех пор, как Финляндия присоединена к Российской империи. При владычестве шведов мы были почти шведами, жили со Швециею одною политическою жизнью, шли одним путем развития и к одной цели. Мы, при всей наружной местной свободе самоуправления, прятались за чужую, шведскую народность, смотрели на себя как на материал для воссоздания национальности шведской. Мы не сознавали себя как отдельную народность, мы забывали, что и нам дана от Господа Бога своя национальная физиономия. Низшие по рангу сословия покорно шли по следам высших, могущественнейших по богатству и образованию классов, — а эти классы были все пропитаны элементом шведским. Антагонизма между этими двумя национальностями не было, ибо одна из них, финская, еще сама себя не ведала и не сознавала. — Присоединенная к России, Финляндия освободилась от постоянного прилива шведской стихии, а между тем влияние и русской цивилизации на нас — было вовсе не сильно. Надобно признаться, что общий уровень образования в Финляндии был тогда выше нашего, русского, и что между финским, под влиянием шведов сложившимся, бытом и бытом русским не только общего ничего не было, но, напротив, существовало резкое различие. Все это для нашей нравственной самостоятельности было весьма спасительно и благодетельно. Вообще русское правительственное действие было очень мяг-

ко и мало стеснило нашу свободу. Потом — такова уже замечательная судьба России, выражающая, быть может, ее истинное призвание: везде вызывать на арену жизни элемент простонародный, или, по принятому выражению, демократический! И было бы едва ли справедливо думать, чтоб эта демократическая идея вносилась Россией в жизнь подвластных ей стран — из одних правительственных расчетов. Напротив, она нередко выступала и развивалась наперекор правительственным соображениям и тенденциям. Это все очень естественно. Будучи сама сильна и живуща элементом простонародья, Россия инстинктивною, притягательною силою тайного, ею самою часто не сознаваемого сочувствия вызывала, так сказать, из всякой чужой почвы ее демократическую подпочву. Так ли я рассуждаю, милостивый государь? Так ли, не так ли, но дело в том, что народность финляндского простонародья, т. е. финская, воскресла и ожила, и теперь растет и укрепляется живыми силами только с тех пор, как Финляндия находится в союзе с Россией, под скипетром русского императора.

В отношениях России и Финляндии надобно заметить также и то, что мы сумели внушить вам к себе — особенное уважение. Да, вы, русские, нас уважаете: финляндцы пользуются доброй славой в России! Вы нас любите больше, чем немцев, — уже и потому, что мы мало вмешиваемся в русское управление, а большею частью сидим дома и посвящаем свои силы родной стране; впрочем, и участвуя в управлении, занимая важные посты внутри империи, финляндцы не имели и не имеют никаких немецких притязаний на воспитание и муштрование русской народности. Одним словом, вот уже более 50 лет как мы соединены с Россией внешнею связью государственного единства и ни разу не ссорились, и наши народности дружны между собою, тогда как особенной симпатии к русским немцам и полякам в вас не замечается.

Разумеется также, что одною из главных и существенных причин таковых отношений было строгое соблюдение Русским правительством местных учреждений, обеспечивавших за Финляндией свободу ее внутреннего управления и оригинальность ее быта, — и дававших ей возможность возродиться в духовно-национальном смысле. Конечно, мы уже давно и очень давно не имели сейма[8], и будь у нас сейм, страна подвинулась бы несравненно дальше в отношении материального благоустройства и преуспеяния; многие обветшавшие, перержавевшие административные пружины были бы давно заменены новыми, — но и то сказать: сейм, лет 10 тому назад, при слабом еще тогда свете народного сознания, может быть, упрочил бы и поддержал бы тогда элемент ненародный, не-финский. Если когда-либо нужен был сейм, так это именно *теперь*, — и он будет, обещанный нам державною волею всемилостивейшего нашего и вашего Императора, вашего Царя и нашего Великого Князя[9], Александра II-го. В рескрипте 17 января сего года на имя председателя комиссии выборных[10] Его Величество соизволил объявить, что сейм будет созван по исполнении комиссиею своего поручения и окончании подготовлений, необходимых для его занятий. Теперь комиссия завершила свои работы и все подготовления (т. е. предварительно рассмотренные и соображенные проекты законов новых и изменений в старых законах) ею уже сделаны, и комиссия уже представила Государю Императору, вместе с результатом своих работ, всеподданнейший адрес, который вы вероятно уже знаете*.

[a] Вот этот адрес, напечатанный в «Голосе», № 93. *Ред. <И. С. Аксаков>.*

«Всеподданнейший, всемилостивейший Государь Император и Великий Князь! Таким образом изложили мы пред престолом Вашего Императорского Величества

Шведы, как и следовало ожидать, стараются всеми мерами поссорить финляндцев с русскими, но это им не удастся. Финны — народ не ветреный и не легковерный. Шведы, например, стараются рассеять здесь слухи, что обещанный сейм созван не будет, что правительство будто бы признаёт настоящее тревожное время[11] неудобным для созвания сейма! Понятно, что ничего не было бы досаднее для шведов, как если бы Финляндский сейм, законный представитель страны, торжественно, пред лицом всего мира, заявил горячую преданность Финляндии Государю Императору и неколебимо твердое решение ее остаться в неразрывном союзе с Русской империей! Такое заявление в ту самую минуту, когда Швеция уверяет себя и других, что Финляндия только и спит и видит, как возвратиться под Шведскую корону, поставило бы и Швецию, и всю либеральствующую Европу в фальшивое положение; прошлось бы тогда, вместо освободителей, явиться просто насильниками-завоевателями! — Но, повторяю, финны твердо веруют в слово своего Великого Князя, и ждут не дождутся — не возвращения к Швеции (сохрани Бог!), а созвания сейма, на котором бы они могли протестовать громким голосом против шведских козней и возобновить акт своего союза с Россией! Когда именно будет созван сейм, неизвестно. По всем предположениям — срок этот будет ускорен, — и чем скорее соберутся наши «Чины», тем лучше, тем больше доверия окажет правительство народу, тем единодушнее раздается наше финское слово в отпор шведам...

наши надежды и мнения о вопросах, коих счастливое и скорое решение возымеет в особенности влияние на нравственное и материальное благосостояние всей Финляндии. Ваше Величество, как истинный отец страны, всегда содействовали развитию ее: в этом финский народ имеет драгоценные и очевидные доказательства. Что Ваше Величество желаете производить изменения только путем, указанным основными законами, так что ни один вопрос, подлежащий, по сим законам, рассмотрению сейма, не будет решен без его содействия, в том могла страна вновь убедиться из двух Высочайших рескриптов от прошлого года на имя председателя Комиссии, пояснявших первый манифест о созвании выборных и совершенно устранивших беспокойство — не смеем утаить этого, — порожденное им. Что Ваше Императорское Величество намерены вскоре дать окончательное решение вопросам, для обсуждения коих мы были созваны, Финляндия, с живейшею благодарностью, усмотрела из всемилостивейшего рескрипта от 17 января сего года на имя председателя Комиссии выборных, где Ваше Величество соизволили объявить, что сейм будет созван по исполнению Комиссиею своего поручения и окончании подготовлений, необходимых для занятий его. Если составление полного предположения закона, основанного на всепочтительнейше выраженных нами мнениях, отдаляло бы возможность созвания сейма, то осмеливаемся всеподданнейше испрашивать отсрочить до того времени решение вопросов, подлежащих его рассмотрению. Уповая на великодушие и на отеческую заботливость Вашего Величества о стране, дерзаем высказать также надежду нашу, что, сопровождаемые благословениями ваших верных финских подданных, Ваше Величество не преминете и впредь содействовать развитию благосостоянию нашего отечества тем же путем и что за сеймом, который Ваше Императорское Величество намерены собрать теперь, последуют время от времени таковые же созвания сословий страны, и Великое Княжество Финляндское сохранит под державным и могущественным покровительством Вашего Императорского Величества свой основной, законный образ правления».

<КАК РОССИИ ГОТОВИТЬСЯ К ВОЙНЕ>

В старину был обычай: отправляясь на войну или пред вступлением в бой, русские воины приносили Богу, с сокрушенным сердцем, покаяние во всех своих грехах и неправдах, вольных и невольных, — и только очистившись исповедью и восстановив союз с Христом в таинстве Причащения, шли навстречу врагам, на «сретенье смерти». — Россия накануне войны, — войны кровопролитной и долгой. Пусть строится рать, сбирается казна и куется орудие, — ей нужно еще другое оружие, другое богатство — подъем очищенного духа, ведение и видение всех своих общественных грехов и пороков, твердая решимость возродиться к правде и истине. Напрасно бы стали малодушные «патриоты» заглушать ее слух, ублажать совесть и возбуждать ее к бодрости духа — хвалебными песнями, возгласами, тщательною утайкой ее язвин и пятен! Напрасно бы стали они налагать молчание на уста обличителей, правых и неправых, с тем чтоб оградить ее мысль от сомнения и сердце от смуты!.. Такое малодушие должно быть чуждо России. Ей прилично мужество исповеди. Ей дан от Бога великий дар, который не под силу слабым: беспощадно-чуткая совесть, неумолимая правдивость сознания, пытливость и строгость нравственного внутреннего суда. Этот дар не должен оставаться бездействен, как бы ни нарушала такая деятельность обличения и суда — самодовольный покой близорукого «патриотизма»!

И именно теперь потребна такая исповедь для России. Ввиду войны, готовясь стать на суд Божий, на суд истории, она должна прислушаться к внутреннему суду своей общественной совести, — откинуть силы гнилые и опереться на новые крепкие силы, которые обрести можно только тогда, когда всем сердцем и всеми способностями своими пожелаешь и поищешь истины.

А всем ли сердцем, всеми ли способностями своими домогается истины Россия?! Не пропадает ли у нее и до сих пор даром, бесполезно для правительства и для нее самой, *ум миллионов*? Вполне ли разверст ее слух для правды, вполне ли свободны ее уста для вещания правды? Воздает ли она должное уважение Божиим дарам — уму и слову, ценит ли, как бы следовало, святую независимость мысли? Уразумела ли важность общего совета? Оградила ли слабых — меньших своих — от произвола и насилия сильных? Очистилась ли от страшного разъедающего недуга лести и лжи? Отказалась ли от попыток подчинить свободу жизни — формализму внешнего закона и органические ее отправления заменить механизмом немецкой администрации? Создала ли, воспитала ли в себе силы общественные, кроме силы правительственной? Вполне ли, наконец, отреклась от административных преданий Петербургского периода нашей истории [1]: вполне ли признала права русской народности, вполне ли Русью стала Россия?..

Пусть каждый из нас строго допросит себя и по совести даст ответ. Пусть каждый в общем грехе, в общем недуге признает и за собой свою долю вины; пора перестать, как это делалось прежде, сваливать всю вину на одно правительство, возлагать ответственность за все дурное на одно правительство и от

одного правительства чаять спасения! Правительство набирает своих деятелей из нас же самих, из нашей общественной среды, и если эта общественная среда не в состоянии сама выработать уважение к свободе мнения, к достоинству и правам личности человеческой, и сознательно проникнуться началами русской народности, — если эта общественная среда сама ленится умом и душою, жмурится от света истины и затыкает уши, чтобы не слышать горького слова правды, то она не воспитает, не даст ни стране, ни правительству способных и доблестных граждан. Мы не должны забывать, что настоящая пора для нас несравненно труднее, чем лет 10 тому назад, перед началом Восточной войны. В то время мы еще могли предаваться различным самообольщениям и пробавляться одним патриотическим возбуждением духа, оставляя зарытыми Богом данные нам таланты. В то время еще позволительно было думать, что внешняя вооруженная сила государства и правительственная деятельность — заменяют вполне силу и деятельность общественную, земскую, свободную и самобытную. Но теперь, после урока, заданного нам Восточною войною, мы должны, наконец, сознать лежащую на нас историческую повинность и нести ее с полною гражданскою добросовестностью. Эта повинность заключается не в одном «принесении на алтарь отечества жизни и достояния» — такие жертвы никогда не пугали и не испугают русского человека, — а в принесении еще других, бескровных и бескорыстных даров на алтарь родной земли, — даров мыслящего и непрестанно трудящегося духа. Да, мы уже не можем в 1863 году довольствоваться простодушным «патриотизмом» 1853 года, и как ни драгоценен дар жизни и достояния, который как тогда, так и теперь готова принесть Россия, мы можем сказать ей словами поэта:

...Твой скуден дар. — Есть дар бесценный,
Дар, нужный Богу твоему:
Ты с ним явись, и, примиренный,
Я все дары твои приму:
Мне нужно сердце чище злата
И воля, крепкая в труде,
Мне нужен брат, любящий брата,
Нужна мне правда на суде... [2]

Нужно уважение к мысли и слову, нужна деятельность мысли и слова, нужно знать и разуметь свои исторические грехи и неправды, допытываться настоящей причины зол и бедствий, нужно верить в силу истины, любить и уважать свободу жизни и человеческого духа!..

Конечно, сравнивая Россию 1863 года с Россией 1853-го, мы не можем не придти ко многим утешительным выводам. Мы положительно считаем Россию нынешнюю могущественнее России тогдашней; в эти 10 лет совершился один из громаднейших *бытовых* переворотов, какие когда-либо переживала Россия. Уничтожено крепостное право, уничтожены откупа [3], уничтожены телесные истязания [4], дан пятилетний отдых России от рекрутских наборов [5], преобразована армия, обещаны: новый суд, «расширение общественных прав» [6], некоторые другие реформы. Во всех этих отношениях целая бездна отделяет Россию 1863 от России 1853 года, и мы не можем не чувствовать самой горячей признательности — виновнику всех этих облегчений [7], снявшему многой гнет с Русской

земли! При всем том — эти 10 лет не устранили, однако же, некоторых существенных хронических недугов, на которые явно указал нам вещий голос истории, громко раздававшийся в событиях Восточной войны. Мы видим и теперь преимущественно деятельность правительственную, а не общественную; мы видим достойные всякой похвалы усилия администрации и в то же время тщету этих усилий там, где призвана действовать и — бездействует, от внешних причин, нравственная сила самого общества. Мы видим либерально распоряжающуюся власть, облагороженное и благодетельное начальство, — и то, что́ так характеристично называлось прежде «казенщиной», теперь является проводником и орудием самой благонамеренной административной заботы, — но при всем том общество еще не отучено ходить под опекой и на помочах, а потому и не проявляет деятельности и сил, нужных правительству и народу. Еще по-прежнему господствует правительственная инициатива (иначе — вчинание), столь тягостная для самого правительства. Самые начала — не внешние, а внутренние, духовные, так сказать, начала и основы нашего государственного и общественного строя — остаются пока те же, — та же ненародность административной системы и общественного развития, то же неверие наше в жизнь, в народ, в свободу!.. Мы еще по-прежнему не любим правды и наклонны ко лжи, еще сохраняем старую способность самообольщаться — как прежде внешним могуществом России, так теперь нашим «либерализмом», «справедливостью» и «гуманностью»... Разумеется, и в этом отношении мы сделали значительные успехи. Цензура стала гораздо снисходительнее сравнительно с 1853 годом, и этому свидетельству, данному «Днем», у которого двадцать две статьи в нынешнем году остались ненапечатанными, можно верить; наконец, и русской истории возвращено право *правды* до 1724 года[8] на основании V пункта временных правил[9], тогда как лет 10 тому назад официальное исправление исторических фактов согласно официальным потребностям доходило иногда до X века. Благодаря событию последней войны и нынешней правительственной системе — подобные явления, пережитые нами, представляются теперь как страшный тяжелый сон, которому с трудом веришь. Но нельзя не заметить в оправдание прежнего времени, что тогда многое извинялось ослеплением, происходившим от преувеличенного понятия о нашем могуществе, и какою-то всеобщею тупостью сознания. Теперь же, когда свет бьет нам ярко в глаза, когда вновь приходится России быть в ответе перед спросом истории и вооружиться всеми состоящими в ее распоряжении внешними и духовными силами, — требования России от самой себя должны быть несравненно взыскательнее и строже: было бы непростительно выжидать, чтоб новые уроки истории вновь вразумили нас — в чем мы по старому грешны и слабы и в чем должны исправиться...

Мы накануне войны. Мир латино-германский грозит рушиться на мир православно-славянский, олицетворяемый для него Россией. Готовы ли мы? Войска наши в сборе, оружие запасено, народ одушевлен решимостью не уступать дерзкому врагу ни пяди земли и не позволить ему вмешательства в наш внутренний распорядок, — но готовы ли мы тою духовною силою, которую дает только сознание своей лжи и твердая решимость стать на стезю правды? — За русским народом дело не станет; дело за обществом и за администрацией: пусть только верят они в русский народ и пребудут верны русской народности, оставив всякие поиски за добрым мнением о нас Запада!..

В этом отношении не можем мы скрыть того неприятного, тяжелого впечатления, которое произвела на нас статья, напечатанная по-французски в «Journal de St.-Pétersbourg» [10] и потом, в переводе, в «Северной Почте» (№ 111), статья, служащая ответом двум иностранным газетам [11], разразившимся самыми грубыми клеветами на Русское правительство и русских солдат по поводу крестьянской расправы с поляками — русскими помещиками Витебской губернии графом Платером [12], Молем [13] и другими. Нам было обидно читать, как старается русская официальная газета оправдать наше правительство в глупых и безобразных обвинениях, возводимых на него каким-нибудь «Morning Post» [14], — обвинениях в том, что оно переодело русских солдат в крестьян-старообрядцев и заставило их грабить помещичьи усадьбы и оскорблять «благородных дам». «Были ли свидетели этого отвратительного переодеванья? — спрашивает русская газета. — Видел ли кто русских солдат бритых, превращенных в крестьян с бородами?» В опровержение этого «Journal de St.-Pétersbourg» приводит даже свидетелей с нашей стороны, графов Борха, Шадурского, г. Жабо, и старается успокоить Европу уверением, что граф Шувалов [15], посланный на место для исследования, «освободил всех пленных (поляков), виновность которых фактически не доказана», заставил крестьян (уничтоживших замыслы витебских помещиков из поляков) «выдать из среды своей тех, которые участвовали в грабеже» (и которые не избегнут заслуженного наказания, прибавляет русско-французский журнал), «испросил новых распоряжений в пользу арестованных» и «принял меры, чтобы обеспечить безопасность личную и имущественную» помещиков вроде Моля и К°. Мы ничего не говорим против принятых мер, но мы сочли не лишним распространиться несколько о статье «Journal de St.-Pétersbourg», потому что в ней, как в зеркале, отражается наше духовное и гражданское подобострастие перед авторитетом Европы. Если эта газета взяла уже на себя обязанность опровергать клеветы на Россию, то пусть лучше отвечает она не на газетные толки, а на речи английских ораторов в палатах парламента. Обвинения, высказываемые этими речами, получают несравненно более важности от места, в котором они произносятся. Так, например, нельзя равнодушно читать те строки из речи г. Грегори, которые напечатаны в 112 № «Московских Ведомостей» [16]. Стараясь доказать, что сочувствие южных славянских племен в России слабо, Грегори позволяет себе утверждать, что всякий серб на вопрос: хочет ли он сделаться русским подданным, «горячо ответит, что предпочитает свою независимость и свободу и не желает подчиниться мановению русского губернатора» и «быть сосланным в Сибирь за выражение каких-либо мнений». Никто из русских никогда и не мечтал о приведении сербов в подданство России, но причины, почему серб предпочитает свою независимость, — вот чтó требовало бы энергического опровержения со стороны «Journal de St.-Pétersbourg», вот чтó бы мы желали видеть заклейменным названием клеветы!..

Ноты иностранных держав, сколько нам известно, еще не получены, но заграничная журналистика уже заранее ознакомила публику с их главными основаниями. Если эти сведения верны, то западные державы дошли до последних пределов дерзости не столько в форме, сколько в содержании, и дипломатический разговор отныне становится почти невозможен. — Мы не говорим

уже о перемирии, переименованном в более скромное название «амнистии», — мы поражены посягательством на политическое государственное устройство самой России. Австрия, вместе с Францией и Англией, предлагает нам ввести у себя нечто вроде организации, данной знаменитым патентом 20-го октября[a] [17], т. е. учреждение провинциального Польского сейма на основаниях Австрийской конституции, т. е. с рейхсратом или государственным сеймом; одним словом, поставить Польшу в те же отношения, в каких находится Галиция к Австрии. Не входя в подробную оценку этой меры, мы не можем не выразить искреннего негодования на то, что Австрия смеет кичиться пред нами каким-либо преимуществом в деле свободы и уважения чужих национальностей и напоминать нам некоторым образом то, что́ мы храним в наших преданиях, о чем красноречиво говорит наша русская история как о средстве для разрешения вопроса. Мы разумеем здесь, конечно, не австрийскую конституцию, которой никто из русских никогда и не пожелает, которая еще вовсе не увенчалась полным блистательным успехом и в самой Австрийской империи, — а сеймы, несколько напоминающие наши совещательные собрания: Земские соборы и Думы. Конечно, Русское правительство отвергнет все эти наглые непрошеные советы и соблюдет вполне честь и достоинство Русской державы и русского народа, — но тем не менее наше народное самолюбие возмущается мыслью, что европейские государства принимают на себя роль наших опекунов и благодетелей и ревнуют о нашей политической свободе у нас дома! Они будут возглашать в своих лживых прокламациях, что несут нам дар либеральных политических учреждений, и в энергическом отказе Русского правительства захотят видеть не решение всей Русской земли, а выражение одной правящей власти. Мы верим, что дружный единодушный отпор всего русского народа рассеет наконец дерзостное самообольщение наших врагов, — но, если бы найдено было средство услышать голос Русской земли не в одних только адресах, этот голос еще убедительнее показал бы Европе, как тесна связь Русского государства с народом и как излишне для нас австрийское напоминание о наших Земских соборах.

[a] *У Аксакова опечатка*: 2-го октября; *исправлено нами.*

<НАРОДНОЕ ОДУШЕВЛЕНИЕ ВО ВРЕМЯ ПОЛЬСКИХ СМУТ>

Русский народ не ветрен, не легкомыслен, — это все знают; в этом согласны между собою его друзья и враги: он не вскипает кипучим гневом при малейшем оскорблении его чести; не воспламеняется как порох от искры слова; не податлив на увлечение военною славой, не браннолюбив, туг на энтузиазм, враг ложных восторгов и театральных эффектов; мужественный, разумный, бодрый, он отличается наклонностью к миру и долготерпением. Народ по преимуществу *бытовой*, он не снедаем политическим честолюбием, жаждою завоеваний и воинских успехов, как, например, соседи его, поляки. — Кроме 1812 года, когда неприятель ворвался в самое сердце России, он довольно равнодушно и безразлично жертвовал своею жизнью во всех войнах и кампаниях, которые предпринимало государство в Петербургский период нашей истории. Даже в последнюю Восточную войну, ознаменовавшуюся такими изумительными примерами русского мужества, — народное одушевление сравнительно с нынешним было довольно слабо; народ охотно повиновался, но не вызывался на подвиг повиновения, не проявлял в себе той способности и силы начинания, — той инициативы в отражении врагов, в защите русской народной и государственной чести и целости, какая проявляется в нем в настоящее время. Не только адресы, но все доходящие до нас известия единогласно свидетельствуют о том глубоком — именно глубоком, серьезном одушевлении, которое обхватило, проникло, пробрало, так сказать, весь русский народ, его мысль, его волю — всю его душу. «Точно Егорий Храбрый [1] встал и ходит по Русской земле!» — восклицает в письме к нам из провинции один из наших корреспондентов, — умный и беспристрастный наблюдатель крестьянского быта.

Что́ же это значит? Какая же причина такого воинского одушевления, таких небывалых со стороны простого народа — проявлений любви к России и к Государю, такого участия, выраженного народом, во внешней истории, во внешнем, по-видимому, чисто государственном интересе? — «Помилуйте, народ бездушная масса, ему нет дела до высокой цели и значения борьбы; он знает, что война поведет за собою рекрутский набор, которого он пуще огня боится, — а пожалуй, еще усиление податей и повинностей: при этих действительных жертвах и страданиях может ли он сочувствовать вашим отвлеченным историческим интересам? Не все ли ему равно, убавилось ли или прибавилось России наполовину и в какой она чести у других государств?..» Так говорили у нас еще очень недавно «практические» и «благоразумные» люди; так и действительно было прежде: по крайней мере, все бывшие доселе примеры, казалось, нисколько тому не противоречили. Но то, что́ совершается теперь, выше разумения этих практиков, и они или стараются набросить тень сомнения на искренность народного голоса, или же с изумлением пожимают плечами, тщетно отыскивая разгадки.

В самом деле, что́ же это такое? что́ возбудило и расшевелило народное чувство? Повода к такому народному негодованию, какое было в 1812 году, оче-

видно, не имеется. Тогда враг предстоял пред русским народом не призраком, а воочию, возвещал о себе не молвою и не газетами, а огненным и кровавым шествием; зарево московского пожара пылало в небе над всею Русскою землею от края до края. Не было надобности ни в каком искусственном возбуждении или в отвлеченном толковании о целости и единстве России: достаточно было простого чувства самосохранения, чтобы воздвигнуть народ и спасти Россию. В настоящую же пору война не только не объявлена, но войною даже и не угрожают, — по крайней мере формально; да и нового появления дванадесяти язык[2] в самой средине России вовсе и не предвидится. Следовательно, не грубый, понятный, осязательный факт насилия — причиною нынешнего народного одушевления... Чтó же? Неужели народ так горячо принял к сердцу дипломатическое вмешательство европейских держав, оскорбился нотами Росселя, Друэн де Люиса, Рехберга, Мирафлореса[3], выходками и нападками западных журналистов? Но, по уверению «Северной Почты», оскорбления нет и оскорбляться нечем, да и нельзя предположить, говорит она, чтоб такие данные имели место, потому что, «оскорбляя Россию, они были бы чрез то унизительны и для самой Европы, шедшей путем долгого опыта к сознанию политического приличия»; были только «дружественные представления»...[4] Хотя, в противность этому успокоительному уверению «Северной Почты», все почти адресы[5] выражают оскорбленное национальное чувство, да и повод к адресам дан был вовсе не Польским восстанием, а именно дипломатическим вмешательством Европы, — тем не менее трудно, казалось бы, предположить даже в простом народе такую чуткость, такую щекотливость чувства государственной и народной чести... Так не от того ли готовится народ к войне с таким одушевлением, что проснулась в нем старая ненависть к старому историческому своему врагу — Польше, о нашествии которой в XVII веке — хранятся до сих пор живые предания, говорят летописи, свидетельствуют неумирающие имена Пожарского и Минина, церкви, крестные ходы, памятники? 1612 год — эпоха изгнания поляков из Москвы и воссоздания русского государственного бытия, есть, без сомнения, эпоха лучшей народной деятельности в нашей истории, наша слава и наша гордость. — Знакомый враг! ведомая вражда! борьба бывалая! не впервой русскому *народу*, именно *народу*, а не только государству, тягаться с Польшей... все это, конечно, немало способствует народному одушевлению: предмет войны *понятен*, и это главное. Однако же в 1831 году, когда так же бунтовала и воевала Польша, — народ, собственно простой народ (кроме Малороссии), мало принимал участия в патриотическом энтузиазме тогдашнего общества, хотя притязания поляков на Западный край предъявлялись и тогда с не меньшею наглостью, как и ныне.

Чтó же остается предположить? То ли, что вещее сердце народа чует громадное историческое значение предстоящей борьбы, еще не раскрывшееся сознанию сильных и мудрых, вождей и правителей, — еще не обнаружившееся в событиях?.. Сказывается ли в народе его исторический инстинкт и слышит он непосредственным своим чувством, что спор идет не об одном обладании тою или другою областью, но о результатах, добытых десятью веками его страдной поры, о его правах на новое бытие, к которому прожитое тысячелетие было только подготовлением, — об окончательном торжестве или окончательном падении русско-славянской народности как всемирно-исторической силы? Но откуда же взялся этот инстинкт, которого не замечалось прежде? Неужели же

эти грубые, невежественные народные массы получили способность что-либо слышать и чувствовать? с каких пор, давно ли?..

При первом веянии свободы, с 19 февраля 1861 года, — с той поры, как сняты узы крепостного права и народ вошел, так сказать, в круг действующей истории, в общий цельный состав организма, — одним словом: *зажил!* — нет ни малейшего сомнения, что в нем пробудилось и живет теперь чувство своего бытия — исторического, гражданского, земского, и чувство это не смутно, а ясно, отчетливо, полно жизненной силы. Всеми этими «золотыми грамотами»[6] и лживыми манифестами[7] можно было еще надеяться обольстить и поколебать народ несколько лет тому назад: все эти попытки сокрушаются теперь об гражданскую совесть и гражданский смысл граждански существующего и сознающего себя народа! Если есть народ в мире, заслуживающий полнейшего, безоглядочного гражданского доверия со стороны правительства, — так это, конечно, русский народ! Обратитесь к официальным данным: что́ говорят они вам? Какое первое употребление делают крестьяне из своей свободы? Какой первый всеобщий гражданский акт, совершаемый ими? — Бездоимочный взнос государственных податей, такой взнос, какого *никогда* не бывало: из сведений, напечатанных в «Русском Инвалиде», видно, что с начала года до сих пор поступило податей на 8 миллионов больше, чем в прошлом году, несмотря даже на недочет в податях в Западно-Русском крае, где в одной Ковенской губернии, например, вследствие Польского мятежа недобрано 300 000 рублей. Мы говорим здесь, собственно, не о помещичьем оброке, а о податях, об исполнении народом своих обязанностей в отношении к государству и о понимании этих обязанностей. «Теперь война, и царю деньги нужны», — говорит народ — и нет недоимок, для взимания которых *во время оно* правительство вынуждено было иногда прибегать к таким крутым и тягостным мерам!.. То же самое повторится и с рекрутским набором, когда он будет объявлен. — Народ знает, что теперь война, толкует об ней, не чувствует себя чуждым общему государственному интересу, как прежде, и считает себя обязанным — всеми мерами содействовать власти, которой он вполне верит....

В «Сборнике пословиц» Даля[8] есть замечательная пословица: «царь думает, народ в е д а е т», — и это ведение в самом широком смысле слова, в смысле самостоятельного, сознательного знания, и предполагающее самую искреннюю взаимную доверенность царя и народа, — вот чего желал бы русский народ и что́ представляется необходимым условием для успешного действия власти; блистательнейшее тому доказательство мы видим именно в бездоимочном сборе податей и в одушевленной готовности народа на всякие жертвы в случае войны, о которой он не только *знает*, но отчасти и *ведает*. Нельзя сказать, чтоб эта готовность не послужила могучей нравственною поддержкой правительства перед Европой и не озадачила западных держав, привыкших к мертвому безмолвию русской народной жизни! Если и теперь еще встречается порою недоброхотство в народе к исполнению своего народного долга, так это потому только, что *ведение* его еще не полно.

Да, русский народ был постоянно не понят и оклеветан как чужими, так и *своими*, — но своими еще больше. Наши писатели, наши историки долго смотрели на него в немецкие или французские очки, видели западную республику в Новгороде, французского революционера в Стеньке Разине, стремление к федерации в стремлении к единству[9]; наше высшее образованное общество

или презирало народ, или боялось его и постоянно подозревало в нем кровожадные инстинкты. Если представить себе всю Русскую землю в картине, то нельзя без сожаления смотреть, как на темном, строгом фоне народных масс выделяются, с поразительной дисгармонией, щеголеватые и не русские фигурки русских, преимущественно санктпетербургских, штатских и нештатских джентльменов. Серый армяк и санктпетербургский фрак — какое неизмеримое расстояние между ними! Сличая их, невольно думается, что не понять им друг друга, никогда не сойтись ни в чувствах, ни в помышлениях! Конечно, вновь пробужденная в России жизнь спешит зарыть бездну, разделявшую общество от народа, но не закроется эта бездна, если мы, вместо сближения с народом, будем от него отдаляться, будем с раннего возраста воспитывать наших детей за границей и научим их — по-немецки бояться русского простого народа и отказывать ему в доверии! Наступит ли когда конец тому колоссальному историческому неразумению, какое существовало так долго между простым народом и высшим слоем народа, между серым армяком и санктпетербургским фраком, между русскими и русляндцами [10], — между Русью и официальной Россией?! Авось либо предстоящая борьба с Европой поможет разрушить нам это тягостное недоразумение и докажет и нам и миру, что наша сила, наша крепость, наше спасение — только в народе и в народности, только в отречении от немецких преданий нашей новейшей, послепетровской истории, и в полнейшем доверии правительства к русскому обществу и народу: всякое сомнение, всякое опасение — есть исчадие духа иноземщины, — было бы вредом для России!..

<В ЧЕМ СИЛА РОССИИ?>

«Стоит только русскому императору отпустить себе бороду — и он непобедим» [1], — сказал гениально Наполеон, проникая мыслию из своего лонгвудского уединения в тайны исторической жизни народов [2], — еще темные, еще не раскрывшиеся в то время сознанию просвещенного мира. Едва ли нужно объяснять, что под символом «бороды» разумеется здесь образ и подобие русского народа, в значении его духовной и нравственной исторической личности. Другими словами: пусть только Русское государство проникнется вполне духом русской народности, и оно получит силу жизни неодолимую и ту крепость внутреннюю, которой не сломить извне никакому натиску ополчившегося Запада.

Полезно припомнить это слово Наполеона I-го ввиду загадочных действий Наполеона III — как будто готовящих нам войну и ополчающих на нас снова весь Запад. Неужели племянник забыл слово дяди, — он, не оставивший праздным, обновивший в своем сознании всякое изречение, всякую мысль этого, по выражению русского поэта, «огромного человека, расточителя славы»? [3] — Чем объясним мы теперь такую азартную игру французской дипломатии в вопросе о Польше? За кого принимает император французов Россию, что не боится своим вмешательством, своими предложениями — вызвать в ней именно ту силу, которую разумел первый император, обсуживая после 1815 года исторические судьбы России? Думает ли Наполеон III, что Россия уступит? Но чем же заслужили мы такое презрительное мнение о нас, и разве мы не те, что были в 1812 году и в тот период времени, когда Наполеон I-й томился на острове Св. Елены под стражею Океана?

Нельзя и думать, чтоб Людовик-Наполеон забыл изречение родоначальника Наполеонидов, — и остается предположить, что он в словах дяди о России видит только одно указание: чем бы должна была быть Россия, но чего, однако, в действительности, по мнению Наполеона III-го, она вовсе не представляет. Он ошибается; он не видит, что возможность приблизиться к источнику силы всегда при нас и с нами; он не подозревает, что мы несравненно ближе теперь к этому источнику, чем были 50 и 45 лет тому назад, что этот — засоренный всяким мусором, свезенным с заднего двора Европы, — источник начинает наконец нами расчищаться. То, что́ составляет наше действительное могущество, то остается до сих пор невидимым и неведомым Западу; то, напротив, что́ он видит и ведает, что́ способен понимать и ценить, что́ только и может назваться могуществом с его точки зрения, — то, без всякого сомнения, представляется ему слабее его собственного могущества. Только этою ложною оценкой нашей настоящей кровной силы и можно объяснить ту слепую самоуверенность западных держав, с которою они предприняли свой дипломатический поход на Россию. Частные сведения, полученные нами из Парижа и помещаемые нами ниже в этом же № [4], подтверждают такое предположение: как лет 10 тому назад существовало в Европе преувеличенное понятие о нашем внешнем могуществе, так и теперь господствует там не только преувеличенное, но совершенно

ошибочное понятие о нашем будто бы государственном бессилии [5]: доказательством может служить также французская статья о нашем войске («impuissance militaire» *), вызвавшая ответ «Русского Инвалида» [6]. Впрочем, ошибка Европы не в этом: ее выводы, пожалуй, и верны и согласны с ее логической посылкой — на внешние признаки могущества и силы; ошибка в том, что эти условные признаки нисколько не выражают истинной меры нашего могущества. Постараемся стать на точку зрения Европы — Людовика-Наполеона, например, и посмотреть на Россию его глазами: как и чем представляется ему Россия?

Ему, как и всей Европе, Россия известна только своею европейски-принаряженною стороною, только в европейском костюме, надетом на нее Петром I-м; — костюм, или мундир, был щеголеват, пояс перетягивал ее стан в рюмочку, и она в глазах европейцев представлялась статным и красивым молодцем; но мы все хорошо понимали и чувствовали, что этот мундир был тесен и узок, члены отекали кровью, движения были несвободны и вялы. Этот мундир наконец стал лопаться по швам, а наконец позволено было и правительством расстегнуть его на все пуговицы: мы вздохнули легче, и, вольные, мы возвратили себе свободу движений и гибкость членов, — но очень может быть, что этот расстегнутый и лопнувший кое-где мундир представляется и не совсем красивым для европейского глаза, кажется ему признаком какой-то распущенности и дряблости. Чтобы не вводить его в смущение и соблазн, следовало бы и совсем отказаться от мундира и надеть свое русское платье. Это сравнение с мундиром довольно наглядно поясняет нашу мысль. Европа знает Россию только со стороны государственной и воображает, что она создана Петром, существует единственно как мысль и дело Петра. Петербург называют окошком, прорубленным из России в Европу [7]; действительно, только в это окошко и сквозь это окошко и глядит Европа на Россию, а потому и судит о России только по Петербургу. Она убеждена, что могучая империя, которой она так долго и неутомимо боялась, жила только благодаря своему могучему бюрократическому механизму и своим внешним материальным средствам. В благонадежность этих внешних средств она в первый раз перестала верить со времени Восточной войны и, замечая теперь некоторое расстройство в бюрократическом механизме, льстит себя приятной надеждой, что все силы империи, крепость и связь частей ее окончательно подорваны: она не может понять, что это расстройство для нас спасительно, совершается вполне сознательно и свидетельствует о стремлении не только России, но и правительства — заменить механизм прежней немецкой администрации естественною свободою органических, до сих пор стесненных отправлений. Европа видела только могучую централизацию, какое-то наружное, отвлеченное, государственное единство, и не подозревала присутствия повсеместной не государственной, а бытовой жизни, — которою Россия есть, живет и движется, она не понимала, как глубоко вкоренено в русском народе сознание единства и целости Русской земли, какая исполинская сила лежит в этой возможности ощущать и чувствовать себя пятидесятимиллионным братством!..

От взора Европы укрывалось до сих пор, что только подкладка, так сказать, внутренней органической силы давала движение и силу петровскому государственному механизму, что только Русью жила и держалась Российская импе-

* «военное бессилие» (*фр.*).

рия, несмотря на все преграды, положенные органическому развитию Руси — безусловным господством западной цивилизации, отступничеством русского общества от русской народности и вообще немецкими мастерами и подмастерьями государственных дел. От взаимного отношения народной Руси и официальной России — зависит мера истинной, а не мнимой силы Русского государства. Когда мы были сильны в смысле западном, — мы были слабы в нашем народном, русском смысле, и эта слабость не замедлила обнаружиться в Восточную войну. Мы возвращаемся теперь к источнику силы и являемся слабыми в глазах европейцев! Это понятно. Нам остается им показать — какова наша настоящая, не мишурная сила.

Но, может быть, возразят нам, Запад и не сомневается в истине изречения Наполеона I, но он убежден, что Петровская реформа уже навеки оторвала нас от источника жизни и крепости, что иссяк этот источник, что подсох корень могучего дерева. Может быть, и действительно Запад рассчитывает так: «что мы, русские, уже неспособны к возрождению в смысле народном, что в России существует только одна официальная, так сказать, казенная Россия, и народная Русь давно заглохла, — а с официальной Россией ему не трудно будет справиться; что Россия 1812 года, внушившая Наполеону слова, приведенные выше, была цельнее России 1863 г., представляющей заметное разложение своих общественных элементов, которого не было прежде». И в самом деле — количество штыков у нас теперь меньше, чем было десять лет тому назад, курс на наши деньги стоит ниже, бумажных денег больше, а положение дел в Варшаве должно представляться человеку, совершившему переворот 2 декабря[8], явлением — или непонятным, или же понятным только как симптом, как признак, вполне благоприятный для всякого постороннего вмешательства во внутренние дела России; как залог, наконец, нашей непременной уступки всякому строгому и соединенному требованию Западной Европы. При таких *внешних признаках* нашего могущества почему же и не предъявить таких требований? Россия на войну не пойдет, рассуждают европейцы, а если и пойдет, так 1812 год теперь не возобновится: «она слишком объевропеилась, чтоб проявить суровую, "варварскую" энергию той эпохи, ее правительство никогда не решится опереться на народные массы, ее государственные принципы слишком резко противоречат началам русской народности, ее государственные люди никогда не отважатся и неспособны даже прибегнуть к мере, указываемой Наполеоном I, — и это противоречие, разлад и недоразумение между народом и государством помогут одержать нам легкую над Россией победу». Так рассуждают иностранцы, таково общественное мнение об нас всей Европы, таково, вероятно, мнение и Людовика-Наполеона, и министров британской королевы!

Но они ошибаются! Мы верим, что только разочарование принесет им война, если она состоится, а едва ли она может не состояться при таком взгляде на нас Европы: да и нам, кажется, не остается другого средства, чтобы разбить ее ложные надежды, сокрушить ее корыстные расчеты, добиться вновь подобающего нам почета и отвадить ее от охоты вмешиваться в наши внутренние дела. Мы должны явить миру, что Русь жива и существует, что внешние признаки слабости и разложения суть признаки нашего внутреннего перерождения; что, наконец, то, что в 12 году являлось только эпизодически, плодом сверхъестественного напряжения народного духа, пробивавшегося сквозь толстую кору казенности и тупости русского общественного сознания, то, надеемся мы, ско-

ро станет нормальным ходом русской народной и государственной жизни. Нам предстоит доказать, что наши общественные недуги — только накожные нарости, — или, вернее, сыпь, освобождающая организм от внутренней болезни и свидетельствующая о выздоровлении: пусть только не вгоняют ее внутрь насильственными репрессивными мерами и пособят ей высыпаться свободно... Европа должна будет убедиться, что имеет дело не с государством только, но со всем русским народом, и что польский есть именно вопрос не правительственный, а всей Русской земли, — что, наконец, не латинским и немецким стихиям разрешить этот вопрос и умирить Польшу: этот вопрос может быть разрешен и Польша умирена только свободным воздействием на поляков и на нас самих — духовных и органических сил русского народа, без всякого постороннего вмешательства, нашею собственною властью и соизволением!

Европа не может понять, но ей придется понять, что Петровская реформа, задержавшая на время внутреннюю жизнь народного организма, оказала ту историческую заслугу России, что вызвала к деятельности народное самосознание, просветила мыслью наши бытовые и непосредственные силы, заставила понять и уразуметь духовную сущность наших народных начал, оценить, наконец, по достоинству пригодность и пользу того могущества, порядка и благоустройства, на которые потрачено было столько сил и которыми думали у нас во время о́но гордиться! Мы прозрели. Вне народа и народности не спасут нас никакие системы самой лучшей немецкой отделки, никакие штуцера бельгийской работы и пушки английского изобретения, никакие советы, примеры и приемы действий французского императора, никакие дипломатические союзы: мы сами должны быть *с собою в союзе,* — а этот союз для нас возможен только тогда, когда мы вполне отречемся от русских преданий Петербургского периода нашей истории. В этом единственно залог нашей победы и успеха.

Мы, может быть, накануне войны; вспомним же и мы, сами для себя, изречение Наполеона: «стоит русскому государю отпустить себе бороду, и он непобедим...»

<ОТЧЕГО БЕЗЛЮДЬЕ В РОССИИ?>

Обратимся снова к нашему гражданскому, не военному арсеналу, — арсеналу орудий для мирной борьбы и деятельности. Мы уже сказали, что прежде всего поражает наше внимание недостаток в России гражданской честности в самом тесном или обыкновенном смысле этого слова. Этот роковой недостаток лишает правительство возможности располагать надежною исполнительною силою, т. е. иметь необходимое число честных и верных исполнителей низшего разряда. Мы говорим *низшего* разряда потому, что в деятелях разряда высшего — честность, т. е. отсутствие корыстолюбия, предполагается само собою; по крайней мере, образование, состояние и общественное положение представляют некоторое ручательство в том, что обладающий этими условиями менее склонен (выразимся прямо) к взяточничеству и лихоимству, нежели бедный, мелкий, полуобразованный чиновник. Конечно, бывают случаи, и у нас чаще, чем где-либо, что вся эта блестящая обстановка жизни не в силах воздержать не только чиновника, но и сановника от корыстолюбивых поползновений, но эти случаи, однако, не более как исключение. Жалуясь на «безлюдье» (эта жалоба раздается теперь отовсюду, как в обществе, так и в административных сферах), разумеют обыкновенно под этим словом не один недостаток *честных* людей, но по преимуществу недостаток людей *умных*, способных. В самом деле, заглянув в арсенал и пересматривая те «ресурсы», которые имеет Россия в живых людях, перечитывая ярлыки с надписями свойств и качеств в тех деятелях высшего разряда, которые поставлены нашим обществом в распоряжение гражданской администрации, мы найдем «верность», «благонамеренность», «энергию», даже «честность», — всего реже встречаем мы «ум». Да, *ума* мало запасено в нашем арсенале, и мы, право, не знаем, чего меньше в России — *честных* ли людей или *умных*?.. Мы разумеем здесь, конечно, не высшие только сферы управления и не одну гражданскую иерархию, но и все наше общество, а в обществе — не ту или другую личность, а весь общественный умственный уровень. Умные люди во всех сферах деятельности у нас наперечет, а в некоторых, по преимуществу официальных, они являются какими-то одинокими блестящими исключениями. Что это, к несчастию, справедливо, о том свидетельствует самая эта жалоба на *безлюдье*, постоянно раздающаяся и в Петербурге и Москве, и в министерских, и в частных гостиных. Конечно, с этим согласиться обидно, и даже очень обидно, но признайтесь, читатели, какой же другой смысл может иметь эта жалоба? А отрицать подлинность этого факта, т. е. *жалобы* на *безлюдье*, едва ли кто станет! Поезжайте в клуб, прислушайтесь к разговорам, и вы удостоверитесь, что, посудив и порядив об общественных и правительственных делах, перетасовав все должности и должностные лица, перебрав всех деятелей и даже кандидатов на звание деятелей, разговаривающие в заключение обыкновенно пожимают плечами и прибавляют: «людей у нас нет, — безлюдье!» И этим заканчиваются беседы не в одних клубах, но и за зеленым и за красным столом[1] на Неве, на Мойке, на Фонтанке, на Екатерининском канале и т. д. — Стало быть, по свидетельству самого же общества

и администрации — мы бедны умом, бедны способными, т. е. умными людьми!.. А между тем теперь ходом истории выдвинут запрос не на энергию и даже не на другие качества души и сердца, а именно на *ум*, ни на что́ более, как на *ум*.

Требование на ум!.. Всполошились интенданты[2] нашего арсенала, роют, шарят во всех углах, заглядывают во все щели — нет ли чего-либо похожего на ум и способность, хоть и не отвечающего всем кондициям интендантства, но сколько-нибудь близко к ним подходящего. Но ничего почти не находят, кроме недоброкачественного товара, слежавшегося, затхлого, выветрившегося и к употреблению негодного, поставленного казенным комиссариатом. Требование на ум! А где его взять? Занять?.. Но мы и без того уже постоянно жили чужим умом, — и легкость, с которою производился этот заем, — одна из причин нашего собственного скудоумия. Мы долго жили чужим умом и платили за это дорогими процентами — нашею честью, нашею духовною независимостью, нашею нравственною самостоятельностью, но наконец убедились, что чужой ум все-таки не может заменить нам *свой* и что события призывают теперь к действию и к ответу пред судом истории именно *наш* ум, а не заемный; что самый заем стал нам обходиться слишком дорого, что проценты, требуемые заимодателями, возросли до чудовищного размера. Конечно, Россия не без умных людей, но количество их ничтожно в сравнении с потребностью в умных людях, предъявляемой всеми отраслями управления. Если б дело шло только о войне, то, конечно, можно было бы обойтись одним пожертвованием жизни и достояния, но теперь, как нарочно, ни жизни, ни достояния не требуется, а требуется только ум, ум и ум, — и на это-то требование и сверху, и снизу, и со всех сторон слышится одно: «людей нет, безлюдье!»

Что́ же это значит? Откуда эти отчаянные вопли о безлюдье? Отчего так редок у нас ум и, напротив, в самых образованных и высших слоях общества так много глупости и пошлости? Неужели и в самом деле Россия так обмелела, так оскудела умом? Куда же он девался, куда запропастился, что́ с ним сталось? Неужели действительно мы обделены этим Божьим даром? Внутреннее сознание говорит, что *нет*, но в то же время в арсенале, за немногими исключениями, мы находим только — благонамеренность и малоумие, энергию и малоумие, честность и малоумие, бесчестность и опять малоумие или даже тупоумие...

А между тем, по общему единогласному свидетельству иностранцев, русский простой народ *умнее и даровитее* простого народа *всех* стран Европы; русский мужик стоит по своему *природному* уму несравненно выше французского, немецкого, итальянского мужика. Никто за эти слова не вправе упрекнуть нас в пристрастии; повторяем, этот отзыв о русском народе принадлежит не нам, а самим иностранцам. Да, наша природная умственная почва несравненно здоровее, доброкачественнее и восприимчивее *природной* же почвы других образованных европейских народов; умственный и душевный кругозор нашего народа, при известной степени его развития, шире кругозора других народов при той же степени развития. Отчего же такая несоразмерность и несоответственность между почвой и ее продуктами? Как объяснить это явление, как согласить это богатство ума снизу и малоумие сверху? Куда девается, куда испаряется этот ум, спросим мы опять?..

Отвечать на этот вопрос нетрудно. Это явление объясняется тем особенным путем развития, который проходит у нас ум, переставая быть непосредствен-

ною народною силою, — тою постепенною отчужденностью от живых источников питания, хранящихся в народном материке, которая становится уделом ума по мере изменения его жизненной обстановки на высшую. Оно объясняется, наконец, духовною разобщенностью с народом нашего общества, ненародностью, искусственностью нашей образованной среды и множеством разнообразнейших условий нашего общественного, гражданского и политического устройства. У всех прочих образованных народов отношение простого народа к своим высшим классам есть отношение невежественной и неразвитой силы духа к силе того же духа, но просвещенной и развитой. Общество там представляет народ на высшей степени его развития; там развитие есть действительно прогресс и сила. У нас развитие есть большею частью оскудение и ослабление, у нас вся жизненная и творческая сила сосредоточена в неразвитости и, развиваясь, слабеет и оскудевает. Очевидно, что все зло в неправильности, в противоестественности развития, которому подвергается у нас все — вне первичной простонародной формации.

Мы удивляемся, что до сих пор ни одному художнику не пришло в голову представить в живых образах судьбы ума, похождение ума в России. Было бы в высшей степени любопытно проследить, как этот русский ум, выходя из почвы, постепенно вянет в неблагоприятном воздухе общественной среды, мутится, слабеет, никнет, чахнет, искривляется и кончает тем, что или совсем гибнет, или же находит себе примирение в односторонности, суживается в меру, необходимую для спокойного и благополучного существования, выветривается, разменивается на мелочь, — пошлеет, пошлеет до отвратительности. Было бы чрезвычайно поучительно наблюдать этот процесс постепенного превращения русского народного, всеми признанного ума — в ум наших гостиных, наших клубов (упоминаемых нами здесь только потому, что они сами себя считают представителями общественного мнения), наших дворянских собраний, нашей общественной и официальной среды. Если бы можно было хоть на миг забыться, стать свежим человеком и перенестись в любое село, то, всматриваясь в русских мужиков, трудно было бы понять, трудно было бы поверить, что возможны в России жалобы на безлюдье, что мы и в самом деле страдаем безлюдьем. На кого же падает вина в безлюдье, кого осуждает, кого бранит общество, жалуясь на безлюдье? Само себя безлюдным именует общество, другими словами, — само себя объявляет малоспособным и малоумным!

Да и в отношении к одному ли уму представляется такая противоположность между русским народом и русским обществом? Умный народ — малоумное общество; бодрый, трудолюбивый народ — ленивое, вялое общество; народ, способный к самоуправлению, тысячью лет доказавший эту способность и доказывающий ее поныне, — и общество, только болтающее о самоуправлении, но до сих пор решительно ничем не доказавшее своей способности к самоуправлению, или, скорее, доказавшее свою неспособность. Говоря «общество», мы по преимуществу говорим здесь о нашем дворянстве, которое, почти сто лет обладая довольно широкими правами и привилегиями Екатерининской грамоты [3], не сумело ими воспользоваться, ничего не сделало для блага страны. Мы разумеем дворянство, которое недавно возымело, без всякого к тому основания, высочайшее мнение о своих политических способностях и, предъявляя политические притязания, не в состоянии даже поддержать мирового института и развить местную общественную жизнь, — и которое устами одного из сво-

их литературных представителей и ревностнейших защитников дворянских интересов, провозгласило недавно, что крестьянское самоуправление вздор и «не имеет смысла в России» и что при будущем, им чаемом политическом устройстве России крестьянство должно быть устранено как особый политический элемент, дабы не было *розни* и дабы всюду водворилось единство российского дворянского духа. Тот же литературный орган[4] назвал российское дворянство *солью* Русской земли, тем самым названием, каким назвал Христос своих апостолов[5], — но это название странно мирится с собственными жалобами дворянства на *безлюдье*, т. е. на неспособность и малоумие деятелей, поставляемых дворянскою же средою. Остается подумать, что эта *соль уже обуяла* и что ей *осолиться нечем*[6], — но не слишком ли уже солоно придется дворянству от такого логического вывода?

Есть чем осолиться и нашему дворянству: соль Русской земли есть сам наш простой народ, и эта соль, слава Богу, еще не обуяла. Но о дворянском и крестьянском самоуправлении и о политических вожделениях нашего общества речь еще впереди; мы и без того распространились далеко за края поставленной нами самими задачи и постараемся возвратиться в берега, так сказать, в русло нашей статьи.

Итак, мы сказали, что в нашем арсенале орудий для мирного гражданского дела — крайний недостаток в людях *честных* и *умных*. Это не наша выдумка, а это доказывается всеобщими жалобами на безлюдье. Стоит только оглядеться кругом, чтобы убедиться в справедливости этих жалоб. Теперь представляется запрос на честность, — качество, необходимое в деятелях низшего разряда, и на ум — качество, необходимое для деятелей разряда высшего (предполагая, что честность в них уже имеется), а этими-то качествами мы и бедны.

При этом возникает вопрос: действительно ли мы бедны умом или же только беден наш арсенал и виноваты интенданты, которые не умели запастись вовремя даже тем количеством ума, которым все же располагает наше общество? Одним словом, можно ли судить по состоянию нашего арсенала об умственном состоянии нашего общества, и воспользовался ли арсенал всеми теми средствами, какие представляет наша общественная среда? Собрал ли и привлек ли он к себе все какие есть «способности» (capacités) нашего общества или же остается немало — праздных и не призванных?

Наконец, по состоянию нашего арсенала и нашей общественной среды, или, лучше сказать, по степени ее духовной производительности вправе ли мы заключать вообще о нашем народе, об умственной силе России?

На этот последний вопрос мы уже отвечали. Мы уже указали на ту неизмеримую разницу, ту поразительную противоположность, которая существует между умом нашего народа и скудным умом общества, между нашею народною силою и общественным бессилием, между гением неразвитых масс и бездарностью образованных единиц. Но, всматриваясь ближе, мы находим здесь еще два вопроса, две стороны дела: отношение народа к обществу и отношение общества к арсеналу общественных орудий гражданской и преимущественно официальной деятельности. Если наш общественный умственный и духовный уровень вообще невысок и стоит ниже народного духовного и умственного уровня, или, вернее сказать, — ниже того уровня, который должен был бы возноситься над уровнем народных масс, невежественных и неразвитых, но так богато наделенных всеми духовными дарами, — то, с другой стороны, нельзя

не сознаться, что, каково бы ни было умственное развитие нашего общества, оно все-таки богаче нашего арсенала. Оно все же обладает в своей среде способностями, которые не принадлежат к официальному списку ресурсов, состоящих в распоряжении нашего гражданского арсенала.

Итак, наш органический умственный прогресс совершается в обратном движении: чем выше, тем ниже и слабее; чем ниже к почве, тем выше, тем плодотворнее и крепче; постепенность этого обратного прогресса выражается — простым народом, обществом, чиновничеством всех разрядов. Наше чиновничество, разумея тут вообще гражданских деятелей, стоит, за немногими исключениями, вообще ниже нашего общества, — жалующегося на безлюдье. Если б оно стояло выше, не было бы места и жалобам; общество, в свою очередь, стоит ниже того народа, которому должно служить выражением и которого почти вовсе не выражает.

В подробнейшее изыскание причин такого странного отношения общественного умственного уровня к народному мы входить не будем. Мы уже указали на слабость органической народной силы в нашем общественном развитии, на ту малую долю участия, которое имеют в общественном воспитании наши народные начала, на отчужденность нашего общества от народа. Прежде времени и благодаря насильственным мерам выгнанный из земли стебель, питаясь не столько соками родной почвы, сколько соками отовсюду навезенного разнородного назема[7], щедро наложенного на почву, вытянувшийся не в меру, лишенный свежего воздуха и естественного орошения — замененных воздухом тепличным и орошением искусственным, сочиненным, — такой стебель не может иметь ни силы, ни крепости, ни принесть здорового плода. Говорить снова о перевороте Петра, нарушившем правильность нашего органического развития, было бы излишним повторением. Мы могли бы кстати, говоря об *уме*, припомнить слово, приписываемое Кикину и хорошо характеризующее наше умственное развитие. Предание рассказывает, что Кикин на вопрос Петра, отчего Кикин его не любит, отвечал: «Русский ум любит простор, а от тебя ему тесно»[8]. Может быть, это предание совершенно неверно, — г. Устрялов даже совершенно отрицает подлинность этого факта[9], но здесь сила не в факте, а в самом предании. Мы могли бы упомянуть здесь и о том порядке, заведенном Петром, в силу которого ум миллионов остается бесплоден для общества, для правительства, для всей страны, — но все это повело бы нас слишком далеко. Нам достаточно заявить и утвердить то положение, что наше общественное «безлюдье», общественное «бессилие», общественная гражданская «неспособность» — не должны быть отнесены к вине русского народа — умного, сильного и вполне способного.

Обращаясь затем к отношению общества к нашему гражданскому арсеналу и изыскивая причины безлюдья в наших административных сферах, мы должны указать сперва на безлюдье самого общества вообще; во-вторых, на те препятствия, которые мешают администрации пользоваться даже теми немногими ресурсами, которые имеются в обществе; в-третьих, наконец, на то странное перерождение, которое совершается в деятелях, поставляемых от общества, по мере их сближения с официальною сферою.

Очевидно, что общество, находящееся к народу в тех отношениях, на какие мы указывали, не в состоянии, кроме немногих исключений, воспитать вполне доблестных и разумных граждан. За всем тем есть и исключения, есть, нако-

нец, люди, если и не вполне отвечающие нашему народному идеалу, но всё же и умные и способные. Но они нередко и даже большею частью не находят себе доступа в сферы высшей гражданской деятельности благодаря табели о рангах [10] и некоторым административным предрассудкам. Нет сомнения, что табель о рангах и эти предрассудки уступят со временем место более разумному воззрению на способ удовлетворения административной потребности в людях, — и тогда, конечно, окажется способных людей более, чем ныне, — но покуда все эти предрассудки продолжают существовать, хотя и не с прежнею силой. К числу их принадлежит, например, понятие о нравственном преимуществе военных чиновников пред штатскими, или о всесторонней способности к занятиям по всем отраслям администрации людей, носящих военный мундир и эполеты. Известно, что еще недавно молодому офицеру, особенно гвардии, бывали открыты все пути государственной деятельности, если после десятка лет гвардейских упражнений в С.-Петербурге он успевал достигнуть высшего из адъютантских званий. Вообще гораздо выгоднее, гораздо легче было сделаться участником высшего государственного управления ловкому, хотя и ничему не учившемуся гвардейскому офицеру, нежели ученому кандидату или магистру университета [11], трудящемуся на штатской службе. Если, жалуясь на безлюдье, мы проследим карьеру людей, у нас действующих, то окажется, что мы нисколько не преувеличили, и эти чисто теоретические замечания имеют важность практическую немалую.

Но нельзя не сознаться затем, что официальная среда имеет у нас странное свойство до такой степени отрешать людей от живой действительности и от самой общественной среды, что они теряют нередко и ту способность, ради которой их выдвинуло вперед само общество. Живая струя народности все же проникает, хотя и слабо, в жизнь нашего общества, но при переходе из общественной в официальную сферу даже и эта струя большею частью оскудевает. Всякий из нас замечал то странное явление, что человек, живший, так сказать, под одним кровом со всеми прочими, неслужащими смертными, знакомый с их потребностями, а также со всеми видными снизу, но невидными сверху недостатками администрации, наконец, точно так же порицавший администрацию за «незнание России», за неведение практической жизни и «народного духа», — что этот человек, поступив на службу и подвигаясь выше в гражданской иерархии, точно так же теряет смысл действительности, становится если не во враждебное, то в постороннее отношение к обществу и как будто тупеет. Говоря о безлюдье, мы не можем не вспомнить, что ведь не безлюдьем же была вся эта масса служащих людей при начале своей деятельности или в свои молодые годы. Чтó же с ними сделалось, куда девался, куда девается, спросим мы опять, ум в России, доходя до тех пределов, где именно он-то и нужен? Это, как мы уже сказали, свойство самой среды — ее бюрократической, отрешенной от жизни атмосферы и полнейшей безответственности деятелей пред обществом. Общество и администрация у нас как два лагеря, как два разобщенных мира, из которых первый находится к другому в каком-то подчиненном, если не во враждебном отношении. — Нельзя сказать, чтобы люди, переходящие из одного мира в другой, из общества в среду официальную, непременно беднели умом и смыслом, — хотя и это случается от разобщения с живою действительностью, — но у них переменяется оптика, и предметы представляются им уже иначе, чем прежде. С которого чина совершается эта метаморфоза или с кото-

рого места? С чина большею частью генеральского и с места большею частью такого, которое дает в руки власть, налагая вместе и ответственность пред высшим начальством за употребление власти. Обращаем внимание наших читателей на это постепенное превращение, постигающее наших лучших людей в их служебной карьере. Часто, слушая жалобы на недостаток людей или на неспособность наших деятелей, нам приходит в голову, что если бы жалующийся сам вступил в круг этой деятельности, то через несколько лет он подвергся бы общему со всеми упреку — в неспособности, в непонимании России и народного духа, в незнании жизни — и был бы отчислен к безлюдью!

Мы пишем не трактат, а газетную статью. Мы только намечаем явление, мы не исследуем его во всю ширь и глубь. Мы считаем нужным возбудить заботливость нашего общества о самом себе и поставить перед ним ряд вопросов, выдвигаемых жизнью и требующих ответа. Верны или неверны наши собственные соображения о причинах явления, но самое явление, несомненно, есть жизненный факт и сказывается печальными последствиями в нашей современной действительности. Это явление — безлюдье; это явление — недостаток честности в массе деятелей низшего разряда и *способности* или *ума* в деятелях разряда высшего. Без ума плохо — в этом, кажется, все согласны. А между тем как нарочно, благодаря тому что польский вопрос не исчерпывается внешним явлением мятежа и навязывается нам как полонизм, как нравственная и умная сила, — требуется теперь от нас не столько энергии, не столько развития внешней воинской силы, сколько силы внутренней и нравственной, сколько ума, ума и ума. Богатство ума и духовной силы, невиданное миром богатство, дано от Бога русскому народу; это признают все... Как же сделать, чтоб ум народный не пропадал даром, чтоб общество было умно умом народным и, в свою очередь, снабжало администрацию в лице своих деятелей этим умом, возведенным на высшую степень развития, — образованным и просвещенным народным умом? Что этому мешает? какие препятствия? Возможно ли исправление для этого нашего общественного недуга? Есть ли исход из нашего печального, рокового положения? Вопросы важные, жизнь требует ответа, время не ждет.

<О НЕОБХОДИМОСТИ ЛИЧНОГО ПОДВИГА ДЛЯ ПРЕУСПЕЯНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ЖИЗНИ>

Много может личная воля человека; много блага дается совершить — всякому хотящему блага! Нет власти выше власти верующего, убежденного и стремящегося духа; не существует неудобств, ни тесноты, ни безвременья для подвигов правды и братолюбия, — и кто измерит меру добра — по силам каждому человеку? Кто из нас вправе себе сказать, что он восполнил *весь* круг доступной для него деятельности на пользу людям, что он истощил *все* усилия, испытал *все* средства, что дальше пройденного идти некуда и больше сделанного делать нечего? Кто решится объявить по совести, что во всех неудачах, постигших его благие намерения, виноваты одни внешние обстоятельства, а с его стороны не было и нет ни малейшей вины и от него ничего не зависело и не зависит? Можем ли мы вообще слагать вину с себя на внешние обстоятельства — во всех печальных явлениях нашей общественной жизни и, умывая руки, признавать себя к ним непричастными и за них не ответственными? Не все ли мы виноваты и каждый из нас порознь, — и независимо от внешней неблагоприятной обстановки всё ли мы совершили, что́ совершить в нашей власти?..

Читателя удивит, а пожалуй, и оскорбит такое нравоучительное вступление, которое, — быть может, заметит он, — не содержит в себе ничего нового, а только вариацию на старую-престарую, всем и каждому давно известную истину — еще с детства и из прописей. Но что́ же делать, если эта истина позабыта, если в конце концов всё сводится к ней — к значению личного нравственного подвига человека — и к ней же примыкают все наши внутренние гражданские вопросы? Эту всем известную, но мало в ком плодотворно пребывающую, «ветхую деньми» [1] истину следует оживить новою жизнью в нашем общественном и личном сознании. — Мы знаем, что последние наши статьи задели за живое — самолюбие значительной части публики. Говорили, между прочим, что, осуждая общество, мы не берем в расчет «внешние обстоятельства», что, упрекая и порицая, мы не указываем — что́ же именно делать. Ответ наш пока очень прост. Что́ делать?! Делать *честно* то, что́ предлежит каждому делать — в кругу его гражданских обязанностей; делать *все* то, что только возможно сделать; *хотеть*, неослабно и горячо, сделать все то благое, чего, по-видимому, даже нет возможности сделать, — полагать душу в дело, не скучать препятствиями, не свыкаться и не мириться со злом... Вот что́ *прежде всего* надлежит делать, а потом можно будет думать и о том, что́ еще делать следует. — Впрочем, во избежание разных неблагоприятных толкований предупреждаем читателя, что, рассуждая с ним о нравственных истинах, мы вовсе не берем на себя обязанности проповедника или учителя и вовсе не свидетельствуем тем, что наши наличные действия согласны с этими истинами; напротив, силу для наших слов почерпаем мы из собственного личного печального опыта и на самих себе испытываем справедливость наших упреков. В наших словах нет ни лиризма, ни пафоса, а указание весьма практического характера: сказанное нами может

быть подтверждено не только с нравственной, но и с утилитарной точки зрения — с точки зрения пользы, спокойными и холодными доводами логики. Чтобы отнять у нашей статьи характер отвлеченного нравственного трактата и сразу объяснить читателю связь этой статьи с предыдущими и практическую сторону наших рассуждений, мы обратим его внимание на некоторые примеры русской общественной жизни.

Скажите: чем может быть оправдано на ваших дворянских выборах назначение недостойных людей на важные административные и судебные должности? Зачем семнадцать лет сряду в одной знакомой нам Уголовной палате избирается все один и тот же пустой, глупый, пошлый человек? Какая причина заставила недавно дворянство в NN губернии допустить к участию в выборах — людей, опороченных самыми низкими, формально, по следствию обличенными преступлениями? Столько лет сидел на месте исправник NN в такомто уезде; 50 тысяч жителей стонало от этого человека, а этот человек выбран дворянством! Зачем нет правды у нас на суде, правды, которая возможна при всех несовершенствах судоустройства? Зачем вымогают взятки даже те, которые не умирают с голоду? Зачем продажность наших чиновников вошла в пословицу в России и за границей? Зачем честные люди, принявшись горячо за свои гражданские обязанности, скоро остывают, позволяют себе лениться, уклоняться от своего — конечно, часто невзрачного и не громкого, медленного и скучного, — но тем не менее благотворного подвига и мало-помалу уступать в борьбе?.. Такие поступки ничем оправданы быть не могут и доказывают только слабость *личной* гражданской нравственности в нашем обществе. Мы имеем привычку жаловаться на правительство, обвинять во всем систему правления, искать корень всякому злу во внешних обстоятельствах, в историческом ходе всего нашего развития. Но историческое оправдание не есть *личное* оправдание; историческое оправдание не упраздняет личной ответственности; так называемая историческая логическая необходимость не устраняет деятельного участия личной воли, и ничто не освобождает человека от обязанности исполнить свой гражданский долг, пока есть хоть малейшая физическая возможность его исполнить. А кто измерит эту возможность? Говоря строго, — никто не исчерпавший до дна эту возможность или не совершивший вполне личного нравственного подвига, ему доступного — не вправе жаловаться ни на какие внешние обстоятельства. Какое правительство, какая система, какая внешняя неодолимая сила могла и может заставить выбирать в председатели Сидора Сидоровича и в предводители Гордея Гордеевича? Не будемте лгать и сознаемтесь, что всему виною личная наша дряблость и легкомысленное отношение к общему делу, — недостаток воли, недостаток характеров, недостаток крепких и цельных убеждений. А кто знает: если бы мы исполнили до конца наши обязанности, если бы мы поступали честно, только *честно*, там, где имели полную возможность поступать честно; если бы мы, несмотря на всю искусственность, все недостатки дворянской грамоты [2], добросовестно действовали в пределах предоставленных ею прав, — ведая, что наши действия отразятся немедленно практическими последствиями в жизни миллионов людей, — кто знает, может быть, тогда сами собой бы исчезли или ослабели гнетущие нас обстоятельства!..

Обстоятельства! Мы постоянно ждем от обстоятельств извне — какую-то панацею для всех наших общественных зол и бедствий! Обстоятельства долж-

ны нас сделать героями нравственности и честными людьми; обстоятельства же имеют произвести в нас спасительный переворот, излечить от апатии, отучить от игры в лото и вообще, без всякого нашего труда и беспокойства, снабдить нас гражданскими характерами, всякими добродетелями и доблестями! Мы будем нынче назначать в должности людей недостойных, будем нынче уклоняться от общественных обязанностей, лениться в клубах, воспитывать детей за границей, — и вдруг в одно прекрасное утро, с переменою внешних условий, выйдет как-то так, что мы самым комфортабельным образом превратимся чуть не в Катонов![3] Мы не отрицаем того влияния, которое имеют на общественную нравственность внешние обстоятельства, порядок правления, приемы администрации и проч., но думаем, что степень этого влияния зависит от силы противодействия в самом обществе: чем слабее противодействие, тем полновластнее господствует влияние внешних обстоятельств, и наоборот: чем сильнее нравственный отпор, чем упрямее борьба, чем больше людей совершают тот нравственный личный гражданский подвиг, совершать который не может возбранить им никакая власть в мире, — тем скорее общество подчинит себе внешние обстоятельства.

Пусть читатели, ставши на точку зрения, объясненную приведенными выше примерами, посмотрят с ее высоты и на прочие явления нашей общественной жизни. Пусть спросят себя: можно ли что́ строить прочное и незыблемое на такой шаткой и рыхлой почве, какова наша общественная гражданская нравственность? Что́ затрудняет все преобразования? Что́, к стыду нашему, должно по необходимости приниматься и принимается в расчет при всяких нововведениях и реформах? Наше равнодушие к общему благу, наша лень, наша апатия, наша вялость, наша уступчивость всякому злому напору, наша ненадежная добросовестность, некрепость наших убеждений, трусость борьбы и труда. Всеми этими нашими нравственными свойствами мы только упрочиваем силу неблагоприятных обстоятельств и не обеспечиваем себе лучшего будущего даже при перемене обстоятельств! Не законы создают общественную нравственность, но общественная нравственность может или упразднить, или пересоздать самые законы, — и никакие учреждения, хотя бы писали их мудрецы мудрейшие в мире, не принесут добра без содействия *личной доброй воли* тех, для кого они предназначены. Про Англию говорится, что она сильна — не благодаря своим законам, а несмотря на свои законы; мы прибавим к тому, что она сильна не конституцией, ибо та же конституция, примеренная на Франции и на Пруссии, оказалась бессильною дать те же плоды, как в Англии, — но ее конституция сильна — нравственною доблестью ее граждан. Повторяем: мы нисколько не отрицаем важного значения законов и учреждений, но мы думаем, что сила законов и учреждений зиждется на личной нравственности членов общества, что в конце концов все оказывается зависимым от личного нравственного подвига, от личной деятельности граждан и что русское общество страдает именно недостатком нравственной энергии, личного нравственного развития своих членов.

В самом деле, *личность* у нас слаба и шатка, и ни о чем мы не должны так заботиться, как об укреплении личной воли, о развитии личных характеров, о твердости убеждений или о согласии убеждений с делом, о просвещении нашего нравственного разума, об усовершенствовании личной нравственности. Мы говорим здесь, конечно, не о нравственности в *частной* жизни человека;

мы касаемся только нравственных отношений каждого лица к гражданской общественной жизни... Нам могут заметить, что указанный нами недостаток есть наше национальное свойство. Действительно, эта шаткость личной нравственности проявляется у нас не только в дворянском, но и во всех слоях общества без исключения. Силу России составляет, бесспорно, простой народ. Народ, как мы уже однажды говорили, конечно, состоит из отдельных единиц, имеющих каждая свою личную разумную жизнь, деятельность и свободу, но каждая из них, отдельно взятая, не есть народ, а все вместе составляют они то цельное явление, то новое лицо, которое называется народом и в котором исчезают отдельные личности. Поэтому народ не есть собрание единиц, а живой, цельный организм, живущий и действующий самостоятельно и независимо от лиц, составляющих народное множество: организм, где каждый живет не личным умом, а *народным*, крепок не личным, а народным сознанием (процесс которого совершается иным путем и порядком, нежели в отдельном человеке), — и где самая нравственность определяется скорее обычаем, бытом, нежели личным убеждением единиц. Но как скоро кто отрывается от народа и начинает жить личным умом, личным сознанием, как скоро кто не состоит уже под законом непосредственного быта и не поглощается в народе, а между тем жизнь, питание и сила, получаемые им из народа, постепенно слабеют, — то уже необходима ему поддержка *личного* просвещения и *личной* нравственности: при низком же развитии и того и другого он не выдерживает искушений и падает. Мы видим это ежедневно на всех крестьянах, вышедших из своей среды: удивляясь нравственному смыслу и духу *народа* как народа, — мы должны сознаться, что отдельная единица того же народа, перестав быть живою частью народного организма и явившись как *личность*, — нередко точно так же удивляет нас своею личною слабостью и неблагонадежностью. Покойный Хомяков говаривал в шутку, что русские люди могут идти в рай только деревнями, общинами. Это шутка, но в основании ее лежит много серьезной правды. Поэтому так и нужно нам нравственное развитие и укрепление личности. Здесь поневоле напрашивается рассуждение о значении личности вообще и о сравнении западного начала индивидуализма с нашим общинным началом, но мы избегнем этого громадного вопроса и скажем только, что дело идет не о том злом начале личности, которое разумеется в западном понятии об индивидуализме и которое в сущности есть поглощение общего — личным и возведение эгоизма в принцип, — но о высоком начале личности христианской. Это высокое начало, призывая к внутренней духовной свободе каждую личность, поставив ее в личное отношение к Богу, дав каждой личный нравственный подвиг, поглощает, напротив того, личный эгоизм, все злое, присущее личности, — началом любви и посвящает ее на служение братьям-людям. Нет сомнения, что это начало живет в нашем народе, но живет на степени непосредственного чувства, или, вернее сказать, живет в общем народном сознании и недостаточно сильно в личном сознании единиц. Между тем нравственное развитие личности в христианском смысле в народных единицах вовсе не значит выделение этих единиц из народа, вовсе не исключает их из жизни народного организма, и не только не должно расстраивать его цельности, его духовных органических отправлений, но, напротив, может только лишь усилить и возвысить их общий нравственный строй. Теперь, когда после внутренних потрясений, испытанных нашим народным бытом, непосредственная сила его, жившая в единицах, не-

сколько ослабела и замешалась, — необходимо более чем когда-либо воспитание и утверждение *личного* христианского начала в народе. И мы убеждены, что *христианское просвещение*, коснувшись народных единиц, может укрепить *личную* нравственность в народе, не нарушив нисколько начала общинного и цельности народного организма. — Тем более необходимо такое нравственное развитие и укрепление личности нашему обществу.

Как бы то ни было, но Россия представляет именно это явление: при крепости и нравственной высоте простонародного общинного быта *личность* отдельных единиц, отрешающихся от этого быта народных масс, оказывается слабою и шаткою, — с одной стороны, не способная избрать путь эгоистического индивидуального развития, как на Западе (что́ должно быть поставлено ей в заслугу); с другой — не имея сил подняться на ту высоту, на которой она может развиться как христианская личность. Без всякого сомнения, развитие христианской личности несравненно труднее индивидуального эгоистического усовершенствования и требует от нас несравненно бо́льших усилий. Поясним это примером: западное чувство *чести* (польский гонор, point d'honneur), занесенное к нам с Петра, в нас очень слабо; понятие это крайне ограничено, условно и просто глупо; чувство *чести* запрещает простить оскорбление и заставляет людей убивать друг друга, чувство чести не запрещает обманывать женщин, — человек не нарушает требований чести исполнением бесчестного приказания и т. д. Все, что́ есть доброго в практических результатах чувства *чести*, достигается вполне началом *честности* в человеке, началом высшим, нравственным, положительным, несравненно более животворным. Мы, русские, неспособны удовольствоваться ограниченным понятием *чести* — к тому же чуждым нашей народности, нашим нравам; мы не умеем поработить себя ему духовно; пред нами предносится высшее понятие — *честность*, но честность требует личного подвига, внутреннего личного подъема, — и на деле выходит, что, имея идеал бесспорно высший, чем прочие западные народы, мы стоим ниже их в практической жизни, бедны и честью и честностью. По этому примеру можно судить и о прочих наших свойствах и качествах. Что́ же предстоит нам делать? Нам следует прежде всего стараться о воспитании, просвещении и укреплении в каждом из нас христианской *личности*, — о развитии в себе *честности* вместо условного и плохо к нам прививающегося понятия *чести*. Нам следует — и никто, никакое правительство, никакие обстоятельства, кроме нас самих, нам в том не помогут — нам следует произвести собственными усилиями реакцию нашей общественной нравственности — чрез подъем нашего личного духа, — обратиться с строгими требованиями к себе самим. Мы должны проникнуться убеждением, что судьба нашего дорогого отечества зависит от личного нравственного подвига каждого из нас и что никакое внешнее могущество не прочно и не спасет Россию — при мертвенности нашего *личного* духа, при слабости нашей *личной* гражданской нравственности, при отсутствии в нас деятельной, движущей нравственной личной воли!

До сих пор мы говорили преимущественно о добросовестном отношении к гражданскому долгу во всей полноте его пределов. Но этого еще мало, или это еще не все. Кроме понятия о *долге* — силы бесспорно могучей, — есть деятельность, есть предприимчивость, есть творчество любви — силы бесконечно высшей, живой, зиждительной, всемогущей. Мы разумеем здесь, конечно, не только любовь к людям и к общему благу вообще, не только любовь к своей

земле, к своему народу, но и любовь как живой нераздельный элемент всякого искреннего крепкого убеждения, как присущую ему неотъемлемую силу, переводящую его в жизнь в дело. А что́ может устоять против силы такого убеждения? Убеждение — власть; человек убежденный есть «власть имеющий»[4]... Убеждений, убеждений — вот чего нам недостает!

Предприимчивость любви не знает вопроса: что́ делать. Она изыщет, что́ делать. Тут даже нельзя ссылаться на внешние неудобства, на тесноту и безвременье: она всегда найдет время и везде сумеет очистить себе довольно простора для добрых дел... И поверьте, читатель, простора много для личной благой деятельности человека в России, по крайней мере для нравственного личного влияния. Сколько добра, сколько свежего воздуха, сколько света вносит с собою умный, добрый, честный, деятельный человек в глушь и мрак невежественной среды иного провинциального уголка! Личное влияние способно пожинать у нас богатую жатву, а твердое, честное убеждение всегда оказывает влияние на окружающих, кто бы они ни были. Стоит только хотеть и дерзать, горячо любить и горячо желать, неутомимо идти, неослабно стремиться к цели, и если вы не вполне ее достигнете, то все же достигнете многого, чего, казалось бы, судя по внешним условиям, не было никакой возможности достигнуть!.. Да, крепость убеждения способна подчинить себе, властию чисто-нравственною, могущество внешнее; личный характер смиряет пред собою владык мира, — сила личного духа побуждает и движет народы. Даже на Западе, где, казалось бы, отношения людей между собою регулированы до математической точности, до порядка и исправности механизма, — даже и там всецелая преданность убеждению способна творить чудеса. Ничем другим нельзя объяснить значение Гарибальди и необъятный успех его дела[5], как именно этою нравственною силою духа, полюбившего одну мечту, устремившегося к одной цели. Люди-практики, подсмеивающиеся над значением нравственных сил в жизни и подчиняющие всё расчету внешних условий, пусть растолкуют себе это странное явление, что человек, не наделенный ни богатством, ни выгодами происхождения, ни гением полководца, ни особенным умом, ни высшими дарами знания, — человек не мудрый, не обладавший никакими внешними преимуществами, — ничем, кроме пламенной преданности своей идее и нравственной чистоты духа, человек, «много полюбивший»[6] без примеси личного эгоизма и тщеславия, — был равносилен, сам, своею одинокою личностью, целым могущественным державам. В этом смысле явление Гарибальди на горизонте наших времен в высшей степени отрадно. Еще довольно простора для нравственной личности человека!

Мы вовсе не приглашаем наших почтенных читателей метить в Гарибальди, — но мы можем указать им пример более доступный и близкий. Был у нас в России граф де Мезон[7] (если не ошибаемся), который вздумал обратить кочующих ногайцев в оседлых, просветить и, так сказать, — облюдить их, доставить им удобства более цивилизованного существования. Мысль дерзкая для частного человека! И несмотря на это, *положив душу в дело*, лет через 30 он достиг своей цели, и тысяч 20 ногайцев благословляют его память. Да и сколько примеров могли бы мы привести тому, что́ способна и у нас совершить личная воля человека!

Любовь к России, любовь к своему народу — призывают нас к делу, требуют от нас не мужества воина, не энергии разрушения, не стойкости, презирающей смерть, — а мужества гражданина и упорного деятельного труда, творящего

и зиждущего. Нас ждет не борьба на поле битвы, а несравненно более тяжкая борьба в жизни гражданской, борьба ежедневная и повсюдная. В этом отношении не худо нам поучиться и у врагов. Чем бы ни объяснялся польский патриотизм, но этот патриотизм, способный на всякие нравственные и материальные жертвы, патриотизм, где личный эгоизм поглощается любовью к отечеству или, вернее, к мечте об отечестве, представляется едва ли не большею силою, чем наш патриотизм, — не способный противопоставить никакого нравственного отпора иноземному влиянию, прогуливающийся в числе 275 тысяч особей в чужих краях, воспитывающий русских детей за границей и добровольно лишающий их благ народности, — пятящийся назад, когда его приглашают проявить себя тяжелою гражданскою службою в Западных губерниях, тратящий тысячи на французские перчатки и ложи в Итальянской опере и жертвующий копейки на облегчение страждущих братий, на содействие русской народности в Западном крае! — А теперь, силою судеб, вопрос польско-русский сложился именно так, что мы не найдем ему разрешения, если будем по-прежнему самоублажать себя в своем патриотизме и довольствоваться отечественною деятельностью, хотя бы и очень почтенною, *Английских* клубов[8] *Российского* царства; если не противопоставим полонизму всех наших нравственных сил, освободя их от внутренних недугов и плевел, если не будем так же готовы для гражданской и общественной борьбы, как и для военной, если не выдвинем в поле, рядом с военною ратью, крепких убеждений, личных нравственных подвигов и несокрушимой любви — не только к единству и целости, но и к тому, ради чего желанно единство и целость, — к высокому нравственному призванию русской народности! Здесь есть где и над чем потрудиться каждому, и каждого ждет успех, только бы верил он, как сказано нами в начале, что много может личная воля человека, много блага дается сотворить — всякому хотящему блага!

<О СВЯЗИ НАШЕГО ОБЩЕСТВЕННОГО ВНУТРЕННЕГО ВОПРОСА С ПОЛЬСКО-РУССКОЮ ЗАДАЧЕЙ>

Теперь, когда нам нечего опасаться скорой войны, когда нам не грозит никакая коалиция и вообще по части внешней политики всё для нас обстоит благополучно, — попробуем теперь снова оттянуть внимание нашего самодовольного общества от внешних государственных интересов — к интересам внутренним и общественным. Патриотическое самодовольство — дело хорошее и в настоящем случае, во сколько оно возбуждено нашим дипломатическим торжеством [1], вполне законное. Желали бы мы только, чтоб общество могло ублажаться точно таким же самодовольством и по отношению к нашему внутреннему общественному положению. Но, кажется, общество не в таком настроении духа, чтоб задумываться слишком долго над вопросами не политическими. И слух и взор его направлены сочувственно к интересам политическим, военным и полицейским. Такова черта времени; так устроили события, и в этом нет ничего удивительного и даже странного. Настоящей войны нет, и жаждущему славных подвигов обществу приходится, за неимением воинских, довольствоваться подвигами полицейскими. Такое, с одной стороны, сильное развитие получила русская общественная жизнь, так, с другой стороны, сложились обстоятельства польского дела, — что те необходимые отправления государственной жизни, которые до сих пор тщательно отделялись от жизни общественной, совершались, так сказать, вне общественного участия, — теперь некоторым образом стали общественным делом и достоянием. К таким *необходимым* отправлениям государственного организма мы относим, бесспорно, — полицию явную и тайную и, отстраняя вопрос о качественности явления, мы только указываем здесь на тот факт нашей общественной жизни, что никогда полицейская функция государства не пользовалась у нас бóльшим сочувствием общества, как в наше время. Если во времена Грибоедова Фамусов выразился о дамах, что они «к военным людям так и льнут, а потому, что патриотки» [2], — то современный Фамусов мог бы сказать и теперь то же самое, поставив вместо слова «военным» слово «полицейским». Читатели скажут, что мы намекаем здесь на известную дамскую телеграмму, посланную в Варшаву к одному офицеру, добросовестно, с мужеством и с талантом исполняющему свою трудную полицейскую обязанность. Да, мы именно ее и разумеем. Мы видим в ней очень любопытную черту нравов и очень любопытный качественный симптом нашего общественного современного направления. Мы не думаем ни порицать, ни тем менее издеваться или относиться к делу иронически. Мы говорим очень серьезно. Мы вполне признаем всю важность, пользу, необходимость, даже в некотором отношении благодетельность в настоящую минуту полицейской деятельности в Варшаве и всю меру внимания, которой она заслуживает, — но обществу, кажется нам, пора бы подумать — не слишком ли уже оно далеко зашло в патриотическом увлечении государственными интересами, не уклонилось ли несколько от своего общественного призвания в ущерб своим общественным интересам? Нельзя, конечно, предполагать, что общество взошло *во*

вкус такого рода отправлений государственного организма, которых необычайное развитие редко обходится без вреда самому организму, — но нельзя и не предостеречь общества насчет опасности некоторых рождающихся в нем наклонностей... Опасность заключается уже в том, что общество не делает своего настоящего общественного дела, оставляет в пренебрежении свои духовные силы и дает более цены деятельности внешней, государственной, нежели деятельности нравственной и общественной. Общество отлынивает от труда мысли, от подвига нравственного, добровольно жмурит глаза и сильно гневается, если кто-либо осмелится напомнить ему об его обязанностях, его призвании и нарушить его самодовольную лень. Общество, кажется, готово уже опочить на лаврах и чуть ли не воображает, что польский вопрос уже разрешен. Оно не хочет видеть, что польский вопрос тесно связан с его собственным общественным развитием и не только не разрешен, но и не разрешится надлежащим образом, пока не разрешатся наши домашние общественные вопросы.

И при этом вовсе не следует обольщаться мыслью, что разрешение нашего общественного вопроса может быть достигнуто зараз, каким-нибудь внешним учреждением, с энергическою быстротою сотворенным внезапно благонамеренной нашей бюрократией. Сила вовсе не в учреждении, которое ничего не создает из плохого материала, — сила во внутренней работе общественного духа и в развитии всех тех общественных способов, которыми общество и теперь обладает и располагает, — в нравственном укреплении рыхлой нравственной общественной почвы.

Посмотрим хоть на польский вопрос в Западном крае. Вы говорите, вслед за другими, что ваши права на этот край основываются на праве русской народности, что вы стоите там за бедный угнетенный русский народ. Так, бесспорно; но как же будете вы стоять за русскую народность в Западном крае, если вы ее презираете, пренебрегаете ею в Восточном, Северном, Срединном крае России? Неужели думаете вы — будет прочно и плодотворно то ваше стояние за русскую народность, сила которого коренится не в убеждениях и сердце вашем как русских людей, а единственно в соображении государственных польз и расчетах политических? Тогда вместо вас, русских, с таким же удобством можно было бы поручить стоять за русскую народность немцам и черемисам[3]. Неужели, будучи у себя дома французами, англичанами или, пожалуй, галломанами, англоманами, вы сумеете явиться там настоящими русскими людьми? Вы сумеете прикинуться только руссоманами, но как бы даже ни было искренно ваше руссоманство, оно вас выдаст: пропаганда русской народности, исходящая от вас, будет бессильна, и чутье народное почует внутренний холод вашей патриотической речи! — Те меры, которые оказываются единственно полезными в том крае и, в сущности, совершенно законны и справедливы, — они не согласны с вашими убеждениями и взглядами, во сколько эти убеждения и взгляды выразились в ваших действиях в Калужской, Тамбовской и прочих губерниях относительно русских крестьян! То знамя, которое вам самим приходится поднимать на западе России, чтобы привлечь к себе сочувствие местного русского населения, — не ваше знамя! Вправе ли вы надеяться на успех вашей народной роли, если она только *роль*, и в душе, для «своих», entre nous autres*, вы остаетесь теми же аристократами петербургских салонов? Каким

* между нами (*фр.*).

образом можете вы, питая в сердце печаль и досаду за «уступку» в пользу, например, ваших царево-кокшайских[4] крестьян куска помещичьей земли, — в то же время являться великими эманципаторами специально для девяти Западных губерний? Вы пришли к справедливому убеждению, что в Царстве Польском необходимо уничтожить прежний порядок назначения гминных войтов[5] из помещиков, отменить совершенно «патримониальную юрисдикцию»[6], обзавести Польшу нашим крестьянским миром, мирскими сходками, нашим обычным избирательным началом, — а давно ли вы, господин Б., и вы, господин Д., и вы, господин Ч., писали и подавали проекты о развитии этой патримониальной юрисдикции, или «вотчинного права»[7], в России, — да еще на днях печатали о необходимости уничтожения крестьянских волостных судов, о пользе сокращения числа мировых посредников[8] и ослабления силы мировых учреждений?! Нельзя и думать, чтоб такое внутреннее противоречие не отразилось на ваших действиях в Западном крае, не имело влияния на их успех, не запечатлело их особенным колоритом «неотвратимой государственной необходимости» (а не приложением и развитием основного русского народного начала) — и не сказалось в последствиях. Если бы западнорусский народ мог прислушаться к тем толкам на мировых съездах, о которых нам рассказывают наши корреспонденты из внутренних губерний, — ну хоть бы наш смоленский корреспондент в 42 № «Дня»[9], — то влечение его к России было бы значительно охлаждено. К счастию, народ нас не слышит и не читает, и тяготение его к России происходит не в силу наших дворянских или общественных заслуг и нашей общественной привлекательности, а в силу того духовного и бытового единства народных начал, которого общество не знает и знать не желает, — в силу той русской народности, от которой почти отреклось русское общество.

Далее. Какого бы ни была достоинства и качества латино-польская цивилизация в Западном крае, но она была, жила и оставила сильные следы, — она проела тамошнее общество до низших слоев, и теперь все верхние слои народонаселения тянут к польщизне и латинству. Край остается русским благодаря подвигу *нижних* слоев, их нравственной устойчивости, а также и тому безобразию, до которого доразвились последовательно латинство и польщизна. Но полнота жизни не может заключаться в одних народных массах; одна непосредственная бытовая сила народности без народного самосознания, без деятельности народного духа в высшей области мысли и знания есть сила пассивная: необходима среда общественная, где бы разрабатывалось народное самосознание, — с деятельностью и силою общественною. Так как не предвидится никакой возможности — *физически*, так сказать, избавить край от всего местного туземного ополячившегося и олатинившегося общества, то остается только внести в край свежие, новые общественные элементы извнутри России и стараться о том, чтоб старое туземное общество, некогда православное и русское, возвратилось к основным началам своей собственной, отверженной им народности, переродилось, перевоспиталось в единое с нашим русское общество... Но где же эти свежие могучие элементы русской общественности, которыми мы могли бы поддержать нравственный подвиг низших слоев народа в Западном крае, обновить, возродить, перевоспитать местное старое общество? Откуда мы их возьмем? Из наших дворянских собраний, из-за карточных зеленых столов, из-за игры в лото в столичных и провинциальных клубах Российского царства? Но этого не решится сказать и само наше общество!..

Поддержать народ мы, конечно, можем — благодаря нашей государственной силе, и правительство в этом отношении старается делать все, что́ от него зависит, даже строит Божии храмы на казенный счет, — но и сама правительственная деятельность регулируется и определяется степенью и характером общественного развития, и одной правительственной деятельности во всяком случае недостаточно. Она не может возжечь святой огонь сочувствия, действовать нравственными силами, создать миссионеров и проч.; она может командировать только чиновников, да и тех поставляет ему то же общество. Спрашивается, есть ли какая выгода для Западно-русского края, если польские взяточники будут заменены русскими взяточниками, если туземная общественность будет заменена русской официальностью? Если даже и есть, как утверждают некоторые, так весьма малая и сомнительная! Во всяком случае, это не та *притягательная* сила, которая может спаять местную жизнь с общей русской жизнью, притянуть и переродить духовно, обрусить туземное ополяченное общество. Что́ дадите вы этому обществу взамен его польского патриотизма, — силы все же духовной, которою оно жило и двигалось? Русский патриотизм? Но какой же? Тот государственный патриотизм нашего общества, который, будучи бесспорно готов на всякие жертвы для сохранения внешней целости государства, для отпора внешних врагов, в то же время постоянно подрывает внутреннюю цельность русского народного организма, пренебрегая своею народностью, своим народом и его духовными требованиями, который раболепствует пред всяким иноземным духовным авторитетом, который попустил нас покрыться такою сплошною язвою гражданских недугов и который не в состоянии выдерживать напора никакой враждебной, *не* материальной, а нравственной, *умной* силы?.. Что́ принесете вы туземному обществу взамен той общественности, которая, худа ли, хороша ли, проявилась в нем с некоторой силою? Отсутствие общественности, рыхлость общественной почвы? Или, думаете вы, заманчивее старой цивилизации, сжившейся с местною жизнью и имеющей для нее, несмотря на все свое зло, ту некоторую привлекательность, которую имеет всякая седая старина, всякие мхом покрытые развалины, даже разбойничьего рыцарского замка, — заманчивее ее то просвещение, которого теории излагает, например, «Отчет о школах на Волыни и Подолии» [10] — отчет, о котором, как известно читателям, мы уже два раза упоминали в нашей газете?.... Мы убеждены, что такое «просвещение», обещаемое местному народонаселению, — не в силах победить, а может только сгустить и усилить мрак латино-польской цивилизации!.. Поэтому позволительно спросить еще раз наше общество — во имя чего, во имя какой высшей идеи предъявляет оно свое право на Западный край России, какое знамя может оно выставить, чтобы собрать под сень его — местное общество и народ? Государство скажет: во имя государственных интересов, — и оно будет право, и поддержит свое требование мечом, — но каким духовным мечом будет поддерживать русское общество свое право?

А оно есть, это право, зиждущееся не на одном государственном интересе, — такое право, которое при ином, более истинном, правильном народном развитии нашей общественности едва ли бы даже нуждалось в защите государственного меча! Это право, как мы уже говорили, в том историческом тяготении к единству разрозненных частей народной Руси, которое совершает и производит свою работу в течение веков какими-то подземными, почти неведомыми и невидимыми нам путями взаимной духовной и бытовой пропаганды. Несмо-

16 Ноября. ДЕНЬ 1863 года.

Подписка принимается: въ Москвѣ въ конторѣ редакціи на Спиридоновкѣ въ домѣ Мазаровича; въ С.-Петербургѣ въ книжномъ магазинѣ Кожанчикова, на Невскомъ проспектѣ, и у всѣхъ книгопродавцевъ и въ Газетныхъ Экспедиціяхъ обѣихъ столицъ.

№ 46.

Выходитъ еженедѣльно. Цѣна въ Москвѣ и въ С.-Петербургѣ, безъ доставки на домъ 6 руб.; съ доставкою на домъ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ и съ пересылкою во всѣ города 7 р. Съ Акціонеромъ въ первомъ случаѣ 8 руб., во второмъ 9 руб.

СОДЕРЖАНІЕ: Москва, 16 Ноября.—О новомъ уставѣ для духовныхъ семинарій, ст. II.—Приглашеніе записываться въ церковныя братства Западной Россіи, М. О. Кояловича.—ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ: Письма о Бѣлоруссіи I, ...скаго.—Изъ Минска.—Изъ Вильна: замѣтка для Русскихъ чиновниковъ, отправляющихся на службу въ Западный край.—Изъ Вильны.—Изъ Гродненской губерніи: замѣтка по вопросу объ улучшеніи быта мѣстнаго духовенства.—СЛАВЯНСКІЙ ОТДѢЛЪ: По поводу «Новобѣлгарской Сбирки»: замѣтка для всего Русскаго образованнаго общества, П. Г—а. — КРИТИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: Историческія письма о козакахъ, письмо 2-е, М. А. Максимовича.—СМѢСЬ: Отвѣтъ г. Орлову отъ Русскихъ купцовъ въ Варшавѣ.—Поправка замѣтки о свящ. Зерновѣ. — О разныхъ пожертвованіяхъ. — Отъ Радзивоновичскаго братства. — Стороннія объявленія.

„ДЕНЬ“

будетъ выходить и въ 1864 году по той же программѣ, подъ тою же редакціей и по прежнему еженедѣльно, не менѣе 2½ листовъ въ №. Еженедѣльное прибавленіе *Акціонеръ* прекращается, а въ замѣнъ его будутъ помѣщаться, отъ времени до времени, статьи о Русскихъ финансахъ, торговлѣ и промышленности въ самомъ *Днѣ*, подъ рубрикою: «Экономическій отдѣлъ» и подъ редакціею Ѳ. В. Чижова.

Подписная цѣна въ Москвѣ и С.-Петербургѣ безъ доставки *шесть* рублей, съ до-

МОСКВА 16 Ноября.

Теперь, когда намъ нечего опасаться скорой войны, когда намъ не грозитъ никакая коалиція и вообще по части внѣшней политики все для насъ обстоитъ благополучно, — попробуемъ теперь снова оттянуть вниманіе нашего самодовольнаго общества отъ внѣшнихъ государственныхъ интересовъ—къ интересамъ внутреннимъ и общественнымъ. Патріотическое самодовольство—дѣло хорошее, и въ настоящемъ случаѣ, во сколько оно возбуждено нашимъ дипломатическимъ торжествомъ, вполнѣ законное. Желали бы мы только, чтобъ общественной, совершались, такъ сказать, внѣ общественнаго участія,—теперь нѣкоторымъ образомъ стали общественнымъ дѣломъ и достояніемъ. Къ такимъ *необходимымъ* отправленіямъ государственнаго организма мы относимъ, безспорно—полицію явную и тайную,—и отстраняя вопросъ о качественности явленія, мы только указываемъ здѣсь на тотъ фактъ нашей общественной жизни, что никогда полицейская функція государства не пользовалась у насъ бо́льшимъ сочувствіемъ общества, какъ въ наше время. Если во времена Грибоѣдова, Фамусовъ выразился о дамахъ, что онѣ «къ военнымъ людямъ такъ и льнутъ, а потому, что патріотки,»—то современный Фамусовъ могъ бы сказать и теперь тоже самое, поставивъ вмѣсто слова «военнымъ,»

Начало первой публикации статьи И. С. Аксакова «<О связи нашего общественного внутреннего вопроса с польско-русскою задачей >» (День. 1863. 16 нояб. № 46. С. 1)

тря на все наше недостоинство как русского общества, народ и Юго-Западной, и Западной России так твердо — мы верим — спаян с Великой Россией в силу своего исторического стремления к идеалу общерусской жизни, что скорее Волга на пространстве своего четырехтысячеверстного русла высохнет до последней капли, чем эти края отпадут от России! Но сколько жертв, мучений, сколько бедствий и крови будут стоить народу эти усилия, если вся тяжесть борьбы с латино-польскими элементами будет лежать на нем и правительстве вне участия и содействия русского общества!

Мы сказали, что западному туземному обществу необходимо переродиться; — так ведь нужно же во что-нибудь переродиться? Во что же?.. В том-то и дело, что, призывая западное ополяченное общество к перерождению, мы — русское общество — необходимо должны переродиться и сами; необходимо нам самим заняться исправлением наших общественных пороков и излечением наших общественных недугов, — понять связь нашего общественного внутреннего вопроса с польско-русской задачей — и уже в его разрешении поискать разрешения для последней!

1864

<О ЗНАЧЕНИИ ОБЛАСТНОЙ РОССИИ И НЕОБХОДИМОСТИ ОБЛАСТНОЙ ПЕЧАТИ>

Россия не в Москве: среди сынов она [1],

Говорится в одной старинной трагедии. И действительно, события 1612 и 1812 года свидетельствуют нам, что не на столице только и ее значении — зиждется у нас крепость нашего государства. Тогда как у других народов обладание столицею тождественно с обладанием всею страною, и тот, например, кто господствует в Париже, тот господин и владыка над всею Францией, — у нас напротив: плен Москвы только доказал миру, воочию и въявь, что истинная сила России не в столице, а в Русской земле, — заключается в недрах того русского духа, который создал и Русскую землю, и Москву — как дорогой и заветный символ ее земского, государственного и духовного единства, ее внутреннего и внешнего строя, ее исторического призвания. В этом-то и заключается залог нашего могущества; оттого и не погибла Россия даже тогда, когда иноплеменное знамя развивалось на башнях святого Кремля. Итак, не столицею держится у нас государство, а всею землею, — и не в смысле одной внешней государственной безопасности разумеем мы эти слова, но и в отношении к внутренней жизни России, к ее духовному и бытовому развитию...

Что́ бы сталось с Россией, если б она управлялась не внутренними, не органическими началами своего хотя бы и неорганизованного земства, а только и единственно так называемым образованным обществом Санктпетербурга и Москвы — так долго чуждавшимся русской народности и только теперь сближающимся с нею?!.. Что́ бы сталось с Россиею, если б она была способна вполне подчиниться влиянию — например, хоть бы столичной светской среды или бюрократической стихии, обхватившей столичную интеллигенцию, и, так сказать, вертеться, как флюгер, по воле всех ветров, дующих из-за границы, видоизменяться по прихоти всех теоретиков, начинивших свои пустые головы заемным содержанием и благоговеющих пред всякою последнею модною теориею, привезенною с Запада? Что́ бы сталось с Россией, если б в ней не было земства, если б не было охранительного упора в том населении, которое живет *вне* столиц, в ее областях, в уездах, в селах, — или, вернее сказать, если б в ней не было простого народа, а было, как в Польше, одно шляхетство, в котором бы заключалась вся сила, вся жизнь, вся *соль* страны?.. Ей пришлось бы, согласно с разнообразием этих теорий, быть попеременно то голландскою, немецкою, то французскою, то централизованною, то расцентрализованною, то федераль-

ною, то конституционною, то республиканскою, то демократическою, то желто-австрийскою[2], то синею, то красною, — одним словом, гнуться, ломаться и менять свой строй и быт смотря по тому, какая доктрина в столичной среде берет верх и торжествует... К счастию нашему, *существование* России не зависит ни от случайного успеха той или другой столичной доктрины, ни от временного торжества той или другой общественной или литературной партии, и если бы даже — предположим самое невозможное — удалось столице ввести такую органическую перемену в нашем жизненном общественном строе, которая подрывала бы все основные принципы нашей народности, то — благодаря областному населению — все эти столичные попытки остались бы без последствий.

Но вопрос не всегда становится историею во всей его осязательной резкости; опасность не всегда, а, напротив того, чрезвычайно редко представляется в виде прямой угрозы народному существованию или коренным общественным основам. Есть множество опасностей и таких, которые, будучи, по-видимому, не важными, являясь не в грубой осязательной форме, остаются неясными народному сознанию и не вызывают против себя могучего сдерживающего отпора. Разумеется, если б дело шло о нарушении цельности и единства Руси, о перемене вероисповедания и т. п., — то, как бы ни отнеслась к этому столица — областная мощь России выступила бы тогда во всем своем охранительном значении... Но ведь дело идет у нас большею частью не о таких крупных (и едва ли возможных) вопросах, а о господстве той или другой доктрины, той или другой теории, о таких направлениях, влияниях, обольщениях и соблазнах, которые — глядеть снаружи — действуют только на второстепенные неважные условия общественного быта, а между тем могут привести к существенным изменениям в общем ходе русской жизни и, не встречая в ней надлежащего готового отпора, медленно и незаметно подтачивают ее духовную силу и крепость, — даже разрушают в ней мало-помалу и самую упругость ее охранительного элемента...

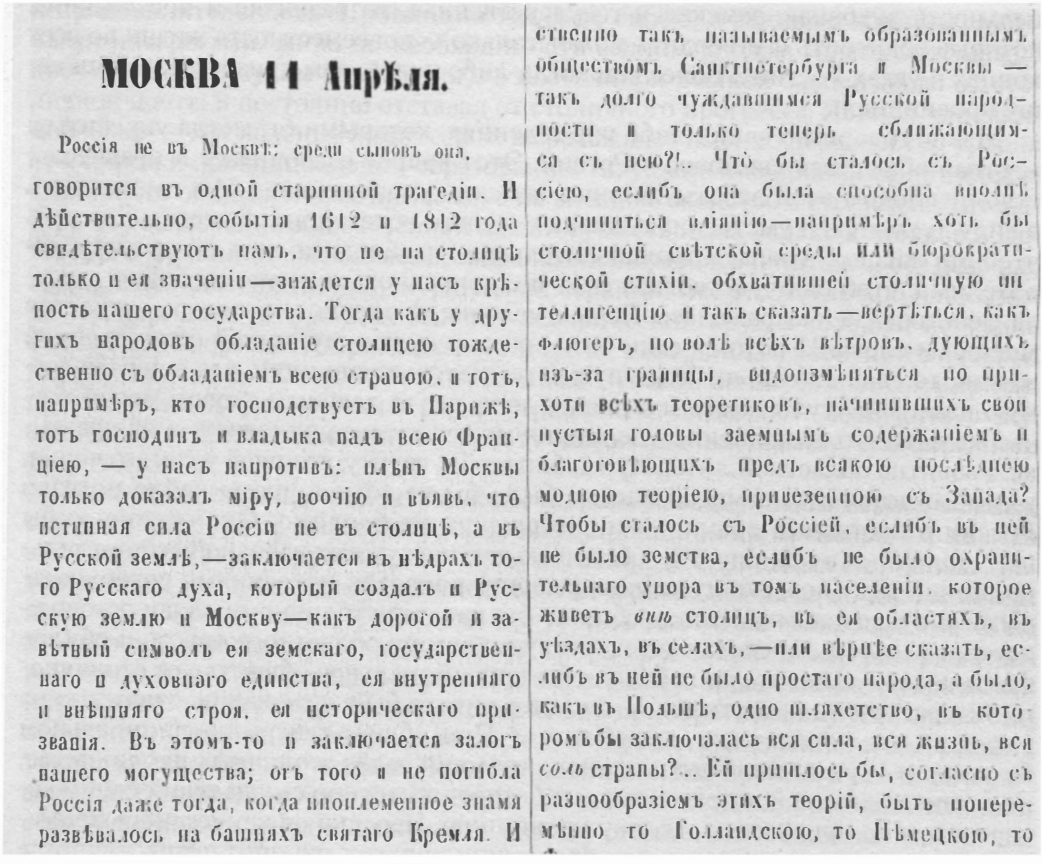
Противодействовать этому злу может только развитие местной *общественной* жизни — не в смысле только каких-либо политических учреждений, областной гражданской автономии и самоуправления (не об этом идет теперь наша речь), но в смысле деятельной работы местного общественного *сознания.* Нужен голос этому сознанию, и нужно прежде всего *оседлое* размещение интеллигентных сил — там, *на местах*, в провинции, — тех сил, которые, стекаясь в столицу, приобретают в ней, по отношению к областным особенностям России, какой-то своего рода космополитический оттенок, теряют живое представление о нашей действительности — провинциальной, уездной, сельской, полевой, — становятся отвлеченными, а потому нередко бесплодными. После переворота Петра столица (мы разумеем здесь Москву и Петербург вместе), сосредоточив в себе не только административную, но и всю умственную жизнь России, была проводником для остальной земли — добра и зла чуждой цивилизации, прививала к ней чужое знание и знание чужого, вместе с забвением и отрицанием своего — близкого и родного: она деспотически властвовала, — не столько над простым народом, сколько над обществом, — авторитетом моды, вкуса, науки, теории. Провинция в нравственном отношении подпала полнейшему рабству столице, подражание столице стало болезненною наклонностью провинциального общества, истощавшею его духовные силы, отнимавшею у него всякую оригинальность, своеобычность и вместе с тем всякую жизненность

и производительность. Провинция жила не своею, а *заемною* жизнию, заемными интересами, жила по необходимости задним числом (благодаря, между прочим, нашим путям сообщения), в постоянной жалкой зависимости от столичной почты и постоянно отставая от столичного прогресса. Явился «провинциализм» — как явление комическое, выражающее именно неравенство уровня столичной и провинциальной образованности, уклонение провинции от идеала столичного общежития, ее *претензию* на внешнее сходство с столицей. Литература как выражение общественной жизни существовала только в Москве и Петербурге: провинция же безмолвствовала, воспитываясь и питаясь, без разбора, всеми изделиями столичной журнальной стряпни. Все это могло продолжаться до тех пор, пока не пройден был тот исторический круг, в который вступила Россия с реформою Петра, пока столица не совершила своей исторической миссии, состоявшей в том, чтоб введением Русской земли в круг всемирного просвещения и фактическим распространением сведений — возбудить в ней самобытную деятельность духа, работу самосознания, жажду своеобразного творчества.

Пока интеллигенция в России жила полною невозмутимою верою в Запад, она могла, говоря ее языком, игнорировать провинцию и пренебрегать ею. Но как скоро эта вера нарушена, как скоро источник тех духовных сил Запада, которыми мы так долго пробавлялись, был исчерпан, истощен до дна, и оказалось, что долее черпать невозможно без утраты всякой не только духовной, но и материальной самостоятельности; как скоро ярче и ярче стали раскрываться нам наши язвы и уродливые наросты и вместе с тем наше бессилие уврачевать их; как скоро литература стала действительно приобретать силу и ее слово стало весить в задачах общественной жизни, — бедность жизненного содержания тотчас же сказалась в столицах. Уже не провинция, как прежде, к столице, а *уже столица стала тяготеть к провинции*. Более чем когда-либо слышится, дает себя чувствовать несостоятельность нашего столичного общества в разрешении жизненных вопросов, наше столичное духовное истощение. Да, если это явление еще не всеми ощущается, еще не резко выступает наружу, то оно тем не менее существует и скоро предстанет во всей своей правде. Можно положительно сказать, что теперь наступает иная пора, — пора *тяготения столицы к провинции*. Начало этому положило освобождение крестьян с его последствием — мировыми учреждениями[3]. Нашему провинциализму суждено великое значение в будущем: мы разумеем здесь под провинциализмом ту сумму местного опыта и знания, ту близкую связь с местными интересами, которые должны придать особенную крепость духовным силам местного общества, которые не оставят в запустении — не позволят заглохнуть ничему живому или способному жить, цвести и принести свой плод, — свою дань в богатую сокровищницу общерусского всестороннего развития. Это явление, т. е. тяготение столицы к провинции, вполне законно, вполне понятно и в высшей степени благотворно. В нем выражается стремление — стать ногами на почву, из области миражей опуститься в действительность, из призрачности в реальную жизнь, из сферы отвлеченных теорий, одна другую сменяющих, — перейти к указаниям опыта, — и вместо печального блуждания, бескорненности и легкоподвижности бытия — осесть на корень, укрепиться на якоре своей народности, своей истории. Во сколько чужда Русской земле всякая мысль о единстве искусственном, внешнем, федеративном, во столько дорого ей то живое единство, та

цельность духовная, земская и государственная, то развитие и преуспеяние, которые водворить и утвердить может только — повсеместность жизни во всех концах и углах России... Более чем когда-либо нужно нам призвать к жизни нашу провинцию!..

Мы не говорим о каких-либо учреждениях, которыми бы могла укрепиться местная общественная почва в России. Этот вопрос озабочивает и правительство, и плодом этой заботы явились земские учреждения.... Мы имеем здесь в виду духовную и умственную жизнь местного областного общества. Для того чтоб эта жизнь сделалась производительною, необходимо дать ей простор, необходимо, чтоб она чувствовала себя полноправною жизнью, свободно дышала, действовала и выражалась. Первое условие жизненного простора — простор мнения и слова. И потому, если этот простор нужен столичной общественной жизни, то едва ли еще не более нужен он *теперь* провинции, где в переживаемую нами минуту делается настоящее дело, где за дельным словом может тотчас же идти его выполнение, где теория может тотчас приложиться на практике. Развитие областной литературы, близкой к грунту, стоящей у самого корня, у самого источника земской жизни, было бы не только чрезвычайно полезно России в настоящее время, но и совершенно необходимо. Оно отрезвило бы нас, столичных публицистов, — большею частию чуждых народной действительности и потому нередко путающих решение вопросов суждениями поверхностными и отвлеченными; оно сообщило бы нашему столичному слову осторожность и вескость, представляя и готовую поверку областного опыта, и обилие фактических данных; оно избавило бы провинциальное общество от столичного литературного деспотизма, — оно сдерживало бы в узде наших отважных на эксперименты столичных теоретиков...[4] При общем теперь провинциальном безмолвии — раздается почти одиноко громкий голос столичных публицистов, не останавливаемый возражениями и беспрепятственно смущающий своим авторитетом не привычную к слову провинцию. Нередко от неуместного применения наших столичных советов провинция кряхтит, скрипит, ежится, иногда даже протестует, но большею частью неловко и неуклюже, — стыдится огласки, боится беспощадных насмешек столичного либерализма... Но пусть эта областная жизнь обретет свободный я з ы к; но вооружите провинцию с л о в о м, дайте возможность сказать свое мнение *туземщине* в каждой местности, и вы удивитесь — как много доселе неслыханного *дельного* скажется в нашей русской литературе, не избалованной деятельностью, — сколько полновесных опытом и житейскою мудростью речей раздастся в оглушительном хоре столичных крикунов, — как много столичной лжи посрамится провинциальною правдой! Нам кажется, что наше собственное сознание, как столичной газеты, в этой пользе областной литературы имеет уже само по себе некоторое значение. Мы глубоко убеждены, что в настоящее время ни один жизненный вопрос для России не может быть обсужден надлежащим образом в столичной литературе. Мы на каждом шагу чувствуем недостаток практических указаний местного опыта (а этот *местный* опыт совершается, эта *местная* практика происходит — на пространстве целой части света!); мы на каждом шагу испытываем потребность слышать голос с места, прямо с почвы, из среды самой жизни — не искусственной, не призрачной, а живой, органической, действительной, несомненной, где сильно не слово, а дело, где самое дело творится — перед всеми воочию. Нашей столичной атмосфере недостает запаха нив и полей, хлеба и ле-



МОСКВА 11 Апрѣля.

Россія не въ Москвѣ: среди сыновъ она,

говорится въ одной старинной трагедіи. И дѣйствительно, событія 1612 и 1812 года свидѣтельствуютъ намъ, что не на столицѣ только и ея значеніи—зиждется у насъ крѣпость нашего государства. Тогда какъ у другихъ народовъ обладаніе столицею тождественно съ обладаніемъ всею страною, и тотъ, напримѣръ, кто господствуетъ въ Парижѣ, тотъ господинъ и владыка надъ всею Франціею, — у насъ напротивъ: плѣнъ Москвы только доказалъ міру, воочію и въявь, что истинная сила Россіи не въ столицѣ, а въ Русской землѣ,—заключается въ нѣдрахъ того Русскаго духа, который создалъ и Русскую землю и Москву—какъ дорогой и завѣтный символъ ея земскаго, государственнаго и духовнаго единства, ея внутренняго и внѣшняго строя, ея историческаго призванія. Въ этомъ-то и заключается залогъ нашего могущества; отъ того и не погибла Россія даже тогда, когда иноплеменное знамя развѣвалось на башняхъ святаго Кремля. И

ственно такъ называемымъ образованнымъ обществомъ Санктпетербурга и Москвы — такъ долго чуждавшимся Русской народности и только теперь сближающимся съ нею?!.. Что бы сталось съ Россіею, еслибъ она была способна вполнѣ подчиниться вліянію—напримѣръ хоть бы столичной свѣтской среды или бюрократической стихіи, обхватившей столичную интеллигенцію и такъ сказать—вертѣться, какъ флюгеръ, по волѣ всѣхъ вѣтровъ, дующихъ изъ-за границы, видоизмѣняться по прихоти всѣхъ теоретиковъ, начинившихъ свои пустыя головы заемнымъ содержаніемъ и благоговѣющихъ предъ всякою послѣднею модною теоріею, привезенною съ Запада? Чтобы сталось съ Россіей, еслибъ въ ней не было земства, еслибъ не было охранительнаго упора въ томъ населеніи, которое живетъ *внѣ* столицъ, въ ея областяхъ, въ уѣздахъ, въ селахъ,—или вѣрнѣе сказать, еслибъ въ ней не было простаго народа, а было, какъ въ Польшѣ, одно шляхетство, въ которомъ бы заключалась вся сила, вся жизнь, вся *соль* страны?.. Ей пришлось бы, согласно съ разнообразіемъ этихъ теорій, быть попеременно то Голландскою, то Нѣмецкою, то

Начало первой публикации статьи И. С. Аксакова «<О значении областной России и необходимости областной печати>» (День. 1864. 11 апр. № 15. С. 1)

са и всех могучих и освежительных внушений сельской жизни, — а ведь наша земская сила — едва ли не вся в селе!.. По крайней мере, нигде село не имеет, не может и не будет иметь такого значения, как в России, — нигде ему не предстоит такой будущности... В этом отношении провинциальная литература, по своей близости к селу, поставлена в несравненно выгоднейшие условия и могла бы оказать неизмеримую услугу русскому умственному развитию, если бы... если бы она существовала!..

Пора, — пора положить конец нашему областному безмолвию. Пора подумать об условиях, стесняющих развитие местной литературы (а в настоящее время — эти условия заключаются по преимуществу в местной провинциальной цензуре)... Повторим еще раз: развитие областной литературы необходимо для полноты развития местной областной жизни, а без развития этой последней — немыслимо правильное развитие нашего земства, нашего общественного, внешнего и внутреннего строя... В областной местной жизни, в земстве — наша сила.

<ОТНОШЕНИЕ МЕЖДУ ШКОЛОЙ И ЖИЗНЬЮ В РОССИИ>

Нельзя не подивиться тому равнодушию, с которым до сих пор наше общество относится к вопросу о *воспитании*. Дело идет вовсе не о бифуркации[1] гимназий, не об усилении преподавания древних языков или, наоборот, так называемых наук реальных, ни о той или другой системе начинения детских или молодых голов положительными знаниями, — но о тех нравственных результатах нашего публичного воспитания, которые у всех перед глазами. Мы вполне разделяем мнение тех наших публицистов, которые в недавней журнальной полемике[2] явились такими упорными защитниками классического образования, но мы не можем, однако же, видеть в латинском и греческом языках панацею от всех зол, разъедающих молодые силы нашего общества. Впрочем, мы далеки от мысли, чтобы виною этих зол была одна школа, так как и вообще воспитание, в обширном смысле, не ограничивается тесными пределами школы. Семья, дом, общество, жизнь — участвуют в воспитании человека едва ли не более, чем собственно учение школьное. Тем не менее, однако, значение школьного учения громадно, потому что оно имеет дело преимущественно с духовною *индивидуальностью* человека, — не с общею бытовою или семейною стороною его, а с его самостью, если можно так выразиться: цель школы — возбуждать *личное* самосознание в человеке, *личную* духовную самодеятельность, — чего собственно ни семья, ни общество в виду не имеют (*ученье* дома, в пределах семьи, есть та же школа, не о нем мы и говорим): семьею и обществом человек воспитывается как член семьи или общества вообще, а не как духовно-определенная личность, которая, напротив, поглощается ими — в принципе. Школьное же учение призвано действовать непосредственно на личные дары юноши, развивает их, изощряет его личные духовные орудия, вооружает его личным мышлением и знанием; оно приготовляет его к жизненной деятельности, дает ей направление и определяет почти всегда его последующее отношение к жизни и обществу. — Взаимное отношение школы к жизни, к себе, к обществу, т. е. к началам семейного и общественного быта и вообще к жизненным началам родной страны, — вот в чем, кажется нам, заключается главная сущность современного русского вопроса о воспитании.

Если школа с жизнью, т. е., повторяем, с основами предшествующего школе и последующего за школою воспитания, — *в разладе*, то от такого школьного учения едва ли можно ожидать пользы; если уровень учения слишком высок сравнительно с общею цивилизациею края, то, если подобное учение не всегда бывает безусловно вредно, зато не бывает и плодотворно. «Как, — воскликнет фаланга наших борзых молодых педагогов, целыми сотнями сфабрикованных в последнее время, — как? Неужели школа должна принижать свой уровень до степени всеобщего невежества, в котором коснеет большинство нашего отечества? Пусть вносится разлад в жизнь благодаря школе! Должны ли мы скрывать истину под спудом, для того чтоб сообразоваться с какими-то нравственными, духовными, бытовыми основами, которые современная наука признает ложными?» и пр. и пр. и пр. в таком же роде. Этот вопрос заслуживает ответа.

Мы не станем покуда спорить о том, что́ хорошо и что́ дурно само по себе, а мы укажем на положительные результаты. Результаты же свидетельствуют, что несоответственность школьного уровня с общим уровнем цивилизации, как и несогласие просветительных начал, принятых в школе, с началами, действующими в быту семейном и общественном, — не дают крепких и сочных плодов, не водворяют ни прочного знания, ни самостоятельного творчества в науке. Для пояснения мысли необходимо прибегнуть иногда к ее карикатурному выражению. Представьте себе, что вдруг в среде готтентотов [3] старшина одного из племен пошлет нескольких готтентотов в Гейдельбергский университет научиться европейским премудростям, — и юные готтентоты после трех-четырех лет изучения римского права и философии, — чему, конечно, не могли помешать ни их устройство черепа, ни толщина губ, — возвратившись в Африку, учреждают прямо (чего тут долго думать!) ни больше ни меньше как академию или университет. Выписывают они профессоров из Гейдельберга; пожалуй, из Иены и из Гёттингена, и вот рекомендуются Европе и нашим бойким педагогам — страною просвещенного прогресса, разом хлебнувшею всех ядов научной лаборатории, проглотившею разом все самые последние готовые результаты науки. Мы спрашиваем педагогов: ожидают ли они какой пользы для готтентотского племени, остающегося вполне готтентотским, от того, что оно обзавелось университетом? Думают ли они, что готтентотский желудок, очень объемистый впрочем, переварит себе на здоровье этот прием всех «последних крайних выводов» западной науки? Полагают ли они по крайней мере, что готтентоты насадят таким образом в своей стране прочное просвещение и создадут разом ту самодеятельность, которая должна обогатить сокровищницу общечеловеческого знания своими собственными вкладами? Педагоги наши, конечно, на все эти вопросы ответят отрицательно. А между тем, смеем их уверить, готтентотский университет будет, конечно, самый передовой из передовых: ему не с чем будет расставаться в области знания, ни с чем старым заветным, как какому-нибудь там Гумбольдту, Гримму, Шеллингу и другим немецким профессорам; у него не будет никакого груза преданий, тысячелетних дум и тысячелетних чувств, которые бы мешали ему заскакать борзо и лихо вперед... Сербия тотчас после освобождения ее из-под турецкого ига [4] доблестью ее благородных свинопасов послала некоторых из своих детей, оторвав их от родительских пажитей, где они пасли родительские стада, в Берлин — к Гегелю. Мы видели некоторых из этих сербов, слушавших Гегеля и возвратившихся потом на родину [5], и смеем уверить читателей, что никак не могли признать в них учеников великого философа: четырехсотлетняя кровавая школа истории с своими преданиями, задор еще продолжающейся борьбы с турками и положения о бытии, равняющемся небытию [6] и тому подобные — все это вместе произвело такой сумбур в головах доблестных сербских пастухов, что сделало их не только бесполезными, но даже скорее вредными для их родины.

«Если школьное учение», — говорит Хомяков в своей статьи о воспитании в России, напечатанной в 1 № «Дня» 1861 года... [7] (Кстати: нам кажется, что эта замечательная статья до сих пор не оценена по достоинству или уже вышла из памяти, замечательно слабой, большинства нашей читающей публики: право, кажется, что у нас можно чуть ли не каждую статью перепечатывать периодически года через два или даже меньше и предлагать ее публике почти как новую.) Итак, «если школьное учение, — говорит он, — находится в прямой

противоположности с предшествующим и, так сказать, приготовительным воспитанием, оно не может приносить полной ожидаемой от него пользы: отчасти оно даже делается вредным. Вся душа человека, его мысли, его чувства раздвояются; исчезает всякая внутренняя цельность, всякая цельность жизненная. Обессиленный ум не дает плода в знании; убитое чувство глохнет, засыхает. Человек отрывается, так сказать, от почвы, на которой вырос, и *становится пришельцем на своей собственной земле.* Таково было действие переворота, совершенного Петром Первым. Ошибка извиняется, может быть, многими обстоятельствами его времени, но повторять такую ошибку беспрестанно было бы непростительно» [8]. А между тем она-то и повторяется в нашей жизни беспрестанно и на каждом шагу. Тот же Петровский переворот, как солнце в малой капле вод, отражается и на каждом человеке из народа, приобщающемся к нашей цивилизации, поступающем в наши школы. Вообразите себе крестьянина, купца, еще верного нравственным и духовным началам русского быта: чем заявляет себя для них воспитание школы, когда необходимость заставляет их отдать своих детей — в мужскую гимназию или женский пансион? Каким-то падением, какою-то порчею нравственной. Крепость быта растлена легкомысленным своеволием: нравственные правила замещены вкусами; страсти вознесены и поставлены выше нравственного долга; обычаи всего народа в презрении; разум народный не уважается и должен уступить место личному своемыслию; знание жизни — не в смысле личного опыта, а в смысле многовекового общего опыта, переходящего естественно и свободно от одного поколения к другому, — непосредственное чувство деятельности — все это заменяется каким-то непониманием жизни, отвлеченным или мечтательным к ней отношением. Одним словом, наше воспитание не укрепляет, а расслабляет и так разнит людей с их прежним бытом, что дети крестьян и даже купцов делаются почти непригодными к деятельности в той среде, к которой принадлежат по рождению: *мир*-народ им чужд; они уже не *его.* Крестьянин, учившийся в наших средних и высших заведениях, перестает быть крестьянином: он является в глазах своих односельчан и вообще простого народа — *барином, чиновником* (и действительно он ведь получает чин), *господином, ненашим,* таким, одним словом, которому позволительно и не соблюдать *русского* обычая — которого они считают принадлежащим более к сфере официальной... И они правы: дело не в обычаях только, не в разнице быта, обусловливаемой образованием, не в преимуществе положительных знаний, а в том, что самые просветительные начала, лежащие в основании нашего школьного учения, независимо от положительных знаний находятся во внутреннем противоречии с теми началами, под воздействием которых сложился и развился русский народ. За примерами ходить недалеко, да и нет надобности. Они у всех на виду и у всех в памяти. Если разлад, вносимый воспитанием в жизнь, не ощущается в такой степени в дворянской среде и вообще в высших образованных классах, то это потому, что они сами уже давно состоят в разрыве с своею народностью, уже давно перешли на *сю* сторону; но спросите тех, которые еще стоят на том берегу, хотя бы купечество в большей части его представителей, — довольно ли оно воспитанием своих детей? Отвечает ли воспитание потребностям их быта и нравственным запросам? Не замечается ли, по большей части благодаря школе, — некоторого нравственного падения в преемственности поколений — в купеческом звании? — Ум-самородок, крепкий характер, энергическая воля купца, вышедшего нередко из крестьян

и создавшего себе состояние неутомимым трудом и предприимчивостью, — чем сказываются эти свойства в его *сыне*? Казалось — тут-то бы и быть прогрессу, и сын явит в себе второй экземпляр отца, только усовершенствованный образованием?.. Ничуть не бывало. Вместе с возвышением уровня образованности в сыне, сравнительно с таковым же уровнем в отце, падает большею частию уровень нравственный и духовный. Мы не довольно знаем Англию и ее внутренний быт, но полагаем, что сыновья английских богатых купцов представляют совершенно обратное, сравнительно с нашим, движение прогресса, а получают образование, конечно, лучшее и даже, вероятно, не чужды знания и древних языков. Разумеется, есть исключения и у нас, но заметим кстати, что купеческое воспитание отражается у нас отчасти и на количестве, и на качестве капиталов: если бы не прибывало в нашу купеческую среду людей из народа, создающих капиталы почти без помощи образования, то у нас капиталы скоро бы разлетелись, ибо наше современное школьное воспитание порождает людей, не столько способных к созданию, сколько к расточению капиталов.

Но не одни купцы жалуются на современное общественное воспитание. Есть много лиц из дворянской среды, много помещиков и вообще из людей образованных классов, которые, несмотря на свое образование, остались верны духовным и нравственным началам Русской земли и большинства русского народа и которые со страхом помышляют о необходимости отдать своих детей в публичную школу, повести их по всей официальной лестнице нашего общественного воспитания. Многие родители, помещая детей в гимназии, особенно же те, которых постоянное местожительство отдалено от этих центров просвещения далекими пространствами и которые потому лишены возможности наблюдать над развитием своих детей, — расстаются с своими детьми почти так, как крестьяне с мужиком, сдаваемым в рекруты, или как будто бы отпуская их в далекое мореплавание. Что-то выйдет из сына? Не насмеется ли он над родителями, вернувшись домой? Сохранится ли связь его с родным кровом, с родным бытом, преданиями, — с церковью, наконец? Над этими тайными муками родителей жестоко издевались и издеваются наши веселые прогрессисты; но тут нет ничего смешного; только в таком бескорненном обществе, как наше, могут казаться смешными такие родительские опасения (основательны ли они или неосновательны — это все равно); только у нас родители стыдятся и робеют произносить вслух свои сетования. В настоящее время почти каждый, кончающий курс в общественном заведении, выходит оттуда сильно тронутый так называемым материализмом. Мы не станем пускаться в спор о том, добродетель ли материализм или порок, но во всяком случае это такой нравственный и духовный строй, который отрицает все нравственные и духовные основы русского народа, который противоречит всем жизненным началам общества; следовательно, родители и вообще общество вправе и не желать, чтобы дети их получали непременно такое направление и непременно, *волей-неволей* становились так называемыми нигилистами: это уже не согласно и с началом свободы.

Итак, отношение между школою и жизнью составляет главную задачу в вопросе общественного воспитания. Оно выражается, во-первых, в соответствии уровня школьного учения с общим уровнем цивилизации и в соотношении школьного учения с общими жизненными началами общества. Мы вовсе не предлагаем этих положений в виде меры, которую можно сейчас искусственно и насильственно привести в исполнение, но мы указываем только на условия,

при которых школьное учение может быть вполне плодотворно. К чему приводит разлад духовный и нравственный, вносимый школою, разлад, при котором все существо человека раздвояется, «исчезает всякая внутренняя цельность, всякая цельность жизненная, обессиленный ум не дает плода в знании, убитое чувство глохнет и засыхает, и человек, оторванный от почвы, становится пришельцем на своей собственной земле», мы уже показали выше. Что же касается до соответствия школьного учения с общим уровнем образованности в стране, то, конечно, можно и среди готтентотов устроить блестящую школу, можно гордиться высокими уровнем науки в заведениях созданных, но проку от того будет немного. Для плодотворности посевов высшей науки нужна приготовленная, уже несколько возделанная историею почва, нужен преемственный духовный подвиг целых поколений, нужны предания умственного труда, умственной жизни. Без такого исторического удобрения едва ли дадут годный плод насаждения высшего знания и науки — это нравственная истина. Нельзя забыть горькой насмешки Ломоносова, который, видя, как выписывали в русскую академию европейских ученых и иронически любуясь ее заемным блеском, выразился так: «Диво, что и студентов из-за моря не выписывают!»[9] То-то бы цвела наука в Русской земле!..

Но как же сделать, чтоб школьное воспитание отвечало этим условиям? *Сделать* этого нельзя, да и ни в какой стране, где просвещение развивалось свободно, самостоятельно, органически, нет о том и вопроса! Это делается само собою, естественным образом; школа там есть продукт самой жизни; школа подвигает за собою жизнь, — жизнь толкает школу. И разлада между ними нет, как бы высоко ни стояло образование, куда бы ни заходила личная свобода знания. Не очень давно некоторые петербургские публицисты клеймили насмешками Англию за деспотизм ее общественного мнения, за консервативный, вялый, не довольно прогрессивный характер ее школы. Наши прогрессисты могут гордиться тем, что программа нашей школы — опередила Англию, что мы пошли дальше ее, а Англия плетется чуть ли не позади нас! Она, эта бедная Англия, трусит своего общества и никак не смеет порвать связи со всеми его жизненными началами; она вынуждена чиниться и церемониться с своими преданиями, с своей историей и со всеми возможными общественными предрассудками. То ли дело мы! — мы вот так не чинимся. Странно только, что доблестных мужей, подобных английским, не поставляет наше общество и что Англия все-таки стоит впереди нас во многих отношениях, даже в деле положительных открытий науки и знания, а мы, по выражению Хомякова, не изобрели еще и мышеловки[10], — а в прочем наша школьная программа несравненно прогрессивнее!

Да, в Англии и в других европейских странах не возникает и вопроса об устройстве правильных отношений школы к жизни. Но у нас этот вопрос существует и напрашивается сам собою. Мало того: так как воспитание у нас не есть дело общества, то можно всегда ожидать, что благонамеренное ведомство[11], во власти которого находится наше общественное воспитание, силою своей власти примет тотчас все надлежащие меры к установлению требуемого согласия между школой и жизнью. Этого не только можно ожидать, но можно даже и бояться в известном смысле, потому что искусственность и насилие в этом деле ничего не принесут, кроме вреда. Как невозможно было бы и даже несообразно ни с чем — умышленно и сознательно понижать уровень школьно-

го учения, после того как он был поднят так высоко, — так было бы совершенно бесполезно и даже вредно силою начальственных распоряжений и предписаний пересоздавать науку на новых началах и приводить ее в гармонию с жизнью по команде, внешними средствами: от этого терпят или наука, как было при прежних системах, или же жизнь народная, как видим это при новейших системах (вспомним спор киевского духовенства с Киевским учебным округом о народных школах [12])...

Какой же выход из этого положения? Мы не видим пока другого выхода, как *полной свободы обучения*: тогда образуются школы не казенные, а частные, общественные, соответственные потребностям общества; тогда каждая среда создаст сама себе школы, ей нужные. Два года тому назад московские купцы хотели основать свою независимую школу, под наблюдением священника. Их закидали грязью за эту мысль некоторые публицисты и учителя гимназии — и попытка не удалась. Жаль: хороша или дурна была бы эта школа с точки зрения абсолютной, но она была бы такая, какая нужна им, купцам, а это самое главное. Но, для того чтоб свобода обучения принесла свои плоды, необходимо, скажем в заключение словами Хомякова, чисто семейному воспитанию возвратить права, которых оно теперь лишено. «Ставить замкнутые и привилегированные школы вдали от центров русского народонаселения есть ошибка; обращать воспитание юношей в какую-то тайну для их семей есть дело неразумное; награждать премиями и привилегиями воспитанников, которые выросли на счет правительства, и лишать всех выгод и прав тех, которые воспитаны на счет своей семьи и не стоили никаких издержек государству, было бы противно здравому смыслу везде, а в земле русской это было бы прямым извращением ее коренных начал» [13].

<О ШТАТС-ВОСПИТАНИИ В РОССИИ>

Мы обращаемся опять к вопросу о воспитании. Мы уже объяснили прежде, какую важность придаем мы этому вопросу в современной русской действительности, — как желали бы мы сосредоточить на нем внимание нашего общества. Именно общества, а не правительства: правительство не только не нуждается в наших напоминаниях, но оно одно покуда и заведывает нашим так называемым общественным воспитанием, оно лежит на нем всей тяжестью своего мощного внимания, исправляя в этом случае, как и во множестве других, должность самого общества. Говорим это не в порицание обществу, но как несомненный и все же прискорбный факт. Чего именно недостает нашему «общественному», или, правильнее говоря, публичному, воспитанию — это общественного элемента, общественного значения, участия и контроля. Все заботы о воспитании, к сожалению, лежат у нас на одном правительстве и, конечно, составляют не малое для него бремя. Так сложилась история, — но так не может продолжаться всегда. Общество обязано снять с правительства это бремя или, по крайней мере, разделить его с ним.

Область государства есть область внешнего, — способы и средства его также внешние; его задача — внешняя правда и благоустройство. Оно может требовать от человека покорности, строгого соблюдения законов; но не может требовать от него, чтоб он имел такие-то и такие убеждения, чтоб дух его горел именно таким, а не другим пламенем, в такую-то меру и на столько градусов жара. Это, вероятно, было бы для государства очень желательно, но, к сожалению, невозможно. Государству дело только до *поступка* человека, до его внешнего действования, — но нет никакого дела ни до его души, ни до его мысли. Оно может предписывать, например, своим подданным не драться, платить деньги по займам, но не может приказывать им *любить* и *прощать* друг друга (чего и Христос не *приказывал*, что́ он только заповедовал[1]). Государство не апостол и не миссионер, не учитель, не теоретик, не начальник доктрины, — но судья, воин, блюститель порядка и внешнего благочиния. Его эмблема — меч, его сфера — принуждение, а не убеждение; его призвание — ограждать внутреннюю свободу развития человеческого общества от всяких на нее покушений извне. Государство есть то же, что внешний органический покров на живом организме, но не есть самый организм; не в государственном элементе заключается органическое творчество жизни. Все это — такая азбука, все это, кажется, так известно, что истинно совестно повторять; однако же понятия эти все еще не въелись в кровь и плоть нашего общества, не достигли еще степени жизненной силы в нашем общественном сознании, и потому никакое разъяснение их не должно считаться излишним. — С этой, поставленной нами, точки зрения на государство общественное воспитание как воспитание не может составлять призвание правительства. Т. е. государственная сила может устранять внешние помехи для воспитания, способствовать делу внешним образом, давать пособия, материальные средства, — но не может *воспитывать* человека, т. е. просвещать его мысль и совесть, наполнять его душу любовью к Богу и ближ-

ним, зажигать сердце его жаждою добра и правды, окрылять дух его в парении к высшему идеалу и т. д., и т. д. В эту внутреннюю область личности человеческой уже не могут досягать никакие орудия государственной силы, — точно так же, как вся мощь государственная, со всем ее грозным снарядом, не властна, например, извратить законы логики, дать направление науке, изменить цифры, приказать быть или не быть историческому факту, создать талант, вложить в человека силу творческого гения. — Но, скажут нам, воспитывает не государство, а люди, назначенные государством. Это, конечно, так, да иначе и быть не может. Но если они воспитывают потому только, что назначены государством, по программе и по видам, указанным государственной властью, а не в силу личного, искреннего, свободного и самостоятельного убеждения, то на деле и в результатах выходит, что обязанность воспитания все же приняло на себя государство как государство, а не то или другое лицо, — что оно, само государство, является «воспитателем» юношества. А так как мы уже выше показали, что область духа не есть область государства и что последнее по самому существу своему не может досягать до внутреннего человека[2], то и деятельность государства относительно воспитания должна по необходимости ограничиваться одною внешнею, механическою стороною, или давать результаты чисто отрицательные. Объясним это подробнее:

Не будучи ни миссионером, ни учителем, государство или, ближе к делу, чиновник, действующий как власть, направленная на общественное воспитание, может стать к области человеческой мысли и знания, к области науки и искусства — в отношение только формальное. Он справляется, например, о ходе наук и искусств в Европе, и по справке оказывается, что науки обстоят в таком-то виде и их последние выводы такие-то; искусства также дали такие-то результаты. — Кто производитель или кто мастера этих дел? — Такие-то ученые. — Где записано это производство и излагаются последние системы наук? — В таких-то книжках. — По всем частям? — По всем. — Прекрасно. Берутся последние, «самые лучшие», первосортные системы по всем отраслям знания, кладутся на фундамент государственных основных принципов, патентуются одобрением власти, обделываются в форме казенных учебников, — и воздвигается здание общественного, или, правильнее, государственного, т. е. казенного, воспитания. Что́ выходит из этого? То, что слово науки кристаллизируется, так сказать, лишается внутренней свободы и живости: оно уже зашнуровано, занумеровано, патентовано, оно не может двигаться иначе как в определенной, опробованной форме. Наука переходит разные фазисы в своем развитии; для нее настает иногда период совершеннейшего отрицания всех ее прежних выводов: это отрицание пройдет, но оно необходимо как логический момент развития, как поверка, как анализ, очищающий ее от лжи; было бы в высшей степени неблагоразумно останавливать ее в этом фазисе рукою власти. Положим, например, что по справке, наведенной государством, оказывается, что последний вывод науки где-то там, за границей, именно таков, — т. е. отрицание. Государство с примерным беспристрастием, истекающим из искреннего уважения к науке, выписывает этот вывод к себе и согласно с ним, т. е. «согласно с новейшими требованиями времени», преобразовывает у себя всю систему школьного публичного учения. Таким образом, мимопреходящее как бы приковывается к месту, легкое, изменчивое становится тяжелым и твердым под тяжеловесною рукою правительства; мода упрочивается, превращается в непреложный закон, и государ-

ство нередко дает санкцию своего могущественного авторитета такой теории или доктрине, которая там, у себя дома, на родине, успела уже разрушиться или оказаться несостоятельной, прежде чем достигла пределов нового своего отечества, прежде чем облеклась в официальное звание, дарованное ей государством. Государство по самой натуре своей осуждено действовать таким способом и иначе действовать не может. Жизнь науки не в нем, не в самом институте государственном, а вне его; государство имеет дело не с внутреннею органическою силою науки, а с ее внешним проявлением в данных условиях места и времени; оно не может видоизменяться ежеминутно и волнообразно, как живая мысль; его учреждения прочны и долговечны. Кроме того, так как действия государства, исходящие от него и его именем, непременно должны быть соображены с целью и видами государства, то в этом отношении правительство, патентуя ту или другую научную теорию, рискует стать в самое фальшивое положение. Там, где власть получила исключительное развитие и заменяет собою все отправления общественной жизни, ее действия не могут иметь характера безразличного: если чего она не преследует, то, стало быть, ограждается в своем существовании ее силою, тому она «покровительствует», и в какую бы область она ни вмешалась, этот характер от нее неотъемлем. Если государственная мощь открывает у себя настежь двери, например, отрицанию, то подвластный этой мощи и сильно ее чувствующий народ — сочтет непременно такое допущение отрицания за *покровительство*.

Таким образом, государственная власть как власть бессильна насадить самую жизнь науки, а может только разве перенесть в свои пределы извне — разные знания. Но и самые знания, механически перенесенные, почти всегда бесплодны, не производительны, точно так, как шкап с книгами сам по себе не больше как вещь, мебель. Можно, например, властию правительственной сосредоточить в юношеских головах, в каждой, такую массу сведений, какой не вмещает в себе ни одна отдельная голова ни в Германии или Англии, а между тем и Германия, и Англия — страны, без сомнения, образованные и несравненно образованнейшие, чем Россия. Масса сведений, механически сложенных в голове, без органической живой связи, без внутренней деятельности духа не *пользует ничесоже*[3], а малое знание, живое, не формальное, но вошедшее в духовную плоть и кровь человека, пользует.

Точно так и в другой области воспитания, чисто нравственной. Здесь старания государства дают и результаты чисто отрицательные. Нравственная проповедь, исходящая от начальства, — формальное, официальное благонравие, требуемое властью, — могут породить в свободном духе юноши реакцию совершенно в противоположном смысле: он поддался бы, может быть, вполне искреннему слову убеждения; но как скоро требования, простирающиеся на его совесть, на «святая святых»[4] человека, носят формальный характер и предъявляются властью, то они кажутся юноше нередко каким-то посягательством на свободу его духа и возбуждают в нем страстную жажду противоречия, не всегда выгодную для польз государственных. Бывает и так, что молодой человек совершенно покорно жертвует свободою совести и беспрекословно подходит под мерку официальной нравственности; другими словами, воспринимает в свою душу весь официальный нравственный катихизис. Но такое восприятие, делая его, конечно, благонравным в смысле внешнем, не дает ему никаких нравственных сил или, вернее, поражает бессилием те самостоятельные, сво-

бодные, нравственные силы духа, которые отпускаются в удел каждому человеку. А человек, обессиленный таким образом, — непроизводителен в нравственном смысле, бесполезен и государству и обществу.

Из всего этого можно сделать следующий вывод:

Государство, принимая на себя обязанность *воспитателя* юношества, усиливаясь воспитать ум и душу молодого поколения, приходит к результатам — совершенно противоположным *истинным* выгодам государства.

Оно производит людей, механически обученных, с знанием бесплодным и всегда недостаточным: область знания непрерывно расширяется, а механически обученный нынче уже не годится на завтра, потому что в его знании нет внутреннего самороста, живой органической силы. Оттого, между прочим, нашей России так трудно поспевать за реформами во всех сферах, даже технической. Нынче, например, мы узнаем о новых системах кораблестроения; посылаем людей за границу, которые легко и быстро перенимают эту систему, и на основании ее переделываем весь наш флот; а там, между тем, за границей, явилось уже несколько новых систем, совершенно уничтожающих только что перенятую нами, — перенятую с тем благоговением, с каким студент относится «к последнему слову науки».

Оно (т. е. государство) в отношении нравственном порождает или людей, совершенно отрицающих нравственность, излюбленную и рекомендованную правительством, — или же людей казенно-нравственных, но лишенных всякого нравственного деятельного начала, отрицательно добродетельных, но не доблестных, без производительной нравственной силы духа. В этом смысле *чиновник* (разумея это слово в его *типическом* значении, т. е. в значении человека, проникнутого всецело, умом и совестью, принципом официальным, живущего единственно для казенного интереса) и *нигилист* — суть оба плоды нашего государственного воспитания.

История воспитания в России со времен Петра есть история чисто правительственной деятельности. Исторические обстоятельства сложились так, что правительство вынуждено было взять на себя ту обязанность, которая несвойственна натуре государственной власти. Государственная мощь предприняла громадную задачу: не отрекаясь от своего принципа, создать в России такое просвещение, такое образование не только мысли, но и духа, которое бы вполне гармонировало с незыблемыми основными началами государства и в то же время давало бы всю ту пользу, какую имеют от наук, и вообще от творческого духа человека, прочие страны. Науки и искусства поступили на *службу*. Нельзя не придти в изумление, говорили мы уже однажды, «пред теми настойчивыми, энергическими усилиями государства: создать во что́ бы ни стало — штатс-просвещение, штатс-науку, штатс-искусство, штатс-поэзию, штатс-литературу, штатс-нравы, штатс-нравственность. Государство не щадило расходов на воспитание общества в направлении и духе, соответствовавших государственным целям. Конечно, ни одно общество в мире не стоило таких издержек казне, как русское общество!»[5] Плод этих самоотверженных, настойчивых усилий — современное просвещение России. Два главных типа выработаны нашим современным просвещением и публичным воспитанием: чиновники и нигилисты... Первые, т. е. чиновники (разумеем благонамеренных, таких, которые вполне воплотили в себе идеал чиновнический, вместили в себя все, что́ могло им дать доброго казенное воспитание), конечно, оказали немалую

пользу правительству; однако же само правительство в наше время постоянно ищет деятелей *не* казенных, в среди не чиновной, таких, которые бы были воспитаны вне его влияния, — требует людей, самостоятельно *убежденных*, а не одних слепых исполнителей... Нигилисты — это антипод чиновников, противоречие, чиновничеством же вызванное к жизни: другой жизненной почвы нигилизм у нас и не имеет, какие бы ни принимал формы, в какую бы бюхнеровщину[6] ни облекался. Он сам по себе не имеет содержания, чужд всякой положительной, зиждущей силы; у него только одно значение — отрицания, направленного преимущественно против всего того, что́ к а з е н н о в какой бы то ни было области. Он весь — болезнь, но болезнь не самостоятельная, а созданная лекарствами. Поэтому-то нигилизм особенно преуспевает у нас в общественных заведениях и слаб в воспитании домашнем.

Мы сказали в последний раз, что наше общественное воспитание не укрепляет, а расслабляет и как бы совершает на каждом человеке из народа, приобщающемся к нашей цивилизации, поступающем в наши школы, действие Петровского переворота[7]. Это действие заключается в том, что человек отрывается от почвы, на которой вырос, и становится пришельцем на своей собственной земле[8]. Мы заметили также, что простой народ всех учившихся в наших средних и высших заведениях — разумеет *чиновниками*, принадлежащими уже не к народу, не к земству, а к сфере *официальной*. Он не совсем ошибается, если вспомнить, что у нас нельзя почти получить образование иначе как пройдя «по всей официальной лестнице общественного воспитания», с помощью официальных учебников, по официальной программе; что науки и искусства, изучаемые и воспринимаемые воспитанниками наших общественных училищ, опробованы официальною властью. Таким образом, сотни тысяч молодых людей ежегодно, по понятиям народа, испытывают на себе, чрез официальное воспитание, действие Петровского переворота, отрываются от родной почвы в обширном, нравственном смысле этого слова, становятся пришельцами на своей собственной земле, переходят из земства, из народа, в чиновников, в мир официальный, казенный, государственный. Можем ли мы после того дивиться тому недоверию, которое имеет народ к нашему воспитанию, тому нерасположению, которое мы замечаем в нем к нашим книгам *гражданской*, т. е. казенной, печати, к нашей светской науке?

Всякий, ревнующий о достоинстве государственной власти, должен желать, чтобы она не истощала даром своих усилий на выполнение обязанностей, не свойственных ее природе. Без малейшего сомнения, правительство желает только блага и блага, но там, где ему приходится действовать за общество или за церковь, оно, по самому существу своему, осуждено действовать внешними средствами в области духовной и, следовательно, извращать поневоле самую природу духа, — что́ отражается невыгодными последствиями и для самого государства. Общество и церковь, как мы сказали, должны облегчить это бремя, лежащее на правительстве. Функции (или обязанности) государства, для блага его самого, должны быть строго уяснены в общественном сознании...

<И РАДЫ БЫ В РАЙ, ДА ГРЕХИ НЕ ПУСКАЮТ>

«И рада бы в рай, да грехи не пускают!»[1] — вот что́ самой про себя приходится теперь часто, слишком часто повторять России, или, лучше сказать, — вот что́ думается про Россию невольно, когда всматриваешься пристальнее в события нашей современной русской действительности. Кажется, вот блеснула заря и засияет солнце на безоблачном небе, — но не лезут с неба упорные тучи, опять сошлись, нависли, и опять серо, и опять сумрачно. Кажется, вот пробежало по всему организму ощущение здоровья и силы, бодростью и гордостью окрылился дух — все ему нипочем, горы сдвинет... А потом, смотришь — затомился он снова тайным чувством внутреннего бессилия, смутился недоверием к самому себе, к своим дарам Божьим, и не только не сдвигает гор, но об каждый камушек на дороге спотыкается, от каждого валуна готов обратиться вспять... Как, по-видимому, счастливо закончились для России в прошлом году обстоятельства политические[2] — какое спасительное сознание обхватило, по-видимому, все слои русского населения — сознание своей народности, своих прав и обязанностей как русского народа (например, по отношению к Западной России), — какие широкие мировые задачи, казалось, ей достались на долю, какие высокие исторические призвания раскрылись ей, и как по плечу они для России!.. И вот закипает работа, напрягаются мощные мышцы — приносятся жертвы, тратятся силы, и, кажется, близка цель... но... но... Как будто что-то мешает, что-то держит там, сзади, и не пускает, что-то свинцом налегло на руки, что-то гнетет, от чего-то путается и не спорится работа; — и уже не только цель не дается в руки, но отодвигается все дальше и заволакивается каким-то туманом... Что ж это держит, что ж это давит?

Старые долги, старые недоимки! — и история, как неумолимый кредитор со счетом в руках, бежит сзади и требует к расплате! Да, видно, не расквитавшись, не ликвидировавши прежних долгов, не совсем удобно пускаться в путь дальний и новый или начинать дело, требующее свободного капитала, — точно так же, как, не расставшись с старым грехом чрез исповедь и покаяние, не выйдя из его плена, едва ли благоразумно браться за подвиг, который могут подъять только силы освобожденного, очищенного духа!.. И много накопилось этих долгов за последние полтораста лет нашей исторической жизни, — и таких долгов, что мы, должники, не знаем им ни числа, ни названия, а наводят их нам на память лишь роковые события при предъявлении грозных счетов историческою судьбою — в ту самую пору, когда мы наиболее нуждаемся в средствах! И в самом деле — все мы помним, как страшен показался нам список этих долгов, предъявленный Восточною войною, и каких напряженных усилий потребовалось нам, чтобы избегнуть совершеннейшего банкрутства!.. Но этот список был далеко не полон, или только один из списков, вернее же сказать — мы расквитались тогда только в процентах, а еще не в капитальной сумме... Дело в том, что, двинувшись благодаря нынешнему царствованию на путь разнообразных реформ, мы только теперь ежедневным опытом убеждаемся, как не-

достаточно для осуществления их одного благого желания, как необходимо обновиться вполне и всецело, вполне отречься от прежнего пути, прежней системы, — совершить полный акт действительного, несомненного покаяния, т. е. сознать и назвать, обличить без пощады, неумолимо, свой собственный грех и твердо решиться развязаться с ним отныне и навеки. Мы не совсем верим в исправление несознательное; мы не думаем, чтоб так-таки можно было легко и удобно, как по рельсам, перекатиться из порока в добродетель и, заснув вчера вором, льстецом, низкопоклонником, обскурантом, проснуться утром — честным, правдивым, мужественным, свободомысленным гражданином, любящим свет и жаждущим света... Если же по тому проворству, с которым у нас все творится, как по щучьему веленью в сказке, — и кажется иногда, что преобразование идет на лад, вполне удачно, и что мы можем обойтись без формального разрыва с темными преданиями не слишком, впрочем, давнего прошлого, что, наконец, и каяться-то нам особенно не в чем и условия для нашего преуспеяния довольно благоприятны, — то последствия не замедлят обнаружить всю ложь нашего самообольщения! К сожалению, мы и тут большею частью не доискиваемся причины, не приходим к сознанию коренного греха, а сваливаем всю вину на внешнюю мелочную ошибку и ограничиваемся ничтожною, временною поправкой, — или, как мы уже выразились, успокаиваем кредитора уплатою не капитальной суммы долга, а только процентов.

Мы не принадлежим ни к *пессимистам*, ни к *алярмистам*[3], т. е. ни к тем, для которых все окрашивается зловещим цветом и которые не склонны видеть чего-либо отрадного в будущем, — ни к тем пугливым и робким, которые готовы кричать караул при малейшем призраке общественной опасности. Мы не разделяем также оптимизма большей части наших газет, которые задали себе задачей содержать публику в постоянно приятном расположении духа и в лестном для нее убеждении, что от нее, публики, никаких особенных тяжких нравственных усилий не требуется и не потребуется. Об этом оптимизме, который едва ли есть дело искреннего убеждения, и говорить нечего... Мы могли бы быть названы оптимистами совсем в другом смысле. Мы несомненно верим в призвание и будущность русского народа; мы твердо убеждены, что в общем итоге, несмотря ни на что, сил его прибывает; мы знаем, каким тугим медленным процессом совершается исторический рост и развитие всякого богато одаренного народного организма. Но мы знаем также, что этот рост, это развитие могут быть задерживаемы, и надолго, случайными, ненужными, напрасными обстоятельствами, — что бывают недуги, полагающие на долгое время предел всякому поступательному вперед движению, расстраивающие правильность органических отправлений, требующие трудного и продолжительного лечения и не всегда окончательно исцеляемые. И добро бы беда ограничивалась одними, так сказать, физическими, материальными недугами, от которых сравнительно еще не так трудно избавиться! Но гораздо важнее и опаснее их те болезни, которые посягают на внутреннюю целость народного духа и подрывают самую ту силу, которою одной он может целиться. В таком случае нет другого пути к нравственному выздоровлению, как подвиг неукоснительного самосознания, беспощадного самообличения и искреннейшего обновления отношений духа к исконному народному идеалу добра и истины. — Было иго татарское; оно, как внешняя беда, исчезло почти без следов; был переворот Петра, от которого и до сих пор не может оправиться и наладиться внутренне Русь, хотя

и возведена им на степень могущественнейшей и великой державы, — хотя и наделена видом стройности, здоровья и силы...

В жизни народов ошибки — чужой вины, даже по-видимому кратковременные и маловажные, отзываются обыкновенно последствиями медленными и продолжительными, соответственно тем особенным размерам времени, которые существуют для исторического бытия всякого народного организма и которые никак не могут быть судимы по масштабу человеческой жизни. Ложное направление, данное, например, народному образованию, может продолжаться иной раз лет 10, 15, не более; но оно выхватит из народа несколько поколений, воспитавшихся в течение этого срока под действием ошибочной системы и ставших никуда не годным, мертвым, непроизводительным капиталом, — оно надолго обезлюдит страну, лишит ее нужных, полезных деятелей... Семена зла плодовиты: доброе семя всходит не на всякой почве, на которую падает[4]; семя зла растится и множится всюду, без особого труда и незаметно. Мы с таким тщанием принялись теперь, у себя в России, сеять и возделывать добрую пшеницу на старых нивах, — но мы и сами не знаем, или, лучше сказать, мы забыли, как много растительной силы терний и плевел заключается в этой почве, как много семян дурной травы рассеяно по ней нами самими; мы забыли, что эти семена, не выполотые, взойдут непременно вместе с посеянною нами вновь пшеницей, и дивимся простодушно теперь: отчего же глохнет эта наша пшеница...

«Да, рады бы в рай, да грехи не пускают!» Вот эти-то наши грехи и было бы полезно назвать и определить словом! И есть им имя, и не трудно было бы их уловить и выразить словом...

<ГДЕ ОРГАНИЧЕСКАЯ СИЛА РОССИИ?>

«Биржевым Ведомостям» [1] не понравилась наша статья об евреях [2], — именно та статья, в которой мы доказываем и, как кажется, доказали довольно ясно всю нелепость названия «русские Моисеева закона» [3] и всю тщету усилий выделить идею народной (православной) веры из идеи русской народности [4]. Что «Биржевым Ведомостям» статья наша пришлась не по сердцу, это совершенно в порядке вещей и нас нимало не удивляет: признаться сказать, мы бы даже несколько смутились, если б случилось противное, — если бы, например, они удостоили нас своим сочувствием или похвалою: до такой степени убеждения «Дня» постоянно противоположны духу и направлению сей почтенной газеты. На этом основании мы бы сочли совершенно излишним возражать на статью «Биржевых Ведомостей» в 216 №, если б не отражались в ней некоторые ходячие в нашем обществе приговоры и формулы, — если б мнения, ею высказанные, носили на себе личный, «Биржевым Ведомостям» только свойственный, а не общий, типический характер господствующих в Петербурге мнений.

Впрочем, отметим вкратце некоторые доводы, честь изобретения которых принадлежит, по всей справедливости, не кому другому, как самим «Биржевым Ведомостям», — до которых почтенная газета, должно быть, «дошла собственным умом», как Земляника у Гоголя в «Ревизоре» [5]. Мы говорили в статьи нашей, — просим читателей вспомнить, — об участии религии как исторического просветительного и общественного начала в образовании национального духа и указали на Западный край, в котором различие вероисповеданий служит единственным основанием для определения национальности лиц, несмотря на общее их происхождение. Это до такой степени верно, что родные братья и сестры, принадлежа к различным вероисповеданиям, принадлежат в то же время и к различным национальностям. Известно, что до обнародования в Западном крае нового закона, в силу которого дети, рожденные от брака иноверцев с православными в России, должны быть крещены в православной вере [6], — действовало там иное постановление, требовавшее, чтоб сын был одного вероисповедания с отцом, а дочь — с матерью [7]. В Западной России поэтому не редкость встретить семейства (и мы сами знавали такие), где братья — католики, а сестры — православные, и наоборот. И что́ же? — первые и сами себя считают и от всех других считаются — поляками, а вторые — родные их сестры — считаются и считают себя русскими, или же наоборот, смотря по вере, — и ни те, ни другие нисколько в этом наименовании не ошибаются: католик тяготеет к единоверной Польше, православный — к единоверной России. Совращение православного в латинство в том крае — тождественно ополячению. Мы разумеем здесь, конечно, не то насильственное совращение целых масс народных, при котором католицизм не пошел далее внешности и не в силах был извратить вконец — их русской природы, воспитанной историею в духе православия, этой первоначальной общей веры всего русского племени со времени просвещения его христианством. Такие массы еще не вполне потеряны для русской народности, и г. Коялович совершенно прав, домогаясь для них названия рус-

ских на том основании, что они — *плохие* католики[8]. Но если б эти русские — по происхождению — сделались усердными и ревностными латинянами, то одно физиологическое единство происхождения было бы недостаточной основой для той крепкой духовной связи, которою связуются Украина и Белоруссия с остальною Русью, — «Биржевые Ведомости», в виде возражения нам, объявляют, что «православие в Западном крае восстановлено только на нашей памяти, — до того же времени в нем господствовала уния[9], сроднившаяся вполне с католичеством и господство которой продолжалось там с лишком два с половиною века»; что тем не менее «русские обитатели края, хотя и отпадшие от православной церкви, не переставали быть русскими» и проч. Эта заметка побудила вмешаться в спор даже и «Московские Ведомости»[10], которые не выдержали и вступились за историческую правду против петербургской газеты (объявив при том, что они вовсе не разделяют *странной* теории «Дня»[11], — но какой теории держатся они сами — это осталось необъясненным: вероятно, той самой еврейской теории г. Гордона, которой изложение помещено в «Русском Вестнике»[12] без всяких примечаний и оговорок со стороны редакции?). «Биржевые Ведомости» этим своим ответом обличили сами себя в полнейшем незнакомстве с историей и с положением Западнорусского края; им неизвестно, что православие *на нашей памяти* восстановлено только для остального числа униатов, которых несколько миллионов возвратилось к «древнему благочестию» еще гораздо раньше без всяких побуждений со стороны правительства и тотчас по освобождении края из-под польского гнета. До сведения «Биржевых Ведомостей», должно быть, не доходило, что даже при господстве Польши и унии значительное число русских в том крае продолжало пребывать в верности православию. «Биржевые Ведомости», по-видимому, не знают, что уния была введена насильственно и никогда не оседала прочно как народное, искреннее, общественным и народным сознанием утвержденное вероисповедание, а всегда была колеблема и волнуема стремлением униатов к воссоединению с православием и противодействием окончательному окатоличению. Это-то стремление и составляет главное характеристическое содержание не только малорусской, но и белорусской истории. Про Малороссию и говорить нечего: там борьба с латинством поглотила собою всю историческую жизнь этого края. Почтенная газета, видно, не знает, что сама уния вовсе еще не есть латинство, а только удобный переход, устроенный иезуитами, от православия к латинству[13], и потому не способна действовать в такой же степени на образование национального духа, как религия положительная; уния, как всякая духовная помесь, действовала вообще вредно на народный характер, но все же она настолько давала русскому жителю возможность сохранить свою русскую народность живою, насколько в самой унии сберегалась связь с вероисповеданием всей остальной Руси. «Биржевые Ведомости» с наивностью спрашивают: «Разве русские обитатели Северо-Западного русского края, хотя и отпадшие от православной церкви, переставали быть русскими и составили из себя какую-то особенную народность?..» Но с чем же воюет Россия уже столько времени, каких польских помещиков старается она отстранить от владения землею, каких польских чиновников удаляет от должностей, с какою польскою национальностью борется в Западном крае[14], как не с тою самою, которую, по выражению «Ведомостей», именно «составили из себя» тамошние русские, «отпадшие от православной церкви и переставшие быть русскими»?? Все эти

так называемые польские чиновники и помещики — чтó они такое, как не туземцы русские, «отпавшие от православия» и ополячившиеся? Между тем — странное дело! — «Биржевые Ведомости» признают существование и поляков, и польской национальности в Западной России, и уж, конечно, назовут князя Чарторыйского поляком [15]; но если б они задали себе вопрос — откуда же явились поляки в Западнорусском крае, они бы узнали, что поляков, кроме небольшого числа пришельцев, — поляков по праву физиологического происхождения, — там нет вовсе, — что это все русские туземцы, которые (в том числе и волынский князь Чарторыйский) сначала отпали от православной церкви, потом окатоличились и, вследствие этого перестав быть русскими, примкнули к польской народности и составили польский элемент в области искони русской. Советуем «Биржевым Ведомостям» прочитать внимательнее историю унии г. Кояловича [16] и даже хоть его лекции по истории Западной России, печатавшиеся в нашей газете [17]. Русскому публицисту выступать на журнальное поле с таким скудным запасом знания, какой обнаружен г. Трубниковым в вопросах самых живых и насущных, — по меньшей мере не годится...

Далее «Биржевые Ведомости» указывают нам на раскольников, отвергающих общение с православною церковью и тем не менее остающихся русскими. «Без всякого сомнения, — восклицают “Биржевые Ведомости”, — такой раскольник настолько же неправославен, сколько и другой иноверец, а иногда, быть может, и еще более!» Ну, не поблагодарят же наши старообрядцы, даже беспоповщинских толков [18], г. Трубникова за то, что он сравнил их с латинянами, лютеранами и назвал неправославными! Петербургскому публицисту, вероятно, неизвестно, что старообрядцы-то и именуют себя православными по преимуществу, что они действительно православные и только вследствие разных невежественных недоразумений отвергают общение — не с православием вообще, а с внешним проявлением православия в России со времен патриарха Никона [19]. Старообрядцы не еретики, а сектаторы [20], — народная история их одна с прочими русскими; они воспитались от единой духовной трапезы; их отделило от нас излишнее и суеверное отношение к древней обрядовой стороне православия, но они сохраняют, по крайней мере в принципе, полную верность древнему благочестию и духовному историческому началу русской народности. Что же касается до молокан, хлыстов, духоборцев [21], то они настолько русские, насколько, во-1-х, личное их уклонение от общего вероисповедания не заглушило в них непосредственного чувства русской народности, общего им со всем остальным народом и выработанного веками его долгой исторической *православной* жизни; во-2-х, насколько их религиозные верования нейдут вразрез с жизненными и гражданскими стремлениями остальной массы русских, — и, наконец, насколько они сами последовательны в своих религиозных убеждениях и в жизни. Вообще же мы должны заметить, что, проводя и излагая принцип, начало во всей его логической строгости, мы нисколько не отрицаем возможности отдельного, одиночного факта, обусловленного разными житейскими случайностями. Иной еврей *лично* может быть несравненно нравственнее и милосерднее иного христианина, и иной христианин может быть несравненно хуже всякого язычника. Чтó же из этого следует? Следует только то, что и еврей, и христианин не строго последовательны в своих религиозных верованиях, что еврей уклонился от еврейских предрассудков, а христианин забыл о своем христианском призвании. Но на таком неверном и случайном отноше-

нии к своему знамени, к своему явному и гласному исповеданию веры и нравственного закона невозможно строить ни законов гражданских, ни логических выводов о достоинстве того или другого принципа.

Но самое интересное в статье «Биржевых Ведомостей» — это именно следующее место. Мы сказали: «Хороши русские латинского, Моисеева, Магометова закона, которые, вместе со всем русским народом, не могут назвать Русь *святою* Русью!» [22] Чтó же на это возражают нам «Ведомости»? Они возражают, прежде всего, что название это «вовсе *не народное*, а книжное и притом риторическое, встречающееся в театральных драмах и патриотических песнопениях»!! Как виден здесь публицист, знакомый с Россиею только в Петербурге и судящий о ней только по драмам Кукольника [23] и патриотическим стихотворениям некоторых певцов? Чтó ему за дело до былин, песен, сказок, распеваемых и рассказываемых на всем пространстве великой Руси! Г. Трубников, видно, никогда и не слыхал про *святорусских* богатырей, никогда и не заглядывал ни в один из сборников былин и песен, которых так много издано в последнее время (можем ему рекомендовать «Сборник» Киреевского, «Сборник» Рыбникова, Бессонова — «Калеки перехожие» [24] и пр.). Он, видно, не знает и русских пословиц и поговорок (можем ему рекомендовать «Сборник пословиц» Даля [25]), — наконец, никогда, видно, нигде и не жил в России, кроме Ингерманландского ее края. Доказывать, что название «святая Русь» есть народное, а не книжное, было бы не только смешно, но и совестно: достаточно заявить только о смелом отрицании народности этого названия как о черте весьма характеристической — в нашей современной периодической печати. Все остальное после того становится возможным и ясным... «Русь, — возглашают “Биржевые Ведомости”, — называется ныне Россией, а вероятно, “День” согласится, что к этому названию нашей родины прилагательное “святая” *не слишком подходит*, а главное, что оно нигде и не встречается в таком соединении». Чтó сказать против такого аргумента? «Биржевые Ведомости», уверяя, что название *святая Русь* есть книжное, забывают, что не *святая Русь*, а именно самое название *Россия* есть книжное, официальное и не народное, и даже редко где и произносится в народе правильно (он говорит *Россея, Рассея* и охотнее употребляет выражение — *Русь, Русское царство, Русская земля*). Вероятно, по понятиям редакции «Биржевых Ведомостей», только то народно, чтó официально или чтó народным официально, а не иначе признано. Если же им нужно в pendant * к выражению *святая Русь* указать на иное прилагательное, *подходящее* к слову Россия, — то ведь и в книжном, и в официальном языке употребляется часто — вместо «святая» — «православная Россия»! Этот довод, как ни странен он сам по себе, должен быть убедителен для г. Трубникова.

Желая во что бы то ни стало доказать, что приверженцы латинства, ислама и пр. могут быть «чистыми и истыми *по духу и убеждениям* русскими», стремясь оправдать и узаконить выражение русские *Моисеева закона*, на которое мы напали, почтенный петербургский журналист объявляет, что «потерять право называть Русь *святою* Русью — *вовсе не так прискорбно*, как это кажется с первого раза»... На это мы возражать не станем: эти слова так красноречивы, что говорят сами за себя. Пойдем далее. «Российская империя, — продолжают далее “Биржевые Ведомости”, — как государство, *составленное из иноверных*

[a] в добавление (*фр.*).

и иноплеменных народов, обойдется, конечно, и без этого названия (*святая Русь*), не потеряв нисколько своего величия и своей силы»!.. Прочтя эти странные строки, подумаешь, право, что дело идет об А в с т р и и! Как же бы иначе выразилась эта газета об Австрии, — как не теми же словами, что Австрия есть государство, *составленное* из *иноверных и иноплеменных народов*?! Так, по-вашему, Россия — не цельный народный политический организм, а какой-то сочлененный, составленный агрегат вроде искусственного австрийского *гезамтфатерланда*[26], в котором по штату не полагается ни единой живой народной индивидуальности, а взамен их имеет существовать какая-то отвлеченная национальность и м п е р с к а я (как и называют себя там польские крестьяне в Галиции — имперцами) — национальность, которой единый живой принцип и вероисповедание есть верноподданничество австрийскому императору! Вот до чего договорился наш публицист, да и не он один, а и другие некоторые журналы. Они забывают, что русский император есть государь русский, а не коллективный, что Россия потому только и Россия, что она Русь — живое, цельное тело, а не мозаическая сборка иноверцев и иноплеменных. К этому телу могут прилепляться прочие народные личности и тела, могут претворяться в его органическую сущность или только пользоваться его защитой, — но весь смысл бытия, вся сила, разум, историческое призвание, весь исторический raison d'être* — заключается именно в *святой Руси*, над которою так подтрунивает почтенный орган биржи. По тому, как «Биржевые Ведомости» понимают и определяют *Россию*, бедная *Русь* совершенно теряется и исчезает в ней — в массе «иноплеменных и иноверных народов», в общем их растворе под видом «Российской империи». В таком случае уж не придумать ли и в самом деле для России нового названия, как советовал один умный человек *не* русского происхождения[27], например, назвать ее *Петровиею*, а русских — *петровцами*?? Но если этим фабрикантам новой русской народности до́роги величие и сила России, то по какому же непонятному легкомыслию не хотят они признать того, что́ составляет коренную основу этого величия и силы? Мы же скажем, что Русское государство только до того времени и в той мере крепко и сильно, в какой оно проникнуто духом русской народности, пока остается верным народным русским началам, пока оно — Русь. Всякое величие и сила, не на народности основанные, непрочны и шатки.

Неужели еще есть люди, которым надо доказывать, что государство как внешний покров народного цельного организма может быть крепко только внутреннею органическою силою?.. Неужели еще не ясно, что если бы эта сила перестала действовать или почему-либо ослабела в действии, если бы от какой бы то ни было причины произошло расстройство органических отправлений или непомерное развитие одного органа в ущерб другому (например, внешнего покрова на счет всего тела), — то государство, при всем своем наружном блеске и могуществе, не представляло бы залогов истинной крепости и долгоденствия? Должны ли мы еще напоминать, что эта органическая сила — народность? Россия, повторяем, не есть совокупность разных племен и народов, сплоченных внешнею материальною связью государственного единства, не «агломерат» и не «агрегат» (по техническому выражению ученых)[28], а живой, цельный народный организм, развившийся и разросшийся собственною своею

* смысл существования (*фр.*).

внутреннею органическою силою: только те посторонние тела связались и связываются с ним неразрывно, которые прирастают к нему органически, проникнись органическим с ним единством. Вообще, никакое государство никогда не должно упускать из виду з е р н о своей жизни и силы — истинный родник, причины и основы своего исторического бытия. Кажется, едва ли нужно говорить, что в Руссийской империи — этим зерном, этим источником жизни и силы, этим седалищем зиждущего разума — является Русь — русский народ, а не те иноверные и иноплеменные народцы, которые заслоняют для «Биржевых Ведомостей» настоящую Русь, — не Остзейские провинции, не Польша и не Финляндия, как бы ни были они крепко связаны с Русью. До какой степени была полна жизни эта органическая сила до Петровского переворота — свидетельствуется тем, что все приобретения и завоевания *тогдашней* Руси русели сами собою — становились тотчас же ее нераздельною частью. Было уже неоднократно указано и нами, и другими на пример магометанской Казани, которая через 60 лет после завоевания стояла уже с *своею* всечтимою иконою Богоматери чуть не во главе земского ополчения, поднявшегося на освобождение Москвы[29], на воссоздание Русского государства и государственного единства; было уже не раз упомянуто нами и о могуществе русской древней свободной колонизации[30].

Действие этой силы было временно приостановлено реформою Петра...

Отвлеченное государственное, механическое единство, созданное Петром, имеет ту историческую заслугу в жизни русского народа, что оно вызвало к жизни народное самое сознание, заставило уразуметь духовную сущность его органических начал и — оценить истинное значение живого, *не* отвлеченного единства... Напрасно думают иностранцы, что Россия существует единственно как мысль и создание Петра. Степень могущества Российской империи всегда зависела и зависит от меры участия духовных сил русской народности во внешнем государственном устройстве России, от степени сближения правительства с народом, государства с землею[31] (как мы это видели и в 1812 и отчасти в 1863 году[32]). Несмотря на отвлеченность созданной Петром централизации, несмотря на разделение средоточия власти с средоточием Русской земли, — только подкладка, так сказать, внутренней органической силы давала еще и дает движение и силу Петровскому государственному механизму! Только Русью жила и держалась империя, несмотря на все преграды, положенные органическому действию и собственному развитию самой Руси — безусловным преобладанием западной цивилизации, — господством теорий вроде теории «Биржевых Ведомостей», «Вести»[33] и компании, — и, наконец, разрывом образованных классов русского общества с русским народом...

<В ЧЕМ НЕДОСТАТОЧНОСТЬ РУССКОГО ПАТРИОТИЗМА?>

В прошлом году, в самый разгар патриотического огня[1], объявшего всех русских людей от мала до велика, без различия звания и состояния, — мы осмеливались в своей газете выражать желание, чтоб это патриотическое одушевление не подавало русскому обществу повода к самодовольству и самообольщению. Мы повторяли эту тему несчетное число раз и на всевозможные лады, мы старались, по мере наших сил, провести и водворить в сознании русского общества ту мысль, что время и обстоятельства требуют от нас патриотизма иного качества, нежели в прежние годины народных бедствий; что одного внешнего, так сказать, патриотизма, возбужденного видом внешней, грубой опасности, еще недостаточно; что есть опасности иного рода, несравненно опаснейшие; что надо уметь стоять за Россию не только головами, но и головою, т. е. не одним напором и отпором грозной силы материальной, — но и силою нравственной; не одною силою государственной, но и силою общественной, не одним оружием вещественным, но и оружием духовным; не против одних видимых врагов во образе солдат неприятельской армии, но и против невидимых и неосязаемых недугов; не во время войны только, но и во время мира. Мы говорили, что нам страшны не поляки, не немцы, не ополчившаяся на нас Европа, а полонизм, германизм, европеизм и тому подобные *измы*. Мы напоминали читателям, что даже 1812 год, — прославивший Россию подвигами беспримерного в истории патриотизма, когда встала вся Русская земля и снова, как двести лет назад, спасла государство, — даже этот год очистительных жертв и страданий народных — не излечил русского общества от недуга подражательности и подобострастного подчинения нравственному авторитету Европы — и именно Франции; напротив, вслед за 1812 годом влияние, как французское, так и вообще иностранное, усилилось до высшей степени, и Россия 1814—15 года, Россия эпохи Венского конгресса[2], конечно, не похожа на Россию 1812 года, когда она

....готовила пожар
Непобедимому герою[3].

Многие русские, явившиеся истинными русскими при блеске московского зарева, осветившего собою всю Русскую землю, почти не могут и русскими-то назваться в период времени, непосредственно наступивший вслед за периодом Наполеона I. Читатели, конечно, помнят наши слова, столько раз нами повторенные, что мало быть вообще «русским патриотом», надо быть еще русским человеком, мало любить одну русскую государственность, ее величие и могущество, надо любить, знать, понимать, ценить Русскую землю, русскую народность, наконец, мало быть русским только при больших исторических оказиях, но надо им быть и в будничное время истории, в ежедневной действительности. В самом деле, у нас многие привыкли думать, ощущая в себе искренние движения патриотического чувства — при чтении ли оскорбительных иностран-

ных депеш, при вмешательстве ли чужеземных держав в дела нашего государства или при каком-либо другом обстоятельстве, слишком грубо и видимо затрагивающем нашу государственную честь, — что этого доказательства их *русскости* вполне довольно и ничего более затем уже и не требуется. На упреки в недостатке народного самосознания в нашем обществе нам не раз приходилось слышать возражения такого рода: «А вот посмотрите-ка, какие мы русские, — какие мы патриоты в минуты опасности: сунься-ка на нас чужеземцы войною, мы все, как один человек, станем грудью за Русскую землю» и пр., и пр. Это действительно так, — в этом нет и сомнения, — и этим свойством нашим мы можем по праву гордиться, но этот похвальный патриотизм не мешает нам выдавать ту же Русскую землю тем же иностранцам — как скоро они идут на нас не войною, а мирным набегом и как скоро, не видя бранного вражьего стана и не слыша воинственных кликов, мы считаем возможным отложить в сторону патриотическое напряжение. Итак, одного внешнего, повторяем, государственного патриотизма еще недостаточно. В числе русских героев и патриотов нельзя, конечно, не признать Миниха, Остермана, — и, однако ж, несмотря на их громадные заслуги Русскому государству, мы не можем назвать их русскими, людьми русской народности, людьми земскими. «Русским патриотом» может быть и всякий иностранец, поступивший на русскую службу и отдавшийся искренно и честно интересам России, но он мог бы быть таковым же патриотом и всюду, где бы водворился на оседлость и службу: благородный дух человека возбуждает его вносить любовь и душу во всякое дело, которое ему приходится совершать!.. Но тем не менее есть сферы, где таковой патриотизм иностранца оказывается несостоятельным, где необходимо быть не только русским патриотом, а просто-напросто русским человеком, думать и чувствовать по-русски. Если же, однако, иностранцы, не будучи русскими по происхождению, умеют делаться русскими патриотами и чуть-чуть не русскими, то что́ же сказать о наших русских, которые — являясь, как и они, «патриотами» во дни народных тревог и испытаний — умеют, наоборот, во все остальное время, будучи русскими по природе, делаться совершенными иностранцами — знать не знают, да и знать не хотят ни русского народа, ни существенных основ, стремлений и требований русской народности?.. Таким образом, при всей внешней цельности и единстве России, мы расколоты сами в себе внутренне — страдаем какою-то нравственною двойственностью, и общественный духовный наш организм не может похвалиться ни цельностью, ни крепостью.

Некоторые наши публицисты обратили недавно внимание русской публики на иностранные сказания об России, издающиеся за границей и составляющая целую литературу, на так называемый *русский вопрос*, выдуманный и сочиненный в Европе. Они справедливо негодуют на недоброжелательство иностранцев, на клевету и ложь, расточаемые европейскою публицистикою насчет России, и указывают, как на новый прием злокозненной политики Запада, на попытку иностранцев — раздвоить Россию, в смысле нравственном, на две половины и противопоставить одну другой. В одном из недавних своих №№ «Московские Ведомости» привели любопытную выписку из австрийской газеты «Wanderer» [4], которая рассуждает, что в России есть Россия царя и Россия русского народа, что всякие проявления последней в исторической жизни ознаменовывались диким фанатизмом и коммунизмом, что, к счастию человечества вообще и европейской цивилизации в особенности, России русского народа не

скоро еще придется господствовать на исторической сцене и что Россия царя, сама по себе, могла бы не представлять опасности для Европы, если б вполне предалась ее цивилизующему влиянию[5]. Нелепость этих немецких соображений так резко бросается в глаза, что не заслуживает серьезного разбора. Начать с того, что идея царя есть идея самая народная, которая до сих пор никоим образом, даже в теории, от идеи русского народа отрешена быть не может и которой русский народ оставался верным, несмотря на все превратности своей собственной судьбы и судьбы престола в XVII и XVIII веке. Это доказывается даже и действиями тех агитаторов, которые признают необходимым прибегать к имени царя, чтобы подвигнуть русский народ к смутам и беспорядкам[6]. Этот ужасный, по понятиям иностранцев, народ, заявляющий всегда себя в истории диким фанатизмом, невежеством и зверством, не поддался на преступные обольщения своих мнимых друзей именно потому, что он вовсе не демократ в смысле западном, т. е. нисколько не одержим жаждою политической власти, и что для него с идеей царя связывается идея порядка, благоустройства, беспристрастия, высшего мирного правосудия. Итак, о толкованиях газетою «Wanderer» идеи царя распространяться совершенно излишне, — но нельзя не сказать, что иностранцы не совсем не правы, когда говорят о каких-то двух Россиях. Россия, разумеется, одна-единая, однородная и цельная в своем государственном и земском составе. Ее шестьдесят миллионов одного племени, говорящих одним языком, исповедующих одну веру, обитающих не чресполосно, а вместе, в одной общей местности, составляющих один политический организм, — какая европейская страна может похвалиться таким единством? Это единство, государственное и земское, сказывается при всякой внешней опасности. Но со всем тем не мы ли сами, т. е. не само ли наше русское общество вводит в постоянное заблуждение иностранцев и способствует ложному пониманию ими России, — не та ли наша *двойственность*, о которой мы упоминали выше, сбивает с толку умнейшие головы в Европе? Может ли, в самом деле, не двоиться в глазах у всякого иностранца, когда он видит пред собой Россию на Московском пожаре[7] и Россию эпохи Венского конгресса? Русских в пылу битв 1812 года и тех же русских в 1815 году?.. Не должны ли поразить всякого иностранца, умеющего читать и понимать по-русски, — те напряженные усилия, с которыми иные русские публицисты отстаивают дело русской народности и стараются поддержать в русских общественных сферах уважение к русскому народу и к его началам? Кому это напоминается, кому проповедывается? Неужели той стране, которая не дальше как в прошлом году явила пред всем миром свидетельство своего единодушного патриотизма и своей земской цельности? И неужели такая страна еще нуждается в проповеди, нуждается в напоминании, что она русская? Неужели в ней может еще быть уместно отстаивать интересы русского народа, заботиться и беспокоиться о русской народности?? Разве в Англии есть англоманы, англофилы, разве французское направление французской газеты заставит французов смотреть на это явление как на особенную заслугу или как на особенный недостаток?! Это трудно понять даже и не иностранцу. А между тем мы-то ведь знаем, что это действительно так! Знаем, что нам приходится чуть ли не на каждом шагу бороться с русскими же за интересы русской народности, не столько внешние (они легче находят себе защитников), сколько (и даже преимущественно) внутренние и духовные. Поэтому едва ли мы вправе обвинять иностранцев, ведая — по каким противоречащим

данным им приходится судить о России! Могут ли они — по русским в Париже и вообще по той массе русских отцов, которых они видят ежегодно у себя во всех уголках Европы вверяющими своих русских детей иностранцам на воспитание, — могут ли они сделать какое-либо выгодное заключение о духовном и нравственном строе России? Но, с другой стороны, как — при той нравственной невзрачности, которою, по большей части, умело зарекомендовать себя русское путешествующее за границею общество — понять оборону Севастополя, Россию 812 и 863 года? Урок последнего года едва ли, однако, пройдет даром для иностранцев. Они начинают соображать, что — главное — не надо затрагивать Россию со стороны ее государственной чести, одним словом, с тех сторон, с которых вопрос ясен для разумения даже простого народа, которые способны разбудить дремлющего в своем логовище льва и видом внешней опасности вызвать дух патриотизма даже во всех классах нашего общества. Они начинают убеждаться, что необходимо всячески обходить этого льва, чтоб его не затронуть, — а вместо него употребить, или, по современному модному выражению нашего промышленного века, эксплоатировать, в свою пользу русское общество с его притязаниями на европеизм, с его не страшным для европейцев в мирное время — с его недальновидным патриотизмом.

Помощников в этом деле они найдут в России немало, и труды их падут на почву не неблагодарную!.. Впрочем, что́ нам за дело до иностранцев? Мы упомянули о них так только, кстати, для того чтобы яснее и нагляднее представить в отражении иностранного зеркала — отражении, конечно, обидном для нашего национального самолюбия, — тот действительный недуг, которым мы страдаем и который мы все еще плохо сознаем и видим. Пора перестать нам самодовольно обнадеживаться нашим патриотизмом и, так сказать, считать себя вполне нравственно-обеспеченными известною нашею способностью стоять грудью, приносить жизнь и достояние на алтарь отечества. Пора убедиться, что эта способность нисколько нас не обеспечивает в такое время, когда нет неприятельских армий, с которыми можно было бы бороться, когда груди, жизни и достояния не требуется, а требуется деятельность мыслящего, трудящегося, подвизающегося духа; когда «алтарь отечества» ждет иных даров — гражданской доблести, любви и разумения русской народности, — наконец, талантов, которыми так богата Русская земля, но которые в ней до сих пор лежат зарыты, грубы, необделаны и — уж разумеется — не могут быть ни разработаны, ни умножены помощью одного внешнего патриотизма. Пора же понять, наконец, что способность патриотических жертв во время войны нисколько не освобождает нас от обязанностей нравственных во время мира и что если к 1863 году русские из-за границы сбежались в Россию, то нет никакого нравственного основания разбегаться после 1863 года, по миновании надобности в патриотизме, из России за границу вновь и воспитывать русских детей в Швейцарии, Дрездене, Фрибурге[8] и в прочих *немецких* рассадниках *русского* юношества! Пора также не очень-то гордиться своим единством и цельностью и уразуметь наконец, что единством и цельностью мы обязаны прежде всего не русскому обществу, а русскому народу — этому громадному и несомненному факту единства и цельности, — но что в противоположность этому внешнему, или, лучше сказать, земскому, единству и цельности, в противоположность нашему простому народу мы, как общество, являем в себе отсутствие духовной цельности и органической силы. Оттого-то наша «интеллигенция»[9] до сих пор так непроизво-

дительна, оттого-то иностранцы или судят по *нас* о целой России, или же, видя пред собой *публику* и *народ*, воображают, что видят две разные России! Оттого-то Россия могуча и слаба в то же время. Известно слово Дидерота, посетившего двор Екатерины II-ой [10]: «La Russie est pourrie avant d'être mure» * [11] — слово чистейшей лжи относительно настоящей, народной России и верное лишь относительно некоторой части тогдашнего русского общества... Известно также нелепое, до пошлости избитое выражение иностранцев, так охотно ими повторяемое, что Россия есть колосс на глиняных ногах (colosse aux pieds d'argile), тогда как именно ноги-то, фундамент ее — не из глины, а из камня и меди... [12]

Мы, с своей стороны, нисколько не негодуем на иностранцев за их «клеветы и ложь» на Россию, за их попытки, обличенные недавно нашими публицистами, подорвать наше «единство и цельность». Мы, напротив того, чрезвычайно благодарны им за указание наших ахиллесовых пят, наших слабых сторон и признаем эти нападки настолько основательными, насколько мы сами, мы, русское общество и русская интеллигенция, подаем к тому повод. Скрывать от иностранцев разрыв образованных классов с народом, слабость народного самосознания в русском обществе, недостаток цельности, единства духовного с Русской землей и отсутствие органического творчества в так называемой русской интеллигенции — скрывать это было бы совершенно напрасно, да и невозможно. Обличителем нашей неискренности в этом случае была бы сама история допетровской русской литературы, в которой наилучшие, наиоригинальнейшие и уже бесспорно самые искренние произведения — это произведения юмора и сатиры, протестующие — не против России русского народа, а против России российского общества, России салонов г-жи Китти [13] и иных общественных сфер. — Не скрывать, а раскрывать, напротив, для нашего собственного сознания, со всею подробностью правды, недуг нашей общественной жизни — вот что́ теперь нам необходимо, вот в чем теперь гражданское мужество. Необходимо было бы нам отвлечь наши взоры от внешней политики к внутренней жизни, — наши симпатии от наружного, вещественного нашего величия к нашим общественным силам, теперь скудным и бедным, — и помнить, что, отрицая значение русской народности, хотя бы только в науке и искусстве, не домогаясь от нее самостоятельности и самобытности в области духовной, мы недалеко уедем на нашем патриотизме, — напротив, с таким чисто внешним патриотизмом ослабим, пожалуй, и единство, и цельность, и самостоятельность, внешнюю и политическую, нашего отечества!

---

[a] Русские сгнили, не успев созреть (*фр.*).

<ОБ АБСЕНТЕИЗМЕ РУССКОГО ДВОРЯНСТВА>

Знаете ли вы, читатель, сколько, месяца два тому назад, считалось русских в Париже? 56 000! Да, ни больше ни меньше (и во всяком случае не меньше), как 56 000 человек — русских «патриотов», образованных людей или, по крайней мере, принадлежащих к так называемым образованным классам, — преимущественно же русских дворян. Мы не имеем причины сомневаться в достоверности этой цифры, но если б даже мы и не знали источника, откуда почерпнуто это сведение, мы бы точно так же не видели никакого повода к сомнению: не только ничто в окружающей нас обстановке не противоречит возможности подобного явления, но, напротив, этот новый вид «абсентеизма» — т. е. отсутствие не только из своего поместья или уезда, но из родины, из отечества — дает себя знать здесь, у нас дома, каждую минуту и на каждом шагу. Конечно, 56 000 человек — цифра ничтожная в сравнении с числом жителей всей Российской империи, особенно с кочующими инородцами включительно; но она покажется огромною или, по крайней мере, тотчас же возрастет в своем значении, когда мы примем в соображение численный объем собственно образованного нашего общества — объем поразительно малый в отношении к пространству и народонаселению всей России. Не забудем также к вышеприведенной цифре русских парижан присоединить еще и число русских, путешествующих и домоседствующих в остальной *заграничной* Европе. Без всякого сомнения, это общее число отсутствующих составит треть и ни в каком случае не менее четверти всего числа людей образованных и образующих в России так называемое общество, т. е. интеллигентную силу страны. Разумеется, между путешественниками есть люди, которых пребывание за границей вызвано потребностями здоровья, служебной необходимостью, серьезными интересами науки и вообще просвещения; мы нисколько не отрицаем той пользы, которую способно иногда принести путешествие, и признаем за ним значение весьма важного образовательного элемента. Но кому же неизвестно, что большинство наших путешественников странствует или пребывает в чужих краях совсем из иных побуждений, и в этом случае такой постоянный перевод за границу русских людей и денег (с одинаково низким курсом на тех и других) представляет в высшей степени знаменательное явление в современной истории русского общества. В то самое время, когда Россия переживает такой социальный переворот, от которого, бесспорно, должно начаться новое летосчисление ее исторического бытия, — когда реформы следуют за реформами, когда на каждом шагу ей нужны люди и люди, когда нужда в людях вопиющая, — наши люди — т. е. те, которые по своему общественному положению и некоторому образованию могли бы, казалось, принять деятельное участие в разнообразной современной работе, — оказываются «в *нетях*» [1]. Отчего это так? Чтó за причина погнала их за границу, как только, с освобождением крестьян, начался целый ряд желанных, прошенных и ожиданных преобразований, как только объявился спрос на дело? Сначала объясняли это явление тем, что после долгого

и недобровольного сиденья взаперти[2] все ринулось в двери, внезапно открытые настежь, — все стремилось ощутить, изведать на опыте чувство свободы передвижения; не столько дорожили знакомством с чужими краями, сколько спешили воспользоваться вновь дарованным и прежде запрещенным правом ехать куда угодно, по своему изволению. В этом объяснении много правды, — но оно может относиться только к первым двум-трем годам после Восточной войны. Затем было приискано и другое объяснение, когда, после некоторого странствования, русские люди стали оседать одиночно и роями в разных притонах Европы: утверждали, что жизнь за границею несравненно дешевле. Но это толкование едва ли вполне чистосердечно, особенно теперь, при низком курсе, когда на переводе денег теряется чуть ли не 25 копеек с рубля, когда отсутствие помещика-хозяина расстраивает его хозяйство и наносит ему положительный ущерб, когда, наконец, самый наплыв иностранцев в ту или другую местность Европы — возвышал немедленно цены на всё и превращал жизнь из дешевой в более или менее дорогую... Как бы то ни было, но во всяком случае можно было предположить, что громкие заявления европейского общественного мнения, столько враждебного России, вся неприязнь — эта старая закоренелая неприязнь Запада к Востоку, огласившаяся такими ярыми кликами в прошлом году, по поводу Польши, — что все это неистовство клевет, лжи и всяческой ненависти охладит наконец нежные порывы россиян к Парижу и Дрездену и ко всем немецким и прочим чужестранным публичным гульбищам и приютам: недаром же россияне патриоты. Но, увы! — и это не помогло, и самый патриотизм не выдержал искушения: на время приостановившаяся эмиграция возобновилась теперь с пущею силою. Дрезденские россияне, впрочем, — в то самое время, когда можно было в самом деле ожидать опасности для России, — не желая отстать от русского общества по части патриотических заявлений, прислали патриотический адрес, в котором, нисколько не стыдясь и не смущаясь, объявляли, что, и оставаясь в Дрездене для воспитания русских детей, они испытывают самые пламенные чувства, и чуть ли не восклицали простодушно в порыве восторга и во свидетельство своих исторических знаний: «ляжем костьми *ту*, мертвии бо срама не имут»[3].

Нам кажется, что причины переселения русских за границу лежат глубже, в самом историческом строе нашего общества, и едва ли даже вполне ясны для его собственного сознания. Эти причины связаны непосредственно со всею историей нашего развития и заслуживали бы особого тщательного расследования. Постараемся, с своей стороны, указать, по крайней мере, на них нашим читателям, насколько это дозволяют пределы газетной статьи, в кратком, беглом очерке.

Эти причины — нравственное состояние нашего общества, его непригодность к делу, его неспособность стать в уровень с потребностями и задачами, выдвинутыми теперь русской историей. Виновато ли оно или нет, это другой вопрос, но для нас важен тот факт, что, когда наступила пора положительного действия, когда история развязала узы крестьянского сословия, русское общество, за немногими исключениями, оказывается, по древнему выражению, «в избылых»[4]. Оно чувствует себя не на месте, ему неловко среди новых требований, ему невмоготу поднять и понести на своих плечах тягость современной действительности. Оно сбито со всех позиций, оно или мучается чувством своего горького бессилия, или же старается обмануть само себя внешними призна-

ками жизни... Можно, конечно, дать на дымящихся развалинах города пышный обед, заливать пепелище шампанским и наговорить немало красивых спичей, — но, назло всем подобным заявлениям общественной силы, нигде и никогда не высказывалось с такой очевидностью наше общественное бессилие, наше равнодушие, как именно по случаю пожаров, истребивших недавно столько прекрасных городов, столько богатых сел!..[5]

Но и не в смысле укора, — в самом деле положение современного, даже вовсе не пошлого русского человека, принадлежащего не к народу, а к обществу, очень странно и очень тягостно. В прежние времена все отношения его в действительности были более или менее точно определены: у него был известный запас знакомых, ясно обозначенных враждебных сил, с которыми он считал долгом бороться наличными, довольно скудными средствами, — и в этом заключался весь его подвиг. Можно было пробавляться всю жизнь известною долею негодования, отрицания, либерализма, носить в душе известный, по-видимому недосягаемый идеал. Мы говорим это не в насмешку, а очень серьезно. Деятельность была чисто отрицательного характера, направленная на обличение, сопротивление, осмеяние, на сокрушение, а не на созидание; деятельность положительная, зиждительная — была невозможна как вследствие внешних условий общественной жизни, так и вследствие смутного, немногими даже и сознанного чувства — своей беспочвенности, своей разорванности с народом. Деятельность поэтому была вообще отвлеченная, возможность достижения идеала (впрочем, очень неопределенного) казалась немыслимою, и люди успокаивались на самом стремлении. «Не дай душе твоей, — говорит один поэт того времени, — забыть первоначальную причину твоего негодования,

И вместо блага, вместо *цели*
Одно *стремленье* полюбить!..[6]

Молодые силы, жаждавшие жизненного дела или не чувствовавшие в себе призвания к труду чисто отвлеченному, — порастратясь в тщетных усилиях и ожиданиях, удовлетворялись под конец таким непроизводительным, отрицательным отношением к жизни, вечно тоскуя о деятельности, о бесплодном коснении духовных даров... Юные поколения нашего времени, а тем более поколения грядущие едва ли поймут этот чистосердечный, хотя дикий и неестественный вопль той эпохи, выразившийся, например, в следующих стихах — вполне искренних и внушенных искренним же гражданским чувством:

Но слышно мне порой, в тиши работ,
Что бурных сил не укротило время...
Когда же власть, скажи, твоя пройдет,
О молодость, о тягостное бремя?..[7]

Надобно сказать правду, этот период времени, о котором мы говорим, бедный внешнею жизнью, был богат жизнью внутренней, и богат, преимущественно, разработкою нашего народного самосознания. Мы указываем здесь, разумеется, на лучшие стороны этого периода и на тех его деятелей, впрочем немногочисленных, в которых воплотилось его истинное историческое значение. Большинство же общества приняло или известный склад, как мы сказали,

отрицательного отношения к жизни и в этом полагало всю свою деятельность, или же коснело в мертвенном мире с действительностью.

Время досужей отвлеченности миновало. Наступила иная пора. Язык событий, говор проснувшейся жизни заглушил мирные, отвлеченные досужие беседы; предъявился «спрос на дело»; стремления, влечения потребовали практической поверки; жизнь разом переросла все ходячие общественные идеалы и позвала к себе все те «бурные силы», праздным избытком которых так тяготились во время о́но. Увы! немного их уберегло во всей свежести от прежнего времени, немного лиц перешло совсем готовыми из минувшего в новый период и стало вровень с задачами наступившей эпохи. Люди, разрабатывавшие путем науки и умозрения наше народное самосознание, явились свершителями величайшего народного дела, освобождения крестьян, соразмеряя сознательно и добровольно — хотя и не без боли — требования возвышенных, выработанных ими принципов — с практическою возможностью. Место философских трактатов заняли проекты об улучшении народного быта; благородные идеологи поступили в мировые посредники[8]. Но, повторяем, таковых оказалось немного. Большинство нашего общества очутилось *за штатами*, сбилось со старой позиции и еще не нашло себе никакой новой и твердой, да, вероятно, и не найдет. Прежнее отрицание мигом потеряло силу и привлекательность, и если источник его еще не исчерпан, то самое отрицание должно теперь быть уже несравненно глубже прежнего и касаться не внешних, а внутренних, еще не тронутых сторон жизни... Плакать о крепостном рабстве крестьянина, горячиться против взяток, нападать на бюрократию сделалось делом праздным или бесплодным — когда рабство было уничтожено, когда открылось, что взятки одною гласностью не проймешь и причина их коренится вовсе не там, где ее легкомысленно искали, — когда бюрократами на опыте оказывались именно те, которые всего сильнее на нее нападали. Тощие идеалы общества, которые казались ему недосягаемыми и недосягаемость которых вполне обеспечивала его мирное житие, убаюкивала его совесть, оправдывала его бездействие, — вдруг оказались достижимыми или уже отчасти достигнутыми и обличили всю мелочность и внешность его либерализма, всю пустоту и тщету его оппозиции, всю бедность его внутреннего содержания. Пришлось отодвигать цель, т. е. придумывать и сочинять себе цель более отдаленную, задаваться новыми, более недостижимыми идеалами, — чтоб найти извинение своей лени и ускользнуть от труда, к которому чувствовали себя вовсе не подготовленными!

Время действительно настало трудное. Истина, которой ожидали и чаяли, сначала с таким мучительным напряжением, а потом свыкшись с этим мучительным состоянием и даже как бы слюбившись с болью, — истина, вопреки ожиданиям, не явилась совсем созревшим и спелым плодом или готовым, где-то состряпанным блюдом, которое оставалось только скушать в удовольствие, — но явилась как правда жизни, во всей сложности, запутанности, закутанности жизненных нитей, слоев, покровов, со всеми случайностями, со всею обычною обстановкой человеческой лжи, со всею ограниченностью и конечностью внешнего своего воплощения — под условиями места и времени. История оказалась вовсе не пустым делом, удоборешаемым в мире отвлеченного сознания; *жизнь* приходилось *изжить* не мыслию только, а в ее ежедневности и ежечасности. С другой стороны, при том разнообразии призывов, при том оглушительном хоре всяких голосов, подъятых жизнию, при том богатстве внешних

фактов, разом обрушившихся и заваливших нашу прежнюю проторенную дорогу, при том лабиринте путей, открывшемся внезапно перед нами, — необходимо было — чтоб не запутаться, найтись и окончательно не сбиться с толку — иметь в руках настоящую ариаднину нить, носить в себе неугасаемый светоч выработанного сознания и не терять из виду путеводной звезды, горящей в высоте, поверх земли и всех ее *фактов*.

Все переместилось. Где было добро, там явилось зло, в чем было зло, то стало добром, — что́ осуждалось, то восхвалилось, в чем полагалась доблесть, то выходит теперь пороком; точки зрения передвинулись; иные приемы, иные запросы; многие, казалось, совсем определенные, установившиеся понятия соскочили с своих пьедестальчиков, на которых они смирно сидели, как фарфоровые куколки на дамском столе; прежние кумиры разлетелись в прах, и, наконец, в довершение всего, материальные условия быта изменились до такой степени, что весь прежний строй жизни, самый *быт* прежний — стал невозможен.

Это уже не перемены внешние, не переряжение, а перерождение, или социальный переворот в самом обширном смысле слова.

Общество — прямой потомок Петровского общества, последовательно и преемственно образовывавшееся в течение целых полутораста лет, — выделив из себя все, что оно могло дать, оказалось в массе своей несостоятельным для новой жизни, очутилось, как мы уже сказали, за штатом — бежало за границу или же продолжает разрушаться здесь, у себя дома, свидетельствуя каждый день о своем нравственном бессилии. Нельзя не заметить, что оно, может быть, даже и не в меру запугано требованиями новой жизни, может быть, оно даже пригодилось бы еще ей на службу — ибо Петровский период далеко еще не может считаться вполне заключенным, и самые требования новой жизни — по недостатку условий для их действительного, конкретного, как говорят немцы, осуществления — мало-помалу из очень крупных и строгих разменяваются на более мелкие и снисходительные. Так, например, судебная реформа[9], предъявившая было запрос на самобытное органическое законодательство и сокрушившая ложь старых, также из чужи занесенных порядков, должна покуда, по необходимости, ограничиваться новым заимствованием из той же Европы, более или менее сподручным нашему современному русскому обществу, — но даже и этим требованиям не в состоянии удовлетворить наше бессильное общество!.. Освобождение крестьян и все те правительственные реформы, которые непосредственно касались народного быта, сказывались немедленно в целой жизни народа — его подъемом, его ростом, его явным поступательным движением: это не призрак, не бумага, а сама живая, могучая, богатырская действительность... Не то с преобразованиями, которые совершаются преимущественно в среде общественной (например, судебная реформа и пр., и пр.). Они не имеют той твердой опоры, которую дала первым народная почва. Они совершаются как будто в пустом пространстве, при всеобщем равнодушии и даже апатии; им некуда пустить корней — в этот пересозидающийся быт, при этом страшном безлюдье! Старое общество отстранилось, нового общества еще нет — надо ждать, пока оно народится, — и народится оно, без сомнения, но когда и из каких элементов? Не пришло еще время народиться ему из элементов народных, а те элементы, какие у нас имеются в виду, могут ли они дать здоровое общество? Наша молодежь, воспитывающаяся с детских лет за грани-

цей, наши легкомысленные отрицатели (нигилисты) — вот покуда залоги нашего близкого будущего! Разумеется, впрочем, что в действительности все является не так резко, как при отвлеченном представлении, — пустота среды может тянуться на время так, что не всякому она будет и ощутима, и преобразования будут еще долго поправляться и переделываться без всяких забот об органическом творчестве, цельности жизни и т. д.

Что же изо всего этого явствует, как пишут в канцелярских бумагах? Явствует то, во-1-х, что перемещение русского общества за границу происходит преимущественно от собственного, внутреннего, тайного сознания своей непригодности и несостоятельности; во-2-х, что наше новое время требует нового общества, а такового покуда нет и нет; в-3-х, наконец, что ненадежное общество готовят нам существующие элементы, что грешат, сильно грешат те, которые воспитывают детей с раннего возраста за границею — и что главная существенная забота всего того, что в нашем обществе остается живого, мыслящего, нравственного и любящего Русскую землю не в смысле одних патриотических заявлений, — должна быть направлена на воспитание детей, на подготовление будущих поколений. Нужны новые, совсем новые люди. Пусть же молодые матери поймут теперь свое высокое и более чем когда-либо трудное призвание, — трудное потому, что приходится оставить старый, торный и прокладывать совершенно новый путь воспитания, без поддержки примеров и преданий — при разрушающемся старом и не установившемся новом общественном быте...

<ДУХА НЕ УГАШАЙТЕ!>

«Духа не угашайте» [1], — учит апостол Павел в одном из своих посланий... «Буква убивает, а дух животворит» [2], — говорит он же. Старые слова — кому, по-видимому, неизвестные, кому непонятные, кем не повторявшиеся! Но святая истина этих старых слов, — всеми, по-видимому, знаемых, повторяемых, целых 18 веков сряду назидающих христианский мир, — предстоит и ныне миру, будто непочатое сокровище, во всей неоскудеваемой полноте своего содержания, во всей своей неувядаемой свежести, — только в редкие мгновения раскрываясь вполне сознанию человека и каждый раз поражая его внезапной новизной своего смысла, как что-то им доселе неслыханное, нечаянное, впервые открытое!.. «*Душа убывает*!» — так восклицает с невыразимою скорбью известный мыслитель нашего века, Джон Стюарт Милль [3], — таков отчаянный вопль, несущийся из среды современного западноевропейского общества... «*Духа не угашайте*!» — звучит ему в ответ, из дали веков, грозное апостольское предварение — с вечною живучестью, вечною пригодностью правды!

Мы, впрочем, нисколько не имеем здесь дерзкого намерения опускаться в самую бездонную глубь этого апостольского завета или писать трактата об его всемирно-историческом значении и приложении. Мы возьмем эти слова именно как вечно пригодное назидание — не только в религиозном, но и в философском, не только в церковном, но и в государственном отношении, не только в отвлеченной, духовной, но и в житейской области, не только как нравственное наставление, приличное в устах учителя или пророка, но и как практический, мудрый совет, полезный для государственного деятеля. Этот совет имеет особенную важность в России, при таком преобладании государственного начала, какое внесено в современную русскую действительность русской историей... Там, где инициатива принадлежит во всем внешней власти, а сама жизнь скудна органическим творчеством, там задача власти становится вдвое труднее, требует несравненно большей осмотрительности, чем в странах, где общественная жизнь вполне самодеятельна. Как ни благодетельны могут быть намерения и действия власти, она по самому существу своему, по самой натуре своей вращается в мире внешнем, а если и проникает в область духа, то или отрицательно, или же чрез его внешнее проявление. Поэтому законодателю, как скоро ему приходится иметь дело с областью духа, предстоит всегда опасность переступить пределы естественных отправлений своей власти и, касаясь духа, так сказать, излишне *овнешнить* дух, — т. е. дать преобладание *письму* (как выражается славянский текст послания) [4] над духом и угасить дух. Нельзя не сознаться, что опасность эта была весьма и весьма велика в эпоху деятельности Петра I, при его страстном стремлении все создать силою одной власти и заменить ею всякие органические силы жизни. Конечно, эта опасность уже миновала, и дух в России остался все же не угашенным... Но если иные могут, пожалуй, и не соглашаться с мнением тех, которые видят его, этот дух, как искру, покрытую пеплом, только и единственно в простом народе, — то едва ли кто

станет отрицать, что главный недуг нашего современного русского общества, главная причина, почему даже самые благие по мысли правительственные реформы не дают у нас вполне благих результатов, заключается в оскудении духа вообще и преимущественно в русском обществе. Самый мудрый, самый полезный закон способен остаться мертвою буквою, не только совершенно бесследною, но даже вредною, если он полагается на одну свою внешнюю силу, если он не ищет опереться на духовный элемент — народного или общественного сознания, если несовершенство или формальная ограниченность его как буквы не восполнится доброю волею воспринимающего его общества, — если, одним словом, он имеет дело с средою бездушною, или скудною, или робкою духом. И действительно, мы видим немало административных и законодательных мер, которые, будучи вполне верны по своему принципу, потому только не увенчались полным успехом и не принесли тех плодов, каких можно было бы от них ожидать, что в самом обществе нет настолько жизни духа, чтобы, подобно дереву, прививаемую законодательную ветвь возрастить своей собственной органической, жизненной силой... Мы не станем входить в подробный разбор причин такого обеднения в обществе творческой жизненной силы. Мы заметим только, что за невозможностью заменить творчество духа и создавать что-либо в его области орудием внешним, — *уважение к духу* есть единственное нормальное отношение к нему государственной власти при всех ее отправлениях и выражается в большем или меньшем просторе, предоставляемом ею жизни и деятельности духа. Таким образом, и слова апостола: *духа не угашайте*, ведут за собою понятие о нравственной свободе и самодеятельности духа (столько необходимой и для успеха самих правительственных начинаний) и могут служить как бы практическим правилом при совершении всяких реформ и нововведений.... Конечно, мы, русские, поставлены в более выгодные условия, чем некоторые другие народы: неугасимым жертвенником духа служит нам Вера; дух, покидающий нашу общественную среду, продолжает еще жить в церкви, — но тем более должны мы беречь и стеречь это драгоценное убежище и не вносить в него элементов «*буквы*», внешности, формализма, которые способны были бы и совсем погасить тлеющие в нем искры духа...

Далее. Одно из главных условий для успеха всяких либеральных и прогрессивных мер, говоря вообще, заключается в том, чтоб эти меры не были одиноки, отрывочны, без связи с общим строем жизни и администрации, — а также и в том, чтоб принцип уважения к духу был сознан и усвоен во всей полноте и искренности... Нередко бывает, что частная либеральная мера, являясь диссонансом в общем хоре гражданской жизни, не только не дает всей чаемой от нее пользы, но приносит даже некоторый вред или расстраивает прочие отправления общественного организма. А это, в свою очередь, побуждает многих — или восставать против либерализма такой меры, или же, за неумением с нею сладить и за неусвоением ими себе, своему сознанию самого принципа, лежащего в основании частной меры, возвращаться вновь к прежней системе, — к той прежней *гармонии*, которая еще не осуждена вполне ни их мыслью, ни слухом... Прискорбно видеть, повторяем, что многие меры, принятые в теперешнее царствование, меры истинно «гуманные и либеральные», не отвечают как будто ожиданиям и, смущая людей благомыслящих, подают им повод признавать эти меры неудобными или преждевременными. Мы же полагаем, что причина такого неуспеха нисколько не лежит в самих мерах....

На эти мысли в особенности наводит нас статья г. С—на, помещенная в сентябрьской книжке «Русского Вестника» под заглавием «Несколько слов по поводу статьи г-жи Кохановской», помещенной в нашей газете, 38 № «Дня» [5], — а отчасти и статья «Современное движение раскола в Н-ской губернии», которую читатели найдут ниже [6]. — Г. С—н, осуждая г-жу Кохановскую за ее восклицание: *слава Богу*! — вырвавшееся у нее при рассказе о раскольнике, жалующемся, что при настоящих, более снисходительных мерах правительства «спасенья не стало», — говорит, что теперь, «пока раскольники деятельно и успешно распространяют свое учение, пользуясь для того самою свободой, которая дается им, теперь такая радостные возгласы по меньшей мере преждевременны». По мнению г. С—на, «меры снисходительности и разумной свободы, предоставляемой раскольникам относительно их религиозных убеждений», хотя, конечно, «должны рано или поздно доставить торжество истине над заблуждением», но это покуда «гадания и сладкие надежды», гадания, основанные, разумеется, на самой природе вещей, вытекающие из сущности дела, но которых осуществление еще далеко. Главное же теперь, — как факт неоспоримый, по словам г. С—на, — это усиление и распространение раскола. Мы нисколько и не намерены оспаривать этот факт, подтверждаемый и другими свидетельствами, но, признаться сказать, мы не видим и цели, с которою пишутся такие обличительные статьи. Или, вернее сказать, подобные статьи, которым недостает ни выводов, ни пояснений, способны достигать совершенно и н о й цели — такой, которой, мы думаем, вовсе и не предполагал г. С—н, — даже совершенно противоположной... Распространение и усиление раскола, особенно если допустить, что оно повсеместно и не идет рядом с внутренним разложением его, есть, конечно, явление очень прискорбное, — но в этом виноваты вовсе не меры, принятые правительством, а скорее, может быть, то обстоятельство, что эти меры встречают слишком много противников, которые таким образом препятствуют полному последовательному развитию и применению этих мер. Конечно, не мы станем возражать против мер снисходительности и разумной свободы в деле религиозных убеждений. Мы позволим себе только заметить, что для успеха этих мер, столь желанного для правительства и для всей России, желательно было бы также, чтоб дух подобных мер коснулся не одного раскола, но и той среды, от которой ближе всего зависит усиление или ослабление раскола. Мы разумеем здесь наше православное духовенство. Очевидно, что одновременно с предоставлением раскольникам разумной свободы самые способы действий, направленные к ослаблению раскола, должны значительно измениться в своем характере. Старые приемы уже недостаточны и находятся в совершенной дисгармонии с новою либеральною системою, принятою правительством. Чтобы *теперь* действовать благодетельно на раскол — нужны орудия совершенно иные, преимущественно нравственные. В р а в н о й мере с усилением свободы раскола — должна бы усилиться и свобода духовной деятельности православного духовенства. В этом-то все и дело. Нельзя не пожалеть, что она слишком слаба, слишком много дает места и значения букве, или, по словам апостола, «убивающему письму» пред «животворящим духом», — слишком скована внешностью и всяческой официальностью. Нельзя не признать, к прискорбию, что и относительно нашего духовенства уместно, кажется, назидание Павла: «духа не угашайте». Мы совершенно далеки от мысли обвинять в чем-либо наше духовенство: мы знаем, что вина оскудения духа таится у нас

не столько в личностях, сколько в исторических обстоятельствах; но как бы то ни было, а при приливе новых сил духа к расколу необходимым был бы, как кажется, равномерный прилив новых сил и к православному духовенству, призванному бороться с расколом. Мы вполне сочувствуем с мерами, принятыми нашим правительством относительно раскола; они были, повторяем, давно желанны всеми, кто понимает все благо духовной свободы, — но, конечно, желанна в той же степени и свобода духовного противодействия расколу... С усилившимся расколом возможно бороться только усилившеюся деятельностью духа истины. Надо надеяться, что наше духовенство поймет это и, не смущаясь временным распространением раскола и умножением числа раскольников, даст правительству возможность удержаться на новом, принятом им пути. В противном случае, при недостатке в отношении к расколу противодействия нравственного, при стремлении со стороны духовенства — вновь, по-прежнему, вызвать употребление мер строгости и вмешательство гражданской власти, — правительство может возвратиться к старой системе, которую бы желало совсем оставить. А это было бы прискорбно во всех отношениях; это было бы невыгодно не только для раскольников, но и для самого духовенства, и, ослабив раскол по внешности, придало бы ему новую внутреннюю крепость, сплотило бы и сосредоточило бы его силу внутрь, — ту силу, которая теперь, расплываясь и растрачиваясь во внешних проявлениях, представляет несравненно менее опасности и легко могла бы быть побеждена свободною самодеятельностью духовенства. Вот эта-то свободная самодеятельность нужнее всего в наше время, — на нее-то следовало бы, по преимуществу, указать г-ну С—ну в его обличительных статьях, — а возможна ли она при угашении духа, возможна ли она без полнейшего усвоения себе нашею церковною и гражданскою администрациею высокого животворного начала: *уважения к духу*, — выраженного в словах апостола Павла?

Вообще, относительно опасностей, грозящих будто бы православной церкви, мы скажем, что никакие опасности ей не страшны, как скоро она в согласии сама с собою, т. е. с духом своего собственного учения. Позволим себе кстати напомнить читателям слова Гизо, уже приведенные нами однажды, а также и некоторые собственные наши заметки, сказанные по этому поводу [7]. Христианской религии, говорили мы, не нужно делать никаких уступок, чтоб жить в мире с свободою слова и мнения, с полноправностью всех граждан без различия и т. п. Все, что́ только способствует освобождению духа человеческого, ей не только не страшно и не опасно, но желанно и радостно. И действительно, главнейшая опасность для нее заключается в неверном понимании христианства со стороны официальных защитников христианства. Гизо верит, и мы верим с ним, что христианская религия выдержит всяческое испытание, но «дело крайней важности и необходимости, — пишет он в своем недавно изданном сочинении, — чтоб христиане не обольщались насчет предстоящей им борьбы, и главное — насчет тех *орудий*, которые им возможно будет употребить в дело...» Победа может остаться за христианской истиной только тогда, когда защитники этой истины будут вполне ей верны и, откинув орудия внешней силы, будут защищать ее единым, соответственным ее достоинству орудием, когда они убедятся, что только в свободе суждения, в свободе совести, и, воспользовавшись всею полнотою собственной свободы, они могут обрести необходимую им силу для победы над могуществом лжи и мрака, для одоления своих многочислен-

ных и искусных врагов!.. «Многие *католики,* — утверждает далее Гизо, — убеждены, что вера была бы спасена, если б они были избавлены от свободы мысли!!.. Католики слишком т р у с я т с в о б о д ы, протестанты слишком трусят авторитета, но, продолжает он, те единственно и могут назваться в наше время действительными и настоящими защитниками религии, которые в одно и то же время исповедуют во всей полноте христианскую веру и столь же искренним сердцем приемлют дар и испытание свободы!»

Если трусить свободы свойство католицизма, то мы с гордостью или, вернее, с благодарностью к Богу можем сказать, что не таково свойство истинно-понятого православия. Нужно желать только, чтоб мы, православные, вполне прониклись его духом и смыслом и убедились, со всею искренностью, что как в явлениях религиозной области, так и в явлениях жизни гражданской свобода духа есть тот источник самодеятельности, без которого невозможно ни торжество истины, ни преуспеяние гражданское. Нужно, наконец, чтоб современные прискорбные обстоятельства, свидетельствующие об оскудении духа в нашем обществе, в нашей просвещенной среде и частию в нашем духовенстве, послужили для нас спасительным указанием; чтобы, так сказать, новым слухом, обновленным сердцем и разумом принята была нами и новою, жизненною в нас властью облечена — святая вечная истина апостольского назидания: «духа не угашайте, буква убивает, дух же животворит»!

<УСЛОВИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЕДИНСТВА И СИЛЫ>

«Московские Ведомости», так ревниво оберегающие государственное единство Российской империи и с зоркостью Аргуса[1] обличающие всякую тень посягательства не только на деле, но и в теории, на ее внешнюю целость, познакомили публику с сепаративными тенденциями, проявляющимися в некоторых окраинах России и недавно (в 254 №) напечатали, как убедительное доказательство своих предположений, письмо курляндца барона Ф...., адресованное из Брюсселя в Курляндию[2]. Мы вполне уважаем всякое искреннее патриотическое чувство, а следовательно, и «Московских Ведомостей»; нам вполне понятны и знакомы эти ощущения кровной обиды, которые испытывает или должно испытывать самолюбие каждого русского, когда иноземцы чинят *поруху* нашей чести, народной и государственной. Нам дорогá, как заветное достояние, целость государственной территории; мы ни одной пяди ее не согласились бы уступить иначе, как по нашей доброй, совершенно свободной воле; слава, величие, блеск, могущество России точно так же близки нашему сердцу, точно так же захватывают его за самую глубь, как и сердце всех простых, не мудрствующих лукаво, русских людей, — и даже тех старых поэтов, над патриотическим восторгом которых так любят теперь смеяться. Но именно потому, что нам так лежит на сердце это величие и слава, — мы бы и хотели видеть их утвержденными на незыблемом прочном основании; именно потому мы и считаем нужным охлаждать иногда патриотические порывы нашего общества, чтобы обращать его внимание на те внутренние недуги, подтачивающие наше могущество, которое общество не замечает или которыми пренебрегает — в своем патриотическом самообольщении. Полезно обличать всякие действительно сепаративные тенденции, но удары, направленные на сепаратистов, едва ли не придутся мимо, если мы не углубимся в расследование причин самой возможности подобных тенденций — при той государственной силе и прочности, которыми мы так привыкли гордиться.

Условие государственного единства состоит не во внешнем единообразии форм и учреждений, не в большей или меньшей крепости звеньев той внешней административной связи, которая держит и сплачивает все части государства, — но в силе и живучести внутреннего объединяющего начала. Разумеется, в истории такое начало является не как отвлеченная идея, а как известная народность, как живая народная личность, — как народный организм, в народности которого и заключается все историческое его призвание, весь смысл и причина его исторического бытия. Народность для народа то же, что личность в отдельном человеке, — составляет такую же неотъемлемую его сущность. Человек *безличный*, точно так же как и народ безличный, т. е. с слабо определенною личностью, неспособен играть никакой самостоятельной исторической роли; личность как отдельного человека, так и народа является и действует в истории в силу внутреннего своего права и доказывает свое право на жизнь тем самым, что живет и развивается. Таким образом, право на историческое бытие

известного народа коренится в свойстве его личности, т. е. народности, и народность обусловливает все его историческое развитие. Как человек, дошедший до презрения к самому себе, до самоуничижения, теряет способность к развитию и духовно умерщвляет себя, так и народы обезнародившиеся, т. е. поколебавшиеся в вере в себя, в свое право на жизнь, в свою народность и в ее силы, исчезают с исторической арены, вымирают, перерождаются, перестают существовать исторически. Народность есть условие жизни и силы и внутреннее объединяющее начало всякого государства, т. е. той нормы исторического существования, которую создал себе народ, сложившийся в гражданское общество; народность состоит к государству в таком же точно отношении, как всякая органическая сила к внешнему строю своего организма. Нет государства без господствующей народности, без того основного зерна, которое дало бытие всему историческому организму. Мы разумеем здесь, конечно, народность, сложившуюся исторически, которая может произойти и из сочетания разных племен, но образовавших вместе один общий исторический тип, один общий народный исторический организм с определенною народною личностью (напр., французская, английская народность). Только такое государство сильно и прочно, которое вполне верно народности, его создавшей, которое есть живой, цельный народный организм, развившийся и разросшийся собственною своею внутреннею органическою силой. Это не значит, что население государства должно состоять только из одного племени. В пределы государства могут взойти и другие народности, к нему могут примыкать и другие политические тела. Эти народности или растворяются сами собой в народности господствующей, сливаются с ней, так сказать, ассимилируются, или же, сохраняя свой тип, теряются в общем типе государственном, вполне безвредные как по относительной малочисленности своей, так и по отсутствию в них внутренней силы. Таковы, например, башкиры, татары и некоторые племена финского происхождения внутри России. Но только тогда эти чуждые ингредиенты вполне для государства безопасны, когда они не пересиливают основного элемента. В противном случае оно уже перестает быть тем, чем было: явится другое государство или несколько, но не то, которое до тех пор существовало. Следовательно, все зависит от внутренней силы самого основного элемента. Если же историческая судьба связывает государство с посторонними политическими телами, то только тогда эти посторонние политические тела — например, области с сложившимся политически обществом, с народом, живущим самостоятельною гражданскою жизнью, — не составляют для него тягости, а вполне плотно и прочно примыкают к государству, когда прирастают к нему органически, проникаются органическим с ним единством. Никакая другая связь не может быть надежна, и прочность этой связи зависит не от внешнего единообразия форм управления (хотя, бесспорно, это имеет свою важность), а от той степени органической *силы сращения*, которою обладает государственный организм. Чем цельнее этот организм, чем действеннее или активнее в государстве его органическое начало, т. е. народность, тем притягательнее оно, тем действеннее, тем могущественнее сила органического сращения, тем легче прирастают к нему слабейшие посторонние тела политические, тем крепче сплачиваются они в одно целое, даже без особенных внешних насильственных и искусственных мер.

Вопрос об ассимиляции, т. е. об уподоблении себе одной народностью другой, вопрос очень любопытный и заслуживающий особенного изучения. Труд-

но определить этот закон с внешнею точностью, потому что он коренится не столько во внешних условиях, сколько в нравственных, так сказать, в духовных элементах каждой народности. Нельзя, например, утверждать как непреложное правило, что народность, лишенная политической организации, приходя в столкновение с народностью политически организованною, непременно подчиняется и поглощается ею: история представляет нам противные тому примеры; мы знаем, что побежденные нередко покоряли себе победителей нравственною силою и налагали свою народность на покорившее их государство. Вспомним Русь и Литву[3], — отчасти греков и римлян[4]. Нельзя также сказать, чтоб причина такого преобладания одной народности над другой — заключалась непременно в высшем уровне образованности или культуры: почему французы могли офранцузить немцев, а немцы не могли ассимилировать себе итальянцев, и почти наверное можно сказать, никогда не онемечили бы французов? Культура немецкая не ниже, если не выше французской. Мы видим также некоторые племена христианские (даже славянские) совершенно отуреченными и преданными теперь исламизму, тогда как христианство само по себе, независимо от веры, есть уже высшая степень культуры сравнительно с исламом. Нам указывают также на могущество приемов управления, на то, например, что эльзасцы[5] во Франции уравнены совершенно в своих правах с французскими подданными, что государство Французское не признавало вовсе и существования немецкой народности. Но никакое уравнение прав не помогло Австрии слить с собою ее итальянские владения, и как ни старалась Австрия в течение веков совершенно не признавать, игнорировать существование славянской народности чехов, хорватов, сербов, воспрещая постоянно употребление *народного языка* в училищах и официальных сферах, — ей не удалось вытравить славянской народности. Мы не станем здесь входить в подробное рассмотрение — в какой степени каждое из этих условий или совокупность их содействует ассимиляции народностей или теснейшему сплочению частей государства, но главное условие, кажется нам, заключается в самом отношении народа к своей народности, в большем или меньшем развитии народного самосознания, в его самоуважения, в чувстве своего личного достоинства, в том мнении, которое он сам о себе имеет, в той нередко безотчетной вере, которую он хранит в самого себя, в свои собственные *нравственных* силы, в свое историческое призвание. Дрогнула эта вера — народ слабеет, теряет власть претворять инородцев в свою органическую сущность, сам поддается и подчиняется вере крепчайшей другого народа. Если некоторые христианские племена теперь совершенно отуречены, то это происходит, конечно, не от превосходства ислама над христианским учением, а от слабости христианского сознания в этих племенах, от слабости их религиозных убеждений сравнительно с религиозным верованием турок. Точно так же и с народностями. Дрогнула вера, повторим, в свою народность, закралось сомнение в своих духовных силах, поникло чувство личного народного достоинства— чужая народность вторгается в такой народ, хозяйничает в нем, и государство, при всем наружном величии и блеске, слабеет, никнет и не в состоянии удержать не только те приставные части, которые только и держались внешнею силою, но и те, которые, по-видимому, приросли к нему органически. Потому что с ослаблением народности ослабляется действие органического начала в государстве, ослабляется сила сращения, ослабляются всякие связи.

Уважение к своей народности, к органическому своему началу, к духу жизни, создающему народную личность, обусловливающему ее историческое бытие, дающему ей право на историческое существование, — есть, таким образом, условие жизненной силы и могущества не только народа, но и государства. Чем крепче оно внутреннею духовною мощью, тем крепче оно и внешнею силою. Чем беспрепятственнее и деятельнее развитие его органического элемента, т. е. народности, тем богаче оно внешним благосостоянием и всяческим преуспеянием; чем свободнее и возбужденнее дух жизни народной, тем он производительнее, тем могущественнее творчество жизни, тем легче восполняется несовершенство законодательства и управления (например, в Англии). Наоборот: попробуйте устранить права народности, нарушить естественную правильность органических сил и заменить, одним словом, организм механизмом, хотя бы и мудро устроенным, а деятельность общественного элемента — деятельностью элемента чисто внешнего, официального, — вы никогда не добьетесь от государства силы сращения, вы придете к совершенно противоположному результату, — вам будет постоянно угрожать призрак сепаратизма, — вы будете осуждены на постоянное беспокойство за свою народность, на необходимость ограждать ее внешнею силою.

Ни один народ в мире не представляет такого цельного живого организма, как русский, ни один, может быть, не одарен таким богатством сил и таким могуществом естественного органического сращения и притягательности. Но народное развитие, творчество и деятельность его сил встречают, к сожалению и до сих пор, задержку в русском обществе, которого отношения к народности уже столько раз были обличаемы в нашей газете. Про русское общество можно, кажется, сказать то, что́ говорили мы выше, рассуждая вообще и без применения, именно, что в нем, при всем его патриотизме, «дрогнула» вера в свою народность (не в материальную єилу народа, а в его начала), явилось сомнение в самом себе, в своем призвании, в своем нравственном праве на самостоятельное духовное развитие, поникло чувство своего народного (не политического) достоинства, ослабело самоуважение и закралось в душу какое-то душевное подобострастие перед авторитетом Западной Европы. В какой степени виновато тут само общество и какая доля вины должна быть отнесена к другим историческим обстоятельствам — это вопрос особый. Но, во всяком случае, такое положение общества не могло не воздействовать вредно и на народную жизнь. Благо нам, что у нас есть простой народ, таящий в себе свою народную сущность неприкосновенною, хотя и лишенною покуда полноты своих производительных сил, хотя и ослабленною в своем творчестве... Уже по сумме разных неблагоприятных у нас условий для развития народного можно заключать о степени органической жизненной силы нашего народа, — той *Руси*, без которой хотят обойтись некоторые санкт-петербургские газеты, но которою, повторим еще раз, «только и живет, движется и существует Русское государство»[6].

Устранение этих неблагоприятных условий для развития народности, для деятельности творческого органического начала жизни должно составлять заботу каждого, кому дорого преуспеяние России, — и кому страшен сепаратизм. Если вас беспокоят сепаративные тенденции, то устремите вашу деятельность не столько на внешнее искоренение этих тенденций внешними способами (вы их не уничтожите, а заставите притаиться), сколько на возбуждение той органической силы сращения в нашем собственном организме, о которой мы гово-

рили; направьте ваши удары не на сепаратистов, а на те условия, при которых слабеет в народе всепоборающая вера в самого себя, в свою народность, — на нас самих, на тех, которые, будучи преданы идее государственного единства, не перестают разрывать свое духовное единство с народом. Этим мы, конечно, не хотим отрицать значения мер чисто государственных, которые всегда могут способствовать или препятствовать правильному органическому воздействию самой народной жизни; но мы желали бы убедить — что не в них, не в этих мерах вся сила. Дело просто. Если вы хотите, чтоб вас уважали, уважайте, прежде всего, себя сами; если вы желаете, чтоб чужие почитали вашу народность, почитайте сами свою народность; если вас возмущает посягательство на целость государственного единства, не посягайте сами на целость вашего духовного народного организма; если вы домогаетесь, чтоб другие народности признавали ваши права, признайте сами права вашей народности на самобытное и самостоятельное развитие, — и знайте, что никакая государственная внешняя сила не может восполнить недостаток этого нравственного самоуважения в обществе, как никакой механизм не заменит живой силы организма. Если вы желаете, одним словом, чтоб было сильно, крепко и славно ваше государство, содействуйте прежде всего развитию вашей народности, беспрепятственности ее органических отправлений, свободной деятельности внутреннего духа жизни... Вы негодуете, например, на то, что иноплеменные жители известной местности не принимают русского языка; но зачем же они станут его принимать, когда мы сами отвергаем этот язык в своей собственной общественной среде? Как бы ни усиливалось правительство наложить его извне на какую-либо народность, он будет наложен только на поверхность и не пройдет внутрь, если его права не признаны нашим собственным внутренним сознанием. Мало того: трудно, например, заставить немца сделать русский язык своим кровным и заменить им немецкий, когда мы сами постоянно заменяем у себя дома русский язык немецким и черпаем из него слова и понятия для всей обстановки нашего общественного и гражданского быта... Только тогда народ естественным ходом жизни, без всяких особенных насильственных и искусственных мер способен подчинить своему нравственному влиянию другой, когда его вера в себя, в свою народность, в истину своих начал крепче веры этого другого. Такая вера, конечно, живет в русском народе, хотя, притом, в нем нет никакой наклонности к завоеваниям, к насильственному подчинению себе чужих народностей; такая вера жила и не допускала места ни малейшему в себе сомнению в древней Руси, — такой веры нет в современном русском образованном обществе, и в этом-то и заключается главное условие нашей общественной слабости. К этому присоединяются и другие неблагоприятные условия: преобладание внешнего над внутренним, механического строя жизни над органическим и т. п. В этом последнем отношении пример всего лучше подкрепит наши доводы. Пред нашими глазами лежит богослужебная книга «Трифологион, или Цветослов»[7], напечатанная в *1748 году в богоспасаемом граде Могилеве, в друкарне* (печатне) *православного братства Богоявления Господня*[8], — т. е. напечатанная в том самом городе, за 120 лет тому назад, где теперь не существует ни братства, ни типографии иной, кроме казенной (Губернского правления), где поддержание православия сто́ит стольких усилий, забот и материальных жертв правительству, почти вовсе и не воспомоществуемому нашим обществом! Не забудем, что за 120 лет тому назад эта деятельность православного общества в Могилеве

не имела никакой поддержки со стороны власти, — при тогдашнем польском, католическом и враждебном «диссидентам» правительстве, — и опиралась на одни свои общественные силы. Как скоро же эти силы были упразднены — при присоединении этого края к православному государству, — то, при известном отношении нашего общества к своей народности и вере, одно государственное покровительство оказалось недостаточным, край ополячился и олатинился так, что теперь трудно было бы и воссоздать прежнее свободное братство или же, воссоздав, возбудить в нем прежний дух жизни...

Мы понимаем негодование «Московских Ведомостей» на курляндца Ф. и на те советы сепаратистического свойства, которые он преподает своим сородичам. Но мы думаем, что надобно прежде всего отыскивать корень зла, а не сбивать только одни верхушки. Корень лежит вовсе не в одних привилегиях остзейского дворянства, — но в условиях нашей общественной жизни и в отношении нашего собственного общества к своей народности: надо хлопотать о том, чтобы не было надобности, по выражению Грибоедова, предпочитать «оригиналы — спискам»...[9] Немцы с понятною гордостью указывают на влияние своей культуры, своей цивилизации, своего языка, своего государственного искусства, своих административных теорий, приемов, идеалов — на нашу жизнь, наше развитие, наш государственный и общественный быт: мы дали свои названия и свой тип вашей служебной иерархии, вашей администрации и многому другому, — говорят они. Следовательно, чтобы разбить эти притязания немцев, надобно отнять к ним повод; надо засвидетельствовать пред миром духовные права нашей народности, — и засвидетельствовать это не какими-либо насильственными, не какими-либо внешними только мерами, а проявлением наших народных и общественных нравственных сил. Необходимо прежде всего и выше всего уважать у себя дома свою собственную народность, признать ее права на самостоятельность и дать ей полный беспрепятственный простор для развития, — необходимо уверовать в себя не как в государство только, а как в народность.

1865

<ЕЩЕ О ЛЖЕНАРОДНОСТИ>

Восхищаться каждым проявлением «русского патриотизма», умиляться при словах «народ», «земство», «православные», кем бы и когда бы они ни были произнесены, — при каждом намеке на древнюю Русь, при каждом внешнем признаке русского национального чувства и нежной симпатии к «русскому мужичку», приходить в ярый восторг — это, казалось бы, по н а ш е й части! Так, по крайней мере, давно порешила за нас публика, и русские карикатуристы не иначе изображают так называемого славянофила, как в образе мужичища с усищами, с бородищей, с кулачищем, в сапожищах, в зипунище [1], с непременными атрибутами капусты, щей, кваса и т. п. Поэтому немало были удивлены некоторые наши, впрочем очень юные, демократы, когда увидели, что их русский костюм не возбуждает в нас никакого особенного умиления, и именно потому, что русское платье обращено было ими в какой-то мундир демократизма, вместе с полнейшим неуважением к существенным элементам русской народности. Не менее удивлены были многие и скудостью наших восторгов патриотическими восторгами русского общества. Им казалось странным, что мы не безусловно присоединяемся к тому хору похвал, которым само себя так громко и бесцеремонно тешило и еще не перестает тешить русское общество... Оно ли не заслуживало полного сочувствия всякого патриота, а тем более тех, кого общество называет славянофилами, — оно ли, которое внезапно так горячо схватилось любить единство и целость Российской империи, что и Финляндия пошла у него вдруг заодно с Тамбовской губернией, и финский язык, замена которым шведского [2] только что пред этим была, со стороны общества, превознесена похвалами, признан вдруг им неуместным и должен, согласно с новейшим воззрением, замениться, по указу, русским?!.. А между тем «День» имел бестактность постоянно напоминать обществу, что, горячась кстати и некстати за внешнее единство, оно не перестает в то же самое время подрывать внутреннюю духовную и нравственную цельность коренной Русской земли и с любовью к империи мало соединяет искренней любви к русской народности и народу. «Мудреные люди эти господа, которых зовут у нас славянофилами», — подумали многие, особенно в кругу нашего светского общества: «неудобь некая» [3] в уразумении их теорий, и еще пущая неудобь в практическом исполнении их требований. Никак на них не угодишь, с их понятиями о русской народности! То ли дело другая широкая «удобь» положения! другое широкое определение народности! Тут есть место всем чинам и рангам, тут можно и во главе народа постоять, и за народ, от его имени, пошуметь, и либералом прослыть, и получить даже название ультрарусской партии, — и все это не обязываясь ничем от-

носительно народности, ничего не лишаясь, ни от чего не отрекаясь, ни даже от англо- или галломании, тут можно, пользуясь выгодами своей патриотической позиции, под общий гул возгласов за единство и цельность и звуки «национального гимна» доставить, пожалуй, торжество и своим теориям о патронатстве над мужиками и патримониальном праве [4], и своей антипатии к наделению крестьян собственностью, к крестьянской поземельной общине и к крестьянскому самоуправлению, и своим аристократическим тенденциям и тому подобным р у с с к и м народным началам! Оно и действительно лучше. Прежде русское светское общество имело глупость отрекаться от своей национальности, стыдиться ее пред лицом Европы и тем самым подвергало себя вполне заслуженному презрению европейцев. Теперь же поняли, что несравненно приличнее и выгоднее принадлежать явно к своей народности, что вот и французы открыто исповедуют свою национальность, и англичане — свою; что поэтому и нашему светскому обществу теперь весьма благовременно надеть русские национальные цвета, что теперь это даже très comme il faut, très distingué, ça pose!* Тем более что это так легко, что это можно выполнить без всяких жертв, без всякой работы духа, покаяния, внутреннего перерождения и всего того, что проповедывает «День» и так называемые славянофилы!

Что же? и это хорошо; хорошо, что хоть внешняя честь оказывается нашим светским обществом русскому имени!.. Конечно, это лучше, чем неуважение, но тем не менее мы считаем своим долгом обличить и в этом патриотическом движении то, что́, по нашему мнению, есть только новый вид лжи, и указать на ее опасность. Прежде всего оговоримся, что мы вовсе не думаем сомневаться в том патриотизме русского общества, который заставляет все его классы без исключения, даже наиболее испорченные подражанием иностранцам, жертвовать жизнью и достоянием в минуты в н е ш н е й опасности — нашествия или только угрозы врагов. Об этом сомнении не может быть и речи, — но дело в том, что этот внешний патриотизм идет рядом с таким особенным отношением нашего общества к своей народности, которое, обессиливая и разъединяя нас внутри, нравственно и духовно, подтачивает самую ту внешнюю силу и целость, о которых мы так заботимся... Сделав эту оговорку, продолжаем. Было время, когда русские верхние классы, ослепленные блеском, обольщенные соблазном западной цивилизации, исполнившись духа самоотверженного подобострастия ко всему чужеземному, спешили отречься от своей народности и войти скорее в круг европейской гражданственности: не имея возможности тотчас п е р е р о д и т ь с я, они торопились п е р е р я д и т ь с я. Ложь чужой национальности, перенесенной в русскую жизнь, щеголяла открыто во французском кафтане, в напудренном парике, под которыми еще продолжало биться подчас чисто русское сердце, продолжал работать русский ум и еще отчасти хранились русские бытовые предания и привычки. Эту ложь заимствования можно было, так сказать, ткнуть пальцем: ее проявление было грубо, материально и, следовательно, не слишком опасно. Настало другое время, уже более близкое к нам: русские люди (мы разумеем здесь преимущественно верхние классы общества) п е р е р о д и л и с ь: противоречие между внешностью и внутренним содержанием исчезло; все пришло в своего рода гармонию, своего рода единство и цельность: цельность отсутствия чего-либо самостоя-

* весьма прилично, весьма изящно, это очевидно! (*фр.*)

тельного, оригинально-творческого, чего-либо русского в понятиях, мыслях, в жизни, в стремлениях; полнейшее духовное лакейство пред Европою; на народность не слышалось и запроса, — и это в то самое время, как политическое восстание России наиболее льстило нашему социально-политическому самолюбию и порождало тот внешний политический патриотизм, который надолго заслонил в сознании общества все другие требования народного духа! — Но возникшее одновременно с реформою Петра и ею возбужденное сознание не дремало; оно подавало свой голос, обличительный и протестующий, в отдельных личностях, которые, как одинокие часовые, стоят в пространстве исторического времени сперва на значительных друг от друга расстояниях, а потом все чаще и чаще. Протест за правду жизни и за право народности совершался преимущественно в литературе. Сначала еще не довольно ясный или выражавшийся более в отрицательном отношении к жизни, например в сочинениях Болтина, Фонвизина, Грибоедова и Гоголя, он, наконец, выступил как ясно сознанное направление, выработался как целое положительное учение. Деятельность этого направления не осталась и не остается бесплодною: его неудобные протесты нарушали духовный и нравственный комфорт светского общества, успокоившегося на лжи... В то же время и история не переставала вразумлять нас красноречием внешних фактов. Освобождение крестьян сняло с русской жизни то позорное клеймо, которое мешало ей до сих пор смотреть прямо в глаза остальному человечеству. Предъявился запрос на народность.

Под воздействием этих-то, отовсюду предъявленных, запросов, — бессильное отвечать на них полной жизненной истиной — вступает теперь наше общество в третий фазис лжи: сначала перерядившееся, потом переродившееся и выродившееся, оно — оставаясь таким же не русским, не народным по духу — переряживается теперь снова — уже в русское платье. Мы разумеем здесь платье не в буквальном, а в переносном смысле. Является лженародность. Национальность русская, понятая чисто внешним образом, и даже не понятая, а только перенятая, прикрывает собою ложь внутреннего содержания. Будем надеяться, что со временем совершится окончательное перерождение русских по крови — в русских по духу, но до сих пор в большинстве нашего общества, особенно светского, это еще не более как маскарад, — переряжение, потому особенно вредное, что производит путаницу понятий, туманит глаза, обольщает призраком народности, успокаивает пробудившуюся было в обществе национальную совесть, — мешает отличить правду от лжи и истинные народные начала от псевдонародных.

Нам случилось присутствовать при горячем обмене мыслей, хотя и неравномерно распределенному, и слышать в цельном изложении такие тенденции и теории, которые прежде мы могли только предполагать и угадывать по отдельным намекам, по статьям, рассеянным в газетах и брошюрах, например — теория о дворянстве и аристократии на русской почве; слышать даже слова, так еще недавно не имевшие никаких прав гражданства в нашем обществе: «земля», «земщина», «земство» и пр. т. под.: говорилось о народе, об народе, от имени народа. Не говорилось только об одном: о н а р о д н о с т и и интересах народа, т. е. той части народа, которая по преимуществу носит это название и достойна этого названия. Недоставало во всем этом только одного: живого, искреннего чувства и р а з у м е н и я н а р о д н о с т и. Либерализма было в расходе много: не предъявлялось спроса только на н а р о д н о с т ь... «Вы

должны бы радоваться, — говорили нам, — вы слышите слова, дорогие вашему слуху, дорогие людям того направления, органами которого, между прочим, служат "Московские Сборники"[5], "Русская Беседа"[6], "Парус"[7], "День", которое первое пустило их в оборот общественного сознания, первое напомнило о них забывшему их обществу». — «Действительно, — отвечали мы, — эти слова нам дороги, но именно потому, что они нам истинно дороги, что они для нас не слова только, а понятия, или, вернее сказать, целый порядок понятий, вам совершенно чуждых, мы не тешимся провозглашением их всуе. Вы опорожнили эти слова от их важного, древнего, исторического, заветного для народа смысла и вложили в них другое, не сродное им содержание, — какую-то странную начинку, какой-то фарш из доморощенной, французской и английской дичи. Ваше "земство" и "земщина" — не родным чем-либо звучат народу, а как the zémstvo, la zémtchina!» В самом деле, внутреннее противоречие содержания с внешнею формою уже и теперь сказалось отчасти, — не замедлит сказаться в них и вполне. Пусть попробуют эти господа (лично достойные, впрочем, всякого уважения) подумать, например, хоть в области теории, о земском соборе[8], и у них тотчас же выскочит из него или палата пэров, или две камеры, или что-нибудь такое, что́ так же отлично от идеи земского собора, как англо-французская народность от русской, что́ противно всем основным требованиям истории и духа русского народа, — от имени которого они имеют смелость или наивность вещать, во главе которого они имеют еще ничем не оправданное притязание — стоять и величаться! Они прикрывают, правда, свою нерусскую сущность русским зипуном, заимствовав даже покрой у XVII века, но что толку в том, когда из-под распахнувшихся пол торчит английский лорд, или даже не лорд, а пересадок английского аристократизма на русскую почву, или французская государственность? — Они толкуют о соединении с народом, или даже не о соединении, а об единстве с ним, как о совершившемся и существующем факте, не признавая за собою никакого греха, никакой вины относительно русской народности, не ведая, или, вернее, — упорствуя не выдать той не столько социальной, сколько нравственной бездны, которая разделяет их от народа и всей области народного духа!.. Они даже и о крепостном праве забыли: это и понятно, не они от него терпели; но если бы это право было для них истинно так ужасно, как некоторые из них восклицали, они бы об нем не забыли, они бы продолжали тяготиться этим двухвековым нашим грехом, они бы не разделались так легко и комфортабельно с покаянием, они продолжали бы себя считать в нравственном долгу пред народом. Если бы даже народ и действительно забыл про тяжкие годины крепостного права, про сделанное ему зло, то нам про это забывать еще рано. Но, впрочем, мы и не забыли: дух крепостничества живуч в нас и сквозит во все щели нашего либерализма! В самом деле, что слышится, какие ноты преобладают, громче и сильнее всех раздаются в этом либеральном хоре? Что́ было высказано и не возбуждало протеста? Неуважение к русскому народу, опасения по поводу развития народных начал, проповедь о пользе сосредоточения поземельной собственности в руках немногих, о привилегированности одного сословия в ущерб другим, ненависть к самой древней и наинароднейшей форме поземельного владения в русской земле — общинной... наводились подозрения на всё и на всех, кто за народ и народность!.. «Консервативный элемент только в дворянстве, — говорят эти господа, — а не в народе, который теперь потому только не проявляет своих диких инстинктов,

что он удовлетворен покуда наделом земли и разными льготами»...[9] И с такой клеветой на народ, с такою дерзостью самодовольства мы решаемся считать себя представителями народных интересов! Прекрасное, святое право — говорить «правду»; ничего не может быть желаннее этого давно желанного права, но надо знать правду, надо разуметь правду, надо уважать ее, — а в этих речах не правда, а ложь. Консервативный элемент в высших классах! Не видать бы нам ни Украины, ни Белоруссии, не хвалиться бы нам теперь своим народным единством с ними, если б сохранение народности было поручено одному охранительному элементу высших образованных классов. Кто изменил народности и вере в Западнорусском крае? Единственно западнорусские высшие классы, только одни они, не больше, они и ополячились и окатоличились. Кто погубил Польшу и судьбы польского народа? «Консервативный общественный элемент», т. е. польское дворянство, магнаты и шляхта. Кто у нас первый разрушил цельность общей народной жизни, подорвал органическую силу народного творчества, кто отрекся от своей народности, от своих исторических и бытовых преданий, от духовного единства с народом, кто обезьянничал изо всех сил, кто раболепствовал иностранцам, кто исказил нашу жизнь чужеземными формами, кто налагал на русский народ чужие законы развития, кто по очереди был то немцем, то французом, то англичанином, то тем и другим и третьим вместе, кто вертелся как флюгер, по дуновению всех западноевропейских социальных и политических теорий, — кто, как не мы, как не высшие образованные классы? Что было бы с Россией, если б не было у нее устоя в русском народе! Вообразите себе только, что народ мягок как воск и в состоянии воспринимать все те формы, какие угодно было бы напечатлеть на него нашему обществу. Вспомним все фазисы, чрез которые прошло развитие нашей общественной мысли, и поблагодарим Бога, что у нас есть простой народ, есть такое зерно, которого не удалось нам раздробить молотом дворянской заемной цивилизации. Это зерно сберегает в себе всю сущность нашего народного духа, нашего народного *я*, нашей национальной личности, всего того, почему Россия — Россия. В нем, в этом зерне, наша сила и спасение, в нем, в его органическом развитии наша будущность, а нам предлагают вместо этого зерна возложить свои надежды на невызревший плод этого зерна, наши высшие образованные классы!.. Невольно вспомнишь про басню Крылова «Листы и корни»...[10] Что такое охранительный элемент? Это элемент крепости основных существенных начал народного бытия, охранение их развития и существования. Кто же сберегает в себе начала народности, начала гражданского и религиозного существования русского народа, Русской земли, — кем по преимуществу охраняются народность и вера неприкосновенными? Кто, как не народ, кем, как не народом? Ни в каком случае не мы, и не нами. Слава Богу, повторюсь еще раз, что народ наш так неподатлив, так недоверчив, так упрям, так упорен, так тяжел на подъем — что все усилия переряженных и выродившихся русских людей из «образованного класса» разбиваются о его неподвижность. Это такой morceau de résistance*, которым могут легко подавиться петиметры[11], немцы и лорды русского происхождения. И люди, предлагающее нам *не*-русское *нововведение*, например английский строй жизни, наивно уверяют нас, что они-то и представляют собою элемент охранительный!! Чего, впрочем? Застоя духовного и нравственного?

* основное блюдо во время обеда (*фр.*).

Может быть. Но какого застоя, застоявшегося на какой точке? Основы политического строя и православия хранит народ понадежнее их. Древние формы русской исторической жизни им неведомы и нисколько не сочувственны. Что же, спрашивается, будут о н и охранять? Какой строй жизни, какой порядок, какие идеалы? Табель о рангах? [12] Или же занесенные в нашу жизнь принципы чужого социального устройства? С какого же именно времени, какие именно??!

Но разрыва с народом никакого нет, говорят нам, нет фактов этого разрыва, нет доказательств недоверия со стороны народа, а потому и хлопотать о приобретении этого доверия нечего. Нет разрыва, нет недоверия! Но, не говоря уже о тех печальных фактах, о которых засвидетельствует каждый мировой посредник [13], разве не убеждаемся мы в этом разрыве с н а р о д н о с т ь ю — на всем строе нашей общественной жизни, ежедневно и ежечасно, — на самой литературе нашей, так мало сочувственной народу, так разноречащей с его основными началами? Разве не уличает нас в том — эта же наша собственная галломания и англомания? Разве не громко вопиет об этом разрыве и недоверии — отношение нашего народа к нашему просвещению, нашим учреждениям, нашей цивилизации, веющей чуждым для него духом?.. Разве, наконец, не чувствуем мы сами на себе действие этого разрыва, разве не сказывается он на каждом шагу в беспочвенности, в бесплодности и несамостоятельности нашей науки, в скудости органического творчества жизни, в безуспешности всяких наших созиданий со времен реформы Петра? Вся история после этой реформы есть история разрыва, вся она красноречиво свидетельствует о том бессилии, которым запечатлены действия среды, разорвавшей духовный союз с народностью и народом. Это бессилие было столько раз указываемо нами на страницах «Дня», что мы считаем излишним долее о нем распространяться. Б е с с и л и е — есть теперь, к несчастью, девиз русского высшего образованного класса — как «класса». Ему надо стать силой, если он хочет действовать на пользу России, — силой нравственной, силой общественной. Этою силой он и может стать, — но только тогда, когда, п р и з н а в факт духовного своего разрыва с народом, своего отчуждения от народности, он постарается прежде всего загладить свои вины, заслужить доверие народа, — а заслужить его можно не словами, а на деле только, — и не личным самовосхвалением, а личным самоотвержением на работе народному благу, взойдя с народом в общение нравственное и духовное. Сила общества только в том, чтоб быть верным носителем и выразителем народной мысли, совершать работу народного самосознания. Без этой силы — бессильны сами по себе и народные массы, которым недостает сознательности, и общество, которому недостает живого питания корней: обе эти среды останавливаются в своем развитии; цельность и правильность отправлений всего народного организма и кровообращения в нем — расстраивается. Чтó же нужно? Нужно, чтоб наша общественная среда, наши образованные классы сделались верным выражением народного самосознания; только тогда и явится могущество цельной жизни; а каким же выражением народного самосознания могут они быть, когда они или презирают народность, или величаво игнорируют ее права, ее запросы, — или же только прикрывают народною внешностью свои ненародные тенденции?

Наш высший класс изолирован между правительством и народом, говорят нам; этого надо избежать чрез соединение с народом. Но этого-то мы и желаем; только желаем соединения искреннего, а не величавого снисхождения, желаем,

чтобы соединение с народом и возрождение чувства — не патриотического собственно, а чувства н а р о д н о с т и — предшествовало всяким прочим затеям, которые могли бы только, по недостатку доверия к нам народа, еще пуще заподозрить нас в его глазах и сделать наше положение еще более изолированным. А в какой степени можно верить в искренность тех, которые говорят о соединении как о совершившемся факте, — в этом легко убедиться: сто́ит только прослушать хвалебные себе речи нашего образованного «класса», его толки о русском народе, его притязания на опекунство, консерватизм и привилегированность положения!

Пусть же оставят народ в покое эти непризванные опекуны! Пусть не мешают ему в его медленном жизненном подъеме, — не кладут ему новых преград на его трудном пути, не налагают на русскую почву новый слой лжи и всякого хлама. Ему нужно одно: свободы жизни, свободы совести и слова, свободы внутреннего духовного развития. Пусть отойдут от него прочь лицемеры и фарисеи народности, которые под видом народности хотят привить к могучему дереву народной жизни — свои узкие теории, взлелеянные не на нашей земле и не под нашим солнцем, и навязать ему, во имя свободы, тесноту западного социального устройства! Они могут говорить от имени нации, могут создать внешний вид народной политической организации, но это будет лженарод, как и лженародность: народ будет не с ними...

<О ДЕСПОТИЗМЕ ТЕОРИИ НАД ЖИЗНЬЮ>

I

Деспотизм теории над жизнью есть самый худший из всех деспотизмов. Даже тогда, когда это явление совершается в судьбе отдельной человеческой личности, т. е. когда даже сам человек, повинуясь какой-нибудь предвзятой отвлеченной теории, усвоенной его умом, налагает ее извне и деспотически на свою личную жизнь и преждевременно насилует душу, не дождавшись, чтоб эта теория сама собой свободно обхватила все его нравственное бытие, — даже и тогда такой способ действия редко проходит даром для человека и искажает иногда вконец его нравственную природу. Но в этом, по крайней мере, он сам волен, это его личное дело, он за то сам и расплачивается. Когда же подобные операции совершаются над живым организмом целого народа, и не им самим над собой, а извне, — тогда происходит нередко такое расстройство органических отправлений, такое извращение пути народного развития, от которого целые поколения гибнут бесплодною жертвой, и разве только после долгой череды лет успевает народная жизнь кое-как оправиться и наладиться снова. Само собою разумеется, что вред подобных операций обусловливается их внутреннею значимостью, важностью тех отправлений организма или тех сторон жизни, которых они касаются, — большею или меньшею грубостью, неопытностью, неумелостью оператора, а также и степенью реактивных сил в самом организме народном. Первые три условия очень понятны и не требуют объяснений. Что же касается до степени живучести и упругости самих нравственных народных сил, до их способности к противодействию по добрым внешним поползновениям на свободу и правильность внутреннего народного развития, — то нет никакого сомнения, что там, где народное самосознание живет и выражает себя в обществе вполне свободно, где последнее действительно является сознательным разумом народным, — там подобные поползновения не опасны и сдерживаются вовремя общественною нравственною силой, да и самые операции едва ли могут иметь место. Там же, где общественной силы нет вовсе или где общество само чуждо народной жизни и не является представителем народного разума (в чем, по преимуществу, и заключается причина бессилия), там, где народ привык к безмолвию и покорности, а самая операция, над ним производимая, не представляется вполне ясною его сознанию, — там эти операции иногда как будто и удаются, т. е. совершаются, по-видимому, вполне благополучно, без помех и препятствий. Но это только по-видимому: противодействие и здесь неминуемо. Это противодействие, как протест самой жизни, скажется непременно в расстройстве всего народного организма или просто в бесплодности, в бессилии правительственных реформ, даже самых благонамеренных, — или же в безобразии того порождения, которое дает всякая цельная почва, принявшая в себя несвойственные ей и только волею сеятеля вложенные в нее семена... У нас вошло в обычай, даже довольно легкомысленный, постоянно указывать на нелепость, уродливость, пошлость, безобразие — одним словом, многих и многих

явлений нашей народной и общественной гражданской жизни; целая литература посвящена этому делу обличения, с которым мы даже до такой степени свыклись, что отделываемся от производимых им на нас впечатлений одним смехом. Между тем, говоря по правде, тут не до смеха; тут не одна комическая, но и трагическая сторона. Может быть, эта способность смеха над собственным безобразием свидетельствует о присутствии в нас несокрушимой веры в свои силы, в способность исправления и исцеления, — но исправления и исцеления тем не менее все еще нет, или, по крайней мере, они почти незаметны, а смех привел только к тому, что все наивно-комическое в нашем безобразии исчезает, уступая место уже не смешному, а в некотором смысле трагическому безобразию... Во всяком случае, теперь уже нам не до смеха. Пора бы добраться и до причины... Но мы уклонились в сторону. Возвратимся к главному предмету нашей статьи.

Деспотизм теории над жизнью есть вовсе не тот деспотизм личного произвола, прихоти и страстей, который проявляется иногда в юридическом лице, одаренном обширною властью над личностью других людей. Такой деспотизм, завися от нравственных качеств лица, — дело большею частью случайное и временное, и сосредоточенный в одной личности — большею частью касается только поверхностных сторон жизни народной. Новейшая история проявляет пример деспотизма иного рода. Слишком медленное развитие масс и слишком быстрое прогрессивное движение отдельных единиц из народа и вообще тех досужих классов общества, которые по самому своему положению менее связаны с общей народной жизнью узами материальными и духовными и потому свободнее во всех отношениях могли, отрываясь от нее, вдаваться в отвлеченную деятельность мысли, — произвели, независимо от других причин, тот разрыв между жизнью и знанием, между практикой и теорией, которым особенно болеет наше время. Нам заметят, может быть, что этот разрыв существовал до некоторой степени и во все времена, что им обусловливается всякое развитие, что он выражается и во всяком отношении образованного к невежде, — но мы разумеем здесь не живое и животворное, хотя бы и научное знание действительной сущности познаваемого предмета; мы говорим здесь о том постепенно раздвигавшемся расстоянии между познающим и познаваемым, которое, наконец, почти разобщило их между собою; о том космополитическом, отвлеченном, отрешенном от жизни труде мысли, который, силясь постигнуть общие законы многосложных жизненных явлений, тем скорее считает их постигнутыми, тем легче строит целые теории и начертывает правила для самой жизни, чем отдаленнее стоит сам от всех условий места и времени, от живой действительности явления. История просвещения свидетельствует о том, как постепенно утрачивалось с ходом цивилизации непосредственное чувство и разумение самой жизни, как сфера мысли и знания постепенно отчуждалась от нее, от почвы народной, как постепенно, становясь все отвлеченнее и отвлеченнее, проникалась она, эта сфера, самонадеянностью, гордостью, презрением к так называемой практике, т. е. к живому факту, — как часто, считая непогрешимыми свои теории, она в последовательном развитии сама сменяла их новыми, считая эти новые, в свою очередь, непогрешимыми, — какая, наконец, доля из этой деятельности поступала человечеству, тем не менее, в его неотъемлемое достояние, уделялась жизни в действительность, воспринималась ею и шла в ее плоть и кровь. Поэтому, как бы ни ошибалась эта деятельность, она была

и остается вполне благотворною, но только до тех пор, пока пребывает в сфере чистого мышления, познает свои пределы и свою натуру и употребляет одни нравственные орудия, — пока, гордая и самонадеянная, не посягает на самую жизнь, на ее свободу. Впрочем, чем разъединеннее сфера этой деятельности с живой действительностью, чем отвлеченнее мысль, тем искреннее ее вера в себя, тем ошибочнее представляется ей действительность, тем оптический обман возможнее и вреднее, тем глаже и удобнее кажется ей поле жизни для практических опытов... В самых огромных размерах явила такое насильственное приложение теории к практике, такое заклание жизни на алтаре отвлеченной теории — первая Французская революция [1]: это была оргия теории, пирующей на развалинах сущего и живого, — вакханалия деспотизма отвлеченной самоуверенной мысли отдельных единиц, приносившего в жертву теоретически понятому идеалу народному — народную совесть и нравственность, — в жертву теоретически понятой свободе — действительную неполитическую, внутреннюю свободу быта, — идее народа — самый народ Франции, как показала революция 48-го года [2]; теория до сих пор не может еще понять всей меры зла подобного деспотизма. Она умеет распознавать деспотизм только в форме личного произвола, облеченного властью, под короной и багряницей, — тогда как нет горше и ужаснее того деспотизма, который проявляет иная «теория свободы», вооруженная государственным мечом, венчанная вместо короны якобинским колпаком [3] или аристократическим шлемом. Нет вообще ничего опаснее теории, обладающей такими insignia regia*, опирающейся на власть, располагающей возможностью ломать жизнь по своему отвлеченному соображению о благе народном, месить ее как тесто, лепить из нее, как из алебастровой массы, фигурки по своему вкусу. Эта опасность, как мы уже сказали, тем особенно сильнее, чем менее самая жизнь представляет отпора в сознании общества или народа.

Наша историческая жизнь вообще имеет немного сходства с жизнью Запада, и опасности, подобные тем, которые потрясали Запад в новейший период его истории, у нас немыслимы. Но разобщение между жизнью и знанием, между практикою и теориею, между действительностью и представлением о действительности у нас, вследствие Петровского переворота, сильнее, чем где-либо. У нас легко получает право гражданства и довольно обширный простор для действования — даже не своя какая-нибудь теория, хотя и ошибочная, но все же органически выросшая на родной жизненной почве, — а теория совершенно чужая, совсем готовая и построенная вовсе не для нашей жизни. Не имея ни времени, ни охоты трудиться над изучением и обобщением законов нашей русской действительности и выработать ее собственную теорию — по возможности верную, — напротив того, имея в своем распоряжении, к нашим услугам столько заграничных теорий, совсем законченных и готовых, самой новейшей отделки, — мы невольно соблазняемся ими и, движимые самою искреннею любовью к благу народному, спешим навязать наши благодеяния бедной русской послушной жизни. Доступ же к этим теориям так удобен и легок! — стоит только отправиться двум-трем юношам-чиновникам, кандидатам на должности будущих государственных деятелей, за границу — изучить ту или другую часть управления или общественного устройства, — и вы скоро очутитесь в об-

* знаками отличия (*лат.*).

ласти целого Пандорова ящика[4] с любыми, разнообразнейшими теориями. Затем... затем стоит их только прикладывать к жизни помощью того снаряда, который называется бюрократия, и той силы, которою этот снаряд приводится в действие.

Мы бедны общественною деятельностью, общественною производительностью, но мы богаты теперь «просвещенными и благонамеренными» чиновниками. Это, конечно, великое счастье, и лучше иметь образованных чиновников, нежели невежд, хотя, по мнению некоторых, у этих невежд было иногда более, нежели теперь у образованных, связи с жизнью и если не уважения к ней, то какого-то страха перед нею и значительной доли лени. Наши новейшие чиновники совсем другого закала. Во-первых, они все более или менее одушевлены самою ревностною благонамеренностью и жаждою деятельности; во-вторых, они теоретики; они, как образованные люди, числят себя в последователях той или другой европейской научной, экономической, политической, более или менее либеральной теории; в-третьих, они веруют в свое дело, в свой путь, в свое призвание, или, вернее сказать, — в призвание своего звания как чиновников. Они состоят на службе у правительства и у доктрины в одно и то же время; они возводят принцип принудительной силы на степень благороднейшего орудия для достижения самых высоких и либеральных целей, указываемых доктриною. Между ними и народом — нет почти никакой преграды, которая бы мешала их непосредственному действованию на народ; нет почти никакой среды, о которую бы притуплялось их горячее усердие в приложении их к теории. Та общественная среда, которая и имеется, сама так неплотна, что сдерживать их не в состоянии, так, наконец, сама чужда истинного знания и разумения народной жизни, что и подать доброго совета большею частью не умеет. К тому же она-то сама и есть главный рассадник чиновных деятелей, которых тем не менее она так охотно критикует; она поставляет главный контингент той чиновничьей рати, над которою она так беспощадно глумится. Таким образом, просвещенные и благонамеренные чиновники обставлены самыми счастливыми для себя условиями. С одной стороны, побуждаемые благонамеренностью, обольщаемые блистательными, совсем готовыми теориями, которыми они запаслись из иностранных книжек; с другой — подталкиваемые жаждою деятельности и удобством для деятельности, доставляемым официальным их положением, — соблазняемые видимою мягкостью и послушностью живого материала — т. е. народных масс, — они не видят препятствий для осуществления своих благодетельных намерений и — очень понятно — увлекаются ими. Уважения к жизни, именно к русской жизни, к народу как к живому организму история в них не воспитала; народная жизнь представляется им издали какою-то tabula rasa*, на которой ничто не написано, а если что́ и написано, так из их «прекрасного далёка»[5] и не разберешь; они вращаются в кругу таких же подобных им — служащих, служивших или имеющих служить чиновников-теоретиков, из которых ведь собственно и состоят наши образованные классы! Народная жизнь безмолвствует, т. е. ничего не говорит их слуху; кругом их бездействующее, бессильное общество, — в их руках сила, в их руках власть и простор для действия, — и вот скрипит и ворочается жизнь народная на своих железных осях под их облаченными в лайковые перчатки руками. Ей уж

* чистой доской (*лат.*).

подлинно бывает тогда в ч у ж о м п и р у похмелье, потому что пирует большею частью даже не своя доморощенная, хотя и искаженная теория, а чужая, заморская. Впрочем, мы не знаем, что́ лучше или что́ хуже! «Уважение к народу» может также, в свою очередь, явиться как теоретический принцип и выразиться у чиновников тем, что иной возьмет какой-нибудь случайный признак народной жизни и, не поняв его сущности или случайности, возводит его в теорию, в правило и налагает на жизнь, в то время как она двинулась дальше и шире. Другой, вообразив себя уразумевшим именно народную жизнь и схватив только ее внешность, старается облагообразить и «упорядочить» ее в форме бюрократического регламента. В обоих случаях такого благонамеренного распоряжения с живым организмом жизнь ускользает из их рук, чувствуя себя не свободною, смущенною в своих отправлениях, и остается непроизводительною... Мы не можем строго винить этих деятелей. Соблазн теории в союзе с бюрократическою властью при бездействии общества — это такое искушение, против которого устоять трудно... Дело не столько в теориях и началах, которые сами по себе могут быть и правдивы, и ложны, сколько в том пути, в том способе, которым проводятся они в действительность, в том элементе, через который они проходят и который привносят с собою в жизнь. Это тот элемент, который, как скоро переступает свои пределы, строго обозначенные его природой, тем самым уже невольно парализирует то доброе, которое он желал бы насадить. Так, например, элементу государственному доступна область только одного внешнего. Если бы он, хотя бы из самых высоких побуждений, вторгся в область церкви, общества, народной совести и внутренних народных жизненных отправлений, если б он захотел или счел бы себя вынужденным заменить собою творчество самой жизни, — он не достиг бы никакой цели, он не создал бы ничего нового, он, напротив, умертвил бы все живое. Мы уже не раз приводили сравнение государства и общества с корою и сердцевиною дерева[6]: если бы, например, кора, составляющая благодетельный и необходимый покров древесного организма — покров, без которого и жизнь сердцевины немыслима, стала все увеличиваться и толстеть, и рост дерева, его силы, его соки пошли бы все в кору, то это отолщение коры мало-помалу заглушило бы самую сердцевину, а без сердцевины погибла бы и жизнь самого дерева... При всей своей благонамеренности, государство не должно, да и не может никогда заменить собою общества или исправлять его должность. Конечно, бывают такие обстоятельства, когда оно к тому вынуждено, как, например, в нашем Северо-Западном крае[7], но об этих обстоятельствах можно только сожалеть, и не следует никогда возводить подобное положение в систему.

Что нужно для всякого благонамеренного правительства, а следовательно, и для нашего, — это той свободы жизни общественной и ее отправлений, в которой оно само находило бы себе указания для своей деятельности и для ее пределов... Но если само общество проникнуто неуважением к жизни народной, если оно само чуждо народа, само готово подчиниться раболепно чужой теории и наложить ее деспотически, в виде благодеяния, на народную жизнь, — тогда оно само осуждает себя на бессилие бюрократическими вторжениями извне в его область. Если некоторые расположены видеть зло в чиновничестве, то мы, не пускаясь в спор, заметим им только, что чиновничье миросозерцание живет не в одних чиновниках по званию и ремеслу, но, к сожалению, и в самом нашем обществе, которое развило в себе на жизнь и значение народного орга-

низма — государственную точку зрения, — которое мечтает об его преобразовании помощью власти же, — которое ставит принцип государства выше принципа народности. Все это может быть прикрыто либерализмом, но, в сущности, это все тот же сокрытый чиновнический принцип, на который оно нападает!

Наш современный русский недуг есть действительно казенность, но казенность во всех видах и проявлениях, не менее в общественной среде, как и в чиновнической, — казенность как принцип, как начало, проникшее во все отправления нашей жизни, в нас самих. Эта казенность может щеголять как в государственном, так и в общественном мундире. Хвататься за какую-нибудь искусственную организацию, чтобы избавиться от нее, ничему не поможет; это значило бы идти тем же ложным путем, строить только новый фасад, а Россия, по известному выражению иностранного путешественника, и без того богата фасадами всякого рода[8]. Из всех фасадов самый худший есть фасад либерализма, когда он только что фасад. Нам нужна пуще всего правда жизни, правда слова, правда дела, следовательно, свобода жизненного развития, свобода слова, возможность дела, — нам нужно сближение и общение с народом не только внешнее, но нравственное и духовное, нам нужно проникнуться нашим народным, не государственным только, самосознанием; нам нужно восстановить духовную цельность нашего народного организма, разорванную Петром, — и этому не пособит вдруг никакая организация, никакой проектец: для этого требуется личный и вовсе не легкий нравственный подвиг от каждого из нас порознь и всех в совокупности. Чиновники же, теоретики-бюрократы и наше либеральное, хотя бы и англоманствующее общество, — предлагающее, например, в одном из своих печатных органов совершить посягательство на древний народный быт разрушением общинного землевладения и обезземелить крестьян для создания класса рабочих, в видах какой-то экономической свободы, — это все ягоды одного поля, дети одной матки, порождения того же новейшего периода нашей истории, того же Петровского, прославленного, превознесенного ими переворота.

II

Мы говорили в последний раз о деспотизме теории над жизнью, об опасности союза теории с бюрократическою властью, особенно там, где жизнь безмолвствует, где общество бездейственно и бессильно, и народный организм представляется из «прекрасного далёка» чиновников — какою-то tabula rasa, послушным, мягким материалом, способным воспринять все благодетельные, хотя бы насильственные напечатления. Но как, при неправильном обращении соков в древесном организме, сила дерева уходит в листья и вместо плода производит лиственные наросты, — так и в живом организме народном, при известных исторических условиях, вся деятельность общественной и служилой среды истощается нередко в одних бесплодных попытках создать что-либо цельное и живое, успевая производить только отвлеченные теории, планы и регламенты — если не всегда мертворожденные, то почти всегда обреченные недолгому веку. Говоря об известных исторических условиях, мы имеем здесь в виду, главным образом, разрозненность высших народных классов с народом, разобщение общества, нравственное, духовное и историческое, с народными

бытовыми основами и преданиями, — раздвоение — своего рода «бифуркацию» — того пути развития, которым идут общество и народ. Как скоро органический ход жизни насильственно прерван, корни общества, лежащие в народной почве, подсечены или едва держатся, — то интеллигенция этих оторванных классов, не оживляемая приливом новых почвенных соков, не руководимая ни историческим преданием, ни непосредственным чувством народности, ни знанием, ни разумением народного быта, осуждена на постоянное т е о р и з и р о в а н и е. «Только корнем основание крепко, — говорит одна наша старинная грамота XVII века, — если корени не будет, к чему прилепиться?»[9] Действительно, после знаменитого переворота Петра наше общество, сорвавшись с корня, не имея к чему прилепиться, влеклось по дуновению всяких ветров, слонялось из стороны в сторону, от одного иноземного образца к другому и, можно сказать, — не жило, а сочиняло жизнь... Не только простор господству теории открылся обширный, но ничего более, кроме теории, кроме отвлеченных сочинений на разные темы жизни, и не способна была породить общественная и служилая духовная производительность. Иначе и быть не может: вне народной почвы — повторим сказанное нами однажды — нет основы, вне народного нет ничего реального, жизненного, и всякая мысль благая (хотя бы и либеральная), всякое учреждение, не связавшееся корнями с исторической почвой народной или не выросшее из нее органически, не дает плода и обращается в ветошь. Все, что́ не зачерпывает жизни, — скользит по ее поверхности и тем самым уже осуждено на бессилие и становится ложью. И сколько накопили мы лжи в течение полуторастолетнего разрыва с народом и еще продолжаем копить! Это не значит, чтоб до разрыва не было у нас ни зла, ни пороков, — обильно было того и другого, — но было единство общей жизни, была правда жизни. Только после разрыва доводится у нас ложь: жизнь теряет цельность, ее органическая сила убегает внутрь, в глубокий подземный слой народа, и вся поверхность земли населяется п р и з р а к а м и и живет, вместе с общественной и служилой средой, п р и з р а ч н о ю жизнью! Не призрачною была только власть, принадлежавшая этой среде и производившая опыты над живым телом народа... Действуя в безвоздушном пространстве, чего не творило наше образованное и в то же время служилое общество?! Как кот ученый на лукоморье в поэме Пушкина[10] идет направо — песнь заводит, налево — сказку говорит, так и оно, направляясь то в одну, то в другую сторону, то к стороне Германии, то Франции, заводило то ту, то другую гражданскую песнь или сказку... По мере развития европейской цивилизации, без труда усваивая себе ее последнее слово — и несравненно легче, чем сама Европа, — оно вслед за тем спешило ломать у себя только что созижденное и принималось строить снова. Нашей общественной и служилой среде ничего не стоило примыкать к самому передовому движению европейцев и прилепляться к их новейшим теориям: ей нечем было жертвовать, не с чем было расставаться, она не несла у себя за плечами никакого исторического груза и только дивилась неуспеху своих созиданий! Забыв права жизни, думая внешним насилием заменить недостаток жизненного органического творчества, она — опираясь на власть и помощью власти — старалась благодетельствовать народу так, как она это понимала, и простодушно пыталась водворить в жизнь свободу и даже начала антигосударственные — посредством принуждения, посредством государственной же

силы, не подозревая внутреннего противоречия — contradictio in adjecto* в собственном деле! Деспотизм перебывал на службе у всех возможных либеральных доктрин нашего общества, и потому не удивительно, что народная жизнь относилась к ним без сочувствия, испытывая на себе только одно: насилование своей органической самобытности; теоретически либерализм общества испарялся, — оставляя осадок практического деспотизма. К счастию общества, народ — как уже было замечено нами — продолжает хранить в себе свои коренные начала, не поддался никаким опасным искушениям и соблазнам, не освятил добровольным участием и согласием никакого существенного изменения своего внутреннего строя, не уложился ни в одну заготовленную форму заграничного изделия.

Можно было бы подумать, что та среда, которая живет и действует в безвоздушном пространстве, видя постоянную безуспешность своих попыток, непрочность своих созиданий, неплодность своих посевов, наконец изверится сама в себя и поймет, в своих либеральных вожделениях, что нет худшего деспотизма, как усилие заменить живой организм искусственным механизмом, хотя бы и превосходной заграничной работы, — что самым либеральным и самым плодотворным ее делом было бы отказаться от всяких насильственных, во имя либерализма, посягательств на естественный рост и исторический строй народной жизни, с которой она давно разорвала живую связь, и, признав права народного организма, уразуметь то бессилие, на которое она непреложно осуждена в своем одиночестве... Но эта среда в своих мечтаниях только переносит на себя, конечно несколько в видоизмененном виде, тот элемент, на который обычно нападает... Продолжая стоять вне народа и народности, она, эта среда, каких бы усилий ни делала, никогда не создаст общественной силы, никогда не достигнет истинной свободы, пока будет понимать эту общественную силу в форме государственного же учреждения, пока будет разуметь свободу чисто внешним образом, пока не убедится, что дело в наивозможном очищении общественного элемента от всякой примеси внешних государственных целей. Теперешние же его попытки представляются нам в виде известного концерта Крылова [11]: музыканты только пересаживаются, но, как ни пересаживаются, музыка выходит плохая. Общество толчется все на одной и той же толоке, не замечая, что время ему стать на иную почву. Оно как ребенок, который, чувствуя боль, лишен еще, однако, уменья распознавать помещение боли, — не может еще догадаться, где болит и что́ болит. А что оно чувствует б о л ь, это вполне естественно и понятно, это говорит отчасти и «Северная Почта» в 25 № следующими, между прочим, словами, взятыми из газеты «Le Nord» [12]: «Общее положение страны, неопределенность законов и пр. сильно содействуют к распространение желания более широких преобразований... побуждают даже благоразумнейших людей искать скорейшего по возможности выхода из этого порядка вещей»... [13]

Но какой выход и где выход? Понятно, что оторванное от своей почвы, чуждое даже народных и исторических инстинктов общество обращает взоры свои на пример и опыт Запада. Но что́ видит оно на Западе? Жалкую пародию на свободу в Австрии с ее «versträkter Reichsrath» (т. е. «умноженным и распро-

* противоречие между определяемым словом и определением; внутреннее противоречие (*лат.*).

страненным государственным советом») или уродливое положение Пруссии?.. Мимо их! Англия? Но Англия-то именно и поучает, что сила ее чисто органического свойства, а вовсе не в государственном механизме; из Англии даже и законов позаимствовать нельзя, потому что в английской практике они оказываются то недействительными, то видоизмененными: известно, наконец, выражение, что Англия сильна не законами, а вопреки законов. Настоящая жизнь Англии сидит на таких исторических и индивидуально-народных основах, что вне этих основ она немыслима. Франция? Но какие бы формы она ни меняла, ее идеал, ее кумир, источник жизни и силы, по ее верованию, — государственная власть с ее принудительным элементом, с внешней правдой, с наложением внешней государственной формулы на все живое. Она может быть сегодня республикой, завтра империей, послезавтра конституционной монархией или хоть даже социалистской общиной, но во всех этих видах она является таким же воплощением принципа государственности, принципа неволи и принуждения, — рабства внешней силе и форме. Она атеистка de par le gouvernement*, по декрету народного или монархического правительства — это все равно; она завтра делается снова католичкою по повелению власти; она установит потом право на труд или организацию труда — таким же деспотическим распоряжением «по указу ее величества свободы», — «его величества народа», «его величества императора, его величества короля»! Франция до сих пор не понимает, что власть, какая бы она ни была, всё власть; ее принцип не изменяется от того, будет ли она исходить от лица или собрания, при помощи ли того механического государственного снаряда, который называется конституцией, или другого государственного снаряда, который называется республикой. Дело не столько в том, в чьих руках власть и в какой степени стеснены ее политические пределы внешними формами, сколько в самом качестве власти, в ее отношении к бытовой — неполитической свободе жизни. Эти же самые внешние формы, по-видимому ограничивающие власть, в сущности не более как видоизменение того же принципа власти и могут обратиться в орудие страшной тирании для народа, как мы это и видели не раз в новейшей истории Франции, в ее политических переворотах за последние три четверти века. Французы не могут догадаться до сих пор, что свобода, становясь властью, перестает быть свободой. Самый ужасный деспотизм есть тот, когда «свобода» и «народ», по выражению одного писателя, недавно нами употребленному, облекаются в багряницу, усваивают себе государственную власть[14] и совершают свои отправления государственным порядком, то есть тем путем принуждения и насилия, который есть необходимая существенная принадлежность всякого государственного отправления, всякого внешнего положительного закона. Самым ужасным деспотизмом и был деспотизм Французской республики. Франция до сих пор вертится в безысходном круге, постоянно рядя «свободу» то в тот, то в другой костюм государственной власти, подчиняя внешней государственной организации самую сокровенную жизнь совести, веры, мнения. Этот закон, эти организации могут быть затеяны из побуждений самых либеральных, но тем не менее, налагаемые извне, они деспотически посягают на быт и искажают самое свойство свободы. Возьмем, например, знаменитое французское le suffrage universelle, всеобщую подачу голосов. Народное мнение, народный голос — это великая

* от правительства (*фр.*).

общественная нравственная сила, но что́ из нее сделалось у французов, приложивших к ней государственное устройство, понявших ее как внешнюю силу? Самое злое орудие деспотизма...

Этому-то кумиру, т. е. государству, продолжают французы приносить в жертву не только свою политическую свободу, но и внутреннюю. Они страдают, болеют, но не видят для себя исхода. Вот что́ пишут нам из Парижа: «Все у них стянуто, забито в колодки и подчинено политическим целям. Огромное большинство изверилось в себя и, отдавшись безусловно на волю слепого случая, живет со дня на день. Устарелые представители парламентского периода стоят совершенно одиноко, возбуждая иногда праздное любопытство, но за ними нет школы, и общественное мнение к ним равнодушно». Впрочем, нельзя оставить без внимания, что уже совершенно новая партия складывается понемногу в стенах Сорбонны, группируясь около нескольких профессоров, воспитавшихся под влиянием Америки, английской манчестерской школы [15] и отчасти даже Германии. К ней до некоторой степени примыкает и Émile Girardin, издатель газеты «La Presse» [16]. Отличительная особенность этой школы заключается в таком понятии о свободе, которое для Франции совершенно ново, в свободе не в смысле прямого участия во всех отправлениях политической власти, а в смысле личного и общественного самоопределения помимо всякого контроля и всякого покровительства со стороны власти. В прошлом году была помещена в «Прессе» замечательная статья, в которой изложена следующая мысль: «Государство и общество (земля) уподобляются двум замкнутым в себе самих сферам, правда — соприкасающимся своими окружностями, но имеющим свои особенные центры. Государству предоставляется полновластие — ничем формально не ограниченное и даже безответственное, с правом по собственному его усмотрению призывать общество на совет. Для общества выговаривается неограниченная свобода жизни умственной, религиозной и промышленной, т. е. свобода слова, вероисповедания, право ассоциации, право петиций» [17] (т. е. «челобитень» по старинному языку Руси) и т. д. Таков идеал; но имеются ли для этого идеала какие-нибудь жизненные основы в самих свойствах французского народа, это еще вопрос...

Наша статья выходит чересчур длинна, но, несмотря на боязнь утомить внимание читателей, мы считаем необходимым сделать общее заключение и в некотором смысле практический вывод — имея в виду собственно нашу русскую современную действительность и з л о б у д н е в и [18].

Итак, мы показали картину жалкого положения нашего современного русского общества, пришедшего к сознанию своей совершенной несостоятельности, своего полнейшего нравственного и духовного бессилия. Ничто так не гнетет душу, нет в мире ощущения более тягостного и мучительного, как это сознание своего бессилия, как это внутреннее безверие в свои силы! Такая неспособность, такая импотенция общества парализирует в свою очередь добрые начинания и самого правительства, — истощающегося иногда, как мы не раз говорили, в бесплодных, хотя бы и благородных усилиях. Едва ли позволительно надеяться, что одни внешние и извне налагаемые на общество либеральные организации воскресят и оживят общество, когда для жизни самих этих организаций — нужно присутствие ж и з н и д у х а и д у х а ж и з н и (по выражению поэта) [19], которых именно и недостает нашей общественной среде! Едва ли самые благодетельные, по-видимому, реформы принесут

всю ту пользу, которую бы они могли дать, — при таком состоянии общества! (Мы не говорим об освобождении крестьян: коснувшись непосредственно народной жизни, эта реформа имеет полную жизненную правду не столько в смысле положительной организации, сколько в смысле освобождения.) Ясно, что дело не во внешних только учреждениях, требующих для своего действования — участия готовых сил общественного духа, — а преимущественно в том, что может оживить самый дух, возродить самые силы.

Как ни прекрасны в теории многие предположения, но для успеха самих предположений необходимы были бы, по нашему мнению, такие меры и средства, которые бы непосредственно действовали — не на ту или другую внешнюю часть общественного организма, а на весь его внутренний строй в его целости, на общее начало органической жизни. Действие этих мер и средств преимущественно нравственное и похоже, по словам одного писателя, на так называемые т о н и ч е с к и е средства в медицине, — т. е. дающие общий тон физическим отправлениям больного человеческого организма[20]. К таковым мерам относим мы: свободу мнения и выражения его в слове.

Мысль, слово — неотъемлемая принадлежность человека... Свободная жизнь разума и слова — такая свобода, которую, по настоящему, даже странно формулировать юридически... Эта свобода вовсе не какая-либо политическая, а есть необходимое условие самого человеческого бытия: при нарушении этой свободы нельзя и требовать от человека никаких правильных отправлений человеческого духа, ни вменять что-либо ему в преступление!.. Человек, стесненный в э т о й свободе, чувствует себя стесненным во всех своих действиях, требующих участия мысли и воли, — не годится ни для какого общественного дела, плохой гражданин, плохой слуга государству и обществу. Все это считается старыми избитыми истинами, а между тем — странная судьба русского человечества! — у нас именно потому и не обращают внимания на эти истины, что они — стары! Но без воплощения в нашу жизнь этих старых, — никакие новые истины не способны оплодотворить нас, как бы усердно о том ни хлопотали!.. Если требуются от человека содействие, помощь, услуга, разумная покорность и исполнительность, то необходимо прежде всего дать ему возможность и право — свободно мыслить и говорить...

Все, что здесь сказано про человека, относится точно так же, и еще более, к человеческому обществу, которого живой естественный г о л о с в наше время есть п е ч а т ь. Сколько-нибудь излишнее стеснение печати есть стеснение жизни общественного разума: оно парализирует все духовные отправления общества, осуждает все его действия на бессилие, удерживает общество в вечной незрелости, обрекает на мертворожденность все исчадия его духовной производительности. Поэтому не удивительно, что во всякой стране общество остается безучастным ко всем либеральным нововведениям и встречает их с мертвым равнодушием, — пока продолжает чувствовать, ощущать и слышать свою мысль и слово стесненными и скованными... Нововводимые учреждения нуждаются для своей жизни в полном искреннем сочувствии, любви, преданности, участии всех сил общественного разума и воли, — но возможны ли такие приношения духа со стороны общества, когда оно не имеет права высказать об этих учреждениях свое нестесненное мнение??!

Наше правительство вполне, кажется, убедилось в этой мысли и готовит нам новый устав о печати[21]; но есть мнение, ни на чем не основанное и повто-

ряемое у нас с ветру людьми, пробавляющимися весь свой век готовыми чужими афоризмами, что настоящая свобода печати несовместна с существующим у нас порядком вещей. Это мнение совершенно ложно. Мы полагаем, что именно в России может существовать такая свобода печати, какая немыслима во Франции и других государствах европейского материка. Русский народ, образуя Русское государство, признал за последним, в лице царя, полнейшую свободу правительственного действия, неограниченную свободу государственной власти, — а сам, чуждаясь всяких властолюбивых притязаний, всякого властительного вмешательства в область государства или верховного правительствования — признал за землею мысленно-полную свободу бытовой и духовной жизни, свободу мнения, т. е. мысли и слова. И тем крепче должен бы быть этот союз свободной власти и свободного мнения (как разумеется он русским народом), что он утверждается не на контракте, где контрагенты стараются каждый оттягать что-либо друг у друга — как в западных конституциях, а на отчетливом народном создании, создавшем Русское государство. Для нравственного достоинства самой власти необходимо, чтобы она граничила с полнотою и свободою целого мира нравственной жизни, самостоятельно развивающейся и самоопределяющейся, с полною свободою духовного и бытового народного существования в государстве. Свободное мнение в России есть надежнейшая опора свободной власти — ибо в союзе этих двух свобод заключается обоюдная крепость земли и государства. Всякое стеснение области духа внешнею властью, всякое ограничение свободы нравственного развития — подрывает нравственные основы государства, нарушает взаимное доверие и то равновесие, ту взаимную равномерность обеих сил, которая есть необходимое условие благого и правильного хода народной и государственной жизни... Без свободной критики не может выработаться общественное сознание, — а без поддержки общественного сознания не может быть плодотворно никакое правительственное предприятие. Без внутреннего духа жизни самые мудрые законы останутся мертвою буквою, а жизнь духа немыслима без свободы мнения и слова. С другой стороны, по нашему мнению, т о л ь к о полная свобода мнения обусловливает неограниченность свободы правительственного действия...

<О ПРАВЕ ЧЕЛОБИТНЫХ В ДРЕВНЕЙ РУСИ>

В последней нашей статье [1] мы употребили одно выражение, которое, как мы слышали, некоторым из наших читателей показалось неправильным. Именно, передавая изложенную в статье французского публициста и издателя газеты «La Presse», Emile Girardin, мысль об отношениях общества к государству, мы выразились следующим образом: «Государству предоставляется полновластие, ничем формально не ограниченное; для общества же выговаривается неограниченная свобода жизни умственной, религиозной, промышленной, т. е. свобода слова, вероисповедания, право ассоциаций, п р а в о п е т и ц и й (т. е. "ч е л о б и т е н ь" по старинному языку Руси) и т. д.». Нам замечают на это, что перевод «петиций» — «челобитными» неверен и что в допетровской Руси никакого права петиций или челобитень не существовало. Действительно, этого права никогда не существовало как права, в смысле права сознанного, законом закрепленного и утвержденного, но оно жило и действовало как обычай, как самое обыкновенное, естественное отправление гражданского быта допетровской Руси. Наши предки очень бы удивились, если б им объявили, что подавание челобитень есть какое-то «право» и считается на Западе очень важною льготою, даруемою свыше или добываемою снизу! Не менее удивились бы и наши правители допетровского периода, если бы какой-нибудь западноевропейский юрист вздумал им объяснить, что — с точки зрения западноевропейской — этот обычай, повсеместный на тогдашней Руси и глубоко вкорененный в понятиях правительства и общества, служит как будто к сокращению пределов верховной власти! Ни правительство, ни общество русское этому бы не поверили, потому что никакого сокращения пределов власти тут и не было, а просто им иначе не мыслилось и иной порядок дел им в то время не представлялся возможным... Для оправдания наших слов приведем наудачу несколько примеров:

В окружной грамоте царя Михаила Феодоровича 1619 г., июля 5-го в Новгороде, воеводам боярину князю Ивану Хованскому, Мирону Вельяминову и дьяку Третьяку Копнину, помещенной в 3-м томе «Собрания Государственных Грамот и Договоров» [2], мы читаем следующее: отец Государя Филарет Никитич, возведенный по возвращении из польского плена на патриаршеский престол [3], «приходил» к великому Государю со всем «освященным собором», т. е. духовенством, и «советовал с ним» о тяжком, расстроенном и разоренном положении Московского государства — после продолжительного — так хорошо называемого — «Смутного времени»... «И мы, — говорится в грамоте, — великий Государь царь и великий князь Михаило Феодорович всея Руси, с отцом своим и богомольцем святейшим патриархом и с митрополиты и с архиепископы и с епископы и со всем освященным собором, и с бояры и с окольничими и с умными людьми, и с о в с е м и людьми Московского государства о всех статьях говорили, как бы то исправити и землю устроить?» И «усоветовав» со всеми этими людьми Московского государства, государь вместе с ними пришел к такому решению: послать по всей России писцов и дозорщиков для под-

робной описи доходов и расходов и всех наличных экономических средств, которыми может располагать государство; городам же велеть прислать в Москву депутации, с тем чтобы они все свои нужды изложили в п е т и ц и я х. Это выражено такими словами: «А из городов изо всех, для ведомости и для у с т р о е н ь я, указали есмя взять к Москве, выбрав из всякого города из духовных людей по человеку, да из дворян и детей боярских по два человека, добрых и разумных, да по два человека посадских людей, к о т о р ы е б у м е л и р а с с к а з а т ь обиды и насильства и разоренье, и чем Московскому государству полниться и ратных людей пожаловать и у с т р о и т ь бы Московское государство, чтоб пришло все в достоинство». И когда они придут — сказано далее — «мы, великий Государь, с отцом своим и богомольцем, святейшим патриархом Филаретом Никитичем, советовав, п о и х ч е л о б и т ь ю, прося у Бога милости, учнем о Московском государстве промышляти, чтоб во всем поправити, как лучше».

Выборные люди, призванные царем Алексеем Михайловичем для составления Уложения[4], точно так же выражали свои мнения в форме челобитень или, пожалуй, петиций. 1648 г. июля 10-го девятнадцатилетний царь «советовал» с патриархом, с освященным собором и с своей царской Думой — о необходимости пересмотреть и согласить изданные в разное время узаконения и сочинить новые. «И те бы новые статьи, — сказано в подлинном акте (см. 3 том Собр. Госуд. Грам. и Догов., № 129[5]), — по тому же написати и изложити, по его Государеву указу, общим советом, чтобы Московского государства всяких чинов людям, от большего и до меньшего чина, суд и расправа была во всяких делех всем ровно». Это поручение возложено было, как известно, на князя Никиту Ивановича Одоевского с двумя товарищами и двумя дьяками, составивших то, что́ мы называем в наше время «комиссией»; но кроме комиссии, «для того своего государева и земского великого царственного дела указал Государь и бояре приговорили: выбрать из стольников, стряпчих, дворян Московских из чину по два человека; из дворян и детей боярских больших городов по два человека из города, из дворян и детей боярских меньших городов — по одному человеку из города; из Новгородских дворян и детей боярских — из пятины[6] по человеку; из гостей (купцов) трех человек, из гостиной и суконной сотни по два человека, из черных сотен[7] и слобод по человеку; из посадов по человеку» — «д о б р ы х и с м ы ш л е н ы х л ю д е й, к о м у б г о с у д а р е в ы и з е м с к и е д е л а б ы л и з а о б ы ч а й» (Акты Арх. Эксп. т. 4, № 27[8]), чтоб это «государево его царственное и земное дело с теми со всеми выборными людьми утвердить и на мере поставить, чтобы те все великие дела, по нынешнему его Государеву указу и Соборному уложению, впредь были ничем не рушимы». Уложение изготовлялось в течение года и двух месяцев. Октября 3-го царь с своей Думой слушал Уложение, а после того оно было «чтено в Ответной Палате[9] выборным людям, которые к тому общему совету выбраны на Москве и из городов» и скреплено их руками. Всех подписей, кроме царской Думы и московских дворян, 315: из них 148 дворян городовых, 3 гостя, 12 выборных от московских сотен и слобод, 89 выборных посадских из городов и 15 выборных от московских стрелецких приказов.

Остановимся здесь на два слова. Западноевропейский ревнитель политической свободы непременно осудил бы такое неравномерное, по числу, распределение «голосов». Он стал бы сейчас взвешивать к о л и ч е с т в о шаров или

баллов и нашел бы, что большинство предоставлено одному классу — в ущерб другим, которые оставлены в меньшинстве. Но допетровская Русь не знала с ч е т а голосов, ценила голос не по количеству, а по качеству; да и не было никакой нужды в с ч е т е, ибо требовалось только знать м н е н и е: правительство призывало землю на совет, удерживая за собою полноту власти. Так, мы видели в акте Земского собора, созванного при царе Михаиле Феодоровиче по поводу вопроса об удержании за Россиею Азова (см. «День», 1863 г. № 9) [10], что мнение тридцати двух гостей, посадских и выборных от черных сотен и слобод взяло у правительства перевес над мнением 160 голосов дворян и детей боярских, ибо мнение этих тридцати двух действительно выражало мысль всего остального, неслужилого народа. И никто из дворян и не думал оскорбиться таким предпочтением. Каждый говорил свою мысль, и тем более оттенков мысли, соответствующих оттенкам интересов, доходило до сведения правительства, чем вернее, безошибочнее могло быть обсуждено дело. Эти мнения подавались большею частью целыми группами лиц, а самые группы обусловливались отчасти сословностью, отчасти местностью, т. е. иногда мнение шло от одних дворян такого-то уезда, иногда и от дворян и от прочих жителей уезда вместе; случалось, что одно лицо, отделившись от всех прочих, высказывало свою личную мысль в виде совершенно отдельного, частного мнения, — иногда же «челобитная» подавалась от всех выборных, без разделения на группы, т. е. на сословия и местности.

Так, в самом Уложении царя Алексея Михайловича, в 13 главе, в статье 1-й говорится — по поводу учреждения Монастырского Приказа — что оно последовало «п о ч е л о б и т ь ю стольников, стряпчих, дворян Московских, из городов дворян и детей боярских, и гостей и гостиной и суконной и иных разных сотен и слобод, и городовых торговых и посадских людей». В то же время эти же выборные подали государю ч е л о б и т ь е: об отобрании у духовенства и монастырей вотчинных земель, присвоенных им себе после запретительного указа 1580 года [11] без царского разрешения, по произволу писцов, составлявших писцовые книги, и т. д. (Акты Археогр. Эксп. т. 4, № 33 [12]). Там же (№ 34 [13]) напечатаны ч е л о б и т н ы е этих же всех выборных о выгонной земли в городах, о том, чтоб она не составляла ничьей отдельной собственности и чтоб люди в городах были «все государевы», а вотчинники-бояре, духовенство, дворяне и иных чинов люди не заселяли городов крепостными людьми и не присваивали себе городских земель и торговли в крепостное владение. — В грамоте на Тотьму царя Федора Алексеевича, 1682 года, января 1-го, по делу о сборе с посадских и уездных крестьян стрелецких денег по новому окладу и о невзыскивании доимочных денег за 1680 и 1681 год, — мы читаем, что государь приказывает прислать ему выборных с Тотьмы, с посаду и с уезду — «чтоб они о том о всем объявили совершенную свою правду, да о том к нам, великому Государю, п и с а т ь, и посадских людей выбор за руками подать...» (Акты Археогр. Эксп. т. 4, № 251 [14]). Наконец, с первым воцарением Петра I на престол, — еще прежде стрелецкого бунта, возведшего на престол вместе с ним и брата его Иоанна — распускаются по домам выборные люди, по двое с посадов — «двойники», собранные в Москву, по распоряжению царя Федора Алексеевича, «для разбора и изравнения всяких служб и податей». Об этом созвании сохранилось сведение только в царской грамоте пермскому воеводе князю

Федору Борятинскому, в которой говорится о возвращении пермских выборных — домой. Грамота заключается словами, что об изравнении «всяких служб и податей и о чем те двойники о мирских делех били челом и подавали челобитные, и о том, против их челобитья, наш великого Государя указ к Соли-Камской прислан будет вскоре» (Акты Истор., т. 5, № 83[15]). На этом рубеже древней и новой Руси мы и останавливаемся...

Допетровская Русь может по справедливости во многих отношениях гордиться пред политическою системою современных ей государств Западной Европы — тою свободою, которая предоставлялась подданным в высказывании их мнения перед верховною властью, и тем запросом на это свободное мнение, который жил в сознании и в обычае этой власти. То «право петиций», о котором в наше уже время, во второй половине XIX века, ходатайствует французский публицист, принадлежало допетровской Руси в самом широком объеме, никогда, нигде, ни в чем не нарушая доброго согласия между правительством и народом, даже не возбуждая и мысли о каких-либо политических правах и привилегиях. Конечно, французский публицист может именно это и поставить в вину древней русской жизни, что ее лучшие гражданские отправления не были формулированы в виде положительного закона, не были возведены на степень «права» в юридическом смысле этого слова. Но история самой Франции представляет примеры, что юридическое определение общественной свободы не всегда гарантирует эту свободу, не всегда охраняет ее от разных coups d'état* и тому подобных государственных переворотов, которыми так богаты летописи Франции за последние три четверти века. Тут важно не столько юридическое определение, сколько живучесть этого обычая свободы в сознании общества, народа и власти, — сколько признание этого явления гражданской жизни нравственным неотъемлемым правом человеческого и народного существования. Нет ни малейшей надобности окрашивать, например, обычай подавать челобитные об общественных нуждах и пользах, «о мирских делах» — цветом политической льготы. Этот обычай принадлежит к области той бытовой, неполитической свободы, о которой мы говорили в последнем нумере[16] и к которой относим мы свободу слова и мнения. Этот обычай ни в чем не стеснял внешним образом верховной власти правительства, кроме того нравственного стеснения, которого сама, свободно, ищет для себя всякая благонамеренная власть, стремясь руководиться в своих действиях справедливостью, общим благом, требованиями нравственными. Гражданские обычаи древней Руси и представляли именно это искомое для всякой благонамеренной власти, представляли несравненно шире и богаче, чем во многих странах тогдашней Западной Европы, и если что́ из этих обычаев и утратилось, так благодаря наплыву к нам после переворота Петра I разных западных политических теорий, наставивших на все гражданские отношения западную политическую точку зрения и сузивших понятие о бытовой свободе в тесное понятие о политических правах и привилегиях. Само собой разумеется, что гражданский быт древней Руси (которого внешние формы могли бы, в потребностях, видоизменяться по внешности согласно с требованиями общественного разви-

* государственных переворотов (*фр.*).

№ 8. ДЕНЬ 1865.

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ конторѣ редакціи на Никитской, въ д. кн. Воронцова; въ С.-Петербургѣ въ книж. магаз. Кожанчикова, а также у всѣхъ книгопродавцевъ и въ Газетн. Экспед. обѣихъ столицъ.

Выходитъ еженедѣльно: Цѣна въ Москвѣ и въ С.-Петербургѣ безъ доставки на домъ ШЕСТЬ руб., съ доставкою на домъ въ Москвѣ и въ С.-Петербургѣ и пересылкою во всѣ города СЕМЬ руб.

Москва, 20 Февраля. — Безвыходная необходимость усиленія и улучшенія нашихъ путей сообщенія. Ѳ. В. Чижова. — О православіи между Латышами и Эстами въ Прибалтійскихъ провинціяхъ, архимандрита Павла. — Педагогическое раздумье. — Полинька, оригинально-Русское явленіе изъ современной исторіи мѣстной церковно-религіозной народной жизни. П. Озерецкаго. — Областное обозрѣніе. — Изъ Тулы. — КРИТИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: «Сынъ, разсказъ изъ временъ XVII вѣка. Н. Костомарова. С.-Петербургъ. 1865 г.». Н. Б. — СМѢСЬ: Пожертвованія. — Объявленія.

МОСКВА, 20 Февраля.

Въ послѣдней нашей статьѣ мы употребили одно выраженіе, которое, какъ мы слышали, нѣкоторымъ изъ нашихъ читателей показалось неправильнымъ. Именно, передавая изложенную въ статьѣ Французскаго публициста и издателя газеты la Presse, Emile Girardin, мысль объ отношеніяхъ общества къ государству, мы выразились слѣдующимъ образомъ: «государству предоставляется полновластіе, ничѣмъ формально не ограниченное; для общества же выговаривается неограниченная свобода жизни умственной, религіозной, промышленной, т. е. свобода слова, вѣроисповѣданія, право ассоціацій, право пети-

оправданія нашихъ словъ приведемъ наудачу нѣсколько примѣровъ:

Въ окружной грамотѣ Царя Михаила Ѳедоровича 1619 года іюля 5-го въ Новгородъ, воеводамъ боярину князю Ивану Хованскому, Мирону Вельяминову и дьяку Третьяку Копнину, помѣщенной въ 3-мъ томѣ Собранія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, мы читаемъ слѣдующее: отецъ Государя, Филаретъ Никитичь, возведенный по возвращеніи изъ Польскаго плѣна на патріаршескій престолъ, «приходилъ» къ великому Государю со всѣмъ «освященнымъ соборомъ», т. е. духовенствомъ, и «совѣтовалъ съ нимъ» о тяжкомъ, разстроенномъ и разоренномъ положеніи Московскаго государства — послѣ продолжительнаго — такъ хорошо называемаго — «Смутнаго Времени»... «И мы — говорится въ грамотѣ — великій Государь

Начало первой публикации статьи И. С. Аксакова «<О праве челобитных в древней Руси>» (День. 1865. 20 февр. № 8. С. 169)

тия и просвещения, оставаясь неизменными в принципе), — что этот гражданский быт мыслим только при нравственной и духовной цельности всего народного организма, при единстве нравственных и духовных начал и интересов всех народных классов между собою. И наоборот, этот быт немыслим — пока продолжается отчуждение, например, высшего и образованного и служилого класса не только от народа, но и от народности, пока господствуют — хотя бы и противоположные одна другой, но все же западноевропейские политические точки зрения и системы в среде общественной, с одной стороны, и служилой — с другой. Чего же именно нужно пожелать той и другой стороне? Кажется, это ясно само собою, — распространяться об этом было бы излишне; пожелаем только здесь кстати, чтоб историческая память, отшибленная нам всем переворотом Петра, возвратилась к нам снова и ожила в нашем сознании...

<«ИДЕАЛЫ "ДНЯ"» ПО «СОВРЕМЕННОЙ ЛЕТОПИСИ»>

Нельзя не признать за нашим новейшим временем, и именно у нас в России, той замечательной особенности, что оно вызвало и продолжает вызывать каждого на поверку своих личных политических убеждений. Мы разумеем здесь, конечно, только образованные русские классы. Пробавляться, как прежде, смутными политическими вожделениями, с тайным сознанием внутри себя их несбыточности или несвоевременности — становится уже невозможным или, по крайней мере, непривлекательным и неудобным. Приходится волей-неволей — определять не только свою точку зрения, более или менее теоретическую, — но даже и «точку стояния», Standpunct, как выражаются немцы, т. е. где стоишь, с кем стоишь и за что́ стоишь? Обстоятельства побуждают к точному и неуклонному ответу; предъявляется запрос на определенное, какое бы то ни было, политическое вероисповедание, на положительный символ политической веры. Может быть, мы несколько преувеличиваем, т. е. придаем ту важность этому явлению, которой оно в настоящее время еще не имеет — по крайней мере, не в такой степени: все это очень может быть, но во всяком случае — таков неминуемо должен быть логический ход отвлеченного сознания той нашей среды, которая называется обществом и которая, живя своею отдельною жизнью, доходит в своем развитии до многих теоретических вопросов, которые ставит и решает себе совершенно независимо от их практической своевременности. Нередко:

В столицах шум. Гремят витии.
Кипит бумажная война.
Что́ ж там, во глубине России?
Что́ там?.. Немая тишина...[1]

Тем не менее раз начавшаяся, хотя бы и отвлеченная жизнь нашего общественного сознания должна совершить свой круг вполне, и потому мы может только радоваться, что в ней возникает запрос на бо́льшую отчетливость и определительность убеждений. Остается желать, чтобы печать наша была скорее поставлена в те условия, при которых не было бы места недомолвкам, двусмысленностям, намекам и неизбежным от того — недоразумениям.

Но едва ли к недоразумению можем мы отнести статью неизвестного автора за подписью «Провинциальный Читатель», в 8 № «Современной Летописи», или воскресных прибавлений к «Московским Ведомостям», — под заглавием: «Идеалы газеты "День"». Мы очень благодарны автору за попытку разъяснить наши, или, как он выражается, славянофильские, идеалы; мы готовы были бы как ему, так и каждому помочь в этом близком нам деле; мы были бы не прочь и от самой обстоятельной полемики по интересующему г. «Провинциального Читателя» вопросу, если бы, с одной стороны, эта обстоятельность была вполне доступна как нам, так и нашим оппонентам, а с другой — если бы почтенный г. Читатель обнаруживал более уменья читать и понимать читаемое. «Уже с л о в о найдено?» — восклицает он стихом из «Онегина»[2] в начале своего исследования о наших «идеалах» и потом, вырвав два или три выражения из

передовой статьи 6 № «Дня»[3], заканчивает следующим полновесным выводом: «славянофильские теоризирования "Дня", — говорит он, — в которых нет никакого смысла, могут вести только к демократическому царизму, который призывал бы государя деспотически властвовать над приниженною массою», о чем говорится в статье газеты «Le Nord», переведенной в «Русском Инвалиде»[4], и в передовой статье 30 № «Московских Ведомостей»...[5] «Не это ли, — восклицает он в заключение и в ответ своему эпиграфу из "Онегина", — не это ли, вместе с поземельной общиной, составляет государственный и общественный идеал газеты "День", и не добрались ли мы до положительного смысла ее общих мест и намеков?» Итак — слово найдено: наш государственный и общественный идеал: демократический царизм, деспотизм и приниженная масса. Обвинение капитальное! Гордый такою находкою, поразив наповал славянофилов, автор сам удерживает за собою выгодную позицию благородно-негодующего либерала. И конечно — есть от чего придти в негодование! Посудите сами: приниженная масса!! Ведь это значит: бесправная, безгласная, порабощенная, униженная народная масса... Вот чего добивается для народа «День» и против чего восстает, по-видимому, народолюбивый автор! Каким же образом этот самый «День», мечтающий о принижении народной массы, называется в то же время и в той же статье демократически-социальным журналом, — это противоречие остается необъясненным, но не в этом дело. Возвышенный либерализм автора, принимающего под свою защиту народ, который мы, напротив, хотим будто принизить, достоин искреннего сочувствия, и прежде всего со стороны тех, которые стоят за права и свободу народной жизни, т. е. славянофилов; но помедлим немного с славянофильским сочувствием и поищем у автора более существенных примет его либерализма. Либерал-то он либерал, но посмотрим поближе — какого сорта. Сорта известного, читатель, и вам, вероятно, знакомого: вы сейчас же узнаете его по следующим приметам, несмотря на все старание автора замаскироваться. Он, народолюбивый автор, явный противник коренного народного учреждения — поземельной общины; он называет дворянскую грамоту Екатерины II[6] «великолепным памятником законодательства», под сению которого, между прочим, «Россия прожила славнейшее доселе время своей исторической жизни»; далее идут: тонкий намек на «аграрные законы» вместе с известными выходками против «бюрократии и ее нивеллаторских инстинктов», — и презрительное выражение «о каких-то потерянных основах народной жизни, которых надобно искать в мирской сходке!» Все это очень явно дает нам уразуметь — с какого сорта либералом мы имеем дело. Точь-в-точь таким же либеральным костюмом, с такими же нападениями на бюрократию и с таким же восхвалением дворянской грамоты или аристократического принципа — прикрываются и теории «Московских Ведомостей» об обезземелении крестьян и о сосредоточении поземельной собственности у крупных землевладельцев, — вместе с предоставлением им, в качестве образованных людей, права наказывать крестьян розгами («Москов. Ведомости», № 161, 1864 г.)[7]. В таком же вкусе и либерализм гг. Бланков, Ржевского[8] и прочих многочисленных адептов почтенной газеты. Это либерализм — зиждущийся на обезземелении крестьян! Вот он — идеал, к которому влекутся эти поборники свободы, эти благородные противники бюрократизма, а в сущности — самые усердные защитники и «столпы» бюрократии! В самом деле, эти господа как бы усвоили себе в виде непременной

принадлежности их либеральных теорий — нападки на бюрократию. Такое положение очень выгодно, потому что самым дешевым способом дает возможность прослыть либералами. Где нападают на бюрократию — там уж непременно, значит, пахнет либерализмом! Ведь восставать против бюрократизма — это значит стоять за права органической жизни? А стоять за права жизни... да кто же может опорочить такое знамя?!

Оставляя покуда в стороне речь о наших собственно идеалах, постараемся снять маску с наших противников и показать, что, в сущности, они и бюрократы — одного поля ягода, служители одного и того же начала, и что «демократствующий царизм с деспотическим властвованием над приниженною массой» есть, — конечно, не цель и не идеал (мы будем добросовестнее наших противников), — но непременный результат их либеральных стремлений.

Что такое бюрократизм в обширном смысле слова? Это преобладание государственного начала над жизнью, это притязание заменить новые силы народного организма искусственным механизмом администрации; это господство теории или теоретической благонамеренности, опирающейся на власть и понимающей жизнь как послушный материал, как tabula rasa, как белую бумагу, на которой можно начертить что угодно усердным резцом администрации. Естественное стремление бюрократизма — подавить всякую органическую силу в жизни, стереть всякую индивидуальную особенность быта, даже самую народность, во сколько она самостоятельна и своеобычна и потому мешает бюрократии достигать сочиненного ею за жизнь идеала, — одним словом: сломить и сокрушить все живое, упорное, сопротивляющееся или неудобоподчинимое. Если бы могло ей удаться обезнародить народ — торжество бюрократии было бы полное: она подчинила бы регламенту всякую личную свободу. Но такие стремления — обезнародить народ — редко удаются и встречают сопротивление большею частью именно в народных массах, в их бытовых основах и коренных учреждениях, — куда в такие печальные годины замыкается, как в зерне, народная органическая сила, выжидая благоприятного времени для своего обновления и дальнейшего развития. Высшие классы народа большею частью склоняются перед таким напором государственного начала и разрывают связь с своею народностью — пока, благодаря упорному сохранению народом своих народных начал, не возникнет и между ними народного самосознания, — сначала отвлеченного, потом являющегося уже как просвещенная сила на помощь живым, уберегшимся народным органическим силам. Вот что представляет нам история австрийского бюрократизма по отношению к славянским племенам Австрийской империи. В России торжество бюрократизма начинается для нас с Петра I, с того знаменитого переворота, к числу поклонников которого принадлежат именно наши противники! Они в наивности своей и не подозревают, что поклонение Петру есть поклонение тому самому началу, на которое они теперь с такою простодушною яростью нападают! Они, издеваясь над толками славянофилов о народности, над их уважением к «потерянным основам народной жизни, которых надобно искать в мирской сходке», не понимаюсь или не хотят понять, что издеваются над тем, в чем именно и хранится упорная народная органическая сущность — та сущность, которая одна в состоянии сдерживать преобладание бюрократизма, в чем спасается свобода народной жизни! Когда настал Петровский переворот, дворянство приняло его сторону, — а на стороне органической, хотя и утесненной жизни, на стороне прав народной личности,

ее бытовой и духовной самостоятельности и своеобычности — стоял один бедный и крепче чем когда-либо закрепощенный Великим преобразователем простой народ. Конечно, и в дворянском классе, почти вслед за реформой, начали раздаваться отдельные одиночные голоса (преимущественно в науке и литературе) за свободу народной жизни и ее развития; затем стала возникать та работа народного самосознания, которая в наше время и в нашем обществе выразилась — в славянофильстве; но наши либералы — поклонники Петровского переворота, — они-то именно и являлись всегда ожесточенными противниками славянофилов, — т. е. противниками противников Петровского насилия и водворенного им преобладания государственного начала над жизнью.

Любопытнее всего то, что для этих либералов — бюрократия начинается, по-видимому, уже в позднейшее время, именно с освобождения крестьян и наделения их землею! «С л а в н е й ш е е д о с е л е время русской исторической жизни» автор статьи «Современной Летописи» видит именно в 70-летнем периоде существования дворянской грамоты — ни больше ни меньше. В чем же полагает он эту славу, которой, по его мнению, ничего подобного не представляют остальных 930 лет исторического бытия России? В успехах русского оружия, с одной стороны, — в безнравственности, безгласности, в крепостном рабстве десятков миллионов народа — с другой? Или в доблестных деяниях того сословия, которому дан был этот «великолепный памятник законодательства», о нем же с такою любовью говорит автор? Но в чем же выразились эти доблестные деяния, — кроме известной патриотической готовности жертвовать жизнью и достоянием за государство ввиду внешней опасности и отдать даже десятого человека из к р е п о с т н ы х крестьян в рекруты? Как воспользовалось это сословие великолепным памятником законодательства, чтобы ослаблять вторжение бюрократического начала в жизнь и положить преграды стремлению иностранцев о б е з н а р о д и т ь, очужеземить русское общество нравственно и духовно, лишить его нравственной и духовной связи с народностью — одним словом, отнять у него то, в чем только и заключается органическая — единственная жизненная самостоятельная сила? Не они ли сами усердно изменяли своей народности, не они ли отрекались от народных начал? Мечтая о политической свободе в западной форме, не они ли искали возможности подавить бытовую свободу народа? Ораторствуя о правах личности, не они ли постоянно посягали на личность народную? Кто посильно стоял за народность, за права жизни, за самостоятельность народного развития, следовательно, за права и свободу народной личности, за органический принцип против бюрократического механизма? Кто, как не так называемые славянофилы! Кто стоял на п р о т и в о п о л о ж н о й стороне? Кто, как не они — поклонники Петровского переворота и великолепных памятников законодательства Екатерины, либералы тож, по иноземному образцу! Кто, наконец, принял самое деятельное участие в освобождении 20-ти миллионов крестьян, когда оно было предпринято правительством, горячо отстаивал и отстаивает в литературе наделение крестьян землею? Кто же, как не те же славянофилы? Мы не хотим этим сказать, что противники наши не сочувствовали прекращению крепостного права и не принимали в этом деле, с своей стороны, искреннего и деятельного участия, но что наделение крестьян землею не пользуется их полным сочувствием — это не подлежит сомнению. Оно-то и составляет главный повод к их жалобам на бюрократию (вот когда спохватились!). Что же

предлагают они, какое именно средство, для того чтобы поразить бюрократию в самое сердце?.. О б е з з е м е л и т ь крестьян и разрушить сельскую поземельную общину! — т. е. подорвать окончательно всякую живую упорную силу в народе, последнее убежище его органической крепости — всё, что в нем есть способного сопротивляться их — из чужой жизни заимствованным нововведениям, всё, в чем еще хранится народная с а м о с т ь, и обратить народ в tabula rasa, в такой послушный материал, о котором едва ли мечтал и сам Петр Великий и который есть именно искомый идеал бюрократии! Что если б т а к и м либералам да еще власть в руки?! Страшно и подумать о том, куда бы они привели Россию с своим либерализмом, выросшим на сочувствии к Петровскому насильственному перевороту, — с либерализмом, первое слово которого: избавиться от пут органической народной жизни, еще сковывающей произвол их преобразовательных покушений, — обезземелить крестьян, разрушить поземельную общину и именно создать — бессильную, бездомную, «п р и н и ж е н н у ю массу», раболепствующую пред земледельческою аристократией! Спрашиваем всякого сколько-нибудь добросовестного читателя: кто желает создать в России п р и н и ж е н н у ю м а с с у: мы ли, отстаивающие народность, права народного самостоятельного развития, народную поземельную общину и принцип наделения крестьян землею, следовательно, ратующие за силу и свободу органической жизни, — или же эти господа, — под маскою либерализма и нападок на бюрократию, — проповедывающие обезземеление крестьян, разрушение поземельной общины и насилование народной жизни чрез введение у нас (и не иначе как бюрократическим способом) аристократии на фасон чужеземный?

Но этого мало. Если что может проложить в России путь к осуществлению тех чудовищных «идеалов», которые автор статьи, помещенной в «Современной Летописи», навязывает «Дню», так это и м е н н о теория самого автора, а также и той газеты, которой он явился сотрудником. Для выражения этих «идеалов» автор прибегает к статье газеты «Le Nord», перепечатанной в «Северной Почте» и «Русском Инвалиде» [9] и справедливо заклеймившей эти идеалы названием «д е м о к р а т и ч е с к о г о ц а р и з м а, который призывал бы государя деспотически властвовать над п р и н и ж е н н о ю м а с с о й». Мы никогда не стояли за «демократию» и «демократизм» в западном смысле этого слова, но всегда за «народ» и «народность». Указывая именно на то, что народность, к сожалению, сохранилась у нас только в простонародье, мы именно же и проповедывали необходимость проникнуться элементом народности — в с е м классам общества без различия — и восстановить расколотую теперь цельность народного организма. В русском народе нет никаких основ ни демократизма, ни аристократизма в западном смысле, т. е. в смысле начал, возводимых на степень политических принципов, облекаемых государственною, принудительною властью. Он не одержим политическим властолюбием, и во столько же противно ему господство простонародных масс, во сколько чуждо ему и преобладание боярское. Он не терпит ни демократической, ни аристократической олигархии и, ставя идеалом своим единство и цельность народного духа, допускает затем всевозможное жизненное разнообразие социальных и личных форм, положений, состояний, племенных индивидуальностей и т. п., — одним словом, допускает многое такое, что́ неминуемо должно исчезнуть или стереться в одну сплошную безразличную массу — при том идеале «единства и цельности», о котором мечтают «Московские Ведомости».

Итак, в русском народе нет тех демократических инстинктов, которые грозят такою страшною опасностью Западу и которые привели Францию к цезаризму, — но их нет — потому что нет и аристократизма и поколе его еще нет.... Те же, которые мечтают о создании в России политической и землевладельческой аристократической силы (вместе с обезземелением крестьян и разрушением поземельной общины), сами того не смысля, мечтают о насильственном возбуждении в русском народе демократических инстинктов, о создании страшной демократической стихии, дикой, свирепой, мстительной, естественно враждебной как аристократии, так и всему тому, что́ служит ей орудием или атрибутом, между прочим и просвещению. А так как эта стихия по численности простонародных масс будет несравненно могущественнее аристократического меньшинства и так как, с другой стороны, государственная власть, по самой натуре своей, не может действовать в видах этого меньшинства, — то опасность, которая должна произойти от такого сочетания интересов, — кажется, очевидна. Логически ясный вывод тот, что всякая попытка создать в России аристократию и аристократическое политическое преобладание, грозя свободе народной (особенно же при заранее обещаемом обезземелении крестьян!), способствует возбуждению в России демократических и демагогических инстинктов и созданию необузданной демократической силы; эта же сила именно, в конце концов, и приводит «к демократическому царизму и к деспотическому властвованию над массой», — по необходимости п р и н и з и в ш е й с я пред верховною властью — как спасительницею своею от ненавистной, обезземеливающей, аристократической олигархии!.. Такого результата не желаем, конечно, ни мы, ни сами наши близорукие противники, но такой результат — логически необходимый при учении наших противников — немыслим при восстановлении духовной цельности народного организма, при укреплении и развитии нашей народной самости и — главное — при уничтожении, наконец, того отчуждения от народности, которое еще продолжает жить в высших образованных классах, той вредной разрозненности народа и общества, которую так настойчиво заботятся устранить славянофилы и газета «День».

Что же касается до самых идеалов нашей газеты, то мы не находим уместным пускаться теперь для г. «Провинциального Читателя» в их подробное разъяснение. Желающих ознакомиться с нашим взглядом несколько поближе отсылаем как к передовой статье 6-го №, так и к прочим нашим передовым статьям, в том числе и 8-го № — о челобитных... [10]

Еще два слова, и мы кончим. Автор говорит, что «из мнений почти всякого направления, существующего в области русской интеллигенции, можно вывести заключение о том, в каком виде представляется последователям этого направления будущее устройство России. Только из направления газеты “День” нельзя никому вывести такое заключение... не встречаем ни одного р е ц е п т а!» — восклицает он. Действительно, не встречает и не встретит. Мы слишком уважаем свободу жизни и не позволяем себе сочинять за нее то или другое устройство, которое могло бы иметь цену только при свободном органическом творчестве самой жизни. Мы не имеем притязания писать за нее рецепты, по которым бюрократическая власть могла бы давать ей ту или другую форму в угоду нашей теории и направлению. Рецепты — принадлежность бюрократического деспотизма и либералов той школы, к которой принадлежат г. автор статьи вместе с гг. Заочными [11], Бланками, Ржевскими и прочими сотрудниками «Современной Летописи» и «Московских Ведомостей».

<ИГНОРИРОВАНИЕ ОСНОВ РУССКОЙ ЖИЗНИ НАШИМИ РЕФОРМАТОРАМИ>

Если бы какому-нибудь англичанину привелось сочинять проект политического устройства России — нет сомнения, этот англичанин, не приступая к делу, пожелал бы наперед осведомиться о том, какие имеются у нас налицо общественные элементы, какие основы выработаны историею, какие идеалы продолжают жить в народном сознании или выражались в течение нашей тысячелетней исторической жизни. Занявшись исследованием элементов, из которых сложилось наше политическое тело, — да и без всякого особенного исследования, а по первому поверхностному обзору, — он, наверное бы, прежде всего поразился тем, что не может не поразить и не броситься в глаза каждому, — именно тем, что в России имеется налицо до 40 м и л л и о н о в сельского о с е д л о г о населения. Это обстоятельство, конечно, показалось бы ему довольно важным, как по количеству населения — 40 миллионов чего-нибудь да весят, — так и по качеству: население оседлое, составленное из домохозяев, из которых каждый живет в своем доме и владеет известным пространством земли, — это явление такое оригинальное, которому ничего подобного нет во всей Западной Европе: отсюда прямой вывод, что и самый простой народ в России должен существенно отличаться от черни, или плебса (plebs), пролетариата, английских рабочих, французских «увриеров» [1], кочевых батраков и всего того, что́ под словом «простой народ» разумеют обыкновенно на Западе. Очевидно, подумает англичанин, что и условия политического устройства, — при таком преобладании стихии сельского населения, — должны быть иные, столько же оригинальные, сколько оригинально и самое явление; западные теории публичного права и политического устройства, не имевшие в виду этих необычайных фактов публичной и бытовой жизни, оказываются для них слишком тесными и слишком узкими. И если бы даже англичанин не отказался совсем от дерзкого предприятия сочинить для нас проект политического устройства, то, во всяком случае, — свободный от раболепства пред научною теориею (которая ему своя, не чужая) и воспитанный в уважении к правам жизни и быта, — он постарался бы подсмотреть в тумане чуждой ему жизни какой-нибудь путеводный свет, отыскать в этом громадном теле какой-нибудь главный, жизненный, исторический нерв и отделить существенное и органическое от всего наносного, паразитного, искусственно вызванного к внешнему бытию. Удалось ли бы ему это — другой вопрос; вероятнее всего, что не удалось бы ни в каком случае; но несомненно, по крайней мере, что именно в таком, а не в ином смысле были бы даны им указания и советы.

Пригласите же сочинить подобный проект — любого русского, принадлежащего к так называемому «образованному сословию» и в этом сословии принадлежащего еще к партии, с которой нам теперь так часто приходится спорить, — партии явных и скрытых, сознательных и бессознательных поклонников Петровского переворота: никаких особенных затруднений в сочинении такого

проекта для нашего брата русского — не найдется. Тогда как англичанин будет себе ломать голову над исследованием туземных общественных элементов и исторических данных, наш русский прожектер прямо отправится черпать из источника исторической западной жизни и западной политической науки. Источник богатый, примеров и образцов много, — какой-нибудь из них да пригодится, а что касается до своеобразных и оригинальных форм народного русского быта, то их «образованный» русский человек большею частью или величаво игнорирует — т. е. не признает, знать не хочет, — или же и действительно вовсе не знает. Последнее встречается даже чаще, чем первое; полнейшее невежество в деле русской истории и русской народности составляло до сих пор какую-то аристократическую принадлежность высшего образования, своего рода bon genre*, и хотя такому отношению к русской народности нанесен в последнее время значительный удар, — тем не менее это невежество и до сих пор продолжает украшать наше светское образованное общество. «Что́ за дело! — возразят нам, — стоит ли на такие пустяки обращать внимание? Эти нападки на светское общество уже устарели и вышли из моды!» Дело есть, ответим мы, и возобновить нападения стоит. Мы очень хорошо знаем, что светский круг сам по себе довольно ничтожен, и действительно не стали бы обращать на него большого внимания, — но этот круг по своему общественному положению не чужд некоторого влияния на общий ход дел; этот круг, которого родная речь есть не русская, а французская, поставляет из себя главный контингент русской служебной рати — с административным значением... И тогда как самому англичанину, повторяем, и в г о л о в у не придет, да и придти не может — считать английский общественный строй пригодным для Русской земли, «образованный» русский именно к Англии-то и обратится за образцами. Тогда как всякого англичанина поразит прежде всего значение у нас простонародной стихии, — наш светский русский либерал именно об ней-то меньше всего и помнит. Тогда как англичанин нашел бы нужным дать полную свободу органическому жизненному началу и доискаться своеобразных исторических основ и идеалов самой страны, — нашему русскому о таких русских основах и идеалах и горя мало. «Да помилуйте, — скажет, наконец, с своим здравым практическим смыслом, англичанин, — что́ вы делаете? Или вы забыли, что у вас в России 40 миллионов оседлого сельского населения, что, следовательно, главный центр тяжести у вас в нем, а не в городах и не в отдельных землевладельцах, — что, следовательно, условия вашего политического устройства и ваши государственные идеалы должны быть совершенно иные, чем в Европе, где или вовсе нет оседлого сельского населения, или же очень мало, и во всяком случае нет таких громадных масс народа, обеспеченных на долгие веки землею, прочно сидящих на основах поземельного общинного владения, крепко сплоченных общинною организациею?» — «А что́, ведь может быть, и правду говорит англичанин, — ответит, пожалуй, наш русский прожектер, — ведь и в самом деле в России до 40 миллионов поселенного на земле народа?.. С л о н а - т о я и н е п р и м е т и л!..»[2]

Да, именно слона не приметил. И хотя это кажется невероятным, но оно именно так. Наши прожектеры постоянно забывают б е з д е л и ц у в своих благодетельных проектах: русский народ и народность. Они, как говорят фран-

* хороший тон (*фр.*).

цузы, рассчитывают без хозяина: ils comptent sans leur hôte![3] Либералы, — и искренние либералы, мы это охотно допускаем, — они, сами того не смысля, только усиливают ненавистное им самим начало; слепцы — они не видят, что их либеральные тенденции таят в себе глубочайшее презрение к свободе органической жизни, к ее правам на своеобычное, независимое, самостоятельное развитие. Умышленное ли игнорирование или простодушное невежество, — такое отношение к русскому народу и народности равно достойно порицания, равно опасно. Это отношение создано Петром. Неуважение к народу составляет характеристическую черту его преобразований. Обратив в послушные орудия своей идеи — дворянство и духовенство, создав из них военную и гражданскую армию около государства, сломив всякое сопротивление органической жизни, он не хлопотал ни о просвещении простого народа, ни о его развитии, а наложил на него новый гнет ревизионного крепостного рабства. Это неуважение к народным началам, к истории, ко всему живому и органическому, эта привычка к деспотическому обращению с жизнью, эта замашка создавать, не справляясь с действительностью, — эта храбрость предположений, доктрин, теорий, которою особенно отличается наша известная среда, — все это истекает прямо и непосредственно из принципа, внесенного Петром I в нашу историческую жизнь, все это более или менее въелось в плоть и кровь нашего образованного общества, все это диаметрально противоположно истинному понятию о свободе... От насильственного бритья бород[4], со введением немецкой номенклатуры чинов[5], до посева кукурузы в Архангельской губернии, до предложения народу питаться картофелем при обилии хлеба, до попыток (покуда теоретических) разрушить поземельную общину и обезземелить крестьян, до забавных забот об искусственном водворении дорогого иностранного рационального сельского хозяйства в наших обширных поместьях и при дешевизне наших цен на сельские продукты; от обучения «комплиментам» по петровской методе[6] до вожделений видеть на наших полях замки английских лордов и коттеджи английских фермеров — все это развитие одного начала, одной системы. Все один и тот же дух, один и тот же прием, только без внешней грубости, свойственной Петровскому времени и личному его характеру...

Нынешнему правительству суждено было совершить перелом в этом историческом направлении — чрез освобождение и введение в круг нашего гражданского исторического бытия той именно стихии, которая была скована Петром крепкою цепью, — стихии органической жизни. Отныне не только справедливость, русское чувство, разум, но и простое благоразумие требует от нас — полного признания прав этой стихии и такого же полного отречения от того пути, которым до сих пор следовало наше образованное общество, — от всех антинародных начал, от всякого петровского пренебрежения к народу, к народности, к жизни, к правам живого исторического организма. Если теперь н а в с т р е ч у поднимающемуся в своем росте, пробудившемуся в своем сознании, освобожденному от долгого плена и сна народу — мы понесем наше прежнее невежество, наше прежнее «игнорирование» его бытия, его нравственных прав, — наши прежние замашки и привычки благодетельствовать ему, не спросясь с ним, — наши галломанские или англоманские мечтания, наше легкомысленное, суетное, «фривольное» образование, наше бессильное, бескорненное, несамостоятельное просвещение, — то ничего хорошего от этой встречи не выйдет... Всякое недоброжелательство к народному подъему, к народным началам

и основам со стороны нашего общества — может, в конце концов, иметь вредные последствия для свободы. Народ готов был бы искать в нас опоры просвещения, знания, опыта; он ждет, что мы принесем ему в дар — после долгой разлуки — силу народного самосознания, — конечно, отвлеченного, выработанного нами на досуге, вдали от жизни, но именно теперь призванного к жизненности и творчеству... Какой же дар несем мы ему? Не вправе ли он спросить нас: «Чтó же вы делали все это время, в то время как я вынужденно коснел в бездействии, — вы, которые могли делать, а если не всегда могли делать, то могли мыслить, проповедывать, отстаивать, хранить и развивать, хотя бы только в области отвлеченного сознания и в доступной вам общественной среде, свою, т. е. общую нашу, народность? Где ваши труды? Где ваши если не гражданские, то хоть духовные подвиги на охрану народности, органической жизни, народной личности — всего того, чтó делает народ народом, ради чего он только и призван существовать?.. Вы не можете ссылаться на угнетение и неволю: простора для борьбы друг с другом и с обществом было довольно: но боролись ли вы? Не сами ли вы добровольно соблазнились? Не кичитесь ли вы и теперь самодовольно вашим просвещением — вашим отступничеством от исторических преданий, вашим неуважением к своеобразным основам русской народности? Сознали ли свою вину пред своею землею, своею народностью, своей историей? Где идеал, вами выработанный? Где путь, который вы бы могли мне указать?.. Уразумели ли вы, по крайней мере, где болит, чтó болит, отчего болит? Чтó здорово, за что именно надо держаться?.. Вы даже и этого не умели сознать и поведать мне!!» Что тогда ответим мы народу!?.. Об этом стоит подумать, не дожидаясь, чтоб непременно сам народ предложил нам такие вопросы и в такой форме: мы должны сами для себя задаться такими вопросами... Мы должны предупредить их. Не мужики спросят — история спросит.

Отдаленные потомки едва ли поверят, чтоб в наше время, в эпоху освобождения крестьян, еще было уместно и даже необходимо писать и печатать статьи против пролетариата на русской почве, против обезземеления крестьян, против принятия насильственных или искусственных мер к разрушению поземельной общины, против мечтаний о поземельной аристократии и т. д., и т. д. Им покажется забавным — точно так, как и в наше время это должно показаться забавным каждому иностранцу, а англичанину в особенности, — что русские люди второй половины XIX века нуждаются в напоминании о существовании в русской земли 40 миллионов сельского населения на основах совершенно оригинальных. Мы ко многому притерпелись, пригляделись, прислушались, но если бы кто взглянул свежо, если бы кто послушал наши речи свежим слухом, тот был бы поражен той аномалией, в которой пребывает, живет и толчется наше общество. Эта аномалия выражается как в крупных, так и в ничтожных явлениях, — но, по нашему мнению, не следует пренебрегать и ничтожными явлениями; в них точно так же, «как солнце в малой капле вод» [7], отражается весь крупный недуг наш. Если значительная часть русского образованного общества у себя в России говорит и переписывается между собою не на русском языке, если подобная несообразность возможна, — то, как, по-видимому, она ни мелка, ни незначительна, нечего удивляться, что и предположения о преобразовании той или другой стороны русской жизни сочиняются в не-русском духе и что русское общество в легкомысленной слепоте, себе на пагубу забывает класть на весы значение народной стихии, забывает брать его в расчет в своих

гражданских думах и соображениях! Относительно народоведения русскому обществу, к несчастию, приходится начинать с самых элементарных понятий и твердить такие истины, которые на Западе уже давно сделались пошлыми. Остается уповать, что какой-нибудь благодетельный иностранец (с авторитетом, разумеется) обратит наконец наше собственное внимание на элементы, начала, основы нашей собственной народной исторической жизни, поучит нас уважению к нашей народности, к нашей истории и открыто признает за нами право, которое и мы, может быть, вслед за ним признаем, на самостоятельное, самобытное развитие[8]. Авось-либо тогда наши статистики перестанут краснеть от стыда, выводя процент отношения нашего городского населения к сельскому и конфузясь пред иностранцами за слабый рост нашей городской жизни; авось-либо какой-нибудь англичанин или американец растолкует им наконец, что у нас есть с е л о, чего уже почти нет на Западе, и что в нашем селе лежит залог нашей силы, зерно нашего органического своеобразного развития. С е л о — вот, скажем кстати, заглавие того ученого труда, к которому мы призываем наших статистиков, экономистов, политиков, юристов и пр. и пр., — село с его сельскою промышленностью, торговлею, ремесленным, фабричным и заводским производством, село пашенное, село торговое, — село с неотъемлемым от него общинным обычаем, с общинным самоуправлением. Разрушим ли мы эти вместилища, эти резервуары народной бытовой силы? Эти центры народной жизни, которые способны и к развитию, и к просвещению — для того чтоб, с одной стороны, создать крупную личную собственность для нескольких единиц, а с другой — чтоб скопить в городах бездомное, бессильное население?

Но мы увлеклись в сторону. Повторяем опять: нам надо торопиться, чтоб с добрым ответом предстать перед суд истории.... Кто хочет мира, а не вражды, созидать, а не разрушать, творить живое, а не мертворожденное, кто хочет работать для свободы и для успехов истинного просвещения, тот должен прежде всего отречься от петровских преданий, от всего злого, насильственного, ложного — присущего Петровскому перевороту, проникнуться уважением к правам народного организма, поработать, наконец, искренно — не чуждому, как предлагают иные, а истинному народному началу и идеалу.

<В ЧЕМ ЗАЛОГ ИСТИННОГО РАЗВИТИЯ И ЕДИНСТВА РОССИИ?>

Туман рассеивается. Известно, что слова: «государственное единство и цельность», очень почтенные сами по себе, сделались в последние три года самыми ходячими, модными словами в нашем обществе, вероисповедной формулою общественного патриотизма. Оглушенное гулом этих громких и пышных слов, довольное тем, что, кроме признания этой широкой формулы, ничего другого с него не спрашивалось, что так легко и комфортабельно, даже без всяких новых напряжений мысли и духа, оставаясь как есть, можно попасть в доблестные патриоты, — общество наше, или, лучше сказать, значительное большинство нашего общества, с особенною страстностью поставило себе знаменем именно «государственное единство и цельность». Принцип — по-видимому не допускавший никаких возражений; позиция крепкая, с которой очень ловко, очень удобно пускать в своих противников обвинения в государственной измене и принуждать их к молчанию. Но мы не молчали. Дорожа единством и цельностью России серьезнее многих импровизированных патриотов, мы постоянно напоминали обществу об истинных условиях единства и цельности и — может быть, и к его досаде — часто нарушали самодовольное расположение его духа правдивыми (как казалось нам) обличениями. Теперь, когда время восторгов прошло, когда приходится иметь дело уже не с внешнею опасностью, против которой всегда достаточно найдется у нас искреннего воинственного патриотизма и в обществе, и в народе, — теперь из-под шума и блеска слов высовывается настоящая сущность собственно-гражданского, так сказать, домашнего патриотизма нашего общества или той его партии, которая — невежеством иностранных иностранцев и тупоумием русских иностранцев — названа ультрарусскою. Le fin mot de la chose* высказывается невольно: его можно прочесть у всех публицистов этой знаменитой партии, и публика, некогда увлеченная их патриотическими возгласами, может видеть теперь, в каком противоречии она запуталась — куда она зашла под водруженным ими знаменем «государственного единства и цельности».

Впрочем, прежде чем объяснить нашим читателям, что́ именно мы здесь разумеем, — а также для того, чтоб отнять у наших противников всякий повод к превратному истолкованию наших выражений о государственном единстве и цельности, — представим в кратком очерке сущность передовых статей «Дня» об этом предмете:

Три года сряду неутомимо повторялось в «Дне», в слух нашего общества, что условие государственного единства состоит не во внешнем единообразии форм и учреждений, не в большей или меньшей крепости звеньев той внешней государственной связи, которая держит и сплачивает все части государства, но в силе и живучести внутреннего объединяющего начала. Это объединяющее начало — есть народность, условие жизни и силы всякого государства, — вот чего не забывать просили мы наших патриотов. Не-

* Последнее слово (*фр.*).

ужели еще есть люди, говорили мы, которым надо доказывать, что Россия не сочлененный, составленный «агрегат» вроде искусственного австрийского газамтфатерланда[1], в котором по штату не полагается никакой живой народной индивидуальности, а взамен ее имеет существовать какая-то отвлеченная национальность и м п е р с к а я, — национальность, которой единый живой принцип и вероисповедание есть верноподданничество австрийскому императору? Не это ли идеал тех наших близоруких патриотов, которые, ратуя за «государственное единство и цельность», в то же время с возмутительнейшим пренебрежением относятся к русской народности и таким образом сами ослабляют крепость внутреннего объединяющего начала? Неужели еще нужно доказывать, что всякое государство может быть крепко только внутреннею органическою силою, которая и есть — народность? Что Россия не есть совокупность разных племен и народов, сплоченных внешнею материальною силою «государственного единства», а живой, ц е л ь н ы й народный организм, развившийся и разросшийся собственною своею внутреннею органическою силою? Что никакое государство никогда не должно опускать из виду зерно своей жизни и силы, истинный родник, причины и основы своего бытия, — и что у нас, в нашей Российской империи, — этим зерном, этим источником жизни и силы, этим седалищем зиждущего разума — является Р у с ь, р у с с к и й н а р о д? Неужели еще не ясно, что если б эта сила перестала действовать или почему-либо ослабла в действии, если бы от какой бы то ни было причины произошло расстройство органических отправлений или непомерное развитие одного органа в ущерб другому (например, внешнего покрова, т. е. государства, на счет всего тела), то государство при всем своем наружном блеске и могуществе не представляло бы залогов истинной крепости и долгоденствия и не удержало бы своего единства? Только подкладка, так сказать, внутренней органической стихии, говорили мы, давала и еще дает движение и силу петровскому государственному механизму; только Р у с ь ю жила, держалась, продолжает жить и держаться и м п е р и я, несмотря на все преграды, положенные органическому действию и собственному развитию самой Руси, — безусловным преобладанием западных начал цивилизации и разрывом образованных классов русского общества с русской народностью. Уже по самой сумме разных неблагоприятных у нас условий для народного развития можно заключать о степени органической жизненной крепости нашего народа — той Р у с и, без которой как будто хотят обойтись некоторые газеты!

В пределы государства, — объясняли мы в наших статьях, — могут взойти и другие народности, к нему могут примыкать и другие политические тела. Эти народности или растворяются сами собой в народности господствующей, сливаются с ней, так сказать, ассимилируются, или же, сохраняя свой тип, теряются в общем типе государственном, вполне безвредные как по относительной малочисленности своей, так и по отсутствию в них внутренней силы. Все зависит от нравственной, духовной и бытовой крепости самого основного элемента, т. е. господствующей народности; следовательно, на развитие и укрепление этого элемента и должно быть обращено главное внимание «патриотов», а не на одни государственные связи, которые сами по себе могут создать только искусственное, внешнее, следовательно, непрочное и, в сущности, мнимое единство. Если же историческая судьба связывает государство с посторонними политическими телами, то только тогда эти посторонние тела вполне плотно

и прочно примыкают к государству, когда прирастают к нему органически, проникаются органическим с ним единством, приобщаются к его народному духу. — Никакая другая связь не может быть вполне надежна, и прочность этой связи зависит не собственно от внешнего единообразия форм, а от той степени органической с и л ы с р а щ е н и я, которою обладает государственный организм. Чем сильнее, чем активнее в государстве его органическое начало, т. е. н а р о д н о с т ь, тем притягательнее оно, тем могущественнее сила органического сращения, тем прочнее «государственное единство и цельность» даже без особенных внешних насильственных и искусственных мер. Следовательно, если, с одной стороны, необходимо, чтобы меры государственные не полагали преград правильному свободному воздействию самой народной жизни на чужеродные элементы, входящие в состав государства, — то, с другой стороны, еще более необходимо, чтоб само общество умело ценить эту объединяющую силу, чтоб оно не только не мешало, но всячески способствовало развитию и укреплению своей народной стихии. Уважение к своей народности, к органическому своему началу, к духу жизни, создавшему народную личность, обусловливающему и определяющему ее историческое бытие, — есть, таким образом, непременное условие жизненной силы и могущества не только народа, но и государства. Чем свободнее, деятельнее, возбужденнее дух жизни народной, чем производительнее творчество жизни, — тем крепче государство и внешнею силою, и цельностью, и единством. Наоборот: попробуйте устранить права народности, заменить организм механизмом, подорвать коренные основы народного быта, посягнуть на существенные элементы народной личности, — вы внесете в жизнь государства двойственность и внутреннее противоречие; вы никогда не добьетесь от такого государства силы сращения, той объединяющей силы, которая принадлежит только духовно-цельному организму, вы придете к совершенно-противоположному результату, — вам будет постоянно угрожать призрак с е п а р а т и з м а, — вы будете осуждены на постоянное беспокойство за свою народность, на необходимость ограждать ее внешнею силою.

Что́ же мы видим у себя дома, в России? Ни один народ в мире не представляет такого цельного живого организма, как русский, ни один, может быть, не одарен таким богатством сил и таким могуществом естественного органического сращения и притягательности. Но развитие русского народа, творчество и деятельность его элементов встречают себе задержку именно в русском же обществе, — которого отношения к народности были уже столько раз обличаемы в нашей газете и которое при всем том так гордится и хвалится своим патриотизмом. Общество и действительно патриотично — в том смысле, что все его члены готовы жертвовать жизнью и достоянием за внешнюю целость империи в годину внешней опасности. Но эта доблестная способность при отсутствии уважения к духовной и бытовой стороне русской народности, при слабости народного самосознания у нашей русской интеллигенции нисколько не обеспечивает русского народа в такое время, когда нет неприятельских армий, с которыми можно было бы бороться, когда жизни и достояния не требуется, а требуются совсем иные подвиги духа — для борьбы нравственной с опасностями нравственными. Для этих подвигов духа недостаточно одних патриотических восторгов внешним могуществом Российской империи, — точно так же, как никакою внешнею силою внешнего патриотизма не могут быть ни разрабо-

таны, ни умножены те таланты, которыми хотя и богата Русская земля, но которые лежат в ней зарыты и не возделаны нашею иностранствующею «интеллигенциею». Русскому обществу именно недостает уважения к своей народности, веры в свою народность (не в материальную силу народа, а в его начала). В нем вследствие разных исторических причин явилось сомнение в самом себе, в своем нравственном праве на самостоятельное народное развитие и закралось в душу какое-то душевное подобострастие пред авторитетом западной цивилизации. Нужно ли представлять тому доказательства? Нам пришлось бы тогда повторить вновь все сказанное в 150-ти №№ нашей газеты; об этом красноречиво свидетельствуют все лучшие произведения нашей литературы, от Фонвизина до Гоголя и Островского включительно. «Полнейшее невежество в деле русской истории и русской народности, — и невежество не невольное, а произвольное, — составляло до сих пор (сказали мы в последней нашей статье[2]) какую-то аристократическую принадлежность высшего образования, своего рода bon genre; и хотя такому отношению в русской народности нанесен в последнее время значительный удар, — тем не менее это невежество и до сих пор продолжает украшать наше светское образованное общество, так что в мечтаниях своих об устройстве России оно до сих пор забывает безделицу — русский н а р о д и н а р о д н о с т ь, — оно не примечает слона: 40 миллионов, или еще больше, русского оседлого населения!» Русской земле, разумеется, нечего опасаться за свое внешнее единство и цельность. Этот страх мог родиться только у тех, кои не ведают или не разумеют своей земли и своего народа, которые способны сеять кукурузу в Архангельской губернии или мечтать об английской аристократии на русской почве (что́ совершенно одно и то же), — а также у тех патриотов, которые всю надежду на единство возлагают лишь на внешний государственный строй. Пятьдесят миллионов русских одного племени, одного языка и веры, обитающих не чересполосно, а вместе, в одной общей местности, составляющих один политический организм, — это такого рода сплошное единство, которому ничего подобного нет нигде в Европе. Это единство, государственное и земское, сказывается при всякой внешней опасности. Но при всей внешней цельности и единстве России мы действительно расколоты сами в себе внутренно, страдаем нравственно — разрозненностью или двойственностью, и общественный духовный наш организм не может похвалиться ни цельностью, ни крепостью.

Кто же виноват в этой двойственности, в этом разрыве между обществом и народом? Кто продолжает поддерживать этот разрыв? Кто нарушает н а р о д н о е единство и цельность? Да именно общество, или, лучше сказать, те патриоты, которые, по-видимому, всего более хлопочут о «г о с у д а р с т в е н н о м единстве и цельности». Слепцы, они не ведают, что́ творят! Но разве уже не пора прозреть, разве в наше время еще позволительно не ведать?! Разве не убеждает их ежедневный практический опыт, что именно в устранении неблагоприятных условий для развития народности, для деятельности народного начала жизни и лежит залог прочного единства и цельности? Если вам страшен сепаратизм, если вас беспокоят «сепаративные тенденции», говорили мы им, то устремите вашу деятельность не столько на внешнее искоренение этих тенденций внешними способами (вы их не уничтожите, а заставите притаиться), сколько на возбуждение органической силы сращения в нашем собственном организме; направьте ваши удары не на сепаратистов, которые сами

по себе и не опасны, но на те условия, вами же поддерживаемые, при которых слабеет в народе всепоборающая вера в самого себя, в свою народность[3]. Если вы хотите, чтоб вас уважали, уважайте прежде всего сами свой народ, свою народность, свободу народной органической жизни; если вы домогаетесь, чтоб другие народности признали ваши права, признайте сами права своей русской народной личности на самобытное и самостоятельное развитие — и знайте, что никакая государственная внешняя сила не может восполнить недостаток этого нравственного самоуважения в обществе. Если вы хотите, наконец, бороться с немцами и немецким элементом, будьте прежде всего сами не немцами, а русскими, проникнитесь сами духом русской народности... Отрицая же значение русской народности, отвергая ее право на самостоятельность и самобытность, хотя бы только в науке и искусстве, в области духовной, вы недалеко уедете на вашем государственном патриотизме; напротив, с таким чисто внешним патриотизмом вы ослабите, пожалуй, и природную силу единства и цельности, и самостоятельность внешнюю и политическую нашего отечества. Благо нам, что у нас есть простой народ, таящий в себе народную сущность неприкосновенную, хотя и лишенною покуда, благодаря отчужденности русского общества, полноты своих производительных сил. В народности, в уважении к началам и правам народа как живого организма, в самостоятельном развитии народной личности, в восстановлении единства и цельности народного духа должны мы почерпать главные условия силы — и для достойного существования на земле в качестве полезных членов общечеловеческой семьи, и для укрепления нашего внешнего государственного существования...

В народности? В единстве и цельности народного духа?? Но существует ли русская народность в русском государстве?!.. «Русская народность достойна посмеяния!» «Единство и цельность народного духа» — это только название, «возвышенное Nichts (nihil — ничто), которое “День” противопоставляет грубой деятельности государственного единства!»[4] Кто это говорит, из какого лагеря несутся эти хулы на русскую народность? Кто эти новые нигилисты, проникнутые таким горьким безверием в значение народного духа? Читатели, конечно, удивятся, когда мы объясним им, что эти отзывы о русской народности несутся из двух совершенно противоположных лагерей: из чужеземного, вполне враждебного лагеря и из лагеря наших самых рьяных патриотов, новейшего клейма и фасона. «La nationalité russe est dérisoire, русская национальность достойна посмеяния», — говорит одна французская брошюра[5], не признающая никакой внутренней силы в русской народности, никакого внутреннего единства и цельности. Империя, говорит она, есть беспорядочная смесь всевозможных пород, которые непрестанно стремятся возвратиться в свое лоно. Все эти породы, все эти племена, все эти враги по крови и по нравам связаны между собою только искусственными узами (государственного единства). Не правда ли, читатель, вам смешно такое невежество иностранца, который не заметил нашей 50-миллионной однородности и который уверяет нас, что империя держится только искусственным внешним способом?.. Но не слыхали ли мы и сами в нашем обществе рассуждений о «разъединенной России», которую поэтому надо покрепче связать и увязать внешнею искусственною связью администрации? Не раздавалась ли и у нас постоянная проповедь о том, что нам везде и всюду грозит сепаратизм, что вся забота наша должна быть устремлена на усиление

искусственных уз «государственного единства и цельности», — и разве не выражалось при этом полнейшего пренебрежения к единству и цельности народного духа? Такая патриотическая проповедь (без сомнения, против желания самих проповедников) вполне на руку автору иностранной брошюры, который не может не радоваться подобному нашему пренебрежению к народной органической стихии. Он не слишком боится того внешнего государственного единства, которое зиждется на таком неуважении к единству и цельности народного духа. А между тем не высказано ли нам прямо, что «День», отзываясь будто бы «с презрением об интересе государственного единства, противопоставляет этой грубой действительности возвышенное Nichts под именем единства и цельности народного духа»? Эти слова, в которых находит себе такое неожиданное подкрепление автор французской брошюры, принадлежат главнейшему органу так называемой иностранцами ультра-русской парии, т. е. партии тех патриотов, которые так громко и пышно толкуют о государственном единстве и о патриотизме... Le fin mot * этого дешевого патриотизма высказано, и отныне мы уже знаем, с кем имеем дело. Предоставляя одному из наших сотрудников подробнее разобрать и изложить в особой статье содержание иностранной брошюры параллельно с этим афоризмом известной русской патриотической газеты, — мы только постараемся указать здесь главные характеристические черты той доктрины, которая так долго обольщала простодушных — шумом и блеском своих патриотических залпов.

Вот что́ скрывается под этим внешним патриотизмом, вот главные догматы веры, которые вырабатывались под сению знамени внешнего «государственного единства и цельности», водруженного партией наших новейших западников-ультраруссов:

«Единство и цельность народного духа, т. е. духа 50-ти или более миллионов русского народа, есть не более как возвышенное Nichts — ничто». (До такого «нигилизма», конечно, никогда не ожидали дойти самые отчаянные наши нигилисты, а тем менее наши «патриоты», с таким страхом относящиеся ко всякому нигилизму!)

«Живая, личная, индивидуальная народность должна быть заменена отвлеченною национальностью государственною...»

Для этого — из идеи русской народности необходимо выделить все те просветительные и образовательные начала, под воздействием которых сложилась исторически русская народность, — выкачать, так сказать, из нее самый воздух и, разведя состав такой обездушенной русской народности всеми возможными инородческими и иноверческими элементами, создать новую российскую национальность, с русскими Моисеева закона[6], с русским католицизмом, и т. д.

Отсюда, как прямое последствие, вытекает другое положение, что не следует давать никакого значения органической стихии, присущей в народности русского народа, а следует, напротив того, всячески ослаблять ее и довести до ничтожества. Так как эта органическая стихия пребывает преимущественно, если не исключительно, в простом русском народе и, будучи скована Петром Великим, теперь, благодаря нашей крестьянской реформе, раскована и введена в нашу гражданскую жизнь, то следует отнять у нее все то, что́ дает ей силу и вес. Поэтому:

* Последнее слово (*фр.*).

«Крестьянское самоуправление — вздор»; его не нужно, нужно распространить над крестьянами патронатство помещиков, водворить и у нас патримониальное начало, т. е. право суда и управления помещиков в волостях и т. п.

Двумя главнейшими условиями жизненности и силы народной русской органической стихии служат: во-1-х — владение землею, т. е. то, что крестьяне все поселены на земле, все владеют землею; во-2-х, то, что у большинства крестьян существует общинное пользование землею, дающее им внутреннюю силу и крепость, признающее за каждым членом общины право на участок земли, — гарантирующее его, по возможности, от нищеты. Поэтому следует ввести такие меры, которые бы искусственно подорвали начало общинного поземельного владения и обезземелили бы половину крестьянского населения.

Идеалом для России должно служить такое устройство, при котором бы образовалась целая масса «бездомных, бродячих рабочих», постоянно нуждающихся в хлебе и крове и прибегающих за хлебом и кровом к крупным землевладельцам.

Наконец, ценою такого обезземеления крестьян — имеет создаться в России крупная землевладельческая аристократия на манер английской.

Довольно. Мы хотим пощадить наших противников и воздерживаемся от перечисления всех многообразных несообразностей их доктрины, а также и тех печальных результатов, к которым могли бы привести эти мечтания, если б им суждено было осуществиться. В 10-м № нашей газеты[7] эти результаты более или менее указаны. Спрашиваем: есть ли хоть тень чего-нибудь русского и патриотического в изложенных нами выше положениях? Можно ли подумать, что русское дворянство захочет себе купить значение поземельной аристократии ценою обезземеления русского народа? Пусть же те, которые, как слепцы, отдали себя в водительство нашим новейшим стоятелям за благое дело государственного единства и цельности, увидят наконец, куда они пришли со своими вождями. Пусть же поймут, чего стоит тот патриотизм, которым так дешево красовалась и красуется известная часть нашего образованного общества, и насколько он действительно обеспечивает русское единство и цельность!

Будем справедливы: во всем этом, по-видимому, вредном посягательстве на русскую народность, которому обрадовался бы всякий враг России, нет, однако ж, ничего умышленного, ничего злонамеренного. Напротив: мы вполне верим и в искренность патриотизма, и в благонамеренность наших противников. Все это с п р о с т у да с о с л е п у, от недостатка строгой логики в голове, от тупости народного чувства, от невежества во всем, что́ касается русского народа, — невежества, часто соединяемого у нас с самою замечательною европейской ученостью, от непривычки домысливаться и от привычки раболепствовать пред иноземными авторитетами. Но пора же этому и кончиться. С освобождением 20 миллионов крестьян такое простодушное невежество и пренебрежение к своей народности — становится и непростительным и даже сопряженным с серьезными и опасными неудобствами для личных интересов известного образованного класса!

<ОТЧЕГО ТАК НЕЛЕГКО ЖИВЕТСЯ В РОССИИ?>

Нелегко живется теперь на Руси. Неможется ей, во всех смыслах и отношениях. Трудно ей; трудно особенно потому, что приходится ей иметь дело не с какой-либо внешней опасностью, внешним врагом, — а с самою собой. Трудно потому, что и врачевание приходится искать, как убеждает в том недавний опыт, не во внешних учреждениях только, не в одной благонамеренности правительственной, — а в чем-то ином, в разрешении многосложных, громадных вопросов духовного свойства.

Дело уже не в лекарствах, извне прилагаемых, а дело в возбуждении самодеятельности внутренней воли, в жизненном проявлении нравственных сил — несомненно присущих нашему общественному организму, но где-то давно и глубоко зарытых, чем-то тяжелым придавленных, чем-то скованных, бездействующих, оцепенелых. Нам нечего уже теперь обольщаться быстротой нашего развития; нечего сваливать вину на правительство или ожидать от него таких новых реформ, которые мигом бы поставили нас на ноги и возвратили нам здоровье. Самое главное — освобождение крепостных крестьян и свобода (хотя бы даже не полная) печатного слова, — самое необходимое мы уже имеем: дальнейшее развитие предлежит уже самому обществу. Все, что́ зависит от внешней государственной власти, ею уже дано или будет дано. Но это еще не даст нам здоровья, потому что государственная власть не может же стоять выше общественного нравственного уровня и сама нуждается в притоки для себя извнутри — новой здоровой жизненной силы. Дело за нами.

Стоя теперь на краю пройденного нами четырехлетнего журнального поприща и озираясь назад, мы невольно вспоминаем то недавнее время, когда, при начале нашей редакторской деятельности, многое такое казалось мечтою, чем-то вроде несбыточных pia desideria *, что́ потом осуществилось велением власти — очень скоро и просто, — но не принесло (и не могло принести) особенного облегчения в общем ходе русской жизни. Еще в 1861 году появлялся в Москве один таинственный господин, который хотел производить агитацию для составления громадного адреса, ходатайствующего о бюджете, суде присяжных, уничтожении цензуры, земском самоуправлении и т. д.: чуть ли не в каждой из этих мер наши глубокомысленные либералы видели панацею от всех зол, удручающих наше отечество... Явились, и без всякого адреса, и бюджет, и новые законы о присяжных, земском самоуправлении, печати... Но панацеи и в них не оказалось; не в них, видно, сила, и сами они для своего успешного развития требуют чего-то, чего еще нет.

Что же именно? Ужели опять какого-нибудь внешнего преобразования по благоволению государственной власти? По этому пути, пути внешних учреждений и мероприятий, двинулись мы далеко. Пора бы, кажется, понять, что это все не более как средства к жизни, ее внешние формы, а не сама жизнь; что в том-то и состоит уродство нашего развития, что прежде содержания являют-

* благих намерений (*лат.*).

ся у нас формы, в которые и втискивается потом содержание искусственно и насильственно, — а не содержание само, свободно и органически, создает себе форму. Итак, казалось бы, по этой дороге и идти дальше некуда. Но близоруким политикам нашего общества хочется забрести совсем в «тупик» (как называются улицы, из которых нет выезда) и наткнуться лбом, в деле нашего государственного строя, на грубый факт положительной, упорной воли народных масс и их исторического инстинкта — еще до сих пор для нас загадочного, не выясненного нашему общественному сознанию. Может быть, таков именно и есть путь нашего развития. Может быть, только истощивши весь свой кошель дешевых готовых образцов, «наивернейших средств» — «самоновейших лучших руководств» и тому подобных указаний политической науки и опыта чужих, западноевропейских народов, — может быть, только перепробовавши на практике все эти внешние пособия одно за другим, общество наше убедится, наконец, что средства к жизни еще не творят жизни, что внешняя искусственная обстановка государственного строя еще не в силах сама по себе вдохнуть в жизнь ту органическую силу творчества, которой именно ей недостает и недостаток которой сказывается в нас таким тяжелым томительным недугом. Когда утратилось непосредственное чутье своего прямого прирожденного пути, когда мы сбились с дороги, вся задача в том, чтоб отыскать эту дорогу, а не в том, чтобы обзавестись конями и экипажем, да вприбавок еще казенным. Может обставиться общество всевозможными либеральными государственными учреждениями по наилучшему немецкому или английскому образцу, может, с разрешения правительства, нарядиться во всевозможные мундиры, англо-аристократического или даже мужицко-демократического покроя; но все они будут сидеть на нем мешком, все же это только мундиры, а не своя, прирожденная историческая одежда, — и опять не по себе будет в них Руси.

Не знаем, в какой степени неминуемы все эти эксперименты и может ли общество предупредить их — чрез отвлеченное выяснение себе своего пути, своего социального и политического идеала. Во всяком случае, такая работа необходима. Кажется, экспериментов было немало: мы не бедны опытом, купили его дорогою ценою, да и пора уже было бы надоесть — бродить ощупью и плутать в потемках. Едва ли мы не подошли к самому краю, за который перешагнуть было бы слишком опасно, хотя бы уже потому, что мы слишком бы усложнили свое развитие и слишком бы далеко оторвались от народных исторических основ и преданий. Теперь именно наступило такое время, когда все нужнейшие внешние реформы совершены, необходимые средства — хлеб насущный, некоторая свобода слова — даны; можно было бы, успокоясь покуда на них, оглядеться назад, вникнуть глубже в свойства нашего внутреннего недуга, не уступающего покуда никакому врачеванию, и, вместо того чтоб растрачивать наши силы вовне, обратить их внутрь себя, на работу самопознания и на подвиг нравственного возрождения.

Впрочем, может быть, многие из наших читателей и не понимают ясно, о каком это недуге мы говорим. Особенного недуга они не ощущают, кроме того, что финансы плохи, что звонкой монеты нет, что вся Россия страждет безденежьем, торговля в застое, крестьянское благосостояние упало и т. д., и т. д. Они полагают даже, что все это произошло от более или менее неискусного управления и что от администрации же зависит вывести Россию из такого затруднительного положения. Они не замечают, устремив свои взоры на внеш-

ние правительственные распоряжения, что начала, которыми руководится правительство, выработаны и навязаны ему самим обществом, что даже неуспех внешних правительственных распоряжений состоит в непосредственной связи со всем нашим внутренним, духовным строем; что, наконец, правительство вербует своих деятелей из того же критикующего его общества и что наше правительство и наша оппозиция, в сущности, одно и то же, поочередно меняются ролями, стоят на одинаковом уровне понимания и вертятся вместе в одном общем безвыходном круге. Поясним, впрочем, нашу мысль для этих наших читателей несколькими наглядными примерами, избегая всякой *отвлеченности*. Самое состояние наших финансов, независимо от степени финансовых дарований в правителях, не происходит ли большею частью от деспотизма теории над жизнью, от подобострастия к отвлеченным положениям западноевропейской экономической науки, которые так громко провозглашались нашею же интеллигенцией, от совершенного незнания России, которым отличается само же наше русское образованное общество, — наконец, от массы непроизводительных трат во всех его классах. Не может же оставаться без влияния на общественное материальное благосостояние — это переселение русских капиталов за границу в лице сотни-другой тысяч русских, наиобразованнейших и состоятельнейших людей, — причем поземельные владения их остаются без надлежащего призору и управления? Чтó же гонит их из России — отчего так слаба связь между ими и родною землею при несомненном, однако, их государственном, внешнем патриотизме? Это уже вопрос болезни внутренней. Не может также не отзываться на наших финансах и страшное усиление пьянства в простом народе вместе с ослаблением нравственных побуждений и физических сил к производительному труду? Как бы ни было виновато акцизное ведомство [1], руководившееся, впрочем, в своих действиях самыми новейшими модными теориями, рекомендованными нашей же журналистикой, и пригласившее к себе на службу цвет «либеральствующей» молодежи, — нельзя не видеть в этом явлении народного пьянства — страшную распущенность нравственную, не выдерживающую искушений, которыми обставлена всякая свобода, — нельзя не искать причин в народных нравах, а при вопросе о народных нравах сами собою возникают вопросы о народном образовании, о церкви, о духовенстве. Для всех же этих вопросов мы всего менее можем ожидать разрешения от правительства, от каких-либо его созидательных внешних мер, от казенного преобразования училищ или от поступления священников на казенное жалованье. Не полицейской фонарной команде возжигать тот священный огонь, без которого существование духовенства не имеет смысла или обращается во вред самому обществу...

Россия преобразуется, Россия развивается; она в скором времени будет по внешности, по каталогу заведений и учреждений более похожа на Западную Европу, чем любая страна, plus européenne que l'Europe* [2]. И в самом деле, можно было бы обольщаться успехом реформ, если бы не обличало нас одновременное с ними наше банкрутство во всех отношениях: несмотря на все усилия и пособия западной науки и опыта, — богатая Русь бедна и беднеет; обладающая несметными сокровищами серебра и золота, как ни одна страна в мире, она не имеет у себя серебра и золота ни на одну копейку; гордящаяся умом и смышленостью своего народа, порождает большею частью, в лице своих выс-

* более европейская, чем Европа (*фр.*).

ших общественных представителей, — поразительную неспособность, нравственную дряблость и духовную непроизводительность; полная преданий и задатков самостоятельного политического развития, она жмется, как в тисках, в формах, ей чуждых, прививает и развивает у себя чужие произрастания, запуская свою собственную духовную ниву. «Святая» Русь — безнравственна, не творит ни добродетели, ни доблести в высшем смысле этого слова, — православная Русь — теряет своих чад и перестает быть в сознании общества и государства единственным живым, духовно-органическим началом всего исторического бытия Русской державы. Мы получили, кстати, на днях верное известие о том, что татары, известные под названием новокрещенных, в Казанской, Пермской, Вятской губерниях и пр. толпами отпадают от православия в магометанство, что мордва, чуваши и прочие инородцы — также во множестве увеличивают собою ряды раскола и т. д. Кто может противопоставить преграду такому движению? Конечно, не полиция, к которой любят, к несчастию, обращаться наши духовные власти; не казна с своими казенными способами убеждения. Это дело принадлежит духовенству, но при одной мысли о нем не исполняемся ли мы, говоря по совести, самой скорбной безнадежности? Можем ли мы с упованием обращать к нему взоры? И здорова ли та страна, где большинство пастырей обратилось в наемников или чиновников? Не подтачивает ли ее такой недуг в самом корне? Посмотрите на Западный край, на Польшу, в которой успех православной пропаганды легко порешил бы все те тяжелые, мучительные вопросы, которые представляются каждому знакомому с этими краями. Латинская Польша не может не быть нам враждебна, но православная может нам быть родною, даже и оставаясь верною польской народности. И что́ же мы делаем? Мы стараемся создать у себя не поляков православных, а русских католиков, мы не вздумали до сих пор — перевести на польский и жмудский [3] языки нашу литургию, а заставляем переводить католическую литургию на русский язык! [4] И опять: разве правительство в этом виновато? Разве не само русское общество внушало ему эти советы, в своей патриотической мудрости? Не правительству же браться за пропаганду. Пропаганда должна быть делом общественным, делом искреннего, свободного убеждения, согрета святою ревностью к истине, а не правительственными наградами и поощрениями. Напротив: всякое вмешательство казны в это дело, всякое низведение интересов веры на степень интересов государственных, всякое обращение святыни в орудие казенных видов и соображений — не только мертво и бесплодно, но даже положительно вредно. Так, мы никогда не придавали особенного значения казенной постройке церквей в Западном крае, с казенного подряда, чиновниками, от казны командируемыми, и всегда думали и думаем, что живое слово верующего проповедника, хотя бы и в храме с соломенной крышей, что благочестивая святость служителя алтаря, хотя бы и в крашенинной [5] ризе, — более *может*, чем обращение православной пропаганды в круг занятий Министерства внутренних дел, чем все эти миллионы, от казны ассигнуемые на сооружение храмов, или же сотни тысяч, пожертвованные на сей предмет купцами с получением за усердие медали и ордена. Но что́ же делать правительству, когда нужда настоятельная, а наше общество бездействует, а духовенство безмолвствует, само зовет себе на помощь силу правительственную?

И где общество? И какие у общества православной России церковные, политические, социальные — русские идеалы? Наше старое общество разлагает-

ся, а нового мы еще не видим. Потому что к старому обществу должны мы отнести и все наше молодое поколение, в котором нет ничего, кроме более искренней и энергической силы отрицания.

Половина общества так воспользовалась предоставленною ему от правительства свободою, что живет за границей и воспитывает там своих детей: наши будущие русские деятели готовятся не только вдали от России, но в атмосфере, ей чуждой и враждебной, под воздействием иных просветительных начал, с детства усваивают себе точку зрения, с которой менее всего понятна Россия. Те же, которые воспитываются дома, в России, в общественных заведениях, относятся отрицательно ко всему, что дорого и свято русскому народу: кроме чиновников и нигилистов, ничего не создает наше общественное воспитание.

Итак, есть внешние средства к жизни, но нет духа жизни; есть дела много, но нет делателей; есть материал, но одушевить его некому. Куда идти, к чему идти, какая ее задача — вот над чем приходится теперь задумываться России. Благодаря своей материальной тяжести, благодаря тому упору, который находит она в своем простом народе, еще выдерживает она равновесие и противится деспотическим прихотям своих образованных классов. Но надежен ли этот упор? Не может же безнаказанно для себя пребывать народ тысячу лет неподвижно, на одной степени развития. Время и ему двинуться, — но куда, куда? Неужели же вслед за нами?! по нашим стопам?! Страх берет при одной мысли об этом. Куда же это его мы заведем? Хороши мы для него образцы!

При таком положении дел всего опаснее самообольщение, всего вреднее дешевый внешний политический интерес, отвлекающий общество от вопросов внутренних. В этом отношении последние два-три года имели то дурное влияние на так называемое образованное общество, что дали его пустоте какое-то содержание — в сущности, совершенно призрачное. Благодаря нашей патриотической и поющей гимны русскому дворянству публицистике общество действительно поверило, что оно политически зрело, — и, упоенное взаимным каждением своих корифеев, само не видит, как оно нравственно пусто, как нет у него никакой почвы и болтается оно ногами по воздуху. Открылась возможность слыть и самому воображать себя русским, не будучи русским или будучи им лишь только по имени и по крови; воображать себя патриотом, не расходуясь на это никаким новым трудом мысли и продолжая воспитывать детей своих в Дрездене или Женеве, толковать о государственном единстве и цельности России, посягая на духовную цельность русской народности, на русскую общину и мир, и, наконец, признавать себя расквитавшимся со всеми своими обязанностями как русского гражданина, пристроив себя под аристократическое знамя какой-нибудь иноземной политической теории. Все это вредно уже потому, что упраздняет серьезный труд самопознания, ставит на ходули, обольщает лживою надеждою на легкое исцеление, — которого эти общественные деятели, какие бы ни *придумывали* средства, не дадут и дать не могут: зло не в отсутствии средств, а в нас самих, в нравственных типических условиях нашей среды.

Таково положение дел в России. Но унывать нечего. По организму и болезнь. Крупна болезнь, но зато как крупен, как мощен организм! Надо только уразуметь сокровища духа в Русской земле и позвать их наружу; надо только сознать, что дело не во внешних лекарствах или исправлениях, а во внутрен-

нем нравственном исцелении, — что один путь отрицания лжи не приводит к живительному усвоению истины; что настало, наконец, время для положительного, а не отрицательного отношения если не к самой русской действительности, то к ее основным духовным элементам, что горше всяких бед для нас — отречение от них и отступничество. В поисках за всевозможными мелочными практическими улучшениями, в попытках разрешения бесчисленных, как песок морской, частных дробных «вопросов», при преобладающем значении внешних политических интересов и новейших теорий о государственном патриотизме и государственной народности — сильно понизился духовный уровень нашего общества, хотя, по-видимому, и «созревшего политически»; измельчала мысль, поблекли интересы чисто отвлеченные, научные, — спутались под действием влиятельной журналистики все понятия о народности; развилось пренебрежение к напряженному труду мысли, чуждому текущего политического интереса.

От этих-то текущих, внешних политических интересов, бледнеющих пред интересом нашего внутреннего общественного духовного строя; от этих мелочных вопросов, частное разрешение которых оказалось или непременно окажется бесплодным или даже невозможным вне разрешения того общего крупного вопроса, к которому они все сводятся, — мы и хотим теперь оторваться. Простимся, читатель. Нынешним № мы заканчиваем наше издание[6]. Двести восемь раз выступали мы на журнальную арену перед лицом русского общества; двести восемь раз обращали мы речь к нему по всем вопросам, сколько-нибудь важным. Четыре года подвергали мы себя, свои мнения и убеждения его свободной и бесцеремонной критике, — и в чем другом, но в одном не можешь ты обвинить нас, читатель, чтобы мы изменили нашему общественному гражданскому знамени и его нравственному характеру. Заступничеством за права русского народа и народности так, как мы их понимаем, мы и начали, и окончили свой тягостный четырехлетний редакторский труд. Полезна ли, благотворна ли была наша деятельность, об этом пусть судят другие, — временный успех никогда и не был нашею задачею. Из всего смысла настоящей нашей статьи можно видеть, что мы считаем благовременным теперь иное, не газетное делание[7]. Довольно. Довлеет *дневи* злоба его[8]; другому дневи и злоба иная. Мы свертываем теперь наше скромное знамя[9], — но с тем, чтобы развернуть его снова — с обновленными силами, с освеженною на досуге мыслью. Благодарим всех, кто поддерживал нас своим сочувствием, и не сомневаемся, что и те, которые теперь считают себя нашими политическими врагами, рано или поздно станут с нами под общее знамя.

Прощай, читатель, и да спасет тебя русская правда от всякой иноземной лжи, которою еще долго не перестанут — наши аристократы и демократы, доктринеры-чиновники и нигилисты и все это старое общество — мутить поверхность нашего могучего, величавого, глубокого народного моря.

СТАТЬИ ИЗ ГАЗЕТ «МОСКВА» И «МОСКВИЧ»

(1867—1868)

1867

<ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ «МОСКВА»>

Не случайно дано нами название нашей газете: «Москва». Имя Москвы — целое знамя. Называя Москву, мы называем всю Русь. Москва есть символ русского единства — не только государственного, подверженного историческим случайностям, определяемого временными политическими границами, — но высшего единства всей Русской земли в пределах и вне пределов Российской империи. Если возможно было вывести центр правительственный из Москвы, то невозможно ей перестать быть средоточием жизни земской. Москва — носительница и хранительница русского народного духа. Москва — представительница тех коренных народных стихий, из которых сложилась Россия, — тех земских, долго сокровенных, непризнанных, порою загнанных и презренных сил, которыми, однако ж, только и стоит, живет и движется наша земля, которыми только и держится, только и может быть сильно и славно Русское государство.

Вот этим-то силам на служение и посвящает себя наша газета. Вот почему она и осмелилась назваться знаменательным именем «Москвы». Благодаря тому простору жизни, который дарован нынешним царствованием, подъем этих сил несомненен и явное им служение стало возможным. Всякое движение общественной мысли, всякое проявление и укрепление общественной воли, другими словами — проявление и успех самодеятельности русского общества, в деле ли так называемого самоуправления, в области ли самостоятельного духовного творчества или промышленной производительности, будет предметом особенного наблюдения и изучения для нашей газеты. Напрасно бы стали думать некоторые, что мы противополагаем общество государству. Тут нет ни противоположения, ни так называемой оппозиции. Только под внешним покровом государства и может совершаться развитие мирных земских и общественных сил; только свободным развитием этих сил и ограждается сила и достоинство государства. Если может быть речь об оппозиции, то никак не со стороны общества; если здесь есть место какому желанию, так разве только тому, чтобы государство само не слишком резко противополагало себя началам и требованиям народной жизни. Но дело вовсе не в этом, а в том, что сферы деятельности и характер деятельности общества и правительства при всей их параллельности совершенно различны, а этим самым различием определяется и характер нашей газеты. Так, например, мы не только не имеем притязания выражать в «Москве» мнение правительственное, но не имеем притязания и надеяться, чтоб выражаемые нами мнения были всегда согласны с мнениями правительства. Нам даже нет никакой надобности и домогаться этого согласия

или беспокоиться по поводу несогласия. Такое положение указано нам самим правительством, отказавшимся, по крайней мере в делах внешней политики и перед лицом всей Европы, от всякой ответственности за политические воззрения, высказываемые в русской печати, от всякой солидарности с нею. Конечно, желательно, чтоб мнение общества совпадало с правительственным, но и временное противоречие между ними не представляет ничего странного: правительству принадлежит действие, а обществу — только мнение[1]. Общество вырабатывает свою мысль вполне свободно, вне тех практических условий, которым нередко подчиняется и не может не подчиниться действие правительственное; да сверх того, многие соображения, которыми иногда по необходимости руководствуется власть, обществу неизвестны или недоступны. Поэтому правительство вполне право, когда сохраняет за собою свободу действия; право и общество, когда свободно выражает пред правительством свое свободное мнение.

Вообще, у нас завелось в обычае все взваливать на правительство, во всем винить правительство и от одного правительства ожидать во всем спасения и почина или «инициативы». Притязательная критика правительственных распоряжений производится гласно и безгласно и питает собою некогда широкие, а теперь, слава Богу, значительно сократившиеся общественные досуги. Все взоры до того пристально устремлены к правительству, что от такого пристального устремления нередко двоится в глазах и всякая административная ошибка вырастает в размеры чудовищной беды; критикующее общество впадает в меланхолическое расположение духа и становится в отрицательное отношение к жизни. Нам казалось бы справедливым оградить правительство от подобных неуместных притязаний и неуместной ответственности. Нам думается, что такое ненормальное и неудобное явление происходит от неверной точки зрения на правительство и на общество. С переменою точки зрения тотчас же переменится и вся оптика, перестановятся центры тяжести, переместятся значения и силы; то, что́ было на первом плане, перейдет на второй, что́ на втором, перейдет на первый; что́ представлялось важным, окажется неважным, и наоборот. Чем сильнее проникнемся мы убеждением в значимости общества, тем строже будут наши требования от себя самих, и чем строже будут наши требования от себя самих, тем менее будет повода требовать всего от внешней власти. Пора, наконец, понять, что во многих отношениях сила не в правительстве, а в нас; дело не в той или другой политической форме, о чем всякое рассуждение представляется пустым и праздным, а в успехах общественной самодеятельности, в правильном развитии тех земских сил, которыми зиждется само государство, — тех общественных стихий, из которых более или менее слагается сама правительственная среда. С нашей точки зрения, например, не столько важно назначение того или другого административного лица, от чего нередко зависит различие в образе действий, близко касающихся интересов русской народности, сколько важно то, чтоб правильно судило само общество; чтобы в нем-то самом выработалось верное понятие об истинных интересах народности: тогда и самая смена административных лиц — эта неизбежная случайность — не будет подвергать значительным изменениям общую систему правительственных действий. В правильном развитии общественного сознания и общественных сил равно заключается и истинное, так называемое охранительное, начало, и гарантия — несравненно более надежная, чем все писаные

клочки бумаги. Возможен ли был бы известный, недавно снова оглашенный по поводу юбилея [2], протест Карамзина против мысли о присоединении Белоруссии и Украины к Царству Польскому [3], если б в начале нынешнего столетия такая мысль не коренилась в той части общества, которая по своему положению обыкновенно выдается за мыслящую силу страны, если б народное самосознание было в нем яснее? И наоборот — возможна ли была бы подобная попытка присоединения для какой бы то ни было среды — теперь, при настоящем развитии народного самосознания в русском обществе? Мы часто слышим и читаем требования, обращенные к правительству, о национальности в политике; мы и сами желаем, чтоб административные лица, к которым могут относиться эти требования, действовали в духе национальном; но еще желательнее было бы, чтоб общество наше само было вполне национально, потому что в обществе, где разумение национальных интересов сильно и живо, едва ли и мыслима администрация, действующая наперекор народному политическому интересу.

Мы сказали, что с переменою точки зрения на правительство и общество многое представится в ином свете. Многое, мало известное доселе, привлечет на себя по справедливости наше внимание, и между прочим — проявление таких новых общественных сил, которых рост почти и не замечается у нас дома, которых еще не признают у нас дома, но с которыми поневоле приходится считаться, которых нельзя обойти, которые уже почуяла, смущаясь, чуткая Европа. Эти силы нравственные в основании, но и богатые практическими результатами. Эти силы — возникшее сознание гражданской полноправности в 20 миллионах крестьян, — это развивающийся в обществе юридический разум, это, наконец, голос русской печати, к которому внимательно прислушивается Западный мир и значение которого в его понятиях равносильно чуть не целой лишней сотне тысяч штыков. Упоминать ли еще о сближении России с Америкой [4] — сближении не дипломатическом и не правительственном, но чисто общественном? А между тем один призрак этого сближения, которым правительство обязано обществу, может сослужить нам службу важнее многих дипломатических комбинаций. Одним словом, есть много утешительных признаков той подымающейся и зреющей нравственной силы общества, которой несомненно принадлежит славное будущее, в каком бы нерадостном виде ни представляли некоторые зловещие критики современное положение России, рассматривая ее только с одной ее стороны...

Дорожа именно этими силами, мы в нашей газете отводим особенное почетное место интересам русской промышленности и торговли. Промышленная и торговая сила, чисто земская по своему характеру, — промышленная и торговая среда, стоящая к народу ближе прочих образованных классов, проявляют в последнее время много задатков такой самостоятельности, для которой нужно только поболее благоприятных условий, чтобы стать совсем на ноги и сделаться могучим рычагом общественного развития. Эта земская сила, к сожалению, еще требует покуда особенного ограждения. Вот почему мы желали бы придать нашему финансовому и промышленному отделу наивозможную полноту, и это обязывает нас войти в некоторое подробное разъяснение, тем более что о направлении прочих отделов читатели могут судить по всей нашей прежней литературной деятельности [5] стало быть, и говорить о них излишне. Мы надеемся, что нашему экономическому отделу окажут содействие все, кому только лежит близко к сердцу материальное благо и процветание нашей родной

Руси, — содействие практическими указаниями на промышленные нужды... Обсуждать эти нужды можно только на основании добросовестного, тщательного и мелочного исследования всех сторон народной жизни. Здесь универсальные средства так же вредны, как и в медицине. Правильная и верная торговая, промышленная и финансовая политика тогда только возможна, когда существует добросовестное и глубокое убеждение в необходимости иметь под руками хотя приблизительно точную промышленную статистику, которая служила бы основанием для всех мероприятий. В делах хозяйственных надо отказаться от всякого идеальничанья и отбросить всякие утопии; тут нужно считать, вычислять и чутким ухом прислушиваться к биению народного пульса. Вечны и неизменны основные законы народного хозяйства, подмеченные великими мыслителями и ими нам завещанные; одни и те же они для Англии, для нас и для Германии; но тем не менее разнообразные условия, среди которых выросла и окрепла народная жизнь, условия географические, племенные, нравственные, вызывают беспрерывные видоизменения сообразно с народными запросами и потребностями, — а в умении подмечать их, в признании необходимости уступок и сделок, без потворства промышленному староверству и легкомысленному забеганью вперед, заключается вся тайна торговой политики. Внезапные же и резкие перевороты в торговом и промышленном законодательстве — это признание политической незрелости и отсутствие строгости мысли. В вопросах торговой политики мы прямо и открыто говорим, что стоим за разумное ограждение нашей промышленности. Мы глубоко убеждены, что не настало еще для нас время броситься очертя голову по пути полного и свободного соперничества в международной торговле; что, прежде чем выступить на такое опасное состязание, нам еще следует устроиться у себя дома и много еще сбросить уз и стеснений, которыми опутано наше народное производство и свободное передвижение живых производительных сил и вещественных капиталов. Лучше несколько обождать, лучше подвигаться осторожнее и медленнее по пути свободной торговли, дабы тем прочнее приблизиться к этому идеалу международных сношений, — если только полное его достижение не относится к числу таких же прекрасных мечтаний, как и всеобщий мир и тому подобные утопии. Надо, наконец, дать окрепнуть и образоваться одной из важнейших общественных и земских сил...

Мы достаточно, кажется, разъяснили то положение, которое должна занять наша газета в отношении к правительству и к обществу. С полным уважением к политическому принципу, положенному народом в основу русского государственного здания и с искреннею благодарностию к Власти, давшей простор общественному мнению и слову, — обратимся же к возделыванию тех общественных сил, значение которых показали мы выше, укрепимся на почве уже дарованных нам Властию прав и с т а н е м д о б р е[6].

<ИМЕЕТ ЛИ СМЫСЛ ПОНЯТИЕ ОБ «АРИСТОКРАТИЗМЕ» И ДЕМОКРАТИЗМЕ В РОССИИ?>

Названия, взятые напрокат у иностранцев для выражения явлений русской жизни, оказываются никуда не пригодными. Такие термины западной науки и жизни, как «аристократия», «демократия», «демократические тенденции» — ничего у нас не выражают. Но эти термины не тем одним нехороши, что ничего собою не выражают; они дурны тем, что, привнося собой чуждые нашему быту понятия, еще путают у нас и сбивают с толку людей даже весьма почтенных. Разные политические аферисты, вероятно, поэтому-то и любят прибегать к таким терминам. Газета «Весть» маневрирует ими бесподобно; все, что в нашей прошлой и современной истории не подходит сколько-нибудь под ее личные вкусы и наклонности — она сейчас же обзывает «демократическою тенденцией» [1].

Русскому народному чувству злобные тенденции греческого *демоса* или латинского *плебса* всего более чужды. Никто из русских людей, в ком только не утратилось живое чувство своей народности, сочувствовать ни «демократическим», ни «аристократическим тенденциям» (в смысле политического преобладания черни или знати), конечно, не может. У нас не было, не представлялось даже и поводов быть ни сословной зависти, ни сословной похотливости к власти, потому что нет и не было ни исключительных привилегий в этом смысле для одних, ни исключительного гражданского ничтожества для других. Если и были какие-нибудь олигархические попытки высших сословий в нашей истории, то, во-первых, они происходили под влиянием польским или западноевропейским, а во-вторых, они тотчас же разбивались о русскую действительность. Политических же бунтов из-за желания овладеть властью со стороны низших классов народа у нас *никогда* не бывало. Сама власть всегда представлялась и представляется русскому народному сознанию не регалией доблестного завоевателя, который высится и блещет своею секирой над приниженным народом, как франк над галлом [2], а скорее бременем для того, кого сам народ призвал и выбрал воплощать в себе эту власть. Самая служба у нас представлялась и представляется не прерогативой, а тяжестью, которую всякое сословие отбывает государству по-своему. Всякий *властник* [3] у нас не потому представляется велик и славен и достоин всякого послушания, что вооружен тою именно секирой, которою покорил себе народ и над ним возвеличился, а потому, что сам русский народ сознал необходимость и власти и меча на земле, «пока человек находится в телесной немощи». И русский народ в этом случае водится не слепым историческим инстинктом, а ясным и отчетливым разумением. Слова, поставленные нами в скобках [4], были слышаны нами лично от мужика-старообрядца. Народ добровольно, сам возвеличил эту власть и раз навсегда крепко обеспечил ее от чьего бы то ни было посягательства. Точно так же и самые сословия не потому возникли у нас на Руси, что одни возвысились в ущерб другим, т. е. завоеватели над покоренными, и настолько одни возвысились, на-

сколько другие принизились, — а потому, что многообразные естественные, бытовые условия, занятия и образ жизни сами по себе уже группируют одинаково свободных людей в разные классы — классы, поминутно обновляющиеся, так сказать, перемежающиеся в своих членах, одинаково для всех открытые, и из которых ни один перед другим не опозорен, и которые все составляют один русский народ.

Таково русское народное воззрение. Крепостное право было исключением, а не принципом и должно было подчиниться, наконец, силе русских народных понятий.

Все эти азбучные истины русской истории, конечно, не допускают мысли о возможности у нас каких бы то ни было феодальных притязаний и аристократических тенденций, а только феодальные притязания и вызывают везде в отпор себе злобу простонародья и черни; только существование «аристократических тенденций» и порождает неизбежно «демократические тенденции» в этом смысле и обусловливает самое появление демократических партий. Такие резкие, далеко еще не все перечисленные особенности русского народа, — или, что́ то же самое, русской истории, — конечно, раз навсегда нарекли праздными и делают ничтожными все попытки создать что-нибудь и на русской почве вроде образцов западного, германо-латинского мира с постоянною его внутреннею двойственностью и противоречием, с задатками борьбы и розни во всем общественном строе, с натиском — с одной, с отпором — с другой стороны. По счастью, у нас не было, как на Западе, феодальных баронов, которые искали бы удержать своих вассалов в вечном ничтожестве и возвышались бы над ними как участием в королевской власти, так и эксплоатацией народа, — не было поэтому и *виленей*[5], вассалов всех родов и наименований, которые бы завистливо взирали на привилегии высших и стремились бы их исхитить, вынудить их и для себя в равной со всеми степени. (О крепостном праве, повторяем, говорить нечего: оно не походило на отношения феодалов и виленей, да и уже уничтожено.) Где не было «аристократии», — где не было, говорим, аристократии в западном узком смысле этого слова, — там не могло быть и «демократии». Если же где удастся создать «аристократию», там необходимо явится и «демократия». Это как день ясно.

Надобно, чтоб нашлись у нас на Руси особенные охотники возжигать социальные страсти; надобно, чтоб у нас развилась особенная страсть выситься над всем народом; надобно, говорим, искусственное возбуждение чуждых здоровой русской натуре аристократических инстинктов и олигархических стремлений — для того чтоб и у нас могли завестись стремления противоположные, всегда восстающие навстречу и в упор стремлениям олигархическим; чтоб и у нас могли проявиться в жизни инстинкты озлобленных народных масс, действительно вредные и пагубные для человеческих обществ, но в той же мере вредные и в той же степени пагубные, как и те первые.

Таким образом, всякий являющийся у нас на Руси феодалом — повинен в известной доле демократического озлобления, им необходимо возбуждаемого; всякий проповедник на Руси аристократизма как политического начала есть в то же время и по тому самому пропагандист демократизма; всякий российский олигарх in spe* порождает в соответствие себе демагога[6].

---

* в будущем (*лат.*).

Есть в Петербурге газета, которая, по-видимому, из сил бьется, чтобы создать в обществе демократические и даже демагогические инстинкты. Можно было бы даже подумать, что она и издается именно с этою целью тайным обществом демократов; по крайней мере, отчаянные демократы должны бы поставить ей и партии, ее издающей, памятник за оказанные ею услуги демократизму. Эта газета — «Весть». Не она ли, величая себя органом крупных землевладельцев, стремится возвести крупное землевладение в политическую силу? Не она ли постоянно и неутомимо проповедует об абсолютной неравноправности всех лиц гражданского общества, об абсолютной привилегированности одних и об «илотстве»[7] других? Не ей ли представляется власть — не как неизбежная роковая необходимость немощного человечества, а как венец человеческих доблестей, который должно ревниво оберегать от прикосновения илотов и отблеск которого непременно, однако ж, должен сиять на привилегированных избранниках? Не она ли, эта газета «Весть», или ее партия, постоянно твердит о каких-то «демократических тенденциях» и своими собственными аристократическими тенденциями вызывает, и пожалуй и вызовет, на свет Божий и в России тенденции ультра-демократические? Не она ли постоянно выставляет наш разумный, добрый, мирный народ каким-то пугалом общественного спокойствия, напоминая ни к селу ни к городу и Стеньку Разина, и пугачевщину? Ей не может не быть известно, что сам русский народ в своей истории заклеймил такие явления, как Стенька Разин и пугачевщина, меткими прозвищами — «воровской смутой», «злобой шпыней»[8], «буйством сволочи» и т. д., и что отчасти именно в крепостном праве и надо искать разгадки таких явлений. И не сама ли «Весть» и ее партия — хотя бы и неумышленно — ищут вызвать подобные же явления, вознося интерес аристократического начала и крупной собственности превыше интереса национальности, политического интереса государства и обеспечения участи простого народа — напр., в наших Западных губерниях, Остзейском крае и в Царстве Польском? Если бы газета «Весть» с такою же рьяностью преследовала всякий призрак на Руси стремлений *олигархических*, мы бы еще поверили, что она точно желает уберечь Русскую землю от развития в ней злых демагогических вожделений. Но рьяность «Вести» направлена только на такие начала равноправности и равноответственности перед законом (не исключающие вовсе естественного разнообразия бытовых условий), на такие начала, выработанные всею нашей историей, всем народным сознанием и в этом смысле по преимуществу консервативные, которых малейшее нарушение в пользу аристократического ли или крупновладельческого интереса — может возродить те именно страсти, которые будто бы так ненавистны этой газете. Не вправе ли были бы мы предположить, что партия, издающая эту газету, состоит из отъявленных демагогов??!..

<ЧТО И КОГО ОХРАНЯТЬ ПО ПРОГРАММЕ «ВЕСТИ»?>

«Охранительные элементы страны», «охранительные силы, неизменно преданные порядку» — вот что́ теперь часто поминается в некоторых, особенно высших сферах нашего общества, пробавляющихся обыкновенно в своей жизни и деятельности иностранными понятиями и словами. К «охранительным» же силам взывает непрестанно газета «Весть» или партия, ее издающая. «Поднять дух охранительных сил страны, внушить им доверие, *сгруппировать их* и дать им *преобладание* — такова задача». Вот что́ читаем в 16 № этой газеты.

Невольно возникает вопрос: против кого и чего ополчается газета «Весть» и тот круг людей, которому она служит органом? «Охранительные элементы», так ею превозносимые и группируемые ею, очевидно, в целую особую корпорацию, возводимые ею даже в высший чин какого-то нового сословия, — против кого они созываются теперь проявить всю свою грозную энергию? Неужели против Стеньки Разина и пугачевщины — любимые пугала газеты «Весть»? Но для охранения общества от разбойников существуют на свете уголовные законы и жандармы, а созидать для этого целое сословие с какою-то жандармскою обязанностью — этого ли хочет газета дворянская? Мы знаем наперед, что она станет очураться от такого предположения и даже обвинит нас в искажении ее мыслей. Прекрасно. Пойдем далее. Против чего же группирует «Весть» охранительные силы? Против нелепых ли выходок «*Молодой России*» [1] и наших доморощенных Луи Бланов?.. Но тенденции такого рода слишком у нас исключительны и ничтожны; они тонут, как капля в море, в общем настроении целого русского народа, неколебимо чтущего верховную власть. Здравая критика в литературе, эманципация науки в наших учебных заведениях, отнятие у нее всякого казенного характера, дух истинной образованности — вот единственное нравственное орудие против такого рода нравственного зла. На это есть церковь, университеты, ученые, проповедники и вообще люди мысли и науки во всех сословиях. Не хочет ли уже «Весть» для борьбы с этим злом воздвигнуть целое новое юридическое сословие «здравых критиков» и «светлых умов», приняв за основание оценки ума и критической способности ценз в 1000 или столько-то душ или десятин земли? Но ведь это смахивало бы уже на бессмыслицу...

Пойдем опять далее. В каком же именно сословии у нас подозревает газета «Весть» скопище разрушительных элементов; какое из них ей представляется не довольно консервативным, стремящимся без оглядки по пути крайнего радикализма, так чтобы в отпор ему требовалось еще искусственно сочинять «новую общественную группу»? Укажет ли на крестьян? Но именно наше русское крестьянское сословие оказывается «истинно охранительным» и самым консервативным в мире. Крестьян на Руси не один десяток миллионов. После того как с уничтожением крепостного права упразднился сам собою и последний повод к замешательствам; после того как все они наделены землею, наше многомиллионное крестьянство более чем когда-нибудь прочно сидит на своем корню, являясь консервативным по преимуществу и представляя такой надеж-

ный груз для государственного корабля, которому бы позавидовали кормчие всех стран мира. Указывать на какой-нибудь радикализм в среде нашего купечества или духовенства — тоже будет ни с чем не сообразно; никаких революционных элементов тут, без сомнения, не предвидится. Все сословия у нас, как один человек, безусловно преданы той власти, которую сам народ над собой поставил и раз навсегда застраховал от чьей бы то ни было завистливости, от чьего бы то ни было посягательства.

Остается сословие *дворянское*. Против него ли, наконец, ратует газета «Весть»? В нем ли должно заподозрить похотливое желание власти и преобладания — источник всех зол на свете? Если ни в крестьянском сословии, ни в купечестве и ни в духовенстве нельзя открыть тех разрушительных элементов, против которых следовало бы воздвигнуть, по мнению «Вести», целую новую «группу», то по необходимости лишь в одном дворянском сословии и приходится искать тот дух зла и тьмы, против которого бьет сбор охранительных сил газета, издавна величающаяся «органом крупных землевладельцев». Повидимому, «Вести» хотелось бы в самой среде дворянства, а в сущности против него, создать еще какую-то новую самостоятельную «группу» высшего чина и ранга. Но со стороны органа, называющего себя «консервативным», не является ли такое стремление новизною самого неконсервативного свойства? По крайней мере, при всех исторических условиях русского политического быта не знаем, что еще может быть «разрушительнее» такого поползновения? Если в этом самом сословии действительно существует такая сепаративная группа, которая стремится еще эту свою сепаративность возвести в какую-то политическую формулу и ищет создать из себя привилегированную верхушку, — то вот эта-то именно группа одна и выходит анти-охранительною, являясь насильственным противоречием всему политическому строю русской жизни, порождая силу отпора и разрушения. Та самая группа, в которой газета «Весть» усматривает сок охранительных элементов страны, — она-то и была всегда в нашей постпетровской истории самою пагубною для страны... Вот против такого рода не мнимых, а действительных разрушительных элементов и восстают у нас, как прежде, так и теперь, единодушно все сословия: и дворянское, и крестьянское, и купечество, и духовенство, словом сказать — вся земля.

Таково настоящее положение этого вопроса, как сама «Весть» его поставила, и таковы неизбежные выводы, которые сама она на себя накликала. Но ввиду дружного и единодушного возражения ей в этом смысле газета «Весть» в 18-м своем нумере почувствовала необходимость примирительной уступки. Правда, она и в этом 18-м нумере настаивает на необходимости дать «крупным землевладельцам» и *первенство*, и *преобладание*, и *водительство*, но она уже вынуждена сознаться, что все наше среднее дворянство точно так же консервативно и охранительно, как только того желать можно, и отличается самым лучшим духом преданности закону и порядку; одни лишь мелкопоместцы представляются «Вести» то слишком пассивными, то слишком страстными, — но и это, как видит читатель, еще не обвинение в революционных замыслах. Апология такого рода, очевидно, значительно изменяет все дело. Естественные вопросы: что и кого охранять, против кого и против чего охранять призывает «Весть» птенцов своей симпатии, крупных землевладельцев, — все эти вопросы упраздняются теперь сами собою. Охранять, оказывается, *некого* и *нечего*, потому что ничто никому не угрожает. Со стороны «Вести», или ее партии,

остается только платоническое желание первенства и преобладания; ей хотелось бы предоставить крупным землевладельцам «предводительство» во что бы то ни стало. О такой слепой страсти к обожаемому предмету, о такой голой похоти — спорить уже нечего.

Желанье преобладать и предводительствовать, как нас учит история, всегда было одним из сильнейших искушений человеческого рода; желательно только, чтобы и газета «Весть» искушения такого рода называла их собственным именем, а не возводила бы их в какую-то политическую потребность для целой страны.

Русский народ, — скажем в заключение, — видевший над собою так много бурь в течение целого прошлого века, подвергавшийся всяким насилиям над собою во времена Бирона и всяких заграничных и доморощенных иностранцев, не обеспеченный еще и в начале нынешнего столетия от различных «экспериментов» над собою во вкусе самого крайнего радикализма[2], — русский народ, говорим, нуждается еще действительно в особом «охранении» собственной своей народности и всех тех начал, которые ей присущи. Без того крепкого устоя, который находится в самом нашем народе в лице его многомиллионного крестьянства, Бог знает куда бы увлеклась наша Русская земля, носимая по ветру многоразличных теорий и теоризирований и всяких бредней, исходящих от тех, кто разорвал свою связь с народом. Именно благодаря консервативной силе и охранительным элементам этих миллионов устояла Русь против всех бурь и невзгод, на нее налетавших; сохранилась и самая русская народность с ее началами — для новых, лучших дней. Невольно рождается один вопрос сам собою: те мнимо-охранительные элементы, которые газета «Весть» так превозносит, не против ли собственно русской народности представляются ей наиболее консервативными?..

Мы, впрочем, едва ли бы обратили внимание на рассуждения газеты «Весть» и партии, ее издающей, если б не постоянно высказываемые ею требования *реорганизации* земства и если б не слухи о каком-то — будто бы действительно предполагаемом — преобразовании «Положения о земских учреждениях»...[3]

<КАК ПОНИМАЕТ ГАЗЕТА «ВЕСТЬ» СОБСТВЕННЫЕ СВОИ СТРОКИ>

Казалось, мысли наши о «демократических» и «аристократических тенденциях» были изложены в передовых статьях 33 и 37 №№[1] довольно ясно, но нам приходится пояснять их снова и вразумлять паки[2] и паки газету «Весть». Мы делаем это, впрочем, не столько ради этой газеты, сколько ради той мудреной среды, где эта газета, по ее намекам, находит себе сочувствие. Мы говорили, как припомнят читатели, что у нас не существует «демократических тенденций» в западном, политическом смысле; что все наши сословия одинаково относятся к той власти, которую сам народ над собою поставил; что, наконец, самые сословия образовались у нас не так, как на Западе — путем порабощения и владычества одних над другими, причем победитель возносится над побежденным, как франк над галлом. Но газета «Весть» не убеждается этими доводами. Ей, по-видимому, непременно бы хотелось и у нас, в русской истории, — той розни сословий, той взаимной зависти между ними, той постоянной борьбы за власть, которую встречаем на Западе. Она как будто видит в этом особенное достоинство; ей кажется каким-то ущербом для нашей народной чести доказываемое нами несходство русской истории с историей западноевропейских государств. Это напоминает нам тех наивных художников и романистов, которые непременно хотели в русском мужике видеть пейзана, для русского разбойника добивались «красоты» бандита[3] и которым до страсти желалось бы иметь право похвастаться перед Европой, что вот-де и русский народ одинаково заражен теми же пороками и недугами, которыми страждут народы романо-германского происхождения. Все же они как будто чином нас выше и походить на них лестно. Ни о чем так не мечтает газета «Весть», как о создании и у нас, на тот же иностранный лад, какими бы то ни было неправдами, верхнего привилегированного класса, который в дворянстве представлял бы собою дворянство высшего чина и ранга и которому одному «Весть» и присваивает сладкозвучное название «охранительных элементов страны». Мы, кажется, достаточно разъяснили петербургской газете, что «группа», в которой ей хотелось бы видеть «сок охранительных элементов», и была искони веков в русской истории тою самою группой, которая при всякой попытке образоваться постоянно возбуждала против себя негодование всей Русской земли — именно за стремление к власти, к политическому предводительству и к преобладанию. Если где поэтому и могло бы у нас возникнуть «скопище инстинктов действительно разрушительного свойства», то именно в такой группе, которая бы создалась наперекор всем основным историческим началам нашей народной жизни и политического строя. Газета, говорили мы, или партия, которая именно и ищет сотворить в России аристократию в западном смысле, чрез это самое, по закону отражения, создает в таком же смысле и демократию; стремясь свою сепаративную «группу» возвести еще в какую-то политическую корпора-

цию, она ео ipso* является родительницей, в отпор себе, небывалых, чуждых здоровой натуре русского человека демагогических тенденций, расшевеливает социальные страсти и возбуждает искусственную вражду сословий: говорим *искусственную*, потому что естественных для нее условий в русской исторической жизни нет и не было.

Все эти азбучные истины — они действительно должны представляться азбучными для всех, кто хоть мало знаком с русской историей — вызывают со стороны «органа крупных землевладельцев» возражения, преисполненные не одного только негодования, но даже какой-то скорби. В таком несовпадении русской истории с историей государств, возникших на языческой почве германо-римского мира, газета «Весть» не видит ничего более, кроме «какого-то уродливого исключения из европейского порядка вещей». Но уродлива не Россия, которая не хотела искони веков ни феодальных баронов, ни бесправных виленей; уродлива также и не Европа, которая, по крайней мере с конца XVIII-го века, также стремится стереть у себя это дошедшее из старины юридическое неравенство между феодальными баронами и виленями. Честь уродства в этом случае едва ли не принадлежит тем, которые, как кажется, «весь европейский порядок вещей» и видят лишь в сохранении гражданского устройства и отношений времен феодальных.

В передовой статье № 22 газеты «Весть», рядом с разными неискренними обвинениями нас в идиллическом взгляде на охранительную силу народного элемента, мы находим образчик такой путаницы понятий, которая, со стороны сей газеты, уже вполне искрення и, очевидно, невольна. Желая набросить тень на несомненно охранительный дух нашего русского крестьянства ссылкой на Французскую революцию, «Весть» сама дает нам в руки оружие прямо против ее собственных теорий. Не можем не воспользоваться примером, который сама газета приводит и который, не попав туда, куда она целила, всею своей тяжестью рушится прямо ей же на голову. В этом ее 22 нумере читаем: «Все историки свидетельствуют, что не было сословия более монархического, как деревенское простонародье во Франции, и, однако, революция 1789 года совершилась!.. В глуши деревень громадное большинство жителей оплакивали несчастного Людовика XVI, но это не помешало... опозорить французскую историю самыми ужасными страницами».

Как понимает газета «Весть» эти собственные свои строки? Служат ли они подтверждением или отрицанием ее теорий о необходимости неравенства пред законом между сословиями и непременного преобладания одних в ущерб другим? И мы, и «*все историки*», конечно, вправе полагать, что если Французская революция могла совершиться — даже при преданности народа монархии, — то именно вследствие неравноправности, тяготевшей над народом. Ссылка «Вести» на преданность французского народа монархии именно и доказывает, что народ, в сущности, восставал не против монархического принципа, а против того феодального порядка вещей, в котором было узаконено привилегированное положение высших сословий или преобладание аристократов — потомков древних завоевателей — над покоренными народными массами. Как во Франции, так и в других государствах Европы, в которых позднее повторялись те же самые взрывы демократических партий, — кто же именно, как не та привилеги-

* тем самым (*лат.*).

№ 49-й. МОСКВА 1867

МОСКВА, 3-го МАРТА.

Казалось, мысли наши о «демократическихъ» и «аристократическихъ тенденціяхъ» были изложены въ передовыхъ статьяхъ 33 и 37 №№ довольно ясно, но намъ приходится пояснять ихъ снова и вразумлять паки и паки газету «Вѣсть». Мы дѣлаемъ это, впрочемъ, не столько ради этой газеты, сколько ради той мудреной среды, гдѣ эта газета, по ея намекамъ, находитъ себѣ сочувствіе. Мы говорили, какъ припомнятъ читатели, что у насъ не существуетъ «демократическихъ тенденцій» въ западномъ, политическомъ смыслѣ; что всѣ наши сословія одинаково относятся къ той власти, которую самъ народъ надъ собою поставилъ; что, наконецъ, самыя сословія образовались у насъ не такъ какъ на Западѣ—путемъ порабощенія и владычества однихъ надъ другими, при чемъ побѣдитель возносится надъ побѣжденнымъ, какъ Франкъ надъ Галломъ. Но газета «Вѣсть» не убѣждается этими доводами. Ей, повидимому, непремѣнно бы хотѣлось и у насъ, въ русской исторіи,—той розни сословій, той взаимной зависти между ними, той постоянной борьбы за власть, которую встрѣчаемъ на Западѣ. Она какъ будто видитъ въ этомъ особенное достоинство; ей кажется какимъ-то ущербомъ для нашей народной чести доказываемое нами несходство русской исторіи съ исторіей западно-европейскихъ государствъ. Это напоминаетъ намъ тѣхъ наивныхъ художниковъ и романистовъ, которые, непремѣнно хотѣли въ русскомъ мужикѣ видѣть пейзана, для русскаго разбойника добивались «красоты» бандита, и которымъ до страсти

на. Желая набросить тѣнь на несомнѣнно охранительный духъ нашего русскаго крестьянства ссылкой на французскую революцію, «Вѣсть» сама даетъ намъ въ руки оружіе прямо противъ ея собственныхъ теорій. Не можемъ не воспользоваться примѣромъ, который сама газета приводитъ и который, не попавъ туда, куда она цѣлила, всею своей тяжестью рушится прямо ей-же на голову. Въ этомъ ея 22 нумерѣ читаемъ: «Всѣ историки свидѣтельствуютъ, что не было сословія болѣе монархическаго, какъ деревенское простонародье во Франціи, и однако революція 1789 года совершилась!. Въ глуши деревень громадное большинство зрителей оплакивали несчастнаго Людовика XVI, но это не помѣшало... опозорить французскую исторію самыми ужасными страницами.»

Какъ понимаетъ газета «Вѣсть» эти собственныя свои строки? Служатъ ли онѣ подтвержденіемъ или отрицаніемъ ея теорій о необходимости неравенства предъ закономъ между сословіями, и непремѣннаго преобладанія однихъ въ ущербъ другимъ? И мы, и *«всѣ историки»*, конечно, въ правѣ полагать, что если французская революція могла совершиться—даже при преданности народа монархіи,—то именно вслѣдствіе неравноправности, тяготѣвшей надъ народомъ. Ссылка «Вѣсти» на преданность французскаго народа монархіи именно и доказываетъ, что народъ въ сущности возставалъ не противъ монархическаго принципа, а противъ того феодальнаго порядка вещей, въ которомъ было узаконено привилегированное положеніе высшихъ сословій или преобладаніе аристократовъ—потомковъ древнихъ за-

О дѣйствіяхъ комитета, выс
для преобразованія духовно-

(Продолженіе

Обязанности, возлагаемы
лицъ въ семинаріи, двояк
сказать, единоличныя, каса
каждаго должностнаго лиц
ему лично сферѣ; другія—
вокупной дѣятельности учеб
минарской корпораціи, соед
гіальное учрежденіе подъ
правленія. Обязанности пер
рактеръ исполнительный, и
лицо тѣмъ болѣе соотвѣт
ченію, чѣмъ оно точнѣе и
своей личной служебной дѣ
для него правила и постан
возлагаемыя на семинарск
въ возможно полномъ и об
ніи и рѣшеніи всѣхъ во
цѣлаго строя жизни семин
питательнаго института, и
шеніяхъ, опредѣляющихъ
ность каждаго изъ служеб

Ректоръ имѣетъ долгъ
исполненіемъ всѣми служ
занностей и за сохранені
устройства по всѣмъ частя
учебно-воспитательномъ
качествѣ, по отношенію к
цамъ и воспитанникамъ,
ственный начальникъ; пер
вомъ онъ есть отвѣтствен
Особенное вниманіе рект
щаемо на устройство у
онъ обязанъ сколь возм
классы, вникать въ духъ
преподаванія и личнымъ
дѣятельность преподават
ной общей цѣли. Какъ ли
щимъ строемъ учебно-в
семинаріи, ректору пред
особенныя права и возла
ности, тѣсно связанныя с
а) онъ имѣетъ право тре
ностныхъ лицъ семинаріи
обязанностей; б) ему пред
съ представленіями къ
шенному о награжденіи

Начало первой публикации статьи И. С. Аксакова «<Как понимает газета “Весть” собственные свои строки>» (Москва. 1867. 3 марта. № 49. Стб. 6—7)

рованная «группа» (которую газета «Весть», неизвестно по какому праву, хотя и очевидно с какой целью, величает «соком охранительных элементов») своими так называемыми «аристократическими» стремлениями к присвоению политической власти возбуждала в народных массах политические же стремления в смысле противоположном, порождала демагогические и социальные страсти и возжигала пожар отвратительной революции?

Великий политик своего века, Наполеон I, весь смысл Французской революции, как известно, определял меткой фразой: «Галлы свергли с себя иго франков»[4]. Советуем «Вести» при ссылках на Французскую революцию вдуматься в этот афоризм гениального человека.

<ПРОГРАММА «ВЕСТИ» О ПРИМИРИТЕЛЬНОМ НАЧАЛЕ В РОССИИ>

Недавно один из тех крупных землевладельцев, — за орган которых так долго выдавала себя газета «Весть», не возбуждая с их стороны никакого протеста, — заметил печатно, что, относясь по крайней мере подозрительно ко всем новейшим реформам и смущая публику зловещими предсказаниями, газета эта никогда определительно не высказывала, чего бы она сама желала. Передовая статья 7-го марта в № 29 [1] служит как бы ответом на это обвинение. Это нечто вроде политической программы; по крайней мере, было видимое желание формулировать программу, но вышло что-то особенное и лучшее — какая-то политическая симфония, как будто упавшая в журнальный мир из другой, высшей области бесстрастного созерцания и невозмутимой гармонии, оттуда, где не слышно ни скрипа, ни треска, возбуждаемых на земле столкновением грубых фактов и непримиримых понятий.

«Как у них там все хорошо и стройно, — подумает восхищенный читатель и добавит про себя, — а как бы вышло нехорошо и безобразно у нас, то есть на земле, если бы вздумали облечь эти дивные мотивы в форму циркуляров, а нас — заставить плясать под эту пленительную музыку!»

Музыка имеет перед словом одно великое преимущество: она убаюкивает слух, не тревожа мысли, и потому неблагодарна задача того, кому приходится переводить звуки в понятия, а сочетания нот — в логические формулы; но делать нечего — симфония все-таки разыграна для нас, и мы очень бы желали понять ее.

Неизвестный композитор «Вести», очевидно, вдохновился мотивом другого великого бельгийского маэстро, Шедо-Феротти, недавно пленявшего нашу публику. У обоих один мотив: идеальная Русь как безнародное государство [2].

Дело вот в чем: «Российское государство *создалось* из находящегося в средине его *крепкого, одноплеменного* и *единоверного ядра*» — это, наконец, признано — и слава Богу.

Затем «население *многих окраин разноплеменно и разноверно*» — это тоже факт неоспоримый.

Из указанного различия между ядром и окраинами что́ должно выйти? В прежние времена вышла бы междоусобная война, но те времена прошли; теперь нужно и возможно согласие, которого требует государственное единство. А что́ нужно для водворения согласия? Слушайте, вам открывают формулу объединения и умиротворения: ядро — это большинство, окраины — это меньшинства. Нужно, «чтоб в государстве *определилась господствующая* национальность и *господствующая* религия (т. е. национальность и религия большинства), чтоб эти *господствующие* силы были *признаны* остальными (т. е. меньшинствами) и чтоб они получили *несомненную уверенность в своем преобладании*». Это одно условие, а вот другое: «Нужно, чтоб меньшинствам не было отказываемо в тех *уступках, без которых люди существовать не могут*, т. е.

чтоб за меньшинствами было признано право на *уважение их нравственного достоинства* и на пользование теми средствами, которые необходимы для их *материального преуспеяния*».

Хорошо, думает читатель, вот мы сейчас узнаем, что́ разуметь под господством одной народности и одного вероисповедания над другими; в чем может и должно выражаться господство и в чем признание его; при каких условиях может большинство увериться в действительности своего преобладания? Без сомнения, мы узнаем также смысл несколько туманных терминов: «необходимого для людского существования права на уважение достоинства, на пользование средствами к преуспеянию» и т. д.

Объяснить все это необходимо, ибо весь вопрос в том именно и заключается, чтоб разграничить условия господства одних с условиями самостоятельности других; но не дождется читатель никаких объяснений. Их нет. Ведь сказано: мы плаваем в области не понятий, а звуков. Там, наверху, все, как видно, согласовано и примирено, — ну и довольно с вас. Термины, кажущиеся нам противоположными, уложились в фразе, фраза удалась — чего ж вам больше? А если вы уж непременно хотите что-нибудь понять, высмотреть и ощупать, пожалуй, вам скажут, «что, например, для государства лютеранского нет надобности обращать в лютеранскую веру своих подданных католиков, *если* католицизм отказался от своих политических стремлений». Не правда ли, как легко даются разрешения, если только сперва устранить вопросы? Одно сельскохозяйственное общество предложило на конкурс следующую задачу: какие принять меры для предохранения зерновых складов от мышей? Очень просто, отвечал один агроном, никаких мер не нужно, *если* мыши откажутся от дурной привычки поедать зерна. Действительно просто.

Ну, а если католицизм *не* откажется от своих политических стремлений, тогда что? Из слов «Вести» выходит (если только применять к ее словам законы логики), что в таком случае есть *надобность* для лютеранского государства *обращать* в лютеранскую веру своих подданных католиков. Так ли это? А как же бы мог католицизм, оставаясь католицизмом, то есть латинством, отказаться от политических своих стремлений? Глава латинской церкви — государь светский; мирская власть — неотъемлемая принадлежность церковного главенства[3]; следовательно, подчиняясь ему безусловно как главе церкви (а условно и с оговорками к церкви относиться нельзя) всякий исповедующий латинство, будь он подданный прусского короля или российского императора, стремится к политическому центру, находящемуся вне Пруссии и России, а всякий член латинского клира, от приходского ксендза до примаса[4], считает себя всегда и везде не только подданным, но и дипломатическим агентом государя, царствующего в Риме. Чтоб католицизм отказался от своих политических стремлений! Чего захотели!* Сдержать, ограничить, обуздать их проявление — дело,

* «Il est de l'essence de la religion catholique d'être intolérante (католическая вера по существу своему нетерпима)» — это писал министр папы Пия VII кардинал Конзальви к парижскому нунцию кардиналу Капрару в 1804 году, во время переговоров о приезде папы в Париж для коронования Наполеона; притом писал по поводу не догматического, а *политического вопроса о веротерпимости*, именно о том, как должна относиться государственная власть во Франции к иноверцам не-католикам. В формуле императорской присяги были слова: «Клянусь уважать свободу отправления богослужения и застав-

конечно, возможное, хотя трудное; но ведь уж это не мир и не гармония. Других примеров нет, а этот один, как видно, не совсем удачен. Уж лучше бы совсем без примеров.

Итак, нам не поведано, *как* совершится примирение; но зато мы сейчас узнаем, *кем* оно совершится. Собственно, в ответе на этот вопрос композитор «Вести» несколько отступил от шедо-фероттьевской традиции. Бельгийского маэстро[5] поразил колоссальный образ русского царя, и он воскликнул: «Объединяющая сила найдена! Он, русский царь, пусть будет отцом многих семейств, немецкого, русского, польского и, кажется, еще грузинского; пусть эти его семейства остаются одно для другого навсегда чужими; но пусть каждое из них вяжется личною связью с этим одним общим отцом. Другого единства не требуется» (мы приводим почти подлинные слова). Это было придумано во многих отношениях недурно; но забыто одно.

Если не в музыкальном отношении, то в области логики как понятие и в жизни действительной как факт многоженство и семья взаимно исключаются. Семья по существу своему ревнива; при ней могут быть домочадцы, но другой семьи около своего отца она не терпит; кто хочет иметь много жен, у того нет ни одной, а есть только наложницы. Это был единственный, правда довольно существенный, диссонанс в блистательной фантазии, недавно для нас разыгранной в Брюсселе и которую собирались заставить разучивать наших гимназистов и студентов. Не знаем, оскорбила ли она тонкий слух композитора «Вести»; как бы то ни было, он открыл другой идеал: *одно руководящее сословие и под ним множество руководимых племен.*

К этой, у нас совершенно новой теме он переходит довольно cavaliérement*; первый мотив (к которому мы еще надеемся вернуться впоследствии), об отношениях большинства к меньшинствам, остается, как мы видели, недоигранным; он обрывается на самом интересном месте (в симфониях, по правилам музыкальной композиции, это, может быть, допускается), а затем идет вдруг следующий, новый мотив:

> «Нечего и говорить (?), что как большинство (т. е. ядро России, или русские), так и меньшинство имеет своих руководителей в высших слоях общества и что сила заключается в том, чтобы руководители меньшинства пристали откровенно к руководителям большинства. Таким образом, и немецкое, лютеранское, и иное меньшинство (это *иное* очень хорошо — сказать прямо *польское* еще рано; не успели еще забыть того, что́ было вчера; через полгода, Бог даст, это *иное* раскроется и из него выползут Замойские, Потоцкие[6] и т. д.) тогда только будет в добровольной связи с великим Русским государством, основанным на русской национальности, когда руководящая часть этого меньшинства пристанет откровенно к руководящей части русского общества. Кто же эта руководящая часть русского общества? Русская история выдвинула, и русский народ признал эту руководящую силу в лице русского дворянства. Это та самая сила, *с* которою (sic: mit welcher) русские цари собирали Русскую землю... *На* этом звании русского дворянина (должно быть: *в* этом звании) соединяются с господствующею

лять уважать ее — respecter et faire respecter la liberté des cultes; вот чего, по своей латинской совести, не допускал Римский двор. Revue des Deux Mondes. Янв. 1867. <*Прим. Аксакова.*>

* бесцеремонно (*фр.*).

национальностью руководители иноплеменного меньшинства, а следовательно, и самое это меньшинство».

Просим извинения за длинную выписку; ее нельзя было миновать. Это основный мотив всей симфонии; все остальное не более как вариации.

Спорить и возражать мы на сей раз не будем, а постараемся только извлечь из теории «Вести» прямые выводы и сопоставить их с тем, что́ представляется у нас в действительности.

Но прежде всего, нельзя еще раз не обратить внимания на указанное выше различие между двумя политическими идеалами. Первоучитель России по части безнародного государства, Шедо-Феротти, полагал объединяющую силу в верховной власти, именно в личной власти, в самодержце, отрешенном от всякого сословного определения. Композитор «Вести» полагает эту силу в *сословии*. Эта существенная разница естественно наводит на вопрос: какая же роль, по теории «Вести», выпадает на долю государя? Как олицетворение единства, он, очевидно, продукт объединяющей силы; он же, до некоторой степени, и творец единства, по крайней мере сотрудник объединяющей силы, с которою (как выражается «Весть») цари собирали Русскую землю. Значит, русский царь приписывается к передовому сословию и делается *царем-дворянином*, le premier gentilhomme de Russie*, наподобие Франциска I, называвшего себя le premier gentilhomme de France**. Но если слово дворянин значит что-нибудь, то оно выражает именно то, чем известный класс людей *выделяется* из массы всего народа как *отдельное* сословие и *отличается* от других сословий, городских и сельских. Тот русский царь, который согласился бы прослыть царем-дворянином, конечно, мог бы по-прежнему любить мещан и крестьян всею душою, по-прежнему заботиться о их благе и т. д., но все-таки он сделался бы для них *чужим*, именно в той мере и степени, в какой бы он сам себя считал и считали бы его другие дворянином. Так как у нас зачастую довольно бесцеремонно перетолковывают и уродуют чужую мысль, чтобы легче было с нею справиться, то мы считаем не лишним крупными буквами напечатать, что **различие не то, что́ антагонизм, а антагонизм не то, что́ вражда.** Мы не предполагаем между сословиями ни непременной вражды, ни непременного антагонизма; все это может быть, может и не быть; на сей раз мы предполагаем, напротив, полное, невозмутимое согласие и все-таки повторяем: самое существование нескольких сословий предполагает между ними различия, иначе они бы слились и упразднилась бы их раздельность. Потому, кто приписывается к одному сословию, тем самым исключается из других, тот становится к этому одному, *своему* сословию в отношения более близкие и тесные, чем к другим. Хорошо ли это или нет в применении к верховной власти, об этом мы теперь рассуждать не будем; но, во всяком случае, мы можем сказать, что до сих пор на Руси этого не было, а так как трудно же предположить, чтобы Россия до появления № 29-го «Вести» не имела никакого понятия о своем царе, то можем также сказать, что теория «Вести» есть не только новизна, но и отрицание существующего.

Наша историческая жизнь выработала себе понятие о своем царе как о первом человеке всей Русской земли. Он, и один он, стоит вне всяких сословных

* первым дворянином России (*фр.*).
** первый дворянин Франции (*фр.*).

определений, выше их, и поэтому, только поэтому, *одинаково* близко ко всем сословиям без изъятия. Ни один феодальный король этого про себя сказать не мог и действительно не говорил.

Оттого, что русский царь не дворянин, не торговый, не посадский человек и не крестьянин, все сословия считают его *своим* в равной степени, и это значение его заключает в себе историческое, всею землею признанное уполномочие быть верховным вершителем всех сословных споров и тяжб. Мы были свидетелями одного такого вершения. Кому неизвестно, что ожидания, возбужденные в крестьянах известием о скором упразднении крепостного права, далеко выходили из пределов возможного; с другой стороны, что большинство дворянства — при всем его желании ценою некоторых пожертвований достигнуть мирной развязки — видело свое разорение в тех необходимых уступках, без которых удовлетворительное разрешение вопроса было немыслимо? И однако, он разрешился, и разрешился мирно; дано было больше, чем предлагали одни, и несравненно меньше, чем ожидали другие; но все признали разрешение и подчинились ему как третейскому приговору царя, первого человека Русской земли. Так ли бы окончилось дело, если бы то же самое Положение 19-го февраля 1861 года объявлено было как приговор царя-дворянина?

Конечно, напоминанием о 19-м феврале[a] мы не ублажим и не убедим «Вести»; да мы и не надеемся убедить ее, а ограничиваемся простым заявлением вывода из ее же слов: теория газеты, выдающей себя за орган по преимуществу охранительный, вводит в русскую жизнь новое (может быть, и лучшее, но все-таки новое), доселе у нас небывалое понятие о власти.

[a] Так в источнике.

<ДВА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ТИПА: НАРОДНО-МОНАРХИЧЕСКИЙ И АРИСТОКРАТИЧЕСКИ-МОНАРХИЧЕСКИЙ>

По-видимому, газета «Весть» хлопочет больше всего о том, как бы покрепче сплотить Российское государство, и выдвигает вперед дворянство только как снаряд, наиболее пригодный для этой работы; но, в сущности, забота у нее другая — это известно всякому, кто хоть изредка заглядывал в эту газету, — это высказывается даже в той самой передовой статье, в которой изложена ее теория объединения [1].

На общественное образование в Остзейском крае отпускается сравнительно бóльшая сумма, чем на тот же предмет в русских губерниях, что, конечно, не совсем сообразно с интересами народности, которой по праву принадлежит господство. «Весть» в этом сознается, но тут же очень скоро и утешается: «Дело не в том, что тратится больше, а в том, чтоб эти расходы способствовали развитию сочувствия к России чрез объединение руководителей иноплеменного меньшинства с руководителями русского большинства; дело в том, наконец, чтобы это руководительство не ускользнуло из рук *русских дворян Остзейского края** и не попало в руки беспокойной части класса литератов (Literaten)»** [2].

Иными словами: пускай при распределении пособий окраина наделяется щедрее средоточия, лишь бы только отпускаемые суммы служили дворянству и поступали в его руки.

Итак, на первом плане вот что: из нашего служилого сословия, из польской шляхты, из остзейского рыцарства, создать политическое сословие — *аристократию*, а там: перетянет ли центростремительная или центробежная сила, сплотится ли или, наоборот, расшатается государственный организм — это забота второстепенная.

На старых картах Московия изображалась как tabula rasa, перерезанная тремя реками, и кажется, что в том же виде, то есть как дикое поле, представляется она и теперь некоторым из ее руководителей; в ней можно кроить из цельного и разводить в ней чтó угодно, не церемонясь с ее историческими инстинктами. Иначе как бы, кажется, не догадаться, что наше служилое сословие, переименованное в дворянство, но сохранившее характер и свойства служилого, не имеет с родовою политическою аристократиею ни одной общей черты; как бы не заметить, что тип большого русского барина нисколько не походит на французского grand seigneur***, а русский англоман — самая резкая противополож-

* Предупреждаем читателей, что *русские дворяне Остзейского края,* или, еще лучше, «*русские* дворяне *немецкого происхождения*», открыты «Вестью». Сами себя они называют остзейскими дворянами, или рыцарями, подданными российского императора. Может быть, «Весть», присмотревшись поближе, откроет там же и *православных лютеранского вероисповедания.* Это бы значительно облегчило объединение. <*Прим. Аксакова.*>

** Профессора, медики, адвокаты, чиновники и вообще интеллигенция, не принадлежащая к рыцарству. <*Прим. Аксакова.*>

*** дворянина (*фр.*).

ность английскому лорду? Но, повторяем, в известных кружках такого рода соображения не имеют хода и на них уж давно припасен ответ: вы отняли у нас крепостное право, так вознаградите нас чем-нибудь; положим, аристократии у нас не было и нет, но почему бы не попробовать завести ее?

Пускай же Россия остается в стороне — обратимся к Европе. Ее свидетельства не уважить нельзя. Посмотрим, что́ там растет и крепнет, что́ убывает и хилеет и в какую сторону сила исторического развития влечет цивилизованный мир?

Во всей Европе когда-то стояли во главе обществ аристократии настоящие, самородные, живые продукты истории, а не законодательных прихотей. Что́ сталось с ними теперь? Во Франции и в Италии аристократия вымерла почти бесследно; в Австрии она разбилась на отдельные группы, по народностям, и исчезает в народностях; в Пруссии она с каждым днем теряет свое значение и киснет в желчном сознании устарелости своих притязаний; ее некогда спокойная гордость переряживается в обидчивую спесь — вернейший признак упадка.

В Англии, этой классической стране аристократизма, аристократия отступает, конечно, с достоинством, но все-таки отступает перед стройным напором другой, ей уже не подвластной силы. Инициатива ускользнула из ее рук; она уже не ведет событий, а подчиняется им, и покупает право на существование периодически повторяющимися уступками. Чтоб отсрочить свое неминуемое крушение, она в критические минуты предупреждает грозящие ей удары и сама налагает на себя руки, pour sauver les apparences*. Такого рода услугу оказал ей Роберт Пиль в реформе экономической [3], и мы узнаем на днях, удастся ли графу Дерби сослужить ей такую же службу в реформе парламентской [4]. Несомненно, что в этих мастерских маневрах ее высокий такт выказывается не менее осязательно, чем в прежних ее завоеваниях; но, как бы то ни было, предсказание 22-х-летнего Вильяма Питта [5] сбывается. В 1787 году, на вечере в Версале, кто-то из чинов французского двора спросил у него: «Которая из составных частей английской конституции прежде всех обветшает и пошатнется?» — «Камера лордов», — ответил не задумываясь будущий первый министр, тот самый, которому суждено было поднять английскую аристократию на степень беспримерного могущества.

Везде одно явление: старые аристократии вымерли или вымирают, а новых не зарождается. И это вовсе не значит, чтоб историческая производительность Западной Европы иссякла; ибо возникают же партии, секты, школы и ассоциации всякого рода. Это значит только, что творческая сила истории, так же как и творчество физической природы, имеет свои периоды. Есть целые порядки органических формаций, так сказать, отслуживших миру, которых природа уже не повторяет и о которых мы знаем только по их уцелевшим остовам. К разряду таких же брошенных историею организмов принадлежит и аристократия. Форма, в которую она когда-то отливалась, разбита навеки, и ее нет нигде, нет даже в редакции «Вести».

В обществах образуются новые группы на основании тождества экономических интересов, а в области государственной Европа постепенно перестраивается на основании племенного начала. Народность — вот та новая, с одной

* чтобы соблюсти приличия (*фр.*).

стороны, разлагающая, с другой — объединяющая сила, которая теперь пробивается сквозь прежние формации, созданные завоеваниями, династическими союзами, теориею европейского равновесия и другими более или менее искусственными комбинациями. Эта сила растет повсеместно, и ей очевидно принадлежит будущность.

Первым торжеством народного начала было освобождение греков, давно начатое и доныне недовершенное[6]; потом, на наших глазах, собрались итальянцы[7]; в настоящую минуту заканчивается объединение немцев[8] и уже начинают скликаться на Балканском полуострове славянские племена.

Понятно, что пробуждение народностей, как и всякое мировое движение, рядом с явлениями, исторически законными и плодотворными для развития человечества, может вызывать и неосуществимые притязания, основанные на одних воспоминаниях, но не находящие себе оправдания в действительности; понятно также, что это движение, именно потому, что кроме одной газеты «Весть» мнение всей Европы признало в нем современную силу, обращается иногда в орудие политических интриг и из-под ловких, но не совсем разборчивых на средства рук выходит в карикатурной форме поголовной подачи голосов (suffrage universelle). Смущаться этим нечего; все это не более как волдыри или нечистая пена на поверхности неудержимого потока.

Понятно и то, что не все современные политики относятся одинаково к началу народности. «Это первая сила нашего времени, — говорит Наполеон III, — и потому Франция должна захватить ее в орудие своей политики». — «Это сила, — возражает ему Тьер, — но не надобно вызывать ее, ибо как орудие она сильнее в руках России, чем Франции». Последнего заключения мы не имеем причины оспаривать; впрочем, кто в этом случае прав и кто не прав, этого вопроса мы не касаемся и хотим только заявить, что, при всей противоположности их воззрений, и Тьер и Наполеон согласны в признании факта. Мы могли бы причислить к ним и графа Бисмарка.

Но нигде так наглядно и разительно не обнаружилась непобедимая сила народного начала, как именно в той державе, которая, по роковой необходимости, должна была бороться с ним на жизнь и смерть, вела эту борьбу последовательнее и толковее, чем кто-либо, и потратила на нее разнообразнейшие средства, какими только могла ей подслужиться ее неистощимая политическая находчивость.

Нужно ли называть Австрию? Сложившись из множества осколков не только разнохарактерных, но враждебных между собою племен, она — не то что захотела, а не могла ни построиться в федеративное государство, ни дать решительного преобладания какой-либо одной народности над другими. Говоря языком «Вести», у нее не было ядра довольно плотного и крупного. Не свободный выбор, а неволя заставляли ее для поддержания искусственного единства изобретать и создавать искусственные, безнародные силы: имперскую армию, имперскую бюрократию и, наконец, расширенный государственный совет (verstärker Reichsrath)[9]. Это была ее последняя серьезная попытка.

Предполагалось, что если отвлечь от каждого из племен, населяющих Австрию, небольшую группу людей действительно передовых (не только по знатности рода, но также по богатству и по личным дарованиям) и если из всех таким образом завербованных единиц составить одно сословие, или один собор, то заманчивость коллективного первенства и общность сословных интересов

объединит их; что по крайней мере в этой отборной дружине местные традиции позабудутся, резкие народные типы сгладятся и со временем разноплеменный и пестрый собор сольется в безнародную аристократию. Словом — говоря языком «Вести» — предполагалось, что звание австрийского аристократа послужит нравственною связью между разноплеменными и разноверными подданными государства. Само собою разумеется, что, задумав обессилить центробежные стремления племен, населяющих империю, неутрализациею[10] их руководителей, государственные люди Австрии не только понимали необходимость, но и не скрывали своей готовности поделиться с этими вожаками правительственною властью и даровать им права политические. Не знаем, как об этом думают в тех сферах, откуда «Весть» получает свои вдохновения, но, по нашим понятиям, одно без другого немыслимо, и если уж подкупать на отречение от национальных стремлений, то скупиться нечего. И все-таки эта хитро задуманная попытка не спасла единства. Не было, конечно, недостатка ни в ловкости со стороны австрийских министров, ни даже — что́ гораздо важнее — в старых аристократических традициях, с которыми новое учреждение, по-видимому, могло бы связаться, и однако даже при этих далеко не везде встречающихся условиях искусно сплетенная сеть порвалась и вырвавшиеся из-под нее центробежные силы потрясли все основы здания.

Разноплеменное государство, стянутое и свинченное безнародною аристократиею, не удалось даже там, где роковая необходимость его оправдывала, а возможность поддерживать внутреннее равновесие коалициями слабейших племен против сильнейших, по-видимому, подавала надежду на поддержание этой политической формы: значит, она осуждена окончательно.

К содействию какой же силы обратимся мы для завершения государственного объединения России? Обратимся ли мы к той, которая на наших глазах растет и крепнет, или к той, которая повсеместно хилеет и вымирает?.. Перед нами два государственных типа: *народно-монархический* и *аристократико-монархический.*

На первый указывают нам наша история, весь политический склад России, все современное движение Европы.

Второй рекомендует нам газета «Весть». Это ее идеал. Может быть, он и хорош сам по себе и без отношения к нам, только — это не *завтрашняя* Россия, а *вчерашняя* Австрия.

<НЕ ПОРА ЛИ РОССИИ ПЕРЕСТАТЬ МАЛОДУШЕСТВОВАТЬ ПЕРЕД ЕВРОПОЮ?>

Нам, русским, нельзя пожаловаться, чтобы Европа не поучала нас быть русскими, не раскрывала нам глаз на нас самих, не напоминала нам о нашем звании, не возвращала нас в наши пределы, не проводила постоянно между нами и ею, между Востоком и Западом, резкой демаркационной линии. Мы ищем случая побрататься с нею и тщеславно радуемся, когда его находим; она же не только не ищет братства, но не признает даже его нравственной возможности, и даже в минуты своего благосклонного к нам настроения духа. Мы то и дело навязываемся ей в родню и дружбу, — она то и дело отталкивает нас и твердит: вы мне не свои. Наше отношение к ней — не только отношение плебея к аристократу, — плебея, положим, сильного, могучего, возбуждающего страх и внутренне ненавидимого, — но положение еще худшее, потому что более унизительное и, однако ж, нами добровольно принимаемое — положение выскочки, parvenu, которого знатный барин и допускает иногда в свое общество, но которого всею душою презирает и готов отрезвить при каждом удобном случае оскорбительным напоминанием о его прежнем звании, происхождении, бедности, о той грязи, из которой он вышел: «Не забывайся, ты мне не ровня». Мы охотно принимаем участие в затруднительном состоянии Европы, и не иначе как с благою целью; она не принимает в нас никакого участия иначе как с целью нанести вред русскому интересу. Мы чистосердечно и простодушно устраиваем ее дела; она так же чистосердечно, но нисколько не простодушно старается расстроить наши. Мы являемся в ней миротворцами и преискренно ожидаем от нее признательности; Европа же полагает, что довольно с нас и чести поиграть такую роль в сонме цивилизованных наций, что не она, а мы ей должны быть признательны, и доставленное ей нами благо мира употребляет нам же во зло. Мы смеемся у себя дома над славянофильскою теорией «Востока и Запада», и если слово «Запад» втеснилось в наше употребление, то признать себя «Востоком» мы все же не решаемся, стыдимся обособить себя каким-то отдельным, своеобразным миром, и — будто ослепли, будто оглохли — не видим и не слышим, как сама Европа уже давным-давно выработала себе свою теорию деления на Восток и Запад, пишет всеми своими перьями и кричит всеми голосами, что нет у Запада мира с Востоком, что Восток должен быть порабощен Западу, что русские — не Запад, а Восток, — главная мощь, меч Востока, а потому против нас, русских, и должно быть направлено все историческое движение, натиск всех сил европейского Запада. Чтó бы мы ни делали, какие бы услуги Западу ни оказывали, как бы ни добродетельничали, как бы ни смирялись, как бы ни уверяли в своей скромности, в своем миролюбии, в своем чистосердечии, бесхитростности, в своей готовности отречься от своих естественных и исторических симпатий, даже от интересов своей собственной русской народности, — нам не поверят, нас не уважат, нас сочтут и считают обманщиками, лицемерами, нас не повысят ни в чине, ни в звании, нас не пожалуют ни

в европейцев, ни в равноправных; мы для них по-прежнему варвары, чужие гости на чужом пиру, незаконнорожденные дети цивилизации, не имеющие доли в наследстве просвещенного мира, — выскочки, parvenu, плебеи. Мы даже и не плебеи — мы парии человечества, отверженное племя, на которое не могут простираться ни законы справедливости, ни требования гуманности, к которым неприменимы никакие нравственные начала, выработанные христианскою цивилизацией европейских народов. Напрасно стали бы мы истощаться в доводах, пытаясь растолковать Европе нашу русскую правду и ее неправду; напрасно стали бы мы себя утешать мыслью, что такое ее отношение к нам происходит от невежества, от непонимания, и тратить силы и деньги на ее просвещение, на распространение верных познаний о России и т. п. Где дело чуть коснется России, Европа и видя не видит и слыша не слышит, и ничто не в состоянии вразумить ее, просветить ее невежество, сокрушить ее непонятливость. Она и не хочет понять и узнать нас; ее упорное невежество и непонимание коренятся в нравственной неспособности отрешиться от своей односторонней точки зрения, от своих традиционных предубеждений, — и в нравственном неблагорасположении к нам. Источник же этого нерасположения таится глубоко, глубже обиходного личного сознания современников, — в историческом инстинкте непримиримой вражды двух духовных просветительных начал христианского человечества, начала латинского и православного. Это свидетельствуется уже тем наглядным фактом, что одинаковой ненависти с Россией подлежит не только всякая верная себе славянская народность, но и весь православный мир. Достаточно славянину быть православным или быть заподозренным, по славянской натуре своей, в наклонности к православию, чтобы во мнении (хотя бы лично и неверующих) западных европейцев быть поставленным hors la loi, вне закона.

До какой степени относительно нас и вообще православного мира Европа отрицает все свои принципы, которыми так гордится и чванится, этому доказательства встречаются на каждом шагу, в каждом нумере журнала или газеты, в каждом политическом сочинении, в обиходных стереотипных фразах и общих местах — этом верном отражении общественного миросозерцания. Прочтите отзывы иностранной «прессы» о восстании болгар и греков, взгляните хоть на один из последних нумеров «Journal des Débats»...[1] Вся Европа признает принцип национальности современною историческою идеей, могучим и законным двигателем в политическом развитии народов, началом нравственной справедливости; подвластные Турции христианские народы встают во имя и в силу этого громко исповедуемого Европой начала: сделав посылку, требуемую логикой, мы должны бы, казалось, получить силлогизм такого содержания, что Европа, стало быть, признает это восстание турецких христиан правым и достойным своего сочувствия?.. Ничуть не бывало: христиане не правы! Они потому и не правы, что восстают против Турции, «нужной для европейского равновесия», — а главное потому, что связаны с Россией узами крови и единоверия. «Cela ne convient pas à l'Europe occidentale, — это неудобно, невыгодно для Западной Европы», — говорит «Journal des Débats» устами своих венских корреспондентов-политиков — и затем никакого другого оправдания такому противодействию желаниям православного населения уже и не дается, несмотря на то что это население стремится воплотить в живой факт то самое начало национальностей, которое так надменно выставляет Европа как одно из

последних слов цивилизации!.. Все западноевропейские публицисты громят Россию за пренебрежение к национальности польской и во имя этого превознесенного ими принципа народностей призывают Россию к суду, клеймят и позорят ее всею силою своих перьев, всеми средствами клеветы, и тем самым поддерживают — что́ же? — польские притязания господствовать над русскою народностью в Западной России и Галиции; другими словами — поддерживают в силу принципа национальностей притязания, которые суть радикальное отрицание этого принципа! Казалось бы, трудно, невозможно не заметить подобного противоречия, и вот русская наивность пускается отыскивать объяснение такой недобросовестности, сваливает вину на незнание истории и истинного положения дел в России... Но тут нечего ломать себе голову; объяснение очень просто и заключается в одном слове — *Россия*. В отношении к ней неуместно приложение начал правды и цивилизации: cela ne convient pas à l'Europe occidentale. В отношении к ней дозволительно извращение всякой справедливости, и не только дозволительно, но естественно, и до такой степени естественно и общепринято, что Западная Европа стала действительно как-то уже добросовестно-недобросовестна к Европе Восточной. Невежество тут ни при чем. Если Россия сама обведена для европейцев таким заколдованным кругом, чрез который не проникает их наука, — то Австрия с своими областями не есть же для них terra incognita *, а между тем угнетение польскою национальностью, национальностью меньшинства, русской национальности в Галиции, национальности трехмиллионного племени, совершается с соизволения и при сочувствии всей Западной Европы в силу либерального принципа национальностей, признающего за каждою народностью право на самостоятельность и свободу!.. Но справедливо или несправедливо, во всяком случае России по Польскому вопросу поставляется Европой в вину — неуважение к «началу народностей». И в то же время та же самая Европа поставляет России чуть не в преступление сочувствие этому принципу в деле восточных христиан, признание этого права национальности за народами православными, порабощенными исламу! С каким гневом рассуждают об этом европейские публицисты, как напрягаются умы европейских политиков для изыскания средств — не то чтобы дать торжество законным требованиям христианского населения, но чтобы запугать Россию в ее выражениях сострадания и сочувствия!

Как лучшим плодом «великой революции», наиблагим результатом цивилизации хвалится современная Европа признанием человеческих прав за народными массами, славит успехи демократических идей и ищет разрешения социальной задачи в разных несбыточных утопиях. Казалось бы, наше освобождение крестьян, наше Положение 19 февраля, наше разрешение социального вопроса способом самым либеральным, таким, о котором разве только грезить позволяли себе передовые люди Запада, — казалось бы, такое событие, явившееся продуктом нашего исторического и бытового сознания, должно было возбудить восторг, приобресть симпатию всего либерального Запада? Это поважнее пресловутой декларации человеческих прав XVIII века! [2] Нисколько. Сначала Европа была действительно озадачена величавостью этого исторического явления, а потом и это *отошло*, — мы по-прежнему варвары и, напротив, опасны Европе, угрожаем ей пропагандой социализма и демократии!.. Одним

* земля неведомая (*лат.*).

словом, мы можем не только сравняться, но обогнать Европу в развитии и воплощении в жизнь самых либеральных, самых гуманных ее начал (что́ уже отчасти и есть), но эти самые успехи наши будут в ее глазах только новыми преступными с нашей стороны деяниями — будут еще сильнее распалять вражду и злобу Европы.

«Гуманная» Европа трепещет от негодования, когда дело идет о каких-нибудь десяти евреях, выброшенных полудикою, раздраженною народною чернью в море[3], — и остается равнодушною к мучению миллионов православных христиан, подвергающихся теперь и в Крите и в Болгарии самым неистовым истязаниям со стороны турок[4]. Цивилизованная Европа с высокомерием относится к варварам-русским и в то же время братается с азиатцами. Христианская Европа передает православных в неволю мусульманам, готова предпочесть торжество ислама торжеству греческой «схизмы», — и Римский Папа благословляет священной поход магометан и христиан-европейцев против России и ее единоверных[5]. Гуманность, цивилизация, христианство — все это упраздняется в отношениях Западной Европы к восточному православному миру — потому что не отвечает ее видам, cela ne convient pas à l'Europe occidentale.

Не ясно ли определяется такими отношениями к нам Европы наше собственное положение? Не должны ли мы поднять бросаемую нам перчатку, принять вызов и явиться миру в самом деле тем, чем мы есть, т. е. не прихвостнем Западной Европы, а во главе Европы Восточной? Не пора ли уже нам перестать пугаться духовных и нравственных преимуществ Европы и понять, что бо́льшая часть этих преимуществ — ложь и призрак, что многому можно поучиться и от нас Европе и что, во всяком случае, на нашей стороне, в наших отношениях к ней правда и право? Особенно пора нашей дипломатии принять другое положение в Восточном вопросе. Она гордо и смело может опираться на самые возвышенные, справедливые, самые «гуманные», «либеральные», Европою же взлелеянные и ею же попираемые начала и обличать Европу во лжи и отступничестве от принципов христианской цивилизации. Не настало ли уже время переменить тон нашей официальной дипломатической литературы и от роли подсудимого, постоянно оправдывающегося, перейти к роли энергического обвинителя? Довольно уж, кажется, изнурялись мы в попытках убедить Европу в нашем благодушии и бескорыстии; довольно, в ущерб собственному достоинству, оберегались всякого повода возбудить ее подозрения и, вместо того чтобы действовать там, где следовало действовать, только ограничивались жалкими словами да сетованиями на Европу за ее неверие в нашу благонамеренность и добронравность, за ее неблагодарность к нашему самоотречению от своего законного права и исторического призвания. Наши прекрасно составленные дипломатические документы, свидетельствуя о том, что мы лучше всех знаем дела Востока, носят в то же время характер каких-то докладов европейскому ареопагу. Мы докладывали и докладываем Европе, что «обстоятельства дела таковы», что положение Турции плохо, — и как докладчик, которого проект резолюции не принят, горько пожимаем плечами и отходим прочь, в ожидании, пока судьям пошлет Бог на разум другое решение. События подтверждают справедливость нашего доклада: мы скромно указываем Европе, что вот тогда-то мы именно имели честь доложить ей о грозящих событиях, и удовлетворяемся таким утешением. Подобное наше отношение к Восточному

вопросу отдает инициативу в руки Запада. Обрезывая свои права, мы нехотя переносим их на враждебную нам и восточным христианам Европу. Почему, спрашивается, Наполеон *смеет* предписать своему адмиралу Симону прорвать турецкую блокаду и подойти к Криту для спасения несчастных жен и детей, — а мы не смеем? Наш капитан Бутаков, прибыв первый, смиренно отошел и послал в Пирей заявление, что Омер-паша его не пускает[6], и только уже при могучем содействии французского флага мог исполнить данное ему поручение. Не очевидно ли, до боли сердца, что Наполеон и британский кабинет потому только не действуют решительно на Востоке, что не хотят так действовать, а когда им это заблагорассудится, так приступят к действию, даже и не спросясь нас. Мы же не потому не действуем решительно, чтобы не хотели этого, а потому что... Потому что робеем возгласов и подозрения Европы, потому что сами до сих пор признаем за Европой авторитет и право почина во всяком деле и добиваемся ее благосклонного мнения... Серьезно опасаться войны за решительно подъятый голос и решительное дипломатическое действие на Востоке — мы не можем, и именно в настоящее время, когда поперек Восточного вопроса лежит вопрос Германский. А между тем такой решительный голос, свидетельствующий о сознании своей силы и своего права, дает нравственный перевес державе и внушает к ней более уважения, чем застенчивая дипломатическая деятельность с наиблагороднейшими, наибескорыстнейшими и наимиролюбивейшими целями. Наше знамя есть знамя всего православного, по преимуществу славянского Востока; наше право основано на самой святой правде; нам противопоставляется Европою ложь и отрицание ее же цивилизацией признанных начал; на нашей стороне такие преимущества, каких не имеет Европа... Нужна только вера в себя, в свое право, сознание своего достоинства и своего исторического призвания.

Мы ждем, мы прислушиваемся... не раздастся ли наконец иное, *новое* слово от русской дипломатии?..

<ЧТО ЗНАЧИТ: «РОССИЯ ДЛЯ РУССКИХ» ПО СМЫСЛУ «ВЕСТИ»?>

«*Россия для русских*» — вот наше знамя! Истинно национальная политика заключается именно в этих трех словах: «*Россия для русских*»! Так восклицает с патриотическим пафосом санкт-петербургская газета «Весть», переворачивая на все лады этот новооткрытый ею для себя политический девиз, и, видимо, радуется такой счастливой находке. В самом деле, чего же лучше? Коротко, ясно, выразительно и, главное, безупречно. Кто осмелится после того усомниться в патриотизме органа крупных землевладельцев? Не застрахована ли газета таким девизом от всяких подозрений и нападок?.. Мы позволим себе, однако, раскрыть настоящий смысл этого красноречивого афоризма, пользуясь тем же 131 № этой газеты, где редакция так лихо оседлала этот патриотический конек и так борзо и резво на нем гарцует. Мы увидим сейчас, куда на этом патриотическом коньке мечтает она доехать. Прежде всего оговоримся: мы бы оставили без внимания возгласы этой газеты, если бы думали, что она выражает мнения только ее официального редактора. Но газета «Весть» потому именно и интересна, потому именно и удобна, что она есть не больше как нарицательное имя, означающее целое направление, господствующее в некоторых петербургских сферах; она есть не больше как *местоимение*, освобождающее от необходимости называть самые лица, солидарность которых с направлением газеты «Весть» придает этой газете некоторую занимательность и значение. Мы уверены, что слова: «Россия для русских» — обратятся у этих господ в ходячую сентенцию, которою они будут убаюкивать собственную совесть (если у кого из них совесть такого с собою обращения требует) или же будут сбивать с толку других и пускать им патриотической пыли в глаза всякий раз, как придется идти врозь с требованиями действительных русских интересов.

«Россия для русских!» — восклицает газета «Весть», противополагая этот девиз тем статьям московской журналистики, которыми она призывала русское общество к действительной и деятельной помощи славянам австрийским не на словах, а на деле, — тем славянам, которые подвергались разнообразным гонениям, лишениям и всяческой нравственной пытке за сочувствие к России, за честь русского имени. «Весть» сомневается в справедливости славянских жалоб и старается охладить сочувственное движение в пользу славян, с такою силой проявившееся в России со времени последнего Славянского съезда[1]. Она опасается, чтобы «русские интересы не были принесены в жертву славянским», как прежде «приносимы были в жертву интересам немецким»; «истинно национальная, т. е. соответствующая русским, *а не славянским* интересам политика есть политика невмешательства», — говорит она. Не следует, рассуждает «Весть», журнальными статьями возбуждать в славянах надежды призрачные, так как Россия не может, не хочет и не должна поддерживать их своею силой, и не только не должна поддерживать, но даже и хотеть поддерживать, ибо, — так заканчивает «Весть» свою политическую выходку, — «Россия для

русских!» Другими словами, девиз «Вести» «Россия для русских» значит: «Россия не для славян»: Славяне сами по себе, русские сами по себе, и истинно-национальная русская политика, соответствующая русским интересам, не должна соответствовать интересам славянским. Славянские интересы, по отношению к России, уподоблены интересам германским.

Нам истинно совестно пред восточными и западными славянами и даже пред Европой быть поставленными в необходимость опровергать такие мнения русской газеты, т. е. по крайней мере издающейся на русском языке и в России. Правда, «Весть» давно стала притчею во языцех у всех славянских племен (кроме польского); она дивила даже и германскую печать своими диатрибами [2] против славянства (см. «Кельнскую Газету» [3] за июнь месяц). Немцы, дорожа собственною национальностью, даже неспособны и понять, как могут в России найтись русские, которые и руками и ногами отбиваются от национального сочувствия 25 миллионов единоплеменников; которые на искренние, горячие выражения братской любви отвечают сарказмами и бранью и в руку, протянутую за насущною помощью, готовы положить камень [4]. Тем не менее этот непонятный для немцев факт русской общественной жизни признают они для себя одним из наивыгоднейших; на этом и на подобных явлениях нашей русской действительности основывают они свои расчеты для будущих успехов немецкого дела в России. Но это самое и побуждает нас неослабно протестовать против таких явлений; и если нельзя скрыть от иностранцев и заграничных славян нашего внутреннего общественного недуга, то следует, по крайней мере, не давать укореняться между ними заблуждению о важном значении этого недуга. Пусть знают они, что, продолжая упорно позорить русскую честь за границей, эта газета не в чести у нас дома и никак не должна быть принимаема за выражение господствующего общественного мнения в России. «Весть» забывает или не хочет знать, что русское племя есть племя славянское, притом самое многочисленное и могущественное, что Россия есть не только единая свободная и сильная славянская держава, но глава и представительница славянского мира; что в этой ее славянской особенности заключается отличие ее от мира германо-романского и особенное призвание в истории человечества. Вне своего славянского элемента русская народность немыслима, ибо в этом ее элементе состоит ее физиологическая и духовная сущность, — точно так же немыслима, например, национальность прусская вне элемента германского. Советовать России разрознить свои русские интересы с интересами славянскими — это все то же, что посоветовать Пруссии разрознить свои прусские интересы с интересами германскими, — даже еще хуже, потому что Пруссия все же более *своя* Европе, чем Россия; а для России это значило бы совершенно лишиться естественных и единственных союзников. Изолировать Россию от западных славян значит предать славян в жертву германизации, значит работать в пользу Германии. «Весть» осуждает (по крайней мере, уверяет, что осуждает) прежнее направление русской политики, служившей интересам немецким, и уподобляет последние интересам славянским: это для нее одно и то же, и *одинаково* не соответствует национально-русской политике. «Весть» не хочет — вероятно, даже неспособна — понять, что потому-то Россия и служила так ревностно после Венского конгресса интересам немецким, что не разумела тождества интересов славянских с русскими [5], что не обращала никакого внимания на славянские племена, нередко поворачивалась к ним спиною (как этого теперь снова

домогаются патриоты газеты «Весть») и действовала даже в ущерб им. Если когда именно русская политика была не национальною, так именно в тот период времени, когда она была не славянскою и анти-славянскою; если когда русская политика не сознавала своих русских интересов, так именно в тот период времени, когда она не сознавала себя славянскою, или, вернее, когда славянское самосознание было в ней слабо. Да наконец, в чем же именно состояли жертвы России «интересам немецким», — как выражается «Весть», разумея, конечно, эпоху с 1815 года по 1856 год, — если не в пренебрежении к интересам своим как славянской державы, если не в отчуждении от себя славян? И к этой-то политике партия, издающая «Весть», солидарная с «Вестью», советует нам возвратиться! Или эта партия не разумеет, что только оставаясь верною своему славянскому корени, может быть истинно русскою, или же именно потому, что догадывается об этом, так ревностно старается она оторвать Россию от корня ее национальности? Обесславянить Россию — то же, что ее обеспардонить, и поэтому когда «Весть», лицемерно или по неразумению, впрочем, в наше время уже непростительному, восклицает: «Россия для русских», т. е. не для славян, — это значит ни более ни менее в ее устах: «Россия не для русских!»

Оно так и есть. Кто является в одно и то же время таким противником славянского элемента и таким жарким ревнителем русских интересов? Та партия, которая чрез газету «Весть» громко объявляет, что интересы мужиков-белорусов для нее ничтожны в сравнении с интересами польских панов-помещиков. Та партия, которая публично браталась с прибалтийским привилегированным дворянством и являлась горячею защитницей тех их помещичьих привилегий, которые самым верным путем способствуют онемечению 1 700 000 русских подданных не-немцев, — что, конечно, может быть выгодно только для Пруссии, но уже никак не для России. Та партия, которая принцип крупной собственности и ее интерес ставит, по ее собственным словам, выше принципа и интереса национальности, — следовательно, партия космополитическая по преимуществу, признающая и проповедующая солидарность крупных собственников всей Европы. На этом основании она не стыдится возвещать не только сочувствие, но и общность дела и знамени русских помещиков с помещиками польскими, угнетателями русского народа, с помещиками немецкими Прибалтийского края, ищущими насильственно, против воли онемечить латышей и эстов. То же сочувствие, та же общность обнаруживается у этой партии и с юнкертумом[6] Пруссии, и, как мы видим, с аристократией австрийскою, которая есть большею частью онемеченная славянская, изменившая и враждебная своей народности, и с магнатами-мадьярами, стремящимися омадьярить русских, словаков, хорватов и сербов. Наконец, считая эту партию логически-верною провозглашенному ею в «Вести» началу, мы должны предположить такую же солидарность принципа собственности между нею и *спагиями* и *беями*[7], турецкими помещиками и аристократами. На этом же основании патриоты газеты «Весть» и не сочувствуют, вероятно, славянам, так как у них нет аристократии, очень мало крупных собственников, так как они большею частью бедны, состоят преимущественно из низших и средних классов народа и вообще признаются Европой — какими-то «плебеями» в человечестве. Это нам не ново. Мы знаем, что вера, язык, обычай русский считались и назывались у поляков «хлопскою верой», «хлопским языком», «хлопским звычаем»... Этого же воззрения держится, по-видимому, и «Весть» относительно славян вообще и мужи-

ков-белорусов в особенности; по крайней мере, такое воззрение является логическим выводом из всех ее положений.

«Россия для русских»! Таким девизом украшает себя теперь та партия, которая посредством «Вести» заявляет не только свое сочувствие, но полнейшее единомыслие, похожее на соумышленность, с Обществом поземельного кредита[8], — тем Обществом, что́ назначенный государством для утверждения русского элемента в ополяченном и олатиненном крае пятимиллионный фонд умело ловким маневром отклонить от его назначения и обратить в свою собственную выгоду. Другими словами: каким-то необъяснимым фокус-покусом эти 5 миллионов очутились в кармане сего Общества, не обязывая его ни к чему, тогда как, уничтожая Товарищество приобретателей имений в Западном крае[9], правительство объявило, что имеет в виду передать права и обязанности Товарищества, вместе с деньгами, другому учреждению, более способному достигнуть предположенной цели!!.. И вот девизом такой-то партии, девизом газеты «Весть», ее издателей, ее участников и всех, которых она удостаивает своим сочувствием (вероятно, и Общества поземельного кредита), — девизом их: отчуждение России от славян. Не знаменательно ли это? Не служит ли это правдивым комментарием громких слов: «Россия для русских»? Не указывает ли это на подлинную изнанку такого патриотического девиза? «Россия для русских» газеты «Весть» и ее партии — это Россия для немцев, Россия для поляков, Россия для тех изуродованных русских, которые идею европеизма поставили выше идеи русской народности и интересы своей космополитической секты «крупных собственников» — выше интересов русского народа.

В заключение скажем: говоря об общности интересов славянских и русских, мы вовсе не проповедуем крестового похода на Турцию и Австрию. Мы также стоим за политику невмешательства; но неужели газета «Весть» не видит, что провозглашение Россией начала невмешательства относительно Турции выходит на деле самым серьезным вмешательством в ее внутреннюю политическую жизнь и, скорее всего, приведет Турцию к разложению? Неужели она думает, что, провозгласив это начало, Россия не обязывается вместе с тем и поддерживать его против тех, которые вздумали бы его нарушить? Неужели она воображает, что, отказываясь от вмешательства в дела Турции, Россия готова предоставить это право Австрии и как бы говорит ей: я вмешиваться не буду, а ты себе вмешивайся сколько хочешь: моя хата с краю, я ничего не знаю: «Россия только для русских»! В таком случае «Россия для русских» газеты «Весть» и примыкающих к ней петербургских сфер значило бы не только: «Россия для поляков и немцев», но значило бы также: «Россия для австрийцев», «Россия для мадьяр», «Россия для турок»!

<ОТЧЕГО РОССИЯ ТАК МАЛО СПОСОБНА К ОБРУСЕНИЮ СВОИХ ОКРАИН?>

«Обрусить», «обрусение», «государственное единство» — едва ли какие иные слова провозглашались так часто в последние годы; едва ли «обрусение» нерусских или не довольно русских окраин Российской империи не было господствующим вожделением патриотизма, пробужденного в русском обществе Польским мятежом 1863 года. «Обрусение» и «государственное единство» — это, бесспорно, самые ходячие идеи и задачи нашего времени, — задачи крупные и серьезные. Общественное движение, возникшее в России благодаря Польскому мятежу, принесло уже ту огромную пользу, что заставило подвергнуть поверке и оценке крепость и прочность тех внешних уз, которые связуют между собою различные части Русского государства, и раскрыло ряд вопиющих безобразий в отношениях наших окраин к центру. Но это раскрытие и эта поверка привели к постановке новых вопросов. Под воздействием возникшего направления со всех сторон устремились пылкие деятели на «подвиг обрусения» наших окраин, — прошло два-три года, и этот пыл начинает частию остывать, частию сменяться разочарованием — ввиду ничтожности положительных добытых результатов. «Отчего так туго идет у нас обрусение? Отчего за период русского государственного владычества нам не только не удалось обрусить нашей местности, но удалось разве ее ополячить или онемечить? Откуда такое бессилие?» — вот вопросы, которыми осаждают нас наши корреспонденты из Прибалтийских губерний, из Ковенской губернии, из прочих губерний Северо-Западного и Юго-Западного края. Никто, конечно, не станет отрицать великой важности этих вопросов и настоятельности ответа. Никто, конечно, не решится ответить на эти вопросы сразу, с притязанием на безошибочность разрешения. Тем не менее поработать над их разрешением обязан каждый. Мы, с своей стороны, ограничимся на сей раз обозначением в главных чертах темы нашего ответа, предоставляя себе развить ее впоследствии в целом ряде статей. Конечно, указать на причины бессилия не значит еще уврачевать бессилие, но врачевание есть дело жизни, а указание есть дело сознания, и от этой работы сознания мы уклониться не можем.

Нам кажется, что ничтожность добытых результатов «обрусения» происходит, во-первых, от ложного или, по крайней мере, одностороннего понимания идеи государственного единства и самой задачи обрусения, а во-вторых, от совокупности внешних и внутренних условий нашего государственного и общественного развития в так называемый Петербургский период нашей истории. Мы не станем теперь много распространяться о первом положении, так как оно до очевидности объясняется и доказывается вторым. Скажем только, что идея государственного единства понимается у нас, большинством нашего общества и публицистов, чисто внешним и отвлеченным образом, *вне* идеи народности. Между тем государственное единство есть только внешнее выражение единства внутреннего и органической цельности той населенной страны, которая составляет государство; есть результат нравственной крепости того народного

исторического типа, в котором заключается причина и смысл политического бытия известной страны и ради которого одна страна называется Францией, другая Россией, и т. д. Если *это* внутреннее единство прочно, если сама народность, создавшая политический организм, вложившая в него душу живу, цельна и крепка внутри себя самой, верна самой себе, не утратила веры в себя и все отправления внешнего организма одухотворены ею, то и внешнее государственное единство тем самым вполне упрочено, даже без особенных хлопот о соблюдении этого внешнего единства; оно является как непременный логический вывод из цельности внутренней. Напротив того, идея государственного единства, отвлеченно взятая и извне прилагаемая, сама по себе не может сотворить никакого прочного единства; доказательством этому может служить Австрия, где, при слабости зиждительного народного элемента, никакие усилия создать гезамтфатерланд помощью чисто искусственных мер и на основании абстрактных соображений о государственной пользе и необходимости не помогли делу. Точно так же и с «обрусением». Поставленное как чисто государственная задача, никакое искусственное или принудительное отождествление инородцев с народным историческим типом, давшим бытие известному государству, не достигнет цели и окажется бессильным, если нет при этом действия иных нравственных и чисто общественных сил. Такое притяжение, такое сращение инородных частей или окраин с народным организмом может совершиться только тогда, когда сам этот организм полон жизни и крепости. При таких условиях задача была бы не в том, чтобы *обрусить* внешним способом наши окраины, а в том, чтоб они сами собой *обрусели.* Надо бы, чтобы сила обрусения била естественным могучим ключом из нашей народности самосознания, из несомненной в нас веры в право и призвание нашего народа; если же в нас самих чувство народности слабо или искажено, то никакие отвлеченные политические побуждения не придадут нам способности обрусения. Как человек безличный, несамостоятельный, подчиняющийся легко чужому влиянию не способен наложить на других печать своего духа, так и народная личность теряет силу ассимиляции, если почему-либо утратила свою духовную цельность и самостоятельность. Кажется, это просто и ясно. Замечательно, что самые внешние средства, употребляемые государственною властью в видах объединения, только тогда и успешны, когда они являются сами необходимым выражением этой внутренней силы народного духа; тогда они теряют даже характер тирании и за ними признается какое-то нравственное право даже со стороны тех, против которых они направлены. Те же самые меры, которые, например, приняты были прусскою государственною властью в Познани (хотя бы введение единства государственного языка) и без особенного ропота и сопротивления привели к желанному для Пруссии результату, — те же самые меры, принятые в России со стороны русской государственной власти, оглашаются мерами насильственными и притеснительными, вызывают отпор и жалобы и легко смущают нашу совесть. Это происходит оттого, что в Пруссии принимаемые властью меры не суть голое действие одной власти, но выражают нравственную силу самомнения, так сказать, всей немецкой народности, — между тем как у нас подобные требования со стороны власти не всегда опираются на такое же отношение к нашей собственной русской народности...

Поясним нашу мысль наглядными примерами и перейдем ко второму нашему положению.

Корреспондент одной петербургской газеты негодовал однажды, в пылу своего стремления к обрусению наших окраин, зачем Дерпт, основанный великим князем Ярославом, называется Дерптом, а не Юрьевым[1], и требовал, чтобы древнее русское название этого совершенно онемеченного теперь города было непременно восстановлено. Он удивлялся, зачем русское правительство в официальных бумагах удерживает немецкую кличку за этим городом русского происхождения и тем как бы признает за немецким населением право причислять этот город к немецкой народности. Но мы, с своей стороны, читая эту патриотическую выходку, совершенно отвечающую господствующему теперь взгляду на обрусение, удивлялись только тому, что такое требование о переименовании Дерпта в Юрьев печатается в столичном городе *Санктпетербурге*. Редактор санктпетербургской газеты, проживая в Санктпетербурге и катаясь летом из Санктпетербурга то в Шлюссельбург (древний Орешек), то в Петергоф, то в Екатерингоф[2], как бы и не замечает немецких прозваний тех русских местностей, в которых сам живет, как бы забывает, что эти немецкие прозвания даны были не немцами, а самими русскими, — не историей, а собственною личною охотой самих строителей. Если б он вспомнил это, то, вероятно, задал бы себе вопрос: по какому праву, на каком логическом основании может Шлюссельбург, Екатериненгоф или Санктпетербург негодовать на немецкое прозвание Дерпта и требовать его переименования в Юрьев?

В этом примере отражается все положение современного вопроса об обрусении наших окраин и о государственном единстве. Мы сказали выше, что государственное единство есть только внешнее выражение внутреннего единства и духовной цельности того народного исторического типа, который дал историческое бытие государству; что «обрусение» может быть действием только нравственного свойства, свободно и естественно происходящим от силы народного самомнения — от той энергии, которая лежит в самой нравственной сущности русского народа и которая должна проникать собою все отправления его политического организма. От степени этого проникновения государственных отправлений духом народности, от силы этого внутреннего единства зависит сила единства внешнего, сила объединяющая, сращивающая, сплачивающая воедино части государства, окраины с центром, инородцев с народом, которого духом создалось государство. Единство Русской земли само собой привело к единству государственному; но есть разница в государственном единстве Русского царства до Петра и в государственном единстве Российской империи, и эта разница обусловливается разницей в политическом и нравственном значении русского народного элемента в обоих периодах нашей истории. В допетровской Руси символом единства Русской земли была Москва, и все окраины Руси прикреплялись к ней крепко, сращивались неразрывно — не столько, даже всего менее, действием внешних искусственных мер, сколько действием народного духа, силою духовной цельности народного организма. Чувство народности, сознание прав и обязанности народной личности не подвергались в русских людях ни отрицанию, ни сомнению.

Отчего же со времен Петра оказались мы до такой степени несостоятельными в деле объединения, что почти ни одной из окраин, приобретенных в период империи как на западе, так и на востоке, не удалось нам не только обрусить, но даже и прикрепить к империи настолько, чтоб об их неразрывности с нею не могло бы быть и вопроса? (Если что́ из приобретенного обрусело и окрепло,

так не вследствие внешних распоряжений, а вследствие свободной, или, вернее, самовольной, противозаконной народной колонизации.) От современного состояния государственного единства, от этого внешнего факта мы по необходимости должны сделать логическую посылку к фактам внутреннего единства и к живости народного самосознания в наших современных внешних, действующих силах. Состояние наших окраин и результаты «обрусения» служат здесь естественным *силомером.* Что́ же мы находим?

Если символом единства Русской земли была во время оно Москва, то символом государственного единства *Русской* империи, знаменем *обрусения* немецкой и иных окраин был и есть Sankt-Petersbourg. Столица Российской империи назвалась с самого основания своего именем не русским, а немецким. Дело не в названии, — слышим мы заранее возражения с различных сторон: можно ли придираться к таким мелочам, к такой внешности?! Положим, что название города, говоря вообще, значит немного, — но здесь это название есть, как мы уже сказали, целый символ, служит выражением целого миросозерцания, целой системы, — это немецкое наименование новой столицы Русского государства знаменует собою дух и направление всего послепетровского периода русской истории. Если неубедительно сразу, почему Sankt-Petersbourg не успел обрусить немцев Прибалтийских губерний, равно как и других инородцев и вообще наши окраины, то мы спросим сомневающихся: способствовало ли укреплению и возвышению чувства народности и веры народа в самого себя, в право и призвание своей народности — одним словом, воспитание силы, необходимой для «обрусения», — то обстоятельство, что портные за шитье русской народной одежды ссылались в Сибирь и наказывались кнутом?[3] Податливее ли становились обрусению немцы и иные иностранцы и склоннее ли усвоить себе русский язык — оттого, что весь этот русский язык испещрен был насильственно введенными в него немецкими выражениями и словами? Содействовало ли развитию русского народного типа, возвеличению в русском человеке чувства народного достоинства, усилению в нем самостоятельности, самодеятельности и способности «обрусения» то, что все должности, чины и звания государственные, все ветви управления окрещены были названиями не русскими, а немецкими, — как это пребывает и доселе? Немецкие чины и прозвания, немецкий язык в изданиях Академии, не русский язык в дипломатических документах, не русский, немецкий строй администрации, немецкие канцелярские порядки даже в области церковного управления, во главе которого стоит Святейший Синод с обер-прокурором и обер-секретарями, изгнание русского языка из домашнего и светского употребления в высших общественных сферах — неужели все это только внешность, пустяки, мелочи? Неужели все это не внешние признаки глубокой внутренней болезни, расколовшей духовную цельность нашего народного организма? Все эти симптомы не делают разве для нас понятным появление целого ряда постановлений и мер — чуждых и противоречащих основным, бытовым и нравственным началам русской народности или искажающих его духовную сущность? Не объясняют ли они нам то незнание России, то отчуждение от ее народных потребностей, истории, преданий, при котором только и возможно было, — из тысячи примеров возьмем один, на который указывает даже и «Северная Почта» в своем 278 №, — итак: при котором только и возможно было предать наш «Северо-Западный и Юго-Западный край князю Чарторыйскому на вящее ополячение и олатине-

ние после славного “спасения и умиротворения Европы” ценою русской крови»?[4] Не здесь ли должны мы искать истолкование того не национального направления в политике, которого держались мы до самого последнего времени? Не здесь ли, наконец, ключ к разгадке, почему в настоящую пору так слабы внутренние связи наши с окраинами, так плохо удается нам обрусение, ставшее задачей чисто-внешнего, искусственного, принудительного, насильственного свойства, задачей, основанной на одних политических соображениях, при неискреннем отношении к самой русской народности...

Мы только слегка и с явною воздержанностью обозначили черты нашего внутреннего народного раздвоения и происходящего оттуда бессилия нашей государственной объединительной силы. Оставляем более сильные доказательства про запас. Мы предвидим, что возражения наших противников заставят нас развить нашу мысль и примеры с большею обстоятельностью и подробностью, — что́ мы и не замедлим исполнить. К несчастию, эта тема богатая. Если в нынешнее царствование, благодаря в особенности освобождению и наделению крепостных крестьян землею и большему простору, данному русской жизни, русское народное самосознание сделало уже значительные успехи в массе русского общества, — то тем не менее недуг еще вовсе не излечен и положение дел в главных своих основаниях остается то же, особенно в высших, преимущественно петербургских общественных сферах. Впрочем, само патриотическое возбуждение последнего времени, понимание патриотизма с чисто внешней, государственной его стороны; далее — отвлеченное понимание задачи государственного единства и наружного, искусственного обрусения, независимо и даже совершенно вне идеи об единстве духовном и внутреннем, даже с пренебрежением к нравственным требованиям русской народности, — все это еще более спутало понятия о причинах снедающего нас недуга. Мы поговорим в другой раз об этой модной доктрине, ублажающей наше «патриотическое» чувство и умеющей сочетать идею «патриотизма» с учением о безнародности, — доктрине, проповедующей какую-то отвлеченную государственную национальность и забывающей о том народном историческом духовном типе, который, повторяем, составляет основу, смысл, причину бытия Русского государства. Наша статья и без того длинна. Скажем в заключение, что тратить силы на усердное лечение вешних признаков болезни и ее местных проявлений едва ли к чему поведет, если мы не примем в расчет самые причины, самый корень болезни. Чтоб иметь возможность и право обрусить кого-либо, повторим еще раз, нужно нам вновь обрусеть самим, — а обрусели ли мы? Одни ли прибалтийские и германские немцы у нас немцы? Оглянемся вокруг, всмотримся и вдумаемся.

1868

<ПОЛЕМИКА С НЕМЕЦКИМИ ЖУРНАЛАМИ ПЕТЕРБУРГА>

Мы говорили недавно о безобразиях, или аномалиях, русской жизни и подразделяли их на разные категории: административную, общественную, народную [1]. К какой категории отнесем мы издание русскою Императорскою Академиею наук немецкой газеты [2] — органа немецкой политики, немецкой вообще, не только прусской, но и австрийской, украшенного, впрочем, не прусским, не австрийским, а русским государственным гербом? Мы знаем только одно, что к категории безобразий нашей простонародной жизни оно отнесено быть не может. Оно возможно только, и даже естественно, в С.-Петербурге, который и сам, сказали бы мы, представляется нам историческою аномалией, — если бы другая академическая газета, русская, родная сестра немецкой, не озадачила нас торжественным уверением, что С.-Петербург «гораздо *более* русский город, чем Москва», «более, чем Москва, явил *общеславянских* свойств и *больше* симпатий ко всему *православному* миру!» (sic! см. «С.-Петерб. Вед.» №№ 18 и 23) [3]. Если под общеславянским свойством почтенный близнец немецкой академической газеты разумеет способность к подражанию, податливость в образованных классах иноземному влиянию, онемечение или иное отщепенство от своей народности высших сословий, — то он совершенно прав; и одним из блестящих доказательств *русскости* С.-Петербурга и его *общеславянских* свойств служат издания С.-Петербургской русской Академии наук на *немецком* языке, а также и издание «St.-Petersburger Zeitung». В этом академическом органе с государственным гербом [4] должны, естественно, отражаться славянские свойства С.-Петербурга, и они действительно отражаются во всей своей откровенности. Для примера возьмем 19-й № текущего года сей почтенной газеты. В передовой статье этого № редактор доктор Мейер [5] делает выговор официальной или полуофициальной газете Министерства иностранных дел, «Journal de St.-Pétersbourg» [6] за то, что она слишком «строго» (zu strenge) обошлась с австрийскою журналистикой за ее отзывы о России. Вступаясь за честь австрийской печати, газета русской Академии наук старается доказать, что она, австрийская печать, вполне права в своих нападениях, что всему виною расположение к славянам русских журналов (преимущественно же, конечно, московских). Затем, выгораживая русское правительство пред Западною Европой от всякого подозрения в сочувствии с панславизмом, немецкие «Ведомости» города «более русского, чем Москва, и с бóльшими общеславянскими свойствами» — почтительнейше внушают правительству, что если оно не обуздает славянского духа русских газет, то наживет себе беду, и именно войну, в которой, как во время Крымской войны, будет иметь против себя всю Европу.

«Noch ist es Zeit — еще есть время! — утешительно восклицает с.-петербургская газета, — еще можем мы с честью (?) выйти из своего положения, отказавшись (durch Aufgeben) от всяких невыполнимых планов за пределами и без того слишком обширной для наших сил империи, — но это должно быть совершено серьезно и откровенно, если не хотим, чтобы недоверие Западной Европы перешло наконец в открытую вражду». Таким образом, не одни заграничные газеты силятся застращать русское правительство или произвести ту *интимидацию*[7], о которой мы говорили третьего дня, — но и газета русской Академии. Мы не решимся отнести советы «St.-Petersburger Zeitung» к числу тех «коварно-дружеских советов успокоить якобы европейское общественное мнение», которых возможность мы предугадывали в нашем 25 №[8]. Но понятно, что одна уже такая статья под государственным гербом могла породить за границею слух, будто князем Горчаковым[9] разослан циркуляр, в котором Россия старается убелить себя от подозрений в сочувствии с панславизмом... Понятно, думаем, теперь и читателям, почему мы обратили такое особенное внимание на эту статью. Мы уверены, что эта статья нашла себе сочувственный отголосок во многих сферах нашего северного града с «общеславянскими свойствами»... О каких же это «неисполнимых планах» рассуждает г. Мейер? Можно подумать, что немецкая газета русской Императорской Академии наук и сама верит в существование «завещания Петра Великого»[10] или «завещания Екатерины II-й»[11], в московские завоевательные замыслы и т. д.? Какие это «неисполнимые планы» были проповеданы русскою печатью? Пусть укажет он хоть на один. Мы смело объявляем, что ни одна русская газета не предлагала никакого плана, в котором бы выражалось то «московское ненасытное властолюбие», та «московитская жажда завоевания», о которых, по внушениям западных политических суфлеров, твердит западная журналистика. Вольно же газете русской Императорской академии не верить «Русскому Инвалиду» и рассказывать, что он «*шутит*», утверждая, будто никакого *политического* объединения всех славян никто и не замышляет и будто дело идет теперь только об единстве духовного свойства...

Г. Мейер пугает правительство возможностью второй Крымской войны, в которой, по его мнению, виновата будет отечественная журналистика. «Мы положительно приписываем, — говорит он, — политическое одиночество (изолированное положение) России, — если таковое действительно сущєствует, — панславистским выходкам русских газет». Если г. Мейер припомнил Крымскую войну, то и мы ему напомним, что во время Крымской войны о панславизме не было и речи, что, напротив, свежо было предание, не прошло и пяти лет, как Россия русскою кровью, вместе с славянами, спаяла распавшуюся империю Габсбургов[12], — и тем не менее все же «вся Европа», как он выражается, была против нас, а в том числе и спасенная нами Австрия. Стало быть, не один панславизм имеет свойство возбуждать вражду и злобу Европы против России. Но, возразит нам, без сомнения, «St.-Petersburger Zeitung», ведь и тогда имела Европа повод к войне, — это сочувствие к положению восточных христиан... Так и в этом виновата Россия?! По мнению газеты русской Академии наук, России следовало бы «mit Ernst und Aufrichtigkeit», серьезно и откровенно, отречься от сочувствия к страждущим христианам Востока и уверовать, вместе с Западною Европой, в пригодность административных турецких реформ, в возможность примирения ислама с Евангелием?.. Такое мнение (а от

этого мнения г. Мейер, конечно, не отступится) возможно только в таком издании, как эта немецкая газета, и в таком городе, как Санкт-Петербург, *более русский, более славянский и более сочувствующий православному миру*, чем какая-нибудь «древняя столица Москва с своею тяжеловесностью (?), национальною и всякою исключительностью» (русский близнец немецкой газеты, № 18) [13].

Адвокат австрийской журналистики, орган русской Академии наук в числе разных явлений, оправдывающих, по его мнению, австрийские нападки на Россию, указывает, разумеется, на прошлогодний Славянский съезд [14], на характер празднества и торжества, которым сопровождалась эта встреча славян между собою в России, и на слова одного из австрийских сербов. Но дело не в том, что́ говорил тот или другой из славянских гостей, выражая свое личное мнение на пиршествах, не имевших официального характера, а в том, какого содержания были русские речи. Разве хоть в одной из них есть возбуждение к измене, нарушению долга верности законам и власти? Разве эти речи были возмутительного свойства? Разве советовал кто-либо австрийским славянам в защите славянской народности выходить из пределов легальности, переступать границы прав, дарованных им конституцией? Разве Славянский съезд оказал какое-либо влияние на политический образ действий России относительно Венского кабинета, вызвал с ее стороны какие-либо дипломатические ходатайства или представления в пользу той или другой славянской народности, подобный хоть тому, которое Венский кабинет позволил себе учинить в 1864 г., вступившись за польскую национальность? Почему же «St.-Petersburger Zeitung», оправдывая ярость австрийской прессы Славянским съездом и статьями русских газет, не взяла на себя несравненно более приличного для органа русской Академии труда оправдать русскую прессу поведением Австрии и ее журналистики относительно России в 1864 году?

«St.-Petersburger Zeitung» не оставляет в покое даже и скромной деятельности Московского Славянского благотворительного комитета. Петербургское детище возмущено тою помощью, которую оказывает Комитет славянским ученым обществам, а также и поддержанию научного и литературного развития славянской народности. Помощь эта, к сожалению, так ничтожна по количеству денег, что о ней совестно и говорить, — но все же это материал, пригодный для враждебных выходок против России, и газета нашей Академии спешит сослужить службу австрийской прессе указанием на все славянские грехи русского общества. Мы не станем долее докучать читателям разбором всех пунктов этого обвинительного против России акта, услужливо составленного, к облегчению австрийских газет, немецким органом русской Императорской Академии наук. Думаем, что довольно и приведенных образчиков. Вывод из этой статьи тот, во-первых, что главною заботой России и ее правительства должно быть заискивание милости западноевропейского общественного мнения. Во-вторых, что для достижения сей благородной цели русская журналистика обязана выносить смиренно и терпеливо все заушения [15] и оплевания, расточаемые России иностранною прессой, и не должна сметь оправдываться, не только уж отмеривать тою же мерой. В-третьих, что если Европа изволит на Россию гневаться, то Россия имеет себя признавать виноватою, а ее гнев справедливым, потому что и в самом деле Россия пред Европой всегда виновата. В-четвертых, что России подобает смиряться, принижаться, всячески стуше-

ваться, дабы заставить простить и забыть свое славянское происхождение, свой отличный от Европы духовный и материальный, политический и общественный склад, — свое родство с славянскими племенами Турции и Австрии, свое единоверие с православным Востоком. Все это вящий грех в глазах Западной Европы, в глазах немецкого издание русской Императорской Академии наук, да и в глазах большей части органов общественного мнения Санкт-Петербурга. От этого греха мы должны, как от сатаны, отрекаться, отплевываться и отдуваться [16], должны в нем непрестанно каяться и всемерно стараться заслужить благосклонность Европы полнейшею ассимиляциею русских людей западным европейцам, — разумеется, по преимуществу немцам.

Мы не преувеличиваем. Кроме «St.-Petersburger Zeitung», достаточно указать на отношение к Славянскому вопросу санкт-петербургской газеты «Весть», санкт-петербургской газеты «Неделя» [17] (иначе даже не выражающейся о славянах, как фразой: «какие-то славяне!»), «Петербургской Газеты» г. Арсеньева [18], другой академической газеты, издаваемой г. Коршем [19] (принявшей под свою защиту того русского профессора [20], которого слова цитируются теперь венскою газетой «Debatte» [21] как вполне подтверждающие ее мнение и приводятся в Праге на суде [22] как свидетельство, служащее к обвинению славян и России). Можно сказать, что, кроме «Инвалида», почти все прочие газеты Санкт-Петербурга тянут в этом отношении более или менее одну ноту. Но самым пышным цветом такого направления может служить общество, о котором мы уже извещали в 24 № «Москвича» под заглавием «Австрийское общество в Санкт-Петербурге» [23]. Это общество, как известно, поставило себе задачею «противодействовать всякому сбору в России денег в пользу славян», которых оно называет «австрийскими чиновниками, позволяющими себе производить агитацию против своего законного государя». В этом объявлении о задаче общества, составившегося в Санкт-Петербурге, напечатанном в «Петербургской Газете», все есть: и сильный полицейский запах, и рекомендация своей благонамеренности, и оскорбление бывшим гостям России — славянам... Может ли после этого роптать на нас австрийская пресса?

Такая совокупность свидетельств, полагаем, достаточно характеризует отношение санкт-петербургского общества (за исключением некоторой его части) к существенным интересам славянской народности, нераздельным с интересами народности русской. Красноречива уже сама по себе возможность таких явлений и служит блистательным комментарием к положению г. Корша, «что Санкт-Петербург более русский город и с бóльшими общеславянскими свойствами, чем Москва». В «С.-Петербургских Ведомостях», в двух статьях 18 и 23 №№, построена даже целая ученая теория о значении Петербурга, из которой указанные нами явления истекают логически. Эти статьи написаны в виде возражения нашей статье в 1 № «Москвича» [24], в которой мы старались объяснить себе слабость русской государственной и общественной, в Петербургский период нашей истории, силы — в обрусении окраин Русского государства, в ассимиляции инородцев, — силы, которою Россия обладала в прежние времена несомненно. Мы пришли к заключению, что мы не обрусим никого, не обрусев наперед сами; что ассимилировать себе чужие племена мы способны будем только тогда, когда разовьется и упрочится в нас наше русское самосознание. Г. Корш вступился, как и следовало ожидать, за Санкт-Петербург и венчал свой панегирик ему такою похвалой: что благодаря Петербургу

не мы ассимилируем себе иностранцев, но сами отчасти уже ассимилировались, отчасти еще ассимилируемся западным европейцам, — и что в окончательной ассимиляции все призвание Петербурга и спасение России. «Не поздоровится от эдаких похвал»!..[25] При таком усердии Петербурга к ассимиляции имеем ли мы право удивляться статье «St.-Petersburger Zeitung» и других газет, нами упомянутых, равно и учреждению общества, совершенно согласного с тем полицейским свойством, которое обнаруживает и Западная Европа по отношению к миру русско-славянскому? Ассимилировать себя западным европейцам — не значит ли это отречься от признания за Восточною Европой отличных от Запада просветительных начал, ее особой миссии в человечестве, — не значит ли это отречься от своей славянской и русской народности, по крайней мере от самостоятельности и самобытности нашего народного развития? Народы ассимилированные не имеют своего личного значения в истории человечества, а живут значением и под именем той более могущественной народной личности, которая их себе ассимилировала. Эту будущность, по словам г. Корша, должен устроить нам Санкт-Петербург, которого имя он, — не в насмешку, как это сделали мы, — а с некоторою гордостью, будто облекая в мундир высшего разряда, ради вящей ассимиляции, пишет не иначе как латинскими буквами. Уж не бросить ли нам, в самом деле, для пущей ассимиляции, и кириллицу, хотя и подправленную Петром[26], и заменить ее латинским алфавитом? Мы ждем такого предложения от следующих №№ «Санкт-Петербургских Ведомостей». Ассимилировать так ассимилировать! Как образец высоты русских явлений в Петербургский период истории, в противоположность периоду Московской Руси с ее Мининым и Пожарским, петербургская газета представляет в заманчивой перспективе русскому народу имена «Разумовских, Завадовских»...[27] Это идеалы Петербургского периода.

Пусть же читатель сообразит теперь это учение о необходимости окончательной ассимиляции России Западной Европе с апофеозом Санкт-Петербурга, изображенным в газете г. Корша, со статьею немецкого органа русской Академии наук, с самым фактом существования подобной немецкой газеты, украшенной русским государственным гербом, с отзывами петербургской журналистики о славянах, — пусть сообразит да подумает: успешно ли при таких условиях может совершаться обрусение наших окраин, благоприятны ли такие условия для народного направления русской политики внешней и даже внутренней, вообще для самобытного развития русской народности, — и не в этих ли условиях должно искать разгадку всех безобразий, удручающих нашу Русь?

<О НАШЕЙ СМИРЕННОСТИ ПО ОТНОШЕНИЮ К ЗАПАДНОЙ ПРЕССЕ>

Тише воды, ниже травы — вот каким девизом политического благонравия советуют некоторые петербургские газеты, органы некоторых петербургских сфер, украситься русскому кабинету, — вот чего добивается и западноевропейская дипломатия от России, — вот тайная цель всего последнего похода заграничной прессы на Россию во имя интересов всеобщего мира! Неразумные советы, лукавое миролюбие, лживые страхи, коварная агитация! Неужели Россия и теперь будет их жертвою или, по крайней мере, игрушкой? Неужели она даст себя снова запугать или смутить визгом и воем иностранных газет, этих кликуш европейского общественного мнения, частью подкупленных, частью искусственно раздраженных пущенными в ход кем-то исподтишка сплетнями, клеветами, разными призрачными пугалами? Разве в Европе, на этой почве невежества о России и ненависти к России, есть такая вздорная выдумка о русской политике, которая бы не могла приняться и пустить ростки и распуститься пышным пустоцветом? Разве со вчерашнего дня знакомы мы с такою произрастительностью европейской почвы, и не пора уже нам привыкнуть к ней и оставлять ее без внимания? А между тем нельзя не сознаться с некоторою горечью, что все эти возгласы заграничной публицистики, с аккомпанементом вежливых заявлений подозрения со стороны европейских держав, способны и до сих пор производить на нас немалое впечатление. Если, по верному замечанию, всякий усердный лгун от частого повторения своей собственной лжи начинает, наконец, сам в нее верить, то относительно русского общества можно сказать, что усердие западноевропейских журналистов своею настойчивостью и постоянством доводит нас самих до смущения, а потом почти и до веры в истинность всех их измышлений насчет России, — или, по крайней мере, до сомнения в нашем праве и правде. Нам до такой степени прожужжали уши, что мы виноваты, что мы, наконец, и сами спрашиваем себя: уж не виноваты ли мы и в самом деле? не имеет ли и в самом деле Европа какого-либо справедливого повода подозревать нас во властолюбивых замыслах, опасаться нас, быть недовольною нами?.. В припадке смирения мы начинаем обвинять нашу собственную периодическую печать в недостатке умеренности в суждениях и выражениях об иностранной политике, о Восточном и Славянском вопросе, — нам хотелось бы заставить ее если не совсем смолкнуть, то притихнуть, понизить свой тон и остерегаться толковать о том, что́ не по шерсти западноевропейской прессе. Есть целый ряд газет в Петербурге, который под фирмою «Россия для русских» преподает такие благонравные уроки остальной русской журналистике и советует им отказаться от всяких толков об Австрии и Турции, дабы не раздразнить наших ревнивых соседей. Но спрашиваем: почему же мы, русские, обязаны справляться со вкусами иностранных политиков, а не они с нашим? Почему именно русская журналистика должна соображаться с тем, что нравится или не нравится за границей, — тогда как ни австрийская, ни французская,

ни английская, да и никакая западноевропейская пресса и не думает заботиться о том, по нутру или не по нутру нам их отзывы о России? Русскому журналисту ставится в вину всякое не совсем уважительное слово о каком-нибудь чужестранном потентате, тогда как французская печать, например, не налагала и не налагает на себя никакого воздержания относительно русского Государя. Наши представители при иностранных дворах, конечно, не начнут процессов, не предъявят даже и жалоб — по поводу, например, открыто заявляемых в заграничных газетах требований и планов восстановления Польши или по поводу журнальной агитации в пользу немецкой колонии в Прибалтийских губерниях?.. А русским органам периодической литературы вменяется в укор всякое изъявление сочувствия австрийским и турецким славянам, всякое требование равноправности для первых и самостоятельности для последних.

Такое положение дел, такая неравномерность взаимных отношений, добровольно усвоенная и как бы признанная за что-то нормальное самою Россией, обращается вся в урон нашей чести, в ущерб России. Мы имеем в виду не одну русскую журналистику. Мы помним, как перед самым вторжением турецких и западноевропейских полчищ в русские пределы в 1854 году от России требовали и добились обязательства, во свидетельство бескорыстия ее намерений, не переступать пределов турецкой территории [1]. Мы знаем, как со времени заключения Парижского трактата [2] этим трактатом признавала и признает себя связанною по рукам и по ногам одна Россия, тогда как западноевропейские державы не только не считают себя им связанными, но неоднократно нарушали и продолжают нарушать его с беспримерною наглостью во вред России. Пораженные такою наглостью, мы пожимаем плечами, но ради интересов европейского мира, «ради сохранения доброго согласия между великими державами» мы скрепя сердце, волей-неволей решаемся признать совершившиеся факты и влечемся нехотя вослед западноевропейской корыстной политической инициативе, одушевленные самыми противоположными, благими, бескорыстными намерениями! На наших глазах в течение почти 12 лет продолжается постоянное дипломатическое завоевание Францией Востока в явную противность всем интересам славянским и русским, а мы едва ли не продолжаем мечтать о возможности совместной с Францией политики на Востоке. Мы не перестаем, по-видимому, льстить себя надеждою, что авось Господь Бог вразумит сердца западноевропейских дипломатов и они, восчувствовав, наконец, честность и добросовестность России, отдадут ей справедливость и утешат ее своим доверием и дружбою. Вежливо замечая державам, что так поступать, как они поступают, нехорошо, не годится, мы тем не менее стараемся заслужить европейское благоволение своею скромностью, своим добропорядочным поведением и готовы встревожиться всяким вольным о Западе словом нашей политической печати.

Но русская политическая печать теперь больше чем когда-либо обязана с зоркостью следить за всем, что́ делается на Востоке, и разоблачать интриги, прикрываемые маревом европейского общественного мнения. Вопреки уверениям некоторых истинно петербургских газет, маскирующих свое духовное угодничество пред Европой девизом «Россия для русских», на русской политической печати лежит великий общественный долг разъяснить общественному сознанию всю ту связь судьбы России с судьбою Востока, от которой Россия не может отречься, не изменив своей исторической миссии, не перестав быть самой собою... Русская печать призвана быть сознательным выражением

и проводником народной мысли и чувства в область высших политических соображений. Она не должна и не смеет молчать, она не может робеть пред прессою и общественным мнением Европы, — и там, где русскому дипломатическому протесту нельзя почему-либо раздаться слишком громко, пусть раздается громкий голос русского общественного мнения: он не менее вооруженных готовых армий способен будет произвести серьезное впечатление на Европу и поддержать нашу, может быть, уже слишком осторожную, до нерешительности, дипломатию.

В настоящую пору ясно раскрывается цель всей той агитации иностранной журналистики, которая была направлена против России. Россию хотят оттереть от Востока не потому, чтобы Россия грозила нарушением европейского мира, но для того, чтобы, — связав ее обетом смирения и смутив ее страхом, что она может, пожалуй, навлечь на себя подозрение в дурных свойствах и поднять крик и гам всей цивилизованной Европы, — очистить свободное поле для политических замыслов иностранных держав. Восточный вопрос представляется теперь в виде *восточного заговора* Франции, Австрии и Англии. Существование этого заговора не подлежит сомнению. В то время как Россия, оклеветанная в намерении взбунтовать христианских подданных султана, принуждена «клятися и ротитися»[3], что она в таком намерении неповинна; в то время как, по мнению некоторых петербургских газет, ей приличнее всего отказаться чуть не навсегда от всякой инициативы в Восточном вопросе, — иностранная почта привозит нам известие, что вдоль границы Сербского княжества начались передвижения австрийских войск, что Англия сосредоточивает свои суда в Средиземном море и что французская эскадра при Чивита-Веккии[4] имеет в виду не одно назначение оберегать Папскую область и состоять при французском гарнизоне. Справедливы или нет эти слухи — мы не знаем; но они правдоподобны, и важно то, что эти слухи распространяются французскими же газетами. Мы нисколько не удивимся, если вдруг выплывет наверх из мутной глуби западноевропейской дипломатии такого рода комбинация: «Ради сохранения европейского мира, ради ограждения целости Оттоманской империи от русских интриг, направленных к возмущению христианских населений Турции, — ради блага самой Сербии и самих этих населений, — признается необходимым, не в виде завоевания, а в виде помощи султану и в виде залога европейского мира, занять Сербское княжество или пограничную с ним Боснию войсками австрийского императора»... Недаром Англия грозит «дунайским правительствам», что западные державы решатся *пойти на все* ради умиротворения Турции в случае какого-либо славянского движения на Дунае. Почти с достоверностью можно сказать, что, если действительно Сербия откроет ряд наступательных действий будущею весной или вспыхнет в Турции какое-либо восстание славянских племен, Австрия с разрешения и уполномочия всей Западной Европы введет в Сербию свои войска. Что́ станет тогда делать Россия? Не следует ли ей предвидеть и эту случайность и заранее определить свою систему действий? Мы не сомневаемся, что наша дипломатия уже давно разочла все возможные вероятности и давно начертала себе программу. Но русское общество, имея в виду столько уже допущенных Россией в ущерб себе нарушений Парижского трактата, не может не интересоваться этим вопросом. Нельзя же России будет помириться ни с фактом насильственного со стороны Европы действия против Сербии, ни тем менее с фактом занятия какой-

либо части Турции австрийскими войсками, подобно тому как она примирилась с созданием Молдо-Валашского княжества или с возведением в звание румынского князя иностранного принца... [5] Допустить войскам австрийского императора вступить под тем или другим предлогом в пределы Турецкой империи значило бы для России погубить все свое значение на Востоке, уступить Восток в духовную и материальную власть Западной Европе и подписать самой себе грозный приговор...

Не оправдываться и извиняться в своих политических поступках на Востоке подобает России, а перейти самой к роли обвинительницы и обличительницы. По крайней мере, такое положение должна принять русская печать и противопоставлять западноевропейскому общественному мнению общественное мнение России и всего *славянского* мира. Пусть помнит Австрия, что вопрос Восточный есть вопрос Славянский. Мы ничего иного не желаем для Австрийской империи, как именно той политической формы, которая одна соответствует разноплеменному составу монархии Габсбургов, — именно формы федеративной и равноправности всех славянских народностей, ее населяющих, с мадьярами и немцами. В таком нашем желании, совпадающем с желанием всех славянских ее подданных, заключается условие благоденствия и преуспеяния для самой Австрии. Но если австрийское правительство дозволит себе какое-либо нарушение Парижского трактата в ущерб славянской независимости или стремлению к ней на Востоке, то оно рискует само, собственными руками возжечь такой вопрос, общий для всего славянского мира, к которому России нельзя будет отнестись равнодушно... По крайней мере, не отнесется к нему равнодушно и считает необходимым поставить теперь же это на вид австрийской прессе и австрийскому общественному мнению русская печать...

<О СМЕРТНОЙ КАЗНИ>

Виселица, как странствующий педагог, обходит поочередно грады и веси Российской империи, преподавая свои назидательные уроки. Была она в Рязани, спустилась вниз по Волге, погостила в Саратове, позамешкалась на «мирных, благословенных брегах Тавриды» в виду Чатыр-дага и роскошной синевы Феодосийского залива, — завернула в Одессу, будет в Киеве, — направляется в Могилев, Пинск, Минск, Витебск и Вильну, — везде наставляя и поучая наше полудикое население. Говорим — «полудикое», потому что в своем невежестве оно не перестает изумляться и ужасаться, встречаясь с этим непривычным ему просветительным орудием европейской цивилизации или, по крайней мере, тех европейских народов, которые гордятся своею образованностью. Теперь скоро мы уже совсем будем походить на Европу. Телесных наказаний — явных, публичных, по суду — уже нет (то, что́ *не* по суду, то не в счет и печатно не оглашается). Правда, народ наш еще глуп и ему еще не вполне вдомек, почему бесчестнее принять на тело наказание, чем на душу преступление, и менее позорно быть вором, чем быть высеченным; правда, он еще ясно не понимает разницы между насильственным бичеванием и насильственным заточением, — но все это не изменяет факта; мы же, с своей стороны, благословляем уничтожение телесных наказаний не столько ради наказуемых, сколько ради самих наказующих и зрителей наказания, — мы находим небесполезным, чтобы Россия поотвыкла несколько от кулака, от побоев, плетей и тому подобных вразумлений телесных... Теперь у нас есть, как и в Европе, и траурные колесницы, и эшафоты, и позорные столбы; правда, народ наш еще прост, не доразвился еще до воззрения на преступника, какое существует у простонародья цивилизованных стран Европы: он еще по-прежнему смотрит на осужденных как на «несчастных», и преступнику, выставленному у «позорного столба», сыплет не ругательства, не комки грязи, как там, на Западе, а свои медные трудовые копейки... Теперь мы уже не сечем ни кнутом, ни плетьми, — теперь мы вешаем. Мы обзавелись смертной казнью, как и в образованной Европе... Голов мы не рубим, как во Франции, — таких машин нет, и мастеров таких наша молодая практика еще не воспитала: вешать несравненно легче, — ну да и в Англии вешают. Правда, народ наш, как мы уже сказали, еще дичится смертной казни, но ничего — привыкнет.

Было время и у нас на Руси, когда жизнь человеческая не ценилась ни во что, когда казнить смертью казалось действием самым простым, обычным, *пошлым* — в старинном смысле этого слова: то и дело рубил топор, стягивалась петля, мозжили оземь колеса го́ловы привязанных к ним преступников. Но после оргии стрелецких казней [1], после лютой, кровавой бироновщины [2] — возмущенное нравственное чувство России сказалось на высоте трона — сердцем русской женщины, восприявшей самодержавную власть и самодержавно отменившей официальное человекоубийство. Императрица Елисавета уничтожила смертную казнь [3]; Екатерина II уничтожила пытку [4]. Усталая Россия вздохнула свободней. Историки и судебные архивы не показывают, чтоб увеличилось

число преступлений и нравы не стали хуже, но, напротив, смягчились до того, что самый образ казни изгладился из памяти народа, самое понятие о законности смертной кары сделалось ему чуждо: он отвык от запаха, зрелища и вкуса крови, человеческая жизнь стала ему ценней и святее... Были, конечно, в течение последовавшей затем сотни лет случаи наказания смертью, но эти случаи были редки, — до того редки, что все они известны и перечислены в первых изданиях Свода Законов.

Россия утешалась и радовалась таким нравственным характером своего правосудия. Она справедливо гордилась этим преизбытком человечности в своем уголовном законодательстве пред всеми уголовными кодексами мира. Дерзнув, хотя однажды, поступить самобытно, она опередила европейские народы (как отчасти опередила их потом и в крестьянском вопросе, в разрешении поземельной социальной задачи). Писатели указывали на это отличие России, т. е. на отсутствие смертной казни, как на выражение народного духа, как на коренную черту русской и вообще славянской национальности. Поэты прославляли ее «бескровный суд»[5]: вспомним хоть стихи Хомякова к России и другое напечатанное его сочинение, где с такою гордостью говорит он о том, что Русское государство не знает, не воспитало «цеха человекоубийц»-палачей[6].

В 1833 году сооружен был, наконец, славнейший памятник прошлого царствования — Свод Законов Российской империи[7] — свод действующего на исторической основе права. В XV томе, во главе наказаний уголовных и исправительных, напрасно стали бы мы искать смертной казни, — она не значится вовсе, она не признана и не узаконена Сводом. Напротив, в примечании к статьям, перечисляющим разные виды уголовной кары, упомянуто, что смертная казнь уничтожена самодержавною волею императрицы Елисаветы и что если затем и были случаи присуждения казни (которые при этом, как мы уже выше сказали, все и поименованы — их было всего *три*[8]), то они составляют исключение, не изменяющее общего закона, — исключение, допущенное по особому всякий раз разрешению высшей власти и по приговору не обыкновенного, а особенно учреждаемого, сверхзаконного, верховного уголовного суда. Разумеется, здесь всего важнее принцип — и принцип неприменения смертной казни к уголовным преступлениям был провозглашен Сводом Законов первого и второго изданий[9].

Так было до 1845 года. В этом году, ко всеобщей неожиданности, без всяких предварительных истолкований смертная казнь вдруг получила у нас право гражданства и признана нашим законодательством — не посредством какого либо особого акта признания, а просто чрез издание нового Уложения о наказаниях. В этом Уложении в лестнице уголовных наказаний стоит на первом месте смертная казнь, — как будто она никогда этого места и не теряла[10]. Каким образом Россия лишилась вдруг своей «похвалы», — того, что́ составляло для нее предмет утешения и гордости, — почему должна была она изменить своему дорогому преданию, — ради чего сочтено было нужным отменить ставший органическим закон императрицы Елисаветы и отнять у России то отличие ее Уголовного кодекса, которым она славилась пред прочими странами Европы, — это осталось, по обычаю того времени, для русского общества необъясненным. Может быть, по понятиям чиновников-составителей Уложения, в этом-то отличии и заключался существенный недостаток и усматривалось несовершенство прежнего кодекса. «Во всей просвещенной Западной Европе, — так, вероятно,

рассуждали они, — действует смертная казнь: во Франции, Германии, Англии — везде рубят головы или вешают, — неужто же допустить дерзкую мысль, что мы их опередили? Не отсталость ли это, скорее, с нашей стороны? Неужто же мы их человечнее и лучше? И с чего нам сметь быть лучше? Одним словом, без смертной казни как-то неловко — на цивилизованную, на европейскую страну не похоже»... Иного объяснения почти и допустить нельзя. Или разве жесточе стали наши нравы? Усилились преступления? Оказалась необходимость в более строгих сдерживающих или «репрессивных» мерах? Но этого никакие исторические данные не подтверждают и уголовная статистика не доказывает, а обнаруживает, наоборот, совершенно противное.

Могут заметить, конечно, что Уложение назначает смертную казнь только за политические или «государственные» преступления, за которые, на практике, случалось и прежде наказывать смертью, — и, вероятно, это и было причиной утверждения 241—254 ст. нового Уложения со стороны высших государственных установлений, — но дело не в практике, а в принципе. Так или иначе, Россия не имеет более права хвалиться отсутствием смертной казни в своем кодексе, и однажды допущенный принцип, изменяя целый сложившийся строй понятий, в своем логическом развитии приводит неизбежно и к дальнейшим изменениям — более практического свойства. В настоящее время смертная казнь не есть уже что-то непривычное, невиданное и неслыханное. Она прилагается теперь не за одни государственные преступления, но и за убийства, за делание фальшивых ассигнаций (в Северо-Западных губерниях), — одним словом, за преступления, за которые в Уложении определены, со всею точностью, иные уголовные наказания — без лишения жизни. Правда, лишению жизни подвергаются теперь не на основании Уложения и обычного уголовного судопроизводства, а по полевому военному суду, — но если бы предание Елисаветы поддерживалось во всей своей жизненной силе нашим законодательством, то едва ли бы вошло в такой повседневный обычай у наших местных провинциальных администраторов — ходатайствовать о допущении подобных изъятий из общего хода уголовного судопроизводства для преступлений, Уложением предусмотренных.

Защитники смертной казни ссылаются обыкновенно на пример европейских государств, где еще недавно вопрос об отмене смертной казни был поднят и обсуждаем почти во всех представительных собраниях, поочередно, и везде, кроме Саксонии, решен отрицательно; т. е. одна Саксония в нынешнем году постановила уничтожение смертной казни; в Австрии, в Англии большинство в палатах высказалось за удержание плахи или виселицы. Вчера в Иностранном отделе помещено нами краткое извлечение из прений, происходивших по сему предмету в Британском парламенте [11]. Собственно по поводу этих прений и ввиду того авторитета, который имеют для русского общества примеры Англии, мы и сочли нужным сказать сегодня свое слово о смертной казни. Из речи Джона Стюарта Милля видно, до какой степени этот знаменитый свободомысленный писатель увяз в рутине английского практицизма, — до какой степени трудно самому умному из англичан отрешиться от национальных вековых привычек, традиций и выкарабкаться из наслоенных столетиями социальных формаций и понятий [12]. Но Англия, по этому самому, и не может нам быть указом. В Англии, например, до сих пор король — а теперь королева [13] — признается главою церкви, и самая церковь есть учреждение чисто государ-

ственное, изобретенное статутом Генриха VIII [14]. В Англии... но исчислять все уродливые аномалии английской государственной жизни здесь не место, — рядом с этими аномалиями Англия владеет таким сокровищем свободы совести, мысли и слова, в котором лежит для нее залог неоскудевающей жизни и целебного врачевания всяких зол. Уже и теперь в древнем английском учреждении смертной казни сделана брешь: парламент отменил *публичность* казни, вполне убедившись доводами, что зрелище этого, возведенного в святость закона, убийства имеет вредное действие на нравы народа. Конечно, такая отмена публичности обращает казнь в какое-то тайное убийство; конечно, при этом отнимается у наказания характер и польза «устрашения и спасительных потрясающих впечатлений на народные массы», чем обыкновенно приверженцы плахи и виселицы стараются их оправдывать, — но тем лучше: почин сделан, и на этой нелогической формуле остановиться нельзя. Поэтому совершенно не правы те в России, которые ссылаются относительно смертной казни на пример Западной Европы. Они упускают из виду, что там в настоящее время все же от времени до времени, и всякий раз настойчивее, возбуждается вопрос об *отмене* смертной казни, об *ограничении* случаев ее применения, — тогда как у нас, одновременно с тамошними попытками отмены, введена смертная казнь *вновь*, и с тамошним ограничением — предлагается *расширение* случаев применения смертной казни! Они забывают, что там, в Англии например, смертная казнь есть древний национальный институт, которого действие не прерывалось ни разу в течение какой-нибудь тысячи лет, — а у нас она давным-давно утратила характер исторического народного учреждения и преблагополучно прерывалась на целые сто лет. Там надо *отучать* народ от смертной казни, от этой тысячелетней его привычки, а нам предстоит *приучать* его вновь. Там вынуждены ждать, чтобы смягчились нравы, а у нас приходится ожесточать нравы — зрелищем человекоубийства. Странное дело! Странный вид прогресса представляет Русское государство! Везде от тьмы идут к свету, от жестокости к милосердию, от средневекового бесчеловечия к человечности — от грубости нравов к смягчению нравов... У нас же наоборот: мы возвращаемся к средневековым формам наказания, от света к сумраку. Выходит по здравой логике, что наши нравы теперь, в XIX веке, жесточе, суровее, преступнее, чем во времена императрицы Елисаветы, в половине XVIII века?! Тогда можно было обходиться без смертной казни, а теперь нельзя??..

Говорить о вреде и безнравственности смертной казни мы считаем излишним. Это давно разъяснено европейскою, отчасти и нашею литературой. Но и для не воспитанного на литературе, а воспитанного на слове евангельском общества вполне ясно и несомненно, что убиение человека, совершаемое хотя бы и мечом государственным, противно духу и разуму учения Христа — Христа, хотевшего милости, а не жертвы, не желавшего смерти грешника[15]. Для христианина вполне очевидно, что самовластно и насильственно сокращать человеку (преступнику или грешнику) срок покаяния, ограничиваемый лишь пределами жизни человеческой, — человек не вправе...

Все это ясно, несомненно и очевидно, — но, впрочем, всего этого именно у нас, в России, даже и доказывать не стоит. Да, не стоит, — говорим это не без горечи. Не стоит потому, что не нынче, так завтра, через несколько лет, очень скоро смертная казнь будет *непременно*, неминуемо уничтожена во всех государствах Европы, как уничтожена она уже и теперь в Саксонии [16]; к тому идет.

МОСКВА 1868-го ГОДА. № 18-й.

МОСКВА

ЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ЦѢНЫ ФОНДОВЪ, АКЦІЙ И ОБЛИГАЦІЙ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

ОТЪ ПРАВЛЕНІЯ МОСКОВСКАГО КУПЕЧЕСКАГО БАНКА.

МОСКВА, 24-го АПРѢЛЯ.

Начало первой публикации статьи И. С. Аксакова «<О смертной казни>» (Москва. 1868. 24 апр. № 18. С. 169)

И как уничтожится она в Европе, тогда и для нас никаких уже иных доказательств не потребуется, и все наши современные русские доморощенные защитники смертной казни, — все, зардевшись внезапным стыдом, с неудержимым жаром негодования, хором завопят о варварстве сего учреждения, о необходимости для России сравняться с цивилизованными странами Европы, — об отмене смертной казни! И так же легко она отменится, как была введена, — и никаких худых последствий от того не будет. И получим мы, с подобострастною признательностью, от цивилизованной Европы как дар, как ее создание то, что́ было *наше*, что́ принадлежало нам по праву, что́ прежде еще Европы создала наша русская жизнь... Все это будет скоро, скоро: может быть, Господь еще приведет нас дожить до этого с вами, читатель...

<О ЛЖЕКОНСЕРВАТИЗМЕ ПАРАЗИТНОГО РУССКОГО МИРА>

Несвободное отношение нашей русской мысли к авторитету западноевропейской цивилизации сказывается нередко и на отношении нашем к России, мешает свободному пониманию ее нужд и потребностей, порождает у нас самих, до́ма, недоразумения за недоразумениями. Прикидывая к русской народной жизни чужой вес и чужую меру, мы то и дело промериваем да провешиваем. Чужая действительность кладет свои движущиеся тени поверх нашей русской действительности; живые явления чуждого мира населяют наш русский мир своими призрачными отражениями. Впрочем, выражение «русский мир» не совсем верно или, по крайней мере, требует разъяснения. Мы разумеем здесь тот особый мир, также по внешнему своему составу русский, который сложился и живет в общем мире Русской земли. Повторим сравнение, уже однажды употребленное нами в «Дне»: на русском народном организме есть как бы нарост, питающийся его соками, живущий своею собственною, хотя также органическою, но отдельною от общего организма и ускоренною жизнью[1]. Между этими двумя организмами — паразитным и настоящим, народным, — несмотря на внешнюю связь, не только нет почти ничего общего в нравственном смысле, но нет почти и способности взаимного постижения, а подчас разверзается целая бездна даже несознаваемых противоречий. Конечно, бывают такие исторические минуты, когда возвышенная и усиленная жизненная деятельность основного организма охватывает собою все его разветвления и наросты и объединяет в общей с собою жизни даже и паразитную жизнь, — но такие минуты редки: прошли они, и наросты лжи на русской ленивой правде заживают снова всею спешною жизнью лжи. К этому-то паразитному миру принадлежит значительная часть нас, так называемых образованных русских, и преимущественно из высших общественных сфер. В нем-то и ратуем мы с населяющею его толпою теней и призраков и тратим силы в борьбе, — то изнываем страхом, то бодримся надеждами, смиряемся пред опасностями или празднуем победы... Небывалые победы, небывалые опасности, бессмысленные надежды, — вздорные, беспричинные страхи, — ненужная, напрасная трата сил! И тем не менее эта фантасмагорическая жизнь, по-видимому столь призрачная, плотянеет в соприкосновении с живою русскою действительностью и отдается в общей жизни нашего народа не какими-либо призрачными, фантастическими последствиями, а грубою правдою боли и мучительных судорог. И бессознательно, беззаветно гнем и мнем мы нередко, напором паразитной силы, самые лучшие творческие дары народного духа — для того только, чтобы наложить на него печать чужого образа и подобия, — чтобы спасти народ от не угрожающих ему или даже не существующих зол! Нередко в самообольщении наших консервативных, в сущности же разрушительных инстинктов втискиваем мы насильственно живое явление народного строя в узкую формулу отвлечен-

ного начала, взятого из чужого, не сродного нам быта, или, наоборот, запросы чужого быта возводим в звание русских национальных потребностей и принципов! Такими печальными недоразумениями, такими пагубными qui pro quo* полнится Русская земля.

Нужны ли доказательства? Стоит только развернуть газету «Весть», этот излюбленный орган нашего паразитного мира, — и доказательств не оберешься. Не хлопочет ли у нас паразитный мир уничтожить, например, общинное землевладение, подводя его под иностранное понятие коммунизма? Не превращается ли, в разумении паразитного мира, русский народ в какой-то честолюбивый злостный демос, жаждущий политической власти? Не вызывают ли негодование нашей паразитной среды — тот факт и то начало, что каждый русский крестьянин имеет часть в Русской земле, и не хотела ли бы она, эта среда, под видом охранения России от социализма навязать России все муки европейской социальной задачи и обезземелить крестьян?[2] Нужен ли пример красноречивее этого? Можно ли идти далее этих геркулесовых столбов неразумения? И, однако ж, эта дикая теория — только звено из общей цепи доктрин и теорий, господствующих в нашей паразитной среде — даже в сферах, не лишенных влияния и власти. Насильственное и искусственное сосредоточение поземельной собственности в руках привилегированных верхних классов, недостаток простора, невозможность дать народным массам равную, известную долю крайнего обеспечения в земле — все это породило в Европе класс пролетариев, класс безземельных батраков и рабочих, угнетаемых деспотизмом капитала, дающего им необходимую для пропитания работу; все это создало грозные вопросы пауперизма[3], пролетариатства и другие, не менее опасные для Европы, — создало то положение народных масс, которое тяготеет над общественным строем Европы и угрожает ему разрушением. По милости Божией, благодаря нашему многоземелию и другим условиям, мы от такой опасности избавлены, и в будущем нам подлежит избегать именно тех причин, которые привели Запад к таким бедственным последствиям. Казалось бы, так, — но у паразитного мира логика иная. Усматривая, что в Европе народные массы служат вечно-горючим материалом для всяких революций, наши паразитные мыслители вздумали и к нашему народу отнестись как к таковому же революционному элементу и давай настаивать на необходимости принять против него энергические, спасительные меры!.. Но какие же? Именно те самые, которые и негорючие материалы способны обратить в горючие и сотворить элементы революционные там, где они по самой природе вещей немыслимы и невозможны. В бессмыслии своего европеизма они ищут привить России тот самый недуг, которым страждет Европа, и отнять у России то, что́ служит предохранительным средством и врачеванием против этого недуга, — чего тщетно ищет и не может обрести у себя европейский мир. Они проповедуют, одним словом, неотложную необходимость сосредоточить и в России поземельную собственность во владении меньшинства, возвести это меньшинство в особое сословие с политическими привилегиями, с властью над большинством или народными массами, выкроить из нашего древнего служилого сословия, переформированного в «благородное российское дворянство» Екатерининскою грамотою[4], — нечто вроде английской аристократии... Нам случилось даже недавно читать

* кто вместо кого (*лат.*), квипрокво, путаница.

в записке одного официального лица, что «преданность престолу и существующему в России принципу верховной власти — в русском народе находится на степени непосредственного чувства, следовательно, не представляется надежною и подвержена шаткости, — поэтому следовало бы-де подчинить народ политическому руководству высших сословий»!! Не говоря уже о заключающейся в этих словах клевете на народ, — да и клевете на способность высших сословий к такому политическому руководству, — не напоминают ли эти советы басню Крылова «Листы и корни»?..[5] Наши петербургские европейцы из стана газеты «Весть» — те, которые ее издают, и те, которых она хвалит в своих поисках консервативного начала — не примечают только... слона в русском мире: именно нашего многомиллионного сельского сословия, оседлого, владеющего землей и представляющего самую твердую охрану от того шатания, которому именно грозят подвергнуть Россию бессмысленные консервативные похоти паразитного русского мира. Да и как приметить, если этого сословия нет в Западной Европе?! Если же они и примечают, то, бессильные понять его, тем пуще его ненавидят, как ненавидит инстинктивно чужеядная сила органический кряж, кость и все твердое, не способное претвориться в паразитную сущность. Поэтому понятно, что ничто так не раздражает наших петербургских консерваторов, как всякое консервативное притязание русского народа — быть самим собою, всякий порыв русской народности к самостоятельному развитию.

Этих примеров, кажется, достаточно, чтобы судить, какая бы опасность предстояла России, — какой лжи, злостной и гибельной, «не наколобродили бы», по выражению Ломоносова[6], в русской народной жизни наши петербургские консерваторы, если бы вместе с паразитными инстинктами обладали в равной степени и довольною силой для их воплощения. Чего бы тут ни было! И сосредоточение поземельной собственности во владении привилегированного меньшинства, и обезземеление крестьян; и обделение сельского сословия гражданскими правами, и наделение крупных землевладельцев политическими правами, патримониальною юрисдикцией и всякими преимуществами; и создание аристократии, — следовательно, и демократии, на русской почве не знающей ни того, ни другого в смысле политического принципа; и безнародная, отвлеченная государственная национальность, и отрицание прав русской народности на самобытность, на особое призвание в истории человечества; и целая теория о неблагонадежности русской сердцевины рядом с какими-то центробежными стремлениями наших окраин; и необходимость ассимиляции не инородцев русскому народу, а русского народа более цивилизованным инородцам — во имя начал безличного, безразличного, безнародного европеизма, — начал легальности и порядка, — выгодных, впрочем, для интересов не народных масс, не русской органической жизни, а только и единственно для соумышленников партии, которым органом служит «Весть», да еще для поляков и для немцев! Само собой разумеется, что с подобным подобострастным отношением представителей паразитного русского мира к европеизму, с подобным взглядом на права русской народности всякое сочувствие к миру славянскому должно возбудить по меньшей мере только глумление... Таков политический и социальный катихизис паразитной среды, наросшей на русском организме.

Но, к сожалению, эти паразитные инстинкты находят себе выражение не в одной какой-нибудь газете «Весть», а начинают оказывать свое присутствие

и в сферах административных. Нельзя не смутиться, когда видишь, как иные отвлеченные теории, взятые целиком из Западной Европы, и не общечеловеческого, а чисто местного национального содержания, вводятся в русскую практику всем реализмом русской власти, — как иная, не русская доктрина распоряжается всеми русскими способами насилия и принуждения. Мы уже достаточно объяснили, например, как лживы у нас, в России, призраки социализма, коммунизма, демократизма — этих мнимых опасностей, изобретенных петербургскими консерваторами. А между тем не ради ли их, этих мнимых опасностей, уже не раз обнажался административный меч и, рассекая воздушный призрак, разил и ранил живое тело русского народа?.. Разве не видели мы этого в Северо-Западном крае в эпоху, предшествовавшую последнему мятежу[7], когда ради «консервативных начал» и сохранения «престижа» помещичьей власти русское правительство собственными руками подавляло, в лице сельского сословия, русскую народность и предавало ее в безграничную волю народности польской — в лице помещиков-землевладельцев? И не побуждают ли администраторов наших и теперь на подобные же подвиги в том же крае некоторые петербургские газеты своим непрестанным карканьем на мировых посредников и других участников крестьянского дела?

Если справедливо, что выкупные акты в северо-западных губерниях, несколько раз поверенные и приведенные в исполнение, подвергаются теперь новой переверке, и отрезанная, именем правительства, в собственность крестьян земля будет отбираема от них вновь и отдаваема помещикам, — то спрашивается, «консервативно» или разрушительно поступит в таком случае администрация края? По понятиям паразитного мира — «консервативно», и на практике такая мера окажется действительно консервативною, — но только для польского национального элемента, и, напротив того, положительно разрушительною для русского народонаселения края. Замечательно, что настаивающие на такой мере петербургские адепты отвлеченной легальности и консерватизма не отваживаются и, конечно, не отважатся предложить ее для коренных русских губерний и даже для Юго-Западного края, — хотя, нет сомнения, и здесь во многих местностях буквальное применение закона 19 февраля относительно разверстки и определения размеров надела было невыгодно для помещиков и даже, в сущности, не совсем справедливо. Они не отважатся, повторяем, советовать правительству отнимать в срединной России и даже в юго-западных губерниях у крестьян землю, закрепленную за ними однажды, потому что имеют здесь дело с народом — готовым упорно отстаивать свои права; да и большинство русских помещиков этого не захочет, предпочитая сохранение мира в Русской стране — восстановлению формальной справедливости. Почему же то, что́ оказывается неудобным, опасным и даже невозможным внутри России, признается удобным, возможным и неопасным в Северо-Западном крае? Не потому ли, что здесь дело идет о пользах именно *польских* помещиков, для которых вовсе не безвыгодно, чтобы русские власти раздражали своими действиями русское местное, смирное и забитое население и подорвали в нем веру в русское правительство, — причем помещики могли бы разыграть роль великодушных поляков, уступающих русским мужикам то, что́ отнимет у них русская администрация?.. Мы вполне готовы допустить и даже верим, что наши «консерваторы» не имеют прямого намерения причинить какой-либо существенный вред России и еще менее совершить измену, — но они являются здесь

жалким орудием польской интриги, умеющей так искусно играть на слабых струнах нашего высшего петербургского общества и эксплуатировать в свою пользу учение паразитного мира о безнародности Российского государства, об узкости национальных стремлений, о легальности, о порядке и проч., и проч., и проч. Где тут охранительное начало и где разрушительное?

Если правда, что известный всей России своей борьбой с поляками за права русской народности в Галиции и перезванный русским правительством в Россию русский ученый галичанин Я. Ф. Головацкий вынужден удалиться из Северо-Западного края[8], где русское правительство еще полгода тому назад находило его присутствие возможным, где указана была ему деятельность, вполне полезная и вовсе не политического свойства, — то спрашивается, какой «консервативный» смысл имеет такая мера? Кому, собственно, может быть ненавистен о. Головацкий? Конечно, только польскому национальному элементу в крае. Кого порадует такое оскорбительное удаление Головацкого из края? Конечно, только поляков в Галиции и России. Кого, напротив, огорчит оно, смутит и встревожит? Кого? — всего только три миллиона русских, населяющих соседнюю нам Галицию, да и всех русских, понимающих важность наших отношений к Галиции и вообще к славянам. Но стоит ли обращать на них внимание! Стоит ли давать какое значение всему этому «узкому патриотизму», «этой дикости, этому варварству», этому «soi-disant* чувству русской народности», этой «славянщине» и всему тому, что́ городят московские публицисты, славянофилы, вся эта «вольная дружина» и «мрачное сонмище»! Все это, равно как и русская народность и славянщина, представляется таким вздором, такою мелочью из прекрасного петербургского далека, — наконец, это все свое и свои. Ну, а с своими что́ за счеты, — церемониться нечего. Однако ж спрашиваем: кто в этом случае победитель и кто побежденный? Не польская ли национальность является здесь победителем, хотя, конечно, не в грубой форме явного польского торжества?..

Победа поляков здесь в том, что русская местная администрация, предложившая такую меру, оказывается лишенною живого чувства русской народности и даже способна на явное ему оскорбление. Вот в чем победа. Для польской партии задача, конечно, не в ополячении русских властей: это немыслимо и недостижимо, а в том именно, чтобы русская власть явилась безнародною и космополитическою, — чтобы паразитные силы вытянули наконец из русского организма все его живые народные соки.

* так называемому (*фр.*).

<ОТКУДА СЛАБОСТЬ РУССКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ СИЛ?>

Глумиться над слабостью русских общественных сил, над непроизводительностью русской общественной почвы, над робостью русской общественной инициативы — вошло у нас, как известно, в обычай, — и преимущественно в высших сферах русского общества. Такое отношение к русской жизни считается непременным, отличительным признаком истинного европейского образования, — широтою и свободою взгляда, чуждого узких национальных предрассудков. Оно высказывается при каждом удобном случае: и при состязании русских с иностранцами в покупки правительственных железных дорог, и при разрешении спорных вопросов об экономических и иных, друг другу противоположных, интересах России и заграничных держав, и при всяком разоблачении захватов и всяческих неправд, чинимых в Русской земле и относительно русской народности чужими национальностями. Появись книга г. Самарина или иное ей подобное политическое откровение — непременно из верхних слоев раздадутся такие речи: «Ну что́ ж это доказывает — ни больше ни меньше как нашу духовную несостоятельность, нашу неразвитость, нашу незрелость и неспособность дозреть, тщету и неправоту наших притязаний: будем довольствоваться в политике сознанием и укреплением нашей физической силы, в народном хозяйстве — нашими сырыми продуктами и богатствами, — откинем претензии на производительность в высших сферах мысли, знания, искусства и промышленности, на оригинальность, на самобытное какое-то призвание русской народности в человечестве, — претензии, только мешающие нам ассимилироваться с европейцами, — и отворим настежь наши объятия и наши рынки иностранной, духовной и экономической эксплуатации! Русская общественность! Quel est cet animal-là?* Покажите нам этого зверя. Не это ли, не то ли называете вы общественною русскою силою...?» И затем следуют примеры, и в примерах действительно нет недостатка. Так что́ же, заметят читатели: самообличение — дело плодотворное: взгляните, как Англия подчас сама себя на глазах всего мира бичует... Но в том-то и дело, что глумление наших высших общественных сфер над Россией — не есть то здоровое самообличение крепкого народным самосознанием общества, в котором слышится и вера в свои силы, и воля, и власть исправиться. У нас же самообличение представляется большею частью какою-то верою не в силы свои, а в бессилие. Казалось бы, что с подобною печальною верою примириться нелегко, что заразившийся ею человек должен по крайней мере ныть и болеть душою... Ничуть не бывало: у нас приговоры о несостоятельности русского народа произносятся без особых заминок, не стоят ни борьбы, ни болезни и идут изрекающим приговоры еще впрок, на здоровье. Высокомерному умозаключению, осуждающему русскую народность на совершенное ничтожество, не за что и запнуться на этой выглаженной, выполотой от всяких национальных предубеждений духовной почве! Глумление этих русских господ над Россией, напротив, не чуждо даже злорад-

* Что это за зверь такой? (*фр.*)

ства и некоего самоуслаждения, но только не самоуслаждения боли, а той дешевой мудрости, того дешевого беспристрастия, о которых можно сказать стихами Баратынского:

Не редкий ум на это нужен, —
Довольно д ю ж и н н о й души!..[1]

Такое отношение к русской общественности и к русской народности коренится по преимуществу, как оно и следует, в Петербурге; направление же противное обзывается насмешливо и без разбора то ультрарусскою партиею, то славянофильством, то татарщиною, то квасным или московским патриотизмом. Более же глубокомысленные петербургские политики, разделяя в душе своей презрение к узкости и тесноте «почтенных, впрочем (как они выражаются), патриотических чувств и воззрений», считают, однако, эту узкость весьма пригодным орудием в те минуты внешней опасности, когда приходится для возбуждения народных страстей поиграть на струне русской народности и любви к отчизне. В мирное же время такое направление, по их мысли, следовало бы сажать на привязь и не дозволять ему врываться в область государственных вопросов... Но обратимся к предмету нашей статьи.

Да, наши общественные силы слабы, нашей общественности недостает духа жизни и инициативы — кто не согласится с этою прискорбною истиною? Но почему же люди, с таким злорадством обличающие всякое проявление русского общественного бессилия, не позаботятся вникнуть в те внешние условия, в которые поставлена русская общественность? Почему не зададут себе вопроса: благоприятны ли были, — благоприятны ли и теперь — эти условия для ее развития? Если только припомнить и сообразить — сквозь что́ и через что́ прошло и что́ вынесло русское общество в течение Петербургского периода нашей истории, каким испытаниям подвергалась русская народность, — так придется с благоговением преклониться пред тем, что *жив-жив* остался *курилка*, не погас, а еще разгорелся в пламя[2], хоть покуда и слабое, — преклониться, одним словом, пред живучестью нравственных основ русской народности, пред ее верою в себя и признать присутствие в ней громадных духовных сил. Не с глумлением, а с уважением и благодарностью должны мы отнестись к тем зачаткам самодеятельности и инициативы, которые сбереглись в ней, которые не вымерзли от морозов, сковывавших подчас все живое на Русской земле, и не спеклись от слишком жаркой административной опеки.

Русское общество ждет своей истории. Не во́йны, не победы одержанные, не трактаты заключенные, даже и не регламенты, изданные Петром, Анной, Елисаветой, Екатериной, Александром I, не придворные интриги и перевороты должны занять внимание такого историка, а та внутренняя, упорная борьба народа за свою духовную личность, за свою народность, за право на самобытность — борьба, выражавшаяся не столько внешними, сколько нравственными деяниями, не столько крупными, сколько мелочными явлениями — во всем: в искусстве, науке, промышленности, быту, — во всем, в чем сказывается дух народный. Эта борьба обильна подвигами и жертвами, имеет своих подвижников и мучеников. Только ставши на эту точку зрения, можно вполне уразуметь весь странный ход нашего общественного развития — и истории нашей словесности, и истории нашей науки, и истории церкви за последние 150 лет, и даже

истории нашей политики; только занявшись таким исследованием, увидим и поймем мы те усилия, с которыми пробивались из-под хлама и мусора и всяческого чужого назёма[3] ростки русской самобытной мысли и русского искреннего чувства. Только тогда станет нам ясно, почему наша литература, в тесном смысле слова и вопреки всем литературам в мире, начинается с сатиры[4], с отрицательного направления, почему это направление так развилось у нас, так было сочувственно и нужно. Только тогда будем мы в состоянии оценить каждого писателя и каждого деятеля в это тяжкое, долгое время, оценить — в меру его борьбы и его службы русскому народному элементу; только тогда и раскроется пред нами неудержимый, хотя и медленный подъем исторической русской народной идеи, досягнувшей в наши уже дни до верхних слоев, до разума высшей власти, и сказавшейся более или менее и в разрешении крестьянского вопроса вопреки теориям и доктринам западных политиков и экономистов, и во всесословности земских учреждений, и во многих, многих иных общественных явлениях...

Такая история русского общества оправдает его во многих обвинениях, снимет с него много напраслин. Возьмем пример, по-видимому мелочный, но только по-видимому, или, вернее сказать, потому и важный, что он касается таких бытовых мелочей, которым, по самой природе их, принадлежит свобода. Мы говорим о наряде, о бороде и платье, о внешнем народном образе — лица и одежды, до которого коснулась рука преобразователя и на котором тяготела рука власти до самых последних дней... Русский человек не стал волен ни в своей одежде, ни в своей бороде; его брили и стригли и наряжали по указу; русские портные за шитье русского платья, без всякого иного преступления, ссылались в Сибирь![5] Правда, великий Петр, переодев и обрив, отчасти собственноручно, верхние классы общества, не переодел и не обрил простого народа, но он-таки заставил купцов откупаться от его брадобрейных вожделений, заставил носить бляхи с выражением его правительственного глумления[6] и наложил на внешний русский образ ту печать презрения и унижения, которая и доднесь внушает полиции смелость объявлять приказы такого рода: «в кремлевский Успенский собор в *русском* платье никого не пускать». Скажут ли, что все это пустяки, безделица, внешность? Не пустяки, когда общество лишено свободы даже и в той области жизни, которую никому никогда и в мысль не приходило обеспечивать от посягательств государства, — когда даже и в одежде отнята была у него инициатива и воля, когда даже и моды имело оно казенные, — когда русский народ оказывался единственным в мире народом, который робел, надевая свою народную одежду! Не безделица, когда могли на Руси, от русской власти, и не за 150 лет тому назад, а лет за 12 от графа Закревского исходить предписания, *нами читанные*: «бороду сбрить, впредь не отпускать; в публичных местах в русском платье не сметь показываться»[7]. Не внешность, — ибо такими распоряжениями вносилось смущение и растление в самый дух народный, и русскому народу приходилось стыдиться своего народного образа как чего-то позорного! Мы указали на бороду и платье как на образец того насилования, которому подвергалась русская жизнь в самом, по-видимому, неприкосновенном праве человека на свои волосы, на свой народный наряд и облик, — но точно такому же насилованию, гонению и искажению подвергалась русская народность во *всех* своих проявлениях. Всякому удобно это проверить, — даже и трудить память нечего: слишком еще свежо предание, — да

оно во многом и не *предание*, а еще живая действительность. Довольно напомнить об языке, перековерканном и испещренном иностранными словами в эпоху Петра и затемнившем с тех пор для народа слово закона и живое сношение с властью, — об языке, который и теперь еще кое-где на русской железной дороги заменяют по распоряжению немецкого начальства немецким, — о родном языке, на котором и до сих пор едва ли и говорят в высших влиятельных общественных сферах Петербурга, в тех сферах, откуда исходит глумление над несостоятельностью русских общественных сил! Глумление! Но эти самые глумители, с таким презрением оглядывающие скудное духовною производительностью русское человечество, — эти самые глумители воспитывают своих детей до известного возраста в совершенном незнании русского языка, обкрадывают своих детей у самой колыбели, воруя у них первые впечатления родного звука, русскую речь и с нею русскую мысль, русскую душу, народность!.. Неблагоприятно было, конечно, крепостное состояние для развития русской самодеятельности — с этим, конечно, никто не станет спорить, — а между тем, те именно из представителей высших общественных сфер, которые в силу европейской цивилизации сыплют укорами и насмешками в остальное русское общество и русский народ, — они-то пуще всего воздыхают о потере крепостного права, пуще всего и противодействуют Положению 19 февраля, — другими словами, они-то всего более и полагают преград развитию русской общественности, над слабым ростом которой сами же глумятся! Издеваясь над нравственным бессилием русской народности, выставляя на позор его мнимую неспособность, его несостоятельность будто бы к самостоятельному гражданскому бытию, — они первые хлопочут о стеснении того простора, который составляет необходимое и главное условие всякого развития, об ограничении и без того не широких прав, дарованных тем классам общества, в которых по преимуществу живет органическая сила народности... Пугая власть призраком несуществующих опасностей, возбуждая в ней недоверие к народу, к стране и ее силам, они первые стремятся подвигнуть власть к преобразованию преобразований, ознаменовавших нынешнее царствование!

Только в нынешнее царствование и вздохнул свободно, после долгого удушья, русский народ. Можно ли было и говорить о каком-либо другом общественном развитии, когда с лишком 30 миллионов русских людей крепостных, казенных и иных крестьян почти не считались людьми? Давно ли совершилось освобождение? Давно ли дана свобода причесываться и одеваться по своему вкусу? Давно ли наше купеческое сословие стало чувствовать себя огражденным от способов увещания, употреблявшихся еще недавно графом Закревским и одинаковых с приемами городничего в «Ревизоре»?..[8] Давно ли печатное слово получило возможность избавляться от операций казенного охолащиванья? Все это еще так недавно, что тени минувшего еще стоят у каждого за плечами и смущают дух. А между тем, в какие-нибудь 8—9 лет какой уже нравственный и духовный подъем совершился, какими исполинскими шагами шагнула Россия и в один год подвигается вперед далее, чем прежде в целое полстолетие... Конечно, еще нельзя нам хвалиться развитием наших общественных сил или того, что́ мы называем словом «общественность». Еще много прискорбного представляет нам русское общество в своей жизни. Еще много поводов дает оно петербургским «беспристрастным» (и безнародным, прибавим мы) умам издеваться над ним и твердить об его несостоятельности, — но,

независимо от личной нравственной вины самого общества, мы приглашаем упрекающих и издевающихся вглядеться поближе: не их ли мнимоконсервативные стремления задерживают развитие? не они ли сами загораживают ему путь? не в сохранении ли еще многих старых порядков, не в живучести ли еще многих старых понятий и преданий в самой нашей администрации таятся причины многих неотрадных явлений нашей общественной и народной жизни? Не всё виноваты общество и народ, — не больше ли и не гораздо ли больше виноваты те самые, которые с таким высокомерным презрением относятся ко всяким проявлениям русского народного чувства, ко всяким запросам русского общества — на простор жизни, на свободу развития?

Доверия, доверия, доверия — вот что нужно, вот чего прежде всего ждет и желает себе русское общество от русской верховной власти, — доверия, не смущенного доверия к народному разуму, народному чувству, и не только доверия, но и уважения к правам русской народности и безусловной веры в нравственные силы, в историческое призвание, в будущность нашей великой России...

СТАТЬИ ИЗ ГАЗЕТЫ «РУСЬ»

(1880—1885)

1880

<О КАЗЕНЩИНЕ>

Все письма, все статьи, получаемые нами из провинции, все они — только вопль. Все в один голос, хотя и из разных мест, клянут бестолковщину, безурядицу, царящую, по их словам, внутри страны, подрывающую и благосостояние, и нравственный строй народа. Все, таким образом, подтверждают лишь правильность поставленной нами задачи — об уездном самоуправлении. Правда, многие и в уездах начинают относиться скептически или даже совсем безнадежно к самому принципу самоуправления. Но, вместо того чтоб приходить так легко в отчаяние и, не утруждая головы, искать спасения в способах несравненно более легких, — в усилении административной власти или же в усиленном подражании иностранным образцам, в лечении нашего туземного недуга по заграничным рецептам, — не полезнее ли вникнуть глубже в причины зла и обратиться испытующим взором на себя самих? Нечего сваливать постоянно ответственность за все у нас происходящее на правительство, как будто правительственные деятели пришли к нам из-за моря, как будто мы сами в них не ответственны, не нашим же обществом они воспитаны, не плоть от плоти и кость от костей наших! И не принцип самоуправления виноват, а виноваты те условия, в который он поставлен, — не внешние только условия, которые, может быть, не трудно и изменить, а *внутренние*, упразднение которых зависит всего более от самих нас. Виноваты по преимуществу мы, мы, так называемое общество, или «интеллигенция». Недуг, которым мы болеем, свойства духовного и исторического. Он кривит и мысль нашу, и чувства. Нет у власти такого волшебного жезла, который бы мигом нас оздоровил. Наше врачевание — в мужественной критике самих себя именно как «интеллигенции», как силы руководящей и правящей, — в трудном, суровом подвиге самосознания.

К этому подвигу мы и призывали в нашем объявлении об издании «Руси» [1], и за это объявление дружно напала на нас бóльшая часть органов нашей печати [2]. Но чтó бы ни говорили наши литературные противники, а чувство, гнетущее современного русского человека, можно назвать не иначе как «тоскою по правде». Он изверился наконец в свое общественное бытие, потому именно, что этому бытию недостает правды. Правду здесь разумеем мы не в смысле нравственной, безусловной самой в себе справедливости, а в смысле внутренней истинности явлений. У нас, в нашей государственной и общественной жизни, за немногими исключениями (и так продолжается свыше полутораста лет), чтó реально — то внутренне лживо; чтó истинно — то или отвлеченно, пребывает в области чаяний, в идеале, доступно лишь умозрению, или же, если и су-

ществует в самом деле, то не живет, а прозябает, заслоненное, задавленное, загнанное в самые нижние слои нашей земли, в самую глубь народной души. Поверх этих слоев снуют и кишат призраки, тени, лжеподобия; кругом повсюду декорации да фасады, да вывески, названия без содержания, слова без дела... Мы как будто постоянно играем роль, щеголяем в чужом костюме, участвуем в каком-то общем гигантском маскараде. Поэтому-то нам постоянно не по себе, всё как бы не свое, взятое на время, напрокат, *не настоящее*. Но это ненастоящее сказывается настоящим злом в нашем историческом дне; ложь тем не менее стала нашею *действительностью*. А так как эта действительность, отрицающая правду жизни народную, истинную, сокрытую и обществу малознаемую, не способна внушать ни веры, ни любви (особенно же с тех пор, как стало ослабевать наивное самообольщение прежних лет), то и отношение к ней выработалось поневоле *отрицательное*. В этом, несомненно, шаг к избавлению; но пребывать в отрицании, но жить отрицанием жизни, без положительной цели, без положительных идеалов — нельзя безнаказанно ни для человека, ни для общества. Такая жизнь есть процесс разложения. И мы так живем! Как больной, мечется общество во все стороны и ищет исхода. Тогда как часть его, в тупом отчаянии, самоубийственно пресыщается лишь отрицанием отрицания, без всяких определенных идеалов (наши нигилисты), большинство «интеллигенции», величающей себя «либеральной», с поразительным недомыслием успокаивается самым дешевым способом на идеалах выписных, иностранных... То есть: на повторении над Русью, только лишь в новой, более утонченной, более опасной для нее форме, того самого эксперимента in anima vili *, который уже был однажды произведен. Казалось бы несколько странным: народу, имеющему тысячелетнюю историю, создавшему такое могущественное государство, — в мировом призвании которого не сомневается ни один настоящий, разве только русского происхождения иностранец, — такому народу навязывать политические идеалы, органически выработанные историею, например, Англии! Но наша интеллигенция — там, где дело касается русских народных масс, — такими несообразностями не останавливается. Некоторые, поснисходительнее, соглашаются, впрочем, из милости переложить эти западные политические идеалы, как, бывало, французские водевили, на русские нравы и великодушно готовы были бы потешить русский народ новым зрелищем лже-народа!..

А чего бы, по-видимому, проще задать себе хоть такой вопрос: ведь стоит же, однако, Россия, числит себе тысячу лет исторической жизни, и не только не стареет, но, несмотря на все беды и препятствия, к нашему собственному изумлению, еще продолжает слагаться, растет в значении и величии. Нельзя, кажется, вину такого возрастания и преуспеяния сваливать на мудрость администрации или на просвещенное руководительство именно нашей «интеллигенции». Не говоря уже о том, что просвещение это только со вчерашнего дня, ведь самая эта интеллигенция проходила и еще проходит разные фазы подражания, — галломанства, германоманства, англоманства... Конечно, ничем другим, как непосредственными силами народной русской стихии, держится и стоит Русь. Это понимают даже и иностранцы, наделяя в своих карикатурах львиными головами наших солдат, т. е. тот же народ... Эти силы, стало быть, не отрицательные, а положительные, и не вещественные только, но и духовные. Вот

* на малоценном организме (*лат.*) [3].

тут-то, в тысячелетней истории народа и в тайниках его жизни, кажется, и следовало бы поискать себе нашему обществу положительных идеалов...

Беда, однако же, в том, что сами народные духовные силы, как только выходят за пределы непосредственного бытия и вступают в сферу общественной, сознательной деятельности, мгновенно слабеют и чахнут. Казалось бы, положительная народная стихия, раз проникнув в общественную среду, без труда преодолеет своею мощью стихию отрицательную, — но в том-то и дело, что не свободна и не самобытна в нас мысль, еще не расчищено самое сознание. При отчужденности общества от народа нашему организму недостает того цельного творчества, которое одно способно дать жизнь и плоть пробуждающимся в нас порою стремлениям народного духа. Жизненны у нас, в нашей общественной среде, по преимуществу мертвящие силы! Есть злое мертвящее начало, для которого «ложь» — название слишком общее, которое требует и которому поищем более точного определения.

Но, для того чтоб сказанное нами не представлялось чем-то голословным и, главное, стало наглядно понятным всем нашим читателям без исключения, оставим пока область отвлеченных определений и ступим на почву примеров и фактов. Мы упомянули выше о том, что Россия живет в мире призраков, фасадов, вывесок, названий без содержания и т. д. Подтверждением этой мысли служат отчасти уже поименованные нами в передовой статье 1-го № некоторые учреждения Петровы, правда, теперь уже уничтоженные[4]. Но возьмем живой пример, всякому разумению доступный, даже из мелких по-видимому, ну хоть Табель о рангах. Перенесемся в ту эпоху, когда указы русскому народу подписывались по-голландски, новосозданная русская столица назвалась по-немецки, а общество, т. е. все высящееся над народом, давящее его *властью*, непосредственно с ним *начальнически* соприкасавшееся, окрещено чиновническими названиями также немецкими, не только народу непонятными, но и лишенными всякого внутреннего смысла, а в русском переводе еще более бессмысленными. Появились несоветующие советники несуществующих коллегий, вовсе неудобные для разумения надворные и т. д. Нам возразят, конечно, — это пустяки, это мелочь! Не пустяками и не мелочью сказалось в жизни народа это пренебрежение к смыслу: слишком уже велики размеры и пространства, и времени. Такое полуторастолетнее (конечно, без злого умысла, но не без презрения к народу) издевательство над здравым рассудком всей Русской земли разве могло пройти даром? Представьте только себе: какое насилие, какую операцию должен был совершить над своим смыслом русский простой человек, чтобы свыкнуться с бессмыслицей, которая как заноза торчала и еще торчит перед ним на каждом шагу, при каждом сношении с обществом и администрацией? Разумеется, бедный, вспуганный здравый русский толк прижался и притаился; но такая победа над ним опаснее поражения! Безнаказанно примириться с отрицанием смысла нельзя. Это все равно как бы заставить чуткий слух музыканта сжиться с фальшивыми нотами и диссонансом: сжиться можно, но лишь с утратою чувства гармонии... Если боярин, дворянин, дьяк кормились порой на счет народа и тяжелы ему приходились, то все же они были ему *свои*. Что́ же должен был испытывать он, когда пришлось ему питать собою целую саранчу чиновников нового закала, в немецкой одежде и с немецкими названиями? Результатом этих «пустяков» вышло то, что власть стала чуждою для народа... Но это грех минувших дней, — скажут нам. Обратимся к современности.

Приходит на днях мужик Артамон Сергеев в Присутствие по крестьянским делам искать правды на решение волостного суда, не согласное с коренным народным *обычаем* и навязанное крестьянам мастером бюрократических дел, волостным писарем. Его встречает член присутствия, юрист, гуманист и либерал, и вежливо вопрошает: «Вам что́ угодно?» — «К твоей милости, сударь, жалуюсь на волостной суд». — «Вы можете жаловаться лишь в *кассационном* порядке». — «Не пойму, батюшка». — «Я вам говорю русским языком. Были ли нарушены какие-либо формы судопроизводства или вы жалуетесь по существу?» — «Невдомек, батюшка». И уходит мужик, озадаченный и отменною вежливостью, и русским языком, и отказом в правой его просьбе пекущихся о нем господ; тяжела его смутная дума...

Согласитесь, что эта фальшь бьет в глаза. Возьмите же этот образчик и представьте себе, что *точно такая же* фальшь, но в более грандиозных размерах встречается ежедневно, ежечасно на всех ступенях, во всех изгибах нашего общественного бытия и профальшивила его насквозь, сверху донизу! И уж никак нельзя обвинить в этой фальши непременно самую власть. Власть только привела в исполнение то, что́ измыслили мы сами, мы, представители западного просвещения и русской либеральной интеллигенции; мы сочинили народу и кассации, и цензы, и прочие тому подобные блага, мертвящие зачатки нашего самоуправления, — мы, которым бы очень хотелось занять такие места, где бы мы могли решать участь простого русского народа во имя народа и за него, хотя бы там миллионы Артамонов Сергеевых и вопияли отчаянно снизу: «Невдомек нам, отцы! невдомек, радетели!»

Но положим, вся эта фальшь происхождения явного, происходит от грубого, целиком, заимствования известных чужих форм; можно, заметят нам, иностранные слова перевесть по-русски, можно помочь горю введением форм, которые вы сами признаете за русские, например, *самоуправления*. В том-то и дело, что самоуправление самоуправлению рознь и что не одни формы, но и живой дух русский нужен... Давно тому назад, в «Дне» (1862 г. № 18)[5] мы рассказали любопытный факт, который вкратце передадим и теперь. По получении в городе Мологе, Ярославской губернии, грамоты Екатерины 1785 года о дарованных городам правах и преимуществах и по торжественном, как следует, открытии Городской думы с городским головой и гласными, — жители постановили секретный общественный приговор такого содержания: так как вновь учреждаемая Дума имеет распоряжаться лишь доходами, указанными в законе, расходовать на предметы, так же указанные, вообще действовать на точном основании закона, под контролем начальства, то рядом и одновременно с нею иметь негласно прежнее общественное управление под заведыванием того же городского головы и тех же гласных, в распоряжение которого предоставить небольшой капитал, нарочно для сего и составленный по общей раскладке. Таким образом, с 1786 г. по 1847 г., в течение 61 года, существовало два городских самоуправления: одно официальное, казенное, с 4 тыс. р. дохода; другое тайное, но в сущности настоящее, достигшее 20 тыс. р. дохода; по одному велись сметы, отчеты представлялись Губернскому правлению и Казенной палате; по другому велись особые книги, в которых отчет отдавался самому обществу. Город процветал, к удивлению всех губернаторов, пока, наконец, начальство не узнало случайно причины процветания. Узнав, оно предало голову суду, прекратило *неказенное* самоуправление и отдало капиталы *казенному*. Го-

род пришел в упадок... Не раздаются ли и теперь со всех сторон на наши городские и земские учреждения жалобы именно в том, что они все идут плохо, все безжизненны, все *казенны*?..

«Казенны»... Вот самое точное определение тому мертвящему злому началу, для которого название лжи оказывалось слишком общим. Слово найдено. Правда, оно у всех на устах, но едва ли кто отдавал себе полный отчет в глубине и обширности его смысла. Это зло наше, доморощенное, возникшее на русской, цивилизованной Петром почве. Это продукт XVIII века, это плод нашей культуры вместе с другим словом: «чиновник». Оно не переводимо ни на какой язык, ибо если и можно перевесть его в некоторых случаях словом *официальный* (officiel), то с последним выражением никак не соединяется тот *нравственный* смысл, который в понятиях наших связан с подлинником. В этом последнем смысле не знала его древняя Русь. *Казна* — синоним государевой власти — понималась ею в точном, серьезном значении. Слово «чиновник» само по себе есть истинно почетное наименование труженика государственной службы. Отчего же, несмотря на это почетное и важное значение, оба эти слова: «казенный» и «чиновник» — равносильны качественному определению самого нелестного свойства? «Казенная душа», — «казенная совесть», — «человек казенный», — «казенщина», — «чиновник в душе», — или просто «чиновник!» — мы все понимаем и чувствуем, что́ это значит!

«Казенность», — «казенщина» — это, по определению покойного сотрудника «Дня», высокодаровитого В. А. Елагина[6], — в своем роде зло такого же исторического и мирового характера, как иезуитизм. Это целое духовное начало — *условности*, внешности, формальности, отрешенности от жизни; отрицание ее прав в пользу авторитета внешней, принудительной, так сказать, голой, ничего вне себя не признающей власти. Это упразднение личной совести, внутренней свободы, живого духа и Бога. «Чиновник» (в том нравственном смысле, какой иногда придается этому слову) есть орудие этого начала, без личной души и убеждений. И такое-то начало, которое было чуждо древней Руси, которое, может быть, только мерещилось Ивану Грозному в опричнине, попыталась было ввести к нам знаменитая эпоха преобразования[7]; но, слава Богу, ей удалось только придавить, а не раздавить русскую жизнь! Народ, как мы выразились в прошлый раз[8], упорно хранил веру в свой исторический идеал верховной власти, состоящей с самоуправляющеюся землею в живом органическом союзе взаимного доверия и любви, в единстве мысли и духа. Такая вера, сказали мы, не могла не оправдаться и отчасти уже оправдалась 19 февраля 1861 года, оправдается без сомнения и вполне. Но для этого необходимо, чтоб само наше общество сознало ту часть вины, которая падает на его долю и которая теперь едва ли не сильнее тяготеет именно *на нем*. Петр, можно полагать, взял это начало отчасти бессознательно или же только напрокат для успеха своего преобразовательного подвига, для введения европейского знания и цивилизации, имея несомненно в виду одну цель: благо России. Волей-неволей все общество, перешедшее на его сторону, поступило на службу — и просвещению, пожалуй, но и *тому же началу*, стало чуждо народу, стало само для него *властью, начальством*. А при действии (хотя бы и временном) этого начала, упразднявшего живую органическую самодеятельность русской народной силы, нарушившего творческую цельность жизни и в то же время связанного с просвещением, общество, или служилая «интеллигенция», постепенно, логически дошла и не

могла не дойти до отречения от всех коренных начал, от духа и сердца, даже от здравого смысла родной земли. Прилепясь *к Западу*, она стала служить и молиться иным богам. И вот в наказание лишены мы даже и до сих пор истинного духа и разума жизни и неспособны еще сотворить ничего, а осуждены лишь на бесплодные поделки, на мертворождение. «Казенщина» теперь уже перестала, однако, быть атрибутом только служебной деятельности в сфере государственного и — увы! — даже церковного управления. Это страшное качественное определение — у нас в постоянном обиходе, как бы родное, едва ли кого серьезно и пугает, — прилагается к большой части явлений нашей жизни. Но если не пугает, зато мертвит. Казенщина как начало безусловного подчинения внешнему авторитету, отрицающее в русском человеке его национальную совесть и самобытность мысли, подобно злому духу, проникает всюду — и в жизнь, и в науку, и в художество, и во всякое учение, хотя бы наилиберальнейшее! Да, этот грех,

он вечно с вами,
Он в вас, он в жилах и в крови,
Он сросся с вашими сердцами...[9]

Ясно ли, после этого, что те, которые ищут для Русской земли идеалов на Западе, — принадлежат к разряду чиновников Петровых, законнорожденные детища отрицания народной самобытности — бессознательно служат ими же презираемому началу «казенщины»!

Итак, преграды дальнейшему преуспеянию всходов нашего исторического посева, именно плодотворному развитию зачатков самоуправления, для которого историей выработаны к нашему дню все необходимые элементы, преграды эти заключаются именно в недостатке зиждительной силы жизни в самом нашем обществе, — в преобладании мертвящего начала условности, внешности, формализма, следовательно, рабства[10]; начала, отрицающего вольную самобытную стихию русской народности, — одним словом, начала казенщины.

Но жив Бог и жив русский народ. Только чистосердечным отречением от всяких чуждых нам идеалов, только проникновением в самый разум народной жизни, только искренно соединясь с ним в мысли и в духе, и не разным богам молясь, а одному, общему с ним; только искренно обвинив *себя самих*, можем мы чаять перерождения и обновления и употребить, себе и всей вашей земле на благо, дары нашего так дорого доставшегося образования. В практическом же отношении — путь указывается сам собою, как это ясно, кажется нам, объяснено в нашей последней статье[11]. Перед нами задача очевидная, явная, вопиющая о немедленном разрешении. Ее попробуем разрешить хотя бы в сознании, благо никто тому не мешает. Но, конечно, несравненно легче и удобнее для умственной лени пренебречь слишком скромною, по-видимому, задачей, махнуть на действительную русскую историческую жизнь рукою и, кичась званием интеллигента, воздыхать о чужих, чужою историею созданных идеалах!

<О КАЗЕНЩИНЕ В ЦЕРКОВНОМ СТРОЕ>

Начало, которое на разговорном языке русского общества выражается словом «казенщина», — это мертвящее начало, сказали мы в прошлый раз[1], «перестало быть исключительным атрибутом служебной деятельности в сфере государственного и — увы! — даже *церковного* управления», но проникло и во все сферы общественной жизни. Так как о церковном управлении упомянуто лишь мимоходом, то прибавим несколько дополнительных слов.

Незаметна грань между истиною и ее лжеподобием; нечувствительно, бессознательно совершается порою подмена самых противоположных начал и идеалов. Правда внутренняя замещается правдою внешнею; служители духа превращаются в служителей буквы, формы: является мерзость запустения на месте святе[2], люди в отчаянии, но не догадываются, что переступлена грань, что подменено руководящее начало! Такими лжеподобиями, такою подтасовкою богата русская действительность; не изъята от них и область церковная. Никто не станет отрицать, например, что начало соборное выше начала личного, что, выражаясь даже в умеренном по количеству состава собрании, оно должно представлять более ручательств в истинности суждений и решений, чем единичный разум, чем личный произвол. Но если и можно с полною справедливостью назвать совершенно безличным то «духовное коллегиум»[3], которое создано по мысли и плану сподвижника Петрова, Феофана Прокоповича, и получило потом именование «Святейшего Российского Правительствующего Синода», — то никак уже нельзя усмотреть даже следов живого соборного начала в этом высшем присутственном месте духовного ведомства. Оно не более как одно из верховных государственных бюрократических учреждений, принадлежит к одному с ними разряду и пользуется за то одинаковою с ними долею нравственного авторитета и сочувствия в Русской земле... А между тем так называемое «духовное ведомство» захватывает в свой круг самые дорогие, самые святые интересы народа, ведает, так сказать, самую душу народную!..

Некоторые исследователи стараются доказать, что Феофан и Петр, увлеченные борьбою с сильным еще в то время преданием патриаршества, не отдавали себе ясного отчета в последствиях своего церковного преобразования; что, конечно, в своем рвении они исторгали иногда вместе с плевелами и хлебный колос[4], но что тем не менее вполне ошибочен упрек некоторых ревнителей старины, будто с XVIII века «церковь взята в казну» и т. д. Мы этого и не утверждаем; но что пшеничного колоса было исторгнуто много — в том нет сомнения: так много, что нива стала неурожайна и люди алчут. За всем тем нельзя не признать, что преобразование, положим и безотчетно, было проведено, однако же, с строгою логическою последовательностью. Не вдруг, да и теперь лишь немногие (и едва ли не всего менее в среде духовенства) стали догадываться, что изменились не одни внешние порядки управления; что вместе с наружным благоустройством привнесено какое-то новое, постороннее церкви начало, не животворное, а потому и не благотворное. Оно, впрочем, было заявлено с самой первой поры с откровенностью не то простодушного, не то бесцеремонно-

го свойства. В изданной Петром знаменитой Табели[5], где так стройно ранжировано по чинам все русское общество, т. е. вся военная и гражданская служилая интеллигенция (другой тогда и не было), священники приравнены к *маиорам*, архимандриты к *бригадирам*, епископы — к *генерал-поручикам*, архиепископы и митрополиты — к соответственным высшим подразделениям генеральства. О такой государственной расценке своего звания едва ли кто из духовных теперь и ведает, не исключая и тех, которые прибавляют к своей подписи: «и кавалер»[6]. Но в XVIII веке, веке невообразимого переполоха мысли и путаницы у нас понятий, западноевропейские идеалы смущали и наше православное духовенство. Были архиереи, которые, прослышав об общественном положении высшей латинской иерархии, пытались величать и себя «прынцами» церкви (princes de l'église[7]). Во всяком случае, нельзя отрицать, что в вышеуказанном приравнении духовных званий к Табели о военных рангах сказался не вкус Преобразователя, но и нечто более. Это уже целое мировоззрение, включавшее самую церковь в состав государственного правительственного механизма, — особый порядок понятий, в согласии с которым создался и самый «духовный коллегиум». Такое воззрение стало отныне «доминантой», господствующей нотой в общем церковном строе... Если же вспомнить, что, за исключением идеи царя, гражданская власть с XVIII века начала становиться чуждою народности и народу, — в то же время вполне бюрократическою, и породила неизвестные дотоле Русской земле понятия о «казенности» и «казенщине», — то нельзя не признать, что солидарность церковного управления с гражданским должна была совершенно естественно и логически вполне *уравнять* их и в мнении народном. Церковная иерархия разделилась на генералитет, или государственных *сановников*, к каковым теперь несомненно причисляют себя высшие представители церкви (как бы лично ни были они смиренны и святы), и на *несановников*, другими словами — чиновников, каковыми, конечно, не желали бы признавать себя наши священники... Но желают ли они или не желают, — общий смысл системы и их отношение к ней определяются тем духом и воззрением, которые легли в ее основание.

Результатом — настоящее состояние церкви, при мысли о котором болезненно сжимается сердце. Мы разумеем, конечно, не ту церковь, которая зиждется в душах верующих, которую не только врата адовы, но и бюрократ не одолеет[8]. Мы говорим о том внешнем, как бы телесном покрове церкви внутренней, без которого не может быть нормальной, цельной жизни всего организма и который своим непомерным, неправильным развитием гнетет самое начало жизни, мертвит деятельность духа, обессоливает самую соль[9]. Понятие *церкви* подменено понятием *ведомства*... Начало государственное в самом худшем своем перерождении, при котором оно утрачивает свою искренность, свою правду и становится чисто внешним, формальным, — одним словом, казенностью и казенщиной, способно обездушить не только церковь, но даже и всякое гражданское учреждение. Тем сильнее чувствуется действие этого искаженного начала в «ведомстве духовном», представляющем, таким образом, сугубое отрицание: чуждое духа церковного, оно чуждо и жизненности государственного принципа.

Если обратиться к деятельности этого ведомства, к движению, совершавшемуся в его недрах за последние десять, пятнадцать лет, мы увидим, что все заботы, все мысли устремлены почти исключительно на внешнюю, формальную

сторону церковного бытия, и притом в совершенный разлад с его действительными духовными потребностями. Забыто, по-видимому, что в церкви истинно *реально* только духовное, и без него «ничто же бысть» [10]. — Так, главною задачею «православного ведомства» было «обеспечение сельского духовенства», для чего тысячи православных храмов, воздвигнутых на средства народа, ведомство признало нужным закрыть и приходы упразднить вопреки просьбам, мольбам и нуждам народным [11], — не облегчая, стало быть, а только *затрудняя* народу посещение Божиих храмов и молитвенное участие в богослужении. «Либеральное» и «прогрессивное» духовенство (есть и такая, и очень сильная, «фракция»), конечно, стояло за эту меру (в нынешнем году, слава Богу, приостановленную [12]). С чиновнической точки зрения оно совершенно право. Это пастырь думает прежде всего об овцах [13], а чиновнику вполне естественно прежде всего заботиться о себе и о своем содержании. С чиновнической точки зрения народная вера, народное богомольное усердие — только доходная статья. Чиновники, впрочем, лишь одно упускают при этом из виду: при оскудении веры может ведь оскудеть и доход! Но и тут есть утешение для чиновников: бóльшая часть треб ведь обязательна! А если бы народ, оскорбленный в своем чувстве веры, вздумал искать ему удовлетворения где-нибудь на стороне и уклоняться из православной церкви в раскол или какую-либо секту, то на это ведь есть полиция, к которой чиновники усердно и прибегают: она бичом и дубиной загонит беглую овцу в ограду! — Точно так же правы чиновники, с своей точки зрения, и в отношении к эксплуатации другой доходной статьи, народного поэтического и умилительного обычая: затеплять пред иконами свечу чистого воска. Чиновники учреждают заводы, подмешивают к воску посторонние вещества, устанавливают монополии торговли; практики-пастыри даже с высокомерным презрением относятся к нравственному чувству «идеалистов-мирян», которому претит такое вторжение в область церкви грубого коммерческого и утилитарного начала. Чиновникам, да кажется, и сановникам, не претит.

Мы нисколько не думаем отвергать необходимости поставить духовенство, особенно сельское, в такое положение, при котором оно могло бы с бóльшим досугом пещись о своей пастве и менее отвлекаться заботами о содержании себя и своих семейств. Хотя «убогий храм земли родной» [14], храм отверстый, лучше чем никакой или храм заколоченный; хотя убогий «серый» священник в бедном селе, разделяющий вместе с крестьянами нужду, труды и всяческие тяготы, ближе стоит к ним и своим примером, своим смирением едва ли не лучше пасет и воспитывает их души, чем иной протопоп людного, доходного прихода; хотя нам лично еще ни разу не приходилось убедиться на деле, что чем богаче приход, тем духовнее его пастырь, — однако потребность в лучшей организации бытовой стороны церковного пастырства не подлежит сомнению и признается всеми, не только священниками, но и прихожанами. При всем том ни чиновникам, ни сановникам, ни духовно-казенному ведомству не разрешить удовлетворительно и правильно этой задачи. Они не могут придумать иного исхода, кроме принудительного и формального. Но в области церкви нет ни начальства, ни подчиненных, а только пастыри и пасомые; всякое внешнее, насильственное регулирование их взаимных отношений может лишь расторгнуть тот свободный союз, которым стоит и держится церковь. Если вы в сердце и в сознании народном подкосите в основании самое начало, — святое начало *церковное*, — тогда уже и ни в каких священнослужителях надобности не

окажется!.. Только в теснейшем, свободном, искреннем скреплении этого союза находится ключ к разрешению этой задачи, а этот союз может скрепиться, обновиться и стать вполне плодотворным лишь с упразднением мертвящего духа казенщины, лишь с возрождением истинного духа нашей православной соборной церкви.

Обращает на себя внимание и та агитация, которая замечается в духовенстве, именно в белом, в пользу точнейшего определения его отношений к черным, высшим иерархам. Требовалось и ограждение прав, и установление суда церковного на строгом, формальном основании законов, во всем подобного суду светскому (только, кажется, без участия того элемента *совести*, который выражается у мирян институтом присяжных), и многие другие благообразия, со ссылкою на указания современного прогресса. Все это, пожалуй, и естественно, и рационально: почему же чиновникам не оградить себя от произвола сановников, т. е. начальства? Формальный суд представляется здесь самою разумною и либеральною мерой. Не право и начальство, уклоняющееся от такого требования и ратующее за сохранение начальнического произвола. Но Боже! каким диссонансом звучат эти требования в сфере церковной, в сфере духа и совести, в той единственной на земле области, где, слава Богу, нет места формальной правде, где признается и чтится лишь правда внутренняя, нравственная, где одна власть — сама истина, исповедуемая единомыслием и любовью!..

Мы высоко ценим заслуги нашего духовного сословия. Оно ближе всех стояло, отчасти стоит и теперь, к Русской земле; оно вместе с народом вспахало нашу жесткую историческую тысячелетнюю ниву, участвуя наравне, неразлучно во всех скорбях и трудах народного бытия. Только одна церковь помогла нашему страстотерпцу-народу уберечь в своей душе образ Христов и сквозь все невзгоды и муки рабства соблюсти веру в свою христианскую свободу, в свое человеческое достоинство. Так называемое белое духовенство могло бы назваться истинно *земским* сословием по своей тесной бытовой связи с землею. Но велики были в древней Руси и нравственные его недуги, порожденные грубостью и невежеством и общие ему со всем личным составом русского церковного общества. Однако же, как ни были они безобразны и тяжки, уврачевание их было, думаем мы, возможно и без отрицания того начала, в котором заключается самый корень церковного бытия. В самом деле: должно ли образование непременно отделять пастырей от паствы, отчуждать священников от народа и разрушать искренность церковного союза? Если со времени Петра «просвещение» отождествилось у нас с идеею казны и начальства, стало синонимом отчуждения от народа, а в то же время и *власти* над народом, — то все же, долго спустя, образование духовного сословия продолжало еще подвигаться самостоятельно, как бы в стороне от общественного течения. Но, по мере того как «духовный коллегиум» все сильнее и сильнее проникался общим государственным принципом, положенным в его основание, самое образование в духовном сословии утратило прежнюю свою самобытность, и чиновничий дух презрения к народу стал проникать и в новопросвещаемых пастырей... Новая опасность церкви; все глубже и глубже роется бездна между народом и его пастырями!..

Этой опасности, по-видимому, не примечают ни чиновники, ни сановники духовного ведомства. На нее обращает внимание тех, кому ее ведать самим надлежало, не кто иной как представитель государственной власти при Св. Си-

ноде, верующий мирянин К. П. Победоносцев. В прекрасных речах своих, сказанных недавно в Киеве и членам, и студентам духовной академии, он напоминает им, что академия учреждение *народно-церковное* и должна жить *в союзе с народом*; он убеждает будущих пастырей «не присоединять к своему образованию ту *опасную гордость*, то *презрение*, с которым, к сожалению, молодые священники иногда относятся к народу, учат и назидают его» [15]. Обер-прокурор Св. Синода несколько раз настойчиво возвращается к такому совету: очевидно, что это презрение, эта гордость — одна из самых болезненных современных язв нашего церковного строя.

Прекрасные слова. Можно только подивиться, почему таких живых слов не раздается из уст самих предстоятелей церкви, а слышны только вещания, умные, учительные, но большею частью отвлеченные, холодные, запечатленные каким-то официальным характером и составляющие принадлежность одних лишь официальных торжеств!

Но что́ же делать? как быть? Невозможно коснеть долее в преступном бездействии, сознавать и видеть наступающее разложение нашего церковного организма. Это как бы разложение самой души народной, это обуяние самой соли [16], которою солится наша земля. Что́ же нужно?

Нужно нечто схожее с тем, что́ предлагали мы для нашего государственного и общественного строя. Подобно тому как само государство в наше время готово поступиться частью своей власти, само признает несостоятельность бывшей централизации и призывает нас к самоуправлению, — подобное тому сознание, хотя не столь ясное, но почти однородное, слышится нам и в словах К. П. Победоносцева. Что говорит этот представитель государственной власти при духовном ведомстве будущим деятелям церковным? «*Нам*, — объявляет он, — с нашею верою и знаниями — без веры народа пришлось бы *пропасть, затеряться*... ибо поистине велик у народа запас веры, на который может опереться и всякий учитель народа». «Волна веры народной, — выражается он в другом месте, — она поднимает нас»... Эти слова многознаменательны не как умышленное, тем менее официальное заявление, а как самый факт искреннего, невольно высказавшегося сознания.

Да: как в деле нашего государственного и общественного строя наше одно спасение в приливе земской стихии, — так и в строении церковном нужен прилив народной же церковной стихии. Как в строе земском органическая жизнь начинается с ячейки или с наименьшей единицы, в которой соприкасаются вместе все земские элементы и которую в данную минуту мы усматриваем в уезде, — так и в области церковной такою живою единицею представляется *приход*. Как необходимо вызвать к жизни, создать цельное уездное самоуправление, так необходимо вызвать к жизни и признать самоуправление и самостоятельность *приходской общины* — в согласии с общим *соборным* строем нашей церкви...

Пора нам очнуться. Пора от пустых мечтаний и слов перейти к делу и смотреть жизни прямо в глаза, помочь истинным, не мнимым потребностям и нуждам всенародным. Без прилива народной земской и церковной стихии не оздороветь русскому болеющему общественному организму. Без этого — повторим вышеприведенные слова — «пришлось бы нам пропасть, затеряться»...

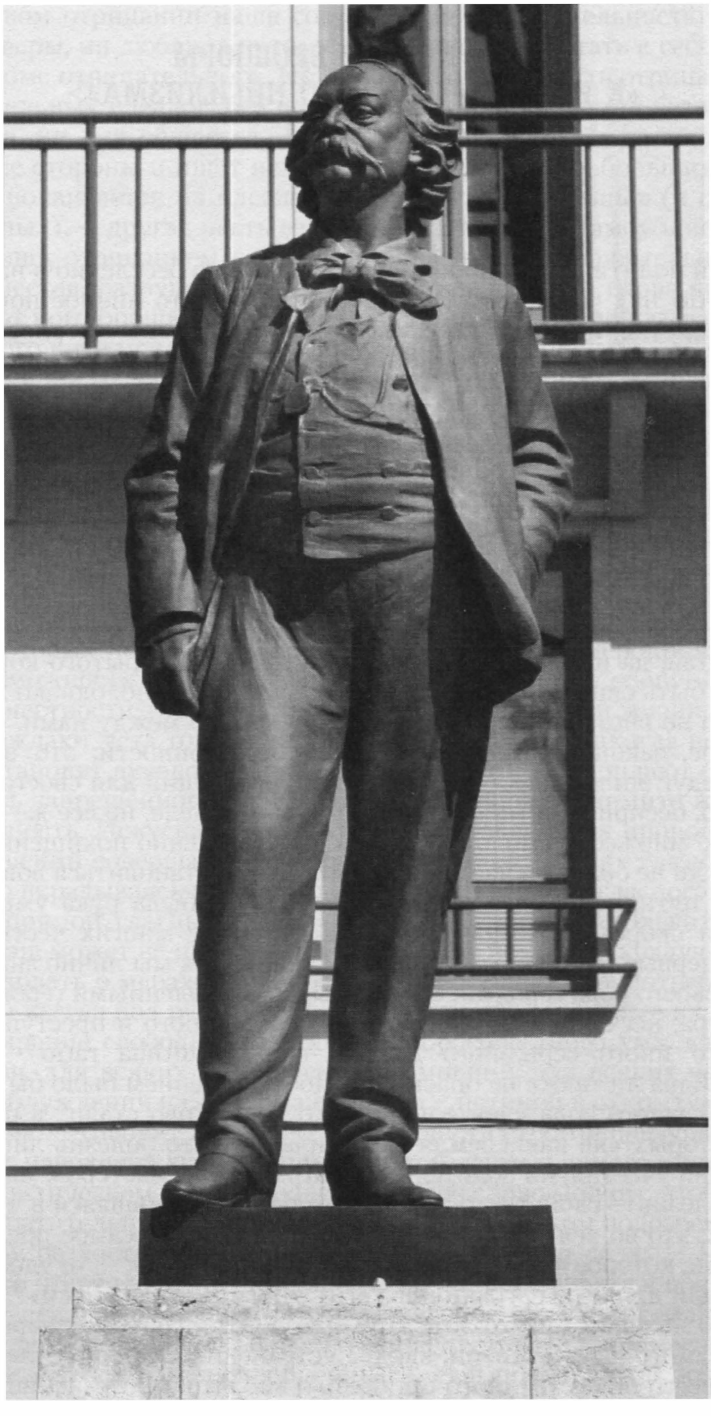
КУРЬЕЗ ИЛИ «РАРИТЕТ»?

В «Русских Ведомостях» [1] № 306 (27 нояб.) напечатано письмо И. С. Тургенева к г. П. Боборыкину — и вот по какому поводу:

В Париже затеяли поставить памятник французскому писателю Флоберу [2] и с этою целью составили комитет. Президентом назначен В. Гюго, а звания вице-президента *удостоен* парижский старожил и наш знаменитый писатель И. С. Тургенев. Не знаем, показалось ли И<вану> С<ергееви>чу, что таким избранием польщено в его лице национальное достоинство всей России, или же просто пожелал он оправдать такой почетный выбор; дело в том, что он обращается к посредству г. Петра Боборыкина и предлагает ему: «устроить в Москве центр, куда бы *стекались* от русской публики подписки на памятник Флоберу»! [3] Г<-н> Боборыкин с своей стороны чрез посредство «Рус<ских> Ведомостей» обращается с воззванием к русской публике [4].

Нам бы хотелось спросить — не г. Боборыкина, разумеется, а Тургенева: открыл ли он в Париже подписку на памятник Лермонтову? Грибоедову? Наконец, на памятник Гоголю, в подписке на который (уже разрешенной в России) [5] участвует и сам И<ван> С<ергеевич>?..

Любопытно знать, сколько найдется в числе жителей Москвы охотников жертвовать в настоящее время на сооружение памятников иностранным писателям?



Памятник Гюставу Флоберу в Руане

<ПО ПОВОДУ БРОШЮРЫ «К ИСТОРИИ РУССКОГО НИГИЛИЗМА»>

Последний политический процесс [1] прошел почти бесследно в нашей печати. А было бы над чем призадуматься, тем более что личное поведение преступников на суде, их — можно сказать — некоторое чистосердечие представляло более простора для спокойной, независимой мысли. Не может же наше общество полагать, что за окончанием судебной расправы оно совсем расквиталось с этим, столько же трагическим, сколько и позорным эпизодом своей жизни (да и эпизодом ли?), — что, по наказании виновных, оно само ни у кого не в долгу, ни пред кем не в ответе, не несет своей доли тяжкой вины?

С точки зрения формального суда как этот, так и предшествовавшие процессы — не более как совокупность личных однородных преступлений или преступлений коллективных, совершаемых многими лицами сообща, скопом, кругами. Но на этой формальной точке зрения остановиться нельзя. Все мы чувствуем и сознаем, что наказания поражают только внешние проявления зла, не досягая, да и не способные досягнуть до его скрытого корня; что нам приходится быть свидетелями явления необычайного, но, однако же, и не случайного; что не внезапно, не из ничего взялось оно между нами. Это явление историческое, законнорожденное в своей беззаконности; это целый общественный недуг эпидемического характера, требующий для своего врачевания тщательного, беспристрастного диагноза. В самом деле, не все же «сыны погибели» [2] — это множество молодых людей, рановременно похищенных злою заразою. Едва ли не бóльшая часть из них могла бы остановиться вовремя на своем роковом пути, если бы вовремя протянута ей была рука умной помощи. Жалостью и скорбью сжимается сердце при виде многих честных, добрых и чистых в первые годы юности (таковых некоторых мы лично знавали), ставших потом своего рода героями, бесславными, озлобленными героями трагического сумбура, несчастными мучениками чудовищного и преступного вздора, не знающего иного серьезного довода, кроме — ultima ratio * — револьвера и кинжала! Едва ли также не опасным самообольщением было бы воображать, что все эти разного рода «деятели» только Панургово стадо [3] в руках ловких пройдох, которых «не наша земля взрастила» [4], — что болезнь лишь заносная. Не отрицая ни участия, ни водительства заграничных мастеров, мы думаем, однако, что болезнь — свойства туземного, только выразившаяся в чужих, заносных формах; что во всяком случае не менее важно уже самое предрасположение к болезни, которое дало ей проявиться с такою силой, — то удобство почвы, которое нашли для себя заграничные агитаторы. Во 2 № «Руси» [5] мы уже коснулись этого явления мимоходом. Признавая, что отрицание народности есть отрицание самого начала жизни, как бы устранение или притупление жизненного нерва всего общественного организма, мы выразили мнение, что создав-

* последнего довода (*лат.*).

шаяся на таком отрицании наша современная действительность не способна внушать ни веры, ни любви, а потому не могла и выработать к себе другого отношения, кроме отрицательного. Но, прибавили мы, «жить отрицанием жизни без положительных идеалов, без положительной цели нельзя безнаказанно ни для человека, ни для общества. А мы так живем! Как больной, мечется общество во все стороны и ищет исхода». И в то время как большинство интеллигенции успокаивается на идеалах выписных, иностранных (в своей стране положительных), — другая часть ее «в тупом отчаянии, самоубийственно пресыщается лишь отрицанием отрицания» без иного положительного вывода, кроме, разумеется, разрушения... Как бы в ответ на наши слова прислана нам неизвестно от кого брошюра с надписью «для отзыва» и под заглавием «К истории русского нигилизма». Эта брошюра достойна замечания уже потому, что печатана в Кишиневе, цензурована в Одессе, а продается, как значится на обертке, в одном из книжных магазинов Петербурга. Но она достойна внимания и по своему содержанию. Нельзя не порадоваться самою серьезною, искреннею радостью, что шире и шире раздвигаются пределы печатного слова; что начинает, наконец, понемногу исчезать та, по выражению нашего известного сатирика, ловкая «рабья манера»[6], к которой по необходимости прибегали русские публицисты при изложении своих мыслей и которая так оскорбительна для нравственного достоинства писателя... Нет, пусть не пугаются свободной печати! Ее неудобства перевешиваются выгодами, такими невесомыми нравственными выгодами, которых не в силах даровать никакое иное «мероприятие». Дайте, наконец, возможность стать честным русскому печатному слову! Ведь честности, именно честности-то и недостает нашей общественной жизни... Стеснения печати заграждают уста только честным писателям, но никогда не останавливали и не остановят лукавого слова, — напротив, только придают ему фальшивую ценность запрещенного плода или контрабанды. Отнимите же у него эту мнимую ценность. Искусная междустрочная и подпольная проповедь лживых и вредных учений совершалась беспрепятственно на наших глазах многие годы, свободно вкрадываясь в умы, огражденная от всякого гласного прямого отпора. Но и прямой гласный отпор вполне действителен только тогда, когда противник ваш может не прятаться, а идет на вас прямо, не крадучись... Нечего много и толковать о мерах против наглых преступных злоупотреблений печати. Эти меры всегда под рукою у власти; спасительнее, нужнее их в настоящее время расширение свободы для всякого добросовестного ума, как бы ни заблуждался он, для всяких добросовестных мнений, для всяких честных ошибок: пусть заблуждения и самообман вступят с истиной в открытую свободную борьбу. «Когда, — говорит Хомяков, — по милости строгой цензуры вся словесность бывает наводнена выражениями низкой лести и явного лицемерия в отношении политическом и религиозном, честное слово молчит, чтоб не мешаться в этот отвратительный хор или не сделаться предметом подозрения по своей прямодушной резкости, — и лучшие деятели отходят от дела»...[7] Читатели извинят нам это отступление. Мы не можем не приветствовать в появлении этой дозволенной цензурою брошюры открывающейся возможности подойти к самому существенному явлению нашей современной жизни прямее и ближе.

Неизвестный издатель брошюры объясняет в предисловии, что она содержит в себе разбор известной повести Тургенева «Отцы и дети», написанный при самом ее появлении каким-то покойным приятелем в виде ответа на во-

просы, возбужденные неким Н. Т., ныне также умершим. Вымышлено ли или нет это объяснение, для нас безразлично. Несомненно одно, что разбор повести написан человеком умным и многосторонне образованным, и хотя и в 60-х годах, может быть, и позднее, но именно «человеком сороковых годов». Так и веет от нее благородным «западником» старого типа, вскормленным немножко философией и больше всего эстетикой[8], — этим своего рода «отцом», ставшим лицом к лицу *с своим собственным* «детищем». Впрочем, за «отца» он себя не признает, а только за «предшественника», предоставляя звание «отцов» только тем, которых величает таковыми и Тургенев, т. е. людям «загнившим», примирившимся с современною жизненною обстановкой. Базарову, т. е. «детям», он, конечно, не сочувствует и не может сочувствовать, потому что они «не верят идеям» или, как выражается он в другом месте несколько фигурно, потому что «науки, искусства — священные скинии, в которых человечество хранит просветленные облики своих созданий», — вместе с «любовью, честью, справедливостью» для них не существуют. Тем не менее, признавая историческую законнорожденность «детей» (только не от себя), отдавая им во многих отношениях предпочтение пред слабыми волею, «придавленными учителями» или предшественниками, автор в мрачном пафосе заканчивает брошюру такими словами: «Поколение "детей" восходит на царство; никто не отнимет у него законного наследия; страх смерти не остановит его: оно умеет умирать, как умер Базаров, как умер Рудин».

Не останавливаясь на выраженной при этом автором надежде, что «бесхитростный поэт (т. е. Тургенев) не станет в ряды льстецов нового властелина», — заметим, что весь разбор, по объяснению самого *издателя*, написан на дантовскую известную тему о частичке света, закравшейся в тюрьму[9]. «Свет закрался, — говорит издатель словами одного романиста, — но что́ он осветил?.. Поздно: все умерло — сила, доблесть, любовь... Оставьте надежду: тюрьма безвыходная...»[10]

К такому безотрадному выводу непременно и должен придти всякий русский европеец, у которого «сила, доблесть, любовь» коренятся в какой-то фантастической или отвлеченной почве и являются бессодержательными — как понятия и как чувства. Это отчасти подтверждается и самим автором брошюры, как увидят читатели ниже; но отвлеченность и бессодержательность объясняются им — по нашему мнению, совершенно односторонне и недостаточно — тем, что «механизм нашей общественной жизни принимал в себя все, кроме развитого ума и гражданской честности», что масса способных умственных сил, постоянно выпускаемых нашими университетами, «насильно вытеснялась из практической деятельности и не находила себе места в этом механизме». Автор полагает даже, что если бы поколение Базарова не встречало на всех путях деятельности «мертвящего влияния общих основ господствующего порядка вещей», то «бóльшая доля сил нового поколения пошла бы *на кропотливую работу* практической жизни, которая не замедлила бы сообщить незаметно частичку своего консервативного характера и самым рьяным радикалам». — В этом есть своя доля справедливости, но причины зла не внешние только, а лежат гораздо глубже, — тем более что указанные автором причины одинаковы для всех поколений, а для позднейших-то именно и ослаблены значительно в своем действии. Есть много «*кропотливой* работы практической жизни», исполнение которой невозбранно было и остается доступным и раз-

витому уму, и гражданской честности, но которая, однако ж, не привлекает к себе работников по самой своей скромности и кропотливости [11]; да и работники зачастую оказываются непригодными, потому что подступают к работе с гордостью знания и совершенным неразумением русской народной жизни... Но много верного и еще более интересного представляют следующие строки:

«Сверстники Базарова застали своих предшественников за исполнением программы — громадной по объему, проникавшей во все тайники самой задушевной жизни русского человека. Все в ней представлялось гнилым, проникнутым отравою разлагавшегося трупа. Поневоле они (сверстники Базарова) должны были наполнить свою программу одним отрицанием, и на это отрицание, под страхом удержать малейшую частичку отвратительного яда, пошли все силы нового поколения. Напрасно Кирсанов будет укорять его, что оно все разрушает, доказывать, что "надобно же и строить". Оно ответит ему словами Базарова: "это уже не наше дело, сперва надобно место расчистить". Не удивляйтесь, если новое поколение примется за свое дело с самоуверенностью, доходящею до наглости... Прошла пора *Гегелевского панлогизма*, превращения всего в разум и слова, наступило время *Шопенгауэровского* царства воли. Не рассуждения противопоставят "дети" воле "отцов", но свою собственную волю, прежде даже нежели она успеет сделаться разумною»...

Говоря затем об общем характере русского образования, автор прибавляет:

«Только как исключение, и то большею частью в самых богатых фамилиях, можно встретить в Западной Европе молодых людей, которые бы посвятили 10 лет и более жизни на образование, отвлеченное от всяких утилитарных соображений. Остальные все, учась, имеют прежде всего в виду приобретение средств упрочить самостоятельность не столько интеллектуальной, *сколько материальной стороны своей жизни*. У нас совсем наоборот. Бедняк, которому по выходе из университета некуда будет приклонить голову, проводит время своего научного образования точно так, как сын какого-нибудь миллионера, которому приготовлено все для независимого ни от кого применения выработанных идей к жизни (?). Такой искренней, бесрасчетно свободной, чуждой всяких личных соображений — мысли, как она бывает у русского юношества, не встретишь легко на западе Европы, где механизм общественной жизни требует и потребляет столько умственных сил».

Автор и не подозревает, как он обесценивает им же так высоко превознесенное значение протеста и отрицания в молодом поколении [12]. Выходит, что главною виною всему — умственный пролетариат, не находящий себе удобной возможности «упрочить самостоятельность материальной своей жизни». В Англии, говорит он в другом месте, умственные силы находят каждая «ожидающие их *специальности* и более или менее потребляются ими, а у нас было совершенно наоборот». Замечание это верно и многое объясняет, но при чем же тут «дантовская тема», «сила, доблесть, любовь»... и пр., и пр., и пр.? Пойдем далее:

«Насильно вытесненным из практической деятельности умственным силам ничего более не оставалось, как обратиться к самым общим теоретическими вопросам и *по крайней мере в их отвлеченном мире воспользоваться своим неотъемлемым правом управлять вселенною*».

«По крайней мере!» Еще бы предоставить это право в мире реальном! Да и что́ это за неотъемлемое право *управлять* вселенною? [13] И какой же контраст

между таким управлением *вселенной* и «*кропотливой* работой практической жизни», которой будто бы эти силы лишены и в лишении которой лежит причина всех бед! Продолжаем выписку:

> «Оторванным от жизненной почвы, им легко было впасть в непримиримый радикализм и, вращаясь в мире *отвлеченностей*, потерять способность различать действительные идеи от *мертвых абстракций, все обнимающих только своею пустотою*. Никакая форма реального осуществления не могла наполнить этой бездонной п у с т о т ы: это могли исполнить только м ы л ь н ы е п у з ы р и разгоряченного воображения... Много хороших сил пошло на эту бесплодную работу еще в поколении, предшествовавшем базаровскому. В поколении "детей" болезнь усложнилась еще новым обстоятельством. Диалектический треножник, за которым Фауст спускался к богиням-матерям, оказался лживым и был выброшен за окно новой науки. Она очутилась без компаса среди необозримого океана фактов... Дальнейшее плавание возможно только при отличном знании течений, ветров, требует непрерывного напряженного внимания и всех сил... Но зато посмотрите, с каким богатым грузом сокровищ возвращаются плаватели, как Бокль, как Бастиан. Но нашим плавателям было — одним не под силу, другим недосуг снаряжаться с такими большими запасами. Они потеряли терпение болтаться в оцензурованных лужах (выражение очень удачное!) и довольствоваться робкими попытками придавленных учителей. Только далеко ли уйдешь *с одним Луи Бланом или Кабе в руках?*»

Трудно поставить в логическую связь с этими словами то, что́ за две страницы говорит сам автор о «наследовании и борьбе поколений». Рассказав о правильном прогрессивном порядке этой смены поколений «в обществах свободных», он утверждает, что в «порабощенных происходит совсем другое, и победа остается только за внешнею силою» и «за теми из новопришедших, которые успели загнить в утробе матери». Но «неизбежные последствия подавления здоровых сил в этой борьбе между поколениями, — угрожает автор, — обнаруживаются рано или поздно в борьбе *международной*, когда лучшие граждане во врагах своей родины должны признать своих избавителей... У всех еще свежи в памяти ликования жителей Вены по поводу каждого поражения австрийских войск в 1859 году» [14]. Но вслед за тем анонимный автор спешит нас и утешить. «Мы пережили это страшное время, — добавляет он. — Поколение Базарова — первое поколение, которому досталось *счастие открыто заявить свою программу*».

К *счастию* ли для других, да и для них самих? И в чем состоит *программа* [15] у людей, привыкших, по словам самого автора, вращаться «в мире мертвых *абстракций*, в мире бездонной *пустоты*, которую могут наполнить только *мыльные пузыри* разгоряченного воображения» — этого ни автор, ни анонимный его издатель не поясняют. Разве только программа Луи Блана и Кабе?..

Читатели, надеемся, не посетуют на нас за это пространное изложение несомненно интересной брошюры, в которой правда и неправда, верные и неверные черты так перемешаны между собою и в которой так живо чувствуется та беспочвенность, тот в сущности бессильный, а в наше время смятый и сконфуженный идеализм, которым отличались «западники» именно сороковых годов. Пред нами в брошюре сменяются учителя и ученики, сменяются поколения: общее между ними — отрицание существующих порядков. Но мы все более или менее дышим атмосферою отрицания. Существующие порядки отрицали

и Фон-Визин, и Грибоедов, и Гоголь (на последних двух указывает и автор брошюры) — да и газета «Русь» прямо заявила, что наше «изолгавшееся общественное бытие» [16] (за что́ на нее вдруг, ни с того ни с сего, накинулись все «либеральные» газеты!!!) не может внушать иного к себя отношения, кроме отрицательного. Разница между нами и другими отрицателями в том, что последние не знают, что именно отрицать, отрицают не то, что нужно, а главное — ничего позади отрицаемого и не видят! Они и не догадываются и не хотят догадываться, что настоящая наша общественная действительность сама не что иное, как отрицание русской народной правды, существенных условий истинной жизни для всей нашей страны. Они и не хотят догадываться. Автор брошюры даже проглядел в своей иеремиаде [17] такое событие, как 19 февраля 1861 г., как дарование прав гражданства 20 миллионам крестьян. Этот новый властительный элемент нашей жизни, этот новый исторический фактор даже не принимается в соображение и базаровскою программой, — ему нет места и роли в этой программе, разве только в смысле пассивного орудия для целей — не созидания, а разрушения!

Читая эту брошюру — этот очерк умственного движения в нашей так называемой интеллигенции, — невольно спрашиваешь: где же все это происходит? на какой отвлеченной почве? Ни о Русской земле, ни о русском тысячелетнем народе в брошюре *ни слова*, как будто не о нем и речь, не *его* судьбам программу «имело счастие» заявить поколение Базарова, не на иное какое царство, а именно на царство над *ним*, над этим великим народом, восходит, по пророчеству автора, поколение «детей»?! И чем же иным, как не простою tabula rasa — гладкой доской, на которой пиши, что́ хочешь, — грубым, простым материалом, тестом, из которого лепи какую угодно фигуру, по рисунку Руссо, или Кабе, или какого-либо новейшего доктринера, чем-то без истории, без преданий, без мысли, без воли, без души представлялся и представляется наш народ и поколению Рудиных, и поколению Базаровых, и автору брошюры, и всем так называемым «детям»? Ведь такое отрицание — поопаснее, может быть, даже внешней силы господствующих порядков, именно потому, что она *внешняя* и способна придти к сознанию своей несостоятельности, а сила умственная и сила образования — это силы внутренние, духовные, трудно уступающие, способные разлагать и то, что́ силе внешней вовсе уж недоступно! Какое невежество и в то же время какое полнейшее презрение к русской народной личности, к правам народности и народа проявляет автор брошюры — и все иже с ним и от него — в каждом своем слове, сам того не замечая и не сознавая! Но был ли бы он даже способен сознать? Разве не туги на сознание, не упорствуют в своем тайном презрении и теперь многие и многие представители и водители нашей «интеллигенции»?

Станьте, читатель, среди нашего умного народа на русскую историческую почву и представьте себе *оттуда*, что́ творится над ним, в верхних слоях? Творится чуть не два века. Сначала Петр вносит новые римские понятия о власти и государстве в германской редакции XVII века... Но Петра мы оставим... Что́ творится теперь, о чем радеют *те*, которые, по их мнению, должны почитаться цветом народного ума, представителями народной бессознательной, но ими сознанной мысли? Там, на воздухе, происходит борьба, страшная борьба, от которой, если чуть она прикоснется жизни, как от столкнувшихся туч, гром и молния могут пасть на сирую Русскую землю... (*Сирую* — именно потому, что

от нее отшатнулся ее образованный, сознательный слой...) Это борются с враждебною силою поклонники Гегелева панлогизма, Шопенгауэрова царства воли, Гартмана, Огюста Конта, Гельмгольца и т. д. Эта борются последователи всевозможных западноевропейских, только не русских народных *программ*. Одни, люди умеренные, люди порядка, хотят германским идеалам XVII века противопоставить и Русской земле навязать «буржуазные» идеалы Западной Европы; другие — «программы» социалистические, третьи — Парижскую коммуну. Одни с Бентамом, Миллем в руках и с прочими иностранными авторитетами по части государственного устройства; другие — с Луи Бланом, Кабе, а теперь уже и с Феликсом Пиа и Рошфором в руках... Социалисты и коммунары, конечно, логичнее: они — представители крайнего «западничества», предлагают «последнее слово науки» и западной жизни, справедливо говоря, что буржуазные идеалы на Западе уже подгнили. Если уж раз отринуть основы русской народной жизни, так что́ же и останавливаться на полдороге, благо груза за плечами никакого нет, ничто не дорого и жалеть не о чем!

Вот что́ увидит и уразумеет русский народ, если поднимет голову вверх, всмотрится и прислушается... Спрашивается — что́ должен он испытать и почувствовать?... О хозяине-то и позабыли... Но он не дастся в обиду.

Не в том только беда нашего образования, в чем видит его автор, — не в том только, что образование не находит себе потребления в Русской земле, но в том особенно, что оно большею частью таково, что и не может найти себе применения. В том беда, что образование наше не серьезно, что все оно, вся наука наша зиждется на незнании, непонимании, даже прямо на отрицании нашей народной личности, народной духовной полноправности, и в духе этого невежественного и отрицательного отношения к своей истории и своему народу воспитывается наше юношество. С тою неумолимою последовательностью, к которой именно способна честная юность, она довела это отрицание до крайнего его предела, до нелепости, до абсурда, и много, много жертв принесено ею своему заблуждению. Но вина не на них, а на нас, воспитателях. Уже подрастает, — верим мы, — новое поколение, которое устыдится своего бессознательного презрения к родному народу, к родным заветам, преданиям и основам своей земли, посрамится чуждых, иною жизнью созданных идеалов, ужаснется деспотических поползновений своих предшественников, готовых тиранией и обманом навязать русскому народу измышленные разными чужестранными доктринерами формы политического и общественного бытия, — и сумеет найти положительное, не отрицательное решение всех мучающих нас современных задач и вопросов!..

<К МОЛОДЕЖИ НУЖНО ОТНОСИТЬСЯ ЧЕСТНО, ЛЮБИТЬ ЕЕ>

«Много, много жертв своему заблуждению принесено у нас юностью, но вина не на ней, а нас, воспитателях»... Вот что́ сказали мы в передовой статье 4-го №[1] еще накануне московских университетских событий прошлой недели. Эти события не изменили нашего мнения. Мы не станем входить в их подробное исследование и не примем участия в полемике, возникшей между газетами по их поводу[2]. Московское происшествие, с нашей точки зрения, только частный случай — один из сотни ему подобных, и нас гораздо более занимает их общий смысл и значение. «Честности, — говорили мы в прошлый раз, — честности-то и недостает нашей общественной жизни»[3]. И именно нет ее у нас в нашем обращении с юношеством.

К молодежи нужно относиться *честно* — *честно* любить ее.

Думать ли, что она неспособна оценить благородной прямоты в отношениях с собою, — что она может быть руководима лишь потворством, поблажкою, поддакиваньем? Не будет ли это клеветою на благородные инстинкты, несомненно свойственные юности? Или уж она в России так выродилась? Или уже утратила то молодое, тонкое нравственное чутье, которое так легко распознает лесть и искренность, фальшь и правду? Если выродилась, если утратила, — хотя бы и не вся, однако же в большинстве своих представителей, — то вина опять-таки лежит, главным образом, на наставниках, на обществе и в значительной степени на нашей печати.

Кто молод не бывал? Кто не вспоминает с любовию о своей юности, о годах своего общественного воспитания, как бы даже тяжелы они ни были? Сочувствовать молодежи — это такое простое, естественное движение сердца, что ставить его кому-либо в заслугу — более чем странно. Но как скоро это сочувствие возводится в поклонение, самое поклонение в догмат модного либерализма — начинается вредная и опасная ложь. Эта-то ложь и погубила у нас не одно молодое поколение. Преклоняться не только перед свежестью и откровенностью молодых чувств, стремлений, порывов, но перед мнениями, образом мыслей, какое бы ни было их содержание, перед действиями и волею юношей потому только, что они юноши, творить из молодежи кумира — это в лучшем случае слабоумие, — большею же частью лицемерное холопство. Ибо надо сказать правду — в противоположность чудовищно развившемуся на Руси человекоугодничеству пред сильными мира, — разрослось, расплодилось у нас не менее чудовищное холопство и пред всякой мишурой «либерализма»...

Под страхом прослыть «не сочувствующим молодому поколению», а потому и не «либералом» иной старик умышленно молодится, виляет, трусит высказать перед юношами, что он и в Бога верит, и чтит «предрассудки» христианской нравственности. Под опасением лишиться благосклонности этого нового властелина, иной маститый наставник не решается произнесть осуждение явно

возмутительному поступку своих учеников и вместо назидания поет им гимны, подпускает либерального курева — т. е. чаду в их юные головы.

Разве заискивание популярности у слушателей не общепризнанная черта значительной части наших педагогов — высших иерархических степеней? Но *заискиваемая* популярность приобретается не иначе как сделками совести с ложью, как такими речами, где подразумеваемый, вернее сказать, подмигиваемый либерализм, опьяняя юношей, в то же время не компрометирует выгод официального положения, занимаемого оратором. Разве никому из нас не случалось быть свидетелем разных бессмысленных, но искусственно подготовленных оваций, в которых рьяная, легко подстрекаемая молодежь служила слепым орудием посторонних целей? Такое каждение «молодым силам» производится из двояких побуждений. Во-первых, ради снискания благоволения, потому что пользоваться репутацией «либерала», а потому и расположением, поддержкою и при случае рукоплесканиями толпы слушателей очень приятно, особенно когда это достается дешевыми либеральными фразами и дешевою лестью. Этим средством не пренебрегают и чиновные педагоги, которые в душе своей далеки от всяких свободолюбивых поползновений. Во-вторых, кадят иногда фимиамом люди искренно убежденные, желающие провести свое убеждение в юные умы слушателей, для чего самое сподручное средство — опять-таки лесть. Но при этом убежденный педагог теряет из виду, что всякое таким образом производимое либеральное насаждение приносит либеральный плод совсем иного качества, чем предполагал насадитель. Он не соображает, что, придав ему значение запрещенного плода, он придает ему вместе с тем фальшивую ценность, пускает, так сказать, в оборот фальшивую монету; он забывает, что молодежь не способна остановиться на полудороге, удержаться на этой золотой середине, на которой стоит сам, оплачиваемый государственными деньгами апостол кое-каких отрицательных учений. Молодежь с свойственной ей пылкостью и прямолинейностью мысли и чувства последовательна в своих выводах до самоотвержения; ей почти нечего терять, — опыт жизни ей не помеха, потому что его еще нет, — блаженства старых людей, блаженства привычек, комфорта, удобств она еще не вкусила, — она по самой своей природе бесстрашно радикальна. Вот и выходит, что, по мере того как их наставники подвигаются в чинах и обзаводятся более умеренными, более приличными возрасту, чину и званию убеждениями, молодежь, ими воспитанная, повинуясь данному ей однажды толчку, — мчится до крайнего предела, до такого радикального абсурда, от которого готов с ужасом отпрянуть и сам несообразительный и не вполне добросовестный учитель...

Но и те и другие педагоги, постоянною лестью кружа головы юношей, возвеличивая их значение, вызывая на разные неуместные публичные заявления, — в конце концов совершенно сбивают молодежь с толку и ставят ее на скользкий и опасный путь. Нельзя же требовать, чтоб молодые люди добровольно отказались верить всему тому, что́ целому ряду молодых поколений в течение пятнадцати лет и до сего дня и многие педагоги, и печать не перестают твердить со всех сторон. Давно ли мы читали в одной газете, претендующей на серьезность и на связь с педагогическим миром, что «молодежь есть значительная политическая сила»? Как же молодежи при этих словах не вообразить себя и в самом деле «силою», не попытаться дать и другим ее почувствовать — пошалить, поиграть ею?! Если ее подстрекают к овациям, то она не мо-

жет не признать за собою права выражать и хулу и порицание. Если ее употребляли как средство для посторонних целей, то нетрудно догадаться, что она непременно пожелает заставить и других послужить ее собственным целям. Этим и объясняются нам прискорбные беспорядки последних лет, творимые юношами в университетах, академиях, институтах и других высших учебных заведениях. Но если виновники беспорядков и заслуживают наказания, так все же прокурорская роль обвинителя юношей не совсем к лицу воспитавшим их педагогам.

Учащаяся молодежь — значительная политическая общественная сила! Какое вредное, губительное празднословие! Учащаяся молодежь — это наша надежда, наше чаяние, наше будущее. Это зелени[4], радующие взор земледельца... Но зелени еще не хлеб. До жатвы еще далеко. При дурном уходе их могут заглушить сорные травы; при неблагоприятных атмосферических условиях они могут пойти в *траву*, дать пустой колос. Так почти и вышло у нас с целым преемственным рядом поколений, которых, может быть, наилучший цвет вследствие пагубного за ним ухода по своему крайнему радикализму, по своему невежеству, по отрицательному отношению к русской жизни и народности оказался совсем непригодным к скромной, невзрачной, потребной для родной земли зиждительной работе и погиб бесплодно для России в тщетных попытках разрушения...

Говоря «молодежь», «молодость», — никто, однако, из поклонников и льстецов ее, да и никто из ее собственных рядов не спросил себя — кого же причислять к молодежи и на каком основании? Если на метрическом, то с какого возраста и до какого? Если первокурсник гордится своею юностью и признает в ней источник своего права на особенное к нему благоволение и уважение, то окончивший курс кандидат университета смеет ли причислять себя к одному с ним разряду *полноправной* молодежи? А ведь разница в степенях развития довольно значительная. Наоборот: если заслуга и основание права заключаются только в молодости, то гимназист еще моложе студента, стало быть, еще полноправнее? Это напоминает анекдот про одного австрийского аристократа, которой с почтением снимал шляпу пред своим малолетним сыном, так как этот сын был уже на целую степень (quartier) древнее, стало быть, родовитее и знатнее своего отца!

Нечестно величать учащуюся молодежь политическою силою; нечестно туманить ей головы льстивым либеральным куревом. Нам дорога́ *учащаяся* молодежь, залог будущей общественной силы, рассадник будущих деятелей, но именно серьезно и основательно *учащаяся*. Никуда не годны юные неучи, вспрыснутые несколькими каплями либерального эликсира, или, вернее, — либеральной жижи русской подделки (вроде русского шампанского[5]) — которые, приняв это кропление как помазание, считают себя призванными уже не учиться, а учить — судить и рядить народную жизнь и всплошную отрицать всё, чего не ведают и не разумеют. Много печальных событий, в которых главными деятелями были люди очень молодые, пережили мы в последние два-три года. Не говорим об отвратительных преступлениях, о которых у порядочных людей двух мнений быть не может. Но было немало всяческих манифестаций, подпольных афишек и изданий, обращавшихся неизвестно каким образом в руках учащихся юношей; много вообще скрытой агитации, которая не могла не смущать восприимчивую, отзывчивую юность. Положительно и решительно не

знаем, как поступали в это время наши педагоги; но нам кажется — это была самая удобная пора для благотворного воздействия на молодые умы и сердца. Надо было прежде всего отложить всякое попечение[6] о том, чтоб не угас в душах юношей «священный пламень либерализма». Если не наш пошлый, условный либерализм (от которого мы желаем для них избавления), то святой огонь любви к истинной свободе никогда не может угаснуть в благородном, особенно молодом сердце. Об этом и заботиться нечего. Но что́ было бы в то время, да и всегда вполне благовременно, — это прежде всего *не молчать*, не обходить щекотливой материи двусмысленными намеками, а именно *говорить* о ней и ставить молодым людям вопрос напрямик, в упор, — не о том, что́ «либерально», что́ не «либерально», а о том, что́ подло и что́ благородно, что́ честно, что́ бесчестно, что́ нравственно, что́ безнравственно и гнусно. Думаем, что такая твердая, исполненная сердечной искренности постановка и таковое же решение этих вопросов — не могли бы остаться без доброго действия хотя бы только на некоторых из молодых людей. Мы бы пошли и дальше. Нам кажется, что следовало бы иному авторитетному профессору просто взять любой из подпольных листков и прочесть его вслух с критической оценкой, с обращением к молодым свежим умам — прочесть тем, которые и без того читают втайне[7], — и не выдержало бы ни одно это подпольное разглагольствие дневного света критики, и звонким смехом огласилась бы аудитория при громогласном прочтении какого-нибудь вздора вроде сравнения «идеалиста» Пугачева с Вашингтоном, «страдавшим отсутствием идеалов»...

До какой степени фальшиво отношение нашей quasi-либеральной печати к нашей русской молодежи — видно всего ярче из известной старой истории о мясниках Охотного рынка[8]. Ее опять вспомянули на днях, и опять умышленно или бессознательно — в свете неверном, недобросовестном[9]. Вместо того чтоб в свое время, да и теперь пользоваться этою историею для назидания молодежи, обвиняют в подстрекательстве то полицию, то редакцию одной газеты[10], зная очень хорошо, что никогда никакого и ничьего подстрекательства тут не было, а что произошел более чем естественный взрыв народного негодования. В том именно и дело, что с народом шутить не следует; не следует будить в нем стихийной его силы, вызывать наружу инстинкты зверя, которых выразителем в подобных случаях всегда является самый грубый, злокачественный осадок простонародья — чернь (особенно городская). Молодые люди (к счастию, не студенты университета) вздумали сделать глупую и дерзкую манифестацию, учинить публичную по улицам процессию при сопровождении карет с государственными преступниками — держать речи к изумленной простонародной толпе, требовать снятия шапок и т. п. Ведь не к привилегированным же, в самом деле, причисляли себя молодые люди, требовавшие, чтоб за ними признано было право безнаказанно производить уличную демонстрацию, оскорблять публично власть, которую народ чтит, следовательно, оскорблять нахально и явно народное чувство, насмехаться над ним? Так как плохая в то время наша полиция не нашлась, что делать, то жители улицы на уличную наглую демонстрацию ответили уличною же расправой — омерзительной, гадкой, зверской без сомнения, причем разъяренная толпа (но виноваты первые те, кто ее разъярили) не различала уж ни правого, ни виноватого. Вывод из этой истории, который бы следовало педагогам внушить всем молодым людям, таков: «Извольте не забывать, что в России есть народ, что безнаказанно раз-

дражать и дразнить его нельзя, что в ваших либеральных фантазиях вы должны считаться с народом, к которому сами принадлежите, уважать его, принимать его мысли и чувства в соображение. Пусть это послужит вам уроком». Но что́ за реки вздорных слов самого грошового либерализма и лицемерного негодования пролило при сей оказии большинство наших газет! Какие гневные перуны [11] пущены ими были (и тогда, и на днях снова) в «чернь»! А давно ли эта самая «чернь» ими же возвеличивалась! Пушкин развенчивался из великих поэтов за недостаток либерального отношения к «черни» в известном разговоре поэта с чернью [12]; Стенька Разин, предводитель черни, возводился в истинного героя!! [13] — Кстати вспомнить, что точно такая же история разыгралась через несколько месяцев в Петербурге при известной демонстрации у Казанского собора, за которою последовала точно такая же отвратительная расправа [14] — справедливая в своем существе народного суда, — и что́ же? — ни одна газета почему-то не пришла тогда в негодование; напротив, все обрушились на молодых же виновников демонстрации, как будто произошло не совершенно одно то же, что́ и в Москве.

Мы вынуждены были напомнить с подробностью об этих гнусных историях, чтобы показать образцы фальшивого отношения к молодежи очень многих наших органов печати. Разве все это не сбивает ее с толку? не губит ее? Разве поздние, хотя и вполне справедливые назидания со стороны тех, которые столько лет, как мы видели выше, искажали ее понятия, величали ее «политическою силою», могут оказать надлежащее благотворное действие, внушить должное доверие? Конечно, лучше поздно, чем никогда, но не мешало бы в таком случае принести наперед некоторое покаяние [15].

Страшно сказать, как мало у нас свободных, независимых мыслью и духом людей, сколько человекоугодничества и душевного холопства во всех видах!.. Весь наш либерализм в сущности должен быть пока сведен к одному: к внутренней независимости, к честности. Приобрести ее не может помешать человеку никакая внешняя сила в мире; никакая же внешняя сила не властна и отнять ее. Если благородный Шиллер рекомендует Männerstolz vor Königsthronen [16], — т. е. человеческое достоинство, честность, гордость мужа пред престолами царей, то такая же честная независимость требуется и по отношению к власти, хотя беззаконной, но тем не менее сильной — модных поветрий и доктрин, печати, так называемого общественного мнения и тому подобных божков и временщиков.

Не знаем, выродилась ли в России молодежь, но если не выродилась, то в среде ее, мы не сомневается, найдется хоть несколько людей, в души которых заронится наше искреннее слово, и если заронится, то бесплодным не останется.

<«ОБРЕСТИ» ДОЛЖНО, А НЕ «ИЗОБРЕСТИ», РУССКУЮ, ЖИВУЮ ФОРМУЛУ ЖИЗНИ>

Немало было отзывов в нашей печати не только неблагоприятных, но и прямо враждебных о передовых статьях газеты «Русь», особенно о передовой статье 1-го №[1]. Мы прочитали их внимательно, не исключая и диатриб[2] тех «органов русской прессы», которые отличаются полною независимостью от каких бы то ни было приличий, соблюдаемых в печатной полемике (таковы уж их нравы, и они могут быть вполне благонадежны: это поле, в их борьбе с нами, всегда останется за ними). Нам хотелось уразуметь, какой дух ими движет, каким убеждением они руководимы; мы старательно искали какого-либо полезного для себя указания. Тем с бóльшим вниманием отнеслись мы к суждениям газет, почитающихся серьезными и заявивших о своем с нами несогласии. В них-то — думалось нам — найдем мы строгую критику наших мнений, все основания для дельного спора. К сожалению, никакой действительно определенной мысли не могли мы выжать изо всех этих нападок и возражений. За исключением, может быть, одной-двух заметок все сводилось к чему-то, судя по условным внешним признакам, очень либеральному, но либеральному «вообще», годному разве для репетиловского «взгляд и нечто»[3]. Счастливые люди эти господа наши либералы! — не могли мы не позавидовать им. Все у них в уме гладко; ни сомнений, ни раздумья; все задачи у них порешены; на все вопросы готовые ответы; на все недуги готовая панацея: стоит только протянуть руку через границу к соседям и, не ломая долго головы, перенесть это универсальное снадобье к нам... И собой-то они довольны: «Мы — созрелая национальная интеллигенция, мы — последнее слово и западной науки, и русского самосознания»!.. Ничто их не затрудняет, не смущает, — даже забота о пригодности иностранных лекарств; их мысли не приходится считаться ни с русской историею, ни с народом! Счастливые люди, повторим мы снова, вспоминая те самые стихи Гёте, с которыми однажды Юрий Самарин обращался в нашей газете «Москва» к одному счастливому государственному мужу:

Dich stört nicht im Innern
Zu lebendiger Zeit
Unnütz'ges Erinnern
Und vergeblicher Streit![4]

«Тебе не мешают, внутри тебя, в переживаемое время ни воспоминания бесполезные, ни напрасная борьба!»[5]

Оговоримся, потому что предвидим возражения. Нам могут заметить, что так называемая или называющая себя «либеральная» пресса пуще всего радеет именно о народе. Не она ли первая открыла и торжественно поведала миру, что не у одной Европы, но и у России также есть и «рабочий», и «аграрный» вопросы? Действительно, честь эта принадлежит ей бесспорно, но это уже не от-

крытие, а целое творчество. О несообразности клички «аграрного» вопроса с делом о недостаточности по местам земельных наделов и об облегчении способов народного передвижения по нашим неизмеримым пространствам в нашей газете было уже говорено довольно. О «рабочем» вопросе в стране, где почти все рабочие поголовно владеют усадьбами и землею, чего именно не имеют рабочие Европы, — толковать, кажется, много нечего. Тем не менее, мы с удовольствием заявляем, что наша так называемая либеральная печать в самом деле очень много и, конечно, искренно печется об экономических интересах народа, но только об *экономических*; других интересов — нравственных, духовных — она у народа не признает; с известной «либеральной» точки зрения нет у него ни преданий, ни народной личности, ни души, ни мысли, ни своеобразных понятий о государственном строе... Экономические же интересы народов вообще поставлены на первый план самою *западною* наукою и жизнью; о них существует в Европе целая готовая литература с готовыми передовыми воззрениями, которые стоит только приложить к русской экономической жизни, и выйдет если и нескладно, зато «либерально». Самая община наша, или, вернее, общинное поземельное владение (за которое двадцать лет так называемые славянофилы вели ожесточенный бой с либералами 40-х и 50-х годов), принято под благосклонное покровительство нашей печати и позднейших ученых только с разрешения некоторых западных ученых авторитетов и ради аналогии этой формы землевладения с наилиберальнейшими идеалами новейших европейских доктрин. Мы, конечно, рады, что эта сторона народного быта встречает теперь несравненно большее число защитников, чем в прежнее время, но не можем не сожалеть о том, что при господстве прежних молодых западных веяний удалось-таки нашим тогдашним либералам ввести в Положение 19-го февраля несколько мер, способствующих не укреплению, а ослаблению и даже разложению этой самой, ими теперь покровительствуемой, поземельной общины... Поэтому нельзя без некоторой осмотрительности относиться к попечениям наших так называемых либералов и настоящего времени даже об экономических интересах русского народа, потому что попечения эти большею частью вызываются не столько сочувствием именно к русскому крестьянину в частности, сколько гуманно-демократическим отношением к народу *вообще*, причем данные условия русского народного, исторически сложившегося быта приносятся более или менее в жертву требованиям и принципам отвлеченных или иноземных доктрин.

Одна из газет, вполне серьезная по своему тону и внешним приемам[6], сделала нам, по ее мнению, вероятно, серьезное замечание, которое мы обойти не можем. Мы, как помнят читатели, настаивали на необходимости неотложного изучения задачи об уездном самоуправлении и о разрешении ее в общественном сознании. Мы доказывали, что неудача нашего земства в его настоящем виде происходит не столько от внешних «препон», на которые так любят ссылаться, сколько от недостающего земским учреждениям авторитета в самом народе и от отсутствия органической связи со всеми прочими земскими элементами и отправлениями уездной общественной жизни. Мы старались объяснить, что если существующее уездное земское представительство, формою которого мы дорожим, народу не свое, то губернское и подавно будет ему чуждо; если в уездном представительстве нет правды, то и в дальнейшей *градации* представительства получится только ложь... Мы усматривали в этой ячейке земского

самоуправления возможность союза личных интеллигентных единиц с народом — завязку той органической земской жизни, которая, по мере развития, будет в силах со временем обновить, укрепить и внести правду во весь наш общественный быт и строй. Казалось бы, задача об устранении упомянутой лжи в самой первой инстанции земского самоуправления и представительства и о водворении в ней правды — плодотворной для развития нашего *дальнейшего* общественного бытия — не лишена интереса; тем более что она не какая-либо отвлеченная, а стоит на практической, доступной почве и — на очереди. Что́ же возражает нам газета?.. «Россию давила реакция, процветала административная ссылка, общественное слово было сковано, земство придавлено» и пр., а «редактор "Руси" указывает нам в виде радикальной панацеи земское устройство уезда!»[7] Но слово уже менее сковано; об административной ссылке мы теперь рассуждаем довольно свободно; неудача земства вовсе не во внешних, к сожалению, а во внутренних причинах... Да, мы утверждаем, что исцеления должны мы искать прежде всего — в возрождении цельной, земской, сильной органической жизни, в том, чтобы наше начинающееся земское представительство стало правдою — истинным, а не самозванным проводником действительно народного сознания. Но до всего этого нет никакого дела нашему оппоненту: его панацея не в органической жизни, а в механическом, из-за границы выписанном и сверху деспотически наложенном снаряде.

Что́ тут толковать об уездном самоуправлении, продолжает газета, «когда нет гарантий, его охраняющих», когда возможно произвольное удаление человека в «чужие губернии» — другими словами, когда существует административная ссылка. При этом не обошлось и без личных намеков. Такого возражения мы не считаем серьезным. Как бы мало ни питали наши обе газеты сочувствия к этой форме административного произвола, — практическая отмена или ослабление ее вне нашей власти. «Русь» предлагала разрешение вопроса об уездном самоуправлении прежде всего в нашем общественном *сознании*, а работа *сознания* не состоит в зависимости ни от какой административной ссылки, да и способствующий этой работе печатный обмен мнений, слава Богу, не возбранен. Административные удаления существовали, даже без возможности печатно упоминать о них, и в эпоху освобождения крестьян; однако не помешали ни повсеместной работе умов, обсуждавших способы освобождения и наделения землей, ни самому освобождению и наделению. Никому тогда и в голсву не приходило ставить препятствием этой работе необходимость предварительных каких-либо гарантий против известного произвола. Но вообразите себе, что административная ссылка уже вышла из обычая, никому уже более не грозит; это все-таки не поможет вам разрешить вопрос об искреннем сочетании нашей интеллигенции с народом и о создании истинного самоуправления; все-таки не придаст вам большего разумения народной жизни! Нельзя не вспомнить также, что акт 19 февраля, которое стало не только новой эрой нашей истории, но и мировым событием, которое составляет нашу гордость, нашу славу, наше преимущество пред Европой, был вовсе не *конституционным* актом, ибо власть утвердила мнение *меньшинства*, а не *большинства* губернских комитетов. Повода к сожалению об этом не видится. Это признают, конечно, не только все наши газеты, но и представители всяких либеральных у нас мнений без исключения. Об этом сожалеть могут только английские лорды, отвергающие в своей палате всякие облегчения аграрных отношений для ирландских крестьян...

При всем нашем личном нерасположении к ссылке не по суду, несомненно оскорбляющей достоинство человеческой личности, мы находим, что даже с точки зрения наших так называемых либеральных газет, непрестанно указывающих нам на Запад для подражания, не особенно уместно поднимать речь об этой административной мере в России — ввиду образца, преподаваемого ей соседним *конституционным* государством. Конечно, в Германии административные высылки социалистов[8] и вследствие того объявления городов (недавно Франкфурта) на военном положении совершаются по уполномочию самого народного представительства и потому не смущают и не отягощают *личной* совести никого из носителей власти; но от этого легче разве одним германским носителям власти. К несчастию нашему, поводов к такому способу самоохраны представилось у нас в последние два года не менее, если не более, чем в Германии.

Итак, мы не усматриваем в возражении «серьезной» газеты никакого основания бросать заботы об устроении нашего земского самоуправления, о разрешении этой задачи по крайней мере для нашей общественной мысли. Интересно сопоставить с вышеприведенным отзывом газеты письмо, полученное нами от неизвестного лица за подписью «Голос из провинции», — интересно по сходству и по различию. Различие состоит в оценке важности возбужденного «Русью» вопроса; сходство — в устранении предлагаемой работы.

> «Не без радости и большого внимания будет многими прочитано ваше слово в 1 № газеты, — пишет анонимный автор. — В нем целая и обширная программа. *Устроить уездное земство — устроить всю Россию*. Не многие с вами не согласятся *из живущих в провинции*, далеко от *тех умственных сфер, которые, при всех своих лучших намерениях, всегда только тормозили или портили дело*. Сознание всего этого живет в нас, провинциалах.
>
> Но, чтобы на ваш клич явились люди серьезные, надо чтоб они были уверены или, по крайней мере, надеялись, что их труд не пропадет даром, что это не будет пустое бумагомаранье; труд не может быть серьезен и охотен, когда трудящийся не верит в пользу своего труда... Дайте нам эту уверенность или надежду, и многие откликнутся горячо. Но мы изверились, у нас пропадает надежда, и живется поэтому гадко, вяло, апатично и, что всего хуже, *эгоистично*. Мы хотим зари, но как-то уж так долго ждем, что сомневаемся в ее появлении, а напротив (по крайней мере у нас), делается все темнее и темнее. Рассейте эти потемки... А без того не ждите от нас серьезного труда. Без надежды, впотьмах, работа немыслима. Словом, дайте нам надежду на жизнь, и работа закипит, работа живая, плодотворная! А до тех пор...»

Этим и заканчивается письмо. Оно, кажется нам, не лишено значения по своей искренности и по тому, что отражает довольно верно общее нравственное состояние нашего провинциального, да и не одного провинциального, общества. Но, не пускаясь в отвлеченности, мы поставим почтенному автору следующий простой вопрос. Отправились теперь сенаторы в разные губернии — как известно — с целью узнать потребности самоуправления на месте и представить свои соображения как об удовлетворении этих потребностей, так и о способах и формах децентрализации административной власти — децентрализации, необходимость которой живо чувствуется правительством. Очень может быть, что на основании этих соображений составятся проекты и явятся потом в виде обязательного закона... Тогда-то поднимется *критика*! Какой клик под-

нимут именно все эти «вялые» и «апатичные»! Как встрепенутся они, если эти мероприятия заденут их личные интересы! Но зачем же вы молчали прежде, когда вам именно указывалась перспектива этой опасности? Правы ли вы будете пред собою? На порицание, на осуждение административных распоряжений, равно как на самозаушение и самооплевание[9], мы борзы и энергичны, — и именно потому, что ничего нет в мире дешевле и легче отрицания: оно даже не требует особенного напряжения мысли; — но от чего мы охотно отлыниваем и под всевозможными благовидными предлогами — это от всякой работы положительного характера, для которой нужно сосредоточение мысли и воли, тяжелый умственный труд... Чем сваливать вину с себя на какие-то внешние обстоятельства, спросите по совести: все эти отговорки не «словеса ли лукавствия», как поется в церковной песне? [10]

Вам необходима надежда, что «ваш труд не пропадет даром». Ничто не пропадает даром, а тем более труд сознания. Что нам нужнее всего в настоящее время, это обрести (а не изобрести) родную, русскую, настоящую формулу для наших смутных чаяний, вожделений, для наших неопределенных поисков чего-то и безотчетной погони за чем-то. Надобно ясно понять, чего хотеть. Нельзя отделываться словами: нужно жизни, дайте нам жизни! Никто вам ее не даст, если вы ее сами себе не добудете и из себя самих. Мы привыкли полагаться во всем на «русского бога», и давно уже сказано Тютчевым слово, что должность «русского бога», от которого общество ждет всякого обновления, забыв народную пословицу: «на Бога надейся, а сам не плошай», — должность эта не праздная, l'emploi du dieu russe n'est pas une cinécure! *[11] Нет, на этот раз, повторим слова нашей статьи 1 №, никакая счастливая случайность извне нам не поможет, и мы предоставлены своим собственным духовным и умственным силам. «Судьба не в шутку требует от нас отчетливого самопознания, строгой работы мысли» [12], благо нам даровано теперь необходимое орудие этой работы — довольный простор для гласного обмена мнений, для печатного слова. Недостаток в нас самопознания, наша внутренняя духовная и умственная неопределенность не может, без сомнения, не отражаться и на правительстве, ибо правительство — кость от костей наших, плоть от нашей же плоти. Вы сами говорите, что «устроить уездное земство — устроить всю Россию». Кажется, задача довольно привлекательная. И неужели вы думаете, что разрешение этой задачи во всеобщем сознании может остаться без приложения, не воздействует естественным образом и на само правительство, которое нуждается теперь во всяком проблеске живой, плодотворной мысли, *приложимой* в пределах исторической возможности? Но с этою возможностью обязано считаться не только оно, но и вольная интеллигенция.

«Мы хотим зари, — пишете вы, — да уж так долго ждем, что сомневаемся в ее появлении»... Не пережили вы того периода времени, тех годов, про которые лет двадцать пять тому назад Некрасов писал:

В ночи, которую теперь
Мы доживаем терпеливо,
Когда свободно рыскал зверь,

* должность русского бога — не синекура (*фр.*).

А человек бродил пугливо, —
Ты твердо светоч твой держал!.. [13]

Но в том-то и дело, что в этой ночи были люди, не переставшие держать светоч в своих руках, не дававшие ему угаснуть. Когда и зари освобождения крестьян еще не поднималось, Самарин [14], Черкасский [15] и другие работали над этою задачей, составляли проекты. Когда пробил наконец час «слову обратиться в дело», он застал их не врасплох. Многие, пожалуй, чают, что их созовут для совещания в Петербург. С Богом! Но с чем вы пойдете? «Юридический Вестник» [16] гласит, что «мы нуждаемся в *лучших* проводниках народного сознания». Это, конечно, справедливо, если только он имеет в виду нашу «интеллигенцию». Потому что — где, в ком оно, это народное сознание? Кто же его носители и представители?.. «Голос из провинции» сам утверждает, что наши близкие ко власти «умственные сферы, при всех своих лучших намерениях, только тормозили дело» (а провинция за работу сознания приняться не хочет!). В том-то и беда, что толкуют и в «умственных сферах», и в ученых журналах о «народном» — чаще о «национальном» — сознании, а никакой другой, кроме не национальной чужой, готовой формулы, — кроме буржуазных западноевропейских идеалов, измыслить не могут, — но тут поневоле наталкиваются на народ и его тысячелетнюю историю...

Нам следовало бы обратиться теперь к возражению профессора Градовского в «Русской Речи» [17], нежданно оказавшегося в ряду наших противников, но ответ себе почтенный профессор найдет отчасти и в этой нашей статье, если уже не нашел в последовавших №№ «Руси». Впрочем, мы не отказываемся от удовольствия побеседовать и с ним.

1881

<ИМЕЕТСЯ ЛИ РАБОТА НА РУСИ?>

Вольно, всею грудью вздохнула Россия, выпроваживая старый год, — добрым приветом встречая новый. Как различны предзнаменования, с которыми начинались прошлый и наступивший годы, так различны и встречи обоих. Словно кошмар вспоминаются первые месяцы восьмидесятого: этот спертый воздух, это смрадная атмосфера позора, этот гнет сверху и снизу, — темь без просвета... Теперь же и воздух свежее, прозрачнее, и общественное настроение оживленнее и бодрее; все как-то обнадежилось, повеселело. Чему же приписать такую перемену? Никакого особенного крупного «мероприятия» указать нельзя; никакой капитальной реформы вроде тех, которые так двигали общественный дух в начале царствования [1], не было. Врачевание, примененное к нашему недугу, было до сих пор большею частью *тонического* свойства, как говорят медики, — но этого уже было достаточно, для того чтобы отнять у недуга его воспалительный острый характер. Снято осадное положение — и не столько внешнее, сколько нравственное, — администрация перестала воображать себя как бы во вражьей земле, — правительство, круто переменив направление, отнеслось с доверием к обществу, и все общество одушевилось благодарностью и доверием. В этом сказался тот тайный наш исторический инстинкт, что только во взаимном союзе русской власти с народом или с Русскою землею лежит залог нашей силы и преуспеяния, что как без содействия миллионов умов и сердец сама власть не властна свершить свои начинания, так и оппозиция у нас, добровольно ли или по необходимости возникшая, лишена почвы, а потому и зиждительной, творческой силы, — осуждена на тоску и бесплодное изнывание. Почуялось, что где-то, откуда-то прибыло ума, и ум, естественно, позвал, потянул к себе снизу родственную ему стихию мысли. Слово стало свободнее и ему обещан еще больший простор... Нужды нет, что помчится или уже помчалось оно, как река весною — стремительным, мутным, подчас грязным потоком, унося разломанный лед, широко затопляя окрестность; мудрый и опытный наблюдатель не смутится видом этого бурного мнимого моря с его фальшивым простором и повсеместною будто бы глубиною: сойдет вода, мнимые глубины обмелеют до дна, река вступит в берега, образовав, правда, кое-где болота, и обозначится *материк* с его настоящею силою и глубью. Только не смущаться и переждать.

Как бы то ни было, но все встрепенулось и пытливо глядит вперед. Чему-то верится, чего-то ждется. Чему именно верится, чего именно ждется, — этого выразить в *точной*, конкретной формуле не сумеет, сдается нам, ни один гражданин Российской империи, как бы ни была пылка его фантазия, — но в этом

большой беды еще нет, напротив: эти неопределенные, смутные чаяния и вожделения никакой сами в себе особенной злокачественности для власти не заключают, и было бы именно ошибкою, может быть даже вредною, придавать им уже и теперь значение серьезных сложившихся мнений и делать из них преждевременные положительные выводы. Надобно только предоставить полную свободу взаимной тяжбе наших литературно-политических направлений.

Некоторые газеты сравнивают настоящее нравственное настроение России, или, точнее, русского общества, с тем оживленным состоянием, в котором находилось оно после заключения Парижского мира [2], когда все чаяло преобразований и чертило реформы, всё заспешило «жить и чувствовать» [3]. Это не совсем так — не потому только, что впечатление, произведенное Парижским трактатом на русское общество, было несравненно менее удручающего свойства, чем действие трактата Берлинского [4], — но и потому, что самые задачи предстояли тогда определенные, точные, так сказать, осязательные, — чего теперь нет. Тогда на первом плане и очереди стояла исполинская задача освобождения крестьян; за нею последовали: реформа судов, введение суда присяжных и т. д. Все это были задачи трудные, но в то же время ясно очерченные, не туманные, не отвлеченные. Они и были решены если не вполне, то более или менее удовлетворительно. Освобождение крестьян, введение суда присяжных, всесословная воинская повинность успели даже пустить глубокие корни в народном сознании; не менее также была важна по своему принципу, хотя неправильно учинена, а потому и не авторитетна в народе, организация земства. Задачи решены; предстояло укрепить, утвердить все эти новые насаждения, выждать и проверить их результаты, упрочить их условия жизни и преуспеяния, заняться полотьем заглушающих их сорных трав, исправить погрешности — одним словом, потрудиться над делом в качестве чернорабочих. Вышло, однако, не совсем так. Наше общество обуяла лихорадочная мания задач и реформ по новым, новейшим и самоновейшим принципам. Новые задачи, однако же, были большею частью уже мельче, дробнее и в то же время сложнее, находились в зависимости от общего современного уровня нравственности и просвещения или же путались с такими коренными вопросами, которые не подлежали решению. Заслуживающих ликвидации порядков было, конечно, немало, но ведь не все же ликвидировать да ликвидировать! Нужно ведь, наконец, и копить, наживать силы и средства, — необходимо и при самой ликвидации старых порядков уметь отличить старое, исконно пребывающее, историческое начало от нового старого, сравнительно недавно привнесенного. Однако ж в своем ликвидационном и преобразовательном жаре наша интеллигенция большею частью не отличала причин от явлений, обрушивалась на последние, не отменяя первых; пересаживания принимала за пересоздания и, как древние римляне алкали только panem et ciscenses *, жаждала только реформ, реформ, ликвидации и реформ, везде, всюду, чуть не ежечасно и, наконец, договорилась, как недавно, чуть не до преобразования литургии! [5] Мы, так сказать, еще не живем, но все еще *собираемся жить*, а пока только реформируем да ликвидируем.

Итак, если поставить вопрос: имеется ли в настоящую пору такая общая крупная, видная, определенная задача, которая бы равномерно занимала и одушевляла умы, подобно тем задачам, какие были поставлены в начале царство-

* хлеба и зрелищ (*лат.*).

вания? — ответ приходится дать отрицательный. Другой вопрос: имеется ли работа на Руси, работа, к которой нашей интеллигенции стоило бы и была возможность приложить и ум, и волю, и знание? О, такой работы не исчерпать, но работы черной, невзрачной, нешумной, черствой, упорной, медленной! Работы много, но охоты к ней нет. А охоты нет не только вследствие нашей непривычки, нашего отвращения от серьезного труда, но и отчасти, если не главным образом, вследствие нашего раздраженного преобразовательного аппетита, избалованного легкостью реформ, ломки и ликвидации. Бесспорно, что из этих последних многие были вызваны, вызываются даже и теперь исторической необходимостью, но, тем не менее, самая эта необходимость реформ поддерживала одновременно, роковым образом, то радикальное в нашем обществе настроение, которое, не дорожа ничем в русской жизни, веруя лишь в последнее слово европейской науки и жизни, обольщается надеждою, истощается в вожделениях: изломить и преобразить по чужому образу и подобию весь русский народный исторический склад. Никому в России легко не живется, — это не подлежит сомнению. Хотя мы и сказали, что теперь все встрепенулось и повеселело, но это только сравнительно: в сущности, только полегчало. Всего легче жить той части нашей интеллигенции, которая не считается ни с историей, ни с народом, не несет на своих плечах тяжелого груза преданий и воспоминаний и, не утруждая много головы, успокаивается на чужих готовых формулах и идеалах. Но если и ей и всем вполне естественно и извинительно желать большего облегчения, то из этого никак еще не следует, чтоб было позволительно тратить время и силы в неопределенных пожеланиях или приносить в жертву своим мечтам и теориям нравственные и духовные интересы народа, самобытность и правду нашего органического развития. Вот тут-то и расходится (пусть примут это к сведению господа Модестовы и даже профессор Градовский) направление так называемое славянофильское с «западным», хотя они и могли действовать сообща и дружно в разрешении предшествовавших некоторых задач. В самом деле, есть же границы и для ликвидации: нельзя же, наконец, ликвидировать тысячу лет исторической жизни и самый народ! (Впрочем, препрославленный Сперанский отрицал или (одно и то же) ликвидировал все бытие России до Петра, начинал его только с эпохи преобразования и, признавая массы народа за tabula rasa, сочинял для императора Александра I проект *аристократической* конституции![6])

В своих преобразовательных поисках (мы разумеем лишь область общественного сознания) доходят у нас теперь до самого коренного вопроса, до вопроса вопросов, на разрешение которого не имеет права не только интеллигенция, но и сама власть без всенародного сознательного соизволения. Тут уже приходится иметь дело не с аспирациями[7] общественными, не с доктринами и теориями, а с основными стихиями народного организма, пренебрежение к которым не обходится безнаказанно. Но наша так называемая либеральная интеллигенция точно форейтор, оборвавший постромки и ускакавший вперед, не оглядываясь, без экипажа: доскакавшись до крайнего предела, она в простодушии своем думает, может быть, порешить задачу с налета, — но тут-то и желательно осадить ее окликом: «А где же экипаж? Он далеко назади, завяз и ни с места; не угодно ли возвратиться?» Наша легкая кавалерия и забыла, что ее обязанность тащить экипаж за собою — одним словом, идти вместе с народом,

хотя бы и впереди его. Оно, конечно, и скучно, и трудно, — но уже такова наша историческая повинность.

Вот ввиду этой исторической повинности, ввиду необходимости скрепить на твердом искреннем основании союз интеллигентных русских сил с народом мы и поставили в первом № «Руси» задачу об организации уездного земского самоуправления[8]. Только поставивши это местное самоуправление на основу жизненной правды, только устроивши нашу уездную rem publicam *, говорили мы, можно подвигаться к идеалу самоуправляющейся Русской земли в органическом союзе с верховною личною властью. Только добыв авторитета в народе уездному земству и истины в земском уездном представительстве, можно добыть их и для дальнейшей градации. Но это пришлось не по душе нашим либералам всех степеней и оттенков, даже самых умеренных и солидных. Вот как отнесся к нашей задаче самый невоздержный, зато самый искренний орган[9], enfant terrible ** нашей либеральной, в сущности солидарной между собою прессы. Газета «Русь», — восклицает он с благородным негодованием просвещенной, но обиженной интеллигенции, — настаивает на том, чтобы «русское общество пребывало *в уездной кутузке вместе с оборванным народом, одетым в национальные лапти*»... Так вот оно что́! Вот в чем разгадка негодованию! Тайное презрение к нашему простому народу, скрытый высокомерный аристократизм западника-либерала невольно прорвались в порыве искреннего гнева. Уж не в этом ли усматривает профессор Градовский то проникновение нашей современной либеральной интеллигенции *национальными* началами, на которое он указывает в своем возражении «Руси»?.. Можно ли в самом деле, да и интересно ли интеллигентному либералу возиться с оборванным мужиком, да еще обутым в лапти! «Либералу» прилично только благодетельствовать ему сверху, навязывая «национальным лаптям и серому зипуну» свои благодеяния *силою*, — благодеяния, согласные с требованиями «общеевропейской науки», хотя бы и несогласные с требованиями «национальной» жизни! И что́ это за «общеевропейская» или «общечеловеческая наука», которой провозвестниками считают себя наши либералы, точно какие-то жрецы, одни исключительно обладающие знанием таинств! Разве наука остановилась? Разве наука строит законы для жизни, а не сама, напротив, поставляет себе жизнь объектом изучения и исследования, стараясь уразуметь и определить действующие в жизни законы? Разве освобождение крестьян в России и наделение их землею совершилось по правилам общеевропейской юридической науки? Разве крестьянское общинное землевладение подходит под какие-либо нормы, признанные общеевропейскою наукою права? Но наука — истинная наука, в лице истинных ученых, а не раболепных учеников, какими являются наши «либералы», — непременно рано или поздно сочтется с этими фактами русской жизни и признает, что они обогатили науку, раздвинули сферу ее созерцания и определенных доселе юридических норм... Невежды и лицемеры! Они только компрометируют и науку, и идею свободы!

Нет, не любовь к «общечеловеческой» науке и не любовь к истинному прогрессу и к истинной свободе отвращает наших «либералов» от черствой, но плодотворной работы, предлагаемой им «Русью», и побуждает их простирать-

---

* общественную жизнь (*лат.*).

** несносный ребенок (*фр.*).

ся ввысь и вширь, а не *вглубь да около*, как мы советовали в нашей газете [10]. Невольно вспоминается письмо к редактору «Дня» Ю. Ф. Самарина, в 27 № «Дня» 1862 г. [11], из Самары, где он трудился в звании члена губернского по крестьянским делам присутствия. «В тот самый день, — пишет он, — как я прочел вашу статью, в которой вы так кстати обличили современную общую нашу привычку винить во всем то, что́ над нами или около нас, тогда как целое невозмутимое царство лени, эгоизма и дряблой привязанности к комфорту *внутрь нас есть*», в этот самый день, рассказывает Ю. Ф. Самарин, получил он официальное сведение, что никто из местных помещиков, вызванных в комиссии для распределения мелкопоместным владельцам денежных казенных пособий, не приехал. «Что́ делать правительству»? — спрашивает этот неутомимый работник общественного дела.

«Руководствуясь административным преданием, учредить пеструю, сводную из разных *ведомств* комиссию и *приказать* ей принять к сердцу нужды и потребности мелкопоместных дворян?.. К этому, вероятно, и прибегнут, а затем на следующем дворянском собрании мы услышим, вероятно, что мы томимся желанием взять в наши руки общественное и земское дело, что нас снедает жажда самоуправления и деятельности, но нам нет воли, нет простора! проклятая бюрократия преградила нам все пути, связала нас по рукам и по ногам, казенная администрация всюду втирается, вытесняя общественное мнение, личную и общественную инициативу, и т. д. и т. д. Полно, так ли?.. Бюрократия и казенная администрация раздвинулись и разрослись потому, что управление, как и природа, не терпит пустоты (конечно, не в переносном смысле)...

Господа! поучились бы вы у раскольников, как и чем *берут*, или хоть у своей братьи остзейских дворян. Я не говорю о целях, которым я не сочувствую нисколько, но говорю о постоянстве, выдержке и устойчивости. Теперь говорят другое: “Уездное дело, губернское дело! Вишь, чем соблазняют! Нет, не на таких наскочили. Станем мы из-за такой дряни руки марать. Нет, вы попробуйте нас на другом поприще, где повиднее да попросторнее. Вот если бы того... тогда бы мы показали себя. А это что́? Дрянь”. Всякому человеку сродно и извинительно мечтать о себе, воображать свою собственную личность в разных картинных положениях... Вот, напр<имер>, один барабанит в окно и улыбается. Перед ним круглая зала, ряды стульев или лавок, на хорах дамы. В толпе шум и волнение. Он медленно всходит на кафедру, желчные, ядовитые взгляды провожают его; но он улыбается, окидывает толпу горделивым взором, закладывает руку за пуговицу застегнутого фрака: “Господа” — и все умолкает, все превращается в слух...

Нет, не верится, чтоб была готовность трудиться, действительно и серьезно потрудиться в общерусском деле, когда мы равнодушны к делу местному, губернскому. Я очень знаю, что было бы нелепо откладывать призыв к общественному делу, пока к нему не пробудится и не разовьется живое участие, как будто участие к делу может пробудиться и развиться вне дела, в бездействии; но я утверждаю, что наша современная деятельность (разумею деятельность свободную, не вынужденную и не заказную) не только не перелила через края, в которых она заключена, а совершенно наоборот, далеко еще не наполнила отведенного ей простора.

Наконец, я убежден, что это пренебрежение мелкою, невидною, однообразною и скучною деятельностью и этот позыв к деятельности громкой, видной

и картинной есть только *ребяческое* увлечение невинными, но бесплодными мечтами или полусознательная сделка с нашею совестью, упрекающею нас в распущенности и лени».

Почти двадцать лет прошло с тех пор, как сказалось это меткое слово, и — обидно вымолвить — оно не потеряло силы и теперь. Но уже не столько к поместному дворянству, сколько к литературным либеральным проповедникам наших дней обращен теперь этот замогильный горький упрек. Разница еще и в том, что «ребяческие увлечения невинными, но бесплодными мечтами», о которых двадцать лет тому назад говорил Самарин, уже состарились, перешли теперь в ребячество заматерелое, упрямое, самонадеянное, даже высокомерное, возведены в проповедь, чуть не в догму и не могут быть названы вполне невинными уже потому, что отвлекают множество умов от серьезной, плодотворной работы. От той работы, которая одна творит, не разрушая, и созидает одновременно на органической прочной основе порядок и свободу.

<ЧТО ТОРМОЗИТ «РУСЬ»?>

В высшей степени интересным материалом для истории современного движения русской мысли служат невольные самообличения и наивные признания, которые исторгаются у некоторой части нашей печати в припадках гнева и негодования на газету «Русь». Благодаря этим откровениям ярости прозвучал наконец гласно, во всеуслышание, основной тайный мотив той либеральной музыки, которою эта «пресса» пыталась заворожить, и не без некоторого успеха, доверчивый слух русской публики. Чтó же привело наших специалистов по либеральной части в это состояние бешенства и заставило их выдать самих себя? Да не чтó другое, как сделанное нами напоминание, что в разрешении задач, касающихся *существенных* основ нашего исторического государственного строя, необходимо прежде всего считаться с *историей и с народом*... Inde ira! *[1] Выходит, стало быть, что нужно совсем противоположное: не считаться ни с историей, ни с народом... Примем это к сведению. Но поводом к наипущему раздражению, с забвением всяких приличий, послужили наши слова, что в России только то прочно и плодотворно, чтó пускает корни в народное сознание; что та часть нашей интеллигенции, которая думала бы порешить *упомянутые* задачи величайшей всенародной важности — с налета, одна, без народа, — уподобилась бы форейтору, порвавшему постромки и оставившему далеко позади себя экипаж; что необходимо форейтору прикрепить снова постромки к дышлу; другими словами: подобает «нашей интеллигенции *идти вместе с народом, хотя бы и впереди его*» [2]. Никак не ожидали мы возражения от наших «либералов» такой бесспорной и, казалось бы, уж никак не антилиберальной истине... Но у нас либералы совсем иного порядка. Идти вместе с народом! Это не либерально! Это значит проповедовать «отсрочку»! Так чтó же? Нужно, стало быть, чтоб интеллигенция шла *врозь* с народом, не оглядываясь назад и не обращая на него внимания?.. Признание многоценное. Русское общество будет теперь знать, по крайней мере, с кем имеем дело. Оно видит теперь, сколько под личиною демократизма и либерализма скрывается вожделений деспотического свойства и глубокого презрения к русскому народу, к его душе, разуму и воле.

Нас обвиняют в том, что мы что-то тормозим, что-то усиливаемся отсрочить. Но чтó же именно? Уж конечно, не мы желали и желаем затормозить свободу слова, которого были лишены почти 12 лет, когда, напомним мимоходом, наши противники не переставали подвизаться на возбраненном нам поприще. Хотим ли мы отсрочить свободу верующей совести? [3] Но едва ли не мы первые поставили этот вопрос в нашей печати еще в «Дне», поднимали его потом в «Москве» [4], поднимали его и иными путями [5]. Не мы ли старались вызвать в общественном сознании историческое понятие о земле и земстве, прежде даже появления на Божий свет Положения о земских учреждениях? [6] Чтó же хотим мы отсрочить? Паспортную ли систему, податную ли реформу, уравнение ли

* Отсюда и гнев! (*лат.*)

выкупных платежей и прочие тому подобные мероприятия, на которые нам указывают враждебные нам газеты, как будто скорейшему разрешению этих задач служит помехою именно «Русь», именно ее требование идти вместе с народом?! Но такой вовсе даже и не искренний упрек не заслуживает и опровержения. Нашим противникам вполне известно, что не о таких мероприятиях шла наша речь; что всякая деятельность законодательства в смысле расширения простора развития жизни, в смысле ослабления мелочной опеки, устранения злоупотреблений и т. п. всегда сочувственно приветствовалась «Русью», которая и теперь не перестает указывать вниманию правительства на задачи, требующие, по ее мнению, непременного, скорого разрешения. Но не к правительству, а к нашей интеллигенции обращались мы с нашим увещанием идти не врозь с народом, а вместе с ним, и не по поводу вышеисчисленных и им подобных мероприятий, а по поводу того коренного вопроса, на разрешение которого, сказали мы, «не имеет права и сама власть без всенародного сознательного соизволения». Мы имели преимущественно в виду то довольно распространенное в нашем обществе направление, которое, веруя только в последнее слово европейской науки и жизни, истощается, как выразились мы, в бесплодных помыслах и мечтаниях: преобразить по чужому образу и подобию весь русский народный исторический склад... Такому направлению мы и сочли нужным напомнить, что русский народ жив и имеет, полагаем, некоторое право требовать, чтобы считались с ним и с его историей. Негодование, вызванное нашими словами, всего лучше свидетельствует, что напоминание наше было вполне уместно, что мы попали прямо в цель, в ахиллесову пяту нашего мнимого либерализма.

Наши противники постоянно твердят нам об европейских учреждениях как о «венце развития». Но о каких именно — в этом и вопрос. «Европа» — не более как отвлеченный термин; Европа — это Англия, Франция, Германия и прочие политические организмы, каждый с резко определенной национальной индивидуальностью, с особою территорией и историей. Мы обращаем внимание наших читателей на помещаемую в этом № корреспонденцию из Парижа[7]. Из нее видно, в какой степени французские политические учреждения обеспечивают в действительности политические и общественные права французского крестьянского населения. Менялись формы правления: за монархическо-конституционною следовала республиканская; империя снова уступила место республике, которая и продолжается вот уже 10 лет, но в положении народа перемены не произошло. Отношения провинциальной местной жизни к центральной власти остались почте те же: в короне ли, в буржуазном ли картузе или во фригийском колпаке[8], — все тот же самый бюрократический и парламентарный деспотизм! Франция поучает нас. Ее история дает нам возможность представить в своем воображении, чем способно стать на деле, в жизни это царство «интеллигенции» — голой, совлекшей с себя исторического и земского человека, игнорирующей и презирающей народные массы, отрешенной от почвы, вечно мятущейся отвлеченными теориями и доктринами и вооруженной притом страшными орудиями административной силы. Это царство анархии; это теории и доктрины, принявшие образ организованных политических партий, вечно борющихся между собою за власть и только за власть, с тем чтоб, достигнув власти, во имя принципа народного верховенства, под сенью наилиберальнейших знамен в мире совершать дела чудовищной тирании над безгласным

и нравственно пригнетенным народом. Конечно, торжество такого «режима» длиться долго не может. Оттого-то во Франции всегда готовая почва для оппортунизма, т. е. для реакции против отвлеченных теорий и доктринаризма, — во имя реальных жизненных потребностей данной минуты, — другими словами: для диктатуры Наполеона или Гамбетты! Таким образом, один из европейских образцов оказывается совершенно не подходящим под условия русской жизни, где в основе всего лежит понятие и сила земли, хотя бы даже эта сила и представлялась теперь недеятельною. Перебирать ли другие «европейские же» образцы, упоминать ли об Англии, которой политическое устройство так непосредственно, так органически слито с ее исторической жизнью, что отвлекать его и возводить в теорию — это все равно что отдирать кожу от тела? Да мы уже и прежде упоминали, что большинство населения — весь класс рабочих — не пользуется в Англии правами народного представительства. Нечего поэтому толковать и кричать об Европе и путать общественные понятия постоянными указаниями на «учреждения европейских просвещенных стран», когда дело идет о разрешении задачи нашего *русского* земского и государственного строя, которая может быть правильно разрешена единственно на основании самобытных начал, выработанных тысячелетнею жизнью русского народа.

«Да кто ж об этом в наше время и спорит, — немедленно, как бы мимоходом, оговариваются наши противники, — мы, либералы, мы же и интеллигенция, все насквозь, до мозга костей проникнуты “национальными началами”; у нас слова “земство”, “земский голос, земский сбор, собор, сход, съезд” то и дело на устах...» Если вы так проникнуты, — ответим мы, — то из-за чего же вы беснуетесь, как только напомнят вам о необходимости придать вашему современному земству тот авторитет в народе, которого оно не имеет и без которого ваше земское представительство — ничто? Или уже так вы проникнуты духом и разумом русского народа, что можете обойтись и без теснейшего сближения с ним, без новых справок с его мыслью и желаниями? Или в том выражается ваше «проникновение», что вы до сих пор не смогли внести в земские учреждения никакого плодотворного духа жизни и по-прежнему бредете с народом врозь? Да иначе брести и трудно. Либеральная зиждительная деятельность нашей отрешенной от народа интеллигенции осуждена роковым образом на воспроизведение опять только казенщины и бюрократии, как это и доказывается на практике, — а сама эта интеллигенция продолжает по-прежнему носить у народа многозначащее прозвище *господчины*.

Постараемся, однако, разъяснить нашу мысль точнее. Может быть, и в самом деле в нашем споре с «либералами», по крайней мере с некоторыми из них, есть какое-то крупное недоразумение. Если, с одной стороны, мы признаем образцы современных либеральных учреждений европейского Запада для нашей земли непригодными, то, с другой стороны, — мы признаем точно так же и чуждым, и непригодным тот, западноевропейский же, образец (только уж вовсе не либерального свойства), который уже давно искажает наше бытие, искажает отчасти поныне. Мы, впрочем, уже указывали на это и в прежних статьях. Мы разумеем здесь тот идеал политического строя и отношения власти к народу, который в самом начале XVIII века заимствован Петром из Германии. Профессор Градовский[9] говорит, что с реформою Петра тип *земского* государства сменился типом *полицейского*: мы вполне согласны допустить это определение. С этой точки зрения мы даже готовы если не оправдать стремления наших ли-

беральов, то признать их естественными и логически верными. В самом деле, если предположить, что раз наше отечество вступило на путь политического западноевропейского развития и сойти с него уже не властно, то ничего ему больше и не остается, как брести за Европою, за всеми ее блужданиями, по всем стадиям ее прогресса, брести, по словам Языкова, так, как

...за госпожою величавой
Идет блистательный лакей!.. [10]

Но и это сравнение поэта слишком лестно, да и вообще неверно: добро бы еще была *одна* госпожа, Европа! А тут их много: и Германия, и Англия, и Франция, и пр. и пр. Да и «блистательный лакей» представляется нам существом как бы примиренным с судьбою и чуть ли не самодовольным. Но мы, русские, не примирены с этим лакейским уделом: мы болеем, мы страждем, мы не «блистательны» в европейской ливрее: она нам тесна, узка, она у нас вся оборвана, в дырах и заплатах! Русская жизнь, насилуемая в своей свободе, *протестует именно безобразием* и беспрестанно, назло садовникам, из заморских дорогих цветочных, но не пригодных нашей почве и климату семян родит... чертополох! Вот законный смысл того безобразия, которым мы так богаты и от которого одинаково ноют все русские сердца без различия и исключения! Но не следует забывать одного: если либеральные стремления наших русских «европейцев» естественны, понятны и являются логическим последствием, дальнейшим прогрессом пересаженного к нам в XVIII веке образца, — то так же естественно, понятно и логично, что результаты новых, европейских же, либеральных образцов подвергнутся на русской почве той же неминуемой, но еще худшей участи, обогатят нас еще пущим безобразием, пущей ложью!

Можно и иначе характеризовать, с некоторою приблизительною верностью, реформу XVIII века. Если Иван IV отмежевал для опричнины только известное число городов [11], предоставив остальные «земщине», которой даже и особого царя позабавился поставить [12], то Петр с своим «полицейским» государством создал также особого рода опричнину, замежевав в ее область всю Россию, отчасти даже церковь, — все, кроме *села,* кроме *крестьянства,* куда и ушла, притаилась земская жизнь. Вне простого народа все принадлежало к опричнине, начиная с вершин администрации, кончая писарем, включая сюда и так называемую «интеллигенцию». Разумеется, мы употребляем здесь выражение «опричнина», «опричник» не в смысле и в образе времен Ивана Грозного, а в смысле отчужденности от народа, служения иному, не земскому, напротив, враждебному, хотя и цивилизующему началу, которое к тому же облечено безграничною над «земщиной» властью. В этом смысле даже и Акакий Акакиевич Гоголя принадлежит к сонму опричников, да и все наши «либералы» XVIII века и позднейших времен — не что иное, как либеральная фракция той же опричнины. Они опричники — не по душе и нраву, разумеется, а по своему к земщине отношению: потому что по-прежнему остаются ей чуждыми; потому что, не отрицая самого принципа опричнины, оставаясь на почве европейского полицейского государства, ищут только видоизменить или упорядочить его разными европейскими же гарантами. Весь этот либерализм, если б ему и дано было осуществиться, разыгрался бы в пределах только опричнины, поверх народа, не коснувшись крестьянства и села, в которые убежала земская жизнь. Только

та законодательная деятельность в опричнине поистине либеральна, которая выводит нас из ее области, но не в Европу, не на Запад, а домой. Преобразования нынешнего царствования не потому благотворны, что «по пути реформ» могут привести нас к либеральным учреждениям западноевропейских наций и доставить нашей интеллигенции господствующее над землею положение вроде того, каким пользуется французская интеллигенция в парижской опричнине. Но потому они благотворны, что «в них старина слышится», что они возвращают нас к «типу земского государства», сближают, мирят, роднят нас с «земщиной», и прежде всего с вместилищем и хранилищем народного духа в его непосредственном стихийном состоянии, с ядром русской органической жизни — с селом, с крестьянством.

Пора бы, кажется, задать себе вопрос — самый простой и естественный:

Русский простой народ, по отзыву даже иностранцев, самый толковый, сметливый, разумный народ в мире в сравнении с крестьянством других наций. Отчего же поверх этого народа, проявляющего столько ума и оригинальности хоть бы в своем самоуправлении, в своих артелях, такое малотолковое, малоспособное общество, не исключая и администрации? Отчего у этого умного народа так мало, сравнительно с его численностью, умных администраторов, дельных распорядителей, вообще умных и дельных людей? Отчего царит у нас везде и всюду такой сумбур, такая путаница, такая нескладица, такая бестолочь, описанием которой полны все наши газеты, по поводу которой мы не перестаем ныть и выть с утра до вечера и с ночи до утра и которая парализует самые благие намерения и начинания? Отчего, повторяем, стало уже общим местом для иностранных карикатуристов рисовать одну часть русского народа с львиными, другую с бараньими головами? Неужели во всем «правительство виновато»? Ну, а наше самоуправление, городское ли, земское ли (где, говоря по совести, довольно простора для деятельности нашей интеллигенции), — почему оно выходит на практике каким-то мертворожденным детищем или, в лучшем случае, недоноском? И поправится ли дело, поумнеем ли мы оттого, что пензенская «интеллигенция» помножится санкт-петербургскою, костромскою и т. д.? Конечно, ум хорошо, а два лучше, а тридцать два — и подавно. Но не говоря уже о том, что, по нашему мнению, всем этим умам «интеллигенции» прибудет настоящего ума-разума лишь тогда, когда им удастся почерпнуть животворной струи из родника народного духа, из теснейшего сообщества с народом, — мы предложим опять вопрос: станем ли мы от одного вышеупомянутого помножения авторитетнее в глазах народной массы? Без опоры народа мы, интеллигенция, лишены всякой *реальной* силы, — тем более что благодаря недавним преданиям мы у него еще в подозрении, — мы *господа*: этим титулом, как известно, чествуется не только помещик, но и самый нижайший представитель цивилизации и интеллигенции, — будь он хоть сельский учитель. Если же мы не обладаем реальною силою сочувствия и единомыслия с народом, то все, что́ бы наши либералы ни затеяли строить, все это будет не прочнее карточных домиков... Имеем ли мы народ за собою?.. Решится ли кто произнести: *да*?

Если же нет, так что́ же? Ну и следует внять указаниям нашей старой и новейшей истории, переходить от полицейского типа к типу земского государства, обратиться к тем *основам*, о которых мы столько раз толковали (и над которыми «либералы» столько смеялись), к тем ячейкам общественной жизни, где происходит первая встреча крестьянства с интеллигентными силами, сти-

хии общественной, непосредственной, живущей под законом обычая, со стихией личной, сознательной, — и там положить *начало* цельному, земскому, органическому самоуправлению. Тогда и можно будет добыть той народной правды, о которой мы также не раз говорили и над которою так глумились наши противники, — добыть и правды, и задатков живой реальной силы, и здоровой свободы... Понятно ли? Пусть же рушится на нас снова крик и брань так называемых «либералов». Не с ними будет русский народ.

<ДОСТОЕВСКИЙ УМЕР! ПОТЕРЯ НЕЗАМЕНИМАЯ!..>

Достоевский умер! Потеря незаменимая!.. В нашей современной литературе это была чуть ли не единственная *положительная* сила, не растлевающая, не разрушающая, а укрепляющая и зиждительная. Это был мощный талант и замечательный мыслитель. Никто из наших писателей не был равен ему по глубине и бесстрашию психического анализа, по важности и широте нравственных задач, к разрешению которых он так страстно стремился в своих сочинениях, которые были для него личным делом, *делом души,* всей жизни, всего его существа. Его романы, с точки зрения исключительно эстетической, может быть, именно и грешат тем, что слишком запечатлены характером субъективности, — но это-то и придает им власть и обаяние искренности. Все они писались плотью и кровью, — на каждой странице изводилась жизнь самого автора: болезненный процесс творчества, преждевременно унесший его в могилу! Преждевременно, потому что талант его не слабел, но, казалось, только теперь достиг настоящего блеска и зрелости. Еще многого вправе мы были ожидать от него... Старые силы, старые дарования сходят со сцены... Кто же является им на смену?.. Нет ответа!..

Ф. М. Достоевский в гробу. Рисунок А. Е. Земцова. 1881

<ПО ПОВОДУ СМЕРТИ ДОСТОЕВСКОГО>

Истинно событием стала для нашего общества смерть Достоевского[1], событием внутренним, нравственного и духовного мира. Бывают минуты в жизни частных лиц и целых обществ, когда внезапно озарится светом все неведомое, сокровенное души, когда нежданно-негаданно воспрянет со дна ее несознанная, забытая или презренная правда и властительным порывом высвободит ее хоть на миг из сетей лжи и лукавого мудрования. Задержать эту минуту, утвердить ее в сознании, поставить ее себе ступенью — это уже значит двинуться вперед... Но не всегда так бывает, и приходится ждать новых событий — новых потрясающих ударов...

Глубоко знаменателен этот единодушный всеобщий взрыв скорби и сочувствия к умершему, о котором сообщают нам петербургские газеты. От Царя (к Его вящей славе) до последнего студента — все почтили писателя. Еще никогда никого *так* не хоронили; ничего подобного не видывал Петербург. Все эти внезапные, не предуготовленные, не предумышленные, а потому несомненно искренние изъявления участия, признательности, уважения, как со стороны представителей власти и церкви, так со стороны общества без различия партий и направлений, и особенно со стороны учащейся молодежи, — все это чествование, так нечаянно, само собою, вдохновенно сложившееся, исполнено важного смысла. В самом деле, кого же и за что́ чествовали в Петербурге с таким непритворным, безотчетным увлечением и общество, и молодежь? Да и в одном ли Петербурге, и теперь ли только? Кто и чем, месяцев восемь тому назад, вызвал целую бурю восторгов, в приснопамятные дни Пушкинского празднества, на Московском литературном соборе[2], среди московской молодежи и московского общества? Мы тогда же назвали речь Достоевского и впечатление, им произведенное, «событием»[3], но оно было лишь предтечею того великого смятения любви и горя, которым объят был весь мыслящий город при вести о кончине, когда не то или другое случайное слово, а весь нравственный образ, весь жизненный подвиг писателя мгновенно предстал пред обществом во всей своей *целокупности* (по его собственному любимому выражению)[4].

Кого же чествовали и за что́? Проповедника ли иностранных политических доктрин? Сторонника ли известных западных государственных и гражданских учреждений? «Либерала» ли в том смысле, в каком употребляет это слово наша печать, так-таки и величающая себя «либеральною», — такого «либерала»-писателя, который если не прямо, открыто, то в художественных образах, между строк или намеками давал подразумевать о своих симпатиях? Но никто решительнее, энергичнее Достоевского не восставал на европейский либерализм русской интеллигенции: бороться с ним считал он необходимым, «доколе перо будет в его руках»[5], как выразился он сам в «Дневнике» 1880 года.

Но, возразят нам, таких закоренелых чистокровных западников, какие бывали прежде, теперь уже мало. Либералы новейшего закала мечтают о политических формах свободы — в русском вкусе и образе, и Достоевский, может статься, был не чужд этого направления? Кому же, однако, не ведомо, что для

Достоевского все дело было не во внешней форме, а в *духе*; что он в душе своей был искренним врагом всякой политической формальной свободы, которая бы могла лишь усилить власть и значение нашей европействующей интеллигенции и исказить органический саморост русского народа, своеобразность и свободу его духовного развития. Да и вообще политические государственные формы мало его занимали: не в них видел он главное зло, не в них и спасение. Одним словом: политические убеждения русского народа были и его убеждениями.

Кого же чествовали, спросим снова: социалиста ли, социал-демократа? Да, пожалуй, он был социалистом, во сколько само Евангелие может почитаться социалистической доктриной! И не в смысле даже германской социально-христианской школы[6], а в смысле его собственных слов в первом и последнем выпуске его «Дневника» на 1881 год: «Не в коммунизме, — говорит он, — не в механических формах заключается социализм русского народа: он верит, что спасется лишь в конце концов *всесветным единением во имя Христово*... Вот наш русский социализм! вот над присутствием в народе русском этой высшей единительной "Церковной" идеи вы и смеетесь, господа европейцы наши»...[7] После этой выписки кажется уже совершенно излишним ставить вопрос: чествуется ли Достоевский как поборник *позитивизма, материализма* и тому подобных учений?!..

Что́ же могло нравиться в нем, в особенности молодым людям? Смелые ли выходки против предержащих властей, язвительный ли протест против официальных «существующих порядков», меткая ли злая сатира гражданского строя, художественная ли проповедь отрицания? Но даже тени ничего подобного не встречается в его сочинениях, — потому что и в самом сердце этого бывшего каторжника не было и следа озлобления или ропота; потому что не процессом мертвящего отрицания, но преизбытком любви, жизненною силою верующего духа, торжеством нравственной правды в сердцах человеческих учил он превозмогать неправду внешних явлений. Не он ли, напротив, превозносил долготерпение и смирение русского народа? Не он ли в лице «страждущих» и «гонимых» в своих художественных созданиях благословляет самое страдание и наказание как путь к очищению, к возрождению в себе нового человека?.. Пусть и так, скажут нам, но именно его сочувствие к «униженным и оскорбленным»[8], к презренному мелкому, бедному люду, его «гуманитарное» направление — оно-то и влекло к нему сердца... Несомненно, влекло, — но приводило к иному нравственному выводу, нежели такое же по-видимому сочувствие прочих наших «гуманитарных» романистов и поэтов. Относительно разницы, вернее сказать, противоположности этих выводов нельзя ошибаться. Тот, кто смешивает их, для кого Достоевский представляется только наставником гуманности *заодно* с другими нашими писателями отрицательного направления, тот или поступает недобросовестно, или ничего не смыслит. У последних сочувствие относилось не столько к человеку, сколько к представителю известного общественного класса или сословия, страждущего от внешней неравноправности, от неправильности социального положения, а потому всегда более или менее окрашено тенденциозностью условной, политической или социальной, доктрины. Задача писателей этого разряда — вызвать вместе с участием к социальной обстановке воспроизведенных лиц негодование и бунт в душе читателя против неравномерности в распределении материальных благ

и несправедливости общественных условий. Негодование на несправедливость, конечно, благое и честное дело; это вопль самой правды, уязвленной в душе человека, — но только то негодование, которое само не переступает пределов истины, не переходит в вожделение мести, не сдвигает человека с строго нравственной почвы на путь внешнего насилия. Совсем иную задачу имел в виду Достоевский. Идея внешней, социальной равноправности бледнела и исчезала для него в *высшей* идее — в христианской идее *братства*. Эти униженные, эти оскорбленные, эти презираемые миром — это наши братья о Христе, это те евангельские мытари и блудницы, к которым как во дни о́ны, так и теперь нередко входит и пребывает в их смрадных жилищах Христос, минуя богатых и гордых. Не презирай, — твердит нам Достоевский с первой до последней написанной им строки, — не презирай ни униженного, ни злодея, ни преступника, потому что вся вселенная не стоит единой души человеческой, потому что каждая куплена дорогою ценою — крестом и кровью Христа, — потому что нет души, в которой бы Божественная искра не могла вспыхнуть очищающим пламенем, пред ним же померкнет вся твоя заурядная добродетель: вот любимая тема писателя, столько лет прожившего бок о бок с клейменными злодеями и умевшего в каждом признать человека, опознать брата и Бога...

Так вот какого писателя почтило так единодушно наше общество, вот кому несла наша русская учащаяся молодежь, движимая благороднейшими, чистейшими, лучшими инстинктами юности, дань горячей любви и благодарности. Не материалисту несла она эту дань, не позитивисту, не социалисту, не европейцу-либералу и не наставнику гуманитаризма, а писателю-*мистику*: бесстрашному (ибо в наши дни нужно для сего мужество), непостыдному исповеднику имени Господня...

Нечего себя обманывать и утверждать, будто такое исповедание не касается его значения как романиста-художника, так как вера-де есть «субъективное чувство» и обстоятельство, в настоящем случае совершенно безразличное: его вера сама по себе, а литературная его заслуга сама по себе... Другими словами: идеал человека, *объект*, к которому он стремится, то, что́ составляет душу, смысл, содержание всей его жизни и авторской деятельности, — это не важно! это дело побочное, которое может и должно быть устранено при оценке его как писателя! Но Достоевский не дал никому права ошибаться на его счет, делить его надвое и производить из его творений какие-то экстракты с очищением от «мистических» примесей. Он *един* во всем разнообразии своих сочинений, он целен или — повторим его слово — целокупен с начала и до конца своего авторского поприща. Все у него исходило из *одного* и сводилось к *одному* — из Христа и к Христу. Конечно, проповедники гуманитаризма не без благоволения относятся и к нравственному учению христианства, даже принимают кое-какие евангельские принципы, например любви, милосердия, братства, тщательно вылущивая их из той догматической скорлупы, в которой предлагает их Евангелие; не без уважения относятся они и к лицу Христа, хотя и полагают, что он немножко обманывал или сам на свой счет обманывался, — допускают, наконец, что и Евангелие, revu и corrigé, пересмотренное и исправленное ими — книга не бесполезная... Но Достоевский учил и доказывал, что гуманность, отрицающаяся Бога, логически приводит к бесчеловечию; цивилизация без просвещения Христова — к одичанию; прогресс без Христа — к регрессу; свобода, где нет духа Божия, — к деспотизму и тирании; что без «личного само-

усовершенствования в духе христианской любви»[9] невозможно, в конце концов, истинное разрешение ни для каких социальных и гражданских задач. И эту-то возможность личного самоусовершенствования усиливался он показать во всякой душе человеческой, как бы низко она ни падала, и вместе с этою возможностью самоусовершенствования о Христе свидетельствовал он и о непрестанно стерегущей человека опасности падения, на какой бы высоте он ни стоял, если он на миг отклонится от Христа и «осуетится»... Вот существенное содержание всех его сочинений. Душа человеческая, с ее *святая святых* и *сатанинными глубинами* — вот что призывало его к себе, вот куда проникал его бестрепетный художественный анализ при согревающем свете любви Христовой... Нет, это не был ни литератор-виртуоз, ни доктринер или теоретик, — это был христианин, исполненный живой, девственной веры, послуживший данным ему талантом Христову делу до самой смерти... Но это был вместе с тем и русский, истинно русский человек, — не в смысле тех «русских националов», которыми обзавелись и у нас вроде прусских Nationale и, так сказать, с разрешения и по примеру Европы, и не в смысле «патриотов», которые любят свое русское отечество, но не русскую народность. Он был русский, потому что был причастен самой душе народной, самой ее *сути*, по его выражению. «Наш народ, — говорит он в своем "Дневнике" (август 1880 г.), — просветился уже давно, приняв в свою *суть* Христа и Его учение. При таком *основном* запасе просвещения (потому что христианство народа нашего есть и *должно остаться навсегда* самою главною и жизненною основою просвещения его) науки Запада, конечно, обратятся для него лишь в истинное благодеяние. Христос не померкнет от них у нас, как на Западе, где, впрочем, не от наук Он и померк, а потому, что сама церковь западная исказила образ Христов; где хотя много еще есть христиан, да и никогда не исчезнут, но где католичество воистину переходит в идолопоклонство, а протестантизм исполинскими шагами переходит в атеизм и в зыбкое, текущее, изменчивое, а не вековечное учение... Пусть, пусть народ наш грешен и груб, пусть "зверин еще его образ"! Но вот что́ в нем есть неоспоримо, это именно то, что он — в своем целом, по крайней мере, — никогда не принимает, не примет и не захочет принять своего греха за правду!.. То именно и важно, во что́ народ верит как в свою правду, в чем ее полагает, что́ возлюбил, о чем молитвенно плачет. А идеал народа — Христос»...[10] «Народ русский ("Дневник" 1881 г.) в огромном большинстве своем православен и живет идеей православия в полноте, хотя и не разумеет эту идею отчетливо и научно... В сущности, в народе нашем все из нее одной и исходит, по крайней мере народ наш так хочет, всем сердцем хочет, чтоб все, что́ есть у него и что́ дают ему, из этой одной лишь идеи и исходило, несмотря на то что многое у самого же народа является смрадного, варварского и греховного... Вся глубокая ошибка наших интеллигентных людей в том, что они не признают в русском народе церкви. Но кто не понимает в народе нашем его православия и окончательных целей его, тот никогда не поймет и самого народа нашего. Никогда и народ не примет такого русского европейца за своего человека: "*Полюби сперва святыню мою, почти ты то, что́ я чту,* и тогда ты точно таков, как *я, мой брат*, несмотря на то что ты одет не так, что ты барин, что ты начальство"... вот что́ скажет народ, ибо народ наш широк и умен»[11].

Вот что́ говорит Достоевский в своем последнем «Дневнике», который есть как бы его завещание, обращенное к русской интеллигенции. Внимет ли она

загробному слову человека, которого с такими почестями, с таким порывом скорби и сочувствия проводила в могилу? Или же произойдет то же, что́ случилось и после произнесения Достоевским речи на Пушкинском празднестве, когда — увлеченные общим движением, сами подвигнутые проснувшеюся в них правдою и вспыхнувшим русским народным чувством, — многие стали потом стыдиться своего увлечения и своих восторгов — может быть, лучшей, искреннейшей минуты в своей жизни! Под всеми возможными предлогами устраивали они себе — не почетное, а позорное отступление и в досаде на самих себя за то, что впали в противоречие с собственными доктринами и невольно обличили всю шаткость своего мудрования, даже озлобились на оратора и обрушились на него с такою бранью, — как будто, по словам Достоевского, «он совершил какое-либо преступление, растратил общественные деньги»! Но ни обвинения в ретроградстве, ни упреки в узкости миросозерцания, в приверженности к постному маслу [12] и т. п. не помогли ничему: не предупредили ни новых выражений сочувствия, ни той колоссальной общественной манифестации, которою (при их же участии!) ознаменовалась его кончина; не предохранили и их самих от новых противоречий, от новой уступки искушениям собственной совести, — искушениям правды. Пусть снова, спустя некоторое время, начнут они отчураться и открещиваться от такого наваждения истины, но для нас знаменательна и утешительна самая возможность таких минут в нашей русской общественной жизни, когда правда берет свое, является в торжестве, все покоряет себе своею властью, все и всех единит собою: это правда христианская, это правда русского, глубоко народного чувства...

Достоевский принадлежит весь будущему. Кумиры настоящего времени, учители отрицания забудутся или займут приличное себе место в исторических архивах, а наследие, оставляемое Достоевским, еще ожидает достойных наследников в грядущих поколениях. Он любил, он верил в русскую молодежь... Обманется ли его надежда и вера?..

<ПО ПОВОДУ ОДНОГО ДУХОВНОГО КОНЦЕРТА>

Мелкий случай, но с сотнями ему подобных он освещает, он помогает уразуметь многие темные явления нашей жизни — эту загадочную беду нашего внутреннего общественного настроения, которую все мы болезненно ощущаем, но которой ни смысла, ни силы еще не познали или не умеем познать. Не умеем главным образом потому, что ищем объяснения в причинах внешних, «от нас не зависящих», тогда как причины — нравственного и духовного свойства и хоронятся, большею частью, в нас же самих. Случай мелкий по-видимому, но вдумываясь в него, приходишь незаметно к выводам серьезным и крупным.

В 8 № «Руси» помещена статья «Старого московского священнослужителя» по поводу духовного концерта в зале Благородного российского собрания 18 декабря[1]. На этом концерте, как известно, пелась «обедня Чайковского»[2], нашего знаменитого, талантливого композитора. Автор статьи был оскорблен в своем религиозном чувстве подобною, по его мнению, профанациею священного песнопения, которое православные христиане привыкли внимать не иначе как молитвенно лишь в стенах храма при совершении величайшего из таинств. Хороша или неудачна музыка Чайковского сама по себе, это другой вопрос, но все же она прилажена к словам стихов и молитв, которые составляют одно живое, нераздельное целое со всей литургией, одно общее священнодействие. Понятно, что исполнение их не для верующих, а для *публики*, в бальной зале, за деньги, в обстановке светской, блестящей суеты, наравне с какими-нибудь оперными ариями, романсами или даже каскадными[3] шансонетками, раздающимися иногда в тех же самых стенах на таковых же публичных концертах, — не только могло, но и должно было показаться неуместным служителю алтаря, сколько-нибудь не недостойному своего звания, и подвигнуть в его души вполне почтенную и законную ревность. Да и в нем ли одном?.. Справедливость, впрочем, обязывает нас откровенно сознаться, что мы лично, вероятно, не обратили бы на эту «концертную обедню» никакого внимания, — до такой степени неуважение к народной святыне вошло у нас в общественный обычай и нравы. Но, получивши статью, мы не сочли себя вправе отказать в ее напечатании. Мало того: мы с полною готовностью и предупредительностью отвели место этому выражению благочестивой скорби и доброго негодования. Мы хорошо знали, к прискорбию, что бóльшая часть «органов русского общественного мнения» не допустит на своих столбцах появления подобного протеста, хотя бы и вполне сдержанного по форме: не допустит не столько по причине разномыслия, сколько ради боязни подвергнуться упреку в ретроградстве, «страха ради *иудейска*»[4], в буквальном смысле этого слова. Помещение статьи в 8 № «Руси» вызвало, как и следовало ожидать, со стороны некоторых наших газет разные гневные выходки и глумления, уснащенные ссылками на «постное масло», «смердящую потухшую лампаду»[5] и тому подобные, по мнению авторов, эмблемы святошества и набожности. Один из таких фельетонов, должно быть самый язвительный, был написан, сколько нам известно, именно «интеллигентным» иудеем... Так сему и быть надлежит...

Немалым также побуждением напечатать статью «Старого священнослужителя» послужило для нас собственное воспоминание об одном общедоступном или народном духовном концерте, на котором мы сами присутствовали. Он происходил раннею холодною весною в Москве, в Манеже [6]; простого народа было тысяч не менее пяти; исполнялась не «обедня», а некоторые церковные песнопения, и из молитв, употребляющихся при литургии, единственно «Отче Наш». Когда запели молитву Господню, все эти пять тысяч человек встали и перекрестились как один человек, и во все время пения стояли с обнаженными головами. Интеллигенция, сидевшая в передних рядах, упрямилась — не хотелось ей ни вставать, ни тем менее снимать теплые шапки; однако ж бóльшая часть из нас почувствовала себя как-то неловко и последовала примеру народной толпы: остались сидеть только esprits forts *, «либералы», и презрительно оглядывали вставших. Из народа же многие не садились и не накрывали голов во все продолжение концерта. — Конечно, не таково, как народной толпы, было поведение публики в зале Благородного собрания при пении «Тебе поем» и «Иже Херувимы» [7].

Чтó же из всего этого следует? Неужели действительно подлежит осуждению то высокое эстетическое наслаждение, которое доставила слушателям в Собрании художественная музыка Чайковского? — неужели и вправду это грех или преступление? Ни то ни другое, да нет даже и надобности в постановке такого вопроса. Пусть само по себе, по существу, оно не заключает в себе ничего противного ни религии, ни учению церкви, — но есть другая сторона дела, именно та, на которую указывает апостол истинной христианской свободы Павел. «Все мне позволено, — говорит он, — но ничто не должно обладать мною» [8]; все мне позволено, «ничтоже скверно само собою» [9], но «блюдите, дабы сия свобода ваша не послужила преткновением немощным» [10]. Нет греха ни в какой пище, но, если она соблазняет брата моего, «не имам ясти мяса во веки, да не соблазню брата моего»!.. [11] Здесь уже не только снисхождение, а свободное действие братской любви, уравнивающей мощного с «немощным», уважение, признание прав чужой совести. Вот чем должны определяться отношения так называемой интеллигенции к тем народным массам, которые она, противопоставляя себе, отчисляет в разряд «неинтеллигентных»... Но так способны поступать люди лишь истинно свободные и истинно просвещенные. То ли мы видим у нас? Наши «либералы» и «демократы» многоглагольствуют о гуманности, ратуют за материальные интересы народа с горячностью, подчас даже вполне искреннею (причем, однако, справляются не столько с действительными народными потребностями, сколько с учебниками и кодексами излюбленных ими новейших экономических или социалистических доктрин), но в грош не ставят именно того, чтó для русского народа святее и дороже всяких вещественных прибылей и выгод. И не для одного простонародья оно святее, дороже всего, но и для значительной части русского общества. Знает ли та, сравнительно с массою остальных небольшая кучка, гордо величающая себя «интеллигенцией», знает ли она, что к разряду «униженных и оскорбленных» [12] в России принадлежат, благодаря ей, именно люди, искренно верующие и чтущие «отеческие обычаи»? Не в политическом или социальном смысле, не вещественным образом они оскорблены и унижены, а именно тем, что в области

* вольнодумцы (*фр.*).

высшего общественного умственного авторитета, располагающего орудиями публичного слова, безгранично, обаятельно властвующего над умами, руководящего (хотя бы и не всегда официально) воспитанием молодых поколений, они встречают, они слышат лишь презрение и глумление к самым возвышенным своим верованиям, к самым заветным стремлениям. Да, они угнетены, они придавлены в самом святом своем чувстве постоянным страхом обиды, ложным стыдом наглой насмешки, обвинениями в отсталости, в невежестве, в обскурантизме... Мы, конечно, разумеем здесь тех скромных простосердечных, а потому и робких, то громадное большинство, которое привыкло смиренно безмолвствовать, сознавая себя вполне безоружным пред всеоружием пера и слова так называемой интеллигенции. Нам возразят, что им за то предоставляется могучая опора внешней власти... Но кто же из них не сознает, что в сфере духовной такая опора не столько поддерживает, сколько роняет достоинство истины? Самое то, что протест «Старого священнослужителя» едва ли бы нашел себе место в какой-либо иной газете, кроме «Руси», тогда как нахальное глумление иудея над выражением чувства, общего священнослужителю со всем верующим русским народом, — с отверстыми объятиями встречено органом «либеральной» «прогрессистской печати», претендующей в то же время на демократизм, — не характеристичное ли это явление? В самом деле, кому оказано предпочтение пред русским народом, в чью угоду, ради чего и кого нанесено оскорбление его совести хоть бы концертом 18 декабря, да и множеством подобных случаев, например разрешением давать театральные зрелища Великим постом на государственных театрах? [13] Ради лишнего эстетического или, вернее, светски-суетного услаждения меньшинства — «*господ*»... Так, а не иначе полагает народ. Попробуйте заступиться за права угнетенного большинства... «Что́ нам за дело до грубого мужичьего благочестия, — услышится в той или другой форме ответ, — мы не народ, мы публика, мы интеллигенция, нашему нраву не препятствуй, — мы на то “либералы”»; другими словами: «Мы — господа! господа — мы!»

А возьмем в пример Англию. Уж конечно, сильные мыслители и высокообразованные умы этой страны очень хорошо понимают, что такое соблюдение воскресного дня, какое налагается английским обычаем, обличает некоторый формализм и узкость религиозного воззрения, — не заключает в себе никакой высшей, безусловной истины. Конечно, ни Джон Стюарт Милль, ни Спенсер, ни Бокль, которым даже наши интеллигенты и либералы не откажут в уме и либерализме, никогда не дозволили себе оскорблять чувство своего народа явным пренебрежением к чтимому народом обычаю. От членов королевской фамилии до последнего поденщика — все соблюдают этот обычай, все ему подчиняются без всякого нарушения своему достоинству, как бы это порою стеснительно ни было. Напротив, тем-то и крепка Англия, что не стыдится своих преданий и исторических обыкновений, не бросает их зря, опрометью, по первому зову — не страны, а каких-нибудь борзописцев с либеральной кокардой!.. Когда герцог Эдинбургский приезжал в Россию, чтоб сочетаться браком с дочерью русского государя [14], он, не щеголяя ни святошеством, ни набожностью, а просто в качестве англичанина отказался участвовать в придворном блистательном празднестве, приходившемся в воскресенье, и провел этот день у себя дома. Ни он не постыдился верности народному благочестивому «предрассудку», ни другим, конечно, и в голову не пришло посмеяться над такою, казалось

бы, странною щепетильностью; напротив, все отнеслись к ней с почтением: «ему это можно, он имеет право быть тем, чем он есть, он на то англичанин!»... А вот из наших русских, путешествующих за границей, да и дома пребывающих, принадлежащих к категории образованных, конечно, — из десяти девять — зардеются, как маков цвет, при одном намеке на какую-либо приверженность к родному набожному обычаю и отрекутся трижды от солидарности «с религиозным варварством» родного народа! В то время как в некоторых просвещенных странах. Европы люди судебного сословия до сих пор надевают на себя, без малейшего смущения, свой средневековой костюм, — у нас даже священники, из «либералов», забывая высокомерно и бессмысленно о народе, требуют для себя в печати избавления от рясы, *конфузящей* их в присутствии светского общества... Так, в Англии особенно должны мы поучиться этому сочетанию истинного просвещения с уважением к общенародным обычаям, к преданиям старины, к самобытности и своеобразию органического народного развития — сочетанию истинной свободы с свободным подчинением требованию и завету нравственного народного чувства. Увы, иначе у тех, про кого сказаны эти стихи поэта:

Напрасный труд! нет, их не вразумишь,
Чем либеральней, тем они *пошлее*;
Цивилизация для них фетиш,
И ненавистна им ее идея.
Как перед ней ни гнитесь, господа,
Вам не снискать признанья от Европы:
В ее глазах вы будете всегда
Не *слуги* просвещенья, а *холопы*!.. [15]

Да, душевное холопство, душевная подлость — вот характеристические черты русской цивилизации! Переход от народного непосредственного бытия на чреду «образованности» приобретается у нас большею частью ценою нравственного падения. История семейства графов Разумовских [16] представляет нам наглядный образец этого перерождения человеческих видов в течение одного века от умного пастуха до пустоголовейшего вельможи, отрекающегося от отечества, от родной веры и оканчивающего свой век за границей в бездействии и разврате. То же самое видим мы почти ежедневно, встречая благочестивого, умного мужика, твердого духом и волею, сумевшего разбогатеть, пожелавшего дать детям *господское* образование, и рядом с ним, с этим, крепким как кремень мужиком, его сынка, с пенсне, уже истощенного жизнью и усвоившего или, вернее, купившего себе за дорогие деньги самоновейший товар, «последнее слово науки». Иначе сказать: обученного различным научным *гипотезам* ученых Европы, которые некоторые наши холопы просвещения продают за несомненные, установившиеся *аксиомы*!.. Множеством примеров могли бы мы подтвердить и иллюстрировать наши слова, но прибережем их до другого раза, а теперь спросим только о том: можно ли ожидать правильного, плодотворного развития страны, где массы народа угнетены ее интеллигенциею духовно? где нет выхода в высшую область духа для того, что́ лежит в самой основе народного непосредственного бытия? где духовный и нравственный запрос народа должен смолкать и уходить в сокровенную глубь души, не смея высказаться

и обнаружиться пред лицом образованных своих классов, которым судьбы его вверены? где идеалы народа, бытовые и гражданские, где его святыня, всё, чем осмысляется для него земная и земская жизнь, — не чтутся, а презираются, и презираются кем? — не столько официальною, часто бессильною властью, сколько властью более действительною, властью духовного свойства, которая естественно принадлежит руководящей интеллигентной среде, которая встречается народу на всех путях к просвещению, которая теснит, давит, уродует все его попытки свободного, самобытного развития?

При таких условиях, при таком нравственном разрыве с народом можем ли мы ожидать того творчества жизни, которое так нужно нам и которое дается только органическою ее цельностью? Какого толку можно надеяться, например, от самоуправления, если не дать ему внутренней свободы идти в уровень со степенью народного развития, а навязать ему такие европейские формы, применение которых равнялось бы для мужика — в переносном смысле — переряживанию в тирольский костюм, в узкое трико театральных танцовщиков?..

В прошлом году один провинциальный городишко, где все городское общество состоит из купцов и мещан, возмнил, что ему действительно дано городское самоуправление. Он, конечно, не читал истории Северо-Американских Штатов Лабулэ [17], в которой указаны своеобразные распоряжения самоуправляющихся Штатов в 30-х и 40-х годах об ограждении общественной нравственности (распоряжения, которые потом, с постепенным ходом просвещения, постепенно же видоизменялись). Не читал он и о том, что и в настоящее время в Северной Америке есть штат, так-таки и не допускающий у себя на театре представление «Прекрасной Елены» [18] и нисколько не смущающийся мненьями о нем ни просвещенной Европы, ни просвещенных русских прогрессистов (впрочем, последние храбры только по отношению к России, а перед Европою с Северной Америкой — пас!). Но хоть город Зарайск (кажется, это был он) и не читал об этом, но имел неосторожность, в своем простодушии, понять свое право самоуправления в американском смысле и издал постановление: изгнать из богоспасаемого Зарайска кафе-шантаны со всеми развращающими молодежь арфистками... Не тут-то было. Поднялся административный и интеллигентный гвалт. Губернатор опротестовал распоряжение во имя... чего, не знаем, вероятно, во имя нравственности или либерализма; пресса — во имя, вероятно, либерализма и просвещения. Подите же теперь, заставьте граждан поверить своему праву самоуправления, отнестись к нему серьезно и искренно!.. С нашей же точки зрения, всякое проявление свободной *жизни и самобытности*, хотя бы в грубой, невежественной, даже несколько деспотической форме, мы предпочитаем *отсутствию жизни* — мертвечине благоустроенных извне, но неприложимых порядков. Не бойтесь природной грубой правды невежества, бойтесь пуще всего лживой цивилизации и рабского к ней отношения; не бойтесь безобразия жизни, бойтесь благообразной безжизненности.

Мы зазнались... Мы, т. е. небольшая кучка, так называемая интеллигенция, космополитическая по характеру и даже по составу, если вспомнить, что уже теперь чуть ли не треть русских студентов — евреи. Зазнались пред тем громадным большинством, которое зовется русским народом, как зазнались листы пред корнями в известной басне Крылова... [19] Да: теория зазналась пред жизнью, сочинительство пред творчеством, абстракция пред практикою, публика

пред мужиком, чиновники и либералы пред землею, нашею Русскою землею и ее свободою, интеллигенция пред народом и его умом!

Делилась во время óно Россия на две половины, на мужика и на барина, на бритых и небритых, битых и бьющих. Делится, по-видимому, надвое она и теперь. На одной стороне: теория, абстракция, сочинительство, публика, «либералы», интеллигенция (та, которая сама себя величает такою кличкой): все это и все они вместе состоят в «господах», в «привилегированных», власть имеющих. На другой стороне: народ и та часть общества, которая с ним едина сердцем и духом [20]. Есть нечто существенное, разделяющее обе половины в самой основе, ведущее и к дальнейшему разделению. Не одному Богу они молятся, не одному нравственному идеалу служат... Много горечи накопляется в сердце народа от постоянного пренебрежения к его духовной личности, его заветной святыне, его исторической народной правде со стороны просвещенных командующих классов. «Но он молчит, народ великий» [21], молчит и думает свою думу...

Это не угроза, а предостережение.

<Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ И В. В. КОМАРОВ О «ПЕТЕРБУРГСКОМ ПЕРИОДЕ» РУССКОЙ ИСТОРИИ>

Наша статья, помещенная в 17<-м> № «Руси» [1], вызвала со стороны «Современных Известий» [2] следующие замечания:

> Когда говорим «петербургский период», мы разумеем не столько даже период, сколько принцип, в нем живущий, нравственно-политическое начало; а в чем оно заключается, отчасти пояснила «Русь» в сегодня вышедшем нумере, сказав, что Петербург есть прародитель и представитель *бюрократизма, казенщины* и *пошлости*. С характеристикой мы согласны; но, анализируя нравственно-политической начало, о котором идет речь, найдем и еще черту, едва ли даже не более основную, чем остальные; эта черта — родня *пошлости*, отличаясь от нее всего одной буквой, именно *д* вместо *ш*; подобострастие перед теми, от кого мы зависим или кого и что́ считаем высшим, и одновременно — пренебрежение, не отступающее даже от насилий, к тем, от кого мы не зависим, а тем более — кто от нас зависит и кого считаем ниже себя. Вот принцип, который мы называем петербургским; да и не мы одни — пройдите всю Россию вдоль и поперек, каждый подтвердит то же, хотя будет выражать по-своему: «бездушие», «внешний лоск», «канцелярщина», «неуважение к нуждам и желаниям народа», либерализм, совместный с холопством, легко переходящим, однако, в дерзость и в мятеж, как у всякого раба[3].

Подтверждение наших мнений находим и в «С.-Петербургских Ведомостях», которые в статье от 8-го марта говорят между прочим:

> Народ русский не потерпит умаления власти своего Государя и не откажется от своего Монарха, покуда будет сознавать и чувствовать свое народное бытие, покуда будет способен осуществлять свои исторические задачи. От таких преступлений, каким мы были свидетелями, страдает лицо Монарха, но не идея; гибнет человек, но не порядок. Такие преступления, каким мы свидетели, еще и потому совершенно бесполезны, что они ни в каком случае не могут даже устрашить власть, не могут заставить ее сложить с себя бремя или ослабить себя. Ибо, каким путем устрашения устранить сильную власть, когда она вызывается и требуется самим народом? Русский монарх всегда есть, был и будет властным, и сделаться безвластным Он, если бы и захотел, не может, так как тогда на каждом шагу Он будет расходиться с понятиями народными, и Его положение сделается для Него действительным бременем. Пока жив русский народ, будет жить и идея самодержавия, и даже самая гибель монархов, как она ни ужасна, не поколеблет идеи и не прервет преемственности престола.
>
> Петербург, стоящий на окраине государства, кишит инородческими элементами. Тут свили себе гнездо и иностранцы, жаждущие разложения России, и деятели наших окраин, которые действуют против самодержавия потому, что в нем видят они главенство великорусского народа, а его, по их мнению, надо унизить и ослабить. Петербург, наконец, полон нашей бюрократией, которая давно потеряла чувство народного пульса и, как наемная дружина в государстве, служит в данную минуту тому, кому ей выгодно служить: белым — так белым; красным — так красным. Оттого-то в Петербурге можно встретить очень много людей, по-видимому и русских, но которые рассуждают, как враги своей родины,

Н. П. Гиляров-Платонов.
Фотография. 1881

В. В. Комаров.
Фотография. Начало 1880-х гг.

как изменники своего народа. Они стыдятся форм своего исторического бытия, не сознавая в тупоумии, что эти формы уже по одному тому хороши, что они свои, а не чужие. Оттого-то в Петербурге возможны многие гадости и неприличия, которые никогда бы себе не позволил истинно русский человек во всяком другом городе или месте. Оттого-то в Петербурге возможно существование такой прессы, которая не более как в найме у врагов России и которая под предлогом «либерализма» и «освобождения от власти» в сущности стремится разложить и ослабить Россию, торгуя убеждением и честью своей родины[4].

НАША ПЕЧАТЬ (4 АПРЕЛЯ 1881 г.)

Отметим необыкновенный случай. 30 марта «Русские Ведомости» обмолвились несколькими дельными словами. Не справедливо было бы укорять лжелиберальную газету, что она так изменила себе. Она усердно старалась и на этот раз наговорить как можно больше эффектного, забористого вздору. Но случается иногда, что человек, искренно желающий солгать, невзначай, сам того не подозревая, скажет правду. Так случилось и с «Русскими Ведомостями»: среди пошлых рассуждений об «основных принципах преобразований», о «требованиях интеллигентной части общества и благомыслящей прессы», с обычной приправою шутовских выходок и плоской брани, у них вырвалась следующая фраза:

> Работа слишком осложнилась, чтобы для ее успешного продолжения можно было довольствоваться старыми приемами и формами [1].

Но что же кроме старых, даже совсем уже одряхлевших, явно отживающих приемов и форм рекомендует вся эта так называемая интеллигентная часть общества и либеральная пресса? Только родная, русская старина ей страшна и отвратительна. Тут она ничего не видит, кроме насилия, беззакония, бессмыслия и разврата. Но старина французская, английская — это дело совсем другое! Это для нас обязательный образец и пример. Единственное спасение нам искусственно проделать сызнова все то, что́ там сложилось, развилось само собою и теперь на наших глазах разлагается. Можно ли не видеть этого разложения? Можно ли не видеть, что западные конституционные формы ветшают, теряют силу и смысл с каждым днем, что историческое развитие, некогда их создавшее, переросло их и разбивает как уже не годные? И на эти-то, сами собою разлагающиеся формы нам упорно указывают как на требование прогресса, как на средство обновления! Что́ это: невежество, тупоумие или намеренный обман?

Другая либеральная газета, петербургская «Страна» [2], очертив мрачными красками состояние нашего общества, в котором «на полном просторе раздаются только голоса мрачных фанатиков», поучает глубокомысленно:

> Но ведь ум человеческий устроен так, что ни единичный человек, ни общество не могут совсем отложить помышлений о будущем. А затем и спрашивается: полезно ли оставлять эти помышления в тоскливом разброде, в горьком сознании безвыходности? [3]
>
> «Вопрос совершенно неожиданный, — замечает на это “Новое Время”, — ибо, сколько помнится, никто и не сомневался в пользе помышлений о будущем» [4].
>
> Не лучше ли было бы, — продолжает «Страна», — предоставить именно теперь всем воззрениям, не враждебным государству, высказаться, хоть временно, с полною свободой?
>
> «Временная полная свобода, и только воззрениям, не враждебным государству, — решительно ничего не понимаем, — возражает опять “Новое Время”. — Если полная свобода, так причем же тут перечень воззрений? Если свобода только для некоторых, да еще временная, — так какая же это полная свобода?»

> Вот наш взгляд, — заключает «Страна», — вернейшее и легчайшее средство для успокоения умов, для внесения в общественное сознание ободряющего чувства силы и уверенности не только в завтрашнем дне, но и в будущем столетии.

Жалки поистине «умы», для которых вернейшим средством успокоения и ободрения представляется подобное пустословие!

Впрочем, бессмысленные, даже грамматически нелепые сочетания слов, фразы, которых не может понимать ни пишущий, ни читающий, не только не редкость в так называемой либеральной прессе, а, напротив, один из любимых приемов наших мнимых представителей интеллигенции. Вот забавный пример такой бессмыслицы из простодушного, но не в меру усердного «Русского Курьера» [5]:

> Пора бы студентам убедиться, что право участия в разрешении общественных дел приобретается прежде всего строгим подчинением закону и что всякое уклонение с законного пути, не оправдываемое и само по себе, представляется и нецелесообразным, так как скорее всего оно может повести к ограничению их прав, подорвав к ним доверие [6].

Выходит как будто вот что́: у студентов есть права (неограниченные?); они основаны на доверии кого-то к студентам. К этим правам принадлежит (или должно принадлежать?) участие в разрешении общественных дел. Но такое уклонение от закона, которое само по себе не оправдывается (должно быть, есть такие уклонения от закона, которые сами по себе оправдываются?), может (только может!) повести к ограничению этих прав, подорвав чье-то доверие к студентам; а потому уклонение от закона представляется нецелесообразным.

Но из следующего набора слов уже ровно ничего не выходит:

> Любовь к знанию, сознание долга воспитывается в юношестве не тем или другим предметом преподавания и не стремлением убить в нем (в предмете преподавания?) всякое проявление самостоятельности, а, напротив, правильными, полными взаимного доверия и любви между учащимися и наставниками отношениями, которых не существовало за долгое время управления М<инистерством> н<ародного> пр<освещения> графа Толстого [7], развитием в молодом поколении разумной самодеятельности и здоровой внешкольной атмосферой.

Прежде чем рассуждать о любви к знанию, следовало бы, право, выучиться писать грамотно [8]. А еще более следовало бы подумать, как действует на юношество такая, усердно ему внушаемая, лестная для него бессмыслица? Не тут ли в действительности то зло, которое стараются свалить на министерство графа Толстого?

НАША ПЕЧАТЬ (18 АПРЕЛЯ 1881 г.)

Всему на свете мера. Мы понимаем, что человек, не умеющий иначе снискать пропитание, идет в паяцы и кривляется перед народом; мы понимаем, что за известную плату находятся охотники точно так же словесно, печатно кривляться на потеху публике, но мы не понимаем, чтобы балаганные паяцы выбирали темою для своих перебранок прошедшую жизнь и будущность народа, его надежды и опасения, его невзгоды и успехи, его славу и позор; мы не понимаем, чтобы печатное кривлянье производилось над вопросами об общественных нуждах и пользах, о воспитании, об участи молодых поколений, о силе и достоинстве государства; над вопросами, о которых можно думать различно, но к которым нельзя подходить иначе, как с сосредоточенностию мысли, с искренностью и трезвостью чувства, с теплотою глубокого уважения. Примером такого кривлянья, возмутительно свидетельствующего об утрате не только всякого уважения к себе и другим, но всякого чувства пристойности, может служить помещенная в газете «Неделя» [1] статья г. Мордовцева, озаглавленная «Признаки... чего?» [2]. Чтобы вполне оценить, до чего может дойти разнузданность шутовства и бессмыслия, надо прочесть эту статью от начала до конца, но достаточно будет выписать несколько строк, чтобы дать о ней понятие.

> Все газеты разбились на два — нельзя сказать, лагеря, а именно на два клироса, и каждый из этих клиросов поет свой ирмос [3]: один на глас «Житейское море» [4], а другой — на глас «Волною морскою» [5]. На первый из этих гласов поют газеты quasi-консервативные, а попросту — охотнорядские и сенновскоплощадные [6], а на второй — так называемые либеральные... Когда таким образом оба клироса пропоют свои ирмосы, тогда и начинается то, что отец Белюстин называет катавасиею [7], т. е. певцы обоих клиросов сходятся и начинают петь разом... И вот тут-то и начинается настоящая «катавасия», только уже не в смысле толкования почтенного о. Белюстина, а в смысле народном, чисто базарном: «Уж такая, братец ты мой, катавасия, что туда на базар и нос сунуть страшно...» Действительно, теперь на газетный базар страшновато и нос сунуть: сейчас правый клирос обзовет вас «либералом», да еще «пошлым» и тогда... тогда «снимайте шаль вы алу, стирайте красоту и оденьтесь в черноту», как поется в одном старинном романсе [8].

* * *

Орган немецких национал-либералов, берлинская «National Zeitung» [9], с опасением и враждебностью относящаяся к тем национальным стремлениям у других народов, за которые стоит у себя, придумала уподобить так называемых славянофилов нигилистам:

> Те и другие мечтатели далеки от здравой государственной идеи и одинаково стремятся к разрушению исторического строя. Нигилистов отличает отсутствие, как и у славянофилов, всякой государственной мысли. В то время как панслависты приносили в жертву своей идее исторически сложившуюся Русскую империю, нигилисты предприняли принести эту империю в жертву идее социалистической. В искусстве разрушения обе стороны мастерски показали себя [10].

Этой слепой враждебностью внушенной выходке немецкой газеты обрадовался петербургский «Голос».

> Черта, не лишенная важности! — восклицает он. — Как ни смело проведена эта параллель между двумя столь радикально противоположными партиями, мы не можем ей отказать в состоятельности. Отвергать почти двухсотлетний государственный период и его неизбежные результаты в дальнейшем ходе нашей истории, с тем чтобы повернуть нас к давно отжившему и ни при каких условиях более невозможному строю государственной жизни, — не есть ли это, в самом деле, своего рода нигилизм, хотя и не столь решительный и безумный, как отрицание всякого государственного строя и всякой исторически сложившейся жизни?

Вопрос поистине поражающий! Трудно даже представить себе, чтобы он мог быть предложен человеком, не говорим: русским, но имеющим хотя малейшее понятие о действительных, общеизвестных фактах и не старающимся намеренно, во что бы то ни стало, наперекор здравому смыслу искажать их. Подобающий ответ не заставил ждать себя в самом Петербурге:

> Тут столько лжи, — говорит «Новое Время», — что она могла бы взволновать всякого порядочного человека, если бы эта ложь не была рассчитана на слабоумных. Мы спросим у людей с головой и с мозгом, а не у людей с головой, набитой сеном, в чем показали себя славянофилы разрушителями?.. Разрушали ли они народные верования, разрушали ли они крестьянскую реформу, земские начала, свободу совести и свободу печати? Нет, они стояли за это. Они стояли за народ, за изучение его нужд и потребностей, песен, былин; они открывали в этом народе такие глубокие начала, что говорили просвещенным людям: поучитесь у народа. Кто не знает, кроме слабоумных, что ни о каком «повертываньи» к давно отжившему и ни при каких условиях более невозможному строю жизни — и речи быть не может? Незачем ездить в колымагах, когда есть кареты, железные дороги... Только слабоумные могут поверить, что славянофилы желают в XIX веке воскресить Русь XVII века... Возьмите XVIII век и скажите гг. западникам следующее: западники, отстаивая Петровскую реформу, желают введения пыток, обирания народа, преследования народа, преследования раскола, господства фаворитов, бархатных кафтанов, париков, трагедий Сумарокова и парусного флота. — Все скажут: что́ за глупость! Но когда западники говорят то же самое о славянофилах, когда до смешного серьезный «Голос» уверяет, что славянофилы желают «поворотить к условиям жизни допетровской Руси», находятся люди, которые глубокомысленно говорят: да, охабень [11] нам не к лицу! — На самом деле таким губошлепам, которые говорят это, к лицу был бы шутовской костюм времен Анны Иоанновны [12].

* * *

Стараясь бичевать нитяным кнутиком партию, «которая может быть пригнана к кличке консерваторов», газета «Новости» [13] говорит:

> За неимением лучших и более убедительных доводов они отводят душу раздаванием направо и налево тычков и ляганьем всего, что́ встречается на пути. Занятие почтенное, но, надо думать, в наше время бесплодное и смешное [14].

Не припомните ли басню о мартышке, которая, увидев в зеркале свою физиономию, восклицала: «Я удавилась бы с тоски, когда бы на нее хоть чуть была похожа!» [15] Имеет ли газета «Новости» обыкновение заглядывать в свои нумера за истекший месяц?

* * *

По поводу беспорядков в университете «Московские Ведомости» говорят:

Вчерашние льстецы теперь топают ногами на молодежь, притворно гневаясь на нее за беспорядки, ими же вызванные. Но огульные нарекания на нынешнюю учащуюся молодежь несправедливы и бессмысленны. Никогда в наших университетах *большинство* учащихся не стояло так высоко по своему умственному развитию и не было так благонадежно, как теперь; никогда не обнаруживало оно такой самостоятельности и силы отпора. Надо иметь большую силу, чтоб уцелеть среди той мерзости, которая окружает нашу учащуюся молодежь, напирает на нее, врывается в нее всеми путями обмана *и легального, и нелегального,* наконец, навязывается авторитетом власти...

Молодые люди сами протестуют против зараженных товарищей своих, но, к сожалению, их протесты остаются втуне...

Можно ли винить молодых людей за беспорядки, ввиду поразительного, всем известного факта, что их с самого начала нынешнего учебного года почти насильно заставляли собираться в сходки, составлять петиции, требовать разных прав и что им, во имя высшего авторитета, предлагались даже какие-то особые либеральные учреждения? Весь нынешний учебный год был не чем иным, как революционным — да, революционным — возбуждением молодежи, которое шло сверху! Вот в этих-то роковых ошибках и кроется истинная причина наших нынешних смут... [16]

НАША ПЕЧАТЬ (25 АПРЕЛЯ 1881 г.)

Газета «Русь» может похвалиться, что способствовала по крайней мере «оживлению» периодической печати. Каждая статья нашего еженедельного издания поставляет ежедневным псевдолиберальным газетам материала для полемики, брани, лжи, клеветы чуть ли не на целую седьмицу. Забавно, что вся эта литературная Katzen-musik *[1] сопровождается непременным ритурнелем[2], что газету «Русь» никто ведь и не читает, что она встречена всеобщим убийственным равнодушием, и т. д. и т. д. Если кто не равнодушен, так именно они — «Порядок»[3], «Страна» и их петербургские подголоски. Невольно спрашиваешь себя: что́ бы они стали делать без «Руси», чем бы наполняли едва ли не бо́льшую часть своих столбцов? Нам нет ни досуга, ни главное — охоты пускаться в прю с этою тучей литературных наездников, или, правильнее, башибузуков. Исправлять искажения наших мыслей, опровергать клевету, отмечать каждую ложь — да на это не достало бы и места в нумере, появляющемся раз в неделю! Да и не стоит. Здесь нет места простой ошибке или невольному недоразумению — оно тут вольное и ошибка сознательная. Можно ли, например, предположить, что редактор «Страны», имеющий репутацию серьезности, о котором «Новое Время» выражается всегда так почтительно, не иначе как «статский советник[4] Полонский», в самом деле поверил басне о депутации с г. Аксаковым во главе, предлагавшей Черняеву занять пост московского генерал-губернатора?![5] И поверить было нечему, потому что и слуха такого не было, это уже буквально кто-нибудь «от Страны» *взял* да сочинил. Конечно, с таким солидным чином трудно как-то согласить наклонность к подобным забавам, приличным разве вовсе бесчинному школьнику, — но мы видим, что даже и генеральский чин редактора «Порядка»[6] (о чем свидетельствует постоянно то же «Новое Время»[7], — сами мы о чинах не справлялись) не придает нисколько порядочности сему «Порядку» в его полемических литературных приемах и не вносит никакого порядка в его мысли. Особенно отличился яростью против «Руси» в этой почтенной газете некто *г. —н*: это уже не полемический пафос, а неистовый визг ужаленного, заставивший нас предположить, что мы как-нибудь очень метко в него попали, вовсе даже и не целя. Впрочем, бранная ария «Порядка» переливается на тысячи ладов, от ругательного визга до спокойного клеветнического баса. Вот, напр<имер>, хоть фельетон 104 № этой газеты. По поводу похвал «Страны» бывшему министерству А. В. Головнина[8] за освобождение школы от «клерикальных влияний»[9], мы посмеялись над педагогами, которые страха ради клерикализма заменяли в народных азбуках слово *ангел* — «арбузом» и слово *Бог* — «барабаном» и называли весь этот учебный маневр *водевилем*[10]. «Почему же, — серьезно-сердитым тоном спрашивает нас “Порядок”, — арбуз *может* вытеснить религию, изгнать Бога из школы, *как говорит Аксаков?*»...[11] Да когда же мы это говорили?? Мы именно посмеялись над теми, которые так думают и видят в такой перемене слов не-

* кошачья музыка (*нем.*).

кий прогресс! Затем, нам же приписывается мнение, будто «отечество будет спасено, если не заводить *никаких* других школ, кроме приходских, *не иметь* других преподавателей, кроме священно- и церковнослужителей». Пусть «Порядок» сыщет в нашей газете и укажет нам: где, когда выразили мы такое мнение. Лгать-то зачем? Далее. Мы, как известно, стоим за восстановление приходских общин и за назначение священников по избранию прихожан, а «Порядок», как бы полемизируя с нами, как бы в укор нам, возвещает, что «можно, конечно, при помощи полиции и уголовного суда навязывать ненравящихся священников целым приходам, — можно в проповедях и посланиях перефразировать статью "Руси", но все это не водворит нравственности и религии», и т. д.!

Зачем лгать? — вырвался у нас невольный и праздный вопрос. Да именно затем, что по пословице от клеветы всегда что-нибудь да остается [12]. Не все же подписчики «Порядка» читают «Русь», и не всякий читатель смотрит на газеты, как грибоедовская старуха Хлестова на календари [13]. Да и как не поверить, когда изложение мнения сопровождается словами: «как говорит г. Аксаков»!

Впрочем, в последнее время «Порядок» перешел несколько к элегическому тону [14], в каковом и написаны его статьи «Переживаемые дни» [15]. В этих элегиях «Порядок» поет на одну общую тему с «Страной»: обе газеты воодушевились вдруг уважением к «старому славянофильству», преисполнились внезапного благоговения ко всем тем «славянофилам», которых уже нет: и к Хомякову, и к К. С. Аксакову. Обе, памятью близких и родственных редактору «Руси» людей, принимаемых ими теперь под свою защиту, укоряют его в измене прошлому, в отречении от умерших друзей и наставников — в измене, наконец, самому себе, своим публичным вещам и всей своей прежней деятельности... [16] Это уже Геркулесовы столбы лицемерия! Уже по одному тому, как относятся они теперь к «Руси» и ее редактору, мы познаём — в какой степени солидарно наше настоящее со всем дорогим нам прошлым! Выходки против «Руси» враждебной ей прессы живо воскрешают в нас воспоминания молодости, воспоминания о похождениях против «славянофилов» той же самой партии, которая называет себя теперь будто бы «либеральною» и называлась тогда, должна бы называться и теперь «западническою»! Каким поношениям со стороны ее в течение всей своей жизни подвергались именно и Хомяков, и К. С. Аксаков! Их и на сцену выводили в безобразных карикатурах [17], и других титулов кроме «обскурантов» и «доносителей» им и не жаловали! Впрочем, это обычный прием публицистов западнической, ныне якобы «либеральной», партии. Даже добродушнейший из людей, И. С. Тургенев, согрешил им в своей неудачной «Параше»: в ней, разумея К. С. Аксакова, изображает он славянофила в мурмолке, который «пьет квас и пишет *донесенья*» [18]: это слово, сколько помнится, было даже поставлено курсивом! [19] За это ему, в одном из Московских Сборников, конечно, досталось порядком [20]. (Всё это, впрочем, не помешало впоследствии установлению довольно дружественных между обоими писателями отношений...) И вот поносимые прославляются теперь самими поносителями, и западническая партия старается уверить, что она уже не западническая, а немножко и «национальная», и все это только для того, чтобы ловчее отвратить удары, наносимые ей в настоящую минуту «славянофильским направлением в лице "Руси"»... Нет, мы не отрекались от наших покойных друзей, мы сохраняем солидарность с ними в каждой нашей строке и в каждом действии, — мы не отка-

зываемся ни от одного слова, нами писанного и публично произнесенного в течение всей нашей жизни, — точно так же как и противники наши ни от чего не отреклись, ничего не забыли, да ничему и не выучились[21]. Вряд ли и способны выучиться: различие между нами глубже, чем думают, различие в самых основных основах... Предоставляем им утешаться появлением где-то якобы «новых славянофилов», новых «продолжателей славянофильства на более широких основах», «славянофилов», вступающих безразборчиво в *союз* с *лже*либеральною прессой, заискивающих ее благоволения, поглаживаемых одобрительно по головке всеми враждебными нам газетами, от «Порядка» до «Русских Ведомостей» и «Русского Курьера» включительно... Но всем до очевидности ясно, что из такого союза толку не будет, что тут выходит уже вовсе не *со-юз,* а какой-то *со-ус*...

* * *

По вопросу об университетах «Новое Время» говорит:

Внутренняя жизнь наших университетов изобилует скандальными историями, учиненными разным преподавателям за серьезный и достойный взгляд на экзаменаторские обязанности. Эта жизнь изобилует также постоянным выпрашиваньем себе студентами разных экзаменационных облегчений в виде выкидывания из экзаменационной программы половины и даже трех четвертей пройденного предмета, она изобилует и самыми разнообразными сценами выпрашивания студентами на экзаменах удовлетворительных отметок при совершенной неудовлетворительности познаний... Даже самые строгие судьи, близко знакомые с делом, не могут не признавать, что наша учащаяся молодежь представляет превосходный матерьял, из которого можно ожидать самых ревностных тружеников науки и самых искренних граждан... В чем же беда? Беда заключается главным образом в том, что в среду университетских преподавателей пролезают и люди, которые никоим образом не могут держаться только своим научным весом и преподавательским талантом. Вот таким-то людям и приходится держаться разными поблажками на экзаменах и пр. Сознавая, что они ничего не могут дать учащейся молодежи, они, разумеется, не могут ничего и требовать от нее. Мало того, что эти люди для завоевания себе сочувствия молодежи часто находят для себя полезным указывать на серьезные требования серьезных преподавателей как на бесчеловечные придирки и пр. Такими маневрами эти люди, впрочем, могли бы достигнуть лишь того, чтобы быть долготерпимыми среди студентов, — но отсюда еще далеко до действительного или воображаемого положения среди молодежи. И вот для этого пускаются в дело разные сочувствия: один, оказывается, сочувствует общей кухмистерской для студентов, другой — вообще артельному началу, третий — открытию университетов и для женщин, и пр. Есть профессора, о лекциях которых никогда не говорят среди учащейся молодежи, но зато очень много говорят об их сочувствиях...[22]

К этому «Московские Ведомости прибавляют:

Кроме «преподавателей, не имеющих научного веса и преподавательского таланта», в среде профессоров есть люди, несомненно обладающие этим весом и талантом, которые могли бы принести учащейся молодежи большую пользу, но которые тоже «ничего не делают» и тоже, следовательно, «ничего от нее и требовать не могут». Эти профессора читают не то, что́ было бы полезно слушать студентам, а что́ им самим в данную минуту удобно читать. Молодые люди, поступающие в университет, слышат, с одной стороны, пустые фразы, а с дру-

гой — специальнейшие рассуждения и индивидуальные односторонние мнения. Главные основы науки часто остаются для студентов неизвестны, и они силой обстоятельств принуждены заниматься научными верхушками, а так как экзаменаторами бывают те же самые профессоры и предметом экзаменов не наука, а те же самые читанные в течение года лекции, то весьма понятно, что студенты выходят из университетов с жалким научным образованием и незнакомые с действительно научным трудом.

Выход из нынешнего невыносимого положения только один. Профессора могут читать студентам всё, что́ им угодно, но студенты должны иметь свободу слушать только то, что́ для них полезно. А степень полезности профессорских лекций должна быть определена общею программой тех научных предметов, без знания которых ни одному студенту нельзя будет поступить на государственную должность. Экзамены по этой программе должны производиться не профессорами университетов, а особыми государственными комиссиями [23].

«С.-Петербургские Ведомости», выходящие снова после месячной остановки [24], обсуждая толки о настоящем положении крестьянского хозяйства, говорят между прочим:

Причина расстройства крестьянского хозяйства заключается в отсутствии правильной местной общественной организации... Чтобы выйти из существующего расстройства, прежде всего следует доставить местностям правильную организацию земско-административного самоуправления... Мы думаем, что прежде всего нужна местная организация, которая в состоянии бы была явиться правильною выразительницей местных нужд и польз и быть вместе с этим способною исполнительницей всех начертаний в пределах этих нужд и польз [25].

<ПРИМЕЧАНИЯ К «ЗАПИСКЕ К. С. АКСАКОВА "О ВНУТРЕННЕМ СОСТОЯНИИ РОССИИ", ПРЕДСТАВЛЕННОЙ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ II В 1855 г.»>

В этой записке, представленной покойному Государю в год восшествия Его на престол чрез гр. Д. Н. Блудова, К<онстантин> С<ергеевич> касается только общих основ русского государственного строя, не вдаваясь в обсуждение подробностей состояния России, не касаясь даже вопроса о крепостном праве. Ввиду значительного объема записки, мы разделяем ее на две половины, из которых первая рассматривает принцип государевой власти, а вторая — земского начала. Затем последует: «Дополнение к записке». *Ред. <И. С. Аксаков>.*[1]

Вскоре затем, кажется в 1856 г., сделано было распоряжение об отмене выражения «изволил», и оно теперь не употребляется. *Ред. <И. С. Аксаков>.*[2]

Таковая подписка взята была с Хомякова. Отец автора «Записки», больной старик, почти не выезжавший из дому и отпустивший себе бороду, также был обязан подпискою, у себя на дому: «Бороду сбрить и впредь оную не отпускать». *Ред. <И. С. Аксаков>.*[3]

<ГАЗЕТА «ГОЛОС» О ЧУВСТВЕ ЛИЧНОГО ДОСТОИНСТВА КАК «ДАРЕ ЗАПАДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ»>

Только что в прошлом № «Руси» мы познакомили читателей с обращиком полемики «Голоса» [1], который в 129<-м> № возвестил, что все, что́ есть под небом *честного*, то вместе с «Голосом» враждебно «славянофилам» вообще, а «Руси» в особенности [2], — как та же самая газета, через №, перевернувшись, чуть не объявляет себя единомысленною с нами! Мы, может быть, и готовы были бы приветствовать такое обращение газеты на истинный путь, снисходительно отнесясь к некоторому ее недомыслию, — да кто же поручится, что завтра же тот же «Голос» не заголосит совершенно противное, — и опять с такою же развязностью и апломбом! Если у сего «органа либералов» таков уж обычай, то «Голос» служит верным органом путаницы и сбивчивости их понятий. Мы бы посоветовали авторам передовых статей «Голоса» подписывать свои имена, потому что нет особенного интереса спорить с самой газетой, которая в понедельник, напр<имер>, восхваляет политические учреждения Европы, а в среду открещивается от них и совершенно à la Bismark, и точь-в-точь как ее bête noire* — «Московские Ведомости», — называет (вполне удачно) современный тип западных государств «канцелярски-представительным»! «Не хуже редактора “Руси”, — восклицает 131<-й> № “Голоса” (или анонимный автор статьи) [3], — видим мы, к чему приводит призрачный конституционализм во многих государствах Западной Европы!» (об Англии с ее своеобразием не может быть и речи, и слово «многих» поставлено «Голосом» только для смягчения беспощадности отзыва, потому что судить о конституционализме в Европе можно лишь по Германии, Австрии и Франции: прочих нельзя же брать и в расчет!).

Во всяком случае примем к сведению это признание наших «либералов». Любопытно бы только узнать, когда именно они увидали то, что́ не только «Русь», начавшаяся с полгода назад, но и ненавистные им «Московские Ведомости» видели и твердили им давно. Было бы, однако ж, невеликодушно теперь — укорять их в косности: обращаться к истине никогда не поздно, — напротив, всегда благовременно. Интереснее другой вопрос. Почему вдруг, по поводу 26<-го> № «Руси» [4], разверзлись им очи и прозрели они, что не отделены от «Руси» никакою пропастью, — напротив, стоят к ней даже очень близко, так как заявляют себя даже врагами «парламентской бюрократии», по выражению Бисмарка, или парламентаризма? Во многом могут нас обвинять, но уж никак не в изменчивости, не в нестойкости наших мнений. Не говоря уже о «Дне» и «Москве», но и в первых же №№ «Руси» мы проповедывали то же, что и в 26<-м> № [5]. Почему же не прозрели прежде? Не домыслились разве или не хотели домыслиться? Как бы то ни было, мы, конечно, рады всякому успеху мнений, которые считаем истинными, но пожелаем для автора статьи

* предмет особой ненависти (*фр.*); буквально: черный зверь.

131<-го> № «Голоса» немножко поболее искренности, прямоты и... напряжения мысли.

Не желая прямо сознаться в прежней своей неправоте и для сохранения, может быть, своего *«личного достоинства»,* автор упорно удерживает за собою кличку «либерала». Мы искренно советуем ему откинуть эту кличку. Неужели он не краснеет до ушей, повторяя такую пошлость? Неужели не понимает всю бессмыслицу такого деления общества на «охранителей», к которым причисляет «Русь», и на «либералов»? Чего мы охранители? Конечно, не Петровской государственной системы. Мы, пожалуй, и охраняем, но что? Права русской народности, свободу общественной внутренней жизни, слова и духа, свободу *исторического* самобытного развития России. Противопоставляя себя нам — как «охранителям», — «либералы», стало быть, либеральничают *в ущерб* этой русской свободе! Восставая по-своему против Петровской системы, они так же, как и мы, хотели бы ее ликвидировать, однако же не тем способом, каким мы бы желали, т. е. не оставлением того *иностранного* пути, на который двинул Россию Петр. Если не нашим способом, то каким же? Да именно дальнейшим прогрессивно-либеральным движением по *тому же иностранному* пути, в духе европейского прогресса: путь же это такой, на котором России грозит — перестать быть Россией! Если же они этого не хотят, так какой же смысл в их иностранной кличке? Пусть автор статьи предоставит величаться такою кличкою нашим попугаям «интеллигенции», всем этим детям, играющим в больших, или в европейцев. Для человека истинно просвещенного и серьезного оно както уж очень... неумно.

Но автор не хочет уступить разом и желает извлечь из стремлений наших противников и преподнести нам нечто «законное и здоровое». Это «нечто», которое он и преподносит, как дар западного просвещения, как что-то «недоведомое русским людям прежде Петра», — это *«чувство личного достоинства»*[6]. Выходит, по мнению автора, что ни древняя Русь, ни славянофилы этого не знавали, даже и не доходили до этого мыслью; это внесли в русское сознание западники-либералы. Поистине удивительное открытие!.. «Чувство личного достоинства»!.. Едва ли «Голос» или автор статьи отдал себе ясный отчет в этом чувстве... Человеческая личность вознесена и освящена христианством, исповедующим, что вся вселенная не стоит единой души человеческой, ибо она запечатлена образом Божиим и за нее дал распять Себя Христос. (С теми, которые отрицают душу и производят человека от обезьяны, о личном человеческом достоинстве и говорить нечего: если это чувство в них и живет, то разве как христианский предрассудок, вместе с другими предрассудками христианской нравственности, от которых отделаться у них не хватает духу и последовательности.) Спрашиваем автора: было ли чувство *личного достоинства* в христианах-мучениках первых веков — этих стоятелей за право своей личной духовной свободы, приносивших жизнь свою в жертву велениям личной совести? Проявлялось ли когда-либо в ком свободней и выше — чувство истинного человеческого достоинства?.. Наш христианин-народ чужд западного просвещения; но ни при каком рабском гнете не утрачивал наш крестьянин сознания, что он такой же человек, такая же человеческая личность, обладает такою же душой, за которую дал распять Себя Христос, как и все сильные и свободные, как даже и члены «интеллигенции». Только это сознание и сохранило в нем внутреннее чувство свободы: рабом был он по внешности, но никогда по духу.

Это ли не *личный* подвиг, это ли не сознание своего личного, человеческого достоинства?.. Именно до Петра всего менее и испытывала Русь[a] оскорблений личной духовной свободы. Именно Петр посягнул, во имя западного просвещения, на ту свободу личности, на которую не посягал и Иван IV, — на *«личную духовную самобытность»*, которую автор как бы противопоставляет словам «Руси» о самобытности народной!! Да разве не мы же обвиняли созданную Петром административную систему в притязаниях держать под опекой все отправления жизни не только общественной, но и частной? «В голове моей ты волен, а в бороде не волен», — отвечал Петру один боярин, которого Петр хотел обрить. Чтó это значит? Это значит: ты можешь располагать моею жизнию, но не можешь посягать на то, чтó есть принадлежность моей личной свободы; не унизительно быть казненным, но унизительно делаться шутом по прихоти царской. — Наконец, о чем же говорят все статьи «Руси» и «Записка» К. С. Аксакова[7], как не о личном достоинстве, попранном Петром и всею установленною им системою правительственного гнета, попранном заодно с самобытностью народного духа? Когда мы отстаиваем «свободное слово»[8], «свободу совести», чтó же мы отстаиваем, как не человеческое достоинство, как не права духовной личности человеческой?

Так, по-вашему, русские люди уведали про *чувство личного, человеческого достоинства* только благодаря Петру и нашим западникам-либералам?!.. Ну нет, автору статьи 131<-го> № «Голоса» еще нужно многое и многое домыслить, от многого отречься и отчураться[9] — прежде чем удастся ему завалить ров между «либералами» и русским народом, на который он с своими «либералами» возводит такое безобразное лживое обвинение!

Если же под «чувством личного достоинства» автор разумеет чтó другое, пусть объяснится толком.

---

[a] *В источнике слово Русь заключено в кавычки — вероятно, случайно.*

<ОБ ОТРИЦАНИИ ГАЗЕТОЙ «ПОРЯДОК» РУССКОЙ НАРОДНОЙ САМОБЫТНОСТИ>

Вслед за «Голосом» и «Порядок», удерживая за собою позицию «либералов», возвестил, что они, «либералы», ничего другого и не хотят, как того же, чего хочет «Русь»!! Причем «Порядок» позволил себе даже отозваться о «конституциях» вообще очень грозно. «Если под именем конституции разуметь какие-то *хартии* и декорации... то человечество недаром жило и не тешится уже подобными *погремушками*» [1]. Казалось бы, чего лучше, и можно было бы даже не придираться к тому, что до своего 136<-го> № «Порядок» выражался о либеральных политических европейских хартиях совершенно иначе. Через несколько №№ «Порядок» пошел еще дальше и объявил, что в сущности нет никакого даже различия в правах между английской королевой и русским самодержцем. Если так, то и еще лучше: нечего, стало быть, русским и засматриваться на Англию и вообще на конституционную Европу. К сожалению, мы не имеем основания придавать особенное значение такому заявлению газеты. Слишком долго и много толковал до сих пор «Порядок» о *«гарантиях»*, о «законе» в *этом же* смысле (и наравне с «Голосом»), без чего-де нельзя и признать за Россиею права называться «правовым государством (Rechtsstaat)», несмотря на ее 15 томов Свода Законов. Мы, как известно, думаем иначе: отвергаем условно-договорные формы и не видим никакой силы, которая могла бы что-либо у нас гарантировать, кроме той же самой силы, против которой эта гарантия требуется. По нашему мнению, есть область отношений, где нравственная основа и обычай — тверже, надежнее, целесообразнее всякого внешне-формального закона. Но, оставляя рассуждение об этой важной материи в стороне и рекомендуя «Порядку» наше «Политическое обозрение» в этом же № [2], мы не можем не заметить, что, после заявленного «Порядком» будто бы согласия с нами по одному из существеннейших вопросов, странно видеть то остервенение (другого слова и подобрать нельзя), с которым он опрокидывается на наше мнение о «русской народной самобытности». Нет понятия, нет притязания, кажется, которое бы ему более претило. Это слово ставится и в скобках, и с знаками восклицания или удивления, заставляет «Порядок» терять всякую порядочность и, наконец, вызвало помещение длинных статей с претензиями на научность под заглавием «Народ и интеллигенция» [3]. Чем-то затхлым веет от этих статей, автор которых, наверное, принадлежит к числу «людей сороковых годов», ничему с тех пор не научился и ничего не забыл [4], а твердит что-то давно пережитое и уже совсем обветшавшее. Притязание на самобытность! Нет-де самобытности в русском народе, да и по́лно, — а повторяется тот же самый процесс развития, что́ у всех европейских народов! [5] Всю эту самобытность, этот разрыв интеллигенции с народом и пр. — всё это славянофилы выдумали! Автор даже не останавливается над таким фактом: почему же именно в России возникло такое диковинное явление, которого, как бы ни старались умалить его важность, история русского общества обойти уже никак не может, — имен-

но так называемое «славянофильство», вот уже 40 лет упорно держащееся? Да и прежде славянофильства существовало всегда и упорно боролось с направлением иностранным *русское* направление; даже теперь — и в литературе, и в администрации, и в политике — оно стоит особняком. Графа Игнатьева приветствовали, напр<имер>, по назначении его министром, как человека именно *русского направления*[6]. Ведь не придет же в голову ни немцу, ни англичанину приветствовать кого-либо из своих соотчичей за то, что он француз, немец или англичанин!.. Вообще эти статьи — проповедь *безличности,* но именно безличности для русского народа. Он *безличен* и *обязан* быть таковым; зато еврей, поляк, немец и вообще всякий иностранец имеет полнейшее право и на свою национальную личность, и на свою духовную народную самобытность: мы же, осужденные на безличность русские, *обязаны* это их право уважать и соблюдать — хотя бы даже в ущерб своим интересам!

Один из русских сановников говорил покойному Гильфердингу[7], когда последний, в качестве председателя Петербургского Отдела Славянского Комитета, был приглашен к нему по делам службы: «Во многом я прегрешил пред Господом Богом и виноват пред людьми, во многих недостатках, проступках и ошибках можно меня обвинить, но в чем уж меня никто упрекнуть не посмеет — это в национальном пристрастии! В этом уж я не грешен, уж извините-с... Пристрастие к русской народности!.. Никогда-с, никогда-с!» Советуем «Порядку» поставить себе эти слова эпиграфом.

<ЛЖЕЛИБЕРАЛЬНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КАК КЛАСС ДОКТРИНЕРОВ, ПРЕЗИРАЮЩИЙ НАРОД И СТРЕМЯЩИЙСЯ ИМ КОМАНДОВАТЬ>

Неблагодарным трудом приходится задаться нам на этот раз. Пред нами лежат несколько статей, специально направленных против мнений «Руси», статей «капитальных»; по мнению враждебной нам печати, «громоносных», низвергающих в прах теорию, взгляды и всяческое значение нашей газеты. Впрочем, вот уже с лишком полгода сряду, как все толстые и тощие периодические издания известного пошиба нас «низвергают» да «низвергают». Но так как мы еще не низвержены, то и нельзя нам от времени до времени не отозваться хотя бы только на те статьи, на которые наши недруги положили столько усилий и потратили, по их собственной взаимной оценке, столько своего знания и ума; нельзя уже потому, что совершенное молчание может, пожалуй, и смутить некоторую зыбкую в своих понятиях часть публики, вследствие чего и небесполезно снабдить ее новыми доводами против лживых истолкований нашего направления. Тем не менее перечитывать вновь все эти статьи, опускаться в этот омут не только недомыслия, но всего чаще недобросовестности и вылавливать оттуда какие-нибудь определенные формулы и положения, с тем чтоб опровергать их, — труд поистине тяжелый и нравственному, сколько-нибудь брезгливому чувству противный.

По части недобросовестности выдался особенно ярко и притом недавно, в июльской своей книжке, «Вестник Европы», в статье под заглавием «Ретроградная печать» [1]. Она, разумеется, стяжала себе общее одобрение мнимо-либерального лагеря как трактат «серьезный» и «основательный», вполне подобающий «такому серьезному журналу». Этот отзыв и побудил нас познакомиться с восхваленным трактатом. Он действительно интересен. Интересен сочетанием *крупной* лжи и *дюжего* нахальства с каким-то *детским* слабосилием, худосочием и мелкотою мысли. Но мы лучше сделаем несколько выписок и отдадим их на суд самим читателям.

Само собою разумеется, наша «Русь» причислена к ретроградной печати вместе с «Московскими Ведомостями» и «Современными Известиями». Вместе с ними «Русь» «в пылу самозабвения, — так вещает "Вестник Европы", — объявила *"реакцию"* (этот признанный-де историею процесс общественного разложения) *"жизненным процессом"*, а *"отсутствие реакции — признаком мертвого тела"*». Напечатанные курсивом слова поставлены в статье между кавычками, так что читатель должен их признать не иначе, как *подлинными* выражениями нашей газеты, или *цитатой*. Мы разумеем, конечно, читателя, не получающего «Руси»; кто ее получает и читает — знает очень хорошо, что ничего подобного ни по форме выражений, ни по мысли «Русь» не высказывала и не могла высказать, что все это — до отваги наглая ложь. Но «Вестник Европы» идет далее в своей отваге и в числе предметов, которые «Русью» будто бы *приравнены* к жизненному процессу, называет (опять-таки в виде *цитаты*,

в кавычках): «стеснение печати»... Это «Русь»-то требует стеснения печати! «Русь», которая с 1-го своего № и до последнего не переставала и не перестает, напротив, требовать простора для печатного слова, свободы литературной борьбы, которая «свободу мнения», «свободу слова» включила даже в число *непременных* условий нашего государственного и земского строя! Достаточно вспомнить «Записку К. С. Аксакова», напечатанную в №№ 26, 27 и 28[2], не говоря уже о целом ряде наших статей. Мы понимаем возможность упрека, с которым к нам некоторые и обращались, в идеализме, — но как понять возможность вышеприведенного обвинения и как назвать его? Пусть приищут ему имя сами читатели... О, если б знали наши противники, как искренно, как страстно желаем мы *именно для них* полнейшего простора слова, — потому что только тогда, словно при свете белого дня, обличилась бы вполне вся их бессодержательность и все пустомыслие! Если они еще имеют значение и плодят себе адептов, то благодаря лишь недостаточности света — тем сумеркам, при которых каждый предмет как будто выходит из своих определенных, точных границ и принимает неверные, преувеличенные размеры. Вся сила их, этих мнимых прогрессистов, именно в *недосказанности,* в их вечных жалобах на стеснение печати, которое будто бы их лишает возможности развить свои мнения до конца, — в этих особых, ловких приемах речи, на которые они такие мастера и которые заставляют предполагать какую-то глубокую мысль, великую, затаенную, недоговоренную думу, когда в сущности и договаривать нечего, да и думы-то никакой нет! Пусть им будет предоставлена полная свобода перейти от отрицательной критики к изложению своих положительных идеалов: *ничего* нового они нам не скажут, чего бы сами не огласили, и уже давно, своими собственными намеками; но это самое «неновое», лишенное заманчивой оболочки намека, явилось бы в новом правдивом освещении своей внутренней пустоты и тщеты. Ведь национальную русскую «самобытность» они отвергают и над таким притязанием то и дело глумятся; пусть же их выйдут с своими речами, с *своим* «европейством» открыто, пред ликом русской жизни, русского общества, русского народа!..

Казалось бы, что «Вестник Европы» дошел до Геркулесовых столбов лживости по отношению к нашей газете. Но мы ошиблись. «Лишь только вы относитесь к делу критически, — жалуется “Вестник Европы”, — как г. Аксаков, без всяких околичностей, пристегивает вам два ярлычка: один, окрещивающий вас именем западника..., *другой,* навязывающий вам кличку *либерала*»... Мы *навязываем* им кличку *либерала*!! Это уж даже какое-то лучезарное бесстыдство! Да и как могли бы мы навязывать им такую кличку, когда мы их именно либералами-то и не считаем, когда мы то и дело срываем с них эту маску, которою они так упорно и так открыто щеголяют? Не *сами* ли они в каждом № своих газет и журналов самозванно и хвастливо присваивают себе это почетное наименование? Мы, напротив, не иначе величаем их, как *лжелибералами, мнимыми* либералами, *якобы* либералами и т. д., всякий раз с какой-либо оговоркой, означающей, что мы не признаём за ними никакого права на именование «либералов». Не мы ли, до утомления наших читателей, твердили и доказывали этим нашим противникам, что установленное ими к периодической печати деление общества и литературных деятелей на «партии консервативную» и «либеральную» лишено в России всякого смысла, всякого жизненного основания? «Чего мы “консерваторы”, чего мы “охранители”? — спрашивали мы в одном

из №№ "Руси"[3], — конечно, не Петровского, доселе господствующего государственного строя! Мы, пожалуй, и охраняем, но что́? — свободу народной личности, свободу и самобытность национального развития. Стало быть, именующие себя "либералами" и в этом качестве противополагающие себя нам "либеральничают" в ущерб русской народной свободе». «Петербургский бюрократизм и *так называемый* либерализм — это одного поля ягоды», — выразились мы в другом месте...[4] Так это мы *навязываем* им — и, стало быть, против их воли, насильно — ярлык «либералов»! Стало быть, они от него теперь отвязываются, отрекаются?.. А вот недавно «Русская Мысль»[5] с чувствительностью, доходящей до пафоса, засвидетельствовала — с каким она «всегда великим сочувствием и уважением относится к мнениям такого *борца за либеральные идеи,* как "Вестник Европы"»!..[6] Выходит, что и она, «Русская Мысль», попала впросак и навязала насильно ярлык «либерала» некстати превознесенному ею герою!

Спрашивается, к чему понадобилось такое насмехательство над истиной? Это для того, чтобы обвинить нас в «доносительстве». Такой прием, по особенному, свойственному этим господам кодексу морали, всегда практикуется ими, когда истощается у них в полемике весь запас разумных аргументов и доводов. Это самый верный признак, что противник ваш сбит вашими доказательствами с позиции и чувствует свою умственную беспомощность. Так и теперь «Вестник Европы», обвинив нас в том, что мы «навязываем своим критикам кличку либерала» (каковой *чести* мы им никогда и не оказывали), прибавляет с либеральным испугом, что ведь «это дело не шуточное», что ведь в устах г. Аксакова «либералы» почти синоним таких слов, «как *террорист* и *анархист*»! Как будто «Вестник» не знает, что в наших понятиях «либеральным» может быть названо *единственно* лишь то направление, которого держится «Русь», ибо только то «либерально», что́ народу впору и по себе, не теснит его национальной *самобытности* и свободы его органического исторического развития и что́ поэтому в то же время и консервативно, и прогрессивно! Впрочем, понятие «самобытность» презирается нашими лжелибералами (*лже!* — просим «Вестник Европы» заметить это *лже*: надеемся, что он этим доволен).

В другом месте той же статьи «серьезный» журнал, продолжая обвинять нас в доносительстве, утверждает, что г. Аксаков на делаемые ему возражения бросает в лицо возразителям выражения вроде следующих: *«враги правительства»,* «враги порядка» и вообще «прибегает к приемам, которые никогда еще не практиковались в русской печати». Пусть же этот виртуоз лжи и клеветничества укажет нам № и страницы, где были употреблены нами именно эти выражения. Врагами *здравого смысла, истины* и *народности* мы их, действительно, называли и от этого не отказываемся, но указывать на них как на врагов правительства — не в нашем обычае: это хорошо знают читатели «Дня», «Москвы» и «Руси».

Но и это еще цветики, а вот и ягоды. Усиливаясь доказать, что мы, вместе с прочими газетами, только «вдохновители и провозвестники реакционных лжеучений, и *больше ничего*», только «запугиваем "подкапыванием под основы" (?) по поводу каждого довода, опрокидывающего наше учение, только натравливаем, просто *доносим* на каждого, изобличающего невежество наших теорий и недобросовестность наших намерений, не уважаем голоса жизни, *мнения народа* и недобросовестно относимся к потребностям и нуждам экономической "народной жизни"», этот литературный Ноздрев приводит и доказа-

тельства такого нашего недобросовестного отношения. Именно, он утверждает, что когда нам указывают губернии, где люди «пухнут» от «голодовок» и мрут от голодного тифа, то мы, «не боясь Бога и не стыдясь людей»[7], начинаем это отрицать и уверять, что все это ложь, неправда, преувеличение, — по поводу чего Ноздрев, разумеется, тут же приходит в благородный азарт и начинает целые строки *страшными* словами: «опухание», «смерть», «лазарет», «кладбище» и пр.!

И все это бросается в лицо газете, которая чуть ли не первая открыла подписку в пользу голодающих и в течение почти полугода на первой странице каждого № печатала список пожертвований![8] Газете, которая собрала на этот предмет несравненно более, чем какой-либо иной периодический орган, именно свыше 10 т<ысяч> р<ублей>, и, благодарение Богу и жертвователям, успела-таки по возможности, хоть и не в большом районе, оказать нуждающимся действительное пособие, как о том свидетельствуют отчеты, напечатанные в №№ 15, 17 и 37 «Руси»[9]. Что еще всего интереснее — так именно то, что из газет *лже*либерального лагеря, кажется, ни одна ничего в пользу предупреждения «голодного тифа», «опухания», «смерти» не собирала и не собрала!

Нам заметят, может быть, что не стоит и рыться в этой куче нечистот и сора, а следует пройти мимо с презрением. Но нужно же наконец, чтоб не мы одни, но и общество отнеслось с презрением к людям, обращающим литературу в кучу сора и нечистот. Пусть же видят читатели, *каковы* эти господа, величающие себя «прогрессистами» и «либералами», — пусть уразумеют наконец, *каковы* должны быть те элементы свободы, прогресса и просвещения, которые выводятся в *подобной* нравственной атмосфере, на *подобной* нравственной почве!

Перейдем теперь к обвинениям высшего, уже более политического порядка, которые «Вестник Европы» расточает нам не один, но вместе со всеми своими приспешниками, а также и с органами «провинциальной прессы», чем он особенно гордится. Кстати о провинциальной прессе: пора сказать слово и об этой новой декорации. Великую услугу общественному самосознанию, народоведению, познанию о России могла бы оказать местная печать, если б она действительно была *местная*. Но в том-то и беда, что она, большею частью, вовсе и не желает быть органом нужд, потребностей и мнения *своей* местности. *Провинциализм* действительно в ней сказывается, но именно тот, который и составляет неприятную черту провинциального общества. Подобно тому как это общество выбивается изо всех сил, чтобы по части мод и внешней обстановки быта не только сравняться с столичной публикой, но и превзойти ее (причем, разумеется, всегда пересаливает), так и провинциальная печать всячески топорщится походить на столичную, т. е. на самую *модную*, или *передовую*, по ее мнению, именно ту, за которою стоит численное (не качественное) большинство российской интеллигенции. Самостоятельность свою или оригинальность она старается проявить обыкновенно в том, чтоб быть радикальнее радикальных и передовее передовых *лже*либеральных газет. А между тем органы провинциальной печати имеют значительное преимущество пред столичной, — так как последняя, находясь вдалеке от областной, именно не городской, а уездной, сельской жизни, часто поневоле осуждена на отвлеченные и теоретические рассуждения о практическом, живом деле, близко касающемся народа. Особенно же мало известны ей этнографические и духовные отличия областных народных подраз-

делений. Но именно этим своим преимуществом *московская* печать, да и вообще местная интеллигенция, и не пользуется. Г<-н> Бессонов, в статье, напечатанной в последнем № «Руси» [10], как раз подтверждает нашу мысль, свидетельствуя о тех затруднениях, какие встречаются на месте в собрании местных сведений, даже в такой местности, в которой находится университет [11]. Местного в местных газетах — большею частью одни местные сплетни, так что провинциальная наша пресса, будучи только резким, часто карикатурным отголоском прессы столичной известного направления, представляет в сущности чрезвычайно мало интереса, не вносит почти никакого нового вклада в общую работу русской мысли. Ее нельзя даже назвать и вполне *верным* отражением действительного современного направления *местной* интеллигенции, а разве лишь отражением мнений самого редактора и двух-трех его компаньонов. Происхождение и направление большей части органов — совершенно случайное. Положим, что какой-нибудь петербургский фельетонист волею судеб внезапно вынужден коротать свое время в г. Тетюшах и предпринимает издание газетки — в духе «последнего слова науки». Начинает он проповедывать материализм, дарвинизм, позитивизм, рекомендовать разные «гарантии». Наши «Порядки» [12], «Вестники Европы» и им подобные, конечно бы, тотчас отнеслись к своему собрату с горячим приветом и, предпослав рассуждение «о значении и пользе провинциальной печати», отозвались бы, вероятно, в таких глубокомысленных выражениях: «Утешительно видеть, что даже в отдаленные Тетюши проникает луч просвещения и истинного здравомыслия. Голос местного общества высказывается наконец весьма резко против суеверия и клерикальных предрассудков и в уровень с Европой, наперекор ретроградной печати, толкующей о национальной самобытности, признает необходимость гарантий "правового порядка"». Вероятно, так бы выразились! А г. Тетюши и местное общество тут ни при чем, вполне неповинны и уж нисколько не польщены такого рода репутацией. Фельетонист переезжает в Чердынь; Тетюши погружаются «во тьму» — вновь и самобытны, и в Бога веруют, а «последнее слово науки» лепечется уже от имени Чердыни, к утешению наших *лжели*беральных газет! Таковы все эти «Смоленские» [13], «Тверские» [14] и иные «Вестники» и множество им подобных. Без сомнения, есть исключения, и очень почтенные (мы когда-нибудь их перечислим), — и вообще наши слова уже никак не относятся, напр<имер>, к «Киевлянину» [15], столь ненавистному *лжели*беральной печати, и столичной и провинциальной, вероятно, потому, что это одна из самых дельных, серьезных и умных газет.

К обвинениям высшего, политического порядка принадлежит то уверение «Вестника Европы», что мы «самозванно прикрываемся именем России» и *именем народа* говорим такой «вздор, который оскорбляет достоинство русского народа, — что мы «совершаем *подлог* от имени русского народа», — причем как высший авторитет «Вестником Европы» цитуются следующие слова «Тверского Вестника»: «Мы не можем понять, — негодует орган местности, столь прославленной, говорят, сатирою Щедрина [16], — кто дал право г. Аксакову говорить именем русского народа, быть исключительным выразителем его интересов, заветных желаний и помышлений? Именем народа пока у нас может говорить только один *Державный Вождь его. Ему одному* принадлежит святое право представлять интересы страны!..» [17] Вот что называется: «благородно и либерально»! [18] Выходит, что мы присваиваем себе Императорскую прерога-

тиву, повинны в оскорблении Величества и посягаем на Державное право, т. е. в некотором смысле подлежим действию законов о политических преступлениях, а оба «Вестника» ратуют за неприкосновенность царственных прав!! Выходит, что каждый, кто осмелится, например, прямо и громко высказать свое убеждение, что «русский народ верит в Бога», что «он православный», что «он дорожит своим историческим государственным принципом», что «интересы национальности ему близки и дороги» и проч., — совершает «подлог от имени народа», в некотором роде политический преступник! Выходит, что выражать подобные мнения может дозволить себе «один Державный Вождь народа», а прочие русские люди рассуждать о точке зрения народной не должны и сметь! С умствованием подобного достоинства и силы нет, конечно, возможности состязаться, тем более что в той же самой статье «Вестник Европы» впадает в противоречие и утверждает, что «Русь» идет «решительно вразрез с тем, о чем так давно и так упорно заявлялось и продолжает заявляться *действительно от имени народа* представителями русского народа, людьми, непосредственно стоящими у земского дела», что «голос земства (т. е. гласных уездных и губернских собраний) есть *действительный голос народа*». Таким образом, и помимо Верховного Вождя оказалась возможность говорить от имени народа, и в этом случае действительно совершать *подлоги* от его имени! Доказательством служит приведенное «Вестником» ходатайство Кирилловского (Новгородской губ<ернии>) земства, выражающее, по мнению «Вестника», *голос народный,* — о том, «чтобы правом избрания в гласные пользовались все грамотные лица, прожившие в данной местности 5 лет, *хотя бы они вовсе и не имели имущественного ценза*», — другими словами — чтобы местные интересы земства могли быть отданы в руки наезжих чиновников и разночинцев, ничем с местностью не связанных! Любопытно сличить с этим «действительным будто бы голосом народным» энергический протест против подобного рода затей — представителя другого уездного земства, председателя Ростовской земской управы г. Титова, помещаемый ниже, в этом же № «Руси»... [19]

Эта выходка против нашего *самозваного* вещания от имени народа имеет глубокий, серьезный смысл. Наши противники очень хорошо знают, что мы не совершаем никакого подлога, излагая народную точку зрения, напр<имер>, на отношения народа к государственной власти. Они хотели бы противопоставить нам народную точку зрения — по их мнению, более истинную, *действительную.* Но такой подлог был бы слишком явен, и народные массы доставляют ежедневные свидетельства не в пользу мнения наших *лже*либералов (*лже!* — пусть не пугается «Вестник»!). Поэтому и предпринят такой маневр: наложить на «Русь» молчание обвинением ее в посягательстве на царскую прерогативу и выдвинуть на сцену *лженарод* — под видом «интеллигенции», подвизающейся в земских собраниях (в их *настоящей* организации). Сущность того направления, которое само величает или величало до сих пор себя «либеральным», заключается именно в глубочайшем презрении к *народу собственно,* к народу в тесном смысле этого слова. Оно выражается у наших противников даже против воли, вопреки очевидным расчетам партии и притом на каждом шагу. Достаточно указать на это постоянное глумление над понятием о народной духовной самобытности, на это постоянное стремление отрицать народную русскую индивидуальную особенность в истории, в быту, в творчестве, — наконец, хоть бы на эти слова Щедрина, с таким восторгом перепечатанные всеми нашими

*лже*либеральными журналами, о том, что сближение с народом возможно лишь при условии заразиться *проказою,* которою наш русский народ покрыт[20]. Ратуя за принцип большинства, на котором установлен «правовой порядок» в Западной Европе, эти господа не хотят признавать прав *действительного* большинства. Избавиться от народного на себе тяготения и в то же время командовать народом во имя его, хотя бы и вопреки его мнениям и убеждениям, — таков идеал французской буржуазной и городской интеллигенции: он-то, как видно, и соблазняет нашу российскую интеллигенцию. Кстати об этой последней кличке. Наша газета с самого начала, даже по поводу объявления, предшествовавшего ее выходу, подверглась и подвергается ожесточенной брани, между прочим, именно за нападки на «интеллигенцию». Это-де «нападки на ум, на просвещение, на культуру; это значит возбуждать народ против культурных общественных классов» и т. д. Все это — «словеса лукавствия»[21]. Мы, должно думать, ведь не отчисляем же сами себя от культурного класса! Мы сами употребляем новейшее орудие просвещения — периодическое печатное слово; стало быть, предполагать, что мы возбуждаем народ против себя самих и отрицаем деятельность всей нашей жизни, — это или уж слишком наивно, или недобросовестно. Образцом первого может служить обращение к нам «Русской Мысли», в отделе «Внутреннего обозрения»[22]. Мы до сих пор не касались этого странного журнала и оставляли его в стороне, несмотря на постоянные его выходки и уколы; однако ж, ввиду открытого сопричисления им самого себя к разряду *лже*либеральной печати, должны отнестись и к нему как к органу *лже*либеральному (такой оговорки, повторяем, требует сам «Вестник Европы»). Совершенно верно, хотя и очень сдержанно говорит г. Марков («Русская Речь», июль)[23], что «"Русская Мысль" изменила свое первоначальное, "московское" направление и в настоящее время почти не отличается "общими точками зрения" от таких органов петербургской журналистики, каковы "Вестник Европы" с "Порядком" и им подобные»[24]. Итак, этот странный журнал, равномерно поклоняющийся и Хомякову, и автору романа «Что делать»[25] и наводящий на Хомякова ореол петербургского либерала (!)[26], за что́ и снискал Хомякову одобрительный отзыв чуть ли даже не со стороны «Русских Ведомостей» и «Русского Курьера»[27], — одним словом, «Русская Мысль» обращается к нам с таким увещанием: «Нападать на интеллигенцию! Но разве может в наше время существовать государство без помощи интеллигенции? Времена монархии Чингис-Хана и Тамерлана прошли», и т. д. в этом роде. Если под интеллигенцией понимать *ум, разумение,* то, без сомнения, ни теперь, ни прежде без интеллигенции не может и не могла стоять никакая монархия в мире. Тамерлан и Чингис-Хан были своего рода замечательными людьми по уму и характеру. Но спрашиваем г. В. Г.[28], автора «Обозрения», — могло ли, по его мнению, сложиться Русское государство и просуществовать до Петра (основоположника «интеллигенции», по толкованию *лже*либералов) вовсе без интеллигенции? Куда причисляет он Козьму Минина и Пожарского? Наконец, староста, руководящий миром; сельский священник, пасущий разумно свою паству, — что́ они в народе: «интеллигенция» или нет? Если да, то меж нами нет и спора. Впрочем, ему хорошо известно, что не на такого рода интеллигенцию мы нападаем, да и он не ее имеет в виду. Едва ли он решится сознаться, но мы ему скажем, *кто* собственно разумеется печатью под соборным именем «интеллигенции». Это те, которые в Остзейском крае носят название: die Literaten, т. е.

люди школьной науки, снабженные аттестатами и патентами, *горожане* по преимуществу, не связанные с землею никакими имущественными узами (по крайней мере, это условие необходимым не признается), — класс *теоретиков* и *доктринеров* по преимуществу, весьма надменный своим школьным знанием, презирающий «невежественные народные массы», воображающий себя «культуртрегером», призванным руководить народ и учить, а в конце концов и командовать. Одним словом, это что-то вроде городской буржуазии, которая теперь во Франции захватила, во имя свободы и принципа народного верховенства, власть над настоящим, глубоко ею презираемым сельским народом и творит теперь над ним неслыханные, чудовищные *насилия* — во имя отвлеченных принципов, своих вечно меняющихся доктрин! Мы желаем думать, что г. В. Г. сам не отдал себе отчета в том, за чтó он стоит. Не может же он признавать честным и справедливым тот легальный, или «правовой», порядок, во имя которого, властию нескольких десятков голосов, миллионам верующего народа навязывается отрицание Бога и нравственности христианской, на вере основанной!

Как бы то ни было, но полагаем, что мы довольно верно определили причину того озлобления, с которым вся эта *лже*либеральная печать относится к нашей газете. И казалось бы, для чего такая трата злости и всяческих усилий, когда, по мнению «Вестника Европы» и по словам какого-то московского журнала, им цитуемым, мы с двумя прочими московскими изданиями составляем только «ничтожную горсть», когда нас встречает-де «презрительное молчание закона, нас игнорирует высшая власть, провожает насмешкою лучшая часть печати»? При такой обстановке чего бы, кажется, нашим *лже*либералам так нас бояться? Да и положение их несравненно выгоднее. Газета «Русь», например, выходит раз в неделю, а враждебные ей газеты, которых можно насчитать с десяток, *ежедневно,* так что каждый наш № облаивается на просторе семьюдесятью листками! Как же объяснить такую вражду и страх? Должно быть, наши противники тайно чувствуют и сознают, что, говоря о мнении русского народа, мы *не совершаем подлогов от его имени,* а изобличаем чужой подлог... С «Вестником» мы покончили и надеемся больше к нему не возвращаться. Теперь перейдем к мнениям г. Градовского и «Отголосков»[29]. Здесь, конечно, нет места недобросовестности. Это уже более по части недомыслия.

<ОТВЕТ г. ГРАДОВСКОМУ НА ЕГО РАЗБОР «ЗАПИСКИ» К. С. АКСАКОВА>

Что́ может быть тягостнее и скучнее повинности журналиста вести полемику с людьми, которые прямо сознаются, что, приступая к критике ваших мнений, они «вышли из круга понятий, нераздельно связанных с общими законами *логики*»? — А нам именно приходится выполнить теперь эту обязанность: мы в долгу и пред г. Градовским, и пред публикой, которым уже давно обещали отозваться на статью «Славянофильская теория государства», помещенную в виде письма к редактору в 159 № «Голоса». Хотя «Голос» и приостановлен [1], но автор письма, г. А. Градовский, величается во главе каждой книжки «Русской Речи» ее ближайшим сотрудником, следовательно, не может быть сопричислен к сонму «лежачих», которых «не бьют»; он обладает всеми способами защиты и нападения. Притом же мы отвечаем только на статью, *подписанную* почтенным профессором, оставляя в стороне статьи его же, по-видимому, пера в той же газете, но под которыми, к чести для имени автора, не стоит его подписи...

В самом начале своего письма в редакцию упомянутой газеты, носящего вышеприведенное заглавие, г. Градовский объявляет, что для того «чтоб постигнуть учение славянофилов, *необходимо выйти* из того круга понятий, которые кажутся нам (т. е. автору и редакции) нераздельно связанными с *общими законами логики*: для этого нужно большое усилие, но его необходимо сделать»... И почтенный профессор его делает, — с трудом или без труда, мы не знаем, но, во всяком случае, с большим успехом: все его письмо свидетельствует, что он вполне удачно достиг своей цели, т. е. уже совершенно опростал себя от всяких логических понятий, почему, конечно, ничего в разбираемой им «Записке К. С. Аксакова» и не понял.

Эта «Записка», представленная в 1856 году покойному Государю и напечатанная в 26, 27 и 28 №№ «Руси», подала повод г. Градовскому изложить «теорию государства» по учению так называемых «славянофилов» (говорим «так называемых» потому, что ни К. С. Аксаков, ни Хомяков, ни Юрий Самарин, ни другие литературные и общественные деятели одного с ними направления не любили этой клички и сами себя так не называли). Но г. Градовский, как, впрочем, и не могло случиться иначе при употребленном им безлогичном способе разумения, в своем изложении навязывает им теорию своего собственного изобретения, истинно фантастическую, затем разбивает ее в прах и ликует, ликует как победитель.

«Коренная черта политического учения» К. С. Аксакова и вообще славянофилов, утверждает г. профессор, «состоит именно *в отрицании необходимости всяких юридических форм* (курсив в подлиннике), создаваемых для обеспечения разных личных и общественных прав»... «Они отрицают необходимость форм вообще». Им «не нужны внешние законы». «Их политическое учение есть теория *юридически бесформенного государства*, государства “по душе”, государства, построенного на одних нравственных началах» ... «Государство, — по

учению славянофилов, — есть внешняя материальная сила» (каким образом согласуются эти два определения государства, — как это государство по одному и тому же учению выходит «материальной силой», «построенной на одних нравственных началах», и в то же время «по душе», — это объясняется только отречением почтенного профессора от законов логики). Но ведь «без форм, без образа и видимости» быть на земле никак невозможно, — убедительно продолжает г. Градовский; ведь «человеческая мысль не может ничего такого ни уловить, ни обнять». «Это уж музыка без звуков, тяготение без тяжести, мышление без форм суждения», а именно «музыку без звуков, — восклицает он, — проповедывают славянофилы, — возвещая сочетание *бесформенного государства* с бесформенною духовною свободою». «Тут уж начинается область: *не любо — не слушай!*» — возглашает в заключение г. Градовский и смело ставит и победоносно решает ученый вопрос: нужны ли звуки для музыки, т. е. «нужны ли вообще для *государственной* жизни юридические *формы?*» Вышло, что нужны!

Ученый публицист прав: изложенная им теория точно — не любо, не слушай. Это действительно галиматья, но честь такого измышления принадлежит не «славянофилам», а всецело самому г. профессору. *Ничего подобного никогда и нигде* славянофилы, разумеется, не говорили и не давали повода выводить из их писаний; они утверждали *как раз противное*, — что́ доказывается не только всеми их сочинениями, но даже и самой «Запиской» К. С. Аксакова, которую г. Градовский, излагая, совершенно переиначивает. Так, г. Градовский уверяет, что, по словам автора «Записки», «русский народ чувствует себя предназначенным к жизни только духовно-*созерцательной, чуждой земных дрязг и плотских помыслов*». Где же это сказано? Посмотрим «Записку».

«Отделив от себя правление государственное, народ русский оставил себе *общественную* жизнь и поручил государству давать ему возможность жить этою *общественною* жизнью». Вот что говорит К. С. Аксаков. «Не желая *править*, народ наш желает *жить*, — повторяет он вслед за сим, — но ищет для себя свободы нравственной, свободы духа, *свободы общественной — народной жизни* внутри себя»... «Он отделил себе (поясняет далее автор "Записки") *земское дело*», под чем разумеется весь «*быт* народа, вся его жизнь, куда относится и *материальное его благосостояние*», например: «*промышленность, торговля*»... Это ли образ народа, будто бы предназначенного, по истолкованию г. Градовского, только для *созерцательно*-духовной жизни, чуждой *плотских* помыслов и *земных* забот??! Почему же г. Градовский сопричисляет торговлю к числу *бесплотных* помыслов и *духовно-созерцательных* занятий?!

Пойдем далее. Государство, — фантазирует г. Градовский, — по учению славянофилов, есть будто бы «*только внешняя* материальная сила», а так как они «*отрицают необходимость* и внешних законов, и всяких юридических форм», без которых немыслима государственная жизнь, то их «учение есть *теория юридически бесформенного государства*, построенного на одних нравственных началах». Посмотрим, что́ говорят «славянофилы».

Без сомнения, государство — сила, и сила именно *внешняя*, с этим не станет спорить и г. Градовский, но этим не исчерпывается его определение. «Государство, — выражается Самарин в статье, помещенной вслед за запискою К. С. Аксакова в 29 № "Руси", — есть *существенное условие общежития* и как таковое служит к достижению предназначенных человечеству целей» [2]. «Государство, —

говорит Хомяков, — есть *внешняя правда*»[3]. Внешняя правда, т. е. правда формальная, условная, выражающаяся в *юридических формах*, составляющая компромисс, сделку между высшими идеальными требованиями правды внутренней, нравственной, и внешними требованиями правильного общежития в данную минуту. «Внутренний закон, — пишет в своей "Записке" К. С. Аксаков, — для людей недостаточен»; он мог бы быть достаточен только тогда, когда бы люди были совершенны, «но они не таковы, и потому *необходим закон внешний,* необходимо *государство*». Стало быть, если *внешний закон,* по мнению «славянофилов», *необходим,* то он ими не отрицается, как храбро утверждает ученый профессор! Стало быть, *государство* и *внешний закон* мыслятся «славянофилами» *нераздельно*... Откуда же взял г. Градовский, что в понятии славянофилов государство чуждо каких бы то ни было внешних законов и юридических форм, есть что-то «бесформенное», не имеющее «*образа* и *видимости*»?! Это уж подлинно «не любо — не слушай», — можем и мы применить к самому г. Градовскому его выражение о славянофильских теориях, но мы при этом, однако, не расположены следовать *второй* половине этой русской пословицы[4]. Мы *помешаем* г. Градовскому.

«Записка» К. С. Аксакова упоминает, между прочим, о *призвании* русским народом государственной власти в лице Рюрика с братьями... Напрасно г. Градовский трунит над этим указанием и противопоставляет ему мимоходом отрицание этого факта в ученых трудах г. Иловайского[5]. Дело не в действительности самого Несторова рассказа, а в том, что еще в XI веке было записано *такое* сказание, — конечно, не вымышленное самим летописцем-монахом, а взятое из изустного предания. А в предании этом воплотился *взгляд* народный на начало государства, его политическое миросозерцание: этот же последний факт, достоверность которого не опровергает и сам г. Иловайский, для нас несравненно важнее внешней, фактической достоверности самого призвания варягов. Что же говорит записанное в XI веке предание? Оно истинно замечательно: оно уже само по себе зрелый, отчетливый акт сознания *необходимости государственного строя.* «Земля наша велика и обильна, но *наряда* в ней нет»[6] (наряда, а не «порядка», как обыкновенно цитуют). Что́ такое *наряд*, как не государственный строй с его внешнею властью, внешними юридическими формами? Понятно, что, сославшись на это сказание Несторовой летописи, К. С. Аксаков имел в виду выразившееся в нем народное воззрение на значение государства... Как же объяснить себе подобную отважную *превратность* уверений бо́рзого профессора и его лихие выходки? Мы могли бы и еще продолжать выписки и сличения, но полагаем, что приведенных примеров достаточно. Не в первый раз, впрочем, подвизается г. Градовский в подобных полемических приемах[7]: навяжет своему противнику какую-нибудь дикую теорию своего изобретения, станет в позу, грозно выпадет против созданного им же призрака и затем — торжественно, самодовольно этот призрак или самого себя побивает!.. И при всем том мы охотно допускаем, что это происходит у него вовсе не mala fide, a bona fide* — от недомыслия и от удивительной легкости, с которой он, добровольно и по собственному сознанию, умеет отрешаться от «понятий, связанных с законами логики»... «Я, — аттестует к тому же сам себя ученый профессор в цитуемой нами статье, — не поэт, не моралист. Я *скромный*

* недобросовестно, а добросовестно (*лат.*).

юрист». Это и видно. Что он не художник и что ему недоступно то орудие постижения истины, которое дается искусством, художественным творчеством и чувством, — этого мы ему в вину, конечно, ставить не можем, — но что он не «моралист» — этим хвалиться нечего. Хорош «юрист», не подбитый «моралистом», игнорирующий учение о морали как об основе права, о *нравах*, об их могущественном значении в жизни обществ и государств и об их отношении к внешним законам и юридическим формам! Прав г. Градовский: он действительно скромный, очень скромный юрист, для которого имеют смысл только *одни* внешние юридические *формы* как нечто существующее само по себе и для себя, an sich и für sich, — который вне их и за ними ничего не видит и не признает, покланяется только форме, только в ней одной видит спасение. Обузив сам себя таким образом, г. профессор предстает пред нами даже не как юрист, хотя бы и скромный, но просто как *формалист* в области внешнего права.

И не он один. И не со вчерашнего дня возник этот «культ формы», идет эта борьба внутреннего со внешним, свободы с необходимостью! духа с буквой!.. «Сущность так называемого славянофильского учения» и, в частности, записки К. С. Аксакова вовсе не в «теории о *бесформенности* государства», а наоборот: с одной стороны, в признании государства именно внешнею только формою общежития, — именно внешним законом, внешнею силою; с другой — в сопоставлении с государством внутренней жизни духа, высших начал, высших требований нравственной правды и свободы, заключенных в душе человеческой. Другими словами: отводится подобающее место *Кесарю*, но также и *Богу*[8]; отводится место форме, букве, признается их необходимость и благотворность, но удерживается место и за *тем*, в чем источник содержания, влагаемого в форму и букву, т. е. за *духом*; и не только удерживается место, но провозглашаются и ограждаются права духа от властительства формы и буквы, — того, что *живит*, от того, что *мертвит*. Ибо истинно евангельское слово: «буква мертвит, дух животворит»[9]. Пожалуй, и тут некоторые, подражая г. Градовскому, воскликнут: «Вы отрицаете букву, вы проповедуете теорию о ненадобности букв, но ведь без букв никак невозможно, ничего не скажешь и не выразишь!» и т. д. С рассуждениями такой силы, полагаем, нет надобности и состязаться... Внешняя юридическая форма то же, что буква. По мнению лиц, осмеянных г. Градовским, государство само по себе не есть *цель* бытия, а только необходимое *средство* для достижения высшей предназначенной человечеству цели; поэтому и внешняя юридическая форма не есть еще *воплощение истины*, ни даже справедливости, вполне ее исчерпывающее, а только условное выражение части истины или справедливости в применении к требованиям места и времени. Может быть, скажут, что во всем этом нового ничего нет. Нового, конечно, нет, а есть нечто вечное и мировое, предпоставленное всей исторической жизни народов.

Сказано: Кесарево — Кесареви, Божие — Богови. Пусть вообразят себе теперь, что Бог вычеркнут, оставлен, все бывшее *Божиим* стало Кесаревым. Под *Кесаревым* разумеется здесь государство в каком бы то ни было образе, хотя бы республиканском, со всеми внешними законами и юридическими формами. Под *Божиим* — весь внутренний мир человека с его свободою, совестью, верою в высшую нравственную, абсолютную правду. Но если Кесарь вытеснит Бога и простре владычество своих внешних законов на всю область Божию, то и *верховною* совестью людей станет государство же, т. е. *внешний* закон. Други-

ми словами: юридические нормы залезут в мир внутренней жизни, в самую душу человека, закуют его свободу, заглушат дух, источник животворения, всё омертвят, но, разумеется, омертвеют и сами. Мы представили несбыточную гипотезу, ибо человеческая духовная природа не в состоянии долго мириться с таким искажением, — но несомненно, что такого рода поползновения существуют на европейском Западе, где одновременно с успехами материализма возрастает и культ государства, т. е. *внешней формы* политического бытия, заключающей в себе якобы разрешение всех задач, единственное, всеисчерпывающее условие спасения и благоденствия. Поэтому там, например во Франции, вся забота устремлена на приискание и создание внешней государственной формы, которая бы удовлетворила всем этим условиям и требованиям, так чтобы за пределами ее ничего — никакого Бога и никакого иного царства — не оставалось. От этого там так часты и революции, разбивающие одну форму за другой в тщетной попытке втеснить в юридическую норму весь дух человеческий, всё оформить, всё претворить в *правовой порядок*, который уже предъявляет притязание стать высшим мерилом нравственности и справедливости.

Кстати. У нас в России, как известно, это последнее выражение, т. е. «правовой порядок», также в большом ходу. Но ведь «правовой порядок» бывает разный; ведь «правовой порядок» вовсе не означает порядка, всенепременно воплощающего высшую правду, так что восхвалять *«правовой порядок вообще»* — или не имеет смысла, или имеет смысл вышеуказанный, т. е. стремление заменить все Божие — Кесаревым, всякую идею безусловной правды и нравственности — юридическою внешнею, форменною оценкою, — так, чтоб нравственным было только то, что́ законно, и безнравственным лишь то, что́ осуждается *внешним* законом... «Правовой порядок»! Но ведь французский террор с его кровавой оргией и всеми способами истребления был самый что ни на есть *законный* и *правовой* и *должен* быть признан таковым с точки зрения не «моралистов», а «скромных юристов». Все ведь делалось по решению законного большинства в Конвенте, а Конвент состоял из легальных, вполне легальных, представителей французского народа, которые совершали расправу якобы от его имени и в силу ими же легально провозглашенного принципа народного верховенства! Сегодня узаконяется небытие Бога и провозглашается поклонение Разуму: хотя десятки миллионов народа не причастны такому решению и отвергают его всем сердцем и всею душой, но сотня лишних голосов в Конвенте обязывает их принять таковое решение за законное и вдобавок за свое собственное... И делать нечего: это ведь и есть «правовой порядок»!.. У нас часто толкуют о «гарантиях» и усматривают их именно в западноевропейском «правовом порядке». Но если сей последний служит основанием гарантии, то чем же гарантируется самый «правовой порядок», и чем иначе: чем же гарантируется гарантия? Одним из догматов теории о гарантиях, например, состоит, как известно, *несменяемость* судей как условие их независимости. Но вот Гамбетта намеревается — самым «правовым порядком», т. е. подобрав себе лишний десяток голосов для составления большинства, посягнуть на этот заветный принцип и пообчистить магистратуру, потому что она оказывается слишком независимою от администрации и часто оправдывает тех, кого правительство хотело бы обвинить. Так как во Франции следует всегда допускать возможность политической перемены, то таким образом устанавливается «правовой» прецедент и для будущих правительств: подбирать *угодный* для себя состав ма-

гистратуры! Мы, само собою разумеется, не против правового порядка вообще, т. е. не против юридических норм и форм, но не следует питать к ним никакого суеверия, придавать им какое-то самостоятельное преувеличенное значение или вводить их в те области, где им не место. Когда нам твердят о «правовом порядке», мы прежде всего хотим знать: *какой именно*?

Дело в том, что сила не в правовом порядке, а в той общественной, духовной, нравственной почве, в которую упирается порядок своими корнями и которая их питает. Этого не могут понять скромные юристы-неморалисты. Конечно, желательно, чтобы правовой порядок в данную минуту отвечал потребностям нравственного общественного сознания, но если этого соответствия нет, то правовой порядок останется мертвою буквою. Г. Градовский, например, видит обеспечение свободы слова только во внешнем законе. Почему же и не быть внешнему закону! Мы и сами его желаем, но закон сам по себе еще не составляет гарантии. Ученый профессор забыл, что в Англии, например, внешний *закон* о печати — самый драконовский изо всех европейских и до сих пор воспрещает разглашение в печати парламентских прений. Но *нравы* переросли внешний закон, и никто никогда не решится «правовой», *существующий* и поныне «порядок» приводить в исполнение. Стало быть, сила не в самом «правовом порядке», а в жизни, в нравах, в том начале, которое одно истинно могущественно и животворно.

Вот это-то животворящее начало, эту власть совести, это царство духа и истины в груди человека, этот несмолкающий запрос на высшую нравственную правду и ищет оградить К. С. Аксаков, во всей их самостоятельности, от посягательства внешней, юридической правды, от начала условности и формализма, которых воплощением служит государство. Ищет оградить, разумеется, только в сфере нашего сознания. Сам же он полагает, что русское государственное устройство в своих существенных основах и в том виде, как *понимает его народ*, т. е. в идеальном своем виде, способно именно дать нужный простор тому, что́ более всего на потребу. Русский народ сознательно призвал к себе государственную внешнюю власть и государственный внешний наряд, создал самое могущественное государство в мире, равно как и самую крепкую власть, наделив ее неограниченным полномочием и оказывая ей вполне *сознательно*, а не рабски беспрекословное повиновение в делах мира сего; но он не отступился от Бога в пользу Кесаря, т. е. не уступил царству от мира сего того царства Божьего, которое внутрь нас есть [10], не продал свою *душу* государству, не отрекся ради внешней правды от правды высшей, нравственной, не подменил своих нравственных, общественных идеалов идеалами политическими, не заразил своего духа политическим властолюбием, не упразднил своей *совести* внешним *законом*. Для него государство есть не цель, а средство, да «под державою его хранимы [11], благоденственное и мирное житие поживем» [12], и он любит, чтит и благословляет это средство и добровольно, сознательно приносит все те нужные жертвы, без которых, как ему ведомо, средство это действовать не может. Он понимает и признает необходимость внешней юридической формы, но *формализм* ему ненавистен. В этом именно смысле и называет К. С. Аксаков русский народ *не политическим* или *не государственным*. Кстати: г. Градовский в своей статье опять совершенно искажает мысль автора «Записки». Именно, у г. Градовского мы читаем: «Русский народ, *как говорит К. Аксаков*, народ не политический, т. е. *чуждый всяких попечений о земном могуществе*».

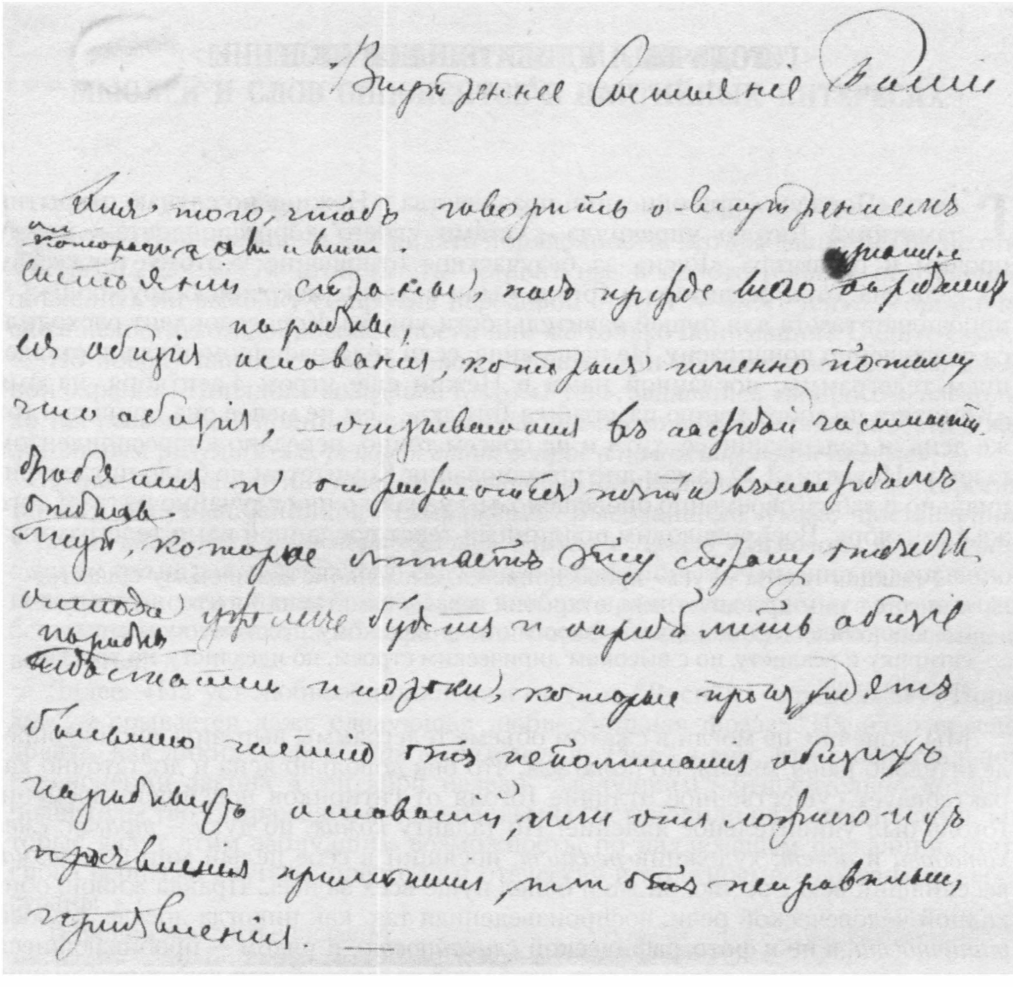
Вовсе не то. Народ именно позаботился о создании *могущественной* державы как формы для своего общежития, — а К. С. Аксаков говорит следующее и повторяет это несколько раз: «Русский народ есть народ не государственный, т. е. *не стремящийся к государственной власти*, не имеющий в себе даже зародыша народного *властолюбия*, не ищущий участия в правлении... Все иные народы стремятся к народовластию. Русский же народ сам *государствовать* не хочет»... По случаю этих слов К. С. Аксакова можно было бы сказать, что именно по этому самому русский народ и может быть назван самым государственным в мире, или, точнее, носящим в себе *истинный* государственный смысл и разум, что не хочет *сам* государствовать, а блюдет крепость власти и признает лучше, чем какой-либо иной народ, необходимость государственной дисциплины; но это пояснение нисколько не изменяет самой мысли автора «Записки». Как бы то ни было, но этот афоризм К. С. Аксакова озадачил и даже возмутил многих наших «западников» и «либералов», между прочим и публициста журнала «Отголоски» [13]. К сведению сего последнего, а также и г. Градовского, сообщим довольно странное, почти буквальное совпадение. В одном из сочинений немецкого писателя Риля, которое стало нам известно несколько лет спустя после написания «Записки» (сам же К<онстантин> С<ергеевич> и вовсе с ним знаком не был, ведая о Риле только вообще, понаслышке, да по какой-то русской поверхностной рецензии), — итак, у Риля встречается следующее: das deutsche Volk ist kein politisches Volk, sondern ein sociales, т. е. «немецкий народ — народ *не политический*, а социальный», другими словами: с задачею не политическою, а общественно-бытовою [14]. Верно или неверно такое мнение Риля относительно немецкого народа — это другой вопрос; во всяком случае, этот поклонник немецкой народности не похулить хотел свой народ, а, напротив, удостоить его высшей похвалы. Он бы не пришел ни в ужас, ни в негодование, ни в стыд от выражений записки К. С. Аксакова, как наши так называемые либералы, а уразумел бы их глубокий смысл. Постараемся, однако, подойти к этому смыслу с самой внешней его стороны и в самой сжатой форме.

Село вообще менее склонно жить политическою жизнью, чем *город*; самая этимология греческого слова «*политика*» это подтверждает. Россия же, как мы однажды выразились, стоит *селами*, а не городами. Уже самое это преобладание сельского населения в России свидетельствует о слабости политического элемента в громаднейшем большинстве, т. е. в 80% всего населения Империи. Так что и с этой внешней стороны оправдывается афоризм автора «Записки». Но он оправдывается и подтверждается всеми чертами нашей народной психологии, присущими не только так называемому простому народу, но даже и всем нам. Мы народ также социальный, и задачи социальные нам несравненно дороже политических. Мы совершили освобождение крестьян вовсе не на основании *юридической внешней правды*, которою не дорожит в глубине души своей ни одна русская совесть, а в силу правды социальной, понятой в ее истинном, согласном с нравственною правдою смысле. Вот английские лорды — *юристы* вполне, люди политические или государственные в тесном значении, для которых внешняя юридическая форма и основанное на ней, хотя бы и безнравственное, право — святыня. — У нас слово «чиновник», «чиновник в душе», хотя бы он был и честнейший человек в мире, служит чуть не обидною аттестацией, потому что означает поклонника формы, тогда как у наших соседей немцев — этою аттестацией люди гордятся. Да и у французов так же. Немец священно-

действует, а француз позирует и в роли жандарма, и в роли городового, во всякой официальной должности; у нас же простодушное или так называемое «халатное» отношение к исполнению формальных обязанностей доходит до вредной, истинно нетерпимой крайности и, однако ж, поддерживается всею общественной и народной нравственной средой: это потому, что самая эта крайность есть доведенная до уродства черта нашей «неполитичности». Политическое властолюбие если и прививается к нашему обществу, то только с недавнего времени, и корней глубоких вовсе не имеет; даже наши «либералы», в сущности, вовсе не властолюбцы и не честолюбцы, разве за некоторыми исключениями. Во Франции же всякий студент из Quartier Latin * — в душе своей *политический деспот* и носит идеал всегда *властолюбивого* свойства; будь он отъявленнейший республиканец — цель у него одна: добиться власти. Не из-за идей *свободы* борются и боролись партии во Франции, а из-за власти, и всякая вольнолюбивая доктрина, всякая даже анархическая теория сводится там к одному выводу: к государствованию, с отрицанием свободы для чужих мнений и партий. Нечто подобное доказывал в свое время и сам г. Градовский в своих статьях в журнале «Время», если не ошибаемся [15], в ту отдаленную эпоху, когда он не гонялся за кличкою «либерала», а немного славянофильствовал и даже читал публичные лекции о славянофилах... [16]

Этими мелкими психологическими чертами, конечно, не исчерпывается глубокое, мировое значение такого нравственного факта, как отсутствие *политического* элемента в самой *душе* нашего христианского народа, в глубинах его верующего духа. Но наша статья и без того велика. Мы хотели только отозваться на главные аргументы г. Градовского, которыми он думал сразить наповал так называемую им славянофильскую теорию. Мы оставляем также пока в стороне логический вывод, делаемый К. С. Аксаковым из присущего русскому народу нежелания государствовать *самому*, — вывод, который выразился в создании полноправной монархии, — оставляем потому, что сам г. Градовский устраняет этот вопрос. Он спрашивает нас в заключение своей статьи: «нужны ли, независимо от вопроса о форме *правления*, известные юридические формы, известная доза законности в управлении для обеспечения тех благ, о которых “славянофилы”-де так много говорят?» и «не останутся ли прекрасные слова К. С. Аксакова о “свободе жизни, духа и слова” одними прекрасными словами, если не будут обеспечены законами?»... Записка К<онстантина> С<ергеевича> трактует вовсе не о началах *управления*, а решает именно вопрос об отношении народа к политической форме государства, т. е. к форме правления. Что же касается до области управления, области *подзаконной*, то, само собою разумеется, ни К. С. Аксаков, ни «Русь» никогда не отрицали пользы издания верховною властью законов, устраняющих произвол подчиненных этой власти лиц и ограждающих свободу верующей совести и сло́ва и личное достоинство человека... Мы бы первые тому порадовались, но не потому, чтобы самая форма «законов» представлялась нам непоколебимою *гарантией*, ибо мы знаем, что всякий законодатель, давши гарантию, может и отнять ее (будь он хоть парламент или только парламентское большинство, составленное десятком лишних голосов); а потому бы порадовались, что издание таких законов свидетельствовало бы об успехе сознания в нашей правящей и в общественной

* Латинского квартала (*фр.*).



Черновой автограф записки К. С. Аксакова «О внутреннем состоянии России» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 7. Ед. хр. 28. Л. 3)

среде. Вот чего нужно желать и в чем заключается единственно прочная гарантия: это именно чтоб свобода совести, свобода слова вошла в наш *обычай и нравы*, а она тем скорее сбудется и тем глубже войдет в обычай и нравы нашей правящей и общественной среды, чем меньше будут связывать с этою свободою общественной, неполитической жизни ложное понятие о каких-то политических правах и гарантиях, из области управления простирающихся на область правления...[17] Нужно желать, чтобы само наше правительство прониклось не только национальным, но и *народным* духом и усвоило себе именно те понятия о союзе государства с землею, которые изложены в «Записке» покойного К. С. Аксакова; нужно, одним словом, чтобы государство и земля, народ и полноправная власть жили между собою, по русской поговорке, *в любви и совете*...[18]

<ГОГОЛЬ БЫЛ УДИВИТЕЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ!>

Газета «Порядок» при описании празднества в Нежине по случаю открытия памятника Гоголю упрекнула — устами своего корреспондента — между прочим и редактора «Руси» за безучастное отношение к этому торжеству. «А ведь еще отец редактора и Гоголь были связаны искреннею дружбой!»[1] — прибавляет газета для пущей язвительности упрека. Корреспондент расходился совершенно понапрасну. Не наша вина, если телеграф промешкал доставлением телеграммы, посланной нами в Нежин еще утром 4 сентября, на имя «Комитета по сооружению памятника Гоголю». Тем не менее она пришла в тот же день, и содержание ее, хотя и не совсем точно, передано корреспондентом газеты «Новости»[2]. О самом дне празднования Комитетом не было нигде официально и заблаговременно оповещено; мы узнали о нем случайно из газет того же 4 сентября. Воспроизводим подлинный текст посланной нами телеграммы:

> Редакция газеты «Русь» присоединяется мысленно к нежинскому обществу и вместе с ним празднует день открытия *первого* памятника Гоголю, *первого* выражения общественной благодарности этому великому русскому художнику — сатирику и реалисту, но с высоким лирическим строем, но идеалисту, но христианину в душе...

Мы, конечно, не могли в сжатом объеме телеграммы выразить вполне определительно нашу мысль, но полагаем, что она довольно ясна и достаточно характеризует существенное отличие Гоголя от сатириков новейшего времени. Гоголь был удивительное явление! По таланту *комик*, по духу — *трагик*; *смехотворец* и *аскет*; художник-*реалист*, носящий в себе целый мир *идеализма*; веселивший всю Россию, он же и болел пуще всех за нее... Правда живой, обиходной человеческой речи, воспроизведенная так, как никогда доселе, в своей *типичности*, а не в фотографической *случайности*, и рядом — пробивающиеся против воли потоки *лиризма*; дар глубокой искренней *веры* и одновременно дар неумолимо чуткой *иронии*... Все эти противоречия жили, совмещались в нем, и какова же должна была быть та психическая лаборатория, которая претворяла «слезы в смех»[3] и все эти разнообразные явления духа в гармонический аккорд, в стройное художественное создание! Не мог долго вынести такой задачи человеческий организм: Гоголь и умер рано. Это был великий страдалец; потому, может быть, и бессмертны его творения... Кстати: кажется, в нынешнем году наступило 50-летие первому появлению в свет «Вечеров на хуторе близь Диканьки», положивших начало перевороту в русской литературе, или «Гоголевскому ее периоду»...

<ИСКАЖЕНИЕ ГАЗЕТОЙ «ПОРЯДОК» МЫСЛЕЙ И СЛОВ ОППОНЕНТОВ В ПАРТИЙНЫХ ИНТЕРЕСАХ>

Что от «Порядка» нельзя ожидать порядочности, это мы давно знали, но статья в 262<-м> № этой газеты[1] ставит нас в положительное недоумение: объяснить ли выходку ее против передовой статьи № 45 «Руси»[2] — органическим недостатком добросовестности или же только понимания? Судите сами.

По поводу нашей статьи о новом «Положении об усиленной и чрезвычайной охране» «Порядок» возглашает, что «Русь», задавшись «вопросом, насколько так называемая полицейская *борьба с крамолою* в состоянии привести к желательным результатам, *решает этот вопрос в положительном смысле*».

У нас же, напротив, именно сказано: «Полицейскою борьбою с "горстью тайных злоумышленников" (выражение Высочайшего указа, поставленное у нас в кавычках) *не исчерпывается борьба с самою крамолою, или, точнее, с духом крамолы*», и доказательству этого положения, т. е. именно совершенной недостаточности полицейских, даже вообще правительственных мер, и в особенности нового закона об охране для борьбы *с самою крамолою,* посвящена вся статья!

Далее. «Из уст любвеобильной газеты (т. е. "Руси"), — продолжает "Порядок", — срывается даже следующая любвеобильная фраза: "Их надо преследовать, как диких зверей". *Так выражается "Русь" о тех,* кто в официальном разъяснении закона 4 сентября назван "заблудшим", относительно которых правительство (выражаясь его же словами) "установило ряд мероприятий, которые дадут этим заблудшим возможность, по надлежащем раскаянии, стать снова верными слугами престолу и отечеству и полезными гражданами своей страны"».

В нашей же статье сказано:

> Само собою разумеется, что борьба с *«горстью тайных злоумышленников»,* о которых упоминает Высший указ, *иною и не может быть как полицейскою.* Их надобно переловить, как диких зверей; следует надеяться, что скоро и во всем мире не найдется им почетного убежища и что ореол *политического злодея* не станет долее охранять неприкосновенность *убийцы и поджигателя.*

Вот *к кому* относилось наше, так не понравившееся «Порядку, выражение, т. е. *к поджигателям и убийцам,* и вот *ради кого* произведена «Порядком» эта, по меньшей степени странная, передержка мысли и слов как нашей газеты, так и самого правительственного «разъяснения». Все, что́ «разъяснение» говорит о лицах, *находящихся в административной ссылке или могущих ей подвергнуться,* о заблудших по увлечению и еще способных к исправлению. «Порядок» распространяется именно, да еще с пафосом, на тех, *о ком,* по уверениям газеты, *говорит* «Русь», стало быть, *на тех, кого и «официальное разъяснение», и указ 4 сентября называют «тайными злоумышленниками»,* именно *на убийц и поджигателей!* «Порядок» волен видеть в Гартмане, Кобозеве[3] и К° — людей «заблудших», заслуживающих только административной ссылки с целью ис-

правления и покаяния, и надеяться увидеть и в них со временем полезных граждан, — это его личное мнение, с которым можно соглашаться, но зачем же понадобилось «Порядку», цитуя «Русь», выкидывать (не случайно же!) из ее слов *именно то,* что́ определяет самый смысл речи и что́, будучи приведено, сделало бы, конечно, такую фальшивую ссылку на «официальное разъяснение» *невозможным?* Что́ именно могло так сильно оскорбить и возмутить «Порядок» в нашей мысли и в нашем выражении? То ли, что борьба с Гартманом и К° может быть не иначе как *полицейскою,* что их, этих героев динамита, кинжала и яда, готовивших взорвать на воздух десятки тысяч неповинных людей, что этих «убийц и поджигателей» следует всех переловить, как диких зверей? И притом так сильно возмутить, что у «Порядка» в голове все перемешалось и даже слова правительства о заблудших по увлечению, временно подвергаемых административной ссылке, отнесены им к убийцам и поджигателям?.. Конечно, это позволительно объяснить только... органическою неспособностью понимания...

Затем «Порядок» продолжает якобы цитовать нашу статью по вопросу о высшем в России образовании, — и что́ ни слово — то ложь. Напр<имер>, «Порядок» возвещает, что «газета “Русь” восстает против элементарной народной школы»... Когда, где? *Ничего подобного* не было сказано, да и не могло быть сказано, потому что этого у нас и в мысли не было. «“Русь”, — продолжает “Порядок”, — упрекает сегодня правительство за то, что наши учебные заведения были до сих пор, по возможности, открыты для недостаточных и низших классов населения». Опять ложь и ложь. Мы восставали только против тех приманок в виде чинов, льгот и привилегий, которые устремляют искусственно массу людей к высшему образованию — не ради потребности в образовании, не ради любви к науке, а единственно ради льготы от воинской повинности и иных выгод; мы восставали против *искусственной* формации умственного пролетариата, лишенного средств к существованию[1].

Но обличать шаг за шагом искажение и мысли, и слов, систематически чинимое «Порядком» в изложении нашей статьи, было бы и долго, и скучно. Может быть, «Порядок», подражая порядкам некоторых «правовых государств», считает позволительными такие проделки — в интересах своей «партии». «Ведь и во Франции *партии* так иногда поступают!» Может быть, и в самом деле такой аргумент развязывает ему совесть!..

<ОТРИЦАНИЕ САМОБЫТНОСТИ РУССКОГО НАРОДА В ЖУРНАЛЕ «РУССКАЯ МЫСЛЬ»>

«Русская Мысль», в сентябрьской книжке, устами г. Головачева[1], вместе с пеною брани и ругательств на редактора «Руси» и так называемых славянофилов (прежних и настоящих), изрыгает сентенциозно несколько замечательных «истин», долженствующих посрамить «бессмыслицу» и «абсурд» нашего миросозерцания и явить в настоящем свете загадочное до сих пор направление самой «Русской Мысли» — этого странного, очень странного журнала. После разных разглагольствий о том, что «Русь» просто клевещет на бедную современную русскую интеллигенцию, толкуя об ее «оторванности от почвы», об «игнорировании ею народного духа и тех начал, которые коренятся в его жизни», мыслитель «Русской Мысли» — вероятно, в доказательство своих слов, что «русский современный интеллигентный человек далеко не похож на прежнего западника», — вещает следующее:

> Они (славянофилы аксаковского покроя) с особенным усердием, достойным лучшей участи, отыскивали в народе нашем *самобытность*. Они видели ее в сфере *политических, нравственных и религиозных* идей, забывая, что две первые категории составляют *результат известного умственного развития и научного исследования,* а потому могут считаться достоянием *всего* человечества, а последняя относится к области чувства, *субъективна* в высшей степени и потому составляет дело совести каждой отдельной личности, т. е. они искали *самобытности там, где ее не могло быть...*

Таким образом, по мнению г. Головачева, или «Русской Мысли», *не может быть у народа самобытности* в сфере *политической* и *нравственной*, ибо эти две категории идей — будто бы только результат известного *умственного развития* и научного *исследования*... Выходит, стало быть, что древний институт суда присяжных и общественно-политический строй, возникший в Англии с XIII века, в которых нельзя, кажется, не видеть оригинальных, *самобытных* особенностей англосаксонского или британского гения, — это результат *научного исследования?* это добыто *умственным развитием??* Английская конституция, единственная не деланная, не сочиненная a priori, а созидавшаяся сама собою, органическим историческим процессом, — конституция, под которую только в XVIII веке, как фундамент под здание, стали подводить *теорию*, — английская свобода, обусловленная, гарантированная главным образом народными *правами*, — все это — продукт не национального самобытного духа, а *теории,* по мысли г. Головачева, все то явилось *вследствие умственного* прогресса и изысканий *науки?*.. Что́ это за галиматья! Почему это явления исторической народной жизни *не могут* служить конкретным выражением самостоятельного народного политического или нравственного начала? Разве жизнь не предшествует теории, а исторические явления — научному их исследованию? По умствованию г. Головачева, или «Русской Мысли», выходит наоборот: *исследуемое* есть продукт *исследования!!* Славянофилы усматривали русскую народную

самобытность, между прочим, в самом русском гражданском и общественном историческом строе, в начале *земщины,* в начале *вечевом, соборном,* в преобладании *села над городом*... Они осмелились признавать эти черты довольно своеобразными; они позволили себе думать, что эти черты, вместе с отсутствием двух крупных условий западноевропейского народного исторического развития, именно завоевания и феодализма, представляют довольно характеристичное отличие русского народного политического и общественного типа от такового же типа на Западе. Они за это осмеяны; они за это обруганы в «Русской Мысли», которая считает долгом отрицать в русском народе присутствие *какой бы то ни было самобытности в сфере* идей политических и нравственных: «Тут-де самобытности никакой не бывало и *быть не могло!*» Какой же из этого вывод? Чем представляется народ, лишенный всяких следов самобытности в двух главных, существеннейших сторонах своего бытия? Вывод один: что русский народ, со всею своею тысячелетнею историческою жизнью, в сфере политических и нравственных идей не более как материал, как tabula rasa, пригодная для начертаний «известного умственного развития и научного исследования», конечно *чужого* вдобавок! И такого-то рода суждения предлагаются «Русскою Мыслью» в виде доказательства, что современная русская интеллигенция оклеветана совершенно напрасно, что она вовсе не оторвана от почвы, не игнорирует народного духа и коренящихся в его жизни начал! Хорошо это *признание* начал, заключающееся в совершенном их *отрицании* — в отрицании даже возможности для русского народа какой-либо своеобразной особенности в сфере политической и нравственной!

Всего забавнее, что в одном месте своей статьи г. Головачев сам почти буквально повторяет слова из Записки К. С. Аксакова[2], повторяет их *от себя,* предварительно выбранив редактора «Руси» и даже автора Записки, так как признает справедливым и воспроизводит эпитет «бессмыслицы», данный этой Записке г. Градовским[3]. «Редактор “Руси”, упершись лбом в политический и религиозный вопросы, — так развязно грубит этот остроумный и добросовестный “русский интеллигент”, — вовсе и не замечает, что наш *народ никогда не жил политическою жизнию, и если принимал в ней иногда участие, то только в редкие периоды сильных кризисов*», — одним словом, повторяет то, что почти этими же словами напечатано самим редактором «Руси» в Записке его брата. Но дело не в этом «самобытном» приеме г. Головачева, а в том, что это указываемое им явление (т. е. уклонение народа от участия в *политической* жизни), оно именно и представляется отличительною, оригинальною, самостоятельною его чертою в «сфере идей политических и нравственных». Разве не оно служит объяснением его прошлых и нынешних судеб? Разве потому не должны мы и теперь принимать его в соображение?.. По мнению «Русской Мысли» и защищаемой ею интеллигенции — нет, нет и нет!

Но венцом глубокомыслия «Русской Мысли» и вящим доказательством неразрывности духовного союза с народом восхваляемой, защищаемой, ласкаемой ею современной «либеральной» русской интеллигенции — служит следующее рассуждение о религии и народе. Славянофилы предаются ею поруганию за то, что, по словам г. Головачева, «отыскивали в нашем *народе* самобытность в сфере *религиозных* идей, забывая, что эта сфера относится к области *чувства, субъективна* в высшей степени, составляет дело совести каждой отдельной *личности,* т. е. они искали самобытности *там, где ее не могло быть*». Но так как

славянофилы, говоря о народной психической самобытности, имели в виду не *лица*, а *народ*, то выходит, что «Русская Мысль» отрицает в истории *народа* значение *народного вероисповедания*, значение духовно-религиозного начала, под воздействием которого слагается исторически народный организм. Выходит, стало быть, что «Русская Мысль» при суждении о народах и тех *духовных* особенностях, которые выработались в них многовековою жизнью, не принимает в соображение — исповедуют ли они *ислам* или *христианство*; в семье же христианских народов не замечает ни малейшего различия между *православными, католиками* или *протестантами*: для нее это все безразлично, все едино! Она не видит печати лютеранства на Северной Германии, влияния папизма на судьбы, склад ума, строй жизни и быта племен, исповедующих католическую религию; не усматривает особенностей православия и следов православного миросозерцания в истории и в быту нашего русского народа! Если вы скажете, например, что отличительную, самобытную черту духовной физиономии турок в сравнении с христианскими славянскими племенами, населяющими Балканский полуостров, следует искать в *магометанстве*, — вы будете наверное осмеяны гг. Головачевым и К°. Придерживаясь их точки зрения, следовало бы теперь объявить сербам, болгарам и туркам, что магометанство и христианство — это относится лишь к *области чувства*, это-де *субъективность*, — это не имеет ничего общего с их национальным бытием, так как это «дело *каждой отдельной личности*», а не целых племен и народов!! Приглашаем «Русскую Мысль», забрав с собою всех своих «либералов», отправиться с этою проповедью на Балканский полуостров! Впрочем, такого рода суждения часто приходится слышать. Забывают, что исповедание веры передается в народах как отцовское наследие, от поколения поколению, принимается при самом рождении без критики и поверки, проникает все изгибы народного бытия, входит во весь духовный состав народный! Надо предположить, что, по мнению мыслителей «научного» журнала[4] (хороша наука!), событие 987 г., т. е. крещение Руси в православную веру, не имело никакого решающего и определяющего значения; другими словами: прими Русь христианство от Византии или от Рима — это-де все равно, это «дело субъективное, это дело «отдельной личности»: исторические судьбы России от этого нисколько бы не изменились!.. Тогда как именно этим событием и определились и ее внешние, и ее внутренние судьбы! Девятисотлетнее исповедание народом православия разве могло не оказать воздействия на характер, миросозерцание, умственный и духовный склад русского народа, не придать ему никакой духовной *самобытной* черты, *отличающей его* от народов, исповедующих ислам, папизм или протестантство?!

И все это говорится о русском народе от имени русской интеллигенции, претендующей на духовное с народом единство, на полное разумение его нравственных основ, на нераздельность с ним в духовных началах! Мы не ожидали встретить подобное воззрение в «Русской Мысли», хотя — мы знаем, существуют в России даже ученые преподаватели и русской, и всемирной истории, которые самым наивным образом выделяют из истории народов такой важный исторический фактор, как народное вероисповедание... Мы помним, что редактор журнала, г. Юрьев, писал когда-то в нем с сочувствием о Хомякове[5] — о том самом Хомякове, который в своем стихотворении «Ключ» называл стихию веры в русском народе — «ключом, бьющим в его груди, сокрытым, но могучим, неиссякаемым, вечно живым...»[6] Тем страннее найти в том же журнале такие

бесшабашные речи, как речи г. Головачева. Впрочем, с мая месяца «Русская Мысль» состоит о двух головах, или двух редакторах, как это означается с того времени на ее книжках (чего прежде не было), так что неизвестно, чье миросозерцание выражает г. Головачев: г-на ли Юрьева или же другого «редактора», самого г. Лаврова. Мы склонны были предполагать последнее, но в октябрьской книжке «Русской Мысли» г. составитель «Внутреннего обозрения» В. Г<ольцев>, оскорбляясь эпитетом «странный», данным нами этому журналу, возражает нам, что в «Русской Мысли» никакой перемены в направлении не происходит и не произошло[7], так что и статью г. Головачева мы поневоле должны принять за выражение мыслей самого журнала...

Есть и другой постоянный мыслитель в «Русской Мысли», выказывающий не менее прыти, чем и г. Головачев, это г. С. Пр...[8] Тоже удивительный мыслитель, важный, сумрачный, неспособный подойти к делу просто, а как-то всё трагически и свысока. По поводу, например, известных происшествий в Нежине, Киеве и других местах на нашем Юге, т. е. по поводу народной расправы с евреями, г. Пр... с неподражаемою серьезностью рассуждает так («Русск<ая> Мысль», июнь)[9]: «Это было чисто *рабочее* движение» (г. Пр... любит называть *крестьян*-земледельцев — «рабочими»). «В народе, — усматривает далее г. Пр... — бродят как бы бессвязные, неоформленные идеи о *конечных задачах рабочей массы*» (это всё по поводу евреев!)... Далее: «Мы как будто находим (т. е. в этом антиеврейском движении!) не соединенные между собою элементы для создания *какой-то цельной рабочей программы*... Взбунтовавшийся народ хотел отнять у евреев *землю, чтоб отдать ее малоземельному крестьянству*» (и «малоземелье» приплетено, и «аграрный вопрос» прихвачен!)...

И такой-то вздор выдается за «либерализм», за «русскую мысль»! Просим извинения у читателей за то, что так долго задерживали их внимание на этих образцах пустословия. Но ведь в таком же роде проповедуется теперь и в «Русских Ведомостях», и в «Московском Телеграфе»[10], и в «Порядке», и в большинстве изданий нашей «прессы». Этим-то сумбуром надменно кичится та часть нашей «интеллигенции», которая любит величать себя таким именем, которая изо всех сил старается установить мнение, будто она не только едино с народом, но что она собственно и есть русский народ, — а к тому, что́ называется простым народом, следует относиться единственно со стороны *экономической,* материальной, так как иной духовной самобытности: политической, нравственной, религиозной — в нем не бывало и нет! Этот сумбур — модный, господствующий; этот сумбур стоит и царит поверх народа почти во всем нашем обществе, внедряется в умы молодых поколений усилиями педагогов, соблазняя юношей мишурными блестками «либерализма», путая в них понятия, извращая в них здравый смысл и русское здравое чувство, делая их непригодными на истинно доброе служение Русской земле!.. Не пора ли уже общественному сознанию очнуться?

<«О ЖИЗНИ МУДРСТВУЕМ, А ЖИЗНЬЮ НЕ ЖИВЕМ»>

Недоразумение, как туман, пало на нашу землю, заволокло правду вещей и предметов, скрыло меру и цвет, натворило серых призраков, — все стало зыбко, неверно иль мнимо. Недоразумение — вот слово, которым может быть характеризовано настоящее состояние умов в России. Недоразумение между властью и страною, между правительством и обществом, между интеллигенцией и простым народом, и такое же тяжкое, мучительное взаимное недоразумение между лицами внутри самих рядов — и правительственных, и общественных, и даже народных. Все как-то вышло из колеи, сдвинулось с своего старинного подножья, утратило веру в прежнюю незыблемость, прочность, определенность положения и окружающей обстановки; всё недовольно, все чего-то хотят, куда-то спешат, о чем-то хлопочут, голосят, каждый свое и в одно время, все словно впотьмах сталкиваются или минуют, не узнают, не понимают друг друга. Народ чует и слышит, что над ним, в верхних слоях, возятся, пишут, толкуют, гомонят, всё про него да о нем, и весь этот долетающий до него гул порождает в нем фантастические представления; всякое отрывочное известие слагается в легенду, сообразную с тайными его разновидными чаяниями и вожделениями, — и жадно ловит он всякий ласкающий его мечту слух, и если еще не волнуется, то уже колышется смутною молвою, тревожным недоразумением. Поверх же народа... Здесь, без сомнения, всё одушевлено самыми искренними благими желаниями, всё и все, как средневековые алхимики, допытывавшиеся эликсира жизни, в погоне — за *правдою жизни народной*, все наперерыв суетятся ее поймать, — уловить, ухватить, упрятать в свой ларчик, подвергнуть каждый своей излюбленной аппретуре [1], формуле, определению и в таком обработанном виде преподнесть на правительственное распоряжение и всеобщее употребление. И все рвут от нее только клочья, и никому еще она, это правда, целою не далась и не дается, хотя чуть ли не каждый мнит себя ее обладателем! Почему? Потому что про нас можно сказать и теперь, как уж очень, очень давно было сказано пишущим эти строки, что мы все —

...речь умную, но праздную ведем,
О жизни *мудрствуем*, но *жизнью не живем*! [2]

То, что́ в то время относилось еще к немногим, может и должно быть применено ко всей в наши дни уже многочисленной массе мыслящих, пишущих и действующих... Казалось бы, самым могучим антидотом яду бесплодного *мудрствования* было бы — *жить*. Чего, по-видимому, *проще*? Но ведь ничего нет мудренее самой простоты, раз что дар ее душою утрачен и внутренняя цельность нарушена разлагающим перевесом отвлеченной мысли, рассудка... Само собою разумеется, что слово *жизнь* мы принимаем здесь в смысле жизни общественной, жизни целой страны, хотя, без сомнения, подобное отношение к жизни общественной не может не отражаться и в жизни личной.

Такое болезненное явление, т. е. преобладание мудрствования *отвлеченной* деятельности рассудка над непосредственною самодеятельностью *жизни*, имеет, разумеется, свою историческую причину. Читатели уже знают, что мы усматриваем ее в том насиловании, которое было произведено над нашею страною Петром Великим. Как бы ни оправдывалась его реформа исторически-логическою необходимостью, все-таки прямым ее результатом было отчуждение от жизни народной всего правительства и всех высших общественных классов, всего будущего контингента так называемой интеллигенции. При таком раздвоении всего организма нарушилась, конечно, и правильность его отправлений; жизнь не умерла, но творчество ее пресеклось, она, так сказать, ушла в народную, подземную почву, где и пребывает до сих пор на степени прозябания... Насильственное внешнее отвлечение высших классов от народа с течением времени породило для духа то состояние отвлеченности, в котором и доселе он коснеет и действует, из которого и высвободиться не в силах. Да и не могло быть иначе. Правительство, как и общество (которое до позднейшей поры составляло служебный, т. е. командующий во всех смыслах и отношениях класс), руководилось в своей деятельности началами, заимствованными из чужи; деспотизму отвлеченных теорий, доктрин, *сочинительству*, кровью и соком донимавшему Русскую землю, было раздолье. Историческая память была отшиблена, самые свежие предания забыты, язык исковеркан, простой, здравый смысл вещей утрачен, родной народ стал terra incognita *, которую потом, уже в наше время, стали открывать как Америку... Как не быть раздолью в таком опорожненном от всякого реагента, всякого воздействия духа жизни народной и притом такою всемогущею внешнею властью наделенном абстрактном мире!

Но не станем вдаваться в историю былого, обратимся к настоящему. Какие бы там ни были причины, но факт, которого, конечно, никто отрицать не будет, потому что он налицо, именно тот, что мы *не живем*, в настоящем смысле слова, цельною, органическою жизнью страны, хотя и мучимы жаждою *жить*. Мы осуждены пока *мудрствовать* в отвлеченной сфере сознания и *мудрить* над жизнью — как скоро обращаемся к практическому действию. Зато — этого нельзя не признать — деятельность в этой отвлеченной сфере получила необычайное, усиленное развитие, поглотила все наши силы. Оно и вполне понятно. Для этой деятельности не было и границ; ей не приходилось считаться с жизнью, с которою связь была порвана, не лежало на плечах груза старых преданий и дорогих заветов, который бы замедлял быстроту движения; не видать было и в новейшей действительности, чем бы особенно стоило дорожить, не было, значит, препон для самого крайнего радикализма, — благо всё большею частью происходило и решалось *в принципе*! Такого рода горячечной деятельности в мире мысли не представляла никакая страна. Везде новая мысль пытается пустить или действительно пускает корни в самую жизнь, всходит более или менее туго, медленно подъемлет свой стебель, созревает, ждет жатвы. У нас все скользило и еще скользит на поверхности почвы, не пуская корней, определяя собою лишь личную судьбу одного, много двух поколений, — оттого все скоро выветривается, изнашивается, пошлеет. Оттого между сменяющимися поколениями мало связи, мало преемственности, так что многое, напечатанное лет только 15, даже 10 тому назад, может быть преблагополучно перепечатыва-

* земля неведомая (*лат.*).

емо вновь и прочитываемо как нечто новое и вновь потребное. И тем все шире и шире круг самих «деятелей», чем ранее начинается в наши дни работа отвлеченного сознания для отрока или отроковицы, чуть не со школьной гимназистской скамьи, чем сильнее распложается периодическая печать, — которая, как известно, в значительном большинстве своих органов пробавляется юношами, отважно пускающимися в теоретическую оценку почти неведомых им явлений действительности.

Очевидно, к прискорбию, что результаты такой деятельности чисто абстрактного свойства, не питаемой духовным соком народной почвы, не умудряемой опытом общенародной исторической жизни, не соответствуют ее изумительному напряжению и трате такого богатства умственных сил; в области науки и практических открытий успехи наши почти ничтожны. Тем не менее мы вовсе далеки от мысли считать эту деятельность совершенно бесплодною. Неудовлетворительность результатов объясняется ненормальностью, болезненностью самого явления, т. е. не зависящим от воли самих деятелей преобладанием в их деятельности стихии абстракта или отвлеченности и, как мы сказали, совершенным отчуждением от действительной жизни народной с ее истинными нуждами и потребностями. Однако ж, если окинуть взором все пройденное русскою мыслью пространство с начала указанного ей поприща до наших дней, то, конечно, можно будет, не останавливаясь на различных ее фазах, определить и сумму осевших, обратившихся в неотъемлемое и немалоценное достояние умственных, духовных выводов и итогов. При всем том историк русской общественной мысли должен будет прежде всего признать, что ее работа совершалась в пустопорожности, dans le vide, как говорят французы; что этот пустопорожний мир был населен потребностями и страстями большею частью мнимыми, не имевшими никакого *жизненного* права на бытие, о котором можно бы сказать стихами Шиллера:

Не наша их земля растила,
Не наше солнце грело их![3]

а между тем потребностями и страстями подчас до того напряженными, интенсивными, что они становились источниками вовсе не мнимых, а реальных, истинных страданий. Жизнь отвлеченная, призрачная, целиком занесенная из иноземщины, с ее историческими скорбями и чаяниями, становилась как бы и в самом деле *нашею жизнью*, несмотря на поразительное, ошеломляющее противоречие с окружающим, не отвлеченным, но действительным миром. Так наше общество совершенно *юное*, еще не начинавшее жить, уже пережило, в сфере сознания, все нравственные старческие недуги отживавших, разлагавшихся обществ Западной Европы, не изведав их жизненного опыта: и тоску, и разочарование, и муки сомнения и отрицания, имевшие на Западе под собою историческую почву, — рядилось и в Чайльд-Гарольдов плащ, по выражению Пушкина[4], и во всевозможные плащи чужих общественных направлений. Так в нашей стране, где общество (мыслящее, образованное) сравнительно так малолюдно, где «недостаток в людях» вошел в пословицу[5], — был целый период страдания «лишних людей»[6]. И хотя это страдание именно в России, где образованному контингенту деятелей было отказываемо в живом плодотворном деле, могло бы иметь, по-видимому, вполне положительное основание, однако же

наши страдальцы — «лишние люди» в эпоху этого литературного поветрия, страдали à la Оберман[7], по-западному, а вовсе не русским, реальным, историческим страданием.

Самою блистательною эпохою этой отвлеченной деятельности было царствование императора Николая[8]. События Отечественной войны снесли было эту отвлеченность на реальную почву, где именно она и не замедлила обличиться, — но крутая система правления, водворившаяся после 14-го декабря 1825 г., вогнала русскую мысль *внутрь*, не давая ей расплываться во внешности, — и что́ же? По свидетельству герценского «Дневника»[9] и всех современников, никогда умственный уровень русского общества не стоял так высоко, никогда деятельность в сфере абстракта не поглощала так сильно образованных русских людей. Эстетика и философия *по-видимому* «процветали», возбуждая всеобщий, самый живой интерес... И все это на почве крепостного рабства, среди повального бесправья непривилегированных классов, среди экономической варварской безурядицы! Говорим это нисколько не в упрек, а только указываем на аномалии нашего общественного развития. Чего мы ни пережили, чем ни перебывали, какими *измами* ни увлекались в нашем тепличном, оранжерейном мире, носившемся с его призрачными радостями и страданиями над юдолью Русской земли с ее непризрачным горем и страстотерпным подвижничеством!

Мы не намерены, впрочем, излагать здесь историю русского общества, а только намечаем характеристические черты. Истинно плодотворною стала работа его отвлеченной мысли, когда в «объект сознания» попала наконец *народность* с ее «субстанцией», как говорилось тогда, и историей *народного самосознания*. Словно Америка, повторяем, открылся русскому обществу русский народ, и все это сравнительно так недавно! Покойный А. В. Веневитинов[10] хвалился нам, что он *первый* из своих разъездов по России в качестве чиновника особых поручений во второй половине двадцатых годов вывез сведение о сельской поземельной общине и мирском крестьянском самоуправлении и сообщил его своему брату, известному, так рано умершему поэту, и молодому его другу Хомякову![11] Это о явлении, которое, пережив тысячелетие, было у всех на глазах, которое все видели и *знали*, но не *сознавали*! Литература вопроса об общине, этом основном элементе нашего народного великорусского быта, может и затем представить истинные диковинки: и попытки отрицать если не самый существующий факт, то его историческую древность, умалить его значение, представить его наследием варварства, — и гонения на общину во имя европейской цивилизации, и, наконец, в наши дни, почти всеобщее признание общины, наделение ее правами гражданства в сфере общественного сознания (да и то благодаря более авторитету иноземному, с позволения социалистических теорий!!). Точно таким же *открытием* были для русской «интеллигенции» и Земские соборы[12]: только теперь, почти сорок лет спустя как впервые заговорили о них славянофилы, стало проникать в русское общественное сознание понятие об этом крупном историческом явлении допетровской Руси, — понятие все еще очень смутное. Без сомнения, представителями самой плодотворной деятельности в общественной интеллигентной сфере были именно мыслители и писатели, прозванные в насмешку славянофилами, а прежде называвшиеся «восточниками», в отличие от своих противников «западников»... Кто не помнит или не знает про ту жестокую, запальчивую борьбу,

которая в сороковых и пятидесятых годах велась между обоими лагерями? Самая возможность образования в России, в *русском* обществе, особого лагеря со знаменем *русской* народности (как будто для русского общества мыслимо знамя иное!), самое то, что такой общественный факт не показался никому странным и был всеми признан, уже достаточно определяет отношение русской интеллигенции к русской народной жизни и тот мир отчуждения, абстракта, в котором витала его умственная деятельность. И хотя (это, кажется, уже не подлежит спору) славянофилам удалось сообщить несколько иной оборот общественной мысли, ослабить несколько ее подобострастную зависимость от западноевропейского критерия, возбудить более строгое внимание к явлениям русской истории, вызвать исследование русских бытовых данных и т. п., однако ж несправедливо было бы утверждать, что их направление (по-нашему, единственно верное) одержало успех и стало господствующим. Нисколько. Принято говорить — и это в большом ходу! — что славянофильство уже принесло свою долю пользы, избавив общество от крайности увлечения Западом, но что теперь-де интеллигенция совсем уж вышла на правый путь и не представляет никакой духовной розни с народом кроме той, которая существует между необразованием и образованием, между бытовою непосредственностью и возносящимся над нею сознанием... В какой степени это верно, лучше всего свидетельствуется тем, что такое отсутствие розни, такое духовное единство интеллигенции с народом возвещают теперь как раз те же самые, которые одновременно объявляют наш русский народ лишенным всякой «национальной самобытности в сфере политических, нравственных и религиозных идей» [13], которые самое притязание на какую-либо для русского народа самостоятельность или самобытность клеймят ругательствами и насмешками!! Это ли не высшее проявление, не апогей отвлеченности! Иностранец, не знакомый с историей русского общества, подумал бы, читая многие наши журналы и газеты, что это отступничество, апостазия... Нет, — это все та же отвлеченность, чуждая живого народного самосознания, которой начало положено у нас реформою Петра и которой все еще не настал конец, — хотя, по-видимому, и близок... Но только по-видимому.

Всю эту речь мы ведем лишь к тому, чтобы оправдать слова, сказанные нами вначале, и точнее охарактеризовать нашу современную суетливую работу. Недуг отвлеченности стал наконец сказываться у нас и на практике бедственными, трагическими явлениями. Не довольствуясь разрешением вопросов *в принципе*, некоторая наиболее стремительная и наименее упражнявшаяся в строгом мышлении часть общества — при подстрекательствах извне, соблазняемая иноземными примерами и образцами, увлекаемая вековым обычаем подражания, вошедшим у нас и в кровь, и в плоть, — отважилась разрешать некоторые вопросы на *практике*, вообразив, что насильственное применение теории к действительности равняется органическому творчеству жизни! Вышел только новый, наихудший, наибезобразнейший, наипреступнейший вид насилия — практического насилия *революционерствующей отвлеченности* над народом. Тем не менее эти явления служили и служат симптомом угрожающей нам опасности; они свидетельствуют, что недуг нашей отвлеченности созрел до острого состояния, что нужно же наконец отыскать ключ к более нормальной и цельной жизни. В настоящее время, кажется, всё и все сошлись на *отрицательном* отношении к текущей действительности, — но и только. Правительство

стало чуждо прежнего самомнения, одушевлено бесспорно искренним желанием блага, чутко прислушивается к указаниям общества и печати — и недоумевает, внемля разноголосице... Где правда? Где же, наконец, она, настоящая общественная мысль? Общество! Но что́ такое общество? То ли, что́ говорит и голосит в собраниях и в печати, или же то, что́ молчит? За кем действительная и окончательная сила? За толпою ли громковещающих или же за массами тех — безмолвных? Печать? Но точно ли служит она выражением общественного мнения, а не личных мнений самих редакторов или разнообразных, нередко противоречащих воззрений в среде самого общества? В наши дни в особенности деятельность мысли кишит и кипит. Это не прежние досужие только речи — в каждом слове звучит болезненная нота, свидетельствующая об удрученном состоянии духа; они как будто и вовсе не похожи самым содержанием своим на бывалые отвлеченные разглагольствия нашей интеллигенции: не к Западу приковано ее внимание, как во дни оны, а к России, — не философские, даже не научные вопросы возбуждают ее живой интерес, а вопросы насущные, практические, по отношению к нам самим... Но тут-то и обнаруживается самообман. Переменился объект, но не точка зрения, которая по-прежнему не русская, а иноземная, по-прежнему отвлеченная, по крайней мере у большинства выступающих на печатную трибуну интеллигентов, — да и на печатную ли трибуну только? Читая и слушая их, думаешь иногда, что попал в сонм благодетелей иностранцев, притом же разноплеменных, но равно кипящих искренним желанием пособить русскому горю, — выбивающихся из сил и из голоса, чтобы отрекомендовать каждый свою панацею! Каждый день выбрасывает на свет Божий сотню газетных листков (мы и самих себя не выключаем из их числа) с сотнею замечаний, указаний, критических оценок, предположений, планов, по всем частям, по всем сторонам, по всем «вопросам», — дергающих, сокрушающих, созидающих, разумеется только в принципе и на словах, существующий строй, — развинчивающих, свинчивающих, переиначивающих наш административный механизм, — в непригодности, устарелости которого все согласны, но в способах исправления или в выборе нового на смену почти никто друг с другом не сходится. Такая лихорадочно-возбужденная деятельность не может обойтись без примеси страсти и взаимного раздражения и только пуще плодит недоразумение. В самом деле, нельзя не поразиться (даже оставляя в стороне умышленную недобросовестность) тем обилием взаимного недоразумения, которое сказывается и у пишущих между собою, и между пишущими и читающими. Люди точно лишились способности понимать друг друга, сговориться, спеться, достигнуть *споразумления* * (выражаясь по-сербски), вникать в истый смысл слова. Мы это, по крайней мере, испытываем на себе, дивясь самым неожиданным, превратным истолкованиям, которым подвергаются иногда наши речи — казалось бы, точные и определенные. Слово в наши дни как будто служит не к уяснению, а к большей путанице понятий...

Как бы то ни было, но эта деятельность русской общественной мысли, во сколько она проявляется наружу с настоящею, впрочем вполне законною, возбужденностью [14], пока еще только умножает замешательство, только истощается в мудрствовании, в *сочинительстве* и не может выбиться из заколдованного круга своей отвлеченности. Может быть, нам суждено пройти еще чрез не-

* соглашения (*серб.*).

сколько опытов практического исполнения разнообразных сочинений, еще не однажды помудрить над жизнью, — но пора бы убедиться, что все сочиненное лишено внутренней, зиждущей силы, не пользуется ни авторитетом, ни доверием, предполагает возможность новых остроумнейших сочинений — одним словом, осуждено на бесплодие и кратковечность. Как ни напрягайся, процесс сочинительства не заменит органического творчества; как ни сочиняй, не сочинишь жизни. Как ни ставь, как ни решай вопроса: «чем нам быть?», на него ответ один: *быть самими собой.*

А что́ же вы сами — предугадываем замечание некоторых — вы, которых противники осмеивают, в сущности же лишь удостаивают печатным наименованием «самобытников», т. е. защитников национальной духовной самодеятельности и вообще прав духовной народной личности? Но и прежние славянофилы, и те, которые продолжают действовать в том же направлении, как бы их там ни прозывали, тем и отличаются от «либералов» и им подобных радетелей общего блага, что они не занимались и не занимаются сочинительством формул для жизни. Их посильная заслуга, думаем, именно в том, что они путем отвлеченного мышления и живого знакомства с народом пришли к верному определению разъедающего нас недуга и его исторических причин, к опознанию духовных и бытовых *начал* русского народа в его истории и в его настоящем, во сколько сохранился его исконный нравственный образ, — к признанию *прав* жизни и ее органической работы, к уважению народной личности и тысячелетнего исторического подвига народа в созидании Русского государства, к вере в его самостоятельное историческое призвание в семье общечеловеческой, — наконец, именно к сознанию тщеты всякого сочинительства, к убеждению, что только *став сами собою*, только приобщась народного духа, обретем мы целение...

Все это только слова, скажут нам. «Укажите же: *как* стать самим собою, *как* восстановить цельность жизни?»... Мы не знаем. Мы не обладаем таким секретом. Может быть, ларчик и просто открывается [15]; может быть, и нет. Может быть, это совершится лишь с помощью великих внешних событий, может быть, и иначе, — может быть, тогда, когда нашей интеллигенции опротивит наконец бесплодное сочинительство, когда она смирит свою кичливость и придет к смиренному сознанию, что она ровно ничего не знает и ничего не может, что спасение не в ней, а именно в презираемой ею народной самобытности, когда она утратить суеверие «западной» науки и цивилизации и взалчет истинного просвещения, когда она отрезвится от угара самомнения.

И в самом деле, не у тех ли разгадка вопросов, кто в настоящую минуту *молчит*? Не они ли скажут нам простую правду, простое слово жизни? О, если б их вызвать на слово! Может быть, голос их подал бы нам спасительное отрезвление, помог бы нам разбить заколдованный круг нашей вековой отвлеченности, нашей духовной немощи, перестать мудрствовать и начать *жить*! Не гении нужны бы нам теперь — на каждом гении лежит печать личного духа, — нам нужно то, чего найти труднее в наши дни, чем гениев, и что дороже теперь всякого гения: нам нужен простой здоровый смысл, неразлучный с верным инстинктом жизни...

1882

<ВСЕ МЫ РАВНО ВИНОВАТЫ>

Не с честью проводили мы роковой 1881 год!.. Отрадно было переступить даже самую грань, условную, внешнюю, отделившую нас хоть бы только летосчислением от этой годины кровавого позора. О, если б и в самом деле осталось навеки за этим рубежом времени все, что́ было перестрадано и пережито Россией, и невозвратным прошлым стало наше недавнее настоящее с его еще жгучею, неутолившеюся болью! Но не забвению должен быть предан год омерзительного преступления, покрывшего срамом Русскую землю[1]; не выветриться должен его след, не легкомыслием должны мы отделаться от тягостных воспоминаний, от грозных внушений минувшего, не к свежему былому вспять, не на прежнее близкое возвращаться, а напротив, вдумавшись в смысл событий, усвоив себе сознанием и сердцем разум испытанной нами Божьей кары, признав и осудив собственные вины — вины тяжкие — и, обновясь духом, мужественно приняться за предстоящий нам подвиг жизни. Да, пусть Новый 1882 год — первый год, зачинающийся в новое царствование, — послужит и началом нашего действительного обновления!..

Мы сказали только: *началом*. Легко молвится слово: *обновление*, но труден и сложен процесс воплощения новой мысли во всем разнообразии внешних явлений; лишь туго и медленно может совершиться перерождение отвердевших от времени форм государственного и общественного бытия, особенно в такой обширной стране, как Россия. В наше время, когда историческое сознание не только идет по пятам событий, но чуть ли не опережает их, когда *сознаваемое* привыкло превозноситься над *творимым* и в своем нетерпении, не уважая свойств организма, готово торопить его рост всяческими искусственными мерами, — такая постепенность обновления должна, разумеется, быть не по нраву всем тем, которые, пренебрегая упорным трудом созидания, ведают только два вида деятельности: в сфере мысли — *отвлеченность*, абстрактный радикализм доктрин и теорий, в мире практическом — *ломку*. Насочинить и наделать, особенно с помощью принудительной власти, новых форм для жизни не особенно мудрено, но вдохнуть в них дух жизни, это — дело иное и не поддается никакой земной власти в мире. Здесь насилие не остается безнаказанным уже потому, что искаженная жизнь не замедлит воздать за свое искажение самою безобразною действительностью. Наша отечественная почва, можно сказать, загромождена такими пустопорожними формами, числящимися за жизнь, наделенными всеми атрибутами гражданства... Мы, впрочем, не отрицаем естественность, даже законность нетерпения именно у тех, кто живее сознал неправильность

и уродство современных явлений, т. е. у так называемых образованных общественных классов, — но если они действительно *созрели* (на что́ уж так давно предъявляют притязание), так эта зрелость должна именно выразиться в признании прав *органического* процесса жизни, в уравновешивании своих стремлений и вожделений с законами исторического развития, с медленным ростом народных масс. Мы уже не говорим о возможном (по нашему же мнению, действительно сущем) различии идеалов так называемой интеллигенции и народа: мы напоминаем первой только о том, что она должна прежде всего *считаться* с народом и с жизнью. Нам кажется, что такое напоминание небесполезно в наши дни нетерпеливых ожиданий, легиона возбужденных вопросов и настойчиво навязываемых жизни теоретических разрешений.

Тяжкое наследие досталось нашему молодому царю[2]: никогда задача правления не была сложнее и мудренее. Власть в существе своем так же тверда и крепка, как и прежде, ибо жив русский народ и непреложно его политическое вероисповедание, о нем же стоит и движется Россия. Но орудия власти, но ее снаряд, весь гражданский строй, весь государственный механизм, всё, чем пробавлялась наша страна, чем жила и держалась, хоть и с грехом пополам, в течение XVIII и XIX века, — всё это проржавело, обветшало или, вернее сказать, обличилось наконец в своей несостоятельности. Никто не сознает этого лучше самого правительства. Чиновник в наши дни — шутка сказать — дрогнул, посбавил своей бюрократической спеси, утратил или начинает утрачивать веру в себя! Если бы можно было на время приостановить течение государственной жизни, работа исправления и обновления действующего механизма представляла бы все-таки менее затруднений, — но жизнь не останавливается, и исправлять или сменять части механизма и всю движущую его систему нужно на всем ходу, удовлетворяя всем потребностям государственной ежедневности, разрешая неотложно случайности всяких политических внешних и внутренних осложнений, не упуская притом из виду общих исторических задач будущего. А между тем и исправлять некем, да и *как* исправлять — еще нерешенный вопрос! Положение поистине трагическое. Все это, конечно, справедливости ради, не мешало бы принимать в соображение при той неустанной критике, которой так привыкли у нас все и всякий подвергать правительственные действия, — критике, положим, и заслуженной, но очень уж легкой и дешевой до пошлости. Кто в наши дни не прохаживается с своими перунами[3] по администрации? Только разве ленивый; у большей части весь ум, вся духовная пища только в этом отрицательном отношении к власти и состоит, так что они стали бы в совершенный тупик и мгновенно бы поблекли и испарились, если б вдруг исяк повод к такому грошовому либерализму: ничего другого, кроме отрицания и глумления, за душою у них и нет. У нас также имеют привычку при нападках на правительство совершенно выгораживать самое общество, забывая, что контингент государственных мужей и деятелей поставляется тем же обществом, что они вскормлены и воспитаны тою же самою средою, которая потом становится к ним в такое резкое отрицательное отношение! Наша печать любит противополагать «интеллигенцию» правительству. Но разве бюрократия не интеллигенция? Будем же подобросовестнее: оглянем себя самих. Правительство, например, вовсе не кичась старинным самомнением, вполне сознает необходимость обновления личного административного состава, обращается к обществу за содействием — и жалуется на «недостаток людей». Общество, с своей сторо-

ны, также жалуется на «безлюдье», не подозревая, что люди все-таки могли бы найтись: их надо искать, но, говоря по правде, едва ли в тех рядах, которые стоят ближе к правительству, величая себя «консервативными», — едва ли даже и в рядах той «либеральной интеллигенции», которая печатно отрицает у русского народа «всякую самобытность в сфере политических, нравственных и религиозных идей»[4] и, презирая его духовную личность, ограничивает свое сочувствие к нему одною лишь стороною его бытия — экономической, с позволения известных иностранных экономических теорий. Как бы то ни было, но людей приходится *искать*, а не брать готовых: о таковых, на ком останавливалось общественное мнение, что-то почти и не слыхать. Точно то же и в вопросах общего политического значения, связанных с общею задачею обновления нашего гражданского строя: может ли правительство, спросим себя по совести, опереться на какое-либо положительное мнение, обществом выдвигаемое? Не только правительство, но само общество, разрешило ли оно себе эти вопросы, согласилось ли на какой-либо одной общей формуле?

Все это мы говорим единственно с тем именно, чтоб упразднить, насколько возможно, обычный, ходячий у нас прием оценки современных явлений, нисколько или очень мало, по нашему мнению, способствующий разъяснению истины. Если прислушаться к общественным толкам, выражающимся и устно, и печатно, так выходит, что во всем «правительство виновато», что от его доброй воли зависит мигом оздоровить и водворить всюду довольство и благосостояние, но что оно, по неразумию или из своекорыстных видов, не прибегает к тому волшебному целебному снадобью, которым будто владеет. Нет, положение наше гораздо печальнее, гораздо сложнее. Общество слишком солидарно с правительством, несравненно (со времен Петра) солидарнее с ним, чем с народом. Если правительство владеет силою, то мысль его вырабатывается все же общественною, тою или другою средою. Городничий Гоголя, обращаясь к публике, в отчаянии воскликнул: «Чему смеетесь?.. *Над собой* смеетесь!»[5] Эти слова не мешает припомнить и нам в минуты нашего критического, на правительственные действия обращенного, задора. Сваливать поэтому всю вину на правительство, и только на правительство, признавать лишь его единственно ответственным за наше настоящее положение — не только несправедливо, но и вредно в интересах самого нашего оздоровления. *Все мы равно виноваты* — вот что́ нам необходимо признать! Без этого признания нет и спасения. Только признав нашу равную долю вины, можем мы помочь и правительству, и себе самим выбраться на путь истины. Не надлежит ли самому обществу вместо слепого отрицательного отношения к действиям власти добросовестно допросить себя: всё ли исполнено им самим в пределах деятельности, ему предоставленных, что́ могло бы облегчить, упростить государственную задачу нашего времени, что́ предписывается не столько отвлеченным требованием справедливости, но простым патриотическим и национальным чувством? Кто решится сказать: «Да, всё»?

Нет, например, ни малейшего сомнения, что события, подобные событиям 1 марта и всем предшествовавшим злодеяниям, не облегчают, а затрудняют и правительственную деятельность, и все наше общественное положение. Возобновление этих событий грозит страшными опасностями всей нашей стране; стало быть, и предупреждение этих опасностей представляет интерес не только правительственный, но и общественный, лежит на обязанности как правитель-

ства, так и общества, для каждого в сфере его деятельности. Нельзя, без сомнения, не тяготиться всеми принимаемыми правительством стеснительными для честных людей полицейскими мерами охраны: они оскорбительны для нашего чувства. Но не оскорбительнее ли в тысячу раз самый повод к этим мерам охраны, самая необходимость подобных способов предупреждения злодеяний, сделавших Россию притчею во языцех? В эту, а не в другую сторону должно бы быть по преимуществу направлено общественное негодование! Было бы лицемерием утверждать, что в вопросе о так называемой «крамоле» — дело идет лишь о какой-то малочисленной шайке извергов и злодеев, которую достаточно переловить — на что-де потребна искусная полиция, каковой у нас нет, и т. д. Разве мы не знаем, что контингент этих, по выражению древних грамот, «воров и изменников Русской земли», к несчастию, не умаляется, а подновляется новыми лицами; что самая относительная сила этой «шайки» (достаточная, однако, для содержания целой страны в постоянном унизительном страхе опасности) кроется в пассивном сочувствии немалого числа юных по преимуществу голов, начиненных самыми извращенными понятиями? Вот против этого-то извращения понятий, к спасению множества юношей, еще не перешедших от пассивного сочувствия к деятельному участию, и должны бы быть направлены все усилия общества, журнальной печати и литературы. А направлены ли они? Какое детское недомыслие нужно предположить в тех, которые воображают, что, превознося учения Чернышевского, проповедуя материализм, внушая юношам, что нет ни абсолютно-нравственной правды, ни обязательного нравственного закона, они тем самым не двигают их на тот путь, который вполне *логически* приводит к событиям вроде 1-го марта! Вина юношей будет лишь в том, что они были последовательнее и в беспощадной своей последовательности мужественнее своих наставников, не задерживались в своем радикальном стремлении никакими предрассудками, никакими личными выгодами, чувствами и вкусами, сдержавшими в свое время их робких или неконсеквентных[6] учителей.... Таким образом, само общество, с своей стороны, нисколько не содействует той нравственной реакции в среде нашей молодежи, тому утверждению основных нравственных начал, которое составляет существенную потребность нашего времени и всего сильнее могло бы устранить зло, замедляющее дело нашего всеобщего гражданского обновления...

Но оставим в стороне людей радикальной нигилистической окраски. В среде ли так называемой «либеральной» партии, которая если не сложилась, то пытается сложиться под именем «либерально-народной» (как величает ее один из откровеннейших ее органов), можно узнать разрешение мучающим нас вопросам, найти искомую правду русской государственной и земской жизни? Именем «либерализма» прикрывается у нас теперь сочетание разных друг другу по-видимому противоречащих, друг друга исключающих направлений. Но каковы бы ни были личные убеждения отдельных членов этой будто бы партии, важно знать, что такое выражает собою самое знамя, под которым они стоят? Это «либеральное знамя» является до сих пор знаменем отрицания «народной духовной самобытности», отрицания всего, что народу свято и дороже хлеба — хлеба, о котором, по мнению «либералов», только и жив должен быть русский народ и о котором поэтому они, либералы, считают долгом заботиться очень усиленно. Мы знаем, что в числе их есть люди противоположного образа мыслей, но вольно же им становиться под его знамя без протеста и оговорки!

Это знамя, повторяем, той чуждой народному духу интеллигенции, которой либеральные стремления весьма тождественны с стремлениями западноевропейской буржуазии: властвовать при посредстве якобы либеральных внешних порядков над народом во имя народа. Мы должны признать, что людей этого направления — большинство в нашей, по преимуществу городской, *публике*, может быть, даже и в земских собраниях; но *публика* — не *народ*[7], и кроме принадлежащих к той же либеральной публике земцев есть люди истинно земские, которые народу близки, хотя, может быть, и не претендуют на «народное представительство», чем мнит себя быть наша «либеральная интеллигенция»!

Кого слушать? В какую сторону направиться? Как разобраться в этой путанице понятий, требований и вожделений общественных, когда общество еще само не знает — чего оно хочет, и, оторвавшись от народной почвы, никакой иной почвы, кроме иностранной, не обретает пред ногами? Вот вопросы, которые не может не задавать себе правительство. Между тем внутренний верный инстинкт и исторический опыт должны внушать ему, что в России истинный центр тяжести только в народе. Наш устой только в нем; только *народность* должна и может служить правительству путеводным компасом в бушующей около него теперь, залепляющей очи метелице идей и понятий.

Верховная власть в России получила первоначально свое уполномочие от народа. Она ответственна, не юридически конечно, а нравственно, по самой природе своей, за его судьбы, ответственна пред историей. Она не может, не должна иметь в виду только сегодняшний день, но и завтрашний и дни, непосредственно за ним грядущие. Если бы, уступая, например, некоторым требованиям «интеллигенции», она попыталась наделить Россию каким-либо западноевропейским «правовым порядком» на английской консервативно-аристократической основе или на французской мнимо-демократичной, в сущности буржуазной, или на какой-либо подобной, — она была бы повинна в измене своему народу. Она не может допустить иной основы, кроме русской, народной... Но, к несчастию, самый вопрос о *народном*, после двухсотлетнего колобродства русской мысли и отчуждения от народной жизни, при затемненном сознании русского общества, подлежит еще точнейшему разъяснению. Из этого видно, что задача нашего общего действительного обновления вовсе не так легка и проста, как это кажется легкомысленным критикам, и что для правильного разрешения ее требуется прежде всего добросовестный, честный труд народного самосознания от самого русского общества.

Но если она не так легка и проста по тому самому, что народные основы — еще искомое для нашего собственного сознания, то, с другой стороны, задача много облегчается уже тем, что наше *новое*, которого все мы так страстно желаем, не есть что-либо чуждое нашей земле, которое предстояло бы насильственно вводить и акклиматизировать, как приходилось за два века Петру, — а оно — наше старое, вековечное, родное (в смысле принципа, а не формы, разумеется) — у нас до́ма и под рукою. Важно уже то, что мы начали или начинаем это сознавать, уразумели — где его искать... Поищем же и — обрящем!

Важно опознать путь и руководящее начало. В этом смысле нельзя не приветствовать некоторых первых шагов нового царствования, нельзя не пожелать всею душою, чтоб оно продолжало твердо и безбоязненно шествовать в том же направлении. Нельзя не придавать значения уже тому, что в ряду государственных деятелей самое видное место предоставлено теперь нашею Верхов-

ною властью человеку, имя которого, столь популярное в России и столь несимпатичное ее врагам, всегда служило знаменем национального русского направления во внешней политике[8], а потому дает повод надеяться, что такого же национального направления будет держаться новое правительство и в делах внутренних. К сожалению, такие имена у нас редкость. Не на радетелей же Берлинского трактата[9] могла бы, при нашем безлюдье, возложить свои упования Россия!.. Мы с благодарностью относимся и к первым опытам правительственного совещания с нечиновниками, с людьми независимыми, земскими в широком смысле этого слова, желая только, чтобы эти совещания, какое бы дальнейшее развитие они ни получили, остались чужды лживой, нерусской окраски западноевропейского парламентаризма. Было бы, однако, очень полезно, кажется нам, чтобы правительство яснее, виднее, тверже поставило знамя русской национальности как единственного своего руководящего начала в делах не только внешней политики, но и внутренней, во всех своих начинаниях и действиях, — громче провозгласило принцип народности и выразило как-нибудь знаменательнее действительный союз свой с землею (под которою никак еще пока не следует разуметь существующие «земские учреждения»). Раз национальное начало будет провозглашено, явлено, ознаменовано, — чувство народности пробудится во всех сердцах с новою силою и вытеснит свободно и естественно, даже в среде самой нашей «интеллигенции», весь напускной сумбур чуждых представлений и чувств; народное доверие к правительству придаст ему новую силу, а полный простор, предоставленный полемике мнений, как бы радикальны некоторые из них ни были, послужит не к уловлению шатких умов, а лишь к вящему утверждению истины.

Но опасность, как мы уже вскользь упомянули выше, не в одном либерально-безнародном направлении, а столько же, если не более, в *консервативно*-противонародном, представители которого принадлежат к так называемому высшему обществу (преимущественно в Петербурге) и которому, к несчастию, придает немалую силу опасение, впрочем вполне естественное и законное, замыслов и козней «крамолы». Мы полагаем, что независимо от разных внешних мер охранения, обсуждение которых принадлежит только специальному ведомству, самым лучшим противодействием яду крамолы должно бы служить именно национальное направление самого правительства: благотворные результаты такого направления не замедлили бы сказаться для всей русской жизни. Но в том-то и зло, что есть воззрение, иезуитски коварное, совершенно противоположного духа. Для борьбы с крамолой — слышится подчас — необходимо-де правительству опереться на все устойчивые монархические и вообще консервативные элементы, и не только в высших классах русского общества (которых консерватизм имеет будто своим главным основанием, как и в Англии, крупную собственность), но и в Германии или даже Австрии и даже чуть ли не в польских графах и остзейских баронах! Понятно, откуда идут такие внушения: они не русского происхождения. Они идут оттуда, откуда (в особенности после Берлинского трактата) стали умышленно, систематически смущать русское правительство хитрыми инсинуациями, что источник всего зла в России — национальное направление, что нигилизм и так называемый панславизм (читай: русское направление в политике) одно и то же и что для избавления от внутренней крамолы необходимо прежде всего держаться внешней политики князя Бисмарка и графа Кальноки, т. е. предать всех славян в жертву

Австро-Венгрии и отречься от всех национальных исторических заветов русского народа!! На этой же струне играют теперь и польские аристократы в том верном расчете, что ослабление национального чувства в Русском правительстве поможет им достигнуть воссоздания Польши в старых пределах, с отторжением от России русского древнего края или же иного преобразования, но также в ущерб России. Что так поют берлинские сирены во образе дипломатов и привислинские во образе польских ясновельможных аристократов — это не удивительно, — но что находятся русские по происхождению люди, которые им вторят или подражательно распевают с их голоса, — можно поистине диву даться! Это мыслимо разве только в Петербурге, который вообще теперь в ненормальном состоянии духа, чувствуя, что с возобновлением начала национальности его значению и господству настанет непременно конец. Нужно ли объяснять, что такие внушения и советы могут вести правительство только к пагубе и, лишив его народного сочувствия и доверия, не предотвратить, а только усилить опасность и самой крамолы, и всевозможных бед?

Единственным руководящим началом русского правительства во всех смыслах и отношениях — может и должно быть начало *народное*: только оно одно и консервативно и либерально вместе, только оно одно значительно: в нем источник и обновления, и оздоровления.

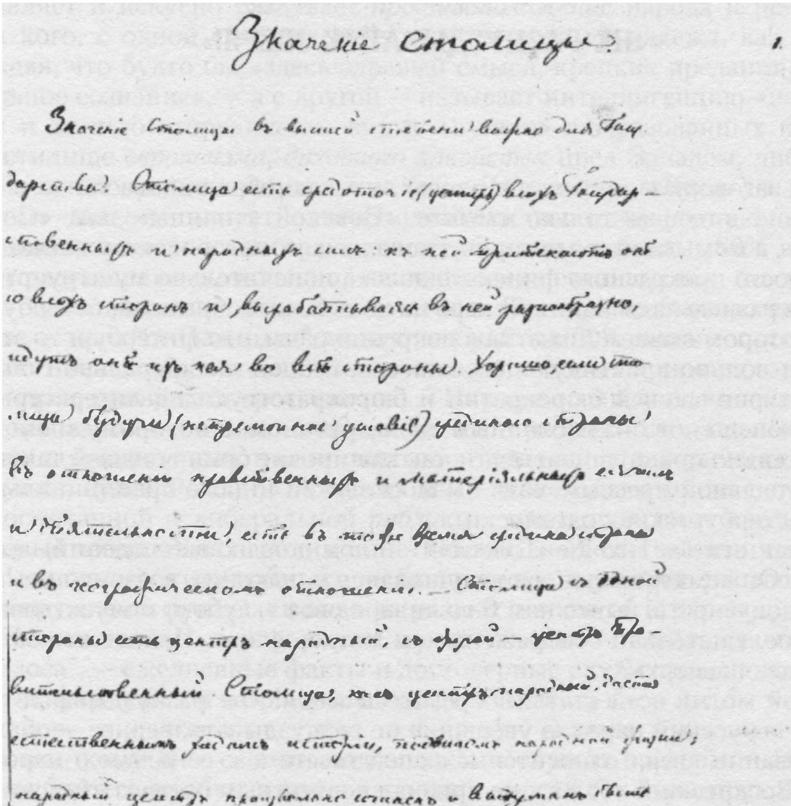
<К ИЗБРАНИЮ Б. Н. ЧИЧЕРИНА МОСКОВСКИМ ГОРОДСКИМ ГОЛОВОЙ>

Приветствуем Москву с новым городским головою. Этот выбор можно назвать вполне удачным. Чистое, безукоризненное в гражданском смысле имя Б. Н. Чичерина, его добросовестность убеждений, совершенная независимость характера, строгое, по принципу, уважение к закону, просвещенный наукою и положительный ум — все это дает повод надеяться, что он оправдает такое лестное избрание и с достоинством будет занимать место не только хозяина, но и первого представителя Москвы-города, Москвы — древней народной столицы. Этого значения Москвы никак не следует будущему голове упускать из виду. Не по делам только хозяйственным приходится Москве подавать свой голос! Бывают исторические минуты, где Москва обязана являться и говорить свое веское слово как носительница национальной русской стихии по преимуществу, и городской ее голова должен стоять на высоте своего почетного призвания... Этого мы ожидаем и от Б. Н. Чичерина.

Б. Н. Чичерин. Портрет работы В. О. Шервуда. 1873

<ВОПРОС О СТОЛИЦЕ ВЫДВИНУТ НА БЛИЖАЙШУЮ ОЧЕРЕДЬ>

Отлагаем до другого раза то, что́ хотели и имеем сказать по поводу записки К. С. Аксакова «О значении столицы», которой окончание напечатано в сегодняшнем № [1]. Мы признаём этот вопрос вовсе не праздным и не преждевременным, каковым он казался и был четверть века тому назад [2]. Теперь только, и именно теперь, в наши невеселые дни выдвигается он на ближайшую очередь. Следовало бы нам решить его предварительно в своем сознании, прежде чем он разрешится историей и тем облегчит это последнее, уже практическое разрешение [3]. А разрешение это неминуемо, неотвратимо. Без него не обновить русского государственного строя тем духом русской народной жизни, в котором одном наше оздоровление и спасение.



Значеніе Столицы. 1.

Значеніе Столицы въ высшей степени важно для Государства. Столица есть средоточіе (центръ) всѣхъ Государственныхъ и народныхъ силъ: къ ней притекаютъ онѣ со всѣхъ сторонъ и, вырабатываясь въ ней разнообразно, идутъ онѣ изъ нея во всѣ стороны. Хорошо, если Столица, будучи (непремѣнное условіе) срединою страны въ отношеніи правительственныхъ и матеріяльныхъ силъ и дѣятельности, есть въ тоже время средина страны и въ географическомъ отношеніи. — Столица съ одной стороны есть центръ народный, съ другой — центръ Правительственный. Столица, какъ центръ народный, есть естественнымъ ходомъ исторіи, подвинутымъ народной жизнью; народный центръ произвольно создать и выдумать никто не можетъ. Столица, какъ центръ Правительственный, можетъ подлежать правительственному произволу, можетъ быть искусственно и намѣренно поставлена. Столица тогда достигаетъ своего полнаго назначенія, тогда благотворна вполнѣ для страны, когда она есть центръ народный и правительственный вмѣстѣ, или, лучше сказать, когда центръ Правительственный помѣщается во центрѣ народномъ. Разумѣется, смыслъ народный необходимъ для столицы Правительственной, ибо въ ней

Беловой автограф статьи К. С. Аксакова «Значение столицы»
(ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 7. Ед. хр. 32. Л. 1)

<«НЕ РАЗНУЗДЫВАЙТЕ ЗВЕРЯ!»>

Наконец заговорила и газета «Голос»[1], а с нею обрел снова голос и Петербург — не в тесном только смысле «Невской столицы» или «Северной Пальмиры», а в смысле того исторического начала, которое вот уже около двух веков из своего прекрасного финского далека попечительно муштрует и ладит Россию. На разные лады ладит. Теперь на новый, своеобразный, петербургский же лад, о котором скажем ниже. Мы искренно рады, что Петербург — этот мир чиновной и вольно-практикующей, консервативной и либеральной опричнины, литературничающей бюрократии и бюрократствующей литературы — обзавелся наконец снова излюбленным своим о́рганом, к которому мы и станем предпочтительно прислушиваться, — так как прочие о́рганы нашей так называемой «либеральной прессы», хотя бы московской и даже провинциальной, не более как петербургские подголоски.

Передовая статья 1-го № «Голоса»[2] — плод долгих наблюдений, досужего мышления. Он всматривался, он вслушивался и, наконец, воззрившись во врага, нацелив опасность, вынес нам 6-го января свое «глубоко почувствованное», продуманное, тщательно соображенное и меткое слово. Что́ же это за слово? кто враг? где опасность?

Основной мотив всей статьи: берегитесь *зверя*! «не разнуздывайте *зверя*»! Этот зверь — русский народ, а увещание не разнуздывать, вернее — обвинение в разнуздывании зверя относится к нашей газете и к ее речам о народности и народе[3]. Воскресший «Голос» не признал возможным оставить без внимания посеянные нами в период его безмолвия плевелы и припоминает теперь своим читателям нашу статью 14-го ноября о Берлинском трактате (в 53 № «Руси»)[4]. Уснащивая выписки из этой статьи о том, напр<имер>, что «дух наш недужен», что «безнравственна наша атмосфера» и т. п., одобрительными отзывами: «тысячу раз права “Русь”», «замечательно верно», «глубоко верно», — «Голос» тут же искусным полемическим оборотом тем сильнее нападает на наше направление и на некоторые наши подлинные выражения и речи, которые и цитует, не поименовывая нашей газеты.

Но мы решаемся себя выдать и признать себя предметом не только явной похвалы, но и замаскированной брани: стрелы «Голоса» жалят не кого другого, как «Русь». Стрелы безвредны, и не личные счеты с «Голосом» интересуют нас в настоящем случае, а та позиция, которую пытается теперь хитроумно занять петербургский либерализм, и то новое марево, которое он пускает в глаза русскому обществу.

Благонамеренностью дышит статья «Голоса». Его задача — внести «*мир* и *согласие* в наше глубоко разъединенное общество», — «умиротворить страсти», которые-де возбуждаются «*иными* изданиями». «Главный симптом нашей современной болезни — по его словам — безотчетный гнетущий страх пред грядущим», а «главная причина страха — чувство розни, взаимного недоверия» и пр., разжигаемое и питаемое «*особым* направлением нашей печати»... Да, все зло, — вещает и обличает «Голос», — в том направлении, которое постоянно

«выставляет и искусно раздувает *противоположение* народа и не-народа», — «ни на кого, с одной стороны, не возлагает столько надежд, как на *народ*», утверждая, что будто бы «здесь здравый смысл, крепкие предания, живое национальное сознание», — а с другой — называет интеллигенцию «изменившею народу и от него оторванною», видит «пугало» в образованных классах как в «вместилище *европеизма, духовного лакейства* пред Западом, либерализма» и пр. То же зловредное направление (т. е. направление «Руси») — поясняется «Голосом» далее — толкует о необходимости вести «народную политику»... «Это очень заманчиво, — возражает петербургская газета, — 80% народонаселения представляются, конечно, наинадежнейшею опорою», но, прибавляет «Голос», «эта политика, веденная *одна* и в тоне *противоположения* "народа" классам, от него "оторванным", может возбудить в 80% такие вопросы, от которых может не поздоровиться 20% и по поводу которых придется защищать эти % *не одними* духовными средствами»...[5] Народ в наши дни — восклицает газета, подсмеиваясь над нами, — «обращается в "хрестьянина", наделенного высочайшими добродетелями, в истинного носителя наших исторических преданий и грядущих судеб России!» А между тем — напоминает орган петербургской благовоспитанной и либеральной *публики* — имеются в виду «весьма недвусмысленные проявления народных инстинктов, в виде ли избиения жидов» (неправда! ни одного жида избитого не было, кроме двух-трех, напавших на христиан с оружием в руках), «в виде ли разных толков об аграрных переменах»[6] и т. п. К «успокоительной формуле: *верьте в народ,* — таково главное положение "Голоса", — ежедневные факты и достоверные слухи примешивают частички другой формулы: *не разнуздывайте зверя*»!..[7]

Так *не дразните же зверя*! — скажем мы в ответ «Голосу» и всем тем, кому он с своими подголосками служит органом. — Не дразните его, если боитесь пробуждения в народных массах тех страстных инстинктов, которые присущи всякой раздраженной толпе, не только простонародья, но даже, если не более, и «почтеннейшей», хотя бы и «либеральной», публике... А ведь вся деятельность нашего мнимого либерализма — не более как дразнение!

Qui trompe-t-on ici?[8] Кого здесь обманывают? — хотелось бы спросить, потому что самообман допустить трудно. Выходит, по «Голосу», что это *мы* напустили страх на русское общество и едва ли не на самое правительство — никто как мы: все приводимые газетою преступные выражения выдернуты из разных статей «Руси»; *мы* посеяли ту рознь, которая грозит практической бедой образованным классам, держит их в некотором оцепенении, лишает их доверия правительства, мешает, по словам «Голоса», правильному прогрессу, последовательности мероприятий самой власти, мешает «всем русским сердцам» восчувствовать «дерзновение и веру» и «сплотиться как один человек вокруг нашего молодого царя»: таковым торжественным аккордом заключает «Голос» свою статью!! Можно бы, право, подумать, что России и в самом деле грозит «народная политика», что наше правительство уже вдалось в народность сполна, всем государственным своим корпусом, что «Голос», по благонамеренности именно ввиду такого periculum in mora *, и бьет тревогу, именно потому и запугивает правительство народными демагогическими инстинктами и уже «показывающеюся *головкою зверя*», готового растерзать целых 20% населения!

* опасность в промедлении (*лат.*).

В то же время газета старательно доказывает власти, что без образованных классов правительству никак нельзя быть, невозможно-де ни «устраивать финансовую часть», ни вообще «управлять страною» иначе как «чрез посредство и при поддержке того, что выделяется из народа знанием, талантом, опытностью, т. е. всем тем, что́ возможно при некотором досуге и достатке»... «Тысячу раз права газета "Голос"», — воскликнем и мы в свою очередь... «Замечательно верно!» «совершенно верно!»... но и наивно, — прибавим мы: действительно, нет возможности не только устраивать финансовую часть, но даже давать стране указы и грамоты без людей, грамоте умеющих. Грамоте ведь тоже можно выучиться только при некотором досуге и соответственном досугу достатке... «Глубоко верно!» Но кто же когда предлагал поручать неграмотному писать грамоты? Или отрывать пахаря от пашни и сажать его за итальянскую бухгалтерию[9], или же посылать его на европейский дипломатический конгресс?! Успокойтесь, «Голос»: «интеллигенция» по-прежнему наполняет все ряды гражданской правительственной армии, по-прежнему получает кресты и чины; правда, штат чиновников несколько сокращается, но и «сведущие люди»[10], приглашавшиеся до сих пор правительством, за исключением одного волостного старшины и г. Морокина[11] (что́, вероятно, вам и не понравилось), все из «верхних образованных классов».

Но «Голос» все это знает не хуже нас, и не то его пугает, что правительство станет устраивать финансовую часть посредством неграмотных мужиков, «отметая», как он выражается, или даже предавая в жертву последним «верхние образованные классы», а пугает его то, что образованным классам как бы не пришлось считаться с *народностью* и с *народом* — не как с мужиком, а как с носителем русских исторических преданий и народного духа. Пугает «Голос» — чего доброго — как бы и в самом деле внутренняя политика нашего направления не стала национальною!.. Вот источник гнева и «Голоса», и всей так называемой либеральной партии на нас и нашу газету. Страшатся народного свидетельства, которое могло бы обличить ненациональность некоторых либеральных стремлений, а потому и стараются подорвать значение *авторитета* народности, выдвигают красные призраки! Проявление народных «недвусмысленных» инстинктов «Голос» видит, между прочим, и в толках народа об «аграрных» переменах. Вот уже что́ значит сваливать с больной головы на здоровую!.. Да кто же, как не «Голос» и К°, по поводу упадка народного хозяйства и встречающегося местами малоземелья, легкомысленно, без точных справок, шумно, громко и так еще недавно провозглашали в печати именно «*аграрный*», да вдобавок, без всякого основания, и «*рабочий*» вопрос? А теперь сами же — народным говором об аграрных переменах пользуются как средством интимидации[12] против народного или национального направления в политике! Об этих народных толках рассуждать здесь не место. Вызваны они, конечно, не печатью только и не «малоземельем»; причина их коренится в исторических недоразумениях и усложнениях. Все они, думается нам, рассеются без особенного труда именно при народной политике, при первом живом, непосредственном общении самой Верховной власти с народом. Питаются же они теперь, несомненно, печальным недоверием низших слоев населения к высшим вследствие их долгого духовного и нравственного взаимного разобщения. Не тот род «общественной деятельности», что́ привел к событию 1 марта, а также и не врачевания, предлагаемые теперь для нашего недуга «либеральною» партией, спо-

собны разогнать красные призраки, которые уже будто бы мерещатся «Голосу». Совершенно напротив... Но возвратимся на скамью подсудимых, на которую сажают газету «Русь» наши так называемые «либералы».

Что-нибудь одно: или «розни» в понятиях, стремлениях, идеалах между русским народом и его образованным обществом, другими словами, «интеллигенциею», никогда вовсе не существовало и не существует, или она была и еще пребывает. Если розни не существует, если интеллигенция никогда от народа не отрывалась, не отчуждалась, а все это выдумки каких-то славянофилов и даже просто клеветы газеты «Русь» (как уверяет, например, «Русская Мысль») [13]; если русское общество есть действительно тот же народ, только на высшей ступени развития, в моменте самосознания (чем оно бы должно было быть), — то никакие наши «противоположения» и «противопоставления» ему не опасны. Чтó значил бы наш голос пред фактами, пред духовною цельностью самой жизни, пред дружным свидетельством всего русского общества?! Да в таком случае не только опасаться «народной политики», но и толковать о ней было бы бесполезно, ибо политика уже ipso facto, сама собою была бы народною, иною не могла бы и быть. Однако же «Голос» и его присные такой политики опасаются. Утверждая, что 80% русского населения могут «возбудить такие вопросы, от которых не поздоровится остальным 20%» [14], они спешат вперед оградить интересы этих 20% против 80%; стало быть, они и сами признают существование какой-то противоположности интересов, конечно, не материальных только, но и духовных. Мы думаем даже, что если б всех наших мнимых либералов можно было побудить к прямому, добросовестному ответу на вопрос: вполне ли *национально* развитие русского общества, вполне ли русская общественная мысль, государственная политика внешняя и внутренняя и вся деятельность каких-то вышеупомянутых 20% служат выражением русского народного духа, — едва ли бы достало у кого смелости отвечать *утвердительно*... Но они и теперь не отрицают вполне факта разъединения. «Да, — замечают они, — было у нас когда-то в ходу увлечение “Западом”, но это было, а теперь уже нет, теперь *мы* — интеллигенция — имеем честь быть и рекомендоваться высшим выражением народного духа, можем и должны служить *исключительными представителями* народа». Но, присваивая себе такое в известном смысле привилегированное положение, наши либералы поняли, что необходимо вместе с тем вперед оговорить или замаскировать то духовное отступничество от народности, то противоречие их с народом, в котором уличает их «Русь» и другие газеты сходного с ней направления. И вот одновременно с провозглашением себя истинной представительницей народного духа наша либеральная интеллигенция возвестила, что «никогда никакой русской народной самобытности в сфере идей политических, нравственных, религиозных не было и не имелось» («Русская Мысль») [15], что за нею поэтому нечего и гоняться. Другими словами: русский народ духовно-безличен... Но ведь если так, то, стало быть, безлична и интеллигенция, олицетворяющая собою, по ее словам, разум народный? Не вернее ли предположить, что и самый разум-то в ней *чужой*?! Оно так и есть. Вывод из всего этого один: народ духовно-безличный — не более как страдательный материал, из которого интеллигенция призвана строить государственное здание по своему заемному измышлению...

Вот откуда и гнев господ «либералов» на наши напоминания о народе и народности. Сознавая внутренне свое отчуждение и «рознь» и не придавая ника-

кого практического значения «народной самобытности», они хотели бы, однако же, чтоб никто не смел оглашать об этом противоречии в печати, так как такое оглашение могло бы, пожалуй, помешать *авторитету* либеральной партии — как истинно народного голоса! Когда шли в нашей прессе толки о некоторых известных иноземных «правовых порядках» и о некоторых «однородных с Европою учреждениях» [16] и когда мы, с своей стороны, прямо поставили вопрос: на чьей стороне будет народ, на стороне ли таковых учреждений или против них; когда мы стали разъяснять, что в соседних нам странах нередко «интеллигенция», в качестве лже-народа, присваивает себе власть над действительным народом; когда мы заявили мнение, что внутренняя политика государства должна держаться исторической народной основы и народного направления, — негодованию, ненависти наших противников не стало меры...

Но потому ли, что они воображают, будто правительство действительно склоняется к политике народной (их устами и мед бы пить!), — потому ли, что и вправду опасаются протеста снизу, — только противники наши нашли теперь нужным прибегнуть еще к новому, более убедительному приему, именно: устрашать власть последствиями, к которым может привести народное направление в политике, представлять народ не только грубой невежественной массой, но и кровожадным зверем!.. Возглас «не разнуздывайте зверя» значит: «взнуздайте зверя, дабы мы могли безопасно властвовать по праву, принадлежащему *нам,* интеллигенции»...

И в самом деле: точно будто лозунг дан по всей «либеральной печати», лозунг — чернить наш простой народ, выставлять на вид самые темные его стороны и в его истории, и в его настоящем. С каким злорадством, например, подбирала и обобщала газета «Порядок» [17], при помощи своих корреспондентов, все случайные отдельные факты, свидетельствующие о прискорбной темноте, грубости, невежестве, проявившихся то в том, то в другом селении; только в *них* иронически признавала она проявление *самобытности*! Г<-н> Щедрин, с своей стороны, в ответ на наш призыв к сближению с народом прямо провозгласил, что народ лежит в проказе, смердит язвами и что образованные классы, сближаясь с ним, рискуют лишь заразиться сами проказой и засмердеть его язвами [18]. В то же время гг. Глеб Успенский (см. последнюю «Русскую Мысль») [19], Златовратский (сей писатель только с недавнего времени — «взглянул трезво», по выражению «Порядка») [20], гг. Утины и им подобные, тоже исследователи народного современного быта, к вящему утешению либеральной партии, один перед другим вперегонку наделяют нашего крестьянина качествами, уподобающими его, поистине, хуже чем зверю — скоту.

Не знаем, долго ли будет продолжаться такое «либеральное» направление, но несомненно, что оно теперь совершенно на руку не только бюрократической, но и той русско-польской аристократической в петербургском обществе агитации, о которой, по слухам, мы сообщили в 1 № «Руси» [21]. Думаем, что вожди ее охотно подписались бы под статьею «Голоса». Да и почему бы нашим «либералам» всех оттенков не подать друг другу руки во имя «общей благой цели», на почве общего презрения, общего отрицания «всякой народной самобытности в сфере политических идей»?..[22]

Нет, не рознь возбуждали мы и проповедовали, а, обличая прискорбное явление розни, взывали к устранению розни, к соединению с народом в духе, в существенных началах его бытия. Все наше русское зло — в отсутствии той

цельности народного организма, без которой невозможна правильность отправлений и деятельное творчество жизни, — в отчуждении, слишком резком, запечатленном почти двумя веками истории, верхних образованных классов от низших его слоев, носивших в старину название «земских», или (если принять деление «Голоса»!) 20% населения от целых 80-ти. Никакого внешнего принижения до простоты и грубости крестьянского быта мы не требовали, ни от каких сокровищ знания, ни от какого высшего просвещения не отвращали русское общество, напротив, настаивали на *плодотворности* знания, на истинном, действенном просвещении, которых семена всходят только тогда, когда падают глубоко в народную, а не безнародную почву. Ибо без народного, без национального нет и общечеловеческого, и народ без духовной самобытности то же, что́ и человек безличный между людьми. Общество (и эта тема давно, подробно разработана нами в «Дне»)[23] призвано быть верным органом народного самосознания тем же народом, но на высшей ступени развития, — и об этом призвании мы не уставали твердить и напоминать русскому обществу, которое, искусственно создавшееся, насильственно разрозненное с народом, росло и развилось в отчуждении от его исторических преданий, основ, идеалов, от сокрытого в нем глубокого духа жизни. К уважению этих исторических основ, преданий, идеалов призывали мы, к возрождению в себе духа народности, к возвращению себе доверия от низших классов народа! Ибо он, этот низменный народ, чужд сам для себя политического властолюбия, не питает вражды и зависти к тем, кто судьбою поставлен выше его достатком, знанием, талантом и опытом; лишь бы заслуживали они его доверия, лишь бы не рознили с ним в том, в чем самая причина его бытия, в *существенных* свойствах народной личности, — лишь бы были от его духа! Но когда верхние над ним общественные классы отрицают самое его право на духовную самобытность, отрекаются от его исторических основ и преданий, исповедуют и практикуют поклонение духу чуждых национальностей и, пользуясь (не говоря уже о неправильно сложившихся, теперь, слава Богу, прекратившихся, но им еще не забытых социальных привилегиях) внешнею, почти беспредельною принудительною властью, коверкают его быт и весь государственный строй по иноземным теориям и доктринам, — нужно ли удивляться, что он с недоверием относится к современным их либеральным затеям, клеймя таковые ироническим именем «господчины»? А к восстановлению ли поколебленного доверия у народа направляют русское общество наши так называемые «либералы»? Вместо того чтоб отрезвиться от угара рабского подражания Европе, признать искренно и честно свои прошлые и невольные вины пред родною народностью и стать на одной с 80% населения исторической национальной основе; вместо того чтобы воистину *всем* «русским сердцам» сплотиться в одном политическом и нравственном, народном исповедании и вместе поработать над искоренением удручающих нас зол, над исцелением нашего больного организма, вместе двинуться вперед путем народности, к лучшим формам бытия, к предназначенной нашему народу общечеловеческой цели, — что́ затевает, о чем мыслит, куда стремится и стремит Россию наша руководящая интеллигенция в большинстве своих печатных и других общественных органов?..

Нужен резкий поворот. Пора покончить с Петербургским периодом нашей истории и начать новую историческую эру. Петербург исполнил свое дело, разомкнул ту исключительность, в которой задыхалась допетровская Русь. Пере-

несение центра тягости управления на окраину империи, с образованием нового вида опричнины, было, может быть, в свое время и нужно, — но дальнейшее продолжение такого странного положения *центра* управления — *не в центре* страны — может грозить совершенной остановкой кровообращения... Петербург зачат в духе отрицания русской национальности, да если б и не в этом только духе был зачат, он стоит *вне* русской жизни, не слышит ее биения[24]. С Петербургом во главе — немыслимо наше национальное возрождение, ни воссоединение с народом, ни восстановление нашей органической цельности, и если бы когда царь благосоизволил созвать на совет свою Русскую землю (не представителей земств в их современном виде, конечно), — этому возможно было бы совершиться лишь в истинно земской, народной столице! Обращаем внимание читателей на записку «О значении столицы» в 1 и 2 №№ «Руси»...[25] Знаем наперед, что отнесутся к ней не только несочувственно, но враждебно все те, которым Петербург — отечество по духу, — все наши «либералы», даже проживающие в Москве. Так отнеслись они к нашему прошлогоднему призыву: «домой!»[26] И этот их протест против нашего призыва «домой, к себе, к *народу*!» выразился, наконец, в определенной *либеральной* формуле: «не разнуздывайте», другими словами — «взнуздайте *зверя*»!..

<ПРОГРАММА НАШИХ ЛИБЕРАЛОВ>

Вот уже почти полтора года, с памятной эпохи «либеральных веяний», как наша печать ведет если не бурные, то по крайней мере запальчивые споры политического содержания; как выкинуто знамя какого-то «либерализма» и целый сонм газет и журналов с самодовольной осанкой возглашает про себя: «Мы, либеральная печать!» Противники их не величались никаким именованием, не принимали ни одной из кличек, расточаемых им из враждебного лагеря, даже клички серьезного свойства вроде «охранительной» или «консервативной печати», — вообще не заключали между собою никакого союза, не обнаружили никакой попытки сложиться в какую-либо «партию». По крайней мере, газета «Русь», имеющая честь подвергаться едва ли не более всех дружному натиску «либеральной прессы», может сказать про себя прямо, что никакой «партии» органом не состоит и что, по ее мнению, для того направления, которого она держится, — направления русского, национального, или народного, самое понятие о *партии* слишком узко...

Но так как враждующая с «Русью» печать постоянно украшает себя названием «партии либеральной», щеголяет им открыто, причем даже исключительно этой партии присваивает и титул «интеллигенции», то самое это притязание невольно вызывает нас на серьезные требования и вопросы. Что́ же такое написано на знамени этой партии? Какие именно начала, политические или социальные (о нравственных говорить неуместно), она проповедует, проводит в сознании и в жизни? Какие, по крайней мере, главные положения, за которые она ратует?.. Вопросы, по-видимому, самые естественные, простые, законные... Но вообразите, читатель, что отвечать на них не только мудрено, проще сказать — ровно нечего! Как бы вы ни вникали, ни вдумывались в словоизлияния писателей этой партии, вам не удастся уловить, особенно в настоящую пору, никакого определенного содержания. Ничего, кроме разных почтенных слов вроде «прогресс», «культура», «цивилизация», «гуманность», — слов, обратившихся от частого, неуместного и неумелого повторения в общее место, — недомолвок да намеков, тонких намеков

на то,
Чего не ведает никто [1],

и ведает менее всех сама «партия»... Напрасно старались бы вы разобрать, что́ написано на знамени. Было что-то написано, да частью выцвело, полиняло, частию стерто, переправлено, заменено какими-то новыми письменами, но краски не вышли... Однако же, так как знамя все же стоит и литературный лагерь, именующий себя «либеральным», все существует, — напряжем усилия и попытаемся, с своей стороны, возобновляя в памяти все это недавнее прошлое и сличая его с настоящим, выяснить себе, по возможности, чего он хотел или еще хочет, чего ради шумит и суетится и чего именно чает...

В деятельности наших «либеральных» газет необходимо различать две стороны: *положительную* и *отрицательную*. Займемся пока последней. По части *отрицания* мы и не думаем умалять их заслуги, но отрицание отрицанию рознь. «Отрицательное» направление не составляет исключительной привилегии этого лагеря. Самыми могучими выразителями отрицательного отношения к русским административным и общественным нравам, казенщине и пошлости русского внутреннего строя явились в нашей литературе Грибоедов и Гоголь, но никто, однако же, не зачислит их в один стан с «Голосом», «Порядком» или «Русским Курьером»![2] Ибо у обоих писателей рядом с отрицанием слышатся идеалы положительного свойства — не имеющие ничего общего с идеалами современного европействующего «либерализма»: у Грибоедова (осмеявшего, между прочим, и «либералов» своей эпохи, «либералов английского клуба», от которых недалеко ушли «либералы» нашей поры) выступает, как противоположение отрицанию, идеал народности, а у Гоголя — идеал религиозно-нравственный. У наших же «отрицателей», «Голоса» и К°, никакого положительного идеала не слышится и не чувствуется, никакой *твердой* основы для него ни в жизни, ни в сознании не указывается, — оттого и самое отрицание представляется односторонним и в известной степени тенденциозным. Иное дело — *обличение* прискорбных фактов нашей административной практики и общественной жизни, — обличение бесспорно нужное и полезное; иное дело — *выводы* из фактов и обобщение их в связи с мнимо-либеральными теориями. Эти выводы большею частью или просто несостоятельны сами по себе, или же переходят в грубое отрицательное отношение ко всем проявлениям *русского* народного духа, — в проповедь об его беспомощности и бессилии — вне «европейской культуры» и всего, что́ мыслится в связи с нею. Покойный «Порядок» так-таки прямо и называл, даже с некоторым наивным самодовольством, направление «либеральное» — направлением по преимуществу «отрицательным»! «Либеральная» печать раскрыла, например, множество случаев *хищения*, между прочим земель в Уфимской губернии[3], очень негодовала по этому поводу и восставала на нашу администрации за ее бездействие: все это было вполне основательно и полезно; чувства или воззрения, выраженные при этом «либеральною» печатью, весьма, конечно, похвальны и весьма благородны, — в этом мы отдаем им полную справедливость, хотя позволительно думать, что подобные хорошие чувства одушевляют всех русских литераторов и публицистов без различия лагерей и направлений. Но в «либеральной» печати к этому обличению примешивалось и некоторое злорадство, так как все эти факты могли, по-видимому, служить на пользу ее «либеральной» политической проповеди: вот почему, почти всегда минуя явления добрые или умаляя их значение, эта пресса с особенным тщанием подбирала и при сей верной оказии обобщала всякие случаи отрицательного оттенка. Они были ей на руку; она немедленно обращала их в посылку, на которой и строила силлогизм — именно такого смысла: что все зло — в отсутствии «европейского правового порядка» — или «европейских либеральных учреждений», в «недовенчании здания по образцу Европы»[4], и все спасение — в европеизме. Повторялось, одним словом, только в форме современной и ученой, то, что́ давно выражено стихом Грибоедова: «что нам без немцев нет спасенья»[5]: умнее этого ничего не придумала и не высказала наша «либерально-отрицательная пресса»... Заметим уж кстати, что в Северо-Американской республике, где «культура» достигла высшей степени

своего развития, а «правовые порядки» представляются идеалом даже и для доктринеров либерализма в самой Западной Европе, «хищение» доросло до таких размеров, пред которыми почти бледнеют хищения российские, возведено на степень такого могущества, пред которым бессильна верховная власть. Но это мимоходом, а мы, рассуждая о нашей «либеральной печати», не можем не обратить внимания на следующую странность: когда наконец хищения земель в России навлекли на себя грозную правительственную кару и власть твердою рукою положила им предел, «Голос» заголосил вдруг языком мира и любви, запел о необходимости устранять теперь всякую вражду и рознь, о необходимости снисхождения, забвения, чуть не прощения... Что́ же из всего этого можно вывести? То, очевидно, что обличение зла вызвано было не одним желанием устранить его и покарать виновных на страх другим, а надеждою — послужить этим обличением успеху «либеральной программы»... Кажется, этого примера из сотни других достаточно для определения характера обличений и вообще отрицательной деятельности «либеральной печати»... Наоборот, когда дело касалось таких прискорбных явлений нашей жизни, в которых замешаны были национальности, покровительствуемые «либералами», например евреи или поляки, симпатии «либералов» были на стороне этих национальностей, а гнев о́брушивался, как водится, на варварство одичавшего от недостатка «культуры» и «правового порядка» русского народа. Так было, например, с народным движением против евреев — движением несомненно беззаконным, требовавшим усмирения и усмиренным нашею властию[6] (причем наши русские пострадали не менее, даже гораздо более, чем евреи). Вместо того чтобы в таком повальном движении стараться усмотреть его истинные причины, — которые, впрочем, даже без малейшего старания были очевидны всякому непредубежденному взору и заключались в кастической организации евреев, приспособленной к одной цели — к самой наглой эксплуатации христиан, — наши «либеральные газеты» с «Порядком» во главе стали ревностнейшими адвокатами иудаизма[7]. «Голос», который в то время не издавался, поспешил немедленно по возобновлении, ввиду английских бессмысленных демонстраций против России и в защиту угнетенной еврейской невинности[8], заявить в извинение, что «мы, русские, еще не доросли до уважения чужих *профессий*»[9], — другими словами, называл еврейскую эксплуатацию русских крестьян не более как профессией!..

Наконец, множество темных явлений чисто общественного характера, неизвестно почему, постоянно пристегиваются нашими «либеральными» газетами к их политическим либеральным теориям. Кулаки и ростовщики в народе, Разуваевы, Колупаевы, Дракины[10] и т. п., обличая которых, значительная часть этой печати словно поет какую-то победную песнь, без сомнения, отвратительны, но они суть продукты нашего общества, нашей общественной порчи; поэтому и удары обличителей совершенно неверно направляются по адресу «администрации», а должны падать не на кого другого, как на нас самих. (Заметим кстати, что типы эксплуататоров — своеобразные, но не менее безобразные — имеются во всех «просвещенных» странах.) Странное дело: вздумает власть, ввиду таких обличений, усилить административную опеку, — ей тотчас же начнут проповедывать об оздоровляющем свойстве жизни, предоставленной самой себе, и указывают на вред вмешательства внешней власти в дело быта. Попробуйте ради помощи народу в его борьбе с кулаками и ростовщиками предложить возобновление чего-нибудь вроде бывшего института мировых посред-

ников [11], либеральная печать хором обвинит вас в крепостничестве!.. Чего же, собственно, нужно, в чем целение? Никакого путного ответа от «либералов» добиться нельзя: виновато все-таки не общество само, а администрация или отсутствие «правового порядка»!.. Но излюбленные ими парламентарные формы уже преподаны и земскому, и городскому самоуправлению, однако же не избавили ни земство от Дракиных, ни города от вопиющих злоупотреблений... Кто же тут-то виноват? Казалось бы, мы сами... Нет, по мнению «либералов», виновато... Чтó? кто? *начальство*?.. Добраться толку невозможно: слышатся только опять восхваления европейскому правовому порядку и тонкие речи об увенчании здания... [12]

Много нужно терпения, чтоб разобраться во всем этом заносчивом пустословии нашей «либеральной» печати, чтобы отыскать в нем какое-нибудь определенное положение, способное хоть по-видимому стать объектом обсуждения и спора. Постараемся же теперь сами исследовать — где и в чем ее «положительная программа», так как «либеральная» печать все еще не соглашается чистосердечно признать, что в настоящую пору таковой, в сущности, и не имеется.

Шибко жило общественное сознание в эти прошлые 18, 16 месяцев, но в особенности в течение последних 12 [13]. Для «либерализма» наших газет или их «либеральных» политических теорий была в этот короткий период времени и своя весна, когда публика упивалась либеральными терминами и тешилась туманными призраками в неясной дали, даже не подвергая их пристальному рассмотрению, тем менее строгому исследованию, — и своя осень. Юношеская пора этого «либерализма», даже минуя период возмужания, перешла быстро в старость и одряхление. Термины износились, опошлились, призраки при первом прикосновении с действительностью рассеялись, истаяли на дневном свете жизни. Чувствуя, что почва ускользает у них из-под ног, наши остроумные «либералы» стали менять и термины, и отчасти понятия, но вышло только, что совершенно сбились со своих позиций и теперь болтаются ногами по воздуху, тщетно отыскивая себе твердую точку опоры. Все это совершилось даже без всякой поверки *опыта*, хотя, может быть, и не без вразумления событий и явлений текущей жизни, — и в этом точно можно признать действительный и утешительный для нашего общества шаг вперед, хотя наши «либералы» (которые теперь, по почину «Голоса», начинают менять эту свою кличку на «прогрессистов») и кричат, что наше общество только попятилось...

За чтó же стоит «либеральная партия»? За «прогресс», говорят нам, за «цивилизацию», за «культуру», за «развитие и процветание науки и знаний в нашем отечестве на степени, равной с Европой», тогда как противники этой партии стоят-де за возвращение к временам татарщины, за изгнание наук и знаний из России, за невежество. Прекрасно. Вычеркнем слово *прогресс* как не имеющее само по себе определенного смысла, ибо прогресс бывает и при дифтерите, при всякой болезни, при всяком зле: так прогрессивный ход материализма, например, ведет к отрицанию всякого идеализма, всякой обязательности нравственного закона, к одичанию; так герои динамита [14], анархисты-сокрушители, несомненно, прогрессисты по отношению к нигилистам вроде Базарова. О цивилизации в смысле смягчения грубости нравов никто, кажется, никогда и не спорил; но о цивилизации в смысле замены добрых, чистых нравов — развратом или благочестивых занятий, скажем, хоть лучших наших сектантов (благо они у нашей либеральной печати внезапно теперь стали в почете) — слушани-

ем каскадных певиц [15] в кафе-шантанах, думаем, возможны и законны разные точки зрения. Что же касается «культуры», то если отождествлять понятие о ней с воздействием наук и знаний и домогаться такого же ее процветания, как в Европе, то нельзя не поразиться странным недомыслием наших «либералов». Основанием научного развития на Западе служила и служит строгая *классическая* школа: кто же является ее врагом в России и кто ее защитником? Врагом самым ожесточенным является русский «либерализм» в лице большей части своих печатных органов, — главным защитником и сподвижником насаждения настоящей классической системы в России — ненавистнейший «либералам» орган печати, «Московские Ведомости»! «Русь», как известно, также стоит за строгую классическую школу и, не отрицая необходимости школ реальных, настаивает, с своей стороны, на том, чтобы «храм науки» — университет — не обращался в условие карьеризма или легкого доставления житейских профессий и выгод, ибо тогда только, по мнению «Руси», и можно поднять уровень науки и возвысить до крайних пределов строгости требование подготовительных знаний. Кто хочет результата («культуры»), тот, казалось бы, должен логически признать и самое основание. Наши же наивнейшие из людей, «либералы», требуют от России процветания науки наравне с Европой, но без той школы, которою обусловлено это процветание, требуют развития, по выражению Герцена, «науки прикладной — без науки научной»! [16] В результате всей этой якобы либеральной защиты высшей научной культуры выходит лишь то, что, благодаря нашим «либералам», уважение к строгой школе в обществе и среди молодежи постоянно колеблется, нововозникающие на Западе гипотезы пускаются в оборот под видом научных аксиом или «последнего слова науки», ученики мнят себя быть — и нашими «либералами» чествуются — чуть не полноправными учителями, призванными и способными решить и вершить величайшие вопросы нашего отечества!..

Пойдем далее. Либеральные газеты превозносятся, что на их знамени начертано: «свобода печати», религиозная веротерпимость», твердость «личных и имущественных прав». Но едва ли кто в нашей печати ратовал за ее свободу сильнее редактора «Руси», защищавшего эту свободу даже пред лицом Правительствующего Сената, как о том свидетельствует напечатанный в «Руси» прошлого года процесс «Москвы» [17]. Не «Русь» ли также по поводу прошлогодней приостановки «Голоса» вновь выступила поборницей широкого простора слова? [18] Разумеется, в ее понятиях свобода слова не есть свобода злословия и срамословия; да и вообще эта свобода состоит, очевидно, в зависимости не столько от внешнего закона (трудно поддающегося формуле!), сколько от общественных нравов... Опять же не редактор ли «Руси» еще в «Дне», а потом и в «Москве», не говоря уже о самой «Руси», отстаивал свободу верующей совести и терпимость по отношению к расколу? [19] Не он ли и защищал это свое мнение и пред Сенатом? Следовательно, и этот пункт программы вовсе не составляет исключительной собственности или особенности лагеря так называемых «либералов» и гораздо раньше их проповедывался во всеуслышание теми самыми, которых они клеймят названием «ретроградов» за то, что они стремятся согласить разумный прогресс свободы с основными историческими началами политической и религиозной жизни *русского* народа! Заметим при этом, что расположение, которое с недавнего времени стала выражать старообрядчеству и сектантству в России «либеральная печать», грешит сильною односторонно-

стью и оказывает им большею частью медвежьи услуги. Так, одною из главных причин симпатии к расколу и сектам выставляется, например, политическая якобы подкладка этих вероучений, так что вероучение отодвигается на задний план, а политические идеалы (очень прикрашенные и перекрашенные к тому же) выдаются на первый, — что́ существенно противоречит действительности, как это, между прочим, отлично доказано в журнале «Дело», кажется, уж вовсе не «консервативном», при разборе трудов гг. Юзова и Пругавина... [20] Что́ же остается затем? «Личные и имущественные права»? Про имущественные права говорить нечего, ибо они достаточно ограждены и приплетаются к «личным» если не из особых непонятных соображений, то ради украшения слога. Вопрос же о личных правах, независимо от прав на свободу печати и вероисповедания, сводится на практике, в сущности, лишь к вопросу об административной ссылке. Но в таком случае так бы и надобно ставить этот вопрос, прямо, не спрыскивая его духами triple-essence * «либерализма». При прямой постановке можно будет и спросить себя по совести: удобно ли поднимать этот вопрос в такое время, когда исключительные обстоятельства требуют, к несчастию, исключительного расширения пределов административной власти, подобно тому как в Великобритании — этой «любимой дочери свободы» [21] — упраздняются в наше же время для Ирландии то habeas corpus'act, то суд присяжных, или же предоставляется местным властям неограниченное право ареста? [22] Наконец, вопрос этот и сам по себе вовсе не так уже прост: вспомним хоть о праве ссылки без формального суда, принадлежащем издревле у нас крестьянским общинам относительно своих порочных членов...

Итак, ничего своеобразного и оригинального не нашли мы пока в либеральной программе, ни в отрицательной, ни в положительной, чего бы не было в программе газет иного и преимущественно русского национального направления. Своеобразного и оригинального у «либералов» лишь то, что вое эти «либеральные» отрицания и требования выражены у них с большею осторожностью, поверхностно, неопределенно, и притом взлелеяны и повиты [23] духом отвлеченного европеизма и отрицательного отношения к русской народности, к русской самобытности, к русским историческим принципам...

А «правовой порядок»? — вот, возразят нам, основное положение «либерализма», le fin mot **, по необходимости более подразумеваемое, чем вполне ясно высказываемое. Выпуская от времени до времени в свет это словечко, заменяя его иногда словом: «европейские политические учреждения» или «венец здания», «либеральная печать» обыкновенно дает чувствовать, что не договаривает свою мысль по цензурным соображениям. Никто более нас не сожалеет о том, что цензура дает нашим «либералам» такой выгодный для них повод плакаться на угнетение либеральной мысли, заслоняться цензурой от стрел противников и таким, по-видимому, основательным объяснением уклоняться от полного изложения своих мнений. Не будь этой непрошеной услуги нашему «либерализму» со стороны цензуры, давно нищета и убогость его понятий и вожделений сама собою вышла бы на свет Божий. В самом деле: предположим, что под словом «правовой порядок», на манер европейских политических учреждений, следует понимать конституцию и что толковать о конституции,

* тройная эссенция, трипль эсанс (*фр.*).
** последнее слово (*фр.*).

заявлять ей сочувствие — нет запрета. Тогда тем поборникам «правового порядка», которые разумеют под ним именно конституцию, пришлось бы натолкнуться на вопрос: «Конституция? но какая? французская? английская? немецкая?» и — стать пред этим вопросом в тупик! Очевидно, что ни одна из поименованных для Русской земли не годится, потому что английская — словно кожа на теле и отъята от самого тела быть не может (к тому же и основа ее — земельная аристократия); французская и немецкая — это пока еще более или менее неудачные и нисколько не завидные эксперименты... «Конечно, ни одна из них!» — ответили бы нам эти господа. — Так какая же? — «Какая-нибудь. Надо сочинить!» — Сочинить! Сдвинуть громаднейшее в мире государство с его политической многовековой исторической основы на путь *сочинительства*! На путь нескончаемый к тому же, ибо нет основания, почему бы сегодняшнее сочинение не заменить завтра же новым, остроумнейшим, по-видимому, сочинением! Не ясно ли, что с такими, можно сказать, детски-либеральными рассуждениями невозможно было бы и выступить в печати даже при полной свободе слова? Бумага бы покраснела от стыда! Спешим, однако, оговориться, что увлечение чистым конституционализмом было явно только на заре дней нашего новейшего «либерализма», в так называемую «эпоху веяний» [24]. И вовсе не цензурные строгости заставили «либералов» несколько изменить свою позицию, — а отчасти «внушительный язык событий», отчасти же, полагаем, поставленный им в упор вопрос (между прочим, «Русью»): «На чьей стороне будет народ, или 80% населения?»... [25] В самом деле, если б охотники до конституционализма не только были безопасны от цензурных преследований, но питали уверенность, что им за публичное предложение конституции повесят Владимира на шею [26], — и тогда едва ли бы у них достало решимости явиться *пред лицом народа* с предложением заменить исторический принцип русской власти результатами парламентского голосования и самодержавием парламентского большинства!.. Мы должны, однако, сказать правду, что до сих пор не встретили ни одного «либерала» (из лиц, удостаивавших нас личной беседы), который бы не старался нас разуверить, что он никогда и не помышлял о конституции вроде западноевропейской, а подразумевал лишь «совещательное начало»... Если так, то зачем же пускать туману в глаза, зачем морочить людей выражением вроде «правового порядка», кивать на Европу, тонко намекать на что-то, чего никто, в сущности, не ведает, и в то же время, отчураясь с неистовством от своей истории и даже народности, сбивать еще пуще понятия и общества и молодежи?.. Итак, что́ же остается от этого пресловутого «правового порядка»? В сущности, ничего. Исторического грубого факта, — ставшего поперек платоническому влечению к государственному строю культурной Европы и с младых ногтей вкоренившемуся в нашу «интеллигенцию» обаянию иностранных авторитетов, — отрицать или не признавать нельзя. Этот грубый факт — 80% населения... И вот — опять volte-face * в «либеральном лагере»: во имя «культуры», во имя прав «интеллигенции», во имя этих именно остальных 20% раздается вдруг «либеральная» проповедь: «взнуздайте зверя»!.. Да, если б его держать хорошенько взнузданным, как советует «Голос», «интеллигенция» могла бы, пожалуй, точно сдвинуть Россию с ее исторического пути и вести путем Западной Европы, отбросив в сторону всякое презренное притязание на «рус-

* внезапный переворот (*фр.*).

скую национальную самобытность в сфере политических и нравственных идей»!..

Что касается до «совещательного начала», то и тут не обошлось без диковинок и переодеваний. Читателям «Руси» известно, что мы с самого начала нашего издания вступили в ожесточенную борьбу с модной идеей — признавать, во-первых, наши земские собрания *настоящим народным представительством* у себя на местах и, во-вторых, учинить представительство, хотя бы даже только совещательное, *всей Русской земли* из гласных губернских земских собраний по их выбору. В то время все беды России приписывались именно тому, что правительство не дает нашим земствам раздвинуться вширь, не снабжает их политическими государственными правами, не позволяет им соединиться во всероссийское земское собрание, и т. д., и т. д. Мы уже с 1 № «Руси» советовали земствам распространяться «не вширь, а вглубь, около себя», установить наперед тесную связь с народом и крестьянскими учреждениями, одним словом — заняться реформою земских учреждений, не имеющих теперь в народе никакого авторитета, и вообще реформою всего уездного управления. Насмешки, брань, ругательства были нам ответом, посыпались на нас со всех сторон, не исключая и газеты «Земство» [27]: «“Русь” — с своим уездом, когда следует реформировать самые политические основы!»; «“Русь”, которая хочет запрятать интеллигенцию в уездную кутузку»!!! и т. д., и т. д. Правительство, однако же, с своей стороны, признало необходимым задать земствам вопрос, весьма для них важный и существенный, именно о преобразовании учреждений крестьянских... С явным неудовольствием отнеслись сначала земства к такой мелкой, «мескинной» [28], по их мнению, задаче... Но увы! оказалось, что земства — не все, положим, но в весьма значительном числе, — по свидетельству газеты «Земство», даже и с этой задачей не сладили! Некоторые почти совсем отказались от решения задачи на том основании, что придумать решение они сумеют только во всероссийском земском собрании, а сами по себе они безыдейны; другие отнеслись к ней с пренебрежением, намекая, что желательно было бы наперед получить право обсуждения государственного бюджета... И вот одновременно с тем, как по счету «Голоса» — 9, а по счету газеты «Земство» — 12 губернских земских собраний вошли с ходатайством о том, чтобы в число «сведущих людей» правительство назначило лиц лишь по избранию и по уполномочию земских собраний, так как только земские гласные могут считаться представителями земской мысли, — в это-то самое время газета, держащая знамя земства, и люди самые авторитетные по части «либерализма» земских учреждений возвещают громогласно, что было бы именно ошибочно и преждевременно признавать представителей земств истинными не только народными, но даже общественными представителями!.. Редактор газеты «Земство» так-таки прямо заявляет, что хотя «ходатайство 12 земств является вполне разумным выводом из современных наших условий» (?), однако ж представители земских собраний, избранные в сведущие люди, «по существу представителями народными или общественными не *будут*»... [29] Достопочтенный А. И. Кошелев также напечатал в той же газете [30], что «*при имеющемся настроении земских собраний нельзя ожидать беспристрастных мнений и выборов*, и необходимо прибегнуть *на сей раз* к иному способу узнания общественного мнения»!.. [31] Да ведь только именно это и требовалось доказать, только об этом и твердили обоим земским авторитетам и «Русь», и «Новое Время» в течение целых полутора

года! Никогда на самый принцип земства мы и не нападали, а именно во имя этого принципа доказывали нашим противникам несостоятельность современного земства быть истинным общественным представителем народной мысли! Чтó же мешало им, несмотря на свою опытность, видеть 18 месяцев назад то, на чтó мы тогда же указывали, а они увидели только теперь?

Из-за чего спорили так яростно с нами и «Земство», и вся эта «либеральная печать», сбивали так долго с толку общественное мнение, увлекли целые 12 земств и поставили их в такое странное, если не комическое положение?! Кого же слушаться правительству — ввиду заявленного ходатайства 12 «либеральных» земств, с одной стороны, и с другой — авторитетных голосов газеты «Земство», причисляющей себя в то же время и к «либеральному лагерю»?!!

Итак, повторяем, чтó же остается от всех положений «либеральной программы»? При малейшем прикосновении действительности и критического анализа она разлетелась в пух. Как ни меняли «либералы» позиций, но сбились со всех. Чтó же знаменует собою «либеральное знамя», которое все-таки еще стоит? Не мысль, не определенную формулу, а какое-то смутное, неясное, «либеральное» вожделение, в сущности вожделение следующего властолюбивого свойства: так или иначе, по праву «интеллигенции» (за которую признает себя только «либеральный» лагерь), мудрить над 80% населения (по исчислению «Голоса»), — именно *мудрить*, доктринерствовать, без точной программы и цели, если не просто ораторствовать и восседать «во имя народа» на манер европейский... А рядом с этим вожделением — отвращение не только к существующей «казенщине» (в чем не уступит им «Русь»!), а отвращение к самой русской народности, к русской народной самобытности, к русскому *народному* направлению во внешней и внутренней политике вместе с душевным подобострастием, каким-то служебным чувством к авторитету хотя и враждебной, зато «культурной» Европы! Сюда же, к бессмыслию «либеральной» программы и к «либеральному» лагерю, примыкает и неудовольствие последних могикан бюрократизма, предчувствующих скорый конец своего владычества, и неудовольствие тех русских иностранцев по духу и воспитанию, которыми кишат общественные петербургские светские сферы, которые чуют наступление нового времени и страшатся, как огня, возобладания в русской жизни национальной стихии... И при всем том нельзя, однако, не видеть, что этот бессодержательный «либерализм» представляет некоторую силу в нашем обществе — силу, которой нельзя отрицать... Какую же?

Силу банальности, иначе, по-русски, пошлости. Это ведь целая общественная стихия — «бессмертная», по выражению поэта[32]; с нею приходится подчас и считаться. Мы когда-нибудь возвратимся к этой теме, а теперь заметим, что серьезная сторона газеты «Голос» с его подголосками именно в том и заключается, что он стал органом той общественной банальности или пошлости, которая, скрасив себя ореолом «либерализма», является существенным выродком быстро клонящегося к концу Петербургского периода нашей истории...

<ДВЕ ГОДОВЩИНЫ>

Две годовщины справила на этой неделе Россия: одна (1 марта) — годовщина скорби и позора. И как искренно, всеобще было выражение скорби! Как живо воскресали в памяти все ужасающие подробности злодеяния, осквернившего нашу землю, — ту самую, что́ с древнейших времен слывет в народе «*Святою* Русью»!.. В этом мрачном окружении адского дела злобы как лучезарен выделяется кроткий лик Мученика-Царя в неугасимом сиянии его благотворений, во всем обаянии его человечности, во всей славе его прекрасного освободительного царствования. С какою любовью и умилением лелеет в себе народное сердце этот царственный образ! Мученическая кончина Царя-Освободителя только освятила его память в благодарной душе русского народа, освятила вместе с тем, вообще, в народном сознании значение царского подвига на земле, еще живее и крепче упрочила союз народа с самодержавною властью... Кстати: было бы вполне желательно увековечить эти дорогие каждому русскому сердцу слова: *19 февраля* (день освобождения русских и польских крестьян, болгарского народа, многих иных освободительных дел) внесением этого числа на вечные времена в роспись всенародных праздников и установлением в этот день общественного молитвенного служения об упокоении души раба Божия и царя России Александра II... Мы не принадлежим, впрочем, к числу лиц, которые, оплакивая теперь покойного императора или, вернее, — оплакивая вместе с его кончиной утрату каких-то своих собственных фантастических надежд, — желали бы, чтобы самые обстоятельства кончины были скорее преданы забвению, так как напоминание о них, нарушая, с одной стороны, в народе «мирное, благоговейно-грустное настроение», единственно будто бы приличное сему дню, — с другой стороны, задерживает будто бы правительство в его движении «по пути прогресса»... Мы полагаем, напротив, что забывать их не следует — преступно было бы забывать, преступно пред русскою совестью и честью. Да и не таков наш народ, чтобы мог легкомысленно отнестись к великому всероссийскому бедствию, греху и позору и расквитаться с испытанным им горем и обидой — одною молчалинскою, рекомендуемою ему, умеренностью и аккуратностью чувств [1]. Наш народ не Молчалин, но и не «лён да огонь» [2]. Чем сильнее его ощущения, тем глубже уходят они ему в душу. Кто был свидетелем объявления в Москве манифеста о «воле», тот помнит, что масляничный день обратился словно в строгий великопостный... Не воспламеняясь как порох, подобно французу, не шумя, не буйствуя — только шума и буйства ради, наш серьезный, умный народ и теперь хоронит в глуби души своей чувства и думы, вызванные в нем кровавым событием 1 марта. Он молчит много, но много всматривается, много слышит и слагает все эти свои наблюдения и чужие «глаголы» в сердце своем... Чем старательнее попытки замять, искоренить память о совершившемся злодеянии, — попытки, обыкновенно объясняемые благовидным желанием не возбуждать в народе опасного раздражения, — тем сильнее оно возбуждается, тем опаснее последствия подобных неразумных и неосторожных попыток, тем невыгоднее для так называемой «интеллиген-

ции» слагающиеся о ней представления в народе. Но не о народе речь. Он-то помнит, — мы-то не должны забывать, должны, напротив, держать постоянно в памяти весь ужас 1 марта. Не для того, конечно, нужна эта живость воспоминания, чтобы питать в нас и в носителях власти бесплодный гнев и пугливое недоверие, а для того именно, чтобы не терять из виду роковой бездны, раскрывшейся пред нашими ногами в тот страшный час, — чтоб успешнее могли мы все выбраться на иной, спасительный, плодотворный путь. День 1 марта — день покаянный, дарующий нам видеть наши безмерно тяжкие всеобщие прегрешения, призывающий нас к сокрушению о духовной слепоте, порче, беззакониях наших, поставивших Россию на край гибели, — к сокрушению, но и к обновлению. Мы должны непрестанно казниться в своем сознании, для того чтобы обрести в себе творческую, возрождающую духовную мощь... Иначе горше будет.

Пусть власть имеющие принимают, по своему усмотрению, внешние меры, предупреждающие возможность (странно, стыдно, совестно вымолвить) новых зверских злодеяний. Полиция полицией, а общество наше, наша «интеллигенция» не хуже, если не успешнее полиции в состоянии предупредить, по крайней мере, размножение зла. Разве возможно допустить, чтоб дружное, общее, искреннее негодование со стороны всех, кто мыслит и чувствует честно, было невластно образумить, отрезвить, хоть бы только смутить бóльшую часть злоумышленников и преступников, по крайней мере молодых, вышедших из нашей же общественной, более или менее образованной среды? Не поддерживается ли их лютое упорство и наглая настойчивость, не пополняется ли их постоянно убывающий контингент постоянно новыми приверженцами именно потому, что они не чувствуют на себе клейма общественного искреннего отвержения или хоть тяжести единодушного всеобщего суда? что они, напротив, уверены если не в одобрении, если не в прямой симпатии, то в очень снисходительном к ним отношении очень многих, — тех в особенности, которых они почитают да которые и сами себя выдают за «передовых» и более всех трубят о «прогрессе», «гуманности», «культуре» и тому подобных хороших вещах? Не расположены ли еще многие у нас величать их если не мучениками, то «самоотверженными фанатиками идеи» (как будто фанатизм злой идеи, братоубийства, разрушения, например, не есть уже сам по себе нравственное падение человека!)? Не слишком ли уж склонны у нас, даже в литературе, рядить их в некоторый своего рода геройский ореол? Нельзя, к прискорбию, не признать, что тот умственный и нравственный сумбур, который господствует в означенной части нашего общества и который находит себе выражение даже в печати, не способен оказать никакого спасительного противодействия преуспеянию пагубных теорий, ни тем менее практической энергии зла. Напротив, он-то и питает в нашей молодежи ту дурь самомнения, ту страшную безумную гордость, благодаря которой недоучившиеся школьники присваивают себе — воровски, разбойнически — право не только народного, но Божьего суда и нагло жалуют себя в верховные решители участи великого стомиллионного русского народа!

В самом деле, как не корениться всякой злой дури, как не разводиться злым дуракам в этой мгле, в этом хаосе понятий, которого проявление встречается в нашем обществе и в литературе чуть ли не на каждом шагу? Тут и «гуманность», и «стремление к свободе», и «демократизм», и «прогресс», и «цивилизация», и «культура», тут выкрикивается и «последнее слово науки», — а меж-

ду тем эта «гуманность» нисколько не гнушается (по крайней мере открыто, без обиняков) прямым своим отрицанием — бесчеловечием (ибо ничего нет бесчеловечнее подвигов нашей социально-революционной партии), но чуть ли еще не оправдывает их! «Стремление к свободе» вовсе и не расположено возмущаться самым вопиющим посягательством на свободу, самою ужасною формою деспотизма — терроризмом, а даже как будто мирится с ним! «Демократизм» вяжется самым сердечным образом с презрением ко всему, что народу дорого и свято, с наругательством над волею и верою народными, — влечение к «прогрессу», к «цивилизации», к «культуре», которое, казалось, должно бы чувствительнее всего оскорбиться наигрубейшими проявлениями варварства в деяниях пресловутых «фанатиков идеи», оказывается как бы вовсе и не оскорбленным, а благоговение к «последнему слову науки» чуть не дружится с последним словом дикости и невежества! Мало того: умудряются как-то приплетать сюда, к этому кипящему вареву всяческого отрицания, безумия и крови, еще и «христианскую любовь» и во имя ее даже и не гнушаться злом!!.. Будьте по своим убеждениям хоть конституционалистами, хоть республиканцами, чем угодно, но есть начало, которое для всех должно быть одно и общеобязательно: это начало нравственное, начало высшей правды, смиряющее и обуздывающее буйство личного эгоизма. Без него немыслимо человеческое общество, и кто этого начала не признает, тот обществу враг и в нем терпим быть не может, хотя бы он и числил себя в привилегированном ранге «политического» попирателя всякого нравственного закона. А между тем это-то начало нравственное с некоторого времени довольно деятельно расшатывается в нашей общественной среде; различие между добром и злом мало-помалу изглаживается... Многие ли у нас в печати отваживаются выразить искреннее свое негодование именно по отношению к деяниям и проповеди политического нигилизма? Не чаще ли видим мы образцы самого печального малодушия? Не легион ли имя тем трусам, которые — страха ради прослыть нелибералами — боятся громко, во всеуслышание высказать свое внутреннее отвращение к подвигам и учению наших революционеров? Не хватает мужества назвать мерзость мерзостью там, где для честного человека и недоумения быть не может. А ведь только этого и нужно; только честности, немножко честности да немножко мужества!.. Вместо этого в беллетристике нашей сплошь да рядом — одновременно с изображением русского крестьянина в самом отвратительном виде — выставляется «интеллигент», влекущийся к ремеслу насильника народной исторической воли, народной свободы и веры — к ремеслу террориста, — выставляется не как образец печального заблуждения, достойный, пожалуй, искреннего соболезнования, а в сочувственном свете, чуть ли не как лучший specimen* человеческого рода, достойный подражания... Начинают ли рассуждать печатно о современном положении дел, — эти господа деликатно обходят щекотливый предмет, т. е. не перестающую угнетать нас опасность кровавых позоров, не промолвят ни словечка в смысле доброго, правдивого назидания нашей молодежи, боясь попасть у нее в «ретрограды», а истощаются в дешевом негодовании... на неудобство или неловкость некоторых мер охранения (когда бы правильнее было бы понегодовать прежде всего именно на самый повод, вынуждающий, к стыду нашему, принимать меры охранения!) или же предаются более или менее глубокомысленным нападкам на урядников[3], на классиче-

* образец (*лат.*).

скую школу[4], особенно на «недостаток деятельности» для земских, по большей части совсем добровольно бездействующих деятелей! Вместо того чтоб поразмыслить, нет ли в современном «безотрадном положении» доли и нашей собственной вины, лучше винить во всем «начальство»: это и напряжения мысли никакого не требует, теперь почти и безопасно, да и «либерально»!..

Начальство виновато — это вне спора, но не менее виноваты мы сами, мы — как общество, как «интеллигенция». Не скажут же в оправдание свое наши «либералы»: «Если мы так скудоумны, сеем лишь сумбур понятий и сбиваем с толку молодежь, то виновато все же начальство». Не спорим, что исторически, поднимаясь выше, чуть не до реформы Петра, начальство виновато и в них, но такое оправдание едва ли для них удобно. Начальство наших времен не отрицает своих вин, но без нашего содействия оправиться не может; а для того, чтоб содействие наше было плодотворно, необходимо сознание своей общественной вины в самом обществе нашем. Никакие усилия власти, например, не в состоянии дать более здорового направления учащейся молодежи и тем оградить ее от печальной безвременной гибели, если сами педагоги наши не возьмутся за это дело; если вместо пустопорожнего либеральничанья, бесплодного отрицания и постепенного вытравливания идеи обязательной, абсолютной нравственной правды (как это практикуется некоторыми) они не воспитают в молодых душах уважения к своей земле, к своему народу, к его истории, не дадут им положительных высших нравственных идеалов, без которых нельзя и быть доблестным, полезным слугой своего народа и государства.

Пора бросить «либеральное» отрицание, которое, продовольствуясь одними либеральными терминами, уже даже не ищет конкретной истины, не углубляется в разум и суть вещей. Оно устарело, износило все прежнее свое содержание, и теперь, вследствие внутренней пустоты, только злобствует без смысла и цели. Много, конечно, всяческого худа и безобразия в России, в ее государственном и общественном строе, но только под знаменем положительных нравственных начал, только неуклонно и мужественно держась пути чести и совести, не страшась ничьего осуждения (тем менее фельетонных крикунов), не заискивая ничьего благоволения (тем менее «публики»), только отрешась от рабства отвлеченным доктринам, как люди свободные, уважающие права Русской земли на национальную самобытность, на свободу органического народного развития, — без озлобления и глумления, а в духе искреннего доброжелательства можем мы с успехом оказать помощь нашему правительству в его борьбе с вековой нашей неправдой, в которой мы все равно виноваты.

Другая годовщина, которую справила Россия на этой неделе — день восшествия на престол Государя Александра III[5]. Царствованию Его наступило лето второе. Тяжкое наследие принял наш новый, молодой Царь. Мы думаем, что прошлое славное, благодетельное царствование дало все, что́ оно в состоянии было дать, и не могло дать именно того, что́ стало России на потребу[6]. Оно раскрепостило и народ, и общество — все стихии жизни, на закрепощении которых соорудился в течение двух веков наш государственный строй. Оно подкопало его своими освободительными преобразованиями, но оно не в силах было даровать России то полное, всецелое обновление, которое не достигается путем частных реформ. Преобразовательному сознанию недоставало той общей идеи-*матери*, так сказать, в которой одной заключается сила жизненная и творческая. Оттого при конце царствования все раскрепощенные элементы предстали

в своей совокупности грозным противоречием с старым, не отставленным еще строем. Оба противника очутились лицом к лицу, меря свои силы, и не было у правительства ключа к разрешению рокового противоречия... По-видимому (таково было убеждение едва ли не большей части общества), России не было другого исхода, как двигаться далее в том направлении, в которое двинул ее Петр, и от полицейского типа государства, перенесенного Петром с Запада, следуя тем же западным путем развития, перейти логически к современным формам европейского государственного строя: одним словом, окончательно и бесповоротно усвоить себе все основы и самый дух западноевропейского политического бытия во всех смыслах и отношениях. Казалось, все клонилось именно к такому исходу, к такому решению грозного для России вопроса: быть или не быть ей самою собой; «либеральная» публика уже ликовала, русский народ недоумевал...

Новое царствование (и благо ему!) уже успело в течение года наметить отчасти то направление, в котором будет развиваться его деятельность. Это направление — *народное*, — а народность — это именно та идея-матерь, без которой и вне которой все, что́ бы ни созидалось в стране, созидалось бы на песке [7]. Но народность не есть дело вкуса, не во внешности только, даже не в патриотизме лишь заключается; оно есть целое органическое начало жизни, объемлющее собою все ее отправления, государственные и бытовые. Народность — есть то же самое, что́ в отдельном человеке *личность*, но вмещающая в себе более широкое духовное содержание, большее богатство творчества и непосредственных сил, — живущая в веках и в пространстве, во множестве единиц, составляющих один общий цельный духовный организм. Это та непосредственная самобытность, которая нисколько не враждует ни с просвещением, ни с знанием общечеловеческим, но без которой немыслимо плодотворное усвоение никакого просвещения и никакого знания. Именно отречением от своей народности в высших своих общественных, правящих классах Россия и дошла до той несостоятельности своего административного устройства, которой едва ли помогут искреннейшие усилия и благонамеренное тружеництво ее современных государственных людей... Царь с его единоличною властью — явление безусловно народное, выработанное веками нашей исторической жизни, отвечающее всему политическому миросозерцанию русского народа, соблюденное им в неприкосновенности ценою величайших жертв. Каким искушениям ни подвергался наш народ, в какой форме ни представлялось ему верховное управление, — в форме, подчас совершенно противоречившей народным понятиям, — он остался верен своему идеалу и в историческом учреждении самодержавной власти видел для себя надежный залог возвращения на самобытный путь народного исторического прогресса. Вот почему всякая, например, западноевропейская конституция равнялась бы для России окончательному отречению от своей истории и народного миросозерцания. Но только одна царская власть и представляется этим историческим залогом; остальной строй, созданный Петербургским периодом, если не весь, то в значительной мере является более или менее диссонансом в русской жизни — временною необходимостью, которой пора уже прошла.

Для России наступила решительная минута. Ей предстоят или полное обновление, так сказать, новое крещение, «баня пакибытия» [8] в народно-историческом духе, или же... Лучше не договаривать. Дверь для спасительного исхода

открыта настежь: требуется лишь дерзновенный почин. Об этом почине и молит Бога Россия, молит страстно и пламенно: это знают и понимают все имеющие очи видеть и уши слышать [9], все, в ком не заглохло русское чувство. Было бы, однако же, напрасно думать, что выход и обновление достигнутся одною усиленною кабинетною деятельностью чиновников или хоть бы сановников подлежащих ведомств да непрерывным рядом дробных поделок, поправок, даже частных реформ. Нельзя сказать, чтоб раздающиеся отовсюду сетования на «неопределенность положения», на «неизвестность программы и пути, по которому правительство намерено вести Россию» были уж вовсе лишены всякой основательности, как бы ошибочны они ни были в своих подробностях. Потребность целостного обновления чувствуется всеми инстинктивно, хотя бы это обновление представлялось каждому в своей, часто неверной формуле. Внутреннее чувство подсказывает всем, что в судьбе России наступает перелом, и это чувство не может не производить некоторой, даже безотчетной тревоги. Наконец, не следует забывать, что событие 1-го марта, ужас и позор этого события нарушили нормальный строй нашей ежедневной жизни, привели всю страну в нервное состояние, с которым нельзя разделаться простым возобновлением прерванного ежедневного будничного строя, но которое требует соответственного чрезвычайности удручающих впечатлений — проявления зиждительной силы и подъемлющей дух энергии в носителях власти... В напряженном ожидании устремляются кверху тревожные взоры всей России. Можно, пожалуй, осуждать такое напряженное ожидание, но упразднить его одним осуждением нельзя, и приходится с ним считаться. Упразднится оно может только таким проявлением твердой верховной воли, которое представляло бы надежное ручательство в коренном изменении нашего административного механизма. Безусловно веруя в благие намерения своего Царя, Россия не доверяет и имеет полное основание не доверять своему административному строю, несостоятельность которого стала в наше время лучезарно-явною, но который тем не менее заслоняет собою от страны лицо ее верховного повелителя...

Мы, с своей стороны, твердо убеждены, что без перенесения резиденции нашего верховного правительства с окраины России (где, повторяем, русская жизнь не слышится, не чувствуется, а только *рапортуется*) в Москву или куда бы то ни было внутрь Империи — не выйти России из бюрократических сетей, не высвободиться из-под давления чиновной опричнины, не стряхнуть с себя постыдный гнет страха пред потаенными кознями политических изуверов, не придать своей внешней и внутренней политике здорового национального направления, не рассеять роковых, но неизбежных пока недоразумений между администрацией и страною, не обновить союза Царя с землею богатством единомыслия и теснейших нравственных уз, — союза, пред которым, как воск от лица огня [10], растают все политические замыслы и мечтания, несогласные с волею и любовью народа, — не оживить России прибытком духа, того животворящего духа, без которого никнет, скудеет ее бытие и одно веяние которого способно удесятерить ее внутреннюю мощь, возвратить ей веру в свое признание в человечестве и радость жизни!..

«Такова наша мысль и сказка» — заключим мы выражением наших предков, которым закончили они письменное мнение, поданное ими первому государю из дома Романовых [11] на знаменитом земском соборе, созванном по вопросу об удержании Азова и о войне с турками [12].

<ПО ПОВОДУ РЕЧИ ГОРОДСКОГО ГОЛОВЫ ЧИЧЕРИНА>

С вистом и лаем было встречено в так называемом либеральном (!!) лагере наше мнение, не однажды выраженное, а в последний раз в передовой статье 10 №[1] — о том, что пришло наконец время центр управления Русским государством перенести в центр государства. Ничто, по-видимому, так не раздражает и не пугает наших противников, как мысль о совмещении правительственного центра с средоточием народной исторической жизни и о восстановлении правильного кровообращения в нашем государственном организме! «Пустые опасные бредни», «старая вздорная фантазия», изъезженный конёк «славянофилов», «самобытников», «народников»... Так величают нас обыкновенно эти поистине дивные люди, одержимые некоею томительною страстью ко всему, что́ не народно, что́ противоположно понятию *самобытности*!

На днях один из сих поборников национальной безличности и духовного рабства накинулся в «Вестнике Европы»[2] на нового городского голову Москвы за то, что при вступлении своем в должность он сказал в своей речи, будто «только в Москве можно обрести те крепкие основы, то верное понимание смысла русской истории, то чутье истинных потребностей народной жизни, которые предохраняют от легкомысленных увлечений и от слепого следования за мимолетными авторитетами...»[3] Понятно, что публицист «Вестника Европы» нисколько не расположен предохранять себя и русское общество от этого слепого следования, когда именно такое «*слепое* следование» и возводится нашими ненавистниками самобытности в догмат новейшего российского «либерализма»... Понятно также, что всякая ссылка на «крепкие основы», точный «смысл русской истории» и «истинные потребности народной жизни» не заслуживает ни малейшего внимания в глазах наших противников; это значило бы признать, что у русской народной жизни могут быть *свои, самостоятельные* потребности, у русской истории есть свой *особенный* смысл и выработаны ею *самобытные* крепкие основы, тогда как, по учению этих господ, никакой «самобытности в сфере политических, нравственных и религиозных идей» для русского народа не полагается, а должен он пробавляться, под видом «общечеловеческого», *чужою* национальною самобытностью — голландскою, бельгийскою, французскою, прусскою, итальянскою — одним словом, любого из латинских и германских племен Европы. Этим и объясняется, почему «Вестник Европы», возражая г. Чичерину, важно утверждает, что «народный дух не приурочен специально ни к какому месту...»[4] Что́ же это за народный дух, который никуда не приурочивается, и как же это? Может, следовательно, русский народный дух веять и на берегах Шпрее в Берлине? Конечно, нет, ответят нам, — «мы все-таки ограничиваем его веяние пределами Российской империи»... Стало быть, народный дух одинаков что́ в Москве, что́ в Варшаве, Риге, Вильне? Едва ли, при всей своей умственной отваге, решатся наши «либералы» утверждать, что «да, один и тот же!» А если не один и тот же, так выходит, что народный дух не ко всякому месту приурочен, и вопрос сам собою становится специальнее, иначе, именно: в той ли мере приурочен он к Петербургу, как и к Москве?

Еще правильнее, применяясь к словам г. Чичерина, поставить вопрос в следующем виде: где удобнее непосредственно чувствовать истинные потребности русской народной жизни: в центре ли этой жизни или на самой ее окраине — сравнительно недавно приобретенной и населенной не русским племенем? В Москве или Санкт-Петербурге? Где вернее можно уразуметь верный смысл русской истории: там ли, где она совершалась и выразилась внешнем образом в многочисленных памятниках, т. е. в древней исторической государственной столице, или же в столице новой, собственно говоря, в резиденции государевой, возникшей только в XVIII веке и непричастной даже величайшему из внешних политических, всенародных событий, ознаменовавших историю России этих последних двух веков, именно нашествию Наполеона в 1812 году? Где удобнее обрести «крепкие основы» нашего исторического и государственного бытия — в среде ли чиновнической, придворной или же в русском народе и в общественной среде, к народу близкой? В той ли столице, которой даже наши «либералы» не посмеют придать эпитет «народной», или же в столице народной, бывшей искони, пребывающей и доселе — «средоточием народной жизни»?.. Ответ на эти вопросы дается не каким-либо «славянофильством», не какой-либо доктриной, но общим здравым смыслом. А «Вестник Европы» находит нужным попрекнуть г. Чичерина за его выражения о Москве именно славянофильством, причем кивает на «Русь»!.. Но уж почему бы кстати не попрекнуть ему «славянофильством» наших лучших поэтов, в том числе и Пушкина, за его стихи:

Москва, как много в этом слове
Для сердца русского слилось,
Как много в нем отозвалось![5]

Не сказал же вот Пушкин: «О Санкт-Петербург! как много в этом слове для сердца русского слилось!», а выразился про Петербург иначе: «Город скучный, дух неволи»[6] и пр.; если же и воспел его, то более со стороны военных парадов, пальбы из Петропавловской крепости в высокоторжественные праздники[7] да красивого течения Невы...[8] Уж и в пушкинских стихах не «Русь» ли виновата?..

Заметка «Вестника Европы» не стоила бы сама по себе и возражения, но в таком же смысле и духе палят все тяжелые и легкие орудия нашего мнимо-либерального арсенала. Отвечая «Вестнику», мы отвечаем и им. Не аргументация их заслуживает внимания, а самое это озлобление на Москву, этот внезапный прибыток любви к Санкт-Петербургу в нашем либеральном лагере: явление очень знаменательное, симптом времени, исполненный серьезного интереса. Защитниками Петербурга и оппонентами усилению значения Москвы в русской исторической жизни являются даже и московские подголоски «Голоса». Очевидно, что «Невская столица» для всех наших «либералов» — отечество, — не просто город, а символ. Им дорог Петербург как знамя отрицания народности и самобытности — отрицания, составляющего сущность новейшего «либерализма». Оттого-то и этот тревожный, вполне искренний страх, как бы и в самом деле центр управления Россией не был перенесен вовнутрь России, не высвободился из-под воздействия, из-под давления на него петербургской либеральствующей опричнины!.. Известно, что под *опричниной* царь Иван Грозный разумел людей, выделенных из *земщины*, обособленных от *Земли*, поставленных

к ней в супротивное отношение и в то же время наделенных властью и силою безграничного произвола. Для успешнейшего производства этого эксперимента он перенес резиденции свою и опричнины вон из Москвы, в Александровскую слободу, но чрез 8 лет уничтожил опричнину[9], пояснив, что для потомков его «образец учинен готов»[10]. Не в такой грубой форме, не с той безграничностью произвола, без такого резкого разграничения в сознании понятий *Земли* и отвлеченной от нее верховной власти, но нечто подобное повторилось и после Петра, что́ дает нам право применить название *опричнины* к тем бюрократическим и преторьянским[11] элементам, которые также свили себе гнездо не в старой столице, а в новой резиденции, также были отрешены от земли, или земщины, и состояли, состоят отчасти к ней и теперь как бы в супротивном отношении. Представим же себе, что в этой обособленной жизни опричнины совершился свой процесс внутреннего развития; что русские опричники стали западниками-либералами, стали в оппозицию по отношению к тому принципу власти, который дал им бытие, не переставая быть опричниками по отношению к земщине! Между тем, в сознании носителей самого принципа власти совершается также исторический процесс, но обратный, и возникает если еще не убеждение, то расположение: прекратить ставшее уже вредным, утратившее свое историческое raison d'être * обособление и возвратиться от западного государственного типа к тому типу земского государства, который намечен (только намечен) допетровскою Русью. Такая наклонность в верховной власти, очевидно, грозит самому существованию опричнины и их западно-либеральным идеалам, не имеющим ничего общего с русскими государственными земскими идеалами. Ибо не в том, конечно, состоит задача петербургского «либерализма», чтобы добиться в России общечеловеческих прав, свободы слова (определенной, впрочем, положительными законами), свободы совести, подчинения администрации законам и т. д.: если б она состояла только в этом, так не было бы в России и розни в мнениях, а целью общих усилий, не исключая самого правительства, было бы именно изыскать для этих естественных требований соответственное выражение в государственном строе без нарушения тех крепких исторических и национальных основ, на которых стоит и держится Русское государство. Задача же петербургского «либерализма» состоит, напротив, в том, чтобы заменить эти исторические и национальные основы иными, не национальными и нашей исторической жизни чуждыми, а центр правительственной тягости перенести с *единого* лица на *совокупность* известного количества лиц (по образцу разных западноевропейских государств, более или менее неудачному и нигде, ни для какого истинного, *народного* большинства не привлекательному). Еще профессор Градовский в дни свежести своей, — когда он еще был сотрудником Достоевского в журналах «Время» и «Эпоха»[12], когда еще не оступился в «Голос» и не увяз под его знаменем, — характеризуя западноевропейские идеалы политической свободы, усматривал их сущность в стремлении к захвату *власти* в пользу среднего сословия над народом или в пользу одной доктринерствующей, хотя бы демократической или радикальной партии над всеми другими разномыслящими с нею и опять же над народными массами; самую же борьбу на Западе из-за свободы и во имя ее называл «борьбою из-за *власти*». Даже Герцен (которого жизнь и деятельность находились в постоян-

* смысл существования (*фр.*).

ном противоречии с его мыслию, подчас озаряемою блистательными откровениями истины), Герцен, изучивший западноевропейский либерализм не только теоретически, но и практически, — разоблачая в своем «письме к Мишле» [13] внутренний смысл этого либерализма, — провозглашает следующее *пророчество* (как выражается Н. Н. Страхов в своей недавно вышедшей прекрасной книжке «Борьба с Западом в нашей литературе» [14]): «Россия никогда не сделает революции с целью отделаться от своего царя и заменить его царями-представителями, царями-судьями, царями-полицейскими». Это значит, — так поясняет мысль Герцена г. Страхов, — что «Россия не пойдет тем путем, каким шла Европа, не повторить тех фазисов развития, как бы важны и велики они, по-видимому, ни были, чрез которые прошли европейские народы, — так как эти фазисы даже и не приводят к той цели, ради которой они совершились»... Известно, впрочем, что наши российские западники остались недовольны таким воззрением, таким вероотступничеством Герцена от Запада [15], и даже Белинский счел нужным заступиться против Герцена за французскую буржуазию! [16]

Наши западники-либералы (не анархисты) остались и до сих пор верны старым политическим идеалам Западной Европы и по-прежнему влюблены в практические установившиеся в ней либерально-политические формы, не замечая в своей близорукости, что они уже износились и лезут врозь со всех сторон. Они, наши либералы, томятся теми же властолюбивыми вожделениями. Препятствий для проведения в жизнь тех «правовых западных политических порядков», о которых они подчас заявляют в газетах, не предвидится, по их мнению, ни в чиновной, бюрократической среде (по крайней мере петербургской), ни даже на многих высших чредах государственного служения. Но есть одно досадное препятствие, с которым так или иначе приходится считаться, — это — безделица! — целые 80% всего населения, т. е. весь русский народ, и, разумеется, все, что́ с этим наглым фактом и понятием связано: народность, предания русской истории, чувство национальной чести и т. д., — и что́, к «досаде либералов», постоянно живится [17] в русском общественном сознании журналами и газетами с русским направлением. Вот откуда такая ненависть наших «либералов» и к «Руси»... Если собрать в одно целое главные мотивы, повторяющиеся в печати «либерального» лагеря, то внутренняя логическая их связь выступает сама собою. Именно, ввиду того сопротивления, которое может быть оказано с народной стороны успеху западноевропейских либеральных политических доктрин и осуществление таковых же идеалов с предоставлением, в силу западного «правового порядка», преобладающего значения либеральствующей опричнине, — необходимо:

1) Отрицать, прежде всего в печати и на кафедрах, не только самобытность, но и всякую способность русского народа к самобытности в сфере религиозных, нравственных и *политических* идей («Русская Мысль», г. Головачев) [18]. Отрицать вместе с тем всякое жизненное оригинальное начало в русской истории, всякое явление духа истины, отрицать в ней присутствие каких бы то ни было иных *основ*, кроме «плети и палки», исповедуя при этом, что единственный руководящий, спасительный «свет» для России исходит с Запада, и следовательно, путь, которым она должна следовать, указывается Западом («Русская Мысль», статьи Дитятина, *профессора* (!) Харьковского университета... [19] Несчастные студенты!). Мы назвали только эти три статьи [20] потому, что они капитальнее других, во множестве рассеянных в либеральной прессе. (Огово-

римся. Сам редактор «Русской Мысли» г. Юрьев — человек бесспорно честный[21], но в простодушии своем не ведающий большею частью ни что́ печатается в его журнале, ни куда ведут его сотрудники, хотя расточаемые ему хвалебные отзывы «Русских Курьеров» и «Московских Телеграфов»[22] должны бы, кажется, раскрыть глаза и слепому.)

2) Пугать правительство народом, стараться заподозрить эту «опору», этот «устой» в глазах власти. Вот почему современная мятущаяся, разнуздывающаяся опричнина и вопит теперь: «взнуздайте зверя!», «взнуздайте 80% населения!», т. е. осуществите западноевропейский политический идеал в пользу остальных 20%![23] По этой части особенно усердствует «Голос». По его мнению, все современные беды и неудобства происходят не от расшатанности *основ* в общественном сознании, не от разгула духовно-отрицательной, или нигилистической, стихии, не от козней социалистов-революционеров, задерживающих наше нормальное развитие, а от «народного направления» во внутренней политике[24], едва только начинающего, по-видимому, зарождаться!.. Точно пароль отдан внезапно по всей либеральной прессе: публиковать о слухах и ожиданиях, снующих в крестьянской среде, охать, ахать, поднимать громкие толки о повсеместной «смуте» (которой, слава Богу, еще нет). Не о «*смутьянах*», о которых ни слова и которых усердное, хотя подчас и неловкое отыскивание полицией постоянно осмеивается теми же самыми газетами, — а именно о «смуте в *народе*»! «Вот-де наш хваленый народ! Вот что́ значит одно желание держаться русского народного направления во внутренней политике»!.. Этого **мало**. «Голос» на днях выкинул такой фокус наглости, которым превзошел свою прежнюю в этом отношении славу. В этих аграрных толках народных, которые «Голос» поспешил заклеймить страшным именем «смуты», он винит... «Русь» и вообще печать русского направления![25] Целый год раздувала либеральная пресса вопрос о малоземелье, о необходимости даже прирезок к наделам из помещичьей земли (мы можем назвать газету), раздувала и обобщала, хотя бы отчасти просто ради детского утешения поставить и у нас в России вопросы *аграрный* и *рабочий* («точь-в-точь, дескать, как на Западе!»); целый год позорила именно «Русь» за статьи Д. Ф. Самарина[26], за то, что мы не считаем малоземелье *повсеместным* явлением и *исключительною* причиною экономического упадка крестьян, — а теперь «Русь» же виновата в том, что народ ожидает новых прирезок! Все это делается, конечно, с целью — ввести кого следует в обман насчет газет, придерживающихся русского национального направления, и отвести кому следует глаза от настоящих источников современного зла.

3) Не только избегать всего, но не терпеть ничего, что́ может в народе и в самом обществе произвести подъем русского национального и патриотического чувства, потому что с возбуждением этого чувства пришлось бы сказать «прости» многим чаяниям в смысле западно-политических идеалов. Очень искренно опасаются наши «либералы» войны, но не ради только одних жертв... Мы не полагаем, чтоб они серьезно верили в возможность скорой наступательной войны со стороны Германии, а раздувают этот страх, запугивают войною для того именно, чтоб ослабить ненавистное им возбуждение национально-патриотического духа. Вот почему так досталось от них Скобелеву! Что «Голос», воспевший во время оно хвалами Берлинский конгресс, остался верен себе и в настоящую пору, — это в порядке вещей; но замечательно то единодушие, с которым и все прочие русские «либеральные» газеты набросились на русского славного

полководца и стали теребить и его самого, и его речь вперегонку со всеми австрийскими и германскими газетами![27] Разумеется, наши либеральные газеты удостоились за это похвального аттестата от всей злостно враждебной России иностранной печати... Клейма удостоились, постыдного клейма, которое и горит на них неизгладимо!..

Достаточно пока этих трех положений публицистов нашего либерального лагеря для того, чтоб не ошибиться насчет его направления, тактики и плана. Если, с одной стороны, этой прессе удается зачислить в свой стан массу людей, способных пленяться банальною мудростью ее суждений, проповедью молчалинских добродетелей — умеренности, смирения[28] и даже уничижения во всем, что касается достоинства и интересов русской национальности, — то, с другой стороны, нисколько не ошибается в действительном значении этой нашей «либеральной» печати печать иностранная! Все, что́ только за границей изрыгает ежедневно хулы, ругательства, клеветы на Россию, все, что́ злоумышляет ей вред, да нисколько и не думает скрывать этого злоумышления, все это с величайшим благоволением и сочувствием относится к «Голосу» и ко всем его московским и провинциальным подголоскам. Это истинный факт, ежедневно подтверждаемый; в этом может удостовериться каждый, получающий наиболее враждебные России польские и немецкие газеты. Мы вовсе не думаем утверждать, чтоб между нашею «либеральною» и заграничною печатью было какое-нибудь соглашение, чтобы наши «либералы» *заискивали* благосклонности у врагов России, но самая эта благосклонность отъявленных врагов должна была бы, кажется, предостеречь, вразумить наших либеральных радетелей о русском общественном благе. А она, однако же, им не претит!.. Очевидно, что тенденции русского «либерализма» *на руку* нашим недругам и что последние почитают нужным поддерживать успех в России таких тенденций, хотя, может быть, втайне и глумятся над скудоумием русских «либералов» и злорадствуют!.. «Самая лучшая в России газета — “Русский Курьер”, орган лучшей и просвещеннейшей части московского купечества!» — восклицает одна из заграничных польских газет (а как относятся эти газеты к России, можно видеть образчик в этом же № «Руси»[29]). Не поздоровилось бы от таких похвал московскому купечеству, если б в таком уверении была хоть тень правды; не могли бы, казалось, быть они приятны и для г. Ланина, но сей наивный издатель сам в прошлом году отрекомендовал русской публике в печатных циркулярах свою газету как «любимейшую за границей»!!! К этому либеральному литературному лагерю примыкает у нас — внутри самой России — и сила *еврейская*, и сила *польских* враждебных Русскому государству элементов...

А самый этот литературный лагерь примыкает к *петербургской* бюрократической или чиновной, разнуздавшейся или разнуздывающейся опричнине, желающей сохранить свое обособленное от Русской земли и властное положение, под видом ли «интеллигенции», или «представителей», или же под иным «либеральным» видом, но таким, который бы дал им возможность муштровать и ладить презираемый ими русский народ по своему измышлению, по чужому образу и подобию... Понятно, почему так любезен всем нашим «либералам» Петербург: он их родина, седалище, престол, причина бытия[30]; он для них принцип и знамя, — и почему, с другой стороны, так пугает их мысль о перенесении центра правительственной тягости в центр Русского государства, в средоточие русской народной жизни...

Вопрос об этом перенесении уже перестает быть праздным литературным вопросом, каким он казался доселе. Это вопрос исторический, исчерпывающий в своей конкретной форме все прочие вопросы о будущности нашей и о возможных отныне преобразованиях... Это вопрос: быть или не быть России самой собою. Если теперь не все это сознают, — то скоро созна́ют. Не замедлят убедиться в бесплодности усилий, прилагаемых лучшими людьми в Петербурге к подъему общественного духа, к оздоровлению его приливом положительных, здоровых сил народного исторического духа. «Крепкие основы» — а дело доходит уж до них, о которых прежде не помышляли, — таятся не в Петербурге... Если для обретения их, для возобновления их действительной силы в правительственном и общественном сознании потребны, по мнению некоторых, меры героические, радикальные, то самою мирною, рациональною и плодотворною из них представляется перенесение резиденции правительства в средоточие народной жизни. Только там — по верному выражению московского городского головы — и возможно их обрести, а не в городе, которого весь смысл, все призвание заключалось именно во *временном* отчуждении от народной жизни, в той *реакции* национальной исключительности, которой историческая необходимость уже прошла. Нечего и говорить, что Петербург в Москву не переедет и что при перенесении канцелярии возникнет сам собою вопрос о размерах, атрибутах, о пригодности самой канцелярии...

Может быть, впрочем, еще не приспело время; еще Петербург не допел всей своей песни и ему предстоит еще ее допеть... Хороша должна быть эта последняя песнь! Все что́ есть элементов отрицания в России, все что́ есть лжи и фальши, все, натужась, напрягшись до крайнего своего выражения, сольется, сосредоточится в этой песни в один колоссальный, чудовищный, потрясающий диссонанс...

<ПО ПОВОДУ ПОЛИТИЧЕСКОГО УБИЙСТВА В ОДЕССЕ>

В эти священные дни всеобщих усиленных молитв и поклонения страстям Христовым[1], когда по всему необъятному пространству нашей, издревле «Святою» прозванной Руси так высоко подъемлется, так становится строг и благоговейно-важен душевный строй православного народа и всего русского верующего общества, — каким пронзительным разладом прозвучала, какою мучительною болью отозвалась в сердцах весть о новом «политическом» убийстве в Одессе!.. Как устало от этих содроганий обиды и ужаса русское сердце! как хотелось бы ему отдохнуть, отвыкнуть от них, умириться духом, отдаться благой надежде, что пора диких, чудовищных, кровавых злодейств миновала!.. И казалось — зло и злоба стали наконец скудеть, истощаться, и отвращающийся крови. Царь признал возможною и уже благовременною милость, — даровал жизнь девятерым недавно осужденным на смерть преступникам...[2] Доколе же будет продолжаться это наругательство[3] над нашим отечеством, это пятнанье нашей земли позором? Долго ли будут враги русского народа полагать преграды его благоденствию, его преуспеянию и возрастанию в мире и тишине, в духе истинной свободы и истинного просвещения?.. Год тому назад еще была кое-какая возможность допустить, хотя и с натяжкою (и не мы это допускали, а так склонны были рассуждать многие очень уж мягкодушные люди), будто совершители убийств и подкопов служили отвлеченной *идее* — «конечно, фанатической, но все же идее», действовали путем «без сомнения ложным, *пожалуй*, гнусным», но «с благородною целью» (!), — будто они и впрямь способны были еще обольщаться и обольщались безобразною фантазией, что творят зло для блага народа, что народ оценит, наконец, их заслуги, даст себя увлечь именно по тому пути, на который бы им желалось его направить... Но если год тому назад еще позволительно было предположить такого рода фантазии, или самообман, то в настоящее время, после вразумлений, дарованных опытом целого года, нет более места никаким подобным извиняющим или более или менее смягчающим вину обольщениям: во имя народа действовать уже не приходится; сомневаться, на чьей стороне будет народ, уже нельзя; он достаточно проявил и свой государственный смысл, и свою непоколебимую волю. Никакая «искренность» увлечения или убеждения уже невозможна, немыслима *теперь* для участников кровавого революционного сообщества, да ее уже и нет. Старые сообщники, очевидно, обратили себе в настоящую пору кровавые замыслы в ремесло, создали себе из него «общественное положение», благо — к посрамлению цивилизации XIX века — в некоторых хвастающих своею культурою странах всякое зверство с политическою окраскою, направленное на чужое, хотя бы и дружественное государство, пользуется покровительством законов! Позднейшие же новобранцы, *теперь* завербованные, *теперь* вступающие в ряды террористической рати, только лгут себе и людям, нагло лгут, ссылаясь на «благородство цели», любовь к народу или к человечеству и вообще на какую-либо «возвышенность мотивов»... Они уже лишены права самообмана, и если тем не менее примыкают к сообществу убийц, то не вследствие «благороднейшего

ших побуждений человеческой природы» (по любимому выражению фельетониста одной «либеральной» газеты, всегда с обязательным бешенством набрасывающегося на «Русь»), а вследствие самых низких ее побуждений, вследствие тайного, хотя бы и не вполне сознанного согласия души на злое и подлое. Они должны знать и заранее себе прямо вымолвить, что вступают в ряды ни более ни менее как изменников своей земле и народу, как отъявленных ненавистников всего, что́ народу дорого и свято, ненавистников, презрителей не только Царя, но и самого народа, и не только народа, но и Бога, стало быть, всякой нравственной на земле правды. И если они этого сами себе сказать еще не могут, недостает духа или еще недоразумели, то все, что́ только еще есть маломальски честного в России, должно везде, всюду твердить, вопить им об этом, преследовать спасительным обличением явно, громко, не оговариваясь, не оглядываясь по сторонам, не труся «общественного мнения» во образе «либеральных» фельетонных хватов, не виляя, не лукавя, без запинок, без недомолвок. И кто этого не творит, тот не честен. Позорный недостаток гражданского мужества, значит, не пересиливается в нем ни искреннею любовью к добру, ни страстным желанием вовремя образумить, спасти погибающего ближнего... Преступен, в душевной подлости повинен тот педагог, который имеет возможность посеять в сердцах вверенной ему молодежи отвращение к революционному терроризму, ко всей этой «политической деятельности», вооруженной подлогом, воровством, револьвером, динамитом, к этому гнусному насилованию воли и совести родной страны, — и не пользуется этою возможностью, не сеет этих плодотворных семян — страха ради «либералов»[4], из-за популярничанья и тому подобных низкопробных нравственных поводов! Такой педагог в буквальном смысле слова *душегубец*, ибо губит душу и жизнь вверенных ему юных питомцев, и к нему должны быть применены слова Евангелия: «Иже аще соблазнит единого малых сих, верующих в Мя, уне есть ему да обесится жернов оселский на выи его и потонет в пучине морстей!»[5]

Такое же отчасти педагогическое значение имеет для общества и литература. А что́ творит наша литература? Как отзовется о ней будущий историк российской словесности, хоть бы за последние два года? Совершились важные события, поставившие ребром для русского общества вопрос о том, чем только и жив человек, живо всякое человеческое общежитие, — о нравственных началах. Во имя общественных интересов содеяно страшное посягательство на общественную совесть и честь. Торжествовало зло. Что́ же, наверное, печать — спросит себя будущий исследователь, — напрягла все свои силы, чтобы помочь ослабевшему общественному сознанию отцедить истину от чуждых ей ядовитых примесей, очистить понятия, в которых все перемешалось, добро и зло, ложь и правда, свет и тьма, — заставить возненавидеть и зло, и ложь, и тьму?.. Наверное, теперь не только кафедра, но и газетная трибуна поставила себе задачей возбудить поникший дух патриотической доблести, строго, твердо, неуклонно определить долг и обязанности гражданина, отделить путь нечестивых от пути честных людей, выше, как можно выше поднять и окружить обаятельным ореолом знамя нравственных, единственно спасительных и плодотворных начал — знамя христианское?.. И обратится исследователь за ответом к нашей беллетристике, журналистике, газетам, и за исключением немногих одиноких голосов, подобных гласу вопиющего в пустыне, — что́ же найдет он в той бездне «либерального» словоизвержения, которым питалось и питается большин-

ство русского общества? Ничего, что́ одушевило бы читателя любовью к своей земле, к своему народу, что́ воспитывало бы в нем уважение к народной духовной личности, к историческим преданиям, к предназначению родной страны, ничего укрепляющего, подъемлющего душу, ничего, кроме разъедающего отрицания и междустрочной проповеди, направленной к сокрушению в сердце всякой надземной святыни!.. Вот препрославленный Ювенал, который, казалось, должен бы устремить стрелы своего негодования именно на трагическую пошлость злодейских теорий, нанесшую столько позора и горя его отечеству (и какая благодарная тема!), но который вместо того, упражняясь в грошовом, плоском глумлении над вздорными, по-видимому, пустяками, подтачивает в робких, боящихся насмешки душах самое зарождение того именно честного гражданского негодования, которое было бы теперь на потребу, — всякую способность духовной реакции в смысле прибытка положительной, нравственной силы. Его могли бы без малейшего смущения совести, чуть не с восторгом читать (хотя, по всей вероятности, ни его, да и ничего не читают) даже наши террористы, не моргнув ни одним глазом, не извлекши для себя ни одного отрезвляющего, целительного слова!.. Вот фельетонисты, изрыгающие, напротив, пену злобы и негодования опять-таки не на тех, которые задерживают в России правильный, органический ход ее развития, а на разные отживающие порядки, уже давно осужденные в сознании не только общества, но и правительства и ожидающие лишь себе мирной, пристойной могилы да плодотворной, разумной замены, — фельетонисты, которые словно бы поставляют себе целью только одно: поддерживать в обществе тот дух раздражения и отрицания, который ничего не творит, ничего не создает, который способен лишь злобить или же разрушать и мертвить. И почти таково (за немногими исключениями) все писание нашего мнимо-либерального лагеря от старцев до юношей: оно, повторяем, возделывает лишь одну почву — почву отрицания, на которой не взойти никакому здоровому колосу, не возрасти молодому поколению в духе гражданской доблести, уважения и любви к своему народу. А между тем взрыв общественного негодования, и именно той части общества, которая называет себя «интеллигенцией» по преимуществу, «партией либерального прогресса», «передовою» и т. д. и в этом смысле имеет некоторое обаяние для несчастной, недозрелой умом молодежи, — как бы он мог, без сомнения, подействовать на молодежь отрезвительно! Но *эта* интеллигенция, эта партия своим авторитетом не воспользовалась, а, напротив, вознегодовала... на что́ же? На слишком будто бы искреннее, по поводу совершившихся злодеяний, выражение негодования со стороны некоторых, немногих газет, выказав по этой части необычайнейшую чувствительность... Никогда до такой низкой степени не падало ни одно общество!

Один из фельетонных Ноздревых одного из московских подголосков «Голоса» в статье по поводу 57 № «Руси» прошлого года отважился даже сделать очень прозрачное кощунственное уподобление наших социалистов-революционеров — самому Христу и признать за ними право сказать — конечно, по адресу правительства — словами Христа к архиерею: «аще зле глаголах, свидетельствуй о зле, аще ли добре, что́ Мя биеши!!..»[6] (Sic. В смысле уподобления ошибиться нельзя. Если кто станет это отрицать, мы назовем газету и №). Точно будто Христос творил политические заговоры, замышлял убийства, учил убивать револьверами из-за угла и проводить динамитные подкопы!! Но, если

наше правительство упрямится, не следует наставлению Христа, отчего бы самому автору не заняться «свидетельством о зле», т. е. обличением преступного учения, и тем самым не отклонить от заблуждающихся «биющей» руки государственной власти? Нет, он от такого обличения воздержался, а, напротив, своим святотатственным уподоблением оправдав, успокоив юную совесть, может быть, смутил, утвердил во зле не один юный, незрелый ум, может быть, сгубил не одну юную жизнь!

Ничего не может быть фальшивее, безнравственнее, вреднее и гибельнее, как господствующее в нашей литературе стремление: извинить, смягчить, ослабить, стушевать, — не говорим уже о попытках оправдать, возвеличить, возвесть на степень героизма и мученичества — злодейские подвиги наших революционеров. Если это происходит не от лицемерия, не от подлости душевной, не от страха пред «либералами», не вследствие заискивания благосклонности в большинстве публики, а от жалости и вообще от более доброкачественных побуждений, то подобное явление свидетельствует лишь об избытке *слабо*сердечия (что́ вовсе не добродетель) или о явном недомыслии, — о скудости умственной и душевной. Истинная любовь наказует, обличает, усиливается спасти, вразумить, наставить на правый путь, а не потворствует лжи и заблуждению, подталкивая тех, кого любит, на путь, несомненно ведущий к погибели. У нас очень часто в последнее время стали напирать на «христианскую любовь». Повидимому, добрый признак, ибо «пребываяй в любви в Боге пребывает»[7] и наоборот. Но ни одного слова, ни одного понятия не употребляли так во зло, как именно «христианскую любовь», низводя последнюю на степень слащавой сантиментальности или безразличного, чуть не нежного отношения к пороку и даже к злодею: не к *человеку в злодее*, способному очиститься от греха и воспрянуть в красоте бессмертного духа, а чуть ли не к самому его греху и даже греховному образу! Любовь к ближнему не исключает отвращения ко злу и пороку, и если суд над душой человеческой принадлежит не человеку, а Богу, то суд над внешним деянием человеческим человеку не возбранен, а вменен в обязанность, как вменено ему в обязанность и дано ему мерило знать и ценить, что́ зло, что́ добро пред Божией правдой. Ибо Бог милосерд и благ, но и правосуден... В том-то и горе, что мерило распознавания добра и зла почти утратилось в русском обществе, да и не может не утратиться при отрицании самой правды Божией, вследствие чего и происходит, что о гуманности наиболее толкуют те, которые преклоняются ниц пред террористической оргией первой Французской революции или же сами упражняются в человеколюбии посредством револьвера и динамита, — равно как о христианской любви вкривь же и вкось, но наставительно толкуют те самые публицисты, которые ни в Христа, ни в Бога не веруют, а творят себе кумиром собственный свой человеческий ограниченный умишко![8]

Благодарение Богу — весь этот болезненный нравственный процесс совершается не в народе нашем, но над народом, в паразитах на народном теле, имеющих свою самостоятельную, отдельную от народного организма жизнь. Не то мы хотим сказать, что народный организм сам по себе вполне здоров, вполне свободен от всяких недугов, но мы думаем, что в его организме кроются самобытные, внутренние задатки оздоровления, — если только ему удастся сохранить себя от заразы паразитных болезней во образе *мнимой* высшей культуры: ибо истинная высшая культура может быть лишь желанна, да только не о ней

хлопочут наши подобострастные поклонники «последних слов науки» и «западноевропейского прогресса»! Основным залогом оздоровления в нашем народном организме служит народная вера в Бога и в Божью правду, вера живая, действенная — несмотря на внешние темные стороны, неразлучные с человеческой немощью, с тьмою невежества и нерадением пастырей о просвещении паствы. Наш народ — христианин, и крестьяне — воистину христиане или, по их произношению, «хрестьяне» (как глумилась над этим тождеством газета «Голос»!)[9]. Он и не откажется от имени христианского народа, хотя б его петербургские публицисты и прозывали за то «святою скотиной»[10]; он не последует примеру Франции, которая стремится вычеркнуть себя из числа христианских наций, — конечно, только Франция официальная, т. е. в лице мнимых представителей французского народа в Парижском парламенте, воспрещающая в своем новом законе о воспитании народном даже упоминание имени Божия в народных обязательных школах[11]. Он жаждет истинного христианского просвещения и не позволит выбросить из своей духовной пищи тот «хлеб животный»[12], которого бы желали лишить его наши восторженные поклонники новейшей французской учебной реформы, указывающие на нее («Голос», № 72) как на предмет истинной «гордости для Франции пред всею Европою»!..[13] Но пока и нет у нашего народа соответственных его духовной потребности школ, благодатно воспитывается он обрядами и таинствами на всем необъятном пространстве отечества нашего в объеме семидесятимиллионной семьи, в братском о Христе единстве, в святом союзе церковном.

Да не смущается же сердце наше[14]. Велика вера нашего народа во Христа и в Бога, и какие бы испытания ни предстояли России, позволительно уповать, что он претерпит до конца и спасется[15], — спасет и нас, и Россию. Облегчим же его подвиг долготерпения, а может быть, и самую меру ниспосылаемых России испытаний; будем же все мы и сами с народом в единстве духа, в единстве надежды и веры, — и водворится тогда, Бог даст, в нашей державе мир, *любовь и совет.*

<ПО ПОВОДУ УВОЛЬНЕНИЯ ГРАФА Н. П. ИГНАТЬЕВА ОТ ДОЛЖНОСТИ МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ>

Тяжелым недоумением поразила нас весть об увольнении графа Н. П. Игнатьева, согласно его прошению, по болезни, от должности министра внутренних дел...[1] Полагаем — не нас одних. Не много людей в России, которые бы в той мере, как граф Игнатьев, пользовались почетною известностью и сочувствием во всех, и особенно в *земских*, слоях русского населения, одновременно с почетною же враждою иностранных радетелей о русском благе! Эту добрую о себе славу стяжал он не одними своими дипломатическими и административными дарованиями, не одною радушною доступностью всем и всякому, без различия званий, и своим отвращением к формализму и казенщине во всех ее видах, но и качеством еще более *редким* и еще более *ценным* в нашем отечестве: он слыл и был человеком истинно *русским*. Живою, смелою, предприимчивою преданностью русским национальным интересам запечатлена вся его государственная деятельность — и продолжительная в звании русского посла в Константинополе[2], и менее чем недолгая в звании министра. В настоящую трудную пору пост русского министра внутренних дел — пост вполне политический, и хотя граф Игнатьев занимал его всего только один год, однако ж и в этот короткий срок времени имя его стало знаменем *народного* направления в политике внутренней — того направления, в котором одном кроются действительные условия русской правительственной силы и залог успешной борьбы с «крамолою», с фальшивым либерализмом, с «интригою польскою», еврейскою и всех наших «заграничных доброжелателей»... Без сомнения, источник такого направления — в самой верховной власти, но немалое значение имеют и высшие служебные ее органы, искренность и степень их личного сочувствия пути, властью избранному. Новый министр внутренних дел[3] — «не новичок» в деле государственного служения, как выражаются «Московские Ведомости»[4]. Ему обязана Россия одною из самых существенных, благотворных реформ — созданием наконец у нас *серьезной,* основательной школы[5]. Он отличается независимостью мысли и самостоятельностью характера. Надо надеяться поэтому, что он не поддастся страстным внушениям тех, которые мечтают, будто усиление деятельности канцелярско-бюрократического механизма действительно усиливает, а не расшатывает власть; которые веруют, будто и казенно-полицейский дух, воспрянув в правительстве с новой отвагой, способен действительно оживить, а не окончательно умертвить и без того подавленный дух органической жизни целой страны — дух исторический, охранительный и творящий, о котором создалась и доселе еще упорно держится, несмотря на помехи, наша великая Россия!

<НЕМЕЦКИЕ ГАЗЕТЫ И «ГОЛОС»>

Берлинская газета «National Zeitung», орган германских так называемых «национал-либералов» [1], разразилась недавно самою ругательною, самою оскорбительною статьею для чести и достоинства русского народа и государства. России этому не дивиться стать. Брань, насмешки, клеве́ты, клокотание тайной злобы под видами высокомерного к нам презрения — это явление в иностранной журналистике заурядное, хотя нельзя не признать, что в последнее время, и именно в Германии, такое отношение печати к России приняло характер какой-то установленной системы, какого-то условленного согласия, словно бы по команде. Команда не команда, а нечто вроде внушения или вдохновения свыше несомненно чувствуется в этом единодушии усиленных на Россию нападок, в этой одновременности повсеместного в Германии преизбытка враждебных к нам чувств. Как всегда водится в отношениях Европы к России, — чувствуя или *пред*чувствуя свою вину пред последней, т. е. замышляя что-либо для России невыгодное или прямо вредное, притом с нарушением общепринятых основ справедливости, — Европа взводит на Россию же обвинение в небывалых злых замыслах. Россия — это козел отпущения европейских грехов, — это своего рода decorum *, которым Европа прикрывает собственную алчбу новых захватов (конечно, не иных каких земель, а именно славянских), собственную лютость в насиловании свободы или прав чужих племен — конечно, опять-таки славянских! Так и свою собственную ненависть к русскому народу немцы маскируют теперь выдуманным ими (умышленно-выдуманным) russische Deutschenhetze, т. е. никогда не бывалым «русским немцененавидением». Это новое словечко — russische Deutschenhetze — пущено недавно в Германии в самый живой оборот и воспламеняет теперь немецкие сердца пущим бранным духом и жаждою мести. Откуда же этот внезапный воинственный азарт? Перспектива схватиться с «русским медведем» никогда до сих пор не представлялась заманчивою для германцев и еще менее для пруссаков, которые, содержа в благоговейной памяти деяния своего «великого Фрица» [2], без сомнения, твердо знают, во что́ было обошлась им единственная война, которую, лет слишком за сто назад, вела с ними Россия [3] (и какая же Россия — *тогдашняя*!), и не менее же твердо ведают, какие, напротив, неизмеримые выгоды доставила Пруссии дружба Русской державы. Не Россия ли могущественно способствовала созданию германского единства с Пруссией во главе, иначе сказать, Германской империи? Правда, есть мнение, будто нет ничего тягостнее и раздражительнее для самолюбия, как сознавать себя кому-либо нравственно обязанным за содеянное добро; но такое мелкое чувство недостойно великого народа, — это может быть к лицу только разве Австрии, в которой никакого великого народа и единого национального духа не имеется и которая действительно и щеголяла, и хвасталась неблагодарностью к своей спасительнице-России [4]. Стало быть, не здесь, не в оказанных нами Германии услугах должны мы

* приличие, пристойность (*лат.*).

искать объяснения настоящего нахального задора германской печати, — тем более что Россия никогда даже и не предъявляла прав на немецкую признательность, никогда даже и не ставила своих услуг Германии в счет или «в дебет». Русский «медведь», с своей стороны, желает лишь одного: чтоб соседи не забирались к нему в берлогу...

Наша так называемая «либеральная пресса» — в своих отношениях к Западной Европе сильно смахивающая на того «мещанина во дворянстве», который, изо всех сил подделываясь под «дворянский» тон, стыдится своего низкого происхождения и родства[5], — всю причину распалившейся немецкой на нас злости видит, разумеется, в известных «речах» русского «знаменитого генерала»[6]. Она, взапуски с немецкой печатью, не перестает до сих пор пятнать это славное русское имя, а вместе и всякое открытое проявление русских патриотических убеждений. Но разве «знаменитый генерал» в своих не речах, а беседах заявлял себя когда-либо врагом *германского* единства или же порочил германскую *нацию* и к ней именно выражал ненависть? Никогда и нисколько. Он объявил себя врагом германского напора *на Восток* (Drang nach Osten)[7], он произносил угрозы не немцу у него дома, а немцу, ломящемуся в чужой дом — славянский (чужой для него и родной для нас); он порочил не германскую нацию, а германскую политику, посягающую на свободу и независимость православных славянских племен, и именно к этому вопиющему нарушению международного права и Божеской правды отнесся так, как естественно и подобает отнестись каждому русскому славянину. Кто же неволит Германию, — величие и мир которой были упрочены самою Россией, — лезть за пределы своей империи в область прямых, кровных русских интересов, лезть, так сказать, в берлогу к самому медведю, да еще с притязаниями на радушное гостеприимство! Руководителям германской политики хотелось бы, чтобы захват немцами славянских земель и порабощение в той или другой форме славянских племен совершались не только втихомолку, в мире, не только при соблюдении спокойствия и даже благодушного настроения как порабощаемыми, так и самою Россией, — но чтоб такое действие захвата и порабощения признавалось еще как нечто Богом повеленное, вменялось славянскими племенами в величайшую себе честь и благо. Само собою разумеется, что такие притязания не могли не встретить отпора если не в русской дипломатии, так в значительной части русского общества — той, которая сознает себя русскою и сердцу которой дороги честь и интересы русского народа и государства.

Что таковы именно замыслы германской политики, это не может подлежать теперь никакому сомнению; да их теперь громко, беззастенчиво исповедуют во всеуслышание отчасти и сами германские, но еще более австрийские, немецкие и мадьярские газеты. Конечно, натиск на Балканский полуостров творится не непосредственно Германией, а через Австрию, но разве это не все равно? Разве не во имя германской культуры, разве не с благословения только Германской державы и опираясь лишь на ее могучую поддержку могла отважиться Австрия на такое колоссальное хищничество? Вина и ответственность за деяния Австрии лежит исключительно на Германии.

И тем не менее, кажется нам, австрийские интересы не настолько дороги сердцу берлинского или саксонского немца, чтоб он ради их воспламенился жаждою боя с Российской империей. Мы продолжаем думать, что это воинственное, полное ярой к нам ненависти возбуждение германской печати произ-

ведено более или менее искусственно. В вопросах внешней политики немецкая печать проявляет замечательную дисциплину и никогда не компрометирует видов своего правительства. Хотя, мы в том убеждены, князь Бисмарк менее чем кто-либо в Германии расположен вовлекать ее в войну с Россией и ставить на карту в этой отчаянной игре единство и бытие созданной им империи [8], однако же такое им же самим, может быть, вызванное или подогретое настроение германского общества, свидетельствуемое печатью, представляется, конечно, удобным подспорьем для его политических соображений, одновременно с сохранением самых, по-видимому, дружественных отношений между обоими кабинетами!.. «Успокойте Германию, уважьте ее общественное мнение, утишите ее тревоги, порожденные вашими "панславистами" (т. е. людьми с русским образом мыслей и национальным направлением в политике), — иначе нам трудно будет сдержать германский патриотизм! Помогите нам соблюсти мир, а для этого пожалуйте нам какой-либо новый знак дружбы и внимания к германским интересам». Вот какого рода ласковый шепот — сдается нам — несется на берега Невы с берегов Шпрее при аккомпанементе неистовых ругательств, заносчивых угроз и оскорбительных глумлений над Россией и русским народным духом.

В самом деле, откуда могла появиться эта нелепая басня о немцененавидении, Deutschenhetze, обуявшем будто бы нашу Россию? Русский народ едва ли не более всех народов в мире чужд человеконенавидения вообще и в частности ненависти к иноземцам, — пока, разумеется, эти иноземцы сами, *лично*, не посягают на его свободу. Разве во время Крымской нашей войны с французами пребывавшие в России до начала военных действий французы, не покинувшие ее и затем во все время войны, — разве подверглись они в эту годину тяжких для русского народа испытаний, хоть бы один из них, — хоть бы малейшему оскорблению?!. Не сотни ли тысяч настоящих, коренных немцев (не одних прибалтийских) благоденствуют у нас теперь не только в Петербурге, но в самой Москве и на пространстве всего государства, — благоденствуют, благодушествуют, торгуют, наживаются, богатеют себе подобру-поздорову? Пусть господа Кнопы, Вогау, Беры, Берги, Листы и весь этот почтенный легион негоциантов потрудится свидетельствовать пред своими «ко-националами» [9]: испытывал ли кто из них когда-либо на себе проявление той Deutschenhetze, которою, по словам германских газет, так и трепещет Россия? Да, наконец, в какой иной европейской стране так распространено знакомство с германской литературой, так чтутся бессмертные заслуги германского гения в области отвлеченной мысли и положительного знания? Конечно, не во Франции, не в Италии и даже не в Англии!..

Если мы так сильно возмущаемся подобными обвинением, то лишь потому, что оно предполагает ту узкость и односторонность национального духа, которых именно в русском духе и нет. *Особенность* русского народного духа заключается именно в его многосторонности, шири и общечеловечности. Он не питает племенной вражды ни к немцу собственно, ни к *немцу вообще* (так как известно, что в нашем простонародье этим названием, как родовым, обозначаются нередко, и особенно обозначались в старину, все виды западных европейцев [10]). Не питает он племенной и религиозной вражды ни к турку, ни к татарину, да и ни к какому чужеземцу и иноверцу, *пока* все они обращены к русскому народу своею *общечеловеческою* стороною. Но как скоро они начинают употре-

блять во зло его терпимость и даже уступчивость; как скоро они, именно во имя своей племенной исключительности, являются *насильниками* его собственной национальной самобытности, само собою разумеется, и в нем просыпается инстинкт самосохранения, и он в потребном случае сумеет дать насильникам надлежащий отпор. Из того, что в русском народе никогда и тени не бывало глупого, наклепанного на него в Германии немцененавидения, вовсе не следует, чтобы его долготерпению, ввиду этого невыносимого немецкого высокомерия и всяческих оскорблений русского достоинства и чести, не было меры. Вовсе не следует также, чтоб он, во свидетельство своего невраждебного отношения к немецкой народности, пожертвовал ей своими государственными интересами. Еще менее из чего бы то ни было следует, что русские люди, способствовавшие германскому политическому усилению и объединению, стали врагами нравственного объединения и свободного взаимного друг к другу тяготения славянских племен или рукоплескали явному заговору германского канцлера, римского папы и Габсбургского дома, немцев-протестантов и немцев-иезуитов: обезличить духовно и поработить материально православных славян Балканского полуострова. Мириться с этим торжеством немецкой корысти и «культурного» разбоя русские люди, конечно, не могут; это значило бы принять на душу грех братоубийства, и если Русское государство вынуждено бездействовать, то никакая власть и никакие соображения в мире не могут упразднить горечи и негодования в русском сердце. Если немцы почитают такое накопление горечи и негодования в русских сердцах для себя невыгодным, пусть сетуют сами на себя: зачем сами презрели задатки мира и дружбы, все условия для взаимного прочного союза обеих держав? зачем, сдвигая свое политическое здание с основания правды, подводят под него ненадежную опору кривды и лжи?..

Мы воспользовались статьей берлинской «Национальной Газеты» как поводом для ответа на весь шум и гвалт современной немецкой печати о России и о русском отношении к германской народности. Что же касается самой статьи газеты «National Zeitung», то сама по себе она не заслуживала бы никакого внимания, если б не возгласил о ней, с замечательною патриотическою бестактностью, петербургский «Голос» [11]. Статья эта озаглавлена «Русский гений» и имеет целию доказать, что никакого русского национального гения не бывало и нет, никакой самобытности, особенности, оригинальности никогда он не проявлял в течение всей своей тысячелетней истории, да и не проявит, потому что к таковой и не способен, — он безличен, он бессодержателен, он ничтожен, равняется нулю, а потому должен отказаться от всяких притязаний на личность и самостоятельность, и без лишних околичностей присоединиться к общему европейскому концерту — запеть в унисон с остальною Европою, потому-де, что «попытка на китайский лад выработать из себя свою собственную музыку никогда не удается». (Неудачно и сравнение газеты, так как именно в русской музыке открывают даже сами германские ученые музыканты новые, неведомые Западной Европе законы или формы гармонии!) Одним словом, по уверению статьи берлинской газеты, Россия не больше как пустой сосуд, в который Европа имеет положить свое содержание; голая доска, на которой она пропишет свои законы; материал, из которого она вылепит фигуры по своему образцу, подобию, вкусу и потребности!.. Статья — свидетельствующая о грубом невежестве и ограниченности автора, которого умственный горизонт замыкается

весь одною Западною Европою, но статья все же, как выражается сам «Голос», «*оскорбительная для нашего национального чувства*». Тем не менее самому «Голосу» она, очевидно, не кажется оскорбительною, так как сам же он объявляет, что «отвечать на нее следует не ему, "Голосу", а славянофильским органам, и прежде всего "Руси"». Почему же сам «Голос» не признает себя обязанным дать отпор оскорблению? Почему же защищать честь России, по его мнению, следует не *ему*? Или он вовсе не испытывает никакого чувства оскорбления (что́ и вероятно, иначе не предоставил бы честь отместки за оскорбленное русское чувство своим противникам), или же если и признает, что статья для народного нашего самолюбия оскорбительна, то все-таки вполне с нею сочувствует. Оно, разумеется, так и есть. Хотя он конечно, приличия ради, и оговаривается, будто приводит воззрения берлинской «печати не потому, чтобы их разделял», однако ж этому нельзя верить, так как он тут же прибавляет, что мнения-де о нас других полезно знать, ибо они «служат зеркалом, в котором может-де народ видеть хоть сколько-нибудь свое отражение». Он не оговаривается тут, что зеркало может быть и кривое, напротив, несколько ниже замечает, что «она написана не без знания дела и не без понимания нашего положения».

Да и как же не сочувствовать «Голосу» этой статье, когда он о народном русском гении сотни раз рассуждал в этом же смысле и духе вместе с мыслителями «Вестника Европы» и всей остальной печати одного с ними лагеря? Если несколько смягчить некоторые выражения статьи берлинской газеты, она могла бы целиком появиться на страницах «Голоса» или любого из органов так называемой у нас «либеральной» прессы как бы за оригинальную и никого бы даже не удивила. Поэтому, как ни лестно для нас патриотическое поручение «Голоса»: мстить <за> оскорбления, наносимые берлинскою газетой русской народной чести и (как иронически прибавляет «Голос»), «*непременно* фактами и строгими выводами доказать Западу ошибочность его мнения о культурной силе и историческом значении русского гения», причем и «посрамить врагов силою нашего горячего слова» [12], — но мы не последуем его совету. Ни горячих, ни холодных слов не потратим мы на такую полемику, признавая неприличным и несогласным с русским достоинством усердно, усиленно доказывать (да еще органу партии прусских «национал-либералов», которая вовсе еще не весь «Запад»), что русский стомиллионный народ с его тысячелетней историей — не пустой-де сосуд и не tabula rasa, не совсем-таки нуль в человечестве! Мы вообще не придаем особенной цены мнению о России иностранцев, от которых даже мудрено и ожидать верных суждений, когда огромный разряд русской интеллигенции, именующий себя либеральным, оказывается по части своего отечества и своего народа еще менее сведущим и смысленным, чем они. Несравненно более важности придаем мы именно *этому* печальному обстоятельству.

«Голос» приводит в подлиннике следующее место из немецкой статьи, в которой видит «главную мысль», выраженную «в более приличном тоне»:

> «Когда русские начинают говорить о Святой Руси и гнилом Западе, можно подумать, что все гасконцы [13] назначили себе свидание в Петербурге и стараются один перед другим, рассказами о своих геройских подвигах, придать себе храбрости против невидимого неприятеля...»

Можно подумать, право, что читаешь перевод какой-либо статьи из самого «Голоса»! Далее:

«Вот уже одиннадцать месяцев ждет Европа, что сделает Россия, но... совершенно напрасно стегает себя лев своим хвостом: он не может сделать ни одного прыжка»...

«Берлинская газета хочет этим сказать, — поясняет "Голос", — что, заявив на весь мир о своем желании идти независимым, чисто русским путем к исполнению своего национального призвания, мы не двинулись вперед ни на один шаг и не в состоянии двинуться»... Что Европа ждет вот уже одиннадцать месяцев — до этого нам нет никакого дела, и мы ради ее не поторопим наше шествие ни на вершок времени [14], если не призна́ем этого для себя нужным. А «Голосу» вот наша отповедь:

Мы можем быть недовольны положением дел у нас дома, находить, что они идут медленно или же криво, — но, во-первых, в эти домашние наши счеты иностранцев впутывать незачем. Это по меньшей мире непатриотично. Затем, как бы ни туго подвигалось наше благоустройство, как бы ни безотраден подчас казался нам наш отечественный горизонт, поправим ли мы положение дел и дождемся ли светлых исторических дней, если сами будем упорно сгущать мрак нашего общественного сознания? Если упорно, неистово будем, вторя иностранцам, плевать на самих себя, на свой народ, свою народность, топтать в грязь свою историю, свои предания, шпынять, издеваться, глумиться по поводу малейшего заявления, что и русский человек в семье человеческой не лишен своей *личности* и своего призвания? Отрицать в себе всякую способность самостоятельного национального развития, предаваться даже какой-то свистопляске отрицания всего, в чем одном заключается для нас условие почетного в человечестве бытия, в чем самый нерв нашей жизни — как исторического народа, в чем единственный залог нашего оздоровления и выход из современного невзрачного положения дел, — ведь это значит добиваться, чтобы самая соль обуяла, а тогда чем же будет и осолиться?! [15] Из того, что русский мужик осип или заболел горлом, следует ли непременно требовать, чтоб он вместо «Вниз по матушке по Волге» ухищрялся петь, хотя бы фальшивя, французскую шансонетку, ибо это-де «общечеловеческое», и отрекся от надежды, что когда-нибудь да оправится же он и полным своим русским голосом запоет свою, русскую песню?!. Для того чтоб пойти «чисто русским путем к исполнению своего национального призвания», необходим прежде всего успех русского народного самосознания в самом русском обществе, именно в той его многочисленной среде, которая настолько духовно разрознена с родною народностью, так мало ведает и разумеет свой народ, судит и рядит о России так легкомысленно на основании иностранных воззрений, доктрин и теорий, что этою своею рознью, невежеством, безнародностью, легкомыслием — созидает главное условие нашей общественной расшатанности и *бессилия*... [16]

МНЕНИЕ ШВЕДОВ О РУССКИХ И РОССИИ

Всякими иностранцами, а особенно ближайшими нашими соседями, каждый Божий день печатается про нас, русских, и про Россию целая страшная бездна не только пошлого вздора от неведения или невежества, но и сознательной злобной и злостной лжи. Образчиком могут служить хоть бы пресерьезные, по-видимому, рассуждения серьезной газеты («Reichs bote») в таком роде, что-де, «во имя священнейших интересов человечества», необходимо «изгнать "московитов" в Азию», откуда они пришли, «дабы угрожать европейской цивилизации», изгнать, разумеется, «со всеми их Скобелевыми, Катковыми», и т. д. К утешению, хотя и редко, но находятся-таки чужеземцы, не только способные видеть в нас таких же грешных сынов Адама, как они сами, но даже отзываться о России с каким-то чуть не «славянофильски-самобытническим» сочувствием, за которое непременно прочитал бы им нотацию даже «Голос», не говоря уж про его московские подголоски [1], если б только эти отзывы попались своевременно ему на глаза. В «Новом Времени» корреспондент Р—в рассказывает [2], как у большинства шведов, у народной партии, сложилось убеждение, что Россия единственная из европейских стран, союз с которой для Швеции весьма желателен, как шведы верят в то, что́ яро отрицается нашими врагами внешними и внутренними, — в особое призвание, в будущее русского народа. В подтверждение корреспондент передает буквально слова одного из депутатов народной партии в риксдаге. Он сказал ни более, ни менее, как вот что́:

«Мы всё более и более убеждаемся, что ваша страна — нечто совсем особенное, не подходящее ни к какой классификации. Представители вашей интеллигенции, старающиеся во что́ бы то ни стало, чтобы их признавали за европейцев, не могут понять, что звание русского гораздо почетнее. Все государства Европы вели и ведут войны с целью наживы и приобретений, вы же, одни во всем мире, способны воевать из-за идеи не во имя материальных выгод или из-за неизбежной необходимости. Только у вас покоренные страны не обезличиваются, не теряют своих законов и привилегий. Я видел Польшу и хорошо знаю Финляндию. Маленький финский лев, попав на широкую грудь русского орла, так окреп и вырос, что мы, отдавшие его вам в виде хилого львенка, не узнаём нашего бывшего вассала. Под нашим владычеством финн старался быть шведом, а вы не делаете его русским, — напротив, убеждаете его быть финном, и шведоманы теперь в Финляндии не только не в почете, но скоро уже будут в загоне. Польша в экономическом отношении развилась и разбогатела, и осталась Польшей, тогда как у соседей она уже германизована. От прошлой войны вы, так же как и в 1812 г., кроме убытков, не приобрели ничего, но морально усилили свое обаяние в глазах всех, кто еще не погряз в материальных топях девятнадцатого столетия. На Востоке было на днях знаменательное явление, на которое европейские политики внимания не обратили. Вы уступили китайцам вами усмиренный, без английских казней и пыток, целый цветущий край с большим городом Кульджей, и коренные жители края бросают свои земли, дома и бегут в ваши пределы, не желая оставаться в подданстве у китайцев [3]. Я убежден, что ахал-текинцы по-своему наденут траур по Скобелеве [4], а афганцам и в мысль не пришло бы оплакивать Роджерса [5] или зулусам — Волзлея [6]. В Европе вас бранят, злословят и клянут,

потому что боятся. За еврейский, сравнительно пустой погром только ленивый европейский публицист не кидал в вас грязью, а об англичанах — заливших кровью поля Индии, деспотически терроризирующих Ирландию и теперь разбойнически разрушивших цветущий город, говорят мягко и стараются стушевать их пиратские проделки. Мы верим, что с развитием грамотности разовьется в России и порядок, исчезнет необходимость легионов начальствующих бюрократов и полицейских, и ваша страна займет первенствующее место не только в Европе, но во всем мире. Вы сдержали натиск татарских орд, которые смели бы всю цивилизацию Европы и в течение двухсотлетнего ига не потеряли ни веры, ни национальности. Вам же предстоит в будущем восстановить религию и правду в изолгавшейся и отрекающейся от Христа, заполоненной социалистами и банкирами-жидами материализированной Европы» [7].

Приятно все это слышать из уст иностранца, и не мы станем с этим спорить. Но что́ сказал бы на это почтенному шведскому патриоту наш «Русский Курьер», который в нескольких статьях, невероятных даже для этой удивительной газеты, вновь распинает многострадальных галицко-русских патриотов, судившихся во Львове, вменяя им *в вину, в преступление и в позор* не что́ иное, как именно их *сочувствие* к родной им России!.. [8] Вот до чего может «додуматься» иной сбитый окончательно с толку русский «интеллигент» в своем газетном подвале! Прочтите, если сможете, эти статьи! Ведь это от первой до последней строки оплевание и заушение родной земли, открытый союз с злейшими, неумолимыми врагами отчизны! И в то же время это ведь не коварство и не измена, а просто крайняя глупость, задорная глупость невежды!

<ПОСЕЩЕНИЕ МОСКВЫ ГОСУДАРЕМ>

Во второй раз[1] державная Москва осчастливлена посещением ныне державствующего Государя. Всякой раз когда русский Царь, покидая свою резиденцию на дальнем рубеже империи, приезжает в свой древний, первопрестольный «царствующий град» — средоточие Русской земли и Русского государства; когда, пред ликующим народом, появляется Он в Кремле, среди святынь, храмов и памятников — свидетелей долгого и трудного строительства величайшего из царств мира, — бодро и радостно звучат все струны русского сердца: точно совершается нечто истинное, органическое, благое, нечто *правое* и правду творящее; точно будто что-то разлаженное налаживается вновь, — свободнее дышит стесненная грудь, унимается боль, уныние сменяется упованием, чувство немощи — чувством силы. Иначе и быть не может; совершается должное, совершается то, чему *подобает* быть: русский Царь вступает в общение, не только внешнее, но и нравственное, хотя бы мгновенное, с своим народом; Хозяин дома после долгой отлучки входит, наконец, в дом свой, стоит лицом к лицу с наследием предков, с достоянием, вверенным ему от Бога, — лицом к лицу с самим собой, с своим святым долгом и полномочием, с своим великим, многославным и многоподвижническим призванием, которое, конечно, нигде не может раскрыться сознанию и совести с такою полнотою, как там, где и колыбель, и освящение, и истинный оплот, и твердыня русской верховной власти. Ибо только в Москве приемлет русский Царь, как выразился поэт,

...венец отцов державных,
Царя-избранника венец![2]

Ибо только здесь может нисходить на Царя тайнодейственное наитие того зиждительного исторического народного духа, который создал нашу Россию, который дал ей силы перемочь все невзгоды, все испытания и худшее из испытаний — вторжение начал чуждых, искажающих ее внутренний духовный и земский строй... О, если бы этот дух всегда пребывал на Нем, никогда не переставал живить и творить!..

Все есть у нас: и могучая, крепкая, как нигде в мире, верховная власть, и *сознательная*, закаленная в горниле истории, могучая, как нигде же в мире, верность народа этой власти, и самоотверженная до беспредельности любовь народа к своим самодержавным царям, — такая крепость власти, такая верность, такая любовь, которым менее чем в каком-либо государстве вселенной может быть опасен разумный простор человеческой и общественной свободы. Мы имеем у себя все условия действительной силы... Нет только творчества в жизни! И сдается — всякий раз, когда появляется Царь в истинном средоточии своего царства, в своей народной и державной столице, что этот дух животворящ, он же и дух нашей народности и истории, может воскреснуть во всей своей мощи только тогда, когда восстановится вновь живое, непрестанное общение

Посещение Александром III и Марией Федоровной Художественно-промышленной выставки в Москве 9 сентября 1882 г.
Хромолитография

власти с народом, когда Хозяин возвратится в дом свой... В Москве седалище правительственной движущей силы!..

Едва ли бы когда мог быть подписан здесь Берлинский трактат, и вовсе не потому, чтобы для власти могли воздвигнуться извне какие-либо препятствия. Что́ возможно, что́ мыслимо на дальней окраине государства, где-нибудь на подоконнике пресловутого прорубленного в Европу окошка[3], то невозможно, нравственно невозможно и немыслимо в виду Кремля, соборов, святых зиждителей земли Русской[4], пред лицом народа, тысячелетним подвигом слагавшего Русское государство и с таким беззаветным доверием вручившего его судьбу своим вождям... Этот пример поясняет все.

<ОПАСНЫ ЛИ НАШИ ЛИБЕРАЛЫ КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ?>

Стоило только появиться Царю в Кремле[1], среди своего народа — так и прорезало светом правды эту сгустившуюся было над нами темь всяких надуманных страхов, сомнений и недоумений, — так и проступила наружу та подспудная земская сила, ею же создалось и стоит крепко и незыблемо Русское государство, так и обличилась мгновенно, воочию ложь тех революционных пугал и чудищ, которыми до сих пор не перестают у нас смущать свободу правительственных действий не по разуму «усердные слуги престола и отечества». Мы лично, конечно, не нуждались в подобном торжественном вразумлении. Мы уже и прежде, доказывая неосновательность аналогических выводов автора «Бесед о Французской революции» (иначе: «Против течения»)[2], утверждали, что при той реальной, действительной мощи, которою обладает русская верховная власть, ей не только нечего бояться на каждом шагу призрака революции, настойчиво выдвигаемого пред нею автором книги и его последователями, но можно многое сметь и дерзать, на что́ не всякой иной власти удобно отважиться. Но не для целей только отрицательных и запретительных, не для так называемой репрессии только следует вызывать в правительстве сознание истинных условий его силы (как это, к сожалению, делают у нас многие, и в том числе вышеупомянутые «Беседы»). Если наше правительство так могуче, что ему не для чего опасаться оппозиционных в русском обществе элементов, входить с ними в какую-либо недостойную сделку или еще более недостойным образом заискивать у них благосклонности, то из этого еще вовсе не следует (как это теперь часто приходится слышать), будто у правительства не может, не должно и быть другой политики, как громить да сокрушать своей десницей не только открытых врагов, но и всякое выражение несочувственной ему мысли, — или что правительство может теперь с полною безопасностью стоять и топтаться на одном месте, не двигаясь ни шагу вперед, а потому и должно́ так делать, чтоб не подвергнуться подозрению в какой-либо прогрессивной тенденции! Другими словами: правительству рекомендуют — благо, оно могуче — держаться одних так называемых (и совершенно неверно) консервативных начал (т. е. бюрократических порядков и приемов времен императоров Александра I и Николая), ограничиться всезнанием канцелярии и добровольно лишить себя нужных сведений и содействия живых умственных сил страны в делах, этой силе наиболее сподручных, — все это страха ради прослыть «либеральным»! Короче сказать, рекомендуют: неосновательный страх перед мнимой силой «нигилизма» или «либерализма» заменить страхом еще более неосновательным и еще менее приличным — как бы невзначай не учинить чего-либо такого, что́ могло бы походить на уступку нашим якобы либералам! Такое направление в наших властных сферах можно, кажется, признать теперь даже преобладающим, — и об этом нельзя не скорбеть. Авось-либо недавнее посещение Кремля возвратит нашей русской верховной власти вместе с чувством спасительной веры в себя и в народ также и чувство полной свободы от всяких

подобных напускных страхов! В этой вере и в этой свободе именно и состоит истинное могущество власти; в них-то и заключается действительное условие творческой, зиждительной силы. Имея за собою любовь и преданность *такого* народа, каков русский, власть, конечно, прежде всего может заботиться только о том, чтобы самой не удаляться от своего народа, чтобы всегда в своем поступательном движении держаться народно-исторического пути и этим путем вести Россию вперед к преуспеянию, к просвещению, к благой свободе, к проявлению всех талантов, всех сил духа, данных ей от Бога, к совершению ее высшего призвания в мире.

Все эти мысли невольно пришли нам в голову, когда мы вместе с другими 8 прошлого сентября смотрели с Красного крыльца на Кремлевскую площадь; вспомнились нам и недавно узаконенные меры приумноженной цензурной строгости и цензурного произвола[3], меры, по нашему убеждению совершенно излишние[4], и которых излишество особенно живо чувствовалось ввиду этой внушительной мощи народной любви. Каким детским, до жалости неумным и бессильным представлялось там, в сравнении с кликом души народной, задорное лепетанье наших мнимо-либеральных фельетонистов, собственно, и вызвавшее упомянутые строгие меры!.. Правительство, несомненно, обязано принимать все зависящие от него способы предосторожности против всякой серьезной политической опасности; власть непременно должна быть грозна на изменников, на злодеев и тех подлых крамольников, что́ посягают на мир, благоденствие и честь русского народа; но не всё же может быть возводимо на степень крамолы, и мудрое правительство должно же уметь отличать проявление опасной политической деятельности от проявления духовного общественного недуга. Недуг не казнят, но лечат; общественное здоровье требует соответственных мер гигиены, а одним из главных условий доброй гигиены — это вольный, постоянно освежающийся воздух. С этой медицинской точки зрения следует смотреть и на печать. Лучше и для самого правительства, чтобы сыпь высыпала наружу, да вся, а не вгонялась внутрь: высыпав, она сама собою подсохнет, обветреет, ошелушится, и нарастет, Бог даст, вместо старой новая кожица. Если сыпь высыпает хорошо — то этому надо только радоваться, не сама сыпь по себе хороша, а хорошо то, что очищается организм, что худые соки выходят вон, обнаруживаются во всей своей непривлекательности!

Признаемся откровенно, мы, когда беремся за чтение «Русского Курьера» и фельетонов гг. Старины[5], Введенского, Эртеля и tutti quanti *, со всеми их провинциальными отголосками, руководимся несколько подобным воззрением. Вот почему это чтение не только не вызывает в нас никакого негодования и раздражения, как бы ни злословили там, ни оклеветывали наши мнения и вообще «Русь», но каждый раз только сильнее убеждает в необходимости еще большего простора для нашей мнимо-либеральной печати. Вот почему мы и выразились в 37 №, что правительство не запрещать, не преследовать должно бы эти органы, а поощрять их к пущей искренности, — что они уже и теперь, благодаря несколько большей свободе печати, чем во времена Тимашева[6], оказали огромную услугу правительству, а «Русский Курьер», право, заслуживал бы даже награды. Нельзя было усерднее скомпрометировать дело и знамя *того* либерализма, *которому они служат*, нельзя было с большею наивностью за-

* всех прочих (*ит.*).

свидетельствовать, как тоще духом и мыслью их внутреннее содержание, как мало представляют они элементов для создания *политической партии*. Положительная сторона их проповеди не представляет сама по себе ровнехонько никакой силы, а если б им дозволить еще больший простор, они бы и сами затруднились выразить ее в определенной формуле. Едва ли даже не самою худшею для них услугою было бы предоставление им полной свободы печати. Пример тому мы видим на газете «Вольное Слово» в Женеве[7]; она положительной стороной своего учения не представляет интереса даже и для наших «либералов». Г<-н> Драгоманов, главный ее заправитель, который до эмиграции слыл у нас человеком и серьезным, и даровитым, и ученым, теперь на свободе, как на белом дне, обличился в своих настоящих размерах, т. е. как человек просто скудоумный и бездарный, которого скучных творений ни одна душа не читает, который недавно в своем женевском украйнофильстве договорился до того, что предлагает малороссам употреблять вместо русского алфавита — *латинский*... Такое предложение, такой смертный себе приговор можно было бы, конечно, разрешить ему напечатать и в России!!

Но если *положительная* сторона в нашей так называемой либеральной печати лишена всякого серьезного значения, из этого вовсе не следует, чтобы все ее органы вместе не представляли сами по себе серьезного явления, заслуживающего тщательного изучения. Оно важно уже как симптом того нездоровья мысли и чувства, которое охватывает столько голов и сердец, той путаницы понятий, которой болеет русское общество. Самое это скудоумие, эта умственная ограниченность, которою нередко поражают нас речи и мечтания наших будто бы либеральных газет, не может не вызывать на размышление потому именно, что она, очевидно, не случайная, не индивидуальная, а нажитая, так сказать, *историческая*, составляющая роковой удел всякого, кто опростался от национального исторического содержания, отрекся от своего народа и от своей народной личности, опорожнил, выхолостил сам себя, живет чужим умом и чужою душой... Итак, существенный интерес нашей мнимо-либеральной печати не в положительном, а в отрицательном ее значении. Об исторической причине этой ее последней, т. е. отрицательной, стороны мы скажем особо, после, а здесь только заметим, что этому отрицанию должен быть дан полный простор: оно непременно, логически приведет, наконец, к самоотрицанию, т. е. к отрицанию отрицания, а тогда, вероятно, наступит и реакция, и сами гг. Венгеровы, Введенские, Эртели, сотрудники «Русского Курьера» и все эти «либеральные» фельетонисты, очень может быть, поумнеют. Отчаиваться не надо... Кстати оговоримся: мы вовсе не отвергаем пользу, которую оказывает наша псевдо-либеральная печать усердным, хотя бы и не всегда точным, разоблачением всяких хищений и злоупотреблений; особенно хорошо берут некоторые газеты инженеров и интендантов; в этом отношении нашей администрации пренебрегать чтением их никак не следует.

Но что наши «либералы» не могут составить никакой политической партии в серьезном смысле, а потому и не могут представлять для правительства никакой политической опасности, это, кажется, не может подлежать сомнению и легко доказывается даже поверхностным очерком их главных общих положений, — тех, по крайней мере, которые высказаны в печати в течение последних двух лет. Нетрудно, кажется, сообразить, что в России только та партия могла бы явить собою какую-нибудь действительную силу, которая бы опиралась на

сочувствие народных масс, так как у нас народа нельзя вменить ни во что́ и его преданность верховной власти со всеми ее прерогативами — не пустое слово. Народ, по своему невежеству, может и не понимать всех тонкостей политического строя, но если одна из заинтересованных в споре сторон найдет нужным пояснить ему сущность дела и доставить, примерно, хоть бы такой вопрос: следует ли ограничить верховную власть в пользу не только того или другого сословия, но даже в пользу «интеллигенции», т. е. адвокатов и фельетонистов, даже и сотрудников любой «либеральной», даже «демократической» газеты, — ответ народа не может быть сомнителен: ответ словом и *делом*. Это знают, хотя и не любят высказывать, наши «либералы»; но так как новейший либерализм на Западе всенепременно демократичен и слово «народ» обязательно пребывает у него на устах, — то нашим «либералам» пришлось стать к народу в отношение довольно странное и комически лицемерное. Общего в их учении с русским народом ровно ничего нет; сочувствия к народу они не имеют никакого, да и иметь не могут, как мы это сейчас в подробности укажем, а между тем какой же это «либерализм», коли он не «во имя народа» и не признает принципа «народного верховенства» (либерализм российский ведь весь целиком выписан из Франции!)?.. Вот и выписали из Франции же, вместе с упомянутым выше принципом (которым во Франции прикрывает свое деспотическое над народом господство буржуазия), а также и флакончики с готовыми слезами о народе социалистического новейшего изготовления, и стали ими плакать кстати и некстати о русском мужике, плакать именно так и о том, как и о чем плачут на Западе. Одним словом, для наших газетных либералов русский народ существует только одною своею, именно экономическою, стороною; она одна не то что их интересует, но подает им повод горячиться, негодовать, ратовать из-за народа: все же остальные стороны его бытия, все его заветные неэкономические идеалы, все, что́ ему дорого и свято: народность, вероисповедание, предание, исторический зиждительный подвиг, которому Русское государство обязано своим бытием, — все это им или ненавистно, или глубоко антипатично и презирается ими. Для них русский народ жив только о хлебе едином[8]. С этой точки зрения русский народ для наших «либералов» скорее помеха, — что́ иногда нехотя и проскакивает в их писаниях. Так г. Щедрин прямо высказался, что сближение *среднего* человека, т. е. из «интеллигенции», с народом немыслимо, ибо народ смердит язвами, проказой и сблизиться с ним — значит засмердеть[9]; так «Голос» попытался однажды русскую власть пугнуть картиной 80% населения, гнетущих жизнь остальных 20%, и побудить ее, русскую власть, «взнуздать зверя», т. е. русский народ[10], — взнуздать, разумеется, прежде всего к вящей выгоде самих наших псевдолибералов, которые бы таким образом и чужими руками избавились от несносной помехи. Затем все «либеральные» (!) газеты наперерыв, порознь и хором, не только отрицают право русского народа на какую-либо народную самобытность «в сфере политических и религиозных идей», на какую-либо своеобразную духовную индивидуальность, но даже неистово анафематствуют самое понятие о самобытности русской. В самом деле: ну как, признавши за русским народом право на самобытность, окажется, что она не во всем сходится с самобытностью французской (в области новейших политических и религиозных идей)? Самобытен француз, самобытен немец; русский человек — ни-ни! Так решили «либералы» на берегах Невы и Москвы...

Кажется, этого уже одного достаточно, чтобы видеть, как мало солидных основ может иметь в России какая-либо политическая партия — при подобном отношении к народу! А между тем еще недавно «Русский Курьер» выступил с новой кличкой для своей партии: «националы-демократы»!.. [11] Мы вообще станем больше придерживаться «Курьера». Он преоткровенный и подчас преувеселительный enfant terrible «либерализма», вовсе не ехиден, напротив, очень прямолинеен. Надо думать, что он издается недоучившимися гимназистами: это, вероятно, и придает ему особенную прелесть чистосердечия. Он резок, дерзок и бранится — как бранятся лишь малые школьники, корча больших (причем всегда неприличнее больших); он, подобно детям, совсем не знает краю, но тем не менее в «Курьере», хотя в более или менее карикатурном виде, отражаются более же или менее затаенные вожделения всего «либерального» лагеря. Известно, что главный лозунг этого лагеря — «правовой порядок». Вещь, по-видимому, бесспорно хорошая. Но под этим выражением «либералов» вовсе не следует разуметь государство, где все взаимные отношения определены законами, правомерны. В этом смысле Россия с своими чуть не 30 томами Свода Законов плюс Приложения, Россия, где шагу нельзя ступить, воздухом дохнуть нельзя несоответственно такой-то статьи такой-то части такого-то тома Свода, должна бы занять первое место, — не то что какая-нибудь Англия, где даже никакого полного кодекса не имеется, где отведен такой простор, даже в гражданских судах, участию *совести* (началу, ни под какое формальное правовое понятие не подходящему!). Очевидно, тут следует разуметь нечто другое, — тем более что страстное влечение к *правовому* порядку в смысле *законности* трудно совместить с ликованиями по поводу, например, какого-нибудь процесса г-жи Засулич [12], который даже с формальной юридической стороны был бы немыслим нигде в Европе; или, например, с негодованием на одесского прокурора за то, что он исполнил свою обязанность, арестовал в Одессе бежавшего каторжника-убийцу, или же с теми «либеральными» возгласами против русского «неправового порядка», которые то и дело раздаются по поводу предъявления крестьянам, для взыскания недоимок, исполнительных листов не только землевладельцами, но даже правительством, даже по решению уголовного суда (см. в «Голосе» фельетон г. Эртеля [13]), тогда как в «правовом государстве» — в культурной Германии, по свидетельству немецких газет, экзекуционных листов по взысканию недоимок предъявляется к крестьянам и рабочим более полумиллиона в год, и никто из наших «либералов» на это не негодует! Стало быть, дело вовсе не о правовом порядке в настоящем смысле этого слова; таковому порядку крайние наши «либералы» вовсе и не сочувствуют; дело идет о точном определении законом атрибутов верховной единоличной, исторической власти и о замене ее произвола произволом случайного большинства, какого-нибудь десятка подобранных и подтасованных голосов, — о перенесении власти от лица к «интеллигентному разночинству», по выражению г. Любимова. Другими словами, под «правовым порядком», прославляемым нашею мнимо-либеральною печатью, нельзя разуметь ничего другого как «либерального государственного учреждения в западноевропейской форме». Очень жаль, что нашим якобы либералам неудобно называть вещь прямо ее настоящим именем — конституцией; высказавши слово, они бы вынуждены были перейти и к точному выяснению формулы, а тут бы непременно или обнаружились такие похоти властолюбия, которые бы встретили

самый резкий отпор в России, — или же сами «либералы» заспорили и перессорились бы между собою: результат несравненно более выгодный для правительства и для общества, чем вынужденное молчание.

Но не станем входить в сущность «правового порядка». Каков бы ни был этот мистический порядок, но первою обязанностью *серьезных* его адептов было бы, кажется, подготовить ему благоприятную почву в общественном мнении, *рекомендовать* его обществу и особенно народу с самой сочувственной стороны, так как последний в вопросах подобного рода имеет у нас, бесспорно, решающий голос. Как же рекомендуют этот порядок наши газетные «либералы», какую почву ему подготовляют, что́ сулят они народу вместе с своим «правовым порядком?» Прежде всего — тираническое господство материалистической или даже атеистической доктрины, распространенное на народную школу — или, попросту сказать, — воспитание народа в безбожии. Нам нет никакого дела до их личных религиозных убеждений; мы желали бы предоставить им наиполнейшую свободу в обсуждении вопросов веры. Может быть даже, наши гг. «либералы» сами лично и преблагочестивые люди, но их восторг, но этот радостный беглый огонь изо всех ружейных дул либерального литературного стана по поводу новейших французских законов о народной школе и об имени Божьем [14] может только внушить русскому человеку искреннейшую молитву: да никогда не падет в руки их власть над русским народом! Мы судим об этом по письмам, полученным нами от некоторых подписчиков и «Голоса», и «Русского Курьера». В особенности красноречиво писал о «Курьере» один крестьянин из Коломны, указывая нам на тот № газеты, где с самым горячим сочувствием и ликованием приветствовались кощунственные распоряжения французской палаты депутатов и административных властей по новому закону о народном обучении [15]. Во Франции, как известно, дело идет вовсе не об уничтожении школы конфессиональной или вероисповедной и о замене ее (как в Северной Америке) школою общеевангельскою, а о создании школы строго-атеистической, почему, в согласии с французским «правовым порядком», и повелено: вышвырнуть вон Распятия, вытравить слово «Бог» из учебников, выкинуть это имя изо всех официальных актов. (Кстати: недавно велено назначать военные упражнения солдат непременно по воскресеньям, дабы солдаты не могли ходить в церковь: так это и мотивировано!) Что́ читалось читателям между сочувственных строк «Курьера»? Да ничего более как: «Дайте только нам завести правовой порядок, и мы захватим народную школу в свою власть и вытравим из книг и из детских голов имя Божие и заменим Евангелие Христово евангелием от Поля Бера» [16] (по выражению «Revue des Deux Mondes» [17]), т. е. кодексом самой узкой республиканской морали, составленным первостатейным тупицей!

Ну, разве можно признать наших будто бы «либералов» за людей серьезных? Разве не следует благодарить их за ту наивность, с которой они сами предостерегают и общество, и народ о принадлежностях обетованного ими «правового порядка», и сами же громогласно возвещают: «Вот что́ сулит наш либерализм! Вот что́ мы проделаем насильственно над русским народом, мы, интеллигенция (конечно, во имя же народа!), попадись нам только власть в руки!» Да не только власть, но и современную школу сохрани Бог видеть в руках тех, кто способен сочувствовать законам Поля Бера! Такая искренность наших мнимых либералов в выражении сочувствия Беру делает, без сомнения, честь

их мужеству, и пусть их выражают себе это сочувствие безвозбранно, — но оно зато свидетельствует и о совершенном отсутствии в них даже капли политического смысла.

Далее. Столь же мало свидетельствует об их не только политическом, но даже и о здравом смысле это постоянное на все лады отрицание в русском народе всякого права на самобытность в области духовной и политической. Мы уже говорили об этом выше. Отрицается не только народная личность, но и всякая оригинальность творчества даже в поэзии и искусстве. Все силы знания, все приемы науки направлены у наших «либералов» преимущественно к тому, чтоб доказать отсутствие этой оригинальности, — и праздник, великий злорадостный праздник в «либеральном» ученом стане о всяком будто бы русском заимствовании или подражании — будь то богатырская былина («либералы» «Вестника Европы» даже всех наших богатырей и самого, кажется, Илью Муромца обличали в иностранном происхождении)[18], или произведение современного художника, или же какое-либо явление бытовой и политической жизни! Мы знаем одного профессора, который требовал от студента, выразившего желание остаться при университете и заподозренного в «славянофильстве», чтоб он наперед в ученом сочинении на основании сравнительно-исторического метода непременно доказал, что и в России был феодализм![19] Чему же, спрашивается, они радуются? Откуда эта потребность совлечь с русского человека всякую самобытность и низвесть его на степень списка? Да потому именно, что оригинал предпочтительнее списка, и так как оригинал только на Западе, то и вывод следующий: телом и душой, corps et bagages, раболепно предаться Западу как носителю высшей культуры и производителю «последних слов науки»; другими словами, проповедь «либералов» — не более как сервилизм или, попросту говоря, — холопство пред Западом. Итак, кроме безбожной школы, другой принадлежностью сулимого «правового порядка» — холопство пред Европой... Но добро бы оно ограничивалось лишь ученою и литературною областью: нет, такой же сервилизм проповедуется и для русской политики. Она не должна быть национальною; она не должна сочувствовать славянам и содействовать их освобождению; она не должна стремиться к исполнению русского исторического мирового призвания: такового нам вовсе и не полагается; она должна прежде всего признавать преимущество над нами западных стран, подобающее им как странам культурным над некультурными и не имеющими «правового порядка»! Читателям «Руси» знакома наша полемика с нашими мнимо-либеральными газетами по этому поводу. Разве «Голос» не предлагал предоставить Австрии в полное распоряжение Боснию и Герцеговину, — Австрия-де облагодетельствует их конституцией? Разве «Русские Ведомости» не выражали желания видеть весь славянский северо-западный угол Балканского полуострова в руках австро-мадьярских? Разве «Голос» не ликовал по поводу нашего бесчестия, по поводу Берлинского трактата, так глубоко поранившего русское сердце?[20] Разве, наконец, «Курьер» не отчурался еще недавно с презрением от притязаний России на Босфор и на «кусочки Черного моря»?[21] Разве, наконец, все органы нашей «либеральной» печати вместе не наглумились вдоволь над великим христианским подвигом братской любви и самопожертвования, свершенным всем русским народом в годину 1876 и 1877 года, над всей этой нашей священной народной эпопеей?.. Но, впрочем, в эти великие минуты подъема и испытаний народного духа наши «либералы» всегда за бортом,

в стороне от народа; не с ним они, и он не с ними; между ними нет и не может быть никакого общения. Они способны только на кощунственное оплевание post factum всего того, что́ дорого и свято памяти народной. Да и с каким усердием упражнялись они в том, поднимая непрестанно на смех и идею братолюбия, и связь славянской единоплеменности и единоверия, — и все это — во имя культуры, либерализма и «правового порядка»!!. Таким образом (о, политическое глубокомыслие!) связали они с идеей своего «правового порядка», кроме политического пред Европою холопства вообще, и предательство славянских братьев немцам и мадьярам — одним словом, русское национальное *бесчестие!*.. Еще на днях, когда Москва от лица всей России собиралась приветствовать доблестного вождя доблестнейшего славянского племени, в течение веков дивным геройством отстаивавшего свою независимость, — того черногорского племени, слава о котором ведома и любезна русскому народу всему, из конца в конец — «либеральный» «Русский Курьер» швырнул комом грязи в черногорского князя, объявляя ему, чтоб он не надеялся на поддержку России, а обратился к «более культурным народам»... [22] Этой мерзости нельзя уже извинить ни умственным убожеством, ни невежеством, ни духовным малолетством редакции. Но тем не менее надо радоваться, что *способность* к такому поступку одного из самых громких глашатаев фальшивого либерализма проявилась наружу. И не «Русский ли Курьер» в ту минуту, как вся Россия погружена была в самую глубокую скорбь смертию Скобелева, пустил и в него, лежавшего на смертном одре, ком «либеральной» грязи? [23] Разве это не презрение к святыне народного чувства и к русской славе?..

Что́ еще сулит нам правовой порядок наших «либералов»? Да ни больше ни меньше как расчленение России, нарушение созданного тяжким трудом народа государственного единства — во имя теории *федерализма*, заменившего теперь слово *сепаратизм*. Проследите статьи «либеральных» газет по поводу процесса русских галичан во Львове [24], полюбуйтесь их поощрением польских притязаний на русское население не только в Галиции, но и в Северо-Западном крае, их сочувствию украйнофильской политической партии... Но об украйнофильстве, работающем в руку поляков и достаточно обличаемом откровениями гг. Драгоманова [25] и Кулиша [26] за границей, мы также поговорим особо. Не станем долее утомлять читателя, а поспешим к заключению.

Итак: «правовой порядок» русских газетных «либералов», как мы это доказали, зиждется на безбожной школе, на насилии над народом, на отрицании русской народной самобытности, на холопстве духовном и политическом пред Западом, на русском национальном бесчестии и бесславии, на презрении ко всякой народной святыне... Есть ли повод для правительства сколько-нибудь опасаться *таких* «либеральных» затей, сулящих русскому народу не свободу, а тиранию? Нет ли, напротив, основания благодарить наших «либералов» за предупредительную откровенность, а бывших двух министров [27] за ту долю простора печати, которая вызвала на подобную откровенность и тем скомпрометировала этот ложный либерализм вконец? Если б наши «либералы» молчали, важно хмурились, давая разуметь, что они имели бы что́ сказать, но осуждены на безмолвие, им бы, пожалуй, поверили многие, особенно по естественной склонности ко всему гонимому и запретному. Теперь, кажется, такое самообольщение неуместно. Нам возразят, может быть, указанием на число подписчиков: вот-де как велико их влияние. Но числом подписчиков нисколько не

определяется нравственный вес издания: у «Московского Листка» [28] подписчиков больше, чем у любой мнимо-либеральной газеты. Не всякий подписчик и последователь. Но если даже предположить, что наберется десяток-другой тысяч поклонников «Русского Курьера», «Голоса» и его подголосков, — то и это значит только то, что в России имеется на сто миллионов жителей столько-то тысяч людей, *способных* получать и *вкушать* эти газеты, людей, подходящих к ним степенью умственного и нравственного развития... А предоставьте этим газетам совершенно полную свободу высказываться, отнимите от них приправу чего-то гонимого, недоговариваемого, — они договорятся до таких Геркулесовых столбов нелепости, что всякое влияние их со срамом рухнет, а может быть, и им самим стыдно станет. Ибо — кроме радикалов, перешедших к преступному гнусному действию, с которыми нет и разговоров, — наш вздорный либерализм не имеет глубоких корней даже в самих так называемых либералах, — а просто продукт общественного умственного сумбура *исторического* происхождения. Разве вы не видите, что либерализм, например, «Курьера», да и прочих многих газет, не что́ иное как «русское шампанское» [29], т. е. простой российский яблочный квас, и сам по себе не вкусный, да еще испорченный или насыщенный разными газами и грубо *подделанный на манер* чужого природного, именно французского виноградного, всесветно прославленного вина?

<MADAME ПУЗИНА>

На нынешней неделе праздновалась столетняя годовщина первого представления первой русской комедии [1], положившей такое достославное основание драматической сатире в России. Можно даже сказать, не отрицая заслуг «Ябеды» [2], что от «Недоросля» до «Горя от ума» («Ревизор» явился позднее) не было сатирического произведения, которое бы по таланту, по критической меткости, а главное — по своему воздействию на общество равнялось с знаменитым произведением Фон-Визина. Но автор «Недоросля» был вместе и автором «Бригадира», комедии также очень замечательной, хотя и стяжавшей несравненно меньший успех. Эта неравномерность в успехе происходила, кажется нам, не только от художественного превосходства «Недоросля», но еще более от различия содержания: сатира «Бригадира» язвила лишь столичное общество, лишь верхний общественный класс с его неуклюжим, аляповатым усвоением внешних форм европейской цивилизации, с его рабскою косолапою подражательностью иностранцам, так напоминавшею кривлянье обезьян, корчащих человека, — с его увесисто-легкомысленным презрением к родному языку и своей родной народности (торчавшей, однако же, притом самыми своими непривлекательными сторонами, из-под французских кафтанов и французского ломаного жаргона), — с его поверхностным образованием и преждевременно-старческим растлением. Но этим недугом еще далеко не была заражена вся масса русского общества; обличение этой лжи — ясной в то время сознанию еще немногих, избранных умов — не стояло на очереди, не было злобою тогдашнего исторического дня. Злобою дня, на покаянной исторической очереди обреталась тогда патриархальная заскорузлость помещичьего быта — ленивое, обеспеченное крепостным рабством, само себе довлеющее невежество многочисленного класса деревенских бар, косневших в грубости, уклонявшихся и от просвещения, и от службы. Но в сознании автора «Недоросля» и «Бригадира» обе комедии, очевидно, не разделялись, а восполняли одна другую: мерзость самодовольного невежества противопоставлялась мерзости самодовольной лжеобразованности; здесь — грубый разврат помещичьего, барского, не тронутого цивилизациею быта, сидевшего, так сказать, на родном корню, — там едва ли еще не более безобразный разврат, да и не одних нравов, но самой мысли; *там*, т. е. в верхнем, более или менее правящем слое общества, все сильней и сильней отрывавшемся, не только по внешнему строю жизни, но даже в сознании и в чувстве, от родной почвы, от своей духовной национальной основы, от самой сущности народной. Нужды нет, что «Бригадир» был написан ранее «Недоросля» [3]; обе комедии представляют в целом общую картину того исторического образовательного у нас процесса, в силу которого «Простакова» перерождалась в «Советницу», «Скотинин» и сам «Митрофанушка» в бригадирского сынка, — одного из тех, которыми кишели вельможеские гостиные того времени.

Типы «Недоросля» могут считаться теперь устаревшими. Скотининское невежество не представляется уже общественной язвой нашего времени: русское

общество стараниями правительства — целым рядом прельстительных и принудительных мер — прогнано было, можно сказать, сквозь «просвещение» как сквозь строй, и такой характер сохраняет еще доднесь система нашего общественного образования. Но типы «Бригадира» живы еще и до сих пор. Они не устарели в своей существенной основе; они или видоизменились, приняли более утонченную, даже духовную форму, или же просто перестали колоть нам глаза вследствие приобретенного ими права гражданства: мы так привыкли к ним, что они нас уже и не оскорбляют. Нет, они не устарели! В двадцатых годах текущего столетия, т. е. через полвека после появления в свет комедии Фон-Визина, Грибоедов хлестнул бичом своей гениальной сатиры[4] опять то же самое, только несколько облагообразившееся направление, которое в такой грубо-комической форме изображено в «Бригадире».

Хоть у китайцев бы нам несколько занять
Премудрого у них незнанья иноземцев!
Воскреснем ли когда от чужевластья мод?
Чтоб умный, бодрый наш народ
Хотя б по языку нас не считал за немцев?..[5] —

воскликнул Чацкий к великому огорчению г. профессора Веселовского, который всеми силами старается очистить Грибоедова от подозрения в славянофильской ереси и сопричислить его к «западникам», à la Чаадаев![6] Но Бог с ним, г. Веселовским: он, как известно, понимает историю русской литературы только как историю *подражания* иностранным литературам и приходит в восторг от каждого опознанного им заимствования, — тогда как главный интерес истории нашей словесности именно в усилиях русского духа (в лице его гениальнейших представителей) выбиться из пут ложного, обезнародившего нас просвещения и проявить свою народную самостоятельность, вне которой немыслимо для нас ничто общечеловеческое.

В тридцатых годах Пушкин пытался и отказался от мысли написать роман из русского великосветского быта[7], так как для точного его воспроизведения пришлось бы чуть не весь роман писать по-французски. Прошло еще полвека. И что́ же? Если Фон-Визин, лет за сто тому назад, негодовал в своих письмах из Парижа: как смеют французы подносить русскому, в виде наивысшего комплимента, такую фразу: «Да вы на русского вовсе не похожи!» (Mais, monsieur, vous n'avez pas l'air russe du tout)[8], — то мы решаемся смело утверждать, что из русских путешественников за границей по крайней мере две трети, а из русских дипломатов девять десятых в наши дни за такое приветствие негодовать не станут, напротив, почтут его для себя совершенно лестным.

Очевидно, что направление, осмеянное Фон-Визиным и Грибоедовым, изменилось теперь только по внешности, но зато проникло вовнутрь, от наружной формы в сознание, спустилось вглубь, почти на самое дно общества. Резкость противоречий сгладилась; чужое платье сидит уже не неуклюже, — по крайней мере, неуклюжесть эта нам незаметна, и болезненной неловкости в чужом костюме уже не чувствуется. Можно быть теперь иностранцем, даже не зная ни одного иностранного языка или зная их плохо, выражая иностранные понятия языком русским или же иностранные слова переписывая русскими буквами. Можно даже видеть в этом акт патриотизма, подобно тому как изобретатель

«русского шампанского», наверное, гордится своим изобретением как патриотическим делом[9]. К счастью для нас, это направление, спускаясь на более низкие ступени общественной лестницы, продолжает еще и теперь проявляться там в глубоко-комическом, карикатурном образе. Говорим к счастью, потому что карикатура, раздражая глаз, помогает ему усмотреть истину, которую бы он иначе, пожалуй, и не заметил, — облегчает работу сознания... И разве не карикатура на всю нашу современность с ее «интеллигенцией» и «высоким уровнем культуры» хоть бы эта бóльшая часть вывесок, украшающих нашу народную столицу? Если православные «русские портные из Парижа и Лондона», Синегубовы и Пахомовы, удалились в провинцию, то Москва продолжает щеголять вывесками не менее выразительными и прежде всего — таким множеством французских, что можно предположить: не целые ли две трети московского населения — иностранцы? Чуть не на каждом шагу красуются все эти Madame Olga, Madame Paraskovie, а на одной из центральных московских улиц нам почти ежедневно приходится любоваться вывескою аршинными буквами: «*Мадам* Пузина»[10]. Есть еще другая, недавно прочитанная нами: «*Мадам* Аграфена». Это не только смешно; если кто думает, что это лишь пустяк, не заслуживающий упоминания, то, право, он ошибается... «*Мадам* Пузина», это ведь целый исторический продукт. Проезжая мимо нее, мы невольно каждый раз восстановляем в своем уме всю ее долгую, почти двухсотлетнюю генеалогию — от княгинь, высеченных кнутом при Петре в Правительствующем Сенате за отказ участвовать в «ассамблеях», от бритья бород, совершаемого самою августейшею рукою (из любви к искусству), от дубин, коими учили бояр «комплиментам», пока не выдубили из них столь известных екатерининских «петиметров»...[11] В том-то и дело, что и «русское шампанское», и эта «мадам Пузина» с «мадам Аграфеной» — все это только наглядные, хотя бы и в карикатурной форме, еще живучие эмблемы нашего исторического просветительного процесса со времен Петра, в главных его чертах, и нашего современного духовного состояния с его наукой о «последних словах» без знания первых, с тем, одним словом, его умственным сумбуром, которым болеет русское общество от верхних своих ярусов до нижних и который так метко характеризуется грибоедовскими словами: «смесь французского с нижегородским»[12]. Нечего смеяться над несчастной портнихой, пожелавшей облагородить, должно быть согласно с общественным вкусом, свое вполне русское прозвание приставкой французского слова «мадам». Разве «*русская* столица Санктпитербурх» (по орфографии Петра) или хоть бы «Санктпетербург» не та же «мадам Пузина»? Чем же лучше ее или «мадам Аграфены» — русский *земский* чин «кирхшпильсфохт», введенный Преобразователем?[13] Мы только прислушались, а ведь все эти наши чины, не только составленные из иностранных слов, как «коллежский асессор»[14], но и переведенные с немецкого на русский язык, хотя и оставшиеся непонятными, например: «надворный советник», «действительный тайный» — ни тайно, ни явно не советующий «советник», — чем они умнее и приличнее вывески: «мадам Пузина»? А этот «шеф столь достойной нации», как смела назвать Царя русского народа наша цивилизованная канцелярия в изготовленном для Императора Александра I (и, к сожалению, им подписанном) рескрипте городу Санктпетербургу?

Но дело не во внешней только, комической стороне слов и выражений. Она важна лишь как знамение внутреннего склада мысли и даже чувств, — как оли-

цетворение *претензии*, т. е. усилия *казаться*, а не быть, как щегольство своим отчуждением от народности или своею заемною цивилизациею. Это именно то, что́ заставило одного умного иностранца назвать наше отечество царством *фасадов* [15]. Но ведь все претензия да претензия, все фасад да фасад — это поистине ужасно! И еще ужасно то, что «претензия» обратилась как бы в насущное, естественное и законное притязание, а «фасад» вошел в плоть и кровь, стал даже *фасад* внутренним *содержанием* русских, опорожненных от народной стихии душ! Фасад, или, как выражаются наши плотники, «на под-лицо», составляет теперь главную задачу нашей общественной жизни, главную потребность, — потребность лживую, но тем не менее действительную и жгучую. Фасадом думаем мы удовлетворить все не вполне ясные нашему сознанию запросы болезненно рвущегося к простору нашего духа; в фасаде думаем найти и спасение от разъедающих нас зол.

Итак, не быть самим собою, а быть чем-то иным, в сущности только казаться, и в этом смысле направлять и искажать наше общественное развитие, пренебрегая правильным органическим процессом, — вот о чем комически гласят все эти вывески, но что́ очень трагически сказывается на судьбах русского общества. Разве не фасад знания — все эти «последние слова» науки? Разве не фасадное направление воспитывает в молодежи вся наша педагогия средних и высших учебных заведений, вытравливая в юных душах всякое положительное отношение к своей народности, всякую национальную духовную индивидуальность, всякий нерв самобытного национального творчества и насаждая в них, напротив, вместе с иноземными идеалами отрицательное отношение и к своему народу, и к своей истории?.. Разве не то же почти видим мы и до сих пор в направлении нашей промышленности и даже нашего государственного строения? Все идет и строится большею частью как-то мимо жизни, мимо действительных нужд и существенных интересов нашего отечества. Доказательства тому во множестве найдем даже и на нашей Всероссийской выставке [16], где нельзя не поразиться главными, господствующими, хотя и не без исключений, характерными чертами, напоминающими «мадам Пузину», но лишь в величавом размере. Эти черты: удовлетворение потребностей высших «цивилизованных» классов, а не народных масс, — дороговизна, а не дешевизна, *подражание* иностранному образцу, доведенное до совершенства, и почти отсутствие оригинальности: вот куда ударился самолюбивый патриотизм! Вы найдете русского изделия шарабаны, ландо, новейшего английского фасона экипажи и не найдете усовершенствованной телеги: народу предоставляется довольствоваться телегой, в которой езжали чуть не в допотопные времена; найдете дорогие шерстяные ткани, тогда как народ продолжает ходить в плохой самодельной дерюге. В столицах телеграф заменяется телефоном, а в глубине России письмо по почте во многих местах идет месяцы и больше. Города, и притом далеко не все, соединяются между собою железными путями, а подгородная и попутная жизнь глохнет по недостатку средств сообщения, и дороги остаются такими же непроездными и мучительными, какими были еще при монгольском иге. Десятки миллионов жертвуются на великолепие нашей порубежной столицы — Санкт-Петербурга, и, словно заколдованный, не пролагается рельсовый путь до Сибири! У нас завелась Академия наук, — пышный фасад научной деятельности — в то время как ни одной почти народной, элементарной школы не существовало, — Академия, о которой Ломоносов восклицал: «Диво, что к ино-

странным ученым и студентов из-за моря же не выписывают»[17], — Академия, о которой, чрез 150 лет с лишком после ее основания, только на днях решен вопрос: «русская» ли она, и установлено официально, вместе с титулом, это ее качество![18] И разве одновременно с модными толками о «народном просвещении» не закрывалась у нас та главная народная школа, благодаря которой сберег в себе наш народ христианскую душу сквозь тысячелетний гнет страстей и мук, — разве не было заперто до трех тысяч храмов, если не более, вместе с уничтожением приходов? Не то ли самое видится и во внешней политике, и во всех наших дипломатических отношениях, в которых мы большею частью только заискиваем у иностранцев хорошей отметки или балла за успехи в цивилизации и готовы из-за похвального аттестата проглядеть свои существенные интересы? Боязнь чужого мнения, мнения «культурных» соседей, разве не заставляет русскую дипломатию лезть из кожи, чтобы прослыть и у них «культурною», а иностранцы, зная таковую нашу слабость, зная, что мы недалеко ушли от русской портнихи, которая тает от удовольствия, если назвать ее мадамой, очаровывают нас дешевою лестью снисходительного обращения и зазывают нас, нам же во вред, на свои европейские концерты!

Беда в том, что все это вместе воспитывает, вкореняет в нас глубокое невежество своей страны и народа. Обритый насильно, чуть не на дыбе, — под кнутом выучившийся «комплиментам», дубиною выветренный боярин, под страхом казни воспринявший в себя, как в сосуд, чуждое содержание, сжившийся, сплотившийся, наконец, долгой работой времени с этим содержанием, прежде только перерядившийся, а потом и переродившийся русский, — став напоследок бюрократом, начал судить, рядить, благоустроять или муштровать Русскую землю. Не из предательства, не из злонамеренности, а с самыми добрыми пожеланиями эти «русские портные из Парижа», эти московские мадамы Пузины в мундирах заставляли пушками сажать картофель[19] там, где пшеницу и девать некуда, сеять кукурузу[20] там, где прозябает лишь морошка, строить дома и церкви по иностранным фасадам, сочинять города, потому-де что так везде в цивилизованной Европе, — города, которые и теперь умоляют о разжаловании их в деревни, — сочинять сословия, сочинять учреждения — мертворожденные и мертвящие... И не то ли самое продолжается и теперь, под громкий хор наших «либералов», так кстати восстающих против всякой национальной самобытности и упрочивающих тем самым бытие во власти портных из Парижа и мадам Пузиных? А портные из Парижа, бывало, по внушению последней парижской моды возьмут да и сообразят, что и в России следует бояться боязнью Наполеона III, похитителя престола, который только о том и заботился, как бы оградить свой династический интерес от посягательства враждебного ему общества, и нарочито придумал для сего систему цензурных предостережений[21]. А мадамы Пузины и Аграфены еще недавно повторяли — и очень серьезно — заграничную, до чудовищности нелепую басню, будто в России совсем-таки организована аграрная революция с двумя генералами во главе — Скобелевым и Черняевым[22], — повторяли и советовали принять заблаговременно «нужные меры», к счастию, отвергнутые высшею мудростью. В крови сидит мадам Пузина или Аграфена почти у каждого нашего бюрократа!

Она же сидит и в каждом нашем «консерваторе», «либерале», также и в нигилистах всех наименований. Та же претензия, та же подделка, даже явная и чистосердечная, та же искренняя потребность «фасада» везде и во всем,

и в самом этом требовании «конституции». Будь только конституция «на подлицо», и все пойдет ладно! Не только весь наш мнимый либерализм смахивает на мнимое, или «русское шампанское», но и все прочие наши политические доктрины, все эти иностранные *измы* на русской почве, что́ же они иное как не то же плохое и неумное пойло, откровенно подделанное на манер природного французского напитка? Разница в том, что «русское шампанское» более или менее, думаем мы, безвредно, а подделка спирта, которым опьяняется наша молодежь, губительна, смертоносна. Наши «сепаратисты» или «федералисты», все эти «национало-демократы», «социало-демократы», «демократо-революционеры» — не то же ли они самое, что́ вышеупомянутые вывески русских портних с иностранной приставкой? Правда, комизм вывески получает здесь уже трагическую подкладку: наш террорист, например, это как бы мадам Аграфена, вооружившаяся, за неимением иных высших разумных аргументов, динамитом, револьвером и ядом, это как бы мадам Пузина, способная умереть и убить за фасад или, вернее, за иностранный фасон изготовляемых ею шемизеток [23], воланов, лифов и басков [24] и прочих принадлежностей французской моды.

Таков краткий, серьезный до трагедии, логически последовательный вывод из того подражательного направления, которое дано русскому духу со времен Петра и осмеяно Фон-Визиным и Грибоедовым в их драматических сатирах. Но есть другая сторона вопроса, которая заслуживает тщательного изучения: именно самый тот процесс в его постепенности, который русского свежего человека может привести на край гибели. Если до этого края доходят только немногие, то сколько же их — целые массы! — оставляются на полдороге, более или менее нравственно изуродованные!

Правильным развитие народа может назваться только тогда, когда то, что лежит в народе как стихийное начало, как семя, как несознаваемая, непосредственная сила, пускает рост, проявляет в постепенном образовании и усложнении все свои лучшие свойства, достигает полноты своего выражения — одним словом, когда народ восходит из силы в силу, из инстинктивной жизни масс в сознательную жизнь единиц, не разрывая органического единства, но просветляя и укрепляя его высшим развитием народного духа. Так называемое общество, или совокупность лиц, образующаяся поверх народа, — это тот же народ, но только на степени самосознания, выражающегося в личном сознании единиц, из народа вышедших. Таково отношение образованной среды к народу во многих просвещенных краях. У нас же совершенно наоборот. Двадцать лет тому назад ставила газета «День», да и теперь опять можно поставить вопрос: отчего у нашего народа, который, по признанию даже иноземцев, смышленее, сметливее, умнее простонародья всех других стран, — отчего у нашего народа общество такое умственно слабое и нравственно дряблое? отчего в России вечно жалуются на безлюдье, на недостаток умных и способных деятелей?.. Когда-то при остроумной повести покойного графа Соллогуба «Тарантас» [25] была приложена картинка, изображающая постепенное восхождение мужика по общественной иерархической лестнице, — другими словами: *перерождение* и *вырождение* мужика. Подле мужика с умным, открытым, серьезным и важным лицом — дворовый, чином выше, но духом ниже; затем, помнится, бурмистр, вышедший на волю, затем приказный, чиновник и т. д. Одним словом, здесь цивилизация выражается целым рядом падений. Не видим ли мы это и теперь на каждом шагу, встречая крестьянина, ну хоть бы подрядчика, трудом и смет-

Гравюра Е. Е. Бернардского по рисунку князя Г. Г. Гагарина
(*Соллогуб В. А.* Тарантас: путевые впечатления. СПб.:
изд. книгопродавца Андрея Иванова, 1845. С. 31)

кою составившего себе состояние, человека ясного, здравого смысла, твердой воли, — и рядом с ним его сынка с пенсне, хилого, спешащего улизнуть от тятеньки в балет или разъезжающего непременно по-английски, в шорах? Отец умен — сын жидок смыслом, отец — кремень, сын — мямля; отец — русский в полном смысле слова, сын — своего рода *мадам* Пузина. Отец — тип порядочности, comme il faut, ибо чужд *претензий* и совершенно *прост*: вообще нашего хорошего крестьянина никак нельзя назвать человеком дурного тона. Сын — олицетворенная претензия, то, что́ называется mauvais genre *. Крестьянина-отца не легко собьешь с толку, он не ветрен, в нем лежит тяжелый груз преданий и бытового обычая, с которым ему приходится считаться. Сынок опорожнен воспитанием от этого груза, пуст, и в эту пустоту можно влить сколько угодно и какой угодно шипучей доктрины, всыпать и гороху, и пороху...

Не этот ли самый процесс воспитания, иначе — перерождения и вырождения, проделывается в России не над отдельным мужиком, но над целым народом и в течение почти двух веков со времени реформы Петра Великого? Не этому ли процессу обязаны мы современным умственным и нравственным состоянием русского общества, с его путаницей, — общества в широком смысле этого слова, от первых ступеней до нижних, от правящих сфер включительно до мелочных лавочников? Не здесь ли надо искать разгадку всех наших недугов и зол, начиная от бюрократии и кончая революционным терроризмом, — а ключ этой разгадки не указывается ли нам уже давно в бессмертных творениях наших сатириков, — не торчит ли он на наших глазах всюду, и в самых этих забавных вывесках, нами столько раз помянутых?..

Нам возразят: тут не цивилизация, не просвещение вообще виновато, а *ложное* просвещение... Да, именно в этом все и дело. Вся беда от ложного просвещения, каковым мы просвещались почти два столетия, просвещаемся и теперь.

* дурной тон, сомнительный вид, плохое поведение (*фр.*)

Нужно только именно *признать*, что оно было и есть ложно, т. е. пошло лживым путем с самого начала, денационализируя русского человека, растлевая, охолащивая его. (Мы разумеем здесь, конечно, не все русское общество, не тех, которые тяжким трудом или талантом высвободились из плена, а *большинство* просвещаемых.) А вот этого-то признания наши западники и не хотят сделать и еще сильнее ратуют за следование путем подражаний и фасадов, отрицают самый принцип духовной самобытности. Мудрено ли, однако, что народ, видя себе в перспективе тот последовательный ряд перерождений, который мы выше охарактеризовали во образе русской мадамы, казенного чиновника, бюрократа, социало-демократа, анархиста и террориста, отвращается инстинктивно от нашего просвещения? Мудрено ли, что у умнейшего народа в мире — общество самое пустейшее, самое безнародное, наука — почти безлюдная, и такая страшная скудость духа, скудость творчества в жизни?

<ГДЕ И ЧТО БОЛИТ У НАС?>

Возвращаемся опять к анализу наших общественных недугов. Мы выразились недавно, что «либерализм» (не либерализм вообще, а собственно тот, доктринерский, которым щеголяет некоторая часть русской печати и который мы признаем мнимым) не имеет *глубоких корней в сознании* даже самых наших так называемых либералов. То же самое можно сказать и про всех наших радикалов и представителей разных крайних учений. Эти доктрины у русских радикалов прививаются скорее к ощущению, чем к мысли, скорее дело вкуса, чем искреннего, глубокого убеждения. «Убеждением» *обзаводятся* после — вследствие страстной потребности человеческой природы (как бы кто ни мнил себя быть материалистом или позитивистом!) искать смысл личного бытия и оправдание личных действий не в себе, а вне себя и *выше* себя — в какой-либо бесплотной *идее*, хотя иногда ложной и вздорной... Несомненно одно: точкою отправления служит для всех глубокое *историческое* чувство неудовлетворенности или взращенное историей *отрицательное* отношение к русской действительности. Такова, по-видимому, русская общественная (не народная) *психия*. Но выход из этой психии отрицательного характера еще не указан или не выработан процессом общественного сознания: самое сознание еще не свободно от многих затемняющих его, привнесенных извне умозрений или «умоначертаний», по выражению Екатерины II[1], — да и от многого множества других причин: вот почему между этой *отрицательной* психией и *положительными* убеждениями большею частью нет никакой логической связи. Поясним нашу мысль сравнением. В развитии смысла у младенцев бывает такой период, когда они, ощущая боль, еще не в состоянии распознать и определить местонахождение боли. Ребенок жалуется, что «болит», а на вопросы где? — указывает руку, когда болит нога, или же наоборот; очень бы ошибся врач, если б последовал указаниям ребенка и стал бы, например, лечить руку, когда боль сидит в ноге! То же самое случается и у взрослых при так называемых в медицине маскированных лихорадках, когда вместо пароксизмов лихорадка выражается какою-либо местною болью или же когда самое седалище болезни почти не дает себя чувствовать, а наиболее ощутительно отражение боли в каком-либо постороннем органе. Этот-то посторонний орган иногда самим пациентом и плохим медиком ошибочно признается за самостоятельно-больной и подвергается совершенно напрасно вспрыскиваниям и втираниям... В том именно и задача, чтобы наперед метко угадать причину недуга и источник боли и не лечить от лихорадки как от ревматизма и от простых спазмов как от завала в боку.

Но не эта ли именно беда происходит и с нашим общественным недугом? Не в том ли же положении, как младенцы, еще не умеющие определить местонахождение боли, или как взрослые в случаях, нами выше упомянутых, — бóльшая часть нашей молодежи? Болит-то болит — это верно! Но чтó именно, как и где болит — это они распознать не умеют или объясняют совершенно ошибочно, так что могут как раз ввести в опасную ошибку и самого врача. Вот факт, взятый из жизни, в котором всего ярче отражается это неправильное от-

ношение больных к своей боли. В самом начале шестидесятых годов, когда мы издавали «День» и время было смутное, внезапно пущена была в умственный оборот между юношами идея *федерализма*[2]. В ту пору вольнодумствующая молодежь еще не чуждалась общения со старшими, и к нам приходили не раз юные представители разных федералистских групп — может быть, в надежде склонить редактора на свою сторону, может быть, и с целью проверить себя самих. Так однажды явилось к нам несколько учащихся юношей, кажется студентов, которые после разных разговоров на тему о «невыносимой современности» и вообще о «гражданской скорби» прочли свой мемуар, или записку о необходимости... чего бы вы думали, читатель? — отделить от Российской империи Смоленскую губернию и, кое-что к ней прибавив, образовать автономное *Смоленское княжество!* Документ этот, вероятно, и до сих пор хранится в бумагах газеты «День»... Так вот чем они думали утолить свою «гражданскую скорбь»!.. Положим, что современность во многом и многом сочувствия не заслуживала, но спрашивается: какая же логическая связь между язвами современности и образованием Смоленского княжества? какая органическая мучительная потребность побудила этих юношей искать выделения из России Смоленской губернии? Не помним, были ли они даже смольняне родом, но, если бы и так, нельзя же ведь предположить, чтоб они действительно были одушевлены каким-то особым смоленским патриотизмом, чтобы в них билось дорогобужское или вяземское сердце, чтоб это требование вылилось непосредственно не из русской, а из сычевской или гжатской души?.. Что́ сталось с этими молодыми наивными людьми, нам неизвестно; может быть, их образумил невольной взрыв веселого смеха, встретивший их заявление, а может быть — кто знает? — им пришлось впоследствии и пострадать за свои «сепаратистические убеждения» или же, в дальнейшем развитии своего оппозиционного направления, достигнуть «степеней известных»[3], высших, т. е. угодить в террористы, динамитисты, а затем и в Сибирь!.. Очевидно, однако, что обвинять их серьезно в сепаратистических замыслах было бы смешно; что зло и опасность заключались вовсе не в забавной мечте о Смоленском княжестве и не в доктрине федерализма, а в том, что́ порождает способность к такой неосмысленной мечтательности... Нам возразят, может быть, что рассказанный сейчас случай совсем исключительный, карикатурный и не может служить удобною данною для правильного диагноза. Но карикатура не более как преувеличенная до комизма истина и всегда, напротив, помогает ее уразумению, особенно карикатура не произвольная, а, так сказать, бессознательная, карикатура самого факта. Мы, с своей стороны, имели тогда же неоднократную возможность проверить значение этой карикатуры: нас посетила, вскоре за смольнянами, и другая группа молодых людей, также с письменным требованием особой, административно и политически-самостоятельной, хотя и на федеративном начале, организации «Заволжского края»! Это отделение «Заволжского края» представлялось в то время молодым людям истиною общепризнанною, чем-то вроде общего места: locus topicus, о котором порядочные люди уже и не спорят; такому мнению о «Заволжском крае» (которого, впрочем, точные границы и не определялись) особенно способствовала модная в то время разработка в литературе легенды о Стеньке Разине[4]. Скажут: невинный вздор, пустяки, безвредное увлечение, свойственное юности!.. Конечно, вздор, пустяки, до которых полиции собственно не должно быть никакого дела, но педагогии до них

дело, и большое. Студентам университета такой детский вздор уж совсем не под стать, да и вовсе не пустяки, когда вместо серьезного занятия наукою головы начиняются подобною дурью, на нее тратятся и силы, и время, из-за нее гибнет, может быть, столько молодых жизней! Опыт свидетельствует, что эта дурь федерализма только уготовляла почву для дури более серьезного и опасного свойства. Едва ли даже точкою отправления для такой федералистической тенденции можно предположить здесь безотчетное, но, впрочем, понятное и законное стремление к административной децентрализации, которое, без сомнения, лежит в первоначальной основе «украйнофильства». Тем не менее и это «украйнофильство» благодаря федеративной доктрине недалеко бы ушло от безвредно-бессмысленных фантазий о Смоленском княжестве и Заволжском крае, если бы помощь и руководство поляков не придали ему особенного значения и размеров. К нам и в то время чуть ли не в один день с юношами, болеющими о независимости Смоленской губернии, являлись и «хлопоманы» в нарочито широких шароварах, в высоких сапогах, — конечно, разговаривавшие между собою не иначе как по-русски, так как на малорусском наречии они, кроме двух-трех стихов Шевченка да простонародного восклицания «эге!», ничего почти и не знали. Прошло двадцать лет. «Украйнофильство» умнее не стало, а все то, что́ в нем теперь есть серьезного в политическом смысле, — ничего общего с украйнофильством в смысле любви к родине (вполне естественной, вполне законной) не имеет и привнесено польскою интригою.

Об этом явлении сто́ит сказать несколько слов. Ни г. Драгоманов, ни г. Кулиш — корифеи и в некотором роде если не кровь проливавшие, то герои «украйнофильства», изгнанники его ради — не только не опровергают, но, напротив, своим примером именно подтверждают справедливость нашего мнения, что даже и это учение, или направление, как и прочие волнующие нашу молодежь доктрины, не коренится глубоко в мысли, лишено настоящего органического происхождения. Любовь к родине предполагает нравственное и духовное сходство с ее народностью — не только с этнографическими особенностями, но и с нравственным, духовным складом своего народа, с его радостью и скорбью, с его стремлениями, идеалами, с его историческим подвигом. Мы вполне допускаем возможность увлечения историческим прошлым Малороссии, отстоявшей упорною, доблестною, мучительною борьбою политическую независимость этой части общего Русского отечества (намеченного на скрижалях истории еще с IX века!) от господства Польши и целость общерусского вероисповедания от латинско-иезуитского ига. Мы понимаем, что поэтический образ козака, доселе любимый в народе и воспроизведенный в тысячах чудных песней, способен вызывать живую симпатию в молодом сердце. Мы не станем даже слишком уж строго винить юного энтузиаста, если он забудет *на время*, что Малороссия сознательно, единодушно «пово́лила за царя восточного православного» [5] и исполнила свое историческое призвание — восстановив единство всей Русской земли и возвратив русскому народу отторгнутую от него единоплеменниками русскую государственную и церковную колыбель; что козачество, совершив свою историческую миссию, как всякое пережившее себя явление, стало разлагаться само собою, во вред стране, гораздо ранее формального его уничтожения, и это восстановление козачества уж никоим образом не ладило бы ни с какими «либеральными», «гуманными» и вообще «культурными» идеями нашего века! Все-таки подобное увлечение, как бы ни было оно

несообразно с правдой действительности, имело бы национально-историческую основу. Но в современном «украйнофильстве» даже и такого увлечения нет: оно стало в совершенное противоречие не только с требованиями настоящей поры, но и с самыми дорогими историческими заветами своего народа. Г<-н> Кулиш — тот прямо-таки оплевал все, что́ для «украйнофильства» было когда-то точкою отправления и оправданием. Он насмеялся, наругался над козаком, над всем мученическим житием Украины, над ее геройскою защитою своей православной веры и независимости, над всем ее историческим подвигом[6]. Мало того: он призывает ее, Украину, в своей «Крашанке», принести *покаяние* не только задним числом пред польскими панами-мучителями и отцами иезуитами-гонителями прошлых веков, но теперь, сейчас же, пред таковыми же панами и иезуитами современной поры[7], — пред теми самыми, что́ в настоящий, текущий миг так нахально угнетают русский народ в Галиции, так явно, непрестанно замышляют зло на Россию и порабощение Украины! Г<-н> Кулиш, по свойству своего личного характера, только ведь несколько пересолил, слишком шибко домчался до крайнего логического вывода, к которому неизбежно должны мало-помалу дойти все «украйнофилы», но которого они до сих пор отчасти искренно еще не сознавали, отчасти же не хотели видеть... Нельзя не поблагодарить г. Кулиша за услугу, им оказанную. Авось-либо его пример образумит «украйнофилов», доказав им, что все они, даже самые добросовестные из них, в сущности, работают лишь в руку врагов Русской земли вообще и Украины в частности, т. е. работают для утверждения над южноруссами польского властительства: следовательно, идут наперекор всем их историческим преданиям и стремлениям, суть не более как враги и предатели малорусского племени и жалкие пешки в руках поляков. Эта бессознательность, конечно, не делает чести их умственной зоркости, но она одна только и может служить им оправданием. Вернее сказать: могла, потому что закрывать далее глаза, после примера гг. Кулиша и Драгоманова, неприлично. Последний хотя и не заходит так далеко в своем поклонении полякам, как г. Кулиш, однако ж упорно навязывается полякам с южнорусской дружбой, несмотря на их весьма откровенные властолюбивые притязания, и предлагает малоруссам заменить русскую азбуку... латинским алфавитом! Надо надеяться, что он, для вящего упрочения федеративного союза Украины с поляками, вскоре перепишется, — предложить и «украйнофилам» переписаться... в латинство, так как поляки на меньшем не помирятся! Этого ли хотят «украйнофилы» Киева, Харькова и вообще в пределах России? Конечно нет, скажут они. Однако ж куда идут они по своей наклонной плоскости? Как отнеслись они к последнему наглому процессу над русскими в Галиции?[8] На чьей стороне было их сочувствие? На стороне утеснителей поляков. На кого обрушился их гнев? На утесненных, — зачем-де они исповедуют всецелость и единство русского народа, добытое тяжким общим историческим трудом малоруссов и великоруссов! зачем-де они стремятся удержать за малоруссами их законное достояние — прекрасный литературный общерусский язык, созданный столько же усилиями малорусских, сколько и усилиями великорусских писателей, — язык, которого хотели бы лишить малоруссов «украйнофилы» при содействии и покровительстве мнимо-либеральных органов нашей печати! Конечно, всякие попытки перевести, т. е. передать не только полнозвучные строфы Пушкина, Лермонтова, но и драмы Шекспира[9] говором крестьян из-под Гадяча и Хорола так же забавны и дики, как если

бы, например, фразу: «Это делает вам честь, милостивый государь!» *перевести*: «Исполать тебе, добрый молодец!» — а потому и совершенно безвредны!.. Слава Богу, кажется, теперь правительство уже перестало преследовать эти весьма неумные, но безвредные шалости. Впрочем, говорят, будто недавно последовало в Киеве глубокомысленное распоряжение: не давать несчастным «украйнофилам» путаться между алфавитами Кулиша [10], Максимов<ич>а [11], Драгоманова [12] и установить казенную малорусскую фонетику! Вот откуда пришла им помощь, — этого только недоставало!!

Мы распространились об «украйнофильстве» больше, нежели предполагали, но это потому, что о нем в «Руси» было говорено до сих пор очень мало; да к тому же оно очень наглядно подтверждает нашу мысль, что ощущения и инстинктивные стремления, живущие в русском обществе, редко состоят в логической связи с формулами, в которые облекаются, и что господствующие у нас модные доктрины почти совсем лишены корней в общественном сознании. Так, достойная сочувствия любовь украинцев к своей поэтической родине вместе с естественным и законным протестом против бюрократической централизации (общем и во всей русской провинции), слагаясь в *систему* — стало «украйнофильством», а «украйнофильство», примкнув к федеративной доктрине, в сущности, переродилось или перерождается в полонофильство, следовательно, в направление, прямо враждебное украинскому русскому народу, его гражданской и религиозной независимости, враждебное даже его литературному, общему с великорусским народом языку!

Но стремления федеративные, возразят нам, стоят особняком от высших либеральных и социальных идеалов большинства молодежи. Обратимся и к этим последним, хотя заметим мимоходом, что каждый «либерал» почитает себя обязанным, даже не очень углубляясь в вопрос, сочувствовать расщеплению России, или принципу «федерации»!.. Главное — *не углубляясь*: в этом вся и сила нашего «либерализма», сила — в легкомыслии! В этом, однако же, и своего рода опасность: для легкомыслия *всё* слишком легко... Затем, обращаясь к социальным идеалам и чаяниям наших молодых людей, принадлежащих или наклонных принадлежать к партии революционной, мы не найдем здесь не только какого-либо выработанного плана социального переворота в России, но даже хоть сколько-нибудь ясного представления о социальных благах, коими желали бы они его наделить — ценою даже самопожертвований и убийств! Во время оно нам случилось быть в переписке с некоторыми студентами, сильно бушевавшими в своем муравейнике по поводу волнения крестьян в соседнем уезде при введении в действие уставной грамоты [13]. На наш вопрос они с благородною откровенностью сознались, что никогда в Положение о крестьянах 19 февраля 1861 г. не заглядывали, — на чьей стороне правда в споре, достоверно не знают, да и вопроса себе даже не задавали — должен ли быть исполнен закон или нет, и если не должен, то каким бы узаконением его заменить? Точно то же можно сказать и обо всех так называемых «социало-демократах» или «социало-демократо-революционерах». Никто из них даже и понятия не имеет о настоящем поземельном устройстве русских крестьян, о настоящих их податных нуждах и еще менее о том, что́ им действительно на потребу; с социальною статистикой России они вовсе не знакомы да и не ощущают надобности ее изучать, довольствуясь иностранными популярными учебниками социализма; вечно скорбя о русском народе, содержание народной скорби не ведают да

и ведать не хотят! Они повторяют избитые до пошлости возгласы против господства капитала, — и что́ всего забавнее — не они одни, революционеры: точно так же ораторствуют у нас или играют в социалистов нередко сами капиталисты, конечно, не старые, — даже из купеческого звания, даже журналы издают! То, что́ на Западе Европы имеет серьезную, историческую основу, что́ составляет не поддельную, а настоящую, жгучую боль общественного организма, — в переложении на наш быт и нравы теряет свою жизненную правду и является уже отвлеченною доктриною или просто нескладицей: невозможно же западною местною скорбью скорбеть ни о русском крестьянине, ни о русском рабочем!..

Таким образом, русский социалист-радикал-революционер даже не знает того зла, против которого ратует, даже не знает предмета своей скорби, ни даже своего настоящего врага. И при всем том он нисколько не лицемерен; он способен, пожалуй, принять мученичество из-за фразы, из-за чего-то, чего он даже и в формулу-то уловить не может... Таковы люди преступного действия во имя *положительных* теорий! Но и наш не преступный и не действующий, только рисующийся серьезным так называемый либерализм точно так же смутен в области сознания. Он по совести не ведает, чего хотеть. Чего-то он хочет, хочет лучшего, но это вожделение инстинктивное, которому он точно не может отыскать надлежащего «самобытного» выражения, и, враждуя по принципу с национальною самобытностью, он хватается за готовые теории и формулы, хватается с отчаянием, готов чуть не голову положить за доктрины, которым в *глубинах* своей русской природы даже и не очень-то верит. Это относится к самым миролюбивым и честным представителям газетного либерализма. Хотят они конституции? Но на вопрос: какой именно, затруднятся отвечать, чувствуя нелепость рекомендовать России конституцию английскую или бельгийскую, и промолвят: «Надо сочинить новую». При дальнейшем разъяснении современных условий России они без особенного труда согласятся на «представительство совещательное», затем, при указании на обветшание формы парламентаризма в Европе и на обличаемые уже и теперь, особенно социалистами, ее недостатки, — они кончат неопределенным: «Ну, что-нибудь эдакое» — и сведут свои требования к двум-трем — самым простым и умеренным. Но тем не менее они всегда предпочитают окружать себя туманом какого-нибудь доктринерского *изма*, спутывая самих себя, вредя делу, сбивая с толку само правительство.

Наши анархисты являются, по-видимому, людьми самыми *убежденными*. Но это только по-видимому. В сущности, анархизм свидетельствует об отсутствии всякого убеждения и избавляет от всякой мыслительной, головоломной работы. Как известно, между анархистами на первом плане во всей Европе стоят наши, русские [14], и именно потому, что они всех пустопорожнее, что им в себе самих ни с какими особенными, заветными, так сказать, органическими убеждениями бороться и считаться не приходится. В тщетной погоне за «убеждениями» или дознав в самом деле тщету и бескорненность разных поочередно им извне в себя насаждаемых доктрин и формул, наш анархист, наконец, выбрасывает их все из себя вон и, отказываясь от дальнейшего напряжения отвлеченной мысли, возвращается снова из абстракта к реальной жизни с такого рода решением: «Настоящее представляется мне скверным, в чем именно оно скверно и как его исправить, не знаю и трудить свой мозг над этой задачей не

хочу, лучше всё рушить, задать переполоху, а там будь что будет!» Так рассуждают наши «террористы», люди наиболее чуждые каких-либо идеалистических стремлений, люди самого жидкого смысла, но крепкого духа, избравшие себе сравнительно самый легкий и заманчивый жребий — легкий потому, что не требует умственного труда, изучения, исследования (требуется только заглушить совесть), и в то же время заманчивый как удалая игра в опасность, как возможность получить значение тайной политической силы, тягающейся с могущественными государствами. Тут ни о принципах, ни о теориях, ни об «убеждениях» в настоящем смысле — не может быть речи, да и не об анархистах наше слово: здесь уже вступает в свои права полиция.

Мы же возвращаемся к своему основному положению, что все доктрины либеральные, радикальные, нигилистические не имеют *как доктрины* никаких корней в общественном сознании, лишены всякой органической связи с нашим общественным строем, всякой исторической почвы. В сущности, они не заслуживают и опровержения и вообще не представляют *положительной* опасности. Все это не более как пена взбаламученной мысли; не более значения представляют и те революционные призраки или подобия, на которые указывают некоторые встревоженные умы. Ничего схожего с элементами Французской революции у нас не имеется. У нас не было ни борьбы завоеванных и обезземеленных с завоевателями и феодальными владельцами, ни состязания с последними городских общин, а потому не может быть ни той окончательной, последней битвы на жизнь и смерть между общинами и феодализмом, между средним сословием (tiers-état) и аристократией, которая именно и называется революцией 1789 года. Никаких привилегий ни у кого отнимать у нас, в России, уже не приходится; ни с кем равноправности добиваться de jure нет надобности; в социальном своем устройстве мы во многих отношениях даже опередили Европу. В этом смысле, в смысле *подобия Французской революции*, нам нечего и некого опасаться, и правительственная власть обладает у нас всеми условиями действительной силы.

Но если в *этом* смысле нам нечего опасаться, значит ли, чтоб не представлялось опасности в другом смысле, — значит ли это, что у нас все здорово и обстоит благополучно?

Нет, вовсе не здорово, вовсе не обстоит благополучно, и опасность есть, только совсем иного характера. Нигилизм со всеми пристегнутыми к нему измами как положительное *учение* — вздор, но как *явление* представляется очень важным: это симптом глубокого исторического недуга, это истинный признак, что нечто и где-то у нас болит, и серьезно болит. Совершенно неразумно поэтому поступают те, которые, как «Гражданин» [15], справедливо сознавая всю жизненную мощь правительственной власти, советуют правительству не обращать никакого внимания на это явление или же отнестись к нему только с прещениями и угрозою. «Пустяки-де! ничего не болит! Какое тут болезненное историческое явление?! Это так, с ветру взялось, это выдумала печать», и т. п.: вот модные речи во многих петербургских, более или менее властных кругах. В объяснение нашего общественного недуга приходится подчас читать и слышать почти то же или в таком же роде, что «это француз гадит» [16] — как глубокомысленно сообразил гоголевский почтмейстер в ответ городничему на вопрос: зачем пожаловал ревизор? Жаловаться? — говорят, — «Не смей жаловаться, правительство-де настолько сильно, чтоб не дозволять жаловаться!» Но, если

только запретить жаловаться или заткнуть себе уши ватой, чтоб не слышать жалоб, это еще не значит, чтоб исчезло то, что́ вызывает, быть может, и справедливые, жалобы. Именно потому, что правительство настолько сильно, оно и должно бы, казалось, в своей мудрости заняться исследованием общественного явления, диагнозом недуга и не просто отрицать его наголо́ или вгонять его внешними мерами еще глубже внутрь.

Недуг этот и очень труден для врачевания, если внимание врачей будет обращено на внешние его проявления, вовсе не выражающие его сущности, как мы это показали выше, и очень легок для лечения или, по крайней мере, не представит особенных трудностей, если правительство сумеет распознать причины недуга, — легок или не особенно труден именно потому, что и он не имеет глубоких корней в самой *мысли* общественной, а более *психического* свойства, гнездится в недрах общественного духа, жаждущего и чуждого жизни... В прошлом №, в ответе «Гражданину» [17], мы уже назвали одну из причин недуга, но дальнейшее разъяснение этой темы отложим до другого раза.

<НАМ НУЖНО ИМЕТЬ ГОТОВНОСТЬ ДЕЛАТЬ СКРОМНУЮ И СКУЧНУЮ РАБОТУ КАМЕНЩИКА:

обозрение 1882 года>

Заканчивая нынешним № годовой круг нашего издания, скажем несколько прощальных слов и истекшему 1882 году. Без радости и без печали расстаемся мы с ним и вступаем в новый — как рабочие, переходящие от будней к будням. Да, для нас настали будни — серые, рабочие, тяжелые будни, — о праздничных радостях пока нечего и думать. Но нечего и предаваться чувству безнадежности и тоски, кричать на всех перекрестках перед всем миром: «Мы в унынии» — и аттестовать себя самих и все русское общество — как духовно-несостоятельных. Пора, наконец, перестать жить самообольщениями и порывами, увлекаться блестящей сценической обстановкой, довольствоваться поверхностью, хлопотать о венцах здания [1], не достроив даже фундамента, и постоянно забывать, что

> ...если Божий храм художник создает,
> Потребен *каменщик с испытанным терпеньем*:
> Он жизнь творению художника дает
> Работы мертвой исполненьем! [2]

Да, нам нужно мужественное терпенье, нужна покорная готовность делать скромную и скучную работу каменщика. Это всего труднее для нашей славянской, особенно русской природы. Нам, как мы уже однажды говорили, несравненно легче взять приступом неприступный Карс [3], перевалить зимою чрез Балканы [4] вопреки всем ученым теоретическим доводам величайших военных авторитетов, чем засадить себя за мелочной, невзрачный, ежедневный труд, для которого вовсе и не требуется развернуть во всю ширь нашу мощь и отвагу! А история предъявляет нам теперь запрос именно на такую работу, где не приходится припевать, хотя бы только в переносном смысле: «Раззудись, плечо, размахнись, рука» [5] (как, например, поступают наши радикалы-нигилисты в области мышления), но где, напротив, нужна не заносчивая, а глубокая дума, изучение, исследование, самообличение и, главное, — самовоспитание, а также и самовоздержание в меру потребностей настоящей минуты и исторического, всегда медленного процесса.

Лихая тройка несется по рвам-долам, выбирая путь самый кратчайший, и вдруг — стой! — увязла в топи, в грязи невылазной, как ни могучи кони, — ни шагу с места. Приходится их распрячь и посылать за рабочими, чтоб чинить дорогу, и пока не починишь дороги (на что требуется много труда, много времени), нельзя и тронуться в путь, к крайней досаде нетерпеливых, удалых седоков. В таком положении отчасти и мы. Есть и другое сравнение. Человек получил богатое наследство, самые широкие и благодетельные затеи роятся в его голове: только бы, казалось, приступить к делу, — а тут, откуда ни возьмись,

векселя, предъявленные ко взысканию: наследство оказывается обремененным долгами, старыми, забытыми долгами, по которым нельзя не расплатиться, нельзя приступить ни к какому иному предприятию — «дондеже воздаси последний кодрант»![6] У нас теперь в особенном ходу обращаться с упреком к настоящему дню и прославлять период времени с 1855 по 1881 г. Но забывают, что этот вечно памятный великими и славными деяниями период и сам не уплатил многих старых унаследованных им долгов да и натворил новых великое множество. Он, между прочим, передал вместе с наследством новому периоду и сугубую, или, вернее сказать, трегубую скудость: финансов, людей и идей. Казна наша не в порядке; людей, на таланты которых смело бы возлагались упования всей России, совсем почти не видно; идеи — общей, цельной, — программы — ясной, определенной, бесспорной, которая бы могла вызвать, сосредоточить, привлечь дружное содействие всех умственных и нравственных сил России, также пока нигде ни в правительственной, ни в общественной среде не имеется, — но зато какое богатство мнимых сил, всевозможных лживых призраков, фальшивых вкусов, аппетитов, вожделений, всяческого недомыслия! Оказывается нужным, прежде всего и пуще всего, привести в некоторый порядок наши средства или наши финансы, отыскать людей или дать время явиться и воспитаться талантам или, по крайней мере, деловитым, способным деятелям, а главное — выяснить в общественном нашем сознании самую цель, к которой следует нам стремиться, — одним словом, ту русскую национальную идею, которая бы всех нас привела к согласию и дружному действию, — чем самым определилась бы и облегчилась задача и самого правительства.

Но уже и то благо в деле расстроенного хозяйства, когда хозяева берутся наконец за ум и, вместо того чтобы, зажмурясь, мечтать, как гоголевский Хлобуев, о разных фантастических предприятиях[7], решаются взглянуть своему положению прямо в глаза и прежде всего привести в известность долги с твердым намерением заняться уплатой. Для некоторых натур, и именно для нашей, такая решимость не легка и требует особенного напряжения и своего рода мужества. Такой момент — еще не бодрого, веселого упования, а именно *отрезвления* начинается, кажется, и для нас. Вот, в сущности, главный и поистине благой результат 1882 года, если мы только не ошибаемся в своих выводах. Русское общество, сдается нам, трезвее теперь, к концу года, чем было в его начале, — и поводов к тому было немало. Смерть Скобелева — самое тяжкое событие 1882 года[8] — лишила нас личного мощного дарования и сильного духа и своею преждевременностью как бы призывала к развитию и подъему наших собственных сил без расчета на случайность высших личных даров. Но для общественного сознания несравненно назидательнее были некоторые другие уроки. В начале года, например, казалось, к общему утешению, что петербургская бюрократия всенародно признавала себя не только не всеведущею, но даже малосведущею, именно в вопросах, касавшихся внутреннего земского строя. В столицу Русской империи (еще до сих пор находящуюся чуть не за русской границей), т. е. в Петербург, были созваны не без торжественности, под названием «сведущих людей», разные земские более или менее известные и опытные дельцы, не из чиновников, напротив — независимого общественного положения, — для участия в обсуждении некоторых важных правительственных проектов и задач государственного хозяйства[9]. Ревностно принялись они за работу. О ходе их занятий печатались подробные отчеты в «Правительствен-

ном Вестнике»... [10] И вдруг — как рукой сняло. Заседания сведущих людей, еще не окончивших порученной им работы о переселении, должны были возобновиться осенью, но не возобновились, даже и без всякого о том предварительного оповещения и разъяснения. Точно «сведущие люди», как и их труды, равно и возбужденные их призывом общественные ожидания, канули в воду. Все это чрезвычайно отрезвительно. Не явно ли, что этот эпизод со «сведущими» был только случайностью, делом убеждения нескольких лиц, а нисколько не всей бюрократической среды; что петербургская бюрократия слишком глубоко коренится в нашем государственном строе, нимало не намерена сдаваться и по-старому упорно признает себя всеведущею? Не очевидно ли стало, что предания и привычки, насажденные издавна, пронявшие насквозь нашу административную формацию и самый быт правящих классов, не могут вдруг улетучиться и не исчезнут — без замещения имеющей образоваться пустоты чем-нибудь ясно определенным, — без предварительной победоносной работы сознания? Всего же отрезвительнее было отношение самого общества к этой первой правительственной попытке освежить бюрократическую храмину приливом свежего воздуха извне и нарушить заколдованный круг бюрократизма введением живого, местного знания и совета. С изумительно-детским легкомыслием наша же, именно «консервативная» и «либеральная», интеллигенция обрушилась и на «сведущих людей», чуть не смешав их с грязью [11], и на самое правительство с *упреком* за такой, в сущности все же полезный, эксперимент, и... добилась восстановления бюрократического полновластия, так как взамен этого эксперимента никакого иного у сей интеллигенции даже в проекте не оказалось. Оказывается, напротив, по признанию, например, самих так называемых либералов, что земство, которое они еще в начале года находили вполне зрелым и компетентным, пригодным хоть сейчас для какого угодно не то что совещания, но даже и любого европейского «правового порядка», никуда в настоящем своем виде *не годно*. Sic! Это последнее слово нашей так называемой либеральной партии под конец 1882 года и к началу 1883 года. Мы лично с этим спорить не будем, дивимся только, что с нами об этом чуть не два года спорили, и тем менее находим основательным такое со стороны русского общества осуждение первой правительственной попытки воспользоваться содействием людей не из бюрократической среды. Во всяком случае, можно только радоваться такому разочарованию значительной части нашего общества в подобных надеждах на свою зрелость и пожелать, чтоб она перестала изнывать в жалобах и пенях или драпироваться чайльд-гарольдовым плащом [12], а от разочарования перешла бы скорее к плодотворному отрезвлению и к серьезной работе мысли.

Нам кажется, что отрезвление, и даже значительное, наступило и в отношении к другой нашей исторической злобе. Если в минувшем году Русская земля была и не совсем еще свободна от нигилистических мерзостей и ужасов предшествующих лет, то все-таки сравнительно с прежним политических злодеяний было гораздо менее, а предупредительные меры полиции были гораздо успешнее. Авось-либо Господь Бог смилуется и пощадит Россию в будущем от повторений такого кровавого срама. Но и то уже утешительно, что случаи политических убийств и вообще политических преступлений, бывшие в 1882 году, вовсе уже не производили на общество того оцепенения ужаса, того злого террористического обаяния, которым оно бывало обхвачено в прежнее время и которое было так на руку нашим «политическим» сорванцам. Чары руши-

лись. Таинственная завеса ниспала и неведомые грозные силы обличились во всем ничтожестве своего внутреннего содержания, во всем своем грубом нравственном безобразии. Никакая идеализация на их счет уже невозможна, никакому недоумению, двоению мысли — уже нет места. Герои револьвера и динамита и сами по себе, и своими действиями и программами уже не возбуждают прежнего пряного в публике интереса, а вызывают только всеобщее чувство негодования, мало причастное сожалению и даже чуждое любознательности. Этот результат отрезвления мы признаем также немаловажным. Никто, конечно, не может поручиться в том, что их козням, заговорам и преступным покушениям положен конец, — но обольщать себя возможностью какого-либо влияния на общество (о народе и говорить нечего) или какого-либо сочувствия к себе они уже не имеют права, а обязаны видеть, что их в общественном мнении России постигла худшая из кар, хуже уголовных. Эта кара — *пошлость*. Они опошлились, и никакая чужая или даже собственная пролитая ими кровь, никакой даже ореол «мученичества» не снимет с их «политического» мундира печати пошлости, с их умственного облика печати убожества. И в самом деле — прочтите только три статьи «Наши анархисты», помещенные в «Руси» [13], и обильные в них выписки из различных органов русской заграничной революционной прессы. Даже стыдно становится за таких русских мыслителей: все их рассуждения и доводы были бы под стать разве гимназистам III класса, не старше, да и у тех мыслительные силы зрелее. Нет даже юного энтузиазма, а заученная фразеология ремесла. Это «статисты революции», как выражался во время оно даровитый и пылкий Герцен [14], — движимые чужою, искуснейшею рукою. Кстати о Герцене: с 1 № будущего года мы начнем печатание в высшей степени интересной полемической переписки с ним в 1864 г. Ю. Ф. Самарина [15] о характере и возможных последствиях его, по мнению Самарина (вполне оправдавшемуся), зловредной заграничной политической агитации...

Светлой полосой в памяти о 1882 годе останется Всероссийская промышленная выставка [16], — светлой, но не яркой — в том именно смысле, что впечатление, произведенное ею на общество, не отличалось особенною живостью, хотя тем не менее было вполне, по нашему мнению, плодотворно. Несравненно большее впечатление произвели успехи русской промышленности на иностранцев. Мы же, как известно, склонны или к восторженному превознесению своих достоинств, к самообольщению, подчас даже опасному, — или же, что́ случается с нами чаще, к порицанию, иногда самому дешевому, бесшабашному, всего *своего*, родного, даже к самооплеванию и самозаушению. На этот раз, однако, первого, т. е. патриотически-восторженного, пристрастного до ослепления отношения к нашей выставке вовсе не проявилось; но и пристрастие в противоположную, отрицательную сторону было гораздо умереннее, может быть, именно ввиду иноземной оценки, которую обвинять в русском *шовинизме* уже никак не приходится. Благотворным же последствием выставки мы признаем именно то, что русская промышленность завоевала себе, так сказать, право гражданства в нашем общественном сознании, что она оправдала на деле систему покровительственного тарифа и может служить превосходным наглядным аргументом в пользу продолжения этой системы, а также и развития ее по отношению ко многим иным отраслям нашей промышленности. Наконец, на этой выставке в первый раз заявила себя и наша сельская, не фабричная промышленность, так называемое кустарное производство. Нет сомнения, что вы-

ставка значительно раздвинула, хотя бы только в сфере экономической, пределы нашего национального самоведения, а это именно то, что́ нам на потребу.

Много было говорено и писано в нынешнем году о «национальной политике», «национальном направлении» в правительственных мероприятиях, но едва ли не более *против*, чем *за*... Это также весьма отрезвительный вывод для тех, которые уверяли, будто злоба дня вовсе не в вопросе о национальном направлении и не в самобытности, — будто принцип национальности и живое народное чувство уже и без того давно возобладали не только в нашем правительственном строе, но и во всей так называемой интеллигенции. Оказывается, напротив, что именно-то в обществе, в сверхнародных, «интеллигентных» классах национальное самосознание наиболее слабо и далеко не доразвилось до силы жизненного творчества; что вообще по этой части мы пред своим народом еще в долгу как в шелку... Одним словом, 1882 год, не будучи нисколько бедственным, дал нам, однако же, немало суровых, отрезвляющих вразумлений, подкрепленных еще и тяжким экономическим кризисом, выразившимся во всеобщем торговом застое и в небывалом еще до сих пор падении русского денежного курса.

Что́ ж! спасибо за вразумления. Не настолько уж мы дряблы, чтоб предаться унынию или ожидать, что авось как-нибудь «русский бог» или правительство, словно deus ex machine *[17], выручит нас из затруднения, а мы будем лишь браниться, ныть да бездействовать мыслью в ожидании какого-то неведомого крупного внешнего дела, — неуспех которого (если бы таковой оказался, что́ почти несомненно) взвалим опять-таки не на себя, не на свою личную ответственность, а на правительство. Но кем же иным поставляется многочисленный правительственный контингент, как не самими нами? Будь мы сами не то, что́ мы есть, будь мы не так убоги *гражданскою* доблестью (воинской нам не занимать стать), будь в нас самих живее и действеннее русское чувство и русская мысль, свободные от рабского подражания чужим образцам, — самые дела наши пошли бы, вероятно, иначе...

Одного только мы желаем и просим у правительства, это — беспрепятственного обмена мыслей в печати. Мы не можем не пожалеть, что истекающий год неожиданными цензурными распоряжениями [18] расстроил ряды наших противников и не только дал им повод причислить себя к разряду будто бы «пострадавших за правду», но и ослабил единственную возможную с ними для нас борьбу — на полной свободе.

До следующего года, читатель...

---

* бог из машины (*лат.*).

<ЛЕОН ГАМБЕТТА КАК НОСИТЕЛЬ ИДЕИ ПАТРИОТИЗМА>

Мы еще не получили парижских газет, а потому и не знаем еще в точности о том впечатлении, которое произвела на Францию смерть Гамбетты [1]. Что оно сильное — об этом уже известили нас телеграммы, да в этом и сомневаться нельзя, но глубокое ли — вот вопрос. Задумается ли наконец над своею судьбою Франция, решится ли взглянуть ей прямо в глаза? Или разделается с событием — великолепными гражданскими похоронами, восклицаниями: Le grand citoyen! Le grand patriote! * — ораторской болтовней, может быть, постановкой где-либо бюста или статуи, — а затем все пойдет по-прежнему, по наклонной плоскости... к катастрофе или к новому перевороту? Удивительная страна, то возносимая на верх могущества, величия, славы, то низвергаемая до бессилия и позора, страна хронической революции, осложняемой периодическими кровавыми насилиями, словно острыми припадками лихорадки! И такой революционной жизни, порвавши всякую органическую связь с дореволюционным прошлым, считает она себе почти сто лет! Для современной Франции историческая эра начинается с эпохи «великой революции» — la grande Révolution...

Трудно, конечно, судить о степени живучести и упругости сил, таящихся в таком огромном политическом теле, как Франция, но, по свидетельству самих французов, самым зловещим признаком наступающего органического расслабления является упадок *патриотического* духа в целой нации... В этом отношении смерть Гамбетты является для Франции истинным бедствием: с самого первого дня, как он вылетел из осажденного Парижа в 1870 г. на воздушном шаре [2], с тем чтоб диктаторски организовать национальную оборону, — он был представителем и носителем именно идеи патриотизма, т. е. любви к Франции как государству, как политическому организму. Восстановить политическое значение в семье великих держав, ее честь, ее обаяние и могущество при республиканской форме правления — вот те идеалы, к которым он стремился и достижение которых вполне справедливо признавал немыслимым при сильной власти. Но республика и сильная власть, способная устранить все помехи, представляемые республиканским политическим строем, — другими словами, власть, возведенная на степень диктатуры, — два понятия, взаимно исключающие друг друга, и в этом противоречии запутался сам Гамбетта на первых же порах своего кратковременного управления в качестве главы кабинета, год тому назад. Обладал ли он истинным талантом организатора и правителя и политическою прозорливостью — мы не беремся решать, — но несомненно, что его страстный патриотизм вместе с железной энергией, блистательным даром слова, точным, практическим умом и пламенною жаждою отместки Германии за все нанесенные Франции обиды и поражения — создали из него в последнее время самую крупную нравственную силу во Франции, сильно смущавшую

* Великий гражданин! Великий патриот! (*фр.*)

Покушение на Леона Гамбетту куртизанки Леони Леон (декабрь 1882 г.).
Гравюра Ф. Паннемейкера по рисунку П. Межанеля из книги Лео Таксиля «Les Mystères de la Franc-Maçonnerie» («Тайны масонства», Paris, 1886)

покой германского патриота на берегах Шпреи... Во всяком случае теперь, вместо Гамбетты, нет другого во Франции имени, которое бы просилось на память, и французы могут поистине возгласить с плачем: «Человека не имамы!..»[3] А французы, хоть и республиканцы и демократы, хоть и исповедуют политический принцип народного верховенства, менее кого бы то ни было могут обойтись без властного «человека»; даже крайние радикалы, провозглашая ni Dieu ni maître (ни Бога, ни господина)[4], страстно любят принцип власти, которой и домогаются для себя, — да, впрочем, и вся эта революционная борьба никогда не была борьбой из-за свободы, а из-за власти...

Французы и сами чуют, что без властного человека им не справиться. Они желают и боятся его пришествия... Кто-то из легитимистов пустил в оборот слово: Le Roi vient, Король идет! — и все французское общество вздрогнуло! Бедная Франция! Услышим, непременно услышим мы возгласы: «Король идет!..» «Цезарь идет!..», а может быть, и «Смерть идет!» — во образе коммуны или кровавой анархии...

1883

<НЕ «РОЖА КРИВА», А КРИВО САМОЕ ЗЕРКАЛО>

Не в том вопрос, что́ сулит нам новый 1883 год, а в том, что́ сами несем мы ему навстречу. И не о надеждах или упованиях наших на будущее ведем мы здесь речь: характеристическою чертою настоящей минуты — это скудость самых надежд и упований. Ведь и то и другое предполагает какой-либо отчетливо сознанный предмет вожделения: нет силы в надежде чего-то на что-то, ни в уповании на лучшее *вообще*. В том-то и дело, в том-то и печаль наша, что мы и сами не знаем, чего желать и чего хотеть, что если сокрыто от нас — чем наполнена кошница [1] пожаловавшего к нам гостя, какие блага, какие невзгоды и во всяком случае поучительные вразумления таятся в ней, то уже совершенно не закрыто, а явно для нас самих, что встречаем мы новый год с пустыми руками и пустою кошницей. Ни планов, ни программ, ни тщательно поставленных задач, ни строго обдуманных и точно выраженных требований, ни даже ясных стремлений или определенных положительных идеалов. Зато много разбитых (и поделом разбитых) верований, много горьких разочарований — сомнения, недоумения, вопросительные знаки везде и во веем, а знаки восклицания стали у нас уже давно знаками отрицания... И это после многих лет неумолчного, почти свободного говорения — достаточно свободного, чтобы могла выработаться и вызреть общая мысль, чтоб люди могли сойтись на каком-либо общем решении некоторых насущных вопросов, придти хоть к некоторому единству взглядов и воззрений!.. Напротив, чем больше толковали, тем больше сбивались с толку; чем обильнее были словопрения, тем легче путались в собственных противоречиях, тем пуще затемнялся смысл, пока, наконец, умствователи не обессилели и не стали — что́ уже очевидно — в тупик, хотя многие и не расположены в том сознаться... Невольно вырывается порою из груди клик отчаяния — праздный, разумеется, клик: не здоровее ли было бы, пожалуй, нам всем помолчать и *в молчании стяжать* ум свой?

Конечно, дело идет не о каких-либо частных случайных злобах дня, так или иначе удовлетворяемых. Да и под словом *мы* следует здесь разуметь наше общество, нашу «интеллигенцию», а не ту громадную массу русского населения, которая имеет, хоть и несознаваемую ею, привилегию *жить*, просто жить, не мудрствуя лукаво, и делать

Дело великое жизни... [2]

за нас и для нас. Завидная привилегия! И не здесь ли должна поискать себе объяснения самая наша общественная *боль*? Не ощущается ли, не видится ли в нас некоторый недостаток чего-то, что немцы называют или назвали бы

Lebensstoff, — т. е. *жизненной материи*, той непосредственной органической силы, которая, находясь вне нашей воли, почти не поддаваясь сознанию, питает, живит, ведет, направляет человека, дает ему чувство удовлетворения, чувство настоящей жизни?.. Не со вчерашнего дня замечаются в русском обществе признаки такого явления. Да простят читатели пишущему эти строки ссылку на одно его давнее стихотворение, едва ли кому известное, в котором как бы отразилось предощущение нашего современного недуга:

Смотри: толпа людей, нахмурившись, стоит —
Какой печальный взор! Какой здоровый вид!
Каким страданием томяся неизвестным,
С душой мечтательной и телом полновесным,
Они речь умную, но праздную ведут,
О жизни мудрствуют, но жизнью не живут
И тратят свой досуг лениво и бесплодно,
Всему сочувствовать умея благородно!
Ужели племя их добра не принесет?
Досада тайная подчас меня берет
И хочется мне им, взамен досужей скуки,
Дать заступ и соху, топор тяжелый в руки
И, толки прекратя об участи людской,
Работников из них составить полк лихой![3]

В том-то и горе наше, что мы и до сих пор вое еще «о жизни мудрствуем, но жизнью не живем» и уж до такой степени замудрствовались, что перестали и понимать самую жизнь, утратили самую способность разумения ее языка. Но добро бы мы сознавали ясно, сами бы оплакивали эту нашу неспособность! Нисколько. Напротив: не сознавая ее, но, однако же, чувствуя неполноту своего бытия, мы стараемся вознаградить в себе изъян личной жизни преизбытком гордости, самомнения и неуважительного отношения к жизни *немудрствующих*. Мы не только *отвлеченно* мудрствуем о жизни, но и *мудрим*, в силу условий нашего общественного строя, над жизнью народною, т. е. мудрствуем *реально*. Но такая практическая отвлеченность лишена, разумеется, всякой зиждительной силы и только наполняет наш реальный мир более или менее безобразными явлениями, какими-то вещественными абстрактами, наводящими на нас еще пущую тоску и уныние, — только плодит в наших умах еще большую путаницу и смуту...

А между тем этому «мудрствующему», убогому жизненным смыслом общественному слою принадлежит в нашей стране властное и не метафорически, не по сравнению только, а по закону и по бытовым условиям привилегированное положение. Так уже сложилась наша новейшая история. И вот этот властный и привилегированный сверхнародный слой, он-то именно и мятется мыслью в настоящую минуту, да так мятется, что порой вызывает воспоминание о зимней мятелице, что вертит-крутит снежную пыль, слепит глаза ямщику, сбивает его с дороги, заводит его в сугроб с телегой и лошадьми... Кто виноват? ямщик или мятелица?.. Если в чем можно упрекнуть ямщика, так разве только в том — зачем выехал он в мятель, а не переждал, пока она уляжется и сменится лучшей погодой...

Да, такое явление мятущихся и мудрствующих представляет теперь наше отечество... Есть грубоватая пословица: нечего на зеркало пенять, коли рожа крива. Но ведь случается и наоборот: лицо вовсе не криво, а если даже не верх благообразия, то вовсе и не безобразно, — а *криво самое зеркало.* Общественное сознание в жизни страны — что же оно иное, как не зеркало? Не в *кривом ли зеркале* постоянно отражается и наша Россия? А так как носителем этого сознания у нас именно и есть мудрствующая о жизни и мудрящая над русскою народною жизнью, в то же время и руководящая часть русского общества, то не приходится ли с болью в сердце признать, что у русской жизни — у той, которой духом и непосредственною творческою силою создалось, держится, стоит наше государство, — *криво самое сознание?..* Нельзя не пожалеть о положении страны, где правители и руководители осуждены почерпать необходимые о ней данные из такого зеркала, которое отражает все косо и лживо, малое кажет крупным, крупное малым, темное светлым, светлое темным, красивое — пугалом и наоборот! На то же осуждены почти все наши умствователи, вместе и порознь, почти вся наша так называемая интеллигенция, — и чем только не является Россия у них в отражении, какими только благами не угрожают ей!.. Но так как в практическом применении почти всякое измышленное ими благо попадает мимо, как-то в бок или шиворот-навыворот, то и взаимным недоразумениям, а в частности разочарованию и отчаянию нашей интеллигенции, нет предела... И какие недоразумения! — от разведения маиса в Архангельской губернии до заведения аристократии на английский манер, от насильственных плантаций картофеля там, где не знают, куда деваться со пшеницей, до конституционных попыток (причем конституция понимается в народе как жена Константина Павловича[4]), и т. д., и т. д.! Миллион недоразумений или поистине «миллион терзаний»![5] На недоразумении зиждется чуть не две трети воздвигнутых нами построек, — недоразумение всосалось нам в плоть и кровь, так что стало для нас нормальным элементом существования, хотя расплодившиеся кругом трагические реальные аномалии начинают душить и давить нас самих...

Но ни недоразумениям, ни аномалиям конец еще не настал. Вот и в настоящую минуту в Петербурге, этом могущественном воплощении абстрактно-мудрствующей и реально-мудрящей в России силы, — самым простодушнейшим образом, для стомиллионного населения, для государства, считающего себе тысячу лет исторической и девятьсот лет христианской церковной жизни, «люди науки» изволят сочинять новые гражданские и уголовные уложения как бы в каком безвоздушном пространстве! Профессор А. вводит в семью, вместе с «фамильными советами», и будочника, профессор Б. проектирует условия и сроки развода так-то, профессор В. назначает их инако и, наконец, профессор Г. требует введения его при всяком удобном и неудобном поводе... Одним словом — рассуждают себе о семье и разводе с самою достолюбезною развязностью, как будто в России нет ни народа, ни церкви (не только как церковного правительства, но и как церковного общества), как будто вопрос о разводе и семье не касается ближайшим образом христианской совести всего русского народа... Его-то, слона, и не приметили[6] в Петербурге... Об уложениях мы упомянули теперь так, для примера, нам придется еще обстоятельнее поговорить о них... Но пусть читатель только восстановит в своей памяти и своем воображении все это долгое, давнее, упорное искривление нашего общественного сознания, и ему живо представится картина современной России. С одной

стороны — великий народ, — тот, в котором вся *тяга земли*, тот страстотерпец, который на своих плечах вынес все бремя нашего исторического существования и государственного зиждительства, который хранит в себе самый источник жизненной силы нашего бытия. Этот народ бодр и свеж, полон веры и здравого смысла, несет безропотно свою историческую службу — одним словом, делает доступное ему дело жизни, выжидая, чтоб недоступное ему, по его неведению и самому бытовому строю, довершили те, которые *от* народа, но *сверх* народа призваны служить высшим органом народного самосознания. Но поверх народа чем же является взору постороннего наблюдателя русское общество?

Мятутся, будто галок стая,
Завидев коршуна вдали,
Кричат, галдят, не понимая
Друг друга и родной земли![7]

Прислушаться к этому разноголосому крику, выходит, что государство, которое даже после тысячи лет исторического бытия почитается у всех еще молодым, до сих пор окончательно не сложилось, все еще ширится, растет, подъемлется из силы в силу, — что это государство чуть не на краю гибели, бессильно, маломощно, тщедушно, хило, так что щелчок дать — свалится, рассыплется, — не о себе стоит, не о себе живет и может спастись лишь по иностранным рецептам! Выходит как-то, что страна, бóльшая чем все государства Европы взятые вместе, — чуть ли не страдает «малоземельем», тогда как наши же «люди науки» обыкновенно краснеют за ее малонаселенность, сравнивая с населенностью Европы. Выходит, что страна, наделенная несметнейшими богатствами, — чуть не самая беднейшая в мире... Выходит, будто народ, наиболее *человечный* между всеми народами (об его человечности свидетельствуют даже иностранцы, особенно очевидцы последней нашей войны[8]), превративший в обработанные цветущие нивы «Дикое поле»[9], степное кочевье азиатских орд, просветивший светом христианства и гражданственности многое множество племен туранского[10] происхождения, населивший, возделавший, распространивший свое политическое и культурное влияние в размере истинно исполинском (и все это сам собою, при тех помехах, какие неизбежны, когда в распоряжении властей не верное, а кривое зеркало), — что этот народ, как еще недавно возгласил в Петербурге один из авторитетных жрецов науки, вовсе-де не культурный, к культуре не способный и по части культуры стоит ниже всякого татарина, а потому... Потому нечего ему и притязать на какую-либо самобытность законодательного, политического и духовного развития!..

Одним словом — целый мир лживых представлений, мнимых болестей, мнимых сил и мнимого бессилия, фальшивых потребностей и нужд, подмененных целей и идеалов — подобия жизни, лишенного силы жизни! Зато теперь наши мудрствующие и мудрящие сами казнятся. Никуда не вывезло их пренебрежение к русскому народу и народности, и как ни шпорили они оседланных коней своих, — т. е. всевозможные доктрины, теории и всяческие абстракты, — не вынесли их лихие кони и только вышибли из седел. В настоящую минуту сильно убыло у наших вожаков заносчивости и самодовольства, но до смирения еще далеко. Они еще не способны повиниться, они всё отыскивают

виноватого... Виноватым оказывается, разумеется, правительство, и только оно одно; на шею его и взваливается вся ответственность...

Но от этого никому не легче, и такое обвинение не только не поможет делу, но еще более путает понятия и отдаляет желанное исцеление. Не пора ли уже и перестать баловать себя самих таким дешевым обвинением и отводить себе глаза от наших же собственных вин? Может быть, и действительно, с исторической точки зрения, первоначальная вина искривления нашего народного сознания, вина отчасти невольная и во всяком случае не лишенная смягчающих обстоятельств, лежит в правительстве, хоть бы начиная с Петра, — но уже с давних пор роли едва ли не переменились. Воспитанное правительством, общество стало воспитывать его самого, создало около правительства целую среду, обусловливающую и определяющую в большей или меньшей степени его государственную деятельность. Его ошибки и вины — ошибки и вины самого общества, той или другой его части. Если чего следует желать нашему правительству, так это возможности и решимости высвободиться из одуряющей общественной атмосферы и окунуться в свежих струях жизни *народной*; если что́ может быть поставлено ему в вину, так именно то, что оно из-за общества не усматривает самого народа, не замечает кривизны зеркала... Но ведь недостаточно откинуть или разбить кривое зеркало, нужно заменить его зеркалом новым, отражающим точно, верно, правдиво, а такового не создать по щучьему веленью!.. Все-таки в правительстве, каково бы оно подчас ни было, важен и дорог самый тот исторический государственный и народом сознательно охраняемый принцип, которому Россия обязана своим политическим бытием и ростом — несмотря ни на какие препятствия внешние и внутренние, ни на какие абстрактные мудрствования и практические мудрования. И благодаря стойкости этого основного принципа бывали и в новейшей нашей истории великие, святые мгновения, когда, словно чудом, исторический народный инстинкт возобладал над всеми отвлеченными умствованиями, объединял в одном чувстве и в одном стремлении все классы и сословия безраздельно.

Положение России таково, что, будь правительство не только семи, но семисот семидесяти семи пядей во лбу, и то вдруг, разом, собственною силою не разрешило бы задачи. Нельзя одним махом переделать дело давних времен, стряхнуть хлам и пыль столетий, *выправить* общественное сознание и восстановить в один прекрасный день, каким-нибудь указом, цельность и немыслимое без цельности творчество жизни!.. Уничтожение крепостного права выдернуло, так сказать, из-под самого главного орудия общественного строя, из-под дворянского сословия, ту историческую вековую основу, на которой оно сидело. «Ста тысяч полицеймейстеров» в виде помещиков[11] — чем так гордилась Екатерина II, — как бы не бывало. Образовался провал, и многое повисло на воздухе. Кое-как, на скорую руку созданными земскими учреждениями, никого пока в своем настоящем виде не удовлетворяющими, поспешно заткнули эту пустоту; но тем не менее великий социальный переворот, совершенный Александром II, поколебал всю правительственную систему, созданную петербургским периодом русской истории с его бюрократическою, канцелярско-полицейскою опекою. Новый строй еще не сложился, да и сложиться ему нелегко — именно благодаря отсутствию в правящих и в общественных классах исторического национального духа и нераздельной с ним жизненной творческой силы и правды в сознании. А ведь из этих общественных классов попол-

няется самый состав правительства; из них же берутся работники и исполнители — одним словом, все орудия правительственной деятельности. Обратится ли правительство помимо их, т. е. своих присных [12], прямо к так называемому общественному мнению, стараясь уловить его в речах и печати, что́ услышит, что́ найдет оно? Ничего, как мы уже сказали, кроме оглушительного разномысленного сумбура, — никакой программы, сколько-нибудь определенной, в которую кто бы нибудь и сам твердо верил, никакого ясного и толкового плана, а больше всё отражения да отзвуки чужих, вычитанных, на иноземной почве возникших доктрин и теорий. Если кого должна взять тоска, так не наших так называемых «либеральных» публицистов, а именно правительство. Что́ ж это такое, что́ за притча такая? Ведь есть же жизнь и сила жизни в России, иначе Россия давно бы перестала и быть, а не продолжала, напротив, неведомо как, хоть вкось и вкривь, но все же расти и множиться, — но отчего же сила эта не дается в руки, отчего не слыхать языка этой жизни в русском поверхнародном слое?

Ничем нельзя было бы хуже наказать наших современных отрицателей, пессимистов и всяких иных критиков, вообще корифеев так называемой интеллигенции, как если бы вдруг, подобно Хлестакову в «Ревизоре», почудились им слова: «Иван Александрыч, Иван Александрыч, пожалуйте государством управлять!»... [13] После первых двух лет эксперимента они преданы были бы проклятию, втоптаны были бы в грязь самою интеллигенцией — как теперь топчут в грязь то самое земское и городское самоуправление, которого так добивались, с которым на первых порах так носились, рисуясь в роли членов парламента в некотором роде! Кстати: многими и теперь превозносятся времена первых так называемых «либеральных веяний»... [14] Но спрашиваем тех, которые в те времена пытались рекомендовать правительству: учинить всероссийское представительство из членов губернских земских собраний, — каково было бы положение правительства, да и их самих, если б оно поверило им на слово и послушалось их совета? Ведь теперь они же сами, на основании сравнительно маловажного опыта с вопросом об организации уезда, объявляют во всеуслышание, что земские собрания в настоящем своем виде совсем никуда *не пригодны* и земский гласный отнюдь не может быть признан надежным представителем общественной мысли... Так перевернулись взгляды и соображения в течение одного или полутора года! И затем ничего в запасе нет, кроме воздыханий, сетований, пеней, жалоб и порицаний, но *не на себя* обращенных... А с этого-то и надо было бы начать, и в этом начале едва ли, по пословице, не половина дела... [15]

Короче сказать, если б кто нас спросил, в чем наша беда? — мы ответили бы: в том, что криво народное самосознание в русском обществе, в том, что в бегах у нас, в затемнении или плену самый здравый смысл, — и на вопрос: что́ нам теперь нужнее всего? — «эманципация здравого, *простого* смысла» — был бы наш ответ.

Не об индивидуальном, личном смысле каждого, конечно, идет здесь речь, и обижаться здесь некому. Мы имеем в виду опять то же самое общественное явление, на которое уже однажды указывали, задавая вопрос: почему в России, где народ отличается такою смышленостью, все мы жалуемся на «безлюдье», т. е. на недостаток людей умных и способных? Это вовсе не значит, чтоб в России мало было людей, одаренных вообще умом и талантами, — их, напротив,

довольно, — но слишком уж мало людей, одаренных здравым разумением вещей именно самых *простых* и в их настоящем виде. Способности к *отвлеченным* умозрениям у нас много; в ней по преимуществу мы и напрактиковались; но в понимании жизни действительной, реальной, именно русской народной жизни, мы оказываемся большею частью до постыдности слабы. Наше общественное воспитание напоминает собою семинаристов былых (а может быть, и настоящих) времен, которые готовы тотчас набело настрочить какую угодно проповедь или богословское рассуждение на любую тему, но не в состоянии написать толково ни делового письма, ни рассказа о вещах самых обыкновенных!.. Точно так же и наши «интеллигенты»: все превеликие мастера писать разные «взгляды» и «нечто» [16], судить и рядить о судьбах человечества вообще, созидать и разрушать в теории человеческие общества... Правда, оригинального тут нет ничего, как и у семинаристов-богословов: у тех и у других есть под рукою книжки или профессорские лекции... Но зато прибавьте, именно «интеллигентам», — и это своего рода оригинальность, — самомнение, гордость знания, или, точнее, — полузнания, чванство последними словами науки, высокомерно-отрицательное отношение к русской истории, к русской народности, полнейшее неведение — из человеческих обществ — именно русского общества, — и вам станет понятно, каким образом в этой среде отвлеченности, неведения и отрицания, но все же на русской почве, могли возникнуть и сепаратизм, и федерализм, и конституционализм, и социало-демократизм, и демократо-революционизм, и анархизм — одним словом, все заграничные *измы*, образовавшиеся там исторически и законно, но у нас беззаконно-рожденные, — а в конце концов, как венец нашего общественного культурного развития, все выражающий одним словом, приводящий все к одному знаменателю, вполне уже *наш*, свой, дома выхоленный — н и г и л и з м... Что́ же мудреного, что водворился наконец такой умственный хаос, что никто не только действительной жизни, но и друг друга не разумеет, и всех обуяли уныние и тоска — уныние вследствие видимой своей общественной, хотя еще и не вполне понятой несостоятельности и тоска, также еще не сознанная, но несомненная — по здравом смысле... «Так дальше продолжаться не может» — слышится теперь обычный возглас... Может-то может, — такие возгласы приходилось нам на нашем веку слышать не раз; может, потому, что Россия стоит теми 80% населения, с которыми-то именно наши мнимые «либералы» и не любят считаться. Но не подлежит и спору, что если такой хаос продлится, он отзовется наконец и на жизни народной, — будет, как зловредное поветрие, портить народ, так сказать, на самом корню.

Как же, однако, из такого положения выйти?

Выйти нелегко. Может вывести, пожалуй, какое-либо крупное внешнее событие, но такого содетеля накликать нежелательно. Пожалуй, случится и нечто другое, совсем неожиданное, но не невозможное у нас. Совершенно верно замечено, что наше развитие идет скачками, что между отцами и детьми в русском обществе большею частью нет ничего преемственного, а какой-то обрыв. И нам сдается, что русский доктринаризм начинает уже несколько утомлять общество и подергиваться *окраскою пошлости*, по крайней мере в глазах еще не действующего, еще лишь подрастающего молодого поколения, насколько нам довелось его наблюдать. Может быть, мы обманываемся — но как не хотелось бы обмануться! — совсем негаданно, того и гляди, выступят на сцену молодые

люди с отвращением к дешевым отвлеченностям и обобщениям, с скептическим недоверием к теории, без суеверного отношения к «последним словам науки», — поколение, по всей вероятности, без самообольщения, но и без энтузиазма, даже без мечтания об «общем благе» (о котором предшествовавшим поколениям полвека сряду было обязательно мечтать с 15 лет), но с несравненно бóльшим практическим смыслом, с большею честностью в самооценке, с более здоровым критериумом и с большею способностью к основательному, хотя бы и скромному, кропотливому труду, а также и *к жизни в деревне*. Это будет прежде всего выражением нравственной *реакции*, поворотною точкою в нашем общественном процессе, и во всяком случае будет к добру... Как весною усматриваются иногда поверх старого, перебывшего зиму травяного хлама там и сям молодые побеги свежей зеленой травы, — так будто и теперь видятся нам такие побеги в нашем современном обществе... Но, повторяем, это только наше предположение, основанное на некоторых признаках: всякие теперь выводы из него были бы неуместны.

Но чтó непременно требует нашего неотложного внимания, это общественное воспитание. В нем главный источник нашей болезни — *болезни сознания*. Все наше воспитание, особенно университетское, организовано так — и уже издавна, с самого первого насаждения у нас европейского просвещения, — чтоб воспитывать людей в отвлеченности и в отрицании — в отрицании русской духовной национальной сущности [17]. С самого начала образование служило правительству только средством для изготовления нужных ему для государственной службы людей. Это придало образованию особый отпечаток, имевший немаловажное историческое значение. Диплом университетский окончательно вытеснил в обществе значение дворянской родословной и заградил дорогу политическим поползновениям аристократизма; он равнял все сословия, но зато всех переправлял в благородное и привилегированное звание людей казенных, чиновников, в свою очередь дослуживавшихся до барства и рабовладельчества. В то время наука, цивилизация состояли в казне, мыслились только во французском кафтане или немецком мундире, при шпаге и в одном из классов Табели о рангах, — и понятное дело, что требовалось не столько науки, сколько «цивилизации»... Учились же все «понемногу, чему-нибудь и как-нибудь» [18]. Настала другая пора. Государственная потребность в образованных чиновниках удовлетворена с избытком и может считаться вполне обеспеченною, но университет и до сих пор не может назваться «храмом науки». Он и теперь сохраняет свое утилитарное, так сказать карьеристское, значение. Студенты попрежнему на положении «питомцев государственных». — «Наука» приобрела несравненно более ученую осанку, осанку «почти европейской» науки; но в сущности она была и осталась, большею частью, только рабским отголоском науки Запада, именно в том ее состоянии, на том последнем ее слове, какое г. профессору стало известно, когда он с нею знакомился за границей, еще приготовляясь к своей кафедре... За немногими исключениями, наука в России, вообще говоря, не проявила живой, творческой силы. Русский гений внес самостоятельный свой вклад в сферу искусства, но в науке этот вклад крайне беден, — как, впрочем, об этом прекрасно и очень метко говорит наш сотрудник, Н. Н. Страхов, в статье, ниже помещаемой... [19] Университет и в наше время продолжает искусственно, разными преимуществами и льготами привлекать к себе многое множество учащихся от всех сословий и, оделяя их подобием на-

уки — более или менее бледным и сокращенным списком с заграничного оригинала, — создает из них массу, во-первых, *господ*, по выражению простонародья (каковыми, однако, оно не считает ни семинаристов, ни слушателей духовных академий), т. е. людей привилегированных; во-вторых, людей совсем оторванных от народа, его верований, его исторических преданий, его бытовых воззрений, его идеалов политических, исторических и духовных, — и не только оторванных, но поставленных к ним в отношение прямо отрицательное. Наконец — людей по необходимости *отвлеченных*, лишенных национального чувства, национального разума и национальной почвы и способных лишь именно к абстрактным мудрствованиям, а потом и к мудрованию над неведомою им и не уважаемою ими народною жизнью. Здесь-то и совершается тот процесс *искривления сознания*, о котором мы говорили. Здесь вставляются юноше чужие очки, в которых он потом и ходит обыкновенно до конца дней своих; здесь даются ему чужие весы и мерила, на которых он потом вешает и мерит *свое*, народное; здесь пересаживаются в его душу все болезненные отрицания, стремления, искания чужой исторической жизни со всеми ее недугами и не влагается ни одного положительного, своего, национального идеала... Таков, за некоторыми, повторяем, частными исключениями, общий характер образования, получаемого в русских университетах, да и в большей части наших учебных заведений. Впрочем, о плодах его можно судить, и довольно безошибочно, уже по нашему обществу: у нас ведь домашнего семейного воспитания в высших общественных классах почти и не существует: ему почти систематически не дается хода. Во всяком случае, никто не станет отрицать, что в нашей современной молодежи, по которой мы обязаны заключать и о результатах получаемого ею высшего образования, редко приходится встретить не только патриотический энтузиазм, но и просто горячее чувство любви к своей земле и своей народности, а также и гражданскую доблесть. Разве это не печальное явление? Разве не ответственны за него наши педагоги пред всей Россией? Для того ли сбираются на содержание высших учебных учреждений миллионы денег с русского народа, чтобы воспитывать людей безнародных, не расположенных и не способных служить России именно так, как ей нужно, и в том, что́ ей на потребу? Скажут, конечно, что призвание университетов воспитывать человека *вообще*, служить истине вообще, без отношения к национальности, что наука-де космополитична по самому своему существу, и т. д., — словом, возражения известные. К этому, без сомнения, в сотый раз прибавят, что газета «Русь» — враг всякого просвещения и желала бы удержать русское общество на уровне умственного развития и познаний русского мужика. Но газета «Русь» именно и отстаивает серьезную в России школу, именно ту, классическую, которая как бельмо на глазу у наших противников; но, по мнению газеты «Русь», русскому человеку нужно учиться несравненно более, чем любому европейцу Запада, именно потому, что мы, русские, пришли в исторический мир позднее других и должны обратить в свое духовное достояние всё, что́ до нас выработано веками общечеловеческого мышления. Но ведь европейская наука там, где она процветает, у себя дома, в оригинале, а не в жалкой копии, как у нас, не производит нигде национального *обезличения*, не вытравливает в людях чувство своей народности, любовь к своей земле и сознание своих к ней обязанностей: доказательством служат все истинные служители науки в Англии, Германии, Италии, Франции. Но ведь мир не безвоздушное пространство, и в мире реальном

человек вообще существует лишь как отвлеченное понятие, а человек *безличный* — значит человек, лишенный всякой способности самостоятельного усвоения, восприимчивости и воздействия, производительности и творчества, — лишенный всяких сил личного духа, которыми мог бы он, *сохраняя свою личность*, доразвить, возвысить ее, по возможности, до *человека вообще*. И так как нет человека, который бы не принадлежал к какой-либо народности, то то же самое, что́ сказано о личности индивидуальной, должно быть перенесено и на личность коллективную, или народную. Без *народного* не может быть и *общечеловеческого*: только уважая свою народную личность, только развивая, разрабатывая все дары, все силы личного народного духа, может народ совершить свое служение высшей истине (что́ особенно хорошо выражено в статье г. Соловьева в этом же №[20]); только тогда может внести он и свой самостоятельный вклад во всемирное, общечеловеческое просвещение. Но свойства народных умов разные, жизненный исторический опыт их различен, даже отражение высшей нравственной правды в быту и в жизни народов бывает у каждого своеобразное; наконец, каждому дано в этой высшей истине усмотреть и развить по преимуществу, в реальном применении, какую-либо особую сторону, — а потому до чудовищности ошибочно — самое то, что́ в служении какого-либо народа принадлежит именно его личности, принимать за нечто общечеловеческое, за нечто обязательное для подражания. Но это-то и творится у нас. Постоянно обезличивая в молодежи дух народный, наше общественное воспитание немилосердно подсекает в них самый нерв жизненности духовной, всякую силу оригинального творчества, но, не будучи в состоянии подсеченную силу заменить иною живою, производительною силою, т. е. русскую национальность — чужою национальностью, оно выпускает на русский свет Божий только массы отвлеченных, нравственно искаженных, изуродованных русских людей, осужденных на вечное скитание мыслию в каком-то пустопорожнем пространстве, короче сказать — на духовное бесплодие. Вот почему наша холостая наука не только не внесла никакого особенно замечательного вклада в общечеловеческую науку, но ничего и не в состоянии была явить свету, кроме нигилизма — этого высшего выражения всяческого отрицания!

Нет, не на уровне «мужицкого» образования желаем мы удержать русское общество. Общество действительно призвано выводить народный ум из той области непосредственного бытия, в которой по необходимости пребывают народные массы, в высшую область сознания; те начала народного духа, которые, как зерна, хранятся в народной почве и определяют его бытие как народа в целом, должны получить через общество свое полнейшее развитие; народная духовная личность может вполне проявиться лишь в совокупном разнообразии личного творчества выделенных народом из себя единиц. Сфера такой личной духовной деятельности народных единиц, сфера, где происходит этот процесс народного самосознания, и есть то, что́ обыкновенно называется обществом и что́ в последнее время не совсем точно называется «интеллигенцией»... Но каково положение страны, где орудия сознавания испорчены, сознательный орган не действует или действует плохо и весь сознательный процесс крив?

Конечно, не одни педагоги в этом виноваты... По всей вероятности, педагоги вообще оскорбятся нашими словами — именно те, которым совесть не позволит воспользоваться сделанною нами оговоркой и причислить себя к «исключениям» и которым, по правде молвить, «имя легион»[21]. Но и им в некоторое

оправдание можно сказать, что они только унаследовали педагогическое предание, ведущееся с давних пор. Педагогом по преимуществу во весь Петербургский период нашей истории был сам правительствующий Санкт-Петербург; да и весь административный наш строй, все условия исторического новейшего развития и новейшего, под их воздействием сложившегося общественного быта, все учило, воспитывало, направляло в том же духе и в том же смысле и привело нас наконец в то положение, в котором мы теперь обретаемся и которое наши пессимисты называют безвыходным...

Пессимистов у нас теперь также легион, но источник нашего пессимизма, нашей тоски и уныния, частью выражающихся в газетных плачах и причитаньях того лагеря, что́ с наивным самообольщением величает себя «либеральным», частью же действительно, хотя и несколько иначе, ощущаемых всем русским обществом, — источник этот, повторяем снова, лежит в чувстве нашей собственной духовной или интеллигентной общественной немощи, о бок с величайшею народною мощью и ввиду задач, поставленных нам историей. Именно теперь, когда стало наконец ясно, что нельзя идти далее так, как нам шлось, когда жизнь предъявляет нашему сознанию запросы: как быть, куда идти? — мы стоим или топочемся на месте, безответные, — вернее сказать, не способные дать ответа и — что́ еще хуже — не сознающиеся в такой неспособности. Или же спешим справляться с чужестранным историческим опытом, рыться в чужестранных учебниках — не найдем ли там ответа на наш русский исторический вопрос!.. Но уже ни к заимствованиям, ни к подражаниям нет прежней веры, — и во всей этой суете, во всем этом диссонансе общественного многоголосья господствует одна пронзительная, раздирающая нота — безнадежности.

Но безнадежности не должно быть места. Предоставим причитанья и плачи бабам-плакальщицам Олонецкой губернии[22] и мужественно взглянем своей вине прямо в глаза. Поймем же наконец, что виною всему — неверность нашей умственной оптики, фальшивость нашего зеркала, кривизна нашего сознания. Мы можем, пожалуй, в некое себе утешение припомнить и народную поговорку, сложенную ямщиками: «куда кривая ни вынесет»!.. Должно быть, ею и одушевился, во время оно, державный ямщик наш Петр, когда надлежало втащить в гору, на путь всемирно-исторической деятельности, наш грузный экипаж, глубоко увязший в топи исключительной национальности. Ну и вынесла кривая, вынесла, правда, совсем в сторону от дороги, куда-то в чащу, трущобу, попала на самый край пропасти, но все же вынесла на такое место, откуда мы можем теперь свободно озирать окрестность, оглянуть пройденное, увидать, где была топь и какой путь от нее самый верный, и таким образом попасть наконец и на настоящую, *правую* дорогу...

Станем же *править* наше сознание. Это поважнее теперь для нас всяких внешних мероприятий, распоряжений и учреждений; в этом все наше спасение. Конечно, воспитание юношества стоит здесь на первом плане, но не юношей одних и не на школьных только скамьях, — самих себя и на всех путях жизни должны мы перевоспитывать. России нужнее всего теперь напряженный труд мысли, — к этому-то труду мы и позволяем себе теперь призывать русское общество, — труд добросовестный, точкой отправления которого должно быть, прежде всего, обуздание теоретической заносчивости, почтительное отношение к духовному содержанию, к требованиям нашей народной жизни — и к ее историческим указаниям. Во тьме и хаосе, в крутящемся вихре го-

сподствующих у нас воззрений и понятий нашими путеводителями да будут: вечная, превысшая истина христианская, следуя за которою мы, слава Богу, не отделяемся от русской национальной почвы, а только утверждаемся в ней, — и русская история, которая раскроет нам те органические силы, коими слагалась, доселе жива и должна, по освобождении их от гнета недоразумений и всяческого чужого наноса, оживиться вновь для высшей исторической деятельности наша Россия. С этою целью «Русь» начинает печатать с 1-го же № ряд статей под названием «Великий спор» — спор Запада с Востоком, — определяющих место нашей национальности в историческом бытии христианства — и статей о проявлении и деятельности земской стихии в истории Русского государства[23]. Просим наших читателей не поскучать предлагаемою им в настоящем № монографией этой стороны нашей исторической жизни, на которую едва ли не первый указал К. С. Аксаков[24]. Под этою внешне сухою оболочкою они, вчитавшись, откроют источник живой и животворящей силы и найдут ответ на многие современные им вопросы. Ибо — как бы ни ломали себе голову наши публицисты о разных пригодных для России «правовых порядках», нет для России других зиждущих начал, как *государственный* и *земский* строй — два начала не противоположные, не оппозиционные друг другу, состоящие не в условной, полной недоверия сделке между собою, как политические элементы на Западе, — но начала, взаимно восполняющие друг друга, тесно связанные между собою единством нравственным, взаимною любовью и верою, — только со времен Петра разъединенные господством иностранных воззрений и ждущие только благоприятных условий для нового, совместного и плодотворного развития. Из статьи «Земское дело в Смутное время» читатели увидят, каким образом сама земля сумела спасти и восстановить разбившийся государственный наряд и самую государственную власть со всеми ее прерогативами.

Государственный и земский строй под знаменем высшего нравственного начала, т. е. истинного христианства, или, иначе, православия, — вот определение или идеал России как государственного организма, и другого нет.

<ПЕТЕРБУРГ — ВЕЛИКИЙ СОЧИНИТЕЛЬ>

Петербург — великий сочинитель. Плодовитый сочинитель, неутомимый. Более полутораста лет упражняется он в сочинительстве. И чего-то он не насочинил на своем веку! Законы, уставы, уложения, вкусы, моды, нравы, понятия, всевозможные формы и формочки для русской общественной жизни, немецкие чины для русских людей, духовный генералитет для русской церкви, мусульманский фанатизм для киргизов; сочинил свою историческую повесть о России, в которую сам верит; сочинил целую действительность, которою сам движется и живет. И все это собственным умом или занятым напрокат у культурных стран, а уж никак ни простым, грубым смыслом своей некультурной земли. Некоторые сочинения уже вышли из обращения, стоят запылившиеся на полках; есть кое-какие, которые совсем не увидели света, но многие, многие еще в ходу. Он и теперь продолжает трудиться и сочинять, — богатство фантазии его неистощимо, — сочиняет даже самую Россию с фантастическими потребностями, интересами и задачами — о бок с Россиею не призрачною, а сущею, с потребностями, интересами и задачами истинными, а не мнимыми... Но это сочинение все как-то не удается, все еще требует исправления да переделок, — с материалом совладать трудно.

Петербург, впрочем, понятие коллективное или сборное. Самый «град» на то и создан был — т. е. ради удобств беспрепятственного сочинительства; но сочиняет не только «град», а и горожане — порознь. И кто приобщится к граду, не только местом жительства, но и душою, — так и пойдет сочинять. Сочинительствующий Петербург далеко перешел свои пределы и разнес повсюду манию сочинительства, но родоначальником, вдохновителем, смелым инициатором — все-таки он. Сочиняет не один мир административный, так называемый бюрократический, занимающийся авторством сколько по побуждению своей природы, столько и по обязанности. Здесь, в этом мире, нужно заметить, имеет место и силу Табель о четырнадцати рангах [1]; до V-го, до статского советника, почти не сочиняют, а только воспитываются на сочинениях, вчитываются в них или послушно прилагают их к жизни. Статские советники — те уже сочиняют... С статского советника начинает обыкновенно складываться будущий петербургский государственный сочинитель. Но это сочинитель серьезный и важный, почти всегда честный, искренно верующий в свое сочинение. Он чужд сознательного, умышленного обмана; он сам себя обманывает, — притом без пыла, не по увлечению или легкомыслию, — обманывается добросовестно, хладнокровно, тяжеловесно. Конечно, это может служить немалым ему извинением, но все же не устраняет невольно возникающего вопроса: да зачем же даваться обману? Не происходит ли уже такая способность самообольщения от неведения или непонимания жизни родной страны, пожалуй, от некоторого привычного пренебрежения именно к тому, что где-то и кем-то называется «народною самобытностью»?.. Зато в мире не административном, вольном, там сочиняют — без чинов! Там чем юнее — тем сочинительнее. Выключат кого из

гимназии за плохие успехи в науках — сейчас пристроится к газетному фельетону, — даже иногда ни к чему, и давай радеть о благе общем, а о более возрастных уж и толковать нечего... Не хватает своего измышления, подсказывают суфлеры — еврейские, польские, немецкие, всех земель и национальностей... И сочиняют, сочиняют...

Все это, по-видимому, только забавно. Но ирония тотчас же смолкает и улыбка мгновенно сбегает с лица, как скоро от сочинителей обратишься к тем, о ком и про кого сочиняют. Трагично положение мира действительного — заслоненного миром измышленным, сочиненным, — и таково, большею частью, положение нашего отечества. Действительность живая, истинная постоянно сталкивается с действительностью искусственною и тем не менее властною, облеченною в реальное могущество... А между тем все так перемешалось в нашем сознании, что трудно и грань провести, трудно и распознать: где жизнь — где *подобие* жизни; где сила настоящая, *всамомделишняя* — где мнимая, напускная; где лицо — где личина, где правда — где ложь... Если обязательное сочинительство одарено властью материализовать свою отвлеченность, воплощать в вещество свои абстракты, то вольное сочинительство плодит зато, с своей стороны, страшную путаницу, ужасающий хаос понятий в умах... Словно все мы играем в жмурки и с завязанными глазами ловим *правду*, правду жизни, — ловим и не поймаем. Чувствуется разлад, немощь во всем составе нашего тела, ощущается ноющая боль, но где именно она, откуда она, что́ ей причиной — добраться, допытаться мыслию мы еще не умеем.

Но благо уже и то, что мы ее ощущаем, что сомнение в своей авторской состоятельности начинает уже несколько смущать нашу душу. Прежде сочинялось так легко, так борзо, без малейшей застенчивости! А теперь дрогнул в нас сочинитель; прежней внутренней самоуверенности нет, как бы мы ни старались подогревать себя и восполнять оскудение веры усиленною дерзновенностью... С одной стороны, усиленная дерзновенность, с другой — усиливающаяся меланхолия. Меланхоликов развелось теперь столько, что ими хоть пруды пруди. «Уныние» теперь motto * всей музыки наших общественных речей... Но ни дерзать с отчаяния, ни унывать разводя руками — нечего. Всех нас спасает и спасет именно то, что́ ускользало до сих пор от нашего сознания, что́ пренебрегалось, не признавалось нами, что не дало себя переиначить, а если и уродовалось, то не в конец, а вновь заживало, — что́, теснимое, сживаемое со света, уходило в глубь земли или же долготерпеливо скрывалось под маской, нами же на него надетой, как ни спиралось его дыхание, как ни душно было под ней... Так под куцым немецким мундиром или супервестом[2], в штиблетах, с пудреной косою или буклями на голове, русский солдат не переставал быть все тем же русским крестьянином, благодушным и верующим, бил нещадно врагов, щадя побежденных, освобождал народы, выручал Европу, искупал доблестным страстотерпством грехи вождей и неправо-правящих и возвеличивал Русское государство. Да, к счастию для России, в ней было и остается нечто вполне самобытное — вне сферы вольного и властного сочинительства; это — то органическое начало жизни, которым создалась, стоит, движется, ширится, растет Россия, о котором жили и были целы, и доселе живут сами сочинители... Но пора же и нам смириться и не создавать новых и новых затруднений свободно-

* девиз (*ит.*).

му развитию органического жизненного начала, не путать его и себя самих путами сочинительства...

Но возможно ли это для Петербурга и в Петербурге — городе сочиненном, городе, зачатом не только в духе протеста против исключительной в то время, в себе самой замкнутой национальности, но и в духе подобострастного поклонения началам совсем иной жизни, даже диаметрально противоположным? Он и доселе остается воплощением этого поклонения и этого протеста, хотя теперь уже не против чего и протестовать, хотя уже не размыкать, а вновь смыкать и сосредоточивать на национальности приходится нам обессиленный, обезличенный дух русского общества. Он с своим немецким названием русской столицы и поныне живое выражение *отрицания*, — родоначальник того отрицательного отношения к русской народности и ее духовным жизненным основам, в котором со времен Петра развиваются у нас преемственно поколения и которое наконец охватило, отравило все стороны нашего духа. Освободиться от отрицания Петербург может, только отрекшись от самого себя, но это самоотречение мыслимо лишь тогда, когда исправится самое сознание русского общества и выяснятся ему положительные начала русской жизни. Вот какая работа нам необходима, и в необходимости ее не должно бы, кажется, быть теперь повода к сомнению ни для кого из легиона наших сочинителей, так как все вольные уже хором начинают петь о своей несостоятельности, а властные... Да ведь и они стоят, недоумевая, пред тщедушными результатами своей напряженной сочинительской деятельности, — но традиционная рутина еще так сильна, старые колеи так привычны, да и все приемы мышления и действия так уже сложились у них, что, и чувствуя потребность исцеления, они уклоняются от исцеления, коснеют двинуться на самый путь к исцелению...

Поистине замечательно то отношение к прошлогоднему опыту созыва «сведущих людей»[3], которое стало теперь господствующим в петербургском более или менее руководящем и правящем мире, словно ему нанесена какая обида. Действительно обида, и обида кровная — *бюрократизму*; но едва ли кто из руководителей и правителей решится исповедывать открыто бюрократизм как правительственное начало в отношениях власти к стране и народу. Не обличает ли, однако, обидчивость в настоящем случае внутреннюю нравственную и умственную солидарность обидевшихся именно с бюрократизмом и их неспособность воспринять на себя непосредственное воздействие жизни? А между тем света, струи свежего воздуха, дуновения жизни — как манны небесной должны бы, казалось, алкать все сколько-нибудь добросовестные деятели Петербурга! Ведь всем им не по себе, ведь все они изнурены и тощи, все чахоточны волей и духом... Или чахотка такая болезнь, которой, по уверению врачей, именно и не сознают больные?.. Как бы то ни было, но едва ли не требовалось самим благоразумием не смущаться даже и неудачею первого опыта со «сведущими людьми», если б таковая была (что ничем не доказано), а обновлять, развивать этот опыт, ввести его в обычай и затем уж произносить о нем суждение.

Вот и теперь предстоит в Петербурге решение вопроса о транзите, возбуждающего, волнующего умы во всей промышленной России — к крайнему удивлению и досаде петербургского бюрократического мира. Вся эта история с постройкой Бакинской железной дороги и с транзитом[4] служит наилучшею иллюстрацией отношений Петербурга к России и прямым подтверждением всего сказанного нами. Дело, захватывающее кровные интересы русской про-

мышленности и торговли, важное и для политических и военных интересов России в Азии, оказывалось чуть не предрешенным: до такой степени национальное самосознание и чувство слабо в нашей бюрократической высшей среде. На первом плане у нее забота о том, что́ скажет о нас Европа, не назовет ли она закрытие транзита мерою «зулусскою», нелиберальною, — тогда как в самой Европе никогда ни одна держава не справляется с чужим суждением, когда дело идет о пользах ее народа; еще менее в таком случае, когда дело идет не о каком-либо незаконном насильственном приобретении для своего народа новых удобств и выгод, а только о том: нанести ли или не нанести искусственно, самовольно, по собственному почину подрыв своим собственным производительным силам ради предоставления, нежданного и непрошенного, важных льгот иностранцам? Вопроса, подобного нашему вопросу о транзите чрез Кавказ, не могло бы даже и возникнуть ни в Германии, ни в Англии, еще менее в Америке. Если бы даже существовала только тень сомнения о возможности ущерба для русской промышленности и торговли, то и тогда было бы полное основание воздержаться от допущения свободного транзита: это было бы только благоразумною осторожностью. Но что́ же мы видим? Излюбленный орган петербургских чиновников подсмеивается, трунит над беспокойством и над протестами почти всего русского промышленного и торгового мира и наивно уверяет его, что он ошибся и не умеет считать того, что́ у него в кармане[5]. Но от подобных уверений, от подобного образа действий беспокойство может только расти, а не малиться!.. При таком направлении бюрократии легко уразуметь, почему ей так не по сердцу «сведущие люди» и почему, напротив, живой, не сочиненной и не сочинительствующей России так желательно иметь возможность доводить до Верховного решителя правду о своих нуждах и потребностях, хотя бы именно этим самым скромным путем — через «сведущих людей» — почему-то было открывшимся и понятно, увы! почему закрывшимся...

Не без некоторой тревоги прислушивается также общество и к тем немногим слухам, которые проникают в печать о комиссии, состоящей под председательством статс-секретаря Каханова, называемой в наших газетах обыкновенно попросту Кахановскою комиссией и обсуждающей вопрос о местном — сельском уездном, губернском административном и земском устройстве. Поприще для сочинительства обширное, но не это одно возбуждает чувство тревоги: работа комиссии, как свод материалов и воззрений, как подготовительная программа, могла бы быть в самом деле полезна, — а тревожит мысль, что эта работа прямо из комиссии пройдет через бюрократические и иные сочинительские мытарства: голос же тех, кто всем своим бытом непосредственно заинтересован в вопросе об условиях нового строя областной жизни, не будет услышан... «Новое Время» недавно сообщило, что Кахановская комиссия соблаговолила оставить сельское общество, как оно есть[6]. Слава Богу. Мы, впрочем, не предполагали и возможности посягать на эту единственную живую, историческую у нас, общественную единицу...

Петербург не перестает толковать о невежестве, «некультурности» русского народа, о мраке, татарщине, варваризме нашей допетровской истории... А между тем в этой самой мрачной или невзрачной истории, «допросив сокрытого в ней глубоко духа жизни», по выражению Хомякова[7], в этом пресловутом невежестве, в этой постоянно осмеиваемой «самобытности» русского народа — только там, в глуби, обретем мы и зерна спасительного для нас ведения, и на-

чала руководящие, указывающие нам путь к разрешению наших политических и социальных задач. Сколько нужно было насочинить всякой неправды, напустить туману себе в глаза, наклепать на себя самих, извратить ум, оглушить слух, омертвить сердце, искривить сознание, чтобы зайти наконец в тот тупик, в котором мы теперь, по мнению некоторых, находимся, или очутиться в том почти трагическом недоразумении, которым характеризуется отношение русского общества к... России. С сфинксом недавно сравнил ее Тургенев, — предлагающим непонятные загадки, для разрешения которых не нашлось еще Эдипа... [8] Но вольно же было нам утратить самое разумение ее языка!..

Нет страны в мире, поставленной в более благоприятные политические и социальные условия для развития, как наша страна. Нет страны в мире, где бы связь народа с верховной властью была так искренна, так проста и так — не по принуждению или невежеству, а свободно и сознательно — прочна, как в России. Нет страны в мире, где бы верховная власть была полномочнее, свободнее в своих действиях, и какая же власть? — власть, источник которой — в народном избрании... И нет народа более преданного, более послушного этой власти, более дисциплинированного для государственной жизни, как народ русский: он дисциплинирован и самою своею тысячелетнею историею, и своим общинным или мирским устройством, он воспитан к тому и тем высшим духовным началом, которое лежит во главе угла его земного существования. Нет зато и народа более способного к внутреннему самоуправлению (разумеется, самородному, а не тому, которое под этим названием измышляется бюрократами), — это, впрочем, доказывается всею его историей; нет народа менее исключительного, менее завистного и более расположенного чтить права нравственного и умственного превосходства, в силу убеждения, «что ученье — свет, а неученье — тьма». В то время как Запад, вследствие иных условий своего государственного созидания и целой совокупности причин, о которых здесь распространяться не место, волнуется, мучается задачами политическими и социальными и почти не находит разрешения им иного, как путем кровавых насилий, нам все дано в *природном*, так сказать, виде, что́ для них есть только мечтаемое, искомое, предмет отвлеченного измышления. Так, «демократия», например, есть или неизбежное грядущее зло, или призываемое обновляющее благо, но во всяком случае с характером революционным: нет земли с более широким «демократическим» основанием, как наша Россия, но таким, которым именно обусловливается незыблемость и крепость государства, в котором для него наинадежнейший залог мира и тишины. Там ассоциация, общинный строй являются искусственным созиданием, т. е. то самое, что́ у нас живет под названием артели, в форме сельского общества, общинного землевладения, мирского устройства, и на что́ наши доморощенные иностранцы так легкомысленно посягают... На днях прочли мы в «Revue des Deux Mondes» статью известного публициста Лавеле, трактующую о *децентрализации* в управлении страны, о трудной дилемме сохранить при ней сильную центральную власть и о невозможности разрешить удовлетворительно в настоящее время этот вопрос во Франции при республиканском режиме... [9] Мы же обладаем, как присущими самой природе нашего политического организма, и наимощною центральною властью, и способностью, преданиями, зачатками децентрализации самой естественной: она, так сказать, в крови и плоти нашей, в каких бы неудачных формах ни воплощалась порой благодаря бюрократии...

Государство, стерегущее, охраняющее заботливо земский строй; земский строй, берегущий, охраняющий государство (а как земля соблюла и умела соблюсти государство — об этом красноречиво и поучительно гласят помещаемые у нас статьи Голохвастова[10]); государство, постоянно вызывающее голос земли, ищущее доброго совета для свершения своего великого служебного подвига; земля не безгласная, советная, но притом беспрекословно покорная велениям государственной власти; центральная власть самая свободная, самая мощная — при самом широком земском местном самоуправлении; власть — не механический бездушный снаряд (вроде случайного большинства нескольких голосов), а живая, личная, с человеческим сердцем; земство — не формальное представительство, а живое, органическое выражение интересов и духа самой земли... и оба эти начала, обе эти силы — в единении любви и доверия, в постоянном живом общении, сливающиеся в одно органическое целое... Вот основы нашего политического организма, лежащие в духе народном, нашедшие себе, хотя бы и не полное, выражение в старой Руси и которых полное развитие — тот идеал, к которому должны мы теперь стремиться. И таковы эти начала, что при правильном их развитии, при воздействии истинного просвещения, под высшим водительством Веры они одни могут дать людям блага такой гражданской свободы, какой не в силах создать и вынести никакие известные и искомые на Западе формы правления...

И вот при таких-то основах нашей жизни, коренящихся в духе народном, проявившихся и в истории, — что́ же мы видим, что́ же мы слышим в нашей русской современности?.. Это ли Россия, об идеале которой мы только что говорили? Не признать ее лица́... переряженная, набеленная. Не слыхать ее голоса: какие-то подмененные, фальшивые голоса, иноземные командные звуки, да порою чей-то глухой стон изнутри... Везде фасады, декорации, подмостки, на подмостках непонятные представления. Ворочает всем, скрипя, какой-то громадный механизм, да еще развинтившийся, — механизм, но не жизнь творческая, зиждительная. Вместо жизни — целый мир подобий, целый мир сочинений и насочиненных забот, задач, вопросов, идеалов, потребностей, опасений и недоразумений... Петербург — великий сочинитель.

И все-таки сочинитель уже дрогнул, сам собою, во глубине души. И сдается нам, что наставшее царствование положит мало-помалу конец эпохи отвлеченного сочинительства и переводов с иностранных оригиналов, освободив из-под них сдавленный рост русской жизни с ее простым, но глубоким смыслом, с ее высокими мировыми задачами... В этой надежде с особенною радостью прочли мы в ответном московскому генерал-губернатору[11] на новый год рескрипте Государя Императора — как бы возвещение близости срока для торжественного венчания Государя на царство в старом священном Кремле и предстоящего видимого общения Царя с своим народом[12]. Дай же Бог скорее наступить тому праздничному дню, когда и нам, в свою очередь, можно будет повторить с Хомяковым, приветствовавшим 26-е августа 1856 года:

Наш Царь в стенах издревле славных, —
Среди ликующих сердец,
Приял венец отцов державных, —
Царя-избранника венец[13].

<В ЧЕМ НАШЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ НАЗНАЧЕНИЕ?>

Манифест 25-го января, возвещающий скорую коронацию нашего Государя [1], произвел довольно сильное впечатление на общественное мнение Европы и подал повод к оживленным газетным толкам. Почти три года сряду упражнялись там в скорбных причитаньях нашей «болезни насмерть», многие совсем было пропели России отходную... и вдруг — словно она восстала от мертвых! Как мало было искренности в соболезновании, так же мало ее и в привете, с которым встречается это наше будто бы воскресение. В нем звучит худо скрытая нота испуга и некоторой досады на собственную несообразительность. «Это не мы, это сами же русские и их публицисты виноваты», — оправдывается раздосадованная «Кёльнская Газета». «Это они натвердили, что Россия чуть не разваливается, что внутри ее гнездится подтачивающий ее червь, что "положение наше отчаянное", что "дальше так продолжаться не может" и пр., и пр.; как же было им не поверить?..» И вот прежнее оскорбительное сожаление или даже презрение к России быстро сменяется теперь оскорбительным же, преувеличенным страхом. Страх русской силы, вместе с ненавистью, снова растет в Европе...

Такова доля нашей постоянно оболганной, оклеветанной, ни чужими, ни своими не знаемой, не понимаемой России!.. Ссылка немецкой газеты на русских публицистов известного пошиба вполне справедлива, но мы примем их под защиту. Упрека в злом умысле они не заслуживают, они только злые невежды, еще бóльшие, чем сами иностранцы, потому именно, что воображают себя знающими и, в рабстве своего духа, менее свободны от условных западноевропейских точек зрения и критических мерил, чем сама она, Европа, госпожа и хозяйка их убогого, подражательного мышления. Впрочем, не к одним русским публицистам должны относиться эти слова, а едва ли не к большей части нашей так называемой «интеллигенции», не исключая и наделенной властью... Читатели «Руси» знают, сколько раз в течение двух лет приходилось ей противодействовать по мере своих сил этому лживому представлению о русском недуге и русской слабости. Сколько раз приходилось ей напоминать, что не в народе, не «*внутри* России гнездится подтачивающий ее червь», а снаружи, на поверхности, — что, напротив, в груди России, — «как тайна жизни невидим»,

Сокрыт, безвестен и могуч,

по выражению русского вещего поэта [2], бежит и бьет неиссякаемый ключ силы духовной и жизненной, которым жива и живуча Россия, — которого, однако, не признает, которым пренебрегает наша кичливая «интеллигенция», который умышленно и неумышленно засоряется извне, загромождается сверху камнями и земляными глыбами, но который — мы верим — своротит когда-нибудь камни, пробьется сквозь все верхние наслоения и потечет величаво-мирным, мощным потоком... Если и из *своих* не многие еще способны понять и признать эту стихию внутренней жизненной силы, то чего же требовать от иностранцев?

И надо ли удивляться, что и тем и другим она до сих пор не понятна, до сих пор представляется чем-то вроде чудовищного сфинкса?.. Мы же лично никогда особенно не восторгались и не обольщались внешнею мощью России, но никогда особенно и не смущались тою ее экономическою немощью, над которою такие обильные и, по правде сказать, дешевые слезы проливают наши «экономисты», — имя же оным у нас легион (кто теперь не сидит верхом на «статистике» и «политической экономии», полагая в цифрах лишь «всех загадок разрешенье и разрешенье всех задач»![3]). Вовсе не *так* грозна и сильна Россия, но и не *так* слаба, какою она мерещится Западу и нашим западникам, т. е. не *там* именно ее мощь и не там ее слабость, где они их полагают, сражаясь с призраками мнимой силы и мнимого бессилия.

Впрочем, по части средств ослабления России если не всегда прямое сознание, то инстинкт Запада руководит им довольно верно. Одно из самых надежных средств ослабления, это, без сомнения, обезличение в смысле национальном, — это подрыв той нравственной народной «самобытности», которая как бельмо на глазу нашим псевдо-либералам и которая сидит в коренной основе русского социального и политического строя. Вызвать Россию на отречение от себя самой, сдвинуть ее с ее исторического пути, усвоить ее вполне, не только по внешности, но и со всеми глубинами народного духа, западной цивилизации — вот, — представляется Западу, — наилучший способ — вовсе не для того, чтоб вызвать Россию к высшей плодотворной, культурной жизни, но чтоб обезвредить ее природную силу, поработить ее себе духовно и нравственно. Он было совсем обнадежился, судя по наружным признакам, что цель его уже наполовину достигнута, и вдруг — смутилась его надежда. С недавних пор стало чудиться ему (и может быть, не напрасно), что в России действительно не в шутку просыпается самосознание, что оно, хотя и медленно, все растет да растет и, споспешествуемое событиями, грозит исхитить у Запада его добычу, освободить — чего доброго — самую правящую среду из духовного плена... Если Россия не развалилась, не ослабла от тех внутренних затруднений, которые многие в Европе уже величали революционным кризисом, и, напротив, возвращается к жизни и деятельности, то теперь более чем когда-либо нужно, с точки зрения наших европейских друзей, заклясть в ней возрождение ее национальной духовной стихии. Но как заклясть? Кулаком «российского Геркулеса» не испугаешь, — но есть другой способ устрашения или «интимидации» — нравственный. Можно застыдить его, например, его собственным варварством, необразованностью, отсталостью, избытком его грубой материальной силы и самым тем страхом, который он внушает культурному миру. Это средство действует, по крайней мере, действовало до сих пор наверняка. Российский Геркулес, как известно, препростодушен и презастенчив; он действительно способен конфузиться от собственной богатырской мощи и до такой степени боялся до сих пор упреков в необтесанности и необразованности, что ничего так не желал, как придать себе турнюру иностранного дэнди с модной картинки, и с прелюбезной улыбкой давал себя обирать — не только не защищаясь, но еще благодаря за деликатное обращение.

К такому средству интимидации, путем возбуждения ложного стыда, именно теперь и прибегают иностранные, преимущественно немецкие, как австрийские, так и германские, публицисты. После первых смущенных приветствий, обращенных к России по поводу манифеста о коронации, «Кёльнская Газета»

разразилась статьей, внушенной ее петербургским корреспондентом, где, возвещая о том национальном будто бы направлении, которое имеет возобладать в Русской державе при новом, т. е. настоящем, царствовании, газета выставляет Россию каким-то страшным чудовищем, которое должно восстановить у себя времена татарщины, обрушиться на Европу и погубить в ней всякую культуру и цивилизацию. Одним словом — новое нашествие гуннов. При этом не обходится, конечно, и без намеков на нашу газету: «это возвращение к татарщине и есть возвращение домой!» — говорит «Kölnische Zeitung», цитуя выражение «Руси»[4] и тем напоминая столь знакомые нам фельетоны псевдолиберальных русских газет! Но клича клич о крайней для Европы необходимости принять меры к самозащите, западноевропейские публицисты, хоть и не прочь пригрозить России войною, предпочитают, однако же, иное средство для предупреждения того внутреннего ее роста, которого так боятся. «Единственный консервативный интерес, которым Европа сопричастна России, — говорит официозный орган венгерского правительства "Pester Lloyd"[5], — состоит в том, чтобы она, Россия, была втеснена или двинута (gedrängt) на путь иного образа правления (Regierungsform), такого, который был бы достоин Европы»... А «Кёльнская Газета» даже не без сочувствия помещает на своих столбцах, в виде корреспонденции из Петербурга, содержание, а отчасти и выписки из какого-то объявления, декларации или «меморандума исполнительного комитета Русской революционной партии». Меморандум этот, может быть, и подложный, а может быть, и нет, так как русских «революционеров» гуляет по белому свету немало; но во всяком случае он носит характер полного правдоподобия, потому что вполне бессмыслен. Это какая-то пестрая смесь — попурри, составленное союзом русских революционеров всех оттенков под общим именем «народников» из формул социалистической, анархической и конституционной доктрины! В нем, например, предъявляется русской власти требование, чтобы до коронации, всенепременно к 1 мая, ни одним днем позднее, была установлена — excusez du peu* — целая система мер к передаче всех фабрик и заводов от фабрикантов и заводчиков — рабочим, а всякая поземельная личная собственность объявлена незаконною. Тут же требуется самостоятельность крестьянской общины, *мира* (какие «славянофилы» — подумаешь!) и рядом — «свобода электоральной или *выборной агитации*» (sic) и «образование народного представительства, избранного по французскому принципу всеобщей подачи голосов (suffrage universelle), с мандатами или инструкциями избирателей и полнотою власти в вершении дел, касающихся всего государства!.. Этот сумбур друг другу чуждых понятий, понадерганных из противоположных теорий и воззрений, этот лепет не то что детский, но какой-то хлестаковский, венчается, конечно, обычным аргументом: угрозою кинжалом и динамитом. Одно другому не противоречит: «Хлестаков и душа моя Тряпичкин»[6] наших дней, по всей вероятности, с не меньшею развязностью врали бы теперь о революции и конституции, как во время оно о департаментской службе и о литературе, и не прочь были бы, с легким сердцем, поиграть, пожалуй, в анархию и пошалить динамитом.

Тем не менее последний пункт требования (о народном парламенте по западноевропейскому образцу) принят под покровительство немецкою газетою.

* ни больше ни меньше (*фр.*).

В одном из последующих №№ она снова возвращается к этому предмету. Да и не она одна, но и другие, более авторитетные органы немецкой печати, — последние даже с видом благоволения и участия, — преподают России наставление о необходимости «венчать дело реформ» прошлого царствования чем-нибудь «либеральным» по образу и подобию Западной Европы... «Кёльнская Газета» снова ссылается на множество «просвещенных» русских, которые тяготятся такою «ретроградностью» или отсталостью своего отечества: «Даже болгарам, нами освобожденным, — будто бы говорят они, — дана европейская конституция[7], — Турцию считать теперь нечего, — и выходит, таким образом, что мы одни, одни в Европе ее не имеем!»

«Мы одни в Европе!» Да не в этом ли самом может быть вся наша заслуга, смысл нашего бытия и наше историческое назначение? Не храним ли мы еще одни в Европе если не «глаголы жизни лучших будущих времен», как говорит в своих стихах Тютчев[8], то хоть разрешение многих великих задач, удручающих теперь Европу? Только бы преуспевало в нас самих народное самосознание, только бы не сворачивать нам с нашего народного исторического пути, и он доведет нас, он способен довести, с Божиею помощью, хотя бы медленно и сквозь многие испытания, к такому развитию наших народных начал бытовых, социальных, политических, в духе истинной свободы и мира, пред которым узок, скуден и насквозь лжив окажется пресловутый современный либерализм Запада... Почему же нужно такой великой стране, как наша, отказаться от оригинального, самобытного жизненного ответа на вовсе еще не разрешенные и едва ли разрешимые для остальной Европы вопросы и довольствоваться решениями чужими, шаблонными? Почему же непременно желательно, чтоб она покорно совлекла с себя *свой* образ и стала жалким *подобием*, — еще того хуже: пошла по чужим пятам и с лакейскою готовностью облекалась в сбрасываемые с себя Западом обноски? Разве не доказано теперь очевидными фактами (о чем, помнится, в «Руси» было уже однажды говорено), что, разреши мы вопрос об освобождении крестьян лет 25 или 30 ранее — в духе европейского либерализма, они были бы освобождены так же, как Наполеон освободил польских крестьян в 1811 году[9] и культурные остзейские немцы в 1819 г. — латышей и эстов, т. е. без земли[10]. Разве не к великому творению русских варваров 19 февраля 1861 г. простирают теперь свои взоры пролетарии Ирландии и других стран — вечно похваляющейся своею цивилизациею и либерализмом Европы? И можно ли толкать Россию на путь западного парламентаризма именно теперь, когда даже на самой родине этой формы правления, в Англии, начинают сознавать ее неудобства и необходимость преобразования, а в континентальной Европе (где она происхождения более или менее революционного и до сих пор не пустила глубоких корней в народное сознание) ее то и дело видоизменяют или же пользуются ею только как благовидным орудием произвола партий и их тирании над народом? Говорить теперь о парламенте как о каком-то идеале или «венце здания»[11] для России — это именно и значит быть «ретроградом». Таковыми ретроградами и являются наши революционеры, что́, впрочем, очень понятно: весь их ум и творчество выразились только в словах *nihil* и «долой» да в динамите; как скоро же они от отрицания переходят к положительному, то они, как школьники, повторяют с голоса чужие речи, не разумея их действительного смысла, путая вместе «крестьянский мир» и «парламент», «сельскую общину» и «электоральную агитацию». Гораздо бо-

лее заслуживают осуждения те русские, на которых ссылается «Кёльнская Газета» и которые если не толкуют о «крестьянском мире», зато с пущим суеверием мечтают о политически-властном парламенте...

Не мешало бы им несколько повнимательнее всмотреться в настоящее положение парламентской формы правления в Европе — и оставляя в стороне недоступную для подражания Англию — обратиться хоть к Италии, к Франции и к их публицистике. Есть чему поучиться в сочинении известного итальянца Марко Мингетти «Политические партии и их участие в юстиции и в администрации» [12], по поводу которого имеется очень интересная статья в «Revue des Deux Mondes» известного политико-экономического писателя Лавеле под заглавием «О парламентском режиме и о демократии» [13], с указанием и на другие многие сочинения по тому же вопросу; не менее замечательна статья «О республике в 1883 г.», в февральской книжке того же журнала, неизвестного автора [14], — судя по языку, по литературной манере, самого Тэна. Более жестокой критики современного парламентаризма не мог бы измыслить и самый лютый его враг, — и в то же время ни один из упомянутых авторов не в состоянии указать ни верного врачевания, ни надежной реформы: рядом с здравою, сильною критикою, положительная часть их рассуждений совершенно слаба. Как белка в колесе, вертятся они в сфере своих политических понятий, ищут исхода и не находят.

Для парламентаризма, по их словам, всюду наступил кризис — не только на континенте Европы, но и в Англии, «где парламент почти уже перестал исполнять свои функции» и где, по выражению Бисмарка, «золотой век парламентского режима уже миновал». Даже и в Америке, где его формы несколько иные, чем в большей части Европы (например, нет ответственного пред палатою министерства), «конгресс стал замкнутым поприщем грубых политиканов и лучшие люди удаляются от публичной политической деятельности». Лавеле перебирает почти все парламенты один за другим, подкрепляя свои замечания мнениями местных мыслителей, и находит только один парламент, в котором дела идут сравнительно еще довольно сносно — *бельгийский*, — т. е. в той малой державе, которая поставлена совсем в особенные, исключительные условия существования! Любопытен приводимый им отзыв одного из выдающихся политических людей Италии: «Не странно ли, что в тот век, который подчинил себе молнию, заставив ее переносить нашу мысль в одно мгновение на край света, освещать наши улицы и жилища, такой политический образ правления (парламентарный) есть наилучшее, что́ мы можем иметь?» [15]

В чем же собственно вредная или неудобная сторона парламентаризма, по мнению вышеприведенных публицистов? В том прежде всего, что при постоянной зависимости от совещательного собрания невозможна никакая прочная, твердая административная власть, немыслима устойчивость правительственной программы, ни последовательность в правительственных действиях. Самым блистательным тому доказательством служит Франция, где в течение 11 лет в одном министерстве внутренних дел перебывало 23 министра, а в последние полтора года сменилось шесть кабинетов, существовавших круглым числом *три* месяца каждый!.. Это неудобство еще не так сильно в Англии, потому что там имелись до сих пор только две крупные политические партии, крепко дисциплинированные и почти деспотически управляемые! Притом же в Англии попасть в депутаты стоит до сих пор очень дорого; избирательные

голоса достаются кандидату на звание «представителя» большею частью посредством значительных денежных расходов. Но уже и теперь в Англии, с расширением избирательного права (не забудем, что в Англии рабочие, или так называемое четвертое сословие, вовсе пока этого права лишено), стали возникать и слагаться новые партии, и появление их в последнее время в парламенте уже оказывает свое вредное влияние на быстрое течение дел. Так как бóльшая и бóльшая демократизация права представительства в будущем неминуема, а вместе и удешевление способов попасть в депутаты, то в перспективе для английского парламентского режима предстоят лишь новые затруднения и новые неудобства, почти непреодолимые без коренной реформы во всем строе правления. Но в Англии конституция, во всяком случае, — учреждение органическое, самородное, взращенное шестью веками истории, — а не сочиненное или заимствованное в изуродованной копии и навязанное стране государственным переворотом, как на материке Европы. Поэтому и положение парламента представляется здесь, на материке, в более жалком виде. Так, в некоторых странах или нет вовсе крупных политических партий, как, например, в Италии, а только группы, которые слагаются случайно, непредвиденно, пестро, «совершенно калейдоскопически», и смена министерств происходит подчас совсем неожиданно, сюрпризом или же партий так много (например, во Франции), что министерство *в погоне за большинством* голосов должно угождать нескольким партиям разом, как бы они ни противоречили между собою, и в этих внешних комбинациях истощать все свое время и силы.

«Мелкие соображения, мелкие проделки, мелкая ловкость, мелкие ковы — вот в чем состоит искусство приобретать себе *большинство* в законодательном собрании, *продолжительно существующем*. Под конец в собрании только с тем и считаются, чтó вокруг да около, а страна забыта!..» Вот строгое слово, и не устное, а письменное... кого же? Луи Блана, незадолго до его смерти!.. [16] Но ведь и частая перемена гг. полномочных депутатов, по условиям парламентаризма, есть частая перемена гг. «правителей», — чтó также представляется неудобным! Однако ж Луи Блан прав: действительно внимание министерства отвлечено от исполнения прямых его обязанностей и устремлено исключительно на ухаживание за партиями, от которых самое бытие его в зависимости. «Сколько приходится министру в течение года истратить ума, хитрости, изворотливости, красноречия — c'est monstrueux, это доходит до чудовищного размера, — говорит Лавеле, — самый тягостный труд дипломатов — детская игра в сравнении с подобным трудом»... «И при всем том, — продолжает он, — палата, это — зыбучий песок, на котором не может осесть прочно никакая твердая администрация!..»

А между тем именно на этом «зыбучем песке» построено все политическое существование государства, по крайней мере весь правительственный снаряд, распоряжающейся судьбою целой страны! Конечно, здесь разумеются земли, где парламентский режим прилагается к делу во всей своей теоретической полноте, как во Франции и Италии; в Германии же, как известно, правительство, в нужных случаях, вовсе не слушается парламента, и этому лишь ослушанию и обязана Германская империя своим бытием. При частой же смене министров, например, во Франции, — поясняет вышеупомянутый нами публицист, — «они не успевают не только приобрести опытность, но даже близко ознакомиться с делами; да и при отсутствии уверенности, что он твердо сидит на своем месте,

не может министр и отдаться с энергией делу, требующему подготовки, систематического, медленного, искусного ведения. К тому же лучшее время дня поглощается у него присутствием в палате, где его то и дело "интерпеллируют" [17], теребят, травят, где каждую минуту он рискует быть скомпрометированным»... И как ни хороша французская бюрократическая машина, но и она начинает портиться. «К какой стати, — замечает Лавеле, — будет подчиненный чиновник слушаться своего начальника, предвидя скорое его *выбытие*? Вот и причина, почему вместе с неустойчивостью власти водворяется бездействие и беспорядок в административной иерархии!»

Но не менее существенный беспорядок вносится и непосредственным вмешательством депутатов в область управления — вмешательством совершенно корыстным. Депутат, так сказать, продает свой голос поддерживаемому им министру, продает не за деньги, но за места по службе для родственников, за покровительство в местных делах, за удовлетворение местных ходатайств, которыми обыкновенно снабжают в провинции депутата при отъезде его в Париж или Рим... В Италии в министерствах, по свидетельству самих итальянцев, открывается для депутата что-то похожее на банковский *конто-курант* [18], «*с дебетом и кредитом*», на который заносится каждая услуга, оказанная депутатом министерству, каждое благоприятное в пользу последнего голосование — и каждое *одолжение*, оказанное, в свою очередь, благодарным министерством «благосклонному депутату». — Таким образом, министр в полной зависимости от депутатов своей партии, и удовлетворение их требований, хотя бы несовместное с пользами службы, стоит на первом плане его забот — как необходимое «в высшем политическом интересе»: т. е. для упрочения партии и для обеспечения за правительством большинства голосов!

«Когда партия достигла власти, — читаем далее во французском журнале, — нельзя же не вознаградить тех, кому она обязана победой!..» Таково совершенно логическое требование управления — на борьбе *партий* основанного, — требование, получившее в Америке полное себе применение, достигшее до абсурда, до открытого гражданского разбоя. Но и в Европе, а в частности во Франции, по уверению цитуемых нами писателей, «ни одна торжествующая партия не имеет возможности приискать для каждого министерского портфеля — подходящего человека, а потому, как и при старом, дореволюционном режиме, случается, что там, где бы нужна была математика, перевес дается танцору»!.. Одним словом, — приводим заключение самого Лавеле, — «парламентский режим, как он практикуется на материке Европы, не только не обеспечивает передачу министерских портфелей людям, наиболее достойным — но, что́ еще хуже, препятствует тем, кои министрами назначены (каковы бы таланты их ни были), употреблять в дело свои способности с наибольшею для государства пользою».

Далее, перебирая в частности разные сферы управления, он без труда доказывает, что «нигде не проявляется несообразность этого режима так ясно, как в области дел *внешней* политики. В сношениях с иностранными государствами потребнее, чем где-либо, устойчивость правительственной системы, последовательность действий, верность традициям; мало того: министру иностранных дел необходима дипломатическая опытность, знание истории, политики, обычаев чужеземных держав», и т. д., и т. д. Возможно ли все это там, где кабинет меняется чуть ли не каждые три-четыре месяца? «В республике еще менее воз-

можно, — отвечает названный нами писатель, — чем даже в конституционной монархии, где по крайней мере неизменным пребывает лицо монарха, хранителя исторических преданий; как бы ни была ограничена его власть, его личное, сверхзаконное влияние сколько-нибудь да восполняет недостаток стойкости политической системы. Ничего поэтому нет вреднее для правильного ведения политических внешних дел, как интерпелляции и разглагольствия о них на парламентских трибунах, — причем, разумеется, министерство вынуждено бывает обманывать палату, скрывать от нее самые важные документы, составлять почти бессодержательные желтые, красные, зеленые и иные цветные книги»... [19] Это не мы говорим; это говорят люди, родившиеся и возросшие под парламентским управлением!..

Точно так же неудобным оказывается парламентский режим по отношению к области *военного* управления... «Противно природе вещей, — и это печатается в "Revue des Deux Mondes", в самом Париже, — чтобы армия, это великое, миллионноголовое тело, основанием которому должен служить дух авторитета, была подчинена повелениям или капризу совещательного собрания, меняющего каждогодно систему, или же министра, отрешаемого по истечении каждого полугодия!.. Как бы ни была предана армия демократическим учреждениям своего отечества, однако ж слишком нелепое решение палаты, беспорядок в администрации, приводящий к полному расстройству, или, наконец, уничижение национальной чести — могут навести армию на такое раздумье: «Нет, это уже слишком, c'en est trop; не для того я создана, чтоб быть игрушкой в руках гг. ораторов и политиканов, но для того, чтоб соблюдался порядок внутри и оберегалась наша национальная честь на чужбине»... «Такое направление мысли — опасное, — читаем мы далее, — потому что, распространись оно шире, узурпатору стоит только появиться»...

Обратимся к области правосудия или юстиции. «Если юстиция станет также орудием партий, — говорит Мингетти, — все погибло»... А между тем, по свидетельству французского журнала, во Франции начинают раздаваться жалобы, что политика уже перетягивает весы правосудия. Генеральный прокурор Парижского апелляционного суда еще в прошлом году в официальной речи своей прямо заявил, что «мировые судьи более заботятся о политических мнениях тяжущихся, чем о законности их требований...» Уничтожение принципа несменяемости судей и замена его выборным порядком, по мнению названных публицистов, откроет настежь двери духу политических партий...

Что же касается до внутренней администрации, то известно, что во Франции она вся сосредоточена в Париже, и эта централизация достигла самых уродливых размеров. Она контролирует даже бюджеты сельских общин (communes), провинций или департаментов, даже «благотворительных учреждений»; она направляет, регулирует, объемлет все отрасли, все сферы публичной жизни на всем пространстве государства. «Вся нация, — говорит Лавеле, — превратилась в государство, а государство — это министерство». Всё и вся зависит от него... И эта-то колоссальная правительственная машина поставлена в «зыбучем песке!»... В каком направлении станет она действовать? каких идей или страстей станет орудием? — вот вопросы, которые озабочивают каждого француза, так как жизнь каждого связана с ходом этой машины... «Это зависит от голосования, иногда *от большинства одного или двух голосов*... Когда государство до такой степени поглощает все общественные интересы и, так сказать,

самую жизнь нации, — продолжает Лавеле, — зависимость его от непрерывного колебания парламентских распрей представляется поистине чем-то чудовищным»...

Ну так стоит только Франции обзавестись децентрализацией, — возразят нам. В том-то и дело, что *искренняя*, полная децентрализация, даже и не в том широком виде местного самоуправления, в котором она существовала у нас сто лет как сословное право дворянства или как существует теперь, при крестьянском мирском устройстве и при земских учреждениях с их правом самообложения, — подобная децентрализация, столь свойственная России и способная к дальнейшему, еще более широкому развитию, для современной Франции невозможна. Самая централизация власти во Франции, самый этот могущественный бюрократический механизм есть создание первой революции, или той партии, которая, во имя народа и свободы, захватила тогда власть в свои руки[20]. С тех пор она служила поочередно орудием для всех партий, совершавших государственные перевороты. Настоящая республика есть также дело партии, а не народа, и республиканская партия очень хорошо понимает, что при децентрализации власти многие департаменты тотчас же предоставят управление в руки легитимистов, бонапартистов, клерикалов — одним словом, врагов республики. Но оставим несчастную Францию, запутавшуюся в практических противоречиях отвлеченных доктрин, которые она революционно применила к жизни, и сделаем теоретические выводы из приведенных нами практических разоблачений парламентского режима.

Итак, не мы, а хозяева «правового порядка» на самом Западе приходят к следующим заключениям:

Из известной формулы «полноправного» народного представительства следует прежде всего исключить «ответственность министров» или существование «кабинетов», зависящих от большинства депутатских голосов (их нет ни в Германии, ни в Америке). Следует, одним словом, установить *независимость* действий административной власти от народного представительства. Едва ли такое исключение — по вкусу нашим платоническим адептам конституционной теории!..

Далее: следует таковому народному представительству преградить самое административное *управление страною* посредством децентрализации административной власти там, где это возможно, и ограничить объем власти парламента только контролем и законодательством.

Но и при таком ограничении, разве область контроля и законодательства не представляют того же широкого поля для погони за *большинством голосов*, о чем с таким негодованием говорит Луи Блан и вышеназванные публицисты? Доказательство этому видим мы в германском парламенте, где министерство, хотя и не «кабинетное» и не «ответственное», вынуждено для успеха правительственных предложений сманивать на свою сторону то ту, то другую партию — посредством обещаний, заведомо ложных, плясать на канате, упражняться в эквилибристике между партиями самым недостойным образом, — и все это ради одного-двух десятков голосов!.. Да разве, наконец, хоть бы и в сфере законодательной, не бывают сплошь да рядом случаи вроде французского голосования проекта Гамбетты о пересмотре конституции, когда палата дала в одном и том же заседании два противоречивых решения? Одним словом — все неудобные, темные, вредные стороны парламентского режима повторяются во

всей своей полноте и при безответственности министров, и при выделении из ведения парламента дел чисто административных. Как же устранить эти вредные и неудобные стороны? Иностранные публицисты не дают на этот вопрос ответа. Правление *партий*, по их же уверениям, никуда не годится, по крайней мере на континенте (об английских партиях, не имеющих ничего общего с «партиями» в остальной Европе, мы когда-нибудь поговорим особо). А без партий, по словам тех же публицистов, «народное представительство — толпа разбивается на множество мельчайших групп, с особым мнением у каждой; согласовать их почти невозможно, и решения по большинству голосов выходят случайные, калейдоскопические»... Попавши в такой circulus vitiosus *, цитуемые нами писатели не умеют из него выйти, — а выход самый простой...

Народное представительство не должно иметь *никакой власти.* Тогда и гнаться за большинством голосов не будет надобности; но тогда и разнообразия мнений нечего опасаться, а напротив, нужно желать. *Ум* хорошо, а *два* лучше, — говорит русская пословица; пусть будут эти умы и несогласны между собою, дело от того только выигрывает, осветится вопрос с разных сторон. И чем многостороннее рассмотрится он, чем больше умов, тем еще лучше... Но никто, конечно, не скажет: одна *воля* хороша, а *две* лучше, потому что, чем больше умов и, стало быть, многосторонних направлений воли, тем труднее и соглашение. Вот мы и приходим к тем основным русским положениям, которые были уже не раз высказываемы в «Руси»: народу, земле принадлежит — *мнение* и только мнение, — разумеется, вполне свободно высказываемое; верховное же решение — единой личной верховной воле. Никакой иной принудительной, гарантирующей силы, кроме н р а в с т в е н н о й, мнение не должно и не может иметь, — да, впрочем, эта нравственная сила представляется едва ли не действительнее всякой внешней, формальной гаранты, всегда удобообходимой, как мы это беспрестанно и видим, хоть бы в Германии... А ответственность власти? — спросят нас. Но какую же ответственность несет перед страной за решения неправые, за решения унизительные для страны — *безличный* конституционный правительственный снаряд с верховным самодержавным решением большинства голосов в депутатских палатах на Западе? А личная верховная власть несет ответственность, и ответственность тяжкую, хотя бы только чисто нравственную, — ответственность пред Богом, пред совестью, пред историей, пред страною, высказавшею прямо и свободно свою чистосердечную мысль... Каким образом власть может и должна узнавать эту мысль и получать нужные для нее сведения, это другой вопрос, которого мы здесь не касаемся! Мы хотели только показать, как совершенно неумно поступают те наши русские «пленники» чужих теорий и мировоззрений, которые кивают нам на существующие формы правления на Западе, — именно в то время, когда сам Запад пришел к сознанию их несостоятельности и устами своих передовых мыслителей обличает их внутреннюю ложь и противоречие с началами истинного либерализма...

---

* порочный круг (*лат.*).

<КУЛЬТУРНОЕ ОДИЧАНИЕ НАШЕГО ВЕКА>

Дошел черед и до Англии. Часть великолепного Вестминстерского дворца, к которому почти прилегает здание самого Британского парламента [1], взорвана — «во имя свободы и прогресса», конечно — на воздух, и представители свободного народа разбежались, объятые страхом... [2]

В истории европейской или, пожалуй, «общечеловеческой» *культуры* настоящее время получит, по всей вероятности, название *динамитного периода.* Какая-то динамитная эпидемия охватила все «цивилизованное» человечество. Что́ ни день, то телеграмма из того или другого края Европы о совершившемся или неудавшемся зверском замысле новейших *идеалистов* (уподобляемых в некоторых органах русской печати «христианам первых веков») на жизнь одного ли, сотен ли, тысячей ли людей совсем неповинных, — и все большею частью посредством мин или бомб, начиненных этим, популярным теперь, взрывчатым веществом. Подброшенные в Париже, но не взорвавшиеся бомбы носили даже клеймо: *Manufacture nationale!* Впрочем, это вещество только потому и стало таким пресловутым, что служит *пока* самым удобным, дешевым и вместе самым могущественным, наиужаснейшим орудием разрушения; «апостолы же динамита» (les apôtres du dynamite, как называет газета «République Française» [3] анархистов) не пренебрегают и ядом, револьвером, кинжалом, петролеем [4] и иными способами смертоубийства и истребления. Хотели же «самоотверженные служители идеи», анархисты испанской «Черной руки» [5], отравить водопроводы! О поджогах и напоминать нечего: слишком уже известное, банальное средство...

Года два или полтора тому назад газета «Русь» подвергалась жестоким нападениям со стороны некоторой части нашей интеллигенции и печати за неделикатность отзывов о виновниках подобных и еще более крупных деяний, совершенных у нас в России [6]. Было, кажется, отчего взволноваться и даже разгневаться. Но именно потому, что это совершено у нас и довольно слабо возмутило «либеральную» и «высококультурную» Европу, то и произошло нечто удивительно странное. По малодушному ли, суеверному страху — как бы не показаться отступниками «либерализма», или по особенного рода мягкодушию, только многие и очень многие не отваживались даже назвать черное черным, гнусное гнусным, хотя бы в своей душе и не отвергали этой «квалификации». Вместо того чтобы честным негодованием отрезвить умы и сердца заблудшейся молодежи, они лишь разыскивали обстоятельства, смягчающие преступную вину, и действительно смягчали ее — в глазах самого молодого поколения, ему же ко вреду. Утверждали, например, что наш революционерствующий нигилизм не более как продукт наших же, туземных, исторических условий существования; что оно вполне объясняется, а потому отчасти и извиняется, недостатком широкой деятельности для молодых сил, отсутствием «политических прав», «правового порядка», «однородных с Европою политических учреждений» и т. д. Но вот, к вящему посрамлению сих доводов, то же самое явление да еще в тех же формах, под тем же знаменем, как и в нашей абсолютной монар-

хии, воспроизводится повсюду на самом Западе, — не только в монархиях строго конституционных, где процветает вполне правовой порядок со всевозможными гарантиями, но и в республиках, где страдают уже не от недостатка, а разве от избытка политических прав! И не только на материке Европы, но даже и в Великобритании, гордой своими древними свободными учреждениями и действительно надежнее, чем любая республика, ограждающей свободу личности даже иноземных политических убийц, отравителей, поджигателей, которым она предоставляет у себя такое гостеприимное убежище! Везде и всюду с неистовым озлоблением ведется подкоп именно под «правовой порядок», как бы либерален он ни был. Он-то именно и претит нигилистам, как российским, так и всех стран мира, а наши остроумные мыслители истолковали недавние злодейства, опозорившие Русскую землю — тоскою по «правовом порядке»!!

Никаким «правовым порядком», никаким новым снимком с европейских учреждений не умирить того духа вражды, отрицания и разрушения, которого веяние с Запада восприняла наша духовно беззащитная молодежь, причислившая себя к разряду революционеров-социалистов, федералистов, коллективистов, а также и анархистов. Никаких жизненных корней в нашей исторической и национальной почве *это* воинствующее зло не имеет. У нас оно явление не самостоятельное, а подражательное, и если принялось с такою силою в наших молодых поколениях и ознаменовалось такими чудовищными деяниями, то благодаря лишь именно господствующей в России отвлеченности и *беспочвенности* воспитания. Нигде, разумеется, так не вольготно крайнему западному радикализму, как в сфере чистейшего абстракта, как в умах и душах, опорожненных воспитанием догола от всякого живого смысла действительности, от всякой непосредственной связи с жизнью и бытом своего народа, с его прошлым и настоящим, — от всяких положительных национальных идеалов, от всяких заветов народности и старины. Там, на Западе, у себя дома, этому радикализму все же приходится несколько побороться с противодействием, воздвигаемым даже в собственной душе радикала его бытовыми привычками, его народными историческими инстинктами, его любовью к родине, его неравнодушием к чести и славе своей страны — его «предрассудками», одним словом. Здесь же, в русской молодой среде, большею частью — ни заминки, ни запинки. Мало, что все опустошено, но все осмеяно, все растоптано, все вытраблено. Ни одного «предрассудка»! Дух отрицания, дух презрения к началам жизни, преданиям, святыне своего народа, особенно же дух суеверного поклонения авторитету «последних слов» Западной Европы, так усердно насаждаемый в нашей молодежи недальновидными педагогами, постепенно претворяет немалое число юношей (к наивному подчас изумлению самих педагогов!) в самые наиспособные практические орудия для целей космополитической анархии и отводит им чуть не первое место среди западных коноводов разрушения и истребления... Недавно они удостоились даже очень лестного отзыва в одной польской прокламации «к рабочим», в которой поляки (каково беспристрастие!) указывают польским социалистам на «русских нигилистов» как на учителей, как на пример и образец для подражания. На это quasi-демократическая «Газета Народова» [7] замечает, что полякам подражать космополитическому направлению русских не следует, так как поляки должны иметь в виду только одну политическую национальную цель; но союз с русскими нигилистами ради *этой* цели

газета весьма одобряет и рекомендует ими всемерно пользоваться, потому что лучшего способа наносить вред России нельзя и измыслить.

Таким образом, этот революционный нигилизм, эта анархическая похоть — явление в России не самостоятельное, так сказать, незаконнорожденное. России тут в чужом пиру похмелье; пир происходит на Западе. Но и на Западе это явление не какое-либо случайное, мимоходящее, вроде облачка, налетевшего на ясную лазурь. Его значение мировое; корни его в самой истории, в самой цивилизации Запада. Да, это явление, по-видимому, дикое — явление тем не менее вполне *культурное*, в том смысле, что оно есть плод от древа культуры, взращенного Западом... Пылают села и города; взрываются на воздух жилища и храмы; людей режут, застреливают из-за угла, жгут серною кислотою; везде рыщет злая, грубая и в то же время ускользающая от преследования потаенная сила; всюду водворяется революционный террор, который, если только одержит победу, сторицей превзойдет времена первой Французской революции, своей несомненной родоначальницы, в кровожадности и тирании... Что́ же виною всех этих зверств, этого торжества грубой силы, этих отрав, поджогов, убийств, этого наглого поругания над народными верованиями и святынями?.. Что́? Недостаток образования? культурности? *невежество народных масс*? Нисколько. *Народ* в собственном смысле — тут ни при чем; народ — вечно превозносимый на словах, а в действительности вечно именно пророками-то свободы и презираемый, теснимый, взнуздываемый, как только удается им захватить власть, — народ, вечно оклеветанный, не причастен ни к ужасам прошлых французских революций, ни к злодействам революционеров наших времен — социалистов, анархистов и tutti quanti *. Правда, им удается иногда привлечь на свою сторону от народа негодяев и пьяниц, или городскую чернь, но этот сброд только *орудие* в их руках, чужд всяких политических убеждений и готов принять участие во всяких уличных беспорядках, свалках и грабежах, кто бы ни был зачинщик. С Февральской революции (1848 г.), когда на поле революционной практики выступила доктрина социализма, стали фигурировать и «рабочие». Но и эти 30, 50, хоть бы сто тысяч работников Парижа или Лиона не могут считаться представителями всего рабочего населения Франции, — что́, впрочем, уж неопровержимо доказано самими историческими событиями! Конечно, по мере распространения образования между рабочими умножается между ними и число адептов революционного социализма, но массы рабочих, как и всего простонародья, остаются еще верны здравому смыслу и нравственному инстинкту: кровавые насилия пока еще им претят; они еще не довольно... цивилизовались. Да и самые адепты — не более как стадо, идущее вслед за пастырями: не они, не рабочие вдохновляют и направляют современное социалистическое или анархическое движение, хотя, казалось бы, они всего более, да и единственно *они* в нем заинтересованы: ведь во имя их, ради их оно предпринимается, только их польза имеется в виду!.. Однако же с их стороны одушевления никакого не видно: они большею частью только декорация или статисты... У нас также известный разряд «интеллигенции», специфически величающий себя этим именем, вечно воздыхающий о «народе», о народном представительстве, о народодержавстве и т. п., вместе с тем опасаясь народного к себе нерасположения, не однажды выражал желание, чтоб этот «80-ти-миллионный»,

* всем прочим (*ит.*).

очень уж консервативный зверь был правительством крепко «взнуздан»[8]. В то же время наши «революционеры» подлыми обманами, подложными царскими манифестами всячески стараются сбить народ с толку и заставить его таким образом, неведомо для себя, послужить анархическим целям...

Итак, не от народного «невежества» исходит дикость совершающихся явлений; не грубость народных, чуждых образования масс причиною тех грубых насилий, с которыми борются правительства как в русской монархии, так и во Французской республике и в конституционной Англии. Носители и представители новейшей дикости, виновники этих грубых, зверских кровавых деяний — наиобразованнейшие, вполне «культурные» люди Европы. Проповедники, вожди, вдохновители, даже бóльшая часть практических деятелей анархии и революционного социализма — если не самый цвет европейского просвещения (а в первую, «великую» Французскую революцию это, конечно, был самый цвет), то все же люди обширных знаний (хоть бы ученый географ Реклю, друг ученого же геолога Крапоткина), замечательных талантов, — люди, от которых не может отречься современная цивилизация. Они ее детища, они только в ее области у себя дома — в Азии делать им нечего! Им доступна и ведома вся премудрость, которую можно найти в книгах, и уж в грехах *неведения* они никак не повинны. Они бесспорно *передовые мыслители* Западной Европы; им действительно принадлежит так называемое «последнее слово»; ничего более последнего не было сказано. Они еще далее двинули современную цивилизацию, очищая ее от «предрассудков» и сами, прежде всего, смело освободясь от них. Они же — взрывают, отравляют, режут, поджигают, душат, — все равно, сами или через других... Как же это? образованные люди, представители высшей культуры, передовые мыслители, да режут? Может быть, из мщенья, под воздействием гнева, страсти? Ничуть не бывало! Даже самый наглый адвокат, самый искуснейший «прелюбодей мысли»[9] не мог бы в их оправдание сослаться на «состояние нравственного аффекта». Задушение Иванова в саду Петровской академии[10], злодеяние 1 марта, *ученый* взрыв железнодорожного поезда[11] и целый ряд подобных же подвигов в целой Европе — все это совершено вовсе не в исступлении духа, не в припадке бешеной злобы, а очень спокойно и рассудительно людьми — «чуждыми предрассудков»... В первую Французскую революцию, правда, было много страстного увлечения или, вернее сказать, опьянения властью, — но если первая революция походила на бурю, то теперь эта буря разменялась на соответственную, даже, по-видимому, обыкновенную *погоду*. Даже публика перестала содрогаться при чтении известий о совершаемых «политических» взрывах, умерщвлениях и тому подобных поступках с человеческой породой: до такой степени они стали обыкновенны...

Но если не из побуждений страсти совершаются все эти зверства, то не из расчетов ли выгоды или корысти? И этого нет. Без сомнения, вожди анархии и революционного социализма, проповедуя равенство политическое и экономическое, сохраняют за собой привилегированное положение отцов-командиров и не довольствуются одним денежным содержанием *рабочего*; без сомнения также, это командирство, эта возможность играть на весь свет такую эффектную роль, держать в страхе и чуть не в осадном положении правительства могущественных держав (заставлять, например, город Лондон расходоваться на целую лишнюю тысячу полицейских) — все это льстит тщеславию, представляет немалую привлекательность. Привлекательною является самая эта игра

в опасность, подобно всякой азартной игре: страстному игроку жизнь не в жизнь без этих ощущений страха и надежды. Но эти причины второстепенные, и во всяком случае не грубою личною корыстью, особенно в вождях и пропагандистах, может быть объяснена вся эта система насилия и зла.

Главным двигателем в этих представителях образования и цивилизации является, без сомнения, *идея* — идея вдобавок несомненно возвышенная. Да, это идея — свободы, гуманности, справедливости, равномерного распределения всех материальных благ и вообще равенства. Ничего, по-видимому, нет выше и нравственнее. Каким же, однако, образом могло случиться, что высокая и нравственная идея творит дела чудовищно-безнравственные? что все труды, все завоевания человеческого ума, все добытые веками блага нашей утонченной культуры, все знания и открытия науки — всё, одним словом, чем гордится XIX век, послужило и служит истреблению, разрушению, торжеству грубой силы и одичанию? В самом деле, что́ же такое все эти современные анархисты и революционеры? Это новая порода диких — во всеоружии науки и культуры; это мошенники — во имя высшей честности и правды; это звери — ради «гуманности»; это разбойники прогресса, это демоны, проповедующие о рае... Какое зрелище представляет современность? П р о с в е щ е н и е наводит зловещую тьму. С в о б о д а обращается в т и р а н и ю; р а в е н с т в о — в п о п р а н и е с в я т е й ш и х п р а в человеческой личности; с п р а в е д л и в о с т ь — в злую н е п р а в д у, з н а н и е — в н е в е ж е с т в о, у м — в г л у п о с т ь. Как же объяснить эти совсем противоположные результаты? Не наука же, в самом деле, не культура сама по себе в этом виновата?! Тэн дает отчасти ответ на этот вопрос в своей последней статье «Программа якобинца» («Revue des Deux Mondes», 1 марта) [12].

«Ничто не представляет такой опасности (начинает Тэн свою статью), как общее понятие (une idée générale) в головах узких и пустопорожних (vides): так как они пустопорожни, оно не наталкивается в них ни на какое знание, которое бы могло послужить ему преградой; так как они узки, оно скоро наполняет собой все их пространство. С той поры они уж более себе не принадлежат; *оно* ими владеет, *оно* действует в них и через них; человек *одержим* в точном смысле слова. Что-то постороннее (quelque chose qui n'est pas lui), чудовищный паразит, мысль чуждая и несоразмерная живет в нем, развивается и родит зловредные похоти, которыми чревата. Он и не предвидел, что они у него явятся; он не знал, что́ содержит в себе ее догмат, какие последствия, ядовитые и убийственные, из него изойдут. И исходят они неизбежно, как рок, поочередно под давлением обстоятельств, сначала — последствия анархические, а потом деспотические. Достигнув власти, якобинец приносит с собою обладающую им идею (son idée fixe); в управлении, как и в оппозиции, эта идея равно обильна производительностью, и ее всемогущая формула, в каждой новой своей области, вытягивает бесконечно плодящуюся вереницу все новых и новых звеньев (la file pullulante de ses anneaux multipliés)».

Как ни талантлив, ни остроумен ответ Тэна, он, однако же, не совсем удовлетворителен или не довольно полон. В общем — характеристика якобинцев, конечно, метка, но можно ли, однако, назвать, не говорим о Мирабо, но даже многих других деятелей революции — только «умами узкими и пустопорожними» (des cerveaux étroits et vides), «лишенными всякого *знания*»? Тэн излагает якобинскую программу на основании подлинных парламентских речей (в том

числе и Мирабо, и Сен-Жюста, и Робеспьера, и проч.), постановлений, декретов, законов, министерских и иных официальных распоряжений и актов. В том-то и дело, что бóльшая часть речей, пока они касаются общих отвлеченных понятий, принципов, философских определений, блещут умом, знанием, полны широкой, возвышенной мысли и подчас такой правды, что хоть бы сейчас в уста церковному проповеднику! И в то же время в дальнейшем развитии, в применении к жизни практические выводы из них поражают чудовищностью противоречий, мелочностью, узкостью, каким-то бредом разнузданной воли и, наконец, просто бессмыслицей. Приведем примеры, которые тем интереснее, что их можно иметь в перспективе на случай перехóда власти к новейшим апостолам социализма и анархизма; непременно повторится то же самое, до мелочей, как повторилось было, на короткое время, в революцию 1848 года, потому что революционеры наших дней, как уже было замечено кем-то, то же, что Бурбоны: ничего не забыли и ничему не научились [13]. Но обратимся к цитатам Тэна. Вот к какому распоряжению власти сводится прекрасная, по-видимому, мысль о свободе религиозной:

«Для того чтобы свобода вероисповеданий пребыла во всей своей полноте, *запрещается* кому бы то ни было проповедывать или писать в пользу (pour favoriser) какого бы то ни было культа или религиозного мнения». Далее: «Особенно же воспрещается всякому бывшему служителю какого бы то ни было вероисповедания — проповедывать нравственное учение (la morale) под страхом быть признану подозрительным (suspect) и в качестве такового подвергнуться аресту». «Всякий, кто осмелится проповедывать какие бы то ни было религиозные правила, этим самым делается виновным пред народом (coupable envers le peuple): он нарушает общественное равенство, которое не дозволяет, чтобы отдельное лицо могло возносить публично свои идеальные притязания выше таковых же своего соседа»!!

Республиканское правительство, как известно, в своем стремлении пересоздать весь строй не только политической, но домашней, бытовой жизни общества и народа, переделало календарь, уничтожило воскресные и праздничные дни, завело декады и т. д. Но «державный народ», именем которого все это производилось, продолжал придерживаться, если не публично, то у себя в жилищах, старых порядков и даже — о ужас! — *постничать*. И вот директория [14] предписывает муниципальным правлениям принять меры, «чтобы *продажа рыбы на рынках никак не совпадала* со днями воздержания (jours d'abstinence), назначенными по старому календарю»! Позволим себе привесть и еще одну цитату из множества их, наполняющих статью Тэна: некто нотариус Жирар в Париже сначала, в 1789 г., принимал участие в революционном движении, но потом отстал и держал себя скромно в стороне, — и вот ему официальным постановлением вменяется в преступление: зачем-де лишал он своих сограждан света своего разума и познаний (considérant que le citoyen Girard depuis la révolution de l'égalité *a privé de ses lumie1res ses consitoyens, ce qui est un crime en révolution*): несчастный объявлен единогласно подозрительным, отведен в тюрьму — и казнен (tombé sous le glaive de la loi)... Самый свирепый азиатский деспот каких бы ни было времен — истинный либерал в сравнении с провозвестниками новейшего западноевропейского революционного либерализма; ибо азиатский деспот, посягая на жизнь, честь и внешнюю свободу отдельных лиц, все же оставляет в покое быт, веру, частный строй жизни своих подданных.

Между тем требование революционеров-социалистов в том именно и состоит, чтоб под знаменем закона и во имя правового порядка государственная власть вмешалась во все изгибы общественной и частной, домашней жизни, все перевернула и перековеркала по принципам отвлеченной доктрины.

Нет, не одною *природною*, так сказать, узкостью и пустопорожностью умов, как думает Тэн, можно объяснить такой, на почве европейской культуры и цивилизации XVIII и XIX веков, пышный расцвет деспотизма, тирании, бесчеловечия, дикого, кровожадного зверства, всевозможных преступлений и злодейств — совершаемых, с подобием науки и учености, во имя свободы, либерализма, гуманности, просвещения, прогресса и высших идей равенства и справедливости! В том-то и дело, что *при известных условиях* всякий *широкий*, начиненный отвлеченными знаниями ум роковым образом выражается, обрекается на *узкость* и ограниченность. Что́ поражает, например, во всех речах французских ораторов прошлого революционного эпоса и во всех новейших революционных социалистских и иных разглагольствиях, как бы страстны они по-видимому ни были, — это именно то, что не слыхать в них ни души, ни сердца, — ни одной ноты — *любви*. Они продукт голой, сухой, отвлеченной рассудочности. «Мораль», «справедливость», «братство» — все это лишь отвлеченные, рассудочные *понятия*, а не живые личные стремления, потребности, силы *души*. Всем этим теориям, доктринам, проповедям и действиям во имя высших *нравственных* принципов недостает именно *нравственной* подкладки, живого *нравственного чувства и смысла*, — а потому и в результате — *безнравственность*. И этот недостаток не есть только *случайный*, присущий только лично главным вождям и апостолам новых революционных учений (например, Мирабо и бо́льшая часть корифеев «великой революции» и последующих — известны и личною порочностью[15]). Это недостаток *органический*, присущий, во-первых, самим учениям, полагающим в свою основу прежде всего грубое насилие как необходимое условие их применения к жизни, — следовательно, исповедующим начало безнравственное, содержащее уже в себе самом отрицание свободы и всех, казалось бы прекрасных, провозглашаемых ими принципов. Во-вторых, он органически присущ и самой культуре, самому просвещению Запада, по крайней мере в его настоящем фазисе. Ибо в основании, в глубине современных учений Запада, не только революционных, но и философских, вообще его «последнего слова» лежит: отвержение Бога — следовательно, отвержение всего, что́ святит человека и с ним всю природу, — отрицание свободного духа и всякого духовного в человеке начала — следовательно, *обездушение* человека и *порабощение* его плоти, — отрицание высшей, предержащей мир, независимой от человека правды, высшего, нравственного, обязательного для нравственной человеческой природы закона, всей нравственной в человеке стихии, и затем — *поклонение* обездушенной материи, обезбоженному, обездушенному, охолощенному духовно и нравственно человеку как *богу*, — горделивое превознесение выше всего бедного логического разума и «точного», стало быть *ограниченного*, знания. Подкапываясь под самый жизненный непосредственный корень в своей душе нравственных, вмещаемых умом понятий, человек тем самым упраздняет их действительную силу и обращает их в ненужную ветошь; проповедуя политическую и социальную свободу и в то же время освобождая себя от религиозных уз, из-под власти нравственного, врожденного человеку инстинкта и чувства, отметая совесть как «предрассу-

док», он становится рабом страстей и животных побуждений; превознося «гуманность» и совлекая с себя нравственный образ Божий, облекает самого себя в образ звериный; измышляя новый строй, новый *внешний* закон для человеческих обществ, ставит самого себя, свою волю вне всякого *внутреннего* закона! В самом деле — не диво ли? Провозглашая *усовершенствование общественное*, он отвергает закон *личного внутреннего совершенствования* и мечтает создать на основе формальной справедливости гармоническое человеческое общежитие... разнузданных, отвергающих всякое нравственное обязательное для совести начало, оживотненных человеческих личностей! Хорош идеал новой нормы человеческого союза из людей, которые *по принципу* считают для себя позволительным и непредосудительным друг друга ненавидеть, предаваться страстям и всяким скотским побуждениям, у которых сознательно заглушена совесть и извращены души! И эта-то бессмыслица — последнее слово, *идеал* современной мысли и культуры!.. Гордая наука забыла, что не культура, не знание преобразили мир и научили его понятиям свободы, равенства, братства и высшей справедливости, — которыми наука потом завладела, вылущив из них духовную, Божественную сущность! Преобразили мир — невежды-рыбаки [16], посрамили мудрых и ученых и победили все внешнее могущества мира не грубою внешнею силой, а нравственною, внутреннею силою слова.

Не в науке зло, конечно, и не в цивилизации, но в гордом самомнении науки и цивилизации, в той их *вере* в себя, которая отметает веру в Бога и в Божественный нравственный закон. Не на неподвижность также осуждены внешние порядки и весь строй человеческого общежития, но на непрестанное изменение и усовершенствование. Нет сомнения, что исторические политические формы на Западе изнашиваются и орудием их разрушения являются именно революционеры всех наименований. Но не они призваны к созданию новых высших, нравственных и более свободных форм. Не они сыны свободы. Они лишь бунтующие рабы. Бунт против Бога есть в то же время бунт против человечества, против самых основных основ его земной жизни, и если этот бунт есть последнее слово западной культуры, то другого нового «последнего», кроме разве гибели, быть не может. Новое и последнее слово есть то старое вечное слово спасения, которое возвещено человеку в Божественном Откровении.

Последние страницы современной истории обращают невольно мысль к первым страницам человеческого бытописания, к священному библейскому сказанию о грехопадении... Вкусив, с нарушением заповеди Божией, от древа *познания добра и зла* [17], человек в конце концов, вновь отвергшись Бога, утрачивает даже способность *распознавать* добро и зло, различая только пользу и вред; возмнив горделиво быть *яко боги* — возгорается страстным, непреодолимым вожделением — быть *яко ско́ти*...

<КРИТИКА «РУСИ» В «С.-ПЕТЕРБУРГСКИХ ВЕДОМОСТЯХ» КАК «МОШЕННИЧЕСТВО ПЕЧАТИ» И «ОБРАЩИК ИДИОТИЗМА»>

Везде, во всех странах, бывают редакторы газет серьезные и паясы, умные и малоумные, талантливые и бездарные; но едва ли где в другой стране, кроме России, попадаются редакторы, которые до того бессмысленны, что даже и читать не умеют. К таким замечательным редакторам, бесспорно, принадлежит г. Комаров, издатель-редактор «С.-Петербургских Ведомостей», газеты, составляющей собственность Петербургской Академии наук, а потому и украшенной двуглавым орлом. Читатели «Руси» знакомы с нашей последней передовой статьей в 6<-м> №, где мы пытались объяснить себе: почему «последнее» в данную минуту слово цивилизованной и культурной Европы выражается динамитом или чудовищными злодействами всякого рода — во имя гуманности, прогресса и ради пущего блага человеческому роду? Пробовал, видно, прочесть эту статью и г. Комаров, и вот что по поводу ее пишет (№ 78):

> «Последний № "Руси"... для г. Аксакова создает положительную эпоху; издатель "Руси" представляется теперь в совершенно ином, чем до сих пор, свете. В передовой статье г. Аксаков, по поводу взрыва Вестминстерского дворца, ведет довольно длинную речь о революционерах. Издатель "Руси" несомненно становится на их сторону».

Затем в доказательство приводятся выдержки из нашей статьи, с такою оговоркой: «Ввиду важности дела, о котором идет речь, мы сообщили все эти цитаты *с буквальною точностью*». Посмотрим же, какова «точность» г. Комарова:

Выписываются наши слова о том, что «главным двигателем в этих представителях образования и цивилизации (т. е. революционерах) является без сомнения идея, и идея вдобавок несомненно возвышенная», именно «идея свободы, гуманности, справедливости, равномерного распределения всех материальных благ и вообще равенства. Ничего, по-видимому, нет выше и нравственнее». Следующие же за этим слова: «Каким же, однако, образом могло случиться, что высокая и нравственная идея творит дела *чудовищно-безнравственные*»... и далее — о том, что современные анархисты и революционеры — «это новая порода *диких* во всеоружии науки и культуры» — г. Комаровым опущены.

Приводится цитата, что «исторические политические формы на Западе, нет сомнения, изнашиваются и орудием их разрушения именно являются революционеры всех наименований», и *опускается* непосредственно следующая затем речь: «Но *не они* призваны к созданию новых высших, нравственнейших и более свободных форм; не они сыны свободы, — они лишь бунтующие рабы. Бунт против Бога» и т. д.

Цитатуются строки, где мы (доказывая, что наука и цивилизация, отрицающиеся Бога, нисколько не застраховывают человека от одичания и зверства), говорим, что «современные революционеры — люди обширных знаний, заме-

чательных талантов, детища современной цивилизации», которую «двинули еще далее, очищая ее от "предрассудков" и сами, прежде всего, смело освободясь от них». Но следующие затем слова, заканчивающие и, так сказать, венчающие весь этот период, г. Комаровым, *точности* ради, о п у щ е н ы, именно: «они же *взрывают, отравляют, режут, поджигают, душат*»...

Даже ироническое указание нашей статьи на то, что русские нигилисты «недавно удостоились очень лестного отзыва в одной польской прокламации», где выставляются «учителями, образцом для подражания», — приводится в виде какого-то *восхваления* с нашей стороны, чему читатель, незнакомый со статьею и с направлением «Руси», может, пожалуй, и поверить, так как при цитате *опущено* ее пояснение! Именно, вслед за цитованными словами нами добавлено, что «Газета Народова» в статье *по поводу этой прокламации*, имея в виду польскую политическую цель, рекомендует полякам русскими нигилистами «всемерно пользоваться, *потому что лучшего способа наносить вред России нельзя и измыслить*»...

Не станем далее утомлять читателя обличением «точности» редактора «С.-Петербургских Ведомостей». Приведенного довольно. Но как определить, или, говоря юридическим языком, «квалифицировать» подобный поступок? По всем внешним юридическим признакам, это именно то, что «Московские Ведомости» называют «мошенничеством печати» [1]. Нам думается однако, что мошенничество умнее; бессмыслица же окончательного заключения статьи «С.-Петербургских Ведомостей» такова, что поневоле обезоруживает и заставляет сменять гнев на милость. Вот это заключение:

> «Откуда же так (sic) многознаменательная перемена в выдающемся литераторе и политическом деятеле? Она объясняется весьма просто характером мотива, который сознательно или нет, фиктивно или искренно всюду вторил г. Аксаков. У Москвы один бог — это сила: у кого сила, тому она всегда покланялась, покланяется и долго еще, кажется, будет поклоняться. Г<-н> Аксаков сознает и чувствует силу нынешних революционеров, убежден в том, что они могут властвовать. "Приведем примеры, — говорит он, — которые тем интереснее, что их можно иметь в перспективе на случай перехода власти к новейшим апостолам социализма и анархизма" (опять г. Комаровым *недосказано*, что здесь разумеется только Франция и примеры приводятся из времен первой Французской революции, по статье Тэна! [2]). Вот, где объяснение той перемены фронта, которою в "Руси" на всю Русь удивил г. Аксаков! Не жалко ли, однако, потерять веру в разум человека из-за одной даже не статьи, а, скорее, выходки?..»

«Новое Время», приведя эту тираду в своем отделе «Среди газет и журналов», назвало ее на своем откровенном языке «обращиком идиотизма», помнится даже: «новым обращиком обычного идиотизма редактора "С.-Петербургских Ведомостей"» [3]. Мы от всего сердца присоединяемся к этому отзыву и надеемся, что г. Комаров с благодарностью оценит умеренность и беспристрастность нашего суждения.

<ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ХРИСТИАНСКИЙ ИДЕАЛ>

Хотя многие из наших газет имеют притязание быть «органами общественного мнения» (а не личными органами редакторов или же отдельных кружков), было бы, однако же, иной раз величайшим для общества оскорблением признавать их выражением *общественной* мысли. В какую ошибку впал бы, например, иностранец, который бы вздумал, в течение последних двух-трех лет, по вопросам, касающимся нашего национального достоинства или существеннейших интересов внутренней политической жизни, выводить заключение о воззрениях и чувствах нашей страны — из статей так называемой «либеральной», а подчас и так называемой «консервативной» русской печати! Конечно, каждая газета представляет собою известную группу единомышленников (хотя, впрочем, нисколько не соответствующую числу подписчиков), но все-таки суд газетный и суд общественный — в настоящем, серьезном смысле слова — это совсем не одно и то же. Правда, первый — скор и гласен; второй же почти всегда безмолвствует. Тем не менее он существует, хотя и слагается медленно. Его-то, этот суд, почти незримый и неощутимый, и должен всегда иметь в виду добросовестный русский публицист, не смущаясь газетными толками. Нельзя, однако же, отрицать, что клеветы, передержки и лживые толкования, особенно газет сильно распространенных, способны в значительной мере затруднить внутренний процесс общественного суда и задержать надолго окончательный перевес истины. Вот почему, для облегчения этого процесса, мы признаем неизлишним время от времени, как ни скучна эта работа, пускаться если не в полемику, то в разоблачение тумана, напускаемого нашими противниками на высказанные нами в печати мнения.

В передовой статье 6-го № «Руси» [1], как известно нашим читателям, мы, по поводу разных новейших проявлений анархизма и революционного социализма, пытались разрешить себе следующий вопрос:

Совершаются убийства, поджоги, отравления — словом, чудовищные злодейства, вынуждающие правительства не только нашей «абсолютной монархии», но и конституционных, даже республиканских стран, принимать чрезвычайные меры охранения, даже с стеснением частной свободы граждан. *Случайные* ли это преступления? *индивидуальные* ли, — такие ли, которые всегда неразлучны с человеческим общежитием (потому что в семье ведь не без урода, и рядом с добрыми имеются постоянно и злые, и развращенные)? Такие ли это обычные злодеяния, которые легко объясняются невежеством, недостатком цивилизации, грубостью нравов и которым, стало быть, лучшим противодействием могло бы служить заведение школ или образование? Такие ли, которых причина — нравственный «аффект» вследствие личной мести, гнева, раздражения, — или же корыстные побуждения? Ничуть не бывало. Эти преступления *не* случайные, а возведенные в целую систему; *не* индивидуальные, а общие, т. е. замышленные целыми общественными группами, и хотя, конечно, приводимые в исполнение отдельными *лицами*, но *не* под влиянием личного нравственного «аффекта», *не* вследствие личных отношений преступников к жерт-

вам преступного действия, *не* из личной мести, гнева или корысти, а вследствие какого-то отвлеченного принципа и в силу общепринятого обдуманного решения. Еще менее, наконец, эти деяния, запечатленные характером дикости и зверства, могут быть объяснены слабым развитием цивилизации или таким невежеством, которому противоядием могло бы служить умножение начальных училищ: преступники, оказывается, не только прошли все чрез элементарную школу, но большей частью стоят даже на верхних ступенях образования. Они — и ораторы, и писатели; есть и ученые между ними; они обладают всеми так называемыми «последними словами науки»; они имеют основательные технические знания; они применяют к своим преступным действиям все новейшие открытия в области химии и других естественных наук. Невольно возникает недоумение: каким же образом в наш «просвещенный век», столь гордый своими гуманными стремлениями и своей цивилизацией, дети цивилизации не только творят систематически, рассудительно, но и *проповедуют* дела — поистине достойные даже не варваров, а одичавших и озверившихся или оскотинившихся людей? Проповедуют притом не на площадях в горячке бунта, пред разъяренной толпой, а на митингах, в заседаниях своих вольных «парламентов», в книгах и газетах, стало быть, во всей обстановке цивилизации! И мало того, — вопрос еще более усложняется, — творят и проповедуют поджоги, отравления, убийства, динамитные взрывы кораблей, храмов, железных поездов (причем гибнут люди ни в чем неповинные) во имя гуманности, или любви к человечеству, свободы и разных, по-видимому возвышенных, идеалов равенства и справедливости!!

Кажется, это вопрос серьезный и над решением его стоит задуматься. Он, конечно, не нов для общественного сознания, смутно носится пред каждым, способным ужасаться совершающихся чудовищных явлений... Но точную логическую постановку его едва ли можно признать излишнею — особенно ввиду разнообразия и неопределенности большей части ответов. Так, до сих пор известная часть нашей печати, более или менее порицая подвиги анархистов и крайних революционеров, продолжает указывать России на «цивилизацию» как на единственную подательницу благ, «целительницу «*всех* социальных зол» (sic) и воспитательницу общественных и частных нравов. Между тем сама постановка вышеупомянутого вопроса (сделанная нами, думаем, вполне правильно) приводит необходимо к заключению, что, если законные детища современной цивилизации, во всеоружии знания и культуры, творят и исповедуют насилие, тиранию, злодейство в самом гнусном его образе, хотя и с учеными приемами, — значит, во-1-х, что цивилизация и знание сами по себе не застраховывают человечество от одичания и зверства и, во-2-х, что в современной цивилизации есть какой-либо органический порок, способствующий ложному направлению человеческой мысли и воли. Мы в нашей статье так и отвечаем на поставленный нами вопрос. Не в науке *самой по себе* и не в цивилизации зло, — говорим мы, — а в гордом самомнении науки и цивилизации, будто они вполне довлеют человечеству и призваны упразднить и восполнить собою веру в Бога и в Божественный нравственный закон; зло в отрицании того высшего духовного, сверхчеловеческого начала, которым святится человек, — в поклонении обезбоженному и обездушенному человеческому разуму.

Замыкая себя в пределы жизни земной, конечной, в ней одной полагая задачу и цель, отрицая бытие вечной, надземной, абсолютной правды и всякую

свою пред нею ответственность, освобождая себя от всякого внутреннего нравственного обязательства и в то же время отметая самую совесть как предрассудок, человек подрывает в себе самую основу тех идеалов, тех нравственных понятий, которые вмещает умом и которыми хвалится цивилизация. Признавая законность и право только одних *побуждений*, разнуздывая свою личность и низводя ее ниже, чем на степень животного (ибо животное все же обуздано в своей свободе пределами природного инстинкта), он неминуемо, логически впадает в грубое, чудовищное противоречие с теми самыми началами, которые гордо выставляет на своем революционном знамени! Так как всем этим началам недостает освящения в *высшем* нравственном непреложном начале — того освящения, которое было бы признано личным чувством и самою совестью человеческой, то в окончательном результате и выходит *без-нравственность* и «вместо равенства — попрание святейших прав человеческой личности, вместо справедливости — злая неправда». Одним словом, — говорилось в нашей статье, — отрицание веры в обязательный, сверхчеловеческий, Божественный нравственный закон в конце концов делает тщетною и науку, и культуру, и цивилизацию в смысле общечеловеческого благоустроения и, напротив того, приводит всякое общество, как бы оно, по-видимому, цивилизовано ни было, к разврату, одичанию и гибели. Тем неминуемее такой исход, когда сама наука и цивилизация гордо провозглашают это отрицание как необходимую принадлежность высшего развития, как свой обязательный догмат. Тогда и становится возможным то зрелище, которое и теперь местами представляет современность, именно, что «просвещение» (если под ним разумеется только «образование») не дает света, а «наводить зловещую тьму»; «знание» (претендующее на всеведение) «обращается в невежество»; «ум» (полагающийся на собственные свои силы) — «в глупость».

Вот вкратце сущность статьи 6 № «Руси». Как же она была понята нашими «ценителями и судьями» или газетными критиками? Две петербургские газеты занялись ею довольно обстоятельно. Из них «С.-Петербургские Ведомости» провозгласили, что мы передались «на сторону революционеров» и поклонились, *по нашему обыкновению*, «силе» [2], — но об этом несмысленном лепете мы уже отозвались в 7 № «Руси» [3]. Другая газета — «Новости» [4], сосредоточивающая теперь в себе, по-видимому, с прекращением «Голоса» [5], все силы своего лагеря, — «Новости» посвятили нашему «*походу против науки*, образования, прогресса, цивилизации» две статьи [6], причем содержание статьи «Руси» передано, как водится, в извращенном виде. Но дело не в этом, а в самом profession de foi * газеты. Она выступила, по собственным ее словам, «в защиту того, что́ уважается всем человечеством как *источник света, разума, высших идеалов и общего блага*... в защиту самой *цивилизации*»... Итак — цивилизация есть источник *разума*? Есть ли тут какой смысл? Что́ было прежде в мире: разум или цивилизация? По мнению г. Нотовича выходит, что сначала была цивилизация, а потом она источила из себя разум. Но дальше: та же цивилизация называется источником *высших идеалов*... Высшим идеалом или, по крайней мере, одним из высших, по всеобщему признанию даже атеистов, отвергающих христианскую догматику, почитается обыкновенно нравственный идеал христианский... Был ли он продуктом «цивилизации»? В дохристианском мире высшею

* символ веры, кредо (*фр.*).

цивилизациею была, бесспорно, римская, но решится ли г. Нотович утверждать, что римская цивилизация породила Христово учение? К «цивилизованным» ли людям относит г. Нотович галилейских рыбарей — апостолов... Она же, цивилизация, называется «источником общего блага»... Но понятие об «общем благе» слишком относительно и определенно. Золотой век, по мифическим сказаниям, позади нас, а не впереди; да и на ступени так называемого патриархального быта люди, по всей вероятности, признавали себя более счастливыми, чем на дальнейшем пути своей исторической жизни...

Мы остановились на первой же фразе г. Нотовича потому, что она служит точкою отправления его рассуждений, motto всей его полемической пиесе. «Цивилизация»! — вот то громкое слово, на котором выезжают все господа того quasi-либерального направления, к которому принадлежит и газета «Новости». Сюда же надо причислить и другие громкие слова: «прогресс», «последнее слово науки», «интересы человечества» и т. д. Оказывается, однако, что все эти слова — один лишь звук пустой, под которым разумеется будто очень многое, а поглядеть поближе — ровно ничего. По крайней мере, толкование, данное газетою «Новости» термину «цивилизация», как согласятся, вероятно, и сами читатели, не больше как набор слов, лишенный логического смысла.

Цивилизация, или, пожалуй, по-русски — «образование» (в переводе с немецкого Bildung), есть понятие относительное, лишенное определенного, положительного, самым словом исчерпываемого содержания. Оно неразлучно с понятиями *постепенности* и *развития*, и точный критерий его — *сравнение*. Так, этим термином прежде всего выражается высшая сравнительно с первобытным состоянием человечества степень развития человеческих обществ и предполагается именно такое состояние, когда человечество сложилось в *гражданское* общежитие (отсюда и латинское происхождение слова) и от непосредственности духовной перешло к деятельности сознания. Воздействие этой деятельности, т. е. мысли, опыта и постоянно увеличивающейся суммы знаний, на гражданское общежитие и наоборот, равно и производимое этим взаимным воздействием постепенное изменение в обществе быта, форм, отношений, условий, понятий, нравов и есть именно то, что́ называется «цивилизацией». Поэтому понятие о цивилизации всегда противополагается понятию о дикости и грубости и даже — как заключающее в себе начало условности и искусственности — понятию о простоте. Но никакой абсолютной, безотносительной сущности — понятие о цивилизации само в себе не имеет и не предносит пред человечеством никакого определенного, положительного идеала. Поэтому мерка цивилизации всегда — позади ее, а не впереди, т. е. она измеряется сравнительно с прошлым, а не по отношению к будущему или к какой-либо идеальной задаче будущего, которой сама в себе не содержит и которая если живет в сознании человечества, то потому, что дана ему *извне*, от цивилизации независимо. Были цивилизации ассирийская, индийская, египетская и проч., разных степеней развития; наконец, высокая цивилизация эллинская и римская, давшие все, что́ мог дать сам собою, своими собственными усилиями языческий мир — вне Божественного Откровения. Но, как ни велико было это все, языческий мир пришел к сознанию тщеты накопленного им богатства, утратил сам веру в свою высокую цивилизацию, не обретая в ней ни высшего духовного идеала, ни той нравственной силы, которая бы способна была спасти его от расслабления, разврата и гибели. Раздалась проповедь христианская — «элли-

нам (т. е. мудрости, науке, цивилизации языческого мира) *безумие*»[a 7], и покорила мир. Новое вино потребовало и мехов новых[8]; явились варвары, — начался новый процесс цивилизации, но уже под воздействием новых духовных начал. Цивилизация уже перестала быть *всем* для человека; человеческому обществу был дан свыше нравственно-религиозный идеал, к которому цивилизация и стала, естественно, в духовно-зависимое, так сказать, служебное отношение.

Вот этого-то духовно-зависимого, служебного отношения цивилизации к высшему нравственно-религиозному, христианскому идеалу и не хотят теперь признавать многие, едва ли не большинство «передовых» мыслителей; можно даже сказать, что таково господствующее направление мысли и духа в современном обществе. Обнаруживается словом и делом, проповедуется, возводится в систематическое учение — бунт против Бога, против всякого свыше-обязательного нравственного закона. Вместе с тем провозглашается поклонение «цивилизации» — *эманципированной* от всякой связи с высшим сверхчеловеческим, указующим путь началом: цивилизации стараются возвратить ее прежнее, самостоятельное, языческое, почти царственное значение: *она* — «источник света, разума, высших идеалов и общего блага»...

Это учение, эта проповедь нашли, разумеется, отголосок и у нас в России. Каковы именно воззрения редакции «Новостей», определить трудно; но, судя по ее статьям и по многим в них противоречиям, можно придти к заключению, что авторы их страдают более путаницею понятий, чем резко и определенно-отрицательными убеждениями, и только повторяют чужие возгласы (вроде приведенного в кавычках выше), отрывочно, не отдавая себе в них строгого отчета.

Дело в том, что все эти поклонники *цивилизации* смешивают ее с *нравственностью*, забывая, что эти понятия сами по себе вовсе не тождественны. В наше время, конечно, нам даже трудно отделить чистое представление об европейской цивилизации (о ней собственно и идет речь) от христианских нравственных начал, глубоко залегших в сознание человеческое как высший обязательный для человека закон; но, что они даны *не* цивилизацией, — этого исторического факта, думаем, и газета «Новости» отрицать не станет. Для ясности же, что оба понятия не одно и то же, представим себе опять цивилизацию римскую. Она могла создать римское право, и это здание внешней, формальной правды поистине величественно, но и сам римлянин написал на фронтоне его: summum jus — summa injuria*; но цивилизация не создала и не была способна создать идеи братства и равенства в смысле христианском; но она не могла указать древнему миру высшей цели бытия, на которую томительно намекал ему нравственный, врожденный человеку инстинкт; но она не выделила из себя такого нравственного незыблемого идеала, к которому бы он мог устремиться. Какому догмату цивилизации противоречила идея рабства в дохристианском мире? И если она противоречит теперь современной цивилизации, так *не ей* собственно, а тому, что́ внесено в человеческое сознание христианством. Но являются ли понятия о *нравственности* и *цивилизации* тождественными и в современной

[a] В оригинале ошибочно: «*соблазн*»; исправлено по поправке: <*Аксаков И. С.*>. Опечатки // Русь. 1883. 1 мая. № 9. С. 62.

* высшая законность — высшее беззаконие (*лат.*).

цивилизации — там, где ослабело или заглушено воздействие на нее христианского идеала, искажено почему-либо самое о нем представление? Ведь утонченность нравов не только не препятствует, но и не противоречит развитию утонченного же разврата. Пар и электричество разве усилили, да и способны ли усилить *сами по себе* в душах человеческих чувство взаимной братской любви? Известно выражение даже Джона Стюарта Милля, что в наше время, при богатстве технических усовершенствований, при необычайном развитии материальных удобств — «*душа* убывает» [9]. Формы общежития благодаря цивилизации могут стать мягче, вежливее, личный произвол может замениться правовым порядком и т. д., но люди *от того* не становятся добродетельнее, а если и становятся, так не от того. И смертная казнь, и братоубийственные войны и т. п. могут претить нашим вкусам, нашим умягченным нравам, даже рациональным понятиям о внешней справедливости, но могут быть точно так же рационализмом и оправданы. Во всяком случае, ведь не рационализм же научит людей жертвовать жизнью «за други своя»! [10]

Это вовсе не значит, будто сама цивилизация есть начало необходимо развращающее и ведущее к погибели; мы утверждаем только, что сама по себе она бессильна против людского порока и не содержит в существе своем каких-либо твердых основ для *противодействия* разврату или насилию именно потому, что она вырабатывает истины только условные и относительные и для совести необязательные. Цивилизация подлежит *развитию*, следовательно, видоизменению, и то, что́ теперь признается расцветом цивилизации, может быть со временем названо грубым варварством, как XVII век называл время Средних веков, как век XXV назовет, вероятно, наше XIX столетие и, может быть, пожалуй, в том же смысле, в каком и Рим в эпоху падения империи называл первые века республики!

Не то — нравственный идеал христианский. Он вечен и неизменен и не подлежит сам в себе никакому развитию. Цивилизация, какой бы высоты она ни достигла, ничего ни прибавить к нему, ни убавить из него не может. Хотя бы со временем человечество стало летать по воздуху и добралось до Луны, нравственный христианский идеал и тогда, как изначала, будет один и тот же... С понятием о цивилизации соединяется понятие о *неравенстве*: с точки зрения *цивилизации* человек предшествующих веков стоит *ниже* человека позднейшего времени, а последний *выше* первого; точно то же неравенство и между людьми во всякую данную минуту — по степени их цивилизации. Человек, получивший образование высшее, например в университете, цивилизованнее человека, прошедшего курс только элементарной школы; а как невозможно же все народные массы прогонять чрез университет, то общество *необходимо* делится на цивилизованных, менее цивилизованных, полуцивилизованных и совсем не цивилизованных. Но христианство дарует людям всех веков, всех состояний, всех степеней образования *возможность* полного равенства. Истинный христианин I века стоит на равной нравственной высоте (и по обетованию Спасителя приобщается равного спасения и равного воздаяния), как и истинный христианин XIX, и сотого, и всех будущих веков; на равной же нравственной высоте могут стать «и раб и господь», и богатый и нищий, и кандидат университета и вовсе безграмотный. Ибо христианство не «образует», не цивилизует, а *просвещает*, подает внутренний свет — равно удобоприемлемый *всем и всякому* без различия.

Понятна ли теперь разность между *цивилизациею* и *нравственностью* — разность в существе, разность в задачах? Понятно ли, что цивилизация сама по себе, вне нравственного идеала, не ею порожденного и от нее *независимого*, бессильна дать общественному бытию ту нравственную основу, без которой немыслимо самое его существование? Представим себе только, что ни Откровения, ни проповеди *нецивилизованных* рыбаков вовсе в мире и не было: как бы обошлась без этого последнего исторического факта цивилизация и какова бы была судьба мира? Пробовали ли задавать себе этот вопрос наши слепые адепты цивилизации?

Впрочем, г. Нотович в конце первой своей статьи (в которой назвал цивилизацию «источником света и высших идеалов») возражает нам, что «и христианство, будучи основано на величайших принципах любви и равенства», произвело инквизицию с пытками, истребительные религиозные войны и т. д., и что если, по мнению г. Аксакова, это не умаляет просветительного значения христианства, то и «цивилизация, *являющаяся только дальнейшим развитием основных идей божественного учения*», не может быть ответственною за деяния коммунаров и анархистов... Важно здесь не возражение г. Нотовича, а слова его, поставленные нами курсивом, о котором после. Что касается до возражения, то оно более чем странно: инквизиция и пытки и пр. находятся в прямом *противоречии* с сущностью христианства. Завет Христа дает миру идеал определенный, непреложный, положительный, никогда вполне не достижимый, но лишь отчасти человечеством достигаемый и уже в самом себе заключающий м е р и л о всякого от него уклонения. Ни такой положительной сущности, ни такого определенного незыблемого идеала, ни такого мерила или критерия в цивилизации не имеется. Где ж *ее*, независимо от христианства, нравственный, обязательный для совести кодекс, обличающий уклонения и противоречия? И в чьих же это понятиях *цивилизация* и строгость или *целомудренность* нравов, например, одно и то же, и во имя первой можно требовать последней?! Не «цивилизация сама по себе *ответственна*, а безумное возведение цивилизации» на степень верховного, самостоятельного руководящего начала, *исключающего* начало высшее и вечное, преподанное Верой.

Но возвратимся к курсивным словам г. Нотовича. Современная цивилизация, говорит он, «является *только развитием* основных идей христианства» (выше он называл ее *источником!*). Чего же, по-видимому, лучше? «Является» или *должна* являться — это все равно. Но если он признает «идеи божественного учения» лежащими в основании настоящей цивилизации, так о чем же он спорит? Почему же так ожесточенно нападает на нас? Ведь мы, как уже было сказано, и не утверждаем, что цивилизация сама по себе зло, а зло лишь именно в том направлении, которое ей в позднейшее время дается и при котором именно она и уклоняется от развития «основных идей божественного учения»; зло в том, что так называемый «прогресс», «последнее слово науки» и «образования» в данную минуту отвергают *«божественность* христианского учения», вследствие чего цивилизация (в смысле «развития основных христианских идей») впадает с собою в противоречие и порождает явления чудовищной дикости. Оставалось бы, кажется, г. Нотовичу только присоединиться к нам в чувстве негодования на такое искажение «основ» цивилизации?.. А между тем наше выражение, им цитуемое, что «новое и последнее слово есть старое слово Божественного Откровения», приводит его чуть не в ярость. Да ведь если, по

толкованию самого г. Нотовича, цивилизация только «*развивает* основные идеи *божественного* учения», то ведь это и значит, что «последнее слово цивилизации» должно быть только полнотою развития того именно, что́ заключается в старом слове Откровения? Почему же г. Нотович (именно по поводу цитованного нами выражения и хотя мы ни о какой «положительной» религии при том не упомянули) разразился длинной тирадой о том, что мы хотим «подчинить цивилизацию религии», приходит в неописанный ужас и обвиняет нас в «клерикализме»? Мы собственно о «подчинении» ничего и не говорили, но г. Нотович оказывается опять непоследователен: что́ (по его же словам) подлежит развитию, то ведь и определяет собою правильность дальнейшего развития — в том смысле, что последнее *должно* ему вполне соответствовать; стало быть, составляет основу или *господствующее* начало! А где господство, там и *подчинение*.

Выходит так, что, по понятиям газеты «Новости», иное дело — *религия* и *Откровение*, иное дело — «основные *идеи* божественного учения»... Или «божественное» здесь поставлено для красоты слога, вроде: «божественная красота», «божественная музыка», — или же г. Нотович паки[11] себе противоречит: ведь «божественное учение», в буквальном смысле, ничего другого не может значить, как именно учение Откровенное, Божеского происхождения. Между тем слова *религия* и *Откровение* оказываются в статьях г. Нотовича тождественными с «клерикализмом», но как будто вовсе не тождественными с «основными идеями божественного учения»! Единственный возможный вывод из всей этой путаницы тот же, который давно подсказан и на Западе: *кое-какие* хорошие идеи христианского учения удостоены благоволения и философов; мало того, признано даже, что они *как-то* вошли в мир и легли в основу цивилизации, но задача последней, равно и науки, забыть *о происхождении* этих идей и вылущить из них их Божественную сущность, отнять у них сверхчеловеческий авторитет и религиозный характер, одним словом — пообчистить от «предрассудков». В этом все и дело, это и есть le fin mot * «современного прогресса»...

Но в таком случае, на чем же вы утвердите обязательность этих *идей* для человеческой совести? Вся их сила в том, что они связаны в сознании человеческом с самою тайною человеческого бытия, с Началом начал всего сущего в мире, с понятием о вечности, о бессмертии, о высшей сверхъестественной Правде и Добре, одним словом — с нравственною ответственностью человека пред Творцом. Низводя их на степень человеческих *идей,* или принципов, вы лишаете их *непреложности*, признаете их изменяемость по измышлениям разума, отнимаете у них их *действенную силу*. Если нет свыше-обязательного нравственного закона, то всякий личный разум сам себе закон и выражение: ni Dieu, ni maître[12] (ни Бога, ни власти), самая проповедь анархии, является вполне логическим из такого положения последствием, вопреки и «цивилизации», и «образованию». Или вы не видите, что если и теперь общество стоит цело, то общество, в котором и сами отрицатели-теоретики благоденствуют, так только благодаря тем религиозно-нравственным «предрассудкам», которые живут еще в людях. Философам с пола̀-горя отрицать и громить Бога, веру и обязательность религиозно-нравственного закона, когда они преспокойно живут на счет

* последнее слово (*фр.*).

последней, пробавляются обращающимся в обществе капиталом христианской нравственности и уверены, что никто не будет применять в отношении к ним их собственную теорию отрицания в беспощадной последовательности! Да, к счастию для человечества, эти «предрассудки» в нем неискоренимы, и живое *чувство* нравственной ответственности пред Богом и совестью еще не истощилось, да и не может вполне истощиться до степени отвлеченной *идеи*.

Не та же ли тема, что «основные идеи христианского учения», которых «цивилизация есть только развитие», должны быть понимаемы *вне* всякой связи с их религиозным происхождением и авторитетом, — звучит, между прочим, и в фельетоне той же газеты, в № 77? В этом фельетоне, озаглавленном «Народная школа во Франции и религиозное образование», г. Модестов[13] оговаривается сначала, что в России, разумеется, даже и спору о религиозном преподавании в школах не может быть места. Затем, пояснив, что «он не сочувствует никаким крайностям», «что, конечно, французский закон мог бы явиться в лучшем виде», если б был составлен без участия «политических страстей и партийных соображений», — «все-таки, — возглашает он — нельзя не признать, что организация народного образования во Франции представляет собою *самую светлую* сторону Третьей республики[14] и составляет *истинную гордость* великой страны, стремящейся идти *во главе образованного человечества*». Хороша эта светлая сторона: *обязательное* обучение народа — *атеизму*, систематическое вытравление в стране религиозно-нравственной основы! Это ли может составить гордость Франции, это ли значит идти во главе образованного человечества?! *Атеистическое* направление народной школы — неужели это только так себе, слабая сторона закона, не затемняющая, однако же, светлой? Если таково воззрение г. Модестова, то позволительно отнестись скептически к заключительным словам фельетона о том, что первейшая задача нашего времени — «всеобщее *образование*». Почти этими же словами заканчивает и г. Нотович свою вторую статью против «Руси»: «Кто же в наше время, — говорит он, — станет оспаривать *аксиому*, что главным и ничем не заменимым средством для поднятия экономического благосостояния масс и, следовательно, для уничтожения источника *всех социальных зол*, — пауперизма[15], — служит именно *народное образование*, цивилизация»![16]

Мы и сочувствовали, и содействовали на своем веку, по мере сил, народному образованию, заведовали не одною школою в жизни, — но тем не менее слова гг. Нотовича и Модестова звучат для нас диссонансом. Ведь отечество *пауперизма* — именно Англия, которая тоже числится «во главе цивилизации» и не может быть обвинена, подобно России, в малом количестве школ и слабом распространении образования? А между тем в России, которой так достается от русских газет за пренебрежение будто бы к народному образованию, в ней-то пролетариата почти и нет, и пауперизма весьма мало: у нас пролетариат и пауперизм преобладают преимущественно — в интеллигентном, или *цивилизованном,* классе! Считать *народное образование* «главным источником для уничтожения *всех социальных зол*» просто забавно! Недостаток ли *образования* причиною, что почти вся поземельная собственность в Англии в руках лордов и джентри?[17] Он ли причиною того социального зла, которым удручена Ирландия? Потом, что́ такое собственно народное *образование* (особенно независимое от «религии», «подчинения» которой так перепугался г. Нотович)? Сами эти же господа, конечно, с презрением отзываются о *полуобразованности*.

Но разве вы можете дать народу *полное*, высшее, академическое образование? Конечно, нет. Вы даете ему не только полуобразование, но четверть или только самое *начальное* образование, другого и не можете дать. Другого не дает народная школа нигде в мире. Стало быть, особенно могущественного значения *такой цивилизации* придавать еще нечего! Мужик не сделается ни зажиточнее, ни добрее оттого только, что будет знать, где город Париж, и вместе с тем получит возможность выйти в писаря или читать Золá[18] в русском переводе.

Грамотность (в смысле начального образования) в наше время крестьянину необходима — просто как шестое чувство, по меткому выражению, кажется, редактора «Современных Известий»[19], — хотя бы она и могла стать орудием обоюдоострым. Но она может послужить и во благо, если станет притом орудием не только «образования», но и *просвещения*, разумеется в смысле религиозном. В том-то и дело, что, говоря о «народном образовании» с таким пафосом, вы не можете, однако же, дать народу ничего, кроме *полуобразования* или только первоначальных основ образования, — а *нравственным светом* религии и самый необразованный может быть просвещен *вполне*.

И опять мы придем к тому, что *цивилизация* без христианского религиозного *просвещения*, тем более отрицающая таковое, — не способна сама по себе создать для человечества высший, лучший, нравственный строй бытия, а логически венчается анархизмом и динамитом. К счастию, повторяем, для человечества, вытравить из мира христианское Откровение уже невозможно, и оно продолжает творить и действовать в мире, часто не узнаваемое и не признаваемое, и часто даже чрез тех же теоретических отрицателей, неведомо для них самих!..

Нравственный христианский идеал сам по себе не подлежит «развитию», и достижение его доступно каждому человеку *лично*, в меру сил человеческой греховной природы. Но иное дело — *общежитие человеческое*. Здесь есть полное место *развитию*, т. е. процессу постепенного видоизменения самого общественного строя *согласно с требованиями христианской истины*, — постепенного перерождения форм и условий нашей общественной жизни *под воздействием* начал, данных миру Божественным Откровением. Это тот «квас», о котором говорит Евангелие[20], те дрожжи, на которых заквашена, чрез Откровение, вся историческая судьба человечества. Здесь открывается и призвание для всякой высшей, самой в себе свободной деятельности человеческого духа — мысли, науки, искусства и так называемой *цивилизации*. Это призвание — *служить* постепенному, по возможности, воплощению христианского идеала в самом общежитии людском — во всех смыслах и отношениях. А возможно ли нравственное развитие или совершенствование человеческого общества — при отрицании единой совершенной, безусловной, выше человека пребывающей, от него независимой, судящей миру, вечной и незыблемой Правды?

<МЫ МОЛОДЫ, ЕЩЕ ОЧЕНЬ МОЛОДЫ>

Да, нужен еще немалый запас терпения, но он необходимо нужен, требуется и любовью, и благоразумием, для того чтобы выждать, пока наше русское общество поотрезвится, посозреет, поокрепнет наконец мыслью и духом, станет смотреть на вещи прямо, *простыми* глазами, а не все сквозь «либеральные» да «консервативные» или же иные вздетые им на себя очки. На такое заключение наводит нас недавняя газетная полемика. Очевидно, что теперь, при настоящем состоянии общества, почти никакой серьезный спор — ну хоть бы о реформах, об учреждениях наших — еще у нас невозможен. Почти никому нет дела до самого дела, до существа учреждений, а всё только до клички их, до фасада: если фасад «либеральный» или учреждение таковым числится, то «чур его, чур», его уже и не тронь; и наоборот, скажут: «консервативное», — так уж для многого множества оно является как бы заколдованным. И что́ диковинно: противники, перебрасываясь этими, словно магическими, словами, в которых заключается для каждой стороны весь ее критериум, даже и не входят в точное определение их смысла. Казалось бы — какая нужда в подобной терминологии? Казалось бы — не о том должна быть забота: как кликать учреждение, «либеральным» или «консервативным», подходит ли оно под шаблон той или другой абстрактной теории, — а о том: отвечает ли оно требованиям высшей справедливости? удовлетворяет ли насущным нуждам страны? во благо ли народу или во вред? Ведь, пожалуй, очень «консервативно» не менять на теле кафтана, даром что человек из него уже вырос и кафтан рвется и лопает, — но кому же такой консерватизм на пользу? Оно, пожалуй, и очень «либерально» — внушать детям презрение к родительской власти — либерально, но скверно; а уж никто не явил миру зрелища более нахального глумления над свободою человеческой, более возмутительной тирании над народными массами, как французский конвент или хоть нынешний французский парламент, т. е. учреждения, за которыми официально и даже научно признается титул «либеральных» и которые, во имя либерализма, посягают на самую совесть народа, дубьем вгоняют ему в душу вместо Евангелия — учение атеиста Поля Бера [1].

Но настанет же пора, и может быть, даже не в слишком далеком будущем, когда прекратится в русской интеллигенции это «пленной мысли раздраженье» [2], когда здравый смысл обретет себе наконец свободу и право гражданства, и эмансипируется общество из-под власти «жалких» и «хороших слов», суеверия доктрин и теорий, фетишизма «последних слов науки» и всех этих побрякушек и погремушек чужой, всегда у нас запоздалой моды, которыми оно еще и теперь подчас так кокетливо обвешивается и красуется, — точь-в-точь как ачкоус или папуас Полинезии — стеклярусом и другими блестящими безделками, добытыми от заезжего европейца. Само собою разумеется, что при возможности подобного сравнения, хотя бы даже несколько преувеличенного, речь идет здесь не о какой либо поре зрелости, в смысле зрелости и даже незрелости западноевропейских обществ, — а просто еще о выходе из того периода

детства, в котором, по правде сказать, при всей сравнительной скорости нашего исторического развития, часть русской интеллигенции несколько замоторела. Еще молочные зубы не все у нас выпали. Но, слава Богу, начинают выпадать, и на этом-то мы и основываем высказанные нами розовые надежды. Ведь давно ли, всего года три, миновала эпоха графа Лорис-Меликова с «новыми веяниями»[3], — а кажется, будто она уже потонула в глубокой дали времен, и общество в эти три года выросло до неузнаваемости. Может быть, мы ошибаемся, но нам сдается, что, если б даже не было ни малейших стеснений со стороны цензуры, едва ли бы стали опять возможны в наши дни речи вроде тех, что́ произносились в новгородском земстве[4], или разглагольствия, подобные тем, что́ печатались в «Тверском Вестнике»[5]. Едва ли бы даже, на полной воле, возобновили газеты теперь тот же ребячески-наивный лепет о «правовом порядке», об европейских либеральных учреждениях и т. п., как в ту счастливую эпоху, когда люди тешились только тем, что *обвевались* и не мудрствуя лукаво ласкали себя перезвоном либеральных колокольцев. Теперь, по крайней мере, стали уже несколько совеститься пустопорожности прежних формул и допускать уже, в виде уступки, «необходимость применения к *национальным* и *историческим* особенностям нашего отечества» и т. д. в таком вкусе. И за то спасибо, и то уже шаг вперед! В ту пору — давно ли?! — выдвинулся было не то министр, не то иной высокопоставленный администратор (теперь совсем стушевавшийся), который однажды своему подчиненному (нашему знакомому), отказывая в каком-то ходатайстве, счел нужным добавить: «Вы не подумайте однако ж, что я не *либерал*»... Ну разве это не молочный зуб? Если б кто теперь вздумал сморозить такую фразу, она бы, вероятно, даже и сердце «Голоса» пронзила своею пошлостью, даже и он покраснел бы теперь до ушей, будь он жив[6]. Но этот молочный зуб выпал. Правда, и по сей час еще встречаются в кое-каких газетах такие фразы: «мы, либеральная печать», «мы, прогрессисты», «интеллигенция»; но это лишь умирающие отголоски, свидетельствующие, что сим «интеллигентам» еще не дерет слух подобная банальность или что у них уже совсем загрубела та спасительная чуткость, та способность иронии, которая так свойственна русскому человеку и благодаря которой в русском обществе несравненно легче и скорее, чем в каком-либо ином, затаскивается и изнашивается, обращается в общее место все, что́ лишено серьезного внутреннего содержания, что́ легковесно, беско́рненно и малоценно по своему существу.

Но бедное русское общество! Оно поистине требуете более справедливого и беспристрастного к себе отношения. Если взять во внимание исторические условия нашего развития, то поневоле смолкает резкое слово осуждения и выступают во всей яркости добрые и даже доблестные заслуги русского общественного духа, — но вместе с тем с такою же ясностью выступает необходимость отрешиться от того самодовольства и самообольщения, которым отличается некоторая, и довольно значительная, часть нашей интеллигенции, почитающая себя чуть ли уже не на вершине зрелости. Эти исторические тяжкие условия лежат и в позднем выступлении нашем на арену всемирного общечеловеческого движения, и в нашем зависимом отношении к европейскому просвещению, и в самом том способе, наконец, которым насаждалось у нас просвещение, формировалось и сложилось само наше общество.

Что мы молоды, очень еще молоды и долго еще будем молоды — это вне вопроса, да в этом нет ни беды, ни греха, ни даже недостатка, а напротив, при некотором порой неудобстве, в этом своего рода наше преимущество пред прочими европейскими народами. Это обстоятельство необходимо сознать и признать для того, чтоб не напускать, как это делают некоторые наши «умеренные либералы», на себя или на нашу интеллигенцию какую-то «собачью старость»[7] и прививать к России искусственно, под видом прогресса, хворь чужой дряхлости. Мы молоды и как *народ*, несмотря на тысячелетие нашей государственной жизни (и в этом следует, кажется, видеть залог нашего долгоденствия), но еще более молоды, даже очень еще юны, именно как *общество*, хотя, как мы уже сказали, зреем и развиваемся быстро, не по дням, а по часам (измеряя время, конечно, историческим масштабом). Сами мы этого, понятно, даже и не замечаем, по крайней мере не всегда, но для старой Европы оно непременно ощутительно. Оно и привлекает ее, и тревожит. «Вы не можете себе и представить, — говорил нам однажды Боденштедт, известный талантливый переводчик Пушкина и других русских поэтов[8], — как *свежо* (frisch) еще у вас в России *слово* (разумеется литературное) и ваше отношение к нему и как это обстоятельство бросается в глаза, чувствуется нашим братом, западным европейцем». Оно и немудрено. Вспомним только, давно ли существует наша литература, которою, конечно, во многих отношениях мы можем даже гордиться. Ведь еще семьдесят лет тому назад, стало быть в начале *текущего* столетия, признано было нужным основать в Москве при Императорском университете «Общество любителей российской словесности»[9], потому что в ту пору таковые любители были еще все наперечет и нуждались во взаимном ободрении и поощрении; потому что написать даже четверостишие к Клариссе или Лаисе было тогда еще *делом*, заслугою, и председатель Общества Мерзляков мог еще говорить в торжественной речи «о зефирах и фавнах, вьющихся на поле российской словесности»![10] Несмотря на целый ряд замечательнейших писателей, явившихся в это семидесятилетие, опытный современный литератор по одной конструкции русской фразы сумеет определить ее *возраст*, отличить речь 20-х годов от речи годов 30-х и последнюю от речи, начавшей слагаться к 40-м годам, когда строй ее стал зрелее и устойчивее, а после 40-х годов сумеет обозначать время уже не по конструкции фразы, а по новым вторгающимся или пущенным в оборот выражениям. Тот, чьи воспоминания обнимают весь этот 40-летний период, может даже указать: откуда пошло гулять или кем впервые двинуто в ход такое-то слово... Каждый из современных стариков, приступая к составлению своих записок и бросая ретроспективный взгляд на пережитую им пору, конечно, придет к убеждению, что она не может быть верно понята и оценена, если не иметь в виду как выдающуюся черту именно нашу *общественную* молодость в смысле еще формации и сложения. Не личную молодость разумеем мы здесь. Если бы, например, Гладстон вздумал написать свои воспоминания за полвека, он, конечно, отвел бы надлежащее место молодости своей и своих сверстников с минуты их вступления в общественную жизнь, но английское общество к этой поре уже было обществом зрелым, сложившимся (чтó еще вовсе не означает неподвижности и не исключает дальнейшего развития). У нас не то. Вспоминая *свои* молодые годы, мы вспоминаем еще вместе с тем даже не молодые, а как бы школьные, детские или отроческие годы самого русского *общества*. Конечно, это относится к отжитому уже времени, но, как мы замети-

ли выше, период детства, даже период молочных зубов и хрящеватого темени не совсем еще миновал для нас и теперь. Еще понятнее станет эта наша мысль по сравнению. Русский образованный человек ощущает себя старее, значительно старее, чуть даже не стариком, как скоро попадает, например, в среду балканских славян, черногорцев, герцеговинцев, сербов — даже в самую среду «интеллигенции». Те еще моложе, хотя бы даже были учениками и даже последователями Гексли или Гартмана, потому что у них нет ни нашего опыта многовековой государственной жизни, ни богатой литературы; искусство вообще стоит еще на степени как бы лубочных картинок, а самые страны или массы народные едва-едва только вылезают из эпоса. В том-то и дело, что волею исторических судеб (в которой мы не виноваты, на которую и роптать нечего) закон развития у нас со славянами — иной, чем у западных европейцев. Западному европейцу нужны чуть не Мафусаиловы лета[11], чтоб досягнуть воспоминаниями до эпического периода. Этот период прегражден от современности длиннейшим рядом веков, обусловившим медленный, долгий процесс цивилизации и культуры. Представьте же себе положение, когда эпический период сшибается вдруг лоб об лоб с европейской культурой XIX столетия (причем оба, несомненно, несколько сплющиваются) и когда ученик Гексли, последователь Дарвина и последних слов науки в самых своих *личных* воспоминаниях находит ни более ни менее как целый мир э п о с а, — мир властный, еще живой, с которым сей дарвинист, позитивист, материалист, сын XIX века находится в *непосредственной*, почти физиологической, кровной связи! Положение истинно трагическое, едва ли даже удобопостижимое для западного европейца! Ведь это уж настоящий salto mortale, это такой смелый *ракурс*, который мыслим разве лишь в живописи, да еще при величайшем искусстве, но в области умственного и психического развития может быть, по-видимому, только разрушителен для народного организма. Крепкий, могущественный потребен организм для того, чтоб, упразднив дело веков, всё вдруг, залпом воспринятое переварить в свою кровь и плоть и вызвать затем в себе силу самостоятельного нового творчества!

Что́ будет со славянами Балканского полуострова, мы не знаем, но таковым крепким, могущественным народным организмом, несомненно, обладает Россия. Это убеждение утешительно, исполняет нас надежды и веры, но необходимо, однако ж, помнить и соображать — какая работа задана нашему народному организму, — помнить и соображать хоть бы для того, чтоб не смущаться иными явлениями, уметь беспристрастно ценить наше прошлое и настоящее. Карикатурным, пожалуй, покажется читателям такое приравнение к настоящему состоянию нашей интеллигенции — сербского противоестественного сочетания в одном интеллигентном индивидууме эпической и героической эпохи с современною культурною, да еще наиутонченною... Но ведь только карикатурным, т. е. преувеличенным, «шаржированным», однако все же довольно близким, а уж про наш XVIII век и говорить нечего. Разве не то же почти самое представляют нам блестящие вельможи двора Екатерины, наши Разумовские[12], которых эпопея восприяла такой печальный, но вполне достойный конец (см. превосходный труд А. А. Васильчикова[13]), наши потом, уже позднее, Бруты, Лафаеты, Фабриции — на почве и в оправе самого беззастенчивого крепостного душевладельчества? Да наконец, и теперь, в позднейшие дни, разве наши «радикалы» — *сопоставленные* с русским народом и с историческим фо-

ном Русской земли — многим чем разнятся от гегельянцев, дарвинистов, гёкслистов балканских ущелий, берегов Савы и Дравы?

Крепок наш организм, — но еще много, много тяжкого труда ему предстоит для того, чтобы отправления его стали, наконец, свободны и правильны. Нам помогает необыкновенная восприимчивость и талантливость русской натуры, полнейшая обеспеченность нашего внешнего политического положения, инстинктивное чувство своей национальной мощи, непосредственное сознание себя великим мировым народом; наконец, самый наш внешний простор, оказывающий несомненное воздействие и на духовную нашу природу, чуждую мелочности и узкости. Но этот же наш простор и объем, эта «дистанция огромного размера» [14] и в физическом, и в нравственном смысле, этот самый громадный объем русского народного организма полагают нашему развитию и преграды соответственного же масштаба! Великий Петр, разбитый под Нарвой, чрез несколько дней [15] своим новорожденным, так сказать, войском, только что сформированным согласно с требованиями современного европейского искусства, разбивает под Полтавой первого полководца и лучшую европейскую армию своей эпохи и пьет за здоровье своих учителей, им побитых и превзойденных [16]. Это может и должно, конечно, служить образцом и для прочих отраслей нашего воспитания и развития, но нам, однако, и до сих пор еще не пришлось пить, по-петровски, за здоровье наших учителей на иных крупных поприщах, кроме военного. Это объясняется более всего тем, что главным материалом в военном деле служит простой народ, вполне дисциплинированный тысячелетнею тяжкою историческою школою, и что доблестные свойства национального духа могли найти тут себе довольно свободное выражение. Но совсем иначе происходило дело там, где материалом служил класс так называемый интеллигентный, где приходилось пускать в ход орудия мысли и знания, действие умственное. Как ни шибки были наши успехи сравнительно с долгим, длинным процессом европейского развития, но здесь, оказывается, мы всё еще не выкарабкались вполне даже из школьников-учеников. Правда, в области поэзии и вообще искусства русский гений, в лице Пушкина и иных великих наших поэтов, романистов и художников, сумел вознестись до самобытной красоты творчества и своими откровениями бесспорно ускорил процесс нашего развития и самосознания. Им мы и обязаны *относительною* быстротой нашего роста, но не могло же действие их *пронять* сразу весь наш общественный или интеллигентный материал. Во-первых, истинно *передовые* люди потому и передовые, что озаряют путь далеко вперед, а не назад и даже не окрест; во-вторых, как бы ни был высоко одарен и просвещен в своей стране отдельный человек, как бы ни превознесся, по-видимому, над уровнем своего общества, — он, как бы по некоторому закону тяготения, все-таки не может постоянно носиться *над* ним, все-таки не может вполне отрешиться от воздействия на себя закона времени и места. Это воздействие может сказываться и хорошими, и слабыми своими сторонами. Хорошую сторону мы видим именно в той мужественной молодости, которою и иностранцы любуются в наших писателях и даже немногих мыслителях, — в том вечном устремлении взора в будущее, в том духе пророчества, в той вере в Россию, что́ всё отражает в себе, вольно и невольно, русская поэзия и даже русская мысль (см. ниже статью «Наука и поэзия» [17]). О худой стороне и говорить нечего: она сокращала и сдерживала порою полет русского гения, который нередко и изнемогал в борьбе с нею. Во всяком слу-

чае, гениальные люди сами по себе, а рост целого общества сам по себе. Пушкин — наша гордость и слава — произнес в свое время резкий приговор русскому обществу, выразившись, что от просвещения нам осталось только *жеманство* и

Что русский ум и русский дух
Зады твердит и лжет за двух![18]

Приговор строгий, но меткий, не утративший свою силу и до сих пор. Бóльшая часть нашей интеллигенции и доселе твердит, как и подобает ученикам-школьникам, только *зады* европейской мысли и знания под видом «последних слов науки», давно на своей родине переставших быть последними. Такое повторение задов, такое вечное нахождение *позади* — конечно, участь печальная; с нею можно еще мириться как с современною горькою необходимостью, но у нас имеются люди, даже целый разряд интеллигенции, который нашел возможным именно ею-то и хвалиться, который никакой другой будущности для России и не желает, только в *задах* и видит для нее спасение, неистовствует против малейшего посягательства русского духа на «самобытность». Многие университетские профессора поставили себе, кажется, специальною задачею — лишить русских авторов всякого права на оригинальность (г. Веселовский[19]) и пользуются модным теперь «сравнительным методом» не для того, чтоб с его помощью выяснить точнее отличие русского народного творчества, русской истории, русского быта от творчества, истории и быта других народов, а для того, чтоб доказать в русском народе отсутствие всяких самостоятельных особенностей и осудить его только на заимствование и подражание, только на повторение чужих задов, даже (и преимущественно) в области внутреннего политического развития... С таким направлением и сама русская наука долго еще твердить зады не перестанет!

«Лжет за двух», — говорит Пушкин. Именно так, и именно за двух. Когда русский интеллигент повторяет зады чужой мысли и жизни, то, сохраняя по отношению к Европе смирение рабского ученика, он для русского общества становится учителем и проповедником назойливым, грозным, лжет и за себя, лжет и за Европу. За себя — в том смысле, что усваивает себе или своему русскому обществу чужое убеждение, чужое мерило, продукт чужой истории, чужих нравов; за Европу — потому, что ученую ее гипотезу выдает уже за научную аксиому, случайное, преходящее мнение или явление на Западе возводит в крайнее слово знания или жизни, обобщает частные факты, искажает смысл возникающих там задач и вопросы, еще не решенные там, — сразу решает, во имя «европейского прогресса», для своего отечества! В результате — действительно сугубая ложь, — тем более грубая и злая, что она у нас из области слова способна нередко переходить и в практику — с быстротою необычайною. Эта быстрота объясняется именно тем, что всякая новая, перенесенная таким образом к нам мысль имеет дело и в жизни большею частью не с самостоятельно воспитанными, зрелыми умами, — а с учениками-школьниками, с общественною средою, более или менее отчужденною от своей народности и истории, не представляющею никаких серьезных преград для нашествия абстрактных, совсем не свойственных русской жизни и даже прямо враждебных ее духу идей и затей, а иногда и реформ... От этого (впрочем, и от некоторых других причин, о которых скажем ниже) торжество, господство этих пришлых идей принимает

у нас совершенно особый, нигде не виданный характер *повальности*, характер поветрия, разом охватывающего массы умов, как-то стадообразно, — причем индивидуальная самостоятельность убеждения совершенно стушевывается.

Возьмем так называемый «дух времени»[20], пред которым большинство нашей интеллигенции так безусловно благоговеет. Дух времени там, у себя на родине, в Западной Европе, как и всякий дух, возникает и проявляется свободно, — не предъявляя никакого ярлыка с надписью, не рекомендуясь: «Честь имею представиться, я — дух времени». Он опознается таковым уже впоследствии, по результатам, — начинает обыкновенно веянием едва заметным, проникающим в душу сначала немногих, потом несколько большего числа и т. д.; его проявление, его действие бывает большею частью очень медленно, хотя и прочно. Да и не всякое веяние есть уже непременно «дух времени». У нас на этот счет не строги. Нам «дух времени» доставляется с Запада при самом первом дуновении вместе с самыми модными товарными новинками, как бы какой закупоренный в стклянке És-bouquet[21] — одним словом, как *духи*. Не успеешь оглянуться, как сотни, тысячи субъектов да вдруг, разом успели этим «духом времени» надушиться, тогда как на Западе им обвеяны только еще *несколько* избранных. Но ведь на Западе ему, бедному, приходится считаться с историей, с установившимся общественным бытом, нравами, а ведь у нас и для нас это все «пустяки-с», «предрассудки», трын-трава! Во Франции, например, появилась Жорж Санд, произвела, как и понятно, сильное впечатление[22]: возбудился «женский вопрос», имеющий там полное raison d'être — ввиду законов о женских имущественных и семейных правах, ее общественного местного положения и т. д. У нас, ни с того ни с сего, мигом появились полчища жорж-зандисток. Мы знавали многих, которые, отправляясь из России в Париж, на родину «женского вопроса», думали, что Париж кишит жорж-зандистками, да так и возвратились, не встретив ни одной ни в Париже, да и нигде в Европе! Во Франции, стоящей, как известно, «во главе цивилизации» и т. д., вопрос даже о гражданской (не о политической) полноправности женщин до сих пор не решен, — но все это и до сих пор не вразумляет наших взрослых детей!.. Очень бы затруднился тот, кто вздумал бы серьезно составлять историю «женского вопроса» в России, потому что, по правде говоря, у него и истории никакой нет, а он свалился к нам прямо готовый, как с неба, — но о нем мы когда-нибудь поговорим особо — мы хотели только указать на «повальность» господства идей как на характерную черту нашего общественного развития.

Эта черта объясняется, впрочем, и некоторыми историческими условиями.

Наше настоящее общество ведь всё — Петровской формации. Вся наша «интеллигенция» выгнана хоть и из русской народной почвы, но сдобренной и постоянно сдабриваемой на казенные же деньги выписываемым наземом[23] — в казенных парниках, казенными садовниками. Вся она предназначалась для казенной надобности. Просвещение, прогресс стали у нас в начале XVIII века историческою государственною необходимостью. Это прежде всего поняла у нас казна, которая хоть и сама в то время смыслила в просвещении немного, воодушевилась, однако, самою искреннею к нему ревностью и именно к «высшему», потому что в высшем-то наиболее и ощущала потребность. Вот и стала казна, не жалея ни денег, ни поощрений, искусственно и насильственно насаждать у нас просвещение «высшее», сразу, помимо среднего и элементарного (о чем серьезно вспомнили уже гораздо позднее). Казна взяла в свое ведение

науку, подстегивала прогресс и действительно устроила, наконец, в обществе такой склад жизни, что все юношество, как бы исполняя некий обряд, потянулось к «высшему» (по преимуществу университетскому) образованию, хотя и подготовлялось к нему — учась, по выражению Пушкина, «понемногу, чему-нибудь и как-нибудь» [24]. Таким образом, в длинном преемственном ряде поколений воспиталось и приобщилось русское общество «высшего» просвещения — в казенных заведениях, почти даром, т. е. на казенный счет, по преемственно менявшемуся чуть не для каждого поколения шаблону (чем в значительной степени и объясняется однородность и повальность воспринимаемого направления). Мало того: каждый интеллигентный смертный прошел хоть сколько-нибудь по Табели о рангах, перебывал в каком-либо чине (а уж «губернского секретаря» [25] никто, конечно, не миновал), каждый состоял на службе, на казенном жалованьи, был где-нибудь да приписан, где-нибудь числился. На лоне у казны раздался первый лепет нашей интеллигенции, и первые зубы ее вырезались; на лоне у казны она и подрастала, и развивалась, выучилась и усердствовать, и вольнодумничать, и либеральничать... Всему учила казна, что́ только выдавалось ей за высший прогресс. Это истинная матерь нашей жестокосердой и неблагодарной интеллигенции. Одно высокопоставленное лицо проектировало даже проект о раздаче орденов «за независимость мнений»...

Ничего подобного никогда не было ни в одной стране — разве только теперь в Японии. Само собою, органически, вольно, хотя и не без содействия государства, насаждалось просвещение на Западе — и не скачком прямо в «высшее»; напротив, строгая подготовка служила последнему существенным основанием. Это форсированное, оранжерейное, или парниковое, возращение «высшего» просвещения досталось в удел только нашему отечеству. Что́ же и вышло в результате? Во-первых, неудержимое, даже и теперь, стремление общества к приобретению «высшего» образования — с явным пренебрежением и даже отвращением к *серьезному среднему* образованию, — каковое отвращение получило у нас даже заманчивую либеральную окраску! Далее: стремление к получению образования дарового, т. е. на казенный счет, и соединенного с значительными привилегиями. И опять странность: такому именно стремлению и покровительствуют наши «либералы» или «западники», даже в противность тому, что в «либеральных» государствах Европы ничего подобного не существует.

Но довольно... Так вот каковы внутренние составные элементы нашего общества, вот при каких тяжких противоестественных условиях насаждалось у нас просвещение, слагалась и воспитывалась наша интеллигенция! Но процесс этого сложения, равно как и формации самого русского общества, еще не окончен, как не совсем еще миновал и период наших школьных годов. Можно ли после того дивиться нашей невзрачной современности или же ставить в вину нашей интеллигенции: зачем она именно такая, а не иная? Тут нет ничьей личной вины, а потому и необходимо, одновременно с строгой оценкой, относиться к нашей интеллигенции с возможно терпеливым снисхождением, возлагая надежды на спасительную работу времени. Прежде же всего необходимо, как говорится, «возвести факт в сознание», дабы поубавить в нас самонадеянности и чванства и не утруждать новыми непомерными задачами национального организма. Кроме выпавшей на его долю поистине чудовищно трудной работы: сократить до минимума органический медленный процесс общественного развития страны такого громадного объема и населения, как наша, ему пред-

стоит еще оправиться от тех героических способов лечения, которые (и конечно, не совсем без успеха) были применены Преобразователем России[26] к искоренению заматорелого недуга невежества и восточной косности. Ему предстоит еще духовно-химическим, так сказать, процессом парализовать или поглотить воспринятые им яды, претворить противоестественное в естественное, насильственное в свободное и явить, наконец, здоровое творчество национального духа. Ввиду же современного нашего состояния, ввиду того господства разных абстрактных доктрин, которое еще недавно так ширилось не только в нашем обществе, но и в администрации, ввиду *парниковых*, или оранжерейных, свойств ума и знания в нашей интеллигенции (как вольной, частной, так и участвующей в управлении государством) нельзя не благодарить судьбу за то, что никакие до сих пор эксперименты не исказили внутреннего духовного существа нашего простого народа. Как мы его ни кувыркали, он, как *ванька-встанька*, вставал снова и удерживал свое прежнее положение. Страшно и подумать, что́ было бы с Россией, если б какой благодетель поступил с нею так же, как поступили мы с несчастными болгарами, братоубийственно наделив их европейскою конституцией и парламентом!..[27]

Наша теперь главная беда именно в парниковых и оранжерейных свойствах русской интеллигенции. Вот на что́ следовало бы обратить особое внимание, ибо при таковых свойствах самое благонамеренное правительство лишено надлежащих орудий действия. И велик русский Бог! Благодаря некоторой свободе печати, давшей возможность высказаться нашему «либерализму», он в значительной степени испарился, опошлел, обличился в своей пустопорожности и непригодности. Но важнее и утешительнее то, что в подрастающем поколении замечается уже отвращение от громких, бессодержательных фраз, от бесплодного политиканства, от голых формул и праздных фикций; замечается даже стремление, по крайней мере в тех, кто имеет к тому возможность, удалиться в уезд, в деревню — не с тем чтоб проповедывать там нечто во вкусе г. Артемия Введенского[28] или разыгрывать роль героев г. Эртеля[29] и других «народников-беллетристов» (какое уродливое сочетание слов!), а с тем, чтоб посвятить себя сельскому хозяйству и скромной местной деятельности, по земству ли или по мировому суду, *в уезде*. Ввиду той пассивной *повальности*, о которой мы говорили выше, желательно было бы содействовать воспитанию в русском обществе *личного деятельного начала*, личного почина и не пренебрегать поэтому тою формою личной деятельности, которую сама история уготовила нам в *личном землевладении*, а всячески поощрять и развивать ее. Сопоставление нашей *парниковой* интеллигенции лицом к лицу с жизнью самой земли, привлечение образованных личных землевладельцев к пребыванию в деревне, это сожительство образованных людей с селом, с народом — не замедлит оплодотворить и интеллигенцию, и самый народ новою живительною силою. В селе, а не в городе наше спасение, — и от правильного развития жизни и деятельности в уезде зависит благоуспеяние нашего государства несравненно более, чем от всевозможных министерств и внешних государственных учреждений — если жизнь уездная совсем оскудеет.

<ПОВЕРНУЛА ЛИ РОССИЯ ОТ ФРАЗЫ К ДЕЛУ?>

«В наше время поворота от фразы к *делу*»... так недавно гласило, бесчисленно повторяясь, объявление о переходе «С.-Петербургских Ведомостей» в руки новой редакции...[1] Приятно для слуха, но не новая ли это, увы! в свою очередь фраза? Точно ли поворачиваем мы от фразы к делу, а не к бездействию или деловому безделью? Где это «дело» — общее, совокупное, хотя бы многообразное и разветвленное, над которым бы работали одновременно, хотя бы каждая в своей сфере и соответственным ей способом, все силы правительственные и общественные, — которое бы одушевляло, объединяло в труде, участии и сочувствии и власть, и страну? Его нет, и мы его не усматриваем даже в тумане. Канцелярии разных ведомств, между которыми, ведения ради, распределены порознь и механически функции нашего государственного организма, конечно, не предаются праздности: они размеренно и аккуратно усердствуют, муштруя и трепля этот организм в подлежащем порядке... Но кто же когда-либо эту механическую деятельность канцелярской машины возводил на степень живого дела и верчение ее колес почитал за самостоятельный признак жизни самого организма? Да и когда же эта деятельность прекращалась? Канцелярии на то и канцелярии, чтобы даже из воздуха вить веревки, — но многого ли стоят, на что́ годятся такие веревки?.. Известно, что канцелярии способны проявлять и развивать усиленную деятельность и при совершенном бездействии, даже при оцепенении вверенного им живого материала, пожалуй, еще с бо́льшим удобством и удовольствием. Не такое, без сомнения, канцелярское труженическое безделье разумел и г. Авсеенко под словом «дело», но жаль, что он не сделал подобающей оговорки: она не излишняя для Петербурга. В Петербурге — кто же этого не знает? — очень и очень наклонны «движение» бумаг в канцеляриях признавать за движение самой жизни, а иным начальникам, наверное, и невдомек: почему это в обществе жалуются на «застой», когда за ними не стоит ни одна бумага, каждая в тот же день получает «установленный *ход*», каждый № очищается к вечеру! Как очищается — это другой вопрос, да и ход бывает не всегда вперед, а подчас попятный, — но тоже ведь «ход»! Едва ли наш «поворот от фразы к делу» будет успешен, если не совершится поворота и от канцелярской фразеологии к деланию живому и плодотворному. В доказательство сошлемся на те же «С.-Петербургские Ведомости», которые в очень интересной статье[2] подробно рассказывают, как еще *в 1867 г.* генерал-губернатор Юго-Западного края Безак[3] возбудил государственный вопрос первостепенной важности — об упразднении вотчинных прав владельцев 8 городов и 322 местечек в Подольской и Волынской губернии, — которые города и местечки принадлежат почти исключительно полякам, а иные, по крайней мере фактически, даже евреям-капиталистам (напр<имер>, Старо-Константинов — купцу Эпштейну[4]); как, наконец, генерал Безак добился разрешения образовать комиссию для обсуждения этого жизненного для края вопроса; как потом эта комиссия выработала и представила в конце 1869 г. целый законодательный проект выкупа вотчинных прав генерал-губернатору кн. Дон-

дукову-Корсакову[5], который, вслед за сим, с своим одобрением внес его в Министерство внутренних дел (конечно, при входящей бумаге за №, которая, конечно, в свое время была доложена и «очищена»), и как это великое государственное *дело* вот уже *четырнадцать лет* остается без разрешения... Года два тому назад, ничего не зная о трудах вышеупомянутой комиссии, наша газета подняла вновь вопрос об этих городах, указывая на опасность подобного частного владения в польских и еврейских руках в русских пограничных губерниях[6], — в Министерстве, как мы слышали, зашевелились, обменялись несколькими «входящими» и «исходящими», и затем все снова заглохло... Тем же генералом Безаком и тогда же был возбужден вопрос о пропинационном праве, т. е. об исключительном праве владельцев Западного края на продажу питий в принадлежащих им городских поселениях: вопрос этот остается неразрешенным и поныне! Укажем кстати и на вопрос о землевладении вообще в юго-западных губерниях, по которому составлена, как нам известно, превосходная записка по распоряжению генерал-губернатора Дрентельна[7] и который, сколько мы знаем, тоже залег в петербургских канцеляриях словно камень, поверх которого тихо, а порою и резво струится «течение» бумаг, бессильное сдвинуть этот камень с места... И сколько таких камней! Ими усеяно дно канцелярских ручьев, и мохом уже поросли некоторые... А Северо-Западный край — кто и что́, какая «фраза» мешала тут делу? Несчастный край, вот уже пятнадцать лет сряду тщетно ожидающий умного, в русском национальном смысле управления, край, словно преданный вновь свободному ополчению, словно совсем выскочивший из короткой памяти Петербурга, где, по-видимому, совсем и забыли о Польском восстании 1863 года и о том, что Польский вопрос для России решается собственно не в Варшаве, а в Вильне и что, наконец, Вильна — не Тула и не Калуга, а потому требует особенных забот внутренней русской народной политики... Но ведь не к канцелярскому же механизму могут быть предъявляемы притязания на какую-либо политику!.. И куда бы, в какой угол России ни забросила вас случайно судьба, везде поразят вас вопиющие нужды, животрепещущие вопросы, хотя и местные по наружности, но несомненно общего государственного значения, — и окажется, что и прежде нас уже поражались ими сотни заезжих наблюдателей и ревизоров; что все эти нужды и вопросы были в свое время даже тщательно изучены и обследованы, что по всем этим нуждам и вопросам представлены в свое время по начальству рапорты, донесения, записки, старательно выработанные проекты, которые все, достигая Петербурга, исчезали в каком-то точно заколдованном, глухонемом пространстве, откуда ни ответа, ни отзвука. И понятно: их не способны даже и ухватить, — способны лишь искромсать и исковеркать зубцы и колеса канцелярской машины... Но где же она, где эта желанная, вожделенная, русская творческая внутренняя политика, которая бы направляла механизм, вдохновляла правителей, живила и двигала весь наш государственный строй? Как страстно хотелось бы ощутить ее дуновение, заглянуть ей в лицо! Как тоскует по ней русское сердце! Может быть, она и существует, несомненно даже существует, но лишь почему-то не находит нужным проявлять теперь себя нам, простым смертным... Так ли это или не так, но русским людям от того не легче.

При таких условиях трудно подметить «поворот от фразы к делу», если только почтенный автор этого выражения разумеет под делом делание серьезное, государственного характера. Трудно потому, что такое если не отсутствие

самой внутренней политики, то по крайней мере несомненное отсутствие ее ощутимого и видимого присутствия мало располагает в настоящее время к работе даже, например, деятелей местных, в той даже тесной области, которая, казалось бы, им уже вполне доступна. Вышеприведенные примеры и вообще отзывы лиц вполне компетентных свидетельствуют, что лет 15, 10 тому назад и даже еще короче — эта деятельность сравнительно была довольно оживлена, но совершенная ее безрезультатность в высших сферах администрации обезнадежила даже самых ретивых. Всюду и везде по России услышишь унылый отклик: «писано», «представлено», «ничего не вышло»! Могут возразить, что эти отклики точно так же относятся к прежнему времени, как и к настоящему, и еще более к первому, чем к последнему... Возражение верно, но нельзя не вспомнить, что между обеими эпохами, прошлой и нынешней, была пора обновления чаяний и надежд, а так как никакого изменения в административных порядках не произошло, то и замечаемое теперь уныние несомненно позднейшего происхождения или, правильнее, оно с той поры значительно усилилось и укоренилось. Впрочем, теперь это не столько уныние, сколько оскудение жизненности духовной. Отрицать этого явления нельзя; воображать, что можно замаскировать его призрачною деятельностью канцелярий, или утверждать, что такое состояние общественного духа именно и есть должное и нормальное, а то чувство неудовлетворенности, которое замечается в обществе, происходит лишь от чрезмерной избалованности реформаторскою деятельностью первой половины прошлого царствования, вследствие чего общество и привыкло, как ребенок, к частой смене игрушек или новых ощущений, воображать, утверждать все это — было бы, по нашему мнению, величайшею политическою ошибкой. Следовало бы, напротив, нашим государственным умам посерьезнее отнестись к настоящему нравственному настроению русского общества и углубиться мыслью в исследование его истинных сокровенных причин. Не могут же они не знать, что если, по словам Наполеона, *дух* армии составляет три четверти ее силы в битве и лишь одна четверть силы зависит от внешних материальных условий [8], то и в деле гражданского преуспеяния, в деле мирных побед государственного порядка над неурядицей не меньшее значение принадлежит и состоянию *духа общественного.*

Не лишены интереса в настоящем случае суждения одной английской газеты, мало, кажется, распространенной в России, «The Mail». В № ее от 7 декабря (н. ст.) помещена довольно пространная статья о нашем отечестве по поводу последнего займа, называемого «золотой рентой» [9]. Признавая полный успех подписки на этот заем, предложенный непосредственно публике самим русским Министерством финансов, газета, справедливо или нет, утверждает, будто «первоначально операция эта была предложена иностранным банкирам», но «попытка потерпела неудачу; среди иностранных финансистов обнаружилось колебание», а потому русское правительство решилось «действовать единолично». Такое действие, по мнению газеты, должно было будто бы обойтись, да и обошлось, дороже, на условиях более тяжелых для русского Казначейства, чем прямой заем за границей, порученный целой группе банкиров, к посредничеству которых (но уже за более ценное вознаграждение) все-таки пришлось-де прибегнуть и при «золотой ренте». «Следует сознаться, — продолжает газета, — что по своим внутренним условиям новый заем совершился на ясных и вполне добросовестных основаниях. Заемщику предоставляются все закон-

ные гарантии в том, что он будет пользоваться полностью того дивиденда, который он имел в виду. Добросовестное отношение к делу русского государственного Казначейства никогда не подвергалось ни малейшему сомнению. Оно всегда выполняло свято все свои обязательства»... Почему же однако, спрашивается, предложение правительства встретило вышеупомянутое «колебание в среде иностранных финансистов»? «Русские патриоты, — так отвечает на этот вопрос "The Mail", — не могут не сознавать, что в упомянутом колебании выразилась тень, только лишь *тень* сомнения — в какой степени Россия может, при различных непредвиденных случайностях, оказаться состоятельною при выполнении принятых ею на себя обязательств в финансовом отношении»... Русские патриоты, — заметим мы английской газете, — конечно, никогда, ни в каком случае с своей стороны в состоятельности России сомневаться не могут, но это не мешает им интересоваться причинами иностранного скептицизма, возбуждаемого настоящим положением нашего отечества. Причины же эти, по толкованию английской газеты, следующие: «Россия, — говорит она, — вынуждена обещать более 6% звонкою монетою не потому, чтобы она когда-либо уклонялась от уплаты или подозревалась в уклонении на будущее время, но потому, что капиталисты, сравнивая ее обязательства с *ее экономическим развитием*, не приходят к твердому убеждению *в их взаимном равновесии*... Россия не достигла того материального развития, которого и она сама, и Европа от нее ожидали. Как бы ни расходились в мнениях относительно того направления, которого надлежит держаться, едва ли можно оспаривать, что Империя перестала развиваться в материальном смысле, потому что она остановилась в своем общественном развитии. *Предстоит сперва воодушевить духовными и нравственными жизненными силами народные массы русского населения, и тогда только обнаружатся во всей своей силе русские физические богатства*».

Совершенно обочтутся в своих предположениях те, которым покажется, будто английская газета клонит свою речь к «конституции». Англичане слишком хорошо ведают историю своего государственного устройства, слишком твердо знают цену правильному, органическому национальному развитию, слишком чужды доктринерства для того, чтоб кому-либо предлагать в образец *свои* британские или чьи бы то ни было *чужие* порядки или же советовать России с ее тысячелетним бытием и стомиллионным народом выскочить легкомысленно из своей исторической колеи, заняться умозрительным сочинительством себе государственных уставов или же искать в иностранных отвлеченных теориях разрешения своих жизненных русских задач!.. Такая вздорная мысль не только ни у одного англичанина в голове вместиться не может, но и ни у одного иностранца с определенным национальным самосознанием. Для этого нужны головы русских доморощенных иностранцев, наших так называемых «западников», т. е. мнимых «либералов», мнимых «консерваторов», мнимых «демократов» и не менее мнимых «аристократов»... «The Mail» в дальнейшем изложении замечает только одно, что «великая реформа прошлого царствования» осталась недоделанною, что «во многих отношениях выигрыш обратился в проигрыш» и что, по ее мнению, необходимо, между прочим, мирное изменение, — но какое именно, «The Mail» не указывает, да и указать не может, — «во всем строе государственной администрации». Английская газета вслед за сим горячо приветствует весть о намерении будто бы русского правительства унич-

тожить право чиновников, по достижении известного чина, приобретать потомственное дворянское достоинство[10]. Газете мерещится, будто чиновник станет от того демократичнее, ближе к народу или «ближе к русской гражданственности»! Такого ошибочного суждения мы не имеем права даже и поставить в вину органу чужеземной печати, мало знакомой с подробностями нашего социального устройства, когда у нас самих, дома, в Петербурге, находятся природные русские, которые в упомянутой мере видят возможность превратить дворянство в замкнутую *аристократию* на западный образец. Об этой мере, если слух подтвердится, мы не упустим сказать свое слово. Но дело теперь не в будущем значении чина действительного статского советника и даже не в мнениях английской газеты о необходимых преобразованиях, а в том, что даже самих иностранцев поражает отсутствие того надлежащего «воодушевления нравственными и духовными жизненными силами», без которого, по их практическому, опытному соображению, даже и физические богатства страны не могут обнаружиться и развиться во всей своей силе. Дело в том, что этот, заметный даже и за границею, недостаток общественного одушевления, или, иначе, упадок бодрости русского духа, уже дает некоторый повод к фальшивому сомнению в платежных средствах России, как будто колеблет ее кредит!! Может быть, хоть замечание английской газеты удостоится несколько большого внимания со стороны русских государственных людей, чем указание *своих* публицистов...

Предположив, что факт упадка духа достаточно засвидетельствован, пойдем далее. Какие же его причины? Причины различные — и внешние, так сказать, осязательные, и внутренние, более духовного и нравственного свойства; причины, лежащие отчасти в нашем административном строе, отчасти в воспитании и развитии самого русского общества. Подробное их исследование потребовало бы обширной диссертации; мы ограничимся пока беглым очерком.

Не подлежит и спору, что начало этому поникновению духа в России положил прежде всего Берлинский трактат[11] — поникновению не частному, не в среде только так называемой интеллигенции, не в том или другом классе общества, а всенародному, во всех слоях и на всем протяжении государства. Мы вовсе не отрицаем, что и ранее трактата было достаточно поводов не только к недовольству, но даже и к некоторому унынию, но эти поводы не были такого повсеместно одинакового свойства, а главное, настолько были не глубоки, что нимало не помешали тому всеобщему возбуждению национального духа, которое проявилось в России в достопамятную эпоху 1876 и 1877 годов. Напротив, все эти поводы были в то время забыты. Нет ничего ни мудреного, ни чрезвычайного, когда народный патриотизм вспыхивает и разливается по стране пожаром — в случае, например, нашествия неприятеля и даже только дерзкой угрозы иноплеменных врагов. Но в упомянутых нами годах совершилось нечто иное, проявился энтузиазм, так сказать, *идейный*, объявший из конца в конец народные массы, и притом с такою цельностью и единством, с такою небывалою и необычною силою, что он увлек за собою и правительство, и верхние классы общества, и всю ту петербургскую властительную среду, для которой он, разумеется, по существу своему был и чужд, и совсем непонятен. Лгут и клевещут, только расписываются в собственном тупоумии, незрячести и ограниченности душевной все те, которые отрицают глубокую искренность этого движения. То было движение самой исторической стихии; то самые составы

России заговорили, ее составы органические, православные и славянские, — то объявлялось воочию и вслух ее мировое призвание. Мы имеем право свидетельствовать об этом. Мы получали, мы читали мирские сельские приговоры и из-за Волги, и из-за Хопра о том, что-де и их селам отставать никак непригодно и что вот от этих сел, по свободному мирскому решению, снаряжается-де ими столько-то «добровольцев»; мы видели пред собою десятки мужиков на коленях, умолявших как о милости отправить их за Дунай «пострадать за братьев-христиан», «мученический венец принять»; мы храним до сих пор письмо какого-то дворника из Казани, в котором безграмотно (но с какою любовью!), полууставом излагал он *будущую* эктению [12], где после молитвы о Царе поминаются один за другим и «благоверные славянские государи»... Кто же не помнит того восторга, что́ объял всю России после октябрьской речи 1876 г., произнесенной покойным Царем в Москве? [13] Но если Царь, в стенах Кремлевских, принял на себя наитие русского исторического духа, то какому, напротив, нажиму антиисторического и антинационального духа подвергся он, наш мученик-Царь, в стенах — увы! — слишком родного и слишком привычного ему Санктпетербурга! Недоуменно, растерянно, пожимая плечами или даже с озлобленным негодованием внимали оттуда этому взрыву варварских чувств и помыслов на низинах народных — все те, которым приходилось волей-неволей служить официальным орудием нового, великого русского дела, — наши дипломаты, бюрократы, весь этот орудующий Русскою землею мир нашей чухонской Пальмиры, мир канцелярский, чиновнический, сановнический, купно с «либералами» разных кличек (всё это одного поля ягоды, как тогда, так и теперь)!

Дальнейшее известно. Какое богатство нравственное, какую веру в себя и в свое призвание, какую мощь и здоровье духа явил тогда наш народ — такое здоровье, которое, проявясь на просторе как деятельная историческая сила, могло бы, казалось, оздоровить весь наш государственный организм, исцелить его недуги! И каким, напротив того, пигмеем в духовном и нравственном смысле явилось все то, что́ призвано руководить судьбами народа в качестве чиновной и сановной интеллигенции! Никогда не обнаруживался так резко пред всеобщим сознанием тот глубокий внутренний разлад, который существует между Россиею истинною, народною, историческою и Россиею искусственною, подделанною, официальною — тою, что́ находит себе выражение в С.-Петербурге. Все, что сделано было первою, разделано было второю. Народом и нашею армиею были совершены истинные чудеса мужества и доблести, неслыханные в истории, — народ и армия дали всё, что могли дать: достояние, кровь, исполинские подвиги самоотверженного, верующего духа. Но как скоро перейдена была грань непосредственного, единственно доступного народу действия, как скоро началось действие умственное, зависевшее от руководящей интеллигенции, так и сорвалась Россия в пучину срама... «После нашего отступления от Константинополя, — писал Скобелев, — всякому стало очевидно, что России *обязательно было заболеть*» [14]. Она и заболела...

Чем выше был подъем народного духа, тем глубже упал он после Берлинского трактата; чем напряженнее был энтузиазм, тем жесточе было разочарование... Только в Петербурге, где пульс русской жизни никогда не слышен, можно было предположить, что такой великий, тысячелетний исторический государственный организм, как Россия, способен перенести бесследно удар, нанесен-

ный ему исходом войны, и равнодушно принять на свое чело, вместо венца победы и славы, позорное клеймо в виде общеевропейского приговора, — этой хулы на духа народного [15], этого колоссального греха против чести, достоинства и исторического призвания Русской земли! В то время как в Петербурге без особенного труда мирились с трактатом, — а многие даже, в том числе и та «либеральная» пария, коей газета «Голос» служила органом [16], воспевали трактату хвалебные гимны, — Россия никла и никла духом. Посрамленная вера, пристыженный энтузиазм... что́ может быть тягостнее и томительнее такого состояния духа?.. Русский народ повергся в безысходное недоумение. Он сохранил в себе, разумеется, ту же мощь патриотизма, то же богатство нравственных сил, но точно свинцом пригнетенных сверху. Он исполнен по-прежнему той же любви и верности к Царю, к этому историческому своему государственному принципу, но проникся глубокою мнительностью относительно достоинства действующих в России порядков. Само собою разумеется, что такое отношение в народе не возведено на степень отчетливого сознания; он только лишь смутно чувствует присутствие над собой каких-то фальшивых сил, парализующих его самые усердные, самые искренние усилия. Но гораздо сознательнее выражается это недоверие в обществе, даже в тех его слоях, которые не носят названия «интеллигенции»: они уже не подвигнутся на служение *идее* так беззаветно, как прежде, опасаясь, что благодаря администрации, продолжающей пребывать в неизмененном виде, всякую новую выдвинутую национальную идею постигнет, пожалуй, такая же позорная участь, как и в 1878 году; они подозрительно, пугливо относятся теперь ко всякому увлечению. Они болеют сомнением, робостью упований...

Не легок был и Парижский мир 1856 г. [17] для России, но он не нанес ей *нравственного* урона; она уступила грубой соединенной внешней силе, увенчавшись на весь мир славой самого доблестного сопротивления, и сознавала, что уступает лишь ненадолго. Дело в том, что одновременно с испытанием началась для России и *новая эпоха внутренней жизни*, развернулась впереди блестящая перспектива плодотворной обильной деятельности. Тяжелое впечатление Парижского трактата мигом потонуло в новом подъеме духа, в освежающем чаянии великих преобразований, великих побед над собственными врагами. Не трудно было мириться с военною неудачею ввиду упразднения крепостного права, старого суда, старой умобоязни!.. После Парижского трактата Россия только росла и шла в гору, обновляясь и перерождаясь... Но в гору ли пошла Россия со времен трактата Берлинского? Вступила ли решительно и твердо на путь истинно-народной политики, внутренней и внешней? После всех содеянных нами Европе уступок не продолжали ли петербургские канцелярии поступаться последовательно многим множеством русских интересов всевозможного рода? Чем, в самом деле, могло изгладиться или заслониться позорное впечатление Берлинского трактата? Чем? Событием 1 марта [18], еще позорнейшим и ужаснейшим?.. Без сомнения, милости, оказанные сельским народным массам во время недавнего царского венчания, подействовали на народ благотворно; без сомнения, по мудрому народному изречению: «Сердце сердцу весть подает», русское сердце нового Государя вещует сердцу народному, и лично на Царя упование народное незыблемо твердо; но условия административного строя, столь неблагоприятные для непосредственного благодетельного действия власти, остаются неизменными, такими же, как и прежде. Никакая новая

творческая живительная идея во всеоружии твердой правительственной силы еще не осенила Россию со времени упомянутых двух роковых событий. Напротив, в Петербурге чуть ли не останавливаются на мысли, что никакого оживления и не требуется; что в никаком подъеме духа страна и не ощущает надобности; что никаких даже и вопросов таких для России не существует, с которыми бы не справилась сама все та же старая канцелярия обычным способом «течения бумаг», что канцелярия довлеет сама себе и России, не нуждаясь в содействии народного и общественного разума!..

Просим извинения у читателей, что слишком пространно увлеклись воспоминанием о Берлинском трактате, но в том и беда, что он не воспоминание только, а зияющая, сочащаяся рана, дающая себя особенно живо чувствовать всякий раз, как дело коснется нашего положения в мире славянском, наших отношений к Европе, как политических, так и экономических. Да и не бесполезно, кажется, напоминать о нем Петербургу, где в отчуждении от России так слабо сознается потребность уврачевания, хотя бы только косвенного, в области не внешней, а внутренней политики той глубокой язвы, что́ нанесена была духу народному! где чуть ли вовсе не отрицается потребность одушевления страны нравственными и духовными силами, без коих, но справедливому замечанию английской газеты, немыслимо раскрытие даже и наших физических богатств!..

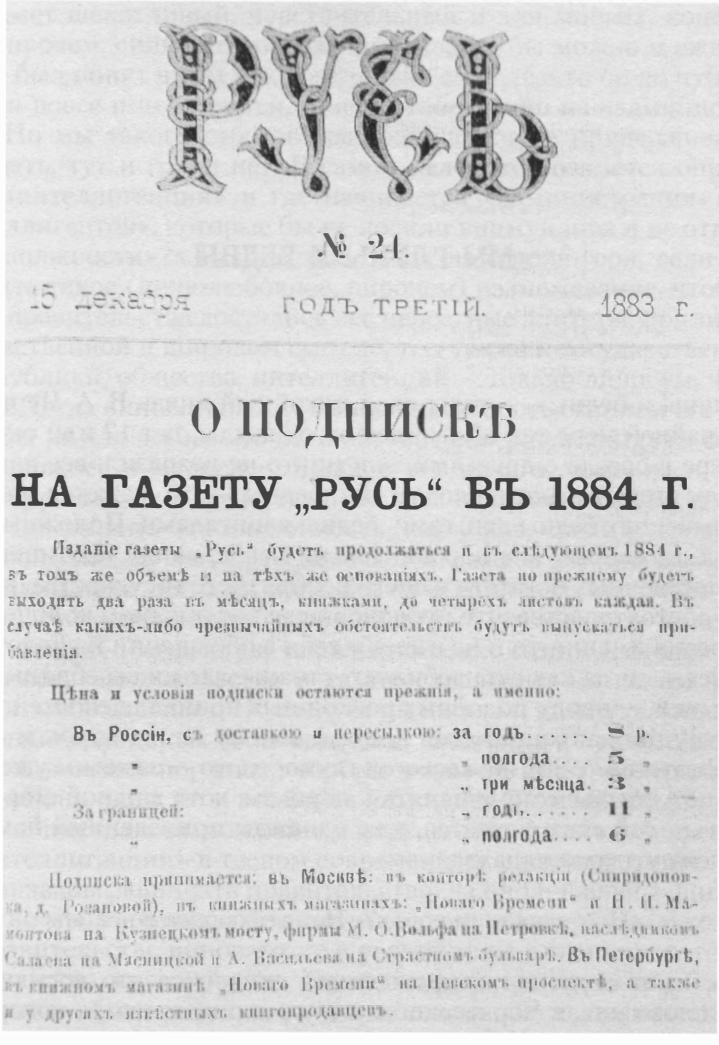
Та «фраза», от которой, по словам редактора «С.-Петербургских Ведомостей», мы теперь поворачиваем, потому именно и воцарилась было у нас с такою силою, что дух народный был совершенно пришиблен и образовалась та пустота, где всякой фразе раздолье. Фраза совсем примолкла в момент возбуждения народного духа, но кто же помнит, как взвилась, как заголосила она вслед за поражением нашим в Берлине, какому «самооплеванию» и «самозаушению» [19] предалась русская глаголемая интеллигенция (т. е. оплеванию и заушению собственно русской народности, с превознесением лично самой себя), — как пыталась она, подвергая осмеянию всякое притязание Русской земли на самобытность внутреннего развития, сдвинуть Россию с ее исторических основ?! Разумеется, сдвинуть Россию не оказалось возможности: наперекор иностранному речению, будто Россия — железный колосс на глиняных ногах, у этого колосса ноги-то именно и железные [20]. Мало-помалу, благодаря некоторому допущенному для нее простору, фраза сама себя съела, т. е. перепуталась, изветшала, опошлилась, обличила до конца свою совершенную бессодержательность и утратила или, по крайней мере, начинает очевидно терять прежнюю свою власть над умами, особенно же в молодых поколениях. В этом отношении действительно совершился немалый, серьезный успех, и можно признать, что мы действительно поворачиваем... Но куда? Не рано ли еще ликовать и праздновать и самодовольно выдавать условия русской современности за нормальные?

Кроме внешних причин настоящего неплодотворного состояния общественного духа есть, как мы сказали, причины и нравственные, глубоко внутреннего свойства, связанные с развитием самой общественной мысли в России. Изверившись в фразу, которою пробавлялся целый ряд поколений, русский интеллигентный человек (разумеем здесь его общий тип в так называемом образованном, или мыслящем, классе, а не частные видоизменения) очутился теперь совсем без веры, недоумевая — чему верить, скептически относясь к верованию

и увлечениям всякого рода. Прежние идеалы — идеалы отрицательные по преимуществу, особенно по отношению к родной стране, — разбиты и повыброшены, а положительных идеалов он не ведает и стоит, печальный и пустопорожний, тщетно ожидая или вдохновенных указаний какого-либо нового вещего пророка, или властных указаний самой современной действительности, т. е. какой-либо мощной исторической волны, которая бы сама подняла его и понесла к пристани, где нашелся бы ему и предмет веры, и подвиг, и дело. Предшествовавшие поколения оставили ему сравнительно скудное наследие духа: бесконечную вереницу абстрактных увлечений, беспредметных исканий, фальшивых надежд, напрасных жертв, бесплодных страданий, — и почти никакого пригодного руководства для бодрой жизни и деятельности среди своего народа. Не дает ему этого и современная школа. К прошлому он не может уже теперь относиться иначе как отрицательно, но и с настоящим мириться не может: будущего же не видит и не может видеть: оно видимо лишь очами веры, — а этой-то веры у него и нет... Поворот от фразы — не должен бы становиться поворотом к безмолвию; отречение от нигилистических и тому подобных лживых идеалов не должно бы превращаться в отречение от всякого идеализма! Без идеализма немыслимо истинное отношение к действительности; без идеализма не может быть и вполне благотворной практической деятельности. Но вот именно оскудением всякого идеализма и томится современное общество. Вот почему такой большой процент общественных сил устремляется теперь к наживе или растрачивается в забавах (учреждения для которых размножаются с удивительною быстротою).

Между тем де́ла в России много, так много, как нигде в мире; способных, но праздных рук еще более. Но... нет убеждений. Нет уверенности в успехе и пользе труда. Некому призвать, кликнуть клич к работе, указать каждому его место, возбудить, одушевить рабочие силы во имя высшей цели, перед ними поставленной, на дружную, благую, многоплодную страду. Предоставленная сама себе, без опоры в жизни, русская мысль кочует и бродит; всё в России стало вопросом; по мере того как рассеивается туман фальшивых представлений о русской действительности, выступает наружу противоречие между требованиями русской жизни и навязанными ей сверху формами быта и строя иноплеменного. Противоречие видно, — но ни примирения их достигнуть нельзя, ни новых форм, которые бы приходились вполне впору по Русской земле, взять неоткуда: их может дать только органическое творчество самой жизни. Но как и откуда быть этому творчеству при недостатке одушевления, при отсутствии общего веяния духа жизни, оживляющего, оплодотворяющего всякий труд, объединяющего частные, разрозненные усилия в общий благой подвиг?

По историческому складу Русской земли всякий почин тогда только вполне мощен, тогда только может охватить ее широко и стать делом народным, когда он нисходит с верховых высот власти или по крайней мере — в живом союзе с нею. Этого-то и ждет Русская земля, ждет себе оживления и одушевления сверху. Вот на что́ и должно быть обращено внимание серьезных и умных государственных людей; вот почему и не следует ни им себя, ни нам их вводить в заблуждение, будто все обстоит нормально и благополучно, будто мы уже вошли в период «де́ла», так как уже повернули от фразы. Не войдем мы в период де́ла, — скажем опять, — пока не «повернем» и от фразеологии бюрократической; пока не перестанем канцелярское движение бумаг признавать за движе-



РУСЬ

№ 24.

15 декабря ГОДЪ ТРЕТІЙ. 1883 г.

О ПОДПИСКѢ

НА ГАЗЕТУ „РУСЬ“ ВЪ 1884 Г.

Изданіе газеты „Русь“ будетъ продолжаться и въ слѣдующемъ 1884 г., въ томъ же объемѣ и на тѣхъ же основаніяхъ. Газета по прежнему будетъ выходить два раза въ мѣсяцъ, книжками, до четырехъ листовъ каждая. Въ случаѣ какихъ-либо чрезвычайныхъ обстоятельствъ будутъ выпускаться прибавленія.

Цѣна и условія подписки остаются прежнія, а именно:

Въ Россіи, съ доставкою и пересылкою:	за годъ.....	8 р.
„	„ полгода....	5 „
„	„ три мѣсяца.	3 „
За границей:	„ годъ.....	11 „
„	„ полгода....	6 „

Подписка принимается: въ Москвѣ: въ конторѣ редакціи (Спиридоновка, д. Розановой), въ книжныхъ магазинахъ: „Новаго Времени“ и И. И. Мамонтова на Кузнецкомъ мосту, фирмы М. О. Вольфа на Петровкѣ, наслѣдниковъ Салаева на Мясницкой и А. Васильева на Страстномъ бульварѣ. Въ Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“ на Невскомъ проспектѣ, а также и у другихъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Титульный лист газеты «Русь» с первой публикацией статьи И. С. Аксакова «<Повернула ли Россия от фразы к делу?>» (Русь. 1883. 15 дек. № 24. С. 1)

ние самой жизни; пока Петербург будет по-старому почитать себя седалищем разума за всю Русскую землю; пока Россия официальная не станет одно и едино с Россией земской, народной, исторической; пока, одним словом, не создадутся те одушевляющие условия, при которых спорилось бы дело... «Не угашайте духа» [21], — учит Писание.

Этим напоминанием и позволяем себе закончить 1883 год... [22] Невольно, пред наступлением нового, спрашиваешь себя: шире ли, деятельнее ли стала наша русская жизнь? богаче ли силами и бодростью? каких светлых надежд и смелых чаяний исполнен ее взор, вперяемый в будущее?..

1884

<МЫ ГЛУПЫ И БЕДНЫ>

«Мы глупы и бедны», — говаривал покойный князь В. А. Черкасский, или по крайней мере так выразился он однажды, лет 12 или около тому назад, на вечере в беседе с друзьями, — и никто не возразил: все как будто признали правду этого горького слова... Что бедны — это, кажется, не может подлежать и сомнению: бедны деньгами, бедны капиталами. Положим — бедность, по народной поговорке, «не порок»; тем не менее, ввиду несомненных же, несметных естественных богатств нашего необъятного государства, ввиду, например, такого обстоятельства, что производящая в громадном количестве серебро и золото Россия именно-то и не имеет у себя в обращении ни золотой, ни серебряной монеты, тогда как ею изобилуют страны, где ни серебряных руд, ни золотых россыпей, — ввиду подобных роскошных принадлежностей русской бедности, неотступно напрашивается вопрос: почему же не впрок и не в помощь нам наши богатства?.. Что́ же касается глупости, то — заметим уже кстати — ее ведь также не в обычае сопричислять к порокам, хотя в одной старинной комедии и гласит такой стих (кажется, уже однажды приведенный нами), в форме разговора между двумя лицами:

«Но глупость не порок?.. Нет, все пороки в ней!» [1]

Конечно, не к глупости прирожденной относится это восклицание, и не о ней было слово князя Черкасского: это уж дар природы, с которым не тягаются и который не судят. Но глупость глупости рознь. Иное дело, если человек умудрился стать глупым, родясь умен: тут едва ли есть место для невменяемости. Не в таком ли положении и Россия? Мы обладаем, по общему признанию, неисчерпанным сокровищем народного разума, обилием разнообразнейших даров духа, — почему же, подобно богатству вещественному, не в пользу нам и родовое богатство духовное? почему мы являемся в нашей общественной жизни и общественном делании столько же скудоумны, сколько и бедны, и, как редка у нас золотая монета, так же мало у нас в публичном обращении и *ума*? О золоте по крайней мере хлопочут, хотя и не совсем удачно; в знак уважения даже золотую ренту недавно выпустили [2], — а на ум большого спроса что-то не видно...

Но прежде всего следует, конечно, установить самое основание вопроса, самый факт русского культурного скудоумия (потому «культурного», что не о массах народных может идти здесь речь, а о сверхнародном образованном

слое). Предмет щекотливый, чувствительный и для многих, конечно, не бесспорный. Впрочем, сильного возражения едва ли бы можно и ожидать, если б вопрос наш был понят в том исключительно смысле, что он до публики, до интеллигенции вовсе и не касается, а метит собственно на «администрацию», на нее одну... Но мы такого строгого разграничения не придерживаемся, да по правде сказать, тут и грани нет. В самом деле, кто возьмется определить: где кончается «интеллигенция» и где начинается «администрация»?! Много ли у нас «интеллигентов», которые бы не носили вицмундира и не отправляли какой-либо «должности»?.. Разумеется, было бы с пола́-горя, если б возможно было учинить такое (не полюбовное, впрочем) размежевание, чтоб единственно на долю правительства достались все нелестные эпитеты, приличествующие нашей общественной в широком смысле, т. е. также и государственной, жизни, а на долю публики, общества, интеллигенции — только лишь ум, чистота и неповинность! Тогда виноватый был бы налицо; над отысканием его и ломать голову было бы не для чего, — но дело обстоит совершенно иначе, горе наше несравненно сложнее и мудренее. Вообще нет ничего легче, да и удобнее, как сваливать вину за всякий общественный грех на правительство, и едва ли в какой стране так развита эта наклонность, как у нас, среди русского общества! Но что́ любопытно: та же черта замечается даже и внутри самой «властной сферы»! Редкий из ее деятелей призна́ет себя вполне солидарным с правительством и обойдется в разговоре без порицаний по его адресу, — конечно, выгораживая себя самого. Разумеется, такое отношение самих деятелей к своему же деланию лучше самодовольства и самовосхваления, но нельзя же, кажется, и его признать нормальным. Не следует ли видеть в этом указание, что вина не столько в индивидуальных свойствах лиц, входящих в правительственный состав, сколько в самих порядках, вообще в чем-то ином, более общем, к чему причастны не они одни, но и все более или менее — умственный уровень самого русского общества или, по крайней мере, его значительной, выдающейся части, его «интеллигенции» в тесном современном значении этого слова? Не мы, конечно, призваны защищать правительство, да оно в нашей защите вовсе и не нуждается; но мы, впрочем, и не думаем его защищать. Мы только утверждаем, что если правительство виновато, то в равной мере с ним виновато и общество; что правительство, кроме редких случаев и эпох, есть только облеченное властью отражение общественного ума, т. е. его господствующего склада и типа, в приложении к делу, к государственной жизни. Да кто же воспитывает, кто поставляет контингент действующих в правительственной среде лиц? Не само ли русское общество? Не прошли ли они все установленным порядком чрез общие для всех степени школьного образования и лестницы рангов?.. Признаться сказать, когда нам встречается свежеиспеченный вольнодумец XII, X, даже IX класса[3], рьяно осуждающий администрацию, видящий в ней одной источник всяческих бед, — так и рвется навстречу ему вопль из груди: «Не горячись, воздержи свое негодование, юный чин! Пройдет служебною чередою год за годом, будет приходить тебе чин за чином, попадешь и сам *туда*, станешь и сам начальство, "администрация" — и наглупишь, наглупишь!..»

Да, это не шутка, не ирония, а именно вопль, искренний, скорбный!.. Но не такой ли же вопль сомнения и недоверия начинает у нас слышаться и по поводу наших городских дум, уездных и губернских земств — этой не казенной, а общественной администрации? Давно ли введение у нас так называемых

«представительных учреждений» почиталось чуть ли не победою общественного мнения над бюрократическим общественным строем, а теперь к ним же со всех сторон несутся упреки в бюрократизме, формализме, бездействии или малоуспешности действий, и пресловутое «представительство» обращается чуть ли не в театральное, более или менее неудачное *представление*? Можно, пожалуй, с некоторою долей справедливости допустить, что деятельность нашего самоуправления парализуется отчасти несочувственным к нему отношением административных властей, но ведь не более как *отчасти*. Простору все-таки слишком довольно для проявлений практического, здравого *русского* толка, — а между тем никакою новою, плодотворною, меткою и дельною мыслью не ознаменовали себя ни наши думы, ни земства, и те немногие искры творческого духа, которые было вспыхнули там и сям, тухли мгновенно сами собою, не столько от правительственного гасительного снаряда[4], сколько от холодной росы общественного неразумия и равнодушия. Мысль же не творческая, не русская, не практическая, а абстрактная, вздорная, но зато «культурная» умела же и умеет ведь пробиваться или, по крайней мере, заявлять себя сквозь всякий правительственный гнет, сквозь чащу общественных предрассудков и иных препятствий! Не можем удержаться, чтоб из сотни образчиков не указать, курьеза ради, на самый новейший, на днях поведанный и горячо приветствованный, во имя «прогресса», газетою «Новости»: купянское земство становится отныне наравне и рядом с самими Джон Стюарт Миллем и Брайтом![5] Хотя, по всей вероятности, в Купянском уезде, как и повсюду, пути сообщения никуда не годны, врачебная часть из рук вон плоха, школ недостаточно, недоимок вдоволь, но «чем богаты, тем и рады», а купянское земство, по всему видно, богато — «культурой». По уверению «Новостей», оно в предстоящую сессию намерено провести предложение: о предоставлении женщинам права непосредственного участия в земских выборах, а следовательно, и права быть избираемыми во все земские должности!.. Пожалуй, — грустно замечает глубокомысленная газета «Новости», — на практике в дальнейшем применении эта высокая мысль споткнется о какие-либо препятствия... Ну как же не согласиться с сим «органом либеральной печати» (как сами «Новости» себя величают), что наша передовая «интеллигенция» есть истинно верная, законная представительница разума и идеалов русского народа, т. е. и русского мужика, который, должно быть, и спит и видит, чтоб во главе земских управ и иных земских учреждений стояли культурные бабы!.. Не в такой грубо-наивной форме, но того же пошиба и той же умственной силы бóльшая часть «прогрессистских» речей, раздающихся ныне в залах думских и земских собраний... Но разве одно только официальное «самоуправление», свидетельствуя о какой-то роковой *общественной* нашей несостоятельности, наводит на общественный дух уныние? Возьмем одно из бесспорно наилучших нововведений — именно гласный суд — учреждение, правда, заимствованное, не лишенное существенных недостатков, но обладающее зато и такими высокими достоинствами, что заслуживало бы внимательного, почтительного, хотя бы и вполне строгого к себе отношения: можно было бы ожидать, что под воздействием серьезного, умного общества исправились бы недостатки, отбросилось бы все фальшивое, а доброе бы видоизменилось и развилось согласно с особенностями национального духа. Но чтó же мы видим? Точно будто кто-то поставил нам задачу: всячески скомпрометировать, уронить, затоптать в грязь отправление правосудия в на-

шем обществе и всемерно доказать, что «общественный контроль» в России есть только один из новых видов и факторов лжи! Во что́ обратился у нас институт адвокатов, пользующийся таким всеобщим уважением на Западе (откуда он нами и заимствован)? Почетным или не почетным стало у нас это название?! Не дал ли самому себе и своим товарищам один из корифеев адвокатуры, во всеуслышание и хвастливо, при каком-то торжестве, гениально-меткое определение «прелюбодеев мысли» [6] (прибавим — *наемных*)? Он знал, этот корифей, что пред русскою интеллигентною публикою таким качеством можно лишь похвалиться, даже стяжать от нее аплодисменты!.. А эта самая публика — приветствующая священнодействие судящей совести пошлостью шумных рукоплесканий, точно на балаганном зрелище, и венчающая нахальных развратниц, убийц, воров и казнокрадов (не оправданных, но лишь почему-либо не подвергнутых наказанию присяжными) восторженными овациями как доблестных невинных страдальцев, как чистейшей добродетели чистейшие образцы?.. [7] А эти присяжные, столь слабые сердцами и столь некрепкие нравственным смыслом, и тем менее крепкие, чем они «культурнее»?.. С другой стороны, сами обличители судебных грехов, нередко правые в своих частных обличениях, своим запальчивым неправым обобщением, огульным осмеянием, постоянным безразборчивым глумлением — роняют достоинство публичного правосудия и там, где оно отправляется вполне совестливо и правильно, и во имя консерватизма подрывают авторитет судебной власти — не в частности только, а вообще, — рушат, в самом ее основании, чуть ли не единственную опору и без того расшатанного нашего общежития, ничего не давая взамен, ничего не указывая — кроме разве мерзостной кривды старого времени!.. Вообще удивительна эта способность русского общества — всё истаскать, истрепать, обезобразить, опошлить, унизить, выгрязнить, и притом вовсе не из благородного негодования и не после напрасных упорных усилий упрочить, уберечь доброе, отринув злое и ложное, а так... из легкости или безкорненности мысли, из необыкновенной развязности чувств и совести, из мелкодонности душевной! Невольно воспоминается отчаянный возглас Гоголева городничего: «Что́ за город! только поставь какой-нибудь монумент или просто забор, Бог их знает, откудова и нанесут всякой дряни!» [8] И мы это свойство сами за собой ведаем, до такой степени ведаем, что скептически, уже вперед, относимся ко всем собственным благим и сперва как будто удачным начинаниям! Еще единоличные энергические усилия талантливых людей успевают иногда довести до благополучного конца свое предприятие, но и только: унылым скептицизмом сжимается сердце каждого из нас при одном слове: «комиссия», «комитет», «общество», и воображению каждого рисуется при этих звуках что-то речисто-бесплодное или и совсем мертворожденное, даже и без речей!

Не правы ли мы были, утверждая, что наше общество, или наша интеллигенция, никак не может умывать свои руки и почитать себя безгрешною, валя всю вину на правительство, но что весь наш так называемый «культурный слой» равномерно ответствен за настоящее положение нашего отечества, за ту скудость умственного ингредиента, которая составляет такую отличительную особенность нашей публичной жизни и публичного делания? Вернее сказать: оба эти двигателя русской жизни, обе эти «несостоятельности», административная и общественная, сочетаясь или даже взаимно помножаясь, представляют одно

общее солидарное целое, которое именно *как целое* и должно привлекать на себя взоры исследователей...

«Несостоятельность» эта существует не только как факт, но и проникла в наше самосознание, живет в нас самих на степени убеждения и даже непроизвольного внутреннего инстинкта, нередко определяющего наши действия. Не мы ли сами, в насмешку над самими собой, сложили легенду о «русском Боге»[9], потому будто бы и покровительствующем нам, русским, что сами мы умом беспомощны, а «немец да англичанин пробавятся-де и своим умом?» Не мы ли сами готовы отступить со страхом от всякого дела, где требуется работа не грубой только силы, а интеллекта? Не объемлет ли нас всех некий трепет, как скоро приходится нашей дипломатии, например, состязаться с европейскою? Не пугало ли, не пугает ли многих и теперь, ну хоть бы по поводу Константинополя, такое раздумье, что взять-то его штыком и грудью русского солдата, пожалуй, и немудрено, да, взявши, не будем мы знать и уметь — как с ним управиться, кем и чем? какими умственными орудиями и ресурсами? Не петербургскою же канцеляриею, не яхт-клубом, не нашею же космополитическою и доктринерствующею интеллигенцией, и даже не купянским земством? Опыты, учиненные нами, способны внушить нам только робость и разохотить браться не за свое дело, т. е. за дело, требующее некоторой мудрости и даже просто уменья: сто́ит только припомнить прошлую войну и ее результаты! Как только перейдена была, повторим снова сказанное нами в прошлом №[10], грань непосредственного народного действия, как скоро началось действие умственное, зависящее от руководящей интеллигенции, так и сорвалась Россия в пучину срама! «Все, что́ сделано было Россиею истинною, народною, историческою, — было разделано Россиею официальною, подделанною, искусственною, культурною!»[11] Вздумали мы устроить Болгарию и, желая показать себя «на высоте требований современного прогресса», желая даже щегольнуть, за чужой счет, либерализмом и европеизмом наших государственных воззрений, взяли да и сочинили для нее, ничтоже сумняся, в столице самодержавного царства, в казенных петербургских, на все гораздых канцеляриях, при помощи канцелярских справок с учеными книжками, а также и профессоров (это ли не авторитеты!!) «конституцию», — наши потом государственные ребята там на месте ее порасширили!..[12] Одним словом, распорядились так, что если не погубили, то надолго искривили развитие освобожденной нами страны, исфальшивили ее государственное и общественное бытие и в конце концов чуть было не уронили в Болгарии обаяние и нравственную власть русского имени! Говорить ли о том, как скользят по нашей умственной глади, нигде не зацепляясь, грозные уроки истории? Как через несколько лет по усмирении польского кровавого мятежа мы воспылали к Муравьеву тупоумною ненавистью[13], не только не подвинули вперед дело, начатое им в Северо-Западном крае, но снова предали и предаем эту исконно русскую землю в жертву враждебному нам польскому и католическому элементам, которые сами же усиливаем? Напоминать ли о том, как мы полячим Литву, как немечим насильственно латышей и эстов, как разводим германскую колонизацию вдоль своей окраины, как ухитрились утратить свое обаяние даже для Китая, как подорвали и продолжаем еще подрывать свою торговлю и промышленность фритредерским тарифом[14], страха ради ретроградства и из добровольного угодничества пред «культурными» соседями, — как... Но не исчислить всех деяний нашего неразумия, нашего ущербленного

здравого смысла!.. Каждый новый № газеты какого бы то ни было направления приносит с собою какой-либо новый диковинный «анекдот», достойный слез и смеха... И такими комическими сказаниями, трагически отозвавшимися на бытии Русской земли, можно было бы наполнить чуть не целые томы in folio, сказаниями, свидетельствующими о систематически-роковой несостоятельности нашей, т. е. культурных руководителей русского народа... Но будущий слагатель этой специальной истории прежде всего должен будет отметить тот немаловажный факт, что она начинается лишь с XVIII века... Но, разбирая эту скорбную хронику, он не может не поразиться ее резким противоречием с свойствами и качествами самого русского народа. Ведь умен он, этот народ, — это признают за ним все авторитетные иноплеменники по сравнению с простонародьем своих стран: откуда же неразумие? Он отличается именно здравомыслием, — и именно простого, здравого смысла и недостает нашему образованному сверхнародному слою. Он практик и реалист, при всем религиозном своем идеализме, — мы же витаем в отвлеченности, в абстракте и лишены именно реального понимания жизни; он своеобразен, самобытен духом — мы же чужды всякого самостоятельного творчества, и как подсолнечник к солнцу, так вечно поворачиваемся и мы нашею слабою и робкою думою к чужим образцам. Рядом с величием Русской державы, созданной его зиждительным историческим духом и им же охраняемой, выступает ничтожество руководящей мысли; рядом с этим гигантом-народом, считающим себе тысячу лет исторического бытия — пигмеи во образе «интеллигенции»: можно бы сказать, что у этого железного колосса верхняя часть глиняная! [15] Конечно, она одна, эта сверхнародная интеллигенция, по своей беспочвенности и нравственной дряблости, бессильна остановить рост великого народа и изменить его исторический маршрут. Россия, наперекор всем препятствиям, поставляемым внешними обстоятельствами и интеллигентною опекою, все же не переставала пробиваться, хотя бы и с трудом, вперед по своему пути, не переставала расти и шириться, увлекая подчас своим движением и верхние свои классы, до которых (только в некоторые, впрочем, исторические, величавые моменты) досягала снизу волна исторического духа, — но чего же стоили всякий раз России такие исторические шаги! Сколько напрасной крови и жертв и как быстро освобождались потом мы, культурные люди, от такого наития истории и из зрячих становились снова слепцами!

Какая же, однако, причина такой ненормальности нашего развития? Откуда в нас, образованной и поэтому, казалось бы, лучшей части народа, такая неумелость, неспособность, несостоятельность, а подчас такая горькая, горькая глупость?

Ответ на предложенный вопрос можно было бы поискать не только в истории, но и в психологии народной, и еще глубже — пожалуй, в духовных свойствах Востока, и пр. и пр.; но, не пускаясь в такие отдаленные исследования, мы наметим вкратце ближайший ответ. Прежде всего оговоримся, что для нас вопрос не в том, *кто* виноват, а *что́* виновато. Ответ же наш отчасти уже подсказан некоторыми вышеприведенными выражениями о России «истинной, исторической» и России «не настоящей, искусственной», да и самым противоположением (впрочем, не произвольным, а продиктованным фактами) русского народа его культурному слою.

Мы уже упомянули, что история этого нашего неразумия или скудомыслия начинается с XVIII столетия. Действительно, древняя Русь была груба, невежественна, слишком причастна татарской практике, но глупою она не была. Никто, конечно, не призна́ет глупости в политике московских князей и царей, Ивана III или Ивана IV, например, — да и позднее. Полагаем, ни Иваны, ни даже Годунов не затруднились бы и в наши дни разрешением смущающих нас вопросов внешней политики и сумели бы управиться, во благо Русской державе, со всякою вновь приобретенною нами землею. Не то было бы теперь с Прибалтийским краем, если бы Грозному удалось довершить свое завоевание... Вообще все присоединенное древнею Русью пристегнуто ею крепко и неразрывно. Русская колонизация допетровских времен совершила обширные, прочные мирные завоевания, ставя в самых отдаленнейших пределах сёла, церкви и монастыри (которые мы теперь упраздняем [16]); жизненная сила национального духа была такова, что всякая окраина срощалась органически плотно с государственным телом. Совершенно не то — со всеми завоеваниями России с XVIII века: они до сих пор или еще не срослись, не претворились в нераздельную часть нашего организма, или же плохо заселены и колонизованы, да и колонизованы-то большею частью приглашенными иностранцами, без пользы для государства. Этот факт налицо... Впрочем, даже и в начале XVIII века еще не успел тотчас вполне избыть во всех русских деятелях дух народный, древний дух исторический; цивилизация еще коснулась только внешности, не извратила еще совсем их умственного склада, не выпорожнила начисто из памяти предание старины. Так, дипломаты, например, времен Петра, Елизаветы еще отличаются здравомыслием, деловитостью и сознанием своего народного достоинства. Екатерина II силою своего личного ума еще способна ценить эти свойства и отчасти поддерживать их. Но, по мере того как русские руководящее классы становятся культурнее и цивилизация проникает их духовное естество, все более и более скудеет творчески государственный разум, сильнее мутится здравый смысл, трещина, данная русскому организму Петровской реформой, все шире разевается, родная земля уходит из глаз, история — из памяти, и, по замечанию И. Е. Забелина (в № 24 «Руси») [17], XVIII веку под конец не только XVI, но и XVII век становятся совсем непонятны [18]. С начала же XIX столетия, особенно с водворением бюрократического режима, заимствованного у Франции пресловутым Сперанским, наша отчужденность от народа и народности, наша неспособность уразуметь живой смысл русской действительности быстро направляются к своему апогею, и раздвоение России на настоящую и ненастоящую, на подлинно историческую и поддельную выступает во всей своей яркости. К этой первой, настоящей и подлинной, России принадлежал и продолжает еще, слава Богу, принадлежать (пока еще не сбили мы его с толку), русский народ в тесном значении этого слова, спасая себя и нас... В сущности, после Петра только то в исторической жизни России за эти без малого два века и было велико и плодотворно, что́ так или иначе обусловливалось непосредственным участием народа, — то действие, где приходилось или ему самому выступать деятелем, или же самой правящей интеллигенции с ним считаться, применяться к его весам и мере. Все же остальное носило на себе печать неумелости, невежества родной страны, ее истории, ее потребностей, ее заветов — печать антинациональности, мертворожденности и вместе с тем пошлости, пошлости беспредельной и мощной... И как бы ни кичились мы, сверхнародные обще-

ственные классы, своею культурою, не можем мы заглушить в себе болезненного, тоскливого чувства, что мы живем жизнью *не настоящею*, что вот мы уже чуть не двести лет всё что-то представляем, всё силимся чем-то *казаться*, но не умеем *быть* — что пошлость, разъедающая пошлость, как казнь, преследует нас по пятам! И вот даже и к концу XIX века обретается вся наша интеллигенция расписанною по Табели о XIV немецких рангах, и столицею русского народа и Святой Руси — город с немецким прозванием, чуть не за русским рубежом, где-то на ингерманландской трясине, лицом к Европе, задом к России: достойная иллюстрация этого исторического периода!

Однако какой же из этого следует вывод? Не тот ли, что, чем культурнее, тем слабоумнее, чем сильнее цивилизация, тем слабее здравый смысл? Вывод, по-видимому, чудовищный. Неужели и в самом деле

Нам просвещенье не пристало,
И нам осталось от него
Жеманство — больше ничего! [19]

Предвидим заранее взрыв негодования, особенно со стороны тех, что́ числят себя «на уровне европейского прогресса», и целый поток соответственной брани и обвинений в мракобесии, во вражде к науке и просвещению, и т. д., и т. д. Но такому дешевому и притом самодовольному негодованию отдадутся лишь именно те, коих можно признать по преимуществу представителями «глупости» — той исторической глупости, о которой идет наша речь. Не с ними и наша беседа; вопрос поставлен не нами, а самой жизнью и требует разрешения. Что́ же, культура ли виновата, — мы ли, русские, виноваты, оказались неспособными к культуре?.. Но западноевропейская культура там, у себя на Западе, не только не оказывает такого печального, отрицательного, разрушительного воздействия на общество, как у нас, но укрепляет ум и волю, раскрывает и развивает внутреннее содержание народного духа и приносит, правда, рядом и с гнилыми, обильные благие плоды. Значит ли: только *нам* она не годится? Но почему? Потому ли, что она западноевропейская, чужая, и собственно к нейто мы и оказываемся неспособными? В таком случае следовало бы предположить, что мы способны были создать свою особенную культуру помимо Запада и не создали ее только по какой-то оплошности, случайно взяв налево вместо того, чтоб пойти направо? Хотя бы и можно было поискать ответа и на этот вопрос вне готового исторического решения, но эти поиски завели бы нас слишком далеко, к новым вопросам о свойствах и мировоззрениях, религиозных и жизненных, Востока и Запада, о роли того и другого во вселенском развитии человечества и т. д. Ограничимся же решением историческим, тем более что ни прочие восточные или православные славянские племена, позднее нас выступившие на арену истории, ни даже современные греки с прирожденным им, повидимому, духовным наследством Эллады и Византии не проявляют признаков самостоятельной культуры.

Нет сомнения, что так называемая западноевропейская «культура» — достояние общечеловеческое, тем более что она и не есть создание одного Запада, как у нас теперь привыкли его определять, а восприняла в себя и весь культурный подвиг Древней Греции, и все умственное и духовное богатство Рима,

и с Востока свет веры Христовой; она — *этап* на пути всемирно-человеческого просвещения, — которого, стало быть, миновать нам было невозможно.

Там солнце мудрости встречали наши очи! [20] —

говорит Хомяков про Запад, призывая «дремлющий Восток» к пробуждению... [21] Но дело в том, что не все в западной культуре принадлежит к области всемирно-исторической и общечеловеческой: на многом лежит характер местный, случайный, временный и чисто внешний. Прежде же всего необходимо точнее определить этот термин: «культура», которым вытесняется теперь старый термин «цивилизация» и который в обиходной речи употребляется безразлично — вместо слов «образование» и даже «просвещение». Однако, в сущности, эти два понятия: «культура» и «просвещение» — вовсе не тождественны. Собственно ведь только *просвещение* «есть на потребу» [22], и если можно спорить о том, способен или неспособен такой-то народ к культуре, то едва ли можно усомниться в способности какого бы то ни было народа к просвещению наукой и знанием, — раз он мог воспринять свет истинной веры и устранены внешние препятствия к его развитию. Различие между обоими терминами можно всего лучше пояснить наглядно. Странно было бы выразиться, например, про кафешантаны, каскадные песни [23] и тому подобные развратные зрелища, что они «плод *просвещения*»; но что они плод современной цивилизации или культуры нравов — это выражение верно. «Культура», в сущности, — понятие внешнее, чуждое определенной нравственной подкладки и даже определенного содержания. Этот термин, взятый из области садоводства, означает возделку, обработку, воспитание. В высшем своем смысле, в связи с идеей просвещения, он знаменует собою, пожалуй, возделанный, воспитанный веками ум человечества; но в обыкновенном значении под ним разумеется отражение возделанной знанием мысли и духа в людском общежитии — утонченность нравов, инстинктов и вкусов, — безразлично — в каком, добром или недобром, смысле. Известно, что слишком усердная культура губит растение. Яблонь холеная, гретая, выросшая в навозе, дает плоды вкуснее и нежнее яблони, выросшей на воле, в природном грунту, — но первая хилее и кратковечнее...

Великому историческому организму, какова Россия, призванному ко всемирной роли, неминуемо было приобщиться общечеловеческого просвещения и поработать ему самостоятельно всеми дарами своего народного духа. Призвание России, как уже выразились мы однажды, — примирить в себе односторонности Востока и Запада, претворить духовные богатства того и другого в одно великое целое. Но тут-то, при столкновении с Западом, и вышло роковое qui pro quo *. Вместо *просвещения* мы погнались или нас погнали прямо за *цивилизацией*, или культурой, в ее чисто внешнем смысле, не различая общечеловеческого от местного, национального, вечного от временного, непременного от случайного: при этом мы отреклись или нас принудили отречься от себя самих, от своей народной личности, от своих исторических преданий, даже от права на свою духовную самобытность. Культура — явилась к нам именно как *чужая*, а не как общечеловеческое достояние, — явилась притом с презрением и враждой к хозяевам дома; не как гостья, а как госпожа. Она не свободно, не

* недоразумение, путаница (*лат.*).

органически прививалась к стране, а при помощи самого грубого, жестокого, поистине варварского насилия, налагая на просвещаемых цепи духовного рабства... Зато и подражание истинно рабское, обезьянство в подлинном смысле слова извратило весь основной дух государственного строя, исказило его до самых мелочей...

Добрый чернозем навóзить — только портить; для того чтобы семя пустило рост и уродилось, нужно чернозем лишь глубже вспахать. У нас такого глубокого вспахивания в родной почве не производилось, а выделивши часть чернозема (оставив, к счастию, прочее необъятное пространство с народными массами впусте), соорудили одну колоссальную казенную оранжерею, куда и загнали «господ», или высшие общественные классы, — куда и не пощадили навоза, лучшей культуры ради. Двери в оранжерею были, впрочем, открыты и для низших сословий, но всё приобщавшееся к «культуре» немедленно становилось служилым, получало ранг, поступало в «господа». Одним словом, вся наша культура взята была в казну; русское просвещение выросло не в грунту; русская интеллигенция — питомица казенной теплицы. Садовник же был более усерден и тяжел на руку, чем искусен, тоже ведь понаслышке да наглядке, коекак поучился и не успевал, да и не всегда умел разобраться ни в семенах, ни в искусственных удобрениях, так что подчас вместо сладкого горошка — глядишь: чертополох, вместо апельсина — тыква!.. А кругом оранжереи с ее искусственным воздухом и навозом, с ее слабосильными деревьями — заброшенные черноземные поля, полные растительной мощи, ждущие только добрых семян! Если кто оттуда, из народных масс, когда-либо возжаждет просвещения — не угодно ли в теплицу, с чистого чернозема на навоз, в спертый воздух, где и произрасти чахлым и дряблым растением!..

Но бывало, что поднавозный природный грунт проявлял-таки свою силу, и вырастали неожиданно деревья мощные, которым душно и тесно становилось в теплице, которые нехотя кривились и изгибались в своей тюрьме и успевали подчас просунуть свои крепкие ветви на вольный простор, сквозь щели расседающейся от времени оранжереи... Да, являлись высокие, чудные таланты и в нашем «культурном» слое, и вынуждены были они поневоле кривиться и изгибаться, и не могли достигать полноты подобающего им развития благодаря своей неестественной, отрешенной от родной народности атмосфере. История нашей литературы и нашего искусства есть именно история этой борьбы талантов с фальшивыми условиями культуры, — и чем сильнее талант, тем болезненнее и тоска его по родной почве, тем напряженнее усилия вырваться на простор из своей культурной темницы. Потому-то и замечательна наша историческая «глупость», что людей не только даровитых, но и умных и даже ученых у нас немало (хотя слабоумия и гниломыслия — богатство!); но в том и горе, что этот ум, даровитый, даже обогащенный наукою, воспитывается, развивается, мыслит, творит в отвлеченном пространстве, в атмосфере искусственной, без прикосновения с живым воздухом, без непосредственной органической связи с родною реальною жизнью, — а потому и нет в нем здоровья, и весь проникается он отрицанием... И какими призраками, какими фантазиями, какими абстрактами — дикими, нелепыми, чудовищными — населена эта атмосфера, — от насаждения кукурузы в Архангельске до аристократических на английский манер конституций, до бессознательного предательства, измены родной стране, до белой горячки замыслов революционного нигилизма! И из

этой-то теплицы, с ее подчас тропическою температурой, даже посейчас вербуются сеятели для нашего холодного климата — вербуются чиновники и сановники для управления русским народом и Русскою землею!

Просим извинения у читателей, что слишком, может быть, увлеклись метафорической формой. Но полагаем, что при ее помощи всего яснее раскрывается причина: почему мы в нашей публичной жизни и публичном делании так печально, так трагически *несостоятельны*, почему — как и золота — так мало у нас в обращении и *ума*, — почему могло сказаться и никого не удивить горькое слово: «Мы глупы и бедны!» Правда, оранжерея наша приходит всё более и более в ветхость, разросшиеся насаждения всё сильнее выпирают стекла и стены, — но этого недостаточно. Всего умнее в настоящее время открыто сознать и признать это наше невольное скудоумие как плод нашей оранжерейной культуры и устремиться к тому, чтоб просвещения семена падали прямо в грунт, глубоко, в чернозем родной почвы и возрастали на родном, вольном воздухе. Нет поэтому большего врага истинного, плодотворного для России просвещения, и более болезненного продукта русской казенно-тепличной культуры, как та наша «интеллигенция», которая наипредовольна собою, горделиво сама себя величает этою кличкой и, исповедуя космополитизм, презирая русскую духовную самобытность, плюя на русские исторические предания, на всё, чем в сущности живет, держится и нас самих спасает народ, мнит себя быть истинной представительницей русского народного ума и народной мысли и вопит благим матом, при всяком обличении ее глупости, что «Русь» компрометирует в глазах народа науку и просвещение!!!

Дошли ли мы, одаренные и умом, и всяким духовным богатством, до предела своей умственной и духовной несостоятельности? Или наша «историческая глупость» ни в сфере «интеллигенции», ни на поле бюрократическом — еще не сказала своего последнего слова?..

<ПО ПОВОДУ ПОХВАЛ ЛЖЕЛИБЕРАЛЬНОГО «РУССКОГО КУРЬЕРА» В АДРЕС ГАЗЕТЫ «РУСЬ»>

Только что ответили мы мнимому консерватору[1], как приходится ответить голосу из противоположного лагеря — из того самого, который гордо красуется кличкою «либерального», но который мы не переставали и не перестанем называть мнимо-либеральным. Сотрудник и вдохновитель газеты «Русский Курьер», граф Петр Кутузов (не Арсений)[2] в 55<-м> № этой газеты выдает нам похвальным рескрипт, или аттестат, не только от имени своего стана, но и от имени (excuses du peu*) «всей правомыслящей России»[3] за оказанную статьею 4-го № «Руси»[4] «на пользу торжества правды и просвещенного, гуманного правосудия». — Благодарны за сочувствие, верим искренности графа Кутузова, жалеем, что он выражается слишком уж многословно и высокопарно, и ответим ему в кратких словах.

Мы, прежде всего, не понимаем, на каком основании присваивает почтенный автор своему лагерю какую-то монополию сочувствия реформам покойного Государя[5]. Почему сочувствовавших или сочувствующих освобождению крестьян или новым судебным уставам — причисляет он к сонму бывших западников, величающих себя теперь в печати «либералами», или «интеллигенцией» по преимуществу?!.. Те, которым они же дали кличку «славянофилов» и над которыми сорок лет глумились, да и поныне не перестают издеваться, были едва ли не первыми проповедниками необходимейших реформ и во всяком случае самыми деятельными работниками в совершении многих важнейших преобразований прошлого царствования, — вовсе, однако же, не во имя какой-либо западной «либеральной» доктрины, а во имя требований общечеловеческой и *русской* народной правды. Сохранение, например, крестьянской поземельной общины, мирского самоуправления, да и самый надел земли, равный для всех без различия, — вовсе, кажется, не входили в программу наших «либералов» да ведь и не преподаны как образец для подражания западною цивилизацией?!.. Если же вообще в реформах Александра II оказываются некоторые *элементы фальши*, так именно во столько, во сколько в новые учреждения и порядки успел проникнуть дух доктринерства, дух чисто *западных либеральных* теорий. Этого духа разве отрешились теперь «Курьер» и прочие органы глаголемой «либеральной» печати? Мы этого как-то не замечали. Воспевая гимны деятелям «Великого Реформатора»[6], не толковали ли они разве и об «увенчании здания»[7], и о «правовом порядке» в таком смысле, в каком мы сочувствовать им не можем? Разве не отрицали и не отрицают они в то же время и чуть не ежедневно право русского народа на «самобытность в сфере политических идей» (sic, — это было напечатано!)? Да и вообще русская духовная «самобытность», как это довольно известно, претит нравственному существу наших мнимых либералов горше полыни, — что́, впрочем, очень понятно и даже

* не взыщите (*фр.*).

извинительно лицам, которых все идеалы — там, в Западной Европе; которых весь образ мыслей, умственный и нравственный строй определяется чуженародным критериумом; для которых вся история допетровской России есть, по выражению Хомякова, не более как *девятисотлетний рост будущей обезьяны!..*[8] Есть много и других вопросов, разделяющих нас с почтенными ратниками так называемого либерализма. Мы, например, нисколько бы не желали, чтобы в той или другой «либеральной», хотя бы и легальной, форме могли они выдавать себя за русский народ, а свои измышления — за выражение его чувств, мысли и воли: мы находим также, что в своем «демократизме», «гуманизме» и пр. наши мнимые либералы несравненно более придают значения насущному хлебу, чем тому хлебу духовному, который русскому народу дорог паче насущного...

С некоторых пор, впрочем, «Русский Курьер» стал весьма часто на своих страницах ссылаться на «христианство» и «христианское учение». Это нововведение делает ему или собственно графу Кутузову большую честь и подает добрые надежды на будущее[9], но пока... да простит нас гр. Кутузов за откровенность — едва ли не производит оно еще бóльшую путаницу в его понятиях. Дошло до того, что «Русский Курьер» во имя христианской любви осудил русский народ — зачем-де он освободил (ценою своей крови) христиан-болгар от магометанского ига, так как, по умозаключению «Курьера», это не согласно-де с текстом Евангелия. Болгаре, — рассуждает он, — обязаны были продолжать платить дань султану, так как султан-де «тот же Кесарь», а ведь «Кесарево — Кесареви»![10] Освобождать болгар надо было-де мирным способом, посредством предварительного «насаждения культуры»!..[11] Выходит по этому рассуждению, что Россия согрешила тем, что, побив Мамая на Куликовом поле, избавила таким способом сынов своих от татарского ига и что Святый Сергий, благословивший на подвиг Пересвета и Ослябю, куда как ниже разумел обязанности христианской нравственности, чем «Русский Курьер»... Все это, конечно, опровержения не заслуживает, но не заслуживает и гнева, — дело для газеты ведь новое: дочитается со временем гр. Кутузов и до текста: «Больше же сея любве никто же имать, да кто душу свою положит за други своя»...[12]

Еще два слова. В лагере так называемом консервативном есть все же одна сторона, по крайней мере у многих, которой мы не встречаем в лагере так называемом либеральном и с которою мы не можем не сочувствовать, как бы ни расходились в воззрениях: это — любовь к русской народности и народу, это — живое чувство национального достоинства и чести, — чего мы никак не усматриваем ни в брошюрах гр. Кутузова, ни в статьях «Р<усского> Курьера» — ну хоть бы по поводу Скобелева...[13]

Впрочем, гр. Кутузов — человек искренний, а потому и рекомендуем ему чтение и изучение сочинений Хомякова, К. С. Аксакова, Ю. Ф. Самарина; может быть, он мало-помалу и выберется на прямую дорогу.

<ГДЕ ГРАНИЦЫ ГОСУДАРСТВЕННОМУ РОСТУ РОССИИ>

«Не остановил наших долгополых и длиннобородых “мудрецов XVI столетия”, — так скорбит Е. Л. Марков в статье своей, напечатанной в 13 № “Руси”[1], — предел, созданный Богом между Европою и Азиею: удалая русская сила перешла за *Камень*[2], удальски захватила Сибирь... Это был, — по мнению почтенного автора, — вредный шаг для будущего развития русского народа, послуживший программою множеству других позднейших шагов в том же духе, по тому же направлению...» «Сначала форт Перовск[3], потом Ташкент, Хива, Бухара, Ферган[4], потом Ахал-Теке[5] и, наконец, Мерв!..»[6]

Приведем еще несколько строк из статьи «Глиняные приобретения», в которых мысль автора выражена с особенною игривостью и картинностью: «Шаг за шагом, незаметно, каким-то роковым, будто невольным образом оттянуло нас от себя самих, от своих собственные интересов, от Европы и европейского, — и утопило сначала по колена, потом по горло, а теперь уже выше макушки — в азиатчине, в дичи всякого рода... Да поможет же нам наш русский Бог избавиться с этой поры на веки вечные от всяких подобных приобретений! Да набьет нам наконец оскомину в нашем неизлечимом *зуде* расширенья пределов хотя этот глиняный, безводный, безлюдный, ни на что нам не нужный Мерв!»... «Куда же, куда наконец еще двигаться нам?.. Довольно, пора остановиться, пора оглянуться на свои мозоли, на свои лоскутья и *начать жить* своею собственною внутреннею жизнью, неустранимыми интересами крови и плоти своей. Пора, наконец, нам знать, где кончаются стены *нашего* дома и где начинается чужбина!»

Где кончаются стены нашего дома?! В том-то и дело, что стены его еще не вполне выведены, да и самый фундамент не везде заложен! Если в наши дни и можно уже предугадывать конечные пределы русского государственного здания, так все же наперед нужно к ним вплоть подойти: отдыхать, останавливаться еще не настало время... Бесспорно, суров наш русский земной жребий, но не мы его избрали, а потому не лучше ли без ропота и уныния — напротив, с бодростью и верою в свой исторический рок — довершать начатое? Удивительна в самом деле судьба России! Вот уже вступила она во *второе* тысячелетие своей государственной жизни, и все еще не сложилась, все еще пребывает в периоде *формации*, — формации даже внешней, географической. На втором десятке веков русский народ у всего мира слывет еще «молодым», да таков он и есть. Известный путешественник, исходивший Россию вдоль и поперек, Уоллес Мекэнзи[7] дивился тому, хотя и не без иронии, что нигде так легко не относятся к *настоящему*, как в России: «У вас все и всякий, — говорил он нам, — вольно и невольно сводят речь на *будущее*»... Это действительно характерная черта, которая сама собой сопоставляется с вышеупомянутым замечанием о недовершенной формации и о молодости народа — на одиннадцатом веку его государственного бытия!.. Молодости, конечно, свойственно иметь взор, вперенный в будущее, чаять себе *свое*, новое дело в жизни и не совсем свойственно повторять зады. Тут нет ни заслуги, ни достоинства, это простой физиологический

и исторический факт, с которым, как он для многих ни грустен, следовало бы, кажется, примириться, да и понять, что не совсем-то удобно подгонять такую страну, в настоящую ее пору, под мерку других, совсем зрелых и отчасти даже перезрелых политических стран и ради уравнения с ними насиловать законы возраста и естественного развития...

Нам заметят, может быть, что и прочие современные европейские государства вовсе не кончили своего сложения: и расширяют свои границы, и заводят колонии, но притом всё же знают твердо, чего хотят... Последнее пусть и справедливо, но мы тем не менее утверждаем, что все они в свое время, более или менее полно, *уже определились* и географически, и исторически как национально-политические тела; если потом и видоизменялись границы, то не органическим, а насильственным или искусственным путем или как историческая случайность. Франция, например, давно достигла полноты своего естественного *роста*, — и наполеоновский эпизод в начале века был не более как внезапный, беззаконный разлив реки, которая, охватив своими водами широкую окрестность, ушла потом снова в свои законные берега. Лет пятнадцать назад у нее отвоеваны две когда-то присвоенные ею себе, в сущности немецкие провинции[8]; это, пожалуй, увечье, которое она, без сомнения, будет стараться исправить: жребий войны, может быть, со временем и возвратит их ей, может и не возвратить, — но никакого права органической необходимости в обладании ими не заключается. Италия?.. Но, назвавши ее, вы уже очертили в своем уме ее полный географический и этнографический образ, независимо от того, раздроблена ли она на несколько королевств, республик и владений разных наименований, — организовалась ли в федерацию или же (с *чужою*, впрочем, помощью) в единое государство[9]. Правда, для довершения своего нового случайного политического образа ей предстоит еще присоединить к себе кое-какие земельки, зачисленные теперь в Австрию, и в этом смысле можно, пожалуй, сказать, что Италия еще не «сложилась»; но кому же не ясно, что это окончательное объединение требуется не столько необходимостью или силою взаимного тяготения, сколько «принципом»; в сущности ведь Далмация[10], например, и даже Истрия[11] с Триестом[12] — земли не итальянские, а славянские. Про Великобританию и толковать нечего: она *ограничена* кругом водами Океана и, присоединив Ирландию[13], — сформировалась вполне. Что же касается до *колоний*, которыми обзавелась она во всех частях света, которыми богата также и Франция, которых немало и у Испании с Португалией, и у Голландии, — то колонии никак не составляют принадлежности самого государственного *телосложения* этих стран: это уже, скорее, деторождение, кладка семян *сложившегося* организма, отпрыски совсем выросшего и зрелого дерева. Несравненно труднее определить современное положение Германии... Для нее, конечно, вопрос о формации существует или, вернее, — вновь поставлен историей во образе новосозданной Германской империи; настоящие границы последней, очевидно, не соответствуют ни ее титулу, ни знамени. Но, не говоря о том, что самой этой империи с ее притязаниями всего-то, по русской поговорке, без году неделя, и за будущность ее, когда сойдут с исторической сцены ее славные зиждители, никто поручиться не может, — процесс образования этой империи прежде всего объект внутреннего домашнего спора Пруссии с Австрией, Германии протестантской с католическою. Германии же вообще, как бы она политически ни сложилась, под одним ли скипетром или под двумя — Гогенцоллернов и Габс-

бургов, не трудно, однако, в наше время распознать, где кончаются стены ее политического дома и где начинаются чужие, и с точностью определить себе границы. Тем не менее нельзя не признать факт непрестанного *движения* германского *племени* и постепенных, за внешними этнографическими и политическими пределами, завоеваний — *германизации.* Этого факта никак не следует смешивать с органическим ростом, с естественным ходом формации, с удовлетворением законной необходимости дойти до прочной и удобной границы, какую мы, например, испытываем на Востоке. Одаренный бесспорно мощным национальным духом, но притом и совестью, по отношению к другим племенам самою неробкою и широкою, чуждою каких-либо зазрений и соображений нравственного порядка, — полный самомнения и веры в свое право, т. е. в право силы и твердого корыстного хотенья, — германец не поневоле, не ради необходимости отыскать себе прочную границу, а весьма сознательно и предумышленно, из жажды к добыче и из властолюбия, всегда переступал свои естественные этнографические или установившиеся политические рубежи и шел от захвата к захвату, огнем и железом, *igni et ferro* [14] (недавно вновь возглашенный Германией *принцип*! [15]), пользуясь сравнительно слабостью политической организации соседей — главным образом нашей братии — славян. Наибольшая часть той Германии, где всего сильнее клокочет теперь германский патриотизм, сидит на костях целых славянских племен, истребленных мечом немецким (как в Померании, т. е. на Балтийском Поморье), или вообще на подпочве славянской, и, конечно, теперь стала бесспорно уже «немецким домом». То же творил германец и во образе Австрии (мы о ней отдельно не говорили, потому что какое же это государство? — это какая-то временная династическая комбинация [16]), но творил с меньшим успехом по недостатку сосредоточенных в ней чисто немецких сил. Германии можно бы теперь по отношению к славянскому миру и поуспокоиться; тем не менее германец, под видом ли новой империи, или монархии, Габсбургов, прет и теперь и на Восток, и на Юг, в чужие, именно славянские же земли, проникая туда отчасти насилием и обманом, отчасти воздействием мощной своей культуры; но повторяем снова: такое стремление никак не может быть отнесено на счет законной потребности телосложения и естественного роста. Можно надеяться, что германизация встретит наконец могучий отпор в пробудившемся или еще пробуждающемся славянском самосознании и начинающем даже слагаться славянском мире; и если немецкий беззаконный Drang *[17] не приостановится, то, разумеется, быть грозной со временем встрече германского и славянского миров.

Просим извинения у читателей, что так далеко увлеклись в сторону. Хотя Россия несомненно стоит во главе славянства и вся его сила в ней, но в ней славянская стихия не исчерпывается только этнографическим племенным определением и скромною задачею политической независимости, как для прочих славянских племен, а призвана к мировому самостоятельному значению, обок с мировым же историческим значением европейского Запада, во образе европейского Востока, или собственно Русского государства. Оставя общеславянский мир пока в стороне, — к вопросу о нашей собственной, еще не оконченной формации и возвратимся. Если г. Марков, тоскуя о том, что Россия слишком подалась от Запада на Восток, напоминает ей, что подвиги «цивили-

* натиск, наступление (*нем.*).

зующей и морализующей миссии на Востоке», за которые коварно восхваляют нас теперь немцы, нам не к лицу, по смыслу приводимой им пословицы: «не до жиру — быть бы живу» [18], то именно это самое обстоятельство, что русские не «от жиру», как немцы и англичане, движутся вперед, — не оно ли и доказывает, что русское движение вынуждено каким-то историческим роком? И действительно — отложим пока вопрос о Сибири (о которой речь впереди), — история свидетельствует, что не завоевательные похоти, не жажда военной славы и не «донкихотские», по выражению почтенного писателя, «подвиги восстановления истины во всех углах и племенах мира» сказались в государственном сложении Руси почти от начала и до сего дня. Еще историк Соловьев заметил, что нынешние рамки европейской России намечены с самого почина ее исторического бытия [19]. Так ведь что́ же? Россия и до сих пор даже еще и не вступила в эти свои рамки, в продолжение десяти веков! Да и рамки-то эти были намечены лишь с запада, с севера и юга; в сторону же к востоку — никакой границы! какая-то res nullius *, с полудикими инородческими племенами, степь да леса, так что и стены утвердить негде! Первая пора нашего государственного зачатия связана с Варяжским морем [20], с путем из варяг в греки через Киев по Днепру и Черному, или Понтийскому, морю, «*иже море словеть Руськое*», как говорит Нестор и на что́, между прочим, указывает и сам г. Марков. Стали было мы утверждаться вдоль западных и южных этих рамок, уперлись в Карпаты, спустились к Дунаю, сели и в Тьмутаракани [21]; Ярослав воюет чудь, воздвиг город Юрьев... [22] Но нагрянули немцы-крестоносцы (в борьбе с которыми князь Александр получаете прозвание *Невского*); но откуда-то только взялись всякие печенеги, половцы, торки [23], берендеи [24], оттеснили нас от родного моря; но нахлынула страшная беда татарская, и Русь была сдвинута с своей первоначальной основы и на севере, и на западе, и на юге. И вот, после долгой, долгой монгольской муки и тьмы, после долгих, долгих разнообразных испытаний, только лишь в начале XVII века снова становятся *нашими* Варяжское море, Нева, гор. Юрьев. Только лишь в этом веке, не ранее, окончательно возвращается России ее колыбель и купель, «мать градов русских» — Киев [25], а всю юго-западную и северо-западную полосу России, где совершился, так сказать, вешний, киевский период ее истории, мы вернули себе лишь в конце XVIII столетия благодаря трем разделам Польши. (И это-то законнейшее *присвоение своего* до сих пор не только сознательно-фальшивый либерализм Западной Европы, но и тупоумно-лжедушный либерализм наших собственных российских интеллигентов еще продолжает нам ставить в вину!..) А границу Владимира Святого на Западе мы так еще и не восстановили, — эту не только древнюю, историческую, но и самую естественную нашу границу: Русь Угорская и Русь Галицкая еще остаются отторгнутыми от России, — но само собою разумеется, рано или поздно должны примкнуть к ней.

А Черное море, «иже словеть Руськое», — какую тьму азиатчины в течение целого ряда веков должны мы были вытеснить и выпереть из южных степей только для того, чтоб *добраться* до него, — что́, наконец, и совершилось при Екатерине II! Но оно и до сего часа не стало еще русским... [26]

«Перелезли через Урал, стали лезть *через Кавказ*!» — восклицает с огорчением г. Марков. Да как же не лезть? Может ли Черное море стать русским (а без

* бесхозная вещь (*лат.*).

того Россия так и останется навеки недоноском), пока мы на нем не хозяева, пока плавание на нем для русских судов не безопасно, пока берега его принадлежат враждебным нам силам? Не очевидно ли, что вслед за северным его побережьем мы обязаны были, волей-неволей, усвоить себе и Кавказский его берег со всеми на нем племенами (не говоря уже о том, что единоверная нам Грузия с Имеретией уже с начала XVII века толкались к нам в двери, прося защиты от Персии и всяческих мусульман)? Но усвоить себе Кавказский берег нельзя иначе, как овладев всем Кавказским перешейком. «Стали лезть через Кавказ!» Не останавливаться же у подошвы Кавказского хребта под вечною угрозою обитающих в горах разбойничьих разных племен? Не обязаны ли мы были обезопасить себе Кавказские владения от всяких азиатских нашествий извне? И перелезли, и взяли Батум и Карс [27], и поползли по азиатскому берегу, и будем ползти, пока не сядем верхом на проливах, чем и приобретем себе наконец естественную границу, не нарушая к тому же ничьих *законных* прав: тут южная стена нашего *русского* государственного дома!..

Но г. Марков готов, по-видимому, еще помириться с этим движением к югу; его смущает и тревожит главным образом наше распространение на восток, к «желторожим халатникам», к «дичи всякого рода», «далеко от Европы и европейского...» «*Подлинно-русские рубежи*, за которыми стелется сплошная и неподдельная русская сила», по его мнению, находятся около Волги. Так, — да самые-то эти «подлинно-русские рубежи», вплоть до которых простирается «цельная и неподдельная русская сила», давно ли они стали такими? Целых *семь* веков русской государственной труженической жизни понадобилось лишь для того, чтоб занять главные пункты на Волге — Казань и Астрахань! [28] Только ведь занять! Каким же иным образом могло совершиться на этом громадном степном и лесном пространстве, заселенном разными инородцами, создание *сплошной* и *цельной* русской силы *там, где ее не было и помину*, как не тем же самым процессом распространения на восток, «далеко от Европы», который подвергается такому порицанию со стороны г. Маркова! Ведь населения русского, даже и со всевозможными финскими племенами, всегда было слишком мало и для *первоначального* простора Русского государства; в этом отношении мы страдали *худосочием*, по выражению нашего автора, даже и в 1222 году, когда основали Нижний Новгород. И тогда совопросник века того мог бы возвать к нам: «Куда, куда двигаетесь вы? Не пора ли оглянуться на свои мозоли, свои лоскутья» и т. д.? Но раз неумолимою судьбою повелено нам жить не у «Адриатики», «не рядом с греком и с итальянцем», раз что посажены мы на верховьях Волги и дана нам в удел вся эта необъятная равнина, простирающаяся до самых низовьев последней, то и нужно было добиться упорным трудом — чтобы вольно было русскому люду спускаться «вниз по матушке по Волге» [29]; нужно было поискать равнине кра́я, претворить ее в русский устроенный дом. И задана эта задача, и исполнена нами в то самое время, когда вдаль и вширь этой равнины, ничем не перегражденной, навстречу нам с волжских же низовьев несся, все окрест затопляя, бурный татарский поток. И без того тяжкое дело государственного телосложения должно было, казалось, рухнуть совсем от такой злейшей напасти! Предстояло не только сохраниться живу, но и обратить татарский поток вспять; предстояло в постоянной борьбе с татарами продолжать работу государственного зиждительства, сплотить свои лоскутья в целину неразрывную, расти, множиться, шириться и, постепенно

тесня, — загонять лютую азиатчину до самых ее источников и там ослабить, обезвредить ее навеки... Каково вспомнить, что еще в первые года царствования *Екатерины II* подвергалась Русь татарским нашествиям (правда, уже с юга, а не с востока)!

Поистине, можно только дивиться колоссальному подвигу, совершенному нашими предками! Как не потеряли они мужества, долготерпения и веры в призвание Руси при тех трудах и бедах, которыми сопровождалось ее домостроительство! Как сумели они одолеть все невзгоды, все преграды, которые беспрестанно воздвигала наша собственная малонаселенность, бедность, необъятность расстояний, суровый климат и, наконец, скудость знания?.. Пожалуй, подсмеивайтесь себе над выражением о «подвиге, цивилизующей и морализующей миссии», но разве это не подвиг, достойный именно такого именования, — создать на всем этом пространстве сплошную, христианством просвещенную русскую силу, — и чуть не целую часть света призвать к поприщу всемирно-историческому? И подвиг этот совершен старою Русью без малейшего самопрославления, в простоте и даже смирении, и не á la Кортец и Пизарро, без возбуждения чувств ненависти и злобы (всюду, например, посеваемых англичанами) — не столько внешним насилием, сколько мирным процессом духовного и органического сращения.

«Наши долгополые и длиннобородые мудрецы XVI столетия, — говорит г. Марков, — еще не могли вполне уразуметь жизненной необходимости своего народа», которая, по мнению автора, заключалась в том, чтоб, наконец, «*отдохнуть* от тяжелых испытаний судьбы, от вековых объятий невежества», придти «в общение с народами, которые за эти печальные века» русской истории, «века войны и безурядицы сумели выработать высокое искусство, глубокие знания, тонкое общежитие».

Попрек нашим предкам несправедлив. Разве Россия в XVI веке уже окончила свое сложение и разве именно эти вот самые народы, выработавшие тонкое общежитие, давали ей отдохнуть? Разве, вырываясь из «объятий невежества», не пришлось нам разверзать себе объятия просвещения лишь вооруженною силою? Разве Запад инстинктивно и сознательно не пытался заграждать нам всеми способами вышеупомянутое «общение», опасаясь пуще огня проникновения в Россию европейских знаний и искусств? Роль этого цербера вдоль западной нашей границы усердно исполняла Польша, в то время могущественная, да и Ливония, — и разве, вслед за нанесением двух сокрушительных ударов так долго душившей нас татарщине, т. е. вслед за покорением царства Казанского, царства Астраханского, не воевал Иван Грозный Ливонию[30], чтобы стать в непосредственные отношения к более нас просвещенному Западу, помимо его ретивых *аванпостов*, и не утвердился было совсем на Балтийском прибрежье?..

Странно, что г. Марков в завоевании Сибири видит «вредный шаг» для будущего развития русского народа! Эта целая треть Азии завоевана нами, уже точно можно сказать, на медные деньги, без малейшей растраты сил! Мудро ли было бы отказаться от такого дарового приобретения страны, преисполненной несметных богатств и, строго говоря, никому не принадлежавшей. Да и впоследствии-то, сказать по правде, даже и до сего дня, управление ее стоило и стоит грош сравнительно с громадными выгодами, получаемыми от нее Россиею. Разве Сибирь когда-либо истощала нас, тянула из России соки, служила

и служит помехою в нашем государственном бытии? Напротив, уже как место ссылки она сослужила истинно благодетельную службу государству, — не говоря о том, что она же служила, а теперь в особенности служит источником постоянного обогащения России и одним из важнейших факторов русской торговли. Удивительное дело! Вся Европа ищет себе новых рынков во всех частях света, и в Азии по преимуществу, — а мы тоскуем — зачем нам достался Сибирский рынок, зачем наши долгополые предки не отказались от него и дали, по выражению Маркова, этому «новому царству разбойников, азиатцев, кочевников повиснуть за спиной и *без того утомленного* вечными разбоями русского колосса»... Нашел о чем горевать наш талантливый публицист! Никогда никакого утомления от сибирской ноши спина русского народа не ощущала и теперь не ощущает. Если бы спросить о том русских торговцев (ведь их также надо иметь в виду, ведь ради интересов своих торговцев Англия ценою миллиардов завоевывает себе всюду новые места сбыта!), так русские торговцы только бы развели руками от изумления. Если кто может быть утомлен, так разве петербургский бюрократизм — тоже колосс своего рода. Не умеем мы еще пользоваться Сибирью — это верно, даже до сих пор и связать ее с Россией железной дорогой не умудрились; но ведь это именно благодаря *сему* колоссу, благодаря тому, что наши финансовые и экономические властные политики щупают больше пульс у петербургско-берлинской еврейской биржи, чем у русской промышленности и торговли, страх как боятся прослыть за варваров-азиатцев и вообще с высокомерным пренебрежением «высококультурного человека» относятся к нашей далекой, невежественной азиатской окраине. Хотя, по словам нашего достоуважаемого сотрудника, «Англия, высокопрактическая и прозорливая» (не то что Россия!) «захватывает в свои руки только жемчужины земли» [31], однако, смеем думать, не побрезгала бы она ни Амурским краем, ни Сибирью, — а уж Северо-Американские Штаты и подавно. Последние, конечно, не прочь были бы хоть сейчас захватить все наше Тихоокеанское побережье и всю область Амура, давно скалят на них зубы — и чего доброго, пожалуй, давно бы и проглотили эту нашу северную «азиатчину», если б только в Петербурге возобладали вполне воззрения на нее, выраженные Е. Л. Марковым.

Точно так же законно, естественно и неизбежно наше движение и в сторону Средней Азии. Г<-н> Марков признает Волгу «подлинно-русским рубежом»; но ведь, чтобы стать Волге русскою рекою, необходимо обладание обоими ее берегами, не только нагорным, но и луговым. А луговая сторона кишела всякими луговыми черемисами, вотяками, башкирами... Приходилось ставить для усмирения их городки по Волге, подвигаться далее по луговой степи, — а степь эта упиралась и в Каспий, и в Урал, — тот «Камень», который изобиловал всякими минеральными сокровищами и на который, несомненно, наши мудрые предки смотрели как на драгоценнейшее достояние своих потомков, *России будущего*... Что же до Каспия, то ведь владеть Астраханью — значит владеть устьями Волги, впадающими в «море Хвалынское», как назывался у нас в песнях Каспий [32]; значит — свободно пользоваться морем. А возможно ли было это свободное пользование, когда по противоположному берегу разгуливали хищники, когда рыбопромышленники и торговцы до самых последних времен становились добычею туркмен и хивинцев? Торговое значение богатейшего русского водного пути, каковым была Волга, требовало, чтоб плавание по морю

было для нас совсем безопасно, чтоб путь этот приводил к правильному и упорядоченному сбыту... И хотя г. Марков и говорит, что «Петр и Екатерина круто повернули было нас от татарина к немцу, из Азии в Европу», но автор забывает, что Петр, приобретая себе море на северо-западе, дорожил притом морем везде и всюду, и не только не пренебрегал Каспийским, но, напротив, так его высоко ценил, что и Дербент отвоевал[33], и даже экспедицию Бековича-Черкасского затеял единственно для попытки: нельзя ли повернуть Аму-Дарью на старое русло, вместо Аральского озера в Каспий, и таким образом создать прямой *водный* торговый путь с верховьев Волги вплоть до Индостана![34] Что мысль о таком размахе торговых сношений не была праздною мечтою, это доказывается тем, что у Астрахани и без того кое-какие торговые сношения с Индией действительно были, но крайне затрудненные разбоем кочевников и всяких азиатских орд. Еще в 1844 г. можно было видеть в этом городе обширное, заколоченное кругом, каменное, совсем старое здание, называвшееся «Индийский двор»... Что́ же, сказать ли и про Петра Великого то же, что́ говорит г. Марков выше о наших длиннобородых предках XVI столетия, т. е. что Петр также «не уразумел вполне жизненной необходимости своего народа», что и в нем самом «жил еще настолько кочевник и азиатец», что, как и предки, он «словно волк смотрел только в лес, привык тянуть только к татарину, только к Азии!»

Чтобы владеть Черным морем и сделать его, по завету самой истории, русским, чего желает и сам почтенный автор, необходимо, повторяем, владеть Кавказом; чтоб владеть Кавказом, т. е. перешейком между Черным морем и Каспийским, и вместе с тем пользоваться и устьями Волги — этой главной торговой артерии Русского царства, нужно вполне обладать и самым этим Каспием; нужно, кроме того, держать в известной зависимости от себя Персию, единственное государство Средней Азии (кроме Китая), более организованное, чем другие. Персию, к счастию, нам нет и надобности завоевывать. Только с Ахал-Текинской экспедицией и с ее неизбежным последствием — присоединением Мервского оазиса становится наконец восточный берег Каспийского моря вполне *нашим* и обеспечивается наконец наша торговля с Среднею Азиею — этим естественным и почти единственным заграничным рынком для произведений нашей промышленности кустарной, заводской и фабричной. Присоединение Мерва очень важно еще потому именно, что наконец-то дошли мы до *края* степи, наконец-то усматриваем, кажется, возможность в недолгом времени установить себе не зыбкие, а твердые границы в Средней Азии! Что же до последних, то мы готовы принять мнение «Московских Ведомостей» и думаем, что нам не особенно трудно будет стать в добрые соседские отношения с Афганистаном и иметь его союзником, в том же роде, как и Персию[35], так как никаких завоевательных вожделений относительно Афганистана мы не питаем. Точно так же никогда не мечтали и не мечтаем мы о завоевании Индии; тем не менее, для нас более чем выгодно занимать позицию, благодаря которой мы можем заставить Англию (иначе для нас недосягаемую) стать податливее к нашим законным правам и требованиям на Черном море и на Балканском полуострове... В настоящую минуту решается важный вопрос — разграничения нашего с Персиею и с Афганистаном, к участию в котором, неизвестно по какому праву, допущена и Англия. Дипломатии нашей предстоит теперь показать во всем блеске свое искусство...

Итак, вопреки г. Маркову, ни в одном шаге своего движения и распространения на Восток не подлежит Россия упреку; она лишь исполняла закон необходимости — органический закон своего государственного телосложения, не нарушая ничьих законных правь, не к ущербу, а к выгоде занимаемых ею стран и подчиняемых народов. Но, к тому же, именно с Востока формация России и близится теперь к своему завершению; не завершена она с Юга (т. е. со стороны Черного моря); не завершена и с Запада (Русь Галицкая и Угорская)...

Но если г. Марков и согласится признать тот закон органического развития, который так далеко подвинул нас на Восток, к Азии, то он все же, пожалуй, назовет его, как и теперь называет это движение, — роковым: в самом деле, всякий рост — дело органическое и в этом смысле законное, но можно ведь вырасти и до болезненного уродства; непомерный рост, в ширину например, будучи вовсе непроизвольным, тем не менее может быть и нередко бывает условием слабости. Г<-ну> Маркову уже и теперь мерещится совершенное изменение в положении русской силы — *и к худшему*. «Теперь у России, — говорит он, — выросло своего рода неуклюжее и бездействующее брюхо, выпирающее далеко в глубь Азии, требующее для своего питания громадной затраты ее собственных кровных сил и представляющее, в случае какой-нибудь серьезной опасности, не опору нам, не дружелюбную помощь, а самую *злую*, внутреннюю *болячку*»... «Для энергических внешних действий России, — по мнению г. Маркова, — этот тяжеловесный азиатский прирост будет служить свинцовою гирею, нарушающею естественное равновесие России, связывающею свободу ее движений»... «Какое неестественное напряжение для русских боевых сил, — восклицает далее автор, — хоть бы для того, чтобы из центра России оберегать внешние границы Заравшана или Мерва!»...[36]

Все это говорение, повторяем, по меньшей мере напрасно, и пугала, смущающие г. Маркова (а может быть, и многих вместе с ним) призрачны. Ведь и Сибирь признал он лишнею тяготою, «повисшею за спиною и без того утомленного русского колосса», — которой тяготы сей колосс никогда положительно не испытывал! Масса русского населения в Сибири не ропщет на свое пребывание в этом крае; самое слово «сибиряк» в пределах Европейской России понимается в смысле доброй аттестации, означая русского человека, бодрого и крепкого духом. Это не похоже на злую болячку. Смеем уверить г. Маркова, что и противный ему Ташкент в среде торгующего русского люда, — а он не малочислен, — вполне популярен, да и не один Ташкент, но и весь наш Среднеазиатский рынок!.. Московские купцы помышляют даже об устройстве ярмарки в Баку, месяца за два до начала Нижегородской[37], — именно для того, чтобы стать, так сказать, лицом к лицу с своими покупателями-азиатцами. Нет сомнения, что если эта мысль приведется в исполнение, то последствия ее будут самые благодетельные и для политических интересов России, а выгодами для русской промышленности они сторицею окупят те расходы, которых стоило нам умирение и приобретение среднеазиатских степей.

Далее. Все необъятное пространство наших среднеазиатских владений, в сущности, стоит нам весьма умеренного напряжения сил, которое даже не давало себя и чувствовать в критические эпохи, переживаемые Россией. Много ли поглощает у нас войска хоть бы Сибирь — целая треть Азии?! Да и в Закаспийском крае вóйска-то всего тысяч 40 — и это теперь... В Смутное время в начале XVII века составила ли Сибирь и наши заволжские (тогда ведь те же ази-

атские, с кочевниками и хищными племенами) владения какую-нибудь видную помеху? В 1812 году, когда, по-видимому, России был поставлен вопрос: быть или не быть, — повисшее у нас за плечами царство Сибирское да разные степные орды с неусмиренным Кавказом отвлекли ли от театра войны нужные нам боевые силы? Мы знаем от автора «Семейной хроники» [38], что в 1813 г. примчались на лыжах по снегу в Оренбургскую губернию сибирские остяки [39] спасать Русского Царя от Бонапарта, и их повернули назад — разъяснив, что Бонапарта уже прогнали! Не доходили ли вместе с русскими войсками и калмыки (кажется, с башкирами) вплоть до Парижа? А в последнюю нашу войну — явились ли наши среднеазиатские владения, с Хивой, Бухарой и еще с не усмиренными текинцами, «злою внутреннею болячкой»? Напротив, именно наше положение в Средней Азии могло бы послужить нам великою помощью в этой войне, отвлечь внимание и смирить нахальные козни Англии, если бы только умели мы им воспользоваться и не деликатничали слишком с Европой!

Без сомнения, Среднеазиатской окраиной можно и должно управлять иначе, чем управляется она теперь в наши дни, и несравненно проще, и несравненно дешевле, по примеру наших длиннобородых предков (не худо, кажется, как мы видели, распорядившихся делом колонизации и обрусения Приволжья и Заволжья). Великая опасность именно в том, что забываются уроки этих «длиннобородых» и что мы, пренебрегая собственным историческим опытом и теми орудиями для борьбы с азиатчиной, которые специально выработала нам история, стараемся и здесь подражать европейцам. Но, к счастию, нам это не вполне удается; вот почему — как петербургская штатская и военная бюрократия ни ухищряется европейничать — наше обаяние для народов Востока еще велико, наши отношения к азиатцам не те, что́, например, отношения Британии к Индии, где держится она лишь помощью штыков, ненавидимая туземцами и в вечном опасении, что ее оттуда прогонят! Что-то не слыхать, чтоб добровольно, сами шли к ней в подданство!.. Вот почему, сравнительно, военная охрана Средней Азии стоит нам, в сущности, пустяков. В самом деле, разве ради Азии, ради Востока содержим мы нашу громадную армию, поглощающую чуть не треть государственного бюджета? Ради кого эта страшная «растрата» сил, от которой, применим здесь слова г. Маркова, пора было бы поистине отдохнуть? Ради именно Западной Европы с ее «тонким общежитием». Не Азия, а вечно враждебный нам Запад не дает успокоиться утомленному русскому колоссу!

Если мы сочли нужным возразить почтенному нашему сотруднику, то лишь именно из опасения, чтоб его точка зрения на нашу восточную окраину и его пренебрежение к ней не пришлись слишком по вкусу нашему петербургскому европеизму. Там вообще, может быть, очень были бы склонны многие — пооблегчить дело бюрократического управления России некоторым ее сокращением и некоторым ограничением сферы ее интересов, как на Востоке, так и на Западе. Ни с того ни с сего, например, отказались мы от наших Североамериканских владений, приобретенных русскою торговою предприимчивостью, и обогатили ими Соединенные Штаты!.. Этого «длиннобородые предки XVI столетия», конечно бы, не сделали. Но упреки, делаемые автором системе современной администрации в Средней Азии, повторяем, большею частою справедливы и подтверждаются помещенными у нас статьями генерала Фадеева [40]. Вот об этой-то системе в сравнении с образцами древнерусской системы и о наличности еще в русской жизни некоторых древнерусских элементов, которыми совершалась в старину русская колонизация, мы и поговорим в следующий раз... [41]

<ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЗВАНИЕ РОССИИ>

На многие мысли наводит статья г. Маркова, о которой мы уже говорили в 14<-м> №[1] и которая в живом, талантливом изложении раскрывает целый ряд понятий, неверных, по нашему мнению, но своим внешним лоском основательности и правды — нередко подкупающих умы нашего образованного общества и даже руководящих и властных его кругов. И тем более заслуживает внимания горячее слово почтенного публициста против распространения России на Восток, что сам он никоим образом не может быть зачислен в так называемый «западнический» или вообще тот лагерь, где одна мысль о *самобытном* развитии нашего отечества наводит священный ужас, а призвание России полагается лишь в повторении европейских задов. В прошлый раз мы постарались выяснить неизбежность этого распространения лишь с внешней стороны — как естественный процесс государственного телосложения, как необходимость дойти до нормальных, резко очерченных границ. Но это объяснение, конечно, недостаточно: есть более глубокий, внутренний смысл в этом распространении, внутренний двигатель, действовавший и действующий *непосредственно*, даже помимо отчетливого государственного или общественного сознания. Здесь очевидно присутствие высшей, особого рода миссии, которая, хотя бы о ней и не ведали в точности самые ее орудия — миссионеры, являет себя по прошествии длинного ряда веков величавыми, мощными результатами. Процесс образования Российской империи не представляет никакого сходства с процессом образования ни великих империй мира минувшего — Александра Македонского, Римской, Карла Великого, ни даже какого-либо из современных западноевропейских государств. Все они более или менее слагались способом завоевания, искусственного сочленения, с помощью насильственной (первоначально) ассимиляции, под воздействием сознанного политического принципа. Россия же развивается словно из зерна, как дуб из желудя, силою органическою, — и притом еще и духовно-органическою. Чисто материальная племенная субстанция зародыша была слишком несоразмерна с тем объемом, до которого отчасти уж доразвился и призван несомненно доразвиться русский национально-политический организм. Редкость славянского населения при зачатии русского государственного бытия была такова, что даже при нормальном приросте населения оно не могло бы только собою наполнить пределы Европейской России даже в той степени, в какой мы ее видим заселенною ныне. А между тем сам г. Марков «*подлинно-русские* рубежи» видит теперь за Волгой, хотя бы недалеко от нее, и утверждает, что вплоть до этих рубежей изнутри России «стелется *сплошная* и *неподдельная русская* сила, неспособная к вражде и измене, способная на всякие испытания и жертвы». В другом месте тот же автор, восставая против новых присоединений азиатских земель, выражается следующим образом: «Русская всегдашняя сила заключалась в ее *одноплеменности*, ее однородности. Один язык русский, один православный крест — были слышны и видны от лесных дебрей Соловецкой обители до Черного моря, от Немечины до Азии»... Именно так, но вот чего и не доглядел автор: этой сплош-

ной и неподдельной русской силы, однородной и единоверной, сначала ведь здесь вовсе и не имелось; она сложилась постепенно, и не только через одно передвижение русского населения с Запада на Восток, а через претворение обитавших здесь инородческих племен в состав *русского* тела. *Физическою одноплеменностью* «русская сила» похвалиться не может, да и не ею собственно и сильна, — а сильна единством народного духа, народного нравственного и отчасти бытового типа. Одним словом, нашим предкам удалось оправославить и ославянить или обрусить более двух третей пространства, называемого ныне Европейской Россией, которые не были ни славянскими, ни тем менее православными, но которые теперь причисляются *к коренной* России и даже, до мнению г. Маркова, составляют сплошную, *«подлинную»*, «неподдельную» русскую мощь. Пустота и племенной хаос сменились однородностью и одноплеменностью высшего качества: сменились — Россией. Нас нисколько не смущают поэтому никакие теории Духинского[2], никакие попреки в чуждых примесях к нашей славянской породе; немало, конечно, проникло в наш народный состав крови чуждой, всякой азиатской и в особенности финской. Но есть нечто поважнее и помогущественнее *крови*, и это-то нечто, т. е. духовное начало славянское, соблюлось в русском народе в большей чистоте, — мало того: проявилось деятельною, творящею силою неизмеримо в высшей степени, чем во всех прочих славянских племенах разных наименований, — которые остались на степени племенных *видов* и физиологически, пожалуй, более *породисты*, чище нас сохранили *свою расу*... Самое даже название *русский* является в русской истории уже отрешенным от *видового племенного* определения: вступая в государственное историческое бытие, все эти разные славянские племена — поляне, древляне, вятичи и пр. — перечисляемые Нестором, по его же словам, *прозвались Русью*, сливаются в один *народ* — русский, слагают одну землю — Русскую. Это уже форма бытия более широкая, возводящая племенные виды к высшему единству, выделяющая из них общую славянскую стихию, но уже отрешенную от племенной видовой узкости и тем самым более способную к ассимиляции слабейших инородческих племен. Но все это пока было не более как сосуд, ожидающий содержания, — тело как бы еще животное, еще не одухотворенное свыше. С принятием же Св. Крещения пред новокрещенною, православною славянскою Русью развернулась — и в даль времен, и в ширь беспредельного на Восток простора — перспектива иной, мировой исторической задачи: создания высшего и широчайшего и притом свободного единства в конкретном образе Русского государства или, точнее, русского христианского народа, Русской Земли. Символами этого единства, действительно, — православный крест Христов и русский язык, и тотчас же неослабно двинулись они в путь на Восток, и продолжается это движение и поныне, хотя уже и далеко, далеко не с тем успехом, как в Старой Руси!

Нельзя же не видеть в этом поприще *деятельности*, открывшемся для русского национального духа по направлению к Востоку с самого начала бытия России, не покинутом ею и до сих пор, — особого великого, вселенско-исторического призвания. Нельзя не приметить, что демаркационною линиею России со стороны Запада является *латинство* (в смысле духовном) с своим кровным, хотя бы незаконнорожденным детищем — протестантством. Могут быть и в русских пределах подданные католического исповедания, как поляки и часть белорусов, но это все же аномалия, вынужденная случайными обстоя-

тельствами, все же диссонанс, нарушающий общий духовный лад Русской державы, — элемент чуждый, осужденный всегда смотреть в лес, т. е. устремлять взоры к Риму и, следовательно, к Западу, — элемент, сильнее разлагающий нашу национальность, чем даже язычество и магометанство, ибо он не нравы развращает, а вносит искажение и ложь в самую духовную суть русской народности, в ту христианскую православную ее основу, о ней же мы как русские живем и есмы [3] (о заграничных славянах-католиках мы поговорим когда-нибудь отдельно). Нельзя же, наконец, не признать, что все европейские государства, кроме России, католические и протестантские, при всем различии в частностях образуют нечто родственно-целое по духу, которое и именуется общим именем «Европы» или, точнее, — *Запада*, и что вот этому-то особому миру, всему этому целому с дюжиной романо-германских племен и держав — противополагается историческою судьбою как особый же целый мир *одна* держава — Россия. Остальные мелкие новоявленные политические организмы Европы, также исповедующие православие, хотя и не входят в состав России, все же неизбежно тяготеют к ней, — как бы теперь, временно, их близорукие политические руководители ни отбивались от такого естественного тяготения: в качестве православных никогда они ни католическому, ни протестантскому Западу *своими* не будут, а представляют для Запада лишь лакомый объект для поглощения или же ассимиляции путем совращения и вероотступничества.

Что́ же противополагается романо-германской Европе или Западу в лице России? Мир православно-восточный, или славянство, — возросшее до значения православно-восточного мира. Мир этот еще слагается. Византийская империя, хотя и называлась, и была «Восточною», не способна была, однако же, воплотить собою этот православно-восточный мир. Под сению Византии — и в этом ее вечная заслуга — Христианская Церковь впервые предстала миру воочию, с своею святою вселенско-соборною, братолюбивою сущностью, и преподала *образ* такого соборного, всехристианского единения и для будущих лучших веков, по миновании веков разделения и обособленного исторического развития. Под сению Византии же христианский Восток выяснил и определил, а вселенское церковное единомыслие соборно и окончательно выразило и утвердило существенные основы истинного вероисповедания, — каковые в своей чистоте и сохранились в вероучении Церкви так называемой Восточной, или Православной. Но Византийская империя, сама создавшаяся на римской закваске, проникнутая в государственной жизни началами древнего Рима, не в силах была разрешить внутреннего противоречия этих старых своих, языческих, родных ей начал с началами Обновления во Христе, ею же самой провозглашенными и вознесенными над своим бытием. Византия не исказила учения Церкви, как практический папский Рим, поисправивший и поприладивший вселенское учение к своим потребностям, к римскому юридическому вкусу и властолюбивому духу — подтасовавши, например, принцип свободного, братолюбивого *единства* — принципами *власти* и *дисциплины*... Но именно потому, что Византия не заблуждалась в вероучении, а соблюла его в чистоте, — глубже, болезненнее терзали и разъедали Византию, ярче и грубее выступали наружу явные его противоречия с жизнью. Она облагодетельствовала светом Веры новые народы, втеснявшиеся в ее пределы или обращавшиеся к ней за Истиной, но сама бессильна была претворять их в свое, к тому же дряхлое, полуроманское, полуэллинское тело в единый крепкий организм, — создать про-

тивовес православного Востока отклонившемуся от вселенского единства, но внутренне объединенному Западу. Вино новое требовало и мехов новых, и Византия пала, передав свое драгоценное духовное достояние — то церковно-историческое призвание, которое она не способна была выполнить, — России. Достойною ли оказывается Россия призвания — это другой вопрос, но что она призвана, это, кажется, не может подлежать и сомнению, и тем хуже для нее, если она окажется недостойной!..

И именно потому, что этот православно-восточный мир еще созидается, еще в процессе внутреннего развития и сложения, ни о каком «соединении Церквей», как бы к тому ни взывал вновь и вновь на страницах «Известий», издаваемых Славянским обществом в Петербурге, г. Соловьев [4], теперь и речи быть не может. Разделению сему *подобает быти* [5] — пока, с одной стороны, Россия не придет в надлежащую меру возраста и силы и не проявит во всех сферах жизни, хоть в той же полноте и *самостоятельном* развитии, как и Запад, существенные стороны своего народного духа; с другой — пока сам церковный Рим не возвратится к чистоте и братолюбивой сущности христианского учения и не исцелится от похоти властолюбия... Впрочем, вопроса о разделении Церквей мы касаемся теперь только мимоходом; мы отмечаем здесь лишь исторический факт, служащий нам точкой отправления для уразумения особого призвания России в истории — ее *противоположения* на всемирно-исторической арене Западу. Было бы совершенно ошибочно думать, что здесь «противоположение» означает непременно *вражду* или борьбу в грубом смысле слова, на жизнь и на смерть (как многие охотно толкуют отношение «Руси» к Западу); нисколько. В этом смысле противополагает себя Востоку и России сам Запад, но не Россия. Под «противоположением» разумеем мы здесь лишь самостоятельное проявление в лице православной России новых, отличных от Запада и им не явленных сторон человеческого духа: поле для их беспрепятственного всемирно-исторического развития — Восток и то, что́ сама Европа называет Востоком, но что́ для нас собственно — Юг. На Западе же нам собственно делать нечего; на своем поле он уже поработал для человечества довольно, совершил ряд величайших подвигов в области мышления, знания и жизненного опыта, благодеяниями которых и мы пользуемся, да и обязаны воспользоваться, во всей полноте как общечеловеческим достоянием. Романо-германской Европе мы не навязываемся ни с какой пропагандой, ни с какими притязаниями на миссию, озабоченные лишь своим собственным самосозиданием; никаким Drang nach Westen * мы не одержимы. Притязания наши по отношению к Западу только в том и заключаются, чтоб он-то сам признал наши права — как мира русско-славянского, не лез в сферу наших интересов и нашей деятельности и оставил бы нас в покое. Русский народ и вообще-то не питает вражды ни к каким народам и племенам и тем менее питает ее к племенам европейским, которые он всегда отличал и отличает от «басурманских»; но именно Западная Европа сама преисполнена к нему, как и вообще к православному миру и к славянству, неугасимой вражды и ненависти. Эта вражда — неугомонно воинствующая, в том или другом виде. Рим, например, не перестает насылать на православных христиан полчища миссионеров, — угрозами, казнями и обольщениями совращая их в подданство Папе. Кровь стынет в жилах при одном чтении о подвигах

* Натиск на Запад (*нем.*).

латинских миссионеров в злосчастной Боснии! И такой пропаганде сочувствуют, содействуют и отрекшиеся от Христа французы, и поссорившиеся с Папою итальянцы, и даже германские протестанты! Со всех сторон ломятся немцы на Балканский полуостров, мечтая оттеснить Россию и перенять у нее наследие Византии, создать новую, латинскую Восточную империю... Все слилось в единое чувство тайной и явной вражды западноевропейского мира к православной России и славянству: и племенное самомнение, и аристократическое высокомерие, религиозная и культурная нетерпимость, презрение и в то же время — с т р а х: намеченная Западом себе добыча — разные еще не ассимилированные им славянские, за русским рубежом, племена — ускользает, и выступление славян на самостоятельное всемирно-историческое поприще представляется ему грозным бунтом *плебеев* против патрициев! Наши мнимые либералы не позволяют себе даже и помышлять о каком-либо самостоятельном призвании России, осуждая ее на вечное ученичество и обезьянство, — но об этом призвании непрестанно пророчествует западноевропейская русобоязнь... В таких беспокойствах и чувствах к нам Запада повинен не кто иной, как он сам, с его патрицианскими и аристократическими притязаниями и властолюбивыми похотями. Мы подлежим упреку разве лишь за долготерпение, с которым переносили и переносим его насилия над славянством и нарушение законнейших наших прав. Одним словом, противополагая Россию Западу, мы находимся по отношению к нему в положении не наступательном, агрессивном, а лишь *оборонительном*, — и, как мы уже сказали и прежде, — не ради азиатских наших владений содержим мы громадную армию, а ради высокопросвещенного и высококультурного Запада и ради отпора его притязаниям, его Drang'y nach Osten.

Г<-н> Марков предостерегает Россию относительно западноевропейских, преимущественно германских, «коварных» восхвалений нашему движению в глубь Азии. Такое предостережение для русской интеллигенции, между прочим и для той, которая ведает наши дипломатические дела, может быть, и не излишне: немцы посылают нам напутственные благословения в Азию даже вовсе не коварно, а совершенно искренно, т. е. с искренним желанием нам успеха: ничего, конечно, так не желали бы они, как ослабления нашей национальной позиции на западном нашем рубеже, сокращения сферы наших интересов на Балканском полуострове и перенесения центра тяжести нашей политики в Азию. Это даже еще недавно вновь выяснилось из статей официозной «Северогерманской Газеты» [6] в ответ русской газете «Свет» [7], вздумавшей упрекать Германию в недостатке сочувствия нашим среднеазиатским успехам! [8] Но у нас нет или, по крайней мере, не должно быть — ни азиатской, ни европейской политики, а есть или должна быть одна — *русская*, следовательно, ни о каком перемещении центра тяжести не может или не должно быть и речи. В действительности же никакого самомалейшего ослабления новые в Средней Азии русские приобретения учинить русской позиции на западном рубеже не способны; напротив, могут только укрепить ее страхом, внушаемым Европе азиатскими полчищами, которые мы без всякого затруднения во всякое время охотно поставим лицом к лицу с *непрошенно* пожаловавшим к нам европейским гостем... Без малейшего сомнения, двигаясь на Восток, мы обязаны — да и обладаем для этого всевозможными средствами — стоять твердыней на нашей западной границе, неупустительно исполнять свой долг по отношению к славянству

и к Черному морю, не отдавать *ни пяди* своей и славянской земли миру Романо-Германскому. Только болезненная мнительность — плод отчуждения от народности, — она одна творит нас политически-трусливыми и слабыми по отношению к Западной Европе.

Но обратимся к созиданию Православно-Восточного мира во образе России. Если по отношению к Европейскому Западу мы состояли и состоим собственно в оборонительном положении, то по отношению к Востоку мы искони находились и находимся — в положении наступательном, — не в воинственном только, но еще более в мирном смысле. Здесь, слава Богу, с Востока широкое поприще открывалось для зиждительства нашему национальному духу. Мы можем лишь гордиться тем, что́ успели совершить наши «толстобрюхие», «долгополые», «длиннобородые» предки, один образ которых приводит в краску стыда их «культурных» потомков, и которые проявили такую необыкновенную способность к колонизации, сплочению и сращению инородных элементов: созданная ими новая Россия явилась несравненно крепче и цельнее, одушевленною более творческим духом, чем первоначальная Русь, тянувшаяся узкой относительно полосой вдоль современной западной русской границы, подпавшей отчасти духовному и культурному воздействию Запада.

В историческом процессе нашего государственного созидания замечается черта, которою он существенно отличается от подобного же процесса в Европе и на которую мы вскользь указали выше. Там политические или государственные цели были почти всегда впереди и предшествовали воздействию культуры, цивилизации и других духовных ассимилирующих сил. Старая же Русь наша, помимо политического сложения, росла себе органически, стихийно, независимо от воли и деятельности правительства, всегда переступая официальные русские государственные пределы. За официальными государственными рубежами всегда оказывалась Русь зарубежная! Государство, по большей части, шло вослед народному движению и колонизации, а не они по пятам государства... Русь, собственно говоря, даже не государство, а мир, понятие о котором не исчерпывается политическим определением: точнее же сказать, Русское государство не подходит под общеизвестную, научно установленную норму государства западного. Наше государство строилось не только князьями и царями, но также и святою отвагою отшельников, ставивших монастыри Бог весть где, в глухих лесных чащах, в пустынных дебрях, среди полудиких инородцев, — и деятельною любовью проповедников Слова Божия вроде Зосимы, Саввати́я[9], Стефана Пермского —. просветителя, а потому и обрусителя земли Зырянской (хотя он об обрусении и не думал, а переводил Св. Писание на зырянский язык!), и предприимчивостью торговою, — а также и воинствующею вольницей, гулящими людьми[10] — удалью казацкою. Обрусение совершалось не во имя какой-либо «государственной теории», не по плану, а свободно, каким-то неисследимым процессом, но притом так прочно и бесповоротно, что мы, потомки, можем тому лишь завидовать. Ничего не поймет в русской истории тот, кто изучает лишь историю одних государственных деяний и событий в тесном смысле или образование лишь одного внешнего *правового* порядка. Не объяснит он нам — как могло государство с его скудными средствами и силами, с его неуклюжими порядками и тяжелыми приемами справиться с своим необъятным простором и, не пугаясь его, — ширить да ширить пределы и, в конце концов, несмотря на все испытания, создать такую исполинскую мощь. То, что́

в наши дни кличет себя «интеллигенцией», а в прежнее время почитало себя исключительно таковой и без клички, то, что́ у нас мнило и мнит стоять под знаменем «прогресса», «либерализма» и т. д. и, по выражению Достоевского, напечатанному им почти накануне смерти, было, да и теперь одержимо «лакейскою боязнью: как бы всякое сочувствие к родной старине не показалось признаком варварства, азиатчины» [11], — то до сих пор относится с величайшим презрением к бытию допетровской Руси, не видит в русской истории ничего, кроме «застенков», «батогов», «деспотизма», и, конечно, не в состоянии оценить дивный подвиг самого строения Руси. Сперанский начинал ее даже с Петра... Как должно их смутить напечатанное на днях в «Русском Архиве» письмо к Чадаеву воистину носителя русского духа, нашего чудного «Пушкина» [12], который еще 50 лет тому назад мужественно и во всеуслышание объявляет, что он верит в самостоятельное призвание России в мире и что «ни за что на свете не хотел бы иметь другой истории, кроме истории своих предков»!..

Подвига строения Руси, повторяем, положительно не осмыслит себе тот, кто просматривает действие в нашей истории подспудных сил народно-духовных. Но как история Русского государства немыслима без истории этой земщины, так немыслима и та и другая без истории Русской церкви, которую опять-таки надо искать не в истории русской иерархии, а в истории жизненных проявлений христианства, в самом бытии народном. До сих пор еще остается недостаточно выясненным, растолкованным и оцененным изумительный факт спасения и возрождения Русского государства в 1612 г. одним народом, точнее сказать, *земщиной*, одною ею: значит, жива и животворяща была она, несмотря на «деспотическую» форму правления! Мало того: государство, стоявшее совсем на краю гибели, казалось, вконец разрушенное, без войска, без правительства, без всяких административных учреждений, с победоносным врагом в столице и на окраинах, — это самое государство через 50 лет после мужичьего подвига с смиренным князем Пожарским во главе присоединяет к себе Малороссию [13], принимает в подданство Имеретию [14], а через 90 лет бьет шведов, овладевает Балтийским прибрежьем, опекает самую Польшу? Если с конца XVII столетия возникает Петр, то ведь до Петра из государственных деятелей после междуцарствия [15] не было ни одного великого и гениального, не на кого и указать!

В том-то и дело, что до реформы Петра, или, точнее, до той поры, как его реформа проникла в самую душу русских официальных и общественных деятелей, действие народных подспудных сил не было еще нравственно подавлено и заторможено вторжением чуждой духовной стихии. Государство могло быть и деспотичным, правительство грубым, жестоким, но духовного разъединения между ним и народом еще не было. Цельность внутренней всенародной жизни еще ничем не была подорвана, — потому-то и обладала она этою удивительною силою сращения с государственным и народным телом новоприобретаемых краев и племен. Первым делом Ивана Грозного, например, по взятии Риги [16] было — даже может быть, без предвзятой цели, а так, потому что это в русском нраве — воздвигнуть православную церковь: недолго пробыл он там, но следы оставил, — а удержи он за собой Ливонию, она явилась бы теперь иною, чем мы ее видим, стала бы совсем русским краем, где о немечине не было бы и помину; не стал бы он там строить «Екатеринеталей» [17] и немецкие названия городов заменил бы русскими ничтоже сумняся; припомнил бы (потому что пре-

дания русской истории были живы и в нем, и во всей Руси), что Дерпт — Юрьев, город, построенный Ярославом, и немецкого университета [18] для онемечения латышей в нем бы не завел. Взял он Казань силою, но кровавый след тотчас же затянуло мощным ключом русской жизни — явились и чудотворные иконы, и иные святыни, и через 60 лет после взятия Казани это имя звучит в названии храмов [19], — становится наипопулярнейшим в Русской земле!.. А там, по Дону, по Яику, по низовьям Волги ставят свои курени и станицы казаки: по степи и по морю воюют с азиатчиной, гуляют, разбойничают, — по-видимому сброд всякой вольницы, — но блюдут русские пределы, расширяют их, утверждают на всем этом просторе православный крест и русский язык — *самочинно* работая на великое Русское государство, без всякого повеления и руководства правительственной власти и лишь кланяясь царю завоеванными царствами и городами!.. Ту же работу совершали, сами того не сознавая, но движимые тем же общерусским народным инстинктом, и малорусские казаки с запорожцами по низовьям Днепра и на Украйне как в борьбе с туречиной и татарвой, так и в борьбе с поляками и латинством за русскую свободу и православие...

Все это было, конечно, не благообразно, отзывалось невежеством, дикостью, грубостью, пожалуй, и суеверием, и фанатизмом, — но вместе с тем, несомненно, энергией, внутреннею цельностью народных творческих сил. Получило наше государство благообразие европейское, поступили мы в ученики к Европе — и внутренние силы мигом оскудели. Конечно, не замерли они и теперь: чем же иным стоит, живет и все же кое-как движется наше государство, как не тою же подспудною историческою русскою силою? Не хитроумием же петербургской администрации, не бюрократическим же усердием канцелярий? Но силы только что не замерли: живое же, мощное творчество их пресеклось. Существенная разница обеих эпох в том именно и состоит, что с XVIII века руководящий, правящий общественный русский слой отчужден мыслью и духом от своего народа и в качестве ученика Западной Европы не имеет других точек зрения, другого образца и другого мерила для явлений русской жизни, кроме западноевропейских, которые опять-таки знает *по-ученически*, плохо: он в них не хозяин, не самостоятельный мастер... Это тотчас же и выразилось в отношениях наших к новым приобретениям и вообще к окраинам: «сплошной русской силы» мы уже нигде создать не могли. Пошли в ход применяемые всею тяжкою силою русской государственной власти разнообразные иностранные теории, противоречившие требованиям русской практики; всевозможные доктрины с своими абстрактными идеалами — отвлеченными не только от жизни вообще, но и от всякой религиозной основы — отвратили русские взоры от своего высшего и широчайшего политического, социального и религиозного идеала. Мы усомнились в себе самих, в своем призвании, в своих правах, в своих силах. Наступила пора раздвоения, безверия в Русь, болезни мнения и воли. Длиннобородые наши предки *рефлексией заедены* [20] (любимое слово литературы 40-х годов) не были, а в XIX веке она заедала самих носителей власти; Александр I был во многих отношениях мучеником-Гамлетом на престоле...

Прибалтийская окраина с привилегированным немецким элементом; Финляндия также с своими, более или менее вредоносными для России в экономическом отношении привилегиями — Финляндия, к которой русское правительство ни с того ни с сего присоединило часть коренного русского населения, возвращенного Петром из-под шведского подданства [21]; лучший залив на Мур-

манском берегу[22], неизвестно почему отданный Норвегии[23], Польское Царство, Литва, Белоруссия, Заднепровская Украина... Какую силу ассимиляции и истинного обрусения проявило Русское государство в течение XVIII и XIX столетий — в сравнении с ассимиляцией и обрусением Руси Старой, хотя последняя и слова-то этого не знала? И какое же возможно «обрусение» для официальных орудий власти, когда сама российская «интеллигенция» не решалась, не решается и до сих пор взять смело и открыто сторону русского народа даже в возвращенных от Польши русских областях, так как пред лицом «представителей европейской культуры» (даже таких, как поляки) у нее душа в пятки уходит и чувствуется подлость во всех жилах, как у Чичикова пред миллионером?! Вспомним времена Александра I!.. А когда уроки истории заставили наконец правительство крепче стянуть эти окраины с государством, что́ же у него остается в распоряжении, при оскудении русского национального, земского духа, кроме насильственных, а потому и не плодотворных мер?

Г<-н> Марков говорит, что от протяжения на крайний Восток, к Средней Азии, тело наше стало рыхло и дрябло. Мы не защитники современных наших распорядков ни на Кавказе, ни за Каспием, но там опасность грозит нам меньшая; рыхло и дрябло наше тело именно на всей той окраине, где мы ближе к Европе и из кожи вон лезем, чтоб щегольнуть европеизмом или либеральным отступничеством от русской народности. Но и по отношению к Востоку только личные свойства русского солдата да казачество — этот обломок древнерусского строя — еще живучи, — да самая отдаленность от Петербурга спасают пока теперь наше русское дело. А портилось, да еще и портится оно усердно благодаря забвению русских исторических преданий. Так, увлекаемая модною доктриною Екатерина колонизует Русскую землю — выписными немцами-колонистами, наделяя их всевозможными льготами; созывает в Новороссийский край всякий иностранный сброд, — дело поправил несколько Потемкин, разрешив селиться в крае беглым русским людям[24], но и до сих пор этот край не представляет ни по числу, ни по духу населения той мощной сплоченности, которою отличается колонизованная допетровскою Русью Северная и Северо-восточная наша область... Екатерина же в фальшиво-либеральном усердии укрепляет своих магометанских подданных в магометанстве, печатая им на казенный счет в России Коран, навязывая его, а также и мулл степным киргизам, дотоле, как известно, магометанам совсем плохим! Вполне веротерпима была и Старая Русь, но совсем не то — предоставить азиатским иноверцам религиозную свободу без всякого вмешательства во внутренние распорядки их культа или во имя «попечения о духовном благе русских подданных *безразлично*» правительству православного народа прилагать старание к укреплению, к созданию *устойчивости* во враждебных христианству верованиях посредством «урегулирования» последних незыблемыми законами! Для перехода теперь из ислама или далай-ламайской веры[25] в христианскую магометанин или язычник встречает затруднение в самом законе: за ревностное исполнение своих религиозных обязанностей муфтии и ламы награждаются российскими орденами. Особенно посчастливилось ламайской вере, огражденной такими привилегиями, что нашим алтайским миссионерам несравненно труднее бороться с русской полицией, охраняющей закон, чем с убеждениями самих последователей ламайства... Теперь, «обзаведясь просветительною миссиею», в которую предки наши — истинные просветители восточной инородческой стороны Европей-

ской России — никогда и не рядились, — мы несем туда, на Восток, «европейское просвещение» в жалкой и безобразной копии, которую мы и у себя дома переварить-то не в силах! Стоит только вспомнить, что́ понаделано было в Туркестане при генерал-губернаторстве покойного Кауфмана[26]: завели в Ташкенте и классические гимназии, и кафешантаны, и муниципальные парламенты (из русских чиновников), — да и теперь, по последним известиям, озабочены там вопросом: какое из местных азиатских наречий подвергнуть ученой обработке для правильного обучения оному киргизов и сартов!..[27] Вот не было печали!.. А между тем православную, искони верную и ни в каком отношении не представляющую для нас опасности сепаратизма Грузию — мы не перестаем оскорблять, применяя к ее древней Церкви теорию государственного объединения (которую там именно и не умеем проводить, где бы следовало), не возводим грузин в сан высших местных иерархов и т. п.![28] Но пусть только припомнят читатели то, что́ так картинно выражено покойным Фадеевым в его статьях...[29]

Действительно, при таких современных наших приемах, при этих наших жалких притязаниях на западноевропейское «культуртрегерство» могут, пожалуй, наконец стать нам в тягость и наши азиатские окраины... Да мало ли что́ обращается и обратится в тягость при продолжающемся господстве Петербургского периода нашей истории, — прежде всего сама *земщина* — не та, на которую напялили мундир прусских Landsordnungen *, — а та, которая своим духом созидала и еще блюдет Русское государство, — но которая, верим, все-таки перебудет и Петербургский период. Настанет же время, когда струя истинного просвещения рассеет духовный хаос, носящийся над Русской землей, сомкнется животворною цепью с подспудными, историческими силами народного духа! А пока все-таки не должны мы упускать представляющихся политических случаев, все-таки станем пользоваться хоть нашею внешнею государственною силою для завершения внешней формации Русского государства и на Юг, и на Восток от России, — пусть бы даже теперь и не сумели еще разумно справиться с нашими новыми приобретениями!..

* земельных порядков (*нем.*).

ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ К. К. ТОЛСТОГО «ЭТЮДЫ ГОСПОДСТВУЮЩЕГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ»

Помещение этой статьи требует некоторого пояснения. Не столько направлением, сколько тоном и особенного рода пошибом при обсуждении вопросов высшего нравственного и социального значения она отделяется от общего тона и характера нашей газеты и особенно от статей аналогического содержания. Читатели «Руси», разделяющие ее основные убеждения (а таковых между нашими подписчиками, конечно, большинство), и не нуждались бы ни в новой постановке, ни в разрешении этих вопросов, но не их и имеет в виду почтенный автор «Этюдов». Он сам — «человек 60-х годов», сам принадлежал к школе Писарева и К°, прошел все ее ступени: отрицание религии, материализм и т. п. — одним словом, принадлежал к тому направлению, которое теперь, совершенно неправильно, приняло общую кличку «либерального» и с которым автор собственною работою мысли, при помощи личного жизненного опыта порвал прежние отношения духовной зависимости и подчинения. Мы вошли по поводу этой статьи в переписку с автором, прося некоторых объяснений, и вот, между прочим, что́ пишет он нам в ответ (да простит он нам эту выдержку из его частного письма, не предназначавшегося для печати):

> Попав с ранней юности в среду либералов, я прожил в ней до настоящего времени, причем, конечно, должен был *заглушать* в себе свойственные моей натуре и совершенно противуположные «либеральному» катехизису взгляды. Делал я это отчасти потому, что один в поле не воин, а главным образом потому, что стремления моей собственной натуры, благодаря влиянию окружающей меня среды, мне самому казались ложными, «недозволенными и подлежащими уничтожению». Сердце тянуло в одну сторону, а ум, сбитый с толку, — в другую. Вы, И<ван> С<ергеевич>, родились и жили в таком кружке, в котором не было разлада между сердцем и головою. Поэтому вы не можете оценить той муки, которою этот разлад сопровождается. Только путем долгой и тяжелой борьбы с самим собою, борьбы дорого стоящей и не дающей *жить*, можно дойти наконец до уважения к своим прирожденным стремлениям — понять, что в этих стремлениях гораздо больше правды, чем в тех логичных с виду измышлениях, во имя которых приходилось извращать свою душу. Вспомните Раскольникова; ему понадобилось семь лет каторги для того, чтобы *понять*, чем именно он нарушил «высшую правду», хотя уже в самую минуту убийства он *чувствовал*, что нарушает ее. Таких Раскольниковых разной меры и теперь много в нашем обществе. Может быть, именно в такой *путанице понятий*, а вовсе не в чьей-либо злой воле сидят все наши современный беды. Подорвать веру в пунктики, считающиеся неоспоримыми (внешнее равенство, свобода, арифметическая нравственность, по которой вред, наносимый одному лицу, выкупается пользою, приносимой двум etc.), помочь людям выбраться из путаницы понятий, в которой я просидел свою жизнь, — составляет цель моих статей![1] Справлюсь ли я с такой задачей, даже сумею ли взяться за нее — судить не мне... Знамя «Руси» почтенно уже по-

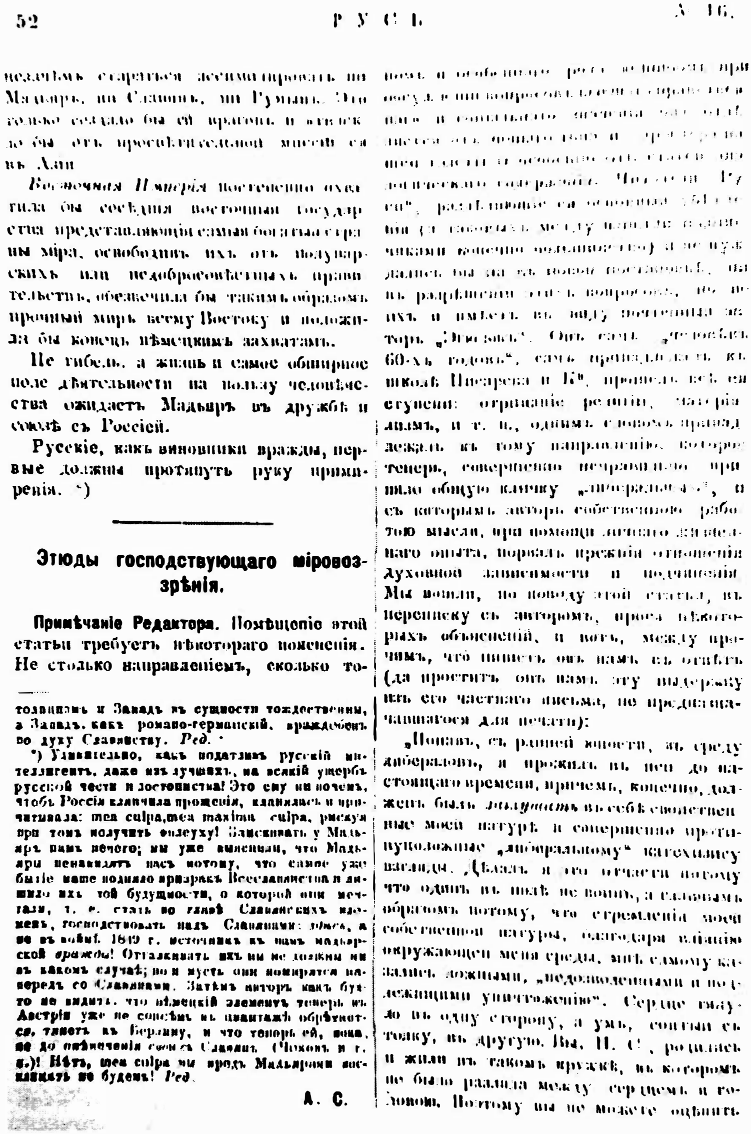
тому, что защитники его никогда его не продавали ни за деньги, ни за почет, ни за популярность. Я не имею чести принадлежать к рядам этих защитников и даже, признаюсь откровенно, многое в основах вашего мировоззрения для меня кажется неясным. Но в подробностях, в мнениях по разным общественным и нравственным вопросам, мы до такой степени сходимся, что я не думаю, чтобы мои статьи могли идти вразрез с направлением «Руси». Подробности моих мнений выяснятся из дальнейших статей; пока же могу сказать только, что *хотел бы* отделить правду от ошибки *главным образом* в либеральном катехизисе, причем, конечно, придется говорить и о христианстве — не как об учении Христа в чистом его виде, а как об той смеси, которая образовалась из этого учения под влиянием пояснений, внесенных в него другими лицами!..

Действительно, для борьбы с господствующим в нашей «интеллигентной» массе направлением — нужны, может быть, совсем иные орудия и иные приемы, чем те, которыми обыкновенно пользуются люди иного направления, — не говоря уже, разумеется о приемах застращивания—никуда не годных и только вызывающих упорство уже ради «чести» и своего рода «героизма», — не говоря также об осуждении противной стороны на молчание, что́ равносильно вогнанию болезни внутрь и парализует возможность честной и искренней полемики. Но и при свободной полемике с адептами этой школы нужно, по-видимому, говорить *ее* языком, знать в подробности *ее* аргументацию (людям противоположных убеждений большею частью и неизвестную) и *ею* же побивать эту школу. Ведь все ее последователи воспитывались на газетных и журнальных статьях; у них *свои*, нам почти неведомые авторитеты, так что тяжеловесные доказательства от строгой науки были бы тут даже и неуместны. Между тем нельзя же проходить мимо этого недуга с одним только негодованием и презрением или глядеть на него свысока, а надо лечить. А чтобы лечить, необходимо взойти в рассмотрение первоначальных причин недуга. И тогда обнаружится, что не всё в их отрицании ложь, или, точнее, что к значительной доле отрицания был, к несчастию, и законный повод. Еще в 1862 г. Ю. Ф. Самарин в письме, напечатанном в «Дне», выразился, что «материализм есть *кислота*, призванная очистить потускневший теперь лик Православия» [2]. Кислота сама в себе, разумеется, никакой «истины» не заключает, но она может *выесть* ложь, загрязнившую истину, отчего истина явится лишь в большем, чистейшем блеске...

Вследствие вышеприведенного письма автора мы решились печатать его «Этюды» без перемен: он обращается к бывшим *своим,* к своей публике, говорить понятным ей языком, применяется к ее пониманию, — но и нам вникнуть в его слова не худо.

Это один из героев щедринской галереи типов: ханжа, пройдоха, русский Тартюф, только грубый и свинообразный. Это объяснение мы считаем необходимым, потому что вопреки мнению людей 60-х годов о г. Щедрине, произведения и типы его далеко не пользуются тою всезнаемостью, какою пользуются, например, все создания Гоголя. *Ред. <И. С. Аксаков>.* [3]

Положительно не был — *образцом.* Тип такой существовал; может быть, существует и теперь; способен, пожалуй, ввести в обман глупых баб, — но никогда не был ни господствующим, ни даже выдающимся. *Ред. <И. С. Аксаков>.* [4]



52 РУСЬ № 16.

недаемъ старается ассимилировать ни Мадьяръ, ни Славянъ, ни Румынъ. Это только создало бы ей враговъ и отвлекло бы отъ просвѣтительной миссіи ея въ Азіи.

Восточная Имперія постепенно охватила бы сосѣднія восточныя государства представляющія самыя богатыя страны міра, освободивъ ихъ отъ полуварварскихъ или недобросовѣстныхъ правительствъ, обезпечила бы такимъ образомъ прочный миръ всему Востоку и положила бы конецъ нѣмецкимъ захватамъ.

Не гибель, а жизнь и самое обширное поле дѣятельности на пользу человѣчества ожидаетъ Мадьяръ въ дружбѣ и союзѣ съ Россіей.

Русскіе, какъ виновники вражды, первые должны протянуть руку примиренія. *)

Этюды господствующаго міровоззрѣнія.

Примѣчаніе Редактора. Помѣщеніе этой статьи требуетъ нѣкотораго поясненія. Не столько направленіемъ, сколько то- [illegible] ...торъ „[illegible]". Онъ самъ „человѣкъ 60-хъ годовъ", самъ принадлежалъ къ школѣ Писарева и Ко, прошелъ всѣ ея ступени: отрицаніе религіи, матеріализмъ, и т. п., однимъ словомъ принадлежалъ къ тому направленію, которое теперь, совершенно неправильно, присвоило общую кличку „либерализма", и съ которымъ авторъ собственною работою мысли, при помощи личнаго жизненнаго опыта, порвалъ прежнія отношенія духовной зависимости и подчиненія. Мы вошли, по поводу этой статьи, въ переписку съ авторомъ, прося нѣкоторыхъ объясненій, и вотъ, между прочимъ, что пишетъ онъ намъ въ отвѣтъ (да проститъ онъ намъ эту выдержку изъ его частнаго письма, не предназначавшагося для печати):

„Попавъ, съ ранней юности, въ среду либераловъ, я прожилъ въ ней до настоящаго времени, причемъ, конечно, долженъ былъ *заглушать* въ себѣ свойственные моей натурѣ и совершенно противуположные „либеральному" катехизису взгляды. Дѣлалъ я это отчасти потому что одинъ въ полѣ не воинъ, а главнымъ образомъ потому, что стремленія моей собственной натуры, благодаря вліянію окружающей меня среды, мнѣ самому казались ложными, „недозволенными и подлежащими уничтоженію". Сердце тянуло въ одну сторону, а умъ, сбитый съ толку, въ другую. Вы, И. С., родились и жили въ такомъ кружкѣ, въ которомъ не было разлада между сердцемъ и головою. Поэтому вы не можете оцѣнить

толицизмъ и Западъ въ сущности тождественны, а Западъ, какъ романо-германскій, враждебенъ по духу Славянству. *Ред.*

*) Удивительно, какъ податливъ русскій интеллигентъ, даже изъ лучшихъ, на всякій ущербъ русской чести и достоинства! Это ему ни почемъ, чтобъ Россія вымаливала прощенія, кланялась и причитывала: mea culpa, mea maxima culpa, рискуя при томъ получить оплеуху! Заискивать у Мадьяръ намъ нечего; мы уже выяснили, что Мадьяры ненавидятъ насъ потому, что самое уже бытіе наше подняло призракъ Всеславянства и лишило ихъ той будущности, о которой они мечтали, т. е. стать во главѣ Славянскихъ племенъ, господствовать надъ Славянами: *здѣсь*, а не въ войнѣ 1849 г. источникъ къ намъ мадьярской *вражды*! Отталкивать ихъ мы не должны ни въ какомъ случаѣ; но и пусть они помирятся напередъ со Славянами. Затѣмъ авторъ какъ будто не видитъ, что нѣмецкій элементъ теперь въ Австріи уже не совсѣмъ въ авантажѣ обрѣтается, тянетъ къ Берлину, и что теперь ей, пожалуй, не до отвлеченія союза Славянъ. (Чехонъ и т. п.)! Нѣтъ, mea culpa мы предъ Мадьярами восклицать не будемъ! *Ред.*

А. С.

Начало публикации статьи К. К. Толстого «Этюды господствующего мировоззрения» с примечанием И. С. Аксакова (Русь. 1884. 15 авг. № 16. С. 52)

Факт интересный, как он ни кажется диким. Он свидетельствует только, до какой степени велико невежество относительно Веры и Церкви, в котором воспитывалось наше юношество, если действительно Иудушка Щедрина мог быть ему указан как выразитель сущности Христианства!! Но ведь именно так и обстояло дело с массою юношества, отчасти, может быть, обстоит и теперь!.. *Ред. <И. С. Аксаков>.*[5]

<ОТСУТСТВИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ В НАШИХ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ>

Недавно один из русских путешественников за границей с завистью рассказывал нам об отрадном впечатлении, произведенном на него правильностью прогресса, мирным и мерным ходом общественного развития в Германии. Особенно поразило его отсутствие всякого глумления над существующим строем, всякого пренебрежения к установленным законам, правилам, учреждениям, званиям, — напротив: все и каждый относятся с полною серьезностью и уважением к пребывающей в действии и силе государственной и социальной системе, — несмотря на непрерывную деятельность протестующей, прозирающей в будущее, зиждительной мысли сверху и снизу. Есть, пожалуй, и партия анархистов, но анархизм так уж и выделяется сам как бы официально, в виде партии; в умах и в нравах, в понятиях и чувствах общественных — анархии не видать. При всем том, жизнь не в застое, постоянно движется вперед; не в застое и система — постоянно, систематически же исправляется, видоизменяется, совершенствуется. Но отживающее не топчется с ожесточением в грязь; но всякому званию ему же честь — честь; всякой должности, пока она стоит, — подобающий почет, и не из страха, не из корысти, а свободно и искренно, даже с любовью. А как переступишь обратно русскую границу, попадешь в сонмище соотечественников — словно ввалился в хаос какой-то: ничто не свято, не почетно, не честно, ничто не стоит твердо и прямо, а все как-то криво да косо, точно расшатанное; всякий издевается над чужим и над собственным званием; служащие исполняют свою обязанность с усмешкой, как бы стыдясь и совестясь; в вагонах, по отношению к России и русскому строю, — вакханалия самооплевания и самозаушения... Почему же это так? — с отчаянием спрашивал наш путешественник...

Почему?!... Немцев мы пока оставим в стороне; но то, что́ касается нас, — замечено путешественником верно. Основы, на которых зиждется, которыми держится Россия, может быть, у нас незыблемее, чем в самой Германии; можно надеяться (и мы лично верим), что Россия с них не сорвется, как бы ни расшатывалась из стороны в сторону: но от этой веры — в настоящем не легче. Действительно, нет у нас ни истинной жизни с ее деятельным творчеством, ни сонного затишья, а *есть — толчея.* Действительно, нет прочной системы, но нет даже и уважения к самому качеству систематичности. В современном нашем строе ничто нам не заветно, не мило, ничего мы не любим, ничем не дорожим. Почему это? Потому что у нас нет преданий, или, вернее, подорвана с ними связь, искоренено самое почтение к ним, и не в жизни только, но и в принципе... Единственный консервативный и в то же время прогрессивный путь развития есть исторический, или, точнее сказать, органический. Германия и идет этим путем, стоит на исторической почве. Нас же революция, воплотившаяся в лице Петра, вытолкнула из исторической колеи — мы и колесим, колесим! Не было в летописях мира такого революционера, как наш Петр Великий!..

А не его ли духом запечатлен весь последующий ход нашей жизни, нашего домостроительства, государственной и общественной мысли и деятельности? Не в этом ли его духе воспитался и воспитывается у нас целый преемственный ряд поколений в течение чуть не двух веков?.. Нужно, однако, оговориться, так как, пожалуй, у некоторых читателей понятие о революционном начале непременно связывается с образом революции Французской, с красным фригийским колпаком [1], с демагогическим знаменем: au nom du peuple souverain * и т. п. Под революционным началом мы разумеем деспотическое, чисто внешнее насилование и извращение исторического склада страны, грубый, тиранический разрыв со всеми преданиями прошлого, одновременно с таковым же водворением чуждых доселе новшеств, пресечение или подавление свободного органического процесса и творчества жизни с перенесением этих ее функций и всех ее прав на восторжествовавшую власть, становящуюся отселе единым двигателем и водителем по новому, навязанному стране пути.

Отличительное свойство таких насильственных переворотов состоит именно в том, что творчество жизни заменяется правительственным сочинительством и рукодельем, лишенным внутренней прочности и нравственного авторитета не только в сознании страны, но и в сознании самого правительства. Раз с историей и старыми преданиями считаться нечего, а недавнее сочинение еще и не могло прочно приняться в жизни, то нет и причины дорожить им и не заменить сочинением новым, по усмотрению обновившегося правительственного состава. Конечно, Петровский переворот не имеет никакого внешнего сходства с знаменитым французским, но нельзя отрицать и некоторой аналогии. Для современного француза история начинается лишь с 1789 г., как и для русского интеллигента — с Петра; как у русского по отношению к допетровской Руси, — так и у француза по отношению к дореволюционному, сравнительно недавнему прошлому историческую память почти совсем отшибло, так что «старый режим» менее чем за 100 лет должен раскрываться его сознанию путем ученых архивных изысканий. И сколько в течение этих ста лет ни меняла Франция политических систем и учреждений, все же до сих пор не может приискать себе удобные приличные рамки, которые бы способна была полюбить и крепко себе усвоить. Да и как же тут полюбить, когда ей в этот короткий промежуток времени успели переменить чуть не до двадцати конституций: к какой же тут из них народу привязаться!.. Хотя не конституционных, но только административных и тому подобных учреждений со времен Петра и у нас перечередовалось немало, — но, как и упомянутый выше русский путешественник заметил, особенною привязанностью ни одно из них что-то не пользуется, — да и не пользовалось.

Нам возразят, может быть, что уподоблять дело Петрово революционному перевороту неправильно уже потому, что в новое, созданное Петром бытие России перешло и ее историческое существо: единовластие и Православная Церковь. Что эти основные начала остались живы и в преобразованной России, — это несомненно. Россия вообще держится и стоит лишь старыми допетровскими началами и силами, а не Петербургом, конечно; стои́т и, — уверены мы, — перестоит все испытания и самый Петербургский период. Но едва ли справедливо утверждать, будто эти начала в сознании носителей власти сохра-

* во имя независимого народа (*фр.*).

нены Петровским переворотом в той же неприкосновенности, в какой они сохраняются у народа. Про Церковь, как внешнее учреждение, нечего, кажется, и говорить. Народ, разумеется, остался православным. Оно вошло в его духовную плоть; он по-прежнему церковен, сознает себя в неразрывном союзе с Церковью. Но сама Церковь обращена в одно из правительственных, или казенных, ведомств, и живое отношение архипастырей к пасомым искажено канцеляризмом, заковано в бюрократические формы. Далеко была она до совершенства и в прежние времена, — но своим недостаткам и порокам она все же могла бы найти исцеление в себе самой, в силах внутренней жизни и в самом своем внешнем строе, хотя бы подчас и безобразном. С благообразием же, введенным реформою Петра, подсечен, к несчастию, самый жизненный нерв русской Церкви — отчего и самая деятельность высшего церковного управления как бы осуждена на бесплодность и мертвенность. «Велика сила Божией Церкви в русском народе», — выразился умиленно покойный митрополит Иннокентий [2], вспоминая свое путешествие из Иркутска в Москву, когда на всем этом громадном протяжении встречали его толпы народа, испрашивая архипастырского благословения. «Велика сила Божией Церкви в русском народе!.. А Святейшего Синода — подивитесь-ка! вовсе почти и не знают: имени его от народа не услышите, словно ему он совсем чужой!»... Что же касается до самодержавия как нашего основного национального политического принципа, завещанного нам историей, то мы уже однажды объясняли в «Руси», что оно было понято или, по крайней мере, поставлено Преобразователем совершенно односторонне, только лишь как власть, оголенная от стихии народной и стихии земской, — следовательно, несравненно у́же и теснее, чем оно понималось и продолжает, несмотря ни на что, пониматься народом: идея земли и земщины совершенно поглощается при Петре идеею государства, притом государства, так сказать, полицейского, по западноевропейскому типу.

«Опять о Петре! Это уж необходимый припев всяких статей “Руси”; неужели не надоест редактору такое повторение!!» — заметят нам, вероятно, «С.-Петербургские Ведомости», — как уже замечено это было ими по поводу нашей статьи в 16 № [3]. Да, это повторение, и оно вполне у места, и мы его считаем необходимо-нужным. Неужели же вы не догадываетесь и не видите, что теперь более чем когда-либо Петр и его дело на очереди, à l'ordre du jour? * Да чем же иным занималась наша публицистика в последние две недели, то ратоборствуя за Сенат, то противоборствуя Сенату? [4] И чем далее, тем чаще и чаще станете вы поминать и переворачивать Петрову реформу! Прекратится наша газета, умолкнет наш голос, но не умолкнет голос жизни и все сильней и сильней будет нудить вас — докапываться до родников живой целебной воды из-под Петровских наслоений, — и не оставит он вас в покое, пока, наконец, не высвободитесь вы из заповедного круга понятий и мыслей, в который втиснула ваш ум мощная длань Петра, — пока не разделаетесь с Петровским переворотом по крайней мере в сознании; пока, обогащенные и сознанием, и познанием, и опытом, не проникнетесь вы плодотворно самим существом нашей народности, бытовым, историческим, духовным, — и только тогда возможно вам будет, отринув ложь Петрова переворота, свободно и благодарно признать лежащую в нем правду!..

* на повестке сегодняшнего дня? (*фр.*)

Выше мы сказали, что перевороты революционного характера создают в стране нравственно-зыбкую почву, на которой никакие постройки не укрепляются прочно; ни одно учреждение не способно пустить глубокие корни, и хуже всего: ни одно не пользуется ни в обществе, ни в народе — ни истинным авторитетом, ни искреннею любовью. Еще менее могут внушать любовь переносимые на такую революционно взборожденную почву учреждения, чуждые национальному духу и по внешности, и по внутреннему строю. Спрашивается: можно ли было полюбить учрежденные Петром звания *фискалов*, *ландратов*[5], *ландрихтеров*[6], — его магистраты, ратуши, коммерц-берг-коллегии[7], и все двенадцать его коллегий и т. д., и т. д.? Сколько времени нужно было пройти, прежде чем язык выучился выговаривать эти чуждые звуки, и не должен ли был каждый облекаемый в это звание чувствовать себя словно наряженным, словно играющим какую-то роль? Единственное, что́ могло мирить и точно мирило его с такой аномалией, — это сознание себя властью, «начальством»: в этом разряженном антинациональном костюме власть являлась вполне отвлеченною от народа, от жизни, и даже как бы враждебною... Спрашивается: кто ж когда в самом деле любил какой чин из Табели о рангах по существу его, кто когда любил и чтил в себе именно надворного советника, или статского, или даже действительного тайного, — кто когда постиг это сочетание непонятных и бессодержательных слов? А между тем ведь почти без четверти два века все русское человечество по сю сторону, т. е. вне народных слоев, рассортировывается по четырнадцати рангам знаменитой Табели, — даже и духовенство более или менее к ней приравнено! Времени прошло много — столько, что это нововведение имело бы полное право назваться стариною и как бы даже покрыться сочувственною сединою, почтенною плесенью, — ничуть не бывало! Оно до сих пор не проникло даже и в ве́дение народных масс и в самом обществе ни в чьем сердце не вызывает умиления... Оно, как, впрочем, почти все наши учреждения с прошлого столетия, запечатлено клеймом временности, ненастоящности, если позволено будет так выразиться. Говорим — почти, потому что исключаем учреждения специальные, технические и прежде всего армию, которая, конечно, есть создание попетровское, но которая не потому ли и является самым лучшим делом правительственной мудрости XVIII и XIX века, что всю силу ей дает сиволапый русский мужик, т. е. присутствие коренной русской народной стихии?.. Армией же гражданской мы утешаться не можем... Петр заводит разные регламенты, уставы, коллегии, советуясь с Лейбницем[8], соображаясь с немецкими, шведскими, голландскими образцами; Екатерина заводит новые, свои порядки, советуясь с французскими философами и учеными; затем опять ломка и переиначивание, опять новые порядки и учреждения: Сперанский пленяется наполеоновской администрацией, централизацией и бюрократизмом. Ни к чему даже и привыкнуть нельзя! И что ни заведи — нет резона, чтоб заведенному, не успевшему еще и окрепнуть, не было предпочтено еще, по-видимому, лучшее измышление. В том-то и беда, что все это не органический продукт, а — поделки! Nichts gewordenes, alles — *gemachtes* *, — сказали бы немцы. Вот почему всё у нас *нипочем*, и это *нипочемство* — относительно государственного строя жизни — составляет характеристическую черту нашего современного общества. Такова уж нравственная логика революционного переворота. Сначала

* Ничего нет несделанного, всё — сделано (*нем.*).

между постройкой и новой сломкой перерыв был сравнительно долог; потом становился все короче, а в нашу пору, при большей свободе критической оценки и при большей возбужденности политической мысли, вчерашнее почти уже изношено сегодня, — все пустилось сочинять новое, все вертятся в безвыходном круге измышлений и поделок.

Суды, думы, земства, которым всем без году неделя, вчера прославлялись, нынче уж никому не милы, — и завтра же будет охаяно то, что́ встречается с похвалами сегодня... Впрочем, сохранилось у нас среди новых сооружений одно старое учреждение, про которое как бы условлено было отзываться, особенно со стороны поклонников реформы Петра, с особым почтением, в котором даже видели как бы своего рода «устой», будто бы популярный и даже «любимый в народе»: это — родимое детище Петра Великого, Сенат. Но вот недавно одна из самых веских наших газет, и притом вовсе не так называемого «либерального» лагеря, и этот столп чуть не повалила, по крайней мере открыто посягнула на его авторитет[9]. Произошел удивительный переполох во всей журналистике: «консерваторы» явились «революционерами», «либералы» и «радикалы» обернулись «консерваторами», а «Русский Курьер»[10] — даже квартальным и, с полицейским задором крича «караул!», потребовал для «Московских Ведомостей» уголовного наказания за злоупотребление дозволенною свободою печатного слова и даже за оскорбление достоинства «Верховного Законодателя, Сенат учредившего»!..[11]

Вся эта история может служить хорошей иллюстрацией предшествующих наших слов, а потому и заслуживает особенного внимания.

Сущность дела в том, что Казанское земское губернское собрание по предложению одного из своих гласных в заседании 3-го декабря прошлого года постановило: почтить память умерших за несколько дней пред сим гласного Рязанского земства А. И. Кошелева и гласного Екатеринославского земства барона Корфа[12], известных своею ревностною деятельностью на пользу земских учреждений как своих губерний, так и земских учреждений в Империи вообще. (Мы передаем «точку зрения» Казанского земства; читателям «Руси» известно, что о земских учреждениях мы имеем свое особое мнение, равно как и о педагогии барона Корфа[13].) Панихида, конечно, была тогда же и отслужена, не дожидаясь, как водится, формального составления протокола; таким образом, «инкриминированное» деяние уже совершилось без всяких, однако, опасных для государства последствий, чинно и мирно, — было бы даже, вероятно, теперь совсем забыто, если б постановление собрания не подало повода к пререканиям о самом праве земства на служение панихид. Постановление Казанского земского собрания было опротестовано местным губернатором на том основании, что «земство не имеет права входить в оценку деятельности лиц, не состоящих у него на службе и вообще не имеющих непосредственных к нему отношений». Земство принесло на этот протест, в установленном порядке, жалобу Правительствующему Сенату, т. е. I-му Сената Департаменту. Сенат признал, что «соображение губернатора само по себе правильно», но «отнюдь не вызывается обстоятельствами дела, так как Казанское земское собрание вовсе не вело прений о заслугах помянутых лиц, никаких рассуждений и заключения о деятельности их в журнал не вносило, а только приняло предложение гласно-

го Иванова, смысл которого именно тот, что общеизвестность заслуг этих лиц в деле развития земского самоуправления и народного образования исключает необходимость оценки значения их как общественных деятелей». При всем уважении к Сенату, не можем не заметить, что постановление его и на этот раз, как в деле о похоронах Тургенева [14], формуловано или мотивировано неудачно. Торжественно «почтить панихидой чью-либо память за общественные заслуги по такой-то и такой-то части» ничего другого означать не может, как торжественно заявить, что чествующие высоко *ценят* эти заслуги. Самое это действие есть уже оценка. Гораздо проще, кажется нам, было бы признать, что чествуемые деятели по роду своих трудов не могут быть причислены к разряду лиц, которых Казанское земство как одно из губернских земств должно бы почитать для себя совершенно чуждыми или не имеющими, по выражению губернской власти, «никаких к нему отношений». Нельзя же в самом деле подводить этих умерших земцев, — как это вытекает из соображения г. губернатора, — под одну категорию с такими посторонними лицами, как бы, например, директор какого-нибудь департамента Министерства финансов или таганрогский градоначальник, — предположив, что казанским земцам вздумалось бы также войти в оценку государственных заслуг сих сановников!

Но интерес дела не в сущности самого факта чествования, а в отмене Сенатом губернаторского распоряжения и в том толковании, которому подверглось в печати это разногласие Сената с административною властью, уже не один раз в последнее время проявившееся. «Удивительного много на свете, — говорят "Московские Ведомости" в той статье своей, которая так всколебала наше общественное затишье, — но удивительнее всего, что у нас в самом правительстве бывает *антиправительство*», которое газета и усматривает в Сенате... В другом месте той же статьи по поводу земских, городских и иных учреждений читаем следующие строки: «Правительство, таким образом, очутилось одним из многих правительств и потерялось среди их, *так что иногда и не отыщешь, где настоящее правительство*»... [15]

Трудно определить наше положение с большею меткостью, как в этих последних двух строках. Само собою разумеется, что вопрос: *где* правительство? — относится лишь к той области явлений нашей государственной жизни и деятельности, где нет непосредственного участия самой Верховной власти. Но не наши разные виды так называемого самоуправления, не городские и земские учреждения, политически совершенно бессильные и проявляющие свою якобы самостоятельность разве лишь в панихидах да подчас в каких-нибудь двух-трех звонких, но туманно-либеральных фразах, и то больше для собственного удовлетворения, — не эти учреждения могут дать повод к постановке грозного вопроса, справедливо озабочивающего «Московские Ведомости». У нас столько же правительств, сколько министерств или самостоятельных ведомств, и каждое имеет свою политику и свою систему: ни общей политики, ни общей системы нет. Министерство финансов, например, устанавливаете тариф для поощрения отечественной промышленности; Министерство путей сообщения парализует эти усилия тарифами железнодорожных обществ; Министерство иностранных дел старается в видах политических привлечь молодых славян в русские университеты; Министерство народного просвещения о политике знать ничего не хочет и в интересах науки отгоняет от воспитания в России молодых славян разными правилами о дипломах; то же Министерство... Но не

достало бы и места для перечня тех взаимных противоречий, которыми преисполнено правительство, представляемое министерствами. Особенно ярким обращиком может служить различие отношений в прошлом царствовании двух министерств: военного и внутренних дел [16] к Польскому вопросу и к нашим Западным окраинам: первое отличалось духом патриотическим и национальным, второе всеми способами противодействовало Муравьеву и вело русское дело к упадку, подготовляя Потаповское управление...

Этого мало. Вопрос не только в том, г д е п р а в и т е л ь с т в о? — но и в том: ч т о́ п р а в и т е л ь с т в е н н о, ч т о́ н е п р а в и т е л ь с т в е н н о? Министры меняются, — но ведь меняются с ними и министерские «усмотрения»! Той общей системы, которая при перемене начальствующих лиц оставалась бы сама неизменною, была бы равно обязательна для подчиненных и авторитетна для всех верноподданных, — мы не видели и не видим. В самой администрации нет никаких традиций, кроме разве традиций произвольного усмотрения и бюрократического самовластия. Таким образом, то, что́ в прошлом царствовании было правительственно, то теперь честится «антиправительственным»! Если бы кто лет 15, 10 назад относился враждебно к новым учреждениям — судебным, городским, земским, — он непременно был бы зачислен в *оппозицию*, а в настоящие дни, чем *враждебнее* к ним, этим правительственным созданиям, кто относится, тем он выходит «правительственнее», и наоборот: в *подозрении*, как неблагонадежные, состоят не только тогдашние приверженцы правительственных реформ, но и просто послушные исполнители правительственных тогдашних предначертаний. Если бы, например, Сенат поразногласил тогда с министерством А. В. Головнина или П. А. Валуева, он с таким же точно правом мог бы заслужить тогда название «антиправительства», как заслужил это название в наши дни, разноглася с современным, но совершенно противоположным направлением того же Министерства внутренних дел!

«Эфемерные и фальшивые доктрины, выдающие себя за последнее слово науки, — говорят “Московские Ведомости”, — в наше смутное и подвижное время легко овладевают умами недовольно зрелыми и характерами недовольно крепкими, и от наплыва этих доктрин, от их заразы не защищены и высшие государственные учреждения»... Этого мы нисколько не отрицаем. Мы вполне готовы допустить, что дух фальши в известной мере отразился на многих реформах прошлого царствования и именно в той мере, во сколько дух европеизма возобладал над историческим духом нашего народного существа. Но этим лживым и эфемерным доктринам должно быть противопоставлено не одно же ведь голое отрицание или ворчливое порицание, а какая-нибудь положительная и ясная, твердо сознанная система как в теории, так и на практике! Необходимо притом, чтоб она была ведома всем. Неудобно же (не говоря уже о самой стране) ставить служебные исполнительные органы в такое положение, чтоб они как бы верхним чутьем *догадывались* о господствующем политическом веянии в правительстве и на основании такой, подчас ошибочной, догадки недоумевали: усердствовать или не усердствовать в исполнении закона, накануне бывшего еще в чести, а сегодня, по-видимому, попавшего в немилость, но тем не менее все же *закона*, носящего санкцию власти и для всех обязательного. Где же, по выражению «Московских Ведомостей», «искать правительства» — при таком обилии и разнообразии правительств и систем во образе

самостоятельных, друг от друга независимых министерств, при частой смене министерского личного усмотрения, неразрывной с переменою самого персонала?

А вот в допетровской Руси, — спросим себя, — было ли правительство и правительственная система? Думаем, что наилютейшие противники Старой России ответят на этот вопрос утвердительно. Хороша ли, дурна ли, но правительственная система была, и «искать настоящее правительство», как выражается почтенная газета, не приходилось. И это — совершенно независимо от личных качеств и достоинств правителей. Мы уже имели недавно случай заметить, что в XVII веке, до вступления во власть Петра Великого, не было не только ни одного гениального государя, но и ни одного особенно замечательного дарованиями государственного человека [17]. Но они не колесили вправо и влево около пути, а шли исторической колеей, стояли на общей народной почве, не чуждались земского разума и именно в нем находили себе опору в годины испытаний. Постоянным же органом правительства была боярская Дума, куда восходили дела из Приказов, где все вопросы рассматривались и решались в присутствии Царя по известной формуле: «Царь указал (приказал), и бояре приговорили». В затруднительных случаях, по вопросам местным вызывались сведущие люди, которые и давали свои ответы в особой «Ответной палате», или же повелевалось местному воеводе предложить вопрос на рассмотрение местным людям, созвав их в местной Земской избе. Наш известный археолог Н. В. Калачов раскрыл весь порядок делопроизводства в боярской Думе [18]: сохранилось множество свитков, которые ждут не дождутся увидеть свет Божий и прояснить наше смутное знание старины (сравнительно не очень старой); для напечатания нужны, впрочем, деньги, а у новой современной России, так роскошно содержащей петербургские канцелярии, для такого просветительного дела достаточно свободных средств еще не оказывается *.

«Московские Ведомости» осыпают Первый департамент Сената язвительными укорами за отмену губернаторского протеста. «Губернатор, — говорят они, — есть слуга своего Государя и орган его правительства. Он может оценивать общественные явления не иначе как с точки зрения правительства». А по уверению газеты, деятельность чествованных панихидою лиц «заслуживает не одобрения, а порицания с правительственной точки зрения, единственно обязательной для казанского, как и для всякого губернатора». Но кто же возьмет на себя определить «правительственную точку зрения», если она официально не выражена? И кому же из второстепенных органов власти может быть предоставлено это право вместе с правом сортировать на основании такой точки людей на «правительственные» и на «оппозиционные» элементы? Самые эти педагогические творения барона Корфа, с такой злой иронией и так верно охарактеризованные газетой, разве не состоят в разряде не только «одобренных», но и «рекомендованных» Министерством народного просвещения, благодаря чему печатались чуть не в сотни тысяч экземпляров?! Вот и «точка зрения

* Небольшая оговорка по адресу наших высших общественных кругов, имеющих много вожделений, но мало сведений: боярская Дума — это вовсе не палата пэров или лордов; участие в этой Думе не было наследственным правом, и звание боярина не переходило от отца к сыну по наследству, а давалось за заслуги. <*Прим. Аксакова.*>

правительственная»!.. Пламенный приверженец Высочайше утвержденного Положения о земских учреждениях, А. И. Кошелев может быть зачислен в «оппозиционные» разве лишь потому, что разделил судьбу этих учреждений, продолжал питать к ним страстную любовь и незыблемо в них верить даже и тогда, когда «точка зрения» на них правительства или министерства перевернулась. Мы опять утыкаемся в недоумение: обязательно ли точку зрения Министерства внутренних дел считать именно за точку зрения правительства? Должно быть, что обязательно, так как орган власти, заведывающий *«внутренними* делами России», ведает, значит, ни более ни менее как всю Россию, всю ее внутреннюю гражданскую политику и жизнь. И если губернатор — «слуга своего Государя и орган его правительства», то кольми паче — министр, по всеподданнейшим представлениям которого эти самые губернаторы назначаются, перемещаются, увольняются и награждаются (ст. 1309 Учрежд<ения> министерств)!..

«Мы верноподданные Государя, а не министров!» — провозгласили однажды «Московские Ведомости» в своей памятной отважной борьбе с Министерством внутренних дел, с Министерством народного просвещения, да и со многими другими министерствами [19] («Московские Ведомости» всегда отличались независимостью и страстностью убеждений и слóва, — этого достоинства никто и из врагов отнять у них не может). Но в силу приведенного афоризма почтенной газеты выходит, что отрицать точку зрения Министерства внутренних дел не всегда значит стоять на точке зрения «антиправительственной»; выходит, что иногда так называемая антиправительственная точка зрения (на которой, по мнению *тогдашних* министров, стояла редакция газеты) несравненно правительственнее «правительственной»; что быть зачисленным в «оппозицию», даже удостаиваться при этом сочувственных общественных демонстраций — *антиправительственного* на ту пору или *оппозиционного* характера — не всегда преступно... Тем не менее министры или правительство, допускавшее такие проявления независимости в печати и такие враждебные себе демонстрации, не заслуживало ли оно тех же самых громов, которыми за слабость и противоречие разят его подчас «Московские Ведомости» в наши дни?

Но, если точка зрения министерств или — специальнее — Министерства внутренних дел не всегда, как показывает вышеприведенный пример, совпадает с точкою зрения правительственною, а потому и не всегда нравственно обязательна для «верноподданных», то не аномалия ли это — особенно там, где министры не суть представители организованных партий или формального большинства? А так как эта аномалия у нас возможна, то не служит ли ей если не противовесом, то хоть некоторым коррективом в некоторых случаях — существующая у нас развалина учреждения, именуемого Правительствующим Сенатом? Хотя он, в сущности, ничем ровно не правит, и этот почетный титул мотается при нем без всякого реального смысла, однако же он все-таки имеет иногда возможность регулировать бюрократический произвол, если не в силу соображений высшей правительственной политики, в которую он не посвящается, то на основании существующего формального закона...

Петр Великий, уничтожив Боярскую Думу, заменил ее Сенатом и все ее функции перенес на него, водворив в то же время вместо прежнего делопроизводства новые, перенятые у немцев канцелярские порядки. При Петре Сенат был действительно органом правительствующим — можно сказать, личным,

подручным исполнительным органом самого Государя. Петр, последовательный в общей своей идее — отрицания старого и в общей своей задаче — объевропеенья России, был плохой систематик в области внутреннего управления. Сенат был при нем только его канцелярией, куда он валил все — от избрания Царя в случае его смерти (если точно бесспорно его письмо в Сенат из-под Прута [20]) до снабжения недорослей серым сукном, — от посылки в Константинополь к султану с ратификациями Лопухина [21] или сыска воров и разбойников — до устройства обеда на Потешном дворе по случаю победы датчан над шведами [22], и т. д. В этом легко убедиться, заглянув в изданные Академиею наук под редакциею Н. В. Калачова два тома под заглавием «Доклады и приговоры Правительствующего Сената при Петре Великом» (по 1712 г.) [23]. В таком виде дело, конечно, оставаться не могло, но учрежденные потом взамен Приказов коллегии (отчасти нынешние министерства) состояли все же в зависимости от Сената и представляли ему отчеты. Со смертию Петра отлетела, так сказать, и душа Сената — движущее его начало; в России зачалось правление личное в более тесном смысле слова, т. е. кабинетное (в XVIII веке подчас и закулисное), с устранением того старого коллегиального начала, которого Сенат оставался еще представителем, — пошли разные Верховные Советы [24], «верховники» и т. п., и Сенат все более и более стал клониться к упадку. В конце концов он обратился в высшую судебную инстанцию по уголовными и гражданским делам, и только 1-й Департамент сохранил за собою некоторую тень былого правительственного значения, присвоенного Сенату. Не без борьбы со стороны если не Сената, то сенаторов было встречено учреждение министерств. Известна также записка графа С. Р. Воронцова [25], в которой он сильно восставал против этого нововведения и настаивал, чтоб отчеты министров прежде поступления к Государю рассматривались в Сенате. Разумеется, это не было уважено: начало личного бюрократического произвола в управлении взяло верх. Тем не менее 1-й том Свода Законов и доныне гласит о таких присвоенных Сенату правах и преимуществах, по смыслу которых он должен бы считаться первенствующим правительственным органом, но которые мало соответствуют его значению в современной действительности. Так, в Правительствующем Сенате «единое лицо Императорского Величества председательствует»; «указы Сената исполняются как собственные Императорского Величества»; «власть Сената ограничивается единою властию Государя; *иной высшей власти он над собой не имеет*», а между тем попасть из Сената в Государственный Совет считается повышением; бывший министр, *сданный* в Сенат, считает себя обиженным... Мало того: отмена Сенатом в силу предоставленного ему по закону права какого-нибудь неважного губернаторского протеста против постановления губернского земства — представляется чуть ли не дерзостью, обзывается в «Московских Ведомостях» «вторжением в действия правительства», хотя он и сам «правительствующий»! Но этот «правительствующий» орган, которому сами министры пишут рапорты и представления, в правлении, однако ж, в точном смысле слова, вовсе участия не принимает, — и только красы ради или в виде эпитафии былому его величию еще красуется в Своде Законов, во 2-й статье III книги Государственных учреждений, что Сенат «надзирает за собиранием *податей* и за расходами штатными, печется о средствах к облегчению народных нужд, к охранению общего спокойствия и тишины и к прекращению всяких противозаконных действий во всех подчиненных ему местах» (значит,

между прочим, на пространстве всего ведомства Министерства внутренних дел!). Какой бы гвалт поднялся, каким бы обвинениям в якобинстве подвергся Сенат, если б он вздумал поверить этим словам закона и только бы попробовал привести их в некоторое исполнение! Но в этом отношении все средства к исполнению закона, кажется, у него отняты. Едва ли даже имеются у него и данные для суждения о вышеперечисленных порученных ему предметах!.. За ним, однако же, еще остается одно серьезное право и реальное значение высшего судебно-административного места, которое именно при нынешних обстоятельствах и желательно сохранить. Есть, по крайней мере, к кому обратиться с жалобой на неправильные распоряжения высшей администрации; есть орган правительства, который может сдерживать уздою закона порывы административных властей, ограждая достоинство правосудия, стало быть, и истинное достоинство правительства, — ограждая права учреждений и лиц... «Московские Ведомости» почему-то думают, что первые, именно учреждения выборные, не нуждаются в ограждении. «Законная свобода, — говорят они, — по существу своему есть принадлежность только лиц, а не учреждений», — как будто за узаконенными правительством корпорациями не признается самим правительством «законной свободы» действий! Как будто избрание предводителя дворянства или городского головы не должно быть вполне обеспечено в своей свободе столько же по требованию справедливости, сколько и по требованию самого закона! Именно *законная* свобода есть по существу своему необходимое достояние узаконенных выборных учреждений, сословных, городских, земских, начиная с крестьянского мирского схода. Хорош был бы мирской сход и к чему он нужен, если б был лишен даже *законной* свободы! К чему заводить выборные учреждения, приглашать людей безвозмездно нести тяжкие труды по местному управлению и благоустройству, и какой пользы от них ждать, если отнять у этой добровольной службы всякое почетное значение и подчинить учреждения произволу администрации? Не проще ли было бы тогда для казны взамен «самоуправления» взять всю эту обузу на себя и держать повсюду казенных чиновников на казенном жалованье?!.. По мнению «Московских Ведомостей», выраженному в той же статье несколькими строками ниже, «произвол администрации может быть, в сущности, *опасен* только по отношению к частным лицам». Опять-таки непонятно: почему же только по отношению к частным лицам, а не по отношению к учреждениям, от которых никакого ни проку, ни толку и чаять нельзя, если лишить их *законной* свободы действий? Этим ведь упраздняется самый их raison d'être *. А прежде всего, кажется, произвол администрации может быть опасен для самого правительства, потому что компрометирует его, подрывает авторитет, родит неудовольствие, противодействие, а подчас нечто и похуже. Да и законодательство наше держится такого же взгляда. В статье 233 Общего Наказа Министерствам (Св<од> Зак<онов>, т. 1) мы читаем, что если — не то что́ частные лица и корпорации, но даже «подчиненное министру начальство усмотрит в предписании, непосредственно от власти министра исходящем, отмену закона или учреждения, тогда оно обязано представить о сем министру»; если же и за сим предписание министра будет «подтверждено в той же силе», то это подчиненное министру начальство, не приводя предписания в исполнение, «обязано случай сей представить на бла-

* смысл существования (*фр.*).

гоусмотрение Правительствующего Сената». Так гарантирует себя от министерского произвола само правительство...

И такая гарантия нужна. Если хотите парализовать значение Сената, т. е. похерить его, то похерьте наперед министерства. Если же вы удерживаете министерства в целости, то непременно удержите Сенат со всеми еще остающимися за ним полномочиями, да настойте, чтоб они не оставались мертвою буквою. Так и в «Учреждении Сената» (229 ст.) и в «Учреждении Министерства» (259 ст.) сказано, что «если Сенат усмотрит, что по частям, управлению министров вверенным, вкрались важные злоупотребления, или откроет в донесениях, министрами Императорскому Величеству поднесенных, обстоятельства, несогласные с настоящим положением дел, — в таковых заслуживающих особенного уважения случаях Сенат, истребовав объяснение от министра той части, до которого сие относится, ежели найдет оное неудовлетворительным, представляет на рассмотрение Императорскому Величеству»...

Кажется, эта статья совсем забыта. Но ничего не препятствует Сенату ее припомнить. Может быть, если б эта статья была в действии, Сенату удалось бы предотвратить хоть то расхищение государственных земель, конец которому, слава Богу, положен в нынешнее царствование. Как исполнять предписанные законом обязанности, так и пользоваться представленными законом правами следует всегда во всей полноте, никогда не уклоняясь от первых и никогда без нужды не поступаясь последними.

Но что в таком случае «состав Сената никак не должен быть делом случайности», что «в выборе сенатского персонала необходима строгость», что «трибунал этот должен состоять из государственных людей высшего качества» — это бесспорно, и в этом мы вполне согласны с «Московскими Ведомостями».

Нет сомнения, однако же, что при настоящем положении дел и при условиях значения министерств в нашей государственной жизни мы и при улучшенном составе сенатского персонала все же не избежим тех аномалий, на который так часто указывают «Московские Ведомости», и будем не раз свидетелями, как правительство одною рукою будет уничтожать дело другой... Корень этой аномалии (немыслимой в Старой Руси) лежит несравненно глубже, не только в правительственной, но и в общественной почве, — между прочим, в отсутствии исторических традиций, почтения и любви к ним и в недостатке опоры в народном сознании — благодаря тому отчуждению от народности, которое характеризует собою весь длящийся и поныне Петербургский период нашей истории...

«Московские Ведомости» удивляются: как могут «возникать разногласия между головою и руками или ногами», и обрушивают всю вину такого разногласия на подчиненные органы. Но не всегда ведь руки и ноги только виноваты. Голова есть седалище ума и воли. Случается, что и голова, увлекаясь отвлеченною мыслью и благодаря силе воли, налагает на тело обязанности непосильные или противоестественные. Если голова богатыря напялит на богатырское туловище узкий, не по нем сшитый кафтан, а на богатырские ноги дамские башмачки, так локти оппозиционно прорвут рукава, а ноги радикально продырявят башмаки и либерально просунутся. Если голове вздумается поселиться на болоте, хоть бы ингерманландском, то руки и ноги если даже и сохранят полную покорность, волей-неволей все же будут протестовать ревматическим искривлением, хворобою, худосочием и иным безобразием!..

<ПО ПОВОДУ ОТКРЫТИЯ ШКОЛЫ В ПАВЛОВСКОМ ПОСАДЕ>

Обращаем внимание читателей на помещенную в нынешнем же № статью «Об упадке знания церковнославянской грамоты в русском обществе и в народе» [1]. Она интересна не только по вопросу, который в ней рассматривается, но и по отношению к этому вопросу самого автора, по духу и способу изложения и аргументации. Это голос из недр самого народа. Автор — бывший крестьянин, теперь мещанин, уже сообщил однажды в «Руси» подробное описание торжества открытия в Павловском посаде учрежденной местным купцом Я. И. Лабзиным народной школы [2] — *исключительно* для обучения церковнославянской грамоте по *Псалтырю* и *Часослову* [3]: учителя — простые мужики, хорошие грамотеи и, главное, — хорошие и толковые чтецы. Это уже высшая, на одну ступень, форма того же старинного обучения грамоте, которого первоначальный тип — выучка у сельского дьячка. Нельзя не порадоваться и не поблагодарить министра народного просвещения [4] за то, что он допустил отступление от общих правил о народных училищах и дал таким образом народу возможность создавать и *свои* общественные училища — по *своему* усмотрению, себе по сердцу, с учителями, не снабженными никаким дипломом, не подчиненными никаким официальным педагогическим программам. Школа Лабзина имеет уж до 300 учеников, с приходящими... Сознаемся — не без чувства умиления отнеслись мы к той радости, которою в окрестном населении сопровождалось открытие Лабзинского училища, к той затаенной в глубине народного сердца верности коренному древнему народному воззрению на значение грамотности и на призвание школы, которая сказалась в настоящем случае. Народ-таки взял свое, переупрямил, добился наконец открытого признания права гражданства наравне с прочими «рекомендованными» учебными книгами — за дорогими ему Часословом и Псалтырем, совсем было обесславленными и изгнанными из школ новейшими русскими педагогами! Мы лично не настаиваем на непременном повсеместно-обязательном употреблении Псалтыря и Часослова и вообще всех чисто-народных приемов обучения, — лучше сказать, оставляем пока здесь этот вопрос в стороне, — но мы радуемся допущению для народа свободы в избрании учебных приемов и думаем, что такою свободою может быть положено начало развитию совершенно своеобразной, самобытной народной педагогики, так как, несомненно, в наше время, при соревновании со множеством других школ, она не может остаться и не останется при одних первоначальных своих формах.

Г<-н> Грачев и его единомышленники из народа, очевидно, не довольствуются частным фактическим разрешением вопроса об обучении церковнославянской грамоте, но стараются обобщить вопрос и положительное его разрешение ввести в общественное сознание. С этою целью и написана помещенная ниже статья. Мы не только вполне разделяем приведенное в ней мнение митрополита Филарета о вреде пренебрежения к церковнославянскому языку [5] (о вре-

де даже для чистоты и силы нашей *литературной* речи), но и сами держимся той мысли, что знание церковнославянской грамоты и вполне свободное умение толково читать и понимать церковно-богослужебные книги — должно быть раз навсегда объявлено безусловно *обязательным* для всех школ, низших, средних и высших, мужских и женских (разумеется, для учеников православного исповедания). Тут и разговора никакого быть не может: поступая иначе, правительство искусственно разобщает народ с Церковью, заграждает ему пути к спасению, само выдергивает из-под него существенные основы народной нравственности!

Можно ли, однако, не краснея подумать, что в православной России, которой бытие неразрывно связано с Православною Церковью, — было воздвигнуто настоящее *гонение* на язык Церкви, на язык священных книг православного богослужения, на язык и грамоту св. славянских первоучителей Кирилла и Мефодия?! И все это — во имя прогресса и цивилизации, из фальшивого, подлого стыда пред просвещенным Западом за церковную окраску нашего первоначального народного образования, из какой-то ненависти к национальной «самобытности», над которой и теперь наши либеральные глупцы не перестают издеваться! Можно ли поверить, что и в настоящую минуту во всех *солдатских полковых школах церковнославянская грамота изгнана*, так что солдаты, к крайнему своему горю, лишены возможности читать богослужебные книги и таким образом самим начальством разобщаются с Церковью? Об этом свидетельствует подлинное, приведенное в статье Грачева, письмо одного из протоиереев с Кавказа в Общество распространения духовно-нравственных книг...

Приходится нам со смирением поучиться у самого народа — к а к е г о у ч и т ь, и поставить на новых началах наше образовательное дело, откинув в сторону педагогическое колобродство покойного барона Корфа[6] и всей однородной с ним плеяды наших «знаменитых педагогов» с их патентованными министерством учебными руководствами!..

1885

<О ТРЕХ РОССИЯХ>

И еще минул год... Тусклый год, — точно долгие серые будни, только вначале озарившиеся блеском наших успехов в Средней Азии [1], да и потом раза два-три просветлевшие было на мгновение благодаря некоторым несомненно полезным, хотя и частным, государственным мерам, — а затем небо снова и пуще заволокло... В общем, итог прошлогодней государственной деятельности может назваться довольно скудным, а что касается нашего внутреннего благоустройства и в особенности нашего экономического преуспеяния, то в этом отношении итог представляет такую крупную отрицательную величину, что с озабоченной думой и стесненным сердцем встречен Россией, едва ли не на всем ее пространстве, новый 1885 год.

Но нет худа без добра... Недуг наш — особого рода. Недуг этот, от которого щемит и ноет весь русский общественный, политический, социальный, духовный и нравственный организм, гнездится преимущественно — в мысли, — в той мысли, которая уже свыше полутора века руководит судьбами нашей страны; недуг этот — наше вольное и невольное отступничество от своей народности, от *духа жизни*, в ней сокрытого, стало быть, и от его творчества, — от исторического пути, от преданий и начал народно-государственного русского строя. То болезненное ощущение, которое обыкновенно выражается словами «не по себе» и которое именно испытывается и Россией, по отношению к ней имеет смысл вполне реальный. Как же ей иначе себя и чувствовать, когда она действительно живет не по себе, а по чьей-то чужой мерке и форме жизни, свое собственное тело творя себе чужим, мучительно болея чужими же недугами! Никогда ни один народный организм не подвергался подобному (да еще и такому продолжительному) извращению естества! Но долее продолжаться такое извращение уже не может. Крепок народный организм и глубоких неизлечимых повреждений, по-видимому, еще не претерпел, но мы подходим уже к той последней грани его крепости, за которою начинается разложение... И вот, в этот-то решительный, грозный миг, повсюду довольно явно стал пробуждаться в русском обществе спасительный инстинкт самосохранения и, так сказать, практически ускорять медленный доселе процесс народного самосознания. В этих утешительных знамениях времени мы и видим добро из худа, потому что все дело — в успехе этого процесса. Если наша болезнь — свойства умственного и духовного (вероятно, даже и ниспосланная нам историческим провидением для развития и воспитания в нас русской мысли), то только подвигом самосознания она и может быть побеждена, а с тем вместе возвращена и свобода народной жизни и ее творчеству.

Но этот подвиг еще не совершен. Праздновать победу еще рано! Преждевременны и лживы уверения, которые теперь часто доводится читать и слышать, будто в наши дни в сознании высших образованных, руководящих классов нет уже более никакого отчуждения от народной жизни, будто права ее теперь в принципе уже признаны всеми, так что постоянно напоминать и твердить о них, как это делает «Русь», теперь уже совершенно излишне! Подобные речи — или недомыслие, или же прямо «словеса лукавствия»[2]. Несомненно, что теперь даже многие западники из староверов 40-х годов согласны, не без развязной снисходительности, признать «в некоторой доле» заслуги тех, кого чуть не полвека назад прозвали «славянофилами», и не прочь подчас и спрыснуть слегка свой затхлый иноземный товар «славянофильскими» духами. При этом иногда довольно ловко делается подмен слова и понятия «народность» — словом «национальность», так как под последнее очень удобно подвести понятие об одном лишь *внешнем государственном* или политическом единстве да таковым и ограничиться: ведь за «русскую национальность» готовы, пожалуй, ратовать даже и евреи — русские подданные! Все такие новейшие националы, возвещающие обыкновенно, что «славянофильские идеи уже отжили свой век», всегда горой за «русскую национальную независимость», — и в то же время ничто так их не выводит из себя (и не изобличает притом подлинный смысл их воззрений), как выражение «русская народная *самобытность*»! Очевидно, что все подобные речи лишь сугубая ложь, впрочем, не всегда и сознательная. Многие, особенно там, в Петербурге, ничтоже сумняся и без малейшего зазрения своей «национальной» совести, напротив, полагая служить «делу русской национальности», охотно готовы заняться, да отчасти и занимаются — не заимствованием, о нет! — а переложением иностранных политических комедий и водевилей на русские нравы!..

Таким дешевым способом примирения противоположных начал, таким обходом решения задачи, выдвигаемой русскою жизнью, русская жизнь довольствоваться не может; такими пластырями, накладываемыми на язвы русского организма, язвы еще пуще растравляются, пуще, мучительнее болеют, а потому и мы позволим себе не переставать докучать русскому обществу всевозможных слоев, начиная с властных, своею так называемою «славянофильскою» проповедью, не прекращать нашего литературного служения делу народного самосознания... Тем более что к теоретическим аргументам, повторяем, грядут теперь нам на помощь тяжеловесные аргументы очень серьезного практического свойства...

Недавно «С.-Петербургские Ведомости», — которых никак нельзя причислить к газетам западнического «либерального» лагеря, которые, напротив, отличаются направлением, известным в Петербурге под названием «консервативного», усердно, по-видимому, ратуют с «космополитизмом» и служат вообще отголоском «Московских Ведомостей», — выступили со статьей[3], выделяющейся из других большею важностью и торжественностью тона и заключающею в себе, надо полагать, их professionem fidei *. У почтенной газеты охота смертная выработать себе самостоятельную основу национальности, — помимо «славянофильства», но... участь выходит горькая. «Есть три России или, точнее, — три понятия о России, — начинают “С.-Петербургские Ведомости” свою статью, —

* исповедание веры (*лат.*).

Россия официальная, Россия неофициальная и Россия историческая». Газета (признающая себя глашатаем последней) такое вслед за сим устанавливает различие между тремя Россиями: «Россия официальная есть Россия правительственная, Россия Петра и его преемников, Россия военного могущества, государственной службы, чиновников, присутственных мест, полиции и жандармов, а в недавнее время Россия рекрутских наборов и помещичьих прав». Очевидно, что это одни *внешние* признаки, притом лишь до времен Александра II. Почему же, однако, Россия обязательной воинской повинности не есть Россия «официальная»? Но последуем за автором. «Россия официальная, — продолжает он, — есть Россия, ведомая правительством, призывающим всех и каждого к исполнению государственных, служебных и материальных повинностей»... Читатель в недоумении: призывать к исполнению государственных повинностей — долг правительства не преходящий, а пребывающий; почему же он отнесен к официальной России *прошлой*? Что дело идет именно о России *прошлой*, доказывается тем, что вслед за приведенными словами, не отделяя их даже точкою, автор ведет далее свою характеристику официальной России в таких выражениях: «Россия хвалебных од Ломоносова, Россия газет Греча и Булгарина[4], лекций Шевырева[5], патриотических драм Полевого и Кукольника»...[6] Положим, в этой последней характеристике[7] есть желание оттенить признаки *внутренние*; но опять возникает вопрос: а Россия «Северной Почты», «Правительственного Вестника», «Journal de St.-Pétersbourg»[8] разве не «Россия официальная»?.. После такой не совсем удачной попытки определить понятие об официальности «С.-Петербургские Ведомости» переходят к «России неофициальной».

«Это не столько действительность, — говорят они, — сколько отрицание России официальной и протест против нее», протест, шедший с двух сторон: «во имя русской самобытности» и «во имя западной цивилизации». Вот как определяет газета «славянофильский» протест: в славянофильском лагере «желанная неофициальная Россия... представлялась как царская Русь с ее кремлевскою стариною, оригинальным строем, дедовскими обычаями, народными верованиями, церковностью жизни, *гулом московских колоколов* (!), монастырями — как средоточиями умственной деятельности; с ее деревнею, *боярством* и крестьянством (хорошо, что автор еще не сказал: "с ее крепостным правом"!), с ее миром, вечем, общиною, сходкою, *приказами* (?) — вместо *коллегий и министерств*, думами и *соборами* — вместо *советов*»... И «комиссий», прибавим мы. Хотя тут, как водится, навалены в одну кучу и мнимые, и истинные черты славянофильского учения, смешаны начала, дух жизни, сокрытый в старинных бытовых и государственных формах, с самыми этими формами и с внешними явлениями старины, невозвратно отжившей, — однако ж мы на разборе этого определения останавливаться теперь не будем, да и не очень-то претендуем на приписываемое «славянофилам» расположение к общине, миру, соборам и пр. вместо современного бюрократического строя! Затем автор, как и следовало ожидать, поясняет, что «многие идеи славянофильства вошли в общее достояние, другие жизнь опередила своим запросом, и они доживают последние дни»... Очевидно, газета трактует «славянофильский протест» свысока, fait bon marché de lui *, как говорят французы, — чем и подтверждает сказанное нами

* относится пренебрежительно (*фр.*).

выше о том, как дешево думают у нас некоторые расквитаться с задачами народного самосознания!

Посмотрим: в чем же и какими новыми запросами опередила славянофильские идеи жизнь, и какая это Россия теперь на череду — по мысли «С.-Петербургских Ведомостей»? «Идея, — вещают они, — которую желали бы мы выразить под словом "Россия *историческая*", сравнительно недавнего происхождения: она пришла в ясное сознание в эпоху Польского мятежа *1863 года* и мало-помалу привлекает себе серьезные умы»... Понятно, что здесь подразумевается эпоха возникновения публицистической политической деятельности «Московских Ведомостей» под тою редакцией, под которою они и теперь существуют[9]. А так как сам автор несколько ниже говорит, что «Россия историческая есть та же правительственная, официальная, но не в смысле эпохи Николая I и не в смысле эпохи Александра I» (об Александре II вовсе не упоминается), то можно бы, продолжая сравнение с охарактеризованною самим автором «Россией официальной», вывести такое заключение, что его «Россия историческая есть Россия официальная», только не патриотических драм Кукольника, а «Московских» и «С.-Петербургских Ведомостей», — если только «Московские Ведомости» согласятся признать истолкование *их* России, предложенное петербургскою газетою, правильным и удовлетворительным... Истолкование же ее вот какое: «Россия историческая — есть Россия действительная, как завещана она *нынешнему поколению многовековою тяжелою историею*». Не ясно! Почему же Россия, завещанная поколению времен Николая многовековою же тяжелою историею, — не была, в свою очередь, «Россиею историческою»? Это последнее выражение встречается и в «Руси», но смысл его совершенно иной. Под Россией «исторической», когда нам случалось употреблять это слово, мы разумели Россию в ее историческом *существе*, с теми ее основными историческими элементами, которые сокрыты от сознания «России официальной» и лишены были возможности свободного своего проявления и воздействия именно в истории последних двух веков. Может быть, по мнению автора, это историческое существо теперь уже вполне проявилось? Но когда, как и в чем? Ведь если Россия Николая I — Россия только «официальная», а не «историческая», то под определение автора, что «Россия историческая» есть Россия в том самом виде, «как завещана она *нынешнему* поколению», неминуемо должна войти Россия эпохи покойного Государя со *всеми* его реформами и во *всем* их объеме, пребывающем до *нынешнего* дня? Автор, однако ж, об этом умалчивает, находя это, вероятно, для себя неудобным... Посмотрим — нет ли другого, более точного определения.

«Признавать историческую Россию, — читаем вслед за тем в газете, — значит признавать, что можно стоять на высотах европейского просвещения и оставаться русским, верным своему Государю и своему народу, не отрекающимся от истории своего государства и его нелегких задач, не отвергающим с ребяческим легкомыслием *выработанного страдою поколений государственного строя*»... А! Ну теперь нам ясно.

Сопоставляя это определение с отзывом автора, с одной стороны, о так называемых «"славянофильских" идеях, отживающих свои последние дни и опереженных запросом жизни», — с другой: о доктринах наших западников-либералов, резко им осуждаемых, — мы должны необходимо придти к выводу, что «Россия историческая» «С.-Петербургских Ведомостей» (понятие о которой,

по их словам, сознано лишь с 1863 г.) не есть Россия ни конституционного пошиба, ни та, об историческом существе которой так часто напоминает наше издание: т. е. и не Россия земская-монархическая, в которой начало общинное, мирское, соборное состоит в неразрывном органическом союзе с единоличною верховною, никаким договором не ограниченною властью. Так что́ же она такое? Да ничего более, как та же Россия петербургская, Россия *сего дня* — канцелярско-полицейско-бюрократическая, с министерствами, советами и комиссиями. О России *земской* автор вообще ни слова. Отвергая так называемое «славянофильское» определение государственного строя и понимая под «историческою Россиею» ту, которая «завещана нынешнему поколению», петербургская газета дает свою санкцию не чему иному, как *современному* status quo, только без конституционной в нем подмеси, — современному государственному строю, который, точно, «выработан *страдою* поколений»: с этим последним мы вполне согласны!.. Этому выводу нашему не противоречат и следующие за приведенной нами цитатой строки «С.-Петербургских Ведомостей»: «Россия историческая, в ее идеале, есть Россия сильной правительственной власти, единичной и живой, а не коллективной и условной, и самой широкой свободы во всем, что́ лежит вне круга исполненных перед государством обязанностей». Определение «свободы» очень темное, так как предварительно следовало бы обозначить самый круг таковых обязанностей; во всяком случае, оно может касаться одних личных прав, а не земского строя русской внутренней жизни, который, по нашему мнению, не подходит даже под понятие «прав», а составляет основную стихию общего нашего государственного строя и не отделяется от русского понятия о верховном единовластии.

Так вот что́ теперь возведено на степень «России исторической» и переодето в национальный, даже *народный* костюм! Говорим «народный» потому, что автор статьи именно поминает, хотя ни к селу ни к городу, «русский народ» и даже чуть ли не дает уразуметь, что и открыт-то он только со времен «Московских Ведомостей» 1863 года. Только с этого года, уверяет академическая газета, возникла мысль о возможности «стоять на высоте европейского просвещения и оставаться русским, верным своему Государю и *народу*, не отрекающимся от истории своего государства»! Как будто и Хомяков, и К. С Аксаков, и их друзья, стоявшие, бесспорно, на высоте европейского просвещения, уже более 40 лет тому назад и первые в русской литературе, даже испытывая разные гонения со стороны слепотствующего правительства, не возвели русский принцип верховного единовластия в догмат русского политического катихизиса, не объяснили и не оправдали его теоретически?.. Но при этом они действительно оставались «верными и русскому народу», не отреклись от русской истории и возвели в догмат того же катихизиса и начало *земское*. Таковой верности *народу* в понятии о «России исторической», возникшем будто бы с 1863 г. и теперь излагаемом «С.-Петербургскими Ведомостями», нет места, потому что признание принципа самодержавной власти *вне* идеи *земли* — такой «верности народу» противоречит. Совершенно опуская эту идею и иронически отзываясь об «общине», «мире», «соборах» или соборном начале «вместо коллегий и министерств» — обо всех этих, по его мнению, атрибутах славянофильского учения, неужели не видит автор, что слова его, которыми он так торжественно заканчивает свою статью, не более как пустая бессодержательная фраза? Вот эти слова: «Россия историческая есть русское правительство и русский народ,

стоящие вместе и дружественно на страже русских интересов»... Чтó ж это за народ без народности? и каким образом, при устранении исторического понятия о земщине как неотъемлемой принадлежности государственного строя России, может он стоять на страже русских интересов? И почему автором признано здесь уместным вместо более точного выражения «русская верховная единоличная власть» или «русский Государь» употребить выражение «правительство», которое ведь само по себе может быть применено ко всевозможным формам правления? Не потому ли, что оно, это слово, — под коим можно разуметь сонм петербургских сановников и чиновников, руководящих бесчисленными ведомствами, — именно и понадобилось газете для более точного определения понятия о государственном status quo, «завещанном нынешнему поколению»? Но в таком случае, спросим опять, к чему здесь «русский народ»? Совсем лишняя мебель, нужная разве для того, чтоб, по мысли газеты, служить подножием для бюрократического здания, сооруженного Сперанским и упроченного «страдою поколений»!..

Определение «исторической России» в том смысле, как употреблялось это слово иногда в «Руси», дано русскою историей той поры, когда не было еще разрыва между народною жизнью и ее руководящими и властвующими классами: это — «Государство и Земля», «Государево и земское дело»... (см. Уложение царя Алексея Михайловича [10]). Оно и единственно истинное.

О том же, как отражается в России областной, земской «Россия историческая» «С.-Петербургских Ведомостей» с тем «государственным строем», который завещан нынешнему поколению и благополучно пребывает теперь в Петербурге, но «с ребяческим легкомыслием» отвергается так называемыми славянофильскими идеями с их «общиной», «миром» и соборным началом, — о том, как отдается современный status quo в жизни народной, говорит достаточно убедительно помещаемая ниже статья, именно носящая заглавие «Наш status quo»... [11] Такие голоса с места, при всей их страстности и даже вследствие самой этой страстности, достойны внимания [12] и служат красноречивым ответом защитнику Петербургского периода русской истории. В то же время они, с нашей точки зрения, представляют и утешительное явление в настоящее время, так как свидетельствуют о возрастании русского народного самосознания и о том, что и помимо уже какой-то «славянофильской теории» сама жизнь вопиет по русской исторической правде!

<ЦАРЬ В КИЕВЕ>

В портфеле редакции немало присланных из Киева восторженных описаний пребывания Царской Четы в этой древней русской столице; имеются даже и стихи — не перлы поэзии, но согретые искренним чувством. Все это доставлено было слишком поздно для 8-го № «Руси» [1], а теперь уже и само по себе представляется запоздалым, так как русская публика успела уже вполне ознакомиться с подробностями царственного посещения из телеграмм и корреспонденций ежедневной печати, а полученные вслед за тем киевские газеты явились верными истолкователями впечатлений и ощущений киевского населения. К этим чувствам киевлян, столь естественным и понятным, присоединяется, разумеется, всем сердцем и вся остальная Русь. Да и кто же из русских не утешался каждый раз — прочитав известие, что Государь изволил отбыть из Петербурга в Россию, что Державный Хозяин поехал осматривать Свое великое хозяйство, которое Его ждет не дождется! Отрадно становилось при мысли, что вот русский Царь теперь *у себя в Киеве*, — только об одном оставалось жалеть, что вследствие разных высших, нам, конечно, неизвестных соображений это царское пребывание *у себя в доме*, на Руси. продолжилось недолго. Нет сомнения, что Киев не только по своему историческому и религиозному всероссийскому значению, но и как главный город Юго-Западной Руси заслуживает особенного к себе внимания верховной власти. Одно из самых могущественных орудий в укреплении связи наших окраин с русским народным и государственным материком — это появление на них, от времени до времени, Вождя всего русского народа, живого символа русского народного единства, государственного величия и силы. Совсем ведь не утешительно обстоят дела на наших окраинах: не то чтоб последним грозила какая-нибудь серьезная близкая опасность извне, но внутри-то они заполонены множеством посторонних, враждебных элементов, с которыми нелегко бороться коренной русской стихии. Нужно поэтому для последней сильное оживление и возбуждение народного духа, и мы вполне присоединяемся к желанию, высказанному «Киевлянином», чтоб Киев был в самом деле возведен на степень столицы и резиденции русских царей, хотя бы и не постоянной [2]. Какими благотворными последствиями могло бы это сказаться для нашего Запада и даже всего Юга!.. Но и вся Русь нуждается в царских посещениях, и чем чаще, долговременнее будут они, тем и благотворнее; тем скорее упразднится смысл народной пословицы, в которой слышится такое чувство сиротства и такая тоска безнадежности: «до Царя далеко!»... [3] Всюду на Руси Царь — Гость всегда желанный, — он же и Хозяин давно жданный. Как Царь *у себя дома* на Руси — в Киеве, так он *у себя* дома и в Москве, во Владимире, в Архангельске...

Но разве русский Царь не у *себя дома* и в Санктпетербурге? Не отрицаем; волей-неволей подчиняемся велению, конечно временному, неумолимого исторического рока, переставившего центр правления из центра страны на ее оконечность, в инородческий край. Но такова эта роковая аномалия, что до сих пор плохо мирится с ней русское чувство, русская жизнь, да и весь государ-

ственный организм... «Ну — скажут — опять “Русь” затянула старую песню: пора бы перейти к чему-либо новому, оставивши этот праздный вопрос!» Да чтоб перейти к новому, нужно разделаться со старым, если не фактически, то хоть в общественном сознании. А этого еще нет. Ведь в «Петербурге» суть всех вопросов, которых разрешения вы доискиваетесь — и не доищетесь, пока господствует Петербург. Петербург ведь не город только; Петербург — принцип, которому город служит лишь знаменем или воплощением. Он и зачат был (не как порт, а как столица) именно в духе отрицания русской народности, в духе отчуждения от родной земли, что́, положим, было даже естественно в первую пору увлечения западною цивилизациею, — что́, может быть, было даже и нужно, пожалуй, даже и благодетельно для противодействия тогдашней национальной исключительности Москвы, но теперь по меньшей мере излишне и вредно. Петербург, однако, остается и до сих пор верен своему «славному прошлому» и продолжает служить, даже порой бессознательно, но тем не менее ретиво, тому самому духу, который положен в его основу, т. е. духу отчуждения от русского духа... «Праздный вопрос!!» Чьей жизни биение пульса сильнее слышится теперь в Петербурге? Русской ли народной — или же берлинской, немецкой, вообще западноевропейской? Если последней, — и конечно, последней, этого отрицать никто не посмеет, — то понятно, к чему в конце концов должно привести дальнейшее коснение центрального высшего управления в таком городе! — Да и не здесь ли причина того раздвоения России на официальную, казенную, деланную — и Россию настоящую, народную, историческую с ее подспудною жизнью, о котором мы упоминали в прошлой статье как о помехе для решения Славянского вопроса?..[4]

ЗАМЕТКА РЕДАКТОРА <НА ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО В. О. ПОРТУГАЛОВА>

В 39<-м> № «Недели» помещено письмо к редактору из Самары г. Португалова с разными выходками на «славянофилов» и с описанием случая, бывшего в имении одного из наших достоуважаемых сотрудников [1].

Г<-н> Португалов!.. Это тот самый, чью визитную карточку мы храним до сих пор вроде некоторого куриоза: на ней, внизу имени, красуются слова: *«писатель и врач»*. Первое очевидно необходимо, так как без этой самоаттестации никто бы, конечно, и не знал о существовании такого писателя. Что же касается второго, то полагаем, особенно же по прочтении вышеупомянутой его корреспонденции, что во втором слове («врачъ») произошла опечатка и последние две буквы должны быть заменены другими двумя (*л* и *ь*)... Так будет ближе к истине и точнее определится его достоинство как писателя. Надеемся, что г. Португалов последует нашему совету и отпечатает вновь свои карточки в исправленном виде...

В. О. Португалов. Фотография. 1880-е гг.

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ. ВАРИАНТЫ. НАБРОСКИ

<ЧЕСТНОЕ ПЕЧАТНОЕ СЛОВО И ИЗВОРОТЛИВАЯ РЕЧЬ> (с. 22)

Москва, 2 декабря.

В странном положении почувствует себя[a] будущий историк русской словесности,[b] придется ему перебрать и перечесть произведения нашей литературной эпохи, и в особенности нашей современной периодической литературы.[c]

видим мы и по отношению ко многим другим общественным задачам и вопросам. Если писателю не дозволено порицание, а разрешена исключительно одна похвала, то и достойное похвалы не получит ее, потому что похвала без свободы порицания теряет значение[d] независимого свободного мнения и становится или смешивается с лестью[e].

Наконец,[f] в тех случаях, где[g] зло и ложь достигают крайних пределов наглости и обличение их не ведет ни к какой[h] опасности, тем более что обличение направлено на принцип, а не на лица,[i] бой не ровен и невыгода положения вся на стороне честного искреннего слова. Чувствуя свою слабость, противник прикидывается лежачим, обвиняет писателя в доносе и[j] клевещет на его честное имя. Такого рода низкое средство защиты в большом ходу в нашей литературе, и[k] как ни безобразна, как ни явна всем ложь обвинения, но самая возможность прибегать к такого рода презренной защите останавливает[l] даже безопасное для противников обличение лжи со стороны искреннего[m] писателя и[n] есть[o] необходимое последствие печального состояния нашей литературы.

Итак, что же выходит?[p] Честное слово молчит, истина или то, что искренний писатель признает за истину, оставляется без защиты, а ложь бодрствует и прокрадывается всеми тайными и нечестивыми[q] путями, без помехи и без[r]

---

[a] *Было*: положение будет поставлен.
[b] *Далее зачеркнуто*: когда.
[c] *Весь абзац написан отдельно от последующего текста и перечеркнут синим карандашом.*
[d] *Слова*: теряет значение — *вписаны над зачеркнутыми*: похвала, лишенная.
[e] *Это предложение подчеркнуто красным карандашом. Далее зачеркнуто*: — гнуснейшим явлением человеческого слова.
[f] *Далее зачеркнуто*: даже и.
[g] *Далее зачеркнуто — сначала*: противнику; *затем*: спорящим.
[h] *Далее зачеркнуто*: пря<мой>.
[i] *Далее два ды зачеркнуто*: честный писатель.
[j] *Далее зачеркнуто*: прибегает.
[k] *Далее зачеркнуто*: хотя.
[l] *Далее зачеркнуто — сначала*: честного писателя; *затем*: всякое честное и.
[m] *Сверху вставлено, а затем зачеркнуто*: честного.
[n] *Далее зачеркнуто*: составляет печальное явление.
[o] *Далее зачеркнуто*: новое сви<детельство>.
[p] *Далее зачеркнуто*: Что видим мы в нашей литературе?
[q] *Далее зачеркнуто*: и подземными.
[r] *Слова*: без помехи и без — *вписаны над зачеркнутыми*: не встречая никаких преград.

отпора: ибо пред силой духовной бессильны всякие материальные преграды, ибо зло не излечивается злом,[a] — а единое могущественное[b] оружие — слово — бездействует[c] при вмешательстве материальной силы в область мысли и слова![d]

Неужели такое положение может быть терпимо?[e] Неужели можно оставаться равнодушным при виде такого бессилия истины, такого торжества лжи, такого разврата в слове?

Нет, нам нет другого целения,[f] кроме честного, вполне и безгранично откровенного слова[g], кроме полнейшей свободы[h] выражения всякому искреннему убеждению[i], как бы ни было оно ошибочно[j], всем ищущим и алчущим истины[k], как[l] бы розно ее ни понимали,[m] всем честным ошибкам и заблуждениям![n] Искренний голос есть честный голос, а[o] таких-то голосов и недостает нашей литературе! Только откровенное слово может внести в нее ту стихию нравственную, без которой литература[p] губит и развращает, и самая истина становится бессильной.

Во имя истины[q] и правды, мы просим и молим снять с честных людей бесчестие молчания и изворотливой речи; просим и молим полнейшей свободы для нас и для наших противников, материалистов, раскольников, поляков и всех тех, с которыми бы мы хотели состязаться в литературном споре, померяться равным оружием мысли и слова! Неужели же такое желание честного боя противозаконно и неосуществимо?[r]

Мы заявляем не личное свое мнение, а мнение всех[s] деятелей в нашей литературе и уверены, что и они присоединят свои вопли к этому воплю, да, воплю, без риторического[t] преувеличения, всякого честного сердца, всякого искреннего убеждения...[u] Неужели же слову на Руси никогда и не суждено бывать откровенным и честным?[v]

---

[a] *От слов*: ибо зло — *подчеркнуто красным карандашом.*
[b] *Это слово вписано над зачеркнутым*: сильное.
[c] *Это слово вписано над зачеркнутым*: обессилен.
[d] *Далее зачеркнуто*: Если же.
[e] *От слов*: при вмешательстве — *подчеркнуто красным карандашом.*
[f] *Далее зачеркнуто*: как.
[g] *Далее зачеркнуто*: Во имя истины мы желаем и молим.
[h] *Далее зачеркнуто*: критики.
[i] *Было*: убежденному голосу, хотя бы убеждение его.
[j] *Далее зачеркнуто*: убеждение; ибо всякий искренний голос есть честный голос.
[k] *Было*: всякому ищущему и алчущему правды.
[l] *Это слово вписано над зачеркнутым*: хотя.
[m] *Далее зачеркнуто*: и розно.
[n] *От слов*: кроме полнейшей — *подчеркнуто красным карандашом.*
[o] *Далее зачеркнуто*: он-то и.
[p] *Это слово вписано над зачеркнутыми*: действие ее пагубно и сама истин<а>.
[q] *Далее зачеркнуто*: чест<и>.
[r] *От слов*: Во имя истины — *подчеркнуто красным карандашом. Далее зачеркнуто*: Будем надеяться, что нет.
[s] *Далее зачеркнуто*: честных и искренних.
[t] *Это слово вписано над зачеркнутым*: всякого.
[u] *От слов*: свои вопли — *подчеркнуто красным карандашом.*
[v] *Это предложение вычеркнуто, а затем подчеркнуто, т. е. восстановлено.*

<ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ВОЛЯ И СВОБОДА ЧАСТНОГО МНЕНИЯ> (с. 26)

МОСКВА 20-го января

В 10 № «Северной Почты», газеты Министерства Внутренних Дел, в Отделе *официальном,* напечатано следующее:
«С.-Петербург, 12 января.....[a]

Читатели, без сомнения, оценят *всю* важность подобного заявления. До сих пор[b] в офиц<иальных> наших журн<алах> и газетах печатались только указы, приказы, распоряжения и постановления Правительства; мы слышали повелительный голос власти, требовавший повиновения, и требовавший именно потому, что он выражался уже[c] в форме официальной, законодательного акта, со всеми атрибутами власти. Мысль Правительства выражалась[d] или сообщалась публике не как прав<ительственная> *мысль,* а как правительственная *воля*. Собственно мысль Правительства со всеми благородными атрибутами мысли и процесса мыслительного, т. е. с доводами, посылками, заключениями, выводами — от времени до времени возвещалась в «Journal de St. Pétersbourg», — но, во-1-х, это относилось только к сфере дипломат<ических> вопросов, во-2-х — этот журн<ал> имеет в виду скорее иностран<ную> публ<ику>, чем русскую, направл<яемую> чуж<им> общ<ественным> мн<ением>, издаваясь на фр<анцузском> языке. Теперь, наконец,[e] в первый раз Рус<ское> Правительство принимает в соображ<ение> обществ<енное> мнение и у нас в России, и нельзя не порадоваться такому небывал<ому> у нас явлению.

Но не этому одному дает[f] повод радоваться просвещен<ное> дей<ствие> М<инистерст>ва Вн<утренних> Дел. Такого рода заявления правительственной мысли существ<уют> в Европе, лишь там, где мнения частные выражаются свободно и беспрепятственно. Гул частных голосов, свободно раздающихся, нередко может быть принимаем там за отголосок правительств<енного> мнения, и среди разнообразн<ых> и противореч<ивых> частн<ых> мнений — обществу необходимо бывает ясно сознавать[g] путь, котор<ым> неуклонно-медленно подвиг<ается> Прав<ительство>, — необходимо ясно сознав<ать>, что мысль обществ<енная> еще не стала действи<ем>, ибо действие прин<адлежит> Прав<ительству>, а мысль — обществу (собств<енно> говоря).

Итак, мы скаж<ем>, что подобные заявл<ения> сущ<ествуют> там, где уваж<ается> и призн<ается> свобода частного мнения, потому что там, где эта

[a] *Оставлено место для цитаты.*
[b] *Далее зачеркнуто*: правительство.
[c] *Слова*: выражался уже — *вставлены над зачеркнутыми*: раздавался только.
[d] *Слова*: Правительства выражалась — *вставлены над зачеркнутыми*: предшествовавшая такому закону.
[e] *Далее зачеркнуто*: видим.
[f] *Это слово вписано над зачеркнутыми*: имеем мы.
[g] *Далее зачеркнуто*: мысль.

своб<ода> не уважается, где част<ное> мнен<ие> лиш<ено> возм<ожности> высказаться, там[a] Прав<ительство> не нуждается в подобного рода литературн<ых> сношениях с публикой, а явля<ется> как власть, требую<щая> не согласия, а исполнения, не направля<ет> об<щественное> мнение, а отрицает саму воз<можность> существ<ования> общ<ественного> мнения.

Итак, мы не мож<ем> не выразить нашей благод<арной> пр<изнательности> М<инистерст>ву вн<утренних> дел, которое изданием «Северной Почты»[b] вносит новое начало в область литерат<уры> как выраж<ение>[c] общ<ественного> мнения, слагающ<егося> из частн<ых> мнен<ий> отд<ельных> участ<ников>. Кроме то<го>, так<ие> заявлен<ия> имен<но> способны успок<оить> взволнов<анные> умы. Если, например, предположить, что так<ие>-то и такие-то статьи раздраж<ают> дворянство (просим <не> забывать, что это только предположение; к чести моск<овского> двор<янства> мы даже предполо<жить> это не можем:[d] оно явило себя вполне лиш<енным> тех полит<ических> способностей, необх<одимых> для его полит<ического> значен<ия>, которое так усердно хочет навязать ему г. Чичерин, в т<ом> ч<исле> способн<ость> успокоить. Нельзя же обществу не призн<ать> права каж<ого> иметь св<ое> личн<ое> мнение, и не[e] на личн<ом> мнен<ии> оно не мож<ет> им<еть> и особ<ой> важ<ности> в глазах и не сост<авит> крепк<ого>, единодуш<ного> созн<ания> своих прав и значения.

---

[a] *Далее зачеркнуто*: не нужно.
[b] *Далее зачеркнуто*: подает нам надежду.
[c] *Далее зачеркнуто*: частных.
[d] *Далее зачеркнуто*: куда бы девалось тогда.
[e] *Далее зачеркнуто*: зачем.

<О ГОЛЛАНДИИ>

Москва, 27 января.[a]

В Голландии, недалеко от Амстердама[b], есть село Брюн, замечательное «благоустройством и порядком». Песок по улицам посыпан разными узорами;[c] нигде ни соринки, ни пыли, — и нарочно приставленные люди приводят эти узоры беспрест<анно> в пр<авильный (?)> вид; когда вы входите в дом, то следы ваших пыльн<ых> сапог тотчас смывают, а при входе в дом вам надевают ка<кие>- то фланел<евые> туфли: на столах стоят изящные и великол<епные> плевательницы,[d] для того чтоб, плюнув в угол, вы не попали мимо плевательницы; — даже на скотных дворах — в стойлах (мы это сами видели) у каждой коровы есть окошечко с драпериями (занавесками) и каждой корове, установл<енной> в стойло, хвост подвязан кверху для того, чтобы он не мог быть выпачкан и чтобы корова не махала им безобразно; таким образом, коровы неизбежно извергают нечистоты свои в желоб.[e] Г. Чичерин должен быть очень доволен таки<м> порядком: признаются и допускаются функции организма: призн<ается> за коров<ой> право варить пищу и даже расстр<ойство> желудка, но все это прил<ично>, мило и добропорядочно. Разумеется, в это<м> селе мертв<ая> тиши<на> и сюда удал<яются> на житье только пожилые богачи, которые служ<или> идее порядка, рабы порядка (хран<ители> порядка), не[f] порядок для человека, а человек для порядка[1]. Но и здесь, однако, чувствуется потребность некоторой жизни. Голланд<ец> любит сады и довел тюльпаны — цве<ток> красив<ый>, но безуханный[2] — до совершенства. Подкрашенн<ые> стволы, и у богатых даже и с позолотой. — В обществ<енном> саду везде сидят намалев<анные> куклы, и даже пьяные фламандцы — но это куклы, и механизм сокрыт<ый> движе<ний> эти<х> куко<л> заст<авляет> их дел<ать> вольн<ые> движен<ия>, улыба<ться>, под<носить> стак<ан> вина ко рту. Но это однообр<азие> уго<дно> голландца<м>. В саду отведен уголок для *вольн<ой>* дикой природы: устроен дикий поток, низверг<ающийся> водопадом (все это в миниатюрн<ых> размерах, похожих на игрушечку). Через него перекинут мост: мост с перв<ого> раза самодел<ьный>, первобы<тной> формы, два дер<ева> перебр<ошены> на др<угой> берег, во все<й> ди<кости> сво<ей>. Все это на простр<анстве> 10 саж<ен>. Присмотр<итесь> ближе, и вы увидите, что деревья выкрашены под кору (в прот<ивном> случ<ае> кора бы почернела); мало того, чтобы все смотр<елось> жив<описным> беспорядко<м>, *приклеены* на мосту и на перилах немно<го> песоч<ка> и немного[g] грязи, в комочках. Это знач<ит>, у голландц<ев> дикая, своб<одная> природа. Зайдя[h]

---

[a] *Далее зачеркнуто*: Известен порядок, чистота и благоустройство Голландии.
[b] *Это слово вписано над зачеркнутым*: Гаги.
[c] *Далее зачеркнуто*: так что.
[d] *Далее зачеркнуто*: куда.
[e] *Далее зачеркнуто*: Этот воз.
[f] *Далее зачеркнуто*: человек.
[g] *Это слово вписано над зачеркнутым*: кусочки.
[h] *Здесь рукопись обрывается.*

<ДВОРЯНСТВО КАК СОСЛОВИЕ С ПРАВАМИ, НО БЕЗ ОБЯЗАННОСТЕЙ> (с. 40)

Москва 24 февраля [a]

Наступил Великий Пост, и зимний *сезон* нашей общественной жизни можно считать почти оконченным. Много надежд, много чаяний возбудил он вначале, из которых самым [b] обольстительным было чаяние *жизни* и *дела.* Возбуждены были вопросы — не отвлеченные, не праздные, не преждевременные, а вопросы насущные, действительные, неотложные. Казалось, разрешение их было необходимо, неминуемо, — и однако же разрешения не последовало, ни в жизни, ни в области законодательной, ни в литературе. [c] На литературной арене завязалась было интересная литературная борьба по вопросу о дворянстве и сословиях, но благочиние было тотчас же восстановлено «Северною Почтою» [d] с «героями Нашего Времени». Г. Борис Чичерин, сделав дворянству одной из губерний выговор за разгул либерализма, строго напомнил дворянству об его обязанностях. [e] Хотя мы перерыли весь Свод Законов, чтобы отыскать хоть одну статью об обязанностях дворян [f] как сословия, но не нашли ни одного §, а только главы, отделения, разделы и статьи законов о «правах и преимуществах» и должны заключить из этого, что г. Чичерин или разумеет обязанность пользоваться правами и преимуществами без обязанностей, или же разумеет те обязанности, которые выражаются известными риторическими фигурами: «оплот, опора, сыны отечества, гранитное подножие» и т. п. Г. Павлов приурочил образованность исключительно к дворянскому сословию, объявив во всеуслышание, что «образованный человек или родится дворянином, или *делается им*». [g] Это объявление сделано было так безусловно, категорически, что показалось многим не лишенным смысла. А если рассмотреть его поближе, то выходит, в верном переводе, следующее изречение: «образованный человек или родится дворянином, или производится в генералы» на основании статьи [h] Законов о состояниях, т. IX, изд<ания> чтобы сделаться дворянином, [i] надо получить чин действительного статского советника [1]. Правда, что эта статья разумеет достоинство потомственного дворянина, а г. Павлов говорит, может быть, о личном дворянстве. Но и последнее приобретается только [j] 9 классом [2],

---

[a] *На полях намечены заготовки для будущей статьи: Павл<ов>. / Чичерин. /* Зимний сезон.
[b] *Было*: самое.
[c] *Далее зачеркнуто*: В.
[d] *Далее зачеркнуто*: и.
[e] *Далее зачеркнуто*: И заставил нас напрасно рыться в.
[f] *Было*: дворянского.
[g] *Далее зачеркнуто*: Что.
[h] *Далее пропуск места для цифры.*
[i] *Далее зачеркнуто*: всякой.
[j] *Далее зачеркнуто*: чино<м>.

а потому изречение г. Павлова может быть пополнено таким образом, что образованный человек делается хоть генералом или хоть титулярным советником. Но так как настоящим дворянином может считаться только потомственный, т. е. имеющий чин д<ействительного> с<татского> советника, то очевидно, что «Наше Время» имело в настоящем случае в виду генеральство. Если на деле это и несправедливо, потому что у нас есть писатели, образованные люди — почетные граждане, даже крестьяне, лица духовного звания, профессора академий духовных и т. д., то по крайней мере таковы желания, pia desideria * самого редактора «Нашего Времени». Мы от всей души желаем, чтоб ему был выдан патент на образованность — генеральский чин. Это будет вполне соответствовать генеральскому тону и воззрениям «Нашего Времени».

Мы бы, конечно, не стали бы упоминать об этих проявлениях «Нашего Времени», если б не видели сильнейших доказательств в[a] подтверждение нашей мысли. Г. Чичерин тщетно пытается воссоздать какое-то политическое дворянское сословие и путается в[b] общих местах, желая определить права и обязанности дворянского сословия. Г. Павлов не замечает, что в образованную среду у нас в России, к чести России, принимаются образованные люди всех сословий. Мы, в этом отношении, благодаря тем стих<иям> народа, котор<ые> не вымерли в нас, отличаемся едва ли не от всех обществ Европы. Никогда в образованном обществе не обращается у нас внимание на родословную (которым большею частью никто и не верит) или на патент на звание титул<ярного> советника.[c] Диплом университета заменяет у нас все возм<ожные> патенты и будет заменять даже и тогда, когда[d] с ним не будет соединено никаких особенных прав и преимуществ. Большинство образов<анных> людей принадлежит именно к дв<орянскому> сословию, потому что оно обеспеченнее в средствах жизни и ему открыты все пути образования, но[e] сила принадлежит образованному обществу, а не дворянск<ому> сословию, которое как сословие лишено всякой и политической и общественной силы. Вместо того чтоб примириться с таким историческим выводом, некоторые хотят навязать дворянству права, которые бы придали ему значение аристократии (как граф Орлов-Давыдов): попытка более комическая[f], чем серьезная — до такой степени чуждо нам западн<ое> аристократическое начало; другие, как г. Чичерин, стараются изо всех сил уверить дворянство, что оно есть политическое сословие, что оно существует, — но дворян<ство> плохо верит в себя и в свои политические прерогативы, а если б и вздумало верить, так его постараются[g] разуверить обстоятельства.[h]

Действительно, никогда ничтожность и бессилие дв<орянского> сословия не обличалась так ярко, как в настоящую минуту, именно после попыток проя-

---

* благие пожелания (*лат.*).

[a] *Далее зачеркнуто*: том, что.

[b] *Далее зачеркнуто*: фразах.

[c] *Далее зачеркнуто*: Профессора.

[d] *Далее зачеркнуто*: он не.

[e] *Далее зачеркнуто*: общественная.

[f] *Было*: комического характера.

[g] *Было*: постараются.

[h] *Далее на полях намечена мысль, важная для дальнейших рассуждений*: Самообольщение. Обольстительно. Г. Чич<ерин> стар<ается> обольстить дв<орянст>во.

вить свою силу и значение. Мы было некоторое время смутились упреками, делаемыми нам в некоторых журналах и газетах, упреками в том, что мы[a] вопрос, поднятый нами в 9<-м> №, о двор<янстве>, разрешали было так слабо: предложением собрать дв<орянские> комитеты, но на деле оказывается, что наш совет был самый практический, и что если б вполне последовало нашему совету, данному в 10 и 13<-м> №№ нашей газеты, то имело бы, по крайней мере, в настоящее время комитеты, где бы свободно и публично обсуждался один из сам<ых> важн<ых> совр<еменных> вопр<осов> и вырабатывалось бы[b], может быть, его оконч<ательное> разрешение — путем законодательным. Просим позвол<ения> напомнить сущность наш<их> стат<ей> о дворянстве. В проэкте дв<орянского> постановл<ения> мы предлож<или> дворянству выразить Правит<ельству> *желание* — [c] со стор<оны> двор<ян> об уничтож<ении> себя как сословия и о распр<остранении> привил<егий> на все сословия России; на основ<ании> эт<ого> проэкта определялись только общие начала, котор<ые> двор<яне> долж<ны> положить в основу будущ<им> измен<ениям> в св<оем> существ<овании>; для точней<ших> же определ<ений> этих начал и подробност<ей> при<менения> к практ<ике>, равн<о> для изгот<овления> согл<асно> тр<ебованиям> Пр<авительства> обст<оятельных> предп<оложений> и проэктов, двор<яне> приз<ываются> учредить Комитет.

выписать.[d]

Следовательно, газета наша не предлагала немедленного самоуничтожения, а определяла его как начало, которое должно послуж<ить> основ<ой> измен<ений> в законод<ательстве>, совер<шенное> кот<орых> уничт<ожение> призн<ается> необходим<ым> утв<ердить> законод<ательной> власти. Дейст<вуя> так<им> обр<азом>, дворя<не> оставались бы твер<до> на почве законности, и инициат<ива> преобр<азования> дворянского принадлежа<ла> бы ему, а не Министерству.[e] Некоторые, впрочем, вполне благородные увлечения, весьма понятн<ые> и истор<ически> оправ<данные>, застав<или> двор<ян> нек<оторых> губ<ерний> уклон<иться> от предл<оженного> нам<и> пути. Но мы вполне цен<им> их увлечение и дум<аем>, что оно все же лучше, чем увлечение в противополож<ную> сторону, и лучше, чем *ничего* некотор<ых> губерний. Здесь имеет знач<ение> если не результ<ат>, то самый акт дейст<вия>, смелый поступок, прям<оту> и откровенность котор<ого> мы мож<ем> упр<екнуть> в непрактичности, но кото<рый> имеет полезн<ое> действие — на сам<о> двор<янство> и на прочие среды, воспитывая их нравственно быть честнее.

Мы не согласны с мнени<ем> тех, которые полагают, что обсужд<ение> вопр<оса> о двор<янстве> невозможно без участия крест<ьян>. — Мы пола<гаем>, что до разреш<ения> крес<тьянских> отношений — уч<астие> невозможно; во-2-х, что нельзя сломить быта и образа ж<изни> и что так<ое> насил<ьственное> соед<инение> было бы не искрен<не>. Мнен<ие>, на-

[a] *Далее зачеркнуто*: после.
[b] *Далее зачеркнуто*: то решение, которое.
[c] *Далее зачеркнуто*: о том, чтобы.
[d] *Далее зачеркнуто*: Комитеты эти.
[e] *Далее зачеркнуто*: Мы жалеем, что.

пр<имер>, что мож<ет> быть спрош<ено> особо — на мир<овой> сходке. Это была бы новая ложь, а мы уже лгали дово<льно>. Неужели нам не надоело лгать?

Ита<к>, резуль<тат> печальный. Пусть по кр<айней> мере те губ<ернии>, в котор<ых> двор<янство> еще не дало ответ, после<дуют> нашему совету и, заявив общ<еству> нек<оторые> наши упр<еки>, испрос<ят> позв<оление> на учр<еждение> Комитетов.

Сколько нам извест<но>, вопрос о зна<чении> двор<янства> рассматрив<ался> в «Наш<ем> Вр<емени>» в стать<ях> редактора и г. Чич<ерина>, в статьях «Р<усского> Инв<алида>, в «Совр<еменной> Лет<описи>» и в нашей газете. Напечатан<ные> прописн<ыми> букв<ами> слова оф<ициального> заявлен<ия> указыв<ают> прямо на[a] «День». Таким образ<ом>, читатели могут сами видеть, как<ие> мнения ближе к правительств<енным>, которое выражает себя в «Сев<ерной> Почте».[b] Между «Наш<им> Вр<еменем>» и «Сев<ерной> Почт<ой>», по вопр<осу> о дв<орянстве> по кр<айней> мере, нет никак<ой> разницы. «Наше Врем<я>» вс<его> ближ<е> к «Сев<ерной> Почте». Затем уже сле<дует> статья «<Русского> Инвалида», направл<енная> против на<шей> газеты. Мнение же, выраж<енное> в газете «День», стоит, как оказывает<ся>, на полюсе, соверш<енно> против<оположном> с «Сев<ерною> Почтою», по кр<айней> мере по этому вопросу. Между наш<ими> мн<ениями> и мнен<иями> «Совр<еменной> Летоп<иси>» разн<ицы> больш<ой> не<т>, хоть она выраж<ается>, мож<ет> бы<ть>, не в столь резк<их> формах. Все газеты выразили мне<ния> свои вполне искрен<не> и независимо.

Мы, разумеется, продолж<аем> держаться нашего мнения и готовы были бы его отстаивать все<ми> способами, но в настоящую минуту, признавая неудобным входить в рассм<отрение> спец<иально> вопр<оса> о дворянстве и отла<гая> это до обст<оятельств> более благопри<ятных>, скажем только несколько слов о г. Чичер<ине> и зат<ем> пер<ейдем> к вопр<осу> о сословиях вообще[3].

Г. Бори<с> Чичерин представл<яет> собою очень интересный субъект для наблюден<ия>. Он может служить образцом того доктринерства, которое, не признав<ая> прав и особенн<остей> жизни, желало бы подчинить эту жизнь требова<ниям> их отвлеченн<ой> научн<ой> доктрины. В них, естеств<енно>, нет сочувс<твия> к жизн<и>, нет даже и орг<ана> для ее понима<ния>. Они призн<ают> жизнь только тог<да>, когда она является облеченн<ой> в костюм, им знакомый; жизнь явл<яется> им беспорядком; красив<ое> однообразие предпочи<тается> им<и> св<ободной> пестроте; мундир — одежде.

Поясн<им> на<шу> мыс<ль> о сослов<иях>.

Этому слову дается у нас двояк<ое> значен<ие> и потому[c] происх<одит> сбивчивость в понятиях. У нас говорят: благородн<ое> сословие, в смысле[d] пр<ава> на это поче<тное> название, подразу<мевающее> разр<яд> людей, пользую<щихся> преемств<ом> по праву породы известн<ого> дост<атка>

[a] *Далее зачеркнуто*: наш.
[b] *Далее зачеркнуто*: Мнен<ия> ред<акторов>.
[c] *Далее зачеркнуто*: необходимо.
[d] *Далее зачеркнуто*: преемственных достоинств.

и преим<уществ> и извест<ным> общ<ественным> положением. Это начало, взятое из мира животного, где наи<большее>[a] значен<ие> имеет участ<ие> крови: кровный из конского мира, pur sang *; лошадь pur sang, аристократ pur sang. Так<ой> жив<отной> чести никогда не добивалось русс<кое> общество. Разум<еется>, происхожд<ение>, пит<ание> и восп<итание> имею<т> св<ое> вли<яние> на разв<итие>, но человеку всегда предоставлена возмож<ность> освобод<иться> духом от этих матер<иальных> оков. Друг<ое> начало — предание, перед<аваемое>, излаг<аемое>[b] из рода в род. Это нач<ало> чисто человече<ское> и нравственное, котор<ое> может быть и[c] на всех ступ<енях> разв<ития> общ<ества>. Если в это<м> есть нач<ало> аристокр<атизма>, то та<кой> аристократизм существует у крестьян (об эт<ом> очень спра<ведливо> говор<ят> и все писат<ели> римс<кие>). Честный дом, честный род уваж<аемы> и между крестьянами. Здесь начало семейное, так сказа<ть>, получа<ет> значен<ие> нисходящ<ей> линии. Но это явл<яется> свободн<ым>: сын бесчестн<ого> рода мож<ет> быть все <же> честн<ым> человек<ом>, и наоборот. Верн<ая> нат<ура> любит гармонию, согласие.

Итак, сословие поним<ается> в см<ысле> сост<ояния>, осн<ованного> на породе, преемств<енности> и наследственн<ости>. Так в Англии — старший сын пэра имеет пр<аво> засе<дать> в Парл<аменте> по сам<ому> сво<ему> происхождению; в Пруссии с кр<естьянином> соединен<о> право на владение имение<м> и проч. Скажем кстати: г. Чичерин, гово<ря> о полит<ическом> зн<ачении> двор<янства>, сопр<икасаемом> с круг<ом> собств<енности>, забыв<ает>, что в Евр<опе> где в<ысшее> сосл<овие> существует с особ<ой> мер<ой> прот<ив> раздр<обления> собственности — майорат<ом>. Г. Чичерин не досказыв<ает> св<оей> мысли, но полагаем, что логически он долже<н> <быть>[d] пр<отив> и необход<имости> майорат<а>. Он забывает <*так*!>.

Друг<ое> зн<ачение> дает слову *сослов<ие>* — на<ше> сл<овоупотребление (?)>. Гов<орят>, напр<имер>: сосло<вие> купцов, сословие учеников, сословие наборщиков, ремеслен<ников> и проч. Здесь нет идеи о породе. Но, сле<довательно>, зна<чением> явл<яется> здесь случ<айное>, жив<ое> явлен<ие>.

Сословий у нас в др<евней> Руси, в том <смысле> ка<к> на Западе, не было. Люди делили<сь> у нас по своему общеизв<естному> положению, по своим занятиям и средст<вам> к жизни,[e] своим отнош<ениям> к Государству. Естеств<енно>, что в государств<енном> строен<ии> Руси долж<но> было определить свое отн<ошение> к различ<ным> вида<м> народонасел<ения> и определить их по отн<ошению> к себе.[f] Прежде всего разумеют<ся> люди служи<вые>, несшие обяз<анности> службы; друг<ие> тяготы, тягло податей, повинностей и пр. Вне понятия об обязанностя<х> к Госу<дарству> у нас сосл<овия> были *немыслимы*, и сами по себе немыслимы. Их полож<ение>

---

[a] *Это слово вписано над зачеркнутым*: особен<ное>.

* чистокровный (*фр.*).

[b] *Слова*: перед<аваемое>, излаг<аемое> — *вписаны над зачеркнутым*: честный.

[c] *Далее зачеркнуто*: во всем.

[d] *Далее зачеркнуто*: же.

[e] *Далее зачеркнуто*: по.

[f] *На полях помета*: Как<ие> тяготы к Госуд<арству>.

в обществ<е>, во внеш<нем> строе Госу<дарства> определяе<тся>[a] обязанн<остями>. Дворяне служили, купец платил торгов<ые> пошлины, крестьянин ——— <*так*!>.[b]

Резк<ое> раздел<ение> в заняти<ях> и в быте явля<ет> служба непосредств<енно> Государству и служба Земле[c]. Различие. Об эт<их> различия<х> скаж<ем> ниже. Служ<илые> и земские тяглые[d] люди.[e]

Естеств<енно>, впрочем, что воспитание<м> семьи челов<ек>, пред<анный> известн<ому> делу, — отрешается от прос<того> быта. Напр<имер>, сын сельск<ого> свя<щенника> не наход<ит> в семь<е> св<оей> тех интересо<в>, кот<орыми> жив<ет> каж<дая> семь<я> кресть<янская>; естеств<енно>, что он отдел<ен> от ни<х> и с дет<ьми> привлеч<ен> к дру<гому> бы<ту>, к дру<гим> занят<иям>, прин<ял> иные предан<ия>. Естеств<енно>, что он может наследов<ать> рел<игию>, зан<ятия>, служ<бу> отца. Это ему ближе ведомо, отец и д<ети> это знают. Ест<ественно>, что гл<авным> обр<азом> образует<ся> преемств<енность> занятий и обязанностей. Она есть явл<ение> жив<ое> и почтен<ное>, но не долж<на> быть заимс<твованием> и образов<ывать> зап<адные> сословия. Разум<еется>, люди однор<одных> занят<ий> группир<уются> вместе: артель, гостин<ый> двор; в Ри<ме> рез<че>, че<м> где-либо. —

Так было и у нас, но в силу разн<ых> особ<ых> усл<овий>, о кот<орых> гов<орить> зд<есь> не.место,[f] служил<ые> рат<ные> лю<ди> сдел<ались> действ<ительным> сословием, но все же не в то<м> см<ысле>, как на Западе. Занятие госуд<арственной> служб<ой> делалось обязательным, и сын дворя<нина> не выходил из обязат<ельных> служ<ебных> отно<шений> к Государству. Случалось, что[g] отсутств<овали> за<нятия>, род исхудал и наконец соверш<енно> пери<одически (?)> сливал<ся> с проч<ими> сослов<иями>, но все же они были зам<кнутыми>.

Итак, и прежде не представле<но> у нас сословий в зап<адном> смысле. Люди делились по предмету своих заня<тий> ———

Вот что было основанием. С уничто<жением> обязан<ности> служить — руш<ится> др<евняя> историч<еская> основа: основа прохожден<ия> го<сударственной> сл<ужбы>, не име<ет> мест<а> изме<нение> [прав] по<ложения (?)> о занят<иях>.[h]

Но тут явил<ась> друг<ая> основа. Помест<ья> были все обраще<ны> в вотчину. Собств<енно> гов<оря>, после ук<аза> Пет<ра>[4] явил<ось> сосл<овие> помещиков, нахва<тавшихся> имений до так<ой> степени, что нов<ое> полож<ение> назыв<али> шляхетс<твом>, а не дворянс<твом>.

---

[a] *Далее зачеркнуто*: отн<ошениями>.

[b] *Далее зачеркнуты слова в начале абзаца — сначала*: Но; *затем*: Естественно.

[c] *Было*: Земству.

[d] *Было*: земское сословие.

[e] *Далее зачеркнуто*: По его градации.

[f] *Далее зачеркнуто*: сослов<ие>.

[g] *Далее зачеркнуто*: долг<о>.

[h] *На поле набросок дальнейшего развития мысли*: Тут явл<яется> дру<гая> основа сущ<ествования> ист<орической> оседлости./Дв<оряне>; купцы, мещане — торг<овые> лю<ди> посадские; крестьяне.

Пото<м> назв<ано> дворян<ством>.[a] Собств<енно> гов<оря>, только помещ<ики> пол<ного> знач<ения> на выбор<ах> голос<овали>.[b] Двор<янство> вов<се> без вс<якого> имения, пр<изнаемся (?)>, н<ам> к<ажется> до сих пор чем-то стран<ным>. Уездное значение, уе<здное> землевладен<ие>, отн<юдь> не городское. Мы гов<орим> об общ<ем> понимании.

Теперь зв<ание> помещ<ика> уничтож<ено> 19 февр<аля>, ост<алось> зв<ание> землевладельца, но оно прилаг<ается> к прочи<м> сослов<иям>.

Итак, мы находим в России дел<ение> людей — по роду занятий, по обществ<енному> положению, по оседлости[c]. Друг<ого> основ<ания> для како<го>-либо деле<ния> мы не находим. Создавае<мое> à la г. Чичерин какое-то полит<ическое> дворян<ство>, дру<гими> слов<ами>, аристократич<еское> вы<сшее> сосл<овие>, мы не нах<одим> основат<ельным>.

Мы полагаем, напр<имер>, совершенно излишним существование класса «почетн<ых> граждан» и в не<м> з<аложенный (?)> всевоз<можный> антагонизм между лю<дьми>. Почему почет<ные> гражд<ане> по <*так*!>.

Быт. Знач<ение> быта. Быт двор<ян>, быт —— <*так*!> Мож<но> обр<атить> вн<имание> на это слово. —

Бытов<ые> стихии. Народ — общи<на> и дворян<ство>, купеч<ество>, поч<етные> гражд<ане>. — Различ<ного> происхожд<ения>.

Двор<янин> Мясоед<ов>. Лит<ературная> деятельность возм<ожна> и для по<мещиков>, и других.

---

[a] *На поле отмечено*: Значе<ние> служил<ых> в преж<нее> время. Обяз<анность> была служить. / Тер<яли> свое право. / Недоросль. / Прапорщик.

[b] *Далее зачеркнуто*: Помещ<ики>.

[c] *Далее зачеркнуто*: по характеру вл<адения>.

<О ВЗАИМНОМ ОТНОШЕНИИ НАРОДА, ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА>

<Статья 5. Исторические судьбы земства на Руси> *(с. 67)*

Москва, 31-го марта.

Мы сказали в последний раз, что независимо от сферы государственной, от бытовой жизни народной, от деятельности народного самосознания в *обществе*, есть целая область внешней гражданской жизни и деятельности народа, область, противополагаемая правительственной среде, и чуждая государственного элемента, которую мы назвали *земством, земщиною, землею, земскою жизнью.*

Читатели знают наше мнение, что в России не было *общества* до Петра, в том смысле, какой мы даем этому слову, — зато *земля*, особенно в первые века русской истории, жила полною своею земскою жизнию, и земское начало являлось деятельною, основною стихиею нашего народного гражданского существования. Участие Земли в делах государственных, во сколько эти дела касались прямых интересов народных, участие — не враждебное власти и не ограничивавшее формально власти, обусловленное живым обычаем и тесным духовным союзом Земли и Государства, — это участие, продолжавшееся, почти непрерывно, до самого Петра, — не только прекращается, но почти забывается и становится почти невозможным после революции, произведенной Петром во внешней и внутренней жизни России. Невольно возникает вопрос — каким же образом могла так легко и скоро прекратиться деятельность той стихии, которая является движущею силою всей истории допетровской Руси; куда же исчезла сила, способность, привычка той земской жизни, которая почти восемь веков сряду выражала себя на вечах и Земских соборах? Если мы сличим нашу историю с историей западных государств, то ход нашего исторического развития представится нам в совершенно обратном направлении. Везде народы идут от стеснения, рабства и неволи к свободе; везде история являет поступательное движение от умственной и духовной косности к деятельности мысли и духа, от зверской жестокости законов к законам кротким и человеколюбивым. Путь нашего развития иной. От денежных пеней и отсутствия телесных наказаний в Русской Правде мы приходим к страшным уголовным казням Соборного Уложения при царе Алексее Михайловиче; от свободы крестьян — к крепостному праву; от вольного и шумного голоса народа на вечах, от степенного голоса Земли на Земских соборах, раздававшегося, впрочем, все реже и реже, к мрачной тишине и безгласности русского народа в XVIII и в первой половине XIX века; от земской жизни, от земского участия в делах государственных — к мертвому бездействию, к отчужденности народа от государства, и к расширению государственной власти до тех исполинских размеров, материальных

и духовных, внешних и внутренних, до которых не досягало ни одно государство Европы и даже Азии...[1]

Какая же причина такого странного обратного прогресса? Отчего не было ни борьбы, ни отпора в этом многомиллионном народе, добром и умном, отпора государству, которое, говоря по правде, не опиралось ни на какую грозную материальную силу или почерпало ее из того же народа? Оттого[2], между прочим, что между Государством и Землею не было той среды, которую мы называем *обществом* и которая — независимою духовною деятельностью народного самосознания — могла бы придать силу земской стихии и сдержать напор государственного начала; оттого, что в течение девяти веков[3] не создалось у нас ни училищ, ни литературы, и грех нашего всенародного невежества, нашего нравственного и умственного бездействия, обессиливая правду коренных основ народной жизни, дал торжество и победу неправде государственной силы в лице Петра, силы грубой и злой, но сознательной и убежденной, твердо волющей и неутомимо созидающей[4]. Мы знаем, что такой ответ еще не объясняет дела и вызывает новый вопрос: почему же не возникло самобытной духовной деятельности в народе, почему же раньше не совершилось того движения в бытии народном, того перехода от безличности непосредственного народного бытия к сознательной, личной деятельности единиц, народ составляющих, — почему не образовалось общества в допетровской Руси?

Мы, конечно, не имеем притязания излагать здесь историю земства в России, предоставляя разработать эту богатую тему нашим молодым будущим деятелям на поприще исторической науки, хотя вполне признаем, что только эта история, в совокупности с историей государственной жизни России, может дать вполне удовлетворительный ответ на вопрос, нами поставленный. Тем не менее мы укажем на главные черты нашего исторического внутреннего развития, заявляя притом, что высказанное нами замечание об обратном поступательном движении в нашей истории нисколько нас не смущает. Россия носит в себе, может быть, не ясное для мысли, но несомненное для чувства сознание, что она находится только в начале своего исторического поприща. Не только окончательный вывод еще не подведен историей, но, прожив тысячу лет, мы не слышим в себе ни старости, ни дряхлости, ни утомления, а напротив — почти непочатой запас свежей жизни; мы слышим в себе силу великую, силу для совершения нашего исторического подвига, нашего призвания в человечестве. Может быть — мы окажемся недостойными ниспосланного нам дара, употребим во зло наши силы и зароем в землю наши таланты, может быть — мы будем казнены за излишество нашего долготерпения, смежного с равнодушием к истине и к общественному благу, — все это может быть и не быть: это зависит от нас самих, — но по крайней мере мы призваны к великому подвигу и нам даны силы для подвига. Какой же это подвиг?

Мы сказали однажды, что чем выше нравственный идеал народа, чем шире и свободнее от односторонности, от узкой определенности народные начала, тем труднее вполне соответственное их выражение на земле, тем необходимее, хотя и труднее, полнота сознания для правильного и стройного их проявления в жизни. В таком именно положении находится Россия и все племена славянские. Призванные именно к подвигу самосознания, славяне, преимущественно пред всеми народами, казнятся за всякое уклонение от своего духовного призвания и осуждены обретать спасение *только* и единственно в деятельности са-

мосознания. Вне этой деятельности, вне нравственной опоры сознательного духа нет для них спасения и исхода, и потому-то мы видим, что никакая внешняя, государственная крепость сама по себе не в силах была спасти, не спасает (и не спасет) славянские народы от внешнего падения и от утраты своей народности. Ни одно славянское племя не было освобождено от этого испытания, т. е. от опасности утратить свою народность, — но испытание, выпавшее на долю России, тяжелее всех, потому что опасность для нее явилась не извне, а изнутри, не в виде чужеземного ига, а в виде соблазна не во внешних, а во внутренних врагах. Наконец выступившее из берегов государство, в лице Петра, пробудило отпор и вызвало работу народного самосознания: создалось *общество* и *литература*, которые еще путем анализа и отрицания подготовляют почву для будущей положительной деятельности народного духа[5].

Мы, по-видимому, увлеклись в сторону, но в сущности мы нисколько не уклонились от нашей задачи. Мы поставили только ту точку зрения, с которой смотрим сами на события нашей древней истории и с которой единственно становится возможным полное надежд примирение с постепенным, замечаемым в ней упадком народной <жизни>[a], с печальной картиной все более и более теснимого народа, все более и более заедаемой государством — Русской земли[6].

Познакомимся же с главными чертами этой картины, но для этого предпошлем, в немногих словах, общий взгляд на значение государственного и земского начала К. С. Аксакова, которому собственно и обязана наша историческая наука плодотворною мыслью о Земле и Государстве как о двух основных силах русской истории, и с воззрениями которого читатели наши отчасти уже знакомы из статьи его, помещенной в 13-м № нашей газеты[7].

«В самых первых временах, — говорит он, — в славянских народах мы встречаем жизнь общинную с ее необходимым проявлением — *совещанием*, носившим в древности название *веча*. Живя под условиями этого быта, под условиями правды внутренней, славяне являются племенем не государственным, не ищущим внешнего принудительного устройства, основанного на начале внешней формальной правды. Отсюда отсутствие форм и регламента в их общественном быте, отсюда единогласие как необходимое средство общинных решений. Но удержать этот высокий строй было трудно, и славяне вынуждены были постановить у себя государство. Признавая государство как необходимость, смотря на него как на средство, а не как на конечную цель или идеал своего внутреннего развития, — северные славяне (в России) не обратили сами себя в государство, не из себя создали его устройство, не исказили своей общинной жизни, не изменили началу своей внутренней свободы, — а призвали государство из-за моря как явление чуждое, для внешнего наряда земли, для военного и судного дела, для ограждения свободы общинной или земской жизни. Все европейские государства основаны завоеванием; власть явилась там неприязненною, и во взаимных отношениях народа и власти с самого начала легла вражда, не покидающая их во все течение истории. Русское государство, напротив, основывается не завоеванием, а *добровольным призванием* власти. Поэтому не вражда, а мир и согласие — его начало. Власть явилась у нас желанною, не враждебною, и утвердилась с согласия народа, на начале взаимной доверенности, которой народ с своей стороны никогда не изменял, но которой

[a] *Случайный пропуск слова. Вставлено по печатному варианту.*

неоднократно изменяло государство[8]. Это различие в основании государства в России и Европе — определяет историю и той и другой.

Первоначально, покуда Россия представляла множество княжеств, соединенных между собою общею земскою связью и сознанием единства Русской Земли, народ везде сохранял свое вече. Но общинам грозила другая опасность: обратиться из отдельной общины в отдельное государство, что нарушало связь между общинами и единство Русской Земли. Когда же Москва переломала государственные перегородки, мешавшие цельной жизни народа, — образуется единое Русское государство и единая Русская община, или Земля. В России являются два дела: дело земское и дело государево, два главных разряда людей: люди государевы, люди служилые, и люди земские. Государство обращается к Земле за советом, и первый Русский Царь созывает первый Земский собор. Ряд соборов продолжается до самого Петра. Совещательный, земский элемент проявляется постоянно и всюду, но не переступает свои пределы. В Земском соборе не было никогда ничего принудительного и насильственного; он был только голосом, думой, мнением Земли и собирался лишь по призыву государственной власти, которая никогда не видела в нем никакой для себя опасности, никакого ущерба для своего достоинства».

К этим словам К. С. Аксакова, извлеченным нами из многих его исторических сочинений, мы считаем не лишним прибавить с своей стороны следующие замечания.

История земства в России до Петра представляет две резко отличающиеся одна от другой эпохи: жизнь областную и *вечевую* до единодержавия Москвы, — и жизнь Земли и ее участие в делах государственных по уничтожении уделов. Собственно в эту эпоху и являются в истории, противополагаясь друг другу, как самые начала, так и самые выражения: Земля и Государство, земское и государево дело. Вольно и шумно раздавался голос народа на бесчисленных вечах Русской Земли в первые века ее исторического существования: везде кипела местная самостоятельная жизнь, бесконечное дробление уделов, создавая бесконечное множество местных центров, разносило деятельность по всем углам и захолустьям тогдашней Руси. Участие общины в делах местного правительства обеспечивалось обычаем, внешнею близостью общинного населения к правительственному центру и немногосложностью гражданских отношений. Князь и его дружина были постоянно на виду у всего народа, и вече было неизбежным условием их общей совместной жизни. Но такое состояние естественно должно было прекратиться. Если бы Русь раздробилась на бесчисленное множество микроскопических государств, то или общины все заразились бы государственным элементом, до последнего человека, в противность природе славянской, — или же были бы подавлены и отягощены присутствием несоразмерной с их объемом и населением государственной власти в лице удельного князя. — В самом деле, если представить себе теперь в маленькой деревне, на месте выбранного из деревенских же жителей старосты, какого-нибудь владетельного князя, с значением и характером княжеским, — мы поймем, что такое неравновесие отношений было бы невыносимо. — Как бы то ни было, но распри и войны удельных князей, соперничество общин, преграды свободному передвижению, промышленности и торговле, при постоянном сознании племенного и духовного единства Русской Земли, — все это приготовило наступление другой эпохи, эпохи московского единодержавия. Общины, повинуясь

историческому инстинкту, пожертвовали волей и неволей своею отдельною, почти государственною самостоятельностью для совместного и дружного развития, для единства жизни всего русского народа, всей Русской Земли. Но по уничтожению уделов, города тотчас же приходят в упадок, прежняя деятельность прекращается, и народная жизнь не представляет с тех пор никакого поступательного движения. Веча умолкли, самое название исчезает, и место их заменяет *мир, мирская* сходка в посадах и селах. Этот *мир*, это совещание на сходке есть то же самое начало, которое выражалось и на вечах, но содержание было иное, и предметом совещания были не интересы всей Земли или всей области, как прежде, а мелкие и мирные интересы села или посада. В эпоху междуцарствия исторические события дали снова многозначительное земское содержание народным сельским и городовым мирам, и они напомнили прежние веча, как будто и не изведал народ целых веков угнетения и безмолвия! Это вечевое начало, выражающееся теперь в *мире*, и эту способность расширить его пределы, возвысить его на степень великого земского и государственного дела — уберег русский народ и до наших времен, храня в нем для России залог обновления и возрождения.

Итак, с единодержавием Москвы является Земля с тихою земскою жизнью, с мирскими скромными сходками, вместо шумных и буйных веч. Народ, как мы сказали, уберег вечевое начало, но умерил его проявление и, сосредоточив его в себе, как в зерне, не дал ему погибнуть; — однако ж, тем не менее, невольно возникает вопрос: что же внесло это сильное развитие местной жизни и деятельность народной стихии в первые века нашей истории в общую жизнь Земли, при образовании единого государства? Какие следы оставила эта первая эпоха, какие задатки для духовного сознательного развития, для просвещения, для дальнейшего движения народной жизни? Никаких; она даже не спасла свободы народной от позднейших посягательств государственной власти[9]. Земская жизнь первой эпохи не успела выработать прочных залогов жизни умственной и деятельности духовной, — хотя, впрочем, эта эпоха сравнительно богаче памятниками письменности, нежели последующая, и являет попытки литературные в XII и XIII веке едва ли не в большем числе, чем в XV и XVI-м. Если бы примеру Владимира и Ярослава последовал каждый удельный Князь в своем уделе, если б во всех удельных центрах завелись училища; если б распри и усобицы не препятствовали мирному развитию внутренней местной жизни; если бы татарские нашествия не разорили множества городов и не отрезали бы Русь Северную от Руси Южной, от моря, от Греции и от Европы, — может быть, единство Руси воплотилось бы в единой Русской Общине и в едином Государстве при других, более благоприятных для нашего исторического развития. Так, например, если б мы могли вообразить себе теперь воссоединение всех отдельных областных центров Германии в единое политическое тело, то каждый центр принес бы, как дань, богатые плоды умственного и духовного самостоятельного развития. Но ничего подобного не случилось и, может быть, не должно было случиться, ибо задачею Русской Земли было выработать, единовременно и цельно, самосознание *всего* русского народа, а не той или другой местности, которая бы, развиваясь самостоятельно, развилась бы непременно в направлении одностороннем. Для достижения высокой цели необходимо было такое внешнее и внутреннее единство Земли, которое бы поглотило узкий эгоизм племен и общин.

Таким образом, с единодержавием Москвы начинается вторая эпоха в истории земства. С одной стороны, является Земля, сплоченная воедино, без веч и самостоятельной жизни общин; с другой — государство, возникавшее при сильном влиянии, по удачному выражению К. С. Аксакова, соблазнительной теории Византийского Императора и соблазнительной практики Татарского Хана [10]. Идея Царя была чужда эпохе областной и вечевой жизни, и насколько *Царь* был могущественнее и полновластнее удельного князя, настолько *земские соборы* были слабее и малозначительнее прежних веч. Конечно, справедливо замечено, что соборы заменили веча, но не более как и царь заменил собою прежних удельных князей. Здесь сходство только в том, что и собор и вече выражали собою начало совещательное, земское, так же как и царь и удельный князь были представителями Власти. Но разница между вечем и Земским собором состояла уже в том, что вече в отдельной общине было почти всегда поголовное, то есть состоявшее из всего наличного народа местности, тогда как Земский собор не мог иначе составиться, как посредством *представительства*, посредством собрания выборных от Земли, что делало собор всегда ограниченным в его внешнем составе, особенно при отсутствии всякой формы и регламентации в этом явлении земской жизни. Вече было всегда близко к правительственному центру, было всегда присуще, могло быть немедленно, во всякое время созвано, без всякого неудобства для жизни общины или города. Земский собор не был обыкновенным, нормальным, но всегда чрезвычайным явлением, тягостным и неудобным напряжением для жизни земской. Созвание собора требовало много времени и соединено было со множеством лишений и неудобств для представителей из отдаленных концов России. Наконец, вече собиралось всегда само, по своему усмотрению; Земский собор созывался не иначе, как по распоряжению верховной власти. Поэтому Земский собор сам по себе не представлял никакого обеспечения для земской жизни в виду нового, небывалого на Руси учреждения Царской самодержавной, вполне самосознательной власти. Все обеспечение было в обычае, в единстве духовном и нравственном, связывавшем Власть и народ, в общем или почти общем уровне умственного развития и образования, наконец в той доверенности, которая легла в основу отношений Земли к Государству с самого начала ее истории, вследствие добровольного призвания власти, как мы сказали об этом выше. Это обеспечение, разумеется, было и оказалось ненадежным и должно было исчезнуть при первом нарушении внутреннего духовного единства со стороны власти, — потому что единственное обеспечение земской силы и свободы, как мы уже сказали, лежит в существовании общества, в общественной силе и в общественной деятельности: отсутствие общественной деятельности или бездействие общественной жизни как жизни общественного самосознания делает народ беззащитным, государственные учреждения несостоятельными и самую земскую жизнь, народную стихию земства в народе — бессильною и бесплодною [11]. Этой-то общественной деятельности народной и не существовало в России в XVI и XVIII веке. Нам заметят, может быть, что если бы Земские соборы имели регламентацию и из сферы обычая перешли в положительное учреждение, в непременный закон, — тогда они бы явились достаточно сильной гарантией против непомерного разлива государственной стихии. Хотя в наших статьях об обществе и находится ответ на этот вопрос, но мы не отказываемся рассмотреть его и подробнее. Впрочем — наша статья вышла и без того длинна,

и мы должны это оставить до другого раза. Нам предстоит, сверх того, упомянуть об отношениях государства к Земле и значении земского элемента в XVI и XVII веке, а затем перейти к перевороту Петра, к русскому обществу и к русскому земству в нашей современной действительности.

<Статья 6. История земства от эпохи самодержавия Москвы до правления Петра I> *(с. 73)*

I РЕДАКЦИЯ

Москва, 21 апреля.

Мы говорили в последний раз, что история земства России разделяется на две эпохи: на эпоху уделов до единодержавия Москвы — эпоху городских и областных *вечей* и деятельной местной самостоятельной жизни областей и общин; и на эпоху единодержавия Москвы вплоть до самого Петра, — эпоху *Земских соборов*. Мы довели свою речь до этой последней эпохи, — и продолжаем.

Насилие и кривда московских князей не в состоянии были бы никогда, одни, сами по себе, создать единое Русское государство, если б на то не было произволения русского народа, если б сами отдельные общины не стремились тайно и явно, невольно и сознательно — стать единою русскою общиною и воплотить идею — единства Русской Земли в единстве внешней органической формы, едином цельном государственном и земском организме. Были, конечно, случаи сильных, упорных сопротивлений, но, говоря вообще, борьба за самостоятельность областную была ничтожна, была изумительно слаба в сравнении с тою жизненностью, которую еще незадолго перед тем проявили области, и с теми средствами, которыми многие из них располагали: вспомним, что дружины некоторых князей были гораздо многочисленнее дружины Московской. Следовательно, неправильно мнение, будто только преимущество материальной силы дало победу Москве в цветущую эпоху своего существования. Очевидно, что выше местного и племенного эгоизма стояло для русского народа возможно широкое общение племен и общин, «имущих един закон христианский», по выражению Нестора, всенародное братство, общий совместный труд борьбы, терпения, развития и совершенствования. Но для достижения этой высокой цели, для того, чтобы можно было осуществить[a] на земле[b] начало общины и духовное начало братства в таких громадных, не виданных миром размерах; для того, чтобы во всей полноте и широте могло вырабатываться общерусское всенародное самосознание, — для этого необходимо было, прежде всего, отречься от себялюбивых притязаний на политическую отдельность и самостоятельность, создать внешнюю форму гражданского существования уже не областями, а[c] *всею* Землею, устремить все усилия на создание единого государства и, олицетворяя единство в единовластии царя, неустрашимо взвалить себе на плечи громадную тяжесть самодержавия[1], не убояться ни жертв, ни испытаний, вынести Иоанна, Петра, город Санктпетербург. — Крепкая духовною силой,

[a] *Это слово вписано над зачеркнутым*: явить.
[b] *Далее зачеркнуто красными и черными чернилами*: социальное.
[c] *Далее зачеркнуто*: всеми.

Русь не испугалась подвига и[a], несмотря на неправды[b] и коварство московских князей, явные и ведомые, присущие общей памяти и сознанию и проклинаемые летописцами, она собралась под московским стягом, знаменовавшим единство, несмотря на преимущество материальной силы многих отдельных областей перед областью Московскою. Так, в позднейшую эпоху, поступила[c] и Малороссия: ничто не влекло ее к ее Московскому государству, не заманчива была Московская администрация, не надежны ее обещания, не сочувствен быт, не одинаков уровень образования, но ничто не остановило присоединения; так произволил сам малороссийский народ ради духовного и внешнего единства всей православной Русской Земли, ради совместного нравственного исторического подвига. — Никакие силы в мире не в состоянии нарушить это единство, скованное и закаленное тысячью лет терпения[d] и страдания.[e]

Итак, настало единодержавие Москвы. Умолкли веча; затихла шумная и буйная разноголосица отдельных общин, уступая место чаемому, *будущему*, но вполне еще не сложившемуся и доселе хору Русской Земли. Земля была по-старому велика и обильна, но недоставало ей ни государственного, ни земского *общего* наряда. Прежний наряд, узкий и тесный, оказался несостоятельным; прежний областной порядок сменился беспорядком — на пути к новому, высшему, труднейшему порядку. Земская стихия, с обломками вечевого быта, представлялась в это время действительно *стихией*, без формы и организации. Как ни сильно было сознание единства Русской Земли, — но вследствие[f] ее неустройства внешнего и внутреннего, вследствие преград, полагаемых деятельному кровообращению организма — пространствам, ею занимаемым, отсутствием[g] всяких путей сообщения и другими историческими явлениями, — это сознание обретало покуда свою реальность, свою живую действительность[h] — только в лице единодержавного царя, на которого Земля и возложила всю работу[i] своего строения.

Силы были несоразмерные. С одной стороны, самодержавная власть, крепкая полномочием народным и потому неограниченная,[j] власть, сознающая свою силу и призвание, новая, соблазняемая преданиями Татарской Орды и Византии[2]; с другой — Земля неустроенная и еще слабая, сознающая необходимость внешней власти для[k] внешней организации себя самой как единой Русской Земли, для воспитания и укрепления своих собственных земских сил. Но не только облекла она царя всею своею собственною властью и возложила на него весь труд своего устроения, — она предоставила царю — больше, чем власть, — *инициативу*, начальное передовое движение во всяком общем деле внутренней жизни.

---

[a] *Далее зачеркнуто*: приняла его, нисколько не обольщаясь.
[b] *Было*: неправду.
[c] *Далее зачеркнуто*: присоединяясь.
[d] *Это слово вписано над зачеркнутым*: беды.
[e] *Далее зачеркнуто*: русской на<род>.
[f] *Далее зачеркнуто*: своего.
[g] *Это слово вписано над зачеркнутым*: недостатком.
[h] *Далее зачеркнуто*: для Земли.
[i] *Слова*: всю работу — *вписаны над зачеркнутыми*: весь труд.
[j] *Далее вставлено над строкой, а затем зачеркнуто*: новая.
[k] *Далее зачеркнуто*: своей.

Отсюда с той поры начинается та самодержавная инициатива, которая, продолжавшись три века[a], завершила наконец свою деятельность освобождением двадцати миллионов крестьян в 1861 году...

Это явление слишком важно; мы не[b] можем на нем не остановиться.

С точки зрения теоретической, кажется, и доказывать не следует, что инициатива власти вообще не в состоянии[c] заменить живой инициативы народной или общественной. Мы уже повторяли не раз, что правительство не может брать на себя обязанности самой жизни, исправлять должность самого организма. Излишняя, переливающаяся через край деятельность правительства, захватывая область деятельности частной и общественной, мертвит жизнь, парализует[d] народный организм, заглушает в самом основании духовные силы народа. Это то, что мы называли, в одной из передовых статей, ростом государства внутрь, усилением коры за счет сердцевины, отолщением коры на счет прочих органов при неправильном кровообращении, при вялости других членов тела, при устремлении всех сил организма[e] на питание внешнего покрова. Если деятельность жизни не может быть заменена деятельностью правительства, если бездействие или — употребляя технический термин — инерция народного организма постоянно вызывает инициативу[f] власти, и постоянная инициатива власти, в свою очередь, приучает организм к недеятельности, — то очевидно, что такое непомерное усиление[g] государственного начала[h], не встречая никаких преград для своего свободного[i] развития и заглушая жизнь[j] корней, которыми само живится и существует, должно неминуемо, логически вести[k] до полнейшего самоотрицания, т. е.: до несостоятельности правительственной, до разрушения всего организма. Порядок внешний, имеющий притязание заменить собою мнимый беспорядок жизни, — силою той же логики развития — приводит непреложно[l] к анархии, к совершенному расстройству.

Такое болезненное и опасное для самого государства развитие государственного принципа и государственной инициативы может быть остановлено и[m] удержано в пределах благой деятельности только возбуждением духовной и нравственной жизни[n] самого народа[o]. Если[p] организм народный уже не способен к такому обратному воздействию[q], то он гибнет, как тому и есть примеры

---

[a] *Было*: продолжается и до сих пор.

[b] *Слова*: мы не — *вписаны над зачеркнутыми*: чтобы упомяну<ть>.

[c] *Слова*: в состоянии — *вписаны над зачеркнутым*: может.

[d] *Было*: парализирует.

[e] *Это слово вписано над зачеркнутым*: питания.

[f] *Далее зачеркнуто*: правите<льственной>.

[g] *Это слово вписано над зачеркнутым*: развитие.

[h] *Это слово вписано над зачеркнутым*: элемента.

[i] *Далее зачеркнуто*: логиче<ского>.

[j] *Это слово вписано над зачеркнутым*: деятельно<сть>.

[k] *Далее зачеркнуто*: государственный элемент.

[l] *Далее зачеркнуто*: к анархии, к худшему беспорядку.

[m] *Далее зачеркнуто — сначала*: утверждено; *затем*: возвращено в пределы.

[n] *Это слово вписано над зачеркнутым*: деятельности.

[o] *Далее зачеркнуто*: деятельностью народного самосознания.

[p] *Было*: Если ж.

[q] *Слова*: такому обратному воздействию — *вписаны над зачеркнутыми*: такой реакции.

в истории, но в организмах могучих, как Россия, болезнь, доходя до крайних своих пределов, вызывает ту спасительную реакцию народного духа, которая одна, единою своею духовною силою, способна возвратить жизнь и Земле, и Государству[3].

Итак, Русская Земля, признав и установив неограниченную Царскую власть, предоставила ей полную самодержавную инициативу.[a] Но что было и делать Земле? — Мы уже сказали, что она была страшно не устроена, что земская стихия представлялась хаотическою, что прежний наряд областной лопнул, а новый, государственный, не сложился, что для создания этого государственного наряда, той громадной внешней формы, в которой могло бы беспрепятственно совершаться все народное развитие, необходимо было преодолевать исполинские[b] материальные преграды, победить врагов — внешних и внутренних, победить пространство, осадить бродячее население[c], ввести в действие все праздные и рассеянные силы; одним словом, по счастливому выражению одного из наших сотрудников, это была та страдная пора, когда потребовались все средства Земли на строение Государства, своего рода *сгон* или усиленная *помочь*[d] на языке сельского населения. Крепкая, могучая, самодержавная власть была необходима. Народ, однажды сознав ее необходимость[e], решился на всякие жертвы и испытания, способные упрочить силу строительного снаряда. Народ[f] не обманывал себя никакими призрачными обольщениями и с самого же начала[g] мог предвидеть, какой тяжкий предстоит ему подвиг. Постановив самодержавие, он узнал его, он на первых же порах изведал его в лице мучителя Иоанна, — и не поколебался, а возвратил этого мучителя вновь на престол, когда он временно удалился, — потому что тиран и деспот был в то же время мудрым строителем.

Но разве не смогла Русская Земля, давая полный простор власти в[h] области внешней, государственной, положить пределы ее вторжению в область внутренней жизни, разграничить сферы инициативы правительственной и общественной, оградить свою свободу политическим учреждением, правильною организациею своего[i] земского участия и вмешательства в дело правления. И не могла и не хотела. Главною *злобою дня* было строение государственной формы, различие среды правительственной и земской было ясно народному разуму[j], но не было среды общественной, не было общества как выражения народного, не было деятельности народного самосознания, не было личного просвещения единиц, народ составляющих. Власть была необходима, но Земля могла противопоставить ей только силу непосредственного бытия народного, а не силу народного самосознания. Власть была необходима, власть могучая и беспре-

---

[a] *Далее зачеркнуто*: Само собою разумеется, что позднейшие последствия такой иниц<иативы>.

[b] *Это слово вписано над зачеркнутым*: громадные.

[c] *Было*: ввести в действие бродячие силы.

[d] *Слова*: усиленная *помочь* — *вписаны над зачеркнутыми*: усиленный наряд.

[e] *Далее зачеркнуто*: вполне ясно.

[f] *Далее зачеркнуто*: не задавал себе даже.

[g] *Было*: самой первой поры.

[h] *Далее зачеркнуто*: той.

[i] *Это слово вписано над зачеркнутым*: ее.

[j] *Это слово вписано над зачеркнутым*: сознанию.

дельная, — но если бы сама Земля посредством какого-либо политического[a] учреждения, облекшись (по выражению К. С. Аксакова) в венец и багряницу Царской власти, приняла на себя дело строения, то она погубила бы в себе навек стихию земской, не государственной жизни, она перестала бы быть Землею, она отравила бы весь организм народный началом внешней формальной правды, внесла бы полицейский элемент[b] в самую совесть народную, убила бы навсегда[c] внутреннюю свободу духа. Никогда самое необузданное самодержавие не может совершить такого нравственного зла, какое неминуемо совершает[d] самодержавие народное, т. е. народ, являющийся уже не как живой организм, источник всякой[e] власти и силы, не как народ, а как царь и самодержец, не как сама жизнь, а как регламентатор, не как сама свобода, а как тиран.

Русская Земля, совлекши с себя всякую власть государственную и передавши ее царю, имела в виду противопоставить ее напору, со временем, ту нравственную[f] деятельность народного духа, для которой в эпоху Иоанна еще не наступила пора и которая едва ли и была возможна в настоящей своей полноте до окончания внешнего строения государственного[4]. Целая тысяча лет потребовалась на это строение! В самом деле, образовательный процесс Русского государства окончился (если уже можно считать его оконченным) только недавно, очень недавно — в 1861 году! Только в 61 году введены были в действие, вошли в состав общего организма духовные и материальные силы *двадцати миллионов русских людей*! Разве мыслимо было стоящее развитие и деятельное прогрессивное движение народа при таком громадном ущербе жизненной силе, вне участия этих двадцати миллионов? Разумеется, нет. Но если освобождение крестьян завершило внешнее сложение народного и государственного организма, то освобождение уже крестьян полагает начало новому периоду народной жизни и[g] деятельности общественной, и периоду возрождения земской просветленной стихии во всеоружии народного самосознания.[h]

Понятно теперь, почему, создавая самодержавную власть, Земля не хотела полагать ей *вещественные* и не могла, в XVI веке, противопоставить ей духовные[i] преграды. Понятно, почему[j] самодержавная инициатива, крепкая[k] доверием народным, встретила полный простор для[l] своей деятельности[m] и скоро, смешав все области государственной, частной, земской и общественной деятельности, достигла своей апогеи[n] в лице Петра,[o] перед которым бледнеет де-

[a] *Было*: в каком-либо политическом.
[b] *Было*: поставила бы полицейский принцип выше.
[c] *Было*: навеки.
[d] *Далее зачеркнуто*: государство.
[e] *Далее зачеркнуто*: жизни.
[f] *Далее зачеркнуто*: и духовную.
[g] *Далее зачеркнуто*: периоду.
[h] *Далее зачеркнуто*: Но возвратимся к Иоанну.
[i] *Это слово вписано над зачеркнутым*: нравственные.
[j] *Это слово вписано над зачеркнутым*: что.
[k] *Далее зачеркнуто*: полномочием наро<дным>.
[l] *Слова*: встретила полный простор для — *вставлены над зачеркнутыми*: не встречая никаких препятствий на своем пути.
[m] *Было*: своего разгула.
[n] *Было*: своего апофеоза.
[o] *Далее зачеркнуто*: такого тирана и деспота.

спотизм и тиранство царя Ивана[5], достигла апогеи, а вместе с тем и вызвала реакцию народного[a] духа, пробудив деятельность самосознания. Но возвратимся к Иоанну. Его эпоха объясняет весь дальнейший ход русской истории.

Установив[b] самодержавие[c] на дело строения Русского государства, Земля[d] не приняла никаких мер к своему обеспечению. Все обеспечение, как мы уже сказали, было в обычаях, в единстве духовном и нравственном, связывавшем власть и народ, в той взаимности доверенности, которая легла в основу отношений Земли и Государства с самого начала истории. В самом деле, так свежа была память прежней вечевой жизни, так силен обычай, так присуще было сознанию значение Земства, что — при всей необузданности личного произвола — Иоанн постоянно помнил свое отношение к Земле и уважал ее больше, чем кто-либо из его преемников до Петра. Никто так живо не сознавал[e] всей власти, всей важности[f] и всего достоинства народного полномочия, никто[g] не относился так сознательно к царскому сану,[h] как Иоанн Грозный. Он понимал, что кроме народа — ему бояться некого и что кроме его, Московского прирожденного Князя, Царем быть некому, — и празднуя[i] разгульным неистовым пиром праздник Самодержавия, новой, неслыханной, небывалой на Руси силы[j 6], он дает в то же время организацию нестройной земской стихии, созывает Земский собор и вводит новый вид[k] участия Земли в делах государственных и земского самоуправления[l]. От него начинается в России деление служб и повинностей на земские и государевы[m] (т. е. коронные) и широкое приложение выборного начала к местному управлению в сочетании с государственной централизацией. Когда просматриваешь указы и распоряжения Иоанна, невольно задаешься вопросом: каким же образом принимала тогда земская жизнь такую регламентацию извне, которую она не снесла бы в настоящее время, которая встретила бы в ней отпор, если не положительный, то пассивный, страдательный; породила бы новое безобразие и возбудила бы искреннее негодование всех нас, защитников русской народности и свободы народного развития? Это объясняется для нас, во-1-х, тем духовным и нравственным единством, которое связывало народ и власть и которое в первое время не могло внушить власти никакой меры в духе противонародном[n]. Царь был лично человеком вполне народным; во-2-х, действительною простотою и немногосложностью[o] регламентации, дававшей полный простор совести и внутренней правде. Впрочем,

---

[a] *Слова*: реакцию народного — *вставлены над зачеркнутым*: деятельность.
[b] *Это слово вписано над зачеркнутым*: Уполномочив.
[c] *Далее зачеркнуто*: и возло̀жив на него.
[d] *Далее зачеркнуто*: как мы сказали.
[e] *Далее зачеркнуто*: своего.
[f] *Слова*: всей власти, всей важности — *вписаны над зачеркнутыми*: за собою народного полномочия.
[g] *Далее зачеркнуто*: так.
[h] *Далее зачеркнуто*: никто.
[i] *Далее зачеркнуто*: пир<ом>.
[j] *Было*: нового, неслыханного, небывалого на Руси величественного звания.
[k] *Слова*: вводит новый вид — *вписаны над зачеркнутыми*: призывает Землю к.
[l] *Далее зачеркнуто*: учреждением земских изб, губных старост и проч. и проч.
[m] *Было*: государственные.
[n] *Было*: противонародного, нерусского.
[o] *Далее зачеркнуто*: организации.

мы не намерены нисколько защищать здесь безусловно[a] ту организацию, которую давал Иоанн земской стихии. Позднее, при дальнейшем развитии Московского административного порядка и Московской централизации, — когда на участие земских сил стали смотреть как на вещественный материал, годы для замены средств правительственных, мы нередко встречаем, по-видимому, странное явление: Земля отказывается от своих прав, просит назначения воевод вместо выборных губных старост или тяготится службами, так называемыми[b] теперь[c] «общественными», и[d] ищет от них избавления; это последнее требование было выражено, между прочим, при царе Михаиле Федоровиче, на[e] Земском соборе. —[f]

Видно, что Иоанна неотступно преследовал образ,[g] в то время еще новый, единой Русской Земли, и что перед ним постоянно носилась идея Земства. Это доказывается самим учреждением, хотя и временным, *Земщины* и *Опричнины.* Ставя Земщину с земскими делами, земским управлением и земским царем — *вне* своего личного Царского произвола, — для[h] деятельности которого отводил[i] он[j] известное число городов под именем *Опричнины*, — Иоанн[k] этим самым как бы ограждал свободу[l] Земли, как бы заявлял о неприкосновенности цельной земской жизни, резко отделял[m] правление Землею от случайностей[n] личного царского права[o], ограничивая личные прихоти и произвол самодержца тесною областью Опричнины. Разумеется, такое дикое учреждение было новым явлением[p] деспотизма[7],[q] не могло продолжаться и действительно продолжалось не более 7 лет, — но самая возможность подобной мысли свидетельствует о том, как живо было в общем сознании значение Земли и Земства. При всем сходстве между Петром I и Иоанном IV нельзя не заметить того различия, что[r] Иоанн по крайней мере отделял Земщину[s] от Опричнины, а Петр I обратил всю Землю в Опричнину.

Самодержавная инициатива Иоанна была только началом или образцом той силы, которая в своем неудержимом стремлении[t] привела Россию к ката-

---

[a] *Далее зачеркнуто*: земское.
[b] *Слова*: так называемыми — *вписаны над зачеркнутым*: которые.
[c] *Далее зачеркнуто*: называются.
[d] *Далее зачеркнуто*: выражает.
[e] *Далее зачеркнуто — сначала*: Азовском; *затем*: так называемом Азовском.
[f] *Далее зачеркнуто — сначала*: Увы; *затем*: Видно, что Иоанн постоянно носился с идеей, в то время еще новой, единства Русской Земли, и что его неотступно преследовал.
[g] *Далее зачеркнуто*: единой.
[h] *Далее зачеркнуто — сначала*: прояв<ления>; *затем*: полного разгула.
[i] *Это слово вписано над зачеркнутым*: отделял.
[j] *Далее зачеркнуто*: известную.
[k] *Это слово вставлено над зачеркнутым*: он.
[l] *Далее зачеркнуто*: и цельность.
[m] *Далее зачеркнуто*: земское.
[n] *Это слово вписано над зачеркнутым*: произ<вола>.
[o] *Это слово вписано над зачеркнутым*: произвола.
[p] *Далее зачеркнуто*: прихотливого.
[q] *Далее зачеркнуто*: и.
[r] *Далее зачеркнуто*: Иван Московский подчинял себя, хотя ради потехи.
[s] *Было*: отделяя для себя Опричнину.
[t] *Это слово вписано над зачеркнутым*: развитии.

строфе Петра и заглушила[a] постепенно деятельность земской стихии. Но уже и при Иоанне, еще в малых размерах, она являет в себе все задатки своего будущего развития[8]. Так, царская власть[b] учреждает типографию и распоряжается печатанием церковных[c] книг, царская власть творит[d] то, что было везде предметом деятельности общественной. Но заведенная типография ничего не вызвала к жизни, ничего даже сколько-нибудь похожего на тот стремительный поток[e] деятельности[f], который брызнул ключом везде в Европе при открытии книгопечатания. Первая *вольная* типография является в России уже при Екатерине II-ой, и таким образом 200 лет пробавлялась Россия сначала одной, потом[g] несколькими казенными типографиями, в то время как соседняя Литва была усеяна[h] печатными станками.[i]

Одним словом, везде и всюду начинает проникать царское веление и царская опека[j], — и скоро на бездейственном просторе Земли, наполняя собою пустоту, образуемую отсутствием всякой общественной среды и общественной деятельности, — остается[k] одна — и только одна — самодержавная инициатива. Деятельность принадлежит[l] только[m] правительству, оно одно дает жизнь и движение, творит и созидает; все остальное погружается в бездействие и мало-помалу в летаргический сон. Разумеется — жизнь и движение, нисходящие сверху от правительства, не возжигают настоящего пламени жизни и сами действуют только до тех пор, пока не отнимется от них крепкая рука власти. Так[n] мастера, дохтура и другие ученые иностранцы, — которых во множестве выписывало Русское правительство при Иоанне, Борисе, Михаиле и Алексее, не прививали к Русской Земле никакой науки, никакого мастерства и художества. Если бы первой заботой Иоанна и его преемников было водворение науки в России, если бы они основали в России хоть одно училище, то, может быть, при существовавшей еще тогда свежести земского начала, при духовной цельности народного организма, — возникла бы в России деятельность самобытного просвещения, — училища-то и не заводила инициатива царей допетровской Руси, кроме[o] неудачной попытки, выразившейся в создании Заиконоспасской академии в конце XVII века.

---

[a] *Далее зачеркнуто*: надолго.
[b] *Слова*: Так, царская власть — *вставлены над зачеркнутыми*: Царь учреждает типографию.
[c] *Это слово вписано над зачеркнутым*: богосло<вских>.
[d] *Слова*: царская власть творит — *вставлены над зачеркнутыми*: одним словом, делает.
[e] *Далее зачеркнуто*: полтораста лет стоит она [та типография] одиноко, не вызвав того.
[f] *Это слово вписано над зачеркнутым*: жизни.
[g] *Далее зачеркнуто*: двумя.
[h] *Было — сначала*: в Малоруссии; *затем*: Малоруссия и соседняя Литва [деятельно работали бесчисленными] были усеяны.
[i] *Далее зачеркнуто — сначала*: Царская власть; *затем*: Иоанн обращает внимание на историю, и отныне Государственный Летописец полагает начало официальной лжи.
[j] *Было*: царский присмотр.
[k] *Это слово вписано над зачеркнутым*: возникает.
[l] *Это слово вписано над зачеркнутым*: является.
[m] *Далее зачеркнуто*: в.
[n] *Далее зачеркнуто*: выпис[ываем]анные правительством.
[o] *Далее зачеркнуто*: жалкой попытки.

Мы не входим здесь в подробное разбирательство причин, почему именно просвещение так туго давалось России; нам пришлось бы говорить тогда о[a] религиозном элементе[b] и о духовенстве в России[c]; может быть, мы бы и нашли историческое оправдание нашей духовной инерции, но все это не входит в нашу задачу. — Мы хотели только указать на ту эпоху в нашей истории, откуда пошла есть[d] та государственная деятельность, тот государственный рост внутрь Русской Земли, который шел, не останавливаясь, триста лет сряду, но, кажется, уже дошел до своего предела. Мы объяснили, что, уполномочив самодержавную власть на строение внешней государственной стороны, Русская Земля не положила ей никаких границ и препятствий и благоразумно воздержалась от вторжения в область государственную, ревниво оберегая свою духовную свободу, свою земскую жизнь и область[e] внутренней правды от государственного элемента для лучших времен[9]; мы[f] объяснили, что пределы государственной стихии могут быть обозначены только развитием народного самосознания в обществе, силы которого не заменяют никакие политические учреждения, и что положительная деятельность народного самосознания являлась невозможною при внешнем неустройстве народного и государственного организма; что сложение Русского государства окончилось или еще только кончается с освобождением 20 миллионов крестьян; что все эти причины вместе дали[g] безграничный простор не только самодержавной правительственной власти, но и самодержавной инициативе; что, связанная вначале единством нравственным и духовным с русским народом, власть уважала Землю и действовала не противно духу русской народности, но с ослаблением связи явилась враждебною народным началам; что, наконец, такое ее[10] непомерное и уродливое развитие подействовало, наконец, спасительно[h] на почву народного духа, вызвав его к отпору[i] в области самосознания.

Нам остается сказать еще о деятельности и значении дворянства, или, вернее, служилого класса в России до Петра, о постепенном наступлении[j] эпохи Петровского переворота,[k] об общественном русском развитии от Петра до нашего времени.

---

[a] *Далее зачеркнуто*: значении.

[b] *Далее зачеркнуто*: в России.

[c] *Слова*: духовенстве в России — *вписаны над зачеркнутыми*: Византийском духовном влиянии.

[d] *Далее зачеркнуто*: самодерж<авная>.

[e] *Это слово вписано над зачеркнутым*: идеал.

[f] *Далее зачеркнуто*: ска<зали>.

[g] *Далее зачеркнуто*: не только.

[h] *Слова*: наконец, спасительно — *вписаны над зачеркнутыми*: как благодатный кризис.

[i] *Это слово вписано над зачеркнутым*: деятельности.

[j] *Это слово вписано над зачеркнутым*: приближении.

[k] *Далее зачеркнуто*: о нашем.

II РЕДАКЦИЯ

Москва, 5 мая.

Мы говорили в последний раз, что история земства в древней России разделяется на две эпохи: на эпоху уделов до единодержавия Москвы, эпоху городских и областных вечей и деятельной местной самостоятельной жизни областей и общин; и на эпоху единодержавия Москвы, вплоть до самого Петра, — эпоху Земских соборов. Мы довели свою речь до этой последней эпохи и продолжаем.

Насилие и кривда московских князей не в состоянии были никогда, одни, сами по себе, создать единое Русское государство, если бы на то не было произволения русского народа, если бы сами отдельные общины не стремились тайно или явно, невольно или сознательно — стать единою русскою общиною и воплотить идею единства Русской Земли в единстве внешней органической формы. Были, конечно, случаи упорных, сильных сопротивлений, но, говоря вообще, борьба за областную самостоятельность была ничтожна, была изумительно слаба в сравнении с тою жизненностью, которую еще незадолго перед тем проявляли области, и с теми средствами, которыми многие из них располагали: вспомним, что дружины некоторых княжеств были гораздо многочисленнее дружины Московской. Следовательно, несправедливо мнение, будто бы только преимущество материальной силы дало победу Москве. — Очевидно, что выше местного и племенного эгоизма стояло для русского народа возможно широкое общение племен и общин, «имущих един закон христианский», по выражению Нестора, всенародное братство, общий совместный труд жизни — борьбы и совершенствования. Но для достижения этой высокой цели, для того, чтобы во всей полноте и широте могло выработаться общерусское всенародное самосознание, — для этого необходимо было, прежде всего, отречься от себялюбивых притязаний на политическую отдельность областей[a], создать внешний образ гражданского существования уже не областями, а *всею* Землею, устремить все усилия на строение единого государства и — олицетворяя государственное единство в единовластии царя — не отступить ни от каких жертв и испытаний, вынести Иоанна, Петра и — Санктпетербург[b]. — Крепкая духовною силою, Русь не испугалась подвига и, несмотря на многие неправды и коварство московских князей, присущие общей памяти и сознанию и записанные[c] летописцами, — она собралась под Московским стягом, знаменовавшим *единство*.

Так, в позднейшую эпоху, поступила и Малороссия: ничто не влекло ее к Московскому государству, не заманчива была Московская администрация, не надежны ее обещания, не сочувствен быт, даже не одинаков уровень образования, — но ничто не остановило присоединения, на которое произволил сам малороссийский народ ради духовного и внешнего единства всей православной Русской Земли, ради совместного исторического подвига.

Итак, настало единодержавие Москвы. Умолкли веча; затихла шумная и буйная разноголосица отдельных общин, уступая место *будущему*, чаемому, но еще доселе вполне не сложившему хору Русской Земли. Земля была по-

[a] *Это слово вписано над зачеркнутыми*: областей и общин.
[b] *Было*: город Санктпетербург.
[c] *Это слово вписано над зачеркнутым*: проклинаемые.

старому велика и обильна, но недоставало ей государственного *общего*, единого *наряда*. Прежний наряд, узкий и тесный для цельного государства, оказался несостоятельным; прежний областной порядок сменился беспорядком — на пути к новому, высшему, труднейшему порядку. Местная жизнь пресеклась, новая, общая[a] еще не сложилась. Земская стихия[b] не представляла в это время, ввиду новых требований единства, ничего, кроме обломков вечевого быта[c], никакой новой своеобразной формы и организации. Как ни сильно было сознание единства Русской Земли, но вследствие неустройства, внешнего и внутреннего, вследствие преград, полагаемых деятельному кровообращению земского организма — пространством, отсутствием путей сообщения и другими историческими явлениями, — это сознание обретало покуда свою реальность, свою живую действительность только в лице единодержавного царя, на которого Земля и возложила[d] всю работу своего строения.

Силы были несоразмерные. С одной стороны, самодержавная власть, крепкая неограниченным полномочием народным, вполне сознающая свою силу и призвание власть новая в Русской Земле, не чуждая посторонних влияний. Вот что говорит о возникновении этой власти автор разбора VI тома «Ист<ории> России» г. Соловьева[1], напечатанного в IV томе «Р<усской> Беседы» *1856* года: «Русская Земля, очевидно, охотно признает единодержавие Великого Князя, уже не только Московского, но всея Руси. Два царства, столь близко знакомые России по различным отношениям, падают в это время: падает Византия, разваливается Орда, но соблазнительная теория Византийского Императора и соблазнительная практика Татарского Хана сильно действуют на Великого Князя Московского и оставляют на нем следы. Он не сделался ни греком, ни татарином: он только невольно принял на себя эти оттенки, данные историей, и тем быстрее и резче пошел к *своей* самостоятельной цели». Итак, с одной стороны — самодержавная власть; с другой — Земля неустроенная и еще слабая, сознающая необходимость внешней власти для внешней организации себя как единой Русской Земли, для воспитания и укрепления своих собственных земских сил. Но не только облекла она царя всею своею собственною властью и возложила на него весь труд своего устроения, — она допустила[e] царю больше, чем власть, — *инициативу*, начальное передовое движение во всяком общественном деле.

Отсюда с той поры начинается та самодержавная инициатива, которая, продолжавшись три века, завершила наконец свою деятельность освобождением двадцати миллионов крестьян в 1861 году...

Без всякого сомнения, государство имеет полное право инициативы во всем, что касается внешнего государственного наряда, но есть области, где инициатива власти не может заменить живой инициативы народной или общественной. Повторим здесь то, что сказано нами в 21 и 22 №№ «Дня»: «Правительство не может брать на себя обязанности самой жизни, исправлять должность самого организма. Государственная деятельность, захватывающая область деятельности частной и общественной, мертвит жизнь, парализует народный орга-

[a] *Далее зачеркнуто*: жизнь.
[b] *Далее зачеркнуто*: с обломками вечевого быта.
[c] *Было*: представлялась в это время действительно [стихией] хаотической стихией.
[d] *Далее зачеркнуто*: весь труд своего.
[e] *Это слово вставлено над зачеркнутым*: предоставила.

низм, заглушает в самом основании духовные силы народа...». «Это то, что мы называем ростом государства внутрь, усилением коры на счет сердцевины, отолщением коры на счет прочих органов, при неправильности кровообращения, при вялости прочих членов организма, при устремлении всех сил на питание одного внешнего покрова...». Таким образом, если бездействие или инерция народного организма вызывает постоянную деятельность государственной инициативы, которая в свою очередь[a] приучает[b] организм к недеятельности, — то очевидно, что государственная инициатива в таком случае, не встречая никаких преград для своего свободного, самостоятельного, логического развития, должна дойти до самоотрицания, до своей полнейшей несостоятельности...

«Если дерево обратится все в кору, если заглушится жизнь корней, которыми[c] живится и питается сама кора, то древо сохнет и гниет» (День, № 22). Порядок внешний, имеющий притязание заменить собою мнимый беспорядок жизни, приводит непреложно к настоящему беспорядку или к совершенному расстройству. При таком ненормальном, болезненном развитии государственного принципа, сказали мы в той же статье, «только *сознательная* деятельность народного духа может спасти народ и остановить — растущее внутрь государство». Этой-то сознательной деятельности не было в XVI веке в Русской Земле, да и опасность устранялась там духовным единством и тем взаимным доверием, которые связывали народ и Власть.

Впрочем, что же было и делать Земле? Мы уже сказали, что она была страшно неустроена, что[d] прежний наряд лопнул, а новый еще не образовался, что для создания этого нового государственного наряда, той громадной внешней формы, в которой бы беспрепятственно могло совершиться внутреннее развитие народного духа, необходимо было устранить исполинские материальные преграды, победить врагов внешних и[e] внутренних, одолеть пространство, осадить[f] бродячее население, ввести в действие все праздные и рассеянные силы; одним словом, по счастливому выражению одного из наших сотрудников, это была та страдная пора, когда потребовались все средства Земли на строение Государства, — своего рода *сгон* или усиленная *помочь* на языке сельского населения. Крепкая, могучая, самодержавная власть была необходима, и народ, однажды признав ее необходимость, решился на всякие жертвы и испытания, способные упрочить силу строительного снаряда. Народ с самого начала[g] мог предвидеть, какой предстоит ему подвиг, потому что первым самодержавным царем был — Иоанн Грозный...

Многие спросят нас: «разве[h] давая полный простор власти в области внешней, государственной, Русская Земля не могла разграничить[i] эту область с об-

---

[a] *Слова*: которая в свою очередь — *вписаны над зачеркнутыми*: а усиленная деятельность государственной инициативы.
[b] Далее зачеркнуто: наро<д>.
[c] *Далее зачеркнуто*: питается.
[d] *Далее зачеркнуто*: земская стихия.
[e] *Далее зачеркнуто*: домашних.
[f] *Далее зачеркнуто*: нар<од>.
[g] *Было*: с самой первой.
[h] *Это слово вписано над зачеркнутыми*: почему же.
[i] *Было*: не разграничила.

ластью жизни внутренней, разделить[a] обе среды — инициативы правительственной и общественной, или оградить свою земскую свободу[b] каким-нибудь политическим учреждением?»[c] И не могла, и не хотела.[d] Хотя различие Земли и Государства[e] и существовало в жизни, в обычае, но Земля могла противопоставить Государству только силу непосредственного народного бытия и разума, а не силу народного самосознания: среды *общественной*,[f] в которой бы совершалась деятельность этого народного самосознания, общества, еще не было; народ не был еще вооружен личным просвещением народных единиц,[g] которые, сохраняя органическую связь с народом, в то же время служили бы[h] сознательным выражением народному непосредственному разуму. Это отсутствие общества и общественной деятельности образовало пустоту, которая естественно наполнялась вся деятельностью правительственной. С другой стороны, устройство государственного наряда требовало власти могучей, крепкой,[i] не стесненной, но если бы сама Земля, облекшись в доспехи Самодержавной Власти или посредством какого-либо политического учреждения,[j] приняла на себя дело своего внешнего строения, она погубила бы в себе навек стихию земской, не государственной жизни, она перестала бы быть Землею, она отравила бы весь организм народный началом внешней формальной правды, она внесла бы элемент внешнего насилия[k] в сокровенную область народного быта, совести, внутренней свободы народного духа. Это было бы тем бóльшим злом,[l] что исходило бы не *извне*, по[m] принуждению, а от самого народа. Народ явился бы тогда не как народ, а как царь и самодержец, не как сама жизнь, а как регламентатор, не как сама свобода, как деспот. И потому русский народ передал[n] эту власть лицу, надеясь в то же время на[o] крепость совещательного обычая в Русской Земле и доверяя силе духовного единства, связывавшего[p] Государя с Землею. И действительно, как уже было замечено, первый Самодержавный царь созывает первый Земский собор. Но для той деятельности народного сознания[q], которая одна представляет[r] нравственную, следовательно[s] единую сильную гарантию народной свободы, — в эпоху Иоанна еще не наступила пора

[a] *Было*: не разделила.
[b] *Было*: не оградила своей земской свободы.
[c] *Далее зачеркнуто*: На это мы ответим, что Земля.
[d] *Далее зачеркнуто*: Дело в том, что при всем.
[e] *Далее зачеркнуто*: было ясно народ<у>.
[f] *Далее зачеркнуто*: не было, не было общества, в котором.
[g] *Далее зачеркнуто*: народ составляющих.
[h] *Далее зачеркнуто*: непосре<дственному>.
[i] *Далее зачеркнуто*: неограни<ченной>.
[j] *Далее зачеркнуто*: занялась бы.
[k] *Это слово вписано над зачеркнутым*: принуждения.
[l] *Далее зачеркнуто*: потому.
[m] *Далее зачеркнуто*: насилию.
[n] *Было*: Русская Земля передавши.
[o] *Далее зачеркнуто*: силу обычая.
[p] *Далее зачеркнуто*: Власть.
[q] *Это слово вписано над зачеркнутым*: духа.
[r] *Далее зачеркнуто*: единую сильную — именно.
[s] *Это слово вписано над зачеркнутыми*: гарантию на.

в настоящей своей полноте, да и едва ли она[a] была возможна, в настоящей своей полноте, до окончания внешнего строения государственного. Целая тысяча лет потребовалась на это строение! (Мы не рассматриваем здесь, почему и по чьей вине замедлялось это строение.) В самом деле, только недавно, очень недавно, в 1861 году, введены были в действие, вошли в состав общего организма духовные и материальные силы двадцати миллионов русских людей. Едва ли и было возможно[b] истинное развитие и деятельное прогрессивное движение русского народа вне участия этих двадцати миллионов! Но если освобождение крестьян завершает[c] сложение Государства, то освобождение же крестьян должно бы[d] ныне положить начало новому периоду народной жизни и деятельности общественной, периоду возрождения земской просветленной стихии, во всеоружии народного самосознания...

Понятно теперь, почему, создавая самодержавную власть, Земля не хотела полагать ей *вещественные* и не могла в XVI веке[e] противопоставить ей духовные преграды. Понятно также, почему самодержавная инициатива, встречая полный простор для своего развития, мало-помалу смешивала[f] области государственной, земской и общественной деятельности, и достигнув своей страшной апогеи в лице Петра,[g] разорвала свою органическую связь с мыслью народной, — но вместе с тем вызвала и реакцию народного духа, пробудив деятельность народного самосознания. Но возвратимся к Иоанну.

Еще так свежа была память прежней вечевой жизни, так силен обычай, так присуще было сознанию самого правительства значение Земства, что — при всей необузданности личного произвола — Иоанн постоянно помнил свое отношение к Земле и уважал ее больше, чем кто-либо из его преемников[h] до Петра (при[i] Петре и после него о Земле нет и речи). Никто так живо не сознавал всего могущества, важности и достоинства народного полномочия, никто не относился так сознательно к Царскому сану, как Иоанн Грозный. Он понимал, что кроме народа — ему бояться некого и кроме его, *Московского* прирожденного Князя, — Царем быть некому, и празднуя по-своему, казнями и пирами, установление в России нового, небывалого и неслыханного в ней Царского всемогущества, он дает в то же время организацию нестройной земской стихии, созывает Земский собор, узаконяет новый вид земского самоуправления. Хотя[j] многое, в этом последнем отношении было сделано его предместниками, но от него собственно начинается деление служб и повинностей на земские и государевы (т. е. коронные) и широкое приложение выборного начала к местному управлении, в применении к нуждам государственной централизации. Когда просматриваешь указы и распоряжения Иоанна, невольно задаешься во-

---

[a] *Далее зачеркнуто*: могла быть.
[b] *Это слово вписано над зачеркнутыми*: и мыслимо.
[c] *Далее зачеркнуто*: внешнее.
[d] *Далее зачеркнуто*: тем.
[e] *Далее зачеркнуто*: противополагать.
[f] *Было*: скоро смешала все.
[g] *Далее зачеркнуто*: пор<вала>.
[h] *Далее зачеркнуто*: после.
[i] *Это слово вписано над зачеркнутым*: после.
[j] *Далее зачеркнуто*: в.

просом: каким же образом принимала тогда земская жизнь регламентацию[a] извне, которую она не снесла бы в настоящее время, которая встретила бы в ней отпор, если не положительный, то пассивный, страдательный, породила бы новое безобразие и возбудила бы[b] искреннее негодование всех защитников свободного народного развития? Это объясняется для нас, во-1-х, тем духовным и нравственным единством, которое связывало Государство и Землю и которое, в первое время, не могло внушить власти никакой меры в духе противонародном: царь,[c] лично, был вполне человеком своей Земли и своего народа. Во-2-х, тем, что эта тогдашняя регламентация была действительно проста, немногосложна, вполне понятна и давала полный простор совести и внутренней правде. Позднее, при дальнейшем развитии Московского административного порядка и Московской централизации, — когда на службу земских людей[d] стали смотреть как на вещественный материал, годный для замены или для пополнения скудных средств правительственных, — мы нередко встречаемся с таким явлением, что Земля, по-видимому, отказывается от своих прав, просит назначения воевод вместо губных старост или тяготится службами и ищет от них избавления.

Видно, что Иоанна неотступно преследовал образ, в то время еще новый, единой Русской Земли и что перед ним постоянно носилась идея Земства. Это доказывается самым учреждением, хотя и временным, *Земщины* и *Опричнины*. Ставя Земщину с земскими делами, земским управлением и земским *царем* — вне своего личного царского произвола, для деятельности которого отводил он известное число городов под именем *Опричнины*, — Иоанн этим самым как бы ограждал свободу Земли, как бы заявлял о неприкосновенности цельной земской жизни, резко отделяя правление Землею от случайностей личного царского нрава, ограничивая личные прихоти самодержца тесною областью Опричнины. Разумеется, такое в то же время дикое учреждение не могло продолжаться и действительно продолжалось не более 7 лет, — но самая возможность подобной мысли свидетельствует о том, как живо[e] было[f] для его сознания значение Земли и Земства. При всем сходстве между Петром I и Иоанном IV, нельзя не заметить[g] того различия, что Иоанн по крайней мере отделял Земщину от Опричнины, а Петр I обратил всю Землю в Опричнину...

Но уже при Иоанне государственная инициатива, хотя в малых размерах, являет в себе задатки своего будущего развития и переходит в область инициативы общественной — которой тогда еще не было. Так царскою властью, а не частною предприимчивостью учреждается первая типография в России, но эта казенная типография ничего не вызывает в жизни, ничего хоть сколько-нибудь похожего на[h] тот стремительный поток умственной деятельности, который хлынул везде в Европе при первом появлении печатной книги. Первая *вольная* типография появляется в России уже при Екатерине II-ой, и таким образом

[a] *Это слово вписано над зачеркнутым*: организацию.
[b] *Далее зачеркнуто*: широкое.
[c] *Далее зачеркнуто*: был.
[d] *Было*: на участие земских сил.
[e] *Это слово вписано над зачеркнутыми*: велико еще.
[f] *Далее зачеркнуто*: значение.
[g] *Далее зачеркнуто*: уже.
[h] *Далее зачеркнуто*: ту.

200 лет пробавлялась Россия сначала одной, потом несколькими казенными типографиями, в то время как[a] соседняя Литва, а отчасти и Малороссия — были усеяны печатными станками, на которых кипела работа!

Одним словом, везде и всюду, с той поры начинает проникать Царское веление и Царская опека, — и мало-помалу, на бездейственном просторе Земли, наполняя собою пустоту, образуемую отсутствием всякой общественной среды и деятельности, — остается одна — и только одна — самодержавная инициатива... Правительство одно дает жизнь и движение, — но эта жизнь и движение, нисходящие сверху, — разумеется, не в состоянии возжечь истинного пламени жизни и сами действуют только до тех пор, пока не отнимается от них крепкая рука власти.[b] Впрочем, до самого Петра эта инициатива не была чужда народного духа — но[c] при всем том — она не вызвала или не успела вызвать в Русской Земле самобытного просвещения!

Мы не входим здесь в подробное разбирательство причин, почему именно просвещение так туго давалось России. Мы хотим только указать на тот рубеж в нашей истории, *откуда пошла есть* та государственная деятельность, тот государственный рост внутрь Русской Земли, который шел, не останавливаясь, триста лет сряду, но, кажется, уже дошел до своего предела.

Нам остается еще сказать о деятельности и значении дворянства или, вернее, служилого класса в России до Петра, о том, почему оно не образовывало общественной силы, о Петровском перевороте и об общественном русском развитии от Петра до нашего времени.

---

[a] *Далее зачеркнуто*: в.

[b] *Далее зачеркнуто*: При всем том.

[c] *Далее зачеркнуто — сначала*: при всем том — она никогда не была; *затем*: деятельность ее.

ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ «ДВОРЯНИН-СТАРОВЕР КРАВКОВ» (с. 79)

Примечание Редакции.[a] Хотя, кажется, нечего и прибавлять к этому страшному рассказу, где каждое слово вопиет о той бездонной глубине мрака, лжи и насилия, в которую окунулась Россия в[b] XVIII веке, в Петербургский период своей истории, но не можем воздержаться, чтобы не высказать некоторых беглых заметок по этому случаю.

Действительно, за что преследуют и осуждают Кравкова? Не за[c] уклонение от Православия: будь он[d] атеист, он не подвергся бы никакому гонению[e]; не за старообрядчество как за известное учение: старообрядчество само по себе было признано не опасным, и, щеголяя веротерпимостью, уважением к свободе совести, Екатерина освободила староверов от всякого преследования. Но *дворянин*, холоп и служилый человек государства, пристал к верованию *народному*, вошел с *народом* в общение духа, соединился с *народом* искренним единством духовным, восстановил связь, нарушенную Петром, принял внешний образ народный (борода и кафтан), нарушенную Петром, — и Государство вздрогнуло, почуяв опасность. Когда[f] Петр, нарушив цельность Русской Земли,[g] разорвав государство с народом, насильственно двинул первое по пути чуждых и враждебных начал, он казнями[h] и соблазнами заставил верхние классы общества, или дворянства, изменить Земле, отречься от русской народности и поклониться Государству как Богу; он окрестил их в потоке крови народной в свою новую, государственную веру,[i] т. е. в исповедание всем сердцем и всеми помыслами своими Императорской власти его новейшей кузнечной работы и немецкой шлифовки[j]. Он поставил законом официальное лицемерие, потому что на Православную Церковь[k] смотрел[l] как на один из органов государственной администрации[m], а на веру народа — как на средство к[n] его духовному порабо-

[a] *Было*: Примечание Редакции. Хотя, кажется, нечего и прибавлять к этому [красноречивому] рассказу, где каждое слово вопиет о той бездне мрака, лжи [и зла], в которую низверглась Россия с своим достославным реформатором Петром 1-м.

[b] *Далее зачеркнуто*: Петер<бургский>.

[c] *Далее зачеркнуто*: раскол.

[d] *Слова*: будь он — *вписаны над зачеркнутым*: как.

[e] *Это слово вписано над зачеркнутым*: преследованию.

[f] *Слова*: почуяв опасность. Когда — *вписаны над зачеркнутыми*: не стерпело обличительного укора.

[g] *Далее зачеркнуто*: внес в нее.

[h] *Слова*: он казнями — *вписаны над зачеркнутыми*: и окрестил.

[i] *Далее было*: т. е. в официальное лицемерие

[j] *Слова*: кузнечной работы и немецкой шлифовки — *вписаны над зачеркнутыми*: немецкой отделки.

[k] *Слова*: Православную Церковь — *вписаны над зачеркнутыми*: веру.

[l] *Далее зачеркнуто*: он.

[m] *Это слово вписано над зачеркнутым*: власти.

[n] *Далее зачеркнуто*: повиновению и безгласности.

щению. Он собрал вокруг своего[a] трона, воздвигнутого на головах стрелецких, многочисленную пеструю шайку слуг наемных и *крепостных*, иностранцев и русских ренегатов. Дворянство — как служилое сословие —[b] волею-неволею, всем составом своим поступило все в *опричнину*,[c] передалось[d] вражьему Петербургскому стану[e] и приняло деятельное[f] участие в правительственной оргии XVIII века. Дворянин был *свой* Государству, свой брат-изменник[g] относительно народа, свой брат — кромешник и *опричник* и опора престола. Только[h] служилым дворянством да лейб-кампанцами и лейб-гвардейцами — воцарялись правительства[i] в XVIII веке, только ими и держались[j] они на скользких от крови ступенях[k] трона. Екатерина II[ая] не забывала ни на минуту — чем и кому обязана она была Русскою державой[l]... И вдруг один из опричников изменяет опричнине и переходит — [m] к народу, в стан, наиболее ненавистный и страшный преступному правительству.

Если б Кравков изменил ради *выгод*, поступил на службу в неприятельскую армию и даже к Пугачеву, он был бы менее виновен, менее опасен в ее глазах... Корыстолюбие, грубый обман, зверство — с такими врагами справиться было нетрудно. Но в поступке Кравкова восставал[n] для нее[o] грозный призрак могущественной силы духовной. Для[p] нечистой совести правительственной страшнее всего были[q] нравственная чистота и мужество убеждения![r]

Для исповедания лжи и лицемерия — ненавистнее всего искренность веры. Это уже выходило *личное* оскорбление Правительству со стороны самой чувствительной, и либеральная, гуманная Императрица,[s] друг Вольтера и Дидерота,[t] Екатерина мстит Кравкову и Арсению Мациевичу как за личную обиду. Этим и объясняется то внутреннее беспокойство, та душевная тревога Екате-

---

[a] *Далее зачеркнуто*: окровавленного.
[b] *Далее зачеркнуто*: принадлежало все к этой шайке изменников.
[c] *Далее зачеркнуто*: все оно.
[d] *Далее зачеркнуто*: враждебному Русской Земле.
[e] *Далее зачеркнуто*: все оторвалось от народа.
[f] *Слова*: приняло деятельное — *вписаны над зачеркнутыми*: помогало Правительству.
[g] *Далее зачеркнуто*: народу.
[h] *Далее зачеркнуто*: опричниной.
[i] *Слова*: воцарялись правительства — *вписаны над зачеркнутыми*: совершались перево<роты> дворцовые.
[j] *Далее зачеркнуто*: преступные.
[k] *Далее зачеркнуто — сначала*: окровав<ленного>; *затем*: обагренного кровию.
[l] *Слова*: Русскою державой — *вписаны над зачеркнутыми*: русским престолом.
[m] *Далее зачеркнуто*: на.
[n] *Это слово вписано над зачеркнутым*: являлся.
[o] *Далее зачеркнуто — сначала*: вопрос не; *затем*: не один вопрос политический, а нравственный, духовный, могущество которого она понимала.
[p] *Далее зачеркнуто*: ее.
[q] *Далее зачеркнуто*: для нее: искренность, убеждения.
[r] *Далее зачеркнуто (с красной строки)*: Мы уже знаем, как.
[s] *Далее зачеркнуто*: философ.
[t] *Далее вычеркнуто красным карандашом — сначала*: как тревожно и злобно посту<пила>; *затем*: тревожилась она, вопреки своему обычаю, поступком Арсения Мациевича; дело Кравкова, производившееся под ее наблюдением, обличает тоже внутреннее беспокойство.

рины, которая слышится в следственном деле об них обоих. Екатерина тревожилась не напрасно. Арестанты Ревельской крепости, мученики[a] своих религиозных убеждений ([b] а потому, вероятно, и ссылаемые туда, под надзор верных немцев), Арсений и Кравков являются ныне пред потомством грозными обличителями прославленной россиянами[c] Фелицы!

Инквизиция, — преследовавшая еретиков[d], инквизиция — [e] как явление свирепого, но искреннего католическ<ого> фанатизма,[f] извинительнее, нравственнее, со всеми своими ужасами, — суда Тайной экспедиции над Кравковым, которая ничего не может привести в свое оправдание[g]! Как низки, бездушны и[h] мелки представляются[i] Шешковский, Вяземский и Екатерина пред скромною[j] скромным и грустным образом дворянина Кравкова,[k] в неподобной одежде и с иконой[l] на груди, как свят является он в своем религиозном суеверии[m] пред своими преступными и развратными судьями...[n]

Но не одни судьи виноваты. Виноваты все, всё русское общество, виноваты предки наши, допускавшие такой неправде сквернить Русскую Землю и прославлявшие героев[o] беззакония, в[p] стихах и прозе и всячески, виноваты мы, что не тяготимся грехами предков[q], не смыли пятен крови, лежащих на нас, не принесли и до сих пор повинной за себя и за отцов наших долготерпеливой Русской Земле.

Редактор.

---

[a] *Далее зачеркнуто*: духовных.
[b] *Далее зачеркнуто*: ссылаемые, вероятно, потому.
[c] *Это слово вписано над зачеркнутыми*: русским обществом.
[d] *Далее зачеркнуто*: за отступление от католицизма.
[e] *Далее зачеркнуто*: создание.
[f] *Далее зачеркнуто*: менее ужасн<а>.
[g] *Далее зачеркнуто*: кроме страха.
[h] *Слова*: Как низки, бездушны и — *вписаны над зачеркнутыми*: Пьяница и суевер, Кравков стоит.
[i] *Это слово вписано над зачеркнутым*: являются.
[j] *Далее зачеркнуто*: фигурою.
[k] *Далее зачеркнуто*: некогда.
[l] *Это слово вписано над зачеркнутым*: образом.
[m] *Это слово вписано над зачеркнутым*: заблуждении.
[n] *Далее зачеркнуто (с красной строки)*: Но, читатель, не думай.
[o] *Это слово вписано над зачеркнутым*: творцов.
[p] *Далее зачеркнуто*: нау<чных (?)>.
[q] *Далее зачеркнуто*: А разве нет подобных грехов и на современном обществе теперь и в XIX веке?.. оглянитесь!

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Архивохранилища

ГИМ — Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный исторический музей». Отдел письменных источников (М.).

ИРЛИ — Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук». Рукописный отдел (СПб.).

РГАЛИ — Федеральное казенное учреждение «Российский государственный архив литературы и искусства» (М.).

РГБ — Федеральное государственное бюджетное учреждение «Российская государственная библиотека». Научно-исследовательский отдел рукописей (М.).

РНБ — Федеральное государственное бюджетное учреждение «Российская национальная библиотека». Отдел рукописей (СПб.).

ЦИАМ — Государственное бюджетное учреждение г. Москвы «Центральный исторический архив Москвы».

Печатные издания

Аксаков в письмах — Иван Сергеевич Аксаков в его письмах: эпистолярный дневник 1838—1886 гг. с предисл., комм. и воспоминаниями А. Ф. Аксаковой. М.: Русская книга, 2003—2004. Т. I—III.

Бадалян — *Бадалян Д. А.* «Колокол призывный»: Иван Аксаков в русской журналистике конца 1870-х — первой половины 1880-х годов. СПб.: Росток, 2016. 360 с.

БВед — газета «Биржевые Ведомости» (СПб., 1880—1917).

ВЕ — журнал «Вестник Европы» (СПб., 1866—1918).

Герцен — *Герцен А. И.* Собр. соч.: в 30 т. М.: изд-во АН СССР, 1954—1965.

Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: <в 4 т.>. 3-е, испр. и значит. доп., изд. под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. СПб.: изд. Т-ва М. О. Вольф, 1903—1909.

«День» Аксакова. Ч. 1 — «День» И. С. Аксакова: история славянофильской газеты: исследования, материалы, постатейная роспись / ИРЛИ РАН; под общ. ред. Н. Н. Вихровой, А. П. Дмитриева и Б. Ф. Егорова. СПб.: Росток, 2017. Ч. 1. 816 с. (Славянофильский архив; кн. 5).

Достоевский — *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972—1990.

Люди русской правды — Люди русской правды: переписка И. С. Аксакова с государственными и общественными деятелями (1855—1886): тексты, комментарии, адресаты / ИРЛИ РАН; под общ. ред. А. П. Дмитриева и Б. Ф. Егорова. СПб.: Росток, 2018. 672 с. (Славянофильский архив; кн. 4).

МВед — газета «Московские Ведомости» (1756—1917).

НВр — газета «Новое Время» (СПб., 1868—1917).

НиБГ — «Новости и Биржевая Газета» (СПб., 1880—1906).

ОЗ — журнал «Отечественные записки» (СПб., 1818—1884).

Отчего так нелегко живется — *Аксаков И. С.* Отчего так нелегко живется в России? / сост., вступ. ст. В. Н. Грекова; подг. текста, примеч. В. Н. Грекова, Н. А. Смирновой. М.: РОССПЭН, 2002. 1008 с.

Патрушева — Периодическая печать и цензура Российской империи в 1865—1905 гг.: система административных взысканий: справочное издание / сост. и авт. вступ. ст. Н. Г. Патрушева. СПб.: Нестор-История, 2011. 412 с.

Переписка Аксакова и Самарина — Переписка И. С. Аксакова и Ю. Ф. Самарина (1848—1876) / изд. подг.: Т. Ф. Пирожкова, О. Л. Фетисенко и В. Ю. Шведов. СПб.: Пушкинский Дом, 2016. 712 с. (Славянофильский архив; Кн. III).

Переписка Аксакова и Страхова — И. С. Аксаков — Н. Н. Страхов. Переписка / переписку составила М. И. Щербакова. Ottawa: Группа славян. исследований при Оттавском ун-те; М.: ИМЛИ, 2007. 192 с.

Переписка Аксаковых и Кохановской — Семья Аксаковых и Н. С. Соханская (Кохановская). Переписка (1858—1884) / ИРЛИ РАН; сост., вступ. ст., подг. текста и комм. О. Л. Фетисенко. СПб.: Пушкинский Дом, 2018. 600 с. (Славянофильский архив; кн. IV).

РА — журнал «Русский Архив» (М., 1863—1917).

РБ — журнал «Русская Беседа» (М., 1856—1860).

РВ — журнал «Русский Вестник» (М., 1856—1886; СПб., 1887—1906).

РВед — газета «Русские Ведомости» (М., 1863—1918).

РК — газета «Русский Курьер» (М., 1879—1889, 1891).

РМ — журнал «Русская Мысль» (М., 1880—1918).

РС — журнал «Русская Старина» (СПб., 1870—1918).

РСл — журнал «Русское Слово» (СПб., 1859—1866).

«Русская Беседа» — «Русская Беседа»: история славянофильского журнала: Исследования. Материалы. Постатейная роспись / ИРЛИ РАН; под общ. ред. Б. Ф. Егорова, А. М. Пентковского и О. Л. Фетисенко. СПб.: Пушкинский Дом, 2011. 568 с. (Славянофильский архив; кн. I).

Сборник статей. 1862 — Сборник статей, не дозволенных цензурою в 1862 году: Напечатан по распоряжению г. управляющего Министерством народного просвещения для Комиссии по делам книгопечатания: <в 2 т.>. СПб.: тип. Мор. министерства, 1862.

СИ — газета «Современные Известия» (М., 1867—1887).

Собр. соч. — *Аксаков И. С.* Собрание сочинений: в 12 т. СПб.: Росток, 2018—2022—. Т. 1—2— (изд. продолжается).

Соч. — Сочинения И. С. Аксакова. М.: тип. М. Г. Волчанинова, 1886. Т. I—IV; 1887. Т. V—VII. Со 2-го тома на обл. назв.: Полное собрание сочинений И. С. Аксакова.

СПбВед — газета «С.-Петербургские Ведомости» (с 1703).

Хомяков — *Хомяков А. С.* Полн. собр. соч.: <в 8 т.>. 4-е изд. М.: Унив. тип., 1900—1914.

Цимбаев — *Цимбаев Н. И.* И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М.: изд-во МГУ, 1978. 264 с.

КОММЕНТАРИИ

<Н. П. Гиляров-Платонов>
ПРЕДИСЛОВИЕ <К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ>

Печатается по первой публикации: *Соч.* Т. II. С. III—VI. Без подп.

Авторство Н. П. Гилярова-Платонова установлено нами. См.: *Дмитриев А. П.* Н. П. Гиляров-Платонов и русская литература 1850—1880-х годов / ИРЛИ РАН. СПб.: Родник, 2018. С. 378—384. При републикации во 2-м издании тома статье было присвоено назв. «Предисловие к первому изданию» (*Аксаков И. С.* Сочинения. Изд. 2-е. СПб.: тип. А. С. Суворина, 1891. Т. II: Славянофильство и западничество, 1860—1886. С. V—VIII. Без подп.).

Композиционно в Предисловии можно выделить три части: в первой дается краткий тематический обзор материалов, составивших том, во второй определяется специфический вклад И. Аксакова в развитие славянофильского учения и, наконец, в третьей он характеризуется как писатель, художник слова.

[1] *Пропагатор* (*лат.* распространяющий, расширяющий пределы) — распространитель, пропагандист (*устар.*).

<Р. С. Россоловский>
НЕСКОЛЬКО СЛОВ ПО ПОВОДУ ВТОРОГО ИЗДАНИЯ

Печатается по первой публикации: *Аксаков И. С.* Сочинения. Изд. 2-е. СПб.: тип. А. С. Суворина, 1891. Т. II: Славянофильство и западничество, 1860—1886. С. III. Без подп.

Авторство публициста В. С. Россоловского, двоюродного племянника Аксакова, определено исходя из того, что именно он готовил к изданию этот том, выпущенный осенью 1891 г. «попечением Д. Ф. Тютчевой». См. об этом письма В. С. Россоловского к О. Г. Аксаковой от 8 июня — 19 сентября 1891 г., процитированные в статье Д. А. Бадаляна «Архив И. С. Аксакова в Императорской Публичной библиотеке: история поступления и издания произведений писателя» (Книжное дело в России в XIX — начале XX века: сб. науч. тр. СПб.: РНБ, 2018. Вып. 19. С. 113).

СТАТЬИ ИЗ ГАЗЕТЫ «ДЕНЬ» (1861—1865)

1861

<Возврат к народной жизни путем самосознания>

Печатается по первой публикации: <*Аксаков И. С.*>. Москва, 14-го октября // День. 1861. 15 окт. № 1. С. 1—2. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 3—7. С републикации этой передовицы в *Соч.* начинался раздел «1861 г. (Передовые статьи)».

В основе статьи — первоначальный вариант программы газеты «День», которую Аксаков впоследствии изменил, следуя совету цензора и своего друга Н. П. Гилярова-Платонова. Тот писал Аксакову в конце августа 1861 г.: «Вы должны пожертвовать значительно; но не безвозвратно, — успеете сказать то же в газете. <...> Все мысли останутся; но лирический восторг снимется» (*Люди русской правды.* С. 228). В том же письме Гиляров-Платонов упоминает «абзац о многосторонней *лжи*, существующей у нас в разных отраслях» (Там же) — этот образ стал стержневым в статье Аксакова.

В. Н. Греков, републиковавший эту передовицу в 2002 г., обратил внимание на ее художественный строй: «Неустоявшееся, переходное время обретает под пером И. Аксакова не только элементы противоречивости, но ощущение нежизнеспособности, поскольку жизнь здесь сталкивается со смертью, незрелость не успевает обрести черты определенности и сразу же дряхлеет, гибнет» (*Отчего так нелегко живется.* С. 917). Это представление, как предполагает исследователь, «восходит к образам Н. В. Гоголя» в финальной сцене «Сорочинской ярмарки»: «...беременная смерть, но только рядящаяся под юность, рождающая не смерть, а незрелость, не имеющую шансов выжить» (Там же).

Статья открывала первый номер «Дня». Рассылая его друзьям, Аксаков просил дать о нем честный, нелицеприятный отзыв. Первый пришел от И. В. Беляева — уже в тот день, как была отпечатана газета (14 октября). Он писал: «В передовой статье <...> современный вопрос решается великолепно. Мне нравится, что, не называя никого, все обсуждено твердо. Одного боюсь, чтобы наша фельетонная литература, — которая хочет уверить себя и других, что у нас есть общество, — ибо оно даже расхаживает по городу, — не взбесилась на передовую статью, которая такое общество сдувает с Земли как пыль. Надеюсь, впрочем, на впечатление второй половины статьи о самосознании» (*«День» Аксакова.* Ч. 1. С. 166). 15 октября Аксаков писал графине А. Д. Блудовой в Петербург: «Вы теперь уже имеете и, может быть, прочли 1<-й> № "Дня". В неблагоприятное время он является; не туда обращены умы; слух заперт для серьезного слова; теперь громче газет говорит язык событий. Впрочем, кажется, сколько можно судить, "День" понравился. Посмотрим на деле, что скажет подписка. С нетерпением буду ждать отзыва Вашего о мнении Вашем и Графа Димитрия Николаевича <Блудова>. Других — близко принимающих к сердцу судьбу моей газеты, теперь и нет в Петербурге» (РНБ. Ф. 78. Ед. хр. 22. Л. 25—25 об.). Блудова отвечала 16 октября: «...хочу сказать Вам два слова об № 1. — Мне весьма по сердцу он вообще, хотя вполовину тут старые знакомые. — Батюшка успел только первую статью выслушать — но его *менее* поразила она в новой форме своей. Срезневский от нее в восхищении. Тютчев говорит: хорош первый № "Дня" — вот наконец *живой голос* и понимаешь, что тут дело идет о России. Других не видала кроме таких, у кого страшно спросить, потому что они какую-нибудь глупость будут отвечать» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 53. Л. 27—27 об.). Позднее, в письме от 25 октября, Блудова вернулась к теме: «Уж *публика* здешняя начала говорить об "Дне" — и уже видит *намеки* в передовой статье 1-го №. *Намеки*! у Вас! где уж точно все ясно как День!» (Там же. Л. 33 об.—34).

В печати аксаковские инвективы в адрес русского общества, якобы погрязшего во «лжи», вызвали по большей части неприязненный прием. Исключение — неожиданный для Аксакова сочувственный отклик одиозного журналиста В. И. Аскоченского, имевшего устойчивую репутацию мракобеса, ненавистника «прогресса». Он, обильно процитировав передовую статью, заявил: «Мы с напряженным вниманием прочитали profession de foi новорожденной газеты "День" и от души порадовались такому взгляду на принятую ею задачу, о каком за несколько лет тому и подумать было опасно» (<*Аскоченский В. И.*>. Блестки и изгарь. LXXVIII // Домашняя беседа. 1861. № 42. 21 окт. С. 817).

Ф. М. Достоевский отозвался на передовицу Аксакова в довольно резкой по тону статье «Последние литературные явления. Газета "День"». Возмутило писателя не со-

держание статьи, а ее назидательный тон, «партийная» непримиримость, «террор мысли». Он пишет: «Но вы являетесь с газетой. Вы не хотите стоять в стороне от всеобщего движения. Вы хотите отзываться на современные явления жизни живым, неустанным словом, войти с усиленною против прежнего деятельностью в эту толчею почти чуждых вам (как вы сами заявляете) интересов. Мы рады товариществу; но ведь товарищем вы не будете. Вы все-таки будете нас учить нестерпимо свысока... учить, беспрерывно учить; смеяться над нашими ошибками; не признавать наших мук и страданий; осуждать их со всею жестокостью исступленного идеализма...» (*Достоевский.* Т. 19. С. 61—62).

В анонимном отзыве «Отечественных Записок» статья Аксакова была встречена в целом благожелательно, хотя и не без упрека: «Мы очень уважаем г. Аксакова, от души приветствовали его журнал и всегда будем сочувствовать его честному и независимому голосу, но только с условием, чтоб он не забывал о положении тех, которых он осыпает своими укоризнами и советами» (<*Без подписи*>. Современная хроника России: Нравоучение г. Аксакова // *ОЗ*. 1861. Т. 23. Нояб. Отд. V. С. 9).

Обличительный пафос Аксакова вызвал едкую критику радикальной журналистики. См., например, фельетон Д. Д. Минаева «Дневник Темного человека: Новые редкости Москвы. — Славянофилы и "День" г. Аксакова. — Его скандальный успех. — Анафема русскому обществу. — Грозное "покайтеся!.." и мое уныние». — Великая природа — г. Тютчева. — "Осенняя ода" и "Журнальное Бородино" — древняя баллада» (*РСл.* 1861. № 11. Отд. III: Смесь. С. 7—14). См. также пародийное стихотворение В. С. Курочкина «Когда мне в первый раз принес рассыльный "День"...» (1861) в составе фельетона «Дни и ночи (Образцы славянофильского витийства и поэтические грезы барона Тираха Толерансова)» (Поэты «Искры». Л.: Сов. писатель, 1955. Т. I. С. 194—195. (Б-ка поэта)). См. также пространный отзыв на статью Аксакова в письме к нему некоего Б—на от середины ноября 1861 г., упрекавшего редактора «Дня» за то, что он, дав выразительное описание удручающего состояния русской жизни, не указывает «путь, по которому надо следовать к совершенству» (*«День» Аксакова.* Ч. 1. С. 194).

[1] 19 февраля 1861 г. датирован Высочайший манифест об отмене крепостного права.

[2] Ф. М. Достоевский негодующе откликнулся на эти слова в статье «Последние литературные явления. Газета "День"»: «Как сметь сказать "о порицании нашей народности, *не в силу негодующей, пылкой любви,* но в силу внутреннего нечестия, инстинктивно враждебного всякой святыне чести и долга"? Что за фанатизм вражды! Что за резкая уверенность в самых сокровенных помышлениях противников, в сердце и в совести их! Неужели любить родину и быть честными дано в виде привилегии только одним славянофилам? Кто мог сказать это, кто бы решился написать это, кроме человека в последней степени фанатического исступления!.. Да, тут почти пахнет кострами и пытками... Мы не преувеличиваем» (*Достоевский.* Т. 19. С. 59).

[3] См. отклик Достоевского на эти слова в той же статье: «Не думаем, чтоб эта заря брезжила для славянофилов. Славянофилы имеют редкую способность не узнавать своих и ничего не понимать в современной действительности. Одно худое видеть — хуже, чем ничего не видеть. А если и останавливает их когда что хорошее, то если чуть-чуть это хорошее непохоже на раз отлитую когда-то в Москве формочку их идеалов, то оно безвозвратно отвергается и еще ожесточеннее преследуется, именно за то, что оно смело быть хорошим не так, как раз навсегда в Москве приказано. Впрочем, и собственный-то идеал у них еще вовсе не выяснен. Есть у них иногда сильное чутье, тонкое и меткое, некоторых (но отнюдь не всех) основных элементов русской народной особенности» (*Достоевский.* Т. 19. С. 59).

[4] Прежде всего имеются в виду полабы — потомки славянского племени древян, жившие в княжестве Люнебург на левом берегу реки Эльба. К середине XVIII в. полабский язык вымер и его носители стали говорить только по-немецки. Этот мертвый

язык известен главным образом по таким источникам, как немецко-полабский словарь Х. Хеннига фон Йессена, записи полабского крестьянина Я. П. Шульце, французско-полабский словарь И. Пфеффингера. Возможно, Аксаков здесь подразумевает работы А. Ф. Гильфердинга, например: «Памятники наречия залабских древлян и глинян» (СПб., 1856) и «Борьба славян с немцами на Балтийском поморье в Средние века» (СПб., 1861).

[5] *«Русская Беседа»* — знаменитый славянофильский журнал (1856—1860), издававшийся А. И. Кошелевым. Аксаков был одним из его редакторов (1858—1859). См. материалы сб. *«Русская Беседа»*.

[6] Подразумевается журнал братьев М. М. и Ф. М. Достоевских «Время» (СПб., 1861—1863). 20 октября 1861 г. Аксаков писал Н. С. Соханской (Кохановской): «Вообще — этот журнал славянофильствует отчаяннейшим образом и при всяком удобном случае нас ругает, говорит, что Славянофильство — отживший момент, и хочет создать учение о русской народности — минус Веры и нравственного закона!» (*Переписка Аксаковых и Кохановской.* С. 125).

<Отчужденность интеллигенции от народной стихии>

Печатается по первой публикации передовой статьи: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 21-го октября // День. 1861. 21 окт. № 2. С. 1—2. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 8—10.

В статье в аллегорической форме Аксаков говорит о борьбе в общественной жизни России двух «враждующих сил», чуждых народному духу. Под первой из них, характеризующейся как «пустое, голое отрицание», подразумеваются представители радикального направления, под второй — «грубой, тупой, бессмысленной *силой*» — правительство. Аксаков признавался Н. С. Соханской в письме от 20 октября 1861 г., что под иносказанием он имел в виду студенческие волнения в обеих столицах: «Гнусные истории студентские, возбужденные поляками, заслуживали бы резкого осуждения со стороны литературы, — но лежачих не бьют, и вы не хотите в то же время подавать руку безобразному правительству: правды последнему вы сказать не можете. От этого приходится ограничиваться одними намеками, аллегорическими образами (как в передовой статье 2 №), а чрез это подается повод к недоумениям» (*Переписка Аксаковых и Кохановской.* С. 125).

Ф. М. Достоевский откликнулся на передовицу Аксакова в статье «Последние литературные явления. Газета "День"» упреками в беспочвенном теоретизировании, далеком от реальных народных нужд: «Чутья действительности нет. Идеализм одуряет, увлекает и — мертвит, и вы сами не ясно понимаете то, пониманием чего хвалитесь перед нами. Вот почему мы и сказали, что у вас есть чутье некоторых основных элементов русской жизни, но не всех. Чутья как не быть: вы русские, люди честные, любите родину; но идеализм губит вас, и иногда вы даете ужасные промахи, даже в понимании именно этих-то основных элементов русской жизни...» (*Достоевский.* Т. 19. С. 63). Г. Е. Благосветлов в журнале «Русское Слово» заявил: «...г. Аксаков начал в Москве издание газеты "День". Дай Бог поменьше таких *дней*, которые хуже всякой ночи! Дай Бог России поменьше таких редакторов, таких литературных деятелей, как г. И. Аксаков! Люди этой исключительной партии всегда стараются говорить с яростию, как бы вызывая на спор, о таких предметах, которые недоступны спору. Им нет дела до того, будут ли опровергать их дикие вопли, — они заботятся о том, чтобы чем-нибудь произвести скандал <...> Мы думаем, что всякий русский, отвернется от "Дня" после его второго выпуска» (*РСл.* 1861. № 10. Отд.: Современная летопись. С. 16—17).

[1] Вероятный источник стихотворения — «Die völker schwiegen, schlummerten...» («Безмолвные народы спали...», 1797) Ф. Гёльдерлина. Благодарю Е. А. Тахо-Годи за консультацию.

[2] Образ восходит к древнегреческому мифу о спящем Геракле и пигмеях. См.: *Филострат.* Картины. II, 22.

[3] Скрытая аллюзия на евангельскую притчу о мудрых и неразумных девах. Ср.: «Он же сказал им в ответ: истинно говорю вам: не знаю вас» (Мф 25: 12).

[4] Мф 3: 3, 2. Ф. М. Достоевский, приведя пространную цитату (от слов «Что видим мы» до конца статьи), возражал Аксакову, и тоже от лица народа: «Хорошо-с. Но так ли скажет народ? Так ли (и это главное) рассудит он? Не приписываете ли вы ему своего суда, своих мнений? Вы говорите про наших художников и литераторов. Про художников мы теперь ничего не скажем и не будем гадать о том, какая участь постигнет нашу Академию художеств. Но другим, о которых вы говорите, он скажет, по-нашему, вот что: "Успокойтесь! вы те же русские, и я признаю вас русскими за то, что вы меня сами, наконец, признали и догадались, что без меня вам жить плохо и что без меня вы ничего не сделаете. Честь и слава вам, что как только проснулась ваша мысль, как только вы выросли и возмужали, тотчас же вспомнили обо мне. Честь и слава вам, что вы скорбели моими скорбями и других научали скорбеть, что вы заступались за меня и решили сообща — воротиться ко мне, на родную почву. Научите ж вы меня теперь тому, что вы за морем узнали, и опишите мне в точности все ваши странствования и страдания. Я же вас научу тому, что вы своего позабыли. Во многом вы ошибались, но ошибку в фальшь не ставят. Ошибок умышленных вы промеж себя не терпели и не хотели терпеть, а я это выше всего ценю. Все мы из одной благородной почвы и, как русские, все мы друг перед другом равны..." И уж если пошло на тексты, то не грозный текст пророка приведет он тогда, а милосердое слово бесконечной любви... Так нам кажется. Нам кажется, что мы заслужим в его сознании, а сознательно он не сметет нас как сор... Ведь и у вас он говорит сознательно как же вы сознательно вложили ему такие слова в уста! Нет, господа, не клевещите на русский народ, не приписывайте ему своего суда!» (*Достоевский.* Т. 19. С. 64—65).

<Народный отпор чужестранным учреждениям>

Печатается по первой публикации передовой статьи: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 4-го ноября // День. 1861. 4 нояб. № 4. С. 1—2. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 10—15.

Графиня А. Д. Блудова, ознакомившись со статьей, выражала беспокойство в письме к Аксакову от 7 ноября 1861 г.: «К моему ужасу, "День" в большой моде в высших кругах, здесь его читают все — и разумеется толки самые глупые. Боюсь, что не поймут передов<ую> ст<атью> № 4» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 53. Л. 42 об.). В письме, датированном следующим днем, графиня уточняла свою мысль: «Я ужасно боюсь за передовую статью 4<-го> № — этот повторяющийся немецкий кафтан примут непременно за нападку на мундиры и Государевы перемены в обмундировке. Другие увидят тут критику на все, что дошло со времен Петра, т. е. *немецкой династии.* Я Вам скажу по правде, что весьма коротенькое введение — разговор Руси с редактором — слишком иносказательное для нашей публики. — Не рискуйте так беспрестанно журналом из-за блистательной статьи. Я буду с Вами совершенно откровенна — уж нет ли у Вас затаенного чувства — желания *популярности и шуму* через *отважность* передовых статей? — Простите мне это сомнение в совершенной сериозности и трезвости некоторых частей журнала — как, например <...> немецком кафтане да воле-волюшке 4<-го> №. Боюсь, что Вы себе иногда делаете фальшивый *point d'honneur* <вопрос чести (*фр.*)> в том, чтоб *не быть слишком* осторожным?» (Там же. Л. 49—50). Петербургская кузина М. Г. Карташевская 10 ноября сообщала В. С. Аксаковой: «От передовой статьи 4<-го> № в восхищении, я сама ее читала вчера. Прочла ее в 3<-й> раз, и она мне все более нравится» (ИРЛИ. Сигн. 10 655. Л. 145 об.). Она оговаривалась, имея в виду передовицы в первых четырех номерах газеты: «Если я и оспаривала иногда что-нибудь в них, то все же художественное их достоинство несомненно» (Там же. Л. 143 об.).

[1] Ср.: «Ни ступить, ни молвить не умеешь» («Сказка о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина).
[2] Ср. поговорки: «За чужое пиво принимать похмелье», «На чужом пиру с похмелья», «В чужом пиру да похмелье», «С чужого пира похмелье», «За чужое пиво принимать похмелье».
[3] Ср. поговорку «Не откормить коня сухопарого, не отрастить дерева суховерхого».
[4] В китайских фонарях за прозрачным экраном пропускают вырезанные силуэты, которые освещаются сзади. В центре устанавливается колесико, благодаря чему корпус фонаря может вращаться, и картинки начинают мелькать одна за другой, отбрасывая тени.
[5] Противоположный взгляд впоследствии отстаивал, например, петербургский правовед И. И. Дитятин: «Петра обыкновенно упрекали в том, что он перенес на русскую общественно-политическую почву учреждения, совершенно чуждые русской почве. Обвинение это справедливо лишь отчасти. Он заимствовал лишь формы этих учреждений» (*Дитятин И.* Устройство и управление городов России. СПб., 1875. Т. I. С. 201).
[6] *Альдерман* (олдермен) — в средневековой Германии старшина какой-либо корпорации или гильдии. Благодаря Ганзейскому союзу, в кодексе которого были определены права альдерманов, эта должность с XII в. была известна в северо-западных городах Руси. 16 января 1721 г. Петр I ввел должность альдермана как старшины цеха, или цумпфта, в Регламенте Главного магистрата. Цеховой альдерман наблюдал за работой ремесленников и удостоверял добротность изготовленных ими изделий особым клеймением.
[7] *Мейстер* — мастер, учитель.
[8] *Бюргер* — мещанин, горожанин; буржуа.
[9] *Магистрат* — в России орган местного городского самоуправления в 1724—1728 гг. и 1743—1775 гг. Затем, в 1775—1864 гг., — суд первой инстанции на уровне города.
[10] *Ратуша* — в России орган местного городского самоуправления в 1699—1724 гг. и 1728—1743 гг.
[11] *Герберг* — трактир для «чистой публики» (предшественник ресторана), устроенный при постоялом дворе. Первый герберг для иностранцев был открыт в Петербурге в 1716 г.
[12] Законодательство о ремесленной промышленности, регламентировавшее правовой статус и деятельность цеховых работников, формировалось на протяжении всего XVIII в.: Указ от 27 апреля 1722 г., Ремесленное положение 1785 г., «Устав цехов» 1799 г. «Устав ремесленный» кардинально перерабатывался в 1857 и 1879 гг., дополнялся в 1906, 1908 и 1910 гг.
[13] Впервые слово «игнорировать» зафиксировано во 2-м издании Словаря В. И. Даля (т. II) в 1881 г.
[14] Аксаков обследовал «ремесленные общины» в 1848—1851 гг. по заданию Министерства внутренних дел. См. его статью «О ремесленном союзе в Ярославской губернии: (письмо к издателю) // *РБ*. 1858. Кн. II (X). Отд. V: Смесь. С. 209—215.

<Доктрина и органическая жизнь>

Печатается по первой публикации передовой статьи: <*Аксаков И. С.*>. Москва, 11-го ноября // День. 1861. 11 нояб. № 5. С. 1—3. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 15—21.

5 ноября 1861 г. В. С. Аксакова писала двоюродной сестре М. Г. Карташевской о том, как брат работал над передовой статьей для № 5 «Дня»: 4 ноября у Ивана «собралось человека четыре и просидели до 12-го часу, после чего он приходил к нам, чтоб передать нам кое-что, а потом засесть на всю ночь писать передовую статью на 5-й №. — Теперь он сидит и переписывает, и мы еще не знаем, в чем она состоит. <...> Только к обеду окончил Иван свою статью, вчера ему помешали вечером, и потому она доста-

лась труднее других. Тотчас же прочел он ее нам, на этот раз достается профессорам, не называя их. Впрочем, предоставляю тебе самой ее прочесть и буду ждать от тебя подробного и искреннего суждения» (ИРЛИ. Сигн. 10628. Л. 114—114 об., 115—115 об.). 14 ноября М. Г. Карташевская отвечала: «Прочла "День". Не скажу, чтобы была довольна передовой статьей, почему именно, — бесполезно говорить, — вы не будете согласны. Любопытно мне, что скажет Г<рафиня> Б<лудова>? <...> Сегодня приезжали Княжевич Машенька и Лиза. В большом негодовании на передовую статью, так что я даже стала ее отстаивать» (Там же. Сигн. 10 655. Л. 147 об.).

Графиня А. Д. Блудова откликнулась 18 ноября, сообщив о том, что статью категорически не приняла не только она, но и граф Д. Н. Блудов и Ф. И. Тютчев, опасавшиеся закрытия «Дня». Она писала: «Батюшка вчера потребовал прочитать ему статью, которую я ему нарочно не давала — и он с *прискорбием* выслушал ее. И мысли и слог равно запутаны, а что еще хуже, это что она как бы *палинодия* статьи № 3 — как бы сделка совести перед нападками той самой литературы Чернышевского и "Русского Слова". Как будто Вы испугались их крику и оговариваете весь дух первых Ваших №. — Ф. И. Тютчев в отчаянии, он видит из-за Чичерина ту же полемику, которая так уронила и Крылова, и "Молву", а все-таки тогда хоть Чичерин был виноват — но теперь ни за что, ни про что проповедуете возвращение к дикому состоянию, где повинуется закону только тот, кому этот закон приятен или нравится. Разве лицо попечителя или профессора не должно быть так же ограждено от диких ругательств и кулачного нападения, как лица дворника или студента? Это есть обеспечение всякого гражданина, к которому стремится всякое благоустроенное законодательство. Это есть высший закон Христианский, закон глубоко врезанный в сердце всякого человека, выросшего среди христианской гражданственности. — Ф. И. Тютчев говорит, что все здешние журналисты торжествуют, что они из страху их критики довели Вас *до нелепого отречения от первых №*. Вот что они здесь говорят. Если теперь в 6<-м> № Вы также будете *каяться* перед поляками, то просто и отвечать нечего на то, что об Вас будут иметь право говорить люди, которые лично Вас не знают. А мы, которые знаем и уважаем Вас, можем лишь одним объяснить эту несчастную статью. Это утомлением физическим и расстройством здоровия» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 53. Л. 75—76 об.).

[1] См. отклик М. Г. Карташевской на эту и последующие фразы в письме к В. С. Аксаковой от 26 ноября: «Вижу, как вы озадачены нападениями, которые посыпались со всех сторон на статью и как вы их не ожидали. Ты удивляешься! Но помилуй! Не говоря уже о гниении, о свежем воздухе, где задеты все, всего более неловко вышли отзывы о законе, где как будто проповедуется непослушание ему. Я говорю неловко, потому что уверена, что не это хотел сказать автор, только выразился неловко. Можно себе представить, как должны были такой выходке обрадоваться все те, кто не сочувствует газете» (ИРЛИ. Сигн. 10 655. Л. 154 об.—155).

[2] В письме от 23 ноября графиня А. Д. Блудова так выразила свое отношение к этому образному ряду: «...все это описание *вони, гнили, миазмов гниения*, повторенное несколько раз с каким-то наслаждением Пироговским в анатомическом театре, — для меня *гадко*, решительно гадко, в литературном смысле...» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 53. Л. 89).

[3] Ср. в письме Аксакова к князю Д. А. Оболенскому (в связи с революционным брожением в Европе в начале 1848 г.: «В какое время живем мы: воочию совершается история, ощупью слышишь великие судьбы мира!» (*Аксаков в письмах*. Т. I. С. 368).

[4] Имеются в виду «Разные отдельные заметки» К. С. Аксакова, впервые опубликованные в другой редакции И. С. Аксаковым в 1861 г. (Отметим, что В. Н. Греков ошибочно отнес эту публикацию к 1915 г.: *Отчего так нелегко живется*. С. 919.) См.: «Петр обратил внимание на наружность, на кору, но не в том сила, крепка ли кора, а в том сила, здорова ли сердцевина» (*Аксаков К. С.* Полн. собр. соч. М., 1861. Т. I. С. 626).

[5] Аксаков исходит из славянофильского противопоставления правды внутренней, т. е. совести, которая согласует действия человека с Божественным законом, а также учитывает сложившиеся в народном быту отношения и взгляды, и правды внешней, базирующейся исключительно на человеческом разумении и зафиксированной в «мертвом» юридическом законе. А. С. Хомяков отмечал в статье «О юридических вопросах» (1857): «Первым правилом всякого гражданского общества должно быть признание человеческой правды как той цели, к которой оно обязано стремиться. Это признание по необходимости, сопровождается верою в святость, обязательность и силу правды для всех членов общества. Тут и должно искать точки отправления для гражданского судопроизводства» (*Хомяков*. Т. III. С. 331).

[6] Первые законоположения об артелях встречаются в Уставе о цехах 1799 г., где артель определяется как общество некоторого числа людей, исполняющих по добровольному между собою согласию службы и работы, с силами одного человека несоразмерные. Впоследствии это же определение перешло в «Устав торговый» и «Устав горный». Отдельного регламента об артелях принято не было.

<Честное печатное слово и изворотливая речь>

Печатается по черновому автографу передовой статьи, подвергшейся цензурному запрещению: <*Аксаков И. С.*>. Москва, 2 декабря // РНБ. Ф. 208. Ед. хр. 98. Л. 5—7 об. Рукопись подшита в конволют с Всеподданнейшими докладными записками министра народного просвещения А. В. Головнина за январь — май 1862 г. Впервые опубликовано (с неточностями) в составе статьи Д. А. Бадаляна «Неопубликованная передовая статья И. С. Аксакова для газеты “День” от 2 декабря 1861 г.» (Книжное дело в России в XIX — начале XX века: сб. науч. тр. СПб.: РНБ, 2014. Вып. 17. С. 256—270). Кроме того, сохранился дополнительный рукописный источник текста — первоначальный черновой набросок статьи: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 55. Л. 34—34 об. См. *Варианты*.

Статья была написана к 27 ноября, о чем упоминается в письме В. С. Аксаковой к М. Г. Карташевской, датированном этим днем: «Никогда, может быть, не казались так возмутительны эти цензурные стеснения, как теперь, в минуту общей разработки всех возбудившихся понятий, для уяснения которых необходима полная свобода слова. Говорят, что уничтожат цензуру, то есть сделают ответственными самих авторов и редакторов, всё лучше будет. <...> Иван приготовил статью к будущему Nомеру, это будет пробным камнем» (ИРЛИ. Сигн. 10628. Л. 129 об.).

В статье Аксаков фактически поясняет, почему он вынужден был прибегнуть к иносказаниям в передовицах первых номеров, весьма прозрачно отсылая читателя к произволу цензуры и бесправию печати. Статья, не пропущенная Московским цензурным комитетом 28 ноября, была отправлена Аксаковым в Петербург к графине А. Д. Блудовой 1 декабря. В сопроводительном письме Аксаков пояснял: «Мне такая статья была необходима, чтобы разом отвечать на все мерзости, которые пишут против меня в некоторых петерб<ургских> журналах. Мне кажется — этот ответ был вполне достойный и единственно возможный. Мне все они твердят, что возражать на мои статьи нельзя... Я хочу, чтоб было можно. С другой стороны, необходимо оправдаться и против тех, которые обвиняют, зачем я не нападаю, напр<имер>, на “Северную Пчелу” — за выходки против Иисуса Христа» (*Аксаков в письмах*. Т. III. С. 376; уточнено по автографу: РНБ. Ф. 78. Ед. хр. 22. Л. 46—46 об.). Намекая, очевидно, на ходатайство Блудовых перед министром народного просвещения графом Е. В. Путятиным, Аксаков просил: «Прочтите, Графиня, и если б можно было ее какими-нибудь путями пропустить (но, разумеется, не чрез Главн<ое> Упр<авление> Цензуры), Вы бы оказали мне истинную услугу! Эта статья — честный и нравственный поступок. К тому же она написана осторожно. Выражения: свобода слова — нигде нет, а всё — “откровенное слово, откровенность слова”. Мне необходимо напечатать эту статью» (Там же. Л. 46 об.).

4 декабря Блудова отвечала: «Статью я прочла и не понимаю решительно, что тут запрещенного? Гиляров находит слово "вот" нецензурным, ну, его бы и вымарать. Не знаю, через кого просить о пропуске — но постараюсь узнать» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 53. Л. 92). Позже Аксаков дважды справлялся у графини о своей статье (см.: *Аксаков в письмах*. Т. III. С. 380, 381). 23 декабря, когда стало ясно, что Путятина сменит А. В. Головнин, Блудова писала Аксакову: «Поздравляю с новым Министром Просвещен<ия>. Дай Бог, чтоб он удался <...> Теперь, может быть, и статейка о цензуре Ваша пройдет, хотя с некоторыми может быть исключениями» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 53. Л. 102—102 об.). Вскоре Аксаков был приглашен Головниным в Петербург, а 9 января 1862 г. статью о цензуре прочел Александр II и оставил свою резолюцию: «...в статье Аксакова нахожу ту же двусмысленность, которую он упрекает нашей литературы <*так*!> вообще и потому ее печатать не следует. Мысль его я одобряю, но можно было бы выразить ее иначе» (РНБ. Ф. 208. Ед. хр. 98. Л. 2). Понятно, что на этом вопрос о публикации статьи был закрыт.

[1] Начиная от слова «точек» подчеркнуто красным карандашом цензора.
[2] Начиная от слова «прибегать» подчеркнуто красным карандашом цензора.
[3] Начиная от слова «не говорим» подчеркнуто красным карандашом цензора.
[4] Начиная от слова «вынуждаемое» подчеркнуто красным карандашом цензора. Отсюда до конца абзаца отчеркнуто карандашом Александра II.
[5] Реминисценция из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Как часто, пестрою толпою окружен...» (1840). См.: «И дерзко бросить им в глаза железный стих, / Облитый горечью и злостью!..»
[6] Начиная от слова «в особенности» подчеркнуто красным карандашом цензора.
[7] Начиная от слова «всякого» подчеркнуто красным карандашом цензора.
[8] Начиная от слова «изгоняя» подчеркнуто красным карандашом цензора.
[9] *Тать* — вор (*церксл.*). Как тать в нощи — библеизм (Фес 5: 2).
[10] Начиная от слов «а развенчать ее» подчеркнуто красным карандашом цензора.
[11] Неточная цитата из статьи А. С. Хомякова «Об общественном воспитании в России» (1850), увидевшей свет в № 1 «Дня». Ср.: «Когда, по милости слишком строгой цензуры, вся словесность бывает наводнена выражениями низкой лести и явного лицемерия в отношении политическом и религиозном, честное слово молчит, чтобы не мешаться в этот отвратительный хор или не сделаться предметом подозрения по своей прямодушной резкости...» (*Хомяков*. Т. I. С. 374). Аксаков в письме к графине А. Д. Блудовой 7—8 ноября 1861 г. отметил по поводу «выходки» «Русского Слова» против № 2 «Дня»: «Может быть, мне и действительно следовало умерить свой порыв, помня слова Хомякова в его статье об общественном воспитании: "честное перо молчит, чтобы не быть смешанным с толпою клеветников и угодников" и проч.» (*Аксаков в письмах*. Т. III. С. 368).
[12] Персонажи из «Мертвых душ» и «Ревизора» Н. В. Гоголя.
[13] Начиная от слова «духовным» подчеркнуто красным карандашом цензора. На полях тем же карандашом написано: «орудием внешнего преследования».

1862

<Правительственная воля и свобода частного мнения>

Печатается по первой публикации передовой статьи: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 20-го января // День. 1861. 20 янв. № 15. С. 1—2. В *Соч.* не воспроизводилось. Дополнительный источник текста — первоначальный черновой набросок статьи: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 55. Л. 17—17 об. См.: *Варианты*.

Аксаков писал графине А. Д. Блудовой 19—20 января 1862 г.: «Передовая статья 15<-го> № маленькая: цензура откусила кончик. Дело идет о "Северной Почте": я подличаю пред Валуевым и Правительством — и стараюсь уловить их в собственные сети» (*Аксаков в письмах*. Т. III. С. 390; уточнено по автографу: РНБ. Ф. 78. Ед. хр. 22. Л. 64). Идея статьи — призыв к правительству проявлять терпимость по отношению к общественным мнениям во всем их разнообразии и не препятствовать полемике на злободневные темы в открытой печати. Передовая статья «Северной Почты», процитированная Аксаковым, была вызвана главным образом передовой статьей «Дня» (1862. 6 янв. № 13. С. 1—3), при републикации в 1886 г. получившей редакционное назв. «О самоуничтожении дворянства как сословия» (*Соч.* Т. V. С. 214—220). Кроме того, большой общественный резонанс имели и более ранние статьи Аксакова на эту тему, увидевшие свет в «Дне» 2 и 9 декабря 1861 г. (№ 8. С. 1—3; № 9. С. 1—2) и при републикации названные: «Исторический ход дворянского управления в России» (*Соч.* Т. V. С. 195—203) и «Дворянам необходимо определить себе — что они такое и чем могут быть» (Там же. С. 203—208).

В. С. Аксакова сообщала М. Г. Карташевской о замысле этой статьи за день до ее выхода, 19 января: «Ты также едва ли слышала, что в "Северной Почте" (новый журнал Министерства Внутр<енних> Дел) напечатаны сперва в официальном отделе несколько строк о том, что правительство не согласно с мнением некоторых газет о самоуничтожении дворянства, что, напротив, оно призвано к новой деятел<ьности> и т. д. Казалось, после такого объявления зачем запрещать статьи; сперва такая правительственная полемика всех обрадовала, думали, что тут-то и свобода мнения, а в тот же день получено и запрещение. В другом № "Сев<ерной> Почты" напечатана еще статья в неофициальном отделе, но все же министерская, где очень либерально признается неизбежность всех толков, нетерпений и даже неудовольствий в минуту переходную, когда само правительство предпринимает перемены и т. д. Кажется, чего бы лучше, но у нас все непоследовательно. И я не без опасения ожидаю теперь выхода "Дня". Интриги удаются часто и там, где заранее они изобличены» (ИРЛИ. Сигн. 10 629. Л. 8—9). Упомянутая статья «в другом номере» — передовица «С.-Петербург, 16 января», автор которой (возможно, А. В. Никитенко) писал, что «в настоящую переходную эпоху и при нынешних обстоятельствах» «отражение великих реформ» вызывает «в разных слоях населения государства переходные, временные чувства нетерпения, беспокойства и неудовольствия...» (Северная Почта. 1862. 17 янв. № 13. С. 49).

М. Г. Карташевская отвечала 22 января: «Хотя я читала один № "Северной Почты", о котором ты пишешь, а о другом слышала, но все же не имела понятия о буре, разразившейся над "Днем". И это в такую минуту, когда более чем когда-либо начинали верить в его упроченное существование. Сегодня еще № явился, и признаюсь, не успокоил; я очень боюсь за этот №. В передовой статье такой тон, который не может нравиться» (ИРЛИ. Сигн. 10 656. Л. 10).

[1] *«Северная Почта»* — петербургская ежедневная газета, официальный орган печати Министерства внутренних дел с 1 января 1862 г. по 31 декабря 1868 г.

[2] Северная Почта. 1862. 13 янв. № 10. С. 37. Автор статьи — по-видимому, редактор газеты Н. В. Варадинов.

[3] «*Journal de St. Pétersbourg*» — официоз, издававшийся Министерством иностранных дел с 1813 г. на французском языке (назывался «Journal de St.-Pétersburg» в 1859—1904 гг.).

[4] Точнее: «разум миллионов» — выражение из послания «К сербам» А. С. Хомякова (1860). См. в контексте: «Разум миллионов оставался бесплодным для общества, добровольно заключившего себя в тесные пределы тех немногих тысяч, которые согласились отказаться от всех своих родных обычаев» (*Хомяков*. Т. I. С. 390). Последствие этого процесса — «оскудение самого языка, т. е. самой мысли народной, которая

с языком нераздельна, гибельная примесь жизни чужой и часто разрушение самых священных начал народного быта» (Там же. С. 395).

[5] См.: *Чичерин Б.*: 1) Русское дворянство // Наше Время. 1862. 6 янв. № 4. С. 13; 9 янв. № 5. С. 17—18; 12 янв. № 8. С. 29—30; 14 янв. № 10. С. 37; 2) Что такое среднее сословие? // Там же. 17 янв. № 12. С. 47—48.

[6] *«Наше Время»* — московская литературная и политическая газета, выходившая в Москве в 1860—1863 гг., сначала еженедельно, с 1862 г. — ежедневно. До 1862 г. газета занимала умеренно-либеральную позицию, затем стала негласным официозом Министерства внутренних дел.

[7] Редактор-издатель «Нашего Времени» — Н. Ф. Павлов.

[8] *«Русский Инвалид»* — газета, издававшаяся в Петербурге начиная с 1813 г., официальный орган Военного министерства в 1862—1917 гг. Редактор в 1861—1862 гг. — Н. Г. Писаревский.

[9] *«Современная Летопись»* — московская еженедельная газета, выходившая в 1861—1871 гг. — сначала в качестве приложения к «Русскому Вестнику», с 1863 г. — как приложение к «Московским Ведомостям». Издатель и редактор — М. Н. Катков. Имеются в виду передовые статьи в № 2 и 3 «Современной Летописи» от 10 и 17 января (соответственно, с. 14—17 и 15—17).

[10] О статьях Аксакова по поводу исторической роли дворянства см. преамбулу к комментариям на с. 695. Во многом именно они и инициировали газетную полемику.

[11] Здесь в значении: выделенные курсивом.

<Русский прогресс и русская действительность>

Печатается по первой публикации передовой статьи: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 27-го января // День. 1862. 27 янв. № 16. С. 1—2. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 22—26.

Аксаков сообщал графине А. Д. Блудовой 25—26 января 1862 г.: «В 16<-м> № передовая статья говорит о бесплодности всех улучшений и всякого прогресса — без восстановления цельности организма и живой связи с народом, — без возникновения общественной силы и ее производительности. А эта сила может возникнуть только при свободе слова. / Но все это по милости Цензуры не совсем ясно. Должен Вам сознаться, что эта последняя история крайне меня раздражила и нарушила несколько тон, на который я уже было наладился» (*Аксаков в письмах*. Т. III. С. 392; уточнено по автографу: РНБ. Ф. 78. Ед. хр. 22. Л. 67). Блудова отвечала 30 января: «№ 16 сегодня получен. Тютчев недоволен передовой статьей, потому что опять притчей выходит, которые ему надоели. По мне же, напротив, эта статья кажется хороша, несмотря на притчу. Наши новые Министры на моих глазах такими форейторами выглядят, что хоть куда. — Батюшка находит, что это повторение под другим образом и что, критикуя то, что́ есть, не предлагаются меры для сближения с народностию, ибо введение жидов, раскольников, ксендзов и Чернышевских во все училища народные из свободы совести и слова — не совсем надежное воспитание, ни для народу, ни для правителей» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 54. Л. 14—15 об.).

[1] *Выносная* — лошадь, тянущая вперед, припряженная впереди коренника (рослой и массивной лошади, запряженной в оглобли) *постромками* — прочными витыми веревками или ремнями.

[2] *Взлоб* — то же, что взлобок — «невысокое, крутоватое общее возвышение местности, без близкого спуска, чем и отличается от бугра или пригорка и холма» (*Даль*. Т. I. Стб. 484).

[3] *Целик* — непаханая земля.

[4] Отсылка к статье И. В. Киреевского «Обозрение современного состояния словесности» (1845). См. в контексте: «В Польше действием католицизма высшие сословия весьма рано отделились от остального народа, не только нравами, как это было

и в остальной Европе, но и самым духом своей образованности, основными началами своей умственной жизни. Отделение это остановило развитие народного просвещения и тем более ускорило образованность оторванных от него высших классов. Так тяжелый экипаж, заложенный *гусем*, станет на месте, когда лопнут передние постромки, между тем как оторванный форрейтер тем легче уносится вперед. Не стесненная особенностию народного быта, ни обычаями, ни преданиями старины, ни местными отношениями, ни господствующим образом мыслей, ни даже особенностью языка, воспитанная в сфере отвлеченных вопросов, польская аристократия в 15 и 16-м веке была не только самою образованною, но и самою ученою, самою блестящею во всей Европе» (*Киреевский И. В.* Полн. собр. соч.: в 3 т. СПб.: Росток, 2018. Т. 2. С. 31).

[5] Речь идет о газете «Наше Время». См. цитату об «идеях века» в коммент. 5 на с. 700.

[6] Ф. Гизо, французский историк и политик (либеральный консерватор) противопоставлен своему соотечественнику П.-Ж. Прудону, социалисту, теоретику анархизма.

[7] Выражение «Россия — царство фасадов» принадлежит маркизу Астольфу де Кюстину в его путевых записках «La Russie en 1839» (Paris, 1843). См.: *Кюстин А. де.* Россия в 1839 году: в 2 т. М.: изд-во имени Сабашниковых, 1996. Т. 2. С. 178.

[8] Подразумевается Петербург. Академия художеств была основана здесь в 1757 г.

[9] *Расселась* — дала трещины, разверзлась.

[10] См.: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 1-го января // День. 1862. 1 янв. № 12. С. 1—3; републиковано в 1887 г. под редакторским назв. «С Новым годом»: *Соч.* Т. VII. С. 420—426.

<О дисциплине и свободе>

Печатается по писарской копии передовой статьи с несохранившегося рукописного подлинника: РНБ. Ф. 208. Ед. хр. 98. Л. 50—57 об. В *Соч.* не воспроизводилось. Впервые (и единожды) опубликовано анонимно в ведомственном малотиражном издании для членов Комиссии по делам книгопечатания князя Д. А. Оболенского: *Сборник статей. 1862.* Т. 2. С. 442—447, под редакционным назв. «О дисциплине и свободе» (указано в Содержании). Авторство установлено Д. А. Бадаляном в статье «"...Загорелся сыр-бор за статью о духовенстве...": газета "День" в переписке И. С. Аксакова и князя Д. А. Оболенского (1861—1862)» (Христианство и русская литература. СПб.: Пушкинский Дом, 2017. Сб. 8. С. 439). Сличение источников текста (печатного и писарской копии) показало, что в основе каждого из них был автограф Аксакова. Поэтому при подготовке текста учитывались оба источника; при этом важные разночтения из *Сборника статей. 1862* введены в текст в ломаных скобках. Благодарим Д. А. Бадаляна за помощь в подготовке текста этой и следующей («<О бюджете>») статей.

Статья написана не позднее 29 января 1862 г. для № 17 «Дня» от 3 февраля (писарская копия начинается словами: *Москва, 3-го февраля*). Аксаков иронизировал в ней над «свободой», дозволенной и предписанной начальством, над модой на либерализм; писал о засилье бюрократизма и призывал к развитию общественной самодеятельности и инициативы. 30 января Московский цензурный комитет не пропустил статью, о чем издатель «Дня» сообщал графине А. Д. Блудовой в ночь на 1 февраля: «Написал я передовую статью в свое время. Прочел Гилярову: он говорит — можно, — кроме некоторых выражений. Во вторник в Цензурном Комитете прочие Цензора уперлись, как волы, и не пропустили ни одной буквы! Оснований разумных к запрещению не было, кроме подлого страха, внушенного грозными циркулярами Головнина и письмами Щербинина к Прибылю, самому тупоумнейшему из людей и круглому невежде, но шурину председателя, которого он посадил в Цензора родства ради. / Часов пять жевали, жевали они мою статью, и после долгих утомительных споров часов почти в 5 я воротился домой. Вечером — делать нечего — засел писать новую передовую статью...» (*Аксаков*

в письмах. Т. III. С. 395; уточнено по автографу: РНБ. Ф. 78. Ед. хр. 22. Л. 70—70 об.). Но и другая статья, о бюджете, была также запрещена (см. об этом ниже, на с. 699—700).

Согласно предписанию министра А. В. Головнина, обе запрещенные статьи были отправлены к нему в Петербург. 3 февраля он принял решение не печатать первую статью «вследствие объяснений» своих с шефом жандармов князем Вас. А. Долгоруковым, а 4 февраля распорядился проинформировать об этом Аксакова (см.: РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Ед. хр. 5932. Л. 1—2; цит. по: *Бадалян Д. А.* «...Загорелся сыр-бор за статью о духовенстве...». С. 439). В ночь на 4 февраля Блудова сообщала Аксакову о судьбе его передовой: «Но хочу предупредить Вас, что я видела нынче Головнина при <Д. А.> Оболенском — и что он говорит: невозможно пропустить Вашей статьи, на которую будут смотреть как на воззвание в опровержение самодержавия, которому Вы советуете самоотречение, т. е. самоуничтожение, как дворянству. Что если Вам непременно хочется наделать себе беды и Вашему журналу тоже — то по крайней мере Гол<овнин> не хочет помогать Вам наложить на себя руки. / Он говорит, что тех не переуверишь, от кого будет зависеть погубить журнал и Вам наделать всякого рода неприятностей сверх того. / Его же самого не уговорят изменить свой взгляд. Он не такой бесхарактерный или мягкий» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 54. Л. 18—18 об.).

Однако, несмотря на принятое решение, 7 февраля Головнин доложил Александру II: «Московская цензура запретила передовую статью № 17-го “Дня” и потому номер сей вышел без передовой статьи, что произвело много толков и неудовольствия. Для оправдания цензуры осмеливаюсь всеподданейше представить Вашему Императорскому Величеству запрещенную статью. Статс-секретарь Головнин» (РНБ. Ф. 208. Ед. хр. 98. Л. 49). Ознакомившись со статьей, царь оставил резолюцию: «Нахожу, что Моск<овская> цензура поступила дельно, хотя в статье есть мысли и хорошие» (Там же). Вопрос о ее публикации был закрыт.

[1] Видимо, отсылка к статье: *Чичерин Б.* Мера и границы // Наше Время. 1862. 3 янв. № 1. С. 3—4. Здесь, между прочим, Чичерин резко критиковал передовую статью Аксакова в № 5 «Дня» («<Доктрина и органическая жизнь>»).

[2] *Фельдфебель* — до 1917 г. помощник ротного командира из нижних чинов (примерно соответствует званию старшины в современной армии).

[3] *Четверть аршина* — около 18 см.

[4] Выражение Дж. Вашингтона из его письма-инструкции капитанам полков Вирджинии от 29 июля 1759 г. См. в контексте: «Дисциплина — душа армии. Она превращает немногочисленное войско в могучую силу, приносит успех слабым и уважение всем». Популярности выражения способствовало то, что его процитировал У. Теккерей в романе «Ярмарка тщеславия» (1848).

[5] Отсылка к статье Аксакова «<Русский прогресс и русская действительность>» (Наст. том. С. 30—32).

[6] Имеются в виду слова московского обер-полицмейстера (в 1833—1845 гг.) Л. М. Цынского «Я слышу молчание», которые как «знаменитое» выражение «московского полицмейстера» приведено в «Былом и думах» (*Герцен*. Т. X. С. 114). См. также в речи А. С. Хомякова 26 марта 1859 г. в Обществе любителей российской словесности: «Общий ее <русской словесности> обзор мог бы заключаться в трех коротеньких всем известных словах: “я слышу молчание”» (*Хомяков*. Т. III. С. 426).

[7] *Бремена неудобоносимые* — евангельское выражение (Мф 23: 4).

[8] Имеются в виду нововведения Екатерины II начиная с проведения ею губернской реформы в 1775 г. и учреждения дворянских выборов.

[9] Подразумевается Генеральный регламент — устав государственной гражданской службы в России, изданный 28 февраля 1720 г.

<О бюджете>

Печатается по писарской копии передовой статьи, изобилующей пометами рукой управляющего Министерством финансов графа М. Х. Рейтерна и Александра II, — с неизвестного нам рукописного подлинника: РНБ. Ф. 208. Ед. хр. 98. Л. 59—64. В *Соч.* не воспроизводилось. Впервые (и единожды) опубликовано анонимно в малотиражном издании для членов Комиссии по делам книгопечатания: *Сборник статей. 1862.* Т. 1. С. 382—385, под редакционным назв. «О бюджете» (указано в Содержании). Авторство установлено И. Г. Ямпольским в статье «Сборник статей, не дозволенных цензурою в 1862 году» (Учен. зап. Ленингр. ун-та. 1971. № 355: Сер. филол. наук. Вып. 76. С. 184). Сличение источников текста (печатного и писарской копии) показало, что в основе каждого из них был автограф Аксакова. Поэтому при подготовке текста учитывались оба источника; при этом разночтения из *Сборника статей. 1862* введены в текст в ломаных скобках.

Статья написана вечером 30 января 1862 г. для № 17 «Дня» от 3 февраля (писарская копия начинается словами: *Москва, 3-го февраля*) взамен запрещенной утром в тот же день передовой («<О дисциплине и свободе>»). 4 января на заседании Совета министров было принято решение о публикации во всеобщее сведение государственного бюджета, и он увидел свет в официозе «Северная Почта». Поскольку было выпущено предписание (Аксаков называет его «циркуляром»), запрещавшее критику бюджета, Аксаков старался писать аккуратно, иронизируя не над самой «табелью», а над ее восхвалениями в проправительственной периодике.

Однако 31 января Московский цензурный комитет не пропустил и эту статью, о чем издатель «Дня» рассказал графине А. Д. Блудовой в ночь на 1 февраля: «Вечером — делать нечего — засел писать новую передовую статью о бюджете, приняв в соображение, что порицания не дозволены: писал опять ночью, утром повез в Ценз<урный> Комитет, но опять и эту статью не пропустили благодаря циркуляру Головнина о бюджете. Он говорил Самарину, что запретил только печатать прямые порицания и ругательства, но, видно, он сам не знает toute la portée <значимости (*фр.*)> своих предписаний! Я послал копию с этого циркуляра Самарину, чтоб он сличил бумагу с тем, что он слышал о бумаге от самого Головнина. Она написана так, что запрещает всякой вопрос, всякое недоумение по поводу бюджета: где же свобода критики, чем он хвалился Самарину? Но мою статью даже и под циркуляр нельзя было подвести. Тем не менее после 3-часового спора (только слышать, что Цензора говорят, — производит истинную тошноту), — Цензора стали на своем и не пропустили. Вообразите мое положение! Писать новую передовую статью уже поздно, завтра Ценз<урного> Комитета нет, да и могут опять не пропустить благодаря Головнину и Вашим внушеньям Щербинину. Да и я не фабрика, чтоб поставлять статьи во всякое время, особенно — измучившись и расстроившись в Комитете. Я написал только три строки вместо передовой статьи, о которых Цензора еще часа два спорили и наконец подписали: эти строки о том, что для этого № были мною заготовлены две статьи, которые обе не могут быть напечатаны» (*Аксаков в письмах.* Т. III. С. 395; уточнено по автографу: РНБ. Ф. 78. Ед. хр. 22. Л. 70 об.—71). В письме к князю Д. А. Оболенскому от 6 февраля Аксаков сообщал: «О бюджете Головнин приказал на словах Щербинину *решительно ничего* не пропускать. (А Самарину хвастался тем, что допустил свободную критику бюджета, кроме ругательств!) / Напрасно Головнин старается уверить, что он такою строгостью подготовляет большую свободу. Это не вздор» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 58 об.; цит. по: *Бадалян Д. А.* «...Загорелся сыр-бор за статью о духовенстве...». С. 437).

По предписанию министра А. В. Головнина статья Аксакова о бюджете была отправлена в Петербург и 7 февраля представлена Александру II с пояснительной запиской: «Московская цензура не решилась дозволить еще статью журнала “День” о распубликованной государственной росписи. Так как в этой статье выражены толки московского

общества о росписи, то я считаю долгом всеподданнейше представить оную Вашему Императорскому Величеству и доложить, что я сообщал ее Управляющему Министерством финансов. / Статс-секретарь Головнин. / 7 февраля 1862» (РНБ. Ф. 208. Ед. хр. 98. Л. 58). Ознакомившись со статьей, царь оставил резолюцию: «Пускай Рейтерн скажет о ней свое мнение» (Там же). Граф М. Х. Рейтерн, прочитав статью в писарской копии, сделал на ней пометки карандашом, затем обсудил ее с Александром II — видимо, во время этого разговора появился ряд подчеркиваний и замечаний на полях — чернилами (они воспроизведены в комментариях).

Граф М. Х. Рейтерн на отдельном, приложенном к писарской копии, листе написал для А. В. Головнина: «Замечания свои на возвращаемую статью журнала "День" я имел счастие докладывать Государю Императору по сделанным на полялях <*так*!> заметкам карандашом; Высочайшие на это резолюции отмечены на полях чернилами. / Статс-Секретарь Рейтерн. / 9-е февраля 1862» (РНБ. Ф. 208. Ед. хр. 98. Л. 65). Но еще 7 февраля Аксакову было послано уведомление о том, что его статья не может быть напечатана.

[1] См.: Табель доходов и расходов государственного казначейства на 1862 год, составленная по государственной росписи, Высочайше утвержденной 22 января 1862 г. *Подписано верно, министр финансов А. Княжевич* // Северная Почта. 1862. 24 янв. № 19. С. 1.

[2] Табель републикована в Приложении к № 16 «Дня» от 27 января, с особой пагинацией (с. 1—2).

[3] Отсюда до слов «опутывающие Русскую землю!» отчеркнуто на полях чернилами М. Х. Рейтерном и написано им же чернилами: «Высочайше повелено обуздать в Министерстве Народного Просвещения» (РНБ. Ф. 208. Ед. хр. 98. Л. 59).

[4] Буквально: «Государственный бюджет обнародован по Высочайшему повелению. Эта новость в финансовом смысле так же важна, как освобождение крестьян в юридическом» (<*Павлов Н. Ф.*>. Москва, 20 января // Наше Время. 1862. 20 янв. № 15. С. 57).

[5] Приведем большую цитату из той же передовицы Н. Ф. Павлова, дающую контекст выражения «идеи века», ставшего впоследствии для Аксакова важной мишенью в полемике с либералами: «Она <новость> тоже пролетит мир из конца в конец. В эту минуту, как мы пишем, электрическая искра разносит ее по Европе; наш курс улучшается; мы растем, и европейское мнение, воспламененное недавно освобождением крестьян, останавливается снова с благоговейным удивлением над благородной личностью нашего Государя, который поднимает свою Россию до великих идей века и неутомимо, шаг за шагом, во все стороны, пролагает ей пути к правде, добру, просвещению» (Там же).

[6] Кавычки отсутствуют в писарской копии; поставлены по изд.: *Сборник статей. 1862*. Т. 1. С. 382.

[7] В *Сборнике статей. 1862*: одежду (Т. 1. С. 383).

[8] Далее до конца абзаца текст вычеркнут чернилами — Александром II (РНБ. Ф. 208. Ед. хр. 98. Л. 60 об.—61).

[9] Слова «числу доходов» подчеркнуты карандашом — М. Х. Рейтерном, затем им же вычеркнуты чернилами и сверху написано чернилами же под диктовку царя: «приходу» (Там же. Л. 61).

[10] Далее до слов «сумм расходов» вычеркнуто чернилами (Там же).

[11] Далее до конца абзаца текст вычеркнут чернилами и на полях написано карандашом — М. Х. Рейтерном: «"День" должен знать, что *из* сумм займа не значит *весь заем*, посему ничего удивительного нет, что из суммы большей берут копейку в копейку столько, <с>колько нужно на покрытие передержки против доходов. Что $4^1/_2$% заключен на сумму гораздо бóльшую дефицита, что этот заем не закрыт еще; все это известно из объявлений в газетах» (Там же. Л. 61 об.).

[12] *Николаевской* называлась железная дорога между Петербургом и Москвой в 1855—1923 гг. (в 1851—1855 гг. — Санкт-Петербурго-Московская; в 1923 г. переименована в Октябрьскую).

[13] Абзац отчеркнут чернилами на полях, карандашом написано: «не будет ли признано полезным сообщить Ген<ерал>-Ад<ъютанту> Чевкину», ниже приписано чернилами: «Высочайше повелено сообщить Ген<ерал>-Адъютанту Чевкину» (РНБ. Ф. 208. Ед. хр. 98. Л. 62 об.). К. В. Чевкин в 1862—1872 гг. занимал пост председателя Департамента государственной экономии Государственного совета.

[14] От начала абзаца до этих слов текст отчеркнут чернилами на полях, карандашом написано: «относится к Министерству Имп<ераторского> Двора», ниже — чернилами: «Высочайше повелено сообщить Министру Императорского Двора» (Там же. Л. 62 об.). Этот пост в 1852—1870 гг. занимал граф В. Ф. Адлерберг 1-й.

[15] Имение в Петровско-Разумовском было выкуплено в казну в январе 1861 г. по Высочайшему повелению за 250 тыс. рублей специально «с целью учреждения агрономического института, фермы и других сельскохозяйственных заведений». В 1865 г. здесь была основана Петровская земледельческая и лесная академия, в 1889 г. реорганизованная в Московский сельскохозяйственный институт, а в 1917 г. восстановлено первоначальное название. С 1923 г. переименована в Московскую сельскохозяйственную академию им. К. А. Тимирязева, а с 2005 г. — в Российский государственный аграрный университет — МСХА им. К. А. Тимирязева.

[16] Слова «кроме бюджета Удельного ведомства» вычеркнуты чернилами, а на полях написано карандашом: «не может быть допущено» (РНБ. Ф. 208. Ед. хр. 98. Л. 63 об.—64).

<Дворянство как сословие с правами, но без обязанностей>

Печатается впервые по автографу последней (второй) редакции передовой статьи: <*Аксаков И. С.*>. Москва, 24-го февраля // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 55. Л. 18—21. Благодарю за содействие в подготовке текста Д. А. Бадаляна. Более пространная неоконченная первая редакция этой же статьи (Там же. Л. 13—16 об.) публикуется в разделе *Варианты*. Вторая редакция статьи, скорее всего, создавалась сразу же после первой, чрезвычайно разросшейся.

В статье Аксаков продолжает свое участие в журнальной полемике о судьбе дворянского сословия после 19 февраля 1861 г., начатое передовыми статьями в № 8 и 9 от 2 и 9 декабря 1861 г. и № 13 и 15 от 6 и 20 января. Поводом к написанию статьи послужили новые доводы его основных оппонентов Б. Н. Чичерина и Н. Ф. Павлова в № 35 «Нашего Времени» от 14 февраля 1862 г. об исторических *обязанностях* дворянства, которые, по их убеждению, и обеспечивают жизнеспособность и существенную востребованность деятельности этого сословия в России.

К 23 февраля статья уже была запрещена. Накануне выхода номера, для которого она предназначалась, Аксаков писал графине А. Д. Блудовой: «В будущем 20<-м> № нет передовой статьи — не пропустили. Была она об “обязанностях” дворянских и самая цензурная, по мнению Гилярова, но Щербинин был не в духе и уперся. Я не позволил отсылать ее в П<етер>бург, чтоб иметь возможность переписать ее, исправить и вновь подать. Вообразите, что трех передовых статей запрещенных — у меня нет копий: они удержаны в П<етер>бурге, в черновых подлинниках» (*Аксаков в письмах*. Т. III. С. 401; уточнено по подлиннику: РНБ. Ф. 78. Ед. хр. 22. Л. 80).

Некоторые сведения о запрещении статьи содержатся в переписке В. С. Аксаковой и М. Г. Карташевской. Последняя спрашивала сестру в письме от 26 февраля: «Явился “День”, но без передовой статьи; что это значит? Мы сегодня не были дома, и потому я успела только взглянуть на газету, но не прочесть ее. Не возникли ли новые неприятности?» (ИРЛИ. Сигн. 10656. Л. 28). В. С. Аксакова отвечала 27 февраля: «В этом No-

мере передовая статья не пропущена, хотя была вовсе не резкая, но в ту минуту цензора были напуганы из Петерб<урга> известиями о Тверск<их> событиях, которые, впрочем, у нас вовсе не произвели такого эффекту, как у вас, и право, мой милый друг, и в голову не приходит спросить, куда они нас ведут и к чему приведут, ровно ни к чему, только себя погубят, что во всяком случае жаль, неужели можно было предположить, что народ их послушает, это самые безопасные и смешные возмутители, народ поверит своему брату, а уж никак не барину» (Там же. Сигн. 10629. Л. 26 об.—27). (Речь идет о выработанном Тверским дворянским собранием Адресе Александру II с требованиями введения гласности, независимого суда, отказа от сословных привилегий, финансовой реформы и парламента, а также о поддерживавшем эти идеи «Положении мировых посредников Тверской губернии». 13 дворян, подписавших последний документ, были арестованы и на 5 месяцев посажены в Петропавловскую крепость.) В том же письме В. С. Аксакова высказывала общее отношение семьи Аксаковых к публицистам газеты «Наше Время»: «Ты, верно, не видишь “Нашего Времени”, а было бы небезынтересно проследить статьи Чичерина, которые выражают особенное направление, конечно диаметрально противоположное “Дню” — крайне вредное (конечно, вредное не в правительст<венном> смысле), особенно по некоторым причинам, но это бы повело далеко...» (Там же. Сигн. 10629. Л. 27 об.).

[1] В 1862 г. первый день Великого поста пришелся на понедельник 19 февраля.

[2] Каламбур: иронизируя над сотрудниками проправительственной газеты «Наше Время», Аксаков использует по созвучию название романа М. Ю. Лермонтова (1841).

[3] Подразумевается тверское дворянство, в начале февраля проголосовавшее за отмену собственных сословных привилегий (126 голосами против 24). Б. Н. Чичерин писал, что немыслимо «как юридически, так и нравственно, самоуничтожение дворянства какой-нибудь отдельной губернии, рязанского, вятского или тверского, которое составляет незначительное меньшинство целого сословия. Подобное явление возможно только при совершенном отсутствии всяких понятий о гражданских обязанностях. Оно может быть порождено единственно тем разгульным либерализмом, который, забывая все высшие требования общественного порядка, не хочет знать ничего, кроме собственного своего произвола» (*Чичерин Б. Н.* Москва, 14 февраля // Наше Время. 1862. 14 февр. № 35. С. 137).

[4] Манифест о вольности дворянства («О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству») — изданный в 1762 г. Петром III закон, расширивший сословные права и привилегии русских дворян. Его основные положения были подтверждены Екатериной II в 1785 г. Жалованной грамоте дворянству («Грамоте на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства»), освободившей дворян от обязательной службы.

[5] Цитата из новогодней передовой статьи. См.: *<Павлов Н. Ф.>*. Москва, 3 января // Наше Время. 1862. 3 янв. № 1. С. 1.

[6] Аксаков, как очевидно следует из вычеркнутого фрагмента, имел в виду позицию известного англомана графа В. Г. Орлова-Давыдова, на дворянских выборах Московской губернии 23 января выступившего с речью о высоком политическом значении русского дворянства (см.: *<Без подписи>*. Дворянские выборы // Наше Время. 1862. 4 февр. № 27. С. 141). См. также авторские пояснения: *Орлов-Давыдов, граф*. К редактору газеты «Наше Время» // Там же. 14 февр. № 35. С. 137.

[7] Речь идет о передовых статьях Аксакова в «Дне» от 1 и 27 января 1862 г.: «<С Новым годом>» (*Соч.* Т. VII. С. 420—426) и «<Русский прогресс и русская действительность>» (Наст. том. С. 30—32).

[8] Передовая статья в «Дне» от 6 января 1862 г.: «<О самоуничтожении дворянства как сословия>» (*Соч.* Т. V. С. 214—220).

<О взаимном отношении народа, государства и общества>

Цикл статей Аксакова, представляющий собой изложение его целостной оригинальной теории об обществе, из-за цензурных препятствий остался незавершенным, а из шести написанных статей при жизни автора увидели свет только пять, причем пятая — в искаженном цензурой виде. «Общество» для Аксакова — совокупная, прежде всего нравственная, деятельность людей, которые «вышли *из народа*, но не состоят уже под законом непосредственного быта, не поглощаются в народе» (Наст. том. С. 54). Общество как «народ самосознающий» занимает место между Землей-народом и Государством. Общество «не есть явление политическое»; оно выражает себя в нравственно обеспеченном слове, цензурное стеснение которого, по убеждению Аксакова, пагубно для государственной и народной жизни. Важное значение в его теории занимало обоснование необходимости слома сословных перегородок, разъединяющих народное тело и затрудняющих органическую деятельность и общества, и государства.

Исходил он прежде всего из учения старшего брата К. С. Аксакова о Государстве и Земле, хотя и признавал, что существенно развивает его выводы, исходя из потребностей пореформенной эпохи, настоятельно требующей «силы общественной, той силы, которая есть единственная могучая, нравственная человеческая сила, достойная человеческого общества, животворящая, всепобеждающая, ведущая народы к совершению предназначенного им подвига в истории человечества» (Наст. том. С. 49—50). В письме к Ю. Ф. Самарину от 21—22 марта 1862 г. Аксаков поделился своим замыслом: «Как неприятно и даже страшно, даже дерзко писать такие статьи как плод одиночной мысли, которой и созреть было некогда, писать без предварительного суда и поверки. Мне кажется, что эти статьи восполняют некоторый пробел в славянофильском учении, особенно в учении Константина о Государстве и Земле. Там не было места обществу, литературе, работе самосознания. Непосредственность народного бытия и деятельность сознания, безличность единиц, народ составляющих, и личная деятельность их в обществе — все это не было высказано, а потому сбивало с толку публику и читателей, потому что понятия эти и представления, как не разграниченные, постоянно смешивались. В представлении нашем о допетровской Руси нет и места обществу, да и вообще нет места всем этим вопросам» (*Переписка Аксакова и Самарина.* С. 121). Впрочем, Аксаков сомневался в том, насколько оригинальны его идеи: «Может быть, и литература западная, мало мне знакомая, давно порешила эти вопросы, с которыми мы нянчимся как самоучки» (Там же. С. 121—122). В письме от 13 мая Самарин подтверждал самобытность теории друга: «Определение общества как среды самосознающегося быта (говоря гегелевским языком — das Volksleben an und für sich <народная жизнь сама по себе (*нем.*)>) совершенно ново; по крайней мере, в иностранной литературе я ничего подобного не встречал. Риль долго кружился около этого вопроса, но и у него общество определяется только одною отрицательною стороною, которою оно относится к бюрократии или казенщине» (Там же. С. 123).

Помимо трудов В. Риля (а также, по-видимому, Л. фон Штейна и Дж. С. Милля), Аксаков опирался на работы А. С. Хомякова, В. А. Елагина, В. Н. Лешкова, Ф. И. Тютчева. Теория Аксакова об обществе оказала заметное влияние на социальные идеи Ф. М. Достоевского, П. Л. Лаврова, Д. И. Писарева и на политические концепции П. Б. Струве («либеральный консерватизм»), Л. А. Тихомирова («монархическая государственность»), И. Л. Солоневича («народная монархия»), А. И. Солженицына (суждения о земствах) и др. См. подробнее: *Цимбаев.* С. 167—215; *Фурсова Е. Б.* И. С. Аксаков: апология народности и самодержавия. М.: Социал.-полит. мысль, 2006. С. 123—169, 215—217; *Мотин С. В.* Цикл статей И. С. Аксакова «О взаимном отношении народа, государства и общества» // Актуальные вопросы государства и гражданского общества на современном этапе: материалы Междунар. науч.-практ. конф. 10—11 апр. 2007 г. Уфа, 2007. Ч. 10. С. 206—215; *Бадалян Д. А.* Цикл статей И. С. Аксакова об обществе: история цензуры и неопубликованные страницы // Третьи Аксаковские чтения: мате-

риалы межвуз. науч. конф., посвящ. 220-летию со дня рождения С. Т. Аксакова (Ульяновск, 21—24 сент. 2011 г.). Ульяновск, 2011. С. 103—113; *Тесля А. А.* Последний из «отцов»: биография Ивана Аксакова. СПб.: Владимир Даль, 2015. С. 295—315.

Отдельные статьи цикла при их воспроизведении в *Соч.* не получили редакционных названий (кроме статьи 5, опубликованной вне цикла, в томе V); в наст. изд. всем неозаглавленным статьям цикла присвоены условные названия, они заключены в угловые скобки как неавторские.

<Статья 1. Нам недостает силы общественной>

Печатается по первой публикации передовой статьи: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 3-го марта // День. 1862. 3 марта. № 21. С. 1—2. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 26—31.

В письме к графине А. Д. Блудовой от 1—2 марта Аксаков сообщал: «В 21<-м> № передовая статья есть начало статей об обществе. Первая половинка бьет прямо не только на наших либералов вроде Чичерина, но и повыше: — даже подлинные выражения В<алуева> (о мажорном тоне), сказанные им одному литератору. Вторая половина статьи, где я обвинение с этих господ перевожу на нас самих, на общество, должна Вам понравиться» (*Аксаков в письмах*. Т. III. С. 402; уточнено по автографу: РНБ. Ф. 78. Ед. хр. 22. Л. 81—81 об.). Отсюда видно, что, говоря о Семене Иваныче и Иване Семеныче, Аксаков имел в виду не абстрактные маски, а типы современников, которых наделял чертами конкретных своих оппонентов, в частности Б. Н. Чичерина.

[1] *Кавалер* — здесь: титул лица, награжденного каким-либо орденом.

[2] *Елагин Василий.* Несколько слов о Польше и Литве: (письмо из бывшей Литвы) // День. 1861. 2 дек. № 8. С. 9. Все это предложение выделено у Елагина курсивом.

[3] Губернские по крестьянским делам присутствия были учреждены для реализации и развития Крестьянской реформы в соответствии с Положением о губернских и уездных по крестьянским делам учреждениях от 19 февраля 1861 г. Губернское присутствие рассматривало жалобы на постановления мировых посредников и уездных мировых съездов; утверждало добровольные соглашения между помещиками и крестьянами, которые влекли за собой уменьшение крестьянских наделов или же изменение крестьянских повинностей, а также утверждало разделение уездов на волости, приговоры сельских обществ о высылке «порочных» членов и др.

[4] Частные розыгрыши лотерей проводились в России с Петровских времен; в XIX в. разрешение на организацию благотворительных лотерей давали либо губернаторы, либо сам министр финансов; розыгрыши устраивались, как правило, на балах-маскарадах.

<Статья 2. Общество есть народ самосознающий>

Печатается по первой публикации передовой статьи: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 10-го марта // День. 1862. 10 марта. № 22. С. 1—3. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 31—39. Автограф: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 55. Л. 1—5 (первоначальные варианты некоторых фраз, позже отвергнутые автором, приводятся в текстологических примечаниях). На л. 1 карандашом в верхнем левом углу Аксаков сделал помету: «Эту статью набрать не так разгонисто, как обыкновенно. Набрать поскорее и, по прочтении корректора, немедленно отправить корректуру к Гилярову».

Аксакову было важно выяснить отношение к статьям об обществе петербургских друзей. 9—10 марта он писал графине А. Д. Блудовой: «В этом № (22) моя передовая статья такого рода, что большинству публики покажется скучною и непонятною. Анна Федоровна <Тютчева> назовет меня немцем, Ваш батюшка, вероятно, задремлет, если Вы станете ее читать ему после обеда, но Вы все-таки прочтите. Эта статья ведет за собою целый ряд статей, по моему мнению, довольно важных, развивающих целое новое

учение об обществе; в какой степени они мне удались — это другой вопрос. Итак, Вы все же прочтите и напишите мне Ваше мнение» (*Аксаков в письмах*. Т. III. С. 403). 15—16 марта, не дождавшись отклика и уже отдав в печать 3-ю статью об обществе, Аксаков сообщал графине: «Передовая статья 23<-го> № покажется Вам скучною, в ней нет ничего пикантного. Я все развиваю свою теорию об обществе. Это целый traité sur la société <трактат об обществе (*фр.*)>» (Там же. С. 405). 19 марта Блудова отозвалась сразу на все три первые статьи цикла: «"День" жив, и что бы другие ни говорили, но передовые статьи об обществе для меня совершенно по вкусу — наконец Вы начинаете серьезно и спокойно объяснять Ваше учение. — Это хорошо» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 54. Л. 36).

[1] См.: *Лешков В. Н.* Что такое общество и что значит земство // День. 1862. 16 февр. № 19. С. 9—11; 24 февр. № 20. С. 10—11; 3 марта. № 21. С. 7—9; 10 марта. № 22. С. 8—10. Этот цикл датирован 15 января 1862 г. Он несомненно повлиял на концепцию Аксакова. В частности, для него оказались важны развивавшаяся Лешковым идея слияния сословий в «земском обществе» и его суждения об антиномичности государственной системы, держащейся за старый, отживший порядок, и более мобильного общества, устремленного в будущее.

[2] В кавычки заключена клишированная фраза из заголовков юридических документов. См., например: Права, преимущества и обязанности директоров училищ и штатных смотрителей, на основании российских узаконений. М., 1823.

[3] Источник цитаты см. в коммент. 4 на с. 692.

[4] Вероятно, речь идет о псориазе.

[5] *Гессен-Гомбург* (Hessen-Homburg) — немецкое ландграфство, существовавшее в 1622—1806 и 1815—1866 гг. на территории современной федеральной земли Гессен.

[6] *Гессен-Кассель* (Hessen-Kassel) — немецкое имперское княжество, существовавшее с 1567—1866 гг. на территории современной федеральной земли Гессен.

[7] *Рейсс-Шлейс-Крейц-Лобенштейн* — имеется в виду Княжество Рейсс младшей линии или Рейсс-Гера (Fürstentum Reuß jüngerer Linie) — государство, существовавшее в 1848—1918 гг. на территории современной Тюрингии в Германии.

[8] Аксаков подразумевает образование Итальянского королевства (1859—1861), послужившее основой для окончательного объединения Италии (в 1870 г.).

<Статья 3. Орудие общества — свободное слово>

Печатается по первой публикации передовой статьи: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 17-го марта // День. 1862. 17 марта. № 23. С. 1—3. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 39—47.

[1] В рассматриваемый период первенство изобретения наборного шрифта оспаривалось у Гутенберга. Назывались немецкие типографщики Иоганн Ментелин из Страсбурга и Пфистер из Бамберга, голландец Лауренс Янсзон Костер из Харлема, итальянец Памфилио Кастальди из Фельтре и др. Истина окончательно восстановлена Антониусом ван дер Линде в 1878 г.

[2] *Генеральные штаты* — высшее сословно-представительское учреждение во Франции в 1302—1789 гг., созданное в связи с необходимостью укрепления феодального государства в период обострения социальных противоречий. Состояло из депутатов духовенства, дворянства и третьего сословия.

[3] Зачатки парламентской деятельности в Англии прослеживаются с VII в. (от англосаксонского витенагемота); первый выборный Парламент был собран в 1265 г.

[4] Отсылка к статье К. С. Аксакова «Несколько слов о русской истории, возбужденных "Историей" г. Соловьева: по поводу I тома». См.: «Народ на Западе пленяется идеалом государства. Республика есть попытка народа быть самому государем, перейти ему всему в государство; следовательно, попытка бросить совершенно нравственный,

свободный путь, путь внутренней правды, и стать на путь внешний, государственный. Самое крайнее выражение такой попытки, самое табельное *огосударствление* народа видим в Америке, в Соединенных Штатах; там это гибельное огосударствление народа может иметь место, потому что там нет ни природной связи единородности, ни воспоминаний местных, ни предания, ни единства веры. Вместо живого народа, там государственная машина из людей. Отношения там становятся политическими: мир и спокойствие основаны не на любви, а на взаимной выгоде. Как ни блестящ внешний порядок, но блеск его наружный; как ни строен он кажется, но это строй машины; как ни кажется он свободен, но эта свобода — личный, взаимно ограниченный произвол. Нет, свобода не там: где же дух Господень, тут свобода» (*Аксаков К. С.* Полн. собр. соч. М., 1861. Т. I: Сочинения исторические. С. 57—58). Сходные мысли см. также в статье К. С. Аксакова «О современном человеке» (*Аксаков К. С.* Эстетика и литературная критика. М.: Искусство, 1995. С. 443—444).

[5] *Квартальный* (надзиратель) — с 1782 г. до середины XIX в. должностное лицо городской полиции, надзиравшее за порядком в определенном квартале.

<Статья 4. Без общества бессилен народ и несостоятельно государство>

Печатается по первой публикации передовой статьи: <*Аксаков И. С.*>. Москва, 24-го марта // День. 1862. 24 марта. № 24. С. 1—4. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 47—59.

29 марта графиня А. Д. Блудова сообщила о своем впечатлении от статьи: «Передовая статья № 24, по-моему, хороша опять и вообще Ваш тон гораздо умереннее и серьезнее — как бы сказать — более возмужалый» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 54. Л. 39).

[1] Имеется в виду царь Михаил Федорович Романов.

[2] Подразумевается Великая хартия вольностей (Magna Charta Libertatum), составленная в июне 1215 г. и защищавшая ряд прав и привилегий свободного населения средневековой Англии, а также частично ограничивавшая королевскую власть.

[3] Подразумевается прежде всего Б. Н. Чичерин.

[4] На 1649 г. пришелся пик развития Английской гражданской войны — казнь короля Карла I и провозглашение республики.

[5] Речь идет о «Славной», или «Бескровной», революции, как в историографии принято называть государственный переворот 1688 г. в Англии, получивший широкую поддержку среди самых разных слоев английского общества.

[6] В результате «Славной революции» был свергнут король-католик Яков II Стюарт. В этом перевороте участвовал голландский экспедиционный корпус под командованием правителя Нидерландов Вильгельма Оранского (зятя и племянника Якова II), который 6 февраля 1689 г. стал новым королем Англии под именем Вильгельма III.

[7] Точнее: Билль о правах 1689 г. — «Акт, декларирующий права и свободы подданного и устанавливающий наследование Короны» (Bill of Rights — «An Act declaring the Rights and Liberties of the Subject and Settling the Succession of the Crown») — законодательный акт, принятый парламентом Англии в декабре 1689 г. в результате «Славной революции», — одна из основных частей британской конституции.

[8] Историк викторианской эпохи Т. Б. Маколей, автор 5-томной «Истории Англии от вступления на престол Якова II» (London, 1848—1859; рус. пер.: 1863—1868), считал «Славную революцию» центральным событием всей национальной истории.

[9] Отсылка к <Статье 1> цикла об обществе.

[10] Речь идет о целой системе судебных учреждений, введенных по Манифесту Екатерины II от 7 ноября 1775 г. (сословные суды в губерниях и уездах, совестные суды и др.) и ставших новым словом в мировом законодательстве.

[11] Имеется в виду Б. Н. Чичерин. См. его цикл «Русское дворянство» и статью «Что такое среднее сословие?» (вых. дан. в коммент. 5 на с. 696).

[12] «Табель о рангах всех чинов, воинских, статских и придворных, которые в котором классе чины; и которые в одном классе, те имеют по старшинству времени вступления в чин между собою, однако ж воинские выше прочих, хотя б и старее кто в том классе пожалован был», учрежденная указом Петра I от 24 января 1722 г.

[13] Приведены наименования дворян-военных и дворян, занимающихся судейством, в феодальной Франции. В статье Б. Н. Чичерина «Русское дворянство» французскому noblesse de robe уподоблены русские дьяки как «дворянство, возникающее из гражданской службы» (Наше Время. 1862. 9 янв. № 5. С. 17).

[14] Возможно, подразумевается М. Н. Катков. В статье «К какой принадлежим мы партии?» он писал: «Истинно прогрессивное направление должно быть в сущности консервативным, если только оно понимает свое назначение и действительно стремится к своей цели. Чем глубже преобразование, чем решительнее движение, тем крепче должно держаться общество тех начал, на которых оно основано, и без которых прогресс обратится в воздушную игру теней» (*РВ*. 1862. Т. 37. Февр. С. 839). См. также: *Чичерин Б.*: 1) Что такое охранительные начала? // Наше Время. 1862. 22 февр. № 39. С. 153; 23 февр. № 40. С. 157; 25 февр. № 42. С. 165; 1 марта. № 45. С. 177; 2) Различные виды либерализма // Там же. 21 марта. № 62. С. 245—246.

[15] Речь идет об украшении рождественских елок, распространившемся в Европе с начала XVII в.

[16] Вероятно, подразумевается М. Н. Катков. См. его статью «Русская сельская община» (*РВ*. 1858. Т. 17. Кн. 1. С. 185—235).

[17] Предположительно речь идет о поэте, историке и политике Викторе д'Арленкуре, посетившем Россию в 1842 г.

[18] *Кулебяка* — традиционное русское блюдо, закрытый пирог со сложной начинкой.

<Статья 5. Исторические судьбы земства на Руси>

Печатается по первой публикации передовой статьи: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 17-го апреля // День. 1862. 17 апр. № 27. С. 1—4. Воспроизведено: *Соч.* Т. V. С. 229—238. Автограф см.: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 55. Л. 7—12 об. (на л. 7 *зачеркнуто*: 31 марта; *сверху вписано*: 17 апреля). Первоначальная редакция, запрещенная цензурой и сохранившаяся в писарской копии (с пометами А. В. Головнина и Александра II), впервые публикуется в *Вариантах*.

Статья была написана, очевидно, не позднее 27 марта, поскольку уже 28 марта, узнав о ее запрещении, Аксаков отправил в Московский цензурный комитет протест, публикуемый ниже. В недатированном письме (от 30 марта — дата установлена нами) Аксаков сообщал графине А. Д. Блудовой: «25<-й> № "Дня" выходит без передовой статьи. Тут уж я решительно не виноват. Я весь отдался развитию моей мысли об обществе: в моей голове сложился целый серьезный трактат об этом вопросе и, не обращая внимания на публику, для которой эти статьи должны казаться скучными, оставался строго верен своей задаче. И вдруг Щербинин заупрямился, нашел статью революционною! Я тотчас же тут написал протест, и статья, вместе с протестом в четверг отправилась к Головнину, к которому сверх того я написал письмо. Надеюсь, что Головнин возвратит мне статью в воскресенье» (*Аксаков в письмах*. Т. III. С. 406; здесь неверная датировка: «7 (?) апреля 1862»). Аксаков 28 марта писал А. В. Головнину: «Я начал целый ряд серьезных статей, целый трактат об обществе, и в этом строгом труде чужд совершенно всяких намеков, выходок и тому подобных несерьезных приправ» (РГИА. Ф. 773. Оп. 1. 1862. Д. 54. Л. 4—5; цит. по: *Цимбаев*. С. 182).

Публикуем официальный «протест» Аксакова по писарской копии, сохранившейся во Всеподданнейших докладах А. В. Головнина и, следовательно, представленный им Александру II:

«В Московский Цензурный комитет
Редактора газеты "День"
Протест

Известясь, что Московский Цензурный Комитет не решается дозволить к печати статью мою, назначенную для 25-го № издаваемой мною газеты и таким образом вынуждает меня, по недостатку времени, выпустить № без передовой статьи, вопреки программе и к великому смущению публики, — я считаю нужным объяснить Комитету следующее.

Очевидно, что Комитет не понял моей статьи, не понял ее основной мысли, не принял в соображение ее серьезного, строгого характера, не взял даже в соображение, что по своему научному изложению она покажется сухою и скучною большинству читателей. Комитет обратил внимание на два, на три выражения, а не на смысл, приданный этим выражениям.

Основная мысль статьи 25<-го> №, равно как статей 22, 23 и 24<-го> №№, заключается в том, что никакие политические учреждения, никакие конституции, никакие внешние гарантии не обеспечивают свободы народной жизни и развития, — обеспечение находится только в развитии чисто *нравственной* силы просвещения, в развитии *общества*, которое есть не учреждение политическое, а среда, в которой вырабатывается народное самосознание. Республиканское правительство, парламент, если не сдерживаются в своих пределах обществом, представляют еще бóльшую опасность для народного развития, чем власть самодержавная, ибо, под видом свободы, вносят начало государственное, начало внешней правды, в самую сокровенную глубь народной совести, заменяют внешнею политическою свободою свободу внутреннюю — и приводят к тем явлениям, которые мы видим в Америке. Обращаясь к России, мы видим, что в ней политических учреждений, гарантирующих свободу, не было, но была развита жизнь земская, и Земля находилась в самом тесном дружеском союзе с Государством. Но так как до самого Петра не было в России ни училищ, ни науки, ни литературы, ни общества, никакой деятельности общественного *самосознания*, то земская жизнь оказалась бессильною и бесплодною, и естественно, а потому и законно предоставила всю инициативу жизни общественной государству. Но заменять роль общества государству несвойственно, и оно само в лице Петра насильственно насаждает науку и учреждает общество. Дело насилия отпадет, но наука и общество путем анализа и отрицания приведут народ к синтезу жизни, к положительной деятельности самосознания. Вся наша забота в настоящее время сводится к усилению нравственному общества, к сознанию начал нашей народности, к деятельности мысли и науки; — и всякие внешние политические гарантии были бы опасны для нашего развития, внося к нам тот же государственный, не общественный элемент только в злейшей или опаснейшей форме, в виде политической, следовательно, не истинной, не внутренней, свободы.

Статья 25<-го> № есть продолжение статей 22, 23 и 24<-го> №№, и потому я прошу Комитет возобновить в своей памяти упомянутые мною статьи или прочесть их снова.

Если же Комитет не уважит моего протеста и, настаивая на том, чтоб я выпустил № без статьи, — откажет мне в моей просьбе, то покорнейше прошу Комитет представить статью, вместе с моим протестом, г. Министру Народного просвещения.

Подписал: Иван Аксаков.

28-го марта
1862 года» (РНБ. Ф. 208. Ед. хр. 98. Л. 206—207 об.).

[1] *Русская Правда* — сборник правовых норм (уголовных, наследственных, торговых и процессуальных) Киевской Руси, датированный различными годами, начиная с 1016 г. до XIII в. Сохранял свое значение до XV—XVI вв.

[2] Имеется в виду Соборное уложение (свод законов), принятое Земским собором в январе 1649 г. и действовавший вплоть до 1832 г.

[3] Отсылка к статье «<Возврат к народной жизни путем самосознания>». См.: «Чем шире и свободнее от односторонности народные начала, тем труднее вполне соответственное их выражение на земле, тем необходимее полнота сознания для правильного и стройного их проявления в жизни. — Кажется, Провидению угодно вести Россию, и не только Россию, но и все славянские народы, этим особенным, строгим путем развития...» (Наст. том. С. 10).

[4] Вольно цитируется незавершенная работа К. С. Аксакова «Переворот Петра Великого» (1850), опубликованная И. С. Аксаковым под назв. «Об основных началах русской истории» (*Аксаков К. С.* Полн. собр. соч. М., 1861. Т. I. С. 1—16) и представляющая собой в известном смысле квинтэссенцию его историософии. Поэтому ниже И. С. Аксаков характеризует эту цитату как слова брата, извлеченные «из многих его исторических сочинений». Кроме того, некоторые процитированные суждения близки к изложенным в статье К. С. Аксакова «Краткий исторический очерк земских соборов» (День. 1862. 6 янв. № 13. С. 3—5).

[5] Подразумевается призвание на Русь варягов во главе с Рюриком в 862 г.

[6] Речь идет о Смутном времени начала XVII в., точнее — о 1610—1613 гг.

<Статья 6. История земства от эпохи единодержавия Москвы до правления Петра I>

Печатается по писарской копии передовой статьи, имеющей пометы красными чернилами, сделанные А. В. Головниным: РНБ. Ф. 208. Ед. хр. 98. Л. 242—252. В *Соч.* не воспроизводилось. При публикации текста, по этому источнику печатаемому впервые, явные ошибки и описки переписчика исправлялись без оговорок; в ряде случаев для уточнения текста использован верхний слой правки цензурированного чернового автографа первой редакции статьи, при этом пропущенные при переписывании и восстановленные нами словосочетания и фразы заключены в угловые скобки. Не удерживается разнобой в употреблении прописных и строчных букв в схожих контекстах (Земский и земский), равно как и использование прописной буквы в словах «царь» и однокоренных (копия изготавливалась для представления Александру II), кроме тех случаев, когда заглавная буква присутствует в аксаковском подлиннике. Сохранились черновые рукописи двух редакций статьи (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 55. Л. 22—33 об.); они впервые были опубликованы в составе статьи: *Тесля А. А.* Запрещенная 6-я статья И. С. Аксакова из цикла «О взаимном отношении народа, общества и государства» // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11, № 2. С. 41—70. Эти тексты публикуются нами в *Вариантах* по архивным рукописям. Кроме того, бóльшая часть статьи сохранилась в рукописной копии, сделанной Л. С. Аксаковой: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 55. Л. 36—41 об., — она содержит правку И. С. Аксакова. Сличение текстов показало, что это промежуточный вариант: Любовь Сергеевна подготовила копию 1-й редакции с учетом правки брата, а потом он вносил новую правку, работая над 2-й редакцией статьи.

Статья предназначалась для № 28 «Дня» от 21 апреля, но этот номер вышел без передовой, поскольку председатель Московского цензурного комитета М. П. Щербинин сразу отправил статью в Петербург А. В. Головнину. Аксаков сообщал об этом князю Д. А. Оболенскому в письме от 29 апреля: «Подаю я новую свою статью, продолжение первых. Дурак Щербинин, находя, что неделикатно с их стороны цензоровать продолжение, когда начало было цензуровано “ТАМ”, отсылает передовую мою статью г. Головнину» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 62 об.—63). 22 апреля эта статья (в писарской копии, впервые публикуемой нами) вместе с запрещенной корреспонденцией «Из Литвы» была передана царю при следующей записке: «Московская цензура представила мне две статьи, признанные ею сомнительными и предназначенные для журнала “День”. Обе статьи весьма важны, и потому считаю долгом всеподданейше представить оные Вашему Императорскому Величеству, отметив красными чернилами те места, которые я не нахожу возможным печатать. Статс-секретарь Головнин» (РНБ. Ф. 208.

Ед. хр. 98. Л. 232). Царь, ознакомившись с текстами, наложил резолюцию: «Отмеченные статьи решительно не должны быть печатаемы» (Там же). Тем не менее, 24 апреля Головнин вернул в Московский цензурный комитет обе рукописи и разрешил их опубликовать за исключением отмеченных им мест.

28 апреля Аксаков увидел эти места и на следующий день в возмущении прокомментировал пометы Головнина в письме к князю Д. А. Оболенскому: «Ни один цензор в мире не смел и не смеет делать того, что он сделал, нарушив Цензурный Устав. Он взял на себя дать статье другой смысл и оборот. Напр<имер>, я говорю—такая-то мера *не* хороша. Он вычеркивает *не*, и выходит: такая-то мера хороша!.. Как назвать подобный поступок? Далее — он вычеркнул то, что было в моих же передовых статьях слово в слово сказано, нумера два-три тому назад! Он вычеркнул одно место, взятое целиком из "Р<усской> Беседы" *1856* года!! Вот прогресс-то! В таком виде, разумеется, статья напечатана быть не может, а между тем — мне необходимо было бы продолжать и кончить свой трактат об обществе и государстве» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 63). Поэтому № 29 «Дня» от 28 апреля снова вышел без передовой.

Аксаков же решил, воспользовавшись разрешением Головнина, переделать статью для № 30 от 5 мая, фактически создав облегченную, вполне цензурную 2-ю редакцию (ее черновой автограф публикуется в *Вариантах*). 6 мая Аксаков рассказывал в письме к князю Д. А. Оболенскому: «Так как в этом виде напечатать статью не могу, то написал новую, отчасти переписав, отчасти исправив старое и значительно сократив. Цензура не пропускает. Я посылаю Министру при письме обе статьи: первую, на которой наложил он свое красноречье, и вторую, — с просьбою: в случае, если он сам не считает себя вправе разрешить мне мою статью, представить ее Государю» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 64). Это письмо А. В. Головнину Аксаков отправил 2 мая. Однако уже 1 мая, запретив 2-ю редакцию статьи, М. П. Щербинин докладывал А. В. Головнину причину такого решения: «По сличении <...> возвращенной статьи с вновь представленною Комитет мог удостовериться, что <...> сохранено, за весьма ничтожными исключениями, *все решительно слово в слово*, Вами красными чернилами зачеркнутое!!!» (цит. по: *Бадалян Д. А.* «...Загорелся сыр-бор за статью о духовенстве...»: газета «День» в переписке И. С. Аксакова и князя Д. А. Оболенского (1861—1862) // Христианство и русская литература. СПб., 2017. Сб. 8. С. 446). 4 мая А. В. Головнин, не показав 2-ю редакцию статьи царю, в письме к Аксакову категорически запретил ее печатать. В № 30 «Дня» вместо передовой статьи было помещено объяснение редактора с упреком в адрес цензуры: «Мы все еще не можем напечатать статьи, назначенной для 28 № и служащей продолжением статей 21, 22, 23, 24 и 27 №№».

[1] Отсылка к федеративной теории Н. И. Костомарова, популяризировавшейся в рассматриваемый период в журнале «Современник».

[2] Вольная цитата из «Повести временных лет». В оригинале: «...закон имам один, еликo в Христа крестихомся и в Христа облекохомся».

[3] Это слово подчеркнуто красными чернилами министра А. В. Головнина.

[4] От слов «неустрашимо взвалить» подчеркнуто красными чернилами министра.

[5] Перепев слов из «Повести временных лет» (под 862 г., о призвании варягов). Ср.: «Земля наша велика и обилна, а наряда в ней нет».

[6] От слов «соблазняемая преданиями» подчеркнуто красными чернилами министра. Это вольная цитата из рецензии К. С. Аксакова на VI том «Истории России с древних времен» С. М. Соловьева (1856). См. в контексте: «Два царства, столь близко знакомые России по различным отношениям, падают в это время: падает Византия, разваливается Орда, но соблазнительная теория Византийского Императора и соблазнительная практика Татарского Хана сильно действуют на Великого Князя Московского и оставляют на нем следы» (*Аксаков К. С.* Полн. собр. соч. М., 1861. Т. I. С. 147).

[7] Отсылка к статье «<Общество есть народ самосознающий>» (второй из цикла об обществе).
[8] От слов «Это явление слишком важно» весь фрагмент отчеркнут полях красными чернилами министра.
[9] Речь идет о периоде 1575—1576 гг., когда Иоанн IV отрекся от престола и по его желанию был венчан на царство крещеный татарин и хан касимовский Симеон Бекбулатович, а сам Иоанн назвался Иваном Московским, уехал из Кремля и стал жить на Петровке.
[10] Отсылка к статье К. С. Аксакова «Краткий исторический очерк Земских соборов». См. в контексте: «...Земля обольщается блестящим призраком свободы государственной, и, надев венец и багряницу, забывает, что это все тот же венец и та же багряница, — а в них-то все и дело» (*Аксаков К. С.* Полн. собр. соч. М., 1861. Т. I. С. 301).
[11] От слов «Народ не обманывал себя» весь фрагмент отчеркнут на полях красными чернилами министра.
[12] От слов «встретила полный» подчеркнуто красными чернилами министра.
[13] От слов «перед которым бледнеет» подчеркнуто красными чернилами министра.
[14] От слов «и празднуя разгульный» подчеркнуто красными чернилами министра.
[15] Слова «было новым явлением деспотизма» подчеркнуты красными чернилами министра.
[16] Опричнина датируется периодом 1565—1572 гг.
[17] От слов «самодержавная инициатива» отчеркнуто на полях красными чернилами министра.
[18] Первую в России «вольную», т. е. частную, типографию было позволено открыть в марте 1771 г. немцу И. М. Гартунгу.
[19] Имеется в виду Славяно-греко-латинская академия — первое в России высшее учебное заведение, действовавшее в 1687—1814 гг. на территории Заиконоспасского монастыря в Москве.
[20] Выражение из «Повести временных лет». Ср.: «...откуду есть пошла Русская земля».
[21] От слов «духовную свободу» отчеркнуто на полях красными чернилами министра.
[22] От слов «что все эти причины» отчеркнуто на полях красными чернилами министра.
[23] Замышлявшееся Аксаковым продолжение не было написано из-за категорического запрета на публикацию настоящей статьи. Впрочем, 2 июня 1862 г. он писал В. А. Елагину: «Летом я займусь (для осени и зимы) окончанием трактата об обществе, — дай Бог — не спутаться» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 17. Л. 4 об.).

Примечание к статье «Дворянин-старовер Кравков»

Печатается по единственной (анонимной) публикации в ведомственном малотиражном издании для членов Комиссии по делам книгопечатания князя Д. А. Оболенского: *Сборник статей. 1862.* Т. 2. С. 231—233. Авторство установлено Н. И. Цимбаевым: *Цимбаев.* С. 114—116. Сохранился черновой автограф статьи под первоначальным названием «Примечание к статье “Дворянин-старовер капитан-лейтенант Кравков”»: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 74. Л. 1—2 об. (публикуется полностью впервые в *Вариантах*). Сличение напечатанного текста с черновым автографом позволяет сделать вывод, что редакция статьи, увидевшая свет в малотиражном ведомственном сборнике, — последняя, поскольку она была стилистически доработана по сравнению с верхним слоем правки в рукописи. Причем окончательный вариант с точки зрения цензуры оказался более «непроходным».

Статья предназначалась для № 28 «Дня» от 21 апреля 1862 г., где на с. 1—5 была опубликована статья В. И. Ламанского «Евдоким Михайлович Кравков, дворянин-старовер». На с. 1 Аксаков поместил сообщение: «Написанное Редактором к этой ста-

тье примечание *не может быть напечатано. Ред.*». По справедливому заключению Н. И. Цимбаева, «Примечание являлось как бы дополнением к статьям Аксакова об "обществе", где последовательно развивались те же идеи» (*Цимбаев*. С. 114). Фигура русского вольнодумца Е. М. Кравкова, капитана-лейтенанта в отставке, принявшего старообрядчество и опростившегося (он стал жить жизнью простонародья), действительно стала яркой иллюстрацией к теории Аксакова, поскольку поведение Кравкова вызвало негодование Екатерины II, он попал под следствие и в 1785 г. был заключен в Ревельскую крепость как человек, который «против звания своего делает поведением и жизнию своею нетерпимый в обществе соблазн»: таким образом, показывает Аксаков, государство мстило дворянину, который «вошел с *народом* в общение духа» и собственной судьбой «восстановил связь, уничтоженную Петром», «союз государства с народом».

Аксаков воспринимал историю Кравкова очень лично и в письме к князю Д. А. Оболенскому от 6 мая прямо уподобил себя Кравкову, имея в виду цензурный гнет, довлевший над его газетой: «Не то же ли это отношение Правительства ко мне, как отношение его в XVIII веке к дворянину Кравкову, если ты только прочел эту статью в 28<-м> №» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 65). В письме от 15—16 мая к тому же корреспонденту Аксаков признавался, что написал свое Примечание «сгоряча и резко, даже и не предполагая, что Цензура пропустит. Однако же решился показать цензорам, в той надежде, что авось либо, уступив им резкие выражения, я проведу остальное» (Там же. Л. 67—67 об.). И далее сообщал о возникшем цензурном казусе: «Еду в Ценз<урный> Комитет, подаю и дожидаюсь в Канцелярии. Выходит один цензор и говорит, что статья не может быть пропущена. "Ну и прекрасно, я отчасти и ожидал этого, дайте ж мне ее назад" (так водится со всеми неодобряемыми статьями). Но Щербинин статью захватил и объявил, что не отдаст, что он не пошлет ее к М<инист>ру от Цензурного Комитета, ибо тут нет сомнения, а доставит ему при особом письме, с жалобой на меня. — Я велел ему сказать, что это подлый донос, и уехал. Дня через три Головнин отвечал Щербинину, что он хорошо сделал, что не пропустил этой моей статьи и что мою газету вообще следует цензуровать как можно строже» (Там же. Л. 67 об.). Вскоре выяснилось, что А. В. Головнин показал Примечание и великому князю Константину Николаевичу, и Александру II (см.: Там же. Л. 67 об.—68 об.). На официальном докладе Головнина Государю об этом Примечании тот наложил резолюцию: «...подобные выходки ни под каким видом не должны быть терпимы» (РНБ. Ф. 208. Ед. хр. 100. Л. 12).

16 мая 1862 г. В. С. Аксакова сообщала сестре М. Г. Карташевской о той же цензурной истории: «..."Дню" грозит запрещение по случаю той заметки о Кравкове, которая была не напечатана и за напечатание которой Иван вовсе не стоял. Щербинин послал ее как донос к Головнину, тот обрадовался, представил ее и Валуеву, и В<еликому> К<нязю> Кон<стантину> Ник<олаевичу>, и Государю. Вследствие всего этого вчера получена бумага, что, ежели подобные статьи будут представляемы в Цензуру *<так!>*, журнал будет запрещен. А мы имеем верное известие, что Государь отозвался об этой статье иначе, осуждал только резкость тона, а не самую мысль, выраженную в статье. Головнин уже не в первый раз не передает вовсе слов Государя Ивану в настоящем их смысле и особенно разозлился на то, что Государь пропустил статью, которую он объявил, что *не может быть* позволена. Именно последняя статья об обществе. Но меня и диктовка утомляет, особенно о таких неприятных вещах» (ИРЛИ. Сигн. 10629. Л. 40—40 об.; письмо написано под диктовку Веры рукой ее сестры Софьи).

[1] Екатерина II положила предел судебным преследованиям старообрядцев за религиозные убеждения. В Манифесте от 22 сентября 1762 г. об амнистии по случаю ее коронации говорилось: «По раскольничьим (кроме прямых богохульников) делам, содержащимся до сего времени под караулом, всех освободить, и по учиненным об них сентенциям ничего не делать, а начатые следствия оставить» (Полн. собр. законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. XVI. № 11667). Кроме того, Указом от 4 дека-

бря 1762 г. императрица разрешила вернуться в Россию старообрядцам, бежавшим за рубеж.

[2] Молитвенное выражение «всем сердцем и всеми помыслы своими» Аксаков неоднократно употреблял в сходном саркастическом контексте. См., например, в его письме к Н. Н. Страхову от 6 июля 1863 г.: «...первое условие для освобождения в себе плененного чувства народности — возненавидеть Петербург всем сердцем своим и всеми помыслы своими» (*Переписка Аксакова и Страхова*. С. 24).

[3] Подразумевается Стрелецкий бунт 1698 г. — восстание четырех московских стрелецких полков во время пребывания Петра I в Великом посольстве, имевшее социально-экономический причины и политическую подоплеку (отстранение от власти Петра I). Бунт был жестко подавлен правительственными войсками, казни стрельцов продолжались вплоть до 1707 г.

[4] Отсылка к репрессивной внутренней политике Ивана Грозного по отношению к боярско-княжеской знати в 1565—1572 гг.

[5] *Кромешник* — то же, что опричник.

[6] *Лейб-кампанец* (лейб-компанец) — гренадер из роты, называвшейся лейб-компанией (1741—1762) и входившей в лейб-гвардии Преображенский полк, а также приближенное к дочери Петра I Елизавете знатное лицо. Силами лейб-компанцев 25 ноября 1741 г. был произведен дворцовый переворот, возведший на престол императрицу Елизавету Петровну.

[7] Екатерина II пришла к власти в результате дворцового переворота 28 июня 1762 г., поддержанного гвардейскими частями.

[8] Князь Д. А. Оболенский по поводу этой и последующих инвектив в адрес Екатерины II 11 мая 1862 г. передавал Аксакову мнение великого князя Константина Николаевича: «...ругательными словами, которыми клеймишь память прабабки и проч., ты возмущаешь естественное чувство, которое заговорило бы и в тебе, когда бы речь зашла о твоих родителях» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 39—39 об.).

[9] Екатерина II, проводившая политику «просвещенного абсолютизма», состояла в переписке с обоими французскими вольнодумцами — и с Вольтером, и с Дени Дидро, а впоследствии купила их библиотеки.

[10] Митрополит Арсений (Мацеевич) был лишен сана за протест против изъятия церковных имуществ и приговорен к ссылке монастырь (с 1763 г.); позднее лишен монашества и под именем Андрея Враля содержался в Ревельской крепости. Личность опального архиерея интересовала Аксакова — он опубликовал в «Дне» исторические очерки и полемические суждения о нем И. А. Чистовича, С. М. Соловьева, Н. П. Гилярова-Платонова, П. И. Бартенева, М. Н. Лонгинова, И. С. Ремезова и др. (см. № 15—17, 19 и 25 за 1862 г. и № 11 и 39 за 1864 г.).

[11] Отсылка к статьям И. А. Чистовича об Арсении Мацеевиче и В. И. Ламанского о Е. М. Кравкове.

[12] Екатерина II была воспета молодым Г. Р. Державиным в оде «К Фелице» (1782), посвященной киргиз-кайсацкой царевне *Фелице*.

[13] *Тайная экспедиция* при Сенате — орган политического розыска в России в 1762—1801 гг. Фактически всеми ее делами ведал обер-секретарь С. И. Шешковский, широко практиковавший пытки.

[14] Имеется в виду князь А. А. Вяземский, генерал-прокурор Сената (1764—1793).

[15] Отсылка к статье В. И. Ламанского. См., например: «В речах Кравкова, так вдруг поразивших высокопоставленные лица и в Нижнем Новгороде, и в Петербурге, были высказаны те вольные мысли о церкви, которых и сами они держались, и огромное множество их друзей и знакомых...» (День. 1862. 21 апр. № 28. С. 1); «Если бы, напр., Кравков был деист или атеист, то его бы никто не тронул <...> потому, что все тогдашние правительственные лица в России, с большинством образованного общества, сами глубоко сочувствовали Вольтеру и энциклопедистам» (Там же. С. 4).

<О благотворительности по русскому народному понятию>

Печатается по первой публикации: *Аксаков Иван.* Москва, 22 сентября // День. 1862. 22 сент. № 38. С. 1—3. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 59—66 (с указанием: «Москва, 10-го сентября»).

В письме к Ю. Ф. Самарину от 25—27 сентября 1862 г. Аксаков, описывая цензурные стеснения, не без удивления отметил: «Статью об Иуде пощадили, так как она касается вопроса чисто нравственного...» (*Переписка Аксакова и Самарина.* С. 157).

На передовицу Аксакова откликнулся фельетонист-аноним либеральной петербургской газеты «Современное Слово» в статье «Целебное действие московской воды на мозг человеческий» (1862. 30 сент. № 98. С. 393—394). Цитируя и иронически перефразируя текст Аксакова, прежде всего фрагменты религиозного содержания, фельетонист снабжал свои выдержки такого рода комментарием: «При чтении московских консерваторов и либералов душа идет на прибыль "к процессу нравственных ощущений, очищающих, по словам г. И. Аксакова, душу и вводящих ее в общение с Вечною Благостию"» (Там же. С. 393).

Статья Аксакова и позже становилась мишенью иронических выпадов со стороны либеральной журналистики. 13 ноября Аксаков писал Ю. Ф. Самарину: «Петерб<ургские> газеты страшно пусты и, должно быть, от нечего делать все занимаются "Днем". До сих пор всё толкуют и спорят по поводу моей статьи о практике-Иуде» (*Переписка Аксакова и Самарина.* С. 162).

[1] Здесь и далее Аксаковым имеется в виду евангельский сюжет о Марии Вифанской, сестре Лазаря Четвородневного, омывшей дорогим миром ноги Христу. См.: Мф 26: 7—13; Мк 14: 3—9; Лк 10: 38—42; Ин 12: 1—8.

[2] Речь идет о словах Христа: «Что смущаете женщину? она доброе дело сделала для Меня: ибо нищих всегда имеете с собою, а Меня не всегда имеете; возлив миро сие на тело Мое, она приготовила Меня к погребению; истинно говорю вам: где ни будет проповедано Евангелие сие в целом мире, сказано будет в память ее и о том, что она сделала» (Мф 26: 10—13).

[3] Аксаков подчеркивает антихристианские тенденции в учении политэкономов-материалистов Томаса Мальтуса и Адама Смита.

[4] Имеется в виду статья: *Квашнин Л.* О содержании арестантов в острогах // *МВед.* 1862. 16 сент. № 202. С. 1617—1618. Автор предлагал меры в связи с «предстоящей реформой в судопроизводстве» и в частности: «Денежные подаяния на руки строжайше воспретить, предлагая, взамен того, жертвующим лицам ассигнованную ими сумму препровождать в Тюремный комитет, о чем этот последний обязан ежемесячно заявлять подробным отчетом, с обозначением — от кого и сколько пожертвовано, дабы всякий из подателей мог убедиться, что дар его дошел по назначению» (Там же. С. 1618).

[5] Точнее: «Предположение об устройстве ссыльных в Тобольской губернии» (День. 1862. 22 сент. № 38. С. 3—6). Имя автора, скрывшегося за криптонимом М. С., не установлено. Аксаков сопроводил его статью обстоятельными примечаниями.

[6] Выражение из трактата Дж. С. Милля «О свободе» («On liberty», London, 1859). Не исключено, что выражение об «убывании души» Аксаков почерпнул не из первоисточника, а из приложения к главе III части VI «Былого и дум» А. И. Герцена, увидевшей свет в «Полярной Звезде» за 1859 год (кн. V). Герцен так цитировал Милля: «Он видит в Англии <...> что вырабатываются общие, стадные типы, и, серьезно качая головой, говорит своим современникам: "Остановитесь, одумайтесь! Знаете ли, куда вы идете? Посмотрите — *душа убывает*"» (*Герцен.* Т. XI. С. 69).

[7] Источники выражения: Втор 8: 3; Мф 4: 4; Лк 4: 4.

[8] Сочинения Милля широко пропагандировались в некрасовском «Современнике». К 1862 г. вышли отдельными изданиями переводы его трудов: «О свободе» (Лейпциг, 1861) и «Основания политической экономии с некоторыми из их применений к общественной философии» в переводе Н. Г. Чернышевского (СПб., 1860. Т. I).

[9] И. С. Аксаков поднимает здесь вопрос, постоянно волновавший его старшего брата, протестовавшего против благотворительных балов, маскарадов и т. п. мероприятий. См., например: *Аксаков Константин.* Благотворительность частная и общественная // Молва. 1857. 14 дек. № 36. С. 407—409.

<Петербург и Москва>

Впервые (с цензурными изъятиями и изменениями): *Аксаков Иван.* Москва, 29 сентября // День. 1862. 29 сент. № 39. С. 1—3. Печатается по воспроизведению авторского варианта: *Соч.* Т. II. С. 66—72. Разночтения приводятся в подстрочных примечаниях.

[1] *«Современное Слово»* — ежедневная газета либерального направления, выходившая в Петербурге с 1 июня 1862 г. по 2 июня 1863 г. под редакцией инженера Н. Г. Писаревского. В 1862 г. издание служило приложением к газете «Русский Инвалид», в 1863 г. выходило самостоятельно. Газета была запрещена по указанию Александра II.

[2] Имеется в виду неподписанная статья «Московское купечество, спасающее своих детей от растления их нравственности в гимназиях под сению любимого и уважаемого им священника» под рубрикой «Внутреннее обозрение». Ср.: «Москва — сердце России, это тоже известно всем, даже и неграмотным...» (Современное Слово. 1862. 14 сент. № 86. С. 345).

[3] *«Rigascher Zeitung»* — немецкоязычная газета, издававшаяся в Риге в 1778, 1807, 1813—1889, 1907—1915 гг.

[4] *«Sanktpetersburger Zeitung»* — немецкоязычная газета, издававшаяся в Петербурге в 1729—1916 гг.

[5] Здесь и далее Аксаков откликается на задиристую статью «Возрождение “Дня”» (Современное Слово. 1862. 14 сент. № 86. С. 343; 16 сент. № 87. С. 347; 19 сент. № 89. С. 357—358); она не подписана, ее автор говорит от имени редакции, потому скорее всего она принадлежит редактору Н. Г. Писаревскому. В статье резко критикуются слова Аксакова из объявления о подписке на славян, которые «подняли знамя борьбы за православную церковь и за избавление от магометанского ига» (День. 1862. 1 сент. № 35. С. 17). Автор «Современного Слова» пытался убедить читателей в отсталости идейных принципов славянофилов и прогрессивности своих: «Мы сочувствуем славянам как отдельным народностям и как защитникам национального принципа: славянофилы проповедуют теорию поглощения, уничтожения этого принципа в море мечтательного расового единства <...> славянофилы смешивают национальный принцип славян с византийским началом и подчиняют первый последнему» (Современное Слово. 1862. 14 сент. № 86. С. 343).

[6] *Митау, Либау, Пернау, Виндау* — немецкие названия российских городов: Митава (ныне Елгава), Либава (Лиепая) и Виндава (Вентспилс) в Курляндской губернии и Пернов (Пярну) — в Эстляндской.

[7] *Аксаков К. С.* Ломоносов в истории русской литературы и русского языка: рассуждение кандидата Московского университета Константина Аксакова, писанное на степень магистра философского факультета Первого отделения. М.: в тип. Николая Степанова, 1846. 521 с.

[8] См. эти слова в контексте: «...мы стараемся идти к цели по широкому пути, проложенному общеевропейским прогрессом, а редакция “Дня” — по узкой проселочной дороге исключительности, дороге, заглохшей вековыми терниями москвитянской

инерции. Мы душевно сокрушаемся, видя, как много сил тратится нашими собратами на то, чтобы прочистить эту дорогу, чтобы увлечь за собою общество на этот путь, <...> выходящий неизвестно куда, едва ли не совсем назад, в дикую Азию нашего прошедшего» (Возрождение «Дня» // Современное Слово. 1862. 14 сент. № 86. С. 343).

[9] Аксаков вольно цитирует статью «Московское купечество, спасающее своих детей от растления их нравственности в гимназиях под сению любимого и уважаемого им священника». Ср.: «...если в Москве что-нибудь неладно, если она хворает, то и вся Россия находится в болезненном состоянии. А в Москве, читатель, неладно и очень неладно, там ни мало ни много, говорят, купечество недовольно воспитанием своих детей в гимназиях» (Современное Слово. 1862. 14 сент. № 86. С. 345). Так комментировалось сообщение «С.-Петербургских Ведомостей» о купцах Замоскворечья, которые, сочтя, что их дети получают в гимназиях «воспитание не довольно религиозное и нравственное», а также находя, что «знание латинского языка, которому обучают в гимназиях, для них бесполезно», стали забирать своих детей из этих учебных заведений с намерением «устроить в Москве, на счет общества, свою особенную гимназию» (Там же).

[10] Евангельское выражение. См. в контексте: «Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом не радеть. Не можете служить Богу и маммоне» (Мф 6: 24; Лк 16: 13). Мамона (маммона) — олицетворение богатства.

[11] Отсылка к журналу «Время» М. М. и Ф. М. Достоевских.

[12] *Зипун* — полукафтан без воротника, с длинными рукавами; верхняя крестьянская одежда, изготовлявшаяся из грубого самодельного сукна ярких цветов со швами, отделанными контрастными шнурами.

[13] *Охобень* (охабень) — от глагола «охабить», т. е. охватить — старинная русская верхняя мужская и женская одежда из сукна домашней выработки в виде кафтана с меховым воротником и прорехами под рукавами. Широко распространенный среди знати в XV и XVI вв., охобень в конце 1670-х гг. вышел из употребления в среде высших классов и стал одеждой простолюдинов.

[14] Евангельское выражение. Из слов первосвященников и фарисеев Пилату: «Итак, прикажи охранять гроб до третьего дня, чтобы ученики Его, придя ночью, не украли Его и не сказали народу: воскрес из мертвых; и будет последний обман хуже первого» (Мф 27: 64).

[15] Аксаков отсылает к задуманной им передовой статье, которая будет опубликована в № 48 «Дня» от 1 декабря 1862 г. См. ее под назв. «<О лженародности в литературе 60-х годов>» (Наст. том. С. 98—103).

<Петербург или Киев?>

Печатается по первой публикации: *Соч.* Т. II. С. 72—80. Передовая статья предназначалась для номера: День. 1862. 17 нояб. № 46, но была запрещена цензурой. Указание в литературе, что она была опубликована в № 46 «Дня» (см.: *Отчего так нелегко живется.* С. 924), ошибочно.

В. С. Аксакова в письме к М. Г. Карташевской от 17 ноября 1862 г. сообщала о запрещении цензурой этой статьи и о публикации, послужившей толчком к ее написанию: «“День” не был задержан, но притеснения по цензуре постоянные, вот и этот номер без передовой статьи. Недавно была напечатана статья в “Русск<ом> Вестнике” под подписью Y. (говорят, Гагемейстер) о хозяйственном состоянии России, в которой на основании экономики доказывается, что весь вред от Петерб<урга>, т. е. от того, что столица в Петерб<урге>, и говорится очень резко, доказывается необходимость перенести столицу на юг в Киев, в Таганрог или даже в Харьков, об Москве и не упоминает-

ся. Иван сделал несколько выписок из этой статьи, возражал и вслед за тем поместил статью "О значении столицы" Константина, еще не напечатанную, статью прекрасную. Но ничего не пропустили, хотя не было повода к тому, даже Блудова удивляется. — Что же тут делать, а между тем всё жалуются, что либеральные меры не встречают сочувствия. Хороши эти либеральные меры!» (ИРЛИ. Сигн. 10629. Л. 105 об.). Упомянута статья: *Y. <Гагемейстер Ю. А.>*. Заметки о хозяйственном положении России // *РВ.* 1862. Т. 41. Сент. С. 238—286. Сведения об авторстве Аксаковы могли получить из первых рук, поскольку Гагемейстер был автором «Дня».

[1] Идея перенести столицу из Петербурга в Киев имела большую предысторию и то и дело реанимировалась. Такие намерения современники усматривали в действиях императрицы Елизаветы Петровны, когда она в 1744 г. заложила в Киеве Андреевскую церковь царской резиденции, а позже и Екатерины II, в 1787 г. посетившей Киев в сопровождении иностранных послов. Впоследствии губернатор Новороссийского края граф М. С. Воронцов предлагал сделать Киев столицей империи, и Николай I склонялся к такому решению, однако Александр II отверг сходное предложение, исходившее от наместника Кавказского края князя А. И. Барятинского.

[2] *Влаяться* — колебаться, мыкаться, носиться (*церкс.*).

[3] *Учинить* — сделать, произвести (*канцеляр., устар.*).

[4] Подразумеваются *адрес-календари* — официальные справочные издания, выпускавшиеся как централизованно, так и в губерниях и областях Российской империи.

[5] Намереваясь перенести столицу в Москву, 4 февраля 1728 г. Петр II торжественно въехал в нее; после коронационных торжеств (25—28 февраля) его резиденцией стал Лефортовский дворец. В Москву переехали двор и важнейшие государственные учреждения. Преемница Петра II Анна Иоанновна пребывала в Москве с 15 февраля 1730 г. до 8 января 1732 г., когда выехала с двором в Петербург.

[6] В правление Елизаветы Петровны Москве отводилась большая роль в административном управлении — в частности, почти все коллегии и Сенат имели там отделения. Сама императрица часто бывала в Москве, где устраивала придворные празднества; весь период пребывания на троне она деятельно благоустраивала город.

[7] По свидетельству современников, в Москве воцарение Екатерины II было встречено недоброжелательно — москвичи опасались усиления иностранцев. Ее пребывание в Москве в связи с коронационными торжествами продолжалось с 9 сентября 1862 г. по 14 июня 1863 г., следующее посещение Москвы состоялось только четыре года спустя.

[8] Речь идет о статье К. С. Аксакова «Значение столицы», которую И. С. Аксаков предполагал опубликовать в том же № 46 «Дня» от 17 ноября 1862 г., однако Московский цензурный комитет воспротивился этому. Впервые опубликовано: Русь. 1882. 2 янв. № 1. С. 10—12; 9 янв. № 2. С. 9—12, с предварением И. С. Аксакова: «Эта статья, или, точнее, записка, была написана в 1856 году, вслед за "Запиской о внутреннем состоянии России", представленной в 1855 году покойному Государю, и предназначалась для той же цели. Отрывки из этой записки были напечатаны в "Дне", изд. И. С. Аксакова». (Имеются в виду цитаты из записки К. С. Аксакова в ряде передовиц «Дня».) Ср. ошибочное указание в изд. *Отчего так нелегко живется* (с. 924), что речь здесь идет о статье К. С. Аксакова «По поводу VI тома "Истории России" г. Соловьева» (1856).

[9] Вольная цитата из статьи К. С. Аксакова «Значение столицы». Ср.: «Пришло время единой Русской земле, доселе разделенной дроблением государственным, быть, наконец, и единым государством. Москва подняла знамя *всей России* и стала столицею. <...> Столица, возникшая в минуту государственного единства и народного единства страны, скажу более, даровавшая, утвердившая и выразившая это единство, есть истинная столица. Такова Москва» (Русь. 1882. 2 янв. № 1. С. 11).

[10] *Червонная Русь* — историческая область в X—XVIII вв.; часть Руси, расположенная на западе современной Украины и юго-востоке современной Польши. Синонимом Червонной Руси является историческое название Галиция (особенно в конце XVIII — начале XX в.).

[11] Вероятно, Аксаков передает изустные слова А. С. Хомякова. Отдаленное сходство с этой его мыслью находим в статье «<О старом и новом>» (1837?; оп. 1861). «С Петром начинается новая эпоха. Россия сходится с Западом, который до того времени был совершенно чужд ей. Она из Москвы выдвигается на границу, на морской берег, чтобы быть доступнее влиянию других земель, торговых и просвещенных. Но это движение не было действием воли народной; Петербург был и будет единственно городом правительственным...» (*Хомяков.* Т. I. С. 25—26).

[12] Отсылка к передовой статье Аксакова в № 34 «Дня» от 2 июня 1862 г., при републикации в 1887 г. получившей название «Как понимает остзейский немец идеал России». См.: «Государство, созданное Петром по немецкому идеалу, стало действительно предметом их особенной попечительности и заботы; но *только* государство, и ничего более; поэтому и естественно, что все стремления немцев направлены были к тому, чтобы поглотить государственной стихией всякие другие стихии в Русской земле, чтоб кроме государства — ничего живого не смело бы жить и проявляться! <...> Один знаменитый немец, граф Канкрин, в своих сочинениях предлагает даже отнять у Русской земли название Русской и именовать ее Петровией, а русских — петровцами!..» (*Соч.* Т. VI. С. 7). Источник — воспоминания Ф. В. Булгарина: «Здесь мне приходит на мысль разговор, который я имел с одним просвещенным и ученым вельможей (графом Е. Ф. Канкриным) насчет *русской* истории, лет за десять перед сим. "Если рассудить, то мы, по справедливости, вместо того чтобы называться *русскими*, должны прозываться *петровцами*", — сказал граф Егор Францович. — "Что сделали для нас *варяго-руссы*, в сравнении с тем, что совершил Петр Великий? При варяго-русских правителях мы были варварами, азиатами, и как в старину монголы покорили Россию, так в течение времени растерзали ее наши европейские соседи, если б не родился Петр! Всем: славой, силой, довольством и просвещением — обязаны мы роду Романовых, и из благодарности должны были бы переменить наше обще-племенное название *славян* на имя творца империи и ее благоденствия. Россия должна называться *Петровией*, а мы *петровцами*, или, империя — *Романовой*, а мы *романовцами*"» (Воспоминания Фаддея Булгарина: отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни: [в 6 ч.]. СПб.: изд. М. Д. Ольхина, 1846. Ч. I. С. 85).

[13] Казань была взята войсками Иоанна IV в результате длительной осады, продолжавшейся с 23 августа по 2 октября 1552 г.

[14] Подразумевается период 1610—1613 гг., когда в России не было общепризнанного монарха.

[15] *Ангальт-Кётен* (Anhalt-Köthen) — германское княжество под управлением князей Ангальт-Кётенских с резиденцией в Кётене, существовавшее в 1396—1847 гг. В 1847—1863 гг. находилось в составе Ангальтского герцогства.

[16] Немецкие колонисты поехали в Россию после издания Екатериной II Манифеста «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах» (1763).

[17] См. статью Аксакова «<Петербург и Москва>» (Наст. том. С. 88—91).

[18] И. С. Аксаков подготавливал читателей к восприятию статьи старшего брата «Значение столицы», которую планировал поместить в том же номере «Дня». К. С. Аксаков писал: «Россия и Петербург-столица — несовместимы. Пора правительству вернуться в Россию, пора возвратиться из Петербурга в Москву. Великое благое начинание, великая истинная польза возможны лишь при этом условии, т. е. при возвращении столицы в Москву; без этого добра не будет» (Русь. 1882. 9 янв. № 2. С. 11).

<О лженародности в литературе 60-х годов>

Печатается по первой публикации: *Аксаков Иван.* Москва, 1 декабря // День. 1862. 1 дек. № 48. С. 1—3. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 80—89.

[1] Евангельское выражение. Источник см. в комм. 14 на с. 716.

[2] Об альдермане см. комм. 6 на с. 691.

[3] О герберге см. комм. 11 на с. 691.

[4] О ком идет речь, не вполне ясно. Очевидно, Аксаков вспоминает о спорах в какой-то литературной гостиной 1840—1850-х гг. Предположительно этим писателем мог быть А. Ф. Писемский, в произведениях которого слово «страсть» и от него производные — из наиболее частотных и любимых. В начале 1850-х гг. он тесно общался со славянофилами, входил в «молодую редакцию» «Москвитянина». Например, в увидевшей свет в этом журнале повести «Тюфяк» (1850) эти словоформы с корнем «-страст-» встречаются 25 раз, в повести «Сергей Петрович Хозаров и Мари Ступицына. Брак по расчету» (1851) — 44 раза, в рассказе «Комик» (1851) — 7 раз.

[5] *Пауперизм* — явление нищеты, массовой бедности народных масс в обществе, основанном на имущественном неравенстве.

[6] *Становой пристав* — полицейская должность, учрежденная Положением о земской полиции 1837 г. Каждый уезд был разделен на станы, отданные в ведение становых приставов.

[7] Подразумеваются С. Т. Аксаков, К. С. Аксаков и А. С. Хомяков. Отстаивая национальные традиции, первым отпустил бороду и стал носить старинную русскую одежду (зипун, мурмолку) К. С. Аксаков в 1845 г. Это вызывало иронично-насмешливую реакцию современников. И. С. Аксаков развернуто высказался о ношении простонародной одежды в особой статье № 11 «Дня» от 16 марта 1863 г. (с. 11—13), представлявшей собой редакционное примечание к корреспонденции Г. А. Залюбовского «Голос из Харькова по поводу чумарок и свиток», где подчеркивал, что носящие народную одежду должны проникаться сочувствием не к одной форме народности, а к ее духу.

[8] Речь идет о статье В. Г. Белинского «Петербург и Москва», помещенной не в «Петербургском сборнике», изданном Н. А. Некрасовым в 1846 г., а в сборнике «Физиология Петербурга» (СПб., 1845. Ч. I. С. 31—97), где критик упомянул о намерении в будущем дать «описание так называемых “лакейских балов”, о которых в Москве люди этого сословия еще и не мечтали» (*Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: изд-во АН СССР, 1955. Т. VIII. С. 407), а также несколько раз задел К. С. Аксакова насмешками над его славянофильскими взглядами. Тот откликнулся рецензией на «Физиологию Петербурга», где писал: «...автор обещает читателю в следующих томах “Физиологии” описание лакейских балов, о которых, прибавляет он с какою-то особенною гордостью, в Москве люди этого сословия еще и не мечтали. Москва охотно уступает это преимущество Петербургу» (*Аксаков К. С.* Эстетика и литературная критика. М.: Искусство, 1995. С. 112). Отметим, что ранее, в одном из очерков из цикла «Литературные и журнальные заметки» (1844), Белинский писал о лакейских балах подробнее и также с симпатией (как о достижении городской цивилизации): «В Петербурге существуют балы, на которых домослужители обоего пола, военные писаря и тому подобные люди танцуют французскую кадриль и которых различие от балов средних сословий состоит в тоне, но не во внешних формах» (*Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М., 1959. Т. XIII. С. 213).

[9] *Блузники* — французские рабочие и ремесленники, ходившие в блузах (широких сборчатых верхних рубахах).

[10] *Пейзане* — галлицизм, означавший образы идиллических крестьян в литературе, живописи, театре XVIII — начала XIX в.

[11] *Фаланстер* — в учении социалиста Шарля Фурье здание особого типа, являющееся средоточием жизни фаланги — самодостаточной коммуны из 1600—1800 человек, трудящихся вместе для взаимной выгоды.

[12] Подразумеваются прежде всего труды Н. М. Карамзина «История государства Российского» и С. М. Соловьева «История России с древнейших времен».

[13] Аксаков имеет в виду слова Н. М. Карамзина. См. в контексте: «У нас был свой Карл Великий: Владимир — свой Людовик XI: царь Иоанн — свой Кромвель: Годунов — и еще такой Государь, которому нигде не было подобных: Петр Великий» (*Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1987. С. 253. (Лит. памятники)).

[14] Подразумевается кончина И. В. Киреевского в 1856 г. и А. С. Хомякова и К. С. Аксакова — в 1860 г.

[15] Выпад прежде всего в адрес Н. И. Костомарова, популяризировавшего в журнале «Современник», в частности, идеи преимущества федерации перед крупными централизованными государствами и превосходства демократического устройства (на примере «*северорусских* народоправств»).

[16] Имеется в виду либеральный историк А. П. Щапов, автор получивших большой общественный резонанс трудов «Русский раскол старообрядства, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием Русской церкви и гражданственности в XVII веке и в первой половине XVIII» (Казань, 1859) и «Земство и раскол» (СПб., 1862. Вып. 1), в которых старообрядчество рассматривалось как важная сила революционно-политического характера и звучал призыв к развитию местного самоуправления; история же России XVII—XIX вв. представала как борьба областной самобытности («земства») и унифицирующего центра («государства»).

[17] Видимо, отсылка к статье Щапова «О причинах происхождения и распространения раскола, известного под именем старообрядства, во второй половине XVII и первой половине XVIII столетия» (Православный Собеседник. 1857. Ч. III. С. 629—689; Ч. IV. С. 857—891), положенной в основу первой главы его монографии «Русский раскол старообрядства...».

[18] *Христовщина* (хлыстовщина) — внецерковная секта, разновидность духовных христиан, возникшая в середине XVII в. Самоназвание — «люди Божьи», «Христова вера». Наименование «хлысты» связано с обрядом самобичевания, распространенным в их среде.

[19] П. И. Мельников-Печерский в своем очерке «Белые голуби» (1867) отмечал: «“Отец искупитель, царь израильский, христос Петр Федорович” (так зовут белые голуби основателя секты своей, крестьянина Кондратья Селиванова) говорил, что пришел он не старые законы разорять, но забытые восстановить и восполнить их учением “огненного крещения”, то есть оскопления» (*Мельников П. И.* (*Андрей Печерский*). Собр. соч.: в 8 т. М.: Правда, 1976. Т. 8. С. 133). И далее: «...между хлыстами явился начальник и отец секты скопцов. Стали его называть императором Петром Федоровичем. Таким образом, говорят хлысты и особенно скопцы, “открылся вышний на престоле суда”, <...> таинственно воскрес “сидящий на престоле царского суда”, государь Петр Федорович. <...> Петр III, по мнению скопцов и некоторых хлыстов, живет и поныне в Иркутской стране, на море, где солнце восходит» (Там же. С. 142—143).

[20] Имеются в виду прежде всего следующие статьи, опубликованные И. С. Аксаковым по рукописям брата: «Об основных началах русской истории», «О русской истории», «Краткий исторический очерк Земских соборов» (*Аксаков К. С.* Полн. собр. соч. М.: в тип. П. Бахметева, 1861. Т. I. С. 1—26, 291—306).

1863

<В чем сила народности>

Печатается по первой публикации: <*Аксаков И. С.*>. Москва, 23 марта // День. 1863. 23 марта. № 12. С. 1—3. Воспроизведено (с датой «Москва, 10-го марта»): *Соч.* Т. II. С. 89—96. С републикации этой передовицы в *Соч.* начинался раздел «1863 г. (Передовые статьи)».

Вероятно, статья была подготовлена для № 10 «Дня» от 9 марта, который остался без передовой (так же, как и следующий, — № 11 от 16 марта).

Проблема соотношения народности и государственности, которой посвящена передовая статья, была актуализирована в связи с начавшимся в январе 1863 г. Польским мятежом. Непосредственным поводом стали русофобские выступления французских и британских парламентариев. Тем не менее в центре внимания Аксакова — вопросы внутренней государственной политики: он рассматривает потенциальные возможности «обрусения» общественно-административного уклада российских окраин (прежде всего Западного края) в контексте известной успешности исторической реализации принципов тевтонизма (онемечивания) и полонизма (ополячивания).

27 февраля 1863 г. В. С. Аксакова писала М. Г. Карташевской (по-видимому, по следам обсуждения в семье событий, давших толчок к созданию данной статьи): «Чего же ожидать, мой милый друг, от той страны, в которой нельзя защищать народную веру, в которой прежде всего преследуется все народное, свое, все честное и чистое, все духовное. — Настоящее внутреннее состояние России, ее внешнее положение и отношения к другим народам — только неизбежные последствия и плоды подобного положения дел. Внутренний враг опаснее внешнего, и от него нет защиты. — Какое презрение должны чувствовать к нам все другие народности и державы, это вполне понятно, и они правы совершенно. Страна, т. е. в лице правит<ельства> и общества, стыдящаяся своей народности, подобострастно относящаяся к чужим, более всего боящаяся осуждения Европы и готовая действовать из-за того во вред всем своим интересам, что кроме презрения должна возбудить во всех народах? В Англ<ийской> Палате было на днях сказано, что русские больше всего чувствительны к тому, что о них скажут за границей, и потому их нетрудно запугать и т. д. И это правда, истинная правда, а своих притеснять, свою народную мысль — об этом не будут кричать в Европе. Но, говорят, Валуев не только в цензуре так деспотически поступает, а и по крестьянскому вопросу и пр. Сегодня опять не пропустили статью Ивана...» (ИРЛИ. Сигн. 10630. Л. 29—30).

В письме к сестре от 23—27 марта В. С. Аксакова предполагала: «В следующем Nом<ере> также, верно, понравятся тебе передовая статья и письмо из Парижа (конечно, того же автора)» (Там же. Л. 38), имея в виду настоящую передовицу и раскрывая псевдоним (Касьянов) следующей за ней парижской корреспонденции (републикуется ниже в наст. томе).

Статья подверглась не лишенному глумливого тона вышучиванию в последнем, 9-м, № «Свистка» — сатирического приложения к № 4 журнала «Современник» за 1863 г. (с. 19—32 особ. паг.), в фельетоне М. А. Антоновича «Письма отца к сыну», которые были адресованы к «милому моему Ваничке» от С., что прозрачно намекало на И. С. Аксакова и его покойного отца Сергея Тимофеевича. Последний, цитируя статью сына, урезонивал его «горячий патриотизм» и отечески упрекал: «...мысли, изложенные в твоей статье, выходят очень юмористичны...»; «Согласись, брат, что логика у тебя неважная»; «Видишь, мой дружок, как ты запутался!» и т. п. См. научную републикацию: Свисток: собрание литературных, журнальных и других заметок: сатирическое прил. к журн. «Современник», 1859—1863 / изд. подг. А. А. Жук и А. А. Демченко. М.: Наука, 1981. С. 280—290, особ. с. 284—286 («Письмо второе»). (Лит. памятники).

[1] Апостольское выражение (1 Петр 5: 8). См. контекст этих слов в Синодальном переводе: «Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить».

[2] Речь идет о цикле из шести статей: *R. S. Z. <Пеховский О. И.>*. Письма поляка из Познани // День. 1862. 1 сент. № 35. С. 18—20; 8 сент. № 36. С. 14—16; 6 окт. № 40. С. 14—15; 3 нояб. № 44. С. 12—14; 24 нояб. № 47. С. 12—14; 1863. 5 янв. № 1. С. 17—19.

[3] *Солиман* — устаревший вариант имени османского султана Сулеймана I Великолепного.

[4] Точка отсчета — последний из трех разделов Польши (1795), в результате чего она прекратила существование как суверенное государство.

[5] Подразумевается католицизм.

[6] *Остзейские провинции* (губернии), созданные начиная с 1713 г. в Прибалтике, вплоть до середины XIX в. обладали значительной автономией. В основе управления ими лежал «Свод местных узаконений губерний Остзейских» (СПб., 1845—1864), по которому управление краем осуществлялось не только правительственными учреждениями, но и органами дворянства.

[7] *Касьянов <Аксаков И. С.>*. Из Парижа: (письмо в редакцию) // День. 1863. 23 марта. № 12. С. 3—4 (с мистифицирующей пометой: «Париж 29/12 марта»). Воспроизведено под назв. «Письма в редакцию "Дня". 1. Из Парижа»: *Соч.* Т. II. С. 96—101.

[8] См. начало воззвания: «Русские, проживающие в Дрездене, обращаются к своим соотечественникам с горячею просьбой не отказать в содействии в расширении средств православной церкви, уже существующей здесь около 10 месяцев, но требующей пособия для упрочения своего существования» (*МВед.* 1863. 12 марта. № 55. С. 1).

[9] См.: «Дрезден, один из центров, наиболее привлекающих наших соотечественников. Дешевизна, изобилие средств к воспитанию юношества, памятники искусств, умеренный климат — все влечет сюда русских» (Там же).

[10] Православная церковь была устроена в Дрездене в 1861 г. в качестве домовой приходской по желанию русской общины, насчитывавшей 358 членов, — в частном доме на Сидониенштрассе, а в 1862 г. ее освятили в честь Входа Господня в Иерусалим. В 1864 г. община переселилась в дом на Бойстштрассе, 4. В 1872—1874 гг. была возведена цековь Святого преподобного Симеона Дивногорца в районе «Южный пригород», действующая поныне.

[11] Подписали воззвание 16 человек («члены совета при православной церкви в Дрездене») — помимо священника и церковного старосты, по большей части титулованные особы: князья, графы, одна баронесса.

[12] Крестовоздвиженский храм в Женеве был построен в 1863—1866 гг. по проекту Д. И. Гримма (в 1950 г. получил статус кафедрального собора Западно-Европейской епархии Русской православной церкви за границей).

[13] Имеется в виду Большой зал Дома Благородного собрания (после 1917 г. Колонный зал Дома Союзов), расположенного на углу улиц Охотный Ряд и Большая Дмитровка в Москве. Изначально здесь находилась усадьба князя В. М. Долгорукова-Крымского. Благородное собрание выкупило здание в 1784 г., и его перестроил архитектор М. Ф. Казаков.

Письма Касьянова в редакцию газеты «День»

Цикл из четырех писем в редакцию (корреспонденций из Парижа) от имени некоего Касьянова, помещенный в «Дне» с марта по июнь 1863 г., был создан самим Аксаковым. 5 мая он писал Ю. Ф. Самарину: «Ты, конечно, догадался, что Касьянов — это я, но держи это в секрете. <...> Что же делать! Вы никто не пишете, и приходится писать разными перьями» (*Переписка Аксакова и Самарина.* С. 172). Еще одно письмо, из Баден-Бадена (четвертое в цикле), было запрещено цензурой. Полностью цикл (все пять

писем) впервые воспроизведен под назв. «Письма в редакцию “Дня”»: *Соч.* Т. II. С. 96—135, с редакционным примечанием под строкой: «Письма эти были подписаны в газете псевдонимом “Касьянов”».

Из Парижа (письмо в редакцию)

Печатается по первой публикации: *Касьянов <Аксаков И. С.>*. Из Парижа: (письмо в редакцию) // День. 1863. 23 марта. № 12. С. 3—4 (с пометой: «Париж 29/12 марта»). Воспроизведено под назв. «Письма в редакцию “Дня”. 1. Из Парижа»: *Соч.* Т. II. С. 96—101.

Довольно сочувственно откликнулся на статью М. Е. Салтыков-Щедрин в очерке «Наша общественная жизнь. IV. Май 1863 год» (Современник. № 5. Отд.: Современное обозрение; *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч.: в 20 т. Л.: Худож. лит., 1968. Т. 6. С. 101—111), позже в доработанном виде этот обзор вошел в цикл очерков Салтыкова «Признаки времени» под заглавием «Русские “гулящие люди” за границей» (1869). Правда, Салтыков предпочел события, описанные Аксаковым с известной горечью, воспринимать исключительно в насмешливом духе: «Г-н Касьянов из всего этого выводит довольно меланхолические заключения; я же, напротив того, более склонен выводить заключения веселые, потому что положительно-таки не понимаю, какое дело России до русских гулящих людей» (Там же. С. 104). Вместе с тем Салтыков, назвав Аксакова и его единомышленников-славянофилов «привилегированными народолюбцами», упрекнул редактора «Дня» в том, что тот уклоняется от глубокого социально-политического анализа жизни, не видит, что «гулящие» представители привилегированных классов — это тургеневские «отцы», обреченные на бесплодное существование, а будущее России — за народом и «детьми», т. е. революционными демократами, которых Аксаков обвинял в космополитизме и «ненародности». Употребленный Аксаковым в качестве сатирической метафоры юридический термин допетровской Руси — «гулящие люди» — стал для Салтыкова одним из излюбленных выражений и использовался в целом ряде его произведений.

[1] Имеется в виду письмо Д. И. Фонвизина к его другу П. И. Панину из Парижа от 14 (25) июня 1778 г. (оп. 1806) из цикла «Записки первого путешествия (письма из Франции)» (1788), где сообщалось: «Жители парижские почитают свой город столицею света, а свет — своею провинциею. Бургонию, например, считают близкою провинциею, а Россию дальнею. Француз, приехавший сюда из Бордо, и россиянин из Петербурга называются равномерно чужестранными. По их мнению, имеют они не только наилучшие в свете обычаи, но наилучший вид лица, осанку и ухватки, так что первый и учтивейший комплимент чужестранному состоит не в других словах, как точно в сих: “Monsieur, vous n’avez point l’air etranger du tout, je vous en fais bien mon compliment!” (Вы совсем не походите на чужестранного; поздравляю вас!)» (*Фонвизин Д. И.* Собр. соч.: в 2 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1959. Т. 2. С. 472).

[2] Речь идет о периоде с 1745 по 1774 г., когда маркиза де Помпадур и графиня Жанна Дюбарри состояли официальными фаворитками французского короля Людовика XV.

[3] *Реставрация во Франции* — восстановление монáрхии на период с 1815 по 1830 г.

[4] *Сен-Жерменское предместье* (Сен-Жермен-де-Пре), расположенное на левом берегу Сены, — аристократический квартал Парижа, где с XVIII в. жили представители древних французских дворянских родов.

[5] Не исключено, что в кавычки заключено выражение из четверостишия Г. Р. Державина «На медальон, на котором представлен Суворов в львиной коже» (1791). Ср. последнюю строку: «И жизнь его полна чудес!»

[6] Вольная автоцитата из передовой статьи «<Народный отпор чужестранным учреждениям>». Ср.: «Отчего, по-видимому, ты так б е з о б р а з н а, *наша святая, великая Русь*?» (Наст. том. С. 14).

[7] *Прозелит* — тот, кто недавно принял новое вероисповедание, обратился в новую религию; горячий приверженец, сторонник чего-нибудь.

[8] Подразумевается Крымская война (1853—1856).

[9] См. об этом в статье А. С. Хомякова «Мнение иностранцев о России» (1845): «В нас живет желание человеческого сочувствия; в нас беспрестанно говорит теплое участие к судьбе нашей иноземной братии <...>. И на это сочувствие, и на это дружеское стремление мы никогда не находим ответа: ни разу слова любви и братства, почти ни разу слова правды и беспристрастия. Всегда один отзыв — насмешка и ругательство; всегда одно чувство — смешение страха с презрением» (*Хомяков.* Т. I. С. 3—4).

[10] Отсылка к одноименной комедии Ж.-Б. Мольера (1670).

[11] Неточность — речь идет о статье не в октябрьской, а в в сентябрьской книжке «Русского Вестника»: *Y. <Гагемейстер Ю. А.>*. Заметки о хозяйственном положении России // *РВ.* 1862. Т. 41. Сент. С. 238—286. См.: «...за европейскую границу выехало в 1860 г. русских 275 582» (Там же. С. 240). Об этой статье Аксаков писал в передовой «<Петербург или Киев?>» (Наст. том. С. 92—97).

[12] *Мамадыш* — уездный город (с 1781 г.) Казанской губернии.

[13] Прозвище Плон-Плон, под которым был известен принц Наполеон, происходило от его произношения имени Наполеон в детстве.

[14] Парижский мирный договор, подписанный 18 (30) марта 1856 г., завершил Крымскую войну 1853—1856 гг. Трактат ущемлял права и интересы России, которая утратила ряд территорий и уже не могла держать в Черном море военно-морской флот.

[15] Здесь и в следующем «письме» цикла — ироническая отсылка к типу литературного героя, характерного для произведений 1840—1850-х гг. (по названию повести И. С. Тургенева «Дневник лишнего человека», 1849).

Из Парижа (письмо II)

Печатается по первой публикации: *Касьянов <Аксаков И. С.>*. Из Парижа: (письмо II) // День. 1863. 20 апр. № 16. С. 1—3 (с пометой: «Апреля 10 1863 г. Париж»). Воспроизведено под назв. «Письма в редакцию “Дня”». 2. Из Парижа»: *Соч.* Т. II. С. 101—109.

[1] Имеется в виду Польский мятеж 1863—1864 гг.

[2] *Гулящие люди* (также: захребетники, подсуседники) — в XVI—XVIII вв. разряд населения, состоявший из вольных, не приписанных ни к служилым, ни к посадским, людей; они не несли государственных повинностей и не платили податей; пользуясь свободой передвижения, они занимались ремеслами, жили работой по найму. Петр I предписал взять годных гулящих людей в солдаты, а негодные к военной службе были обязаны записываться в подушный оклад за теми помещиками, на землях которых их застала перепись, или за теми, которые соглашались их записать за собою.

[3] Переделанные начальные строки известной народной песни «Мне моркотно молоденьке, / Нигде места не найду...» (Новейший полный всеобщий песенник, или Собрание отборных и всех доселе известных всякого рода песен: в 4 ч. М., 1822. Ч. III. С. 42—45). *Моркотно* (морготно) — душно, нудно, брезгливо (*диал.*).

[4] *Прадо* (Le passage du Prado, *фр.*) — старинный пассаж, торговый центр в Париже, в 10-м округе, соединяющий улицу Фобур-Сен-Дени и бульвар Сан-Дени, 18. Был открыт в 1785 г.; стал местом публичных балов.

[5] *Баль-Мабиль* (Bal Mabille, *фр.*) — популярный в 1831—1875 гг. парижский кафе-шантан с танцевальным залом под открытым небом на нынешней улице Монтень в Фобур-Сен-Оноре, 49—53 (по совр. нумерации домов); пользовался репутацией «самого разгульного заведения всей Европы» (Ф. М. Достоевский).

[6] Отсылка к рефрену из «Песни Миньоны» (роман И.-В. Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера», 1796): «Dahin! Dahin / Möcht' ich mit dir, o mein Geliebter, zieh'n» («Туда, туда, / Возлюбленный, нам скрыться б навсегда», пер. Б. Л. Пастернака).

[7] *Тюильри* (Тюильри) — дворец французских королей в центре Парижа, основанный в 1564 г. и сожженный в 1871 г. в дни Парижской коммуны.

[8] Излагаемый далее скандальный эпизод на парижском балу получил более детальное отражение в статье А. И. Герцена «Бедное русское имя» (Колокол. 1863. 1 апр. Л. 160; здесь сообщается, что событие имело место «в день перелома поста, 12 марта», но не в Баль-Мабиле, а в Прадо), во втором очерке Н. С. Лескова из цикла «Русское общество в Париже» (Библиотека для Чтения. 1863. № 6) и в указанном выше четвертом (майском) очерке М. Е. Салтыкова-Щедрина из цикла «Наша общественная жизнь». Сопоставительный анализ всех этих произведений, включая и статью Касьянова-Аксакова, см. в работе З. И. Серовой «Семейный скандал на парижском балу: эпизод и его эхо» (Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2016. № 4. С. 79—88).

[9] *Шато-де-Флёр* (Château de Flers — замок цветов, *фр.*) — здесь: популярное увеселительное заведение в Париже, место публичных балов.

[10] *Политехническая школа* (École Polytechnique) — высшая школа в Париже для подготовки инженеров, основанная в 1794 г. Вплоть до 1976 г. располагалась в Латинском квартале, на горе Сен-Женевьев.

[11] *Табль-д'от* (табльдот, от *фр.* table d'hôte — хозяйский стол) — тип меню с единой комплексной ценой в пансионах, гостиницах, ресторанах.

[12] См. воспроизведение упомянутой речи маркиза Анри Огюста де Ларошжакелена в статье «Франция. Заседание сената 18-го марта» (*МВед.* 1863. 15 марта. № 58. С. 2), а также разбор этой речи в корреспонденции Н. В. Щербаня «Из Парижа. 23-го марта» (Там же. 21 марта. № 63. С. 3; подпись: *Н. Щ—нь*).

[13] Имеется в виду сообщение, перепечатанное из газеты «Русский Инвалид». Оно начинается так: «Русские путешественники, пребывающие в Париже, собрали по подписке в пользу раненых и семейств убитых русских воинов в Царстве Польском 6410 франков, или 1686 р. 84 к. сер.» (*МВед.* 1863. 14 апр. № 80. С. 1). Далее был приведен список из 48 жертвователей (в том числе И. С. Аксаков — 40 франков).

[14] Русским послом в Париже в тот период (1862—1868) был барон А. Ф. Будберг. Он пожертвовал 1000 франков.

[15] Речь идет о промышленнике П. П. Демидове, князе Сан-Донато, в тот период камер-юнкере. В 1863—1865 гг. он исполнял обязанности сверхштатного секретаря при русском посольстве в Париже. В это время он купил виллу в Довиле и одновременно начал строить дворец на купленном им участке в самом центре Парижа. Он пожертвовал только 500 франков.

[16] Ср., как излагается эта история в майском очерке М. Е. Салтыкова-Щедрина из цикла «Наша общественная жизнь», в разделе «Скверный анекдот с двумя русскими дамами в столице цивилизованного мира» (Современник. 1863. № 5. Отд.: Современное обозрение): «Другой анекдот из жизни русских *гулящих людей* за границей рассказывает “Современная Летопись” (№ 12). Дело идет о двух знатных русских дамах, которые до того увлеклись каким-то доктором сомнамбулизма, уроженцем русской Польши, Ольцинским, называвшим себя Лондинским, что в течение каких-нибудь шести лет доверили ему сумму, превышающую два миллиона франков. Да не подумает, однако ж, читатель, что такая почтенная цифра была вручена Лондинскому так, ради приятных его манер; нет, русские дамы руководились при этом глубоким расчетом; они страстно желали разбогатеть и потому отдавали свои деньги *верному человеку*, точно так же не задумываясь, как во время оно, не задумываясь же, затратили бы значительные суммы на отыскание философского камня! <...> И вот в исправительном трибунале департамента Сены разыгрался последний акт этой драмы. Лондинский бежал в Россию и к довершению всего пишет оттуда успокоительные письма, удостоверяющие, что все его кредиторы будут удовлетворены. Однако на сей раз русские дамы не поверили и подали на доктора сомнамбулизма

жалобу. Исправительный трибунал решил: 1) Лондинского заключить на 5 лет в тюрьму и взыскать с него пени 3000 фр. (заочно); 2) Лемете́ заключить в тюрьму на 15 месяцев и взыскать 500 фр. пени и 150 000 фр. в пользу истиц. О прочих дамских претензиях трибунал предоставил ведаться особо» (*Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч.: в 20 т. Л.: Худож. лит., 1968. Т. 6. С. 109, 111). Героинями этого происшествия были княгини А. И. Волконская и А. И. Лобанова-Ростовская, дочери генерал-фельдмаршала, светлейшего князя И. Ф. Паскевича.

[17] См.: *Е. М.* Процесс русских дам в Париже // Современная Летопись. 1863. Апрель. № 12. С. 12—13. В конце корреспонденции помета: *7 апреля 1863 г. Брюссель.*

[18] См.: «Письма Касьянова в редакцию газеты "День". 1. Из Парижа» (Наст. том. С. 108—111).

[19] *«Норд»* («La Nord»; 1855—1898) — газета, издававшаяся российским Министерством иностранных дел на французском языке в Брюсселе и Париже. Редакторы: Н. П. Поггенполь, В. И. Каппельманс, Н. В. Щербань и др.

[20] Поскольку передовая статья о Польше, подготовленная для № 5 «Дня» от 2 февраля 1863 г., не была пропущена цензурой (опубл.: *Соч.* Т. III. С. 16—22, под назв. «<О "всенародном" польском сейме для решения Польского вопроса>»), Аксаков вынужден был оправдываться перед подписчиками, прозрачно намекая на цензурный запрет: «Читатели наши, вероятно, уже давно ждут от нас статьи по поводу современных событий в Польше. Почти все органы нашей журналистики уже высказали о них свое мнение, и молчание "Дня", который прилежнее всех других журналов занимался до сих пор обсуждением польско-русской вековой тяжбы, — более чем странно...

Мы надеемся однако, что читатели наши поймут, что это молчание не есть наша прихоть... Мы смеем уверить читателей, что при каждом № исполняем добросовестно свою редакторскую обязанность и что отсутствие наших передовых статей еще не значит, чтоб их не было... "Не все то можется, что хочется"...» (День. 1863. 2 февр. № 5. С. 1).

[21] Всеподданнейшие адресы «От Московского дворянства», «От Московского городского общества» и «От Московского университета» в поддержку правительственной политики в Польше опубликованы, в частности, газете Аксакова: День. 1863. 27 апр. № 17. С. 6.

[22] *«Courrier du Dimanche»* («Воскресная Почта», *фр.*) — политическая и литературная газета, издававшаяся в Париже в 1858—1866 гг.

[23] *«Café Anglais»* («Английское кафе») — модный французский ресторан, расположенный на углу Итальянского бульвара (д. 13) и улицы Мариво в Париже в 1802—1913 гг. Был назван в честь Амьенского мирного договора между Великобританией и Францией. Поначалу его посещали кучера и слуги, но с 1820-х гг. завсегдатаями стали певцы соседнего Оперного театра и их почитатели, а затем аристократы и состоятельные буржуа.

Из Парижа (письмо III)

Печатается по первой публикации: *Касьянов <Аксаков И. С.>*. Из Парижа: письмо III // День. 1863. 11 мая. № 19. С. 6—8. Воспроизведено под назв. «Письма в редакцию "Дня". 3. Из Парижа»: *Соч.* Т. II. С. 109—117.

Корреспонденция «Касьянова»-Аксакова стала ответом на статьи А. И. Герцена «Преступления в Польше» («Слова порицания умалкивают...») (Колокол. 1863. 15 февр. Л. 156. С. 1294—1295) и «Преступления в Польше» («Печален наш удел...») (Там же. 1 марта. Л. 157. С. 1302—1304), в которых тот прямо встал на сторону повстанцев. Статья Аксакова вызвала резкие возражения Герцена в его заметке «"День" и "Колокол"» («Наконец пришел и для "Колокола" черный день...») (Там же. 20 июня. Л. 166.

С. 1370—1371; без подписи) и статье «“Колокол” и “День”: (письмо к г. Касьянову)» (Там же. 10 июля. Л. 167. С. 1374—1377; подпись: *И—р*).

[1] *Юфть* — выделанная кожа исторически растительного (лиственница, ива) дубления из шкур крупного рогатого скота, конских и свиных.

[2] *Булонский лес* (*фр.* le bois de Boulogne) — публичный парк в западной части Парижа площадью 8,459 км^2. В начале XVIII в. он стал излюбленным местом прогулок парижской знати, а вскоре был открыт для всех. В 1852—1858 гг. план леса полностью пересмотрен: проложены аллеи, общей длиной 80 км, вырыты озера и речки, посажены 400 000 деревьев.

[3] *...так не посрамим земли Русския...* — слова князя Святослава из его речи перед битвой при Аркадиополе (970) во время Русско-византийской войны 970—971 гг. См.: Повесть временных лет / подг. текста, перевод, статьи и комм. Д. С. Лихачева. 3-е изд. СПб.: Наука, 2007. С. 170. (Лит. памятники).

[4] *Граф Г.* — предположительно гвардии полковник граф Василий Васильевич Гудович (1819—1886), который в тот период жил в Париже и в 1863 г. пожертвовал по подписке «в пользу раненых и семейств убитых русских воинов в Царстве Польском» 100 франков (*МВед.* 1863. 14 апр. № 80. С. 1).

[5] Не исключено, что здесь опечатка и речь идет о князе П. В. Долгоруком, с 1859 г. жившем в Европе в эмиграции (в 1863 г. из Лондона переехал в Женеву), историке и публицисте. Однако никаких сведений о его драматургических опытах обнаружить не удалось.

[6] *Елисейские поля* (Шанз-Элизе, *фр.* les Champs-Élysées), — центральная улица Парижа, простирающаяся без малого на 2 км от площади Конкорд (Согласия) до Триумфальной арки.

[7] *Eh bien* — слово для привлечения внимания при обращении к новой теме. Речь идет о том, что дама говорит по-парижски, а парижский акцент не отличается качеством произношения, это просторечие. (*Благодарим Флорана Мушара за консультацию.*)

[8] *Грассировала* — произносила звук «р» картавя.

[9] Названы перешедшие в католицизм и принявшие монашество князь И. С. Гагарин, граф Г. П. Шувалов и И. М. Мартынов. Все они перебрались на жительство во Францию. С Гагариным полемизировал в печати А. С. Хомяков («Письмо к редактору “L’Union Chretienne” о значении слов “кафолический” и “соборный” по поводу речи отца Гагарина, иезуита», 1860), а с Мартыновым — Аксаков и Ю. Ф. Самарин в 1865 г. в «Дне».

[10] *Стриженый* — здесь: принявший постриг, монашествующий.

[11] Названо издание сатирического романа Луи Рейбо: *Reybaud Louis*. Jérôme Paturot a la recherche d’une position sociale. Paris, 1846. (Т. е. у Аксакова ошибка: «республики» вместо «положения в обществе».) Герой романа сирота Жером Патюро ищет свой путь в жизни, но, испробовав множество профессий, в итоге возвращается к семейному делу — своего дяди-шляпника.

[12] Аксаков имеет в виду прежде всего А. И. Герцена и его «Вольную русскую типографию» (Лондон; Женева, 1853—1870).

[13] *Наполеон* — французский император Наполеон III.

[14] Анархист-эмигрант М. А. Бакунин активно содействовал Польскому мятежу, организовав в Швеции кампанию солидарности с повстанцами. Вместе с тем Герцен в открытом письме к Аксакову от 10 июня 1863 г., включенном в состав заметки «“День” и “Колокол”», возражал: «Бакунин никогда не предводительствовал никаким польским отрядом и не имел намерения предводительствовать. Его поездка имела совсем другую цель. Я не слыхал (а, кажется, мог бы!) ни о каком участии его в прокламациях, манифестах и пр.» (*Герцен.* Т. XVII. С. 197). См., однако, ниже комм. 23 о прокламации Бакунина, напечатанной Герценом.

[15] Бакунин принял участие в экспедиции польского полковника Теофила Лапинского, который предполагал доставить морем в район Полангена (ныне Паланга в Литве на балтийском побережье) отряд волонтеров и вооружение. В марте 1863 г. отряд отправился из Лондона. В Копенгагене английский капитан и его команда отказались вести пароход дальше. Нанятая здесь датская команда привела 30 марта пароход в шведский порт Мальме, где он был интернирован. Участников десанта арестовали и экстрадировали обратно в Лондон. См. об этом подробнее в «Былом и думах» Герцена главы «М. Бакунин и польское дело» и «Пароход “Ward Jackson” R. Weatherley & Co» (ч. VII, гл. 4 и 5).

[16] *Либава* — ныне Лиепая, город в Латвии, на побережье Балтийского моря.

[17] Князь Константин Чарторыжский (Константы Чарторыйский) был уполномоченным агентом Польского комитета («Жонда Народовы») в Стокгольме, его деятельность щедро оплачивалась из революционной кассы. Он, наряду с такими же агентами-дипломатами, проживавшими в других европейских столицах, поддерживал в западном общественном мнении антироссийские настроения (устраивал митинги, давал интервью журналистам), надеясь, что европейские правительства выступят в защиту Польского восстания.

[18] Герцен в открытом письме к Аксакову от 10 июня 1863 г., процитировав эти слова, отметил: «Нет, гораздо проще — *это неправда*» (*Герцен.* Т. XVII. С. 197).

[19] *«Колокол»* — революционная газета, издававшаяся А. И. Герценом и Н. П. Огаревым в эмиграции в 1857—1867 гг.

[20] В 1857 г. Аксаков путешествовал по Европе, и 8 (20) августа недалеко от Лондона встретился с Герценом. Н. А. Тучкова-Огарева вспоминала: «Приезжали и люди вполне порядочные, развитые, сочувствовавшие Герцену. Между ними один только в эту эпоху меня глубоко поразил своей благородной, немного гордой наружностью, цельностью, откровением своей натуры. Это был Иван Сергеевич Аксаков. Он знал Герцена еще в Москве. Тогда они стояли на противоположных берегах. Читая во многих заграничных изданиях Герцена о разочаровании его относительно Запада, Аксаков, вероятно, захотел проверить лично, ближе ли стали их взгляды, и убедился, что они — деятели, идущие по двум параллельным линиям, которые никогда не могут сойтись... <...> В продолжение нескольких дней Герцен и Аксаков много спорили, ни один не считал себя побежденным, но у них было обоюдное уважение, даже больше, какая-то симпатия, какое-то влечение друг к другу; так они и расстались бойцами одного дела, но с разных отдаленных точек» (*Тучкова-Огарева Н. А.* Воспоминания / подг. текста, вступ. ст. и прим. В. А. Путинцева. М.: Гослитиздат, 1959. С. 116).

[21] Как известно, Герцен, однако, публиковал воззвания, обращенные к защитникам Севастополя, с призывом изменить России и перейти на сторону интервентов.

[22] *«Полярная Звезда»* — литературный и общественно-политический альманах, издававшийся А. И. Герценом и Н. П. Огаревым в 1855—1868 гг.

[23] Не исключено, что Аксаков имеет в виду прокламацию М. А. Бакунина «Пугачев, Романов или Пестель», которая была опубликована сначала в «Колоколе», а затем выпущена отдельной брошюрой.

[24] В 1772 г. произошел первый из трех разделов Польши.

[25] *Варфоломеевская ночь* — массовое убийство гугенотов во Франции, устроенное католиками в ночь на 24 августа 1572 г., в канун дня св. Варфоломея. Под «варфоломеевской ночью Польши» Аксаков подразумевает первый день Польского вооруженного восстания — 10 (22) января 1863 г., когда в разных местах Царства Польского отряды повстанцев внезапно напали на 25 русских гарнизонов, захватив оружие, амуницию, деньги и продовольствие. Однако потери регулярных правительственных войск исчислялись не тысячами: было убито 29 и ранено 92 солдата и офицера.

А. И. Герцен возмущался в статье «“Колокол” и “День”: (письмо к г. Касьянову)»: «Где, в каком месте была эта варфоломеевская ночь? Когда погибли эти *несколько тысяч человек, предательски* убитых? Несколько тысяч трупов не могут пропасть, как булавка. Делали ли вы эти вопросы? Спросили ли вы имена погибших полков, имена городов и сел, в которых они погибли? <...> В начале восстания в двух-трех местах несколько солдат, застигнутых врасплох, были убиты. <...> Из этих отдельных фактов выдумали сказку о предполагаемой варфоломеевской ночи для поощрения солдат и патетического введения их в пугачевский день» (*Герцен.* Т. XVII. С. 203, 204). Однако не Аксаков ввел это выражение в газетную дискуссию — он подхватил его у петербургских журналистов и самого Герцена из его статей под общим названием «Преступления в Польше». См.: «“J<ournal> de St.-Pétersbourg” печатал о *варфоломеевской ночи,* о избиении русских солдат во время сна... Чего, собственно, у них недостает — мозга или сердца?» (Там же. С. 40); «Самое замечательное состоит тут в том, что этой варфоломеевской ночи не было» (Там же. С. 59). О внезапном нападении повстанцев на русские войска писалось в редакционных статьях «Journal de St.-Pétersbourg», официоза Министерства иностранных дел, в № 15 от 18 (30) января и № 16 от 19 (31) января 1863 г.

[26] См. ответный выпад А. И. Герцена в связи с этими словами Аксакова в статье «В этапе» (Колокол. 1863. 1 сент. Л. 110. С. 1397—1400): «Философию собак, которую недавно нам проповедовал один великорусский журнал, мы отвергаем <...> может, с борзой или гончей точки зрения и не следует приставать “чужой собаке, когда свои дерутся”, но с антропологической не так, и Дон-Кихот, мешающийся не в свои дела, в тысячу раз больше человек, чем какой-нибудь лавочник, которому ни до чего нет дела, кроме до чужих денег» (*Герцен.* Т. XVII. С. 245).

[27] Герцен в статье «“Колокол” и “День”: (письмо к г. Касьянову)» высказал недоумение: «...вы в вашей статье говорите о каких-то подложных манифестах — что же, вы и их нам приписываете, что ли? Пожалуйста, уведомьте...» (Там же. С. 213). По-видимому, речь идет о лжеманифесте Александра II, где объявлялись отмена двухлетнего срока пребывания крестьян в подчинении помещиков, свобода вероисповедания, отмена подушного налога, роспуск армии и т. д. Герцен опубликовал его в составе неподписанной заметки «Волжский манифест и Россия в осадном положении», осудив идейно-тактический авантюризм авторов манифеста (Колокол. 1863. 20 июня. Л. 166. С. 1372). Текст подложного манифеста был составлен членом московской организации «Земли и воли» Ю. Бензенгером и отпечатан, как считается, в Вильно (см.: *Герцен.* Т. XVII. С. 434).

[28] *Земский суд* — уездный судебно-административный орган в России в 1775—1862 гг.

[29] Герцен отвечал на это предсказание Аксакова в статье «“Колокол” и “День”: (письмо к г. Касьянову)»: «Нет, не ждите моего раскаяния. Я все же скорее пойду в кабак, чем в земский суд. Моя совесть покойна, и не только совесть — покойна и незыблема моя любовь к русскому народу; что же бы я был без нее? Вся теплая, личная, поэтическая сторона моего нравственного бытия только в этой любви и в уповании, основанном на ней...» (*Герцен.* Т. XVII. С. 211).

[30] Речь идет о многочисленных адресах на Высочайшее имя от представителей разных сословий из многих губерний России в поддержку правительственной политики по подавлению Польского мятежа.

Из Баден-Бадена (письмо IV)

Печатается по первой публикации: *Касьянов <Аксаков И. С.>.* Письма в редакцию «Дня». 4. Из Баден-Бадена // *Соч.* Т. II. С. 117—128. Предназначалось для одного из июньских номеров 1863 г., но было запрещено цензурой. См. редакционное примечание перед публикацией корреспонденции «Из Парижа. Письмо V»: «IV письмо г. Касьяно-

ва из Баден-Бадена, к сожалению, осталось не напечатанным» (День. 1863. 29 июня. № 26. С. 1).

[1] Курортный немецкий городок Баден, еще с античности знаменитый своими горячими источниками, был чрезвычайно популярен среди русской аристократии. До 1931 г. официально именовался Баденом, поначалу разговорное название Баден-Баден возникло из словосочетания «Баден в <регионе> Бадене». Расстояние между ним и Парижем — 527 км.

[2] *Просвещенный деспотизм* — термин, обоснованный в статье немецкого экономиста В. Рошера «Начертание естественного учения о трех формах правления» (1847), как характеристика завершающего этапа развития абсолютизма (во Франции пришедшегося на период 1740—1789 гг.), эпохи становления идеи государства как института, отделенного от личности монарха. Этот термин закрепился в англоязычной и французской историографии, а в немецкой и русской его аналогом служит термин «просвещенный абсолютизм».

[3] *Махиавелический* (макиавеллический) — присущий интригану, манипулятору, презирающему людей (эпитет связан с характеристиками личности, описанными в книге флорентийского дипломата и писателя Н. Макиавелли «Государь», где он излагает свои принципы управления людьми).

[4] Отсылка к передовой статье Аксакова в № 19 «Дня» от 11 мая 1863 г., в посмертных изданиях получившей название «Польский вопрос должен быть разрешен как земский русский вопрос». См.: «Народной Руси вреднее всего — *наше* отступничество от русской народности, *наше* ненародное общество и все то, что поистине может назваться “Русляндией” и “русляндцами”» (*Соч.* Т. III. С. 75). Слово «русляндцы» в этом его специфическом значении И. С. Аксаков заимствовал из статьи старшего брата «О современном литературном споре» (1847), которую сам впервые опубликовал в 1883 г. См.: «Я думаю, <...> что несправедливо называют славянофильской и славянской ту сторону, которую так называют. Если уж надо называть именами эти противоположные стороны, то нас я назову русскими, а противников наших русляндцами. Они обидятся; петровцами — тоже, может быть; но я думаю, они не обидятся, если я назову их россиянами» (Русь. 1883. 1 апр. № 7. С. 26).

[5] *Смешанные браки* — здесь: между людьми разных вероисповеданий. Упоминаемый Аксаковым проект, «который бы очень понравился Европе», отвергал однозначную религиозную принадлежность детей от этих браков — их не обязательно должны были крестить в православие, если один из родителей был православным. Этот новый закон продвигали остзейские немцы из опасения русификации Прибалтийского края. В 1865 г. им удалось добиться от Александра II негласной отмены для Остзейских губерний законоположения, по которому детей, рожденных в смешанных браках с лютеранами, полагалось крестить в православие. Александр III, вскоре после вступления на престол, отменил это решение.

[6] У Аксакова неточность, надо: du peuple russe; это типичная ошибка славяноязычного человека.

[7] *High church* (высокая церковь) — направление в протестантизме, ориентированное на дореформационное богослужение. Изначально движение «высокой церкви» появилось в недрах англиканства (и остается здесь главенствующим в наши дни), но позже приобрело популярность у лютеран, особенно в Шведской церкви. «Высокая церковь» настаивает на важности церковных облачений, традиций церковной архитектуры и средневековой музыки во время богослужений. Противостоит движению «низкой церкви», отрицающей необходимость этого.

[8] *Менажировать* (от *фр.* menager — беречь) — оберегать, охранять, обращаться осторожно.

[9] Под «унией» в рассматриваемый период понимался проект соединения христианских церквей под эгидой католичества. В данном случае речь идет о Брестской унии

(1596), объединившей православную церковь с католической в Речи Посполитой. См. также комм. 9 на с. 743.

[10] *«Современник»* — литературный и общественно-политический ежемесячный журнал, в 1847—1866 гг. выходивший в Петербурге под редакцией Н. А. Некрасова и И. И. Панаева; являлся органом революционно-демократического направления общественной мысли.

[11] Имеются в виду не только статьи И. С. Аксакова, но и — прежде всего — «Краткий исторический очерк Земских соборов» К. С. Аксакова (День. 1862. 6 янв. № 13. С. 3—5), вызвавший серьезные нарекания со стороны цензуры и проправительственных кругов.

[12] Эта мысль звучит в лекциях Адама Мицкевича по славянским литературам, читанным в Collège de France в Париже в 1840—1844 гг.

[13] 16 мая 1863 г. А. В. Никитенко записал в своем дневнике: «В 103 номере "Московских Ведомостей" помещена весьма сильная статья об унижении, которое терпит Россия со стороны европейских держав, и о том, как ей необходимы действительные и неотлагательные меры усиления и организования своих защитительных сил. Приводится мысль, возбужденная в Москве, об образовании городового ополчения для охранения внутренней безопасности. Надобно всячески будить правительство и пользоваться одушевлением народа» (*Никитенко А. В.* Записки и дневник: в 3 т. М.: Захаров, 2005. Т. II. С. 423). Катков отстаивал идею об организации местного ополчения и в дальнейшем (см., например: *МВед.* 1863. 2 июня. № 119).

[14] С идеей конгресса великих европейских держав, где следовало принять решение многих назревших вопросов, и прежде всего Польского, выступил французский президент Наполеон III. Он предлагал созвать его в Париже. Однако это предложение не было поддержано другими державами. Английское же правительство категорически его отвергло.

[15] Главным образом имеются в виду требования и угрозы по отношению к России со стороны Англии, Франции и Австрии. В марте 1863 г. Великобритания по дипломатическим каналам заявила о необходимости амнистии повстанцев и восстановления Польской конституции 1815 г. 17 июня всеми тремя державами был предложен проект умиротворения Польши, требовавший созыва представительного собрания в Польше, дарования ей автономии, введения польского языка в учреждения и школы, изменения правил рекрутского набора и др. В Нижней палате Британского парламента обсуждался проект адреса на имя королевы, в котором заявлялось об утрате Россией всяких прав на Польшу.

[16] *Становой* (становой пристав) — в России в 1837—1918 гг. чиновник уездной полиции, возглавляющий стан, состоящий из нескольких волостей.

[17] В рассматриваемый период *Весьегонск* — уездный город Тверской губернии, *Боровск* — Калужской, *Елец* — Орловской, *Данков* — Рязанской.

[18] *...«ляжем костьми ту»...* — выражение, приписываемое князю Святославу, который, по словам летописца, перед битвой с греками в 970 г. обратился к своему войску с речью: «Да не посрамим земли Русския, но ляжем костьми ту: мертвыи бо срама не имут» (Повесть временных лет: Преподобного Нестора Российский летописец: (по Кенигсбергскому списку): с акад. изд. 1767 г., без пропусков. СПб.: тип. В. Безобразова и К°, 1863. С. 54).

[19] Ср. иронические выпады Касьянова в адрес русских дрезденцев, выступивших с призывом жертвовать деньги на церковь в Дрездене (Наст. том. С. 107—108).

Из Парижа (письмо V)

Печатается по первой публикации: *Касьянов <Аксаков И. С.>*. Из Парижа: (письмо V) // День. 1863. 29 июня. № 26. С. 1—3. Воспроизведено под назв. «Письма в редакцию "Дня". 5. Из Парижа»: *Соч.* Т. II. С. 128—135.

[1] *Саможиси* (*фр.*), иначе: Самогития (Жемайтия, Жмудь) — историческая область и этнографический регион на северо-западе современной Литвы (традиционно между низовьями Немана и Виндавой) вблизи побережья Балтийского моря.

[2] *Куаффёр* (*фр.* le coiffeur) — парикмахер.

[3] О русском официозе «La Nord», издававшемся за границей, см. комм. 19 на с. 726.

[4] Речь идет о публичных лекциях против материализма, прочитанных в Москве в течение Великого поста 1863 г. профессором П. Д. Юркевичем. Об упомянутом эпизоде, имевшем место 9 марта на шестой по счету лекции, рассказывала В. С. Аксакова в письме к петербургской кузине М. Г. Карташевской от 15 марта: «Я хотела тебе подробно описать одну из лекций Юрк<евича>, которая, говорят, вышла особенно эффектна, потому что Юрк<евич> прочел полученное им письмо анонима с угрозой свистков, если он будет продолжать выражаться так [непочтительно] цинически о Бюхнере и о материализме, и т. д. бранят его лекции. Это письмо вызвало [гром] почти демонстрацию против материал<изма>. Гром рукоплесканий закончил и лекцию, на которой Юркевич вновь и очень удачно опровергал материал<изм>, особенно когда точно услыхали свисток, то Юркевича вызвали и покрыли рукоплесканиями. По этому случаю Иван написал статью в "День", которую на этот раз пропусти́ли, но статья не передовая» (ИРЛИ. Сигн. 10630. Л. 33 об.). См.: *И. А. <Аксаков И. С.>*. Два слова о материализме и об общественной свободе... // День. 1863. 16 марта. № 11. С. 1—3 (воспроизведено: *Соч.* Т. VII. С. 431—438). См. также: *Лонгинов Михаил.* Письмо к редактору // *МВед.* 1863. 13 марта. № 56. С. 3, и полемика с ним: *М. С.* Философские лекции в Москве г. Юркевича // Очерки. 1863. 19 марта. № 76. С. 307—308. Позже выяснилось имя написавшего письмо лектору с угрозой его освистания — то был некто А. Рогов, опубликовавший полностью этот текст в петербургской либеральной газете «Очерки» (*Рогов А.* Еще о лекциях г. Юркевича // Там же. 7 апр. № 93. С. 370—371). Аксаков также имеет в виду фельетон М. Е. Салтыкова-Щедрина и М. А. Антоновича «Неблаговонный анекдот о г. Юркевиче, или Искание розы без шипов», помещенный в «Свистке» (сатирическом приложении к журналу «Современник») (1863. № 9. С. 35—51), где остроумно обыгрывалась двусмысленная шутка П. Д. Юркевича, дочитавшего письмо анонима и положившего его в карман: «А из письма этого я вправе сделать такое употребление, какое найду пригодным» (Свисток: собрание литературных, журнальных и других заметок. М.: Наука, 1981. С. 294).

[5] Речь идет о популярном у петербуржцев «саде» антрепренера и кондитера И. И. Излера, с 1848 г. арендовавшего в Новой Деревне под Петербургом воксал заведения искусственных минеральных вод, где играл оркестр, выступали цыганский хор и труппа гимнастов-арабов, ставились живые картины, устраивались фейерверки и иллюминации.

[6] Имеется в виду Всеподданнейший адрес старообрядцев поповского согласия о задержании ими в г. Спасске Тамбовской губернии агитаторов-поляков. Адрес составил от имени раскольников М. Н. Катков; в мае 1863 г. он был напечатан в органе Министерства внутренних дел, газете «Северная Почта», а затем перепечатан в «La Nord». См.: *Горизонтов Л. Е.* Раскольничий клин: польский вопрос и старообрядцы в имперской стратегии // Славянский альманах, 1997. М.: Индрик, 1998. С. 140—167.

[7] Людовик Филипп (Луи Филипп), представитель Орлеанской ветви династии Бурбонов, был французским королем в 1830—1848 гг.

[8] Цитата из стихотворения А. С. Пушкина «В крови горит огонь желанья...» (1825). См. в контексте: «Лобзай меня: твои лобзанья / Мне слаще мирра и вина».

[9] Слова Дюма-отца, переданные Аксакову Тургеневым, приведены в корреспонденции Касьянова «Из Парижа. Письмо III» (Наст. том. С. 117).

[10] Парижский мирный договор, заключенный 18 мая 1856 г., завершил Восточную (Крымскую) войну (1853—1856).

[11] *«Час»* («Czas», т. е. «Время») — краковская консервативная газета, выходившая в 1848—1934 гг. Впоследствии, в 1935—1939 гг., издавалась в Варшаве.

[12] Ручной словарь российско-немецкий и немецко-российский по словарю Российской академии, сочиненный доктором И. А. Э. Шмидтом, профессором новейших языков при Лейпцигском университете. М.: в тип. Августа Семена, 1839. [Ч.] I: Часть российско-немецкая. 1048 с.; [Ч.] II: Часть немецко-российская. 864 с. (множество переизданий).

[13] Государственный *переворот 2 декабря* (годовщина коронации Наполеона I в 1804 г.) был совершен в 1851 г. Луи Наполеоном Бонапартом, распустившим Законодательное собрание и присвоившим себе полноту власти во Франции. Спустя год, 2 декабря 1852 г., он провозгласил себя императором Наполеоном III.

[14] *Кайенна* — административный центр Гвианы, колонии Франции с 1817 г.; начиная с 1852 г. место ссылки и каторги.

[15] Английский государственный деятель лорд Джон Россель (Рассел) был знаменит своим парламентским красноречием.

[16] *Штуцер* — нарезное дульнозарядное ружье в XVI—XIX вв.

[17] Имеются в виду и передовые статьи Аксакова о Белорусском вопросе (собраны в изд.: *Соч.* Т. III), и многочисленные корреспонденции из Белорусских губерний.

[18] Переписка Александра I с его другом, советником и министром Адамом Чарторыжским была опубликована в 1865 г. на языке оригинала (французском). Рецензии на это издание в «Дне» не появилось. Перевод увидел свет спустя полвека: Беседы и частная переписка между императором Александром I и кн. Адамом Чарторижским (1801—1823) / пер. с фр. С. Явленской. М.: Сфинкс, 1912. 372, III с.

Новые диковинки петербургского литературного прогресса

Печатается по единственной анонимной публикации: День. 1863. 28 марта. № 13. С. 19—20. (Смесь). Атрибутировано нами Аксакову, поскольку, во-первых, именно ему обычно принадлежали в «Дне» неподписанные статьи под рубрикой «Смесь», а во-вторых, в рассматриваемой заметке продолжается полемика с либеральной газетой «Современное Слово» (1862—1863), начатая в предыдущих публикациях Аксакова. См., например, в его передовице «<Петербург и Москва>»: «...Sanktpetersburg'ская газета “Современное Слово” <...> не пропускает случая, чтобы не поглумиться над известным выражением, что Москва есть сердце России, <...> над московскою своеобычностью, стариною, над верностью старине, над всем тем, наконец, что́ дорого в Москве стольким миллионам русского народа, что́ связывает ее с остальною Русью» (Наст. том. С. 88).

Из Финляндии
(письмо к редактору)

Печатается по единственной публикации: *Финн <Аксаков И. С.>*. Из Финляндии: (письмо к редактору) // День. 1863. 27 апр. № 17. С. 8—9 (с пометой: «г. Куопио, апрель 16»).

Атрибутируется по письму Аксакова к Ю. Ф. Самарину от 5 мая 1863 г., в котором эта якобы корреспонденция из финского губернского города Куопио ставится в один ряд с серией корреспонденций, составленных Аксаковым под литературной маской Касьянова. Аксаков писал другу: «Ты, конечно, догадался, что Касьянов — это я, но держи это в секрете. Я же написал и письмо финна, от которого здешние финляндцы в восторге и признают его вполне выражением финского созерцания общественного и политического. Что же делать? Вы никто не пишете, и приходится писать разными перьями» (*Переписка Аксакова и Самарина*. С. 176).

Прагматическая задача «финской корреспонденции», являющей характерный по содержанию, но своеобразный по форме (литературная мистификация) пример политической публицистики Аксакова, — противопоставить мятежным полякам, «мучимым честолюбием», — исполненных внутреннего достоинства коренных финнов, по мнению Аксакова, «народа социального, а не политического», всецело преданного русской монархии и стремящегося не к приобретению государственной («внешней») независимости, а к подъему национального духа и внутреннему развитию и самопознанию. Эта публицистическая антитеза, конечно, несколько упрощала реальную картину, поскольку начиная с 1840-х гг. сепаратистские тенденции в финском обществе обозначились (см.: *Клинге М.* Имперская Финляндия / пер. с фин. И. Соломеща, В. Мусаева и А. Рупасова. СПб.: Коло, 2005. С. 147—190) и впоследствии мало-помалу нарастали, что вынудило Русское правительство в 1899 г. прибегнуть к мерам планомерной русификации в княжестве. Вместе с тем, в условиях цензурных притеснений Аксакову, скрывшему лицо под литературной маской, было удобно высказать и популяризировать от лица прорусски настроенного «финнофила» некоторые теоретические убеждения по национальному вопросу: с одной стороны, об успешности свободного развития малых народов под покровительством Российской империи и, с другой, — об их обреченности на отказ от своей предустановленной свыше природы, если духовные силы нации сконцентрированы на политической независимости.

Кроме того, в этой статье Аксаков фактически присоединяется к опубликованному в газете «Голос» адресу финляндцев на Высочайшее имя (он воспроизводится в примечании под строкой), просивших Александра II о скорейшем созыве Финляндского сейма — после более чем полувекового перерыва. Не исключено, что голос финляндца поспособствовал тому, что сейм в Гельсингфорсе был торжественно открыт уже спустя четыре с половиной месяцев — 6 сентября 1863 г. В первых строках передовой статьи № 37 «Дня» от 14 сентября 1863 г. Аксаков восклицал: «Наконец в Финляндии сейм — сейм, так давно желанный и обетованный! Финляндия ликует и празднует, и Россия искренним сердцем радуется вполне законной и светлой радости честного, трезвого, здорового финского населения» (*Соч.* Т. III. С. 215). И высказал пожелание, имея в виду русское население Выборгской губернии, которую Александр I в 1812 г. передал в состав княжества: «Мы должны надеяться, что Финляндский сейм обратит, наконец, внимание на положение русских в Финляндии и даст им возможность пользоваться правами, предоставленными коренным финляндцам, без ущерба для русской народности» (Там же. С. 216). На сейме, однако, принимались законы и утверждались налоги Великого княжества Финляндского с игнорированием российского законодательства и с оглядкой только на Закон о форме правления Швеции 1772 г., сохранившийся при присоединении к России в 1809 г. Впрочем, это допускалось российскими властями в течение всего XIX столетия благодаря стабильной внутриполитической ситуации в княжестве. См. подробнее: *Дмитриев А. П.* Славянофил под маской: И. С. Аксаков как финнофил в период Польского восстания (1863) // Печать и слово Петербурга (Петербургские чтения-2020): сб. науч. тр. СПб.: СПбГУПТД, 2021. С. 334—340.

[1] Выражение из передовицы Аксакова, открывавшей самый первый номер «Дня». Ср.: «...знамя нашей газеты есть знамя “Русской Беседы”, знамя русской народности...» (Наст. том. С. 11).

[2] Экспансия с территории Швеции на финские земли начинается с V в. (заселение викингами Аландских островов); прямое шведское правление в истории финского народа охватывало период с 1104 по 1809 год.

[3] Намек на обвинения в адрес русских властей со стороны зарубежных политиков и русских политических эмигрантов в угнетении поляков и применении якобы чрезмерно жестких мер при подавлении Польского мятежа.

[4] Главным образом имеется в виду деятельность «Общества финской литературы», основанного в 1831 г., члены которого ставили своей целью пробуждение финского национального самосознания, и прежде всего — этнографические разыскания Элиаса Лённрота, одного из руководителей Общества, который плодотворно собирал карело-финский фольклор: эпические руны, пословицы и поговорки, положенные впоследствии в основу эпоса «Калевала» (1835; 2-е изд.: 1849) и сборника рун «Кантелетар, или Древние песни финского народа» (1840).

[5] *...рудник народного духа...* — выражение М. П. Погодина из его речи в Обществе любителей российской словесности о Собрании народных песен П. В. Киреевского (1859). См.: *Погодин М. П.* Сочинения: <в 5 т.>. М.: Синодал. тип., 1872. Т. III: Речи, произнесенные М. П. Погодиным в торжественном и прочих собраниях. С. 331.

[6] *Зарывать в землю свои таланты...* — образ из евангельской притчи о талантах (Мф 25: 14—23).

[7] *Мекленбург-Шверинское великое герцогство* (Mecklenburg-Schwerin) существовало в 1815—1918 гг. на балтийском побережье (в 1900 г. занимало площадь в 13 161 км^2); до этого, с 1372 г., имело статус герцогства (ныне его территория — в составе земли ФРГ Мекленбург — Передняя Померания).

[8] Единственный к тому времени Финляндский сейм (риксдаг), или сословное собрание представителей народов Финляндии, — Боргоский — состоялся в г. Борго (ныне Порвоо) в 1809 г. Он был созван после победы России в Русско-шведской войне 1808—1809 гг. Хотя сеймы вплоть до 1863 г. больше не созывались, это формально не нарушало финляндские законы, поскольку периодичность сейма была установлена лишь Сеймовым уставом 1869 г.

[9] В титуловании Александра II между прочим значилось: «Великий Князь Смоленский, Литовский, Волынский, Подольский и Финляндский».

[10] Комиссия выборных, или так называемая Сеймовая комиссия, была создана в январе 1862 г. согласно Высочайшему манифесту, изданному в апреле 1861 г. Она стала «некоей промежуточной формой между сеймом и бессеймовым правлением» (*Клинге М.* Имперская Финляндия. СПб.: Коло, 2005. С. 237).

[11] Подразумеваются события Польского мятежа 1863—1864 гг.

<Как России готовиться к войне>

Печатается по первой публикации: *Соч.* Т. II. С. 135—142. Статья предназначалась для номера: День. 1863. 1 июня. № 22, однако не была пропущена цензурой.

[1] Петербургский период истории России — с начала Петровских реформ.

[2] Приведены заключительные строки стихотворения А. С. Хомякова «По прочтении псалма» (1856).

[3] Имеются в виду питейные (винные) откупа, введенные еще в XVI в. Они были отменены в 1863 г. и заменены акцизами.

[4] Незадолго до написания рассматриваемой статьи, Законом 17 апреля 1863 г., были отменены телесные наказания как мера уголовного наказания (за исключением приговоров рецидивистам-каторжникам), а также клеймение.

[5] Имеется в виду период с 1856 по 1861 год, когда рекрутских наборов не производилось.

[6] *«Расширение общественных прав»* — выражение из Указа Его Императорского Величества, Самодержца Всероссийского из Правительствующего Сената от 31 марта 1863 г. «О прощении вины обывателям, вовлеченным в возникшие в Западных губерниях беспорядки и не подлежащим ответственности за иные уголовные преступления, при условии их возвращения к долгу повиновения до 1 мая 1863 года». См.

в контексте: «Мы пребываем в надежде, что сия Монаршая милость будет справедливо оценена благомыслящими жителями края и что они со своей стороны будут продолжать содействовать сохранению в нем общественного спокойствия и порядка в твердом убеждении, что от сего зависит дальнейшее исполнение предначертаний Наших, с самого начала Нашего Царствования направленных на расширение общественных прав, дарованных всем Нашим верноподданным...» (цит. по отд. изд., с. 1).

[7] Подразумевается император Александр II.

[8] Имеются в виду Временные правила по цензуре, Высочайше утвержденные 12 мая 1862 г.

[9] Речь идет об освящении событий доимперской России.

[10] О газете «Journal de St. Pétersbourg» см. комм. 6 на с. 695.

[11] См.: *<Без подписи>*. Из «Journal de St.-Pétersbourg» // Северная Почта. 1863. 23 мая. № 111. С. 449—450. В статье опровергаются сообщения, опубликованные в газетах «La Patria» (от 15 мая) и «The Morning Post» (от 12 мая).

[12] *Платер* — польский граф Леон Плятер, владелец фольварка Казанова в Динабургском уезде Витебской губернии, активный участник Польского мятежа, казненный 27 мая 1863 г., в возрасте 27 лет.

[13] В «Северной Почте» о нем говорится: «...г. Молль <...> которого для вящей занимательности украсили титулом графа». Молль — владелец имения Данишевка того же Динабургского уезда.

[14] *«The Morning Post»* — ежедневная консервативная газета, издававшаяся в Лондоне в 1772—1937 гг.

[15] *Шувалов* — граф Петр Андреевич Шувалов, в тот период (1864—1866) генерал-губернатор Остзейского края.

[16] Имеется в виду сообщение «Англия. Заседание Палаты общин 29 мая...» (*МВед.* 1863. 25 мая. № 112. С. 3—4).

[17] Октябрьский патент (диплом) от 20 октября 1860 г. — австрийский конституционный закон, ставший компромиссом между объединительными стремлениями немецкого населения Австрийской империи и федералистскими настроениями остальных народов. Согласно этому патенту, местные ландтаги имели право сохранить автономию от Имперского совета. Действовал этот закон до февраля 1861 г.

<Народное одушевление во время польских смут>

Печатается по первой публикации: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 8 июня // День. 1863. 8 июня. № 22. С. 1—3. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 142—148.

Поводом к написанию этой передовой статьи стал критический разнос в официозе «Северная Почта» (1863. 29 мая. № 116. С. 469—470) патриотической позиции М. Н. Каткова (в данном случае близкой взглядам Аксакова) в связи с его принципиальной оценкой нападок европейской прессы на Россию, борющуюся с польскими мятежниками. Впоследствии упреки со стороны цензуры и проправительственной журналистики в «излишнем» или «неумеренном» патриотизме будут постоянно преследовать и самого Аксакова-публициста.

[1] *Егорий Храбрый* — народное именование великомученика Георгия Победоносца.

[2] *...двенадесяти язык...* — двенадцати народов (*цркслв.*), в значении: множество. Выражение из «Последования благодарственного молебного пения на воспоминание избавления Церкве и Державы Российския от нашествия галлов, и с ними двадесяти язык, певаемого в день Рождества Спасителя нашего Иисуса Христа или во ин день». Молебен был сочинен митрополитом Филаретом (Дроздовым) и начиная с 1814 г. ежегодно пелся во всех русских церквах.

[3] Названы государственные деятели Англии, Франции, Австрии и Испании, направившие ноты протеста Русскому правительству в связи с польскими событиями.

[4] Цитируется передовая статья № 116 «Северной Почты» от 29 мая 1863 г. (с. 469), где критикуется передовица М. Н. Каткова (*МВед.* 1863. 14 мая. № 103), которая, считает автор, хотя и «встретит отголосок в каждом патриотическом сердце», однако «касаясь чувства нашей национальной чести и самолюбия, обращает к России слишком преувеличенный упрек и способная произвести на читателя некоторое безотрадное впечатление, не оправдывающееся действительным положением нашего отечества».

[5] Имеются в виду адреса на Высочайшее имя от имени провинциального дворянства и городских обществ, в тот период регулярно публиковавшиеся в «Северной Почте», «Московских Ведомостях» и других газетах.

[6] *«Золотая грамота»* — подложный документ, составленный польскими инсургентами. В ней было обещано всем крестьянам, участвующим в восстании на польской стороне, отдать в личное пользование поместья тех магнатов и шляхтичей, которые восстание не поддержат.

[7] О фальшивом манифесте см. комм. 27 на с. 729.

[8] Имеется в виду первое издание знаменитого сборника: *Даль В.* Пословицы русского народа: сб. пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и проч. М.: Имп. О-во истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1862. [4], XL, 1096, 6 с.

[9] Подразумевается федеративная теория Н. И. Костомарова.

[10] О наименовании «русляндцы» см. комм. 4 на с. 730.

<В чем сила России?>

Печатается по первой публикации: *Соч.* Т. II. С. 148—154. Статья предназначалась для номера: День. 1863. 29 июня. № 26, однако не была пропущена цензурой. Отметим, что указание в литературе, будто бы эта статья увидела свет в № 16 «Дня» от 20 апреля (см.: *Отчего так нелегко живется.* С. 929), ошибочно.

[1] Возможно, Наполеон имел в виду слова Александра I, сказанные флигель-адъютанту Л. Ф. Мишо в ответ на донесение о занятии французами Москвы: «...если промыслом Божиим предоставлено роду моему не царствовать более на престоле моих предков, то, истощив все усилия, я отращу себе бороду и лучше соглашусь скитаться в недрах Сибири, нежели подписать стыд моего отечества» (*Путята Н. В.* Обозрение жизни и царствования императора Александра I // Девятнадцатый век: исторический сборник, издаваемый Петром Бартеневым (издателем «Русского Архива»). М., 1872. Кн. I. С. 456—457).

[2] *«Лонгвудское уединение»* — на острове Святой Елены в Атлантическом океане, в поместье Лонгвуд-Хаус (бывшей резиденции лейтенант-губернатора), расположенном в селении Лонгвуд. Сюда низложенный Наполеон I был отправлен в августе 1815 г. и здесь скончался в мае 1821 г. Немногим приближенным он с мая 1816 г. надиктовывал свои мысли и мемуары, позже составившие 4-томное сочинение «Мемориал Святой Елены». В России эти воспоминания и афоризмы, помимо журнальных публикаций, печатались в книгах: 1) Наполеон, сам себя изображающий / пер. с фр. СПб.: тип. Бородина, 1843; 2) Правила, мысли и мнения Наполеона о военном искусстве, военной истории и военном деле. СПб.: тип. Э. Праца, 1844. Ч. I—II.

[3] См. начальную строфу стихотворения Д. В. Давыдова «Современная песня» (1836): «Был век бурный, дивный век: / Громкий, величавый; / Был огромный человек, / Расточитель славы».

[4] Речь идет о корреспонденции из Парижа Касьянова, т. е. самого Аксакова.

[5] См.: «...они там, в Европе, считают нас не только не могущественными, но совершенно бессильными» (Наст. том. С. 131).

[6] *«Русский Инвалид»* — петербургская газета (1862—1917), официальный орган Военного министерства. В рассматриваемый период буквально в каждом ее номере помещалась передовая статья, содержавшая полемику с иностранной прессой. Здесь, предположительно, речь идет о передовице в № 101 газеты от 9 мая 1863 г. (с. 434—435), где рассматривалась явно недостоверная публикация ежедневной французской политической газеты «Opinion Nationale», органа либеральных бонапартистов (1859—1879), — о том, «что польские мятежники одержали целый ряд побед над нашими войсками, что восстание вспыхнуло в каких-то восточных наших губерниях и что Русское правительство “не знает, куда преклонить голову”» (Там же. С. 434; ср.: «не имеет, где приклонить голову» (Мф 8: 20)).

[7] Образное выражение «Петербург — это окно, через которое Россия смотрит в Европу» принадлежит итальянскому путешественнику Франческо Альгаротти («Письма о России», 1759). Оно стало широко известно, после того как его использовал А. С. Пушкин в поэме «Медный всадник» (1833).

[8] Подразумевается Наполеон III.

<Отчего безлюдье в России?>

Печатается по первой публикации: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 5 октября // День. 1863. 5 окт. № 40. С. 1—4. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 154—165.

[1] Упомянуты игорные столы, обтянутые зеленым или красным сукном.

[2] *Интендант* — армейское должностное лицо, ведающее провиантом, вещевым и денежным довольствием войска.

[3] Подразумевается «Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» (1785).

[4] Речь идет о политической и литературной газете «Весть», выходившей в Петербурге в 1863—1870 гг. и являвшейся органом дворянства, недовольного Крестьянской реформой. Издатели-редакторы — В. Д. Скарятин и Н. Н. Юматов.

[5] Слова Христа из Нагорной проповеди: «Вы соль земли» (Мф 5: 13).

[6] См.: «Вы есте соль земли: аще же соль обуяет, чим осолится?» (Там же). *Обуять* — потерять силу.

[7] *Назём* — то же, что и навоз.

[8] Возможный источник, зафиксировавший это устное предание, как установил В. Н. Греков (*Отчего так нелегко живется.* С. 930), — очерк В. И. Семевского «Авдотья Федоровна Лопухина». См.: «Когда палачи схватили Александра Васильевича Кикина и готовились разорвать железными лапами, к нему приблизился Петр. “Скажи мне, Кикин, что побуждало тебя, при твоем уме, враждовать со мной и ненавидеть меня?” — “Что ты говоришь о моем уме! — хладнокровно отвечал Кикин: ум любит простор, а у тебя было ему тесно”» (*РВ.* 1859. Т. 21. Май, кн. 2. С. 258).

[9] Историк Н. Г. Устрялов в VI томе своего исследования «История царствования Петра Великого» (СПб., 1859) приводит документы розыскного дела А. В. Кикина, но не упоминает о разговоре Петра с Кикиным.

[10] *Табель о рангах* — учрежденная указом Петра I от 24 января 1722 г. «Табель о рангах всех чинов, воинских, статских и придворных, которые в котором классе чины; и которые в одном классе, те имеют по старшинству времени вступления в чин между собою, однако ж воинские выше прочих, хотя б и старее кто в том классе пожалован был».

[11] *Кандидат, магистр* — наряду с доктором, ученые степени в дореволюционной России.

<О необходимости личного подвига для преуспеяния гражданской жизни>

Печатается по первой публикации: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 19 октября // День. 1863. 19 окт. № 42. С. 2—5. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 165—175.

[1] *«Ветхий деньми»* — образ из Книги пророка Даниила (7: 9).
[2] Имеется в виду Жалованная грамота дворянству (1785). См. также комм. 4 на с. 702.
[3] Катон Старший был известен своей борьбой против пороков и роскоши соотечественников.
[4] Евангельское выражение. См.: «Он учил их, как власть имеющий, а не как книжники» (Мф 7: 29).
[5] За год до выхода рассматриваемой статьи Аксакова, в конце июня 1862 г., Дж. Гарибальди призвал жителей Палермо к походу на Рим и в короткое время собрал 3—4 тысячи добровольцев, а в августе высадился на материке, в Калабрии.
[6] Выражение отсылает к Евангелию: «...прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много» (Лк 7: 47).
[7] Аксаков не ошибся: имеется в виду пристав азовских ногайцев (в 1808—1822 гг.) Яков де Мезон.
[8] Первые российские Английские (джентльменские) клубы были учреждены: в Петербурге в 1770 г., в Москве в 1772 г. — и имели большой успех.

<О связи нашего общественного внутреннего вопроса с польско-русскою задачей>

Печатается по первой публикации: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 16 ноября // День. 1863. 16 нояб. № 46. С. 1—3. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 175—182.

[1] Речь идет о благополучном для России завершении ее переговоров с европейскими державами по русско-польскому вопросу. В передовой статье № 38 «Дня» от 21 сентября 1863 г. Аксаков отмечал: «...блистательнейший исход дипломатической кампании нынешнего года <...> не только порадовал чувство нашей народной гордости, но и поднял нравственное значение России в Европе так высоко, как Россия еще не стояла после заключения Парижского мира...» (*Соч.* Т. III. С. 228).
[2] Цитата из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (д. II, явл. 5).
[3] *Черемисы* — устаревшее наименование финно-угорского народа марийцев.
[4] *Царевококшайск* — название города Йошкар-Ола до 1919 г.
[5] *Гминный войт* — главный судья гминного (волостного) суда в губерниях Царства Польского.
[6] *Патримониальная юрисдикция* — судебная власть, сопряженная с поземельным владением.
[7] *Вотчинное право* — система общеобязательных правил землепользования и землевладения, восходящая к нормам так называемого «обычного права».
[8] *Мировой посредник* — уполномоченный из дворян, назначаемый после отмены крепостного права в России для разрешения земельных споров между крестьянами и помещиками и надзора за крестьянскими учреждениями.
[9] *Рачинский Александр.* Из г. Белого (Смол<енской> губ.). Об уменьшении числа мировых посредников // День. 1863. 19 окт. № 42. С. 15—16.
[10] Точнее: *Барсов Н.*: 1) Отчет о поездке с педагогическою целью по Волыни и Подолии. СПб.: тип. Морского министерства, 1863. 45 с.; 2) Школы на Волыни и Подолии в 1862 году: очерк из современного состояния. СПб.: тип. Морского министерства, 1863. 156 с.

1864

<О значении областной России и необходимости областной печати>

Печатается по первой публикации: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 11 апреля // День. 1864. 11 апр. № 15. С. 1—3. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 183—189. С републикации этой передовицы в *Соч.* начинался раздел «1864 г. (Передовые статьи)».

И. С. Аксаков в этой статье отталкивается от небольшой заметки своего брата К. С. Аксакова «Библиография» («Провинции часто придают у нас понятие чего-то отсталого...») (Молва. 1857. 21 дек. № 37. С. 416—417; без подписи; атриб. по черновому наброску «Провинция и столица» // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 7. Ед. хр. 86. Л. 1). См. также: *Дмитриев А. П.* Апология провинции у славянофилов: (черновой набросок статьи К. С. Аксакова «Провинция и столица» и воспоминания Н. П. Гилярова-Платонова «Из пережитого») // Печать и слово Петербурга: Петербургские чтения-2016: XVIII Всерос. науч. конф.: сб. науч. тр.: в 2 ч. СПб.: СПбГУПТД, 2017. Ч. 2: Литературоведение. Лингвистика. С. 50—55.

[1] Реплика князя Д. М. Пожарского из популярной в свое время трагедии М. В. Крюковского «Пожарский, или Освобождение Москвы» (1807). Современник свидетельствовал: «Когда сделалось известным, что Москва занята французами, то стих Пожарского “Россия не в Москве, — среди сынов она, Которых верна грудь, усердьем к ней полна” порождал всегда невообразимый восторг» (*Зотов Р.* Театральные воспоминания: автобиогр. записки. СПб.: тип. Я. Ионсона, 1859. С. 38).

[2] Вероятно, указание на один из двух имперских цветов Австро-Венгрии (желтый).

[3] Имеются в виду мировые учреждения по крестьянскому делу: мировые уездные съезды, губернские по крестьянским делам присутствия, мировые суды, институт мировых посредников.

[4] Под «столичными теоретиками» Аксаков, вслед за Ф. М. Достоевским, подразумевает представителей революционной демократии, не соглашаясь, однако, с тем, чтобы это понятие применялось и к славянофилам тоже. См.: *<Достоевский Ф. М.>*. Два лагеря теоретиков (по поводу «Дня» и кой-чего другого) // Время. 1862. Февраль. Отд. II. С. 143—163.

<Отношение между школой и жизнью в России>

Печатается по первой публикации: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 2 мая // День. 1864. 2 мая. № 18. С. 1—4. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 189—198.

Аксаков обращается к проблеме воспитания «в духе русской народности», всегда волновавшей славянофилов, и развивает положения статьи А. С. Хомякова «Об общественном воспитании в России», которая увидела свет (в сокращении) в самом первом номере «Дня» (выходные данные см. ниже, в комм. 7). Поводом стала финальная стадия обсуждения проекта «Положения о начальных народных училищах», Высочайше утвержденного 14 июля 1864 г.

[1] *Бифуркация* (от *лат.* bifurcus — раздвоенный) в образовании — разделение старших классов учебного заведения на два отделения, с усиленным изучением древних языков либо предметов естественнонаучного цикла.

[2] Полемика о соотношении классического и реального образования в России берет начало с широкого гласного обсуждения проекта устава гимназий, опубликованного в 1860 г. Наиболее видными защитниками системы классического образования в эти годы были М. Н. Катков, Б. М. Маркевич, П. М. Леонтьев.

[3] *Готтентоты* (от *голланд.* hottentot, т. е. «заика», по произнесению щелкающих звуков) — иначе: кой-коин; этническая общность на юге Африки (ныне в Намибии и ЮАР).

[4] Сербия была завоевана турками в 1459 г. После двух сербских восстаний (1804—1813 и 1815—1817) при помощи России Сербия добилась статуса автономного княжества при сохранении вассальной зависимости от Порты и уплаты дани, что было закреплено условиями Адрианопольского мирного договора 1829 г. и хатт-и-шерифом султана 1830 г.

[5] Аксаков встречался с сербскими либералами — выпускниками европейских университетов в 1860 г., когда путешествовал по Славянским землям. См. об этих встречах в его «<Славянском дневнике>» (*Собр. соч.* Т. 1. Кн. 2. С. 471—517).

[6] Отсылка к основным понятиям «Науки логики» (1812—1816) Гегеля. См.: «Чистое бытие и чистое ничто есть <...> одно и то же» (*Гегель Г. В. Ф.* Наука логики: в 3 т. М.: Мысль, 1970. Т. 1. С. 140. (Филос. наследие)).

[7] *Хомяков А. С.* Об общественном воспитании в России // День. 1861. 15 окт. № 1. С. 3—7.

[8] Цитата не буквально точна, курсив принадлежит Аксакову (Там же. С. 3).

[9] Ср. в передовой статье Аксакова «Москва, 25 сентября» («<Madame Лузина>»): «У нас завелась Академия наук — пышный фасад научной деятельности — в то время, как ни одной почти народной, элементарной школы не существовало, — Академия, о которой Ломоносов восклицал: "Диво, что к иностранным ученым и студентов из-за моря же не выписывают"...» (Русь. 1882. 25 сент. № 39. С. 3). Скорее всего, Иван по памяти цитирует магистерскую диссертацию своего старшего брата. См. в контексте: «Видя, как выписывают из-за моря профессоров, видя немецких ученых, приехавших за деньги в Россию, не имеющих ни малейшего к ней сочувствия, нисколько не заботящихся о просвещении и вместе с тем забирающих в руки все его средства; видя, что деятельность их нисколько не переходит в обладание России и остается чуждой для нее, — Ломоносов негодовал всею душою, и в одной отметке на поле проекта Академического регламента, им составленного, он говорит: "Дивлюсь, что и студентов из-за моря не велено выписывать"» (Ломоносов в истории русской литературы и русского языка: рассуждение кандидата Московского университета Константина Аксакова, писанное на степень магистра философского университета первого отделения. М.: в тип. Н. Степанова, 1846. С. 426). К. С. Аксаков процитировал это выражение по изд.: Портфель служебной деятельности М. В. Ломоносова: из собственноручных бумаг, хранящихся у наследников / изд. А. Вельтман. М.: тип. Н. Степанова, 1840. С. 52.

[10] Аксаков имеет в виду выражение из статьи Хомякова «Мнение русских об иностранцах» (1846), где говорится о бесплодности западного, «прививного» просвещения. См. в контексте: «Все эти познания, вся эта умственная живость остаются без плода. <...> Весь этот блеск ума едва ли выдумал порядочную мышеловку» (*Хомяков А. С.* О старом и новом: статьи и очерки / сост., вступ. ст. и комм. Б. Ф. Егорова. М.: Современник, 1988. С. 106).

[11] Имеется в виду Министерство народного просвещения.

[12] Подразумеваются споры 1861—1862 гг. при обсуждении проекта «Положения о начальных народных училищах» (1864): например, духовенство настаивало на том, чтобы дело начального образования сосредоточилось в его руках; попечитель Киевского учебного округа Н. И. Пирогов и его единомышленники считали, что учительствовать в народной школе должна сельская молодежь.

[13] Неточная цитата из статьи Хомякова «Об общественном воспитании в России». В источнике: «...которые выросли на счет общества и правительства...» (День. 1861. 15 окт. № 1. С. 3).

<О штатс-воспитании в России>

Печатается по первой публикации: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 16 мая // День. 1864. 16 мая. № 20. С. 1—3. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 199—206.

Снова обращаясь к теме общественного воспитания в России, И. Аксаков, как и в цикле статей «<О взаимном отношении народа, государства и общества>», отталкивается от центральных положений социально-политической теории К. Аксакова.

[1] См.: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга» (Ин 13: 34); «Не судите, и не будете судимы; не осуждайте, и не будете осуждены; прощайте, и прощены будете» (Лк 13: 34).

[2] *Внутренний человек* — принятое в богословии определение внутренней сущности человека, совокупности его душевных качеств и сил, его духа, ведомых только Богу, — в отличие от «внешнего человека». См.: «Посему мы не унываем; но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется» (2 Кор 4: 16).

[3] Евангельская реминисценция. См.: «Дух есть животворяй, плоть не пользует ничтоже» (Ин 6: 63).

[4] *«Святая святых»* — нечто дорогое и сокровенное; от обозначения самого заветного места Скинии собрания, а затем и Иерусалимского храма, где хранились Скрижали Завета.

[5] Аксаков вольно цитирует свою передовую статью «Москва, 11 января» (День. 1864. 11 янв. № 2. С. 1—3), посмертно републикованную под назв. «Как началось и шло развитие русского общества»: *Соч.* Т. VI. С. 241—248. Так, при перечислении огосударствленных сфер жизни в оригинале были еще «штатс-журналистика» и «штатс-галантерейность»; слова «ни одно» были выделены курсивом и др.

[6] *Бюхнеровщина* (по имени немецкого естествоиспытателя-материалиста Л. Бюхнера) — стремление рассматривать общественные явления как природные, естественные.

[7] Здесь и ниже Аксаков вольно цитирует сказанное им в статье «<Отношение между школой и жизнью в России>». Ср., например: «Тот же Петровский переворот, как солнце в малой капле вод, отражается и на каждом человеке из народа, приобщающемся к нашей цивилизации, поступающем в наши школы. <...> наше воспитание не укрепляет, а расслабляет и так разнит людей с их прежним бытом, что дети крестьян и даже купцов делаются почти непригодными к деятельности в той среде, к которой принадлежат по рождению: *мир*-народ им чужд; они уже не *его*» (Наст. том. С. 177).

[8] Вольная цитата из статьи А. С. Хомякова «Об общественном воспитании в России», приведенная и в статье «<Отношение между школой и жизнью в России>» (см.: Там же).

<И рады бы в рай, да грехи не пускают>

Печатается по первой публикации: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 12 сентября // День. 1864. 12 сент. № 37. С. 1—2. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 207—210.

Передовая статья во многом воспринимается как прозаическая параллель к знаменитым стихотворениям А. С. Хомякова «России» («Тебя призвал на брань святую...») и «Покаявшейся России», созданных в конце марта — начале апреля 1854 г.

[1] Поговорка, зафиксированная и в «Пословицах русского народа» В. И. Даля, и в его Словаре (в составе статьи «Ад»).

[2] К концу 1863 г. был в основном подавлен Польский мятеж.

[3] *Алярмисты* (алармисты; от *фр.* alarme — тревога, беспокойство) — люди, склонные к панике, распространяющие необоснованные тревожные слухи.

[4] Здесь и далее реминисценция из евангельской притчи о сеятеле (Мф 13: 3—23; Мк 4: 3—20; Лк 8: 5—15).

<Где органическая сила России?>

Печатается по первой публикации: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 3 октября // День. 1864. 3 окт. № 40. С. 1—4. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 211—220.

[1] *«Биржевые Ведомости»* — ежедневная политико-экономическая и литературная газета, основанная публицистом, промышленником и банкиром К. В. Трубниковым; выходила в Петербурге в 1861—1881 гг.

[2] Речь идет о передовой статье Аксакова «Москва, 1 августа» (День. 1864. 1 авг. № 31. С. 1—4), посмертно републикованной под назв. «Мыслима ли русская народность вне православия?»: *Соч.* Т. VI. С. 276—285, и отклике на нее: *<Трубников К. В.>*. Санктпетербург, 14-го августа 1864 года // *БВед.* 1864. 15 авг. № 216. С. 865.

[3] См.: «...отречение от иудейских верований есть единственное условие для того, чтоб еврей стал русским, и выражение *русский* (не подданный, а просто русский) *Моисеева закона* также бессмысленно, как выражение: *русский еврейской национальности*, т. е. человек русской национальности — еврейской национальности? Нелепость» (*Соч.* Т. VI. С. 282).

[4] См.: «...это пошлое мнение — об отсутствии какой-либо связи религии с национальностью и о возможности освободить идею национальности от идеи народной веры — в большом ходу в просвещенной Европе и в особенном почете у наших прогрессистов, преимущественно же прогрессистов еврейского происхождения» (Там же. С. 281).

[5] Ошибка памяти. Аксаков имел в виду реплику не Земляники, а Ляпкина-Тяпкина: «Да ведь сам собою дошел, собственным умом» («Ревизор», д. I, явл. 1).

[6] Имеется в виду Высочайше утвержденное 30 сентября 1830 г. мнение Государственного совета «О браках лиц разных вер в возвращенных от Польши губерниях» (Полн. собр. законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. 5. Отд-ние 2. № 3969), в соответствии с которым лицам православного исповедания запрещалось заключать брачные договоры о воспитании детей в неправославной вере.

[7] Такое положение в отношении смешанных браков регулировалось указом Св. Синода от 16 октября 1803 г. «О бракосочетании людей разных вер и исповеданий в присоединенных от Польши губерниях», изданным после окончательного присоединения Польши к России (см.: Полн. собр. законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. 27. № 20987).

[8] Взгляды М. О. Кояловича на взаимообусловленность национальности и веры были во многом близки к аксаковским. Он писал, подразумевая «плохих» католиков Западных губерний: «Историческая правда Западной России <...> заключается в том, что это — страна русская в самых своих корнях...» (*Коялович М. О.* Чтения по истории Западной России. 4-е изд. СПб.: тип. А. С. Суворина, 1884. С. 333; 1-е изд. опубл.: День. 1864. № 14—29, под назв. «Лекции по истории Западной России»).

[9] Имеется в виду Брестская уния — присоединение к Римско-католической церкви ряда епископов и епархий православной Киевской митрополии на территории Речи Посполитой в соответствии с решениями Брестского собора в октябре 1596 г. Только в феврале 1839 г. состоялся Полоцкий собор, на котором было принято решение о воссоединении униатов с Русской православной церковью.

[10] Подразумевается неподписанная заметка в составе обзора текущей прессы: *МВед.* 1864. 18 авг. № 181. С. 2.

[11] Буквально: «"Биржевые Ведомости" от 15-го августа, возражая на теорию "Дня", ставящего вероисповедание в основание национальных различий между поляками и русскими <...> Мы весьма далеки от того, чтобы разделять странную теорию газеты "День"...».

[12] Речь идет о статье: *Гордон А.* К вопросу об евреях // *РВ.* 1864. Т. 51. Июнь. С. 833—850. Ее подробный разбор Аксаков дал в передовице «<Мыслима ли русская народ-

ность вне православия?>» (выходные данные см. выше, в комм. 2), где, в частности, писал, что Гордон «хочет, чтобы евреи были по духу и убеждению истыми русскими, оставаясь в то же время *евреями* — в смысле религии, — чтоб они, примыкая нераздельно и слитно к христианскому народу, делаясь *"по духу и убеждению"* членами общества, создавшегося на почве христианства, воспитанного историей в *духе* христианских начал, пропитанного христианскими *убеждениями*, — в то же самое время *по духу и убеждению* принадлежали к учению, отрицающему истину христианства, враждебному христианским началам, духу и убеждениям! <...> Это бессмыслица...» (*Соч.* Т. VI. С. 279).

[13] Уния, насильственно внедренная католиками, была призвана исподволь, не вызывая сильных народных возмущений, искоренить православие в Западнорусском крае. Поэтому хотя в униатской церкви и признавалось главенство папы, но богослужение проводилось по восточному обряду и не на латыни, а священники освобождались от целибата.

[14] Имеется в виду подавление Польского мятежа и предотвращение возможности его рецидива.

[15] Волынские магнаты князья Чарторыйские (Чарторыжские) вплоть до начала XVII в. были православными, потом перешли в католичество.

[16] Речь идет о двухтомном труде: Литовская церковная уния: исследования М. Кояловича. СПб.: тип. Н. Тихменева, 1859—1861.

[17] Выходные данные «Лекций по истории Западной России» Кояловича см. выше, в комм. 8.

[18] *Беспоповщинские толки* (беспоповщина, беспоповство) — одно из двух основных течений старообрядчества, не признающее необходимость священников для спасения души; возникло в середине 1690-х гг., когда практически не осталось, с точки зрения старообрядцев, «правильных», «благодатных» иереев — дониконианского рукоположения.

[19] Со времен патриарха Никона — с середины XVII в., когда в России были начаты реформы по изменению обрядовой богослужебной традиции, вызвавшие раскол Русской церкви и возникновение старообрядчества.

[20] *Сектаторы* — то же, что сектанты.

[21] *Молокане, хлысты, духоборцы* — сектантские течения русского так называемого «духовного христианства», отделившиеся от православия в XVII—XVIII вв. Адептов этих сект сближало аллегорическое толкование Библии и неприятие православного богослужения и церковной иерархии. Аксаков в 1848—1851 гг., являясь чиновником особых поручений при Министерстве внутренних дел, занимался исследованием религиозных сект, выезжая с ревизиями в Бессарабскую область и Ярославскую губернию.

[22] Эта цитата из статьи Аксакова «<Мыслима ли русская народность вне православия?>» приведена в передовице Трубникова.

[23] Подразумеваются патриотические драмы Н. В. Кукольника, прежде всего — «Рука Всевышнего отечество спасла» (1834), а также «Морской праздник в Севастополе» (1854), «Азовское сидение» (1855) и др., выдержанные в духе «официальной народности», неприемлемой для славянофилов.

[24] Перечислены издания: 1) Песни, собранные П. В. Киреевским. М.: изданы О-вом любителей российской словесности, 1860—1874. Вып. I—X; 2) Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. М.: тип. А. Семена, 1861—1867. Ч. I—IV; 3) Калеки перехожие: сборник стихов и исследований П. Бессонова. М.: тип. А. Семена, 1861—1863. Ч. I—[II].

[25] Точнее: «Пословицы русского народа» В. И. Даля (выходные данные см. в комм. 8 на с. 737).

[26] *Гезамтфатерланд* (*нем.* Gesamtvaterland) — общее отечество. См. характеристику австрийской государственности в статье А. С. Хомякова «Славянское и православное население Австрии»: «Ее создала не сила народная, не великая личность государей, не буйный порыв завоевателя; не было ни центра торгового, ни умственного или религиозного средоточия, которое бы притянуло в себя другие, более мелкие явления народной и общественной жизни. Государство сложилось, так сказать, механически: как известно, первые земли Австрийского дома составились покупкою и частными сделками Габсбургов, потом счастливые государственные договоры, дальновидные браки, наследства и мудрая, никогда себе не изменявшая политика соединили настоящие австрийские земли под один скипетр и создали настоящую великую империю Западной Европы» (Сборник исторических и статистических сведений о России и народах ей единоверных и единоплеменных / издал Д. В<алуев>. М.: в тип. Августа Семена, 1845. Т. I. Ч. 1. С. 247—248). Статья опубликована анонимно, о ее авторстве см.: *Дмитриев А. П.* Хомяков Алексей Степанович // Русские писатели, 1800—1917: биогр. словарь: [в 7 т.] / гл. ред. Б. Ф. Егоров. М.: Большая рос. энциклопедия; СПб.: Нестор-История, 2019. Т. 6. С. 554.

[27] Подразумевается граф Е. Ф. Канкрин. См. комм. 12 на с. 718.

[28] Эти слова в ином, устаревшем, написании *агломерат* и *аггрегат* впервые были учтены в русских словарях, соответственно, в 1863 и 1861 гг. (см.: Большой академический словарь русского языка. СПб.: Наука, 2004. Т. 1. С. 102, 104).

[29] Русские войска взяли Казань в 1552 г. Спустя 27 лет, в 1579 г., в Казани была обретена чудотворная икона Казанской Божией Матери. В октябре 1812 г. ополченцы с крестным ходом пронесли икону вдоль стен Кремля и через два дня вступили на его территорию.

[30] Наиболее емко Аксаков сказал о старой русской колонизации в поздней передовой статье «<Мы глупы и бедны>» (Русь. 1884. 1 янв. № 1. С. 2—13): «Вообще все присоединенное древнею Русью пристегнуто ею крепко и неразрывно. Русская колонизация допетровских времен совершила обширные, прочные мирные завоевания, ставя в самых отдаленнейших пределах села, церкви и монастыри (которые мы теперь упраздняем); жизненная сила национального духа была такова, что всякая окраина сращалась органически плотно с государственным телом» (Наст. том. С. 592).

[31] Отсылка к историософии К. С. Аксакова, в которой Государство и Земля — основные концепты.

[32] Имеется в виду народное сплочение и воодушевление при подавлении Польского мятежа.

[33] О газете «Весть» см. комм. 4 на с. 738.

<В чем недостаточность русского патриотизма?>

Печатается по первой публикации: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 17 октября // День. 1864. 17 окт. № 42. С. 1—3. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 220—228.

[1] Имеются в виду события, связанные с подавлением Польского мятежа.

[2] *Венский конгресс* — общеевропейская конференция по выработке договоров, направленных на восстановление монархий, разрушенных Великой французской революцией и Наполеоновскими войнами, и определению новых границ европейских государств. Конгресс проходил с 18 сентября 1814 г. по 9 июня 1815 г.

[3] Точнее: «...готовила пожар / Нетерпеливому герою». Цитата из романа в стихах Пушкина «Евгений Онегин» (гл. седьмая, строфа XXXVII).

[4] *«Der Wanderen»* («Странник», *нем.*) — австрийская ежедневная газета; издавалась в Вене с 1809 по 1866 год, орган конституционных монархистов.

[5] Речь идет о передовице: *<Катков М. Н.>*. Москва, 10-го октября // *МВед*. 1864. 11 окт. № 222. С. 1, где довольно подробно излагается содержание статьи о России из газеты «Der Wanderen» от 15 октября (по новому стилю).

[6] Аксаков, в частности, имеет в виду подложные манифесты и воззвания от имени царя, которые в 1863 г. распространялись польскими эмиссарами.

[7] Упомянут Московский пожар 1812 года — возгорания, произошедшие в период со 2 по 6 сентября, во время оккупации города французскими войсками.

[8] *Фрибург* (Фрибур) — швейцарский университетский город, известный с 1157 г.

[9] Считается, что первым ввел понятие «интеллигенция» в широкое употребление П. Д. Боборыкин. Однако это место в статье Аксакова позволило уфимскому аксаковеду С. В. Мотину сделать вывод о приоритете последнего в использовании нового термина в русском контексте. См.: *Мотин С. В.* О понятии «интеллигенция» в творчестве И. С. Аксакова и П. Д. Боборыкина // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. 2012. № 27. Ч. 4: Гуманитарные науки. С. 838—844.

[10] *Дидерот* — устаревшее написание фамилии французского энциклопедиста Д. Дидро. По приглашению Екатерины II он приехал в Петербург и жил здесь с 8 октября 1773 г. по 5 марта 1774 г.

[11] Эту крылатую фразу приписывали не одному Дидро, а также Ж. Мишле и Вольтеру. На самом деле ее источник — книга Г. Т. Рейналя «Философская и политическая история о заведениях и коммерции европейцев в обеих Индиях» (1770), в работе над которой, правда, участвовал Дидро. Способствовал популярности выражения маркиз А. де Кюстин, приведший ее в своей известной книге как «страшную фразу Вольтера или Дидро, забытую французами» (*Кюстин А. де.* Письмо десятое / пер. В. Мильчиной // *Кюстин А. де.* Россия в 1839 году. Изд. 3-е, испр. и доп. СПб.: Крига, 2008. С. 138).

[12] *Колосс на глиняных ногах* — образ, восходящий ко сну вавилонского царя Навуходоносора (Дан 2: 31—35), растолкованному пророком Даниилом как символ царства, которому суждено разрушиться. Аксаков говорит о ногах «из камня и меди», имея в виду народ и используя библейское описание колосса: «голени его железные, ноги его частью железные» (Дан 2: 33). По свидетельству графа Л. Ф. Сегюра в его мемуарах, это определение России принадлежит Д. Дидро. См.: *Le comte de Ségur.* Mémoires ou Souvenirs et anecdotes. Paris, 1827. Vol. 2. P. 143, 214. Злоязычное выражение широко распространилось в европейской русофобской публицистике, причем в различных вариациях: «Азиатский колосс», «Северный колосс», «Русский колосс».

[13] «Г-жа Китти» упоминалась Аксаковым полутора месяцами ранее — в его передовице «Москва, 5 сентября» («<Еще полемика с “Вестью”>») в следующей ироничной фразе: «...ну как же можно дать предпочтение белорусскому мужику пред польским паном?! Последний все-таки пан, человек образованный, европеец, с ним можно и по-французски поговорить, его можно пустить и в те салоны, которые описывает в “Вести” некая г-жа Китти...» (*Соч.* Т. III. С. 376—377). Подпись «Китти» стоит в газете «Весть» под материалами постоянной рубрики «Петербургская хроника», где дается информация о великосветских раутах, модных книгах и туалетах, бракосочетаниях и пр. (если эти материалы невелики по объему, подпись отсутствует). Не в последнюю очередь из-за неоднократных иронических упоминаний «г-жи Китти» в «Дне», редакция «Вести» дала разъяснение, намекающее на то, что это коллективный псевдоним, под которым публикуют свои заметки разные сотрудники издания: «У нас любят доискиваться — кто автор той или другой статьи и даже беглой заметки. Так, иные до сих пор ломают себе голову, кто такая г-жа Китти. Впрочем, что касается до г-жи Китти, то как же не заниматься ею охотникам снимать литературные маски, если газета “День” посвятила ей несколько своих передовых статей? Как бы то ни было, а в нашем издании принят английский обычай не подписывать

большей части печатаемых статей. Это в особенности относится к таким статьям, которые составляют собирательный труд многих авторов» (Весть. 1864. 18 окт. № 42. С. 5). Однако в корреспонденции князя П. В. Долгорукова в газету «Колокол» (1867) сообщается, что под криптонимом «Китти» скрывал свое имя Н. Н. Юматов, соиздатель «Вести»: «Юматов, под псевдонимом “Китти”, писал о светских балах и праздниках статейки, имевшие огромный успех в кругу горничных и буфетчиков...» (*Долгоруков П. В.* Петербургские очерки: памфлеты эмигранта, 1860—1867 / собрал и пригот. к печати П. Е. Щеголев. М.: кооп. изд-во «Север», 1934. С. 279).

<Об абсентеизме русского дворянства>

Печатается по первой публикации: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 31 октября // День. 1864. 31 окт. № 44. С. 1—4. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 228—236.

В рассматриваемой передовой статье Аксаков развивает свои идеи о воспитании новых поколений в духе патриотизма и о дворянском сословии как исторически изжитом социальном институте, находя подтверждение этим идеям в нежелании и неспособности значительной части его представителей действенно участвовать в созидании новой России в пореформенное время.

[1] *...оказываются «в нетях»*. — В отсутствии, в неизвестности нахождения (*устар.*).

[2] В Николаевское царствование, после восстания декабристов, выезды дворян за границу были значительно ограничены.

[3] Слова великого князя Святослава перед битвой при Аркадиополе (970), приведенные в «Повести временных лет». См. подробнее в комм. 18 на с. 731.

[4] *Быть в избылых* — уклоняться от службы, выйти из службы (*устар.*).

[5] Возможно, намек на пожары 1862 г., в том числе петербургский, из-за жаркой погоды. В 1864 г. сильно пострадал от огня Симбирск, позже отстроенный заново.

[6] Неточная автоцитата начальных строк стихотворения без названия (1848; оп. 1856). Первые две строки звучат так: «Не дай душе твоей забыть, / Чем силы в юности кипели...» (*Аксаков Иван.* Стихотворения и поэмы / подг. текста и прим. Е. С. Калмановского. Л.: Сов. писатель, 1960. С. 92). В оригинале курсива нет.

[7] Аксаков приводит заключительное четверостишие из своего стихотворения «Усталых сил я долго не жалел...» (1850; оп. 1856). См.: Там же. С. 97. В оригинале курсива нет.

[8] *Мировой посредник* — см. комм. 8 на с. 739.

[9] Судебная реформа, особенно интересовавшая Аксакова как правоведа, разрабатывалась в 1861—1863 гг.; наконец, 20 ноября 1864 г. (уже после публикации рассматриваемой статьи) были Высочайше утверждены Судебные уставы. Реализовывалась реформа в 1866—1899 гг.

<Духа не угашайте!>

Печатается по первой публикации: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 14 ноября // День. 1864. 14 нояб. № 46. С. 1—3. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 237—244.

Основным поводом к написанию статьи стало, по-видимому, стремление Аксакова ответить на критический отзыв об опубликованном в «Дне» очерке «Слава Богу», принадлежащем писательнице Кохановской (Н. С. Соханской), хорошей знакомой семьи Аксаковых. Автор отзыва — расколовед Н. И. Субботин — был сторонником жестких, полицейских мер борьбы со старообрядством; такая позиция была совершенно неприемлема для Аксакова. 20 ноября, еще не получив 46-го номера «Дня», Кохановская растерянно писала Аксакову: «Вчера я получила “Р<усский> Вестник” и увидела, что там есть что-то по поводу моей статейки: *Слава Богу*. Но читать было некогда, и я не знаю,

что такое? Не понадобится ли отвечать?» (*Переписка Аксаковых и Кохановской*. С. 239). Но за нее уже рыцарски поспешил ответить сам издатель «Дня». Выходные данные статей Кохановской (Н. С. Соханской) и Н. И. Субботина см. ниже, в комм. 5 и 6.

[1] 1 Фес 5: 19.

[2] 2 Кор 3: 6.

[3] Об источнике этого выражения Милля см. комм. 6 на с. 714. Оно упоминается и в передовой статье Аксакова «<О благотворительности по русскому народному понятию>» (1862): «...общество скоро оскудевает духовно; в нем, по выражению Дж. Ст. Милля, *убывает* душа...» (Наст. том. С. 85).

[4] То есть в Елизаветинской Библии: «писмя бо убивает, а дух животворит» (2 Кор 3: 6).

[5] *Кохановская <Соханская Н. С.>*. Слава Богу // День. 1864. 19 сент. № 38. С. 12—13. Очерк повествует о старинных раскольничьих выселках в Старобельском уезде Харьковской губернии и настроениях старообрядцев в пореформенное время.

[6] *С—н Н. <Субботин Н. И.>*. Несколько слов по поводу статейки г-жи Кохановской в 38 № «Дня» // *РВ*. 1864. Т. 53. Сент. С. 381—390.

[7] Имеется в виду передовая статья Аксакова «Москва, 15 августа» (День. 1864. 15 авг. № 33. С. 1—4), при посмертной републикации получившая назв. «Современное состояние и задачи христианства — по поводу книги Гизо “Размышления о сущности христианской религии”» (*Соч.* Т. IV. С. 25—34). Выходные данные: *M. Guizot*. Meditations sur l'essence de la religion chretienne. Paris: Michel Lévy frères, 1864. 384 p. Любопытно, что Аксаков откликнулся не на саму книгу Ф. Гизо, а на опубликованное в июльской книжке журнала «Revue des Deux Mondes» предисловие к ней, не дождавшись ее выхода в свет, — до того она показалась ему важной (а к уже напечатанной передовице в последний момент добавил подстрочное примечание, что книга вышла).

<Условия государственного единства и силы>

Печатается по первой публикации: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 28 ноября // День. 1864. 28 нояб. № 48. С. 1—4. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 244—253.

В этой передовой статье Аксаков возвращается к одной из центральных для славянофилов проблеме — народности, «русского воззрения» в общественно-политическом строе России.

[1] *Аргус* — в древнегреческой мифологии многоглазый великан, идеальный, зоркий страж (поскольку никогда не спал всецело: некоторая часть глаз всегда бодрствовала).

[2] Пространное письмо бельгийско-курляндского публициста барона Ф...., извлеченное из книги «Крестьянские отношения в Лифляндии с точки зрения современной России» (Лейпциг, 1862), опубликовано в извлечениях: *МВед*. 1864. 19 нояб. № 254. С. 3. В передовой статье этого номера («Москва, 18-го ноября») М. Н. Катков прокомментировал текст письма, отмечая, что «автор старается запугать курляндских дворян общим ходом дел в России, возбуждает в них опасения <...> и указывает как на единственный путь к спасению на соединение трех прибалтийских губерний, так чтоб они в общем своем составе получили такую же самостоятельность и такую же отдельность от России, какая уже предоставлена Царству Польскому и Великому княжеству Финляндскому» (Там же. С. 2).

[3] Подразумевается Великое княжество Литовское (сер. XIII в. — 1795), вплоть до 1569 г. охватывавшее, в частности, всю современную Белоруссию, бóльшую часть Украины и юго-западные земли России, включая Смоленск, Брянск и Курск.

[4] Имеется в виду Восточная Римская империя с центром в Константинополе.
[5] *Эльзасцы* — жители исторической области на востоке Франции. Их традиционным языком был немецкий.
[6] Возможно, эти слова — отсылка к передовой статье Аксакова «<Петербург или Киев?>», предназначенной для № 46 «Дня» от 17 ноября 1862 г., но опубликованной только посмертно в 1886 г., где читаем: «В каждом историческом явлении есть внутренняя сила, которая дала ему бытие; в каждом политическом организме есть основная стихия, которой она есть, живет и движется. Таковою основною стихией в создании России явилось великорусское племя» (Наст. том. С. 95).
[7] *«Трифологион, или Цветослов»* — богослужебная книга, включавшая избранные службы со всенощным бдением на праздники Господские, Богородичные и в честь особо почитаемых святых.
[8] Типография могилевского Богоявленского братства — один из центров белорусского кириллического книгопечатания. Действовала в 1616—1773 гг. (с перерывами), печатала церковные, учебные и полемические издания.
[9] Отсылка к словам Чацкого: «Несчастные! Должны ль упреки несть / От подражательниц модисткам? / За то, что смели предпочесть / Оригиналы спискам?» («Горе от ума», д. VIII, явл. 8).

1865

<Еще о лженародности>

Печатается по первой публикации: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 16 января // День. 1865. 16 янв. № 3. С. 49—53. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 253—263. С републикации этой передовицы в *Соч.* начинался раздел «1865 г. (Передовые статьи)».

[1] О зипуне см. комм. 12 на с. 716.
[2] Распоряжение о введении финского языка (вместо шведского) в официальное делопроизводство Великого княжества Финляндского последовало в 1863 г., для этого был установлен 20-летний срок.
[3] *«Неудобь некая»* — выражение из Нового Завета в славянском переводе. См. в контексте: «якоже и во всех своих посланиих, глаголя в них о сих: в нихже суть неудобь разумна некая, яже ненаучени и неутверждени развращают, якоже и прочая писания, к своей погибели им» (2 Петр 3: 16). Ср. выражение «неудобь сказуемый», т. е. не совсем удобный для произнесения, неуместный, неприличный.
[4] О патримониальном праве см. комм. 6 на с. 739.
[5] *«Московские Сборники»* — славянофильские альманахи, из которых по цензурным условиям удалось издать только три книги: «Московские литературные и ученые сборники» на 1846 и 1847 гг. и «Московский Сборник» на 1852 г. (том I; редактор Аксаков).
[6] *«Русская Беседа»* — см. комм. 5 на с. 689.
[7] *«Парус»* — еженедельная московская газета, издававшаяся Аксаковым с января 1859 г.; вышло всего два номера.
[8] О земских соборах см. статью Аксакова «<Исторические судьбы земства на Руси>» (Наст. том. С. 67—73).
[9] Скорее всего, Аксаков цитирует материалы газеты «Весть» (см. о ней комм. 4 на с. 738), с которой полемизировал в рассматриваемый период.
[10] Предполагается, что басня И. А. Крылова «Листы и Корни» (1811) явилась «откликом на обсуждение крестьянского вопроса, которым занимался созданный Александром I “негласный комитет”» (*Степанов Н. Л.* Комментарии // *Крылов И. А.* Полн. собр. соч.: в 3 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1946. Т. 3. С. 446).
[11] *Петиметр* — щеголь, фат, высокомерный и глуповатый франт.

[12] *Табель о рангах* — см. комм. 10 на с. 738. Аксаков подразумевает, что при создании документа за основу были взяты соответствующие «расписания чинов» французского, прусского, шведского и датского королевств.

[13] *Мировой посредник* — см. комм. 8 на с. 739.

<О деспотизме теории над жизнью>

Печатается по первой публикации: *<Аксаков И. С.>*: Москва, 30 января // День. 1865. 30 янв. № 5. С. 97—100; Москва, 6 февраля // Там же. 6 февр. № 6. С. 121—125. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 264—282. Вторая часть статьи имеет «техническое» назв. «О том же». В наст. томе части произведения пронумерованы римскими цифрами.

Следует отметить, что окончание второй части начиная со слов «Итак, мы показали картину жалкого положения нашего современного русского общества...» представляет собой вариацию запрещенной цензурой передовой статьи «Москва, 23 января 1863 г.», опубликованной посмертно под назв. «<Ошибочность взгляда, будто свобода слова несовместна с существующею у нас политической формою правления>»: *Соч.* Т. IV. С. 379—402.

[1] То есть Великая французская революция 1789—1793 гг.

[2] Подразумевается усмирение народного восстания в Париже в феврале 1848 г. силами сначала Национальной гвардии, а затем — регулярной армии (произошел расстрел безоружной толпы).

[3] *Якобинский колпак* — шапочка якобинцев во время Великой французской революции, образцом для которой послужил головной убор древних фригийцев — мягкий закругленный колпак обычно красного цвета со свисающим вперед верхом.

[4] *Пандоров ящик* — в древнегреческих мифах ларец, наполненный неисчислимыми бедами, который из любопытства открыла Пандора, предупрежденная о запрете делать это.

[5] Выражение из поэмы Гоголя «Мертвые души» (т. I, гл. 2). См. в контексте: «Русь! Русь! вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далёка, тебя вижу».

[6] Речь идет об образе из неозаглавленной заметки К. С. Аксакова, найденной Иваном в бумагах старшего брата и опубликованной в 1861 г. Впервые процитировано в передовой статье «<Доктрина и органическая жизнь>» (Наст. том. С. 20).

[7] Речь идет о событиях, связанных с подавлением Польского мятежа и последующим урегулированием ситуации в крае.

[8] Подразумевается маркиз Астольф де Кюстин. В своей знаменитой книге «Россия в 1839 году» он писал: «В Петербурге все выглядит роскошно, великолепно, грандиозно, но, если вы станете судить по этому фасаду о жизни действительной, вас постигнет жестокое разочарование <...> У русских есть названия для всех вещей, но нет самих вещей; они богаты только на словах...» (*Кюстин А. де.* Письмо десятое / пер. В. Мильчиной // *Кюстин А. де.* Россия в 1839 году. Изд. 3-е, испр. и доп. СПб.: Крига, 2008. С. 138, 141). См. также комм. 7 на с. 697.

[9] Неточная цитата из Окружного послания патриарха Гермогена. По предложению К. С. Аксакова она стала эпиграфом к журнальным книжкам «Русской Беседы», где приведена точно: «Помяните одно: только коренью основание крепко, то и древо неподвижно; только коренья не будет, к чему прилепиться? Окруж. грам. Москвы (Акты Арх. Экс. Т. II, с. 298)». Процитировано по 4-томному изданию: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук. М.: в тип. 2-го Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1836.

[10] Имеется в виду поэма Пушкина «Руслан и Людмила» (песнь первая) (1817—1820).

[11] Речь идет о басне И. А. Крылова «Квартет» (1811).

[12] О газете «La Nord» см. комм. 19 на с. 726.

[13] Аксаков цитирует очень вольно, с пропусками, заметку, в общем осуждающую «собрание московского дворянства» за его «конституционные устремления» и констатирующую, что «Россия не созрела для серьезных представительных учреждений» (Северная Почта. 1865. 31 янв. № 25. С. 99).

[14] И. Аксаков имеет в виду фрагмент из статьи своего брата К. С. Аксакова «Краткий исторический очерк Земских соборов», опубликованной посмертно в 1861 г. и с сокращениями перепечатанной в «Дне» (1862. 6 янв. № 13. С. 3—5). См.: «...Земля обольщается блестящим призраком свободы государственной, и, надев венец и багряницу, забывает, что это все тот же венец и та же багряница, — в них-то все и дело» (Там же. С. 4).

[15] *Манчестерская школа* — группа экономических либералов, сторонников фритредерства, считавших, что государству не рекомендуется устанавливать запретительные таможенные пошлины, регулировать длительность рабочего дня, формировать фабричное законодательство и т. п.

[16] *«La Presse»* — французская газета умеренно-либерального направления; выходит в Париже начиная с 1836 г.

[17] По справедливому заключению В. Н. Грекова, Аксаков подробно цитирует эту статью французской газеты, поскольку «мысль, высказанная в ней, близка к суждениям К. Аксакова, отстаивавшего союз земли и государства» (*Отчего так нелегко живется*. С. 935).

[18] Евангельское выражение (Мф 6: 34). Аксаков намекает на подготовку правительством нового устава о печати, о чем регулярно сообщали газеты. См., например: «"Северная Почта" сообщает, что 17-го ноября проект устава о книгопечатании внесен г. министром внутренних дел на рассмотрение Государственного совета» (*МВед.* 1864. 21 нояб. № 256. С. 2).

[19] Имеется в виду строка «К жизни духа, к духу жизни» из стихотворения А. С. Хомякова «Киев» (1839).

[20] *Тонические медицинские средства* — лекарства, укрепляющие деятельность организма и благотворно на него влияющие, улучшая, например, пищеварение.

[21] 6 апреля 1865 г. были приняты «Временные правила о цензуре и печати», согласно которым было реорганизовано Главное управление, введена карательная цензура наряду с цензурой предварительной, а также осуществлены некоторые менее важные нововведения. Существенно, что периодические издания, и в том числе «День», освобождались от предварительной цензуры.

<О праве челобитных в древней Руси>

Печатается по первой публикации: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 20 февраля // День. 1865. 20 февр. № 8. С. 169—171. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 282—289.

[1] Имеется в виду статья «<О деспотизме теории над жизнью>», ч. II.

[2] Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. М.: тип. Н. С. Всеволожского, 1822. Ч. III. С. 208—210.

[3] Филарет (Романов), будучи в 1606—1619 гг. митрополитом Ростовским и Ярославским, отказался подписать подготовленный польской стороной договор, предполагавший воцарение в России королевича-католика, и в 1611 г. был арестован поляками. 1 июня 1619 г. его освободили в порядке обмена пленными, а 14 июня он прибыл в Москву. 24 июня состоялась его интронизация по чину поставления первого Московского патриарха.

[4] Речь идет об Уложении царя Алексея Михайловича (Соборном уложении 1649 года) — всеобъемлющем своде законов Русского государства, принятом Земским Собором 29 января 1649 г.

[5] См.: Выписка о бывшем в Москве, по указу Государя Царя Алексея Михайловича, Соборе духовных и светских чинов для сочинения нового Собрания Законов, названного Уложением, 1648 г. июля 10-го // Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. М.: тип. Н. С. Всеволожского, 1822. Ч. III. С. 438—439.

[6] *Пятина* — административно-территориальная единица Новгородской земли. Пятины делились на уезды, а те на волости и погосты.

[7] *Черная сотня* — городское сословие торговцев и ремесленников Русского государства.

[8] См.: 1648. Июля 28. Память Обонежской пятины Нагорной половины губному старосте Ивану Кобылину о присылке в Москву выборного человека для участия в составлении Уложения // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской академии наук / доп. и изд. Высочайше учрежденною Коммиссиею. СПб.: в тип. 2-го Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1836. Т. IV. С. 40—41.

[9] *Ответная палата* — Нижняя палата при Боярской Думе; она включала выборных представителей разных сословий, собирала челобитные от разных слоев свободного населения.

[10] См.: *<Беляев И. Д.>*. Земской собор, державный в присутствии царя Михаила Федоровича духовными, служилыми, торговыми и всяких чинов людьми о том, должно ли удержать за Россиею взятый донскими казаками город Азов или отдать оный Турции обратно? — 1642, генваря 3 // День. 1863. 2 марта. № 9. С. 1—9. *В Содержании назв.*: Подлинный протокол земского собора, державного в присутствии царя Михаила Федоровича, духовными, служилыми, торговыми, черных сотен и слобод и всякими жилецкими людьми о том, должно ли держать за Россиею взятый донскими казаками Азов или отдать оный обратно туркам.

[11] Согласно Приговорной грамоте Земского Собора 1580 г., основные земельные владения церкви были объявлены «неотчуждаемыми»; однако церковное и монастырское землевладение полностью ставилось под контроль государства.

[12] См.: 1648. Ноября 9. Память думному дьяку Федору Елизарову и дьякам Ивану Владычкину и Мартемьяну Бредихину об учинении выписки о вотчинных землях, приобретенных духовными лицами, церквами и монастырями с 1580 по 1648 год // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской академии наук. Т. IV. С. 48—49.

[13] См.: 1648. Ноября 30. Владенная выпись Уржумского уезда Чепоцкому монастырю о дозволении крестьянам сего монастыря пользоваться лесами на Лузовой стороне Вятского уезда // Там же. С. 50.

[14] См.: 1682. Января 1. Царская грамота на Тотьму о сборе с посадских и уездных крестьян стрелецких денег по новому окладу Московских гостей и о невзыскивании доимочных денег за 1680 и 1681 годы // Там же. С. 351—354.

[15] См.: 1682. Мая 6. Царская грамота Пермскому воеводе князю Федору Борятинскому, об отпуске из Москвы выборных людей, собранных для уравнения всяких служб и податей, и о выборе таможенных, кружечных и других голов и целовальников // Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. СПб.: тип. 2-го Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1842. Т. V. С. 133—134.

[16] Имеется в виду статья «<О деспотизме теории над жизнью>», ч. II.

<«Идеалы "Дня"» по «Современной Летописи»>

Печатается по первой публикации: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 6 марта // День. 1865. 6 марта. № 10. С. 289—221. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 289—299.

«Современная Летопись», указанная в заголовке статьи Аксакова, — газета, в 1861—1862 гг. выходившая в качестве приложения к журналу «Русский Вестник», а с 1863 г. — к «Московским Ведомостям». Ее издатель и редактор — М. Н. Катков. Поводом к написанию этой статьи стала публикация: *Провинциальный Читатель.* Идеалы газеты «День» // Современная Летопись. 1865. Февраль. № 8 (ц. р.: 27 февр.). С. 9—10).

[1] Вольно процитировано начало стихотворения Н. А. Некрасова без названия (1857). В оригинале: «В столицах шум, гремят витии, / Кипит словесная война, / А там, во глубине России — / Там вековая тишина».

[2] Речь идет об эпиграфе к статье «Идеалы газеты “День”»: «Ужели *слово* найдено? “Онегин”, VII, 25» (Современная Летопись. 1865. Февраль. № 8. С. 9).

[3] Имеется в виду статья «<О деспотизме теории над жизнью>», ч. I.

[4] Речь идет о неподписанной статье «Газета “Nord” о московском дворянском собрании» (Русский Инвалид. 1865. 31 янв. № 25. С. 1—2).

[5] См.: <*Катков М. Н.*>. Москва, 6-го февраля // *МВед.* 1865. 7 февр. № 30. С. 1—2.

[6] Подразумевается «Жалованная грамота дворянству 1785 года» Екатерины II («Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства»), грамота, освободившая дворян от обязательной службы.

[7] См.: <*Катков М. Н.*>. Москва, 20-го июля // *МВед.* 1864. 21 июля. № 161. С. 1. Статья написана в связи со смертью крестьянина Вятской губернии, случившейся вскоре после наказания его 10 ударами розог «за неплатеж подати». Катков поддерживал наказание розгами, но по «гуманной» процедуре, назначаемой «образованными лицами»: «Определение законом тех случаев, в которых может быть присуждаемо телесное наказание розгой <...>, и предоставление права присуждать к такому телесному наказанию единственно суду, вверенному образованным лицам, — вот истинно либеральные и гуманные меры...» (Там же. С. 2). Аксаковское замечание по поводу этой фразы вызвало язвительную подпередовую Каткова «Эпигоны славянофильства» (*МВед.* 1865. 11 марта. № 54. С. 1—2). См. ответ Аксакова в статье «<В чем залог истинного развития и единства России?>» (Наст. том. С. 252—258).

[8] Названы два публициста, активно сотрудничавшие с «Современной Летописью» и «Московскими Ведомостями» М. Н. Каткова: П. Б. Бланк и В. К. Ржевский. В самом начале издания «Дня» у Аксакова возникла полемика с реакционером Бланком, приведшая к конфликту с ним. Аксаков вынужден был (в соответствии с действующим законодательством) опубликовать в газете открытое письмо с критикой в свой адрес, содержащей нападки на славянофильское учение: Ответ редактору от г. Петра Бланка // День. 1861. 23 дек. № 11. С. 19—20. Отзываясь на него, Аксаков отметил: «Г. Петр Бланк признал себя обиженным...» (Там же. С. 20). Эта история вызвала язвительные насмешки в «Русском Слове»: <*Минаев Д. Д.*>. Дневник Темного человека: Г. Бланк и что такое стадообразное явление. — Философское открытие г. Бланка. — К какой породе он принадлежит? // *РСл.* 1861. № 12. Отд. III: Смесь. С. 10—11.

[9] Имеется в виду напечатанное в газете «Le Nord» письмо из Петербурга, датированное 17 (29) января. В нем обсуждались споры дворянства о перспективах начатых в России реформ. См. неподписанную статью «Газета “Nord” о московском дворянском собрании» (Русский Инвалид. 1865. 31 янв. № 25. С. 1—2. (Внутренние известия)). В «Северной Почте» перевод «нескольких мест» из корреспонденции в «Le Nord» опубликован в тот же день: «Заграничные известия. Бельгия. Брюссель, 25-го января (6-го февраля)» (Северная Почта. 1865. 31 янв. № 25. С. 99).

[10] Имеется в виду передовая статья «<О праве челобитных в древней Руси>» (Наст. том. С. 236—240).

[11] *Заочный* — псевдоним В. К. Ржевского.

<Игнорирование основ русской жизни нашими реформаторами>

Печатается по первой публикации: <*Аксаков И. С.*>. Москва, 13 марта // День. 1865. 13 марта. № 11. С. 241—244. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 299—306.

[1] *Увриер* (*фр.* ouvrier) — работник, работница.
[2] Заключительная строка басни И. А. Крылова «Любопытный» (1814).
[3] См. использование поговорки «рассчитывать без хозяина» в статье Аксакова «Политическое обозрение» от 17 января 1881 г.: «Одним словом, немцы распоряжаются, хотя бы теперь еще в области помыслов, Балканским полуостровом заранее, с такою же развязностью, как законные наследники будущим наследием. О России мало и помину. Но мы, однако, не можем не напомнить им снова французской поговорки: qu'ils comptent sans leur hôte, — что про хозяина-то они и забыли...» (*Соч.* Т. VII. С. 273).
[4] Петр I вводил обязательное бритье бороды поэтапно с 1699 по 1714 год. Аксаков имеет в виду Указ от 17 декабря 1713 г., воспретивший в городах носить бороды, носить русскую одежду и торговать национальной русской одеждой и сапогами, за нарушение которого Указом от 29 декабря 1714 г. было введено наказание — битье кнутом и каторга.
[5] Подразумевается Табель о рангах (1722). См. комм. 10 на с. 738.
[6] Видимо, отсылка к книге об этикете: «Приклады како пишутся комплименты разные на немецком языке, то есть писания от потентатов к потентатам, поздравительные и сожалетельные, и иные; такожде между сродников и приятелей» (М., 1708).
[7] Строка из оды Г. Р. Державина «Бог» (1784).
[8] Этот стилистический прием был распространен в публицистике XIX в. Он исходит из, так сказать, положительного аспекта низкопоклонства перед иностранным. В частности, В. Н. Греков отметил здесь сходство со словами И. В. Киреевского, завершающими его статью «В ответ А. С. Хомякову» (1839): «Желать нам теперь остается только одного: чтобы какой-нибудь француз понял оригинальность учения христианского, как оно заключается в нашей церкви, и написал об этом статью в журнале; чтобы немец, повeривши ему, изучил нашу церковь поглубже и стал бы доказывать на лекциях, что в ней совсем неожиданно открывается именно то, чего теперь требует просвещение Европы. Тогда, без сомнения, мы поверили бы французу и немцу и сами узнали бы то, что имеем» (см.: *Отчего так нелегко живется.* С. 937).

<В чем залог истинного развития и единства России?>

Печатается по первой публикации: <*Аксаков И. С.*>. Москва, 20 марта // День. 1865. 20 марта. № 12. С. 265—269. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 307—318.

Основным поводом к написанию передовой статьи стала необычно резкая по тону подпередовая Каткова «Эпигоны славянофильства» (*МВед.* 1865. 11 марта. № 54. С. 1—2), в которой «День» Аксакова облыжно обвинялся в искажении славянофильского учения и в идейном сближении с либеральной петербургской прессой (прежде всего с газетой «Голос»).

[1] Об австрийском гезамтфатерланде см. комм. 26 на с. 745.
[2] Имеется в виду статья «<Игнорирование основ русской жизни нашими реформаторами>». См.: Наст. том. С. 248.
[3] Вольная автоцитата из статьи «<Условия государственного единства и силы>». Ср.: Наст. том. С. 214—215.
[4] Цитата из подпередовой Каткова «Эпигоны славянофильства» (*МВед.* 1865. 11 марта. № 54. С. 2).

[5] Цитируется брошюра: *Fournier Marc.* Russie Allemagne et France révélations sur la politique russe d'après les notes d'un vieux diplomate. Grimma: Imp. du Bureau d'Edition, 1844. P. 60.

[6] *Русские Моисеева закона* — иудеи, живущие в России.

[7] См. статью «<"Идеалы «Дня»" по "Современной Летописи">» (Наст. том. С. 241—246).

<Отчего так нелегко живется в России?>

Печатается по первой публикации: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 18 декабря // День. 1865. 18 дек. № 52. С. 1229—1233. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 318—327.

Передовая статья последнего номера «Дня».

[1] В 1860 г. Александр II ввел акцизные сборы с выпускаемых спиртных напитков, заменив ими прежнюю откупную систему торговли водкой. Аксаков считал, что новое ведомство, пытаясь скопировать английскую акцизную систему, по-настоящему свободной торговли и конкуренции не добилось из-за ограничений на открытие питейных заведений и лавок, а кроме того, злонамеренно снижало цену водки, что вело к спаиванию народа. Однако дело организации акцизной системы сразу осложнилось ожесточенным противодействием откупщиков, которым разрешалось работать до 1 января 1863 г.: на рынок было брошено большое количество низкопробного пойла по сниженным ценам, чтобы крестьяне делали запасы, поэтому доходы акцизного ведомства поначалу оказались незначительными. См. также комм. 3 на с. 735.

[2] Перепев известной поговорки «Быть святее папы римского».

[3] *Жмудский* (ныне — жемайтский) язык — так называемый средний вариант старого литовского литературного языка, сформировавшийся на востоке Жемайтии (отсюда название) с центром в Кедайняе; использовался в XVI—XIX вв.

[4] После подавления Польского мятежа русскоязычная месса для католиков предполагалась правительством как одна из мер борьбы с польским национализмом. Аксаков был против этих планов, считая более действенным и плодотворным усиление деятельности православной миссии в Западном крае. См. его передовую статью «<Желательно ли введение русского языка в латинское богослужение?>» (Москва. 1867. 12 сент. № 127. Стб. 6—8).

[5] *Крашенинный* — сделанный из крашенины, домотканого грубого полотна, окрашенного обычно в синий цвет.

[6] Аксаков, собравшийся жениться (на А. Ф. Тютчевой) и переехать из Москвы в Абрамцево, поначалу строил планы по передаче «Дня» Ю. Ф. Самарину либо продолжению издания в журнальном формате, но в конце концов отказался от этих проектов. См. подробнее: *Егоров Б. Ф.* Последний год «Русской Беседы» // *«Русская Беседа»*. С. 236—246.

[7] Судя по содержанию статьи, Аксаков после закрытия «Дня» предполагал более активно участвовать в общественной жизни, прежде всего — в деятельности Московского славянского благотворительного комитета, в подготовке Славянского съезда в Москве и Санкт-Петербурге, состоявшегося в мае — июне 1867 г.

[8] Евангельское выражение (Мф 6: 34).

[9] Отсылка к словам самой первой передовой статьи «Дня» («<Возврат к народной жизни путем самосознания>»). См.: «...знамя нашей газеты есть знамя "Русской Беседы", знамя русской народности, понятой и определенной Киреевскими, Хомяковым, Аксаковым Константином и всей так называемою славянофильскою школой» (Наст. том. С. 11).

СТАТЬИ ИЗ ГАЗЕТ «МОСКВА» И «МОСКВИЧ» (1867—1868)

1867

<Программа газеты «Москва»>

Печатается по первой публикации: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 1 января // Москва. 1867. 1 янв. № 1. Стб. 2—5. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 331—337. С републикации этой передовицы в *Соч.* начинался раздел «1867 г. (Передовые статьи)».

[1] Отсылка к взглядам К. С. Аксакова на взаимоотношения государства и народа (общества).

[2] 1 декабря 1866 г. праздновалось 100-летие со дня рождения Н. М. Кармазина.

[3] Имеется в виду написанная для Александра I записка Карамзина «Мнение русского гражданина», датированная 17 октября 1819 г., впервые опубликованная в изд.: Неизданные сочинения и переписка Николая Михайловича Карамзина. СПб.: в тип. Н. Тиблена и Комп., 1862. Ч. I. С. 3—8. Император из соображений христианской филантропии предполагал восстановить Польшу в границах XVI в.; Карамзин убеждал его в том, что этот замысел противоречит национальным политическим интересам России. См. подробнее: *Долгих А. Н.* Попытка восстановления Польши при Александре I и общественная реакция в России (на примере позиции Н. М. Карамзина) // Гуманитарные исследования Центральной России. 2019. № 3 (12). С. 7—20.

[4] Аксаков имеет в виду беспрецедентную поддержку в русской прессе Северных Штатов в период Гражданской войны (1861—1865), в боях участвовали и добровольцы из России. В тот же период (1863—1864) к берегам Северной Америки был отправлен русский флот, что также получило всемерную поддержку русского общества.

[5] Подразумевается деятельность Аксакова на посту редактора журнала «Русской Беседы», газет «Парус» и «День».

[6] *Станем добре* — начальные слова возглашения диакона в центральной части Евхаристического священнотайнодействия (так называемой «анафоры», или «возношения»), когда хлеб и вино возносятся над престолом в приношение их Богу, Который, приняв этот дар, возвращает его предстоящим как Тело и Кровь Христовы.

<Имеет ли смысл понятие об «аристократизме» и демократизме в России?>

Печатается по первой публикации: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 10 февраля // Москва. 1867. 10 февр. № 33. Стб. 6—7. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 337—341.

В этой передовой статье Аксаков продолжает полемику с газетой «Весть», начатую в «Дне». См. передовицу «<О вожделениях газеты “Весть” к английскому аристократизму>» (День. 1865. 9 янв. № 2. С. 25—28).

[1] Речь идет о подпередовой статье: *<Скарятин В. Д.>*. Санктпетербург, 2 февраля 1867 г. // Весть. 1867. 3 февр. № 15. С. 1. Здесь редактор «Вести» полемизирует с князем Г. А. Щербатовым, задевшим его газету в «С.-Петербургских Ведомостях».

[2] Германские племена франков в V в. завоевали основную часть Галлии, где обитали кельтские племена галлов. Отсылка к словам Наполеона (см. комм. 3 на с. 757).

[3] *Властник* — правитель, властелин.

[4] Имеются в виду кавычки.

[5] *Вилень* (*фр.* vilain) — крестьянин.

[6] *Демагог* — здесь: предводитель мятежной толпы.

[7] *Илот* — раб; бесправный, порабощенный человек.

[8] *Шпынь* — насмешник, балагур, шут.

<Что и кого охранять по программе «Вести»?>

Печатается по первой публикации: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 15 февраля // Москва. 1867. 15 февр. № 37. Стб. 6—7. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 341—345.

Аксаков продолжает полемику с газетой «Весть», откликаясь на две передовые статьи: *<Скарятин В. Д.>*: 1) Санктпетербург, 5 февраля 1867 г. // Весть. 1867. 6 февр. № 16. С. 1—2; 2) Санктпетербург, 9 февраля 1867 г. // Там же. 10 февр. № 18. С. 1.

[1] *«Молодая Россия»* — здесь: радикальная молодежь. От названия одноименной агитационной прокламации, составленной московским студентом П. Г. Заичневским весной 1862 г., изданной и распространявшейся нелегально. Она получила известность как революционный манифест республиканцев-якобинцев, составленный по программе Луи Блана.

[2] Подразумевается Декабристское восстание 1825 г.

[3] Имеется в виду Высочайше утвержденное 1 января 1864 г. «Положение о губернских и уездных земских учреждениях», которым вводилось земство, т. е. всесословное выборное местное самоуправление в уездах и губерниях. В «Вести» подробно аргументируется необходимость изменения этого «Положения» в статье: *<Скарятин В. Д.>*. Санктпетербург, 5 февраля 1867 г. // Весть. 1867. 6 февр. № 16. С. 1—2.

<Как понимает газета «Весть» собственные свои строки>

Печатается по первой публикации: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 3 марта // Москва. 1867. 3 марта. № 49. Стб. 6—7. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 346—349.

Аксаков продолжает полемику с газетой «Весть», откликаясь на передовую статью: *<Скарятин В. Д.>*. Санктпетербург, 19 февраля 1867 г. // Весть. 1867. 20 февр. № 22. С. 1, в которой содержались нападки на передовые статьи Аксакова в «Москве».

[1] Статьи «<Имеет ли смысл понятие об “аристократизме” и демократизме в России?>» и «<Что и кого охранять по программе “Вести”?>» (Наст. том. С. 271—276).

[2] *Паки* — снова, опять.

[3] Слово «бандит» (от *итал.* bandito) впервые зарегистрировано в словаре русского языка в 1803 г.

[4] Цитата из книги: История Наполеона, французского императора, или Историческая и политическая картина военных и гражданских его подвигов, писанная г-м Шасом и поднесенная французской императрице / пер. с фр. М.: в тип. С. Селивановского, 1812. Интересно, что 7 декабря 1824 г. М. П. Погодин выписал эту фразу в свой Дневник целиком: «В революции галлы свергли с себя иго франков» (*Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1888. Кн. I. С. 283).

<Программа «Вести» о примирительном начале в России>

Печатается по первой публикации: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 17 марта // Москва. 1867. 17 марта. № 61. Стб. 6—9. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 349—356.

Аксаков продолжает полемику с газетой «Весть», откликаясь на передовую статью: *<Скарятин В. Д.>*. Санктпетербург, 7 марта 1867 г. // Весть. 1867. 8 марта. № 29. С. 1.

[1] Неточность: № 29 «Вести» вышел 8 марта.

[2] Публицист Ф. И. Фиркс под псевдонимом Шедо-Феротти с 1857 г. издал ряд брошюр на французском языке по вопросам внутренней русской политики, его взгляды были во многом схожи с позицией издателей «Вести». См., например, его брошюру «La noblesse» («Дворянство», 1859), где он ратовал за образование привилегированного землевладельческого сословия, опоры монархического государства.

[3] Имеется в виду папа римский — глава государства Ватикан; до 1870 г. папы были светскими владыками так называемой Папской области.

[4] *Примас* Польши — введенный в 1417 г. титул архиепископа Гнезненского, имеющий верховенство среди других польских архиепископов. В 1821—1946 гг. резиденцией польского примаса была Познань.

[5] *Бельгийский маэстро* — Шедо-Феротти, состоявший агентом Министерства финансов в Брюсселе.

[6] *Замойские, Потоцкие* — шляхетские, а позже польские графские роды, игравшие важную роль в национальной истории и культуре.

<Два государственных типа: народно-монархический и аристократически-монархический>

Печатается по первой публикации: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 21 марта // Москва. 1867. 21 марта. № 64. Стб. 6—8. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 356—362.

Аксаков продолжает полемизировать с программной передовой статьей газеты «Весть»: *<Скарятин В. Д.>*. Санктпетербург, 7 марта 1867 г. // Весть. 1867. 8 марта. № 29. С. 1.

[1] Речь идет об указанной передовице (см. выше).

[2] Аксаков здесь и далее цитирует вольно: довольно точно передавая смысл фразы, он при этом свободно ее видоизменяет. Ср. это место в источнике: «...дело заключается не в том, что тратится больше. Дело заключается в том, чтобы эти расходы способствовали развитию сочувствия к России чрез объединение руководителей иноплеменного меньшинства с руководителями русского большинства. Дело в том, наконец, чтобы это руководительство не ускользнуло из рук русских дворян Остзейского края и не попало бы в руки тех из "Literat", которые, по-видимому, сродни такому же классу у нас и которые, быть может, и заглядываются на прогрессистов прусской Палаты депутатов» (*<Скарятин В. Д.>*. Санктпетербург, 7 марта 1867 г. С. 1).

[3] Британский премьер-министр Р. Пиль поощрял производство путем отмены пошлин на экспорт промышленных товаров, снижения тарифов на ввоз товаров и сырья; возродил подоходный налог (1842); завершил создание банковской и валютной систем Великобритании (1844); отменил хлебные законы (1846) — все это привело к росту экономики и повышению уровня жизни населения.

[4] При 14-м графе Дерби (Э. Дж. Смите-Стэнли), возглавлявшем правительство Великобритании (1852, 1858—1859, 1866—1868), в 1867 г. был издан Акт, значительно расширивший избирательные права подданных Великобритании.

[5] Речь идет о британском премьер-министре Уильяме Питте Младшем, однако в 1787 г. ему было не 22 года, а 28 лет.

[6] Вооруженная борьба греческого народа за независимость от Османской империи, известная как Греческая война за независимость (1821—1829), завершилась мирным Адрианопольским договором 2 сентября 1829 г., по которому Греция стала автономной. 7 мая 1832 г., по Константинопольскому договору, Греция получила независимость. С 1832 г. на греческом троне была баварская королевская династия, свергнутая в 1863 г. Вскоре, в 1866 г., началось восстание на Крите.

[7] Национально-освободительное движение итальянского народа за объединение раздробленной Италии, начавшееся в середине XIX в., привело в марте 1861 г. к провозглашению Итальянского королевства. В сентябре 1870 г. к нему был присоединен и Рим, дотоле находившийся под папской властью.

[8] Объединение Германии совершалось в период 1864—1870 гг., когда Пруссия провела ряд военных кампаний против Дании, Австрии и Франции. 18 августа 1866 г. был образован Северогерманский союз (который и имеет в виду Аксаков). Провозглашение Германской империи состоялось 18 января 1871 г.

[9] В 1867 г. в Австрии была издана конституция, согласно которой законодательным органом страны становился Имперский совет, состоявший из Палаты лордов (титулованного дворянства) и Палаты представителей, избиравшейся выборщиками на основе имущественного ценза по мажоритарной системе.

[10] *Неутрализация* — нейтрализация.

<Не пора ли России перестать малодушествовать перед Европою?>

Печатается по первой публикации: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 12 августа // Москва. 1867. 12 авг. № 106. Стб. 6—9. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 362—369.

Эта передовая статья развивает важную для Аксакова тему уступчивости и бесхребетности русской дипломатии, не способной решительно отстаивать интересы страны на международной арене.

[1] *«Journal des Débats»* — популярный французский еженедельник (1789—1944) либерального направления, неоднократно изменявший свое название.

[2] Имеется в виду программный документ Великой французской революции «Декларация прав человека и гражданина», принятый в августе 1789 г.; к числу «естественных и неотъемлемых прав человека» были отнесены: свобода, собственность, равенство в правах, безопасность и сопротивление угнетению.

[3] Об этом происшествии сообщалось, в частности, в австрийской газете «Neue Freie Presse», опубликовавшей протест европейских консулов в румынском Галаце от 15 июля 1867 г., адресованный на имя префекта города. Приведем начало этого документа, переведенного в газете «Весть» (1867. 17 июля. № 81. С. 4): «Нижеподписавшиеся европейские консулы узнали о прискорбных событиях, случившихся вчера в галацком порту. В минувшую субботу, по распоряжению местных властей, восемь или девять евреев были изгнаны из страны. Жандармы переправили их в небольшой лодке на турецкий берег. <...> Но вместо того, чтобы перевезти несчастных к турецкому посту при Сатоне, солдаты, на которых возложено было исполнение приказания, высадили их на необитаемом острове насупротив Галаца, затопленном водою, и бросили их в болото. В субботу нашли их здесь турецкие солдаты, которые переправили их обратно в Галац, чтобы сдать на ближайший пост. Но валахские солдаты, вместо того чтобы принять этих несчастных, прогнали их штыками и ружейными прикладами в воду. Двое из евреев <...>, угрожаемые штыками, пытались достигнуть вплавь до турецкой лодки, но не успели этого сделать и утонули...» Этот инцидент привел к отставке кабинета министров Румынии, после того как в Английском парламенте стали требовать принятия энергичных мер против гонений на еврейское население этой страны.

[4] См., например, одно из заграничных сообщений: «Число болгар, казненных в последнее время, доходит, по словам корреспондента газеты “Wanderer”, до тысячи человек. Турки совершают наибольшие варварства внутри Болгарии, вдали от европейских консулов» (Весть. 1867. 26 июля. № 85. С. 4).

[5] В период Польского мятежа отношения между римским папой Пием IX и Русским правительством обострились. 6 декабря 1863 г. Россия объявила о временном прекращении конкордата со Святым Престолом. Пий IX в дальнейшем выпустил несколько энциклик и указов антирусской направленности, нацеленных на дискриминацию православных народов.

[6] Флотоводец Г. И. Бутаков в 1863—1867 гг. служил военно-морским агентом в Англии, Франции и Италии. В октябре 1866 г. стал вице-адмиралом. Об излагаемых Аксаковым событиях см. корреспонденцию из Афин от 30 июля (н. ст.) в парижском еженедельнике «Journal des Débats», переведенную в газете «Весть» (1867. 4 авг. № 89. С. 4): «Командир русской эскадры, крейсерующей в тамошних водах,

г. Бутаков, отправился <...> к Омеру-паше и объявил, что ему поручено взять женщин и детей, которые искали убежища в сфакийских пещерах и были окружены там турецкими войсками. Омер-паша <...> отвечал, что упомянутых семейств уже нет в пещерах и что они возвратились в свои деревни...» и т. д. Аксаков поместил в «Москве» перевод другой корреспонденции из Афин (от 31 июля), помещенной в немецкой газете «Allgemeine Zeitung», где излагалось продолжение этой истории: «...кроме эскадры капитана Бутакова, приплыла к Криту французская эскадра тоже для перевозки критских семейств в Грецию. Несмотря на то, что Север-эффенди представлял адмиралу Симону те же резоны, как и капитану Бутакову, адмирал в тот же день снялся с якоря и поплыл на восточную сторону острова. <...> адмирал плавал вдоль берега взад и вперед, останавливаясь там, где он надеялся, что скрывающимся семействам будет легче подойти к берегу» (Известия из Кандии // Москва. 1867. 8 авг. № 102. Стб. 18).

<Что значит: «Россия для русских» по смыслу «Вести»?>

Печатается по первой публикации: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 25 ноября // Москва. 1867. 25 нояб. № 187. Стб. 5—8. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 369—375.

Аксаков продолжает полемику с газетой «Весть», откликнувшись на редакционную статью: *<Скарятин В. Д.>*. Санктпетербург, 14 ноября 1867 года // Весть. 1867. 15 нояб. № 131. С. 1. Здесь, полемизируя с передовой статьей М. Н. Каткова в № 248 «Московских Ведомостей», Скарятин заявляет: «Прежнее время упрекали в том, что русские интересы приносились в жертву интересам немецким. Хотят ли, чтобы теперь насущные русские интересы были принесены в жертву интересам славянским? Нет, и тысячу раз нет! *Россия — для русских!* — вот наше знамя».

[1] Имеется в виду Славянский съезд, состоявшийся в Москве и Санкт-Петербурге в мае-июне 1867 г. с целью централизовать всеславянское движение. Съезд состоял из большого числа митингов, концертов, банкетов, обедов, богослужений и заседаний.

[2] *Диатриба* — агрессивная, резкая, придирчивая критика.

[3] «Кёльнская Газета» («Kölnische Zeitung») — немецкая ежедневная газета, орган либеральной буржуазии; под данным названием выходила в Кёльне с 1802 г.

[4] Евангельский образ. См.: «Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень?» (Мф 7: 9).

[5] О Венском конгрессе см. комм. 2 на с. 745. Имеется в виду неосуждение Россией политики насильственной германизации, проводимой Австрией по отношению к своим славянским подданным.

[6] *Юнкертум* — прусская земельно-родовая аристократия.

[7] *Спагии* — турецкие-конники. *Беи* — мелкие вассальные князи в Турции.

[8] Точнее: Общество взаимного поземельного кредита (1866—1890) — одно из первых общероссийских ипотечных учреждений рыночного типа.

[9] Устав Товарищества приобретателей имений в Западных губерниях был утвержден Комитетом министров 26 июня 1866 г. Это был специальный банк с капиталом в 5 млн руб., который предполагалось довести до 50 млн в случае поддержки частных лиц. Финансировалась только половина стоимости имения. Однако фонд не смог накопить даже 5 млн, и уже в июле денег на покупку поместий не выдавалось. Через год Товарищество было закрыто.

<Отчего Россия так мало способна к обрусению своих окраин?>

Печатается по первой публикации: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 24 декабря // Москвич. 1867. 24 дек. № 2. Стб. 5—8. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 379—387. С республи-

кации этой передовицы в *Соч.* начинался раздел «1867—1868 гг. (Передовые статьи из газеты "Москвич")».

На эту статью Аксакова, затронувшую важный для учения славянофилов вопрос о роли Москвы и Петербурга в истории России, последовал полемический (отчасти провокативный) отклик: <*Корш В. Ф. (?)*>: 1) Петербург, 18-го (30-го) января // *СПбВед.* 1868. 19 янв. № 18. С. 1; 2) Петербург, 23-го января (4-го февраля) // Там же. 24 янв. № 23. С. 1. Аксаков отвечал статьей «<Полемика с немецкими журналами Петербурга>» (Наст. том. С. 303—307).

[1] Речь идет о нынешнем эстонском городе Тарту: он был основан в 1030 г. великим князем Ярославом Мудрым и назван Юрьевом в честь его христианского имени. В 1224 г. город был взят рыцарями-меченосцами и переименован в Дорпат, или Дерпт. Это название сохранилось, после того как в 1704 г. войска Петра I взяли город. В 1893 г., в период «разнемечивания» Прибалтийского края, ему было возвращено изначальное название Юрьев, которое сохранялось до 1919 г.

[2] *Екатерингоф* — ныне исторический пейзажный парк на юго-западе Адмиралтейского района Санкт-Петербурга.

[3] Здесь и ниже перечисляются нововведения Петровского времени, осуществлявшиеся по западным лекалам.

[4] То есть после победы русских войск над Наполеоном. Очень вольно, по памяти цитируется передовая статья: С.-Петербург, 19-го декабря // Северная Почта. 1867. 20 дек. № 278. С. 1109—1110. Какой именно граф Чарторыйский имеется в виду, становился ясно из его характеристики: «Все народное образование было отдано в руки известного польского патриота, князя Адама Чарторыйского, более 20-ти лет управлявшего Виленским учебным округом и университетом» (Там же. С. 1109).

1868

<Полемика с немецкими журналами Петербурга>

Печатается по первой публикации: <*Аксаков И. С.*>. Москва, 28 января // Москвич. 1868. 28 янв. № 27. Стб. 5—8. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 387—394.

Аксаков полемизирует с двумя редакционными статьями «С.-Петербургских Ведомостей», в которых, в свою очередь, была предпринята попытка оспорить одно из основополагающих положений славянофильской историософии о Москве как средоточии русской народности и государственности и измене этим идеалам в Петербургский период отечественной истории, о чем Аксаков напомнил в № 2 газеты «Москвич» (в статье «<Отчего Россия так мало способна к обрусению своих окраин?>»). См.: <*Корш В. Ф. (?)*>: 1) Петербург, 18-го (30-го) января // *СПбВед.* 1868. 19 янв. № 18. С. 1; 2) Петербург, 23-го января (4-го февраля) // Там же. 24 янв. № 23. С. 1.

[1] Имеется в виду передовая статья Аксакова «Москва, 25 января» (Москвич. 1868. 25 янв. № 24. Стб. 5—8), при посмертной републикации получившая назв. «<Некоторые безобразия русской жизни и в частности причины распространения штунды>» (*Соч.* Т. IV. С. 65—72).

[2] Речь идет о немецкоязычной проправительственной газете «St. Petersburgische Zeitung» (1729—1914); первоначально еженедельной, с 1831 г. ежедневной. До начала 1870-х гг. находилась в собственности Академии наук.

[3] Приведем место, вольно цитируемое Аксаковым, по источнику: «...как в политическом отношении Sanctpetersburg есть центр Российской империи, а не Московского государства, так и в отношении нравственном он был и остается до сих пор полнейшим представителем единства всей Русской земли. <...> из двух столиц наших Пе-

тербург с своим периодом истории явил и более общеславянских свойств, и больше симпатий ко всему православному миру» (*<Корш В. Ф. (?)>*. Петербург, 23-го января (4-го февраля). С. 1).

[4] Верхнюю половину лицевой полосы газеты «St.-Petersburger Zeitung» занимало изображение геральдического двухголового орла. Так она называлась в 1852—1914 гг. При основании в 1727 г. — «St.-Petersburgische Zeitung», в 1914—1915 гг. — «Petrograder Zeitung».

[5] Филолог-германист и писатель Ф. Е. Мейер был редактором «St. Petersburgische Zeitung» в 1852—1874 гг.

[6] О газете «Journal de St.-Pétersbourg» см. комм. 3 на с. 695.

[7] *Интимидация* — запугивание, угроза (*устар.*). Аксаков отсылает к своей передовой статье «Москва, 26 января» (Москвич. 1868. 26 янв. № 25. Стб. 5—7), при републикации поименованной «<Пред Европой — Россия виновата тем, что она существует>» (*Соч.* Т. VII. С. 176—181). Здесь Аксаков выражал убежденность в том, что «европейским политическим интриганам не удастся произвести никакой "интимидации", так как России ни бояться нечего, ни оправдываться не в чем. Ее правда ярка как солнце, да и честь ее в надежных руках» (Там же. С. 180).

[8] То есть в статье «<Пред Европой — Россия виновата тем, что она существует>».

[9] Светлейший князь А. М. Горчаков в 1856—1882 гг. занимал пост министра иностранных дел.

[10] «Завещание Петра Великого» («Le Testament de Pierre le Grand») — фальсификация, сфабрикованная, по всей видимости, французскими политическими кругами и опубликованная в 1812 г. на французском языке. Содержит призыв для преемников Петра I установить мировое господство России.

[11] Завещание Екатерины II было составлено в 1792 г. Аксаков подразумевает, вероятно, желание Екатерины восстановить Византийскую империю, посадив на трон своего второго внука Константина Павловича: «Мое намерение есть возвести Константина на Престол греческой восточной Империи» (Записки императрицы Екатерины Второй: перевод с подлинника, изданного Императорской Академией наук. СПб.: изд. А. С. Суворина, 1907. С. 720).

[12] Имеется в виду Австрия.

[13] Этими словами, цитируемыми не буквально точно, завершается первая статья «С.-Петербургских Ведомостей». См. в контексте: «...Петербург все-таки русский город, все-таки в какой-нибудь Риге сидит немало русских и православных, все-таки с XVIII в. больше немцев, шведов, поляков обрусело, нежели русских ошведилось, ополячилось. А этого вряд ли достигла бы Москва с своею тяжеловесностью, национальною и всякою исключительностию» (*<Корш В. Ф. (?)>*. Петербург, 18-го (30-го) января. С. 1).

[14] О Славянском съезде 1867 г. см. комм. 1 на с. 760.

[15] *Заушение* — удар по уху, по щеке (*устар.*); опорочивание, грубое оскорбление.

[16] Перепев слов священника, проводящего обряд крещения: «Отрицаеши ли ся сатаны, и всех дел его <...> И дуни, и плюни на него».

[17] *«Неделя»* (1866—1903) — при основании проправительственная петербургская газета; в апреле 1867 г. была приобретена книготорговцем Г. Е. Генкелем и стала органом демократического направления.

[18] *«Петербургская Газета»* (1867—1871) — ежедневное издание И. А. Арсеньева.

[19] Подразумеваются «С.-Петербургские Ведомости», начиная с 1847 г. сдававшиеся в аренду Академией наук. В. Ф. Корш был редактором-издателем газеты в 1863—1874 гг.

[20] Имеется в виду профессор Харьковского университета Д. И. Каченовский, специалист по международному праву. В материалах пражских судебных прений (см. об

этом ниже) о нем упоминалось кратко — как «о том русском профессоре, который назвал поездку славян в Москву “незаконною” (см. “Debatte”)» (Москвич. 1868. 26 янв. № 25. Стб. 18). В другом месте предполагается, что изложенное мнение Каченовского — «все это утка» (Там же. 31 янв. № 29. Стб. 16).

[21] *«Debatte»* — венская политическая газета, продвигавшая интересы аристократических верхов.

[22] См. публикацию стенографического отчета, переведенного из пражской газеты «Politik», о судебном разбирательстве в связи с поездкой чешских представителей на Славянский съезд и Этнографическую выставку в Москву и Петербург: Поездка славян в Россию пред Пражским судом // Москвич. 1868. 25 янв. № 24. Стб. 18—19; 26 янв. № 25. Стб. 16—20; 28 янв. № 27. Стб. 18—20; 30 янв. № 28. Стб. 15—19; 31 янв. № 29. Стб. 15—17; 2 февр. № 31. Стб. 14. Иск подал делегат съезда Ф. А. Браунер против издателя-редактора пражского еженедельника «Deutsche Volkszeitung» («Немецкая народная газета») К. Пиккерта. Тот опубликовал статью «Из чешско-национального лагеря», обвинявшую всю чешскую делегацию «в изменнических замыслах». Иск не был удовлетворен.

[23] <*Аксаков И. С.* (?)>. Австрийское общество в С.-Петербурге // Москвич. 1868. 25 янв. № 24. Стб. 9. В заметке содержится выпад в адрес № 2 «Петербургской Газеты», где помещено сообщение о новом обществе для вспоможения студентам, которое «будет противодействовать <...> *болезненным* стремлениям славянофилов, собирающих *русские* деньги в пользу славян — *австрийских* чиновников, которые дозволяют себе производить агитацию против своего *законного* государя».

[24] Неточность: Аксаков имеет в виду свою передовую статью в № 2 «Москвича» («<Отчего Россия так мало способна к обрусению своих окраин?>») — это была его первая передовица в «Москвиче» (отсюда, видимо, и ошибка).

[25] Слова Чацкого из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (д. III, явл. 10).

[26] К январю 1710 г. Петр I завершил реформу кириллического алфавита — им были утверждены новая гражданская азбука и гражданский шрифт.

[27] Отсылка к периоду фаворитизма, когда высшие государственные посты достигались путем интимной связи с императрицами: графа А. Г. Разумовского с Елизаветой Петровной, графа П. В. Завадовского с Екатериной II.

<О нашей смиренности по отношению к западной прессе>

Печатается по первой публикации: <*Аксаков И. С.*>. Москва, 7 февраля // Москвич. 1868. 7 февр. № 34. Стб. 4—7. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 394—400.

[1] Вероятно, речь идет о Венской ноте, принятой 31 июля 1853 г. представителями Великобритании, Франции, Пруссии и Австрии в Вене в адрес России и Турции. Нота обязывала Россию, войска которой незадолго до того вступили в Дунайские княжества, покинуть их.

[2] О Парижском мирном договоре (1856) см. комм. 14 на с. 724.

[3] *«Клятися и ротитися»* — кляться и божиться. Вольная цитата из Елизаветинской Библии. См.: «Он же нача ротитися и клятися, яко не вем человека сего, егоже вы глаголете» (Мк 14: 71).

[4] *Чивита-Векия* (Чивитавеккья, Civitavecchia) — итальянский город на Тирренском море, является морским портом Рима, находясь в 80 км к северо-западу от него.

[5] Речь идет о Соединенных княжествах Молдавии и Валахии — государственном образовании, возникшем в 1859 г. после объединения Дунайских княжеств, и возглавлявшем его в 1866—1881 гг. господаре Кароле I из немецкого католического дома Гогенцоллернов-Зигмарингенов.

<О смертной казни>

Печатается по первой публикации: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 24 апреля // Москва. 1868. 24 апр. № 18. Стб. 4–7. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 401–407. С републикации этой передовицы в *Соч.* начинался раздел «1868 г. (Передовые статьи из газеты “Москва”)».

Поводом обращения к теме отмены смертной казни послужили для Аксакова прения по этому предмету в парламентах Лондона и ряда других столичных городов Европы.

[1] Имеется в виду подавление бунтов московских стрельцов в 1682 и 1698 гг. См. также комм. 3 на с. 713.

[2] Бессмысленная жестокость наказаний в период правления Анны Иоанновны и ее фаворита Бирона (обычно по «делам об оскорблении величества») объяснялась тем, что имевшая мало прав на престол императрица ревниво относилась к тому, что о ней говорили в народе.

[3] В царствование Елизаветы Петровны сначала были отменены смертная казнь и пытки для лиц младше 17 лет, а указами от 18 июня 1753 г. и 30 сентября 1754 г. «натуральная смертная казнь» заменена на «политическую» (т. е. на каторжные работы).

[4] Екатерина II 8 ноября 1774 г. подписала секретное повеление о том, чтобы присутственные места ни под каким видом не допускали при допросах телесных истязаний «для познания о действиях истины».

[5] Выражение из стихотворения А. С. Хомякова «России» («Гордись! — тебе льстецы сказали...», 1839).

[6] В каком именно произведении об этом пишет Хомяков, выяснить не удалось. По предположению хомякововеда Н. В. Серебренникова, «так Аксакову мог запомниться устный или эпистолярный автокомментарий к публикации (1841) стих. “Ritterspruch — Richterspruch”, единственному произведению, где о палачестве Хомяков говорит напрямую. Наверняка он по этому поводу должен был еще распространяться. Аксаков не присочинил, он за далью лет неверно помнит» (из письма к нам из Томска от 14 мая 2022 г.). Отметим, что в записке «<О старом и новом>» (1837?; оп. 1861) Хомяков дважды говорит об «отмене смертной казни, человеколюбии в праве уголовном» как о том, «чем мы можем гордиться» (*Хомяков А. С.* О старом и новом: статьи и очерки / сост., вступ. ст. и комм. Б. Ф. Егорова. М.: Современник, 1988. С. 46, 48).

[7] Точнее, Свод Законов Российской империи (в 15 т.) был напечатан в 1832 г., а Манифестом 31 января 1833 г. объявлен действующим источником права с 1 января 1835 г.

[8] Неточность: в указанном Аксаковым примечании перечислены не три, а *четыре* случая применения смертной казни: «в 1764 году, над поручиком Мировичем; в 1771 году, по происшедшему в Москве бунту во время заразы; в 1775 году, над донским казаком Емелькою Пугачевым с соучастниками; в 1826 году, по бунту 14 декабря 1825 года» (Свод Законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленный. СПб.: тип. 2-го Отделения, 1832. Т. XV: Свод законов уголовных. С. 8).

[9] Второе издание Свода Законов вышло в 1842 г.

[10] Уложение о наказаниях 1845 г. предусматривало смертную казнь лишь за государственные и карантинные преступления, и только после Высочайшего рассмотрения приговора. Смертная казнь при наличии смягчающих обстоятельств заменялась бессрочной каторгой или каторгой на срок 15–20 лет и не применялась к лицам моложе 21 года и старше 70 лет. Военно-уголовное законодательство устанавливало, что смертной казнью карается умышленное убийство, изнасилование, разбой, грабеж, уничтожение чужого имущества.

[11] См.: *<Аксаков И. С. (?)>*. Вопрос о смертной казни в Англии // Москва. 1868. 23 апр. № 17. Стб. 17—18. Прения происходили в заседании Палаты общин 21 апреля (н. ст.). При голосовании 127 оказались против отмены смертной казни и только 23 поддержали отмену. Эта заметка содержит ряд языковых соответствий с рассматриваемой передовой статьей.

[12] В заметке отмечалось: «Г<-н> Милль защищал смертную казнь тем самым главным доводом, который выставлялся против нее ее противниками. Он считает ее менее жестокою, чем пожизненная каторжная работа, которая есть не что иное, как медленная мучительная смерть» (Там же. Стб. 18).

[13] Подразумевается королева Виктория.

[14] Имеется в виду Статут 26, или Акт о супрематии, Генриха VIII (1534), которым, в частности, провозглашалось: «Король, наш суверенный монарх, его законные наследники и преемники принимаются, признаются и считаются единственной верховной на земле главой церкви Англии...»

[15] Ср.: «...говорит Господь Бог: не хочу смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был» (Иез 33: 11).

[16] Оптимизм Аксакова не оправдался в ближайшей исторической перспективе: смертная казнь, отмененная в Саксонии в 1867 г., была восстановлена в 1871 г. общегерманским Уложением о наказаниях.

<О лжеконсерватизме паразитного русского мира>

Печатается по первой публикации: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 26 апреля // Москва. 1868. 26 апр. № 20. Стб. 4—7. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 408—415.

Аксаков продолжает полемику с газетой «Весть», но в данном случае, на первый взгляд, не с конкретной ее статьей, а со всем комплексом социально-политических идей, высказываемых ее авторами. На деле же его мишенью оказались две передовые статьи, в которых оправдывается увольнение генерал-губернатором Вильны А. Л. Потаповым галицкого ученого и поэта Я. Ф. Головацкого, возглавлявшего местную археографическую комиссию (см. ниже комм. 8): *<Скарятин В. Д.>*: 1) Санктпетербург, 9 апреля // Весть. 1868. 10 апр. № 41. С. 1; 2) Санктпетербург, 14 апреля // Там же. 15 апр. № 43. С. 1. Такой дипломатический прием Аксакова объяснялся тем, что ему важно было скорее поправить ситуацию и помочь Головацкому, не обостряя отношений с властями. Вместе с тем Аксаков защищает здесь основы славянофильского мировоззрения, поскольку Скарятин в своих передовицах откровенно глумится над ним, например, заявляя: «Это — дикая, слепая страсть. Нет! эти люди не верят в Россию. Смеяться над справедливостию, издеваться цинически над всем, что выработала цивилизация, позорить Россию уверениями, что ее призвание в среде народов — явить миру пример какого-то азиатского социализма...» (*<Скарятин В. Д.>*. Санктпетербург, 9 апреля. С. 1).

[1] См., например, в статье «<О деспотизме теории над жизнью>», ч. II: «...при неправильном обращении соков в древесном организме, сила дерева уходит в листья и вместо плода производит лиственные наросты, — так и в живом организме народном, при известных исторических условиях, вся деятельность общественной и служилой среды истощается нередко в одних бесплодных попытках создать что-либо цельное и живое, успевая производить только отвлеченные теории, планы и регламенты — если не всегда мертворожденные, то почти всегда обреченные недолгому веку» (Наст. том. С. 229).

[2] Подразумевается, в частности, практика огораживаний, выразившаяся в насильственной ликвидации общинных земель в Европе на раннем этапе развития капитализма (XV—XIX вв.). Она приводила к обнищанию сельского населения и его выселению в города.

[3] О пауперизме см. комм. 5 на с. 719.
[4] Имеется в виду «Жалованная грамота дворянству 1785 года» Екатерины II. См. комм. 4 на с. 702.
[5] О басне И. А. Крылова «Листы и Корни» (1811) см. комм. 10 на с. 749.
[6] Имеется в виду знаменитое изречение М. В. Ломоносова, которым завершается его отзыв «О издающейся в печать Шлёцеровой "Грамматике российской"» (1764; оп. 1840): «...каких гнусных пакостей не наколобродит в российских древностях такая допущенная в них скотина» (*Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч.: <в 11 т.>. М., Л.: изд-во АН СССР, 1955. Т 9: Служебные документы, 1742—1765 гг. С. 427). Особенно возмутили Ломоносова в рецензируемом сочинении «сумасбродство в произведении слов российских» и «ругательные чести и святости рассуждения», например, то, что «Дева, которое слово употребляется у нас почти единственно в наименовании Пресвятыя Богоматери, производит Шлёцер от немецкого слова Dieb (вор), от голландского teef (<непотребная женщина>), от нижнего саксонского слова Tiffe (сука)» (Там же. С. 426—427).
[7] Подразумевается Польский мятеж 1863—1864 гг.
[8] Видный галицкий ученый и поэт Я. Ф. Головацкий, после участия в Славянском съезде в Москве, где отличился яркими речами о славянском объединении, подвергся гонениям в Австро-Венгрии. Он был вынужден выехать с семьей в Россию и обосновался в Вильне, где с декабря 1867 г. возглавил местную археографическую комиссию. Однако вступивший в должность в марте 1868 г. новый генерал-губернатор Вильны А. Л. Потапов возмутился тем, что важный пост в Вильне занимает австрийский эмигрант и униатский каноник. Именно об этом конфликте ведет речь Аксаков, вступившийся за Головацкого. Последний вскоре снял сан и перешел со всей семьей в православие, а Потапов изменил к нему свое отношение и стал одним из его покровителей.

<Откуда слабость русских общественных сил?>

Печатается по первой публикации: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 16 октября // Москва. 1868. 16 окт. № 155. Стб. 3—7. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 415—422.

[1] Заключительные строки стихотворения Е. А. Баратынского «Хотя ты малый молодой...» (1830).
[2] Аксаков актуализирует этимологию фразеологизма «жив курилка», в XIX в., впрочем, вполне понятную читателю. Тогда и в России, и в европейских странах еще бытовала старинная детская игра *курилка*, в ходе которой играющие передавали по кругу из рук в руки горящую или тлеющую (курящуюся) лучинку или соломинку и при этом по очереди пели песенку-присказку. Игрок, у которого лучина гасла, выбывал из игры.
[3] *Назём* — см. комм. 7 на с. 738.
[4] Речь идет о литературе начала XVIII в. — сатире Петровского времени, творчестве А. Д. Кантемира
[5] Об указах Петра I, вводивших обязательное бритье бороды и запрет на национальную одежду см. комм. 4 на с. 754.
[6] Имеется в виду так называемый *бородовой знак* — металлический жетон, служивший квитанцией об оплате особой пошлины на ношение бороды, на котором в разное время выбивались надписи: «денги взяты» (1799), «с бороды пошлина взята» и «борода лишняя тягота» (1725), изображение усов (1705) и др.
[7] Подразумевается предписание московского военного генерал-губернатора графа А. А. Закревского, 10 апреля 1856 г. через полицию объявленное А. С. Хомякову. В нем содержалось Высочайшее повеление сбрить бороду и не носить русского ко-

стюма и взята в этом подписка (см. письмо С. Т. Аксакова к М. А. Максимовичу от 10 апреля 1856 г. // *Аксаков С. Т.* Полн. собр. соч.: в 6 т. СПб.: изд. Н. Г. Мартынова, 1886. Т. III. С. 448).

[8] В комедии Гоголя «Ревизор» купцы жалуются Хлестакову на городничего Сквозника-Дмухановского: «То есть, не то уж говоря, чтоб какую деликатность, всякую дрянь берет: чернослив такой, что лет уже по семи лежит в бочке, что у меня сиделец не будет есть, а он целую горсть туда запустит» (д. IV, явл. 10). За это городничий «задает перцу» (д. V, явл. 1) жалобщикам: глумится над ними, обзывая их: «Что, самоварники, аршинники, жаловаться? Архиплуты, протобестии, надувайлы мирские!» (д. V, явл. 2).

СТАТЬИ ИЗ ГАЗЕТЫ «РУСЬ» (1880—1885)

1880

<О казенщине>

Печатается по первой публикации: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 22 ноября // Русь. 1880. 22 нояб. № 2. С. 1—4. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 425—434. С републикации этой передовицы в *Соч.* начинался раздел «1880—1881 гг. (Передовые статьи)».

Передовые статьи (рассматриваемая и в предыдущем номере) вызвали похвальный отзыв К. П. Победоносцева в его письме к Аксакову от 25 ноября 1880 г.: «По правде скажу, что первые два номера удовлетворили мое ожидание: дай Бог Тебе успеха; дай Бог держаться в правом слове, которое именно теперь так нужно, посреди господствующего смятения языков. В таком состоянии, когда никто не знает, чего хочет, много значит голос, исходящий от твердой мысли и ясной; но в наше время стало уже нелегко и знать, что мы хотим: сего и Тебе, и себе желаю от всей души. Если же в этом будет у Тебя твердо, то не сомневаюсь, что голос "Руси" станет словом *со властью*» (*Люди русской правды.* С. 425). Не менее высоко оценил передовые статьи Аксакова в первых пяти номерах и Ф. М. Достоевский в письмах от 3 и 18 декабря 1880 г. (*Достоевский.* Т. 30. Кн. 1. С. 232, 234, 235—236). Он, в частности, отмечал: «Да, давно не являлось подобное раздавшемуся вновь голосу. Ваши статьи очень твердо и целокупно (конкретно) написаны. Вы ставите чрезвычайно ясную мысль о земстве и понятную, как дважды два. Так как это отчасти самый корень дела, то Вы, конечно, будете продолжать разъяснять Вашу мысль и в следующих нумерах, при всяком удобном случае. Так и надо» (Там же. С. 232).

Либеральный публицист А. Д. Градовский выступил с критическим разбором упомянутых передовиц, упрекнув Аксакова, что он, указывая на негативное влияние Петровских преобразований на русскую жизнь, якобы проглядел живую национальную струю в обществе, вызванную реформами Александра II (см.: *Градовский А.* Не архитектуры, а жизни. — По поводу мнений газеты «Русь» // Русская Речь. 1880. № 12. С. 93—103). Кроме того, выделяются статьи: *<Без подписи>*. Вперед или назад? // Молва. 1880. 20 нояб. № 321. С. 1—2; *Грель <Градовский Г. К.>*. Лже-правда в аксаковской «Руси» // Там же. 21 нояб. № 322. С. 1—2; *Буква <Василевский И. Ф.>*. Наброски и недомолвки // Там же. 23 нояб. № 324. С. 1—2; *<Без подписи>*. Воскресные наброски: Газета славянофилов // Голос. 1880. 30 нояб. № 331. С. 1; *<Полонский Л. А.>*. Неурожай и отвлеченное направление г. Аксакова // Страна. 1880. 30 нояб. № 94. С. 11—12; *Португалов В.* И. С. Аксаков тот же западник // Там же. 11 дек. № 97. С. 3; *Модестов В.* Политическое староверство // Голос. 1880. 20 дек. № 351. С. 1—2; Москва, 31 декабря // *РВед.* 1880. 31 дек. № 338. С. 1.

С ответом на эти и другие критические отклики, а также враждебные нападки на газету в связи с ее первыми передовыми статьями Аксаков ответил в передовице «<“Обрести” должно, а не “изобрести” русскую, живую формулу жизни>» в № 6 «Руси» от 20 декабря 1880 г. (Наст. том. С. 354—359).

[1] Объявление Аксакова об издаваемой им с 15 ноября еженедельной газете «Русь» и ее программе публиковалось в ряде наиболее распространенных изданий: с 26 сентября в «Русских Ведомостях», с 27 сентября в «Московских» и «С.-Петербургских Ведомостях», «Современных Известиях» и «Русском Курьере», с 30 сентября в «Новом Времени», с 5 октября в «Голосе», с 29 октября в «Береге», с 23 октября в «Стране», с 4 декабря в «Варшавском Дневнике» и др. См.: *Бадалян.* С. 38—39.

[2] См.: *Лукин А.* Московские письма: Апостол правды. — Слух об отказе г. Аксакова от должности директора // Молва. 1880. 4 окт. № 274. С. 1; *<Мейн А. Д.?>*. Московские заметки: Г. Аксаков и его новая газета. — Несколько замечаний на его программу // Голос. 1880. 7 окт. № 277. С. 1; *Н. М. <Михайловский Н. К.>*. Литературные заметки // *ОЗ*. 1880. № 10. С. 199—200; *К. <Арсеньев К. К.>*. Внутреннее обозрение // *ВЕ*. 1880. № 11. С. 378—379, и др.

[3] Использовано латинское выражение «experimentum in anima vili» (опыт на малоценном организме, *лат.*), т. е. на подопытных животных. Аксаков подразумевает Петровские реформы.

[4] См.: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 15 ноября // Русь. 1880. 15 нояб. № 1. С. 1—6; при посмертной републикации статья получила назв. «Об уездном самоуправлении» (*Соч.* Т. V. С. 417—434). Имеются в виду слова: «Едва ли кто и при Петре верил в жизненность, например, учреждения ландрихтеров, камериров и ландратов, или Ревивион-, Камер-, Комерц-, Берг- и других коллегий (как известно, смененных потом, в свою очередь, министерствами, департаментами, комитетами, комиссиями разнообразных наименований, которые опять-таки часто приходится чинить, перетасовывать, переиначивать). Правительствующий Сенат Петра Великого признается у нас некоторыми учреждениями самым популярным. Но что общего между ним и Кассационными Департаментами Сената нашего времени?» (Там же. С. 420).

[5] Речь идет о передовице: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 10 февраля // День. 1862. 10 февр. № 18. С. 1—3, при републикации получившей назв. «Как отнеслись к Екатеринскому “Городовому Положению” города Углич и Молога» (*Соч.* Т. VI. С. 180—186).

[6] В. А. Елагин скончался 22 июля 1879 г., в «Дне» Аксакова он опубликовал 9 статей; в период издания этой газеты Елагин и Аксаков были особенно близки.

[7] Подразумевается период Петровских реформ.

[8] То есть в передовой статье № 1 «Руси» от 15 ноября 1880 г. (см. вых. дан. в комм. 4). Ср.: «Народ упорно хранил и соблюл веру в свой исторический идеал верховной власти сквозь все испытания, сквозь все перевороты и недоразумения, которыми был в особенности богат знаменитый XVIII век. Такая, можно сказать, органическая вера народа не может не оправдаться, — отчасти уже оправдалась 19 февраля 1861 г., оправдается без сомнения и вполне» (*Соч.* Т. V. С. 419).

[9] Цитата из стихотворения А. С. Хомякова «Исповедь» («Не говорите: “То былое...”», 1844).

[10] Процитировав эти слова (от начала абзаца), публицист В. О. Португалов сделал парадоксальный вывод: «Так выражается “Русь” г. Аксакова, но положительно то же самое говорят западники, хотя они это высказывают проще, яснее, более современным языком, не так кудревато, а общепонятно и внятно. Отсутствие *зиждительной силы жизни* и отличает наше общество от западноевропейского, и все идеалы так называемых западников сводятся именно на присутствие этой зиждительной силы в западноевропейском обществе» (*Португалов В.* И. С. Аксаков тот же западник // Страна. 1880. 11 дек. № 97. С. 3).

[11] Очередная отсылка к передовой статье № 1 «Руси» от 15 ноября 1880 г.

<О казенщине в церковном строе>

Печатается по первой публикации: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 29 ноября // Русь. 1880. 29 нояб. № 3. С. 1—3. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 434—442.

[1] То есть в передовой статье в № 2 «Руси» от 22 ноября 1880 г. («<О казенщине>»). См.: Наст. том. С. 331.

[2] Евангельский образ (Мф 24: 15).

[3] Буквально точное определение из «Духовного регламента» (1721). См.: «Часть I. Что есть духовное Коллегиум, и каковые суть важные вины такового правления».

[4] Реминисценция из евангельской притчи о добром сеятеле и плевелах (Мф 13: 24—30).

[5] Подразумевается Табель о рангах. См. комм. 10 на с. 738.

[6] Слово «кавалер» в подписи означало, что духовное лицо награждено орденами. Аксаков и другие славянофилы не одобряли этой практики. По их убеждениям, подобные награды, не предусмотренные канонами, привносили в церковную жизнь черты чиновнического карьеризма. В марте 1885 г. Н. П. Гиляров-Платонов, друг и единомышленник Аксакова, приветствовал Синодальный указ, требовавший от священников при богослужении «не возлагать на себя светских отличий». Он писал: «Если это шаг к тому, чтоб вообще упразднить или, по крайней мере, ослабить обычай так называемых “светских” наград духовенству, то и тем более должно радоваться. Невозможно исчислить вред, нанесенный Церкви нововведением, которому безуспешно сопротивлялся митрополит Платон, возмущавшийся тем, что архиерею или священнику придется быть “кавалером”. <...> К “наградам” духовные лица потянулись, и так как на первый раз награды давались не за самое священнослужение, а за исправление каких-нибудь должностей на государственной службе в священнослужительском сане, то иерейство стало добиваться должностей законоучителя, депутата, увещателя и т. п. Естественно, оттягивалось оно этим от прямых своих обязанностей к пастве. <...> Каждый священнослужитель есть, несомненно, подданный Государя и обязан быть его слугой, но самое священство его истекает из другого строя, церковного, а не государственного, и основано на начале, отличном от государственной службы, хотя и совместимом с нею: оно есть не пожалование от Государя, а благодать Св. Духа, ниспосылаемая чрез рукоположение» (*<Гиляров-Платонов Н. П.>*. Москва, 4 марта: Дневное обозрение // *СИ*. 1885. 5 марта. № 62. С. 2).

[7] *Princes de l'Eglise* — принятое у католиков обозначение епископата (кардиналов, архиепископов, епископов); буквально: «князья Церкви».

[8] Ср.: «и на сем камне Я создам церковь Мою, и врата адовы не одолеют ее» (Мф 16: 18).

[9] Отсылка к Евангелию: «Вы — соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему не годна, как разве выбросить ее вон на попрание людям» (Мф 5: 13).

[10] Выражение из Елизаветинской Библии. См. в контексте: «вся Тем быша, и без Него ничтоже бысть, еже бысть» (Ин 1: 3).

[11] Речь идет о реализации Положения от 16 апреля 1869 г. «О составе приходов и церковных причтов», в результате чего в России были пересмотрены границы приходов и изменен состав церковных причтов. Целью было улучшение материального состояния духовного сословия. Однако в итоге в первых 18 епархиях, где проходила реформа, состав причтов в 1873 г. уменьшился на 14 701 лицо, количество приходов сократилось на 20%, общее число духовенства — на 38%, число священников — на 10%. Всего же к 1885 г. белое духовенство в России сократилось на 34 900 человек. Современники называли этот закон «нигилизмом сверху». Уже в 1876 г. недовольство населения введенными штатами и сокращением приходского духовенства ста-

новится настолько очевидным, что правительство было вынуждено принять ряд мер, призванных смягчить обстановку.

[12] Здесь Аксаков высказывает одобрение распоряжению нового (с 24 апреля 1880 г.) обер-прокурора Св. Синода К. П. Победоносцева, приостанавливающему законоположение о сокращении приходов и членов причтов. Позднее, с середины 1880-х гг., Победоносцев добился устойчивого роста числа православных приходов и численности духовенства.

[13] Отсылка к евангельской притче о добром пастыре и наемнике: «и овцы слушаются голоса его, и он зовет своих овец по имени и выводит их. И когда выведет своих овец, идет перед ними; а овцы за ним идут, потому что знают голос его» (Ин 10: 3–4).

[14] Неточная цитата из поэмы Н. А. Некрасова «Тишина» (1857). В оригинале: «Убогий храм земли твоей».

[15] К. П. Победоносцев пробыл в Киеве 4 дня – с 13 по 17 октября 1880 г. В духовной академии он присутствовал на некоторых лекциях, осмотрел ряд помещений; потом посетил духовную консисторию. 19 октября Победоносцев возвратился из Житомира в Киев и на следующий день вторично прибыл в академию, где обратился к студентам, которых собрали в общую залу после лекций, с речью, которую и цитирует Аксаков. Изложение речи было помещено в неподписанной статье «Посещение г. обер-прокурором Святейшего Синода Константином Петровичем Победоносцевым учреждений духовного ведомства в Киеве» (Киевские Епархиальные Ведомости. 1880. 29 окт. № 44. Ч. неоф. С. 2–6). Этот материал был перепечатан в «Московских Ведомостях» (1880. 17 нояб. № 319. С. 3), по которым, скорее всего, и цитируется Аксаковым (здесь и ниже). 31 октября Победоносцев убыл в Петербург.

[16] Евангельский образ. См.: «Аще же соль обуяет, чим осолится» (Мф 5: 13; Мк 9: 50). *Обуяние* соли – ослабление ее действия (*цркс.*).

Курьез или «раритет»?

Печатается по первой публикации: *<Аксаков И. С.>*. Курьез или «раритет»? // Русь. 1880. 29 нояб. № 3. С. 22. (Разные заметки).

Аксаков откликнулся на статью: *Боборыкин П.* Подписка на сооружение памятника французскому романисту Флоберу (письмо в редакцию) // *РВед.* 1880. 27 нояб. № 306. С. 3, в составе которой Боборыкин опубликовал фрагмент письма от 23 (11) ноября, адресованного ему И. С. Тургеневым (его содержание кратко пересказывает Аксаков; автограф неизвестен).

Поскольку в России того времени был всего один писательский памятник (Пушкину), причем поставленный всего полгода назад, призыв Тургенева жертвовать деньги на возведение памятника Флоберу во Франции вызвал, в том числе и с легкой руки Аксакова, недовольство читателей. В русской прессе появилось множество отрицательных отзывов. Расстроенный Тургенев вынужден был признать (в письме к Я. П. Полонскому от 22 (10) декабря 1880 г.): «Ругательные статьи во всех газетах, град анонимных писем и пр. осязательно доказали мне, что, обращаясь к российской публике за несколькими грошами в пользу памятника моему другу Флоберу, я сделал глупость» (*Тургенев И. С.* Полн. собр соч. и писем: в 28 т. Письма: в 13 т. Л.: Наука, 1968. Т. XIII. Кн. 1. С. 23).

[1] *«Русские Ведомости»* – общественно-политическая газета, издававшаяся в Москве в 1863–1918 гг.; орган либеральной московской профессуры и земских деятелей. В 1864–1882 гг. редактор-издатель – Н. С. Скворцов.

[2] Тургенев в письме уточнял: «На весь памятник (бюст Флобера, на одной из площадей Руана) потребуется 13 000 фр. 8000 уже в кассе есть. Бюст взялся сделать из-

вестный ваятель Гильом, член Института» (Там же). Флобер скончался в том же 1880 г., 8 мая; Руан — его родина. На кандидатуре Эжена Гильома настаивала семья романиста, поскольку этот скульптор собирался изваять памятник безвозмездно. Комитет же поначалу остановил свой выбор на скульпторе Огюсте Клесенже, зяте Жорж Санд (его работа — колонна с бюстом Флобера — вскоре появилась в Париже — недалеко от ограды со стороны бульвара Сен-Мишель, там, где рю Медисис образует с ним угол). В Руане же, из-за замедления со сбором денег, памятник был открыт только 23 ноября 1890 г. — с фигурой писателя в полный рост работы скульптора А. М. Шапю. См.: *Венгерова З.* Парижский архив А. И. Урусова // Литературное наследство. Т. 33/34: Русская культура и Франция. М.: изд-во АН СССР, 1939. [Кн.] III. С. 610—613.

[3] Тургенев просил Боборыкина: «Не можете ли вы, с своей стороны, известить об этом русскую публику, в которой Флобер имеет немало почитателей, и прибавить, что желающие заявить свое сочувствие его памяти хотя небольшой подпиской могут присылать ее на мое имя в Париж — *Rue de Douai*, 50 (имена дателей будут опубликованы). Или еще лучше: устройте для этого в Москве центр, куда бы стекались подписки, а когда их наберется несколько, перешлите их мне. Я о том же пишу в Петербург» (*Боборыкин П.* Подписка на сооружение памятника... С. 3).

[4] Боборыкин писал, всячески рекламируя воззвание Тургенева: «Исполняю желание Ивана Сергеевича с радостью человека, высоко ставящего дарование и значение Флобера в современном романе. Поразителен тот факт, что президентом комитета — Виктор Гюго! А не дальше, как два года назад заздравный привет, выраженный мною от лица русских почитателей Флобера, на банкете литературного конгресса, сочтен был чуть не личностью “поэту-солнцу”. В России немало почитателей Флобера — И. С. в этом не ошибается. Кто хочет уделить что-нибудь на сооружение памятника покойному романисту, не смущаясь тем, что он — чужой, французский писатель, — те перешлют свою подписку <...> Прошу убедительно редакции московских и петербургских газет и журналов перепечатать это заявление» (Там же).

[5] Подписка на пожертвования на памятник Н. В. Гоголю в Нежине была разрешена в августе 1880 г. См. подробнее в преамбуле к комм. к статье «<Гоголь был удивительное явление!>» (Наст. том. С. 793).

<По поводу брошюры «К истории русского нигилизма»>

Печатается по первой публикации: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 6 декабря // Русь. 1880. 6 дек. № 4. С. 1—4. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 442—453.

В статье рецензируется анонимная брошюра «К истории русского нигилизма. Отцы и дети» (Кишинев: тип. Ф. Грузинцева и К°, 1880. 28 с.). Она представляет собой отдельное издание критического очерка. Вскоре после публикации передовой статьи Аксаков получил из Кишинева отклик издателя брошюры Ф. В. Грузинцева, датированный 16 декабря, оформленный как газетная статья в жанре «письмо в редакцию» и озаглавленный «От издателя брош<юры> “К истории рус<ского> нигилизма” — к издателю газ<еты> “Русь”». Аксаков даже стилистически улучшил текст, очевидно предполагая его опубликовать, но потом отказался от этого намерения. Письмо Грузинцева сохранилось в Аксаковском фонде Рукописного отдела Пушкинского Дома. (Не исключено, что Грузинцев и является автором брошюры, о чем свидетельствуют его какая-то личная обида на критику Аксакова и то, что все упреки в адрес автора он принимает на свой счет.)

Грузинцев писал: «Всё, что мне известно о Вас, — не позволяет мне сомневаться, что Вам дороги интересы истины и не извращенная ошибочными толкованиями характеристика и без того немногочисленных деятелей национальной мысли. В этом убеждении позволяю себе препроводить к Вам два произведения издателя названной брошю-

ры, которого Вы нашли возможность обвинить, вместе с автором ее, в "*невежестве* и полнейшем презрении к русской народной личности" (т. е. к личности русского народа, полагаю). Смею думать, что представляемые доказательства будут достаточны для полного убеждения Вас в незаслуженности этого обвинения, для освобождения нас обоих из-под ярлычка, под который Вы поторопились регистрировать нас, для успокоения подозрительности, слышной в опасливом оклике, которым Вы встретили нас с вышки избранного Вами поста.

Автор разбора "Отцы и дети" сам видит в своем произведении "далеко не полную кристаллизацию своей мысли" и вовсе не задавался целию *исчерпать* в нем вопрос об источниках отрицательного настроения в русском образованном обществе. Задача его ограничивалась одною стороною: общею характеристикой жизни и воспитания образованного слоя. О том, как живет народная масса, автор говорит только вначале — в общей картине русской жизни; в каких отношениях находится к массе образованный слой — автор не имел намерения говорить, и в брошюре нет ни малейшего повода приписывать ему воззрения ученого, бюрократического или социалистического доктринерства. Мне кажется, что крайняя бесцеремонность, с которой вошло в обычай в печати обращаться с личностью писателя, составляет одно из самых больных мест нашей публицистики. Приписать автору всякую несообразность, привидевшуюся нам вследствие беглого чтения и т. п., считается вполне дозволенным. <...> Цель издателя брошюры выяснена с полною откровенностью в его предисловии: он желал представить вполне достоверный документ относительно настроения искренних и образованных русских в начале 60-х годов. Разбор произведения Тургенева написан именно в то время, при самом появлении "Отцы и дети". <...> Мне кажется — большое зло русской общественной жизни: беспрестанно повторяющееся "своя своих не познаша" в среде именно лучших людей, в то самое время как в среде воров, паразитов, христопродавцев чуть не безошибочно "рыбак рыбака видит сдалека". Это обусловливается, мне кажется, в значительной мере нашею запуганностью, нашею небрежностью и ленью: работа синтетического сочетания бесконечно разнообразных индивидуальных особенностей требует умственного усилия, от которого мы легко освобождаем себя, обзаведясь (по первым, чисто случайным наблюдениям) готовою схемою, готовыми рубриками и ярлычками. С чисто прокрустовским бессердечием мы втискиваем встречающиеся незнакомые экземпляры в заготовленные клетки, не оглядываясь на последствия для них такой операции. А пора, пора бы уразуметь всю несостоятельность, всю гибельность <для интересов общества (*вставлено Аксаковым над строкой*)> такого приема при настоящем не по дням, а по часам богатстве индивидуальных особенностей. <...> При чтении этого письма, может быть, у Вас возникнет вопрос о том, почему автор его упорствует в своем желании оставаться анонимным. На это существует только один ответ: таков его вкус, такова его натура. Он сохраняет их в надежде, что и таким людям может быть *дозволено* жить на свете» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 793. Л. 1—4).

Передовая статья Аксакова о кишиневской брошюре и волнениях московских студентов подверглась критике в «Голосе» (Санкт-Петербург. 20-го декабря 1880 // Голос. 1880. 21 дек. № 352. С. 1—2).

[1] Имеется в виду так называемый «Процесс шестнадцати» — первый судебный процесс над членами народнической революционной террористической организации «Народная воля». Он состоялся в Петербургском военно-окружном суде 25—30 октября 1880 г.

[2] Евангельское выражение (Ин 17: 12).

[3] Возможно, здесь содержится отсылка к антинигилистическому роману В. В. Крестовского «Панургово стадо» (1869).

[4] Процитировано стихотворение Фр. Шиллера «Дева с чужбины» (1896), где под девой олицетворена поэзия. Аксаков неточно приводит строку перевода, выполненно-

го Авдотьей Глинкой под назв. «Явление девы (Из Шиллера)» (1834). В оригинале у нее: «Земля не наша их растила!» См. также комм. 3 на с. 795.

[5] Речь идет о передовой статье в № 2 «Руси» от 22 ноября 1880 г. («<О казенщине>»). См.: Наст. том. С. 329—334.

[6] Выражение М. Е. Салтыкова-Щедрина, которое он употреблял неоднократно — в частности, в очерке «Первое августа» (1879) из цикла «Круглый год». См. в контексте: «Моя манера писать есть манера рабья. Она состоит в том, что писатель, берясь за перо, не столько озабочен предметом предстоящей работы, сколько обдумыванием способов проведения его в среду читателей. Еще древний Езоп занимался таким обдумыванием, а за ним и множество других шло по его следам» (*Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч.: в 20 т. Л.: Худож. лит., 1972. Т. 13. С. 505).

[7] Не вполне точная цитата из статьи А. С. Хомякова «Об общественном воспитании в России» (1850), впервые опубликованной Аксаковым (День. 1861. 15 окт. № 1. С. 3—7). Ср.: *Хомяков А. С.* О старом и новом: статьи и очерки / сост., вступ. ст. и комм. Б. Ф. Егорова. М.: Современник, 1988. С. 239.

[8] Ф. В. Грузинцев возражал на это: «Автор вовсе не человек 40-х годов, не западник и не естетик...» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 793. Л. 2 об.).

[9] Имеется в виду изображенная в «Божественной комедии» Данте история заточения в башне Гваланди (прозванной «Башней Голода») свергнутого правителя Пизы графа Уголино делла Герардеска с его детьми в августе 1288 — марте 1289 г. См. в распространенном в рассматриваемый период переводе Д. Е. Мина: «Чуть слабый луч проник во мглу темницы, — / Свое лице, ужасное от мук, / Я вмиг узнал...» («Ад», песнь XXXIII, ст. 55—57).

[10] Пересказываются и частично цитируются заключительные строки романа Н. Д. Хвощинской (псевд. Крестовский) «Встреча» (1855—1860): «Тарнеев умер месяца два назад <...> от простудной горячки. Нашлись добрые знакомые, присмотревшие за ним в последнее время. Они рассказывали его странный бред и еще более — странный испуг, всякий раз, когда ему в глаза падал неожиданно луч света.

— Свет закрался в тюрьму, — говорил он, — но что́ он осветил? Поздно: все умерло — сила, доблесть, любовь... Тюрьма была безвыходная. Разве вы не слышали, как внизу дверь заложили каменьями?.. Я умер там и много других... Тюрьму зовут “Башней Голода”, и она еще для многих пригодится...

Под подушкой у него нашли Данте, с которым, говорят, он не расставался. Это объясняло бред бывшего литератора» (*ОЗ*. 1860. № 5. Отд. I. С. 87—88).

[11] Грузинцев по этому поводу писал: «А на тему о неспособности будто бы нашей интеллигенции (telle-quelle) к кропотливой практической деятельности — как раз под рукою честная исповедь Энгельгардта (ноябрь, “Отеч<ественные> Зап<иски>”)» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 793. Л. 3—3 об.). Имеется в виду «Письмо восьмое» «Писем из деревни» А. Н. Энгельгардта (*ОЗ*. 1880. № 11. Отд. I. С. 41—72).

[12] Грузинцев пояснял: «То, что показалось Вам противоречием (3 стр., 1 столб.) и обесцениванием превознесенного автором протеста в молодом поколении, объясняется весьма просто: та жизнь, которая требует и потребляет всю наличность интеллектуальных сил, делает сама собою невозможным [существов<ание>] возникновение того исключительно отрицательного направления, которое одолевает жизнь, подобную нашей» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 793. Л. 2).

[13] Издатель брошюры отвечал на эти слова Аксакова: «Что же касается выраженного Вами недоумения относительно признания автором за интеллектуальными силами неотъемлемого права управлять вселенною, то, вероятно, недоумение это было бы устранено, если бы к слову *неотъемлемым* было присоединено слово *безнаказанно*. Мне кажется — едва ли Вы станете оспоривать...» (Там же. Л. 3 об.).

[14] Австро-итало-французская война (27 апреля — 12 июля 1859 г.), известная в Австрии как Сардинская война, для Италии была национально-освободительной. Значительная часть австрийского населения сочувствовала итальянским повстанцам.

[15] Грузинцев объяснялся: «Вопрос, что разумелось в *программе* нового поколения, выяснен в предисловии как освобождение *во что бы то ни стало* от всех условий, под влиянием которых русский человек вырабатывался в Чичиковых, Фамусовых, Молчалиных, Держиморд» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 793. Л. 2—2 об.).

[16] Этих слов в первых передовицах «Руси» нет; видимо, Аксаков таким образом обобщает свои рассуждения из статьи в № 2 «Руси». См.: «...нам постоянно не по себе, всё как бы не свое, взятое на время, напрокат, *не настоящее*. Но это ненастоящее сказывается настоящим злом в нашем историческом дне; ложь тем не менее стала нашею *действительностью*» (Наст. том. С. 330).

[17] *Иеремиада* — горькая жалоба, сетование.

<К молодежи нужно относиться честно, любить ее>

Печатается по первой публикации: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 13 декабря // Русь. 1880. 13 дек. № 5. С. 1—3. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 453—461.

На эту статью отозвался сотрудник газеты «Страна» (возможно, ее редактор-издатель Л. А. Полонский) в заметке «Ложь и правда»: «В известной истории избиения студентов московскими мясниками он <Аксаков> находит повод возмущаться не грубыми инстинктами московской толпы, а мнениями журналов, которые, не одобряя мясников, возмущались поведением г. Каткова, которому происшествие пришлось по вкусу. Г<-н> Аксаков побратался с г. Катковым на таком именно вопросе, отношение к которому этого публициста рельефнее всего очертило известное направление “Московских Ведомостей”» (Страна. 1880. 21 дек. № 100. С. 9).

[1] См. статью «<По поводу брошюры “К истории русского нигилизма”>» (Наст. том. С. 342—348).

[2] Речь идет о студенческих волнениях на медицинском факультете Московского университета 5 декабря 1880 г.: студенты собрались на незаконную сходку и стали требовать улучшения быта и условий учебы (учреждения кассы взаимопомощи, организации столовой, устройства библиотечной лектории для чтения свежих газет и журналов и др.); некоторые из студентов были арестованы. Сообщения о «беспорядках», причем без пояснений, в чем они состояли, были нарочито раздуты и частично искажены М. Н. Катковым в передовых статьях «Московских Ведомостей» от 6—12 декабря. Он голословно обвинял в беспорядках преподавательский состав, исходя из личных выгод — в частности, стремясь замять дело о незаконном присвоении редакцией газеты сумм, принадлежащих Московскому университету, у которого он арендовал газету. С газетой Каткова полемизировали «Русские Ведомости», где сотрудничали многие университетские профессора. См. подробнее: *Дергачева Л. Д.* Московский университет и газета «Московские Ведомости» в 1880-х гг. // Вестник Моск. ун-та. Сер. 8: История. 2008. № 6. С. 3—30.

[3] Цитата из статьи «<По поводу брошюры “К истории русского нигилизма”>» (Наст. том. С. 343).

[4] *Зелени* (зеленя) — молодые всходы озимых и яровых хлебов.

[5] Аксаков иронизирует над русскими игристыми винами своего времени (прежде всего над цимлянским), представлявшими дешевый аналог импортного шампанского, производившегося во французской провинции Шампань. Собственно «русское шампанское» выпускалось в удельном царском селе Абрау-Дюрсо начиная с 1897 г. Вообще же шампанское виноделие в России зародилось в 1799 г. в крымском Судаке. Чуть позже, в 1804 г., было открыто Судакское училище виноделия, в котором небольшая часть вин пускалась на шампанизацию, начиная с 1810-х гг. — ряд других винодельческих шампанских предприятий, деятельность которых прервалась в связи с Крымской войной.

[6] Аксаков использует выражение из богослужебной Херувимской песни. Ср.: «...всякое ныне житейское отложим попечение».

[7] Редакция «Голоса» возразила Аксакову, что, последуй «авторитетный профессор» совету Аксакова и прочти в аудитории политическую прокламацию со своими «критическими замечаниями», он тут же бы «поступил <...> в распоряжение одного очень авторитетного учреждения», т. е. Третьего отделения (см.: Санкт-Петербург. 20-го декабря 1880 // Голос. 1880. 21 дек. № 352. С. 1—2).

[8] Имеется в виду так называемое «Охотнорядское побоище», которое произошло 1 апреля 1878 г. и имело антиправительственную окраску: студенты устроили в Москве демонстрацию солидарности с политическими ссыльными, были жестоко избиты полицией и подготовленными ею дворниками, лавочниками и сидельцами Охотного ряда и преданы мировому суду (заседание состоялось 18 мая) за то, что сопротивлялись избиению. Власти квалифицировали дело как «уличные беспорядки». Подробнее см.: *Анзимиров В. А.* Крамольники: (хроника из радикальных кружков семидесятых годов). М.: тип. И. Д. Сытина, 1907. С. 21—45.

[9] Имеется в виду обращение к студентам в передовице «Русских Ведомостей», сопровождаемое выпадами по адресу редакции «Московских Ведомостей»: «...сегодня они будут петь гимны охотнорядским мясникам, “как бы держащим университет в осаде”, а завтра оросят вас слезами крокодилова соболезнования, хотя ни одним пальцем никто до вас не дотронулся» (Москва, 7 декабря // *РВед.* 1880. 7 дек. № 316. С. 1).

[10] Подразумеваются «Московские Ведомости».

[11] *Перуны* — стрелы, молнии, низвергаемые богом грома и войны (*устар.*).

[12] Имеется в виду стихотворение Пушкина «Поэт и толпа» (1828), изначально, до 1836 г., называвшееся «Чернь». Аксаков подразумевает также статью Д. И. Писарева «Пушкин и Белинский» (гл. 2 «Лирика Пушкина», 1865), где ёрнически разбирается это стихотворение, в частности, отмечается, что пушкинское выражение «чернь тупая» — «ругательное слово, измышленное любвеобильным Пушкиным для посрамления непосвященного народа» (*Писарев Д. И.* Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. М.: Наука, 2003. Т. 7. С. 296).

[13] Вероятно, подразумевается книга Н. И. Костомарова «Бунт Стеньки Разина» (СПб.: изд. книгопродавца Д. Е. Кожанчикова, 1859).

[14] Речь идет о политической демонстрации, прошедшей 6 декабря 1876 г. на Казанской площади в Петербурге. Она была организована народниками с привлечением рабочих — членов кружков. Когда полиция попыталась прекратить митинг, началась драка. Вскоре подоспело подкрепление из городовых и дворников, и демонстранты разбежались. Всё же 31 человек был арестован, 21 человек предан суду, 18 человек осуждены.

[15] На эти слова откликнулась редакция «Голоса». В передовой статье этой газеты указывалось, что некоторое возвеличивание молодежи было актуально в 1860-х гг., когда надо было найти опору в «молодом поколении», «потому что оно мнилось быть чистым, честным, не измаранным в грязи крепостного права». «Именно те люди, которых он <Аксаков> призывает к ответу, в последние десять-двенадцать лет изо всех сил бились над двумя вещами: 1) доказать молодежи, что она должна быть только *учащеюся* молодежью; 2) убедить “охранителей”, что с молодежью должно обращаться как с молодежью *учащеюся*» (Санкт-Петербург. 20-го декабря 1880 // Голос. 1880. 21 дек. № 352. С. 1—2).

[16] Выражение из «Оды к Радости» («An die Freude», 1785) Фр. Шиллера. См. в контексте: «Männerstolz vor Königsthronen — / Brüder, gält es Gut und Blut...» («Гордость пред лицом тирана / (Пусть то жизни стоит нам)...», пер. И. В. Миримского).

<«Обрести» должно, а не «изобрести», русскую, живую формулу жизни>

Печатается по первой публикации: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 20 декабря // Русь. 1880. 20 дек. № 6. С. 1—3. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 461—470.

[1] См.: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 15 ноября // Русь. 1880. 15 нояб. № 1. С. 1—6; при републикации присвоено назв. «Об уездном самоуправлении» (*Соч.* Т. V. С. 417—434).

[2] *Диатриба* — резкая, агрессивная, придирчивая критика, соединенная с нападками на личность.

[3] Имеются в виду слова Репетилова из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума»: «В журналах можешь ты, однако, отыскать / Его отрывок, взгляд и нечто» (д. IV, явл. 4), с иронической оценкой шаблонных, претенциозных названий статей, типичных для первой трети XIX в. Аксаков здесь подхватывает обвинение в свой адрес (по поводу призыва к развитию уездного самоуправления) из газеты «Молва» и переадресовывает его журналистам-либералам. См.: «Манилов мог бы подписаться без всякого риска под проектом “Руси”. <...> Это какой-то фантастический уродец с огромною карикатурною головою на паутинных ножках. “Вздох, взгляд, нечто”, и больше ничего» (*Буква <Василевский И. Ф.>*. Наброски и недомолвки // Молва. 1880. 23 нояб. № 324. С. 1).

[4] Строки стихотворения Гёте «К Соединенным Штатам» из цикла «Кроткие ксении» («Zahme Xenien», 1820). Это четверостишие А. И. Герцен выписал в свой Дневник 18 января 1844 г. из статьи в газете «Allgemeine Zeitung» (№ 11 от 11 января) и процитировал в статье «О публичных чтениях г-на Грановского», напечатанной в июльской книжке журнала «Москвитянин» за 1844 г. (см.: *Герцен.* Т. II. С. 121—127, 327, 475). Статья была хорошо известна Ю. Ф. Самарину, Аксаковым и другим славянофилам: ею, как считал западник П. В. Анненков, Герцен протягивал «руку славянской партии, предлагал мир на честных условиях» (*Анненков П. В.* Литературные воспоминания. М.: Худож. лит., 1983. С. 210). О какой статье Самарина в газете «Москва» идет речь, выяснить не удалось.

[5] Ср. в прозаическом переводе С. С. Аверинцева: «Твоего нутра не терзает посреди живой современности ненужное воспоминание и бесполезная распря» (*Аверинцев С.* Гёте и Пушкин (1749—1799—1999) // Новый мир. 1999. № 6. С. 190).

[6] Подразумевается политическая и литературная газета *«Страна»* — либерально-монархический орган; выходила в Петербурге в 1880—1883 гг. (сначала дважды в неделю, с 1881 г. — трижды). Издатель-редактор — Л. А. Полонский.

[7] Цитируется передовая статья: *<Полонский Л. А.>*. Петербург, 19 ноября // Страна. 1880. 20 нояб. № 91. С. 1—2; приведенные слова на с. 2 (в цитате опущены слова: «...и в уезде, и в губернии, крестьянство беднело, истощаемое неудовлетворительной финансовой системой, совершились страшные преступления, взволновавшие всю Россию...»).

[8] Массовые аресты и высылки социалистов в Германии происходили в соответствии с «Исключительным законом против социалистов» (полное название — «Закон против общественно-опасных стремлений социал-демократии»), действовавшим с 22 октября 1878 г. по 30 сентября 1890 г. и способствовавшим вытеснению социал-демократов в подполье и в эмиграцию, а также массовым арестам и высылкам.

[9] См. выражение «самозаушение и самооплевание» в статье П. Н. Ткачева «Эпизод из литературного самооплевания: (истинное происшествие)» (Дело. 1877. № 8): «Когда витязь всенародно заушает и оплевывает себя, имея в виду получить за это добровольное самозаушение и самооплевание изрядный куш, то, разумеется, с получением куша он может считать себя вполне вознагражденным...» (*Ткачев П. Н.* Кладези мудрости российских философов. М.: Правда, 1990. С. 257). *Самозаушение* — удар самого себя по уху, по щеке.

[10] Псалмодическое выражение (Пс 140: 4). Входит в песнопение, ежедневно исполняемое на вечернем богослужении.

[11] См. об этом в мемуарах князя В. П. Мещерского: «Когда князь Вяземский написал свое прелестное стихотворение "Русский Бог", Тютчев сказал: il faut avouer pourtant que les foctions du Русский Бог ne sont pas une sinecure (нужно признаться, что обязанности Русского Бога — не синекура, — *фр.*)» (*Князь Мещерский.* Воспоминания. М.: Захаров, 2001. С. 159).

[12] *<Аксаков И. С.>*. Москва, 15 ноября // Русь. 1880. 15 нояб. № 1. С. 1.

[13] Неточная цитата из стихотворения Н. А. Некрасова «Поэт и Гражданин» (1855; оп. 1856). В оригинале: «...Мы доживаем боязливо, / Когда свободно рыщет зверь, / А человек бредет пугливо, — / Ты твердо светоч свой держал...»

[14] Ю. Ф. Самарин в июне 1858 г. вступил в Самарский губернский комитет в качестве члена от правительства и вскоре составил собственный проект Положения об освобождении крестьян, где предлагалось землю, которой пользуются крестьяне, отдать им на правах собственности, а помещику компенсировать передачу земли особым «вознаграждением». См.: Проект Ю. Ф. Самарина // Конец крепостничества в России: документы, письма, мемуары, статьи. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 95—97.

[15] Князь В. А Черкасский, составивший свой проект, также отверг идею безземельного освобождения крестьян и осуществил преобразования в своих имениях, назначив выкупную цену 60—100 руб. за душу с рассрочкой на 2—3 года.

[16] *«Юридический Вестник»* — журнал по правоведению, издававшийся в Москве в 1867—1892 гг. Московским юридическим обществом.

[17] Речь идет о публикации: *Градовский А.* Не архитектуры, а жизни. — По поводу мнений газеты «Русь» // Русская Речь. 1880. № 12. С. 93—103. *«Русская Речь»* — умеренно-прогрессистский литературно-художественный и общественно-политический журнал, выходил в Петербурге в 1879—1882 гг. Редактор-издатель — А. А. Навроцкий.

1881

<Имеется ли работа на Руси?>

Печатается по первой публикации: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 3 января // Русь. 1881. 3 янв. № 8. С. 1—3. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 471—478.

[1] Имеется в виду период «великих реформ» Александра II (1860—1870-е гг.).

[2] Парижский мирный договор, заключенный 18 мая 1856 г., завершил Восточную (Крымскую) войну 1853—1856 гг.

[3] Аллюзия на слова «И жизнь торопится, и чувствовать спешит» из стихотворения князя П. А. Вяземского «Первый снег» (1822), ставшие эпиграфом к роману Пушкина «Евгений Онегин».

[4] *Берлинский трактат* — международное соглашение, подписанное 1 июля 1878 г. в итоге Берлинского конгресса. Трактат изменил в интересах Англии и Австро-Венгрии выигрышные для России условия ранее заключенного Сан-Стефанского договора, по которому на Балканах создавались независимые славянские государства, находившиеся под влиянием и покровительством России.

[5] Имеется в виду передовая статья газеты «Голос», предлагавшая такую реформу православного богослужения, которая не могла не возмутить Аксакова. См.: «...комиссии из образованного духовенства могли бы быть учреждены в разных городах России для исправления различных неудобовразумительных мест в наших богослужебных книгах и изложения разных молитв и песнопений языком более упрощенным и общепонятным. Самый состав богослужения также должен быть несколько

изменен. В настоящее время в церкви слишком часто повторяются одни и те же молитвы и молитвенные воззвания, слишком много места отводится скорому, монотонному чтению, которое большею частью бывает неразборчиво и неслышно. То и другое можно бы значительно сократить...» (Санкт-Петербург. 24-го декабря 1880 // Голос. 1880. 25 дек. № 356. С. 1).

[6] Граф М. М. Сперанский в целом ряде докладных записок на Высочайшее имя 1808—1812 гг. призывал императора приступить к реформам сверху и принять конституцию, обеспечивающую гражданскую и политическую свободу.

[7] *Аспирация* — дуновение.

[8] См.: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 15 ноября // Русь. 1880. 15 нояб. № 1. С. 1—6; при републикации присвоено назв. «Об уездном самоуправлении» (*Соч.* Т. V. С. 417—434).

[9] О какой газете идет речь, не установлено.

[10] См.: «Нет, не ввысь и не вширь простираться посоветовали мы бы теперь вашим земствам, а *вглубь да около*» (*<Аксаков И. С.>*. Москва, 15 ноября // Русь. 1880. 15 нояб. № 1. С. 5).

[11] *Самарин Юрий.* Из Самары // День. 1862. 17 апр. № 27. С. 7—8. Корреспонденция датирована: «Самара, 18 марта 1862 г.».

<Что тормозит «Русь»?>

Печатается по первой публикации: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 17 января // Русь. 1881. 17 янв. № 10. С. 1—4. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 478—486.

[1] Ставшее крылатым выражение из «Сатир» Ювенала (кн. I, стих 165). Полностью: Inde irae et lacrimae — отсюда гнев и слезы (*лат.*).

[2] Приведено выражение из статьи Аксакова «<Имеется ли работа на Руси?>» (Наст. том. С. 362—363).

[3] Имеется в виду упрек В. И. Модестова в адрес Аксакова: «В третьем своем нумере она <“Русь”> выражается очень резко о недостатках современного церковного управления и сильно нападает на его “казенщину”, хотя о свободе совести, об этом ничем не заменимом народном благе, не заикается ни единым словом» (*Модестов В.* Политическое староверство // Голос. 1880. 20 дек. № 351. С. 2).

[4] Статьи Аксакова на эту тему собраны в изд.: *Соч.* Т. IV.

[5] Вероятно, Аксаков подразумевает свое «Письмо к доктору богословия и профессору Дёллингеру по поводу программы, рассмотренной и утвержденной конгрессом старокатоликов в Мюнхене 9 (21) сентября 1871 года», опубликованное за подписью «Один из православных мирян» в октябрьской книжке журнала «Православное Обозрение» за 1871 г. и тут же вышедшее отдельной брошюрой, а также в переводе А. Ф. Аксаковой на немецкий: Brief an Döllinger (aus Anlass des altkatholischen Programms des Mu nchener Congresses, vom 21. September 1871) von einem Laien der Lussischen Orthodoxen Kirche aus Moskau. Berlin, 1872. См. подробнее: *Дмитриев А. П.* Славянофилы и немецкие старокатолики в ситуации вероисповедного размежевания (по неизданной переписке И. С. Аксакова с Ф. И. Тютчевым и И. Т. Осининым) // Межэтнические и межконфессиональные отношения в русском фольклоре и русской литературе. СПб.: изд-во Пушкинского Дома; изд-во РХГИ, 2013. С. 191—199.

[6] «Положение о губернских и уездных земских учреждениях» было Высочайше утверждено 1 января 1864 г.

[7] *Z.* Из Парижа: корреспонденция «Руси» // Русь. 1881. 17 янв. № 10. С. 9—10.

[8] *Фригийский колпак* — шапочка якобинцев во время Великой французской революции, образцом для которой послужил головной убор древних фригийцев — мягкий закругленный колпак обычно красного цвета со свисающим вперед верхом; символ свободы и революции. См. также комм. 3 на с. 750.

[9] Упомянут А. Д. Градовский.
[10] Строки из стихотворного послания «К... <Константину Аксакову>» («Ты молодец! В тебе прекрасно...», 1844).
[11] На содержание опричнины было назначено около двадцати городов, в том числе Вологда, Вязьма, Суздаль, Козельск, Медынь, Великий Устюг с волостями.
[12] Особым «земским царем» стал в 1567—1573 гг. Симеон Бекбулатович, бывший касимовский хан. См. также комм. 9 на с. 711.

<Достоевский умер! Потеря незаменимая!..>

Печатается по первой публикации: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 31 января // Русь. 1881. 31 янв. № 12. С. 3. В *Соч.* не воспроизводилось.

О кончине Достоевского Аксаков узнал от М. Н. Каткова, поместившего в «Московских Ведомостях» заметку о печальном событии на день раньше, 30 января. В ней встречается мысль, сходная с аксаковской: «Прости, добрый делатель на русской ниве! Мы еще многого ждали от тебя, но довольно и сделанного, чтоб имя твое сохранилось навеки в русской народной памяти. Земля возьмет свое, тленное предастся тлению, но духовное наследие твое останется навсегда дорогим достоянием твоего отечества...»

Аксаков написал свое сообщение в качестве передовой «Руси» и, отправив номер в типографию, ответил на телеграмму О. Ф. Миллера из Петербурга в ночь на 29 января: «Я уже знал о смерти Достоевского, когда получил вашу телеграмму, многоуважаемый Орест Федорович. Известие получено было ночью Катковым и помещено в “Московских Ведомостях”. Горе, горе! Это незаменимая потеря! Теперь из художников-писателей и хоронить уже некого. Угасла сила *положительная,* незаменимая. Он один держал знамя высших нравственных начал. Дело художественного творчества было для него *делом души.* Не прошло и десяти дней, даже меньше, как я ему писал! Я написал о нем несколько слов в номере “Руси”, который завтра печатается. Это казнь Божия, которой, впрочем, мы стоим. В обществе и литературе у нас царит только одна *богема,* как выражаются французы. Я вовсе сиротею. Становится жутко...» (Достоевский в неизданной переписке современников (1837—1881) / ст., публ. и комм. Л. Р. Ланского // Ф. М. Достоевский: новые материалы и исследования. М.: Наука, 1973. С. 532—533. (Лит. наследство; т. 86)).

<По поводу смерти Достоевского>

Печатается по первой публикации: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 7 февраля // Русь. 1881. 7 февр. № 13. С. 1—3. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 487—494.

[1] Ф. М. Достоевский скончался 28 января 1881 г.
[2] Пушкинский праздник 5—8 июня 1880 г. был устроен в честь открытия памятника поэту на Тверском бульваре в Москве.
[3] Об этом сообщил сам Достоевский своей жене Анне Григорьевне в письме от 8 июня 1880 г.: «Аксаков (Иван) вбежал на эстраду и объявил публике, что речь моя — *есть не просто речь, а историческое событие!*» (*Достоевский.* Т. 30. Кн. 1. С. 184), а потом в августовском выпуске «Дневника писателя» (гл. первая): «Иван Сергеевич Аксаков <...> заявил с кафедры, что моя речь “составляет событие”» (Там же. Т. 26. С. 129).
[4] См., например, в Пушкинской речи Достоевского: «...Пушкин был всегда цельным, целокупным, так сказать, организмом...» (Там же. С. 145).
[5] Имеются в виду слова, обращенные к либералу А. Д. Градовскому в августовском выпуске «Дневника писателя» за 1880 г. (гл. третья, разд. I). См. в контексте: «Неужто я вас убедить хочу? Слова мои покажутся вам, конечно, младенческими,

почти неприличными. Но повторяю в третий раз: не для вас пишу. Да и тема эта важная, о ней надо особо и много еще сказать, и буду говорить, пока держу перо в руках, а теперь выражу мою мысль лишь в основном положении: если наш народ просвещен уже давно, приняв в свою суть Христа и Его учение, то вместе с Ним, с Христом, уж конечно, принял и *истинное* просвещение» (*Достоевский.* Т. 26. С. 151).

[6] Речь идет о программе социальных реформ О. фон Бисмарка, позиционируемой как «прикладное христианство» и «государственный социализм».

[7] Не вполне точная цитата из январского выпуска «Дневника писателя» за 1881 год (гл. первая, разд. IV). См.: *Достоевский.* Т. 27. С. 19.

[8] Отсылка к названию романа Достоевского «Униженные и оскорбленные» (1861).

[9] Неточное выражение из августовского выпуска «Дневника писателя» за 1880 г. (гл. третья, разд. III), где писатель полемизирует о содержании этого понятия с А. Д. Градовским (*Достоевский.* Т. 26. С. 161, 162). Здесь: «самосовершенствование».

[10] Вольная цитата из августовского выпуска «Дневника писателя» за 1880 г. (гл. третья, разд. I). См.: Там же. С. 151, 152.

[11] Вольная цитата из январского выпуска «Дневника писателя» за 1881 г. (гл. первая, разд. IV). См.: Там же. Т. 27. С. 18, 19.

[12] То есть любовь к церкви, приверженность к церковным традициям.

<По поводу одного духовного концерта>

Печатается по первой публикации: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 14 февраля // Русь. 1881. 14 февр. № 14. С. 1—4. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 494—503.

[1] *Старый московский священнослужитель.* Духовный концерт в зале Российского Благородного собрания 18-го декабря // Русь. 1881. 3 янв. № 8. С. 13—14. Автор статьи был возмущен, что литургическое действо используется для развлечения публики и за деньги.

[2] Имеется в виду Литургия Святого Иоанна Златоустого (в первом издании — Литургия святого Иоанна Златоуста) — цикл песнопений для смешанного хора (мужчин и мальчиков), соч. 41 до мажор; на церковнославянском языке. Создана в мае—июле 1878 г., впервые исполнена в мае 1879 г. в церкви Киевского университета. В газете Аксакова был помещен отклик на первую публичную концертную премьеру сочинения вне стен храма, на экстренном собрании Императорского Русского музыкального общества в Дворянском собрании. Впоследствии, вплоть до кончины Чайковского, исполнение литургии в храмах было запрещено под давлением духовных властей.

[3] *Каскад* — быстрый танец в оперетте, сопровождаемый пением.

[4] Выражение из Евангелия. См.: «...ученик Иисусов, потаен же страха ради иудейска...» (Ин 19: 38) — т. е. из страха перед иудеями.

[5] Намек на церковные посты, которых придерживалось духовенство. Ср. сходный отзыв о газете «Современные Известия», издававшейся другом и единомышленником Аксакова Н. П. Гиляровым-Платоновым, московского обывателя с «передовыми» взглядами, приведенный в книге С. К. Эфрона (Литвина) «Миссионеры и начетчики» (М., 1908): «Газета постная, на лампадном масле» (с. 6).

[6] По предположению комментатора данной статьи Аксакова, «этот эпизод связан, возможно, с первым концертом Общества любителей церковного пения в московском Манеже в декабре 1879 года» (Русская духовная музыка в документах и материалах. Т. 3: Церковное пение пореформенной России в осмыслении современников, 1861—1918 / вступ. ст., подг. текста и комм. М. П. Рахмановой. М.: Языки славян. культуры, 2002. С. 185).

[7] Песнопение «Иже Херувимы» («Херувимская песнь») исполняется на литургии во время Великого входа, а «Тебе поем» входит в Евхаристический канон литургии.
[8] 1 Кор 6: 2.
[9] Рим 14: 14.
[10] 1 Кор 8: 9.
[11] 1 Кор 8: 13.
[12] Название романа Ф. М. Достоевского (1861).
[13] Павел I в конце XVIII в. запретил спектакли в течение Пасхальной седмицы, двух недель перед Рождеством, всего Великого поста, всех суббот. При Александре I театральные действа во время Великого поста были запрещены даже в частных домах. В 1870-х гг. театральные представления разрешили в течение Великого поста, за исключением первой и последней недель. В 1881 г. вернулись к прежним ограничениям — спектакли не могли даваться в течение 113 дней в году. Аксаков пишет статью до этого указа, который был вызван событием цареубийства.
[14] Свадьба принца Альфреда, герцога Эдинбургского, второго сына королевы Великобритании Виктории, и великой княжны Марии Александровны, единственной дочери Александра II, состоялась в Петербурге 23 января 1874 г.
[15] Полностью приведено стихотворение Ф. И. Тютчева без названия (1867; оп. 1868).
[16] Братья графы А. Г. и К. Г. Разумовские, по происхождению днепровские малоземельные казаки, достигли высших государственных постов благодаря случаю — старший Алексей стал фаворитом императрицы Елизаветы Петровны; в третьем поколении их потомство, проживавшее к тому времени за границей, угасло.
[17] *Лабулэ Эдуард.* История Соединенных штатов / пер. с 3-го изд. СПб.: тип. д-ра М. Хана, 1870. Ч. I—III.
[18] *«Прекрасная Елена»* — самая известная опера Ж. Оффенбаха (1864); в Петербурге была поставлена в 1868 г.; считалась в то время слишком фривольной — на грани непристойности.
[19] Аксаков упоминает басню И. А. Крылова «Листы и Корни» (1811), как делал уже неоднократно в своих статьях. См. комм. 10 на с. 749.
[20] Процитировав эти слова, рецензент газеты «Русский Курьер» заметил: «К сожалению, “Русь” не дает сколько-нибудь точного определения той части общества, “которая едино сердцем и духом с народом”. Вообще же, теория деления России “Русью” представляется именно тем “сочинительством”, в котором газета любит упрекать своих противников» (Наши газеты и журналы // *РК*. 1881. 15 февр. № 45. С. 3).
[21] Вольная цитата из стихотворения К. С. Аксакова «Тени» (1856). В оригинале: «А ты молчишь, народ великий...»

<Н. П. Гиляров-Платонов и В. В. Комаров о «Петербургском периоде» русской истории>

Печатается по первой публикации подпередовой статьи: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 14 марта // Русь. 1881. 14 марта. № 18. С. 4. В *Соч.* не воспроизводилось.

[1] В № 17 «Руси» и в двух добавлениях к нему было помещено три передовых статьи Аксакова. Здесь имеется в виду передовица из Особого <первого> прибавления: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 10 марта // Русь. 10 марта. № 17. С. 1—2, републикованная под назв. «Пора домой!» (*Соч.* Т. V. С. 17—20). Либеральные издания единым фронтом выступили с резкой критикой этой статьи. См., например, характерную редакционную статью «Петербург или Москва?» (*РК*. 1881. 15 марта. № 72. С. 1).
[2] *«Современные Известия»* — ежедневная общественно-политическая газета славянофильского направления, выходившая в Москве в 1867—1887 гг. Редактор-издатель — Н. П. Гиляров-Платонов (приятель Аксакова с середины 1850-х гг.).

[3] Цитата из подпередовой статьи: *<Гиляров-Платонов Н. П.>*. Москва, 10 марта // *СИ.* 1881. 11 марта. № 69. С. 2.

[4] Цитируется передовая статья: *<Комаров В. В.>*. С.-Петербург, 7 марта // *СПбВед.* 1881. 8 марта. № 65. С. 1.

Наша печать (4 апреля 1881 г.)

Печатается по первой публикации: *<Аксаков И. С.>*. Наша печать // Русь. 1881. 4 апр. № 21. С. 8. (Еженедельные итоги; II). В *Соч.* не воспроизводилось.

[1] Буквально точная цитата из передовой статьи «Москва, 30 марта» (*РВед.* 1881. 30 марта. № 89. С. 1).

[2] О газете «Страна» см. комм. 6 на с. 776.

[3] Здесь и ниже цитируется передовая статья «Петербург, 28 марта» (Страна. 1881. 29 марта. № 38. С. 1).

[4] Здесь и ниже цитируется отклик на передовицу «Страны» под рубрикой «Среди газет и журналов» (*НВр.* 1881. 30 марта. № 1827. С. 3).

[5] *«Русский Курьер»* — ежедневная общественная и политическая газета либерально-буржуазного направления — выходила в Москве в 1879—1889, 1891 гг. С 1880 г. издатель — промышленник Н. П. Ланин, редактор — В. Н. Селезнев.

[6] Здесь и ниже буквально точно цитируется редакционная статья под рубрикой «Ежедневное обозрение» (*РК.* 1881. 1 апр. № 89. С. 1).

[7] Граф Д. А. Толстой занимал пост министра народного просвещения в 1866—1880 гг.

[8] Эти слова вызвали эмоциональный отклик рецензента «Русского Курьера»: «В последнем 21-м своем нумере, указывая на одну из статей “Русского Курьера”, “Русь” признается, что она не всё понимает из прочитанного ею.

Это хоть и грустно, но есть “Руси” и утешение: гоголевский Петрушка *ровно ничего* не понимал и все-таки продолжал заниматься чтением.

Мы во всяком случае искренно радуемся, что “Русь” направленною ею против нас злобною заметкой причислила нашу газету к числу враждебных ей органов печати. Нас крайне стесняло, что, ввиду отсутствия до сих пор этого категорического со стороны “Руси” заявления, кто-либо из читающей публики по недоразумению мог заподозрить нас в какой-либо солидарности с воззрениями и направлением органа г. Аксакова» (Наши газеты и журналы // *РК.* 1881. 5 апр. № 93. С. 2).

Наша печать (18 апреля 1881 г.)

Печатается по первой публикации: *<Аксаков И. С.>*. Наша печать // Русь. 1881. 18 апр. № 23. С. 9—10. В *Соч.* не воспроизводилось.

[1] *«Неделя»* — еженедельная газета либерально-народнического направления, выходившая в 1866—1903 гг. в Петербурге.

[2] См.: *Мордовцев Д.* Признаки... чего? (письма бывшего провинциала. IV) // Неделя. 1881. 29 марта. № 13. Стб. 461—463.

[3] *Ирмос* — в православном богослужении — первая строфа в каждой из девяти песен канона, в которой прославляются священные события или лица.

[4] *«Житейское море»* — известная религиозная песня, начинающаяся словами: «Житейское море / Играет волнами. / В нем радость и горе / Всегда перед нами».

[5] *«Волною морскою»* — богослужебная песня, исполняемая в Великую субботу. Начало: «Волною морскою / Скрывшаго древле / Гонителя мучителя / Под землею скрыша».

[6] То есть газеты, служащие органом торговцев Охотного Ряда в Москве и Сенной площади в Петербурге — подразумевается: ретроградов и обскурантов. На деле име-

ются в виду такие издания, как «Русь», «Московские Ведомости», «Современные Известия», «Гражданин» и др.

[7] Приведем цитату из статьи Д. Л. Мордовцева: «Точное объяснение слова "катавасия" мы найдем в известном сочинении почтенного отца Белюстина (или Беллюстина): "О церковном богослужении. Письма к православному. И<ерея> И. Белюстина". Ч. I. Спб. 1875 г., стр. 269. О. Белюстин говорит: "*Катавасия* (вернее: катавасис, или катавасион) — с греческого значит: *схождение*, собрание, сходбище. Это название усвоено ирмосу, которым заключается каждая песнь, потому что для пения его певцы обоих клиросов должны сходиться на середину церкви..."» (*Мордовцев Д.* Признаки... чего? Стб. 462).

[8] Неточно приведены слова из солдатской песни «Фельдмаршал к войску едет...». В источнике: «Скидайте шаль вы алу, / Стирайте красоту! / Привез печаль не малу, / Оденьтесь в черноту...» (Новейший всеобщий и полный песенник, или Собрание всех употребительных, доселе известных новых и старых отборных песен лучших в сем роде сочинителей. В СПб.: в тип. И. Глазунова, 1819. С. 92).

[9] *«National Zeitung»* («Национальная газета», *нем.*) — германская ежедневная буржуазная газета; под данным названием издавалась в Берлине в 1848—1915 гг.

[10] Здесь и ниже Аксаков приводит цитаты из передовой статьи «Санктпетербург. 30-го марта 1881», озаглавленной также «Славянофилы и немцы»: Голос. 1881. 31 марта. № 90. С. 1—2. Она написана по поводу речи Аксакова в С.-Петербургском славянском благотворительном обществе 22 марта.

[11] *Охабень* — старинная русская верхняя мужская и женская одежда из сукна домашней выработки; аналог зипуна на западе Руси.

[12] Вольно цитируются фрагменты неподписанной статьи (2-й из цикла): Люди и партии. II // *НВр.* 1881. 2 апр. № 1830. С. 1.

[13] Точнее: *«Новости и Биржевая Газета»* — ежедневная общественно-политическая газета либерального направления, выходившая в Петербурге в 1880—1906 гг. Редактор — О. К. Нотович.

[14] Буквально точно процитировано окончание подпередовой статьи под назв. «Консерваторы и либералы» (*НиБГ.* 1881. 2 апр. № 86. С. 1).

[15] Цитата из басни И. А. Крылова «Зеркало и Обезьяна» (не позднее 1815; оп. 1816).

[16] Цитируется передовая статья: *<Катков М. Н.>*. Москва, 2 апреля // *МВед.* 1881. 3 апр. № 93. С. 3.

Наша печать (25 апреля 1881 г.)

Печатается по первой публикации: *<Аксаков И. С.>*. Наша печать // Русь. 1881. 25 апр. № 24. С. 21—22. (Критика и библиография). В *Соч.* не воспроизводилось.

[1] *Katzenmusik* — кошачья серенада, вообще музыка бестолкового, сумасбродного характера.

[2] *Ритурнель* — в музыке XVII — 1-й половины XVIII в. инструментальная тема, обрамляющая и прослаивающая вокальные части.

[3] *«Порядок»* — ежедневная либеральная общественно-политическая и литературная газета, выходившая в 1881—1882 гг. в Петербурге. Редактор-издатель — М. М. Стасюлевич.

[4] См. реплику в газете «Русский Курьер»: «В пику "петербургскому" периоду русской истории "консерваторы" усиленно зовут либералов Стасюлевича и Полонского — статскими советниками...» (Наши газеты и журналы // *РК.* 1881. 3 апр. № 91. С. 6).

[5] Об этом в развязном тоне рассказывается в неподписанной публикации: Москва, 1-го апреля: (корреспонденция «Страны») // Страна. 1881. 5 апр. № 41. С. 4—5, нацеленной не только на опорочивание Аксакова как якобы интригана, но и на ухудшение отношения к нему со стороны московского генерал-губернатора князя

Вл. А. Долгорукова. Автор говорит о «проделке (разумеется, не злоумышленной) нашего новоявленного пророка И. С. Аксакова, который, во главе каких-то нескольких господ, неизвестно кем и когда уполномоченных, явился к генералу Черняеву с выражением желания видеть его на месте московского генерал-губернатора (считаю нужным оговориться, что я лично не могу вполне верить тому, чтобы И. С. Аксаков поступил так нетактично, явившись в форме какой-то якобы депутации; но, передавая дословно ходящий по Москве рассказ об этом происшествии, я все-таки думаю не без некоторого основания, что подобное этому, и даже не особенно отдаленное, что-нибудь да было). Г. Черняев, хотя и был озадачен таким неожиданным обстоятельством, но тем не менее, будучи в коротких отношениях с г. Аксаковыми даже более — зная последнего как поклонника своего по недавнему славянскому делу, не решился, разумеется, высказать свое неудовольствие подобной депутации и отделался от нее какими-то неопределенными фразами» (Там же. С. 5).

[6] М. М. Стасюлевич был пожалован чином действительного статского советника — гражданским чином 4-го класса Табели о рангах, соответствовавшим чинам генерал-майора в армии и контр-адмирала на флоте.

[7] Интересно, что в «Новом Времени» была помещена заметка, где высмеивался этот слух как нелепый и «скверного тона» (<*Суворин А. С.*>. Аксаков и Черняев // *НВр.* 1881. 9 апр. № 1837. С. 1). Вместе с тем в «Русском Курьере», например, была приведена большая цитата из газеты «Страна», снабженная довольно злорадным редакционным комментарием: «История недурна, и если она справедлива, тогда обыватели, ждущие мест и чинов, будут знать, куда им обращаться с просьбами о покровительстве. Это так удобно: можно и на “Русь” подписаться, и о местечке попросить...» (Наши газеты и журналы // *РК.* 1881. 9 апр. № 97. С. 3).

[8] А. В. Головнин занимал пост министра народного просвещения в 1862—1866 гг.

[9] Имеется в виду передовая статья «Петербург, 25 марта», в которой бывший министр действительно восхвалялся за антицерковную направленность своей деятельности: «Нельзя не напомнить при этом, что А. В. Головнин был противником влияний клерикальных и что при проведении им положения о народных школах 1864 года считалось весьма важным шагом подчинение всех таких школ, хотя бы они были учреждены и духовенством, — Министерству народного просвещения, с изъятием их от непосредственного влияния управления духовного» (Страна. 1881. 26 марта. № 37. С. 1). Получив отповедь Аксакова, «Страна» продолжила полемику по поводу религиозной позиции Головнина и далее. См. передовицы: Там же. 2 апр. № 40. С. 1—2; 12 апр. № 44. С. 1—2.

[10] Аксаков вольно цитирует свою передовую статью «Москва, 9 апреля» (Русь. 1881. 9 апр. № 22. С. 3), при републикации получившую назв. «<Возражение на отзыв корреспондента “Нового Времени” о речи 22 марта>»: «...с помощью казенных, т. е. народных, денег целый легион передовых педагогов сочиняет народные азбуки, в которых глубокомысленно изгоняет “церковщину”, т. е. церковно-славянскую азбуку, и вместо старинного: Азъ—А—Ангел — ставит: А—Арбуз; вместо: Буки—Б—Бог — ставит Б—Баран!! И все ликуют, что нанесли удар клерикализму, и “Страна” гудит хвалебным басом, ожидая себе благодарности от отечества!» (*Соч.* Т. V. С. 41). (22 марта 1881 г. Аксаков прочел речь в заседании С.-Петербургского славянского благотворительного общества, которая оживленно обсуждалась в газетах.)

[11] Буквально точная цитата из фельетона: *Г.* Провинциальные очерки: «Русь» о нравственности и мерах к ее подъему // Порядок. 1881. 17 апр. № 104. С. 1—2 (приведены слова на с. 2). См. ироническое продолжение: «Что это за религия такая и каковы ее почитатели и проповедники, если так легко каким-нибудь “арбузом” вытеснить их из школы и жизни?» (Там же. С. 2).

[12] Имеется в виду французская пословица, ставшая популярной, после того как прозвучала в монологе дона Базилио из комедии Бомарше «Севильский цирюльник»

(1775): «Calomniez, calomniez, Hen restera toujours quelque chose» («Клевещите, клевещите, что-нибудь да останется») (д. II, явл. 7).

[13] Отсылка к реплике старухи Хлёстовой из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума»: «Всё врут календари» (д. III, явл. 21).

[14] На эти слова Аксакова появился ответ в передовой статье газеты «Порядок»: «“Элегический тон” <...> мог относиться не к личностям или к тем или другим переменам в личном составе администрации, а к возможности отрешения от той политики, которую сам г. Аксаков назвал благотворною» (<*Стасюлевич М. М.*>. Петербург. 18-го (30-го) мая: Политическое обозрение // Порядок. 1881. 19 мая. № 136. С. 1).

[15] *N*. Переживаемые дни // Порядок. 1881. 15 апр. № 102. С. 3; 16 апр. № 103. С. 3—4. Имеется в виду следующий пассаж: «Например, куда отнести “Окраины России”, предисловие к богословским сочинениям Хомякова — Юрия Самарина, труды (нами лично уважаемые, хотя во многом мы с ними совершенно не согласны), которые не могли явиться в России? Куда отнести публицистическую деятельность г. Ивана Аксакова, издававшего “День”, “Москву” и “Москвича”, которые последовательно были запрещаемы правительственной властью, сначала Министерством внутренних дел, потом Сенатом? <...> эта деятельность была чистейший “либерализм”, упорное противление, — и “либералы” сочувствовали ему во имя свободы убеждения и слова. Но, может быть, теперь г. Иван Аксаков изменил свои взгляды (многие, даже из его недавних почитателей, думают, что совершенно изменил), — в таком случае добросовестность требовала бы заявить это открыто» (Там же. 16 апр. № 103. С. 3).

[16] Эта тенденция затронула и провинциальную прессу, во многом подражавшую столичной. См., например, в передовице «Тверского Вестника»: «Много лет тому назад мы научились уважать представителей славянофильства 40-х годов и, вполне сочувствуя основной мысли, которую они тогда развивали, ни на один миг не можем причислить имена братьев Киреевских, А. С. Хомякова, братьев Елагиных, отца С. Т. и сына К. С. Аксаковых — к врагам интеллигенции. Напротив, они сами были одними из лучших ее представителей, и если б им пришлось слышать трескучую фразеологию, направленную против интеллигенции, считающим себя представителем современного славянофильства И. С. Аксаковым, они с негодованием отвернулись бы от такого последователя» (<*Кудрин В. С.*>. По России // Тверской Вестник. 1881. 29 марта. № 13. С. 214). Позднее о том же писал анонимный автор газеты «Голос»: «Газета “Русь” не удержалась на той нравственной высоте, на которой стоял К. С. Аксаков» (Накануне. V // Голос. 1881. 31 мая. № 149. С. 1).

[17] Намек на пьесу Ап. А. Григорьева «Два эгоизма» (1845), где К. С. Аксаков был выведен под маской «Баскакова, философа-славянофила». См. подробнее: *Дмитриев А. П., Егоров Б. Ф.* Комментарии // *Григорьев А. А.* Собр. соч.: в 10 т. СПб.: Росток, 2021. Т. II. С. 735—736.

[18] Речь идет не о «Параше», а о другой поэме И. С. Тургенева — «Помещик» (1846), в строфе XXVIII которой были злые стихи, изображавшие К. С. Аксакова: «...умница московский, / Мясистый, пухлый, с кадыком, / Длинноволосый, в кучерском / Кафтане, бредит о чертогах / Князей старинных, о <.....> / От шапки-мурмолки своей / Ждет избавленья, возрожденья; / Ест редьку, — западных людей / Бранит — и пишет... донесенья» (*Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: в 12 т. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Наука, 1978. Т. 1. С. 445—446; в угловых скобках неустановленное цензурное изъятие). Позднее, в 1857 г., Тургенев, стыдясь этих строк, разрешил перепечатать поэму только при условии изъятия злополучной строфы (см. подробно: Там же. С. 476—478).

[19] Аксаков ошибается: курсивом в «Петербургском сборнике» (СПб., 1846), где увидел свет «Помещик», слово «донесенья» не выделено.

[20] Подразумевается отклик самого К. С. Аксакова (под псевдонимом «Имрек»), что «Помещик» просто «вздор» (Московский литературный и ученый сборник на 1847 год. М., 1847. С. 37).

[21] Отсылка к знаменитому выражению о Бурбонах, ошибочно приписывавшемуся Наполеону I, Ш. М. де Талейрану, Александру I и др., на деле же восходящему к письму французского контр-адмирала Ш. Л. Э. де Пана́ из Лондона к журналисту времен Великой французской революции Ж. Малле дю Па́ну (январь 1796 г.). Адмирал имел в виду эмигрантов-роялистов, которые в период Директории (1794—1799) надеялись на реставрацию монархии. Когда же Бурбоны вернулись к власти на короткий срок (1814—1830), это ироническое выражение и приобрело популярность. Обнародовано было письмо де Пана, когда в Париже в 1851 г. опубликовали переписку Малле дю Пана. См.: *Montlosier F.* Souvenirs d'un émigré (1791—1798). Paris: Hachette, 1851. P. 161. Широкую известность это изречение получило, однако, раньше — благодаря воззванию наполеоновской гвардии «К солдатам великой нации» от 1 марта 1815 г., в день высадки Наполеона во Франции, в котором говорилось: «За несколько месяцев своего правления Бурбоны показали вам, что они ничего не забыли и ничему не научились». Аксаков приводит это крылатое выражение и в передовых статьях «<Приговор по делу о русских в Галиции — посягательство на принцип религиозной свободы>» (1882; см.: *Собр. соч.* Т. 1. Кн. 2. С. 117) и «<Культурное одичание нашего века>» (Наст. том. С. 552).

[22] Цитируется редакционная статья По вопросу об университетах // *НВр.* 1881. 11 апр. № 1839. С. 1—2 (приведенные слова — на с. 1).

[23] Цитата из передовой статьи: *<Катков М. Н.>*. Москва, 20 апреля // *МВед.* 1881. 21 апр. № 109. С. 2. В ней обильно цитируется вышеназванная статья из «Нового Времени».

[24] Выпуск газеты был приостановлен 16 марта 1881 г. на месяц за фельетон в № 72 (*Патрушева.* С. 162).

[25] С.-Петербург, 17 апреля: Пути и средства для восстановления народного благосостояния // *СПбВед.* 1881. 18 апр. № 76. С. 1.

<Примечания к «Записке К. С. Аксакова "О внутреннем состоянии России", представленной Государю Императору Александру II в 1855 г.>

Печатается по первой публикации примечаний к материалу: Записка К. С. Аксакова «О внутреннем состоянии России», представленная Государю Императору Александру II в 1855 г. // Русь. 1881. 9 мая. № 26. С. 11; 16 мая. № 27. С. 18; Дополнение к Записке о внутреннем состоянии России, представленной Государю Императору Александру II в 1855 г. Константином Сергеевичем Аксаковым // Там же. 23 мая. № 28. С. 14. В *Соч.* не воспроизводилось.

И. С. Аксаков напечатал в своей газете «записку», составленную его старшим братом на Высочайшее имя вскоре после того, как Александр III взошел на престол, сопроводив эту публикацию своей передовой статьей: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 23 мая // Русь. 1881. 23 мая. № 28. С. 1—4; посмертно републикованной под назв. «О "Записке" К. С. Аксакова, поданной Императору Александру II» (*Соч.* Т. V. С. 58—66).

[1] Примечание к начальным словам публикации (Русь. 1881. 9 мая. № 26. С. 11).

[2] Пояснение к словам: «Правительство и народ не понимают друг друга, и отношения их недружественны. И на этом-то внутреннем раздоре, как дурная трава, выросла непомерная, бессовестная лесть, уверяющая во всеобщем благоденствии, обращающая почтение к царю в идолопоклонство, воздающая ему, как идолу, божескую честь. <...> Принято выражение, что "Государь *изволил* приобщаться Святых Таин", тогда как христианин иначе сказать не может, что он *сподобился* или *удостоился*» (Русь. 1881. 16 мая. № 27. С. 18).

[3] Дополнение к словам: «С некоторых дворян русских, надевших было русскую одежду, взята через полицию подписка: *бороды не носить*, отчего они и принуждены были снять русское платье, ибо борода есть часть русского наряда» (Русь. 1881. 23 мая. № 28. С. 14).

<Газета «Голос» о чувстве личного достоинства как «даре западного просвещения»>

Печатается по первой публикации подпередовой статьи: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 23 мая // Русь. 1881. 23 мая. № 28. С. 4—5. В *Соч.* не воспроизводилось.

[1] Имеется в виду подпередовая статья: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 16 мая // Русь. 1881. 16 мая. № 27. С. 4—6, при републикации получившая назв. «О Ригре и направлении газеты “Политика”» (*Соч.* Т. VII. С. 593—601).

[2] Неточность: имеется в виду подпередовая статья в № 126 «Голоса» — «Санктпетербург. 7-го мая 1881», дополнительно озаглавленная «Мнение славян о наших славянофилах и консерваторах»: Голос. 1881. 8 мая. № 126. С. 1. Аксаков цитирует текст вольно, очевидно — по памяти. В источнике: «Но мы можем сказать, по крайней мере, что всё, что́ только есть среди образованных народов мыслящего, независимого, пользующегося нравственным влиянием и уважением, все это стоит не на стороне наших противников, славянофилов и так называемых “охранителей”. Коробящая цивилизованного человека грубость воззрений таких органов, как “Русь” и “Московские Ведомости”, фальшь, ложь, лицемерие, даже скудоумие их суждений поняты, разоблачены и осуждены во всей честной европейской печати, без исключения. <...> Против гг. Каткова и Аксакова высказывается не только “гнилой Запад”, но и все славянство пишущее и размышляющее».

[3] Вольно цитируется подпередовая статья «Санктпетербург. 12-го мая 1881», имеющая дополнительное назв. «Идеалы газеты “Русь”»: Голос. 1881. 13 мая. № 131. С. 1—2. В источнике: «Газета “Русь” в своих филиппиках исходит из того предположения, что “либералы”, взросшие под влиянием реформы Петра, т. е. под влиянием слепого подражания *Западу*, ищут выхода из полицейского государства в государстве правомерном и притом в тех *формах*, какие установились на Западе в виде реакции полицейскому государству. Снова смеем уверить почтенную газету, что такое предположение ложно. Замена *канцелярски*-полицейского государства *канцелярски*-представительным ни для кого не решила бы тех важных общественных вопросов, которые занимают наши умы. Не хуже редактора газеты “Русь” видим мы, к чему приводит *призрачный* конституционализм во многих государствах Западной Европы» (Там же. С. 1—2).

[4] Речь идет о вызвавшей газетную полемику передовой статье: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 9 мая // Русь. 1881. 9 мая. № 26. С. 2—5, при републикации озаглавленной «О правильной постановке местного самоуправления» (*Соч.* Т. V. С. 45—57).

[5] Подразумеваются проблемы земского самоуправления в России, всегда находившиеся в центре внимания Аксакова-публициста.

[6] См. в источнике: «В то время как Петр и его преемники складывали свою административную машину по западноевропейским образцам на подкладке опричнины, с того же Запада проникало к нам и *просвещение*, не казенное только, но и человеческое. Под влиянием этого просвещения в русском обществе зародилось нечто неведомое прежде — чувство *личного достоинства*. “Русь”, полагаем, не станет отрицать, что этого чувства не было и не могло быть прежде. Всем очень хорошо известно, что русскому народу, в его тяжелой борьбе за существование и за право держать свое государство, приходилось постоянно приносить в жертву государству, земле и миру человеческую личность, ее интересы и права. <...> Благодаря именно обезличению человека, благодаря упадку самостоятельного личного сознания, личной духовной и умственной жизни, народ обратился в tabula rasa, над которой возможны были все эксперименты. <...> Как можно было отстоять “самобытность” нравов, обычаев, совести, прически, церкви, одежды и грамоты, когда самобытность всего этого коренится, прежде всего, в свободной и творческой деятельности человека?» (Санктпетербург. 12-го мая 1881 // Голос. 1881. 13 мая. № 131. С. 2).

[7] Выходные данные записки К. С. Аксакова «О внутреннем состоянии России» см. в комм. 2 на с. 789.
[8] Отсылка к одноименному стихотворению К. С. Аксакова (1854), впервые опубликованному в «Руси» (1880. 15 нояб. № 1. С. 17).
[9] Намек на православное чинопоследование таинства крещения, где новокрещаемый отрекался от сатаны и всех дел его. См. комм. 16 на с. 762.

<Об отрицании газетой «Порядок» русской народной самобытности>

Печатается по первой публикации подпередовой статьи: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 30 мая // Русь. 1881. 30 мая. № 29. С. 4—5. В *Соч.* не воспроизводилось.

[1] Цитируется передовая статья: *<Стасюлевич М. М.>*. Петербург. 18-го (30-го) мая: Политическое обозрение // Порядок. 1881. 19 мая. № 136. С. 1.
[2] *<Аксаков И. С.>*. Политическое обозрение // Русь. 1881. 30 мая. № 29. С. 11—12. Здесь Аксаков, ссылаясь на то, что его статья посвящена внутренней жизни Франции, предуведомляет соотечественников: «Но, перенесясь мыслию через порог России, русский читатель должен оставить дома свои весы, мерила и требования русского народного смысла — и должен ведать наперед, что он ступает на почву условно-формальных отношений, внешней, буквенной правды, механических, государственных снарядов и искусственных сделок» (Там же. С. 11).
[3] *А. П.* «Народ» и «интеллигенция» // Порядок. 1881. 21 мая. № 138. С. 1—2; 22 мая. № 139. С. 1—2.
[4] Об источнике этого выражения (о Бурбонах) см. комм. 21 на с. 786.
[5] См., например: «...к нашему обществу привились (а отчасти и самобытно развились) идеально-теоретические представления о внутренней жизни народного духа, об ее особенностях, идущих искони из первых веков народного существования, живущих, несмотря на все внешние случайности и потрясения...» (*А. П.* «Народ» и «интеллигенция» // Порядок. 1881. 22 мая. № 139. С. 2).
[6] См. об этом передовую статью: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 16 мая // Русь. 1881. 16 мая. № 27. С. 1—3, при републикации получившую назв. «По поводу циркуляра графа Игнатьева при вступлении его в Министерство внутренних дел» (*Соч.* Т. V. С. 460—468).
[7] А. Ф. Гильфердинг скончался 20 июня 1872 г.

<Лжелиберальная интеллигенция как класс доктринеров, презирающий народ и стремящийся им командовать>

Печатается по первой публикации передовой статьи: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 1 августа // Русь. 1881. 1 авг. № 38. С. 1—5. В *Соч.* не воспроизводилось.

С положениями этой статьи полемизировал публицист журнала «Русская Мысль». См.: *В. Г. <Гольцев В. А.>*. Внутреннее обозрение: Несколько слов газете «Русь». — Изменила ли «Русская Мысль» своему первоначальному направлению? // *РМ.* 1881. Кн. 10. Отд. II. С. 129—132. Кроме того, о статье Аксакова высказался рецензент газеты «Голос», видя в ней некую «утонченную тактику»: «Газета просит “свободы” враждебному направлению, доказывая в то же время, что оно само тогда утратит всякий кредит, что тогда только и восторжествуют соединенные “идеалы” и самобытная “правда”» (Обзор периодической печати // Голос. 1881. 4 авг. № 212. С. 2).

[1] См.: *М. П.* Ретроградная печать и голос провинции // *ВЕ.* 1881. Т. 90. Кн. 7. С. 324—249. (Хроника).

[2] См.: Записка К. С. Аксакова «О внутреннем состоянии России», представленная Государю Императору Александру II в 1855 г. // Русь. 1881. 9 мая. № 26. С. 11—15; 16 мая. № 27. С. 17—20; 23 мая. № 28. С. 12—14.

[3] Вольная автоцитата из подпередовой статьи Аксакова «<Газета “Голос” о чувстве личного достоинства как “даре западного просвещения”>» (Наст. том. С. 397).

[4] Неточная автоцитата начальной фразы из передовой статьи «Москва, 21 марта» (Русь. 1881. 21 марта. № 19. С. 2—5), при републикации получившей назв. «Так называемая либеральная пресса по поводу события 1-го марта» (*Соч.* Т. V. С. 622—633). В источнике: «Петербургский бюрократизм и петербургский так называемый либерализм — одного поля ягоды» (Там же. С. 622).

[5] *«Русская Мысль»* — общественно-политический и литературный ежемесячный журнал, выходивший в Москве в 1880—1918 гг. и придерживавшийся умеренного конституционализма. Издатель — В. М. Лавров, редактор — С. А. Юрьев; с мая 1881 г. Лавров стал и соредактором издания.

[6] Точнее: «...заслуженного бойца за либеральные земские идеи» (*В. Г. <Гольцев В. А.>*. Внутреннее обозрение. 1. Вопросы дня // *РМ*. 1881. Кн. 5. Отд. II. С. 73).

[7] Евангельское выражение (Лк 18: 2). См.: «в одном городе был судья, который Бога не боялся и людей не стыдился».

[8] Имеется в виду сбор «пожертвований в пользу голодающих в Уфимской и Самарской губерниях». Впервые список жертвователей был помещен в № 11 «Руси» от 24 января 1881 г. (на с. 3).

[9] В № 15 от 20 февраля (с. 1) сообщалось, что собрано 19 852 руб., в № 17 от 7 марта (с. 1) — что сумма возросла до 29 699 руб.; во всех названных номерах газеты (т. е. включая № 37 от 25 июля, с. 21—22) были помещены подробные письма-отчеты Г. С. Аксакова о расходовании пожертвованных средств.

[10] См.: *Бессонов П.* По поводу двух новых сочинений о памятниках и особенностях русского народа // Русь. 1881. 25 июля. № 37. С. 17—20.

[11] П. А. Бессонов с 1878 г. был профессором Харьковского университета.

[12] О газете «Порядок» см. комм. 3 на с. 783.

[13] *«Смоленский Вестник»* — общественно-литературная газета, выходившая в 1878—1917 гг., поначалу (в рассматриваемое время) дважды в неделю. Издатели-редакторы: преподаватели Московского университета И. В. Хотьковский и А. И. Епишев. В газете помещались довольно развязные, если не сказать хамские, по тону статьи, критикующие газету «Русь»; см., например: «Г<-н> Аксаков, вопивший о бедственной судьбе балканских славян <...> не остался на высоте данной минуты. <...> думали, что он вспомнит о России в своей “Руси”; надеялись, что он не забудет страну и народ» и т. п. (цит. по: Тверской Вестник. 1881. 29 марта. № 13. С. 216).

[14] *«Тверской Вестник»* — еженедельник либерального направления, первая частная газета Тверской губернии, выходившая с 1 декабря 1878 г. по 23 августа 1881 г. Издатели-редакторы: И. А. Иванов и В. С. Кудрин. Газета оказалась в центре всероссийского общественного внимания благодаря широкому освещению земских проблем, выделявшему ее среди других провинциальных изданий.

[15] *«Киевлянин»* — газета, с 1879 г. ежедневная, консервативного направления. Издавалась в Киеве в 1864—1919 гг. С 1879 г. редактор-издатель — Д. И. Пихно.

[16] У М. Е. Салтыкова-Щедрина в Тверской губернии было родовое имение (Спас-Угол Калязинского уезда), где он и родился.

[17] Цитируется редакционная статья по поводу речи Аксакова в С.-Петербургском славянском благотворительном обществе 22 марта: *<Кудрин В. С.>*. По России // Тверской Вестник. 1881. 29 марта. № 13. С. 213—214. Не исключено, что Аксаков привел эти цитаты по газете «Русский Курьер», где они представлены под рубрикой «Наши газеты и журналы»: *РК*. 1881. 7 апр. № 95. С. 2.

[18] Аксаков иронизирует над словами как газеты «Тверской Вестник», так и поддержавшего ее журнала «Вестник Европы», заявлявших о своем либерализме и опустившихся до доноса — обвинения литературного оппонента в уголовном преступлении за его взгляды.

[19] *Титов А., председатель Ростовской земской управы.* По поводу некоторых мнений о составных элементах земства // Русь. 1881. 1 авг. № 38. С. 18—21. Эту публикацию Аксаков сопроводил примечаниями, в первом из которых, в частности, отметил: «Мы придаем особенное значение тому, что автор, так строго критикующий настоящий ход дел в земствах, сам опытный земец, председатель Ростовской (Яросл<авской> г<убернии>) земской управы и известный знаток народного быта» (Там же. С. 18).

[20] См. в книге «За рубежом» (1880—1881): «Ты хочешь единения с народом? — прекрасно! выбирай проказу, ложись в навоз, ешь хлеб, сдобренный лебедой, надевай рваный пониток и жги книгу» (*Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч.: в 20 т. М.: Худож. лит., 1972. Т. 14. С. 229).

[21] См. прошение из Псалтири: «Не уклони сердце мое в словеса лукавствия...» (Пс 104: 4).

[22] *В. Г. <Гольцев В. А.>.* Внутреннее обозрение. 1. Вопросы дня // *РМ.* 1881. Кн. 5. Отд. II. С. 66—81.

[23] См.: *Марков Евг.* Сельское правосудие (к вопросу крестьянского устройства) // Русская Речь. 1881. № 7. С. 203—239. О журнале «Русская Речь» см. комм. 17 на с. 777.

[24] Цитируется текст на с. 217—218 статьи Маркова.

[25] Имеется в виду заключительный раздел «Внутреннего обозрения» В. А. Гольцева в февральской книжке за 1881 г., названный «Судьба Н. Г. Чернышевского», в котором, вслед за автором газеты «Страна», Гольцев взывает к монаршему милосердию, отмечая, что Чернышевский «семнадцать лет томится на безжалостно-холодном севере Сибири, без семьи, без общества, заживо погребенный... <...> Н. Г. Чернышевский принадлежит к числу редких по уму русских людей. <...> Социалистическая окраска некоторых из его сочинений не есть такое зло, за которое общество и государство никогда не прощают» (*РМ.* 1881. Кн. 2. Отд. II. С. 41).

[26] Речь идет о большой статье С. А. Юрьева, помещенной вслед за письмом А. С. Хомякова к А. О. Смирновой-Россет от 21 марта 1848 г. по Польскому вопросу: *Ред. <Юрьев С. А.>.* Несколько слов по поводу письма А. С. Хомякова к А. О. Смирновой // *РМ.* 1881. Кн. 3. Отд. I. С. 309—326.

[27] Упомянутый отзыв о Хомякове не удалось обнаружить ни в «Русских Ведомостях», ни в «Русском Курьере».

[28] *В. Г.* — псевдоним В. А. Гольцева.

[29] См. об этом передовую статью «<Ответ г. Градовскому на его разбор "Записки" К. С. Аксакова>» (Наст. том. С. 409—417).

<Ответ г. Градовскому на его разбор «Записки» К. С. Аксакова>

Печатается по первой публикации: *<Аксаков И. С.>.* Москва, 5 сентября // Русь. 1881. 5 сент. № 43. С. 1—5. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 503—516.

Аксаков полемизирует в своей статье с положениями очерка видного либерального правоведа и публициста, профессора С.-Петербургского университета А. Д. Градовского «Славянофильская теория государственности» (Голос. 1881. 10 июня. № 159. С. 1—2), в котором анализируются основные принципы историософии К. С. Аксакова по его «Записке» 1855 г.

Процитировав окончание этой статьи Аксакова (начиная от слов «Ни К. С. Аксаков, ни "Русь"...»), сотрудник газеты «Порядок» возражал в неподписанной заметке: «Если парламентское большинство действительно может изменить закон или приостановить

его действие, то это делается не в силу каприза и случайности, определяемых "десятком лишних голосов", но составляет результат более или менее продолжительной идейной борьбы при участии и на глазах всего народа, то есть составляет проявление тех же "обычаев и нравов" и, прибавим, идей, с которыми, как совершенно верно замечает "Русь", следует сообразовать и законы, и правительственные действия. При таких условиях совершенно даже излишне желать, чтобы правительство прониклось "не только национальным, но и народным духом", потому что иначе и быть не может. Если же у нас приходится выражать подобные желания, как это делает "Русь", и утверждать, что вся бюрократия оторвана от народа, состоит из "красных", проникнута "лжелиберализмом" и заговаривает даже иногда "языком «Земли и Воли»" <...>, то каким же образом обеспечить и верховную власть, и народ, и государство от подобных случайностей, мешающих осуществлению той жизни "в любви и совете", которые так желательны?» (Порядок. 1881. 8 сент. № 247. С. 2).

[1] Газета «Голос» была приостановлена на шесть месяцев, когда 25 июля 1881 г. получила третье цензурное предостережение (первые два — 4 и 31 марта того же года). Поэтому Аксакову с этической точки зрения было неловко выступать с критикой статьи, полуторами месяцами ранее помещенной в издании, подвергшемся правительственным репрессиям.

[2] Вольная цитата из публикации: По поводу толков о конституции (1862): Проект заявления, написанный Юрием Федоровичем Самариным // Русь. 1881. 30 мая. № 29. С. 13. В оригинале: «...государственный строй (*тот или другой*), как существенное условие общежития, служит к достижению предназначенных человечеству целей».

[3] Наиболее четко это положение было выдвинуто А. С. Хомяковым в его очерке «Несколько слов по поводу статьи г. Киреевского, помещенной в 1-м томе "Московского сборника" "О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России"» (1852). См.: «Внешняя правда в человеке отдельном не осуществляется; она стремилась осуществиться в обществе и выразилась в Вечном Риме» (Московский сборник / изд. подг. В. Н. Греков. М.: Наука, 2014. С. 290).

[4] Вторая половина пословицы — «а врать не мешай».

[5] Историк Д. И. Иловайский, противник норманнской теории, приводя в своих пособиях сообщения о призвании варягов, заключал: «Эти летописные рассказы долгое время принимались за исторические события. <...> Но в настоящее время более тщательные исследования показывают, что упомянутые рассказы должны быть отнесены к области баснословия» (*Иловайский Д.* Краткие очерки русской истории: курс старшего возраста. Изд. 30-е. М.: типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1895. С. 10).

[6] Повесть временных лет / подг. текста, пер., ст. и комм. Д. С. Лихачева под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Наука, 1996. С. 13 («В лето 6370 <862>»). Современная наука подтверждает правоту Аксакова в понимании слова «наряд» — не как «порядок», а как «ряд», общественный договор между князем и подданными.

[7] Возможно, здесь Аксаков намекает на приобретшую широкую известность статью А. Д. Градовского «Мечты и действительность (По поводу речи Ф. М. Достоевского)» (Голос. 1880. 25 июня. № 174), разбору которой была посвящена значительная часть «Дневника писателя» за 1880 г.

[8] Отсылка к Евангелию: «Воздатите Кесарева Кесареви и Божия Богови» (Мф 22: 21).

[9] 2 Кор 3: 6.

[10] Евангельское выражение (Лк 17: 20).

[11] Ср. возглас на Литургии верных: «Яко да под державою Твоею всегда храними», т. е. чтобы мы, под Твоей властью всегда хранимые.

[12] Контаминация богослужебных провозглашений: «Благоденственное и мирное житие» (начало многолетия) и «Да тихое и безмолвное житие поживем» (1 Тим 2: 2).

[13] *«Отголоски»* — общественно-политическая газета, выходившая в 1879—1881 гг. сначала еженедельно, затем (с 1881 г.) дважды в месяц как «журнал». Официальным редактором был Е. П. Карнович, фактическим — П. А. Валуев; издателем — К. К. Ретгер. Подразумевается неподписанная передовая статья: *<Валуев П. А.?>*. Россия и Запад // Отголоски. 1881. Т. II. № 8 (апр.; кн. 2). С. 161—181, посвященная полемике с славянофильским политическим учением.

[14] С сочинениями В. Г. Риля московских славянофилов познакомил, по-видимому, А. С. Хомяков, опубликовавший отклик на три статьи, рецензирующие книгу В. Г. Риля «Естественная история народа» (Штутгарт, 1856): *Т<уля>к <Хомяков А. С.>*. Заметка («В числе занимательных и серьезных статей, нередко появляющихся в "Русском Вестнике"...») // *РБ*. 1858. Кн. II (X). Отд. V. С. 216—221. Эти три рецензии: 1) «Материялы для физиологии общества» В. П. Безобразова (*РВ*. 1857. Т. XI, окт., кн. 2. Отд. I. С. 657—720; Т. XII, дек., кн. 1. С. 493—538), 2) «Исторические письма» С. М. Соловьева и 3) «Материялы для науки об обществе в Германии» анонима (*РВ*. 1858. Т. XIV, март, кн. 1. Отд. I. С. 1—28; Отд. II. С. 218—271). Вероятно, одну из этих рецензий упоминает Аксаков. Сам он решил основательно проштудировать Риля и 16 (28) января 1860 г., находясь в Лейпциге, сообщал родным: «Купил я себе всего Риля <...> Советую Константину поторопиться с письменным изложением всех своих мыслей о русской народности: мне очень хочется поставить его в непосредственные отношения к Рилю» (*Аксаков в письмах*. Т. III. С. 37). 4 (16) марта уже из Мюнхена Аксаков делился впечатлениями от Риля: «...по моему мнению, замечательней всех теперешних ученых немцев — это *Риль*, который не только славянофил немецкий <...>, но немецкий Констант<ин> Сергеевич. А что очень замечательно, так это то, что Риль стоит к ученому немецкому миру в тех же почти отношениях, как и славянофил к русским цеховым ученым. <...> сочинения Риля не носят на себе пыли педантической <...> в его логическое понимание входит еще понимание художественное: он музыкант вдобавок <...> Будь я в Москве — поехал бы, купил и подарил бы Риля Константину. Его книги недовольно прочесть, но надо проштудировать» (Там же. С. 63—64; уточнено по автографу: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 15. Ед. хр. 14. Л. 22 об.). Впоследствии, уже после кончины Константина, Аксаков подробно писал 15/16 января 1862 г. графине А. Д. Блудовой: «Сущность воззрения брата моего (и Хомякова) состоит в том, что русский народ не политический, никогда не бунтовал за свои политические права, — а народ социальный, имеющий задачею внутреннюю жизнь, жизнь земскую. Его идеал — не государственное совершенство, а создание Христианского общества. Следовательно, его идеал выше идеала западных народов, которые веруют в Государство, во внешнюю форму, ищут только внешнего благоустройства, ищут истины и воплощения истины в Государстве, и потому беспрестанно меняют формы Государственные, забывая, что зло не в форме, а в самом принципе. Русский народ, напротив, равнодушен к форме, потому что знает, что дело не в ней, а в принципе, и так как последний неизбежен в бытии земном человеческого общества, то он старается как можно более уберечь от него свою внутреннюю жизнь, уберечь не внешними средствами, а тем, что знает ему цену и не придает ему особенной важности» (*Аксаков в письмах*. Т. III. С. 388; уточнено по автографу: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 15. Ед. хр. 14. Л. 62—62 об.). См. об этом подробнее в комм. В. Н. Грекова: *Отчего так нелегко живется*. С. 952—953.

[15] Аксаков ошибается: в журнале братьев М. М. и Ф. М. Достоевских А. Д. Градовский не участвовал. См.: *Нечаева В. С.* Список сотрудников журналов «Время» и «Эпоха» // *Нечаева В. С.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха», 1864—1865. М.: Наука, 1975. С. 272—275. Возможно, подразумевается сотрудничество Градовского в журналах «Заря» или «Беседа».

[16] Эти публичные лекции напечатаны: *Градовский А. Д.* Собр. соч.: <в 9 т.>. Т. 6: Статьи и публичные лекции о национальном вопросе; Славянский вопрос и война 1877 года; Польский вопрос. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1901. VIII, 635 с.

[17] Эти слова вызвали поздний отклик редактора-издателя газеты «Земство» В. Ю. Скалона, высказавшегося в защиту «правового порядка» (над этим словосочетанием иронизировал Аксаков): «Но для того, чтобы понятие это вошло в *обычай и нравы*, необходимо, чтобы общественная среда развивалась свободно, а для того, чтобы свободное развитие не встречало препятствий, как до сих пор, не было искусственно направляемо на ложные пути, необходимо обставить его прочными гарантиями от всяких посягательств. В отношении способов достижения этой цели существуют весьма значительные разногласия, разрешить и примирить которые путем кабинетным или канцелярским не представляется возможности; желания народа может выяснить только сам народ; говорить за него и от его имени не имеет права никто, не будучи народом уполномочен. Поэтому необходимо, чтобы самому народу была предоставлена возможность высказаться о его нуждах и желаниях, между прочим и о том, что считает он нужным для охранения его прав и свободного развития. В этом спросе народного мнения лежит, думаем мы, основа того правового порядка, который должен заменить собою наше нынешнее бесправие» (Земство. 1882. 27 февр. № 8. С. 4).

[18] Отсылка к пословице «Где любовь да совет, там и горя нет».

<Гоголь был удивительное явление>

Печатается по первой публикации подпередовой статьи: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 19 сентября // Русь. 1881. 19 сент. № 45. С. 4—5. В *Соч.* не воспроизводилось.

4 сентября 1881 г. в городе Нежине Черниговской губернии был открыт памятник Н. В. Гоголю, выпускнику Нежинского лицея. Празднество приурочили к дню открытия лицея. Памятник в виде бронзового бюста на массивном гранитном постаменте был изготовлен в Петербурге по модели скульптора П. П. Забелло, уроженца и жителя Нежинского уезда. Инициатива принадлежала бывшему лицеисту, члену Нежинского окружного суда И. Л. Дейкуну, который в июле 1880 г. совместно со своими сослуживцами и преподавателями нежинских гимназии и института подали прошение министру внутренних дел графу М. Т. Лорис-Меликову, прося разрешение на сбор пожертвований в пределах Черниговской губернии. Прошение было тут же уважено, и в августе был создан Комитет по сооружению бюста под председательством Дейкуна и разосланы подписные листы. Жертвовали и крестьяне, и богатые промышленники-сахарозаводчики, проводились благотворительные спектакли, была устроена художественная выставка с участием картин Н. Н. Ге (землевладельца Борзненского уезда Черниговской губернии). В итоге всего за год, к 1 сентября 1881 г., удалось собрать 8905 руб. Около шести тысяч пошло на создание и установку бюста, на остальные решено издать сочинения Гоголя по общедоступной цене и учредить Гоголевские стипендии в Нежинской гимназии. См. подробнее в корреспонденции А. Я. Конисского.

[1] Вольная цитата из корреспонденции: *К—ский А. <Конисский А. Я.>*. Открытие в Нежине бюста Н. В. Гоголю // Порядок. 1881. 12 сент. № 251. С. 1—2. В источнике: «...читатель заметит, что петербургская печать хоть частию отозвалась на торжество Гоголя, а московская — ни единым словом... А ведь Гоголь и отец издателя “Руси” были задушевнейшие друзья!.. Предположим — Петербург и Москва “не знали” о дне открытия бюста...» (Там же. С. 2).

[2] В газете «Новости и Биржевая Газета» собственной корреспонденции из Нежина отыскать не удалось; в републикованной из газеты «Заря» корреспонденции из Нежина от 4 сентября телеграмма Аксакова не воспроизведена. См.: *НиБГ*. 1881. 8 сент. № 235. С. 3.

[3] Отсылка к словам «сквозь видный миру смех и незримые, неведомые ему слезы» («Мертвые души», т. I, гл. 7).

<Искажение газетой «Порядок» мыслей и слов оппонентов в партийных интересах>

Печатается по первой публикации подпередовой статьи: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 3 октября // Русь. 1881. 3 окт. № 47. С. 3—4. В *Соч.* не воспроизводилось.

[1] Речь идет о передовице: Петербург. 22-го (4-го) сентября: Политическое обозрение // Порядок. 1881. 23 сент. № 262. С. 1.

[2] Имеется в виду передовая статья: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 19 сентября // Русь. 1881. 19 сент. № 45. С. 1—3, при републикации получившая назв. «По поводу Высочайшего именного указа 10 сентября 1881 г.» (*Соч.* Т. VI. С. 372—380).

[3] В то время эти народовольцы находились в розыске (Кобозев будет арестован 15 мая 1882 г., а Лев Гартман сумеет эмигрировать в Америку).

[4] См. в источнике: «Уничтожьте чины и льготы по воинской повинности, даруемые университетом и гимназиями, и вы изумитесь, до какой степени сам собою сократится наплыв учащихся! Убудут все те, которые добиваются высшего образования только ради тщеславия, ради "общественного положения" и — главное — ради облегчения воинской повинности, — а не попав в разряд "господ", они удовольствуются, может быть, более скромною и свойственною им долею работников и тружеников — в промыслах, в торговле, в сельском хозяйстве и в иных профессиях... Эта масса "лишних людей" и всякого рода "изгоев", которая плодится теперь неправильною постановкою школьного дела, — едва ли не одна и составляет главный контингент революционного нигилизма. Что́ им делать? Куда деваться?» (*Соч.* Т. VI. С. 379).

<Отрицание самобытности русского народа в журнале «Русская Мысль»>

Печатается по первой публикации подпередовой статьи: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 17 октября // Русь. 1881. 17 окт. № 49. С. 4—6. В *Соч.* не воспроизводилось.

[1] См.: *Головачев А. А.* Наш экономический недуг // *РМ.* 1881. Кн. 9. Отд. I. С. 356—394.

[2] См.: Записка К. С. Аксакова «О внутреннем состоянии России», представленная Государю Императору Александру II в 1855 г. // Русь. 1881. 9 мая. № 26. С. 11—15; 16 мая. № 27. С. 17—20; 23 мая. № 28. С. 12—14.

[3] См.: *Градовский А. Д.* Славянофильская теория государственности // Голос. 1881. 10 июня. № 159. С. 1—2.

[4] Отсылка к определению на титульном листе «Русской Мысли»: «журнал научный, литературный и политический».

[5] См.: *Ред. <Юрьев С. А.>*. Несколько слов по поводу письма А. С. Хомякова к А. О. Смирновой <от 21 марта 1848 г.> // *РМ.* 1881. Кн. 3. Отд. I. С. 309—326.

[6] Отсылка к 5-й строфе стихотворения А. С. Хомякова «Ключ» (1835): «В твоей груди, моя Россия, / Есть также тихий, светлый ключ; / Он также воды льет живые, / Сокрыт, безвестен, но могуч».

[7] *В. Г. <Гольцев В. А.>*. Внутреннее обозрение: Несколько слов газете «Русь». — Изменила ли «Русская Мысль» своему первоначальному направлению? // *РМ.* 1881. Кн. 10. Отд. II. С. 129—132. Здесь Гольцев полемизирует с Аксаковым по поводу его передовой статьи «<Лжелиберальная интеллигенция как класс доктринеров, презирающий народ и стремящийся им командовать>» (Наст. том. С. 401—408).

[8] *С. Пр.* — псевдоним либерального публициста С. А. Приклонского, публиковавшегося в журнале «Русская Мысль» (1881. Кн. 5—8, 10, 11), а также в газетах «Русские Ведомости», «Земство» и др.

[9] См.: *С. Пр. <Приклонский С. А.>*. Внутреннее обозрение. 2. Погром евреев // *РМ.* 1881. Кн. 6. Отд. II. С. 109—127.

[10] «*Московский Телеграф*» — ежедневная «газета политическая и литературная», выходившая в Москве с 1 января 1881 г. по 19 марта 1883 г. Редактор-издатель — И. И. Родзевич.

<«О жизни мудрствуем, а жизнью не живем»>

Печатается по первой публикации: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 24 декабря // Русь. 1881. 24 дек. № 59. С. 1—4. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 516—527.

В заголовок вынесена строка из стихотворения Аксакова «К портрету» («Смотри! толпа людей, нахмурившись, стоит...», 1846; оп. 1847, без назв.).

На статью не без пустословного балагурства откликнулся рецензент газеты «Русский Курьер»: «Красноречивые статьи г. Аксакова о "необходимости стать самими собою и восстановить цельность жизни" постоянно вызывали вопрос: *как же это сделать?* Больше года г. Аксаков ничего не отвечал на этот вопрос, но наконец решился, и — вот его ответ: "*Мы не знаем. Мы не обладаем таким секретом.* Может быть, это совершится <...>, когда она <интеллигенция> утратит суеверие «западной» науки <...> когда она отрезвится от угара самомнения..." Таким образом, все опять-таки кончается пустыми фразами о суевериях и сомнениях, но эти фразы не заставят забыть откровенное и торжественное признание г. Аксакова. Ведь многие все-таки еще думали, что почтенный публицист и вправду обладает великим секретом нашего возрождения, и вдруг оказывается не секрет, а "пустое место"...» (Наши газеты и журналы // *РК*. 1881. 27 дек. № 235. С. 3).

[1] *Аппретура* — выделка, отделка, приготовление (от *фр.* apprêter — отделывать).

[2] Строки из юношеского стихотворения Аксакова «К портрету»; полностью оно приведено в передовой статье «<Не "рожа крива", а криво само зеркало>» (Русь. 1883. 1 янв. № 1. С. 1—13; Наст. том. С. 519—530).

[3] Процитировано стихотворение Фр. Шиллера «Дева с чужбины» (1896). Аксаков неточно (с перестановкой) приводит строки перевода, выполненного Авдотьей Глинкой под назв. «Явление девы (Из Шиллера)» (1834). В оригинале у нее: «Не наше солнце грело их; / Земля не наша их растила!» См. также комм. 4 на с. 772—773.

[4] Речь идет о характеристике Пушкиным Евгения Онегина, разыгрывающего роль разочарованного героя поэмы Байрона «Паломничества Чайльд-Гарольда»: «Что ж он? Ужели подражанье, / Ничтожный призрак, иль еще / Москвич в Гарольдовом плаще, / Чужих причуд истолкованье, / Слов модных полный лексикон?.. / Уж не пародия ли он?» (гл. седьмая, строфа XXIV).

[5] Свидетельства о бытовании выражения «недостаток в людях (деятелей)» в качестве поговорки-присловья приводит в своих мемуарах князь В. П. Мещерский, воспроизводя высказывания П. А. Валуева и Ф. И. Тютчева в 1864—1865 гг. См.: *Князь Мещерский*. Воспоминания. М.: Захаров, 2001. С. 200—201.

[6] *«Лишние люди»* — герои русской литературы 1840—1850-х гг., получившие прозванье в критике по повести И. С. Тургенева «Дневник лишнего человека» (1850).

[7] *Оберман* — герой одноименного романа Э. П. де Сенанкура (1804), странный, томящийся и страдающий, склоняющийся к мысли о самоубийстве. Наряду с Вертером Гёте и Рене Шатобриана, Оберман — один из характернейших образов литературы и настроения «мировой скорби», предшественников лермонтовского Печорина.

[8] В письме к писательнице Кохановской (Н. С. Соханской) от 9 сентября 1859 г. Аксаков признавался: «Я считаю Н<иколая> П<авловича> просто душегубцем: никто не сделал России такого зла, как он; не ведая, что́ творит, он сгубил, заморозил наше поколение; лучшие года жизни ушли безвозвратно, проведены в самой удушливой атмосфере. <...> Все мои стихи носят на себе такой след Николаевского удушья...» (*Переписка Аксаковых и Кохановской*. С. 53).

[9] Аксаков имеет в виду Дневник А. И. Герцена за 1842—1845 гг., опубликованный в 1-м томе женевского издания его сочинений в 1875 г.

[10] Сенатор, товарищ министра уделов А. В. Веневитинов скончался 14 января 1872 г.

[11] Речь идет о Д. В. Веневитинове, поэте-любомудре, скончавшемся в 22 года; ближайшем друге молодого А. С. Хомякова.

[12] Имеется в виду прежде всего статья К. С. Аксакова «Краткий исторический очерк Земских соборов», опубликованная И. С. Аксаковым по рукописи брата: *Аксаков К. С.* Полн. собр. соч. М.: в тип. П. Бахметева, 1861. Т. I. С. 291—306.

[13] В статье «<"Не разнуздывайте зверя!">» Аксаков приводит эту цитату в более распространенном виде и указывает ее источник — журнал «Русская Мысль» (Наст. том. С. 445). Очевидно, он имеет в виду слова редактора этого издания В. А. Гольцева, который вел в нем отдел «Внутреннее обозрение» (с ним Аксаков неоднократно полемизировал в «Руси» в течение 1881 г.), но цитирует вольно, по памяти. Сходные высказывания встречаются у Гольцева в ноябрьской и декабрьской книжках «Русской Мысли» (и они также полемически метят в аксаковские передовицы). См., например: «Именно тогда и может обнаружить исторический народ всю свою духовную мощь, когда он усвоит себе общие основы правильной государственной жизни. Только на этой почве могут развернуться его силы, вполне обнаружиться его действительная самобытность. <...> Выработать себе известные формы общественных и домашних отношений и застыть, окаменеть в этих формах, конечно, оригинально, самобытно; но такая самобытность, как всякому понятно, есть отрицание дальнейшего развития, есть залог неминуемой смерти...» (*В. Г. <Гольцев В. А.>*. Внутреннее обозрение: Толки о самобытности и исторической постепенности // *РМ*. 1881. Кн. 11. Отд. II. С. 72).

[14] «Возбужденность» в этом контексте надо понимать с учетом следующих слов А. С. Хомякова, писавшего в 1857 г. Ю. Ф. Самарину (цитируем по письму Аксакова к сестре Софье Сергеевне от 5 февраля 1879 г.): «Принимая в соображение умственные данные нашего общества, я боюсь для нее слишком сильной возбужденности: она ему не по силам. В таком случае эта возбужденность ограничится лихорадочными порывами» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 18. Ед. хр. 68. Л. 16; также: *Тесля*. С. 563).

[15] Выражение из басни И. А. Крылова «Ларчик» (1807; оп. 1808).

1882

<Все мы равно виноваты>

Печатается по первой публикации: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 2 января // Русь. 1882. 2 янв. № 1. С. 1—4. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 528—538. С републикации этой передовицы в *Соч.* начинался раздел «1882 г. (Передовые статьи)».

[1] Подразумевается событие цареубийства 1 марта 1881 г.

[2] Имеется в виду Александр III.

[3] *Перуны* — см. комм. 11 на с. 775.

[4] Отсылка к словам В. А. Гольцева. См. комм. 13 на с. 796.

[5] Реплика Городничего из комедии Гоголя «Ревизор» (д. V, явл. 8) приведена не буквально точно. В оригинале: «Над собою...»

[6] *Неконсеквентный* — непоследовательный.

[7] Скрытая отсылка к известной статье К. С. Аксакова «Опыт синонимов: Публика — народ» (1848; оп. 1857).

[8] Подразумевается граф Н. П. Игнатьев, 4 мая 1881 г. получивший пост министра иностранных дел. Аксаков особенно сблизился с ним в этот период: при содействии

П. Д. Голохвастова им был составлен проект созыва земского собора одновременно с коронацией императора в Москве. См. подробнее комм. 1 на с. 808.

[9] О Берлинском трактате см. комм. 4 на с. 777.

<К избранию Б. Н. Чичерина московским городским головой>

Печатается по первой публикации: <*Аксаков И. С.*>. Москва, 2 января // Русь. 1882. 2 янв. № 1. С. 4. В *Соч.* не воспроизводилось.

<Вопрос о столице выдвинут на ближайшую очередь>

Печатается по первой публикации подпередовой статьи: <*Аксаков И. С.*>. Москва, 9 января // Русь. 1882. 9 янв. № 2. С. 4. В *Соч.* не воспроизводилось.

[1] См.: Значение столицы (Константина Сергеевича Аксакова) // Русь. 1882. 9 янв. № 2. С. 9—12.

[2] Подразумевается время создания К. С. Аксаковым статьи — 1856 г.

[3] Намек на необходимость переноса столицы из Петербурга в Москву.

<«Не разнуздывайте зверя!»>

Печатается по первой публикации: <*Аксаков И. С.*>. Москва, 16 января // Русь. 1882. 16 янв. № 3. С. 1—4. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 538—548.

На эту статью Аксакова в передовой статье «Голоса» «Санкт-Петербург. 19-го января 1882», дополнительно озаглавленной «Газета “Русь” о “звере”» (Голос. 1882. 20 янв. № 15. С. 1), были помещены развернутые возражения.

[1] Завершилась полугодовая приостановка газеты «Голос», и 6 января 1882 г. распоряжением министра внутренних дел было разрешено возобновить выпуск издания.

[2] Санкт-Петербург. 6-го января 1882 // Голос. 1882. 6 янв. № 1. С. 1—2.

[3] Процитировав эти слова Аксакова, автор передовицы «Санкт-Петербург. 19-го января 1882» возражал: «Неправда! “Основной мотив” нашей статьи — *не запугивайте,* не противополагайте, *не травите,* не поселяйте взаимного недоверия, потому что плодом всего этого является безотчетный, но всеобщий *страх,* парализующий все силы, лишающий всех бодрости и уверенности в будущем» (Голос. 1882. 20 янв. № 15. С. 1).

[4] Имеется в виду программная передовая статья: <*Аксаков И. С.*>. Москва, 14 ноября // Русь. 1881. 14 нояб. № 53. С. 1—5; было воспроизведено без назв.: *Соч.* Т. I. С. 366—377; републ. под назв. «<Русско-турецкая война как подвиг правды и веры и Берлинский трактат как причина эры убийств и подкопов>» (*Собр. соч.* Т. 1. Кн. 1. С. 457—463). Фактически в этой статье Аксаков публично (и в резкой форме) повторил то, за что в 1878 г. был отправлен в ссылку. См. также комм.: Там же. С. 621—624.

[5] См.: Санкт-Петербург. 6-го января 1882. С. 1.

[6] Имеется в виду следующий пассаж из передовицы «Голоса»: «...весьма недвусмысленные проявления народных инстинктов, в виде ли избиения “жидов”, в виде ли разных толков об аграрных переменах, в виде ли грабежей <...> заставляют усматривать в “народе” <...> “темную силу”, шутить с которою нельзя» (Там же).

[7] Цитата точна, но в источнике выражение «не разнуздывайте зверя!» не выделено (Там же).

[8] Источник выражения — реплика Базилио из комедии Бомарше «Севильский цирюльник» (д. III, сц. 11).

[9] Под «итальянской бухгалтерией» понимают разработку в XV—XVI вв. негоциантами так называемой двойной записи, учитывающей баланс дебетовых и кредитовых оборотов. См. изданное за счет средств Александра I пособие: *Ахматов Иван.* Италиянская, или опытная, бухгалтерия, содержащая простую и двойную или италиянскую бухгалтерию... В СПб., 1809.

[10] *Сведущие люди* — лица, к которым правительство, ввиду их осведомленности по данному вопросу, обращается для выяснения фактического положения вещей.

[11] Публикуя статью А. Ф. Морокина «К вопросу об уменьшении народного пьянства. (Русь. 1881. 24 дек. № 59. С. 13—15), Аксаков в подстрочном примечании указал, что автор — «из числа "сведущих людей", призванных правительством для составления законопроекта по питейной торговле», из «с. Вычуга, Кинешемского уезда» (Там же. С. 13).

[12] *Интимидация* — запугивание, угроза.

[13] В. А. Гольцев, автор материалов под рубрикой «Внутреннее обозрение» в журнале «Русская Мысль», постоянно полемизировал с Аксаковым. Обижаясь, что тот причислял его издание к «лжелиберальным», Гольцев обращал это словесное оружие против газеты «Русь»: «Ведь истинные христиане должны прощать и любить даже явных врагов, а со страниц "Руси" не сходят бранные и оскорбительные выражения и издевательства над людьми, имеющими иные взгляды на потребности русского общества и на средства для удовлетворения этих потребностей. Редакция газеты "Русь" является, следовательно, лжехристианскою редакцией» (*В. Г. <Гольцев В. А.>*. Внутреннее обозрение // *РМ*. 1881. Кн. 10. Отд. II. С. 129). Аксаков оспаривает утверждение Гольцева, что «между народом и интеллигенцией нет разрыва, а существует только взаимное непонимание», которое легко уничтожается «распространением образования в народных массах» (Там же. С. 130). См. также другое, более раннее, определение Гольцева, сказанное во многом в пику Аксакову: «Невозможно управлять великим государством без *интеллигенции.* <...> Отымите от народа *интеллигенцию* — и от народа отлетит историческая душа» (Там же. Кн. 6. С. 66).

[14] См. в контексте: «Вести ли народную политику? Это очень заманчиво. Восемьдесят процентов народонаселения представляется наинадежнейшею опорою. Но эта политика, веденная *одна* и в тоне *противоположения* "народа" классам, от него "оторванным", может возбудить в "80%" такие "вопросы", от которых не поздоровится 20% и по поводу которых придется защищать эти % не одними духовными средствами» (Санкт-Петербург. 6-го января 1882. С. 1).

[15] Отсылка к словам В. А. Гольцева. См. комм. 13 на с. 796.

[16] Подразумеваются рассуждения в печати рубежа 1870—1880-х гг. о конституции (как правило, это понятие не озвучивалось, но подразумевалось).

[17] О газете «Порядок» см. комм. 3 на с. 783.

[18] Отсылка к пассажу из книги М. Е. Салтыкова-Щедрина «За рубежом» (1880—1881): «Ты хочешь единения с народом? — прекрасно! выбирай проказу, ложись в навоз...» См. подробнее комм. 20 на с. 790.

[19] См.: *Успенский Г. И.* Равнение «под одно»: из памятной книжки // *РМ*. 1882. Кн. 1. Отд. I. С. 210—238.

[20] Речь идет о суждении Арс. И. Введенского в его обзорной статье «Русская литература в 1881-м году», которое стоит привести в контексте, поскольку оно полемично по отношению к позиции «Руси»: «Еще так недавно было время, когда народ наш представлялся носителем ценнейших общественных идеалов, имеющих обновить нашу общественную жизнь. Это полуславянофильское отношение к народу принесло свои неожиданные плоды, оказавшиеся очень горькими. <...> Слишком захваливать народ стало для людей, дорожащих общественным прогрессом, — не политичным. Прежде один г. Глеб Успенский, глубоко изучая народную жизнь, смел смотреть на нее глазами наблюдателя, а не поклонника; он подвергался за то упрекам и нарека-

ниям. Отрезвляющий опыт, указанный нами выше, подействовал в конце концов благотворно и на других писателей. И г. Златовратский, прежде не могший без умиления смотреть на пляшущего мужика, и г. Эртель, выставивший таких характерных и типичных представителей массы народной, — становятся на сторону г. Успенского» (*А. Вв. <Введенский А. И.>*. Критические заметки // Порядок. 1882. 8 янв. № 7. С. 2).

См. также неприязненный отклик в газете Аксакова на рассказ Златовратского «Приезд в деревню»: «Ложный реализм, воспроизводящий только случайные частности, не вводит вас в настоящую, живую действительность» (*Н.* Наши журналы // Русь. 1882. 9 янв. № 2. С. 22).

[21] Имеются в виду следующие слова из передовой статьи Аксакова «<Все мы равно виноваты>»: «На этой же струне играют теперь и польские аристократы в том верном расчете, что ослабление национального чувства в Русском правительстве поможет им достигнуть воссоздания Польши в старых пределах, с отторжением от России русского древнего края или же иного преобразования, но также в ущерб России» (Наст. том. С. 438).

[22] Отсылка к словам В. А. Гольцева. См. комм. 13 на с. 796.

[23] Аксаков имеет в виду цикл из шести своих статей, условно называемый «<О взаимном отношении народа, государства и общества>» (1862). Воспроизведен нами: Наст. том. С. 47—79.

[24] На эти слова откликнулся фельетонист «Голоса», скрывший свое имя под криптонимом В. М. в статье под назв. «Русские чувства и русские мысли» (Голос. 1882. 23 янв. № 18. С. 1—2). Он иронизировал: «Г<-н> Аксаков <...> как будто уже стал сам отступаться от своих родных заветов, как будто стал изменять своему знамени беспощадного унижения всего, что хоть сколько-нибудь пахнет ненавистными ему *идеалами Запада*. Упорно он стоит теперь, по-видимому, лишь на одном пункте — на перенесении столицы из Петербурга, главного города Российской империи, в Москву, главный город великорусских губерний, что, по его мнению, удивительным образом осчастливит не только саму Москву, но и Киев, и Одессу, и Кишинев, и Тифлис, и Варшаву, и Ригу, и Гельсингфорс — словом, все города и веси нашей обширной земли, не исключая и самого Петербурга, который, как уверяет нас почтенный издатель "Руси", "зачат в духе отрицания русской национальности". Этот пункт есть одна из тех уже не славянофильских, а чисто московских утопий г. Аксакова, которые унаследованы им по семейным преданиям и которые, по своей невинности, могут быть безвредно передаваемы из рода в род, пока существует Москва...» (Там же. С. 1).

[25] См.: *Аксаков К. С.* Значение столицы // Русь. 1882. 2 янв. № 1. С. 11—13; 9 янв. № 2. С. 9—12.

[26] Имеется в виду передовая статья, написанная в связи с цареубийством: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 10 марта // Особое прибавление к «Руси». 1881. 10 марта. № 17. С. 1—2. Републикована посмертно под назв. «Пора домой!» (*Соч.* Т. V. С. 17—20).

<Программа наших либералов>

Печатается по первой публикации: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 20 февраля // Русь. 1882. 20 февр. № 8. С. 1—5. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 549—563.

На эту статью Аксакова возражал В. Ю. Скалон в передовой статье «Москва, 27-го февраля» в его газете «Земство» (1882. 27 февр. № 8. С. 1—4).

[1] Цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Журналист, писатель и читатель» (1840). Слова Читателя: «Читал я. Мелкие нападки / На шрифт, виньетки, опечатки, / Намеки тонкие на то, / Чего не ведает никто».

[2] О газете «Порядок» см. комм. 3 на с. 783, о газете «Русский Курьер» — комм. 5 на с. 782.

[3] С 1869 г. наделением башкирскими вотчинными землями стали ведать губернские по крестьянским делам присутствия, при которых имелись особые для этого члены. Тогда и начались беззастенчивые хищения этих земель, что заставило правительство в 1881 г. назначить сенаторскую ревизию Уфимской и Оренбургской губерний, а затем и принять меры к искоренению зла. Все это широко освещалось в газетах. См. передовую статью Аксакова «Москва, 30 января» (Русь. 1882. 30 янв. № 5. С. 1—3), при републикации получившую назв. «По случаю сенаторской ревизии в Курляндской и Лифляндской губерниях в 1882 г.» (*Соч.* Т. VI. С. 131—138).

[4] На эзоповом языке того времени подразумевается отсутствие в России конституции.

[5] Процитированы слова Чацкого из комедии «Горе от ума» (д. I, явл. 7). См. в контексте: «Как с ранних пор привыкли верить мы, / Что нам без немцев нет спасенья!»

[6] Речь идет о волне еврейских погромов, в 1881—1882 гг. прокатившейся по Царству Польскому, а затем по южным губерниям России. Они произошли на фоне нестабильной политической ситуации, сложившейся в России после убийства Александра II народовольцами. Главной причиной этих антисемитских выступлений, по убеждению Аксакова, был протест народонаселения (включая и еврейское простонародье) против его хищнической эксплуатации со стороны еврейских капиталистов — промышленников, торговцев и банкиров (ниже Аксаков говорит о «кастической организации евреев», имея в виду кагалы). Той же точки зрения придерживался, например, и Ф. М. Достоевский. При погромах от ярости взбешенной толпы страдали, однако, все евреи — не только буржуазия, но и бедные слои, подвергавшиеся эксплуатации состоятельных соплеменников. Понимание социальной подоплеки погромов, осложнявшейся религиозными и этническими факторами (прежде всего неприязнью, существовавшей между иудеями и христианами), конечно, нисколько не оправдывало их бесчеловечную сущность в глазах и Аксакова, и Достоевского. Аксаков посвятил десятки статей «еврейскому вопросу» (большинство из них собрано в *Соч.* Т. III), между прочим возмущаясь по поводу либерального мифа, будто бы правительство поддерживало и даже инспирировало антисемитские настроения в стране и погромы. См. подробнее: *Klier J. D.* Russians, Jews, and the Pogroms of 1881—1882. Cambridge University Press, 2011.

[7] Аксаков имеет в виду прежде всего свою полемику с газетой «Порядок» по поводу еврейских погромов. См. его передовую статью «Москва, 6 июня» (Русь. 1881. 6 июня. № 30. С. 1—4), воспроизведенную под назв. «“Либералы” по поводу разгрома евреев» (*Соч.* Т. III. С. 714—725), и критику на нее: Порядок. 1881. 12 июня. № 177. С. 1.

[8] См. об этом в подпередовой статье Аксакова «Москва, 23 января» (Русь. 1882. 23 янв. № 4. С. 3—4), при переиздании получившей назв. «Еврейская агитация в Англии» (*Соч.* Т. III. С. 757—760).

[9] Аксаков вольно, видимо по памяти, цитирует подпередовую статью газеты «Голос», написанную в связи с британской реакцией на «антиеврейское движение» в России (т. е. имевшие место погромы) и озаглавленную «Антирусская агитация в Англии». Автор передовицы фактически обвиняет русский народ в бескультурье, оборачивающемся ксенофобией, причем косвенно задевает «Русь» с ее требованием опираться на национальную самобытность. Буквально: «В возникновении еврейского вопроса мы сами виноваты. Мы — не настолько еще культурный народ, чтоб относиться с терпимостью к чужому мнению, к чужой профессии, к чужой мысли. Наша нетерпимость, как и другие недобрые качества, тотчас же выступила на первый план, как только мы захотели быть “самобытными”. Проявилась наша самобытность, прежде всего, разгромом еврейских домов» (Голос. 1882. 17 янв. № 12. С. 1).

[10] *Разуваев* и *Колупаев* — кулаки-мироеды, персонажи книги М. Е. Салтыкова-Щедрина «За рубежом» (1881). См.: «Приличнее было бы взглянуть в глаза Колупаевым и Разуваевым и разоблачить детали того кровопивственного процесса, которому они предаются без всякой опаски, при свете дня» (гл. 1). *Дракин* — помещик-крепостник, в период реформ перерядившийся в либерала, — выведен в цикле очерков Салтыкова-Щедрина «Дневник провинциала в Петербурге» (1872).

[11] Институт *мировых посредников* — чиновников, обладавших полномочиями для улаживания поземельных отношений между помещиками и крестьянами и надзора за крестьянскими учреждениями, — существовал в центральных губерниях России с 1859 по 1867 год (на юго-западных окраинах — несколько дольше).

[12] Подразумевается принятие конституции.

[13] Год прошел с события цареубийства, а 16—18 лет — с периода либеральной «диктатуры сердца» графа М. Т. Лорис-Меликова.

[14] «Герои динамита», «герои адских машин» — ироничные именования террористов-революционеров, ставшие газетными штампами.

[15] *Каскадная певица* — оперетточная (поющая в быстром танце).

[16] Буквально: «Без науки *научной* — не было бы науки прикладной» (*Герцен.* Т. XX. Кн. 2. С. 592). Выражение из сочинения «К старому товарищу» (1869).

[17] См.: *<Аксаков И. С.>*. Судебный процесс газеты «Москва» // Русь. 1881. 21 нояб. № 54. С. 13—16; 28 нояб. № 55. С. 13—16; 5 дек. № 56. С. 14—16; 12 дек. № 57. С. 11—14; 19 дек. № 58. С. 10—14. Эта публикация представляла собой составленную Аксаковым в 1869 г. для подачи в Сенат «Докладную записку о запрещении газеты “Москва”».

[18] Газета «Голос» была приостановлена 25 июля 1881 г. В защиту свободы слова Аксаков вскоре опубликовал две передовицы в № 42 от 29 августа и в № 55 от 28 ноября, при републикации поименованные «По поводу предполагавшегося издания “Сельского Правительственного Вестника”» и «О процессе газеты “Москва”» (*Соч.* Т. IV. С. 493—501).

[19] Основные передовые статьи Аксакова по вопросу свободы совести и другим церковно-общественным проблемам собраны: Там же. С. 1—358.

[20] Публицист И. Н. Харламов к тому времени был известен как популяризатор идеи, что старообрядчество имеет не социально-политические, а чисто религиозные корни. См., например: *Харламов И.*: 1) Наше знакомство с расколом // Страна. 1880. 8 июня. № 45. С. 2—4; 2) Причины появления раскола // Там же. 10 июля. № 53. С. 3—5. Аксаков имеет в виду статью: *Харламов И.* Идеализаторы раскола // Дело. 1881. № 8. С. 1—26; № 9. С. 1—26. В ней опровергались идеи А. П. Щапова, а также его последователей, народников И. И. Каблица (Юзова) и А. С. Пругавина, которые рассматривали раскол как мощную оппозицию народной массы против государственного строя. В центре внимания Харламова — книга И. Юзова «Русские диссиденты: староверы и духовные христиане» (СПб.: тип. (б.) А. М. Котомина, 1881), брошюра А. С. Пругавина «Программа для собирания сведений о русском расколе или сектантстве» (М.: типо-лит. И. Н. Кушнерева и К°, 1881) и его статья «Значение сектантства в русской народной жизни» (*РМ.* 1881. Кн. 1. С. 301—363).

[21] Выражение А. С. Хомякова из его стихотворения «Остров» (1836). См.: «Дочь любимая свободы, / Благодатная земля!»

[22] Ирландия, став в 1801 г. частью Соединенного королевства Великобритании и Ирландии, служила одним из источников развития промышленности в Англии и подвергалась хищнической эксплуатации, стремление же ирландцев к независимости жестко подавлялось.

[23] Использованы словоформы из «Слова о полку Игореве». Ср.: «Под трубами *повиты*, под шеломом *взлелеяны*...» (курсив наш).

[24] Имеется в виду период рубежа 1850—1860-х гг.

[25] Здесь и далее отсылки к передовице из № 1 газеты «Голос» от 6 января 1882 г. См. ее разбор в статье Аксакова «<“Не разнуздывайте зверя!”>» (Наст. том. С. 442—448).

[26] На шейной ленте носился знак имперского ордена Св. Владимира (крест) 2-й и 3-й степени.

[27] *«Земство»* — еженедельная общественно-политическая газета, выходившая в Москве с 3 декабря 1880 г. по 3 июля 1882 г. Редактор-издатель — В. Ю. Скалон.

[28] *Мескинный* — пошлый, посредственный.

[29] Вольная цитата из передовой статьи В. Ю. Скалона «Москва, 13-го февраля» (Земство. 1882. 13 февр. № 6. С. 1—4). Буквально: «...ходатайства двенадцати губернских земских собраний о предоставлении выбора “сведущих людей” самому земству являются не результатом какой-то “теории нарочитых преимуществ земского избрания в сведущие люди”, а вполне разумным выводом из современных наших условий. Другой вопрос — будут ли представители земских собраний в то же время народными или общественными представителями. И на этот вопрос с формальной стороны, и только с формальной, мы ответим утвердительно: земские собрания, по закону, представляют собою в известной степени местное общество, и потому избранные ими представители имеют право на название представителей общественных. По существу, конечно, они таковыми не будут» (Там же. С. 2).

[30] А. И. Кошелев (в тот период он во многом идейно разошелся со своими бывшими друзьями и единомышленниками славянофилами) был постоянным автором газеты «Земство» начиная с ее первого номера.

[31] Не вполне точно (с перестановкой слов) приведена цитата из статьи А. И. Кошелева «Простейший выход из нынешних затруднений» (Земство. 1882. 30 янв. № 4. С. 1—4; цит. на с. 3). Эти же свои слова Кошелев привел вторично в своей полемической статье «Ответ “Голосу” и “Новому Времени” по поводу статей А. Кошелева, напечатанных в “Земстве”» (Там же. 13 февр. № 6. С. 4—6; цит. на с. 6), откуда цитату, возможно, и воспроизвел Аксаков.

[32] Отсылка к заключительным строкам стихотворения Ф. И. Тютчева «Чему молилась ты с любовью...» (между 1850 и 1851). См.: «Ах, когда б живые крылья /Души, парящей над толпой, / Ее спасали от насилья / Безмерной пошлости людской!»

<Две годовщины>

Печатается по первой публикации: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 6 марта // Русь. 1882. 6 марта. № 10. С. 1—4. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 563—573.

И. Аксаков в этой статье возвращается к излюбленной мысли своей и брата К. С. Аксакова о переносе столицы из Петербурга в Москву (или другой город центральной России) как возможности на новом этапе вернуться к традиционным национальным устоям русской жизни, покончив с подражательным «Петербургским периодом» в истории страны. Более развернуто эта идея прозвучала в передовой статье «<“Не разнуздывайте зверя!”>» (Наст. том. С. 442—448). Прикровенно в статье звучит и призыв о возрождении совещательного органа в духе земских соборов допетровского времени.

[1] *«Умеренность и аккуратность»* — слова Молчалина из комедии «Горе от ума» (д. III, явл. 3), который называет главные достоинства своего характера.

[2] Видимо, отсылка к поговорке «Променять лён на огонь» (т. е. выбрать из плохого худшее).

[3] *Урядник* — нижний чин уездной полиции в России в 1878—1917 гг. В тот период институт полицейских урядников только вводился и подвергался критике в печати.

[4] Имеются в виду гимназии с углубленным изучением древнегреческого и латинского языков.

[5] Александр III вступил на престол 2 марта 1881 г., на следующий день после убийства его отца.

[6] Отсылка к евангельскому выражению «единое на потребу» (Лк 10: 42), означающему духовное обновление и душеспасение.

[7] Подразумевается евангельский образ «дома на песке» (Мф 7: 26).

[8] *«Баня пакибытия»* — баня возрождения и обновления. В Новом Завете — метафорическое именование Таинства Святого Крещения, в ходе которого человек восстает к новой благодатной жизни. См.: «Когда же явились благодать и человеколюбие Спасителя нашего Бога, Он спас нас не по делам праведности, которые бы мы сотворили, а по Своей милости, банею возрождения и обновления Святым Духом» (Тит 3: 4—5). Это выражение в контексте статьи Аксакова подверглось насмешкам со стороны либеральной журналистики. См., например, неподписанную статью «Из местной печати» (Голос. 1882. 31 мая. № 144. С. 1), где говорится: «...господствующие публицисты на все лады взывают об охране русской “самобытности”, о “бане пакибытия”, из которой, благодаря их стараниям, русскому народу будто бы предстоит воспрянуть, как сказочному “Иванушке” из котла смолы кипучей, статным молодцом, писаным красавцем, всему свету на загляденье. <...> Котел кипит давненько, а “пакибытия” нет как нет».

[9] Аллюзия на Евангелие (Мф 13: 9, 15).

[10] Выражение из православной молитвы «Да воскреснет Бог» (Честному Кресту Господню). См.: «...яко тает воск от лица огня, тако да погибнут беси от лица любящих Бога и знаменующихся крестным знамением...»

[11] Речь идет о царе Михаиле Федоровиче.

[12] Имеется в виду Земский собор, собравшийся в январе 1642 г. Однако, опасаясь войны с Турцией, на нем отказались принять Азов в русское подданство, и летом 1642 г. остатки казачьего войска покинули город. Буквально фраза, которую Аксаков привел по памяти, звучит так: «То наша, холопей твоих, дворян и детей боярских разных городов, мысль и сказка!» (Акты, относящиеся к истории земских соборов. М.: изд. Н. Н. Клочкова, 1909. С. 53).

<По поводу речи городского головы Чичерина>

Печатается по первой публикации: <*Аксаков И. С.*>. Москва, 13 марта // Русь. 1882. 13 марта. № 11. С. 1—4. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 573—583.

Б. Н. Чичерин, в 1840-х гг. оппонент славянофилов и один из наиболее авторитетных западников, в начале 1882 г. был избран московским городским головой и 26 января произнес речь перед открытием заседания гласных Московской городской думы, в которой высоко оценил историческое и культурное значение Москвы. Аксаков воспроизвел ее по первой (неполной — по распоряжению генерал-губернатора князя В. А. Долгорукова) публикации в «Московских Ведомостях»: Речь московского городского головы Б. Н. Чичерина // Русь. 1882. 30 янв. № 5. С. 6—7. Когда (спустя две недели) появилась возможность опубликовать текст целиком, Аксаков это сделал вторично: Речь московского городского головы Б. Н. Чичерина // Там же. 13 февр. № 7. С. 11—13. Позднее Чичерин вспоминал о реакции славянофилов на его речь: «Дмитрий Самарин говорил мне, что у него впечатление было такое, что все было в меру. Аксаков, который сидел в зале в качестве зрителя, все время одобрительно кивал головой. Он потом писал мне: “Речь ваша была очень хороша и произвела серьезное впечатление”. Даже Гиляров ею очень доволен...» (*Чичерин Б. Н.* Воспоминания. Т. 2: Московский университет. Земство и Московская дума. М.: изд-во им. Сабашниковых, 2010. С. 347).

На эту статью Аксакова были помещены развернутые возражения в передовой статье газеты «Голос» «Санкт-Петербург. 15-го марта 1882», дополнительно озаглавлен-

ной «Новые измышления газеты “Русь”» (Голос. 1882. 16 марта. № 70. С. 1), а также в обзоре «Наши газеты и журналы» (*РК*. 1882. 17 марта. № 74. С. 3).

[1] См. передовую статью Аксакова «<Две годовщины>» (Наст. том. С. 458—463).

[2] Речь идет о неподписанной статье «Новый московский городской голова в Москве», опубликованной под рубрикой «Из общественной хроники» (*ВЕ*. 1882. Т. 94. Кн. 3. С. 451—454). Автор — издатель М. М. Стасюлевич.

[3] Цитата не точна. Надо: «...только в умственной жизни Москвы можно обрести...» (Русь. 1882. 30 янв. № 5. С. 6; 13 февр. № 7. С. 12).

[4] Стасюлевич, процитировав слова Чичерина о влиянии «умственной жизни Москвы», писал: «Более решительно не могла бы высказаться сама “Русь”, вновь открывшая поход за перенесение столицы из Петербурга в Москву. В самом деле, если только в Москве можно уловить сияние русского народного духа, то право ее сделаться политическим средоточием России несомненно <...>. К сожалению, народный дух не приурочен специально ни к какому месту, и понимание его на берегах Москвы ничуть не легче, чем на берегах Невы. <...> *Умственная жизнь* Москвы в ближайшем прошедшем и в настоящем столь же далека от внутреннего единства, от крепких, неподвижных норм, как умственная жизнь Петербурга, или вообще России» (<*Стасюлевич М. М.*>. Из общественной хроники: Новый московский городской голова в Москве // *ВЕ*. 1882. Т. 94. Кн. 3. С. 452).

[5] Цитата из романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» (гл. седьмая, строфа XXXVI).

[6] Неточно процитировано пушкинское стихотворение 1828 г., начинающееся строками: «Город пышный, город бедный, / Дух неволи, стройный вид...»

[7] Вероятно, отсылка к стихотворению Пушкина «Пир Петра Великого» (1835). См.: «В царском доме пир веселый; / Речь гостей хмельна, шумна; / И Нева пальбой тяжелой / Далеко потрясена».

[8] Видимо, здесь аллюзия на строки из «Медного всадника» Пушкина. Ср.: «Люблю тебя, Петра творенье, <...> Невы державное теченье...»

[9] Опричнина формально продолжалась с 1565 по 1572 год (8 лет), но фактически — до 1584 г. (20 лет).

[10] Слова из завещания детям Ивана Грозного, считавшего, что они могут воспользоваться, по его убеждению, благодетельными уроками опричнины, ибо «образец учинен готов». См.: *Тихомиров Л. А.* Единоличная власть как принцип государственного строения. Нью-Йорк: National Printing & Publishing C., 1943. С. 72.

[11] *Преторианцы* — личные телохранители императоров Древнего Рима.

[12] Это утверждение Аксакова ошибочно. См. также комм. 15 на с. 792.

[13] Имеется в виду брошюра А. И. Герцена «Русский народ и социализм: письмо к Ж. Мишле» (1851, оп. 1852 по-французски; 1-е рус. изд.: Лондон, 1858).

[14] *Страхов Н.* Борьба с Западом в нашей литературе: исторические и критические очерки. <Кн. I>. Герцен. Милль. Парижская коммуна. Ренан. Штраус. СПб.: тип. С. Добродеева, 1882.

[15] На предисловие Страхова к его книге и на эти оценочные утверждения Аксакова ответил А. Д. Градовский полемической статьей «По поводу одного предисловия» (*ВЕ*. 1882. Кн. 5. С. 272—288). Он упрекал Страхова в непонимании процитированных слов Герцена, а Аксакова — в их искажении и пояснял: «Что Герцен был “отчаявшийся западник” — это не подлежит сомнению. <...> Существо герценовского отчаяния в том, что Запад бессилен осуществить социалистические начала, а потому осужден на гибель; Россия и славянство содержат в себе эти начала в зародышевом состоянии, а потому им принадлежит будущее <...> Герцен не совсем подходящий для “Руси”, например, союзник с Западом...» (Там же. С. 274).

[16] Имеются в виду претензии В. Г. Белинского к циклу очерков А. И. Герцена «Письма из Avenue Marigny», высказанные в статье «Взгляд на русскую литературу 1847 го-

да»: «Действительно, автор невольно впал в ошибочность при суждении о состоянии современной Франции тем, что слишком тесно понял значение слова: *bourgeoisie*. Он разумеет под этим словом только богатых капиталистов и исключил из нее самую многочисленную и потому самую важную массу этого сословия...» (*Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: изд-во АН СССР, 1956. Т. X. С. 353).

[17] *Живиться* — кормиться, питаться (*устар.*).

[18] Аксаков ссылается на статью А. А. Головачева «Наш экономический недуг» (*РМ*. 1881. Кн. 9. С. 356—394), полемически направленную против идеологии газеты «Русь» и начинающуюся словами: «...г. Аксаков и его поклонники до сих пор продолжают свою старую песню об оторванности от почвы, об игнорировании народного духа и тех начал, которые коренятся в его жизни <...> издатель газеты "Русь" <...> ничего не хочет видеть и, представляя себе идеал в допетровском периоде русской истории, твердит о каком-то эдеме, имеющем возникнуть вследствие единения власти с народом — единения, основанного на нравственных началах» (Там же. С. 356). Далее Головачев констатирует, что политические и экономические начала русской цивилизации заимствованы с Запада, и подробно аргументирует свои взгляды.

Упомянем, что В. Н. Греков в своих комментариях ошибочно предположил: «Вероятно, Аксаков имеет в виду предисловие А. А. Головачева к статье И. Дитятина "Когда и почему возникла рознь в России между «командующими классами» и «народом»" (*РМ*. 1881. Кн. 11. С. 310—382)...» (*Отчего так нелегко живется*. С. 941). На деле указанное предисловие (*РМ*. 1881. Кн. 11. С. 302—310) подписано *Ред.* и принадлежит С. А. Юрьеву.

[19] Дитятин представил в своей статье, также оспаривающей основные положения аксаковской историософии, очерк истории допетровской России в неприязненно утрированном виде — как средоточие смут, лихоимства, грабежей, кровопролития, предательства, нравственного разврата, заключая: «Итак, рознь царит между всеми отдельными слоями населения Московского государства. Этого мало — она разъедает и каждый слой в отдельности» (Там же. С. 379).

[20] Под «тремя статьями» Аксаков подразумевает, по-видимому, статью Головачева и две части упомянутой статьи Дитятина (вторая часть опубл.: *РМ*. 1882. Кн. 3. С. 193—246).

[21] Аксаков был хорошо знаком с Юрьевым, который в 1870-е гг. мировоззренчески был близок к «русскому» направлению, а в рассматриваемый период (1878—1884) занимал должность председателя Общества любителей российской словесности (Аксаков был его председателем в 1872—1874 гг.). Теперь же Юрьев целиком солидаризировался со своими авторами, напечатав редакционную полемическую заметку «По поводу передовой статьи № 11-го газеты "Русь"» (*РМ*. 1882. Кн. 4. Отд. II. С. 194—196; за подписью: *Ред.*). Еще в предисловии к статье Дитятина он объявил необоснованной концепцию неполитичности русского народа, выдвинутую К. С. Аксаковым и отстаивавшуюся И. С. Аксаковым, а также отрицал наличие розни, существовавшей между интеллигенцией и народом. Юрьев писал: «...нельзя не остановиться с недоумением и недоверием перед основным положением теории К. С. Аксакова, из которого вытекают многие ее подробности. Он утверждает, что русский народ "не имеет в себе политического элемента", и потому "он отделил от себя государство". <...> Может ли существовать, мыслим ли народ, которого природа <...> была бы лишена политического элемента?» (Там же. С. 308).

[22] О газетах «Русский Курьер» см. комм. 5 на с. 782; «Московский Телеграф» — комм. 10 на с. 795.

[23] Отсылка к передовице в № 1 газеты «Голос» от 6 января 1882 г. См. ее разбор в статье Аксакова «<"Не разнуздывайте зверя!">» (Наст. том. С. 442—448).

[24] Аксаков отсылает к передовой статье газеты «Голос» «Санкт-Петербург. 19-го января 1882», дополнительно озаглавленной «Газета “Русь” о “звере”» (Голос. 1882. 20 янв. № 15. С. 1), где «народное направление» в государственной политике гипотетически приравнивалось к возбуждению в простонародной массе нездоровых «инстинктов» по отношению к «ненароду», т. е. интеллигенции. Автор «Голоса» продолжал, намекая на передовицы «Руси», «Современных Известий» и «Московских Ведомостей»: «Прибавьте к этому непрерывные толки и шумные статьи о том, что в “ненароде” кроется измена, что здесь заводится смута, что отсюда идут противогосударственные стремления, что здесь отказались от народного духа, забыли Бога и злоумышляют на власть. Что будет вероятным последствием всего этого?»

[25] Отсылка к передовице в № 1 газеты «Голос» от 6 января 1882 г. См. также предыдущий комм.

[26] Речь идет о следующих статьях Д. Ф. Самарина в «Руси»: 1) Теория о недостаточности крестьянских наделов по учению профессора Ю. Э. Янсона // 1880. 15 нояб. № 1. С. 10—14; 22 нояб. № 2. С. 9—13; 29 нояб. № 3. С. 9—15; 2) Изменилось ли отношение печати к теории о недостаточности наделов? // 1881. 31 янв. № 12. С. 13—15; 3) Об уменьшении выкупных платежей // 1881. 28 марта. № 20. С. 13—15; 4 апр. № 21. С. 9—11; 9 апр. № 22. С. 10—13; 25 апр. № 24. С. 12—14; 2 мая. № 25. С. 10—12.

[27] Шум в западноевропейской и либеральной российской прессе поднялся в связи с так называемой «речью» всенародно любимого героя, генерала от инфантерии М. Д. Скобелева, сказанной им в Париже в ответ на преподнесение ему адреса учившихся там сербских студентов. Перевод речи, опубликованной в газете «France», и комментарии на нее в западной прессе см.: Речь М. Д. Скобелева и иностранная печать (*Собр. соч.* Т. 1. Кн. 2. С. 54—55). См. статьи Аксакова «Разговор генерала Скобелева с корреспондентом “Daily News”» (Там же. С. 56—57) и «Толки заграничных газет по поводу речи Скобелева» (Там же. С. 58—59). Особое внимание прессы было приковано к фразе генерала из интервью, данного им в связи с этой речью корреспонденту «Daily News»: «Русский народ готов силою оружия воспротивиться военному клерикализму Австрии» (цит. по: Русь. 1882. 20 февр. № 8. С. 6; также: *Собр. соч.* Т. 1. Кн. 2. С. 57).

Автор одной из передовых статей газеты «Голос» рассуждал о возможности войны в Европе между германским и славянским миром, которую, по его мнению, накликают М. Д. Скобелев своими речами и Аксаков — статьями в «Руси». Он писал: «Так ли высоко поднялась наша культура, чтоб мы могли взять на себя роль, которую хотим отнять у германского племени? Какое особое благодеяние мы можем оказать Европе, сделавшись победителями?» (Голос. 1882. 14 февр. № 40. С. 1). Кроме того, «Голос» вслед за тем еще четыре раза посвящал передовицы язвительной критике позиции Скобелева и Аксакова (см.: Там же. 9 февр. № 35. С. 1—2; 10 февр. № 36. С. 1; 12 февр. № 38. С. 1; 17 февр. № 43. С. 1—2).

[28] Подразумевается жизненное кредо Молчалина из комедии Грибоедова «Горе от ума» («умеренность и аккуратность»).

[29] См.: *<Аксаков И. С.>*. Польский «патриотизм» и русский «шовинизм» // Русь. 1882. 13 марта. № 11. С. 19; републиковано: *Собр. соч.* Т. 1. Кн. 2. С. 72—73.

[30] См. возражение на эти слова автора обзора печати в газете «Русский Курьер»: «Чаще и сильнее “самобытников” либералы высказывались против петербургского бюрократизма, а г. Аксаков пытается уверить, что “им дорог Петербург”, что он — их родина, седалище, престол...» (1882. 17 марта. № 74. С. 3).

<По поводу политического убийства в Одессе>

Печатается по первой публикации: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 25 марта // Русь. 1882. 25 марта. № 13. С. 1—3. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 584—591.

Статья написана в связи с убийством военного прокурора В. С. Стрельникова, руководившего дознанием и производством по важнейшим государственным преступлениям в Юго-Западном и Южном краях (Киев, Киевская, Подольская, Волынская и Одесская губернии). Он энергично проводил следственные мероприятия с арестованными революционерами, отличаясь жестким пристрастием. Поэтому с декабря 1881 г. народовольцы начали подготовку теракта по его устранению. 18 марта 1882 г. Стрельников был застрелен в затылок народовольцем Н. А. Желваковым днем в самом центре Одессы. При попытке скрыться убийцу арестовали. На месте преступления был схвачен и С. Н. Халтурин, также участвовавший в организации преступления. Александр III, высоко ценивший Стрельникова, уже утром 19 марта телеграфировал из Гатчины министру внутренних дел графу Н. П. Игнатьеву: «Очень и очень сожалею о генерале Стрельникове. Потеря трудно заменимая. Прикажите генералу Гурко судить убийц военно-полевым законом, и чтобы в 24 часа они были повешены без всяких отговорок» (цит. по: *Троицкий Н. А.* Безумство храбрых: русские революционеры и карательная политика царизма 1866—1882 гг. М.: Мысль, 1978. С. 191). Генерал-губернатор Одессы И. В. Гурко выполнил указание, террористы были повешены 22 марта, даже без установления личностей и подлинных фамилий.

[1] В 1882 г. Пасха праздновалась 28 марта. Поэтому на 22—27 марта пришлась Страстная седмица, в течение которой на богослужениях вспоминаются страдания («страсти») Христа и постные дни соблюдаются верующими особенно строго.

[2] Аксаков имеет в виду итоги известного «Процесса двадцати» — суда над деятелями «Народной воли» в Особом присутствии Правительствующего Сената, проходившего с 9 по 15 февраля 1882 г. Из 20 подсудимых 10 были приговорены к смертной казни через повешение, остальные — к длительным срокам каторги (а также к бессрочной каторге). Утверждая приговоры, Александр III заменил всем, кроме флотского лейтенанта Н. Е. Суханова (как изменившего присяге), смертную казнь бессрочной каторгой.

[3] *Наругательство* — то же, что надругательство (*устар.*).

[4] Отсылка к евангельскому выражению «страха ради иудейска» (Ин 19: 38).

[5] Мф 18: 6. В Синодальном переводе: «а кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской».

[6] Цитата из Евангелия: Ин 18: 23.

[7] Апостольское выражение: 1 Ин 4: 16.

[8] Не исключено, что Аксаков имеет в виду прежде всего автора передовой статьи «Голоса» «Санкт-Петербург. 19-го января 1882», дополнительно озаглавленной «Газета “Русь” о “звере”» (Голос. 1882. 20 янв. № 15. С. 1), которая исполнена язвительной, во многом несправедливой критики в адрес «Руси», а завершается пассажем с отсылками к Библии («Не сотворите себе кумира, Господа! Любите народ, служите ему <...> Но делайте всё это в духе людей свободных, а не раба, ищущего господина») и, наконец, апостольским определением любви («Любовь долготерпит, милосердствует, не ищет своего...» и т. д.; см.: 1 Кор 13: 4—7).

[9] Речь идет об ироническом выпаде в адрес «Руси» автора передовицы «Голоса» «Санкт-Петербург. 6-го января 1882», писавшего, что народ «обращается в “хрестьянина”, наделенного высочайшими добродетелями, в истинного носителя наших исторических преданий и грядущих судеб России!» (Голос. 1882. 6 янв. № 1. С. 1).

[10] Выражение «святая скотина» впервые встречается в романе Вас. И. Немировича-Данченко «Гроза» (1879), где вкладывается в уста генерала М. И. Драгомирова, который, по словам одного из действующих лиц данного произведения, выразил мнение, что нас вывезет «святая скотина» солдат. Выражение приобрело довольно широкую известность, когда его стал употреблять кумир либеральной интеллиген-

ции Н. К. Михайловский, который так начал свою статью «Независящие обстоятельства», открывавшую цикл «Записки современника»: «Недавно в небольшом обществе случайно сошедшихся людей зашел разговор о последней Русско-турецкой войне. Один из присутствовавших, близкий, в некоторых отношениях даже особенно близкий очевидец войны, рассказывал поистине чудеса о великом терпении "святой скотины", как кто-то назвал русского солдата, и о колоссальных грабежах» (*ОЗ.* 1881. Т. 265. № 1. Отд. II. С. 117). Впоследствии, в 1880—1900-х гг., это выражение время от времени употреблялось в публицистике.

[11] Речь идет о французском законе о светском образовании в начальной школе, принятом 28 (16) марта 1882 г., несмотря на активное сопротивление Католической церкви. Им устанавливалось полное отделение школ от церкви — управление ими передавалось администрации коммуны. По согласованию с родителями государственные школы могли для религиозного образования детей избрать только один дополнительный день, помимо воскресенья. Этот закон был воспринят и в Западной Европе, и в России как отказ от христианских ценностей, как мировоззренческий поворот к атеизму и бурно обсуждался в международной прессе.

[12] См.: «Аз есмь хлеб животный» (Ин 6: 48). В переводе: «хлеб жизни».

[13] Вольно цитируется подпередовая статья «Санкт-Петербург. 17-го марта 1882», дополнительно названная «Принятие сенатом закона о начальном образования» (Голос. 1882. 18 марта. № 72. С. 2). Буквально: «Реформа эта будет одним из главнейших актов законодательства новой республики, и Франция вправе указать на нее с гордостью остальной Европе, которая нередко упрекала ее за неимение достойной великого народа организации народного образования».

[14] Ср.: «Да не смущается сердце ваше: веруйте в Бога, и в Мя веруйте» (Ин 14: 1).

[15] Ср.: «Претерпевший же до конца спасется» (Мф 24: 13).

<По поводу увольнения графа Н. П. Игнатьева от должности министра внутренних дел>

Печатается по первой публикации передовой статьи: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 5 июня // Русь. 1882. 5 июня. № 23. С. 1. В *Соч.* не воспроизводилось.

Публикуя эту небольшую теплую заметку о своем друге и единомышленнике графе Н. П. Игнатьеве, Аксаков, конечно, рисковал вызвать неудовольствие царя и его окружения. Но иначе поступить он не мог.

[1] Граф Н. П. Игнатьев занимал пост министра внутренних дел 4 мая 1881 г. по 30 мая 1882 г. Получил отставку, когда представил Александру III проект Высочайшего манифеста о созыве Земского собора, составленный состоявшим при нем чиновником по особым поручениям П. Д. Голохвастовым совместно с Аксаковым. Эта идея была воспринята высшими правительственными кругами превратно — как попытка учредить нечто вроде западного парламента, ограничивающего самодержавную власть. См. об этом: Переписка П. Д. Голохвастова с И. С. Аксаковым о «Земском соборе» // *РА.* 1913. Кн. I. Вып. 1. С. 93—111; Вып. 2. С. 181—204.

[2] Послом в Турции граф Игнатьев состоял с 14 июля 1864 г. по 15 января 1877 г.

[3] Речь идет о графе Д. А. Толстом, занимавшем пост министра внутренних дел с 30 мая 1882 г. по 25 апреля 1889 г.

[4] Цитируется передовая статья: *<Катков М. Н.>*. Москва, 2 июня // *МВед.* 1882. 3 июня. № 152. С. 3, в которой говорится о графе Д. А. Толстом: «Он приступает к своей новой, столь важной и ответственной должности не impromptu <без подготовки, экспромтом (*фр.*)>, не новичком, но опытным государственным человеком, искушенным в правительственном деле, с практическим знанием людей и вещей, с зрелым разумением наших государственных задач».

[5] Имеется в виду деятельность графа Д. А. Толстого в должности министра народного просвещения — с 14 апреля 1866 г. по 24 апреля 1880 г. О деятельности на этом посту Толстого, реформировавшего систему образования, писал и Катков: «Он, совершивший с поразительным успехом, при величайших затруднениях и ожесточенном сопротивлении в самих правительственных сферах, самую, после отмены крепостного права, важную, самую плодотворную и поистине благонадежную реформу минувшего царствования, в которой зреет спасенная будущность нашего отечества, — он, создавший истинный оплот против нигилизма...» (Там же).

<Немецкие газеты и «Голос»>

Печатается по первой публикации подпередовой статьи: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 5 июня // Русь. 1882. 5 июня. № 23. С. 1—4. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 591—600.

[1] О газете «National Zeitung» см. комм. 9 на с. 783.

[2] «Великий Фриц» («Старый Фриц») — прозвище прусского короля Фридриха II Великого.

[3] Подразумевается Семилетняя война (1756—1763).

[4] Россия покровительствовала Австрии на Венском конгрессе (1814—1815), когда после территориальных потерь в ходе Наполеоновских войн Австрии были возвращена бóльшая часть утраченных земель.

[5] Речь идет о Журдене, герое комедии Мольера «Мещанин во дворянстве» (1670).

[6] Имеется в виду М. Д. Скобелев. См. комм. 27 на с. 806.

[7] Впервые выражение «Drang nach Osten» употребил в своей брошюре «Die deutschen Hegemonen» (Berlin, 1849) польский журналист Ю. Клачко. Впоследствии оно получило широкое распространение в европейской панславистской публицистике и исторических работах.

[8] Имеется в виду объединение к январю 1871 г. вокруг Прусского королевства нескольких десятков независимых немецких королевств, ландграфств и княжеств, образовавших федеративную Германскую империю.

[9] *Ко-национал* (конационал) — соотечественник, единоплеменник.

[10] Аксаков имеет в виду этимологию слова «немец» — немой, не говорящий на понятном языке, т. е. по-русски.

[11] Речь идет о передовице «Санкт-Петербург. 26-го мая 1882», дополнительно озаглавленной «Немецкая печать о “русском гении”» (Голос. 1882. 27 мая. № 140. С. 1).

[12] Приведем целиком этот призыв «Голоса» к аксаковской газете: «Без всякого сомнения, мы были бы очень рады, если б г. Аксаков не патетическими восклицаниями и туманными фразами, а фактами или строгими выводами доказал, что на Западе ошибаются насчет нашей внутренней немощи и что русский гений заставит признать свою культурную силу и историческое значение. Наша вера в этот гений, разумеется, останется при нас и в том случае, если у г. Аксакова не хватит сил посрамить врагов силою своего горячего слова» (Там же).

[13] В европейском фольклоре характеризующей особенностью жителей исторической области Гасконь во Франции было хвастовство. См., например, пословицу: «Берегись гасконца и нормандца, один хвастун, а другой враль».

[14] Вершок — 4,45 см. *Вершок времени* — мгновение.

[15] Евангельская реминисценция. Ср.: «Аще же соль обуяет, чим осолится?» (Мф 5: 13; Мк 9: 50). См. также комм. 16 на с. 770.

[16] Далее в *Соч.* Т. II (с. 601—613) была ошибочно повторно републикована передовая статья Аксакова «Москва, 12 июня» (Русь. 1882. 12 июня. № 24. С. 1—5), получившая здесь назв. «Австро-польский суд над галицко-русскими патриотами». Текст этой статьи ранее был помещен в *Соч.* Т. I (с. 460—473) без особого названия, как

и все статьи в 1-м томе. Она воспроизведена под тем же назв. «<Австро-польский суд над галицко-русскими патриотами>»: *Собр. соч.* Т. 1. Кн. 2. С. 94—101. Однако следует отметить, что в разделе «Комментарии» этой статье, по недосмотру, было присвоено другое, «аннотирующее», название: «<История притеснения русских в Галиции из-за их нежелания окатоличиваться и ополячиваться>» (Там же. С. 549—551).

Мнение шведов о русских и России

Печатается по первой публикации: *<Аксаков И. С.>*. Мнение шведов о русских и России // Русь. 1882. 21 авг. № 34. С. 15. (Смесь). В *Соч.* не воспроизводилось.

[1] Подразумеваются прежде всего газеты «Русский Курьер» и «Московский Телеграф».

[2] См.: *Ро—нов Вадим <Романов В. В.>*. Из скромного царства. Стокгольм, 15 (27) июля: (корреспонденция «Нового Времени») // *НВр.* 1882. Изд. 2-е. 14 авг. № 2320. С. 2. (Внешние известия). Этот псевдоним не указан в Словаре Масанова.

[3] Китайский город Кульджа (Инин) подвергся разрушению в 1864—1866 гг., во время Уйгуро-дунганского восстания. В 1871 г. Кульджа и весь Илийский край были заняты российскими войсками и возвращены Китаю спустя 10 лет, после чего около 50 тысяч илийских уйгур и дунган переселились в российские владения (нынешние Казахстан и Киргизию).

[4] Генерал М. Д. Скобелев в 1880—1881 гг. возглавил победоносную Ахал-текинскую экспедицию по покорению племен текинцев, живших в Туркмении, и вскоре сумел умиротворить край.

[5] Неточность. Речь идет о британском военачальнике Фредерике Слее Робертсе, за победу в Кандагарском сражении (1880) в период Второй англо-афганской войны удостоившемся титула 1-го графа Робертса Кандагарского.

[6] В источнике (*Ро—нов Вадим <Романов В. В.>*. Из скромного царства. С. 2): «Уольслея». Британский полководец Гарнет Джозеф Волзлей (Вулзли, Уолсли) командовал войсками в Англо-зулусской войне 1879 г., приведшей к полной утрате зулусами независимости.

[7] Цитата почти буквально точна. Любопытно, что после речи «одного из депутатов» В. В. Романов отмечает: «Прибавлю к этим словам, что почтенный депутат не имел ни малейшего понятия о Достоевском» (Там же).

[8] Среди этих статей «Русского Курьера» особенно выделяются три передовицы: 1) Москва, 7-го августа // 1882. 8 авг. № 216. С. 1—2; 2) Москва, 14-го августа // Там же. 15 авг. № 223. С. 1—2; 3) Москва, 17-го августа // Там же. 18 авг. № 226. С. 1—2. В последней из этих статей содержатся многочисленные нападки на газету «Русь», защищающие религиозную политику польских властей и объявляющие жертв судебного процесса «преступными агитаторами». См., например: «Польские патриоты, пользующиеся латинством для своего национального дела, могут в ответ на внушения им со стороны г. Аксакова, сказать ему: “Врачу, исцелися сам” — и нечего будет на это возразить “учителю” славянофильства» (Москва, 17-го августа. С. 2).

<Посещение Москвы Государем>

Печатается по первой публикации: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 11 сентября // Русь. 1882. 11 сент. № 37. С. 1—2. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 614—615.

Александр III и Мария Федоровна, приехав в Москву 7 сентября 1882 г., на следующий день побывали в Кремле и его соборах, а затем в течение трех дней (9—11-го) посещали XV Всероссийскую художественно-промышленную выставку (она проходила в мае-сентябре на Ходынском поле).

Аксаков воспользовался этим визитом Августейшего семейства как поводом вновь напомнить о своей задушевной идее — возвращении столицы из Петербурга в Москву. Не исключено, что в своем замысле он отталкивался от передовицы «Русского Курьера» «Москва, 7-го сентября», также посвященной приезду Государя в Москву и написанной словно бы в полемике с Аксаковым (1882. 8 сент. № 247. С. 1). В ней отмечалось: «Каждая из исторических эпох, на которые разделяется Россия, должна была иметь и действительно возымела свою столицу. Если в допетровской Руси столицей могла быть одна только Москва, то в Руси после Петра естественно должен был образоваться и свой центр — новой, реформенной жизни. Таким центром сделался Петербург, и ошибаются те, которые полагают, что роль Петербурга кончена, что его песнь спета, что предстоит оставление вместе с Петербургом и того характера петербургского, то есть петровского управления, которого сущность сводилась к усвоению Россией <...> режима и духа *европейского*». Автор заканчивал передовицу в примирительном ключе: «...мы усматриваем в Августейшем прибытии в Москву особенно отрадное и знаменательное указание и почерпаем надежду на возможность мудрого и благодетельного сочетания истинно-народных идеалов с незыблемыми приобретениями европейской цивилизации», т. е. объединения «московских» и «петербургских» начал.

[1] Первое посещение Москвы Александром III в качестве Государя состоялось в июле 1881 г.

[2] Цитата из стихотворения А. С. Хомякова «26 августа 1856 года», в названии которого указана дата коронования императора Александра II в Москве.

[3] Аллюзия на ставшую крылатой фразу из поэмы А. С. Пушкина «Медный всадник» — «В Европу прорубить окно», характеризующую основание Петербурга.

[4] Имеются в виду святые мощи, покоящиеся в кремлевских храмах. В Успенском соборе находятся мощи девяти московских святителей, в Архангельском — мощи святых: царевича Димитрия Углицкого, Дмитрия Донского и его супруги Евфросинии Московской, а также Михаила Тверского, замученного в Орде.

<Опасны ли наши либералы как политическая партия?>

Печатается по первой публикации: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 18 сентября // Русь. 1882. 18 сент. № 38. С. 1—5. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 616—629.

[1] О посещении Александром III Москвы в сентябре 1882 г. см. преамбулу к комм. к предыдущей статье.

[2] *Кочнев Варфоломей <Любимов Н. А.>*. Против течения: беседы о революции: наброски и очерки в разговорах двух приятелей // *РВ*. 1880. № 8, 9; 1881. № 3, 6, 10; 1882. № 1, 7, 12; 1883. № 1, 5; 1884. № 1; отд. изд.: М.: Унив. тип., 1880—1882. Вып. I—III. В книге содержался подробный разбор событий Великой французской революции и выявлялось их сходство с российскими обстоятельствами рубежа 1870—1880-х гг. Так, слабость и уступчивость французских властей, приведшие к гибели короля и кровавому якобинскому террору, уподоблялись «диктатуре сердца» М. Т. Лорис-Меликова, не остановившей народовольческую агрессию.

[3] 27 августа 1882 г. было Высочайше утверждено Положение Комитета министров «О временных мерах относительно периодической печати», ужесточающих действовавшие цензурные правила. В частности, прекращать повременные издания теперь мог не только Сенат, но и совещание министров внутренних дел, юстиции, народного просвещения и обер-прокурора Св. Синода.

[4] Аксаков посвятил новому цензурному Положению сразу две передовые статьи: в № 35 «Руси» от 28 августа и в № 36 от 4 сентября. При републикации они получили назв. «<О проекте новых дополнений к правилам о печати 1865 г.>» и «<Не

есть ли вредная сторона печати необходимое зло, которое приходится терпеть ради ее полезной стороны?>» (*Соч.* Т. IV. С. 501—523).

[5] *Н. Старина* (возможно, псевдоним) — публицист, регулярно публиковавший фельетоны в газете «Голос» под рубрикой «Случайные заметки», главным образом полемического содержания — направленные против консервативной журналистики «русского направления».

[6] А. И. Тимашев занимал пост министра внутренних дел в 1868—1878 гг.

[7] *«Вольное Слово»* — газета, издававшаяся с июля 1881-го по май 1883 г. в Женеве на средства проправительственной «Священной дружины» от имени фиктивной организации «Земский союз». Была нацелена на борьбу с революционной пропагандой «Народной воли». Издатели-редакторы: А. П. Мальшинский и М. П. Драгоманов.

[8] Аллюзия на евангельское выражение: «Не о хлебе едином жив будет человек» (Мф 4: 4).

[9] Отсылка к пассажу из книги М. Е. Салтыкова-Щедрина «За рубежом» (1880—1881): «Ты хочешь единения с народом? — прекрасно! выбирай проказу, ложись в навоз...» См. подробнее комм. 20 на с. 790.

[10] Речь идет о передовице в № 1 газеты «Голос» от 6 января 1882 г. См. ее разбор в статье Аксакова «<“Не разнуздывайте зверя!”>» (Наст. том. С. 442—448).

[11] Не исключено, что Аксаков имеет в виду передовицу «Москва, 2-го сентября» (*РК.* 1882. 3 сент. № 242. С. 1), автор которой рассуждает о «сущности демократизма», адепты которого «ведут борьбу со всякими привилегиями». Он уверяет, что у «апостолов демократических начал и борцов за демократические идеи» в нынешнее время «конституционная и законодательная политика сошла <...> на второй план и уступила свое место политике социально-демократической и школьной».

[12] Народница-террористка В. И. Засулич 24 января 1878 г. тяжело ранила двумя выстрелами из револьвера в живот петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова. Однако на суде она снискала симпатии присяжных заседателей, которые 31 марта полностью ее оправдали. Собравшаяся у здания суда публика с ликованием встретила этот вердикт. На следующий день после освобождения этот неправосудный приговор был опротестован, но Засулич успела скрыться на конспиративной квартире и вскоре была переправлена в Швейцарию.

[13] Речь идет о цикле из пяти очерков А. И. Эртеля под назв. «Очерки нашей сумятицы» (Голос. 1882. 15 мая. № 128. С. 1—2; 22 мая. № 135. С. 1—2; 6 июня. № 150. С. 1—2; 13 июня. № 157. С. 1—2; 20 июня. С. 164. С. 1—2); во втором очерке и рассказывалось о вопиющем по несправедливости случае изъятия имущества у крестьянской семьи из Тамбовской губернии в 1878 г. по решению уголовного суда — в связи с тем, что жена главы семьи, не владевшая этим имуществом, была обвинена в краже (см.: Там же. 22 мая. № 135. С. 1—2).

[14] О французском законе о светском образовании, принятом 28 (16) марта 1882 г., см. комм. 11 на с. 808. Первая реакция газеты «Голос» на его утверждение (179 против 108-ми голосов) отражена в подпередовой статье «Санкт-Петербург. 16-го марта 1882», названной «Антиклерикальное движение во Франции» (Голос. 1882. 17 марта. № 71. С. 1—2). В ней с одобрением констатируется: «...в стране, все еще католической по преимуществу, общий голос настойчиво требует полного устранения церкви от народного образования» (Там же. С. 2).

[15] См. передовую статью, в которой всецело одобряется французский закон о начальном образовании: Ежедневное обозрение. Москва, 10 апреля // *РК.* 1882. 11 апр. № 97. С. 1.

[16] Французский ученый-физиолог Поль Бер, известный своим воинственным антиклерикализмом, с 14 ноября 1881-го по 30 января 1882 г. занимал пост министра народного образования и культов Франции и готовил реформу о светской начальной школе (закон принят спустя два месяца после его отставки). Уже в 1881 г., только

вступив в должность, Бер представил Национальному собранию проект отделения церкви от государства и закрытия христианских школ, монастырей, упразднения духовных орденов.

[17] *«Revue des Deux Mondes»* («Обозрение двух миров», или «Обозрение Старого и Нового света», *фр.*) — двухнедельный парижский журнал либерального направления; под этим названием издавался в 1829—1944 гг.

[18] Речь идет об исследовании: *Стасов В. В.* Происхождение русских былин // *ВЕ*. 1868. Кн. 1—4, 6—7. Автор доказывал, что былины целиком заимствованы с Востока и дают лишь отрывочный, неточный пересказ его эпических произведений, поэм и сказок, поскольку арийские (индийские) сюжеты приходили к нам из вторых рук, от тюркских народов и в буддийской обработке; былины, по мнению Стасова, ничего не прибавили самостоятельного и нового к своей иноземной основе и не отражают, как считалось, историческую судьбу народа. С возражениями выступили корифеи фольклористики: Ал-др Н. Веселовский, Ф. И. Буслаев, А. Ф. Гильфердинг (в аксаковской газете «Москва»), И. С. Некрасов, Вс. Ф. Миллер, О. Ф. Миллер и др. В целом эта полемика оказалась плодотворной для науки.

[19] Не исключено, что источник сведений — близкий Аксакову в тот период выпускник историко-филологического факультета Московского университета В. Н. Лясковский, убежденный славянофил, в годы Сербской войны 1876 г. ставший секретарем Аксакова, не справлявшегося с огромными объемами корреспонденции. В 1882 г. окончив университетский курс, он не остался на кафедре и стал земским деятелем. (Упомянутый профессор — по всей видимости, занимавший в тот период кафедру всеобщей истории В. И. Герье, известный своей строгостью к студентам.) См. подробнее: *Дмитриев А. П.* Письма И. С. Аксакова В. Н. Лясковскому (1878—1886) как завещание «духовному сыну» // Текст и традиция: альманах / гл. ред. Е. Г. Водолазкин. СПб.: Росток, 2022. Т. 10. С. 325—352.

[20] См. об этом, например, в передовой статье в № 1 газеты «Голос» от 6 января 1882 г.

[21] См., например, передовые статьи: Москва, 26-го июля // *РК*. 1882. 27 июля. № 204. С. 1; Москва, 9 августа // Там же. 10 авг. № 218. С. 1. В обоих случаях поводом к этим высказываниям становились слова Аксакова (в ряде его передовиц) о том, что Россия должна установить контроль над Босфором.

[22] См.: «Тон черногорских газет изобличает их полную уверенность в том, что волос с головы каждого черногорца не спадет без воли России. Нам предстоит теперь <...> выяснить взаимные, трезво понимаемые интересы — и наши, и черногорские, которые повелевают нам и им стараться жить с Австрией в добром согласии и заставляют прибегать лишь к таким комбинациям, в которых бы благополучие славянских стран могло покоиться не на войнах России, которых она более вести не может и не должна, а на чем-либо более действительном...» (Москва, 27-го августа // Там же. 28 авг. № 236. С. 1).

[23] Речь идет о подпередовой статье в «Русском Курьере»: Москва, 25-го июня // Там же. 26 июня. № 173. С. 1. В ней генерал М. Д. Скобелев был представлен как «приверженный к славянофильской партии» безрассудный любитель военных приключений, глубоко заблуждающийся в понимании политических событий. Это было воспринято патриотической прессой (например, газетами «Московские Ведомости» и «Киевлянин») как посмертное глумление над великим человеком.

[24] Речь идет о знаменитом Процессе Ольги Грабарь (Большом политическом процессе русских в Галиции) — судебном деле, инициированном властями Австро-Венгрии против карпаторусских общественных деятелей и положившем начало государственному преследованию русского движения в империи. Разбирательство началось 31 мая (12 июня) 1882 г. Название процессу дало имя одной из главных обвиняемых, О. А. Грабарь — дочери лидера закарпатских русинов А. И. Добрянского-Сачурова. Основным поводом процессу послужила следующая история. Жители села

Гнилички, принадлежавшего к униатскому приходу в Гнилицах Великих Збаражского повета, захотели иметь самостоятельный приход, о чем подали прошение во Львовскую консисторию, однако разрешения не получили и пожаловались своему помещику — графу Иерониму Делла Скала, владельцу имений в православной Буковине и управляющему имением своей жены Евгении (в девичестве фон Вассилко) в Гнилицах. Граф предложил крестьянам перейти в православие, пообещав привезти им священника из Буковины. Жители Гниличек решили посоветоваться со священником Иоанном Наумовичем, который поддержал их и в конце 1881 г. составил необходимые для такого перехода документы. Это вызвало переполох в польских кругах, и первоначальное желание жителей Гниличек об учреждении у них отдельного униатского прихода тут же удовлетворили. Но австрийско-польские власти решили проучить наиболее видных деятелей православно-русинского движения, наказав их судебным процессом с порочащим их обвинением в государственной измене.

Об аресте фигурантов дела и о само́м процессе сообщалось в этот период в каждом номере «Руси». В либеральном лагере эти статьи назывались шовинистическими и якобы сеющими рознь между русским и польским народами. Так, автор передовой статьи в газете «Голос» писал, скрыто полемизируя прежде всего с Аксаковым и его единомышленниками: «Львовский процесс, впрочем, понят был нашими шовинистами далеко не в том смысле, как было бы желательно. Вместо того чтоб увидеть в нем дело одной из многих партий, существующих в среде польского народа, они всецело приписали его полякам: оно, следовательно, подало им повод обрушиться всею силою негодования на польскую интригу, все еще живущую в среде польского народа» (Санкт-Петербург. 23-го июля 1882 // Голос. 1882. 24 июля. № 198. С. 1).

[25] М. П. Драгоманов по обвинению в украйнофильстве и сепаратизме в 1875 г. был лишен кафедры в Киевском университете и стал политическим эмигрантом. В 1876 г. он создал в Женеве общественно-политический сборник «Громада» (вышло 5 томов), нацеленный на обоснование культурно-общественной значимости Украины; позже редактировал газету «Вольное Слово», ставшую органом либерально-конституционного направления (см комм. 7 на с. 812).

[26] П. А. Кулиш, с 1881 г. живя в Галиции, поначалу в своих сочинениях прославлял культурную миссию польской шляхты в истории Малороссии, стремясь содействовать утопической, по сути, идее объединения поляков и русинов в борьбе против Австро-Венгрии. Ранее, в 1850-х гг., когда Кулиш занимался исследованиями и публикацией гоголевского наследия, он сблизился с семьей Аксаковых, впоследствии же его украйнофильские увлечения оттолкнули от него славянофилов. И. С. Аксаков неоднократно полемизировал с Кулишом на столбцах своих газет.

[27] Подразумеваются министры внутренних дел — граф М. Т. Лорис-Меликов (6 августа 1880 г. — 4 мая 1881 г.) и граф Н. П. Игнатьев (4 мая 1881 г. — 30 мая 1882 г.), проводившие довольно либеральную политику в области печати.

[28] *«Московский Листок»* — ежедневная газета (1881—1918), ориентированная на массовую аудиторию; была основана журналистом и популярным в свое время беллетристом Н. И. Пастуховым, наладившим оперативную работу репортеров, старавшихся добывать сведения о происшествиях раньше всех и оповещать о них в красочных подробностях. См.: «Пастухов приучил всю Москву читать не только свою газету, но и периодику вообще. Его “кабацкий листок” <...> все ругали и все читали» (*Махонина С. Я.* История русской журналистики начала XX века: учебное пособие М.: Флинта; Наука, 2004. С. 101).

[29] Аксаков иронизировал над либерализмом, уподобляя его «русскому шампанскому» и в передовой статье 1880 г. «<К молодежи нужно относиться честно, любить ее>» (Наст. том. С. 351). См. также комм. 5 на с. 774.

<Madame Пузина>

Печатается по первой публикации: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 25 сентября // Русь. 1882. 25 сент. № 39. С. 1—5. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 629—641.

[1] Речь идет о комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль» (1781), впервые поставленной 24 сентября 1782 г.

[2] *«Ябеда»* — комедия В. В. Капниста, написанная в 1796 г., опубликованная и поставленная в 1798 г.

[3] Комедия «Бригадир» была создана на 12 лет раньше, чем «Недоросль», — в 1769 г.

[4] Подразумевается комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума» (1824).

[5] Слова из монолога Чацкого (д. III, явл. 22).

[6] Речь идет об Алексее Н. Веселовском и его книге «Западное влияние в новой русской литературе» (*ВЕ*. 1882. Кн. 4, 5; 1-е отд. изд.: СПб., 1883). См., например: «Западное влияние на Грибоедова слишком очевидно. <...> Связи с иностранными образцами были опорою самостоятельного творчества, служения своему народу. Чацкий и герой мольеровской комедии <...> в основе своей они кровно близки друг другу...» (*Веселовский Алексей.* Западное влияние в новой русской литературе: историко-сравнительные очерки. 2-е перераб. изд. М.: Русское т-во печ. и изд. дела, 1896. С. 184, 185). Веселовский много занимался Грибоедовым, в частности текстологией его сочинений. См.: *Грибоедов А. С.* Комедия «Горе от ума». Лубочный театр. Своя семья. Грузинская ночь. Хищники на Чегеме. Переписка. Портрет. Биография. Из критики Белинского / редакция текста, составление биографии — А. Н. Веселовского. СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1875; 2-е изд.: 1878. (Русская библиотека; т. 5).

[7] Вероятно, речь идет о незавершенном замысле А. С. Пушкина, известном под условным названием «Русский Пелам» (ок. 1834; написанный фрагмент опубликован в 1841 г.).

[8] Эту же цитату (из письма Д. И. Фонвизина к его другу П. И. Панину из Парижа от 14 (25) июня 1778 г.) Аксаков привел в первом из «Писем Касьянова в редакцию газеты "День"» (якобы из Парижа), опубликованном в № 12 «Дня» от 23 марта 1863 г. См.: Наст. том. С. 108, а также комм. 1 на с. 723.

[9] О «русском шампанском» см. комм. 5 на с. 774.

[10] В издании «Вся Москва: адресная и справочная книга на 1884 год» (М., 1884. С. 439, паг. 3-я) указана купчиха Елена Евстафьевна Пузина, проживавшая на Большой Грузинской улице.

[11] *Петиметр* — светский щеголь, франт, подражающий французским модам и манерам поведения; дворянский недоросль.

[12] Слова Чацкого из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (д. I, явл. 7).

[13] *Кирхшпильсфохт* — «приходский войт», т. е. староста. Это наименование должности предлагалось ввести в России в ряду других с 1720 г. «по шведскому устройству» в указе Петра I от 26 ноября 1718 г. См.: *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1876. Второй отдел. Вып. VI. С. 679.

[14] Здесь и далее называются гражданские чины из Табели о рангах (1722).

[15] Имеется в виду маркиз Астольф де Кюстин. См. комм. 8 на с. 750.

[16] Упомянута XV Всероссийская художественно-промышленная выставка в Москве, официальное открытие и освящение которой состоялись 20 мая 1882 г. За четыре месяца работы выставки ее посетило более миллиона человек.

[17] Это выражение впервые опубликовано в издании: Портфель служебной деятельности М. В. Ломоносова: из собственноручных бумаг, хранящихся у наследников / изд. А. Вельтман. М.: тип. Н. Степанова, 1840. С. 52. И. Аксаков его цитирует, вероятно, по магистерской диссертации брата, К. С. Аксакова. См. комм. 9 на с. 741.

[18] Академия была учреждена Именным указом Петра I от 22 января 1724 г. под официальным названием Академия наук и художеств в Санкт-Петербурге. В рассматриваемый период (с 1836 г.) она именовалась Императорской Санкт-Петербургской Академией наук. Толки в обществе о засилье «немецкой партии» в Академии бытовали с самого ее основания, они оживились после 11 ноября 1880 г., когда при очередных выборах был забаллотирован Д. И. Менделеев. За него вступилась почти вся повременная печать. А. С. Суворин выразил общее мнение в статье «Немцы-победители» (*НВр.* 1880. 12 нояб. № 1692. С 2): «Нам немцев довольно. Есть русские ученые, и если немцы крепко становятся особняком против русского ученого, то они делают это, конечно, для того, чтобы подать пример. Да последуем же этому примеру». Критиковали Академию и «как оторванное от жизни и общественного контроля учреждение, где правит бюрократический произвол, где дела ведутся келейно и где зажимают русские таланты» (см. подробно: *Дмитриев И. С.* Скучная история (о неизбрании Д. И. Менделеева в Императорскую академию наук в 1880 г.) // Вопросы истории естествознания и техники. 2003. Т. 23. № 2. С. 231—280). Аксаков активно включился в эту газетную антиакадемическую кампанию, опубликовав статью академика А. М. Бутлерова, мужа своей двоюродной сестры Надежды Глумилиной: *Бутлеров А., академик.* Русская или только Императорская академия наук в Санкт-Петербурге? // Русь. 1882. 13 февр. № 7. С. 18—22; 20 февр. № 8. С. 15—20.

[19] Государственные меры по распространению картофеля были приняты при Екатерине II: в 1765 г. вышло Наставление Сената «о разведении земляных яблоков», которое содержало рекомендации по культивированию новой культуры и вместе с семенами картофеля было разослано по всем губерниям. 1834 и 1840—1844 годы ознаменовались массовыми картофельными бунтами крестьян, вызванными насильственным введением посадки картофеля и подавленными правительственными войсками.

[20] Кукурузу начали культивировать в России после присоединения Крыма (1774) и Бессарабии (1812), где она возделывалась повсеместно. Впоследствии она распространилась в Новороссии и Малороссии.

[21] Аксаков намекает на то, что во «Временных правилах о цензуре и печати» от 6 апреля 1865 г. российскими властями были применены жесткие цензурные меры, учрежденные во Франции Наполеоном III. В России к январю 1880 г. предостережения были выписаны 167 изданиям, приостановлено 52 издания.

[22] Генералы М. Г. Черняев и М. Д. Скобелев — герои военных операций в Средней Азии и Сербской и Русско-турецкой войн — были всенародными любимцами.

[23] *Шемизетка* — богато украшенная на груди накидка разнообразной формы, легкая блузка или манишка.

[24] *Баска* (баскина) — широкая оборка на женской кофте или юбке, а также подкройная полочка, пришиваемая к лифу кофты или платья.

[25] Имеется в виду одна из более чем полусотни гравюр Е. Е. Бернардского по рисункам князя Г. Г. Гагарина в издании: *Соллогуб В. А.* Тарантас: путевые впечатления. СПб.: изд. книгопродавца Андрея Иванова, 1845. [2], 287 с. (репринт: М.: Книга, 1986). Гравюра расположена на с. 31 и иллюстрирует слова соллогубовского героя Ивана Васильевича: «Дворовый не что иное, как первый шаг к чиновнику. <...> дворовый вступает в конторщики, в вольноотпущенные, в приказные <...> Потом приказный спускается еще на ступень ниже, делается писцом, повытчиком, секретарем и, наконец, настоящим чиновником» (гл. III). Н. А. Некрасов назвал эту книгу «первым истинно изящным и великолепным изданием на Руси» (*Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. СПб.: Наука, 1989. Т. 11. Кн. 1. С. 205).

<Где и что болит у нас?>

Печатается по первой публикации: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 9 октября // Русь. 1882. 9 окт. № 41. С. 1—5. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 641—653.

[1] См., например, использование этого слова Екатериной II в ее «Наказе Комиссии о составлении проекта нового Уложения» (1767—1768): «Начальное основание правления не только тогда повреждается, когда погасает то умоначертание государственное, законом во всяком из них впечатленное, которое можно назвать равенством, предписанным законами, но и тогда еще, когда вкоренится умствование равенства, до самой крайности дошедшего, и когда всяк хочет быть равным тому, который законом учрежден быть над ним начальником» (ст. 503).

[2] О принципе федерализма в этот период настойчиво заговорил Н. И. Костомаров. См., например: *Костомаров Н. И.* Мысли о федеративном начале в Древней Руси. СПб., 1860. 44 с. Его работы, печатавшиеся в украйнофильском журнале «Основа», были нацелены на обоснование законности и исторической оправданности идей сепаратизма по отношению к Малороссии.

[3] Выражение из реплики Чацкого в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (д. I, явл. 7): «А впрочем, он дойдет до степеней известных, / Ведь нынче любят бессловесных».

[4] См., например: *Любецкий С. М.* Стенька Разин, разбойник волжский: драм. картины в 4 актах с хорами, песнями и плясками; Быль XVII-го века. М.: Унив. тип., 1846; *Докучаев И. Ф.* Стенька Разин, атаман разбойников: ист. сказание, взятое из времен царя Алексея Михайловича. М.: тип. А. Евреинова, 1847; Материалы для истории возмущения Стеньки Разина / предисл. А. Попова. М.: тип. Л. Степановой, 1857; *Попов А. Н.* История возмущения Стеньки Разина. М.: тип. Августа Семена, 1857; *Костомаров Н. И.* Бунт Стеньки Разина. СПб.: изд. книгопродавца Д. Е. Кожанчикова, 1859; Атаман шайки разбойников Стенька Разин: ист. повесть из времен царствования царя Алексия Михайловича. М.: тип. М. Смирновой, 1859; 2-е изд.: 1862.

[5] Подразумевается решение, принятое запорожским казачеством на Переяславской раде (1654).

[6] Отсылка к трехтомному исследованию «История воссоединения Руси» (СПб.: Обществ. польза, 1874—1877), в котором П. А. Кулиш писал о вреде казачьего движения XVII в. и важности культурной миссии польской шляхты в истории Малороссии. Эта книга вызвала негодование в среде украйнофильской интеллигенции.

[7] См.: *Куліш П. А.* Кра́шанка русина́м и поляка́м на Вели́кдень 1882 ро́ку. У ві Львові: з друка́рні Това́риства и́мени Шевченка, 1882. 40 с. В переводе: «Пасхальное яйцо русинам и полякам на Пасху 1882 года». Здесь Кулиш призывал объединить усилия новых поколений украинской и польской интеллигенции для совместной работы. С ним полемизировал, например, Д. Л. Мордовцев в своей брошюре «За крашанку — писанка» (Пб.: тип. А. Бёнке, 1882. 42 с., за подписью: *Д. Слипченко-Мордовец*), который утверждал, что Кулиш, заигрывая с польским панством, клевещет на прошлое украинского народа, называя казачество «запорожской голотой», «нашими пиратами», «разгульным пьянством и дурным мужичьем». См. также: *Костомаров Н. И.* Крашанка г. Кулиша // *ВЕ*. 1882. Т. 96. Кн. 8. С. 729—748; *Ред. <Стасюлевич М. М.>*. <Примечание> // Там же. С. 748—750.

[8] Имеется в виду Процесс Ольги Грабарь (Большой политический процесс русских в Галиции). См. комм. 24 на с. 813—814.

[9] П. А. Кулиш перевел на украинский 15 пьес Шекспира, стихотворения русских поэтов — Пушкина, Лермонтова, Фета и др.

[10] *«Кулишовка»*, или система П. А. Кулиша — одна из ранних версий украинского алфавита, названная по имени Кулиша, применившего ее в «Записках о Южной Руси»

(1856. Т. I), в «Грамматике» («Граматке», 1857) и в первом украинском журнале «Основа» (1861—1862). Кулишовка (с некоторыми изменениями) употреблялась в печатных изданиях до ее запрещения «Эмским указом» (1876).

[11] *«Максимовичевка»*, или система М. А. Максимовича, предложенная им в 1827 г., основывалась на этимологических принципах — сохранении традиционных написаний, но с обозначением условными знаками изменившегося произношения. Эта система правописания была воспринята в Галиции; в Закарпатье употреблялась до 1940-х гг.

[12] *«Драгомановка»*, или система М. П. Драгоманова — украинская кириллическая письменность (гражданский шрифт), созданная по модели сербской «вуковицы» в 1870-е гг. Драгомановым, который популяризовал эту письменность (например, в женевских сборниках «Громада» в 1878 г.). Распространения драгомановка не получила, поскольку резко порывала с традицией и часто приводила к более длинным написаниям, чем системы-конкуренты.

[13] *Уставная грамота* — документ, который устанавливал размер надела и повинности за пользование им временнообязанными крестьянами по «Положениям» 19 февраля 1861 г.

[14] Аксаков подразумевает в первую очередь русских теоретиков анархизма М. А. Бакунина и П. А. Кропоткина и их последователей. Аксаков видел в построениях анархизма обоснование и оправдание политического терроризма.

[15] *«Гражданин»* — политическая и литературная газета-журнал, выходившая в 1872—1879 и 1882—1914 гг. в Петербурге. Издатель и главный автор — князь В. П. Мещерский.

[16] Неточная цитата из комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» (д. I, явл. 2). В источнике: «Это всё француз гадит».

[17] Речь идет о подпередовой статье: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 2 октября // Русь. 1882. 2 окт. № 40. С. 3—4, при републикации получившей назв. «В ответ на статью “Гражданина” о печати» (*Соч.* Т. IV. С. 523—530). Под «одной из причин недуга» Аксаков, вероятно, подразумевает «мертвечину казенщины». Он писал: «Ужасное зло нигилизма, растлевающее теперь русское общество и покрывающее скорбью и позором Русскую землю, откуда оно взялось между прочим? Вдумайтесь пристально. Не окажется ли, пожалуй, что его настоящий, законный родитель — именно мертвечина казенщины, что нигилист — это злая реакция казенному “благонамеренному человеку”? Не приходится ли нам теперь только расплачиваться за старое?

В том-то и опасность казенного формального вторжения в область духа, что оно, при малейшей бестактности, способно опошлить, обездушить, обессилить всякую истину, все прекрасное, достойное благоговения и хвалы, и даже вызвать опасное противодействие, а порою и ненависть к тому, что само в себе добро и благо...» (Там же. С. 528—529).

<Нам нужно иметь готовность делать скромную и скучную работу каменщика: обозрение 1882 года>

Печатается по первой публикации: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 24 декабря // Русь. 1882. 24 дек. № 52. С. 1—3. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 653—660, под назв. «Обозрение 1882 года», и, по недогляду, вторично: *Соч.* Т. VII. С. 670—678, под назв. «Нам нужно иметь готовность делать скромную и скучную работу каменщика». Целесообразно, на наш взгляд, удержать и объединить эти условные неавторские заголовки.

[1] Под «венцом здания» на эзоповом языке публицистики того времени понималось принятие конституции.

[2] Автоцитата из «мистерии в трех периодах» «Жизнь чиновника», созданной Аксаковым в 1843 г. и впервые анонимно опубликованной в 1861 г. в Лондоне (с пропусками и ошибками). Приведено четверостишие из монолога Демона службы («период III»).

[3] Хорошо укрепленный город Карс, расположенный на востоке Турции, русские войска брали осадами и штурмами трижды: 23 июня 1828 г. в ходе Русско-турецкой войны 1828—1829 гг., 16 ноября 1855 г. во время Крымской войны и, наконец, 6 ноября 1877 г. в период Русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

[4] Скорее всего, подразумеваются овладение русскими войсками перевалом Шипка, идущим по узкому отрогу главного Балканского хребта, и его оборона от турок с июля 1877-го по январь 1878 г.

[5] Цитата из стихотворения А. В. Кольцова «Косарь» (1836).

[6] Евангельское выражение (Мф 5: 26). См. в контексте: «аминь глаголю тебе: не изыдеши оттуду, дондеже воздаси последний кодрант», т. е. в переводе: «говорю тебе истину, что ты не выйдешь оттуда, пока не выплатишь всё, до последнего гроша». *Кодрант* (кодранс) — самая мелкая, равная двум лептам, древнеримская медная монета.

[7] Семен Семенович (Петр Петрович) Хлобуев — персонаж второго тома поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души»; обнищавший помещик, мот и прожектер. Его характеризуют высказывания такого рода: «Вон какой был умный мужик: из ничего нажил сто тысяч, а как нажил сто тысяч, пришла в голову дурь сделать ванну из шампанского, и выкупался в шампанском» (гл. 4).

[8] Всенародно любимый полководец М. Д. Скобелев скончался в возрасте 38 лет 7 июля 1882 г. при невыясненных обстоятельствах в московской гостинице «Англия», в номере у немки-проститутки. Современники подозревали политическое убийство. Для Аксакова внезапная кончина М. Д. Скобелева была особенно горестна — он потерял друга и единомышленника. Аксаков писал в «Руси»: «Нам передавал его адъютант, ехавший с ним по железной дороге из Минска в Москву (за какие-нибудь сутки до кончины), что Скобелев всю дорогу читал наизусть стихи Хомякова, Тютчева, одушевленно разговаривал все о том же — о Восточном вопросе, о славянстве...» (*Собр. соч.* Т. 1. Кн. 2. С. 109). См. также четыре статьи Аксакова, посвященные памяти Скобелева (*Соч.* Т. V. С. 654—675), и его заметку «<Скорбь русского и болгарского народов в сороковой день по кончине М. Д. Скобелева>» (*Собр. соч.* Т. 1. Кн. 2. С. 121). В либерально-западнических изданиях почивший и его взгляды предсказуемо охаивались. Так, М. М. Стасюлевич утверждал, что «Скобелев не был государственным человеком», приписывал ему «исторический дилетантизм», упрекал Аксакова и его единомышленников в том, что те пытаются «эксплуатировать громкое имя в пользу узкой доктрины» (<*Стасюлевич М. М.*>. Из общественной хроники // *ВЕ*. 1882. Т. 96. Кн. 8. С. 839—841).

[9] «Сведущие люди» (представители земств; см. комм. 10 на с. 798), приглашенные в 1881 г. министром внутренних дел Н. П. Игнатьевым в правительственные комиссии по административно-хозяйственным вопросам, обсуждали проект закона о понижении выкупных платежей. Затем, при созыве второй сессии «сведущих людей», предметом их рассмотрения стали переселенческий и питейный вопросы. Так, они сочли, что крестьянское переселенческое движение не должно подвергаться бюрократической регламентации и переселения должны признаваться допустимыми в том объеме, в каком они происходят; также был поставлен вопрос о денежных и натуральных пособиях переселенцам.

Аксаков поддерживал Игнатьева в устройстве этих совещаний, он ощущал в них отзвук допетровских земских соборов, на которых власти узнавали мнение народное по существенным проблемам государственно-экономической жизни. Новый ми-

нистр внутренних дел граф Д. А. Толстой, занявший пост 30 мая 1882 г., отказался от привлечения «сведущих людей» к обсуждению готовящихся законопроектов.

[10] *«Правительственный Вестник»* — ежедневная газета, издававшаяся в 1869—1917 гг. при Главном управлении по делам печати.

[11] См., например, одну из передовиц «Русского Курьера»: «...судить о полезности участия сведущих людей еще нет оснований <...>. Насколько посодействуют скорому разрешению вопросов сведущие люди <...> по вопросам питейному и переселенческому — судить теперь <...> было бы преждевременным» (Ежедневное обозрение. Москва, 18 марта // *РК*. 1882. 19 марта. № 76. С. 1).

[12] Здесь в значении: «предаваться романтическим мечтаниям». Использован образ из романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: «Москвич в Гарольдовом плаще» (гл. седьмая, строфа XXIV).

[13] Автор цикла статей «Наши анархисты» скрыл свое имя в первой статье за криптонимом N, во второй и третьей — ***; каждая статья имеет свое особое название. См.: Наши анархисты: Анархисты «Общего дела» // Русь. 1882. 4 дек. № 49. С. 10—12; Анархисты «Народной воли» // Там же. 11 дек. № 50. С. 9—12; Анархисты «Черного передела», или «Земли и Воли» // Там же. 24 дек. № 52. С. 7—9. Аксаков сопроводил публикацию цикла редакционным примечанием: «Автор этой статьи и следующих под тем же заглавием статей — педагог, который поставил себе задачею вразумить заблуждающееся и увлекаемое тайными агитаторами русское юношество доводами логики, добросовестным спокойным анализом всей тщеты и нелепости революционных программ, возвещаемых органами русской заграничной печати. Задача почтенная, но работа едва ли благодарная, так как, по нашему мнению, все это русское "революционное" движение — дело не столько убеждения, сколько вкуса, сколько похоти и пустопорожности, умственной и нравственной, которыми поражена, как недугом, значительная часть молодого поколения — благодаря фальшивому воспитанию и множеству условий, от молодых поколений не зависящих. Едва ли вообще эти люди нуждаются в доводах рассудка, логического анализа и т. д. Их вразумить может только опыт, лета и, наконец, строгое, искреннее, чуждое потворства и вилянья отношение к ним русского общества. Тем не менее, никакая попытка к мирному вразумлению не излишня, так как в числе заблудшихся найдутся и добросовестные юноши, виновные единственно в недомыслии, — а для тех, которые еще колеблются и недоумевают, подобные статьи могут быть положительно полезны» (Русь. 1882. 4 дек. № 49. С. 10).

[14] При публикации в газете «Колокол» (№ 14/15 от 1 декабря 1868 г.) главы XXXVI части V «Былого и дум» один из ее разделов (в росписи содержания) получил название «Хористы и статисты революции» (в окончательном варианте он озаглавлен иначе: «Хористы революции 13 июня 1849»). См.: *Герцен*. Т. X. С. 503.

[15] См.: Переписка Ю. Ф. Самарина с А. И. Герценом в 1864 г. // Русь. 1883. 3 янв. № 1. С. 30—42; 17 янв. № 2. С. 23—30. В подстрочном примечании Аксаков указал: «Подлинные письма Ю. Ф. Самарина были доставлены для снятия копий сыном А. И. Герцена Д<митрию> Ф<едорови>чу Самарину, которому и принадлежат подстрочные примечания» (Там же. № 1. С. 31). Сын Герцена — Александр Александрович Герцен.

[16] О Всероссийской художественно-промышленной выставке в Москве см. комм. 16 на с. 815.

[17] В античном театре обозначение бога, который появлялся в развязке спектакля при помощи специальных механизмов.

[18] Подразумевается Положение Комитета министров «О временных мерах относительно периодической печати» от 27 августа 1882 г. См. комм. 3 на с. 811.

<Леон Гамбетта как носитель идеи патриотизма>

Печатается по первой публикации подпередовой статьи: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 24 декабря // Русь. 1882. 24 дек. № 52. С. 3—4. В *Соч.* не воспроизводилось.

[1] Премьер-министр и министр иностранных дел Франции Леон Гамбетта скончался 31 (19) декабря 1882 г. в возрасте 44 лет от воспаления слепой кишки; ходили слухи о насильственной смерти, в которой обвиняли германскую разведку, масонов, его любовницу.

[2] Гамбетта был вынужден вылететь из Парижа в Тур на воздушном шаре, поскольку вскоре после провозглашения (4 сентября 1870 г.) Третьей республики Париж был окружен и отрезан от страны.

[3] Цитата из Евангелия (Ин 5: 7). См.: «ей, Господи, человека не имам, да, егда возмутится вода, ввержет мя в купель...»

[4] *Ni Dieu, ni maître* — девиз Л. О. Бланки и его последователей — анархистов-бланкистов, ставший позже и профсоюзным лозунгом. Под этим названием Бланки выпускал газету незадолго до своей кончины.

1883

<Не «рожа крива», а криво само зеркало>

Печатается по первой публикации: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 1 января // Русь. 1883. 3 янв. № 1. С. 1—13. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 661—679. С републикации этой передовицы в *Соч.* начинался раздел «1883 г. (Передовые статьи)».

В названии и в тексте статьи обыгрывается пословица «На зеркало неча пенять, коли рожа крива», которую, как известно, Н. В. Гоголь взял эпиграфом к своей комедии «Ревизор».

На статью откликнулся ироничной полемической статьей А. Д. Градовский: *Вятич <Градовский А. Д.>*. О пессимизме (из рассуждений самобытника) // Голос. 1883. 12 янв. № 12. С. 1.

[1] *Кошница* — кошелка, корзина.

[2] Начальная строка стихотворения К. С. Аксакова «Советы» (1850; оп. 1915).

[3] Полностью приведено стихотворение И. С. Аксакова «К портрету» (1846; оп. 1847, без назв.).

[4] См. об этом в воспоминаниях Ф. И. Иордана: «...иду к монументу Петру I, нахожу его обставленным солдатами, которые по временам, держа ружье у ноги, в шинелях кричат: “Да здравствует конституция!” Этому слову нас никогда не учили и не толковали, я спросил у одного: что значит конституция? Он преспокойно отвечает, что это “жена великого князя Константина Павловича...”» (Записки профессора-ректора Императорской академии художеств Федора Ивановича Иордана, род. 1800 г. 13-го авг., ум. 19-го сентября 1883 г. // *РС*. 1891. Т. 69. Март. С. 631).

[5] Выражение из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». См. слова Чацкого: «Да, мочи нет: мильон терзаний / Груди от дружеских тисков...» (д. III, явл. 22).

[6] Реминисценция из басни И. А. Крылова «Любопытный» (1814). Ср.: «Слона-то я и не приметил».

[7] Вольная цитата из стихотворения К. С. Аксакова «Тени» (1856; оп. 1880). В источнике: «Мятутся, будто галок стая, / Завидев сокола вдали; / Шумят, кричат — не понимая / Друг друга и своей земли».

[8] Подразумевается Русско-турецкая война 1877—1878 гг.

[9] *Дикое поле* — историческая область малозаселенных степей между Днестром на западе и Доном и Хопром на востоке.

[10] *Туранские*, или урало-алтайские, племена первоначально населяли территорию нынешней России.

[11] «В лице помещиков у меня есть сто тысяч полицмейстеров» — фраза, приписывавшаяся и Екатерине II, и Николаю I.

[12] *Присные* — люди ближайшего окружения.

[13] В оригинале фраза Хлестакова звучит так: «Иван Александрович! Ступайте департаментом управлять» (д. III, явл. 6). Возможно, Аксаков изменил ее нечаянно — под воздействием недавнего впечатления от цикла очерков М. Е. Салтыкова-Щедрина «Письма к тетушке» (1882), где фраза приведена в таком виде: «Пожалуйте, Иван Александрыч, министерством управлять!» (письмо двенадцатое).

[14] Имеется в виду вторая половина 1850-х гг.

[15] Речь идет о пословице «Хорошее начало — половина дела».

[16] Отсылка к фразе Репетилова из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума»: «Его отрывок, взгляд и нечто. Об чем бишь нечто?» (д. IV, явл. 4). Имеются в виду эссеистические жанровые формы, популярные в начале XIX в.

[17] Процитировав эти слова, А. Д. Градовский не без иронии возразил: «Не в том беда, что университетское образование плодило "западников": Самарин, К. С. Аксаков, Киреевские, Елагины и другие *славянофилы* тоже прошли чрез университет. Беда именно в "умственном движении", в возбуждении *сознания*, которое и раздвоилось на два враждебных "направления". Направлений быть не должно; умственного движения избегать следует <...> Раз человеческая мысль пробуждена, кто может предсказать, куда она пойдет и где остановится?» (*Вятич <Градовский А. Д.>*. О пессимизме (из рассуждений самобытника). С. 1).

[18] Выражение из романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» (гл. первая, строфа V).

[19] *Страхов Н.* Взгляд на текущую литературу // Русь. 1883. 3 янв. № 1. С. 52—60. (В Содержании номера: «Взгляд на русскую литературу».) Здесь помещена первая часть статьи, в № 2 — ее окончание. Аксаков имеет в виду утверждения Страхова в начале его статьи: «У нас есть Академия наук, университеты и другие ученые учреждения, но ученых и учености очень мало. Точно так же пишется и печатается несравненно больше, чем следует, т. е. пропорция дельных книг, настоящего умственного труда необыкновенно мала сравнительно с другими просвещенными странами» (Там же. С. 52—53).

[20] *Соловьев В.* Великий спор и христианская политика. I. Вступление. — Россия и Польша // Там же. С. 20—30. Аксаков отсылает к следующим словам Вл. С. Соловьева: «...в подчинении высшим соображениям христианской обязанности и материальное достояние, и самосознание народного духа сами становятся силами положительными, действительными средствами и орудиями нравственной цели, потому что тогда приобретения этого народа действительно идут на пользу всем другим и его величие действительно возвеличивает все человечество» (Там же. С. 25).

[21] Евангельское выражение, ставшее крылатым и означающее «бесчисленное множество». См.: «Ибо Иисус сказал ему: выйди, дух нечистый, из сего человека. И спросил его: как тебе имя? И он сказал в ответ: легион имя мне, потому что нас много» (Мк 5: 8—9).

[22] В этом сравнении Аксакова слышен отзвук того сильного впечатления, которое было произведено на современников двухтомным изданием: Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым. М.: издано при содействии О-ва любителей российской словесности, 1872—1882. Аксаков был близко знаком с Барсовым.

[23] См.: *Голохвастов П.* Земское дело в Смутное время // Русь. 1882. 3 янв. № 1. С. 42—52.

[24] Имеются в виду историософские статьи К. С. Аксакова, в которых он изложил свое учение о Земле и Государстве.

<Петербург — великий сочинитель>

Печатается по первой публикации: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 17 января // Русь. 1883. 17 янв. № 2. С. 1—10. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 679—689.

[1] *Табель о рангах* — см. комм. 10 на с. 738.

[2] *Супервест* — особый безрукавый кафтанчик, составлявший принадлежность кавалерского звания некоторых орденов и воинских формирований.

[3] О созывах «сведущих людей» для совещаний см. комм. 9 на с. 819—820.

[4] Речь идет о Закавказской железной дороге, которую в этот период (с 1879 г.) в связи с развитием Бакинских нефтяных промыслов и необходимостью вывоза нефти в порты значительно продвигали, и 8 мая 1883 г. был открыт для движения участок Баку — Елисаветполь (Гянджа) — Тифлис, а вскоре была пущена в эксплуатацию магистраль Самтреди — Батум. В ноябре 1882 г. московские купцы направили прошение на Высочайшее имя с просьбой закрыть беспошлинный транзит дешевых иностранных (прежде всего английских) товаров через Закавказский край в Персию и тем самым защитить русские промышленность и торговлю от опасной конкуренции и усилить их позиции на иранских рынках. Аксаков поддерживал эту идею. Наконец, в июне 1883 г. закон об отмене беспошлинного транзита был утвержден. Впоследствии благодаря этому русский капитал служил помехой переходу в руки английских капиталистов финансов, торговли и постройки железных дорог в Иране.

[5] По-видимому, речь идет о газете «Голос». См. передовую статью: Санктпетербург. 12-го января 1883 // Голос. 1883. 13 янв. № 13. С. 1.

[6] См.: Ежедневное обозрение. Петербург, 13-го января // *НВр.* 1883. 14 янв. № 2471. С. 1.

[7] Выражение из стихотворения А. С. Хомякова «России» («Гордись! — тебе льстецы сказали...», 1839). В оригинале: «О, вспомни свой удел высокой! / Былое в сердце воскреси / И в нем сокрытого глубоко / Ты духа жизни допроси!»

[8] Имеется в виду стихотворение в прозе «Сфинкс» (1878; оп. 1882) из цикла И. С. Тургенева «Senilia». См. заключительные слова: «Да это ты, Карп, Сидор, Семен, ярославский, рязанский мужичок, соотчич мой, русская косточка! Давно ли попал ты в сфинксы? <...> Только где твой Эдип? Увы! не довольно надеть мурмолку, чтобы сделаться твоим Эдипом, о всероссийский сфинкс!»

[9] Речь идет о статье: *Laveleye Émile de.* Le Régime parlementairea et la démocratie // Revue des Deux Mondes. 1882. 3e période. Vol. 54. 15 Décembre. P. 824—848. Перевод этой статьи вышел отдельной брошюрой: *Лавеле Емиль де.* Парламентарный образ правления и демократия / пер. с фр. В. Ерасси; под ред. и с предисл. проф. И. Тарасова. Ярославль: типо-лит. Г. Фальк, 1883. [2], II, 41 с. Лавеле был хорошо известен в России: в 1866—1899 гг. в русском переводе было издано 11 его книг.

[10] См.: *Голохвастов П.* Земское дело в Смутное время // Русь. 1883. 17 янв. № 2. С. 42—52, а также комм. 23 на с. 822.

[11] Московским генерал-губернатором с 1865 по 1891 г. состоял князь Вл. А. Долгоруков.

[12] Венчание на царство (коронация) Александра III и его супруги Марии Федоровны состоялось 15 мая 1883 г. в Москве.

[13] Цитата из стихотворения А. С. Хомякова, написанного в день коронации Александра II.

<В чем наше историческое назначение?>

Печатается по первой публикации: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 15 февраля // Русь. 1883. 15 февр. № 4. С. 1—11. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 689—705.

[1] Неточность: Высочайший манифест о короновании Александра III был обнародован в Петербурге 24 января 1883 г.

[2] Строка из стихотворения А. С. Хомякова «Ключ» (1835).

[3] Неточно процитированы заключительные строки стихотворения Е. А. Баратынского «Смерть» (1828; оп. 1829). В источнике: «Ты всех загадок разрешенье, / Ты разрешенье всех цепей».

[4] Подразумевается передовая статья Аксакова, написанная в связи с цареубийством: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 10 марта // Особое прибавление к «Руси». 1881. 10 марта. № 17. С. 1—2. Републикована посмертно под назв. «Пора домой!» (*Соч.* Т. V. С. 17—20).

[5] *«Pester Lloyd»* — немецкоязычная ежедневная газета, выходившая в Будапеште в 1854—1945 гг.

[6] Отсылка к начальным словам письма Хлестакова к приятелю в комедии Н. В. Гоголя «Ревизор». См.: «Спешу уведомить тебя, душа моя Тряпичкин, какие со мной чудеса» (д. V, явл. 8).

[7] Имеется в виду Тырновская конституция, принятая 16 (28) апреля 1879 г. и ставшая первой конституцией Болгарии; она действовала вплоть до 1947 г. (с изменениями, внесенными в 1893 и 1911 гг.). В ее разработке принимали участие болгарские эмигранты с западноевропейским юридическим образованием, поэтому конституцией вводилось ограничение княжеской власти, ответственность правительства перед парламентом, неприкосновенность депутатов, разделение властей.

[8] Вольная цитата из стихотворения Ф. И. Тютчева «Теперь тебе не до стихов...» (1854; оп. 1868). В источнике это обращение к «слову русскому, родному»: «Ты — лучших, будущих времен / Глагол, и жизнь, и просвещенье!» См. комментарий Аксакова к этим строкам: «Россия — глагол, просвещение, жизнь человечества лучших будущих времен... Так вот к какому чаянию привело Тютчева двадцатидвухлетнее воспитание в европейской умственной школе! Так вот на что послужили ему все дары западного просвещения!.. Только на удобрение почвы для взращения русской самостоятельной мысли, только на оправдание и укрепление врожденного чувства любви к России!..» (*Аксаков И. С.* Биография Федора Ивановича Тютчева. М.: тип. М. Г. Волчанинова, 1886. С. 72).

[9] Польские крестьяне были освобождены скорее номинально — Кодексом Наполеона I, введенным в действие в январе 1811 г.; после же изгнания французских войск крепостная зависимость была восстановлена.

[10] Точнее: в Эстляндии крепостничество было упразднено в 1816 г., в Курляндии — в 1817-м, в Лифляндии — в 1819-м.

[11] «Венцом знания» на эзоповом языке журналистики рассматриваемого периода называли требование конституционного правления (и, соответственно, ограничение или упразднение самодержавия).

[12] В оригинале: *Minghetti Marco.* I partiti politici e la Ingerenza loro nella giustizia e nell' amministrazione. Bologna: Nicola Zanichelli, 1881. 332 p.

[13] Выходные данные статьи Эмиля Лавеле см. в комм. 9 на с. 823.

[14] Речь идет о статье: La République en 1883 // Revue des Deux Mondes. 1883. 3e période. Vol. 55. 1er Février. P. 560—604. Автор до сих пор не установлен. Интересно, что она произвела впечатление и на К. П. Победоносцева, который 11 марта 1883 г. сообщал о ней Александру III: «Члены парламента, имея министров в своем распоряжении, торгуют и местами, и казенными сделками и подрядами. Это явление — обычное, более или менее всюду, где водворилось парламентское правительство. Недавно в Revue de Deux Mondes (I Fevr.) была прекрасно написанная статья: La Republique en 1883, где изображено, до чего дошла эта парламентская продажность и эта ложь выборов во Франции» (*Победоносцев К. П.* Великая ложь нашего времени / вступ. ст. А. П. Ланщикова. М.: Рус. книга, 1993. С. 363). 12 марта император

отвечал: «..я слишком глубоко убежден в безобразии представительного выборного начала, чтобы когда-либо допустить его в России в том виде, как оно существует во всей Европе» (Константин Петрович Победоносцев и его корреспонденты: воспоминания, мемуары: в 2 т. Мн.: Харвест, 2003. Т. I. С. 308).

[15] В тексте статьи Э. де Лавеле так и сказано (без упоминания имени): «un des hommes politiques les plus distingués de l'Italie» («один из виднейших политиков Италии», *фр.*). См.: *Laveleye Émile de.* Le Régime parlementairea et la démocratie // Revue des Deux Mondes. 1882. 3e période. Vol. 54. 15 Décembre. P. 827.

[16] По вполне резонному предположению В. Н. Грекова (*Отчего так нелегко живется.* С. 944), речь идет о книге: *Blanc Louis.* Histoire de la Constitution du 25 février 1875. Paris: G. Charpentier, 1882. 338 p. В статье Нико Николадзе «Луи Блан и Гамбетта», вероятно известной Аксакову, следившему за публикациями «Отечественных Записок», сообщалось: «В изданном на этих днях последнем сочинении Блана <...> заключается сплошной обвинительный акт против парламентской политики Гамбетты, приведшей к этой уродливой конституции. Доказав воочию, что не было ни малейшей надобности издавать ее, Луи Блан подробно перечисляет все опасности, которые представляла она для республики, и все западни, которые заключает она для ниспровержения существующего теперь порядка» (*ОЗ.* 1883. Т. 256. № 1. Отд. II. С. 87).

[17] *Интерпеллировать* — делать запрос министру, прерывая ход очередных дел в парламенте; перебивать речь, требовать объяснений.

[18] *Конто-куррант* (контокурант, контокоррент; от *ит.* conto corrente — текущий счет) — единый текущий и ссудный счет, открываемый банком клиенту; служит для хранения средств и осуществления расчетов.

[19] *«Цветными книгами»* (по постоянному цвету обложки) принято называть некоторые публикации официальных политических документов в виде тематических сборников. Зародилась эта традиция с появлением в Англии в XVII в. «синих книг» (обиходное название), а позднее «белых». В 1860-х гг. публикация «цветных книг» началась и в других странах: «желтых» во Франции (с 1861 г.), «зеленых» в Италии (с 1861 г.), «красных» и «коричневых» в Австро-Венгрии (с 1868 г.), «белых» в Германии (с 1870 г.) и т. д.

[20] Подразумеваются Великая французская революция (1789—1794) и якобинская партия («клуб»), установившая диктатуру в 1793 г.

<Культурное одичание нашего века>

Печатается по первой публикации: <*Аксаков И. С.*>. Москва, 15 марта // Русь. 1883. 15 марта. № 6. С. 1—9. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 705—718.

[1] В Вестминстерском дворце, бывшей королевской резиденции, начиная с 1295 г. проходили заседания Британского парламента. После большого пожара 1834 г., уничтожившего почти весь дворец, началось его восстановление, продолжавшееся до XX в. Зал заседаний Палаты лордов был завершен в 1847 г., зал заседаний Палаты общин — в 1852 г. (эти строения Аксаков, по-видимому, и называет «зданием самого Британского парламента»).

[2] Аксаков имеет в виду взрыв, произошедший в районе Вестминстера 15 (3) марта 1883 г. и причинивший значительные разрушения (тогда обошлось без жертв). Вообще же с 1883 по 1885 год в Лондоне было устроено 13 террористических взрывов. Последний (24 января 1885 г.) был связан с попыткой взорвать парламент: бомба, начиненная динамитом, взорвалась в часовне над зданием парламента, проделав в ней большую дыру.

[3] *«La République Française»* — французская ежедневная политическая газета, основанная 7 ноября 1871 г. Леоном Гамбеттой. Последний номер вышел 12 июля 1924 г.

[4] *Петролей* — продукт фракционной перегонки нефти при температуре от 120 °С (керосин, петролейный бензин). В период Парижской коммуны 1871 г. петролей применялся для поджогов домов буржуазии, террористов-поджигателей стали называть петролейщиками.

[5] *«Черная рука»* — предполагаемая секретная анархистская организация, действовавшая в Андалузском регионе Испании; ей приписывали ответственность за ряд убийств, поджогов и пожаров 1882—1883 гг. Летом 1883 г. семеро из 17 обвиняемых были казнены; позднее выяснилось, что как таковой этой организации не существовало, хотя и были найдены связанные с ней уставные документы, но пресса раздула сенсацию, а власти использовали газетные измышления о «Черной руке» в качестве предлога для подавления анархистского движения. См.: Анархическое движение в Испании // *НВр.* 1883. 21 марта. № 2536. С. 1.

[6] Подразумеваются статьи о терактах, совершенных народовольцами.

[7] *«Газета Народова»* («Gazeta Narodowa») — польское общественно-политическое периодическое издание, выходившее в австрийском Львове в 1862—1915 гг.

[8] Отсылка, прежде всего, к передовице в № 1 газеты «Голос» от 6 января 1882 г. См. ее разбор в статье Аксакова «<“Не разнуздывайте зверя!”>» (Наст. том. С. 442—448).

[9] Выражение «прелюбодеи мысли» принадлежит беллетристу и публицисту, земскому деятелю Е. Л. Маркову, употребившему его в статье «Софисты XIX-го века (критическая заметка)» (Голос. 1875. 5 февр. № 36. С. 1—2; 6 февр. № 37. С. 3—4) по отношению к адвокатам пореформенного суда. Он писал: «Адвокатура <...> дает собою пример циничного прелюбодеяния мысли» (*Марков Е. Л.* Собр. соч.: в 2 т. СПб.: изд. В. И. Белого, 1877. Т. I. С. 87). Ф. М. Достоевский, как известно, обыграл это выражение в романе «Братья Карамазовы».

[10] Упомянуто громкое убийство, совершенное революционным кружком «Народная расправа» под руководством С. Г. Нечаева (это событие послужило толчком для создания Ф. М. Достоевским романа «Бесы»). 21 ноября 1869 г. в гроте парка Петровской земледельческой академии убили (но не задушили, как запомнил Аксаков) 23-летнего студента И. И. Иванова, проявившего неповиновение Нечаеву (отказавшегося распространять провокационные листовки в академии). Убивали впятером: двое (Н. Н. Николаев и И. Г. Прыжов) заманили жертву в заброшенный грот, сначала безуспешно пытались задушить шарфом; потом набросились — один держал за руки (А. К. Кузнецов), другой помогал (П. Г. Успенский), третий (Нечаев) выстрелил в голову. Тело бросили в заболоченный, подернутый льдом пруд. Через четыре дня жертву обнаружил случайный прохожий.

[11] Имеется в виду первый в России террористический акт на железной дороге, повлекший крушение поезда. Он был организован народовольцами 19 ноября 1879 г. на 3-й версте Курской дороги, в предместье Москвы, с целью убить Александра II, возвращавшегося из крымской Ливадии. Террористы «научно» просчитали всё: пропустили первый, как они знали, «свитский», поезд (со свитой и багажом) и подорвали на мине второй вагон следовавшего за ним с отставанием в 30 минут «императорского» поезда. На деле из-за задержки свитского поезда в Харькове (из-за неисправности локомотива) он — вопреки инструкции — шел не впереди, а вслед за императорским и был подорван по ошибке: мощный взрыв опрокинул вагон, но, к счастью, обошлось без человеческих жертв.

[12] См.: *Taine H.* Le Programme jacobin // Revue des Deux Mondes. 1883. 3e période. Vol. 56. 1er Mars. P. 43—76.

[13] Об источнике этого выражения о Бурбонах см. комм. 21 на с. 786.

[14] Имеется в виду Исполнительная директория (1795—1799) — французское правительство по конституции 1795—1799 гг. (исполнительная власть принадлежала пяти директорам).

[15] Знаменитый французский оратор и политик граф Оноре Габриэль де Мирабо отличался потрясавшей его современников расточительностью и невоздержностью в связях с женщинами. Но еще ранее о нем, 10-летнем строптивом мальчике, его отец отзывался так: «Это — чудовище в физическом и нравственном отношении, все пороки соединяются в нем» (https://www.britannica.com/biography/Honore-Gabriel-Riqueti-comte-de-Mirabeau).

[16] Подразумеваются евангельские апостолы, четверо первых из которых (братья Андрей и Петр и братья Иоанн и Иаков Зеведеевы) были рыбаками из Вифсаиды.

[17] Имеется в виду грехопадение первых людей: Быт 2: 9, 17; 3: 1—7.

<Критика «Руси» в «С.-Петербургских Ведомостях» как «мошенничество печати» и «обращик идиотизма»>

Печатается по первой публикации: <*Аксаков И. С.*>. Москва, 1 апреля // Русь. 1883. 1 апр. № 7. С. 10—12. В *Соч.* не воспроизводилось.

Подпередовая статья Аксакова посвящена опровержению несправедливой критики со стороны редактора «С.-Петербургских Ведомостей» В. В. Комарова в адрес его передовой статьи «<Культурное одичание нашего века>» — критики крайне пристрастной, намеренно искажающей смысл сказанного издателем «Руси». См.: Наша печать // *СПбВед.* 1883. 22 марта. № 78. С. 1. Аксаков цитирует обе статьи (свою и Комарова), как правило, не буквально точно.

[1] Считается, что сходное выражение — «разбойники пера и мошенники печати» — впервые употребил в «Московских Ведомостях» в 1870-х гг. писатель Б. М. Маркевич, вслед за ним — редактор этой газеты М. Н. Катков: в номере своей газеты от 26 января 1875 г. как «мошенники пера и разбойники печати», а в номере от 6 июня 1874 г. — «бандиты пера и трибуны». В 1875 г. это выражение приписывалось и Н. С. Лескову. См. подробнее: *Ашукин Н. С., Ашукина М. Г.* Крылатые слова. Изд. 4-е, доп. М.: Худож. лит., 1987. С. 294—295.

[2] См.: *Taine H.* Le Programme jacobin (вых. дан. см. в комм. 12 на с. 826).

[3] Буквально (опускаем только цитаты из статьи Аксакова): «Редкий нумер “С.-Петерб<ургских> Вед<омостей>” не украшается “идиотизмами”, особенно в отделе “Наша печать”. Вот в своем роде поразительный образчик этих “идиотизмов” <...> Вы думаете — это плоская шутка? Нет: с тою же quasi-серьезною насупленностью, которая дает газете г. Комарова безнадежно-тоскливый вид заброшенной казармы, вслед за этим открытием говорится <...> Или это “шишка под носом у алжирского дея”, или — чорт знает что такое!..» (*НВр.* 1883. 23 марта. № 2538. С. 2; приведено выражение из «Записок сумасшедшего» Н. В. Гоголя).

<Цивилизация и христианский идеал>

Печатается по первой публикации: <*Аксаков И. С.*>. Москва, 13 апреля // Русь. 1883. 13 апр. № 8. С. 1—11. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 718—734.

[1] Имеется в виду статья Аксакова «<Культурное одичание нашего века>» (Наст. том. С. 547—554).

[2] Речь идет об обзоре: Наша печать // *СПбВед.* 1883. 22 марта. № 78. С. 1.

[3] См. подпередовую статью «<Критика “Руси” в “С.-Петербургских Ведомостях” как “мошенничество печати” и “обращик идиотизма”>» (Наст. том. С. 555—556).

[4] О газете «Новости и Биржевая Газета» см. комм. 13 на с. 783.

[5] Газета «Голос» 12 февраля 1883 г. получила третье, последнее цензурное предостережение за «вредное направление» ряда своих материалов и была приостановлена

на 6 месяцев, с тем чтобы по возобновлении быть подверженной предварительной цензуре. Редактор-издатель газеты А. А. Краевский отказался от ее выпуска. Аксаков посвятил этому событию передовую статью «Москва, 1 марта» (Русь. 1883. 1 марта. № 5. С. 1—7), при републикации получившую назв. «По поводу запрещения газеты "Голос"» (*Соч.* Т. VI. С. 477—486).

[6] Имеются в виду передовые статьи, озаглавленные «В защиту цивилизации» и «Еще о походе г. Аксакова против цивилизации» (*НиБГ.* 1883. 20 марта. № 75. С. 1; 26 марта. № 81. С. 1).

[7] Апостольское выражение (1 Кор 1: 23). См. в контексте: «Мы проповедуем Христа распятого — иудеям соблазн, эллинам безумие».

[8] Евангельское выражение (Мф 9: 17). См. в контексте: «Не вливают также вина молодого в мехи ветхие; а иначе прорываются мехи, и вино вытекает, и мехи пропадают, но вино молодое вливают в новые мехи, и сберегается то и другое».

[9] Это выражение Дж. С. Милля Аксаков упоминает и в передовой статье «<Духа не угашайте!>» (1864). См.: Наст. том. С. 206. Источник выражения см. в комм. 6 на с. 714.

[10] Цитата из Евангелия. См.: «Нет больше той любви, аще кто положит душу свою за други своя» (Ин 15: 13).

[11] *Паки* — опять, снова (*цркслв.*).

[12] О девизе анархистов-бланкистов «Ni Dieu, ni maître» см. комм. 4 на с. 821.

[13] См.: *Модестов В.* Народная школа во Франции и религиозное образование // *НиБГ.* 1883. 15 марта. № 70. С. 1—2; 22 марта. № 77. С. 1—2.

[14] *Третья Французская республика* — период в истории Франции с 4 сентября 1870 г. по 10 июля 1940 г.

[15] *Пауперизм* — см. комм. 5 на с. 719.

[16] Цитата точна (только в источнике слово «аксиома» не выделено курсивом). См.: *НиБГ.* 1883. 26 марта. № 81. С. 1.

[17] *Джентри* — английское нетитулованное мелкопоместное дворянство.

[18] В романах Э. Золя, в тот период очень популярных в России (порой их переводы печатались здесь раньше, чем оригинальные тексты в самой Франции), Аксаков был склонен видеть явление упаднической буржуазной культуры.

[19] Речь идет о Н. П. Гилярове-Платонове, единомышленнике и приятеле Аксакова с середины 1850-х гг.; издателе-редакторе ежедневной московской газеты «Современные Известия» (1867—1887).

[20] См.: «Ину притчу глагола им: подобно есть Царствие небесное квасу, егоже вземши жена скры в сатех трех муки, дондеже вскисоша вся» (Мф 13: 33). В Синодальном переводе: «Иную притчу сказал Он им: Царство Небесное подобно закваске, которую женщина, взяв, положила в три меры муки, доколе не вскисло все».

<Мы молоды, еще очень молоды>

Печатается по первой публикации: *<Аксаков И. С.>.* Москва, 1 августа // Русь. 1883. 13 авг. № 15. С. 1—11. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 734—748.

[1] С именем бывшего министра народного образования и культов Франции Поля Бера связана подготовка реформы о светской начальной школе в этой стране, законодательно одобренной 28 (16) марта 1882 г. См. также комм. 16 на с. 812—813.

[2] Выражение из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Не верь себе» (1839).

[3] Имеется в виду так называемый период «диктатуры сердца» М. Т. Лорис-Меликова, продолжавшийся с 14 февраля 1880 г. по 4 мая 1881 г., когда, наряду с ужесточением борьбы с революционным движением, реализовывались меры усовершенствования административной системы государства и изменения его социально-экономической

политики: «благорасположение» к деятельности земств, к потребностям городов, осуществление податной реформы, либерализация паспортной системы, дарование прав раскольникам-староверам, экономически взаимовыгодное переселение крестьян, преобразование губернских административных учреждений, установление законодательных отношений нанимателей с рабочими, значительное расширение до тех пор дозволенных пределов свободы печатного слова (сделавшее возможным, например, появление на свет славянофильской газеты «Русь») и др.

[4] О разносторонней деятельности нижегородского земства в начале 1880-х гг. Аксаков узнавал не только из текущей периодики, но и непосредственно от своего корреспондента и автора «Руси» А. Н. Карамзина, третьего сына историографа, владельца усадьбы Макателём Ардатовского уезда Нижегородской губернии, видного земского деятеля, предводителя дворянства, в конце жизни несменяемого попечителя уездных учреждений.

[5] О газете «Тверской Вестник» см. комм. 14 на с. 789. В связи с ее нападками на газету «Русь» Аксаков полемизировал с ней в передовой статье «<Лжелиберальная интеллигенция как класс доктринеров, презирающий народ и стремящийся им командовать>» (Наст. том. С. 405—406).

[6] О запрещении газеты «Голос» см. комм. 5 на с. 827—828.

[7] «Собачьей старостью» называли разновидность рахита — детскую болезнь, проявляющуюся в приостановке роста и проявлении у ребенка старческого вида. В народной медицине такое видимое преждевременное одряхление организма приписывали злонамеренно наведенной порче. Существовали особые заговоры на изгнание этой хвори с перенесением ее на собаку.

[8] Аксаков познакомился и сблизился с немецким поэтом, прозаиком, драматургом и историком литературы Фридрихом фон Боденштедтом в 1860 г., во время своей заграничной поездки. Он тогда искал переводчика и издателя для сборника избранных статей из славянофильского журнала «Русская Беседа». В письме к родным от 25 (13) февраля он сообщал: «У меня есть в виду переводчик в Мюнхене, Боденштедт, прекрасно знающий русский язык и прекрасно переведший немецкими стихами стихотворения Лермонтова» (*Аксаков в письмах*. Т. III. С. 53. Аксаков подразумевает осуществленное Боденштедтом двухтомное издание переводов Лермонтова, ставшее первым зарубежным собранием сочинений поэта: Michaïl Lermontoff's poetischer Nachlass / Übersetzt von Fr. von Bodenstedt. Berlin, 1852). Спустя 20 дней, 16 (4) марта, Аксаков сообщал родным: «Да, познакомился я наконец с Боденштедтом. Он был некогда учителем у Голицыных, жил в Москве и потом довольно много на Кавказе, знает по-русски хорошо и знаком с литературой, но по-русски почти не говорит. Теперь он здесь профессором в университете, — и один из современных немецких поэтов. Человек он умный, хотя и высокого о себе мнения и не без претензий. Как и Вольфзон, любит Россию, т. е. собственно народ, и понимает его» (*Аксаков в письмах*. Т. III. С. 62—63). См. подробнее: «Русская Беседа» в Германии: История славянофильской антологии «Русские фрагменты: К познанию государственной и народной жизни в ее историческом развитии» (Лейпциг, 1862), изданной Фр. фон Боденштедтом / предисл., публ. и комм. А. П. Дмитриева // *«Русская Беседа»*. С. 278—343.

[9] Общество любителей российской словесности действовало в 1811—1930 гг., было воссоздано в 1992 г. Аксаков занимал пост его председателя в 1872—1874 гг.

[10] Неточность: поэт А. Ф. Мерзляков официально не избирался председателем Общества любителей российской словесности, хотя и одно время исполнял обязанности «временного председателя». Имеется в виду его «Речь о начале, ходе и успехах словесности» (1819). В оригинале: «Пусть резвятся амуры, зефиры и фавны в разновидных группах на цветущем поле словесности нашей; мы должны поле сие обрабатывать...» (Русские эстетические трактаты первой трети XIX века: в 2 т. / сост.,

вступ. ст. и прим. З. А. Каменского; подгот. текстов Н. В. Пашковой. М.: Искусство, 1974. Т. I. С. 153).

[11] Крылатое выражение, основанное на том, что библейский праотец Мафусаил жил долго (умер в 969 лет).

[12] Братья графы А. Г. и К. Г. Разумовские, фавориты Екатерины II.

[13] См.: *Васильчиков А. А.* Семейство Разумовских: <в 5 т.>. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1880—1894. К 1883 г. вышли в свет первые три тома.

[14] Ставшее крылатым выражение из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» — слова полковника Скалозуба о Москве (д. II, явл. 5). В оригинале: «Дистанции огромного размера».

[15] Войска Петра I были разбиты шведской армией Карла XII у города Нарвы 19 (30) ноября 1700 г. Победоносная Полтавская битва состоялась 27 июня (8 июля) 1709 г. Почему Аксаков написал, что между этими событиями прошло «несколько дней», неясно; возможно, это поэтическое преувеличение.

[16] См. это изречение Петра I в передаче А. К. Нартова: «Я пью за здоровье моих учителей, которые меня воевать научили!» (*Нартов А. К.* Достопамятные повествования и речи Петра Великого // Петр Великий: воспоминания, дневниковые записи, анекдоты. СПб.: Пушкинский фонд; Париж; М.; Нью-Йорк: Третья волна, 1993. С. 309).

[17] *Б—в <Бессонов П. А.>.* Наука и поэзия: два ученых стихотворения / предисл. редактора <И. С. Аксакова> // Русь. 1883. 1 авг. № 15. С. 24—32. Аксаков отсылает к своему предисловию (с. 24—27). Псевдоним не указан в Словаре Масанова.

[18] Не вполне точная цитата из ранних редакций главы третьей романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин». В источнике: «Где русский ум...» (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: в 10 т. Л.: Наука, 1978. Т. 5. С. 440, 455).

[19] Подразумевается Алексей Н. Веселовский как автор книги «Западное влияние в новой русской литературе». См. комм. 6 на с. 815.

[20] Считается, что это выражение пришло из немецкой литературы как Zeitgeist (так, оно встречается у Гегеля и Гёте).

[21] *És-bouquet* — сокращенное название знаменитых французских духов «Essence Bouquet» («Эссенция (сущность) букета»). В тот период эти духи выпускали многие фирмы, в том числе «Pinaud» и «Guerlain».

[22] В семье Аксаковых весьма прохладно относились к творчеству Жорж Санд и проповедуемым ею идеям женской эмансипации. Так, К. С. Аксаков писал в статье «Обозрение современной литературы» (1857): «Литература наша теперь полна переводами произведений литературы английской, столько отличных от опьянелых произведений французской литературы, в особенности от произведений Ж. Санд, в которых нет ни внешней, ни внутренней правды, в которых развратное смешение нравственных понятий, в которых самое добро злотворно и является каким-то соблазном, в которых дышит и действует какая-то *чувственная душа*» (*Аксаков К. С., Аксаков И. С.* Литературная критика / сост., вступ. ст. и комм. А. С. Курилова. М.: Современник, 1981. С. 236).

[23] *Назём* — см. комм. 7 на с. 738.

[24] Выражение из романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» (гл. первая, строфа V).

[25] *Губернский секретарь* — по Табели о рангах гражданский чин 12-го класса, одного из низших; присваивался и не дворянам.

[26] Подразумевается Петр I.

[27] Речь идет о Тырновской конституции 1879 г. (см. комм. 7 на с. 824) и введенном ею двухпалатном Народном собрании Болгарского княжества. В основу этой конституции был положен так называемый Органический устав, разработанный комиссией во главе с С. И. Лукьяновым, заведовавшим Судебным отделом Российского комиссариата в Болгарии. В результате обсуждения в Петербурге специальной комиссией во главе с князем С. Н. Урусовым в проект был внесен ряд либеральных изменений.

Аксаков неоднократно критиковал Тырновскую конституцию, введение которой способствовало вскоре переориентации болгар на Запад и их предательской политике по отношению к России.

[28] Точнее: Арсений Введенский. Он постоянно публиковал ёрнические, издевательские фельетоны в либеральных изданиях (в газете «Голос», журнале «Вестник Европы» и др.), вышучивая мнения, высказанные в передовых статьях Аксакова. См., например: *Введенский Арс.* Литературные мечтания и действительность: по поводу литературных мнений о народе: И. Аксаков и его «Русь» // *ВЕ*. 1882. Т. 93. Кн. 2. С. 719—745.

[29] Имеются в виду, прежде всего, персонажи цикла рассказов и очерков А. И. Эртеля «Записки степняка» (1879—1883).

<Повернула ли Россия от фразы к делу?>

Печатается по первой публикации: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 15 декабря // Русь. 1883. 15 дек. № 24. С. 2—12. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 749—764.

[1] С 1877 г. арендатором и редактором «Санкт-Петербургских Ведомостей» был В. В. Комаров, ушедший в конце октября 1883 г. по истечении контракта. 1 ноября 1883 г. его сменил В. Г. Авсеенко, редактировавший газету вплоть до 1896 г. Имеется в виду его объявление: *Авсеенко В., редактор.* От новой редакции «С.-Петербургских Ведомостей» // *СПбВед*. 1883. 11 окт. № 274. С. 1, где сказано: «Новая редакция <...> рассчитывает, что газета будет отвечать настоящей минуте поворота от фразы к делу и удовлетворит настроению общества, ожидающего спокойного подъема духовных и материальных сил страны».

[2] Речь идет о передовой статье: С.-Петербург, 5 декабря // *СПбВед*. 1883. 6 дек. № 330. С. 1.

[3] Генерал-адъютант А. П. Безак состоял командующим войсками Киевского военного округа и генерал-губернатором Юго-Западного края (генерал-губернатором киевским, подольским и волынским) в 1865—1868 гг.

[4] Староконстантинов — с 1796 г. уездный город Волынской губернии (ныне в составе Хмельницкой области). Израиль Эпштейн — богатый староконстантиновский купец, знаменитый как благотворитель. См.: *Зуц Н. И.* Описание города Староконстантинова от начала основания и до наших дней (1561—1884). Староконстантинов: типо-лит. С. Аренберга (под упр. И. Шехтмейстера), 1884.

[5] Князь А. М. Дондуков-Корсаков (1820—1893) занимал пост генерал-губернатора Юго-Западного края в 1869—1878 гг.

[6] Возможно, прежде всего имеется в виду передовая статья: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 20 июня // Русь. 1881. 20 июня. № 32. С. 2—6, при републикации получившая назв. «Желательно ли расселение евреев по всей России?» (*Соч.* Т. III. С. 735—747).

[7] Генерал от инфантерии А. Р. Дрентельн был командующим войсками Киевского военного округа и генерал-губернатором Юго-Западного края в 1881—1888 гг.

[8] Это известное изречение Наполеона I датируется 1808 г. См.: «На войне три четверти успеха зависят от моральных факторов и только одна четверть от материальных сил» (*Palluel André.* Dictionnaire de l'Empereur. [Paris]: Plon, 1969. P. 551). Перевод приведен по изд.: *Троицкий Н. А.* 1812. Великий год России. М.: Омега, 2007. С. 157.

[9] В передовой статье предыдущего номера «Руси» (№ 23 от 1 декабря 1883 г.) Аксаков также упоминал «недавнее русское финансовое приключение, называемое "золотой рентой", бывшее таким печальным сюрпризом для русской публики и такою вожделенною ожиданностью для европейских и вообще иностранных банкиров» (*Аксаков И. С.* По поводу торговой монополии американцев на русских островах Восточного Океана // *Соч.* Т. VII. С. 710). Целью введения «золотой ренты» было

объявлено укрепление курса бумажного рубля. См. подробнее, например, передовые статьи «С.-Петербург, 23-го ноября 1883 г.» (*НиБГ*. 1883. 24 нояб. № 235. С. 2) и «С.-Петербург, 27-го ноября 1883 г.» (Там же. 28 нояб. № 239. С. 1).

[10] В период 1856—1917 гг. потомственное дворянство (т. е. передававшееся по наследству) давалось дослужившимся до чина армейского полковника или флотского капитана 1-го ранга (VI класс) и — в гражданской службе — до действительного статского советника (IV класс). Проще был другой путь достижения этой цели — получение ордена за «служебные отличия».

[11] О Берлинском трактате см. комм. 4 на с. 777.

[12] *Эктения* (ектения) — особая форма совместных молений во время церковных богослужений, состоящих из ряда молитвенных прошений.

[13] Имеется в виду речь Александра II, произнесенная им в период Сербской войны, 29 октября 1876 г., в Георгиевском зале Кремля перед «дворянами и представителями московского общества». В ней он заявил, что Россия будет защищать балканских славян. Уже 1 ноября была объявлена мобилизация русской армии. См.: *МВед*. 1876. 30 окт. № 277. С. 1.

[14] Вольно цитируется письмо генерала М. Д. Скобелева к некоему И. И. М. от 19 ноября 1881 г. по поводу статьи Аксакова «<Русско-турецкая война как подвиг правды и веры и Берлинский трактат как причина эры убийств и подкопов>» (*Собр. соч.* Т. 1. Кн. 1. С. 457—463). См. в контексте: «С глубоким радостным волнением прочел я глазами и в особенности сердцем передовую статью в № 53 “Руси”. Не откажите передать мой низкий, почтительный, земной поклон редактору. Честное русское слово *наконец* пронесется по обширному отечеству нашему и потрясет немало патриотических и верноподданных сердец. Оно возобновило в моем представлении недавнее столь тяжелое, чтоб не сказать позорное, прошлое. Стояние в виду Константинополя — якобы с целью надругания над родными знаменами, преступный индифферентизм к русской чести и интересам, дипломатически вынужденное отступление к Адрианополю при громких ликованиях не только врагов, но — что тяжелее — и всего нерусского в русских мундирах и вицмундирах, — плач оставленных на жертву православных братьев, вверивших нам свою судьбу, глумление британского флота, наконец, окончательные результаты Берлинского самобичевания!.. Тогда уже слишком многим из нас было очевидно, что России *обязательно* заболеть тяжелым недугом — свойства *нравственного* и заразительно-растлевающего...» (Русь. 1882. 3 июля. № 27. С. 14—15).

[15] Отсылка к евангельским словам: «Посему говорю вам: всякий грех и хула простятся человекам, а хула на Духа не простится человекам...» (Мф 12: 31). Столь же непростителен грех, по мысли Аксакова, хулы на дух народный.

[16] Аксаков намекает на запрещение газеты «Голос». См. комм. 5 на с. 827—828.

[17] О Парижском мире см. комм. 14 на с. 724.

[18] Речь идет о событии цареубийства 1 марта 1881 г.

[19] *Заушение* — см. комм. 15 на с. 762.

[20] О выражении «Россия есть колосс на глиняных ногах» см. комм. 12 на с. 746.

[21] Точнее: «Духа не угашайте» (1 Фес 5: 19).

[22] Данная передовая статья открывала заключительный номер «Руси» за 1883 год.

1884

<Мы глупы и бедны>

Печатается по первой публикации: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 1 января // Русь. 1884. 1 янв. № 1. С. 2—13. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 764—780. С републикации этой передовицы в *Соч.* начинался раздел «1884 г. (Передовые статьи)».

Источник выражения «мы бедны и глупы», как указывает Аксаков, — слова славянофила князя В. А. Черкасского. Восходят они к библейскому выражению: «Они бедны и глупы, они не знают пути Господнего и Закона своего Бога» (Иер 5: 4). Не исключено, что Черкасский мог быть знаком с известной статьей Д. И. Писарева «Реалисты» (1864), во второй публикации которой (в изд.: *Писарев Д. И.* Сочинения: в 10 ч. СПб.: изд. Ф. Павленкова, 1866. Ч. 2. С. 92—235) отмечалось: «Во-первых, мы бедны, а во-вторых, глупы. <...> вот в чем беда: мы бедны, потому что глупы, и мы глупы, потому что бедны» (*Писарев Д. И.* Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. М.: Наука, 2003. Т. 6. С. 224; в журнальной первопубликации «Русского Слова» 1864 г. эти фразы читались иначе).

[1] Не вполне точная цитата из комедии в одном действии А. А. Шаховского «Какаду, или Следствие урока кокеткам» (1819). См. реплику графини Лелевой (явл. 6): «А глупость не порок; нет, все пороки в ней» (*Шаховской А. А.* Комедии. Стихотворения / вступ. ст., подг. текста и прим. А. А. Гозенпуда. Л.: Сов. писатель, 1961. С. 581. (Б-ка поэта. Большая сер.)).

[2] О «золотой ренте» см. комм. 9 на с. 831—832.

[3] Имеются в виду чиновники, только начинающие служебную карьеру — по Табели о рангах, от губернского секретаря (XII класс) до титулярного советника (IX класс).

[4] *Гасительный снаряд*, или аннигилятор, наполненный особым паром и предназначенный для тушения пожаров, был изобретен в Англии в 1846 г. См.: Открытия, изобретения и хозяйственные заметки // *ОЗ*. 1846. Т. 45. № 4. Отд. VIII: Смесь. С. 149.

[5] Купянское земство Харьковской губернии действительно отличалось хорошей организованностью и настроем на активную работу. См.: Журналы Купянского очередного уездного земского собрания... Харьков (Купянск), 1867—1917. При фронтальном просмотре «Новостей и Биржевой Газеты» за ноябрь и декабрь 1883 г. в ней не удалось обнаружить даже упоминания о купянском земстве. Не исключено, что сообщение о нем было помещено в другой газете, т. е. Аксаков ошибся.

[6] Об источнике выражения «прелюбодеи мысли» в применении к адвокатам см. комм. 9 на с. 826. Его автор Е. Л. Марков адвокатом не был. Не исключено, что Аксаков имеет в виду В. Д. Спасовича, послужившего одним из прототипов адвоката Фетюковича в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы».

[7] Ироничная аллюзия на пушкинский образ «чистейшей прелести чистейший образец» («Мадонна», 1830).

[8] Неточно процитированы слова городничего А. А. Сквозник-Дмухановского из комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» (д. I, явл. 5). В источнике: «Что это за скверный город! только где-нибудь поставь какой-нибудь памятник или просто забор — черт их знает откудова и нанесут всякой дряни!»

[9] Отсылка к стихотворению П. А. Вяземского «Русский Бог» (1828; оп. 1854) и, возможно, к остроте Ф. И. Тютчева по его поводу. См. комм. 11 на с. 777.

[10] Речь идет о передовой статье Аксакова «<Повернула ли Россия от фразы к делу?>» (Наст. том. С. 576—585).

[11] Вольная автоцитата. Ср. в источнике: «Никогда не обнаруживался так резко пред всеобщим сознанием тот глубокий внутренний разлад, который существует между Россиею истинною, народною, историческою и Россиею искусственною, подделанною, официальною — тою, что́ находит себе выражение в С.-Петербурге» (Там же. С. 581).

[12] Подразумевается Тырновская конституция. См. комм. 7 на с. 824.

[13] Выдающийся русский патриот-государственник граф М. Н. Муравьев, будучи гродненским, минским и виленским генерал-губернатором (1863—1865), решительно подавил Польский мятеж и сумел положить конец польско-католическому доминированию над белорусским православным крестьянским населением Северо-Западного края. В отместку в либерально-интеллигентских и революционных кругах его

окрестили «Муравьевым-вешателем» («палачом», «людоедом»), сведения о его деятельности подвергались систематическому искажению, его личность — оговору и клевете, что продолжалось и в XX в. — в советской и националистических историографиях Белоруссии, Литвы и Польши.

[14] Речь идет о свободном тарифе. Аксаков намекает прежде всего на беспошлинный транзит дешевых иностранных (прежде всего английских) товаров через Закавказский край в Персию, который тогда требовали закрыть русские промышленники и купцы для защиты отечественных интересов. См. подробнее комм. 4 на с. 823.

[15] Аллюзия на библейский образ колосса на глиняных ногах (Дан 2: 31—35), которому западные публицисты уподобляли Россию (см. комм. 12 на с. 746). «Глиняный верх» — по Аксакову, русская интеллигенция.

[16] Имеются в виду секуляризационные меры, с середины 1870-х гг. проводившиеся обер-прокурором Св. Синода графом Д. А. Толстым, прежде всего укрупнение приходов и сокращение состава причтов, приведшие к закрытию значительного числа храмов по всей России.

[17] См.: Первый русский книгопечатник Иван Федоров: (заключительное слово, читанное И. Е. Забелиным в публичном заседании Исторического и Археологического Обществ 4 дек. 1883 г.) // Русь. 1883. 15 дек. № 24. С. 12—16.

[18] Ср. в источнике: «...осмнадцатый век даже совсем позабыл, что он родной сын семнадцатого века и уже совсем не мог понять старины шестнадцатого века. Та старина казалась ему чем-то таким древним и темным, как будто это была старина ассирийская или вавилонская» (Там же. С. 12—16).

[19] Не вполне точная цитата из романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» (гл. вторая, строфа XXIV). В источнике: «И нам досталось от него...»; курсив Аксакова.

[20] Приведена строка из стихотворения А. С. Хомякова «Мечта» (1835).

[21] Имеется в виду заключительная строка того же стихотворения: «Проснися, дремлющий Восток!»

[22] Евангельское выражение (Лк 10: 42).

[23] *Каскадные песни* — сопровождающие быстрый танец в оперетте (каскад).

<По поводу похвал лжелиберального «Русского Курьера» в адрес газеты «Русь»>

Печатается по первой публикации подпередовой статьи: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 1 марта // Русь. 1884. 1 марта. № 5. С. 9—11. В *Соч.* не воспроизводилось.

Поводом послужили две публикации газеты «Русский Курьер», в которых давалась высокая оценка подпередовой статье: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 15 февраля // Русь. 1884. 15 февр. № 4. С. 7—15, при републикации получившей назв. «О старых судах (по поводу усилившихся нападений в газетах и обществе на новый суд)» (*Соч.* Т. IV. С. 652—665). Во-первых, она была целиком перепечатана под назв. «Противники судебных уставов перед судом честного русского гражданина (статья № 4-го “Руси” 15-го февраля 1884 года)» (*РК*. 1884. 22 февр. № 51. С. 1—2), с предваряющим редакционным примечанием: «Мы сочли своей обязанностью перед читателями воспроизвести дословно эту статью г. Аксакова, в которой совмещаются и глубокая правдивость взглядов, и убедительность, и признаки самого возвышенного бесстрастия со стороны представителя славянофильства на Руси в отношении к роли и значению судебной реформы в деле русского прогресса. *Ред. <В. Н. Селезнев>*» (Там же. С. 1). Во-вторых, этой статье было посвящено и открытое письмо Аксакову, написанное графом П. А. Кутузовым (Голенищевым-Кутузовым), о чем непосредственно идет речь в статье.

[1] См. передовую статью: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 1 марта // Русь. 1884. 1 марта. № 5. С. 2—9, при републикации озаглавленную «О старых судах (по поводу статьи, помещенной в “С.-Петербургских Ведомостях”)» (*Соч.* Т. IV. С. 665—679).

[2] Имеются в виду графы Петр и Арсений Аркадьевичи Голенищевы-Кутузовы, литераторы, беллетристы, публицисты из рода Кутузовых.

[3] См.: *Кутузов П., гр.* Письмо И. С. Аксакову: (по поводу статьи в № 4 «Руси» от 15-го февраля 1884 года, посвященной защите судебной реформы 1864 года) // *РК.* 1884. 26 февр. № 55. С. 1.

[4] Имеется в виду подпередовая статья о старых и новых судах: <*Аксаков И. С.*>. Москва, 15 февраля // Русь. 1884. 15 февр. № 4. С. 7—15.

[5] Аксакова покоробила явно нарочитая двусмысленность похвал графа П. А. Кутузова, объявившего, что редактор «Руси», высоко оценив Судебную реформу, оказал услугу именно либералам. Кутузов писал, обращаясь к Аксакову: «Ваша статья <...> имеет значение положительной услуги с вашей стороны той части русского общества, которая энергичнее других дорожила реформами, предпринятыми покойным Императором...» И далее: «В качестве сторонника и представителя особой доктрины, известной под названием “славянофильской”, <...> никогда не симпатизировавшей программе “либеральных реформ”, вы внезапно, с мужественной решимостью, с свойственными вашей речи теплотой и добросовестностью возвысили свой голос в защиту суда “правого”, “скорого” и “милостивого”» (*Кутузов П., гр.* Письмо И. С. Аксакову. С. 1).

[6] Отсылка к словам Кутузова: «Те, которых именуют “либералами” и которых история назовет *преданнейшими сподвижниками и слугами Великого Реформатора* — сделались теперь едва терпимыми вообще...» (Там же).

[7] Под «увенчанием здания» на эзоповом языке публицистики рассматриваемого периода подразумевали ограничивающие самодержавие меры — учреждение парламента и принятие конституции.

[8] Цитата из рецензии А. С. Хомякова «Замечания на статью г. Соловьева “Шлёцер и антиисторическое направление”» (1857). См. в контексте: «Сам автор пришел к тому же выводу, объявив, что весь девятисотлетний труд служил только к тому, чтобы Русь, наконец, явилась крупным ребенком, готовым при Петре единственно для подражания. Об задатках для развития новых начал, чуждых другим народам, нет ни полслова. Утешительный вывод: девятисотлетний рост будущей обезьяны! Слава Богу, мы его за русский народ не принимаем» (*Хомяков.* Т. III. С. 278—279).

[9] Аксаков имеет в виду, например, следующие слова Кутузова: «После крестьянской реформы реформа судебная явилась довершительницей ее и основанием для будущего гражданского сожительства <...> крестьянства с дворянством — под сению общего подчинения законам гражданским и уголовным в духе христианского братства и равенства всех без исключения людей перед лицом “Правды Божией”, которой должна соответствовать и “правда человеческая”» (*Кутузов П., гр.* Письмо И. С. Аксакову. С. 1).

[10] Евангельское выражение (Мф 22: 21). См.: «Воздатите кесарева кесареви и Божия Богови».

[11] Аксаков вольно цитирует передовую статью: <*Селезнев В. Н.*>. Москва. Четверг, 19-го января // *РК.* 1884. 20 янв. № 19. С. 1, в которой редактор «Русского Курьера» отвечал на критику своей новогодней передовицы со стороны «Московских Церковных Ведомостей» (Заметки и сообщения о печати // 1884. 15 янв. № 3. С. 38—39). В новогоднем номере не без цинизма констатировалось: «На Балканском полуострове, в пределах Габсбургской монархии, и отчасти в Германии имеются области, населенные славянами. <...> Не будучи друзьями рабства, не только социального и экономического, но и политического, мы не можем не являться и противниками рабства славян» (<*Селезнев В. Н.*>. Москва. Воскресенье, 1-го января // *РК.* 1884. 1 янв. № 1. С. 1). В «Московских Церковных Ведомостях» такая позиция была сочтена эгоистической и далекой от «любви христианской, которая не себе творит мир, а ближнему, родному, которая при виде чужого несчастия не только не может,

но и не хочет иметь мира и спокойствия!» (Заметки и сообщения о печати. С. 39). Редактор «Русского Курьера», приведя цитаты из церковного журнала, заявил: «Во всех этих словах и мыслях читатель с трудом отыскал бы следы христианских проповедей и морали. Забыта заповедь и предупреждение нашего Учителя, что "вынувшие меч от меча и погибнут", забыта заповедь, и для славян обязательная, чтобы они "воздавали Кесарево — Кесареви и Божие — Богови", то есть чтобы они "повиновались властям предержащим" <...> основным источником происхождения рабства славянских народов, особенно южных, мы признаем их культурную неразвитость, приводящую к тому, что более их развитые расы господствуют над ними или непосредственно, или через посредство туречины, покровительствуемой ими. Для устранения ее и вообще всякого иноземного гнета мы прежде всего поощряем славян к мирной культурной борьбе с их угнетателями...» (<*Селезнев В. Н.*>. Москва. Четверг, 19-го января. С. 1).

[12] Евангельское выражение (Ин 15: 13); приведено не буквально точно.

[13] Об отклике анонимного автора «Русского Курьера» на смерть генерала М. Д. Скобелева в подпередовой статье: Москва, 25-го июня // *РК*. 1882. 26 июня. № 173. С. 1 — см. комм. 23 на с. 813. Аксаков так оценил его: «...не "Русский ли Курьер" в ту минуту, как вся Россия погружена была в самую глубокую скорбь смертию Скобелева, пустил и в него, лежавшего на смертном одре, ком "либеральной" грязи? Разве это не презрение к святыне народного чувства и к русской славе?..» (Наст. том. С. 494). Но, вполне возможно, Аксаков имеет в виду и другие выпады редакции «Русского Курьера» против всенародно любимого полководца. См., например, пассаж, в негативном контексте сближающий Скобелева и Аксакова, осыпаемых облыжными обвинениями: «Одержал ли эту победу Скобелев, пожертвовав десятками тысячей жизней, обеднив свою страну и внеся разорение в чужую, с тем чтоб в конце концов освобожденные братья подпали под произвол немецких поручиков и чиновников и в эксплуатацию иноземных барышников и торговцев? Принес ли эту славу России кто-нибудь из "самобытников" вроде г. Аксакова, увязшего в татарско-византийских дебрях московского периода и навязывающего эти зловредные и чуждые русскому народу наросты и болячки, и не только современной России, но всему славянскому миру?» (<*Селезнев В. Н.*>. Москва. Понедельник, 6-го февраля // *РК*. 1884. 7 февр. № 37. С. 1).

<Где границы государственному росту России>

Печатается по первой публикации: <*Аксаков И. С.*>. Москва, 15 июля // Русь. 1884. 15 июля. № 14. С. 2—12. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 781—797.

[1] См.: *Марков Е.* Глиняные приобретения: (письмо русского деревенщины об азиатской политике) // Русь. 1884. 1 июля. № 13. С. 26—34. Поскольку Е. Л. Марков был известен как либеральный журналист и это неизбежно отразилось в его статье, Аксаков счел необходимым снабдить ее своим предуведомительным примечанием: «Помещая эту статью талантливого автора, мы заранее оговариваем, что во многом не согласны с нею и предполагаем посвятить затронутому ею вопросу несколько слов в следующем или одном из следующих №№ "Руси". *Ред.*» (Там же. С. 26).

[2] *Камень* — прозвание Уральских гор. В летописях (начиная с «Повести временных лет»): Поясовый, Сибирский, или Большой, Камень; на «Большом чертеже» — Большой Камень. Кроме того, северную часть Уральского хребта называли Югорским Камнем.

[3] *Перовск* — с 1867 г. уездный город Сырдарьинской области; ранее, с 1862 г., форт Перовский — по фамилии генерала В. А. Перовского, вместе с генералом Хрулевым отбившего его у кокандцев (основавших форт в 1820 г. под назв. Ак-Мечеть). В 1925 г. переименован в Кзыл-Орду, а в 1997 г. — в Кызылорду в составе Казахстана.

[4] Ташкент был взят русскими войсками в 1865 г., Хива — в 1873 г., Бухара — в 1868 г., Ферганская долина — в 1876 г.

[5] *Ахал-Теке* — оазис в Средней Азии, расположенный на юге Арало-Каспийской низины в Туркмении. Главным населенным пунктом оазиса была крепость Геок-Тепе. Ахал-текинская экспедиция русской армии 1880—1881 гг. привела к взятию 12 января 1881 г. М. Д. Скобелевым главной крепости Геок-Тепе, а затем других населенных пунктов, в том числе Асхабада.

[6] *Мерв* (Гяур-кала) — древнейший известный город Центральной Азии; в руинированном виде расположен в юго-восточной части Туркменистана, рядом с современным городом Байрамали. В 1823 г. Мерв перешел к Хивинскому ханству, в середине 1850-х гг. суверенной властью здесь стали туркмены-текинцы, а в феврале-марте 1884 г. русские заняли Мервский оазис.

[7] Сэр Д. М. Уоллес, в начале 1870 г. задавшись целью изучить осетин, принял частное приглашение посетить Россию и прожил в ней до конца 1875 г. Вернувшись в Англию, он опубликовал трехтомный труд «Россия к 1877 году», т. е. к началу Русско-турецкой войны; книга имела большой успех (ниже Аксаков приводит цитату из нее). См. современное издание: *Уоллэс Мэкензи.* Традиции и быт России глазами иностранца: этнографические очерки. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2016. 790 с. Кроме того, в 1877—1878 гг. Уоллес был иностранным корреспондентом газеты «The Times» в Петербурге.

[8] Речь идет о значительной части регионов Эльзас и Лотарингия, которые изначально входили в состав Священной Римской империи, а между XVI и XVIII вв. были присоединены к Французскому королевству. В 1871 г., после завершения Франко-прусской войны, они стали частью новообразованной Германской империи, в составе которой находились вплоть до 1919 г., когда по итогам Первой мировой войны эти территории были уступлены Франции.

[9] К концу 1860 г. почти вся территория Италии была объединена вокруг Сардинского королевства (с 1861 г. Итальянское королевство), к которому вскоре присоединилось Папское государство, и Италия приступила к колониальной экспансии в Африке. Говоря о «чужой помощи», Аксаков имеет в виду союзнические отношения Сардинии и Франции, которая помогала ей в войне с Австрией в апреле-июне 1859 г.

[10] *Далмация* — историческая область на побережье Адриатического моря, ныне на территории Хорватии (в основном) и Черногории. В 1420—1797 гг. (кроме Дубровника) находилась под властью Венеции, а с 1797 по 1918 год была в составе Австрии (за исключением 1809—1813 гг., когда Далмацию захватил Наполеон).

[11] *Истрия* — полуостров в Адриатическом море, в северной части Хорватии. До 1797 г. принадлежал Венецианской республике, затем был присоединен к Австрии. После Первой мировой войны Истрия вошла в состав Италии.

[12] *Триест* — город в итальянской области Фриули-Венеция-Джулия, в глубине Триестского залива Адриатического моря. В 1202—1382 гг. принадлежал Венецианской республике, затем вошел в состав Австрии, где в 1719 г. стал вольным имперским городом, столицей Австрийского Приморья. Триест отошел в Италии только по итогам Первой мировой войны.

[13] Окончательное присоединение Ирландии к Великобритании произошло в начале 1801 г., когда 1 января была объявлена парламентская уния двух стран.

[14] Выражение «огнем и железом» восходит к афоризму Гиппократа: «Чего не излечивают лекарства, излечивает железо, чего не излечивает железо, излечивает огонь»; использовалось Цицероном и Титом Ливием в варианте «уничтожать огнем и мечом». Выражение приобрело популярность благодаря роману Г. Сенкевича «Огнем и мечом» (1884).

[15] Имеется в виду ставшее крылатым выражение «железом и кровью» из речи министра-президента Пруссии Отто фон Бисмарка, произнесенной 30 сентября 1862 г.

в Бюджетной комиссии Палаты депутатов во время конституционного конфликта в Пруссии. Это выражение стало популярным символом внешней политики Бисмарка.

[16] Ср. сходную характеристику австрийской государственности в статье А. С. Хомякова «Славянское и православное население Австрии» (1845). См. комм. 26 на с. 745.

[17] Здесь: отсылка к известному выражению «Drang nach Osten» («Натиск на Восток», *нем.*). См. комм. 7 на с. 809.

[18] Е. Л. Марков применяет эту пословицу к своим доводам: «Оглянитесь, мало ли у нас кругом неотложных, вопиющих задач? Мало ли кровных народных потребностей, на которые гораздо нужнее было бы употребить те десятки миллионов рублей, которые поглощает каждая военная экспедиция...» (*Марков Е.* Глиняные приобретения. С. 31).

[19] Сходные высказывания С. М. Соловьева встречаются, например, в начальных, «теоретических», главах I и XIII томов его «Истории России с древнейших времен» (М., 1851, 1863).

[20] *Варяжское море* — название Балтийского моря в ряде литературных произведений XIII—XV вв., в том числе в «Повести временных лет».

[21] *Тьмутаракань* (Тмутаракань) — летописный город, отождествляемый со средневековыми слоями городища в дельте реки Кубань на территории нынешней станицы Тамань Краснодарского края.

[22] *Юрьев* — летописный город, основанный в 1030 г. великим князем Ярославом Мудрым в ходе похода на эстов (Юрий-Георгий — имя князя во крещении). Ныне на его месте Тарту, ранее — Дорпат (Дерпт). На краткий срок изначальное название было возвращено городу в 1893—1919 гг. См. также комм. 1 на с. 761.

[23] *Торки* — часть средневековых тюрков-огузов, кочевавших в причерноморских степях в X—XIII вв.

[24] *Берендеи* — выделившиеся из тюрков-огузов кочевые племена в восточноевропейских степях в XI—XIII вв.

[25] Киев фактически перешел из состава Речи Посполитой под власть Московского царства в 1654 г. в результате антипольского восстания. По условиям Андрусовского перемирия (1667), он признавался на время за Россией, однако позже был выкуплен ею за 146 тыс. рублей. «Да будет это мать городам русским»» — выражение о Киеве из «Повести временных лет» (под 882 г.).

[26] Отсылка к славянофильским историософским надеждам на то, что в будущем все побережье Черного моря, а также Босфор и Дарданеллы будут принадлежать России как якобы изначала свыше предустановленные ее владения.

[27] Батум и Карс были взяты русскими войсками в период Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и по ее результатам вошли в состав России в 1878 г.

[28] Казань была завоевана Иваном Грозным в 1552 г., а Астрахань — в 1554 г.

[29] *«Вниз по матушке по Волге»* — название русской народной песни (изначально бурлацкой).

[30] Имеется в виду Ливонская война 1558—1583 гг.

[31] Е. Л. Марков пояснял, что он назвал «жемчужинами земли» — «только важные торговые порты и военные стоянки, только страны, текущие медом и млеком, переполненные богатым и промышленным народом, или же такие девственные места, которые кишат плодородием всякого рода, которые, после небольших усилий колониста, делаются неисчерпаемым источником народного богатства. Индия, Австралия, Капская земля, Египет, Гибралтар, Вест-Индские острова, канадские леса и пастбища — вот приобретения Англии» (*Марков Е.* Глиняные приобретения. С. 29—30).

[32] Наиболее известна старинная песня «Как по морю было Хвалынскому». *Хвалынское море* — древнерусское название Каспийского моря.

[33] Древний город Дербент, расположенный на берегу Каспийского моря, был присоединен к Российской империи в 1813 г. по Гюлистанскому мирному договору.

[34] Капитан Преображенского полка А. Бекович-Черкасский возглавил военную экспедицию в Хивинское ханство в 1714—1717 гг., одной из причин которой стало известие, будто бы в Амударье имеются богатые золотые пески и хивинцы, стремясь скрыть это, с помощью специальной дамбы отвели течение реки в Аральское море. Чтоб получить доступ к месторождениям золота, планировалось восстановить течение Амударьи.

[35] См.: «...было бы приличнее для России разрешить *свой* вопрос о границах наедине с добрыми соседями, Персией и Афганистаном. Англия же пока нам еще не сосед, хотя и стремится к нам присоседиться...» (*<Катков М. Н.>*. Москва, 3 июля // *МВед.* 1884. 4 июля. № 183. С. 2).

[36] Имеются в виду межгорная впадина Заравшанская долина и Мервский оазис.

[37] Крупнейшая в России Нижегородская ярмарка начиналась 15 июля и официально завершалась 25 августа, однако на деле бурная торговля продолжалась до начала сентября.

[38] И. Аксаков говорит о своем отце, С. Т. Аксакове.

[39] *Остяки* — устаревшее название хантов (проживали на севере Западной Сибири).

[40] Речь идет о посмертных публикациях: Записка генерала Фадеева об азиатских окраинах // Русь. 1884. 15 янв. № 2. С. 14—27; Отрывки из Записки ген. Фадеева о Кавказе // Там же. 1 февр. № 3. С. 16—25. Аксаков предварил эти материалы редакционным примечанием: «Эта записка, вместе с другой специальной запиской о Кавказе, была прислана нам генералом Фадеевым в прошлом году, месяцев семь тому назад, по возвращении его из Тифлиса, где он состоял членом Комиссии для составления нового проекта по управлению Кавказом. В письме этом генерал Фадеев разрешил нам воспользоваться имеющимися в записках данными как материалом. К несчастию, нам не удалось с тех пор свидеться лично с Ростиславом Андреевичем и расспросить его, как мы этого желали, подробнее о том употреблении, какое мы можем сделать из этих записок. Но, кажется, нельзя сделать лучшего употребления и лучшим способом почтить его память, как напечатать, хотя бы даже с некоторыми пропусками, эти записки или, по крайней мере, главную из них — об азиатских окраинах, замечательную во всех отношениях, блестящую умом и талантливостью изложения. Мало умели у нас ценить способности этого даровитого человека! *Ред.*» (Там же. 15 янв. № 2. С. 14).

[41] Имеется в виду передовая статья «<Всемирно-историческое призвание России>» (Наст. том. С. 609—618).

<Всемирно-историческое призвание России>

Печатается по первой публикации: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 1 августа // Русь. 1884. 1 авг. № 15. С. 2—12. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 797—813.

«С.-Петербургские Ведомости» с одобрением откликнулись на эту, по их словам, «длинную передовую статью о колонизаторских способностях и приемах русского народа» (Русская печать // *СПбВед.* 1884. 4 авг. № 213. С. 3).

[1] Речь идет о передовой статье «<Где границы государственному росту России>» (Наст. том. С. 599—608).

[2] Польский историк и публицист Ф. Духинский известен как создатель националистической «теории» о неславянском (монгольском) происхождении великороссов («москалей»), призывающей к воссозданию Великой Польши, с включением в ее состав территорий так называемых «восточных поляков» (т. е., по его терминологии, Малороссии и Белоруссии). В 1846 г. Духинский эмигрировал во Францию;

с фанатизмом пропагандируя свои русофобские идеи, которыми увлек многих европейских интеллектуалов, он жил в Италии, Турции, Англии (в период Крымской войны — агитатор в лагере союзнических войск); в 1860—1864 гг. был профессором польской школы в Париже, в 1871 г. поселился в Швейцарии, где через год стал хранителем Польского национального музея в Рапперсвиле, близ Цюриха. Полную научную несостоятельность взглядов Духинского убедительно показали в своих работах Н. И. Костомаров (1861), И. А. Бодуэн де Куртенэ (1886), А. Н. Пыпин (1887) и др.

[3] Реминисценция слов апостола Павла: «О Нем бо живем, и движемся и есмы» (Деян 11: 28).

[4] См.: *Соловьев В. С.*: 1) О народности и народных делах в России // Известия Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества. 1884. № 2. С. 8—16: 2) Письмо в редакцию // Там же. № 3. С. 25—26; 3) Славянский вопрос // Там же. № 6. С. 3—11; 4) Письмо в редакцию // Там же. № 7. С. 15—17; 5) Взгляд первого славянофила на церковный раздор // Там же. С. 17—19 (подп.: *В. С.*).

[5] Старинная книжная формула. См., например, начало Апокалипсиса: «Апокалипсис Иисуса Христа, егоже даде ему Бог, показати рабом своим, имже подобает быти вскоре» (Откр 1: 1).

[6] Полное название — *«Северогерманская Всеобщая Газета»* («Norddeutsche Allgemeine Zeitung») — ежедневная политическая газета, выходившая в Берлине в 1861—1945 гг. (с 1918 г. называлась «Немецкой Всеобщей Газетой»). В рассматриваемый период ее считали официозом и именовали «Bismarcks Hauspostille» («Бисмарковской книгой исповеданий»), поскольку ее позиция обычно совпадала с правительственной точкой зрения на события; впрочем, время от времени газета и финансировалась внешнеполитическим ведомством.

[7] *«Свет»* — ежедневная консервативная «газета политическая, экономическая и литературная», издававшаяся в Петербурге в 1882—1917 гг. До 1890 г. издатель-редактор — В. В. Комаров.

[8] См.: «На днях орган князя Бисмарка, “Северогерманская Всеобщая Газета”, обрушилась на “Свет” и ее редактора-издателя за передачу известия из немецкой газеты “Германия”, что немецкая политика стремится создать России затруднения в Китае и Средней Азии» (*В. К—в <Комаров В. В.>*. С.-Петербург, 21 июля // Свет. 1884. 22 июля. № 160. С. 1).

[9] Преподобный Савватий в 1429 г. основал первое монашеское поселение на Соловецком острове в Белом море, на северных рубежах Руси, а в 1436 г., после смерти Савватия, на остров прибыл преподобный Зосима, основавший здесь обитель и две деревянные церкви — Преображения Господня и Николая Чудотворца.

[10] *Гулящие люди* (захребетники, подсуседники) — в XVI—XVIII вв. вольные люди: отпущенные на волю господами слуги, выходцы из плена; они не платили податей, пользовались полной свободой как в передвижениях по стране, так и в выборе занятий для своего пропитания. См. подробнее комм. 2 на с. 724.

[11] Вольная цитата из «Дневника писателя. 1881 год» (гл. вторая, разд. III «Геок-Тепе. Что такое для нас Азия?»). Буквально: «...русский не только европеец, но и азиат. <...> Надо прогнать лакейскую боязнь, что нас назовут в Европе азиатскими варварами и скажут про нас, что мы азиаты еще более чем европейцы» (*Достоевский.* Т. 27. С. 33).

[12] См.: Письмо А. С. Пушкина к П. Я. Чаадаеву. По поводу его «Философических писем» / публ. П. Б. <П. И. Бартенева> // *РА*. 1884. Кн. II. Вып. 4. С. 453—461. Письмо от 19 октября 1836 г.

[13] Речь идет о переходе Войска Запорожского и части подконтрольных ему территорий Малороссии в российское подданство в 1654 г.

[14] Имеется в виду первая попытка Имеретинского царства (в 1651 г.) договориться с Москвой о принятии подданства, но она не имела последствий.

[15] *Междуцарствие* — период 1610—1613 гг., когда правили семь бояр («Семибоярщина»).

[16] Имеется в виду эпизод (1559) Ливонской войны.

[17] *Екатериненталь* (Кадриорг) — барочный дворцово-парковый ансамбль, заложенный Петром I в Ревеле (Таллине) и возведенный в 1718—1727 гг. Название получил в честь императрицы Екатерины I. Ныне во дворце находится художественный музей.

[18] Подразумевается Дерптский (Тартуский) университет, основанный в 1632 г. шведами.

[19] Подразумеваются многочисленные церкви и соборы во имя Казанской иконы Божией Матери.

[20] См. в рассказе «Гамлет Щигровского уезда» И. С. Тургенева: «Я тоже заеден рефлексией, и непосредственного нет во мне ничего».

[21] Аксаков имеет в виду, что так называемая Старая Финляндия — территория Западной Карелии, частично вошедшая в состав России после Северной войны по Ништадтскому мирному договору 1721 г., а целиком — после Русско-шведской войны 1741—1743 гг. по Абоскому миру, к XIX в. вполне «обрусела», однако в 1812 г. Александр I принял решение включить Старую Финляндию в состав новозавоеванного Великого княжества Финляндского. Это событие было негативно воспринято многими патриотично настроенными современниками.

[22] *Мурманский берег* (иначе: Мурман, Поморский, или Русский, берег) — берег Баренцева моря от русско-норвежской границы до мыса Святой Нос.

[23] Речь идет о Варангер-фьорде (Варяжском, или Варенском, заливе) Баренцева моря, расположенном между российским полуостровом Рыбачий и норвежским полуостровом Варангер. Этот залив длиной 90 км богат рыбой, образует хорошие гавани и благодаря Гольфстриму редко замерзает. Он окончательно отошел к Норвегии в 1826 г. при разграничении заливов Мурманского берега, ранее обе страны им пользовались совместно.

[24] Состоя наместником Новороссийских губерний, князь Г. А. Потемкин институализировал «вольную» колонизацию края крестьянами из центральных губерний России; дозволил крепостным крестьянам, покинувшим своих владельцев, находить убежище в Новороссии, а в мае 1779 г. Екатерина II по его настоянию выпустила манифест «О вызове воинских нижних чинов, крестьян и посполитых людей, самовольно отлучившихся за границу», который разрешал безнаказанно возвращаться в Россию всем беглым и еще предоставлял им 6-летнюю льготу от уплаты податей.

[25] *Далай-ламайская вера* — буддизм. Он официально был признан указом Елизаветы Петровны в 1741 г. именно под названием «ламайская вера».

[26] Генерал-адъютант К. П. фон Кауфман занимал пост генерал-губернатора Туркестана с 1867 г. до своей кончины в 1882 г.

[27] *Сарты* — часть оседлого населения отдельных регионов Средней Азии.

[28] См. об этом подробно: *Гиляров-Платонов Н. П.* Грузинская церковь под управлением Правительствующего Всероссийского Синода // *Гиляров-Платонов Н. П.* Нечто о Русской церкви в обер-прокурорство К. П. Победоносцева (Разумевающие верой: переписка Н. П. Гилярова-Платонова и К. П. Победоносцева (1860—1887) / вступ. ст., сост., подг. текстов и комм. А. П. Дмитриева. СПб.: Росток, 2011. С. 333—341. (Славянофильский архив; кн. 2)).

[29] О «записках» Р. А. Фадеева см. комм. 40 на с. 839.

Примечание к статье К. К. Толстого «Этюды господствующего мировоззрения»

Печатается по первой публикации: *<Аксаков И. С.>*. Примечание Редактора <к циклу статей>: *Толстой К.* Этюды господствующего мировоззрения // Русь. 1884. 15 авг. № 16. С. 52—54. В *Соч.* не воспроизводилось.

Статья К. К. Толстого опубликована: Русь. 1884. 15 авг. № 16. С. 54—61; 15 сент. № 18. С. 54—62; 15 окт. № 20. С. 55—64.

Она была встречена, по большей части, положительными, заинтересованными откликами критиков. Например, рецензент «С.-Петербургских Ведомостей» назвал эти очерки «замечательными», отмечая, что в них правдиво рассказана «печальная история» поколения шестидесятников (Русская печать // *СПбВед.* 1884. 18 авг. № 227. С. 3).

[1] Имеются в виду три части одной статьи, каждую из которых Толстой здесь называет отдельной статьей.

[2] Вольная цитата из сочинения Ю. Ф. Самарина «Письма о материализме к Н. П. Гилярову-Платонову. Письмо I» (впервые: День. 1861. 21 окт. № 2. С. 2—4). В источнике: «Материализм — это острая кислота, которая обмоет тусклый лик православия и возвратит ему блеск и чистоту» (*Самарин Ю. Ф.* Собр. соч.: в 5 т. СПб.: Росток, 2016. Т. 3: Русское самосознание. С. 160).

[3] Пояснение к словам К. К. Толстого: «Представьте себе *Иудушку Головлева,* вообразившего, что он есть наиболее точное подражание Христу, и не только вообразившего, а даже успевшего уверить в этом весь мир!» (Русь. 1884. 15 авг. № 16. С. 56).

[4] Возражение на слова Толстого: «А сам *Иудушка Головлев* — разве он не был, в самом деле, образцом “настоящего” христианина для известного круга людей в известное время нашей истории? Положительно был» (Там же).

[5] Примечание к словам: «Усердные не по разуму последователи, мало-помалу, в течение веков, объясняя и развивая евангельские истины, нагромоздили на них столько своего личного, столько *нехристианского,* что чувства светлого человека, желавшего проникнуться христианскими идеалами, отступали перед невозможностью разобраться в образовавшейся таким образом груде бессвязных понятий. Руководители наши — на вопрос о сущности христианства — отвечали нам сухой катехизацией плохо понятых евангельских истин, а как на пример для подражания указывали на Иудушку, и сами простодушно старались подражать его “умной молитве”, его “камфорному маслу”. Разве этого одного мало, чтобы оттолкнуть человека, стремящегося осмыслить свою жизнь, не только от *Иудушки*, но и вообще от идеалов, которых он считается носителем?» (Там же. С. 57).

<Отсутствие исторических традиций в наших правительственных учреждениях>

Печатается по первой публикации: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 1 сентября // Русь. 1884. 1 сент. № 17. С. 2—6. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 813—832.

[1] *Фригийский колпак* — см. комм. 8 на с. 778.

[2] Святитель Иннокентий (Попов-Вениаминов) занимал кафедру митрополита Московского и Коломенского с 1868 г. до своей кончины в 1879 г.

[3] На передовую статью Аксакова «Москва, 15 августа» (Русь. 1884. 15 авг. № 16. С. 2—14), при републикации получившую назв. «Слабость нашего образования в том, что оно у нас — не цель, а средство» (*Соч.* Т. IV. С. 751—770), рецензент начал свой отзыв словами: «“Русь” заговорила об университетской реформе. За обычным рассуждением о Петровских преобразованиях и их влиянии на наше общество встре-

чаем здравые и местами блестяще написанные замечания о нынешнем положении наших университетов» (Русская печать // *СПбВед.* 1884. 17 авг. № 226. С. 3—4). То есть Аксаков усилил ироническое выражение «за обычным рассуждением» до саркастического: «Опять о Петре! <...> неужели не надоест...»

[4] См. об этой газетной полемике, посвященной решению в Сенате спорного вопроса о финансировании похорон И. С. Тургенева С.-Петербургской Городской думой, ниже в рассматриваемой статье. Аксаков ранее посвятил этому событию передовую статью «Москва, 15 апреля» (Русь. 1884. 15 апр. № 8. С. 2—14), при републикации получившую назв. «Не бойтесь жизни, а вызывайте ее проявления!» (*Соч.* Т. VI. С. 500—520). Возможно, речь идет об откликах «С.-Петербургских Ведомостей» на эту статью. Сначала был опубликован краткий отзыв в обзоре прессы, где, в частности, сказано: «Г<-н> Аксаков снова выступил со статьею, о появлении которой можно только искренно пожалеть. <...> Г<-н> Аксаков признает вполне, что постановление это противоречило “букве закона”; он только утверждает, что эта буква закона “противоречит иногда требованиям жизни и тем условиям, в какие поставлены думы как общественные корпорации”» (Русская печать // *СПбВед.* 1884. 17 апр. № 105. С. 3). Затем появилась большая передовая статья (*<Авсеенко В. Г.>*. С.-Петербург, 21 апреля // Там же. 22 апр. № 110. С. 1), дополнительно названная «Блуждание г. Аксакова вокруг и около».

[5] *Ландрат* — должность советника от дворян уезда, введенная Петром I в 1713—1719 гг. Ландраты (по одному от уезда) входили в коллегию, управлявшую губернией.

[6] *Ландрихтер* — с 1715 г. так назывались бывшие обер-коменданты и коменданты в городах, где не было гарнизонов.

[7] Возможно, здесь терминологическое сращение: *Берг-коллегия* — орган горной администрации (1719—1731, 1742—1783, 1797—1807), отвечавший за управление горнорудной промышленностью. *Коммерц-коллегия* — правительственное учреждение (1715—1823), созданное для покровительства торговле. Вместе с тем, краткий период (с 1731 по 1736 год) внутри Коммерц-коллегии как ее «вторая экспедиция» существовала Коммерц-берг-коллегия.

[8] Лейбниц и Петр I, как известно, неоднократно встречались в 1711, 1712 и 1716 гг. в Торгау на Эльбе, Карлсбаде и Ганновере и продолжительно беседовали.

[9] См. передовую статью: *<Катков М. Н.>*. Москва, 7 января // *МВед.* 1884. 8 авг. № 218. С. 2, при републикации получившую назв. «Антиправительствующие решения (Тургеневская тризна и панихиды в Казани по Кошелеве и бароне Корфе)» (*Катков М. Н.* Собр. соч.: в 6 т. СПб.: Росток, 2010. Т. 1. С. 721—729).

[10] О газете «Русский Курьер» см. комм. 5 на с. 782.

[11] См. передовицу «Воскресенье, 19-го августа», где отмечается, что Катков «под личиной забот о благе отечества является несомненным *“нарушителем закона”*, того закона, который обязывает всякого верноподданного (а в том числе, конечно, и г. Каткова) *знать* основные законы государства, *уважать* учреждения и лица, облеченные специальным доверием и полномочиями Верховной Власти и *подчиняться* их законным действиям, а не искажать их роль, <...> не колебать вместе с авторитетом господ сенаторов авторитет и высших властей, руководимых Правительствующим Сенатом, а отсюда и авторитет самого Законодателя, Сенат учредившего и указавшего ему пределы и характер его власти» (Русский Курьер. 1884. 20 авг. № 229. С. 1).

[12] А. И. Кошелев скончался 12 ноября 1883 г. в Москве, а барон Н. А. Корф — 13 ноября того же года в Харькове.

[13] В передовой статье в № 42 «Руси» от 16 октября 1882 г., при републикации получившей назв. «Об основах и типе народной школы», Аксаков так высказался об «утилитарной мето́де» барона Н. А. Корфа: «...с недоверчивостью отнесется он

<крестьянин> к школе, по возвращении из которой его мальчишка на вопрос: чему его там научили? — расскажет ему пустейшую побасенку или же такую и подобную ей премудрость, выдаваемую за "науку", что "у овцы есть шерсть", что "у коровы четыре ноги" <...>. А ведь этими пустяками, возведенными в мето́ду, преисполнены, вместе с изображениями "самки" и "самца"; блохи и других, неудобоназываемых "животных", даже книги такого почтенного и горячо преданного делу народного образования педагога, как барон Корф! Конечно, в его руководствах есть и хорошие страницы, не все посвящено одной задаче "утилитаризма", но и самый идеализм, вне положительной церковной основы, едва ли к чему пригоден — именно в деле народного обучения» (*Соч.* Т. IV. С. 732). Единодушно в консервативной прессе обеих столиц Корфа именовали «представителем немецкой педагогии», «материалистом», «противником Закона Божия».

[14] 25 апреля 1884 г. в заседании Первого департамента Сената рассматривался протест петербургского градоначальника П. А. Грессера на постановление Особого присутствия по городским делам, поддержавшего решение Городской думы принять на свой счет затраты (3000 руб.) на похороны И. С. Тургенева как «не имеющее никакого отношения к пользам города и его обывателей». В Первом департаменте «состоялось решение, которым было признано, что градоначальник, не указывая, что постановление Думы противно закону или сделано в ущерб обязательных для города расходов, не имел повода приносить протест в городское присутствие, куда поступали лишь незаконные определения Городских дум». Общее собрание Сената поддержало это постановление. См. подробнее: *Кони А. Ф.* Похороны Тургенева // *Кони А. Ф.* Воспоминания о писателях / сост., вступ. ст. и комм. Г. М. Миронова и Л. Г. Миронова. М.: Правда, 1989. С. 159—179.

[15] Цитаты не буквально точны, но курсив — авторский.

[16] Подразумеваются во многом антагонистические позиции главы Военного ведомства Д. А. Милютина и министра внутренних дел П. А. Валуева.

[17] См. в передовой статье «<Всемирно-историческое призвание России>»: «...до Петра из государственных деятелей после междуцарствия не было ни одного великого и гениального, не на кого и указать!» (Наст. том. С. 615).

[18] Подразумевается плодотворная деятельность Н. В. Калачова на посту редактора и составителя многотомных археографических изданий, содержащих публично- и частноправовые документы, среди которых: «Архив историко-юридических сведений о России» (М., 1850—1861. Кн. I—III); «Архив исторических и практических сведений, относящихся до России» (СПб., 1858—1861. Кн. I—VI), «Акты, относящиеся к юридическому быту Древней России» (СПб., 1857—1884. Т. I—III), «Дополнения к актам историческим» (СПб., 1859—1875. Т. VII—IX), «Писцовые книги Московского государства» (СПб., 1872—1877. Т. I. Кн. I—II) и др.

[19] Имеются в виду события 1864—1866 г., когда Катков вступил в конфликт с министром внутренних дел П. А. Валуевым за право свободно высказывать и отстаивать свое мнение. Весной 1866 г. «Московские Ведомости» были приостановлены и Катков оставил пост редактора. Но поддержка его со стороны общества была столь велика, что Александр II, находясь в Москве, 20 июня 1866 г. принял Каткова на аудиенции и вернул его на пост редактора. Катков вспоминал об этом в передовой статье в № 60 «Московских Ведомостей» от 1 марта 1881 г. (упомянув себя в 3-м лице как «издателя»): «Во время всемогущества административных властей он впервые на Руси сказал громко, что, будучи верноподданным своего Государя, он отнюдь не признает себя верноподданным министров» (*Катков М. Н.* По поводу обвинения редактора «Московских Ведомостей» в его сношениях с высокопоставленными лицами и об вредной недоимке // Собр. соч.: в 6 т. СПб.: Росток, 2011. Т. 3: Власть и террор. С. 950). Каткову время от времени напоминали об этом его выражении, ставшем знаменитым, его оппоненты. См., например, передовицу в № 100 «Москов-

ских Ведомостей» от 10 апреля 1881 г.: «Мы когда-то выразились, что, будучи верноподданными Государя, не считаем себя, однако, верноподданными министров. “Голос”, припоминая эти слова наши, дает знать, что, в свою очередь, он не желает быть нашим верноподданным» (*Катков М. Н.* Злоба врагов редактора «Московских Ведомостей» относится к тем началам, которые для «русской партии» в России обязательны и священны // Собр. соч.: в 6 т. СПб.: Росток, 2011. Т. 2: Русский консерватизм. С. 431).

[20] Имеется в виду загадочный документ, так называемое «Завещание Петра I», о подлинности / подложности которого до сих пор ведутся споры. Это письмо Петра I Сенату от 10 июля 1711 г. из Прутского похода, автограф которого неизвестен. Оно впервые было опубликовано в 1785 г. Яковом Штелином в переводе на немецкий язык (*Staehlin Jacob von.* Original Anekdoten vom Peter dem Grossen. Leipzig, 1785. S. 53), а потом неоднократно — в переводе с немецкого. Приведем его текст по первому переводу 1786 г.: «Сим извещаю вам, что я со всем своим войском без вины или погрешности со стороны нашей, но единственно только по полученным ложным известиям, в четыре краты сильнейшею турецкою силою так окружен, что все пути к получению провианта пресечены, и что я, без особливыя Божия помощи, ничего иного предвидеть не могу, кроме совершенного поражения, или что я впаду в турецкой плен. Если случится сие последнее, то вы не должны меня почитать своим царем и государем и ничего не исполнять, что мною, хотя бы то по собственноручному повелению, от вас было требуемо, покамест я сам не явлюся между вами в лице своем. Но если я погибну и вы верные известия получите о моей смерти, то выберите между собою достойнейшего мне в наследники» (Любопытные и достопамятные сказания о императоре Петре Великом, изображающие истинное свойство сего премудрого государя и отца отечества / собр. в течение сорока лет действ. стат. сов. Яковом Штелином; <пер. с нем. яз. Т. П. Кирияк>. СПб.: тип. Б. Л. Гека, 1786. С. 54). В подлинности письма сомневался Пушкин; из историков первым высказался о подложности письма Н. Г. Устрялов в 1859 г., затем Ф. А. Витберг в 1875 г. Но, например, С. М. Соловьев настаивал на подлинности «завещания».

[21] В мае 1712 г. Петр I поручил своему шурину, стольнику А. Ф. Лопухину доставить в Стамбул ратификационную грамоту Константинопольского мирного договора, а также полномочные грамоты русским послам. Из-за задержки со сборами ратификацию не удалось вручить вовремя, и 31 октября 1712 г. Османская империя объявила войну России. Лопухин и послы были взяты под стражу и провели почти полгода в заключении в турецкой крепости Едикуле. После подписания 13 июня 1713 г. Адрианопольского мирного договора Лопухин был отправлен во Львов для сбора доказательств об отсутствии русских войск в Польше. Благодаря успеху этой миссии мирный договор был ратифицирован.

[22] Петр I получил известие о победе датчан над шведами 1 января 1712 г. Семеновский Потешный двор существовал в 1696—1712 гг., был создан в Семеновском для соколиной охоты.

[23] Точнее: Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого, изданные Императорскою Академиею наук: <в 6 т., 10 кн.> / под ред. Н. В. Калачова. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1882. Т. 2: Год 1712-й. Кн. 1 (январь-июль). 22, 464 с.; 1883. Кн. 2 (июль-декабрь). 16, 551 с.

[24] Подразумевается Верховный тайный совет — высшее совещательное государственное учреждение России в 1726—1730 гг. в составе 6—8 человек, созданное Екатериной I как совещательный орган.

[25] См.: Записка графа С. Р. Воронцова о внутреннем управлении в России, 1803 г. // Архив князя Воронцова: <в 40 кн.>. М.: Унив. тип., 1880. Кн. XV. С. 441—452. На основании Манифеста Александра I «Об учреждении министерств» 8 сентября 1802 г. вместо существовавших ранее коллегий в России было образовано 8 министерств.

<По поводу открытия школы в Павловском посаде>

Печатается по первой публикации подпередовой статьи: <*Аксаков И. С.*>. Москва, 1 октября // Русь. 1884. 1 окт. № 19. С. 10—11. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 832—835.

[1] *Грачов М. Ф.* Об упадке знания церковно-славянской грамоты в русском обществе и в народе // Русь. 1884. 1 окт. № 19. С. 20—32. Под публикацией помета: «Москва, августа 18 дня 1884 года».

[2] *М. Г.* <*Грачов М. Ф.*>. Открытие церковно-славянского училища в Павловском посаде Московской губернии // Там же. 1 июня. № 11. С. 20—23. (Имя автора определено благодаря указанию Аксакова в публикуемой статье.)

[3] *Часослов* — богослужебная книга, содержащая молитвословия суточного богослужебного круга, предназначенные для исполнения чтецами и певчими. Существуют великий и малый (сокращенный) часословы. По малому на Руси и учили читать и даже специально издавали его с учебной целью.

[4] Подразумевается граф И. Д. Делянов, занимавший пост министра народного просвещения в 1882—1897 гг.

[5] Грачов в своей статье привел целый ряд цитат из сочинений и переписки святителя Филарета (Дроздова). Аксаков имеет в виду следующие его слова из письма к графу С. С. Уварову: «...надлежит опасаться того, что язык под пером писателей, а затем и в устах народа быстро уклоняться будет от славянского церковного наречия, что прекрасный, сильный, проникнутый духом христианского учения церковный богослужебный язык сделается наконец вовсе непонятен присутствующим при богослужении» (*Грачов М. Ф.* Об упадке знания церковно-славянской грамоты... С. 23).

[6] Имеется в виду барон Н. А. Корф.

1885

<О трех Россиях>

Печатается по первой публикации: <*Аксаков И. С.*>. Москва, 5 января // Русь. 1885. 5 янв. № 1. С. 1—3. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 835—844. С републикации этой передовицы в *Соч.* начинался раздел «1885 г. (Передовые статьи)».

В статье разбирается передовица «С.-Петербургских Ведомостей» о «трех Россиях»: <*Авсеенко В. Г.*>. С.-Петербург, 24 декабря 1884 // *СПбВед.* 1884. 25 дек. № 356. С. 1—2, в которой содержалась полемика с основополагающими положениями славянофильского учения об устройстве Русского государства. Предсказуемо статья Аксакова вызвала ответ той же газеты с обвинением в перетолковании смысла критикуемой передовицы. См.: «..."Русь" открывает полемику с нами, перефразируя и перетолковывая статью "С.-Петерб<ургских> Вед<омостей>" о "трех Россиях" на все лады. Газета, очевидно, очень недовольна, зачем мы имели неосторожность заметить, что действительность пережила уже славянофильские идеи и требует чего-нибудь более серьезного в практическом смысле. Мы надеемся еще вернуться к полемике "Руси", оставляя ее пока в приятном заблуждении, что пылкие фразы могут заменить серьезную критику и серьезный публицистический спор» (Русская печать // *СПбВед.* 1885. 8 янв. № 8. С. 3).

[1] К марту 1884 г. почти без сопротивления русскими войсками был занят Мервский оазис (см. комм. 6 на с. 837) и таким образом завершено присоединение Туркмении к России.

[2] Выражение из Псалтири. См.: «Не уклони сердце мое в словеса лукавствия...» (Пс 104: 4).

[3] <*Авсеенко В. Г.*>. С.-Петербург, 24 декабря 1884 (вых. дан. см. выше).

[4] Одиозные журналисты Н. И. Греч и Ф. В. Булгарин совместно издавали и редактировали журналы «Северный Архив» (1825—1829), «Сын Отечества» (1825—1829) и «Сын Отечества и Северный Архив» (1829—1839) и газету «Северная Пчела» (1831—1859).

[5] Имеется в виду курс публичных лекций «История русской словесности, преимущественно древней», к чтению которого С. П. Шевырев приступил в середине ноября 1844 г. Лекции вызвали интерес в московском обществе, поскольку были посвящены древнерусской литературе, недооценивавшейся в то время западнической партией, а потому воспринимались как полемическая реакция на курс публичных лекций, незадолго перед тем (в январе-апреле 1844 г.) прочитанный Т. Н. Грановским и расцененный как триумф западного направления. Неожиданно даже для доброжелателей Шевырева его лекции также имели большой успех. М. П. Погодин вспоминал: «Избранное московское общество неутомимо собиралось его слушать, ученые и неученые. Двор университета бывал заставлен каретами. Лекции производили большое впечатление» (*Погодин М. П.* Воспоминание о Степане Петровиче Шевыреве. М.: печатня В. Головина, 1869. С. 26).

[6] Речь идет об исторических драмах Н. В. Кукольника и Н. А. Полевого, проповедовавших идеи монархизма, которые в 1830—1840-е гг. имели большой успех.

[7] Здесь и в других местах Аксаков, как правило, вольно цитирует передовицу В. Г. Авсеенко. Ср. с оригиналом: «Россия официальная есть Россия, ведомая правительством <...> Россия хвалебных од Ломоносова, Россия похвальных слов, торжественных речей, парадов, закладок, открытий; Россия газет Греча и Булгарина в области журналистики, лекций Шевырева на кафедре, патриотических драм Полевого и Кукольника на сцене» (*<Авсеенко В. Г.>*. С.-Петербург, 24 декабря 1884. С. 1).

[8] Названы основные официозы Министерств внутренних и иностранных дел.

[9] Подразумевается М. Н. Катков.

[10] *Уложение царя Алексея Михайловича*, или Соборное уложение 1649 г., — свод законов Русского царства, принятый Земским собором 29 января 1649 г. и действовавший до 1832 г. Формула «Государево Царственное и земское дело» (с вариациями) четырежды употреблена во Введении к документу. См.: Полн. собр. законов Российской империи. СПб., 1830. Т. I. С. 1—2.

[11] См.: *Н. Б. <Павлов Н. М.>*. Наш status quo // Русь. 1885. 5 янв. № 1. С. 9—14. Статья посвящена работе Кахановской комиссии в связи с плачевным состоянием земских учреждений.

[12] По поводу этих слов рецензент «С.-Петербургских Ведомостей» писал: «Редакционная статья “Руси” рекомендует нам обратить внимание на “голос с места”, озаглавленный на ее страницах: “Наш status quo”, вроде того как у Собакевича был “Елизавет Воробей”. Мы, впрочем, готовы в апробированной статье, несмотря на некоторую ребячливость ее тона, признать немало дельного...» (Русская печать // *СПбВед.* 1885. 8 янв. № 8. С. 3). Далее, приведя из статьи Н. М. Павлова цитату, заканчивающуюся выражением «искусственное взбалтывание общественных классов, разнствующих между собою уже по самому быту, в одну и ту же либеральную яичницу», рецензент продолжал: «Очень хорошо, но из этого далеко еще не следует, что от всех современных русских яичниц спасение было лишь в залежавшихся медикаментах славянофильского приготовления. Даже весьма странно читать такие аттестации в газете, которая обыкновенно напролом тащит Россию “в земщину”» (Там же).

<Царь в Киеве>

Печатается по первой публикации: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 31 августа // Русь. 1885. 31 авг. № 9. С. 1—4. Воспроизведено: *Соч.* Т. II. С. 844—846.

[1] Аксаков подразумевает, что, поскольку Александр III посетил Киев 16—19 августа 1885 г., материалы (особенно стихотворные отклики) об этом событии были бы уместны в № 8 «Руси», вышедшем 24 августа, но в № 9 еженедельника публиковать их было уже нежелательно.

[2] См. окончание передовой статьи: «И его <Киев> не покидает заветная мечта, что настоящие светлые дни не будут мимолетны, что если не теперь, то, может быть, в будущем древняя столица станет хотя бы временною резиденциею Русских Царей и почерпнет в этом новые живительные силы для выполнения своего исторического призвания» (<*Пихно Д. И.*>. Киев, 17-го августа 1885 // Киевлянин. 1885. 18 авг. № 181. С. 2).

[3] Выражение из пословицы «До Бога высоко, до царя далеко», вошедшей в сборник В. И. Даля «Пословицы русского народа».

[4] См. в передовой статье «<Союз с Россией выгоден Австрии для ее своекорыстного влияния на Балканском полуострове>» (Русь. 1885. 24 авг. № 8. С. 1—5): «...положение Славянского, особенно Православного, мира и в Болгарии, и в Сербии, и в прочих славянских странах — самое безотрадное. И положение это не исправится, пока в самой России будут две России — официальная и историческая народная: *Славянский* вопрос весь сводится к нашему внутреннему *Русскому* вопросу, весь *в нем* заключается и разрешится *только вместе с ним*» (*Собр. соч.* Т. 1. Кн. 2. С. 269).

Заметка редактора <на открытое письмо В. О. Португалова>

Печатается по первой публикации: <*Аксаков И. С.*>. Заметка редактора // Русь. 1885. 5 окт. № 14. С. 16. В *Соч.* не воспроизводилось.

В ответ на эту заметку Аксакова В. О. Португалов опубликовал «Открытое письмо И. С. Аксакову» (Неделя. 1885. 27 окт. № 43. Стб. 1506—1507), где напомнил о своей публикации в газете «День» (1862. 19 мая. № 32. С. 5—7) в защиту университетского образования для евреев, о встрече в 1881 г. в связи со сбором средств для голодающих Самарской губернии, а также дополнил рассказ о свинье некоторыми фактами.

[1] См.: *Португалов В.* Событие со свиньей: (письмо из Самары) // Неделя. 1885. 29 сент. № 39. Стб. 1367—1368. В заметке, написанной в глумливо-фельетонном духе, Португалов излагает историю, якобы случившуюся в имении Озерецкое Самарского уезда, принадлежащем Д. Ф. Самарину, брату Ю. Ф. Самарина и автору ряда концептуально важных статей по крестьянскому вопросу в газете «Русь». По словам Португалова, «в этом селе крестьяне Самарина получили при освобождении нищенский, сиротский надел. Понятно, что крестьянство молило барина продать им частицу земли» (Там же. Стб. 1367). В селе поднимали новый колокол на местную Спасскую церковь, и все собрались на это торжество, в том числе и Самарин. У вдовой крестьянки Мыздриной, арендовавшей полдесятины земли, была свинья, которая, оказавшись без надзора хозяйки, перешла межу и оказалась на барской земле. Управляющий имением с караульщиками накинулись на нарушительницу и поволокли ее, та подняла визг, заглушивший церковный звон. Прибежавшие крестьяне вступились за вдову и ее животину и отняли ее у управляющего. Самарин поскакал в Самару, вернулся с уездным предводителем, помощником исправника, становым, исправником и потребовал высечь крестьян за неповиновение розгами, несмотря на то что «администрация, проведя тщательное дознание, убедилась, что со стороны крестьян не совершено ровно ничего преступного» (Там же). В итоге «крестьяне, не желая сердить барина, грозившего прервать аграрные переговоры, пообещали принести в жертву несколько лиц и подвергнуть сечению своих сограждан...» (Там же. С. 1368). Португалов восклицал: «О, великие тени Константина Аксакова, братьев Киреевских, Хомякова и Юрия Самарина! Во что выродилось ваше хорошее прошлое! В славянофильское свинство...» (Там же).

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ. ВАРИАНТЫ. НАБРОСКИ

<Честное печатное слово и изворотливая речь>

Печатается впервые по первоначальному черновому наброску статьи: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 55. Л. 34—34 об. Здесь и далее в этом разделе пунктуация и орфография авторские, почти без модернизации.

<Правительственная воля и свобода частного мнения>

Печатается впервые по автографу ранней редакции передовой статьи: <*Аксаков И. С.*>. Москва, 20-го января // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 55. Л. 17—17 об.

<О Голландии>

Печатается впервые по черновому наброску статьи: <*Аксаков И. С.*>. Москва, 27 января // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 75. Л. 1—1 об. Статья, очевидно, писалась для газеты «День» «про запас» — на тот случай, если цензурой будет отвергнута первая заготовленная для номера передовая. Год написания — 1862-й — установлен по дате: 27 января приходилось на субботу в период издания «Дня» только в этом году. Однако цензура одобрила статью «<Русский прогресс и русская действительность>» (Наст. том. С. 30—32).

[1] Перифраз евангельского выражения «Суббота для человека, а не человек для субботы» (Мк 2: 27).

[2] *Безуханный* — не пахнущий, без аромата (*устар.*).

<Дворянство как сословие с правами, но без обязанностей>

Печатается впервые по автографу ранней редакции передовой статьи: <*Аксаков И. С.*>. Москва, 24-го февраля // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 55. Л. 13—16 об. Благодарю за содействие в подготовке текста Д. А. Бадаляна.

[1] Имеется в виду статья 19-го тома IX Свода законов (3-е изд. СПб., 1857. С. 5).

[2] 9-й класс соответствовал чину титулярного советника.

[3] Далее на поле рукописи (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 55. Л. 15) — черновой набросок письма Аксакова к статс-секретарю В. П. Буткову, цензуровавшему статьи по крестьянскому вопросу, с протестом против запрета печатать в «Дне» возражения на критику статьи Д. Ф. Самарина «Уставная грамота» (День. 1861. 25 нояб. № 7. С. 2—5), получившей большой резонанс в журналистике.

[4] Имеется в виду Указ Петра I о единонаследии (от 14 марта 1714 г.), юридически закрепивший слияние поместий, которыми награждали дворян за службу, с вотчинами, передававшимися по наследству.

<О взаимном отношении народа, государства и общества>

<Статья 5. Исторические судьбы земства на Руси>

Печатается впервые по писарской копии первой редакции передовой статьи, запрещенной цензурой: <*Аксаков И. С.*>. Москва, 31-го марта // РНБ. Ф. 208: А. В. Головнин. Ед. хр. 98: Всеподданейшие докладные записки статс-секретаря Головнина с января по май 1862 г. Л. 196—205 об. Благодарим Д. А. Бадаляна за помощь в подготовке текста этой статьи.

Писарская копия, изготовленная с автографа Аксакова, была просмотрена управляющим Министерством народного просвещения А. В. Головниным, отметившим ряд мест, подлежащих, по его мнению, исключению, и представлена им Александру II при

следующей докладной записке: «Московский Цензурный комитет представил как сомнительную статью Аксакова “Москва, 31 Марта” и протест его против запрещения оной. Полагая дозволить оную за исключением мест, подчеркнутых мною красными чернилами, считаю долгом всеподданейше представить статью сию Вашему Императорскому Величеству собственно потому, что в ней содержится ясное изложение того значения, которое придается у нас некоторыми писателями слову *земство*. Статс-секретарь Головнин. 5 апреля 1862» (Там же. Л. 195). (Упомянутый протест Аксакова см. в комментариях к публикации окончательной редакции рассматриваемой передовой, увидевшей свет 17 апреля (Наст. том. С. 708).) Царь, согласившись с цензурными изъятиями Головнина, пометил дополнительно от себя ряд недопустимых для публикации фраз и выражений, наложив резолюцию: «Кроме мест, подчеркнутых красными чернилами, *требую,* чтобы были также выключены места, мною помеченные карандашом» (Там же).

29 апреля Аксаков писал князю Д. А. Оболенскому: «Ты знаешь, что моя передовая статья в 27<-м> № была цензурована en haut lieu <в верхах (*фр.*)>. Многое вычеркнуто, но вообще процензуровано очень добросовестно. Чрезвычайный цензор оставил все мысли, противные его убеждениям, только смягчил резкость выражений» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 62 об.). Готовя к печати 2-ю редакцию статьи, Аксаков не только учел все замечания министра и царя, но и внес ряд небольших дополнений к тексту и поправок стилистического характера.

[1] От слов «к отчужденности народа» подчеркнуто красными чернилами министра и отсутствует в печатном варианте.

[2] От слов «Отчего не было» вычеркнуто красными чернилами министра и отсутствует в печатном варианте.

[3] В печатном варианте Аксаков изменил на «восьми веков».

[4] От слов «обессиливая правду» вычеркнуто красными чернилами министра и отсутствует в печатном варианте, где заменено фразой «дал временную победу стихии деятельной, но чуждой нашей народности...».

[5] От слов «Наконец выступившее» вычеркнуто красными чернилами министра и отсутствует в печатном варианте.

[6] От слов «более и более» вычеркнуто красными чернилами министра и отсутствует в печатном варианте.

[7] См.: *Аксаков К. С.* Краткий исторический очерк Земских соборов: (Полное собрание сочинений К. С. Аксакова, т. 1. Сочинения исторические. Москва, 1860 г.) // День. 1862. 6 янв. № 13. С. 3—5.

[8] Слова «но которой неоднократно изменяло государство» подчеркнуты карандашом царя и отсутствует в печатном варианте.

[9] От слов «она даже не спасла» подчеркнуто карандашом царя и отсутствует в печатном варианте.

[10] От слов «возникавшее при сильном» подчеркнуто красными чернилами министра и отсутствует в печатном варианте. Отсылка к рецензии К. С. Аксакова на VI том «Истории России с древних времен» С. М. Соловьева (1856). См. комм. 6 на с. 710.

[11] От слов «отсутствие общественной» отчеркнуто на полях карандашом царя и отсутствует в печатном варианте.

<Статья 6. История земства от эпохи самодержавия Москвы до правления Петра I>

I редакция

Печатается по черновому автографу запрещенного цензурой первого варианта передовой статьи: <*Аксаков И. С.*>. Москва, 21 апреля // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 55.

Л. 28—33 об. Впервые полностью опубликовано А. А. Теслей (с неточностями): Социологические исследования. 2012. Т. 11. № 2. С. 56—63.

В верхнем левом углу рукописи красным карандашом рукой Аксакова: «Процензурированная г. Министром» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 55. Л. 28). Написано чернилами, с авторскими вставками карандашом — как правило, стилистического характера (последние нами не оговариваются; обозначены в публикации А. А. Тесли).

[1] От слов «неустрашимо взвалить» вычеркнуто красными чернилами министра.
[2] От слов «соблазняемая преданиями» зачеркнуто красными чернилами министра.
[3] От слов «Это явление слишком важно» три абзаца зачеркнуты красными чернилами министра.
[4] От слов «Народ не обманывал себя» большой фрагмент зачеркнут красными чернилами министра.
[5] От слов «перед которым бледнеет» подчеркнуто красными чернилами министра.
[6] От слов «и празднуя» подчеркнуто красными чернилами министра.
[7] Слова «было новым явлением деспотизма» подчеркнуты красными чернилами министра.
[8] От слов «Самодержавная инициатива» подчеркнуто красными чернилами министра.
[9] От слов «ревниво оберегая» вычеркнуто красными чернилами министра.
[10] От слов «что все эти причины» вычеркнуто красными чернилами министра.

II редакция

Печатается по черновому автографу запрещенного цензурой второго варианта передовой статьи: *<Аксаков И. С.>*. Москва, 5 мая // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 55. Л. 22—27. Впервые полностью опубликовано А. А. Теслей (с неточностями): Социологические исследования. 2012. Т. 11. № 2. С. 64—70.

В верхнем левом углу рукописи красными чернилами рукой Аксакова: «Не одобрена и возвращена Г. Главноуправляющим Министерства Народного Просвещения с уведомлением, что к напечатанию допущена быть не может. Мая 8 1862» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 55. Л. 22). Написано чернилами, с авторскими вставками карандашом — как правило, стилистического характера (последние нами не оговариваются; обозначены в публикации А. А. Тесли).

Аксаков, готовя к печати 2-ю редакцию статьи, внес ряд поправок стилистического характера и небольшие дополнения к тексту, долженствующие облегчить его цензурную судьбу, — прежде всего отсылки к ранее опубликованным статьям своим и брата Константина.

[1] Т. е. Константин Сергеевич Аксаков.

Примечание к статье «Дворянин-старовер Кравков»

Печатается впервые по черновому автографу: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 74. Л. 1—2 об. Сверху на левом поле рукой Аксакова: *День.* / 28 №.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ*

Фронтиспис. Иван Сергеевич Аксаков. Фотография. Конец января 1869 г. Российская национальная библиотека

С. 17. Начало первой публикации статьи И. С. Аксакова «<Народный отпор чужестранным учреждениям>» (День. 1861. 4 нояб. № 4. С. 1).

С. 27. Черновой автограф статьи И. С. Аксакова «<Правительственная воля и свобода частного мнения>» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 55. Л. 17).

С. 41. Черновой автограф статьи И. С. Аксакова «<Дворянство как сословие с правами, но без обязанностей>» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 55. Л. 16).

С. 81. Черновой автограф Примечания И. С. Аксакова к статье «Дворянин-старовер Кравков» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 74. Л. 2).

С. 82. Начало первой публикации «Примечания к статье "Дворянин-старовер Кравков"» в издании для служебного пользования (*Сборник статей. 1862.* Т. 2. С. 231).

С. 97. Титульный лист 2-го тома Сочинений И. С. Аксакова (М., 1886) из библиотеки Б. Ф. Егорова.

С. 103. Начало первой публикации статьи И. С. Аксакова «<О лженародности в литературе 60-х годов>» (День. 1862. 1 дек. № 48. С. 1).

С. 169. Начало первой публикации статьи И. С. Аксакова «<О связи нашего общественного внутреннего вопроса с польско-русскою задачей >» (День. 1863. 16 нояб. № 46. С. 1).

С. 174. Начало первой публикации статьи И. С. Аксакова «<О значении областной России и необходимости областной печати>» (День. 1864. 11 апр. № 15. С. 1).

С. 240. Начало первой публикации статьи И. С. Аксакова «<О праве челобитных в древней Руси>» (День. 1865. 20 февр. № 8. С. 169).

С. 279. Начало первой публикации статьи И. С. Аксакова «<Как понимает газета "Весть" собственные свои строки>» (Москва. 1867. 3 марта. № 49. Стб. 6—7).

С. 316. Начало первой публикации статьи И. С. Аксакова «<О смертной казни>» (Москва. 1868. 24 апр. № 18. С. 169).

С. 341. Памятник Гюставу Флоберу в Руане.

С. 372. Ф. М. Достоевский в гробу. Рисунок А. Е. Земцова. 1881.

С. 385. Н. П. Гиляров-Платонов. Фотография. 1881.

С. 385. В. В. Комаров. Фотография. Начало 1880-х гг.

С. 417. Черновой автограф записки К. С. Аксакова «О внутреннем состоянии России» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 7. Ед. хр. 28. Л. 3).

С. 439. Б. Н. Чичерин. Портрет работы В. О. Шервуда. 1873.

С. 441. Беловой автограф статьи К. С. Аксакова «Значение столицы» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 7. Ед. хр. 32. Л. 1).

С. 486. Посещение Александром III и Марией Федоровной Художественно-промышленной выставки в Москве 9 сентября 1882 г. Хромолитография.

С. 502. Гравюра Е. Е. Бернардского по рисунку князя Г. Г. Гагарина (*Соллогуб В. А.* Тарантас: путевые впечатления. СПб.: изд. книгопродавца Андрея Иванова, 1845. С. 31).

* Подбор иллюстраций А. П. Дмитриева.

С. 518. Покушение на Леона Гамбетту куртизанки Леони Леон (декабрь 1882 г.). Гравюра Ф. Паннемейкера по рисунку П. Межанеля из книги Лео Таксиля «Les Mystères de la Franc-Maçonnerie» («Тайны масонства», Paris, 1886).
С. 585. Титульный лист газеты «Русь» с первой публикацией статьи И. С. Аксакова «<Повернула ли Россия от фразы к делу?>» (Русь. 1883. 15 дек. № 24. С. 1).
С. 621. Начало публикации статьи К. К. Толстого «Этюды господствующего мировоззрения» с примечанием И. С. Аксакова (Русь. 1884. 15 авг. № 16. С. 52).
С. 644. В. О. Португалов. Фотография. 1880-е гг.
С. 889. Борис Федорович Егоров. Фотопортрет работы К. В. Ивановой. 2016.

АННОТИРОВАННЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

А. П. (псевд.), либеральный публицист, автор газ. «Порядок» (1881) *788*

Аверинцев Сергей Сергеевич (1937—2004), филолог, культуролог, философ, библеист; переводчик, поэт *776*

Авсеенко Василий Григорьевич (1842—1913), прозаик, лит. и театр. критик и публицист; служил чиновником особых поручений при министре нар. просвещения; ред.-изд. *«СПбВед»* (1883—1896) 576, *831, 843, 846, 847*

Адлерберг Владимир Федорович (1790—1884), граф; ген.-адъютант, ген. от инфантерии; чл. Гос. совета (с 1842), главноуправл. Почтового деп-та (1842—1852), министр Имп. двора (1852—1870), министр уделов (с 1856) *701*

Адрианова-Перетц Варвара Павловна (1888—1972), литературовед, чл.-корр. АН СССР (1943) и АН УССР (1926), авт. работ по истории др.-рус. и укр. лит-ры *791*

Аксаков Григорий Сергеевич (1820—1891), оренбургский (1860—1867) и самарский (1867—1872) губернатор; второй сын С. Т. Аксакова *789*

Аксаков Константин Сергеевич (1817—1860) 5, 11, 20, 53, 60, 69, 70, 76, 89, 94, 95, 103, 392, 395, 398, 402, 409–412, 414–417, 422, 440, 441, 530, 598, 640, 661, 662, 664, 669, 675, *692, 703, 705, 706, 709–711, 715, 717–720, 731, 740–742, 745, 750, 751, 755, 756, 779, 781, 785, 786, 788–790, 792, 794, 796, 797, 799, 802, 805, 815, 821, 822, 830, 848, 850–852*

Аксаков Сергей Тимофеевич (1791—1859) 608, *704, 719, 721, 767, 785, 839*

Аксакова (ур. Тютчева) Анна Федоровна (1829—1889), фрейлина (с 1853) вел. княгини (с 1856 императрицы) Марии Александровны; мемуаристка, жена И. С. Аксакова (с 1866) *684, 704, 755, 778*

Аксакова Вера Сергеевна (1819—1864), мемуаристка, художник-любитель, старшая дочь С. Т. Аксакова *690–693, 695, 701, 702, 712, 716, 721, 732*

Аксакова Ольга Григорьевна (1848—1921), племянница И. С. Аксакова, публикатор архива Аксаковых *686*

Аксакова Любовь Сергеевна (1830—1867), сестра И. С. Аксакова *709*

Аксакова Софья Сергеевна (1835—1885), сестра И. С. Аксакова *712, 796*

Аксаковы *685, 689, 702, 717, 747, 748, 776, 795, 814, 830*

Александр I Павлович (1777—1825), рос. император (с 1801) 132, 323, 362, 487, 498, 616, 639, *733, 734, 737, 749, 756, 781, 786, 798, 841, 845*

Александр II Николаевич (1818—1881), рос. император (с 1855) 136, 458, 523, 597, 617, 638, 639, *694, 698–700, 702, 707, 709, 712, 715, 717, 729, 730, 734–736, 755, 767, 777, 781, 786, 789, 794, 800, 811, 823, 826, 832, 844, 849*

* Составитель А. П. Дмитриев. Помимо принятых сокращений (см. «Список сокращений»), в Указателе используются традиционные библиографические сокращения, при датах опускаются «г.» и «гг.», а при длинных заглавиях — легко восстановимые слова, например «Императорский» при «университетах». Иностранные родовые имена, как правило, полностью не приводятся; аналоги фамилий на языке оригинала не даются для арабской, грузинской, еврейской, турецкой и т. п. письменности. Для общеизвестных лиц указываются только их имена и даты жизни.

Александр III Александрович (1845—1894), рос. император (с 1881) 433, 461, 486, *730, 786, 796, 803, 807, 808, 810, 811, 823, 824, 848, 852*

Александр Македонский (Александр Великий; 356—323 до н. э.), царь Македонии (с 336), полководец 609

Александр Невский (1220 или 1221—1263), святой блгв. князь 602

Алексей Михайлович (1629—1676), рус. царь (с 1645) 68, 78, 237, 238, 641, 659, 672, *751, 752, 817, 847*

Альгаротти (Algarotti) Франческо (1712—1764), итал. знаток искусства и путешественник *738*

Альфред (Alfred; 1844—1900), принц, герцог Саксен-Кобург-Готский (с 1893), ранее герцог Эдинбургский, граф Ольстерский и Кентский (1866—1893), второй сын королевы Виктории, муж вел. княжны Марии Александровны (с 1874) 380, *781*

Андрей (Ανδρέας) Первозванный (? — ок. 70), первый из призванных апостолов (учеников) Христа *827*

Анзимиров Владимир Александрович (1859—1920), журналист, литератор, предприниматель *775*

Анна Иоанновна (1693—1740), рос. императрица (с 1730), племянница Петра I 323, 389, *717, 764*

Анненков Павел Васильевич (1813—1887), лит. критик, историк литературы, мемуарист *776*

Анненкова Елена Ивановна (р. 1946), литературовед 2

Антонович Максим Алексеевич (1835—1918), лит. критик, публицист, философ-материалист *721, 732*

Аргус (Ἄργος), в др.-греч. мифологии многоглазый великан 211, *748*

Аренберг Садия, типограф г. Староконстантинова Волынской губ. *831*

Арленкур (Arlincourt) Виктор д' (1788—1856), фр. поэт, историк и политик 65, *707*

Арсений (в миру, до 1716, Александр Иванович Мацеевич; 1697—1772), митрополит, богослов; иером. (1723), миссионер в Тобольске (с 1730); в мор. службе (1734—1737), соб. иером. Синодал. дома (с 1738); митр. Сибирский и Тобольский (с 1741), Ростовский и Ярославский (с 1742); был репрессирован в 1763 и заключен в крепость 81, 82, 682, 683, *713*

Арсеньев Илья Александрович (1820—1887), журналист, издатель, публицист, мемуарист 306, *762*

Арсеньев Константин Константинович (1837—1919), правовед, журналист, историк, лит. критик; обществ. и земский деятель, адвокат (1866—1874), чиновник в Сенате (1874—1882) *768*

Аскоченский Виктор Ипатьевич (1820—1879), поэт, прозаик, религ. публицист, историк *687*

Ахматов Иван Федорович (1766—1829), писатель, авт. бухгалтерских и исторических трудов *798*

Ашукин Николай Сергеевич (1890—1972), литературовед, библиограф *827*

Ашукина (ур. Зенгер, в 1-м браке Муравьева) Мария Григорьевна (1894—1980), литературовед, библиограф *827*

Б—н, корреспондент И. С. Аксакова (1861) *688*

Бадалян Дмитрий Александрович (р. 1964), историк, журналист *684, 686, 693, 697—699, 701, 703, 710, 768, 849*

Байрон (Byron) Джордж Гордон (1788—1824) *795*

Бак Дмитрий Петрович (р. 1961), литературовед, лит. критик, журналист, переводчик; директор Гос. музея истории российской литературы им. В. И. Даля 2

Бакунин Михаил Александрович (1814—1876), мыслитель, революционер-анархист, панславист 118—120, 127, *727, 728, 818*

Бальзак (Balzac) Оноре де (1799—1850) 55

Баратынский (Боратынский) Евгений Абрамович (1800—1844) 323, *766, 824*

Барсов Елпидифор Васильевич (1836—1917), фольклорист, этнограф, исследователь др.-рус. литературы *822*

Барсов Николай Павлович (1839—1889), историк, один из основоположников рус. исторической географии *739*

Барсуков Николай Платонович (1838—1906), историк, археограф, библиограф; нач. архива Мин-ва нар. просвещения (с 1883) *757*

Бартенев Петр Иванович (псевд. П. Б.; 1829—1912), историк, археограф, библиограф; чиновник моск. Гл. архива Мин-ва иностр. дел (1853—1858); изд.-ред. журн. «*РА*» (с 1863) *713, 737, 840*

Барятинский Александр Иванович (1814—1879), князь; ген.-адъютант, ген. от инфантерии, ген.-фельдмаршал, командир Кабардин. полка, нач. левого фланга Кавказ. линии (с 1851), нач. штаба Отдельного Кавказ. корпуса; с 1862 в отставке *717*

Бастиан (Bastian) Адольф (1826—1905), нем. этнограф, путешественник и философ 346

Батый (Бату; 1208—1255), монгольский хан, внук Чингисхана; глава Джучи улуса (с 1227), возглавил поход в Восточную Европу (1237—1243) 104

Бахметев Петр Владимирович (1818—1896), предводитель дворянства Дмитров. у. Моск. губ. (1859—1873, 1879—1896); поч. мировой судья Москвы; владелец типографии на Сретенке *720, 796*

Безак Александр Павлович (1800—1868), ген.-адъютант, ген. от артиллерии, оренбургский ген.-губернатор (1860—1865), ген.-губернатор Юго-Западного края (1865—1868) 576, 577, *831*

Безобразов Владимир Павлович (1828—1889), экономист, статистик, публицист, владелец типографии *792*

Бекович-Черкасский (при рожд. Девлет-Гирей-мурза) Александр (?—1717), потомок кабардинских князей; капитан Преображен. полка, руководитель Хивинского похода (1714—1717) 606, *839*

Белинский Виссарион Григорьевич (1811—1848) 100, 467, *719, 746, 775, 804, 805, 815*

Белый Василий Иванович (1817—1890), петерб. книгопродавец и издатель (с 1871), сын купца 3-й гильдии, служил в Одесской городской думе (1835—1868) *826*

Белюстин (Беллюстин) Иоанн Степанович (ок. 1820—1890), свящ.; религ. публицист либерального направления, служил сначала в одной из церквей г. Калязина (с 1839), затем в местном Николаевском соборе 388, *783*

Беляев Иван Дмитриевич (1810—1873), историк, проф. Моск. ун-та (с 1860) *752*

Беляев Илья Васильевич (1826—1867), магистр Моск. духов. академии (1850), проф. гражданской всеобщ. и рус. истории Моск. духов. семинарии (с 1852); публицист *687*

Бензенгер Юлий, студент Моск. ун-та (1859—1861), член общества «Земля и воля»; в 1864 осужден на бессрочную каторгу *729*

Бёнке Александр Егорович, петерб. издатель, арендовал типографию Мин-ва путей сообщения (1870—1910-е) *817*

Бентам (Bentham) Иеремия (1748—1832), англ. социолог, юрист, философ-утилитарист 348

Бер (Bert) Поль (1833—1886), фр. ученый и гос. деятель, проф. физиологии в Сорбонне; министр нар. образования и культов Франции (1881—1882) 492, 567, *812, 813, 828*

Берги, династия нем. негоциантов, торговавших в России 479
Бернардский Евстафий Ефимович (1819—1889), гравер, рисовальщик 502, *816, 852*
Беры, династия нем. негоциантов, торговавших в России 479
Бессонов Петр Алексеевич (псевд. Б—в; 1828—1898), этнограф, фольклорист, историк лит-ры, секретарь О-ва истории и древностей российских при Моск. ун-те, инспектор Моск. синодал. типографии (1858—1863) 192, 405, *744, 789, 830*
Бирон (изначально: Бирен или Бюрен; von Bühren) Эрнст Иоганн (1690—1772), граф (1730), фаворит имп. Анны Иоанновны (с 1724), герцог Курляндии (1737—1769); отбывал ссылку (1741—1763) 276, *764*
Бисмарк (Bismarck) Отто фон (1815—1898), князь; рейхсканцлер Герман. империи (1871—1890) 287, 396, 437, 479, 541, *780, 837, 838, 840*
Благосветлов Григорий Евлампиевич (1824—1880), журналист, публицист, ред. журн. «*РСл*» и «Дело» *689*
Блан (Blanc) Луи (1811—1882), фр. социалист, публицист 274, 346, 348, 542, 545, *757, 825*
Бланк Петр Борисович (1821—1886), земский деятель, публицист 242, 246, *753*
Бланки (Blanqui) Луи Огюст (1805—1881), фр. революционер, атеист и социалист, организатор ряда революц. обществ *821*
Блудов Дмитрий Николаевич (1785—1864), граф; министр внутр. дел (1832—1838) и юстиции (1838—1839), управл. II Отд-нием Собств. Его Имп. Величества канцелярии (с 1839), през. Акад. наук (с 1855), пред. Гос. совета (1862—1864) и Комитета министров (1861—1864) 395, *687, 692, 693, 704*
Блудова Антонина Дмитриевна (1812—1891), графиня; камер-фрейлина имп. Марии Александровны, писательница, мемуаристка *687, 690, 692–699, 701, 704–707, 717, 792*
Блудовы — см. *Блудов Д. Н., Блудова А. Д.*
Боборыкин Петр Дмитриевич (1836—1921), прозаик, драматург, лит. критик, публицист, мемуарист 340, *746, 770, 771*
Богоматерь 194, *766, 841*
Боденштедт (Bodenstedt) Фридрих фон (1819—1892), нем. прозаик, драматург, переводчик, поэт, журналист 569, *829*
Бодуэн де Куртенэ (Baudouin de Courtenay) Иван Александрович (1845—1929), языковед *684, 840*
Бокль (Buckle) Генри Томас (1821—1862), англ. историк и социолог-позитивист 133, 346, 380
Болтин Иван Никитич (1735—1792), историк; ген.-майор 219
Бомарше (Beaumarchais) Пьер Огюстен Карон де (1732—1799), фр. драматург, публицист *784, 797*
Бонапарт — см. *Наполеон I*
Бонжан (Bonjean) Луи Бернар (1804—1871), фр. чиновник и правовед, пред. Верховного суда; был расстрелян повстанцами в период Парижской коммуны как заложник 107, 113
Борис Федорович Годунов (1552—1605), рус. царь (с 1598) 78, 100, 101, 592, 672, *720*
Бородин А., петерб. типограф (1840-е) *737*
Борх, дворянин, помещик Витебской губ. 141
Борятинский (Барятинский) Федор Юрьевич (?—1696), князь; голова и воевода, окольничий 239, *752*
Брайт (Bright) Джон (1811—1889), англ. политик, либеральный оратор, министр торговли 588
Браунер (Brauner) Франц Август (1810—1880), чеш. полит. деятель *763*

Бредихин Мартемьян Семенович, думный дьяк (1653), патриарший стольник (1676) *752*

Брут (Марк Юний Брут Цепион, Marcus Junius Brutus Caepio; 85—42 до н. э.), рим. сенатор, убивший Цезаря 570

Будберг Андрей Федорович (1817—1881), барон, дипломат, действ. тайный советник (1867), посол в Берлине (1851—1856, 1858—1862), Вене (1856—1858) и Париже (1862—1868) 114, *725*

Булгарин Фаддей Венедиктович (1789—1859), прозаик, журналист и критик, издатель газ. «Северная Пчела» (1825—1859) и журн. «Сын Отечества» (1825—1839) 638, *718, 847*

Бурбоны (Bourbons), королев. династия во Франции (1589—1792, 1814—1815, 1815—1830) и ряде др. стран 552, *732, 786, 788, 826*

Буслаев Федор Иванович (1818—1897), языковед, фольклорист, литературовед, историк искусства *813*

Бутаков Григорий Иванович (1820—1882), флотоводец, ген.-адъютант, адмирал (1878) 293, *759, 760*

Бутков Владимир Петрович (1813—1881), гос. секретарь; председатель Комиссий для составления проектов Судебных уставов, руководитель разработки Судебной реформы 1864 г. *849*

Бутлеров Александр Михайлович (1828—1886), ординар. проф. химии С.-Петерб. ун-та (с 1870), академик (с 1874) *816*

Бутлерова (ур. Глумилина) Надежда Михайловна (1832—?), дочь сестры С. Т. Аксакова Софьи Тимофеевны и Мих. Вас. Глумилина, жена А. М. Бутлерова; двоюр. сестра И. С. Аксакова *816*

Бюхнер (Büchner) Фридрих Карл Христиан Людвиг (1824—1899), нем. врач, естествоиспытатель и философ-материалист, сторонник социального дарвинизма *732, 742*

В. Г. (псевд.) — см. *Гольцев В. А.*

Валуев Петр Александрович (1815—1890), граф (1880); министр внутр. дел (1861—1868), пред. Комитета министров (1879—1881); прозаик, духов. писатель 628, *695, 704, 712, 721, 745, 792, 795, 844*

Варадинов Николай Васильевич (1817—1886), тайный советник, юрист, экономист, филолог, историк; ред. «Журн. Мин-ва Внутр. Дел» (1855—1862) и газ. «Сев. Почта» (1862), чл. Совета Главн. упр-ния по делам печати (1865—1883) *695*

Варфоломей (Нафанаил), один из 12-ти апостолов (учеников) Иисуса Христа *728*

Василевский Ипполит Федорович (наст. имя Ипполит-Петр Фердинандович; псевд. Буква; 1849—1920), фельетонист, публицист *767, 776*

Васильчиков Александр Алексеевич (1832—1890), князь; историк, искусствовед, дир. Эрмитажа (1879—1888) 570, *830*

Вашингтон (Washington) Джордж (1732—1799), первый президент США (1789—1797) 352, *698*

Введенский Арсений Иванович (псевд. А. Вв; 1844—1909), лит. критик, историк литературы 488, 489, 575, *798, 799, 831*

Вельтман Александр Фомич (1800—1870), прозаик, поэт *741, 815*

Вельяминов-Зернов Мирон Андреевич (? — ок. 1645), окольничий и воевода 236

Венгеров Семен Афанасьевич (1855—1920), лит. критик, литературовед, библиограф; либеральный публицист 489

Венгерова Зинаида Афанасьевна (1867—1941), писательница, переводчица, лит. критик; с 1921 жила в эмиграции *771*

Веневитинов Алексей Владимирович (1806—1872), сослуживец А. И. Кошелева по Московскому архиву Коллегии иностранных дел; товарищ министра уделов, сенатор (1855) 428, *796*

Веневитинов Дмитрий Владимирович (1805—1827), поэт, критик, переводчик, журналист, чл. моск. кружка любомудров; друг А. С. Хомякова и А. И. Кошелева 428, *796*

Веселовский Александр Николаевич (1838—1906), литературовед, проф. С.-Петерб. ун-та (с 1870), академик (с 1877) *813*

Веселовский Алексей Николаевич (1843—1918), литературовед ист.-культур. школы, проф. Моск. ун-та и Высших жен. курсов; поч. академик (с 1906) 497, 572, *815, 830*

Ветловская Валентина Евгеньевна (р. 1940), литературовед 4

Виктория (Victoria; 1819—1901), королева Великобритании (с 1837) 314, *765, 781*

Вильгельм III (William III), принц Оранский (1650—1702), правитель Нидерландов (с 1672), король Англии (с 1689) и король Шотландии (с 1689) *706*

Витберг Федор Александрович (1846—1919), литературовед, библиограф, собиратель документов по истории России *845*

Вихрова Нина Николаевна, литературовед *684*

Владимир I (Владимир Святой Равноапостольный; ок. 960—1015), вел. князь Киевский (с 978); креститель Руси 31, 71, 602, 663, *720*

Владычкин Иван, дьяк Поместного приказа (1648) *752*

Вогау, династия нем. негоциантов, торговавших в России 479

Водолазкин Евгений Германович (р. 1964), писатель, литературовед *813*

Волзлей (Вулзли, Уолсли, Wolseley) Гарнет Джозеф (1833—1913), виконт; британ. военачальник, фельдмаршал (1894) 483, *810*

Волконская Анна Ивановна (ур. графиня Паскевич-Эриванская, светл. княжна Варшавская; 1822—1901), княгиня 114, *726*

Волчанинов Михаил Гаврилович (?—1919), владелец типографии в Москве, в Леонтьевском пер. *685, 824*

Вольтер (Voltaire; наст. имя и фам. Мари Франсуа Аруэ; 1694—1778) 81, 682, *713, 746*

Вольф Маврикий Осипович (1825—1883), основатель петерб. книгоиздат. и книгопродавч. фирмы (1853) *684*

Вольфзон (Вольфсон, Wolfsohn) Вильгельм (1820—1865), нем. драматург, переводчик и журналист российского происхождения *829*

Воронцов Михаил Семенович (1782—1856), граф, светл. князь (с 1845); ген.-фельдмаршал, ген.-адъютант; новороссийский и бессараб. ген.-губернатор (1823—1844), наместник на Кавказе (1844—1854) *717*

Воронцов Семен Романович (1744—1832), граф (1797); дипломат, ген. от инфантерии (1796); посол в Великобритании (1784—1806) 631, *845*

Всеволожский Николай Сергеевич (1772—1857), гос. и воен. деятель, историк, типограф, библиофил *751, 752*

Вяземский Александр Алексеевич (1727—1793), князь; доверенный сановник Екатерины II, ген.-прокурор Сената (с 1764) 82, 683, *713*

Вяземский Петр Андреевич (1792—1878), князь; поэт, критик, мемуарист; товарищ министра нар. просвещения (1855—1858), обершенк двора, член Гос. совета и сенатор (с 1859) *777, 833*

Г. — см. *Гудович В. В.*

Г. (псевд.), либеральный публицист, автор газ. «Порядок» (1881) *784*

Габсбурги (Habsburger), европ. монаршая династия правителей Австрии (1282—1918) и императоров Свящ. Рим. империи (1438—1742, 1745—1806) 304, 311, 480, 600, 601, *745, 835*

Гагарин Григорий Григорьевич (1810—1893), князь; художник-любитель, иллюстратор, исследователь искусства, архитектор, вице-президент Императорской Академии художеств (1859—1852) 502, *816, 852*

Гагарин Иван Сергеевич (с 1843 иезуит о. Ксаверий; 1814—1882), князь; литератор, католич. священник 118, *727*

Гагемейстер Юлий Андреевич фон (псевд.: Y; 1806—1878), финансист и экономист; тайный советник, сенатор 92–95, *716, 717, 724*

Гамбетта (Gambetta) Леон Мишель (1838—1882), премьер-министр и министр иностр. дел Франции (с 1881) 368, 413, 517, 518, 545, *821, 825, 826, 853*

Гарибальди (Garibaldi) Джузеппе (1807—1882), итал. полит. деятель, глава движения за нац. независимость и объединение Италии 163, *739*

Гартман Лев Николаевич (1850—1908), революционер-народник, заграничн. представитель партии «Народная воля»; с 1881 жил в США 419, 420, *794*

Гартман (Hartmann) Эдуард фон (1842—1906), нем. философ-иррационалист 348, 570

Гартунг Иоганн Михаель (Михель), типографщик и словолитец немецкого происхождения, основатель первой частной типографии в России (1771) *711*

Гачева Анастасия Георгиевна (р. 1966), литературовед, историк философии 2

Ге Николай Николаевич (1831—1894), живописец *793*

Гегель (Hegel) Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831) 55, 176, 345, 348, *741, 830*

Гек Бернард Л., петерб. типограф (1790-е) *845*

Гексли (Хаксли, Huxley) Томас Генри (1825—1895), англ. зоолог-дарвинист, популяризатор науки 570

Гёльдерлин (Hölderlin) Фридрих (1770—1843), нем. поэт *689*

Гельмгольц (Helmholtz) Герман фон (1821—1894), нем. физик, физиолог и психолог 348

Генесси (Hennessy) Джон Поуп (1834—1891), ирландский и британский политик и колониальный администратор; член Британского парламента (1859—1865), губернатор Гонконга (1877—1882) и Маврикия (1883—1889) 107, 110

Генкель (Henckel) Вильгельм (Василий Егорович) (1825—1910), российский и германский переводчик и издатель *762*

Генрих VIII (Henry VIII; 1491—1547), англ. король (с 1509), из династии Тюдоров 315, *765*

Геркулес (Herculēs, Геракл), в др.-греч. мифологии величайший герой, сын Зевса 392, 402, 495, 538, *690*

Гермоген (в миру Ермолай; ок. 1530—1612), патриарх Московский и всея Руси (1606—1611) *750*

Герцен Александр Александрович (1839—1906), сын А. И. Герцена *820*

Герцен Александр Иванович (1812—1870) 119–121, 127, 453, 466, 467, 515, *684, 698, 714, 725–729, 776, 796, 801, 804, 820*

Герье Владимир Иванович (1837—1919), историк, проф. Моск. ун-та (1868—1904) *813*

Гёте (Goethe) Иоганн Вольфганг (1749—1832) 55, 354, *724, 776, 795, 830*

Гизо (Guizot) Франсуа (1787—1874), фр. историк и гос. деятель, министр внутр. дел (1830), нар. просвещения (1832—1837), иностр. дел (1840—1848), пред. Совета министров (1847—1848) 30, 209, 210, *697, 748*

Гильом (Гийом, Guillaume) Жан-Батист Клод Эжен (1822—1905), фр. скульптор, директор Парижского училища изящных искусств *771*

Гильфердинг Александр Федорович (1831—1872), историк-славист, фольклорист, публицист 400, *689, 788, 813*

Гиляров — см. *Гиляров-Платонов Н. П.*

Гиляров-Платонов Никита Петрович (1824—1887), публицист, богослов, философ, экономист, мемуарист; цензор, изд.-ред. газ. *«СИ»* (с 1867) 5, 384, 385, *686, 687, 694, 697, 701, 704, 713, 740, 769, 780–782, 803, 828, 841, 842, 852*

Гиппократ (Ἱπποκράτης; ок. 460 — ок. 370 до н. э.), др.-греч. врач-реформатор *837*

Гладстон (Gladstone) Уильям Юарт (1809—1898), премьер-министр Великобритании (1868—1874, 1880—1885, 1886, 1892—1894); писатель по вопр. политики, теологии, филологии 569

Глазунов Илья Иванович (1786—1849), петерб. издатель и книготорговец *783*

Глинка (ур. Голенищева-Кутузова) Авдотья Павловна (1795—1863), поэтесса, прозаик, переводчица, обществ. деятельница *773, 795*

Глумилина Н. М. — см. *Бутлерова Н. М.*

Гогенцоллерны (Hohenzollern), династия бранденбург. курфюрстов (1415—1701), прус. королей (1701—1918), герман. императоров (1871—1918) 600, *763*

Гоголь Николай Васильевич (1809—1852) 55, 189, 219, 255, 340, 347, 369, 418, 434, 450, 510, 513, 589, 620, *687, 694, 743, 750, 767, 771, 782, 793, 796, 814, 818, 819, 821, 824, 827, 833*

Годунов — см. *Борис Федорович Годунов*

Гозенпуд Абрам Акимович (1908—2004), литературовед, критик, переводчик и музыковед, педагог *833*

Голенищев-Кутузов Арсений Аркадьевич (1848—1913), граф; поэт, прозаик, публицист; обер-гофмейстер (1912) 597, *835*

Голенищев-Кутузов Петр Аркадьевич (1845—1911), граф; беллетрист, публицист; член Комитета цензуры иностранной (1890—1896) 597, 598, *834, 835*

Голицыны, князья *829*

Головацкий Яков Федорович (1814—1888), галицкий поэт, писатель, ученый, фольклорист, грекокатолический священник, профессор Львов. ун-та, председатель Виленской археогр. комиссии (1867—1888) 321, *765, 766*

Головачёв Алексей Адрианович (1819—1903), обществ. деятель, либеральный публицист 421–424, 467, *794, 805*

Головин Владимир Иванович (1835—1892), поэт, переводчик, издатель; владелец типографии *847*

Головнин Александр Васильевич (1821—1886), чиновник Мор. ведомства (с 1848), статс-секретарь (1859), министр нар. просвещения (1862—1866) 73, 391, 628, *693, 694, 697–700, 707, 709, 710, 712, 784, 849, 850*

Голохвастов Павел Дмитриевич (1838—1892), публицист-славянофил, историк, филолог 536, *797, 808, 822, 823*

Гольцев Виктор Александрович (псевд. В. Г.; 1850—1906), писатель, журналист, лит. критик, ученый и обществ. деятель, публицист; доцент Моск. ун-та 407, 408, 424, *788–790, 794, 796, 798, 799*

Гордон Абрам Осипович (1840—1918), еврейский правовед, публицист 190, *743, 744*

Горизонтов Леонид Ефремович (р. 1962), историк-славист *732*

Горчаков Александр Михайлович (1798—1883), светл. князь; дипломат, рус. посланник в Вене (с 1855), министр иностр. дел и чл. Гос. совета (1856—1882), канцлер (1867) 304, *762*

Грабарь (ур. Добрянская) Ольга Адольфовна (1843—1930), дочь лидера закарпатских русинов А. И. Добрянского-Сачурова *813, 817*

Градовский Александр Дмитриевич (псевд.: Вятич; 1841—1889), правовед, либеральный публицист 359, 362, 363, 368, 408–417, 422, 466, *767, 777, 779, 780, 790–792, 794, 804, 821, 822*

Градовский Григорий Константинович (псевд. Грель; 1842—1915), либеральный обществ. деятель, публицист *767*
Грановский Тимофей Николаевич (1813—1855), историк, глава моск. западников; проф. всеобщ. истории Моск. ун-та (с 1839) *776, 847*
Грачов Михаил Федорович (псевд. М. Г.), крестьянин, корреспондент газ. «Русь» (1884) 634, 635, *846*
Грегори (Gregory) Уильям Генри (1817—1892), англо-ирландский полит. деятель, либерал-консерватор, член парламента (1857—1871), позднее губернатор Цейлона (1871—1876) 141
Греков Владимир Николаевич (р. 1951), литературовед *684, 687, 692, 738, 751, 754, 791, 792, 805, 825*
Грессер Петр Аполлонович (1833—1892), ген.-адъютант, ген.-лейтенант (1883), волынский губернатор (1871—1878), с.-петербургский обер-полицмейстер (1882—1883), затем градоначальник *844*
Греч Николай Иванович (1787—1867), литератор, журналист (изд. журн. «Сын Отечества», газ. «Сев. Пчела», совм. с Ф. В. Булгариным), мемуарист 638, *847*
Грибоедов Александр Сергеевич (1795—1829) 165, 216, 219, 340, 347, 450, 497, 501, *739, 763, 776, 785, 806, 815, 817, 821, 822, 830*
Григорьев Аполлон Александрович (1822—1864), поэт, драматург, лит. и театр. критик, переводчик, мемуарист, идеолог почвенничества *785*
Гримм (Grimm) Якоб (1785—1863), нем. филолог 176
Гримм Давид Иванович (1823—1898), академик архитекторы, один из создателей «рус. стиля» *722*
Грозный — см. *Иоанн IV*
Грузинцев Ф. В., издатель, владелец типографии в Кишиневе (1880-е), ред. неоф. отд. «Бессарабских обл. ведомостей» (1872—1881) *771, 773, 774*
Гудович Василий Васильевич (1819—1886), граф; полковник л.-гв. Конного полка 117, *727*
Гумбольдт (Humboldt) Вильгельм (1767—1836), нем. лингвист, философ; дипломат 176
Гурко (Ромейко-Гурко) Иосиф Владимирович (1828—1901), ген.-фельдмаршал (1894), герой Рус.-турец. войны (1877—1878); временный одесский ген.-губернатор (1882—1883) *807*
Гуттенберг (Гутенберг, Gutenberg) Иоганн (1397/1400—1468), нем. ювелир, изобретатель книгопечатания подвижными литерами (сер. 1440-х) 58, *705*
Гюго (Hugo) Виктор (1802—1885) 340, *771*

Давыдов Денис Васильевич (1784—1839), поэт, один из командиров партизанского движения во время Отечественной войны 1812 г. *737*
Даль Владимир Иванович (1801—1872) 145, 192, *684, 691, 696, 704, 737, 742, 744, 848*
Данте Алигьери (Dante Alighieri; 1265—1321) *773*
Дарвин (Darwin) Чарлз Роберт (1809—1882) 570
Дейкун Иван Леонтьевич (?—1903), тов. прокурора и член Нежинского окружного суда; гласный Гор. думы (с 1881), гор. голова Нежина (с 1889) *793*
Делла Скала (Della Scala) Иероним (1840—1914), граф, румын. аристократ, буковин. землевладелец *814*
Делла Скала (Della Scala, ур. Вассилко, Wassilko) Евгения (1864—1928), графиня, владелица имения Гнилички Збаражского повета; жена предыдущего *814*
Дёллингер (Döllinger) Игнац фон (1799—1890), баварский католич. священник, историк Церкви и богослов; один из инициаторов движения старокатоликов *778*

Делянов Иван Давыдович (1818—1897), граф; дир. Публич. б-ки (1861—1886), чл. Гл. упр-ния цензуры (с 1861); тов. министра нар. просвещения (1866—1874), министр (с 1882) 634, *846*

Демидов Павел Павлович, князь Сан-Донато (1839—1885), промышленник, благотворитель 113, *725*

Демченко Адольф Андреевич (1938—2016), литературовед, проф. Сарат. ун-та *721*

Дерби, граф (Earl of Derby) — см. *Смит-Стэнли Э. Дж.*

Дергачева Людмила Дмитриевна, историк *774*

Державин Гаврила Романович (1743—1816) *713, 723, 754*

Дидро (Diderot, Дидерот) Дени (1713—1784), фр. прозаик, философ-просветитель, драматург 81, 199, 682, *713, 746*

Диккенс (Dickens) Чарлз (1812—1870) 55

Димитрий Углицкий (1582—1591), блгв. царевич, князь Углицкий, мл. сын Ивана Грозного *811*

Дитятин Иван Иванович (1847—1892), историк права и государствовед; проф. Харьк. ун-та (1878—1887) 467, *691, 805*

Дмитриев Андрей Петрович (р. 1963), литературовед, библиограф 2–4, *684, 686, 734, 740, 745, 778, 785, 813, 829, 841, 852, 854, 890*

Дмитриев Игорь Сергеевич (р. 1948), историк науки, директор Музея-архива Д. И. Менделеева (с 1991) *816*

Дмитрий (Димитрий) Иванович Донской (1350—1389), святой, вел. князь Московский (с 1359) и Владимирский (с 1362) *811*

Добродеев Сергей Емельянович (1846—1910), управляющий типографией А. И. Траншеля, впоследствии издатель (1885—1897) и редактор (1887—1896) *804*

Добрянский (Добрянский-Сачуров) Адольф Иванович (1817—1901), славист, духов. писатель *813*

Докучаев И. Ф., беллетрист (1840-е) *817*

Долгих Аркадий Наумович, историк *756*

Долгоруков Василий Андреевич (1804—1868), князь; товарищ воен. министра (с 1848), управл. Воен. мин-вом (1853—1856), чл. Гос. совета (с 1856) *698*

Долгоруков Владимир Андреевич (1810—1891), князь, ген.-адъютант, ген. от инфантерии; моск. ген.-губернатор (с 1865) *784, 803, 823*

Долгоруков Петр Владимирович (1816—1868), князь; историк и публицист, деятель Вольной русской печати, генеалог; с 1859 г. в эмиграции 117, *727, 747*

Долгоруков-Крымский Василий Михайлович (1722—1782), князь; ген.-аншеф (1762), моск. главнокомандующий (1780—1782), завоеватель Крыма (1774) *722*

Дондуков-Корсаков Александр Михайлович (1820—1893), князь; ген.-адъютант (1869), ген. от кавалерии (1878), чл. Гос. совета (с 1879); участник Кавказ. походов и Крым. войны; ген.-губернатор Юго-Зап. края (с 1869), имп. рос. комиссар в Болгарии (с 1878), командующий оккупац. корпусом (с 1879); харьковский (1880) и одесский (1881) ген.-губернатор; главноначальствующий на Кавказе (1882—1890) 576–577, *831*

Достоевская (ур. Сниткина) Анна Григорьевна (1846—1918), вторая жена Ф. М. Достоевского (с 1867), мемуаристка, издательница *779*

Достоевский Михаил Михайлович (1820—1864), прозаик, издатель, брат Ф. М. Достоевского *689, 716, 792*

Достоевский Федор Михайлович (1821—1881) 372–377, 466, 615, *684, 687–690, 703, 716, 724, 740, 767, 779–781, 791, 792, 800, 810, 826, 833, 840, 852*

Драгоманов Михаил Петрович (1841—1895), критик, публицист-украйнофил, историк, фольклорист, обществ. деятель 489, 494, 506–508, *812, 814, 818*

Драгомиров Михаил Иванович (1830—1905), ген.-адъютант, ген. от инфантерии (с 1891) *807*

Дрентельн Александр Романович (1820—1888), ген.-адъютант (1867), ген. от инфантерии, шеф жандармов (1878—1880), ген.-губернатор Юго-Западного края (1881—1888) 577, *831*

Духинский (Duchiński) Франтишек (1816—1893), польск. историк-националист, публицист 610, *839, 840*

Дюбарри (Du Barry, ур. Бекю) Жанна (1743—1793), графиня, официальная фаворитка фр. короля Людовика XV (1768—1774) 109, *723*

Дюма-отец (Dumas-père) Александр (1802—1870) 117, 131, *732*

Е. М., корреспондент газ. «*МВед*» из Брюсселя (1863) *726*

Евдокимова Ольга Владимировна (р. 1954), литературовед 4

Евдокия (Авдотья) Федоровна (ур. Лопухина; в монашестве Елена; 1670—1731), первая жена Петра I (1689—1698), была пострижена в монашество (1695) *738*

Евреинов А., владелец типографии в Москве (1830—1840-е) *817*

Евфросиния Московская (в миру Евдокия Дмитриевна; ?—1407), святая, вел. княгиня, жена Димитрия Донского (с 1366) *811*

Егоров Борис Федорович (1926—2020), литературовед, историк, культуролог 2, 97, *684, 685, 741, 745, 755, 764, 773, 785, 851, 852, 888–890*

Езоп — см. *Эзоп*

Екатерина I (Марта Самуиловна Скавронская; 1684—1727), вторая жена Петра I, императрица Всероссийская (с 1721 как супруга царствующего императора, с 1725 как правящая государыня) *841, 845*

Екатерина II Алексеевна (Великая; 1729—1796), рос. императрица (с 1762) 34, 42, 62, 78, 80–82, 94, 153, 199, 242, 244, 304, 312, 318, 323, 332, 498, 504, 523, 570, 592, 602, 604, 606, 617, 625, 672, 679, 681–683, *698, 702, 706, 712, 713, 717, 718, 746, 753, 762–764, 766, 768, 816, 817, 822, 830, 841*

Елагин Василий Алексеевич (1818—1879), историк, публицист 48, 333, *703, 704, 711, 768, 785, 822*

Елагин Николай Алексеевич (1822—1876), изд. «Белевской вивлиофики»; калуж. помещик *785, 822*

Елагины, братья — см. *Елагин В. А., Елагин Н. А.*

Елизавета (Елисавета) Петровна (1709—1761), рос. императрица (с 1741), дочь Петра I 94, 312–315, 323, 592, *713, 717, 748, 763, 764, 769, 781, 841*

Елизаров Федор Кузьмич (?—1664), думный дьяк (с 1640), думный дворянин и окольничий (с 1655), глава Поместного приказа *752*

Епишев Алексей Иванович, преподаватель Моск. ун-та, изд.-ред. газ. «Смолен. Вестник» *789*

Ерасси (Эрасси) В., переводчик с фр. (1880-е) *823*

Жабо, дворянин, помещик Витебской губ. 141

Желваков Николай Алексеевич (1860—1882), революционер-народник, был повешен за убийство прокурора В. С. Стрельникова *807*

Жирар (Girard), нотариус в Париже (1790-е) 552

Жирардин (Girardin) Эмиль де (1802—1881), фр. журналист, издатель, политик 233, 236

Жук Алла Александровна (1931—1992), литературовед, проф. Сарат. ун-та *721*

Забелин Иван Егорович (1820—1908), историк, археолог, археограф, музейный деятель, коллекционер 592, *834*
Забелло Пармен Петрович (1830—1917), скульптор, академик Имп. Акад. художеств *793*
Завадовский Петр Васильевич (1739—1812), граф; кабинет-секретарь, фаворит Екатерины II, министр нар. просвещения (1802—1810) *763*
Заичневский (Зайчневский) Петр Григорьевич (1842—1896), революционер-народник, автор прокламации «Молодая Россия» (1862) *757*
Закревский Арсений Андреевич (1783—1865), граф; ген.-адъютант, ген. от инфантерии, финлянд. ген.-губернатор (1823—1826), министр внутр. дел (1828—1831), моск. воен. ген.-губернатор (1848—1859), сенатор (с 1826) 324, 325, *766*
Залюбовский Григорий Антонович (1836—1898), южно-русский писатель-этнограф и обществ. деятель *719*
Замойские (Zamoyscy), польск. графский род *758*
Заничелли (Zanichelli) Николя (1819—1884), ит. издатель, основатель изд-ва в Модене (1859) *824*
Заочный (псевд.) — см. *Ржевский В. К.*
Засулич Вера Ивановна (1849—1919), народница, террористка, публицист, лит. критик, переводчик, мемуарист 491, *812*
Захаров Игорь Валентинович (р. 1964), книгоиздатель *731, 777, 795*
Земцов Александр Ефимович (1856—1896), живописец, график 372, *852*
Златовратский Николай Николаевич (1845—1911), писатель-народник 446, *799*
Золя (Зола, Zola) Эмиль (1840—1902) 566, *828*
Зосима Соловецкий (?—1478), прп., церк. деятель; один из основателей Соловец. мон-ря 614, *840*
Зотов Владимир Рафаилович (1821—1896), прозаик, драматург, поэт, журналист, переводчик *740*
Зуц Н. И., поручик 45-го пехотного Азовского полка, автор ист. описания г. Старокон-стантинова (1884) *831*

И. И. М., корреспондент М. Д. Скобелева *832*
Иаков (Ἰάκωβος) Зеведеев (Иаков Старший; ?—44), один из 12-ти апостолов (учеников) Иисуса Христа *827*
Иван III — см. *Иоанн III*
Иван IV — см. *Иоанн IV*
Иванов Андрей Иванович, петерб. книгопродавец и издатель 502, *816, 852*
Иванов Иван Александрович (1850—1927), тверской краевед, журналист *789*
Иванов Иван Иванович (1846—1869), студент Петров. земледельч. академии в Москве, нечаевец, отвергший принципы «нечаевщины» и убитый за это 550, *826*
Иванов С. В., гласный Казан. губернского земского собрания (1880-е) 627
Иванова Ксения Викторовна, фотограф *853, 889*
Игнатьев Николай Павлович (1832—1908), граф; дипломат, ген. от инфантерии (1878); посол в Константинополе (1864—1877), министр внутр. дел (1881—1882) 400, 437, 476, *788, 796, 807, 808, 814, 819*
Излер Иван Иванович (имя при рожд. Иоганн Люциус; 1810—1877), петербургский антрепренер и кондитер 130
Иисус Христос 57, 83, 138, 154, 181, 315, 338, 374–376, 397, 471, 473–475, 485, 492, 560, 563, 594, 610, 611, 613, 620, *693, 710, 714, 720, 736, 738, 756, 780, 807, 822, 828, 840, 842*
Иловайский Димитрий Иванович (1832—1920), историк, публицист; авт. учебников по отеч. и всеобщ. истории 411, *791*

Иннокентий (в миру прот. Иоанн Евсеевич Попов-Вениаминов; 1797—1879), просветитель алеутов, духов. писатель; еп. Камчатский и Алеутский (с 1840; архиеп. с 1850), митр. Московский и Коломенский (с 1868) 624, *842*

Иоанн (Ἰωάννης) Богослов (Иоанн Зеведеев; I в.), апостол из 12-ти, автор одного из канонических Евангелий, Апокалипсиса и трех посланий *714, 742, 769, 770, 772, 780, 807, 808, 821, 827, 828, 836*

Иоанн (Иван) III Васильевич (1440—1505), вел. князь Московский (с 1462) 592

Иоанн (Иван) IV (Иван Грозный; 1530—1584), вел. князь «всея Руси» (с 1522), первый рус. царь (с 1547) 74, 76–78, 333, 369, 398, 465, 592, 604, 615, 665, 669–672, 674, 676–679, *711, 713, 718, 720, 804, 838*

Иоанн (Иван) V Алексеевич (1666—1696), русский царь (с 1682), брат Петра I 238

Иоанн Златоуст (Ἰωάννης ὁ Χρυσόστομος; между 344 и 354—407), свт., учитель Церкви, еп. Константинопольский (с 398); проповедник *780*

Ионсон (Йонсон, Jonson) Яков Иванович (1806—1865), агроном и педагог; проф. Дерптского ун-та; владелец типографии в Петербурге *740*

Иордан Федор Иванович (1800—1883), гравер, ректор Акад. художеств (с 1871) *821*

Искариот — см. *Иуда Искариот*

Иуда Искариот 83, 84, 86, 87, *714*

Кабе (Cabet) Этьен (1788—1856), фр. философ, публицист, проповедник коммунистич. колоний 346–348

Каблиц И. И. — см. *Юзов И.*

Казаков Матвей Федорович (1738—1812), архитектор *722*

Калачов Николай Васильевич (1819—1885), историк, академик (1883) 629, 631, *844, 845*

Калмановский Евгений Соломонович (1927—1996), литературовед *747*

Кальноки (Kálnoky) Густав (1832—1898), граф; австро-венгерский дипломат, министр иностр. дел Австро-Венгрии (1881—1895) 437

Каменский Захар Абрамович (1915—1999), философ, историк *830*

Канкрин Егор Францевич (при рожд. Георг Людвиг; 1774—1845), граф (1829), ген. от инфантерии, министр финансов (1823—1844) *718, 745*

Кант (Kant) Иммануил (1724—1804) 55

Кантемир Антиох Дмитриевич (1708—1744), поэт-сатирик, дипломат *766*

Капнист Василий Васильевич (1758—1823), граф; поэт, драматург; генеральный судья Полтавской губ. (1802) *815*

Каппельманс (Cappelemans) Виктор Иванович (1824—1871), ред. газеты «La Nord», сотрудник газет «Indépendance Belge», «Journal de Débats»; родом бельгийский еврей *726*

Капрара (Caprara) Джованни Баттиста (1733—1810), итал. кардинал и гос. деятель; архиепископ Милана (1802—1810) 281

Карамзин Александр Николаевич (1815—1888), литератор, поэт; нижегор. земский деятель *829*

Карамзин Николай Михайлович (1766—1826) 269, *720, 756, 829*

Карл I (Charles I) Стюарт (1600—1649), король Англии, Шотландии и Ирландии (с 1625) *706*

Карл XII (Karl XII; 1682—1718), король Швеции (с 1697), полководец *830*

Карл Великий (Carolus Magnus; 742—814), король франков (с 768), император Запада (с 800) 609, *720*

Карнович Евгений Петрович (1823— 1885), прозаик, историк, журналист *792*

Кароль I (Карл Гогенцоллернский; *нем.* Karl I von Hohenzollern-Siegmaringen, *рум.* Carol I; 1839—1914), князь («домнитор») Румынии (с 1866), а затем (с 1881) первый король Румынии, из нем. католич. дома Гогенцоллернов-Зигмарингенов; герман. ген.-фельдмаршал (1909), рос. ген.-фельдмаршал (1912), германофил *763*

Карташевская Мария Григорьевна (1818—1906), племянница С. Т. Аксакова, дочь его сестры Надежды Тимофеевны, двоюр. сестра И. С. Аксакова; К. С. Аксаков в молодости был к ней неравнодушен *690–693, 695, 701, 712, 716, 721, 732*

Кастальди (Castaldi) Памфилио (1390—1470), итал. типографщик, считался изобретателем подвижных букв *705*

Касьянов, псевд. И. С. Аксакова 108, 115, *721–727, 729, 731–733, 737, 815*

Катков Михаил Никифорович (1818—1887), обществ.-полит. деятель; публицист- консерватор, лит. критик, ред.-изд. журн. «*РВ*» (с 1856), газ. «*МВед*» (с 1863) 483, *696, 707, 731, 732, 736, 737, 740, 746, 748, 753, 754, 760, 774, 779, 783, 786, 787, 808, 809, 827, 839, 843–845, 847*

Катон Старший (Cato Major; Марк Порций Катон, Marcus Porcius Cato; 234—149 до н. э.), др.-рим. гос. деятель, писатель 160, *739*

Кауфман Константин Петрович фон (1818—1882), инженер-генерал (1874), ген.-адъютант (1864), ген.-губернатор Сев.-Зап. края (1865—1867) и Туркестана (с 1867) 618, *841*

Каханов Михаил Семенович (1833—1900), статс-секретарь, член Верховной распорядит. комиссии, тов. министра внутр. дел (1880—1881); пред. Особой комиссии для составления проектов местного управления 534, *847*

Каченовский Дмитрий Иванович (1827—1872), проф. международного и гос. права в Харьк. ун-те *762, 763*

Квашнин Л., сотрудник «*МВед*» (1860-е) *714*

Кикин Александр Васильевич (1670—1718), первый начальник Петерб. адмиралтейства, доверенное лицо царевича Алексея Петровича; был казнен 155, *738*

Киреевские, братья — см. *Киреевский И. В., Киреевский П. В.*

Киреевский Иван Васильевич (1806—1856) 5, 11, *696, 697, 720, 754, 755, 785, 791, 822, 848*

Киреевский Петр Васильевич (1808—1856) 5, 11, 30, 192, *735, 744, 785, 822, 848*

Кирилл (в миру Константин, Константин Философ; ок. 827—869), равноапостольный; славян. просветитель, создатель (с братом Мефодием) славян. азбуки 635

Кирияк Тимофей Прокофьевич (? — после 1802), переводчик *845*

Китти, г-жа (псевд.) — см. *Юматов Н. Н.*

Клачко (Klaczko) Юлиан (имя при рождении Иегуда Лейб; 1825—1906), польск.-австр. политик, дипломат, публицист, лит. критик, историк искусства *809*

Клесенже (Клезингер, Clésinger) Жан-Батист Огюст (1814—1883), фр. скульптор и художник; любовник Ж. Санд, затем муж ее дочери *771*

Клинге (Klinge) Матти (р. 1936), фин. историк *734, 735*

Клир (Klier) Джон Дойл (1944—2007), англо-американский историк еврейского происхождения *800*

Клочков Николай Николаевич (1881—1953), моск. книгоиздатель (1900-е) *803*

Кнопы, династия нем. негоциантов, торговавших в России 479

Княжевич Александр Максимович (1792—1872), министр финансов (1858—1862), член Гос. совета (с 1862); друг семьи Аксаковых *700*

Княжевич Елизавета Дмитриевна (ок. 1821—1900), дочь Дм. Мих. Княжевича (1788—1844), воспитанница дяди А. М. Княжевича *692*

Княжевич Мария Дмитриевна (?—1901), старшая сестра предыдущей *692*

Кобозев, подпольный партийный псевдоним Юрия Николаевича Богдановича (1849—1888), революционера, народовольца; организатора Красного Креста «Народной воли»; в 1882 арестован и приговорен к бессрочной каторге 419, *794*

Кобылин Иван, новгородский сын боярский, губной староста *752*

Кожанчиков Дмитрий Ефимович (1820 или 1821—1877), петерб. книготорговец (с 1858); изд. памятников старообрядч. литературы *775, 817*

Кольцов Алексей Васильевич (1809—1842), поэт *819*

Комаров Виссарион Виссарионович (1838—1907), полковник; публицист, ред. газет *«СПбВед»* (1877—1883) и «Свет» (1882—1907), журналов «Славян. Известия» (1889—1891) и *«РВ»* (1902—1906) 384, 385, 555, 556, *781, 782, 827, 831, 840, 852*

Конзальви (Консальви, Consalvi) Эрколе (1757—1824), итал. куриальный кардинал и папский дипломат, советник папы Пия VII 281

Кони Анатолий Федорович (1844—1927), юрист, обществ. деятель, мемуарист *844*

Конисский Александр Яковлевич (псевд. А. К—ский; 1836—1900), поэт, прозаик, педагог, переводчик, журналист, обществ. деятель, лексикограф, адвокат *793*

Константин Николаевич (1827—1892), вел. князь; сын имп. Николая I, ген.-адмирал, исполняющий обязанности (с 1853), затем управл. Морским мин-вом (1855—1881), член, затем пред. Секрет. комитета по крестьян. делу (1857—1860), наместник Царства Польского (1862—1863), пред. Гос. совета (1865—1881); глава Рус. геогр. о-ва (с 1845); пред. Комиссии по железнодорож. делам *712, 713*

Константин Павлович (1779—1831), вел. князь; второй сын Павла I; главнокомандующий польской армией (с 1814) ген.-адъютант (1819), ген.-инспектор всей кавалерии 521, *762, 821*

Конт (Comte) Огюст (1798—1857), фр. философ-позитивист и социолог 348

Копнин Третьяк (Мина) (?—1641), гос. деятель, дьяк в Ярославле, Великом Новгороде и Пскове 236

Кортец (Кортес, Cortés) Эрнан (1485—1547), исп. конкистадор, завоевавший Мексику 604

Корф Николай Александрович (1834—1883), барон; педагог и либеральный обществ. деятель; авт. учеб. пособий 626, 629, 635, *843, 844, 846*

Корш Валентин Федорович (1828—1883), журналист, публицист, историк литературы, переводчик 306, 307, *761, 762*

Костер (Coster) Лауренс Янсзон (ок. 1370 — ок. 1440), голланд. книгопечатник, к-рому приписывают изобретение книгопечатания *705*

Костомаров Николай Иванович (1817—1885), историк, поэт и публицист, член-корр. С.-Петерб. АН (с 1876) *710, 720, 737, 775, 815, 817, 840*

Котомин Антон Михайлович (1846—1906), владелец типографии в Петербурге (с 1869), обществ. деятель либерального лагеря *801*

Кохановская (наст. имя Надежда Степановна Соханская; 1823 или 1825—1884), прозаик, драматург, мемуаристка, близкая к славянофилам 208, *685, 689, 747, 748, 795*

Кошелев Александр Иванович (1806—1883), публицист-славянофил, обществ. деятель, изд. «Моск. Сборника» (1852), изд.-ред. журн. «*РБ*» (1856—1860), «Сел. Благоустройство» (1858—1859), чл. Рязан. комитета по крестьян. делу, чл. Комиссии по устройству земских банков (1859—1860), чл. Учредит. комитета в Царстве Польском (1861—1863) 456, 626, 630, *689, 802, 843*

Коялович Михаил Осипович (1828—1891), историк, полит. публицист славянофильской ориентации, издатель, д-р богословия (1873); представитель «западно-русской» ист. школы 189, 191, *743, 744*

Кравков Евдоким Михайлович (1744 — не ранее 1796), мичман (1768), капитан-лейтенант в отставке (с 1777), в заключении за религ. взгляды (с 1784) 80–82, 681–683, *711–713*

Краевский Андрей Александрович (1810—1889), ред.-изд. журн. *«ОЗ»* (1839—1868), газ. «Голос» (1863—1883) и др. изданий, педагог *828*
Крапоткин П. А. — см. *Кропоткин П. А.*
Крестовский В. (псевд.) — см. *Хвощинская Н. Д.*
Крестовский Всеволод Владимирович (1840—1895), поэт, прозаик, лит. критик *772*
Кромвель (Кромвелль, Cromwell) Оливер (1599—1658) 100, 101, *720*
Кропоткин (Крапоткин) Петр Алексеевич (1842—1921), князь; революционер-анархист, географ, геоморфолог 550, *818*
Крылов Иван Андреевич (1769/1768—1844) 221, 231, 319, 382, *749, 750, 754, 766, 781, 783, 796, 821*
Крылов Никита Иванович (1807—1879), правовед, проф. Моск. ун-та (1835—1872), цензор *692*
Крюковский Матвей Васильевич (1781—1811), драматург, поэт *740*
Кудрин Василий Стахеевич (1835—1883), земский врач, либеральный публицист, ред.-изд. еженедельника «Тверской Вестник» *785, 789*
Кузнецов Алексей Кириллович (1845—1928), студент Петров. земледельч. академии (1865—1869), нечаевец *826*
Кукольник Нестор Васильевич (1809—1868), драматург, поэт, прозаик, худож. критик, журналист 192, 638, 639, *744, 847*
Кулиш Пантелеймон Александрович (1819—1897), историк, прозаик, поэт, драматург, лит. критик, этнограф, публицист-украйнофил, издатель 494, 506–508, *814, 817, 818*
Курилов Александр Сергеевич (р. 1937), литературовед *830*
Курочкин Василий Степанович (псевд. Барон Тирах Толерансов; 1831—1875), поэт-сатирик, журналист, переводчик *688*
Кутузов Арсений — см. *Голенищев-Кутузов А. А.*
Кутузов Петр — см. *Голенищев-Кутузов П. А.*
Кушнерёв Иван Николаевич (1827—1896), прозаик, авт. обличит. очерков, издатель *791, 801*
Кюстин (Custine) Астольф де (1790—1857), маркиз, фр. монархист, писатель-путешественник *697, 746, 750, 815*

Лабзин Яков Иванович (1827—1891), купец-благотворитель, владелец платочной мануфактуры в г. Павловский Посад Богородского у. (с 1849), потомств. поч. гражданин 634
Лабулэ (Laboulaye) Эдуар Рене Лефевр де (1811—1883), фр. писатель, ученый, правовед, педагог, публицист и полит. деятель 382, *781*
Лавеле (Laveleye) Эмиль де (1822—1892), бельг. экономист и социолог 535, 541–545, *823–825*
Лавров Вукол Михайлович (1852—1912), журналист, переводчик, либеральный публицист; изд.-ред. журн. *«РМ»* 424, *789*
Лавров Петр Лаврович (1823—1900), философ, социолог, публицист, издатель, идеолог народничества *703*
Лазарь Четвородневный из Вифании *714*
Ламанский Владимир Иванович (1833—1914), славист-историк, филолог, этнограф, издатель и обществ. деятель; проф. С.-Петерб. ун-та (1871—1888) и С.-Петерб. духов. академии (1872—1897) *711, 713*
Ланин Николай Петрович (1832—1895), фабрикант, гласный Моск. гор. думы; издатель, публицист 469, *782*
Ланский (наст. фам. Каплан) Леонид Рафаилович (1913—2000), литературовед, текстолог, библиограф; сотр. «Лит. наследства» (1946—1999) *779*

Ланщиков Анатолий Петрович (1929—2007), публицист, критик, литературовед *824*
Лапинский (Łapiński) Теофил (1827—1886), польский офицер, революционер, мемуарист *728*
Ларошжакелен (Ларошжаклен, La Rochejaquelein) Анри Огюст де (1805—1867), маркиз; в период Реставрации пэр Франции, член Палаты депутатов (с 1830), впоследствии сенатор; в 1828 г. сражался в Турции в рядах рус. войск 113, *725*
Лафает — см. *Лафайет Ж. де*
Лафайет (Ла Файет, La Fayette) Жильбер де (1757—1834), маркиз; фр. и амер. полит. деятель, участник революц. событий 570
Леви (Lévy) Мишель (1821—1875), фр. издатель *748*
Лейбниц (Leibniz) Готфрид Вильгельм фон (1646—1716), нем. философ-идеалист, математик, языковед 625, *843*
Лемете (Lemette), фр. авантюрист, выдававший себя за главу банкирского дома *726*
Лённрот (Lönnrot) Элиас (1802—1884), фин. лингвист, фольклорист, составитель эпоса «Калевала» *735*
Леон (Léon) Леони (1838—1906), фр. куртизанка, любовница Леона Гамбетты 518, *853*
Леонтьев Павел Михайлович (1822—1874), проф. Моск. ун-та по каф. греч. словесности, соред. газ. «*МВед*» (с 1863) *740*
Лермонтов Михаил Юрьевич (1814—1841) 340, 507, *694, 702, 799, 817, 828, 829*
Лесков Николай Семенович (1831—1895) *725, 827*
Лешков Василий Николаевич (1810—1881), правовед, пред. Моск. юридич. о-ва, проф. полицейского права Моск. ун-та (с 1842); цензор 50, *703, 705*
Ливий Тит (Тит Ливий, Titus Livius; 59 до н. э. — 17 н. э.), др.-рим. историк *837*
Линде (Linde) Антониус ван дер (1833—1897), нидерланд. историк *705*
Листы, династия нем. негоциантов, торговавших в России 479
Лихачев Дмитрий Сергеевич (1906—1999), филолог, культуролог, чл.-корр. (с 1953) и академик (с 1970) АН СССР и РАН *727, 791*
Лобанова-Ростовская (ур. графиня Паскевич-Эриванская, светл. княжна Варшавская) Анастасия Ивановна (1822—1992), княгиня 114, *726*
Ломоносов Михаил Васильевич (1711—1765) 89, 179, 319, 499, 638, *715, 741, 766, 815, 847*
Лонгинов Михаил Николаевич (1823—1875), библиограф, историк лит-ры, мемуарист, критик, библиофил; орлов. губернатор (с 1867), нач. Гл. упр-ния по делам печати (с 1871) *713, 732*
Лондинский (Londinsky; наст. фам. Ольцинский), польский авантюрист, на рубеже 1850—1860-х выдававший себя в Париже за специалиста по сомнамбулизму и главу банкирского дома 114, *725, 726*
Лопухин Авраам Федорович (?—1718), комнатный стольник, шурин Петра I 631, *845*
Лопухина Е. Ф. — см. *Евдокия Федоровна*
Лорис-Меликов Михаил Тариелович (1825—1888), граф (1878), ген. от кавалерии (1875); пред. Верхов. распорядит. комисии (1880), министр внутр. дел (1880—1881) 568, *793, 801, 811, 814, 828*
Луи Филипп (Людовик Филипп, Louis Philippe) I (1773—1850), фр. король (1830—1848); сторонник либеральных убеждений, в 1792 принял имя гражданина Эгалитэ («Равенство») 131, *732*
Лука (? — ок. 84), апостол от семидесяти, автор евангелия и Деяний святых апостолов *714, 716, 739, 742, 789, 791, 803, 834*
Лукин Александр Петрович (?—1905), фельетонист, сотрудник либеральных изданий *768*

Лукьянов Сергей Иванович (1834—1905), управл. Судебным отделом Российского комиссариата в Болгарии (1878), пред. Кассационного суда Болгарии (1879), один из авторов проекта «Органического устава», сенатор (с 1879) *830*
Любецкий Сергей Михайлович (1809—1881), педагог, искусствовед, московед, авт. популяр. ист. очерков *817*
Любимов Николай Алексеевич (псевд. Варфоломей Кочнев; 1830—1897), ученый-физик, историк, публицист; проф. Моск. ун-та (1865—1882) 491, *811*
Людовик XI Благоразумный (Louis XI; 1423—1483), король Франции (с 1461) из династии Валуа *720*
Людовик XV (Louis XV; 1710—1774), король Франции (с 1715) из династии Бурбонов *723*
Людовик XVI (Louis XVI; 1754—1793), король Франции (1774—1792) из династии Бурбонов 278
Людовик Филипп — см. *Луи Филипп*
Людовик-Наполеон — см. *Наполеон III*
Люйс (Люис, Lhuys) Эдуар Друин де (1805—1881), фр. дипломат, политик и гос. деятель; министр иностр. дел Франции 144
Лясковский Валерий Николаевич (1858—1938), земский деятель, историк, публицист-славянофил, мемуарист, педагог, лесовод *813*

М. П., публицист, автор журн. *«ВЕ»* (1881) *788*
М. С. (псевд.), автор петерб. газ. «Очерки» (1863) *732*
М. С. (псевд.), тобольский корреспондент газ. «День» (1862) 84, 85, *714*
Магомет (Мухаммед; ок. 570—632), основатель ислама 192
Магомет II Завоеватель (Магомет Великий; 1432—1481), осман. султан (1444—1446, 1451—1481), захватил Константинополь (1453) 104
Макиавелли (Machiavelli) Николо (1469—1527), итал. мыслитель, публицист, полит. деятель, дипломат *730*
Маколей (Macaulay) Томас Бабингтон (1800—1859), британ. гос. деятель, историк, поэт и прозаик 61, *706*
Максимович Михаил Александрович (1804—1873), филолог, историк, фольклорист, поэт; ботаник; ректор Киев. ун-та (1834—1841) 508, *767, 818*
Малле дю Пан (Mallet du Pan) Жак (1749—1800), швейц. публицист, убежден. монархист, во время революции — тайный агент двора и эмигрантов *786*
Мальтус (Malthus) Томас Роберт (1766—1834), англ. священник, демограф и экономист 83, *714*
Мальшинский Аркадий Павлович (1841—1899), журналист, агент департамента полиции *812*
Мамай (?—1380), беклярбек и темник Золотой Орды; управлял ее западной частью (с 1361) от имени марионеточных ханов 598
Мария Александровна (в замуж. герцогиня Эдинбургская и герцогиня Саксен-Кобург-Готская; 1853—1920), вел. княжна, дочь имп. Александра II 380, *781*
Мария Вифанская 83, 86, 87, *714*
Мария Федоровна (ур. Мария София Фредерика Дагмара, принцесса Датская; 1847—1928), рос. императрица (с 1881), супруга имп. Александра III (с 1866) 486, *810, 823*
Марк (?—68), апостол от семидесяти, евангелист *714, 742, 763, 770, 809, 822, 849*
Маркевич Болеслав Михайлович (1822—1884), прозаик, публицист, лит. критик *740, 827*
Марков Евгений Львович (1835—1903), либеральный публицист, писатель-путешественник, лит. критик, этнограф 407, 599, 601–610, 613, 617, *790, 826, 833, 836, 838*

Мартынов Иван Михайлович (1821—1894), археолог, филолог, иезуит; с 1850-х жил во Франции 118, *727*
Мартынов Николай Гаврилович (1843—1915), книгоиздатель, журналист *767*
Масанов Иван Филиппович (1874—1945), историк, библиограф; сост. «Словаря псевдонимов рус. писателей, ученых и обществ. деятелей» *810, 830*
Матфей (Левий Матфей; ?—74), апостол, евангелист *690, 698, 714, 716, 735, 738, 739, 742, 751, 755, 760, 769, 770, 791, 803, 807–809, 812, 819, 828, 832, 835*
Махонина Светлана Яковлевна (р. 1935), филолог, историк журналистики *814*
Межанель (Méjanel) Пьер (1837—1905), фр. живописец, книжный иллюстратор 518, *853*
Мезон (Maison) Яков де (?—1837), граф; фр. эмигрант на рус. службе (с 1802); пристав ногайских орд (1808—1822) 163, *739*
Мейер Федор Егорович (1824—1899), немецко-русский писатель, лектор нем. языка и литературы в С.-Петерб. ун-те, проф. Гейдельбергского ун-та 303, 304, *762*
Мейн Александр Данилович (1836—1899), публицист, сотрудник газет «*РВед*» и «Голос»; дед М. И. Цветаевой по матери *768*
Мельников (Мельников-Печерский) Павел Иванович (псевд. Андрей Печерский; 1818 или 1819—1883), писатель, публицист, этнограф *720*
Менделеев Дмитрий Иванович (1834—1907) *816*
Ментелин (Mentelin) Иоганн (ок. 1410—1478), нем. книгопечатник, книготорговец *705*
Мерзляков Алексей Федорович (1778—1830), критик, теоретик литературы, поэт, переводчик; педагог 569, *829*
Мефодий (ок. 815—885), равноапостольный; славян. просветитель, создатель (с братом Кириллом) славян. азбуки 635
Мещерский Владимир Петрович (1839—1914), князь; публицист, прозаик, изд.-ред. журн. «Гражданин» (1872—1877, 1882—1906), «Добро» (1881), «Воскресение» (1887—1894) и др. *777, 795, 818*
Миллер Всеволод Федорович (1848—1913), филолог, фольклорист, языковед, этнограф и археолог, академик (с 1911) *813*
Миллер Орест Федорович (1833—1889), фольклорист, историк лит-ры, публицист; проф. С.-Петерб. ун-та (1870—1887) *779, 813*
Милль (Mill) Джон Стюарт (1806—1873), англ. мыслитель, экономист 85, 206, 314, 348, 380, 562, 588, *703, 714, 715, 748, 765, 804, 828*
Мильчина Вера Аркадьевна (р. 1953), историк литературы, переводчик *746, 750*
Милютин Дмитрий Алексеевич (1816—1912), граф (с 1878); ген.-адъютант, ген.-фельдмаршал (1898); воен. министр (1861—1881); д-р рус. истории (1866) *844*
Мин Дмитрий Егорович (1818—1885), поэт-переводчик, врач, проф. Моск. ун-та *773*
Минаев Дмитрий Дмитриевич (псевд. Темный человек; 1835—1889), поэт-сатирик, журналист, переводчик, критик *688, 753*
Мингетти (Minghetti) Марко (1818—1886), ит. политик, экономист, гос. деятель, писатель и журналист 541, 544, *824*
Минин Кузьма (полн. имя Кузьма Минич Захарьев Сухорукий; ?—1616), нар. герой, нижегородский посадский; народный герой 144, 307, 407
Миних (Münnich) Христофор Антонович (при рождении Бурхард Кристоф фон Мюнних; 1683—1767), граф; ген.-фельдмаршал (1732), гос. и воен. деятель 196
Мирабо (Рикетти де Мирабо, Riqueti, comte de Mirabeau) Оноре Габриель (1749—1791), граф; фр. оратор, полит. деятель Великой Франц. революции 551–553, *827*
Мирафлорес — см. *Пандо Мануэль де*
Миримский Израиль Владимирович (1908—1962), литературовед, переводчик *775*
Мирович Василий Яковлевич (1739—1764), подпоручик Смоленского пехот. полка, попытавшийся (неудачно) совершить дворцовый переворот в России *764*

Миронов Георгий Михайлович (1924—1994), писатель, литературовед *844*
Миронов Леонид Георгиевич, литературовед *844*
Михаил Тверской (Михаил Ярославич; (1271/1272—1318), блгв. князь Тверской (1282 или 1286—1318), великий князь Владимирский (1305—1318) *811*
Михаил Федорович (1596—1645), царь (с 1613), основатель династии Романовых 61, 77, 78, 236, 238, 671, 672, *706, 752, 803*
Михайловский Николай Константинович (1842—1904), публицист, социолог, критик, обществ. деятель *768, 808*
Мицкевич (Mickiewicz) Адам (1798—1855), польск. поэт 126, *731*
Мишле (Michelet) Жюль (1798—1874), фр. историк патриотич. направления, публицист 467, *746, 804*
Мишо (Michaud) Людвиг Францевич (?—1821), военачальник, ген.-майор *737*
Модестов Василий Иванович (1839—1907), историк, филолог, либеральный публицист, переводчик; педагог 362, 565, *767, 778, 828*
Моль (Молль, Mohl), владелец имения Данишевка Динабургского у. Витебской губ., участник восстания 1863—1864 гг. 141, *736*
Мольер (Molière; наст. имя и фам. Жан-Батист Поклен; 1622—1673) 110, *724, 809, 815*
Монлозье (Рейно де Монлозье, Reynaud de Montlosier) Франсуа Доминик де (1755—1838), граф; фр. полит. обозреватель, историк *786*
Мордовцев Даниил Лукич (псевд. Д. Слипченко-Мордовец; 1830—1905), прозаик, историк 388, *782, 783, 817*
Морокин Александр Федорович (1836—1911), вичугский фабрикант, земской и обществ. деятель, публицист 444, *798*
Мотин Сергей Витальевич (р. 1965), юрист, аксаковед; полковник полиции в отставке 2, *703, 746*
Муравьев (неофициально: Муравьев-Виленский) Михаил Николаевич (1796—1866), граф (1865); ген. от инфантерии (1863), министр гос. имуществ (1857—1861); ген.-губернатор Сев.-Зап. края (1863—1865), организатор подавления Польского восстания (1863—1864) 590, 628, *833, 834*
Мусаев Вадим Ибрагимович (р. 1962), историк, специалист по междунар. связям стран Северной Европы в XIX—XX вв. *734*
Мушар (Mouchard) Флоран (р. 1979), фр. историк-медиевист, славист, текстолог *727*
Мыздрина, крестьянка с. Озерецкое Сарат. уезда (1880-е) *848*
Мясоедов, дворянин 658

Н., корреспондент газ. «Русь» (1880-е) *799*
Навроцкий Александр Александрович (псевд. Н. А. Вроцкий; 1839—1914), ген.-лейтенант, правовед; прозаик, поэт, драматург, публицист, ред.-изд. журн. «Русская Речь» (1879—1882) *777*
Навуходоносор II (ок. 634—562 до н. э.), царь Нововавилонского царства (с 605 до н. э.) *746*
Наполеон I (Napoléon, Наполеон Бонапарт; 1769—1821), фр. император (1804—1814, 1815) 119, 147, 149, 150, 195, 279, 281, 465, 600, 608, 625, *733, 737, 745, 756, 757, 761, 786, 809, 824, 831, 837*
Наполеон III (Napoléon, Луи Наполеон Бонапарт; 1808—1873), президент Второй республики (1848—1851), фр. император (1852—1870); племянник Наполеона I 111, 114, 118, 132, 147–149, 287, 293, 368, 500, 540, 578, *727, 731, 733, 738, 816*
Наполеон Жозеф Шарль Поль Бонапарт (Napoléon Joseph Charles Paul Bonaparte; принц Наполеон, по прозвищу Плон-Плон; 1822—1891), фр. гос. деятель; племянник Наполеона I и двоюр. брат Наполеона III 107, 110, 111, *724*

Наполеониды, династия 147
Нартов Андрей Константинович (1693—1756), ученый, механик, скульптор, изобретатель *830*
Наумович Иван (Иоанн) Григорьевич (1826—1891), прот.; журналист, поэт, прозаик; галицко-рус. обществ. деятель; униат. свящ. (с 1851), присоединен к православию (1885) *814*
Некрасов Иван Степанович (1836—1895), литературовед *813*
Некрасов Николай Алексеевич (1821—1877) 100, 358, *719, 731, 753, 770, 777, 816*
Немирович-Данченко Василий Иванович (1848—1936), прозаик, журналист *807*
Нестор Летописец (кон. XI — нач. XII в.), преподобный, др.-рус. агиограф, составитель «Повести временных лет», монах Киево-Печерского мон-ря 73, 411, 602, 610, 665, 674, *731*
Нечаев Сергей Геннадиевич (имя и фам. по реал. отцу Сергей Петрович Епишев; 1847—1882), революционер; основатель революц. о-ва «Нар. расправа» (1869) *826*
Нечаева Вера Степановна (1895—1979), литературовед *792*
Никитенко Александр Васильевич (1804—1877), литературовед, критик, проф. Петерб. ун-та (1853—1864), академик (1853), цензор *695, 731*
Николадзе Николай (Нико) Яковлевич (1843—1928), грузин. публицист, просветитель и обществ. деятель *825*
Николаев Николай Николаевич (1846 — не ранее 1880-х), бывш. надзиратель в Титовском арестантском доме в Москве, нечаевец, участник убийства студента И. И. Иванова *826*
Николай I Павлович (1796—1855), имп. Всероссийский (с 1825) 428, 487, 639, *717, 747, 764, 795, 822*
Николай (Νικόλαος) Чудотворец (?—343/345) *840*
Никон (в миру Никита Минин (Минов); 1605—1681), патриарх Московский (1652—1666), реформатор церкви 191, *744*
Нотович Осип Константинович (1849—1914), либеральный журналист, публицист, драматург, ред.-изд. газ. «Новости» (1876—1880), затем — «*НиБГ*» 559, 560, 563—565, *783*

Оболенский Дмитрий Александрович (1822—1881), князь; статс-секретарь, член Гос. совета; дир. Деп-та внеш. торговли (с 1863), тамож. сборов (с 1864), товарищ министра гос. имуществ (с 1870), пред. Совета по делам тюрем. управления (с 1879) *692, 697—699, 709—713, 850*
Огарёв Николай Платонович (1813—1877), поэт, революционер, ближайший друг А. И. Герцена *728*
Одоевский Никита Иванович (ок. 1600—1689), князь; ближний боярин, наместник, воевода 237
Ольхин (фам. до крещения Ольшванг) Матвей Дмитриевич (1806—1853), петерб. книготорговец и издатель *718*
Омер-паша (1806—1871), принявший ислам серб Михаил Латош, командующий турецкой армией на Дунае, в Крыму (1853—1856); затем посланный на помощь Карсу, впоследствии в Мингрелию 293, *760*
Оранские (Oranje), принцы, представители Оранской, или Оранской-Нассауской (Oranje-Nassau), королев. династии Нидерландов (с 1815) 61
Орлов-Давыдов (до 1856 Давыдов) Владимир Петрович (1809—1882), граф; тайный советник, обер-церемониймейстер, писатель-англоман, меценат и библиофил 44, 653, *702*

Осинин Иван Терентьевич (1833—1887), проф. С.-Петерб. духов. Академии, председатель Учеб. комитета Ведомства учреждений Императрицы Марии *778*
Ослябя Родион (в монашестве Андрей; ? — после 1398), участник Куликовской битвы (1380), инок Троице-Сергиева монастыря; причислен к лику святых 598
Остерман (Ostermann) Андрей Иванович (имя при рождении Генрих Иоганн Фридрих; 1686—1747), граф (с 1730), ген.-адмирал (1740—1741), гос. деятель, сподвижник Петра I 196
Островский Александр Николаевич (1823—1886) 255
Оффенбах (Offenbach) Жак (1819—1880), фр. композитор, музыкант, основоположник фр. оперетты *781*

Павел (Παῦλος; до апостольского призвания Савл; ?—65), св., первоверховный апостол 206, 208, 209, 379, *840*
Павел I Петрович (1754—1801), рос. император (с 1796) *781*
Павленков Флорентий Федорович (1839—1900), петерб. книгоиздатель *833*
Павлов Николай Михайлович (псевд.: Н. Б., Н. Бицын; 1836—1906), прозаик, публицист, близкий к славянофилам *847*
Павлов Николай Филиппович (1803—1864), прозаик, критик, публицист, поэт, переводчик; изд.-ред. газет «Наше Время» (с 1860) и «*РВед*» (с 1863) 37, 42, 43, 652, 653, *696, 700—702*
Палюэль (Палюэль-Гийяр, Palluel-Guillard) Андре (р. 1940), фр. историк *831*
Пана́ (Panat) Шарль Луи де (1762—1834), фр. мор. офицер; находился в эмиграции (с 1792), контр-адмирал, зам. министра воен.-мор. флота (с 1800) *786*
Панаев Иван Иванович (1812—1862), писатель, лит. критик, журналист, мемуарист *731*
Пандо (Pando, Пандо-и-Фернандес де Пинедо) Мануэль де, 6-й маркиз Мирафлорес (1792—1872), испан. политик, премьер-министр Испании (1863—1864) 144
Пандора (Πανδώρα), в др.-греч. мифологии первая женщина; была создана по велению Зевса в наказание людям за похищение для них огня Прометеем (деверем Пандоры) 227, *750*
Панин Петр Иванович (1721—1789), генерал в отставке, друг Д. И. Фонвизина *815*
Паннемакер (Pannemaker) Франсуа (1822—1900), фр. рисовальщик и гравер по дереву, книжный иллюстратор 518
Паскевич-Эриванский Иван Федорович (1782—1856), светл. князь Варшавский, граф; полководец, гос. деятель и дипломат; ген.-фельдмаршал, ген.-адъютант *726*
Пастернак Борис Леонидович (1890—1960) *724*
Пастухов Николай Иванович (1831—1911), предприниматель, издатель, писатель; основатель газ. «Московский Листок» *814*
Патрушева Наталья Генриховна, историк цензуры, книговед *685, 786*
Пашкова Н. В., литературовед, текстолог *830*
Пентковский Алексей Мстиславович (р. 1960), литургист, автор трудов по истории богослужения и церковного устава *685*
Пересвет Александр (?—1380), легендар. монах-воин, инок Троице-Сергиева мон-ря; причислен к лику святых 598
Перовский Василий Алексеевич (1794—1857), граф; ген. от кавалерии, оренб. губернатор (1835—1842, 1851—1856); возглавлял Хивинский (1839—1840) и Кокандский (1853) походы *836*
Пестель Павел Иванович (1793—1826), полковник, руководитель Южного общества декабристов; повешен *728*
Петр (Petrus, до апостольского призвания Симон; ?—65), первоверховный апостол *722, 749, 827*

Петр I Алексеевич (Великий; 1672—1725), рус. царь (с 1682); император (с 1721) 5, 16, 20, 31, 34, 50, 67, 68, 70, 73, 74, 77–80, 89–96, 99, 112, 126, 131, 146, 148–150, 155, 162, 171, 172, 177, 184, 185, 187, 193, 194, 199, 204, 206, 219, 222, 226, 229, 230, 236, 238–240, 243–245, 247, 249, 251, 253, 257, 275, 300, 301, 304, 307, 323–325, 331, 333–336, 338, 347, 362, 368, 369, 389, 397, 398, 403, 407, 426, 428, 429, 434, 436, 447, 461, 462, 466, 498, 501, 502, 523, 529, 530, 533, 534, 571, 573, 592, 598, 606, 615–617, 622–626, 629–631, 638, 657, 659–662, 665, 669–674, 678–681, *690–692, 701, 703, 704, 707–709, 712, 713, 718, 720, 723, 724, 730, 735, 738, 742, 745, 754, 761–763, 766–768, 787, 802, 804, 805, 811, 815, 816, 819, 821, 830, 835, 841–845, 849*

Петр II Алексеевич (1715—1730), рос. император (с 1727), внук Петра I 94, *717*

Петр III Федорович (нем. принц Карл Петр Ульрих; 1728—1762), рос. император (с 1761) 102, *702, 720*

Пеховский Осип (Иосиф) Иванович (псевд.: R. S. Z.; 1815—1891), поляк-католик, филолог-классик, проф. Московского (с 1848) и Харьковского (с 1871) ун-тов *722*

Пиа (Pyat) Феликс (1810—1889), фр. писатель, журналист леворадикальных взглядов, оратор 348

Писарро (Писарро, Pizarro) Франсиско (ок. 1475—1541), исп. конкистадор, завоевавший империю инков 604

Пий VII (Pius PP. VII; в миру Грегорио Кьярамонти, Chiaramonti; 1742—1823), папа римский (с 1800) 281

Пий IX (Pius PP. IX; в миру граф Джованни Мастаи де Ферретти, Mastai de Ferretti; 1792—1878), папа римский (с 1846) *759*

Пиккерт (Pickert) Карл (1835—1888), чеш. журналист, публицист; полит. деятель *763*

Пилат — см. *Понтий Пилат*

Пиль (Peel) Роберт (1788—1850), британ. гос. деятель-консерватор, премьер-министр (1834—1835, 1841—1846), министр внутр. дел (1822—1830) 286, *758*

Пирогов Николай Иванович (1810—1881), хирург, анатом, естествоиспытатель, педагог *692, 741*

Пирожкова Татьяна Федоровна (р. 1938), историк журналистики, литературовед *685*

Писарев Дмитрий Иванович (1840—1868), публицист, лит. критик 619, *703, 775, 833*

Писаревский Николай Григорьевич (1821—1895), ред. газ. «Совр. Слово» (1862—1863); физик, инженер, популяризатор науки, первый дир. Электротехнич. ин-та *696, 715*

Писемский Алексей Феофилактович (1821—1881), прозаик, драматург *719*

Питт (Pitt) Уильям Младший (1759—1806), британ. премьер-министр (1783—1801, 1804—1806) 286, *758*

Пихно Дмитрий Иванович (1853—1913), экономист, проф. Киев. ун-та; ред.-изд. газ. «Киевлянин» (с 1879) *789, 848*

Платер (Плятер, Plater) Леон (1836—1863), граф; помещик Витебской губ., активный участник восстания 1863—1864 гг. 141, *736*

Платон (в миру Петр Георгиевич Лёвшин; 1737—1812), архиеп. Тверской и Кашинский (с 1770), архиеп. Московский и Калужский (с 1775, митр. с 1787), митр. Московский и Коломенский (с 1799); богослов, проповедник *769*

Победоносцев Константин Петрович (1827—1907), обществ.-полит. и церк. деятель; правовед, проф. Моск. ун-та (1860—1865), религ. философ; сенатор (с 1868), обер-прокурор Св. Синода (1880—1905) 339, *767, 770, 824, 825, 841*

Поггенполь Николай Петрович (1824—1894), чиновник Деп-та внутр. сношений Мин-ва иностр. дел, ред. газеты «La Nord» *726*

Погодин Михаил Петрович (1800—1875), историк, журналист, публицист, прозаик, издатель *735, 757, 847*

Пожарский Дмитрий Михайлович (по преданию, в схиме Кузьма; 1578—1642), князь; боярин, полководец, народный герой 144, 307, 407, 615, *740*
Полевой Николай Алексеевич (1796—1846), критик, прозаик, драматург, журналист, историк, переводчик 638, *847*
Полонский Леонид Александрович (1833—1913), либеральный журналист и прозаик; ред.-изд. газ. «Страна» (1880—1883) 391, *767, 774, 776, 783*
Полонский Яков Петрович (1819—1898), поэт, прозаик *770*
Помпадур (Pompadour) де (Жанна-Антуанетта Пуассон; 1721—1764), маркиза, официальная фаворитка (с 1745) фр. короля Людовика XV 109, *723*
Понтий Пилат(Pontius Pilatus), др.-рим. прокуратор (наместник) Иудеи (26—36) *716*
Попов Александр Николаевич (1820—1877), историк, журналист, близкий к славянофилам; чл. Археогр. комиссии (с 1850) *817*
Португалов Вениамин Осипович (1835—1896), народник, земский врач, публицист, обществ. деятель; член тайных революц. организаций: Харьковско-Киевского о-ва, Казан. кружка, «Земли и воли» 644, *767, 768, 848, 853*
Потапов Александр Львович (1818—1886), ген.-адъютант (1866), ген. от кавалерии (1876); виленский генерал-губернатор (1868—1874), шеф жандармов и главноуправляющий Третьим отделением (1874—1876) 628, *765, 766*
Потемкин (Потемкин-Таврический) Григорий Александрович (1739—1791), князь Таврический; ген.-фельдмаршал, наместник Новороссийских губерний и Кавказа 617, *841*
Потоцкие (Potoccy), польск. графский род 282, *758*
Прац (Пратц) Эдуард (1805—1884), петерб. типограф *737*
Прибиль (у Аксакова: *Прибыль*) Яков Иванович (1814—1892), член Моск. цензур. комитета (1860—1880) *697*
Приклонский Сергей Алексеевич (псевд.: С. Пр.; 1846—1886), либеральный публицист 424, *794*
Провинциальный Читатель (псевд.), корреспондент газ. «Совр. Летопись» (1860-е) 241, 246, *753*
Пругавин Александр Степанович (1850—1920), исследователь старообрядчества, сектовед, этнограф, публицист, революционер-народник 454, *801*
Прудон (Proudhon) Пьер Жозеф (1809—1865), фр. социалист, теоретик анархизма, политэконом 30, *697*
Прыжов Иван Гаврилович (1829—1885), прозаик, публицист; бывш. нечаевец *826*
Пугачев Емельян Иванович (1742—1775) 80, 352, 682, *728, 729, 764*
Пузина Елена Евстафьевна, моск. купчиха (1880-е) *815*
Путинцев Владимир Александрович (1917—1967), литературовед, сотрудник ИМЛИ (1949—1967) *728*
Путята Николай Васильевич (1802—1877), литератор, пред. О-ва любителей рос. словесности (1866—1872) *737*
Путятин Евфимий Васильевич (1803—1883), граф (1855), адмирал (1858), дипломат; министр народного просвещения (1861); чл. Гос. совета (с 1861) *693, 694*
Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837) 230, 353, 373, 377, 427, 465, 497, 507, 569, 571, 572, 574, 615, *691, 732, 738, 745, 750, 770, 775–777, 779, 795, 804, 811, 815, 817, 820, 822, 830, 833, 834, 840, 845*
Пфеффингер (Pfeffinger) Иоганн, составитель французско-полабского словаря (1696; оп. 1711) *689*
Пфистер (Pfister) Альбрехт (ок. 1420 — ок. 1466), нем. книгопечатник *705*
Пыпин Александр Николаевич (1833—1904), историк лит-ры, этнограф, фольклорист, либеральный журналист, проф. С.-Петерб. ун-та (1860—1861) *840*

Р—в (псевд.) — см. *Романов В. В.*
Разин Степан Тимофеевич (ок. 1630—1671) 145, 273, 274, 353, 505, *775, 817*
Разумовские — см. *Разумовский А. Г., Разумовский К. Г.*
Разумовский (фам. при рождении Розум) Алексей Григорьевич (1709—1771), граф; фаворит имп. Елизаветы Петровны, ген.-фельдмаршал (1756) 307, 381, 570, *763, 781, 830*
Разумовский (фам. при рождении Розум) Кирилл Григорьевич (1728—1803), граф; последний гетман Войска Запорожского (1750—1764), ген.-фельдмаршал (1764), президент Рос. акад. наук (1746—1798) 307, 381, 570, *781, 830*
Рассел (Россель, Russell) Джон (1792—1878), лорд, британский гос. деятель, премьер-министр (1846—1852, 1865—1866), министр иностр. дел (1959—1865); лидер вигов 144, *733*
Рахманова Марина Павловна, музыковед *780*
Рачинский Александр Викторович (1826—1877), историк-славист, публицист, дипломат *739*
Рейбо (Reybaud) Луи (1799—1879), фр. романист и публицист *727*
Рейналь (Raynal) Гийом Тома (1713—1796), фр. историк и социолог *746*
Рейтерн Михаил Христофорович (1824—1890), граф; министр финансов (1862—1878), пред. Комитета финансов (1881—1886) *699, 700*
Реклю (Reclus) Жак Элизе (1830—1905), фр. географ и историк, вегетарианец и анархист 550
Ремезов Иван Сократович (1828—1901), выпускник С.-Петербургского ун-та, преподаватель в разных учеб. заведениях, член Совета министра нар. просвещения; публицист *713*
Ренан (Renan) Жозеф Эрнест (1823—1892), фр. философ, филолог, религ. публицист, историк, прозаик *804*
Ретгер (Рётгер) Карл Карлович (1831—1884), издатель и книготорговец *792*
Рехберг — см. *Рехберг унд Ротенлёвен И. Б. фон*
Рехберг унд Ротенлёвен (Rechberg und Rothenlöwen) Иоганн Бернгард фон (1806—1899), граф австр. дипломат и гос. деятель; министр-президент Австрии империи (1859—1861), министр иностр. дел (1859—1864) 144
Ржевский Владимир Константинович (псевд.: г. Заочный; 1811—1885), журналист, публицист; сенатор 242, 246, *753*
Ригер (Rieger) Франтишек Ладислав (1818—1903), барон; чеш. полит. деятель, публицист, д-р права (1847) *787*
Ригр — см. *Ригер Ф. Л.*
Риль (Riehl) Вильгельм Генрих фон (1823—1897), нем. публицист, социолог, прозаик, журналист 415, *703, 792*
Робертс (Roberts) Фредерик Слей (1832—1914), граф; британ. военачальник, фельдмаршал (1895) 483, *810*
Робеспьер (Robespierre) Максимилиан Франсуа Мари Исидор де (1758—1794), один из лидеров Великой Франц. революции, глава якобинцев 552
Рогов А., молодой человек, увлеченный материалистическим учением (нач. 1860-х) *732*
Роджерс — см. *Робертс Ф. С.*
Родзевич Игнатий Игнатьевич (1850—1903), ред.-изд. газ. «Моск. Телеграф» (1881—1883) *795*
Романов Вадим Владимирович (1841—1890), литератор, журналист, обществю деятель, путешественник 483, *810*

Романовы, боярский (с конца XVI в.), царский (с 1613), императорский (с 1721) род 463, *718*
Ро—нов Вадим — см. *Романов В. В.*
Россель Джон — см. *Рассел Дж.*
Россоловский Вячеслав Сильвестрович (1849—1908), журналист; двоюродный племянник И. С. Аксакова, сын его кузины М. М. Глумилиной (в замуж. Россоловской) 6, *686*
Рошер (Roscher) Вильгельм (1817—1894), нем. экономист, представитель ист. школы в политэкономии *730*
Рошфор (Рошфор-Люсе, Rochefort-Luçay) Анри де (1831—1913), фр. политик и журналист, сначала крайне левых взглядов, затем (с 1880-х) консерватор 348
Руссо (Rousseau) Жан Жак (1712—1778) 347
Рыбников Павел Николаевич (1831—1885), этнограф, фольклорист, публицист 192, *744*
Рюрик (?—879), варяжский князь, призванный на Русь, князь Новгородский (с 862) 34, 62, 411, *709*

С. Пр. (псевд.) — см. *Приклонский С. А.*
С—н Н. (псевд.) — см. *Субботин Н. И.*
Сабашниковы Михаил (1871—1943) и Сергей (1873—1909) Васильевичи, братья, моск. книгоиздатели (1891—1930) *697, 803*
Савватий Соловецкий (?—1435), прп., церк. деятель; подвизался на Валааме и Соловках, основатель Соловец. мон-ря 614, *840*
Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович (1826—1889) 405, 406, 446, 490, 620, 621, *723, 725, 726, 732, 773, 789, 790, 798, 801, 812, 822*
Самарин Дмитрий Федорович (1831—1901), обществ. деятель, гласный моск. земства; публицист, издатель, брат Ю. Ф. Самарина 468, *803, 806, 848, 849*
Самарин Юрий Федорович (1819—1876), философ, историк, публицист; один из идеологов славянофильства 5, 322, 354, 359, 364, 365, 409, 410, 515, 598, 620, *685, 699, 703, 714, 722, 727, 733, 755, 776–778, 785, 791, 796, 820, 822, 842, 848*
Санд (Sand) Жорж (наст. имя Амандина Аврора Люсиль Дюпен, в замуж. баронесса Дюдеван; 1804—1876), фр. писательница 573, *771, 830*
Святослав I Игоревич (ок. 942—972), князь Новгородский (945—969), вел. князь Киевский (с 945), полководец *727, 731, 747*
Север-эффенди, турец. гос. деятель, наместник Крита во время восстания (1866—1869) *760*
Сегюр (Ségur) Луи Филипп де (1753—1830), граф; фр. историк и дипломат, посол Франции в России (1784—1789); мемуарист *746*
Селезнев Владимир Николаевич, журналист, основатель и редактор московской газ. «*РК*» *782, 834–836*
Селиванов Кондратий Иванович (ок. 1730—1832), основатель скопческой секты *720*
Селивановский Семен Иоанникиевич (1772—1835), моск. издатель, типограф *757*
Семевский Василий Иванович (1848—1916), либеральный историк, обществ. деятель, журналист *738*
Семен (Рене-Семен, René-Semen) Август Иванович (1783—1862), издатель и типограф фр. происхождения; инспектор Моск. синодал. типографии (1818—1857) *733, 744, 745, 817*
Сенанкур (Senancour) Этьенн Пивер де (1770—1846), фр. прозаик, публицист *795*
Сен-Жюст (Saint-Just) Луи Антуан Леон де (1767—1794), фр. революционер, военный и полит. деятель Великой Франц. революции 552

Сенкевич (Sienkiewicz) Генрик (1846—1916), польск. прозаик, лауреат Нобел. премии (1905) *837*
Сергий Радонежский (имя в миру Варфоломей; 1314—1392) 598
Серебренников Николай Валентинович (р. 1954), литературовед, историк религ. философии, публицист, поэт *764*
Серова Зинаида Игоревна, литературовед *725*
Симеон Бекбулатович (до крещения Саин-Булат хан, в монашестве Стефан; ?—1616), касимовский хан (1567—1573), «великий князь всея Руси» (1575—1576), затем великий князь Тверской *711, 779*
Симеон Дивногорец Столпник (521—596), преподобный, подвизавшийся в окрестностях Антиохии Сирийской *722*
Симон (Simon) Шарль Мари Проспер (1808—1872), фр. контр-адмирал (с 1863), возглавлявший фр. эскадру в 1867 г. 293, *760*
Скалон Василий Юрьевич (1846—1907), либеральный обществ. деятель и публицист, ред.-изд. газ. «Земство» (1880—1882) *793, 799, 802*
Скарятин Владимир Дмитриевич (1825—1900), публицист, ред.-изд. газ. «Весть» (1867—1870), авт. книги «Заметки золотопромышленника» (СПб., 1862) *738, 756—758, 760, 765*
Скворцов Николай Семенович (1839—1882), публицист, издатель газ. *«РВед»* (с 1864) *770*
Скобелев Михаил Дмитриевич (1843—1882), военачальник, ген. от инфантерии (1881), ген.-адъютант (1878); участник среднеазиатских завоеваний Российской империи и Русско-турецкой войны 1877—1878, освободитель Болгарии 468, 483, 494, 500, 513, 581, 598, *806, 809, 810, 813, 816, 819, 832, 836, 837*
Смирнова М., владелица типографии в Москве (1850—1860-е) *817*
Смирнова (в замуж. Чистякова) Наталья Александровна, историк философии *684*
Смирнова-Россет (урожд. Россет, Росетти) Александра Осиповна (1809—1882), фрейлина Имп. двора, мемуаристка *790, 794*
Смит (Smith) Адам (1723—1790), шотл. экономист, философ 83, *714*
Смит-Стэнли (Smith-Stanley) Эдуард Джефри, 14-й граф Дерби (1799—1869), британ. гос. деятель, премьер-министр (1852, 1858—1859, 1866—1868) 286, *758*
Солженицын Александр Исаевич (1918—2008) *703*
Солиман — см. *Сулейман I Великолепный*
Соллогуб Владимир Александрович (1813—1882), граф; прозаик, мемуарист, драматург, поэт 501, 502, *816, 852*
Соловьев Владимир Сергеевич (псевд. В. С.; 1853—1900), философ, поэт, публицист и лит. критик 528, 612, *822, 840*
Соловьев Сергей Михайлович (1820—1879), историк, академик (1872); ректор Моск. ун-та (1871—1877) 602, 675, *705, 710, 713, 717, 720, 792, 835, 838, 845, 850*
Соломещ Илья Мотелевич (р. 1963), историк *734*
Солоневич Иван Лукьянович (1891—1953), публицист, мыслитель, историк, обществ. деятель; с 1934 в эмиграции *703*
Соханская Н. С. — см. *Кохановская*
Спасович Владимир Данилович (1829—1906), правовед, адвокат; проф. С.-Петерб. ун-та (с 1857), литературовед *833*
Спенсер (Spencer) Герберт (1820—1903), англ. философ, основатель органич. школы в социологии 380
Сперанский Михаил Михайлович (1772—1839), граф; ближайший советник имп. Александра I (1808—1812), авт. плана либеральных преобразований; ген.-губернатор Сибири (1819—1821) 362, 592, 615, 625, 641, *778*

Срезневский Измаил Иванович (1812—1880), филолог-славист, палеограф, этнограф, академик (1851) *687*
Старина Н. (псевд.?), либеральный публицист, фельетонист газ. «Голос» (1880-е) 488, *812*
Старый московский священнослужитель — псевд. корреспондента газ. «Русь» (1881) *780*
Стасов Владимир Васильевич (1824—1906), муз. и худож. критик, историк, архивист, обществ. деятель *813*
Стасюлевич Михаил Матвеевич (1826—1911), журналист, публицист, историк; ред.-изд. журн. «*ВЕ*» (1866—1908) и газ. «Порядок» (1881—1882) *757, 783–785, 788, 792, 804, 815, 817, 819, 830*
Степанов Николай Леонидович (1902—1972), литературовед *749*
Степанов Николай Степанович, владелец типографии в Москве (1840-е) *715, 741, 815*
Степанова Л. И., владелица типографии в Москве *817*
Стефан Пермский (1340-е — 1396), проповедник христианства в землях коми; создал для них алфавит и перевел на их язык основные церковные сочинения; первый епископ Пермской епархии (1383) 614
Страхов Николай Николаевич (1828—1896), философ, лит. критик, публицист 467, 526, *685, 713, 804, 822*
Стрельников Василий Степанович (1838—1882), ген.-майор, воен. юрист, прокурор Киев. военно-окружного суда *807*
Струве Петр Бернгардович (1870—1944), обществ. и полит. деятель, экономист, публицист, историк, философ *703*
Стюарты (Stuart, Stewart), королев. династия в Шотландии (1371—1714) и Англии (1603—1649, 1660—1714) 61
Субботин Николай Иванович (1827—1905), докт. богословия (1874), расколовед; проф. истории и обличения рус. раскола в Моск. духов. Академии (1870—1893) 208, 209, *747, 748*
Суворин Алексей Сергеевич (1834—1912), изд. газ. «*НВр*» (с 1876), журн. «*ИВ*» (с 1880), адрес. книг и др.; журналист, публицист, прозаик, театр. критик *686, 743, 762, 784, 816*
Суворов (Суворов-Рымникский) Александр Васильевич (1729 или 1730—1800) *723*
Сулейман I Великолепный (1494—1566), десятый султан Осман. империи (с 1520) 104, *722*
Сумароков Александр Петрович (1717—1777), драматург-классицист, поэт и прозаик 389
Суханов Николай Евгеньевич (1851—1882), революционер-народоволец, лейтенант флота; был расстрелян за участие в цареубийстве *807*
Сытин Иван Дмитриевич (1851—1934), предприниматель, книгоиздатель *775*

Таксиль Лео (Léo Taxil, наст. имя Мари Жозеф Габриэль Антуан Жоган-Пажес, Jogand-Pagès; 1854—1907), фр. писатель, журналист, обществ. деятель 518, *853*
Талейран (Талейран-Перигор, Talleyrand-Périgord) Шарль Морис де (1754—1838), фр. политик и дипломат 407, *786*
Тамерлан (Тимур; 1336—1405) 407
Тарасов Иван Трофимович (1849—1929), юрист, экономист *823*
Тахо-Годи Елена Аркадьевна (р. 1967), литературовед, историк философии, поэт, прозаик *689*
Теккерей (Thackeray) Уильям (1811—1863), англ. прозаик *698*
Тесля Андрей Александрович (р. 1981), социолог, историк *704, 709, 796, 851*

Тиблен Николай Львович (1834—1888), петербургский издатель и типограф (1860-е), затем работал в Англии и Америке *756*

Тимашев Александр Егорович (1818—1883), ген.-адъютант, ген. от инфантерии; нач. Штаба корпуса жандармов, управ. III Отд-нием Собств. Его Имп. Величества Канцелярии (1856—1862), временный ген.-губернатор Казанской, Вятской и Пермской губ. (1861—1864); чл. Гос. совета (с 1867); министр почт и телеграфа (с 1867), внутр. дел (1868—1878) 488, *812*

Тимирязев Климент Аркадьевич (1843–1920), естествоиспытатель, специалист по физиологии растений, исследователь фотосинтеза *701*

Титов Андрей Александрович (1844—1911), этнограф, палеограф, предприниматель, специалист по древностям Ростова и округи 406, *790*

Тихменев Н., владелец типографии в Петербурге (1850—1860-е) *744*

Тихомиров Лев Александрович (1852—1923), мыслитель, религ. публицист, мемуарист; рев. народник (до 1888) *703, 804*

Ткачев Петр Никитич (1844—1886), лит. критик, публицист, идеолог якобинского направления в народничестве *776*

Толстой Дмитрий Андреевич (1823—1889), граф; обер-прокурор Св. Синода (1865—1880), министр нар. просвещения (1866—1880) и внутр. дел (с 1882); историк 387, *782, 808, 809, 820, 834*

Толстой Константин Константинович (1842—1913), врач, публицист, автор газ. «Русь» 619, 620, *842, 853*

Трепов Федор Федорович (1812—1889), ген.-адъютант (1867), ген. от кавалерии (1878); с.-петерб. обер-полицмейстер (с 1866), с.-петерб. градоначальник (1873—1878) *812*

Троицкий Николай Алексеевич (1931—2014), историк, специалист по проблемам революц. движения и Отеч. войны 1812 г. *807, 831*

Трубников Константин Васильевич (1829—1904), журналист, издатель, промышленник, инициатор первого русского телеграфного агентства 191, 192, *743, 744*

Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883) 117, 340, 343, 344, 392, 535, 627, *724, 732, 770–772, 785, 795, 823, 841, 843, 844*

Тучкова-Огарева Наталья Алексеевна (1829—1913), мемуаристка; жена Н. П. Огарева (1849—1856), впоследствии гражданская жена А. И. Герцена *728*

Тьер (Thiers) Луи Адольф (1797—1877), фр. полит. деятель, историк; первый президент Третьей республики (1871—1873) 287

Тэн (Taine) Ипполит Адольф (1828—1893), фр. философ-позитивист, эстетик, историк, психолог 541, 551–553, 556, *826, 827*

Тютчев Федор Иванович (1803—1873) 358, 540, *687, 688, 692, 696, 703, 777, 778, 781, 795, 802, 819, 824, 833*

Тютчева А. Ф. — см. *Аксакова А. Ф.*

Тютчева Дарья Федоровна (1834—1903), камер-фрейлина, старшая дочь поэта от первого брака (с баварской графиней Элеонорой Ботмер); сестра А. Ф. Аксаковой *686*

Уваров Сергей Семенович (1786—1855), граф; министр нар. просвещения (1833—1849), през. Акад. наук (с 1818) *846*

Уголино делла Герардеска (Ugolino della Gherardesca; ок. 1220—1289), граф; свергнутый правитель Пизы, глава гвельфской партии *773*

Уоллес (Wallace) Мекэнзи (Маккензи) Дональд (1841—1919), шотланд. писатель-путешественник, журналист, иностр. корреспондент англ. газ. «The Times» 599, *837*

Урусов Александр Иванович (1843—1900), князь, юрист, правовед, адвокат и судеб. оратор *771*

Урусов Сергей Николаевич (1816—1883), князь; сенатор, статс-секретарь, главноуправл. Вторым отд-нием (1867—1881) *830*
Успенский Глеб Иванович (1843—1902), прозаик, публицист 446, *798, 799*
Успенский Петр Гаврилович (ок. 1847—1881), студент Моск. ун-та, зав. книж. магазином, нечаевец *826*
Устрялов Николай Герасимович (1805—1870), историк, археограф, проф. С.-Петерб. ун-та (с 1834) 155, *738, 845*
Утин Евгений Исаакович (1843—1894), либеральный адвокат, публицист 446

Фабриций (Гай Фабриций Лусцин, Gaius Fabricius Luscinus; ок. 313 — после 275 до н. э.), рим. полит. деятель; один из символов староримских добродетелей 570
Фадеев Ростислав Андреевич (1824—1883), ген.-майор, воен. историк, публицист; противник реформ имп. Александра II, сторонник панславизма 608, 618, *839, 841*
Фальк Густав Германович (1855—1924), владелец типографии в Ярославле, обществ. деятель *823*
Федор III Алексеевич (1661—1682), русский царь (с 1676) 238
Федоров Денис Александрович (р. 1976), журналист, историк 2–4
Федоров Иван (ок. 1520—1583), один из первых рус. книгопечатников *834*
Феофан (в миру Элеазар Прокопович; 1681—1736), архиеп. Новгородский и Великолуцкий (с 1725), духов. писатель; сподвижник Петра I 335
Фет Афанасий Афанасьевич (первые 14 и последние 19 лет жизни официально носил фам. Шеншин; 1820—1892) *817*
Фетисенко Ольга Леонидовна (р. 1971), литературовед *685*
Филарет (в миру Василий Михайлович Дроздов; 1782—1867), святитель, духов. писатель, экзегет, проповедник; митрополит Московский и Коломенский (с 1826) 634, *736, 846*
Филарет (в миру Федор Никитич Романов (Романов-Юрьев); ок. 1553/1554—1633), патриарх Московский и всея Руси (1619—1633), отец царя Михаила Федоровича 236, 237
Филострат — см. *Флавий Филострат II*
Флавий Филострат II (Φλάβιος Φιλόστρατος; ок. 170—247) — античный писатель, представитель второй софистики *690*
Флобер (Flaubert) Гюстав (1821—1880), фр. романист 340, 341, *770, 771, 852*
Фонвизин (Фон-Визин) Денис Иванович (1745—1792) 108, 219, 255, 347, 496, 497, 501, *723, 815*
Франциск I (François Ier; 1494—1547), король Франции (с 1515), основатель ангулемской ветви династии Валуа 283
Фридрих (Friedrich) II Великий (1712—1786), прусский король (с 1740), из династии Гогенцоллернов; полководец, меценат 477, *809*
Фурнье (Fournier) Марк Жан Луи (1818—1879), фр. драматург, театр. деятель и журналист *755*
Фурсова Екатерина Борисовна, политолог, историк *703*
Фурье (Fourier) Шарль (1772—1837), фр. социолог, социалист *720*

Халтурин Степан Николаевич (1856—1882), рабочий, революционер-террорист *807*
Хан М. А., петерб. типограф (1860—1880-е) *781*
Харламов Иван Николаевич (1854—1887), владимирский публицист, автор очерков о церк. расколе *801*
Хашетт (Hachette) Луи Кристоф Франсуа (1800—1864), фр. издатель (с 1826) *786*

Хвощинская (в замуж. Зайончковская) Надежда Дмитриевна (псевд.: В. Крестовский и др.; 1824 или 1825—1889), прозаик, лит. критик, поэт *773*

Хенниг фон Йессен (Hennig von Jessen) Христиан (1649—1719), пастор из г. Вустров в княжестве Люнебург; этнограф и лингвист, составитель немецко-полабского словаря (1817, оп. 1959) *689*

Хованский Большой Иван Андреевич (?—1621), князь; воевода, боярин 236

Хомяков Алексей Степанович (1804—1860) 5, 11, 24, 28, 96, 161, 176, 179, 180, 313, 343, 392, 395, 407, 409, 411, 423, 428, 534, 536, 594, 598, 640, *685, 693–695, 698, 703, 718–720, 724, 727, 735, 740–742, 745, 751, 754, 755, 764, 766, 768, 773, 785, 790–792, 794, 796, 801, 811, 819, 823, 824, 834, 835, 838, 848*

Хотьковский Иван Васильевич, кандидат прав, преподаватель Моск. ун-та, изд.-ред. газ. «Смолен. Вестник» *789*

Христос — см. *Иисус Христос*

Хрулев Степан Александрович (1807—1870), ген.-лейтенант, участник Польской (1831) и Венгерской (1849) кампаний, Среднеазиатских походов, осады Силистрии (1854), главнокомандующий морскими и сухопут. силами в Крыму (1855) *836*

Цимбаев Николай Иванович (р. 1946), историк, исследователь славянофильства *685, 703, 707, 711, 712*

Цицерон (Марк Туллий Цицерон, Marcus Tullius Cicero; 106—43 до н. э.), др.-рим. полит. деятель, оратор и писатель *837*

Цынский Лев Михайлович, ген.-майор, московский обер-полицмейстер (1833—1845) *698*

Чадаев (Чаадаев) Петр Яковлевич (1794—1856), писатель, философ, публицист, авт. «Философич. писем» (1828—1830), «Апологии сумасшедшего» (1837) 497, 615, *840*

Чайковский Петр Ильич (1840—1893) 378, 379, *780*

Чарторыжские (Чарторыйские), князья, род волынских западнорусских магнатов 191, *744*

Чарторыжский (Чарторыйский) Адам Ежи (Адам Адамович) (1770—1861), князь; польск. магнат, министр иностр. дел России (1804—1806), попечитель Виленского учеб. Округа (1803—1823); глава Польск. нац. правительства (1830); мемуарист 132, 301, *733, 761*

Чарторыжский (Чарторыйский, Czartoryski) Константы Мария (1822—1891), князь; дипломатический агент Польского комитета в Стокгольме (1863) 118, 119, *728*

Чевкин Константин Владимирович (1802—1875), ген.-адъютант; главноуправл. путей сообщения (с 1853), пред. Деп-та гос. экономии Гос. совета (с 1862), пред. Комитета по делам Царства Польского (1872—1874) *701*

Черкасский Владимир Александрович (1824—1878), князь; историк, публицист-славянофил; чл.-эксперт Редакц. комиссий по крестьян. делу (1859—1860), председательствующий в Комиссии внутр. и духов. дел Царства Польского (1864—1866), моск. гор. голова (1868—1870), глава Красного Креста (1877—1878) 359, 586, *777, 833*

Чернышевский Николай Гаврилович (1828—1889) 435, *692, 696, 715, 790*

Черняев (Черняев-Ташкентский) Михаил Григорьевич (1828—1898), ген.-лейтенант, нач. Особого зап.-сибир. отряда (1863—1866), ред.-изд. газ. «Рус. Мир» (1873—1878), командующий Серб. армией (1877—1878), ташкент. ген.-губернатор (1882—1884) 391, 500, *784, 816*

Чингисхан (Чингис-Хан, Тэмуджин, Темучин; ок. 1155—1227) 407

Чистович Иларион Алексеевич (1828—1893), проф. истории и психологии С.-Петерб. духов. академии, докт. богословия (1871); церк. историк *713*

Чичерин Борис Николаевич (1828—1904), правовед, философ-гегельянец, историк, публицист; гласный тамб. земства, кирсановский земский дир. Тамбовско-Саратовской желез. дороги, моск. гор. голова (1881—1883), мемуарист 28, 29, 33, 40, 42, 44, 439, 464–470, 650–653, 655, 656, 658, *692, 696, 698, 701, 702, 704, 706, 707, 803, 804, 852*

Ша (Chas) Жан (1750—1830), фр. историк *757*
Шадурский, дворянин, помещик Витебской губ. 141
Шапю (Chapu) Анри Мишель Антуан (1833—1891), фр. скульптор *771*
Шарпантье (Charpentier) Жорж (1846—1905), фр. издатель и писатель *825*
Шатобриан (Châteaubriand) Франсуа Рене де (1768—1848), виконт; фр. писатель *795*
Шаховской Александр Александрович (1777—1846), князь; драматург, театр. деятель *833*
Шведов Владимир Юрьевич, издат. редактор *685*
Шевченко Тарас Григорьевич (1814—1861) 506, *817*
Шевырев Степан Петрович (1806—1864), поэт, лит. критик, журналист; проф. рус. и всеобщ. словесности Моск. ун-та (с 1837), историк лит-ры, академик (1852) 638, *847*
Шедо-Ферроти (D. K. Schédo-Ferroti; наст. имя барон Федор Иванович Фиркс; 1812—1872), полит. публицист 280, 283, *757, 758*
Шекспир (Shakespeare) Уильям (1564—1616) 507, *817*
Шеллинг (Schelling) Фридрих Вильгельм фон (1775—1854), нем. философ 176
Шервуд Владимир Осипович (Иосифович) (1832—1897), живописец, архитектор, скульптор 439, *852*
Шехтмейстер И., типограф г. Староконстантинова Волынской губ. *831*
Шешковский (Шишковский) Степан Иванович (1727—1794), тайный советник (1791), секретарь Тайной канцелярии, с 1867 заведовавший Тайной экспедицией 82, 683, *713*
Шиллер (Schiller) Фридрих (1759—1805) 55, 353, 427, *772, 773, 775, 795*
Шишковский — см. *Шешковский С. И.*
Шлёцер (Schlözer) Август Людвиг (1735—1809), нем. историк, филолог; на рус. службе (с 1761), проф. Геттингенского ун-та (с 1768)
Шлёцер (Schlözer) Август Людвиг фон (1735—1809), нем. историк, публицист и статистик; в 1761—1767 гг. служил в Петербурге *766, 835*
Шмидт (Schmidt) Иоганн Адольф Эрдманн (1769—1851), нем. лексикограф, профессор русского и новогреческого языков при Лейпцигском ун-те 132, *733*
Шопенгауэр (Schopenhauer) Артур (1788—1860), нем. философ-иррационалист 345, 348
Штейн (Stein) Лоренц фон (1815—1890), нем. философ-гегельянец, правовед, историк, экономист, автор идеи социального государства *703*
Штелин (Staehlin) Яков Яковлевич (1709—1785), гравер, картограф, медальер; мемуарист *845*
Штраус (Strauss) Давид Фридрих (1808—1874), нем. историк, философ, публицист, представитель отрицат. критики в теологии *804*
Шувалов Григорий Петрович (с 1856 о. Августин-Мария; 1804—1859), граф; в молодости офицер Гусарского полка, в Париже под влиянием бесед с И. С. Гагариным в 1843 г. принял католицизм, а затем монашество в ордене барнабитов 118, *727*
Шувалов Петр Андреевич (1827—1889), гр., ген.-адъютант (1871), ген. от кавалерии, чл. Гос. совета (с 1874); с.-петерб. обер-полицеймейстер (с 1857), дир. Деп-та общих дел Мин-ва внутр. дел (с 1860), остзейский ген.-губернатор (с 1864), шеф жандармов

(с 1866), чрезвыч. и полномоч. посол в Англии (1874—1879), представитель России на Берлин. конгрессе (1878) 141, *736*

Шульце (Schultze) Ян Парум (1677—1740), староста славянской деревни Зютен в окрестностях г. Люхов в княжестве Люнебург; один из последних носителей полабского языка, автор полабского словарика и этнографических записей (оп. 1856) *689*

Щапов Афанасий Прокофьевич (1831—1876), либеральный историк раскола, этнограф; проф. Казанских духов. академии (бакалавр с 1856) и ун-та (с 1860), чиновник Мин-ва внутр. дел (1861—1862), сотрудник журн. *«ОЗ»*, *«РСл»*, «Время», «Век» и др. С 1864 в ссылке в Иркутске *720, 801*

Щеголев Павел Елисеевич (1877—1931), историк литературы, ред. журн. «Былое» («Минувшие годы») (1905—1907, 1917—1927) *747*

Щедрин — см. *Салтыков-Щедрин М. Е.*

Щербакова Марина Ивановна, литературовед, текстолог *685*

Щербань Николай Васильевич (1834—1893), журналист и публицист; ред. газеты «La Nord» *725, 726*

Щербатов Григорий Алексеевич (1819—1881), князь; попечитель С.-Петерб. учеб. округа (1856—1858), петерб. губерн. предводитель дворянства (1861—1864), публицист *756*

Щербинин Михаил Павлович (1807—1881), сенатор (с 1856), историк, мемуарист; пред. Моск. цензур. комитета (с 1860), нач. Главн. упр-ния по делам печати (1865—1866) *697, 699, 701, 707, 709, 710, 712*

Эдип (Οἰδίπους), в др.-греч. мифологии царь Фив 535, *823*

Эзоп (Αἴσωπος; ок. 600 до н. э.), легендарный др.-греч. поэт-баснописец *773, 800, 818, 824, 835*

Энгельгардт Александр Николаевич (1832—1893), публицист-народник и агрохимик *773*

Эпштейн Израиль, староконстантиновский купец, благотворитель 576, *831*

Эртель Александр Иванович (1855—1908), прозаик, либеральный публицист 488, 489, 491, 575, *799, 812, 831*

Эфрон (псевд. Литвин) Савелий Константинович (1849—1925), прозаик, драматург, публицист *780*

Ювенал (Децим Юний Ювенал, Decimus Junius Juvenalis; ок. 60 — ок.127), др.-рим. поэт-сатирик 473, *778*

Юзов И. (наст. имя Иосиф Иванович Каблиц; 1848—1893), публицист-народник, авт. трактата «Основы народничества» (1882) 454, *801*

Юматов Николай Николаевич, публицист, ред.-изд. газет «Рус. Листок» (с 1862), «Весть» (с 1863), *«НВр»* (1868—1872) 199, *738, 746, 747*

Юркевич Памфил Данилович (1826—1874), философ-идеалист, педагог 130, *732*

Юрьев Сергей Андреевич (1821—1888), критик, издатель, пред. О-ва любителей рос. словесности (с 1878) 423, 424, 468, *789, 790, 794, 805*

Явленская Софья Владимировна, переводчица с фр. и нем. языков; библиограф *733*

Языков Николай Михайлович (1803—1846), поэт, близкий к славянофилам 369

Яков II (James II) Стюарт (1633—1701), король Англии, Шотландии и Ирландии (с 1685), последний британский король-католик *706*

Ямпольский Исаак Григорьевич (1903—1991), литературовед *699*

Янсон Юлий Эдуардович (1835—1893), экономист и статистик *806*

Ярослав I Владимирович (Ярослав Мудрый, в крещении Георгий; ок. 978—1054), вел. князь 71, 300, 602, 616, 663, *761, 838*

Charpentier Georges — см. *Шарпантье Ж.*

Fournier Marc — см. *Фурнье М. Ж. Л.*

Girardin Émile de — см. *Жирардин Э. де*

Hachette Louis — см. *Хашетт Л. К. Ф.*

Klier John Doyle — см. *Клир Дж. Д.*

Laveleye Émile — см. *Лавеле Э. де*
Lévy Michel — см. *Леви М.*

Minghetti Marco — см. *Мингетти М.*
Montlosier F. — см. *Монлозье Ф. де*

N. (псевд.), либеральный публицист, автор газ. «Голос» (1881) *785*

Palluel André — см. *Палюэль А.*

Reybaud Louis — см. *Рейбо Л.*

Staehlin Jacob von — см. Штелин Я. Я.

Taine Hippolyte Adolphe — см. *Тэн И. А.*

Y (псевд.) — см. *Гагемейстер Ю. А.*

Zanichelli Nicola — см. *Заничелли Н.*

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ Б. Ф. ЕГОРОВА

3 октября 2020 г., когда только начиналась работа над вторым томом Собрания сочинений И. С. Аксакова, не стало Бориса Федоровича Егорова — главного редактора издания, выдающегося русского литературоведа и культуролога, который на протяжении последних семидесяти (!) лет плодотворно работал во славу отечественной науки и своими трудами снискал известность далеко за пределами нашей страны.

К концу 1960-х гг. он был уже достаточно известен исследованиями о Добролюбове, Чернышевском, Белинском, Ап. Григорьеве, М. Л. Михайлове, Некрасове и ряде малоизученных литературных критиков середины XIX в. Тогда, в 1969 г., в журнале «Вопросы литературы» была начата дискуссия, посвященная литературно-эстетической программе раннего славянофильства. Принял в ней участие и 43-летний профессор из Ленинграда Б. Ф. Егоров. «Давно пора всерьез заняться славянофилами. Проблема эта жива...» — таким призывом он начал свою статью «Проблема, которую необходимо решать» (Вопросы литературы. 1969. № 5. С. 128), фактически объявив бой царившим тогда в гуманитарной науке упрощению, искажению и вульгаризации этого идейного направления. Он констатировал: «Славянофилов именовали и крепостниками, и либеральными буржуа, и демократами. Таких разноречивых мнений, кажется, не было высказано ни об одном общественном явлении» (Там же. С. 128—129).

В своей статье он просто и ясно раскрыл свой взгляд на природу славянофильства. Этот взгляд не имел отношения к марксистской методологии, а базировался на изучении трудов авторитетных дореволюционных исследователей: Н. П. Барсукова, С. А. Венгерова, В. Н. Ясковского, В. В. Завитневича, о. Павла Флоренского и др. (их имена, впрочем, вынужденно не назывались), а также, конечно, на внимательном чтении самих первоисточников — сочинений А. С. Хомякова, И. В. Киреевского, Ю. Ф. Самарина, К. С. и И. С. Аксаковых.

Отныне Борис Федорович стал восприниматься как один из ведущих специалистов по славянофильству, фактически призвавший освободить это явление от не выдерживающих критики догм и прочих идеологизированных ярлыков-наростов и изучать его ab ovo — непредвзято и ответственно. И прежде всего ставилась задача издания трудов славянофилов, что для советской цензуры в тот период было почти столь же неприемлемо, как, например, и обнародование сочинений белоэмигрантов или диссидентов. Явная несправедливость запретов и необходимость отстаивания позиций науки сыграли свою роль в том, что Б. Ф. Егоров стал, говоря высоким слогом, рыцарственно служить вечно гонимым (как в XIX-м, так и в XX веке) славянофилам, разумеется не идеализируя их, но стремясь честно исследовать их труды и жизненный путь.

Любимым его писателем-славянофилом был А. С. Хомяков, и Борис Федорович к концу 1980-х гг. представил корпус художественного и публицистического наследия основоположника славянофильства, который заслуженно был

Борис Федорович Егоров.
Фотопортрет работы К. В. Ивановой. 2016

признан научным сообществом собранием канонических текстов писателя-классика. Творчеством И. С. Аксакова он так сосредоточенно не занимался, но посвятил ему и его окружению две яркие статьи — «Добролюбов об Аксаковых» (Абрамцево: материалы и исследования. М., 1989. Вып. 2. С. 14—16) и «Последний год “Русской Беседы”» (*«Русская «Беседа»*. С. 236—246), не считая метких оценок и упоминаний в нескольких общих статьях о славянофильстве.

Борис Федорович, воспитанник петербургской филологической школы, был наделен особым даром. Опираясь на изучение забытых книг, малоизвестной периодики, архивных материалов и обладая поразительной неутомимостью в творческом поиске, он постоянно открывал неведомые дотоле литературные и исторические факты и на их основании возводил убедительные теоретические обобщения. При этом его суждения всегда заключены в талантливые, запоминающиеся формулировки, нередко парадоксальные, обладающие художественным эффектом. Не удивительно, что они продолжают оказывать стимулирующее влияние на ход историко-литературной мысли. Например, в упомянутой статье «Последний год "Русской Беседы"» Борис Федорович так наметил идейную эволюцию будущего главы славянофильской школы, хранителя ее традиций и продолжателя дела основоположников: «...И. Аксаков в середине 1850-х гг. был единственно "радикальным", чуть ли не прозападным, из всего славянофильского лагеря и очень раздражался по поводу консерватизма "ста́рших"» (Там же. С. 237).

Б. Ф. Егоров всецело поддержал идею издать «полного» Ивана Аксакова и, согласившись принять на себя общее руководство изданием, много помогал советами, рекомендациями, консультациями. И первым делом за символическую сумму передал нам (фактически подарил) семитомник 1886—1887 гг. — «исторический» экземпляр, который, судя по печатям, изначально состоял на учете в Канцелярии санкт-петербургских градоначальников, а после 1917 г. поступил в Библиотеку органов ГПУ в Петрограде при Клубе им. т. Урицкого. Когда книги были списаны и попали в руки букинистов, их и приобрел Борис Федорович.

Несмотря на кончину ученого, еще рано подводить черту и делать окончательные выводы. Еще предстоит детально осмыслить вклад Б. Ф. Егорова в исследование литературной деятельности славянофилов вообще и И. С. Аксакова в частности, — ведь это исследование осуществлялось им многоаспектно, всесторонне и широкомасштабно, во взаимосвязях с их современниками, предшественниками и продолжателями, в движении и эволюции. Талантливые труды ученого выглядят как выдающиеся новаторские произведения, в которых сказано значимое слово о славянофилах и во многом по-новому трактуется жизнь русского человека XIX в.

Нам же предстоит приложить все силы, чтобы не уронить планку, заданную нашим учителем, и достойно продолжить проекты, инициированные им и начатые под его руководством и при его всемерном содействии, и в том числе Собрание сочинений И. С. Аксакова.

А. П. Дмитриев

СОДЕРЖАНИЕ*

	Текст	Комментарий
<*Н. П. Гиляров-Платонов*>. Предисловие <к первому изданию>	5	*686*
<*Р. С. Россоловский*>. Несколько слов по поводу второго издания	6	*686*

СТАТЬИ ИЗ ГАЗЕТЫ «ДЕНЬ»
(1861—1865)

1861

<Возврат к народной жизни путем самосознания>	9	*686*
<Отчужденность интеллигенции от народной стихии>	12	*689*
<Народный отпор чужестранным учреждениям>	14	*690*
<Доктрина и органическая жизнь>	18	*691*
* <Честное печатное слово и изворотливая речь>	22	*693*

1862

* <Правительственная воля и свобода частного мнения>	26	*694*
<Русский прогресс и русская действительность>	30	*696*
* <О дисциплине и свободе>	33	*697*
* <О бюджете>	37	*699*
* <Дворянство как сословие с правами, но без обязанностей>	40	*701*
<О взаимном отношении народа, государства и общества>	47	*703*
<Статья 1. Нам недостает силы общественной>	47	*704*
<Статья 2. Общество есть народ самосознающий>	50	*704*
<Статья 3. Орудие общества — свободное слово>	55	*705*
<Статья 4. Без общества бессилен народ и несостоятельно государство>	60	*706*
<Статья 5. Исторические судьбы земства на Руси>	67	*707*
* <Статья 6. История земства от эпохи самодержавия Москвы до правления Петра I>	73	*709*
* Примечание к статье «Дворянин-старовер Кравков»	80	*711*
<О благотворительности по русскому народному понятию>	83	*714*
<Петербург и Москва>	88	*715*
<Петербург или Киев?>	92	*716*
<О лженародности в литературе 60-х годов>	98	*719*

1863

<В чем сила народности?>	104	*721*
Письма Касьянова в редакцию газеты «День»	108	*722*
Из Парижа (*письмо в редакцию*)	108	*723*
Из Парижа (*письмо II*)	111	*724*
Из Парижа (*письмо III*)	116	*726*

* Звездочками (*) отмечены произведения, впервые включенные в Собрание сочинений И. С. Аксакова и не входившие в предшествующее издание в семи томах (М., 1886—1887).

Из Баден-Бадена (*письмо IV*) ... 121 *729*
Из Парижа (*письмо V*) ... 128 *731*
* Новые диковинки петербургского литературного прогресса ... 133 *733*
* Из Финляндии (*письмо к редактору*) ... 134 *733*
<Как России готовиться к войне> ... 138 *735*
<Народное одушевление во время польских смут> ... 143 *736*
<В чем сила России?> ... 147 *737*
<Отчего безлюдье в России?> ... 151 *738*
<О необходимости личного подвига для преуспеяния гражданской жизни> ... 158 *739*
<О связи нашего общественного внутреннего вопроса с польско-русскою задачей> ... 165 *739*

1864

<О значении областной России и необходимости областной печати> ... 170 *740*
<Отношение между школой и жизнью в России> ... 175 *740*
<О штатс-воспитании в России> ... 181 *741*
<И рады бы в рай, да грехи не пускают> ... 186 *742*
<Где органическая сила России?> ... 189 *743*
<В чем недостаточность русского патриотизма?> ... 195 *745*
<Об абсентеизме русского дворянства> ... 200 *747*
<Духа не угашайте!> ... 206 *747*
<Условия государственного единства и силы> ... 211 *748*

1865

<Еще о лженародности> ... 217 *749*
<О деспотизме теории над жизнью> ... 224 *750*
<О праве челобитных в древней Руси> ... 236 *751*
<«Идеалы "Дня"» по «Современной Летописи»> ... 241 *752*
<Игнорирование основ русской жизни нашими реформаторами> ... 247 *754*
<В чем залог истинного развития и единства России?> ... 252 *754*
<Отчего так нелегко живется в России?> ... 259 *755*

СТАТЬИ ИЗ ГАЗЕТ «МОСКВА» И «МОСКВИЧ»
(1867—1868)

1867

<Программа газеты «Москва»> ... 267 *756*
<Имеет ли смысл понятие об «аристократизме» и демократизме в России?> ... 271 *756*
<Что и кого охранять по программе «Вести»?> ... 274 *757*
<Как понимает газета «Весть» собственные свои строки> ... 277 *757*
<Программа «Вести» о примирительном начале в России> ... 280 *757*
<Два государственных типа: народно-монархический и аристократически-монархический> ... 285 *758*
<Не пора ли России перестать малодушествовать перед Европою?> ... 289 *759*
<Что значит: «Россия для русских» по смыслу «Вести»?> ... 294 *760*
<Отчего Россия так мало способна к обрусению своих окраин?> ... 298 *760*

1868

<Полемика с немецкими журналами Петербурга> ... 303 *761*
<О нашей смиренности по отношению к западной прессе> ... 308 *763*
<О смертной казни> ... 312 *764*
<О лжеконсерватизме паразитного русского мира> ... 317 *765*
<Откуда слабость русских общественных сил?> ... 322 *766*

СТАТЬИ ИЗ ГАЗЕТЫ «РУСЬ» (1880—1885)

1880

<О казенщине> ... 329 *767*
<О казенщине в церковном строе> ... 335 *769*
* Курьез или «раритет»? ... 340 *770*
<По поводу брошюры «К истории русского нигилизма»> ... 342 *771*
<К молодежи нужно относиться честно, любить ее> ... 349 *774*
<«Обрести» должно, а не «изобрести», русскую, живую формулу жизни> ... 354 *776*

1881

<Имеется ли работа на Руси?> ... 360 *777*
<Что тормозит «Русь»?> ... 366 *778*
* <Достоевский умер! Потеря незаменимая!..> ... 372 *779*
<По поводу смерти Достоевского> ... 373 *779*
<По поводу одного духовного концерта> ... 378 *780*
* <Н. П. Гиляров-Платонов и В. В. Комаров о «Петербургском периоде» русской истории> ... 384 *781*
* Наша печать (4 апреля 1881 г.) ... 386 *782*
* Наша печать (18 апреля 1881 г.) ... 388 *782*
* Наша печать (25 апреля 1881 г.) ... 391 *783*
* <Примечания к «Записке К. С. Аксакова "О внутреннем состоянии России", представленной Государю Императору Александру II в 1855 г.»> ... 395 *786*
* <Газета «Голос» о чувстве личного достоинства как «даре западного просвещения»> ... 396 *787*
* <Об отрицании газетой «Порядок» русской народной самобытности> ... 399 *788*
* <Лжелиберальная интеллигенция как класс доктринеров, презирающий народ и стремящийся им командовать> ... 401 *788*
<Ответ г. Градовскому на его разбор «Записки» К. С. Аксакова> ... 409 *790*
* <Гоголь был удивительное явление!> ... 418 *793*
* <Искажение газетой «Порядок» мыслей и слов оппонентов в партийных интересах> ... 419 *794*
* <Отрицание самобытности русского народа в журнале «Русская Мысль»> ... 421 *794*
<«О жизни мудрствуем, а жизнью не живем»> ... 425 *795*

1882

<Все мы равно виноваты> ... 432 *796*
* <К избранию Б. Н. Чичерина московским городским головой> ... 439 *797*
* <Вопрос о столице выдвинут на ближайшую очередь> ... 440 *797*
<«Не разнуздывайте зверя!»> ... 442 *797*
<Программа наших либералов> ... 449 *799*
<Две годовщины> ... 458 *802*
<По поводу речи городского головы Чичерина> ... 464 *803*
<По поводу политического убийства в Одессе> ... 471 *806*
* <По поводу увольнения графа Н. П. Игнатьева от должности министра внутренних дел> ... 476 *808*
<Немецкие газеты и «Голос»> ... 477 *809*
* Мнение шведов о русских и России ... 483 *810*
<Посещение Москвы Государем> ... 485 *810*
<Опасны ли наши либералы как политическая партия?> ... 487 *811*
<Madame Пузина> ... 496 *815*
<Где и что болит у нас?> ... 504 *817*

<Нам нужно иметь готовность делать скромную и скучную работу каменщика: *обозрение 1882 года*> ... 512 *818*
* <Леон Гамбетта как носитель идеи патриотизма> ... 517 *821*

1883

<Не «рожа крива», а криво самое зеркало> ... 519 *821*
<Петербург — великий сочинитель> ... 531 *823*
<В чем наше историческое назначение?> ... 537 *823*
<Культурное одичание нашего века> ... 547 *825*
* <Критика «Руси» в «С.-Петербургских Ведомостях» как «мошенничество печати» и «обращик идиотизма»> ... 555 *827*
<Цивилизация и христианский идеал> ... 557 *827*
<Мы молоды, еще очень молоды> ... 567 *828*
<Повернула ли Россия от фразы к делу?> ... 576 *831*

1884

<Мы глупы и бедны> ... 586 *832*
* <По поводу похвал лжелиберального «Русского Курьера» в адрес газеты «Русь»> ... 597 *834*
<Где границы государственному росту России> ... 599 *836*
<Всемирно-историческое призвание России> ... 609 *839*
Примечания к статье К. К. Толстого «Этюды господствующего мировоззрения» ... 619 *842*
<Отсутствие исторических традиций в наших правительственных учреждениях> ... 622 *842*
<По поводу открытия школы в Павловском посаде> ... 634 *846*

1885

<О трех Россиях> ... 636 *846*
<Царь в Киеве> ... 642 *847*
* Заметка редактора <на открытое письмо В. О. Португалова> ... 644 *848*

*** ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ. ВАРИАНТЫ. НАБРОСКИ**

<Честное печатное слово и изворотливая речь> ... 647 *849*
<Правительственная воля и свобода частного мнения> ... 649 *849*
<О Голландии> ... 651 *849*
<Дворянство как сословие с правами, но без обязанностей> ... 652 *849*
<О взаимном отношении народа, государства и общества> ... 659 *849*
<Статья 5. Исторические судьбы земства на Руси> ... 659 *849*
<Статья 6. История земства от эпохи самодержавия Москвы до правления Петра I> ... 665 *850*
I редакция ... 665 *850*
II редакция ... 674 *851*
Примечание к статье «Дворянин-старовер Кравков» ... 681 *851*

Список сокращений ... 684
Комментарии ... 686
Список иллюстраций ... 852
Аннотированный указатель имен ... 853

А. П. Дмитриев. Светлой памяти Б. Ф. Егорова ... 888

Утверждено к печати Ученым советом
Института русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук
(протокол № 4 от 3 июня 2019 г.)

Научное издание

Иван Сергеевич Аксаков
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ДВЕНАДЦАТИ ТОМАХ

Том 2
СЛАВЯНОФИЛЬСТВО И ЗАПАДНИЧЕСТВО

Составление: *А. П. Дмитриев*
Выпускающий редактор: *Д. А. Федоров*

Верстка: *С. В. Степанов*
Корректор: *Ю. А. Курбатова*
Художественное оформление: *С. А. Булычева*

Формат 70 × 100 $^{1}/_{16}$. Гарнитура Петербург.
Усл. печ. л. 56,00. Тираж 300 экз.

ООО «Издательство «Росток»
E-mail: rostokbooks@yandex.ru
По вопросам оптовых закупок
обращаться по тел.: 8–921–937–98–70

ИП «Варваркин А. И.»
199155, Санкт-Петербург, ул. Уральская, д. 17, корп. 3, оф. 4

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», «книга предназначена для детей старше 16 лет»

Впервые в наши дни издается Собрание сочинений Ивана Сергеевича Аксакова (1823—1886), выдающегося русского мыслителя, общественного деятеля, публициста, поэта, литературного критика, одного из вождей славянофильства и основоположников национально ориентированной идеологии.

Во второй том вошли произведения, посвященные взаимоотношениям русско-православной, национально ориентированной идеологии — с западнической, опирающейся на ценности и достижения католическо-протестантской цивилизации. Центральное место среди них занимают передовые статьи о русском мировоззрении, о месте России в европейском сообществе, о самобытном пути ее исторического развития. Ряд материалов — не пропущенные цензурой статьи, заготовки для передовиц, неизвестные редакции статей — извлечен из архивов и публикуется впервые.

Издание адресовано читателям, интересующимся историей русской консервативной и религиозной мысли и литературно-общественного движения 1840—1880-х гг.